This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HW P4CC G

Fr 1485.125

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

БИБЛИОТЕКА
РУССКОЙ ИСТОРИИ
А. Г. [illegible]

ГЕРОИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.
1899.

Fr 1485.125

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Императоръ Александръ I.
2. Императоръ Наполеонъ I.
3. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.
4. Князь Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.
5. Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.
6. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.
7. Графъ Михаилъ Андрѣевичъ Милорадовичъ.
8. Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ.
9. Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.
10. Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.
11. Генер.-маіоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ.
12. Генер.-отъ-кавалер. графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ.
13. Генер.-лейт. Иванъ Семеновичъ Дороховъ.
14. Генер.-лейт. Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1-й.
15. Генер.-маіоръ графъ Александръ Иванович Кутайсовъ.
16. Генер.-отъ-инфант. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ.
17. Генер.-лейт. Дмитрій Петровичъ Невѣровскій.
18. Генер.-отъ-инфант. графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ.
19. Генер.-маіоръ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 4-й.
20. Генер.-отъ-кавал. Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ.
21. Генер.-лейт. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.
22. Генер.-отъ-кавал. графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.
23. Генер.-лейт. Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ.
24. Дѣйств. тайн. совѣтникъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ 3-й.
25. Генер.-лейт. А. И. Михайловскій-Данилевскій.
26. Партизанъ Сеславинъ.

Дозволено цензурою 20-го іюля 1899 г.

Типографія журнала „Родина“ (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. домъ, № 114.

Sep. 27, 1933.

Minot Fund

Графъ Михаилъ Андреевичъ
МИЛОРАДОВИЧЪ.

Адмиралъ Павелъ Васильевичъ
ЧИЧАГОВЪ.

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
А. Г. СЫРКИНА
БИБЛИОТЕКА

Графъ Петръ Христіановичъ
ВИТГЕНШТЕЙНЪ.

Графъ Матвѣй Ивановичъ
ПЛАТОВЪ.

Генералъ-маіоръ
Яковъ Петро ичъ КУЛЬНЕВЪ.

БИБЛІОТЕКА
Русской Военной Гравюры
А. Г. Шенкина
в Москве

Генералъ-отъ-кавалеріи графъ
Александръ Петровичъ ТОРМАСОВЪ.

Генералъ-лейтенантъ
Иванъ Семеновичъ ДОРОХОВЪ.

Генер.-лейтенантъ
Николай Алексѣевичъ ТУЧКОВЪ 1-й.

Русский Библіографъ
А. Г. Сыромятниковъ
въ Вильнѣ

Генералъ-лейтенантъ
Карлъ Федоровичъ БАГГОВУТЪ.

Библіотека

Дѣйств. тайн. совѣтникъ
Павелъ Алексѣевичъ ТУЧКОВЪ 3-й.

Генералъ-лейтенантъ
А. И. МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ.

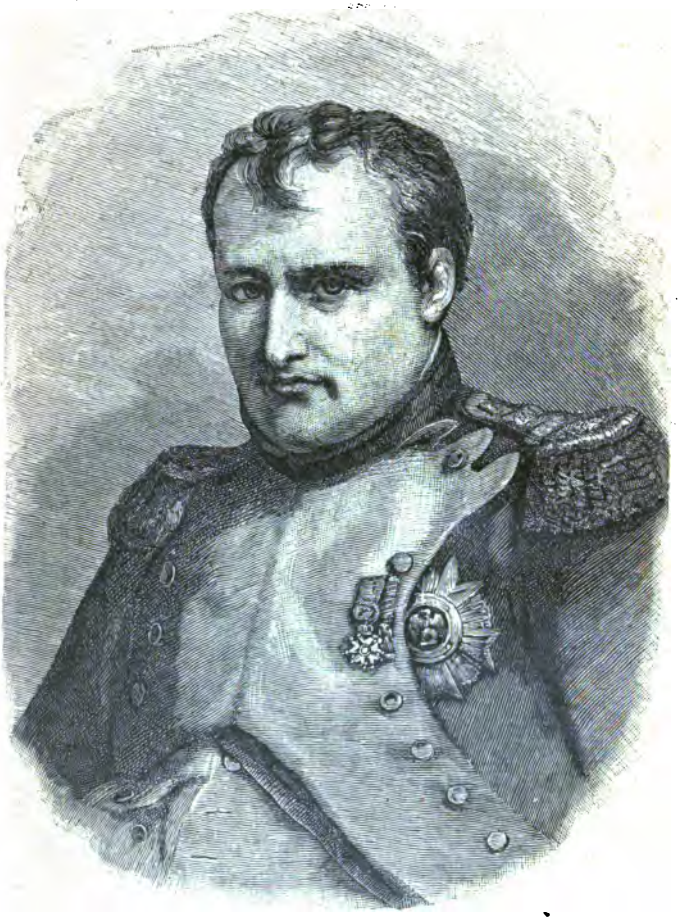
Партизанъ
СЕСЛАВИНЪ.

БИБЛІОТЕКА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.



Императоръ НАПОЛЕОНЪ I.

Князь Петръ Ивановичъ
БАГРАТІОНЪ.

Князь Михаилъ Илларіоновичъ
КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.

Михаилъ Богдановичъ
БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ.

Графъ Федоръ Васильевичъ
РОСТОПЧИНЪ.

Генералъ-маіоръ графъ
Александръ Ивановичъ КУТАЙСОВЪ.

Гене...-отъ-инфантеріи
Дмитрій Сергѣевичъ ДОХТУРОВЪ.

Генералъ-лейтенантъ
Дмитрій Петровичъ НЕВѢРОВСКІЙ.

Генер.-отъ-инфантеріи графъ
Петръ Петровичъ КОНОВНИЦЫНЪ.

БИБЛІОТ
РУССКОЙ ГЖЖИ
А. Г. СЫРЕ

Генералъ-маіоръ
Александръ Алексѣевичъ ТУЧКОВЪ 4-й.

Генер.-отъ-кавалеріи
Федоръ Петровичъ УВАРОВЪ.

Генералъ-лейтенантъ
Денисъ Васильевичъ ДАВЫДОВЪ

Ген.-отъ-кавалеріи графъ
Васил. Васил. ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ

1812—1815 г.,

составленное

по сочиненію

А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

С.-Петербургъ.
Книжный складъ «Родины», Лиговская ул. собств. д. № 114.
1899.

HARVARD COLLEGE
Sep 29. 1933
LIBRARY
Minot Fund

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го іюля 1899 г.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари),
Спб., Лиговская ул., собств. домъ, № 114.

Русск... А. Г. С...
въ Дерптѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Призванный волею монарха на трудъ описанія Отечественной войны г.-л. А. И. Михайловскій-Данилевскій выполнилъ, по мѣрѣ силъ, въ возможной полнотѣ, Августѣйшее повелѣніе, изобразивъ въ своемъ сочиненіи грозную и славную эпоху нашествія на Россію двадцати народовъ. Описывая только Отечественную войну, историкъ представилъ также обзоръ происшествій отъ Тильзитскаго мира до 1812 года, такъ какъ эти происшествія составляютъ необходимое, естественное вступленіе въ Отечественную войну. Безъ нихъ не будетъ полна и самая картина войны, такъ какъ въ продолженіе ея неоднократно являются случаи, гдѣ необходимо обращаться къ сношеніямъ Россіи съ чужестранными дворами.

Вскорѣ послѣ вторженія непріятелей въ наши предѣлы, театръ войны раздѣлился: главныя арміи потянулись въ глубь Россіи; боковыя остались на Волыни, въ Литвѣ, у Полоцка и Риги. Но война не ограничивалась мѣстами, гдѣ находились войска: столбовою дорогою изъ Ковно до Москвы, берегами Двины, путемъ изъ Луцка до Бреста, отъ Буга до Березины. Отечественная война была борьбою всей Имперіи Россійской съ Европою. Когда 300,000 нашихъ воиновъ бились съ толпами Запада, пятьдесятъ милліоновъ русскихъ не были праздными зрителями, сидѣвшими сложа руки, въ ожиданіи рѣшенія роковой брани о томъ: «кому быть, кому не быть?» Всѣ ополчались или готовы были ополчиться, положить животъ за Вѣру и Царя, не потерпѣть порабощенія! Потому невозможно отдѣлять военныя дѣйствія отъ того, что совершалось внутри Имперіи. Внутренняя жизнь Россіи въ 1812 году представляетъ зрѣлище великолѣпное. Пройти молчаніемъ общее воспламененіе душъ, повсемѣстныя усилія противъ грозившаго намъ иноплеменнаго ига, значило-бы отнять отъ войны 1812 года коренное ея достояніе, а у русскаго народа одно изъ первыхъ правъ на благоговѣніе потомства. Такимъ образомъ составленное г.-л. Михайловскимъ-Данилевскимъ описаніе Отечественной войны состоитъ изъ трехъ, неразрывно связанныхъ частей: дипломатической, военной, внутренней. Всѣ эти части получали направленіе и душу изъ одного источника, отъ одного Верховнаго Двигателя — императора Александра. Вся Отечественная война есть безсмертный памятникъ Благословенному, гимнъ во славу его, и потому нѣтъ возможности устранить какую-либо подробность о томъ, въ какомъ величіи являлся Онъ въ отно-

шеніяхъ своихъ къ иностраннымъ дворамъ, какъ въ 1812 году онъ былъ свѣтиломъ, все согрѣвавшимъ, все одушевлявшимъ, съ одною цѣлью—говоря его словами:—«Отмстить за оскорбленную честь Отечества»!

Таковъ былъ планъ, которому слѣдовалъ авторъ Отечественной войны. Имѣя, по Высочайшей волѣ, доступъ во всѣ безъ исключенія архивы, онъ не оставилъ ни одного, котораго не изучилъ-бы, и, кромѣ того, входилъ въ переписку съ начальствами отъ Архангельска до Крыма, отъ Гродно до Иркутска; спрашивалъ духовныхъ и мірянъ, тѣхъ, кто былъ прикосновененъ къ дѣламъ, близокъ къ императору Александру или призываемъ къ Наполеону. Словомъ, не былъ забытъ ни одинъ источникъ, откуда можно было почерпать свѣдѣнія, повѣряя и сличая взаимно ихъ достовѣрность. Нѣкоторыя частности автору самому были коротко знакомы: находясь при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Михаилѣ Иларіоновичѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ, онъ удостоивался иногда его полнаго довѣрія.

Дѣйствія каждой арміи и каждаго отдѣльнаго корпуса описаны съ одинаковою подробностью какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны.

Критическая военная исторія не была цѣлью автора; онъ желалъ только представить по возможности правдивое изображеніе событія, которымъ кончились происшествія предшествовавшихъ ему 20-ти лѣтъ, послѣ чего Императоръ Александръ даровалъ новое политическое бытіе государствамъ и начался новый періодъ могущества Россіи. Стараясь составить описаніе, основанное на неопровержимой истинѣ, авторъ въ своемъ разсказѣ строго придерживался документовъ, вездѣ приводилъ безъ малѣйшей перемѣны собственныя слова дѣйствовавшихъ лицъ, ихъ сужденія, ихъ взгляды на дѣла, ихъ виды на будущее, почему они поступали такъ, а не иначе. Такимъ образомъ, историческія лица въ повѣствованіи Михайловскаго-Данилевскаго сами за себя говорятъ, они сами повѣствуютъ о славномъ 1812 годѣ, оживаютъ передъ потомствомъ самобытною, подлинною своею жизнью... Все его сочиненіе есть ничто иное, какъ развитіе великой мысли Александра, часто Имъ повторенной: «Война 1812 года была послѣднею борьбою за независимость государствъ; надлежало погибнуть или побѣдить!»

Слѣдующее за этимъ описаніе войны 1813 г. составляетъ продолженіе описанія борьбы Императора Александра съ Наполеономъ, начавшейся вторженіемъ войскъ Наполеоновыхъ въ Россію. Одержавъ совершенное торжество надъ врагомъ, Монархъ Россіи, не отлагая оружія, переступилъ немедленно за предѣлы своего государства; Россія была спасена, но Онъ хотѣлъ спасти другія державы и шелъ даровать имъ свободу. Потому война 1813 года неразрывно связана съ Отечественною войною и была непосредственнымъ ея слѣдствіемъ. Она началась въ январѣ переходомъ русскихъ войскъ за Нѣманъ и кончилась отступленіемъ Наполеона за Рейнъ, освобожденіемъ Германіи и Голландіи, отпаденіемъ отъ Наполеона всѣхъ его союзниковъ. Упорная борьба длилась почти годъ. Невозможно было сокрушить однимъ ударомъ могущество, созданное многолѣтними дивными успѣхами и охраняемое первымъ полководцемъ нашего вѣка. Для одолѣнія его нужны были чрезвычайныя напряженія силъ, совокупленіе великихъ и разнородныхъ средствъ. Войска

всѣхъ союзныхъ державъ старались превзойти одни другихъ подвигами храбрости и стяжать рѣшительную побѣду, возвращавшую государствамъ ихъ прежнюю самостоятельность. Потому всѣмъ подвизавшимся противъ Наполеона въ 1813 году народамъ походъ этотъ составляетъ драгоцѣнное воспоминаніе, но для русскихъ имѣетъ онъ прелесть необыкновенную и навсегда будетъ безсмертнымъ украшеніемъ нашей военной исторіи, являя великолѣпное зрѣлище, когда племена, въ 1812 году стремившіяся къ Днѣпру и Волгѣ, шедшія разгромить Россію, черезъ годъ потомъ, по призыву Александра, соединились и двинулись съ нимъ къ Эльбѣ и Рейну, стремясь обуздать завоевательную власть, тяготѣвшую надъ Европою.

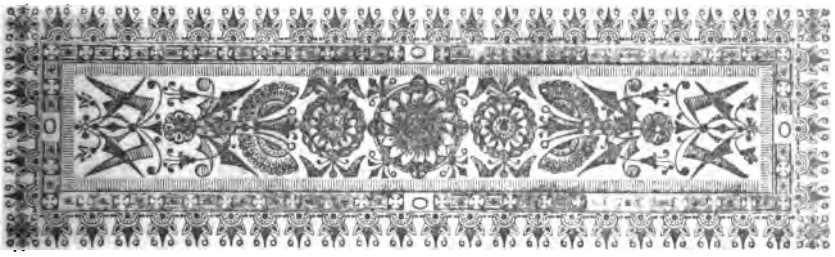
Совершаясь въ срединѣ Европы, въ одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ ея, война эта была описана многими чужеземными повѣствователями, а русскими только въ отрывкахъ и краткихъ запискахъ очевидцевъ. Сочиненія тѣхъ и другихъ далеко не изображаютъ ея вполнѣ, проходя молчаніемъ или описывая поверхностно многія важныя обстоятельства и подробности, служащія ключемъ къ объясненію военныхъ происшествій и существовавшихъ между государствами сношеній. Слишкомъ пространно было-бы исчислять всѣ случаи, ускользнувшіе отъ наблюденія писавшихъ, неизвѣстные имъ или представленные не въ настоящемъ видѣ. Надобно было дополнить недостатокъ въ военной исторіи правдивымъ, безпристрастнымъ изложеніемъ войны 1813 года и тѣмъ опредѣлить мѣсто, какое долженъ занимать въ лѣтописяхъ нашихъ этотъ знаменитый періодъ царствованія императора Александра, единодушно признаннаго современниками душею священной брани.

Вторичный походъ во Францію, въ 1814 году, былъ довершеніемъ войны, предпринятой императоромъ Александромъ для освобожденія Европы, возстановленія наслѣдственныхъ престоловъ и утвержденія политическаго равновѣсія. Обстоятельства кровопролитной, трехмѣсячной борьбы Александра I съ Наполеономъ во Франціи долго не были изображены удовлетворительно. Иностранцы описали ее во многихъ сочиненіяхъ, но отъ наблюденій ихъ ускользнули интересныя обстоятельства и важные случаи, безъ которыхъ нельзя имѣть истиннаго понятія о походѣ 1814 года. Такъ, напримѣръ: противоборствовавшія одно другому мнѣнія относительно продолженія войны, причины бездѣйствія главной арміи послѣ Бріеннской побѣды и дѣла при Баръ-сюръ-Обѣ, подробности дѣлъ подъ Шампоберомъ, Морманомъ и Реймсомъ, покоренія и защиты Суассона, сраженій при Краонѣ и Ферь-Шампенуазѣ, отступленія отъ береговъ Сены къ Шомону и Лангру, Монмартрскаго приступа, сдачи Парижа—вотъ дѣла, представленныя или превратно, или невѣрно.

Нѣмцы, англичане и французы много писали о походѣ 1814-го года, и потому въ Европѣ думаютъ, будто война эта со всѣхъ сторонъ разсмотрѣна, обсуждена, всѣ происшествія взвѣшены, и что каждому дѣйствовавшему лицу по заслугамъ опредѣлено мѣсто его. Не въ этомъ одномъ заблуждается Европа, съ которою, къ сожалѣнію, слишкомъ часто и охотно у насъ соглашаются, безъ предварительнаго разсмотрѣнія предметовъ съ нашей русской точки зрѣнія. Французы представили походъ 1814 года въ превратномъ видѣ. Спасая обломки своей славы, они уменьшали число войскъ, предводимыхъ Наполеономъ, и увеличивали силу союзныхъ армій. За-

мысловатая уловка удалась имъ совершенно, и они успѣли увѣрить современниковъ, что походъ 1814 года былъ непрерывною цѣпью ошибокъ со стороны союзниковъ, торжествомъ воинскаго искусства Наполеонова, вѣнцомъ храбрости французовъ, и что только слѣпому случаю обязаны мы счастливымъ окончаніемъ войны. Побѣжденнымъ не противорѣчили, и мнѣніе ихъ сдѣлалось общимъ. Нѣмцы также не забыли себя: войска почти всѣхъ германскихъ владѣтелей нашли исторіографовъ, и они разобрали по рукамъ побѣды, присвоивъ успѣхи своимъ иноземцамъ. Сочиненія англичанъ не заслуживаютъ вниманія: англичане глядѣли на войну 1814 г. глазами своихъ комисаровъ, находившихся при союзныхъ арміяхъ и незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ.

Русскіе до г. Михайловскаго-Данилевскаго молчали. Ни одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ не принималъ на себя труда описать наши дѣйствія за Рейномъ. Кое-гдѣ, мимоходомъ, говорили о Бріеннѣ, Ферь-Шампенуазѣ, Парижѣ, но никѣмъ еще не представлено полнаго изображенія войны 1814 года. Безмолвіе наше какъ-будто утверждаетъ повѣствуемое объ насъ чужеземцами и непріятелями, которые до сихъ поръ не могутъ забыть торжества Россіи и униженія, въ какомъ мы ихъ видѣли. Слѣдовательно, не должно удивляться множеству странныхъ, повсюду распространившихся предубѣжденій о походѣ нашемъ во Францію. Лучшимъ опроверженіемъ клеветъ и ошибокъ будетъ изображеніе въ настоящемъ видѣ этой особенно интересной войны и дѣйствій русскихъ—скажемъ смѣло—главныхъ въ ней участниковъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Михайловскаго-Данилевскаго—не похвальное слово одной и не осужденіе другой которой-либо изъ воевавшихъ сторонъ. Оно заключаетъ въ себѣ правдивое, безпристрастное изложеніе происшествій, почерпнутое изъ оффиціальныхъ источниковъ и изъ того, чему авторъ былъ личнымъ свидѣтелемъ, находясь безотлучно въ теченіе всего похода при начальникѣ главнаго штаба императора Александра, князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ. Событія должны говорить сами за себя, и они говорятъ краснорѣчивѣе, нежели возгласы въ чью-либо пользу.



ГЛАВА I.

Передъ вторженіемъ Наполеона.

I.

Событія до 1811-го года.

Война 1812 года навсегда останется незабвенною, какъ повѣсть событій, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ военныхъ, какъ память великаго подвига императора Александра и любви къ нему и отечеству русскаго народа. Но не тѣмъ только будетъ безсмертна наша Отечественная война: она довершила собою рядъ происшествій, дотолѣ не слыханныхъ, и начала новую эпоху въ исторіи государствъ. Для полнаго уразумѣнія необходимо обозрѣть происшествія, которыми она была приготовлена, событія, вслѣдствіе которыхъ двинулись ополченія запада въ нѣдра русской земли и совершились судьбы Бога въ 1812 году, столь дивныя, что самый побѣдитель знаменовалъ ихъ словами: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему!»

Едва прошло четыре года со вступленія императора Александра на престолъ (1801 г.), какъ война между Англіею и Франціею, не надолго прекращенная мирными договорами въ Амьенѣ и Люневиллѣ, снова возгорѣлась. Въ ней приняли участіе и другія государства. Страсть къ завоеваніямъ того, кто присвоилъ себѣ тогда верховную власть во Франціи, внушала опасеніе о будущей участи европейскихъ державъ и равновѣсіи силъ между ними. Императоръ Александръ хотѣлъ согласить воюющія стороны и склонить ихъ къ миру. Старанія его не имѣли желаемаго успѣха, и онъ двинулъ, въ 1805 году, армію на помощь Австріи. Такъ началась первая кровавая встрѣча Александра съ Наполеономъ. Еще до прибытія русскихъ войскъ, австрійцы были разбиты подъ Ульмомъ. При всѣхъ усиліяхъ со стороны русскихъ нельзя было измѣнить тогдашняго положенія дѣлъ. Послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ Францъ подписалъ въ Пресбургѣ предложенный ему непріятелемъ миръ, въ которомъ Александръ не принялъ никакого участія, ибо имѣлъ намѣреніе помогать Австріи только до тѣхъ поръ, пока она будетъ продолжать войну. Русскія войска возвратились въ предѣлы имперіи. Въ теченіе этого кратковременнаго похода, государь всячески склонялъ Пруссію къ совокупному дѣйствію съ обоими императорскими дворами. Пруссія не вняла его увѣщаніямъ и предпочла остаться нейтральною.

Одною статьею Пресбургскаго мира опредѣлялся срокъ выступленію французскихъ войскъ изъ Германіи и возвращенію ихъ за Рейнъ; но Наполеонъ, намѣреваясь утвердить свое вліяніе въ нѣмецкой землѣ, не выводилъ изъ нея войскъ подъ разными предлогами, особенно жалуясь на занятіе русскими Каттаро долѣе срока, опредѣленнаго Пресбургскимъ миромъ. Австрія не могла подлежать за то никакой отвѣтственности и не была обязана понуждать русскихъ къ оставленію Каттаро; но, опираясь единственно на этотъ предлогъ, Наполеонъ удерживалъ за собою австрійскую крѣпость Браунау, а между тѣмъ занимался учрежденіемъ Рейнскаго союза и, желая вовлечь Пруссію въ раздоръ съ Англіею, склонилъ ее на уступку Аншпаха, отдавая ей взамѣнъ этой области принадлежавшій Англіи Ганноверъ. Англія и союзникъ ея шведскій король объявили Пруссіи войну.

Озабоченный такимъ положеніемъ Пруссіи и считая ее, послѣ пораженій Австріи, единственнымъ оплотомъ противъ Франціи, императоръ Александръ вознамѣрился еще разъ попытаться о сохраненіи мира на твердой землѣ. Для переговоровъ послалъ онъ въ Парижъ чиновника, съ повелѣніемъ, однако-же, не заключать никакого соглашенія безъ участія находившихся тогда въ Парижѣ англійскихъ уполномоченныхъ, ибо государь условился съ королемъ Георгомъ III дѣйствовать заодно. Несмотря на точныя и опредѣленныя наставленія, данныя въ этомъ смыслѣ посланному, тотъ подписалъ, 8-го іюня 1806 года, договоръ безъ вѣдома англійскихъ уполномоченныхъ. Такого самопроизвольнаго поступка было достаточно для непризнанія договора, заключавшаго въ себѣ, сверхъ того, статьи, по мнѣнію императора, несовмѣстныя съ достоинствомъ его державы. Государь отвергнулъ договоръ, и взаимныя отношенія Россіи къ Франціи остались въ прежнемъ сомнительномъ положеніи. Между тѣмъ, Наполеонъ, поставивъ Пруссію въ самое затруднительное положеніе, опутавъ ее сѣтями, безпрестанно обращался къ ней съ новыми требованіями. Король прусскій, увидѣвъ, наконецъ, одну часть своихъ владѣній окруженною французскими войсками, а другую подъ угрозой ихъ вторженія, не хотѣлъ долѣе потворствовать Наполеону и объявилъ рѣшительное намѣреніе защищать свои права и независимость, не требуя никакихъ возмездій, и начать военныя дѣйствія, если въ опредѣленный срокъ не получитъ удовлетворенія. Когда война Пруссіи съ Наполеономъ являлась неизбѣжною, государь послалъ ей на помощь большую часть своей арміи, но, узнавъ о послѣдствіяхъ Іенскаго сраженія, велѣлъ войскамъ остановиться на правомъ берегу Вислы. Не находя на пути своемъ препятствій, Наполеонъ быстро подвигался впередъ и въ декабрѣ 1806 г. встрѣтился съ русскими. Семь мѣсяцевъ продолжалась съ нимъ война. Въ продолженіе этой кровопролитной борьбы государь приглашалъ Австрію и Англію къ участію въ ней.

Вся важность тогдашнихъ обстоятельствъ была изображена государемъ Австріи: ей ясно указывали, съ одной стороны, на неминуемую опасность, если она останется нейтральною, съ другой— на вѣрныя выгоды и славу, если она немедленно объявитъ войну Наполеону. Не взирая на самыя очевидныя доказательства, она не трогалась, оправдывая свое бездѣйствіе недостаткомъ времени для устройства арміи и приведенія финансовъ въ порядокъ. Вѣнскій

дворъ оказывалъ, однако-же, готовность соединиться съ Россіею и почти положительно увѣрилъ государя въ своемъ намѣреніи объявить войну Франціи въ половинѣ мая 1807 года. Приблизился срокъ, и Австрія снова извѣщена была объ угрожавшей ей опасности, если Россія заключитъ миръ съ Франціею. Вѣнскій дворъ ограничился предложеніемъ своего посредничества воюющимъ державамъ. Оно было принято, но не имѣло успѣха. Между тѣмъ, государь заключилъ съ королемъ прусскимъ, въ Бартенштейнѣ, условіе, точно опредѣляя цѣль войны и средства довести ее до желаемаго конца. Бартенштейнскій договоръ, долженствовавшій внушить Австріи полное довѣріе, былъ ей немедленно сообщенъ, съ повтореніемъ самыхъ убѣдительныхъ настояній о содѣйствіи намъ. Все было тщетно. Вѣнскій дворъ объявилъ о невозможности поставить австрійскія войска на военную ногу прежде трехъ лѣтъ, то-есть, ранѣе 1809 года. Такимъ образомъ, рушились надежды на соучастіе Австріи.

Старанія императора Александра расположить къ войнѣ Англію также не имѣли успѣха, хотя со стороны Великобританіи, находившейся въ разрывѣ съ Франціею, помощь державамъ твердой земли была весьма вѣроятна. Англійское правительство не изъявило готовности соотвѣтствовать домогательствамъ Россіи и равнодушно принимало предложенія наши. При началѣ возгорѣвшейся въ 1806 г. войны государь объявилъ, что не возьметъ отъ Англіи вспомогательныхъ денегъ, а только желаетъ при посредничествѣ ея сдѣлать въ Лондонѣ заемъ въ 6-ть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Англійское министерство отказало въ содѣйствіи, и заемъ не состоялся. Нѣсколько разъ государь ходатайствовалъ объ оказаніи лондонскимъ дворомъ денежнаго пособія Пруссіи, находившейся въ самомъ затруднительномъ положеніи. Долго не давали англичане удовлетворительнаго отвѣта, и, когда согласились сдѣлать ссуду для прикрытія чрезвычайныхъ издержекъ Россіи, Пруссіи, даже Австріи, если она объявитъ войну, ссуда оказалась столь маловажною, что не могла быть достаточною даже для одной Пруссіи. Наконецъ, Англія обѣщала сдѣлать высадку въ Германіи, въ намѣреніи отвлечь часть непріятельскихъ силъ, обращенныхъ противъ насъ. Высадкою медлили подъ разными предлогами, пока шведскій король не сталъ угрожать заключеніемъ мира съ Наполеономъ, если не явятся вскорѣ англійскія войска. Тогда только лондонскій дворъ отправилъ въ Померанію отъ 5-ти до 6000 человѣкъ, но и этотъ отрядъ, недостаточный для предназначенной цѣли, пришелъ поздно.

Въ такомъ положеніи были дѣла, предшествовавшія Тильзитскому миру, подписанному въ Тильзитѣ 25-го іюня 1807 года.

Между тѣмъ какъ вслѣдствіе Тильзитскаго мира произошелъ разрывъ Россіи съ Англіею и Швеціею, не прекращалась война Россіи съ Портою, а Наполеонъ отправлялъ войска въ Испанію, намѣреваясь возвесть на престолъ ея одного изъ своихъ братьевъ. Такимъ образомъ, оба мощные союзника заняты были въ разныхъ мѣстахъ Европы: Александръ на берегахъ Ботническаго залива и Дуная, Наполеонъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Самымъ дружескимъ образомъ переписывались они между собою, посылали другъ другу подарки: связь ихъ носила всѣ признаки неразрывности. Происходили только пренія за то, что Наполеонъ, вопреки Тильзитскому договору, не выводилъ войскъ изъ Пруссіи. Уступая, наконецъ, настоя-

ніямъ государя, онъ заключилъ съ Пруссіею, въ апрѣлѣ 1808 года, конвенцію, опредѣлявшую количество долга ея Франціи и до совершенной уплаты его оставлявшую во власти Наполеона Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау. Такъ и эта единственная спорная статья приведена была въ ясность.

Безсмертные подвиги испанскаго народа, твердо рѣшившагося пасть съ оружіемъ въ рукахъ, но не измѣнить законному монарху, разстроили надежду Наполеона на легкое покореніе Испаніи и принудили его отправлять туда войскъ болѣе, нежели онъ думалъ сначала.

Между тѣмъ, внезапно въ центрѣ Европы вспыхнула война, которая подала Наполеону поводъ къ новымъ побѣдамъ, породившимъ въ душѣ его новые замыслы.

Австрія, тревожимая возраставшимъ могуществомъ Наполеона, изыскивала случаи уменьшить его силы и для нападенія на него рѣшилась воспользоваться отбытіемъ его въ Испанію, гдѣ находилась большая часть французской арміи. Государь всячески старался воспрепятствовать или, по крайней мѣрѣ, отдалить, какъ можно болѣе, разрывъ Австріи съ Франціею. Онъ даже предлагалъ вѣнскому двору ручательство въ неприкосновенности его владѣній, только-бы Австрія не объявляла войны. И Наполеонъ отклонялъ вѣнскій дворъ отъ непріязненныхъ намѣреній. Еще въ Тильзитѣ Александръ и Наполеонъ считали необходимымъ, для избѣжанія между ними столкновенія, могущаго охладить связи ихъ, оставить во всей силѣ австрійскую монархію, чтобы она, вмѣстѣ съ Россіею и Франціею, поддерживала равновѣсіе Европы.

Австрія не вняла никакимъ убѣжденіямъ и въ апрѣлѣ 1809 года объявила Франціи войну. Успѣхи Наполеона были такъ-же быстры, какъ и въ прежнихъ его походахъ, и вскорѣ онъ занялъ Вѣну. Въ силу Эрфуртскаго союза, заключеннаго Наполеономъ и Александромъ I въ 1808 г., 30-го сентября, русскіе вступили въ Галицію, но не столь поспѣшно, какъ желалъ Наполеонъ. Замедленіе произошло отъ того, что большая часть войскъ нашихъ находилась на Дунаѣ и въ Финляндіи. Черезъ три мѣсяца послѣ открытія похода, Наполеонъ принудилъ Австрію подписать миръ въ Шенбрунѣ. Тогда началась перемѣна его образа мыслей о союзѣ съ Россіею. Первымъ поводомъ обнаружить охлажденіе къ связямъ, получившимъ свое начало въ Тильзитѣ и подтвержденнымъ въ Эрфуртѣ, послужило слѣдующее обстоятельство.

Одною статьею Шенбрунскаго договора часть Галиціи была присоединена къ варшавскому герцогству. Узнавъ о томъ, поляки стали замышлять козни противъ областей, возвращенныхъ Россіею отъ Польши. Государь извѣстилъ Наполеона объ этомъ броженіи умовъ. Наполеонъ предложилъ заключить условіе, говоря, что «весьма удаленный отъ намѣренія возстановить Польшу, не только не хочетъ подавать повода къ помышленію о томъ, но готовъ вмѣстѣ съ государемъ принять всѣ мѣры, уничтожая между жителями прежней Польши всякое объ ней воспоминаніе и истребляя самое имя Польши и поляковъ изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, даже изъ исторіи». Увѣренія Наполеона вполнѣ удовлетворяли желанію императора Александра. Оставалось подтвердить ихъ письменнымъ договоромъ. Французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, получилъ полномо-

чіе на основаніи предложеній Наполеона заключить конвенцію, и она была подписана въ декабрѣ 1809 года. Для ратификаціи отправили ее въ Парижъ. Дѣло казалось конченнымъ, какъ вдругъ, черезъ нѣсколько недѣль, пришелъ отвѣтъ, съ отказомъ Наполеона утвердить конвенцію. Въ ней сказано было, что Наполеонъ положительно обязывается никогда не возстановлять польскаго королевства. Вмѣсто того онъ предложилъ написать, что обязывается никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся, прямо или косвенно, къ возстановленію Польши, и не помогать возмущенію областей, нѣкогда составлявшихъ польское королевство.

Четыре мѣсяца длились переговоры, но безуспѣшно, и конвенція, подписанная Коленкуромъ, не была ратификована Наполеономъ. Истинныя причины отказа его въ ратификаціи и особеннаго расположенія, оказываемаго имъ въ то время варшавскому герцогству и вообще полякамъ, состояли въ родственныхъ связяхъ, заключенныхъ имъ съ австрійскимъ дворомъ. Послѣ бракосочетанія Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею начали развиваться его замыслы о всемірной монархіи. Но сооруженіе этого чудовищнаго зданія было невозможно, пока Россія находилась въ полной силѣ: слѣдовательно, необходимымъ условіемъ всемірному преобладанію было — сломить могущество императора Александра и включить его въ число данниковъ Франціи. Исполинскій замыслъ нашествія на Россію требовалъ несмѣтныхъ приготовленій и продолжительнаго времени. Стараясь выиграть его, Наполеонъ, въ письмахъ государю, не переставалъ расточать увѣренія въ дружбѣ и желанія сохранить миръ, но дѣйствіями своими, со времени женитьбы на австрійской эрцгерцогинѣ, обнаруживалъ противное, уже убѣжденный въ невозможности для Россіи противоборствовать ему. Къ честолюбивымъ мечтамъ завоевателя присоединилось также самолюбіе, оскорбленное суетною надеждою сочетаться бракомъ съ одною изъ великихъ княженъ россійскихъ. Не получая на предложеніе свое о томъ отвѣта отъ государя, Наполеонъ обратился къ Австріи, и она тотчасъ согласилась на родственный съ нимъ союзъ. Желаніе отмстить императору Александру, возникшее въ душѣ Наполеона вслѣдствіе неудачнаго сватовства, было причиною ускоренія войны 1812 года, долженствовавшей основать единодержавіе французскаго императора въ Европѣ, отдалить Россію за Днѣпръ или еще далѣе, воздвигнуть между нею и Германіею новыя подвластныя Наполеону области, и потомъ, предавъ его власти Константинополь, съ помощью покоренныхъ народовъ, проложить ему путь въ Индію.

Бракосочетаніе Наполеона совершилось въ мартѣ 1810 года и возродило сперва общую увѣренность въ окончаніи войнъ, длившихся 15-ть лѣтъ. Думали, что, утомленный долгими успѣхами своихъ предпріятій, онъ озаботится утвержденіемъ власти для передачи ея своему потомству, не подвергая ея новымъ случайностямъ перемѣнчиваго счастія; полагали, что Наполеонъ, пресыщенный побѣдами и славою, наконецъ, останется въ покоѣ и не будетъ вновь окровавлять Европу. Но еще не кончились празднества бракосочетанія, какъ разрушились общія упованія на миръ, и послѣдовало первое ослабленіе союза съ Россіею — отказъ Наполеона ратификовать конвенцію о варшавскомъ герцогствѣ. Затѣмъ присоединены были къ Франціи часть Тироля, Вестфальскаго королевства, страна между Сѣвер-

нымъ и Балтійскимъ морями и вольные города Бременъ, Любекъ и Гамбургъ.

Такія насильственныя дѣйствія совершались безъ малѣйшаго права, съ пренебреженіемъ всѣхъ приличій, безъ предварительнаго извѣщенія или сношенія съ какимъ-либо дворомъ, подъ произвольнымъ предлогомъ, что война съ Англіею повелѣвала принять эту мѣру, что того требовала великая политика (la grande politique). Этимъ названіемъ облекалъ Наполеонъ свои посягательства на права, признанныя вѣками. Для поступковъ новаго рода надобно было выдумать и новое названіе. Безъ дальняго оправданія или объясненія ниспровергались границы государствъ. Беззаконное завладѣніе, нарушавшее всѣ права, вторгавшееся во всѣ географическія и воинскія разграниченія, имѣло притомъ столь мало признаковъ оконченной, округленной системы, что необходимо было считать его предвѣстіемъ еще большихъ насильствъ, долженствовавшихъ содѣлать Германію достояніемъ Франціи, а Наполеона дѣйствительнымъ ея властителемъ.

Присоединивъ къ Франціи Голландію и Ганзеатическіе города, Наполеонъ велѣлъ извѣстить герцога Ольденбургскаго, что владѣнія его, окруженныя со всѣхъ сторонъ французскими областями, подвергаются многимъ неудобствамъ, учрежденію французскихъ таможенъ и прохожденію французскихъ войскъ, а потому онъ приглашалъ герцога, взамѣнъ своихъ владѣній, взять какую-либо другую область. Наполеонъ велѣлъ также сказать герцогу, что, желая оказать ему, какъ близкому родственнику Россійскаго Императора, особенное свое уваженіе, совершенно предоставляетъ на его волю принять предложеніе обмѣна земель или попрежнему оставаться въ своемъ наслѣдіи. Объ этихъ переговорахъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ извѣстилъ нашего посла въ Парижѣ, князя Куракина, который и донесъ о томъ въ Петербургъ. Герцогъ Ольденбургскій, съ своей стороны, тоже писалъ къ государю, какъ главѣ Голштинскаго дома, извѣщая его о своемъ отказѣ на предложенія Наполеона обмѣнять свои владѣнія и несогласіи покинуть подданныхъ, принадлежавшихъ дому его въ теченіе десяти вѣковъ.

Изъ Петербурга тогда приказано было русскому послу въ Парижѣ, князю Куракину, объявить Наполеону, по истощеніи всѣхъ убѣжденій, что, если сверхъ всякаго ожиданія, Наполеонъ не оставитъ герцога въ законномъ его наслѣдіи, то императоръ будетъ вынужденъ формальнымъ протестомъ оградить на будущія времена права какъ герцога, такъ и собственныя свои, на Ольденбургъ.

Наполеонъ не внялъ голосу справедливости, и россійскій посолъ долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему средству: подать протестъ, заблаговременно, на крайній случай, присланный къ нему изъ Петербурга. Французское министерство возвратило протестъ. Князь Куракинъ послалъ его вторично, но министръ иностранныхъ дѣлъ привезъ его обратно самъ съ порученіемъ Наполеона объявить послу, что актъ этотъ безполезенъ, послужитъ только къ усиленію распространившихся слуховъ о скоромъ разрывѣ Франціи съ Россіею, и что должно стараться какъ можно болѣе противодѣйствовать этимъ слухамъ, вреднымъ для выгодъ обѣихъ имперій. Нашъ посолъ истощалъ всѣ убѣжденія, стараясь, согласно волѣ государя, отдать протестъ, однако, дѣйствія его были безуспѣшны.

Не желая оставлять правъ своихъ въ безгласности, императоръ велѣлъ отправить протестъ ко всѣмъ русскимъ посольствамъ, приказывая имъ подать его дворамъ, при которыхъ они были имъ уполномочены. Но исполнить это повелѣніе было затруднительно. Трепеща передъ Наполеономъ, европейскіе кабинеты опасались принятіемъ протеста навлечь на себя гнѣвъ завоевателя. Нашимъ посланникамъ должно было употреблять дипломатическія уловки для врученія протеста дворамъ, при которыхъ они были уполномочены.

Выраженія протеста были самыя умѣренныя, но Наполеонъ находилъ ихъ непріязненными. Нарушивъ присвоеніемъ Ольденбурга одну изъ статей Тильзитскаго мира, онъ хотѣлъ сложить на Россію вину въ ослабленіи союза и обнаруженіи протестомъ своего охлажденія къ Франціи. Онъ не сознавался, что распря не имѣла-бы той гласности, которая произвела на него столь сильное впечатлѣніе, если-бы, по приказанію его, министръ иностранныхъ дѣлъ не простеръ забвенія приличій и должнаго уваженія къ представителю великой державы до того, что привезъ обратно ноту, врученную ему отъ имени нашего государя. Не Россія была виновна въ томъ, что дѣло Ольденбургское обратилось въ дѣло государственное, стало извѣстно всей Европѣ, подало поводъ къ протесту не отъ союзника противъ союзника, но одной державы противъ другой, уже не хотѣвшей быть въ союзѣ, такъ какъ она своевольно нарушила договоръ, бывшій основаніемъ ихъ союза.

Новымъ предлогомъ къ притворнымъ жалобамъ Наполеона послужило разномысліе съ нимъ государя относительно торговли. Потрясеніе промышленности и могущества Англіи континентальною системою составляло любимую мысль Наполеона.

Но отъ точнаго соблюденія континентальной системы, разрыва съ Англіею и невозможности продавать произведенія Россіи однимъ американцамъ, замѣнившихъ для Европы на это время англичанъ, произошли остановка въ нашей торговлѣ, упадокъ вексельнаго курса и ассигнацій. Роскошь, между тѣмъ, не уменьшалась и поглощала огромныя суммы. Желая положить ей предѣлъ, ограничить привозъ иностранныхъ товаровъ и поощрить внутреннюю промышленность, государь издалъ, въ декабрѣ 1810 года, тарифъ, или положеніе о нейтральной торговлѣ. Узнавъ о запрещеніи ввоза въ Россію многихъ издѣлій французскихъ мануфактуръ и фабрикъ, Наполеонъ сильно возропталъ. Новое постановленіе о торговлѣ, говорилъ онъ, нарушаетъ союзъ, благопріятствуетъ Англіи и совершенно лишаетъ Францію торговли съ Россіею.

Наполеонъ такъ былъ избалованъ угодливостью всѣхъ дворовъ, что даже дерзнулъ укорять, зачѣмъ, не предупредивъ его, обнародовали въ Россіи тарифъ. Послу его въ Петербургѣ и министерству иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ объяснили настоящую цѣль тарифа, присовокупляя, что онъ изданъ только на годъ, слѣдовательно, есть мѣра временная. На упрекъ о неизвѣщеніи Наполеона заблаговременно о новомъ торговомъ положеніи, императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать, что не считаетъ себя обязаннымъ предупреждать кого-бы то ни было о распоряженіяхъ, касающихся внутренняго управленія Россіи.

Такіе отзывы были не по нраву Наполеону. Тарифъ называлъ онъ нарушеніемъ пріязни и началъ оказывать замѣтную холодность

нашему послу и флигель-адъютанту государя, Чернышеву, находившемуся въ Парижѣ съ особенными порученіями. Напротивъ, къ полякамъ, во множествѣ проживавшимъ въ Парижѣ, онъ удвоилъ свое благорасположеніе. Королю Саксонскому тайно дано было знать о присылкѣ въ Парижъ старшаго генерала варшавскихъ войскъ, Понятовскаго, подъ предлогомъ поздравить Наполеона съ рожденіемъ сына, но въ самомъ дѣлѣ для совѣщаній съ Понятовскимъ о походѣ въ Россію. Съ тою-же цѣлью былъ вызванъ изъ Неаполя Мюратъ. Жившіе въ Парижѣ поляки, ободренные стеченіемъ этихъ обстоятельствъ, громко заговорили объ исполненіи своихъ надеждъ—паденіи Россіи. Слухи о разрывѣ съ Россіею болѣе и болѣе распространялись въ Парижѣ. Новымъ торговымъ положеніемъ нашимъ воспользовался Наполеонъ для оправданія набора рекрутовъ.

Въ Россіи также былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Взаимно умножая свои войска, Александръ и Наполеонъ говорили, однако-же, одинъ другому, что причина къ усиленію арміи заключалась въ обыкновенной убыли людей въ полкахъ. Внутри Франціи дѣлались вооруженія; три дивизіи, послѣ заключенія Шенбрунскаго мира, стоявшія въ южной Германіи, выступили къ берегамъ Балтійскаго моря; главная квартира французскихъ войскъ, бывшихъ въ нѣмецкой землѣ, перенесена изъ Регенсбурга въ Гамбургъ; отправлено 50,000 ружей въ Варшаву; большіе артиллерійскіе парки тронулись изъ Майнца и Ульма въ Магдебургъ; Данцигъ и крѣпости варшавскаго герцогства приводили въ оборонительное положеніе. У насъ закладывали Бобруйскъ и Динабургъ, усиливали укрѣпленія Кіева и Риги, между Двиною и Кіевомъ выбирали мѣста, удобныя для укрѣпленія; пять дивизій арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, получили повелѣніе возвратиться съ береговъ Дуная къ Днѣстру; одна дивизія выступила изъ Финляндіи въ Литву.

Итакъ, несогласія между императоромъ Александромъ и Наполеономъ, возникшія немедленно послѣ бракосочетанія послѣдняго, по поводу неутвержденной имъ конвенціи о Польшѣ, возрастали по тремъ спорнымъ статьямъ: 1) присоединенію къ Франціи Ольденбурга, 2) разномыслію о торговлѣ и 3) новому тарифу. Очевидно, что безъ сильнѣйшихъ причинъ къ враждѣ, пренія объ Ольденбургѣ и торговлѣ можно было кончить миролюбивыми соглашеніями. Стоило-ли двигать западъ Европы противъ Россіи только за то, что императоръ Александръ ввелъ новый тарифъ, не прекращалъ торговли съ нейтральными государствами и вступался за права своего родственника? То были одни предлоги къ войнѣ: настоящія побужденія заключались въ свойствахъ Наполеона.

Готовясь къ войнѣ, Наполеонъ, однако, продолжалъ увѣрять императора Александра въ своей дружбѣ.

II.

Событія 1811-го года.

Въ этихъ увѣреніяхъ и переговорахъ о спорныхъ статьяхъ прошелъ весь 1811 годъ. Въ такомъ положеніи были дѣла въ началѣ этого года. Императоры переписывались между собою, но между ними были натянутыя отношенія.

Наполеонъ исчислялъ всѣ свои войска и денежныя средства. Тѣ и другія были въ самомъ дѣлѣ огромны, но Наполеонъ увеличивалъ ихъ еще болѣе, въ намѣреніи устрашить Россію. Потомъ онъ продолжалъ увѣрять въ своемъ миролюбіи и говорилъ Чернышеву (посланному императора Александра), что не можетъ ничего выиграть въ войнѣ съ Россіею, что войною не вознаградятся издержки, употребленныя на вооруженіе, что его жизнь слишкомъ драгоцѣнна для его потомства и народовъ, и онъ не желаетъ подвергать ее опасности въ походѣ за столь маловажные предметы. Такое внезапное расположеніе Наполеона къ миру произошло отъ неблагопріятныхъ извѣстій, полученныхъ имъ о дѣйствіяхъ французскихъ войскъ въ Испаніи и Португаліи. Неудачи до такой степени озаботили Наполеона, что онъ отсрочилъ разрывъ съ Россіею, пока война на Пиринейскомъ полуостровѣ не приметъ лучшаго оборота. Онъ также запретилъ печатать оскорбительныя статьи на счетъ Россіи, уже совсѣмъ готовыя для помѣщенія въ журналахъ, ибо, приступая къ какому-нибудь предпріятію, Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе заблаговременно приготовлять общее мнѣніе въ пользу своего предначинанія. Личина, подъ которою онъ старался скрывать свои намѣренія противъ Россіи, не ввела, однако-же, въ заблужденіе ни нашего посла въ Парижѣ, ни Чернышева, который безотлучно находился при Наполеонѣ, сопровождалъ его на смотрахъ, на охотѣ и ежедневно находился въ самомъ тѣсномъ кругу у сестеръ, родственниковъ и сановниковъ французскаго императора. «Еще въ Петербургѣ имѣлъ я счастіе докладывать Вашему Величеству», доносилъ Чернышевъ государю, «что Наполеонъ только ищетъ выиграть время; настоящія обстоятельства совершенно подтверждаютъ это мнѣніе. Всѣ доходящія до Наполеона извѣстія о нашихъ вооруженіяхъ тревожатъ его и заставляютъ медлить разрывомъ съ Россіею не потому, чтобы онъ не могъ теперь-же соединить противъ насъ 250,000 человѣкъ, но по той причинѣ, что война на сѣверѣ лишитъ его возможности устроить дѣла въ Испаніи».

Стараясь привести къ окончанію спорныя статьи, сущность которыхъ заключалась въ двухъ предметахъ: Ольденбургѣ и тарифѣ, государь предложилъ французскому двору: о первой изъ этихъ статей начать переговоры въ Петербургѣ, пригласивъ къ тому и Данію; въ отношеніи же второй согласиться въ измѣненіи тѣхъ статей нашего новаго положенія о торговлѣ, которыя для Франціи казались обидными, и даже со временемъ заключить съ нею торговый договоръ, потому что черезъ восемь мѣсяцевъ должны прекратиться дѣйствія тарифа, изданнаго только на одинъ годъ. Наполеонъ, имѣя въ виду единственно отсрочку войны, отвѣчалъ, что не противится вступить въ соглашеніе объ Ольденбургѣ, но представляетъ Россіи назначить вознагражденіе, какое она желаетъ для герцога. Съ нашей стороны возражаемо было, что предложеніе должно послѣдовать отъ Наполеона, насильственно захватившаго герцогство; что Эрфурта государь не принимаетъ, но хочетъ, чтобы герцогу возвратили Ольденбургъ или назначили взамѣнъ такую область, которая, по мѣстному положенію своему, могла-бы находиться подъ непосредственнымъ покровительствомъ Россіи; что государь не проситъ у Наполеона милости или способовъ существованія для герцога, но взираетъ на присоединеніе Ольденбурга къ Франціи, какъ на нару-

пеніе Тильзитскаго договора, и требуетъ, чтобы Наполеонъ самъ представилъ средства загладить свой насильственный поступокъ.

Желая какъ можно болѣе протянуть дѣло, Наполеонъ говорилъ, что нашему послу въ Парижѣ, для вступленія въ переговоры, безусловно надобно было дать новое полномочіе. Государь отвергнулъ это требованіе, отвѣчая, что званіе посла само по себѣ достаточно уполномочивало князя Куракина выслушать предложенія французскихъ министровъ и разсуждать объ нихъ. Между тѣмъ, ни одинъ изъ двухъ могущественныхъ соперниковъ не соглашался первый объявить, въ чемъ должно было состоять вознагражденіе Ольденбургскаго герцога, и оба продолжали свои вооруженія. Всѣ возможныя мѣры приняты были Наполеономъ. Въ разныхъ мѣстахъ Франціи устраивали лагери для сбора войскъ. Множество артиллеріи, снарядовъ, коммисаріатскихъ вещей отправляли къ Рейну и далѣе въ нѣмецкую землю. Туда же тянулись изъ Франціи, по разнымъ дорогамъ, въ большомъ числѣ отдѣльныя команды всякаго рода войскъ. Въ Германіи учреждали магазины, покупали лошадей, усиливали гарнизоны Данцига и прусскихъ крѣпостей. Владѣтели Рейнскаго союза умножали свои вспомогательные корпусы, запасались оружіемъ. Наполеонъ оказывалъ особенное расположеніе не только находившимся въ Парижѣ австрійцамъ, но даже пруссакамъ, обходившись съ ними послѣ Тильзитскаго мира со всею кичливостью побѣдителя. «Минута великой борьбы приближается»,—доносилъ Чернышевъ.— «Буря, угрожающая намъ, остановлена только тѣмъ, что Наполеону «неудобно теперь открывать походъ; опасность очевидна и уже не «далека. Наполеонъ упорствуетъ въ промедленіи переговоровъ подъ «предлогомъ, что первыя предложенія должны быть сдѣланы нами».

Отозваніе пяти русскихъ дивизій съ береговъ Дуная сдѣлалось главнымъ предметомъ жалобъ Наполеона. Уничтожая и этотъ предлогъ, государь велѣлъ сказать ему, что возвратитъ дивизіи въ Валахію, если Наполеонъ уменьшитъ данцигскій гарнизонъ на половину. Французское министерство отвѣчало, что уменьшеніе требуетъ времени и размышленія и можетъ быть исполнено не иначе, какъ вслѣдствіе переговоровъ, долженствующихъ прекратить всѣ возникшія недоразумѣнія. Наполеонъ не согласился убавить войскъ въ Данцигѣ и велѣлъ объявить нашему послу, что усиливаетъ армію въ нѣмецкой землѣ, «однако, не для угроженія Россіи или изъ политическихъ видовъ, но единственно въ намѣреніи обезпечить сѣверные берега Германіи отъ нападенія англичанъ, подкрѣпить таможенную стражу, сохранить общественное спокойствіе въ этомъ новоприобрѣтенномъ краѣ, и, наконецъ, потому, что тамъ дешевле содержать войска, нежели во Франціи».

Сомнительное положеніе дѣлъ между двумя имперіями не могло быть сокрыто не только отъ проницательныхъ наблюдателей, но и отъ Европы. Всѣ видѣли приготовленія обоихъ императоровъ къ войнѣ, но никто не зналъ настоящей причины взаимныхъ притязаній ихъ. Сущность переговоровъ сохранялась въ тайнѣ и была извѣстна только кабинетамъ петербургскому и тюльерійскому. Наполеонъ прервалъ молчаніе первый. Въ день его именинъ, 3-го августа 1811-го года, былъ, по обыкновенію, большой съѣздъ при дворѣ. Наполеонъ подошелъ къ князю Куракину, остановился подлѣ него и въ присутствіи дипломатическаго корпуса ровно два часа говорилъ послу

о своемъ миролюбіи, о всѣхъ подробностяхъ спорныхъ статей, выражалъ безпрестанно однѣ и тѣ-же мысли разными оборотами рѣчей, усиливаясь доказать правоту своихъ мнимыхъ жалобъ на Россію. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Императоръ Александръ не шлетъ вамъ полномочія для переговоровъ, а, между тѣмъ, не прекращаетъ вооруженій. Я не хочу вести войну, не думаю возстановлять Польшу, но вы помышляете о присоединеніи къ Россіи варшавскаго герцогства и Данцига. Безъ сомнѣнія, у императора есть какая-нибудь скрытная мысль; пока тайныя намѣренія вашего двора не будутъ объявлены, я не перестану умножать войскъ въ Германіи».

Настоящая цѣль этой пространной рѣчи состояла въ желаніи торжественно передъ свѣтомъ выставить Россію зачинщицею войны. Но личныя свойства Наполеона и его страсть къ завоеваніямъ были всѣмъ извѣстны. Поэтому слова его не ввели никого въ заблужденіе и послужили только къ обнаруженію, до какой степени былъ близокъ разрывъ съ Россіею. Государь, получивъ донесеніе объ этомъ разговорѣ, велѣлъ отвѣчать Наполеону, что не находитъ достаточныхъ причинъ измѣнить свои политическія правила, остается непоколебимъ въ союзѣ съ Франціею, старается устранить все, могущее ослабить сей союзъ; что таково было главное основаніе политической системы его величества со времени Тильзитскаго мира, и таковы останутся его расположенія къ Франціи до тѣхъ поръ, пока будетъ справедливая взаимность въ поступкахъ этой державы, что государю нѣтъ причинъ дѣлать какія-либо предложенія, хотя онъ готовъ выслушать ихъ со стороны Наполеона, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, возникшихъ между обоими дворами. Въ заключеніе изъявлено неудовольствіе императора на слова Наполеона о желаніи Россіи пріобрѣсти Данцигъ или часть герцогства варшавскаго. Отвѣчали, что государь не постигаетъ, какъ могло возникнуть подобное неосновательное предположеніе, и объявляетъ самымъ утвердительнымъ образомъ, что не простираетъ своихъ видовъ ни на Данцигъ, ни на какую-либо часть варшавскаго герцогства; что довольный пространствомъ и могуществомъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной, его величество не желаетъ чужихъ владѣній и помышляетъ только о сохраненіи тишины и общаго спокойствія, необходимыхъ для излеченія ранъ, произведенныхъ двадцатилѣтними бѣдствіями.

Объясненія эти, сообщенныя въ октябрѣ мѣсяцѣ французскому министерству, не произвели своего дѣйствія. Приготовленія Наполеона къ войнѣ были кончены уже въ сентябрѣ, и, если онъ не открылъ тогда-же похода, причиною тому было позднее осеннее время. «Война рѣшена въ умѣ Наполеона»,—доносилъ Чернышевъ,— «онъ теперь считаетъ ее необходимою, для достиженія власти, которой ищетъ, цѣли, къ которой стремятся всѣ его усилія, то-есть, обладанія Европою. Мысль о міровладычествѣ такъ льститъ его самолюбію и до такой степени занимаетъ его, что никакія уступки, никакая сговорчивость съ нашей стороны не могутъ уже отсрочить великой борьбы, долженствующей рѣшить участь не одной Россіи, но всей твердой земли». Дѣйствительно, въ продолженіе остальныхъ зимнихъ мѣсяцевъ 1811-го года Наполеонъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта на счетъ своихъ вооруженій. Послу нашему въ

Парижѣ объявили даже, что не войдутъ съ нимъ ни въ переговоры, ни въ объясненія, пока онъ не будетъ снабженъ новымъ полномочіемъ. Государь, съ своей стороны, признавалъ полномочіе излишнимъ, по причинамъ, изложеннымъ выше. Поступки Наполеона доказывали, что полномочіе не могло явиться средствомъ къ примиренію: если-бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, желалъ мира, то не усиливалъ-бы арміи въ нѣмецкой землѣ и давно сдѣлалъ-бы требуемыя отъ него предложенія, могущія послужить основаніемъ для переговоровъ.

Наполеонъ пересталъ роптать на тарифъ, казавшись сначала раздраженнымъ этою мѣрою, и, обращаясь единственно къ ольденбургскому дѣлу, сознавался, что въ присвоеніи Ольденбурга поступилъ съ излишнею поспѣшностью и, присоединяя эту область къ Франціи, не зналъ о правахъ на нее россійскаго двора. Протестъ называлъ онъ вызовомъ къ войнѣ, а вооруженія свои оправдывалъ постепеннымъ умноженіемъ русскихъ войскъ на западныхъ границахъ. Его не убѣждали повторенныя возраженія о невозможности государю равнодушно смотрѣть на сборъ французскихъ армій въ сѣверной Германіи, гдѣ число ихъ въ то время возросло уже до 300,000 человѣкъ, о необходимости принять мѣры къ оборонѣ, когда гарнизоны крѣпостей въ Пруссіи и варшавскомъ герцогствѣ усиливались, и во всѣхъ концахъ обширной имперіи Наполеона и областяхъ его данниковъ готовились вооруженія. Отрицательные отзывы Наполеона не колебали императора Александра, который отвѣчалъ одно, что Наполеонъ первый нарушилъ Тильзитскій миръ, а потому первый долженъ объявить, какія за то представляетъ вознагражденія.

Австрія и Пруссія, предвидя близкую войну, послѣдствія которой непремѣнно должны были разразиться и надъ ними, предложили государю свое посредничество. Императоръ не принялъ его и, извѣстивъ о своемъ отказѣ Наполеона, говорилъ ему, что возродившіяся взаимныя недоразумѣнія должны прекратиться не постороннимъ посредничествомъ, но одною силою пріязни, соединяющею его съ Наполеономъ, и обоюдными выгодами ихъ имперій. Новое доказательство дружбы нашего государя принято было Наполеономъ благодарно, но не имѣло вліянія на укрощеніе враждебныхъ замысловъ его противъ Россіи. Русскіе посланники, находившіеся при дворахъ, союзныхъ съ Наполеономъ, положительно доносили объ ихъ вооруженіяхъ, равно какъ и Чернышевъ, успѣвшій получить самые подробные строевые рапорты и свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія французскихъ войскъ. Немедленному открытію войны препятствовала зима и то, что Наполеонъ не успѣлъ еще условиться съ Швеціею, Австріею и Пруссіею, войска которыхъ онъ хотѣлъ присоединить къ своимъ для нашествія на Россію. Пока не были кончены переговоры съ этими державами и въ намѣреніи воспользоваться временемъ, остававшимся до весны, Наполеонъ всячески старался подстрекать султана не заключать мира съ Россіею. Шестилѣтняя наша война съ Турціею еще не прекращалась. Четыре наши главнокомандующіе: Михельсонъ, князь Прозоровскій, князь Багратіонъ и графъ Каменскій, одинъ за другимъ предводительствовавшіе противъ Порты, не одержали блистательныхъ успѣховъ и не могли принудить султана къ выгодному для Россіи миру. Слава нанести рѣшительное пораженіе туркамъ, уничтожить всѣ ухищренія наполеоновыхъ происковъ въ Константинополѣ и положить конецъ войнѣ въ ту минуту, когда

Россіи грозило нашествіе, досталась въ удѣлъ полководцу, имя котораго не умретъ въ памяти благодарнаго отечества—Кутузову.

Въ 1811 году онъ принялъ начальство надъ сорокапятитысячною арміею. Такъ какъ турки превосходили насъ въ числѣ, Кутузовъ дѣйствовалъ оборонительно и велѣлъ срыть бывшія въ рукахъ его крѣпости на правомъ берегу Дуная, за исключеніемъ Рущука, сохраняя его вмѣсто предмостнаго укрѣпленія. 22-го іюля произошло сраженіе подъ Рущукомъ. Кутузовъ одержалъ побѣду, но, несмотря на успѣхъ, считая себя не въ силахъ держаться за Дунаемъ, разорилъ укрѣпленія Рущука и возвратился на лѣвый берегъ рѣки. Наполеонъ ликовалъ, узнавъ объ отступленіи Кутузова; султанъ праздновалъ оное наравнѣ съ побѣдою; но радость Наполеона и Махмута была непродолжительна. Турки переправились вслѣдъ за Кутузовымъ. Давъ имъ перейти черезъ Дунай, нашъ полководецъ отрядилъ корпусъ на правую сторону рѣки, съ повелѣніемъ напасть на турецкій резервъ, стоявшій тамъ. Резервъ былъ разбитъ, и турецкая армія, лишенная сообщенія съ правымъ берегомъ, была со всѣхъ сторонъ окружена. По полученіи объ этомъ извѣстія, немедленно посланъ былъ курьеръ изъ Парижа въ Константинополь для увѣщанія Порты къ продолженію войны. Между тѣмъ, Кутузовъ привелъ окруженную имъ турецкую армію въ такое затрудненіе, что она должна была питаться конскою падалью. Великій визирь, желая спасти войска отъ неминуемаго плѣна, отъ вѣрной смерти, предложилъ Кутузову перемиріе, вызываясь немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ. Военныя дѣйствія прекратились, и полномочные обѣихъ сторонъ имѣли первое совѣщаніе 18-го октября, въ лагерѣ подъ Журжею. Но вскорѣ произошло промедленіе въ переговорахъ, отъ разногласія въ мирныхъ статьяхъ, что было вожделѣнною вѣстью для Наполеона. Онъ отправлялъ въ Константинополь одного нарочнаго за другимъ, увѣдомляя о скоромъ разрывѣ своемъ съ Россіею, повторяя, что для Порты настало благопріятнѣйшее время воевать противъ Россіи. Для быстроты сношеній съ Турціею, онъ велѣлъ учредить эстафеты отъ Парижа до Царьграда. Такъ прошелъ 1811-й годъ.

III.

Событія отъ января до мая 1812-го года.

Роковой 1812-й годъ засталъ императора Александра и Наполеона въ военныхъ приготовленіяхъ, въ спорахъ и начался новымъ политическимъ насиліемъ со стороны тюльерійскаго кабинета. Наполеонъ былъ недоволенъ Швеціею за несоблюденіе ею во всей строгости запретительныхъ правилъ континентальной системы и за торговлю, веденную ею тайно съ Англіею, не взирая на то, что она находилась съ нею въ войнѣ. Въ январѣ 1812 года, Наполеонъ велѣлъ части французскихъ войскъ, стоявшихъ въ сѣверной Германіи, занять шведскую Померанію и островъ Рюгенъ. Тѣмъ болѣе негодовалъ онъ на стокгольмскій дворъ, что за полтора года предъ тѣмъ французскій маршалъ Бернадотъ, въ которомъ Наполеонъ надѣялся имѣть вѣрнаго помощника, покорнаго исполнителя своихъ замысловъ, былъ избранъ въ наслѣдники шведскаго престола. Ожиданія его не

сбылись. Бернадотъ, сдѣлавшись преемникомъ престола Густава Вазы, постигъ свое высокое назначеніе и принялъ его съ твердымъ намѣреніемъ не быть орудіемъ Наполеона, но посвятить себя благоденствію Швеціи, первымъ условіемъ чего считалъ ненарушимую дружбу съ Россіею. Вслѣдствіе этого онъ далъ самыя положительныя обѣщанія императору Александру, сообщенныя черезъ Чернышева, котораго государь посылалъ къ нему въ исходѣ 1810-го года.

Слѣдствіемъ этихъ сношеній, происшедшихъ отъ самовольнаго занятія Наполеономъ Помераніи и Рюгена, было заключеніе оборонительнаго и наступательнаго договора, подписаннаго въ Петербургѣ 24-го марта. Послѣ подписанія этого договора, государь находился въ самыхъ искреннихъ связяхъ съ стокгольмскимъ дворомъ, особенно съ наслѣднымъ принцемъ, на которомъ, по случаю болѣзни короля, почти исключительно лежало бремя правленія.

Въ то время, когда Россія и Швеція договаривались о союзѣ, Наполеонъ предложилъ, 13-го марта, наслѣдному принцу объявить войну Россіи и вторгнуться въ Финляндію, по полученіи въ Стокгольмѣ извѣстія о переходѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Однако, наслѣдный принцъ отвергнулъ предложеніе Наполеона и убѣждалъ его не начинать войны съ Россіею. Столь-же усиленно уговаривалъ Наполеонъ турокъ не заключать мира, о которомъ шли переговоры въ Букарестѣ. Подстрекая Швецію и Порту къ войнѣ съ Россіею, онъ продолжалъ увѣрять государя въ желаніи своемъ сохранить миръ. 13-го февраля онъ призвалъ къ себѣ Чернышева и говорилъ ему слѣдующее: «Холодность между императоромъ Александромъ и мною произошла отъ рѣшительнаго отказа вашего правительства войти въ разсмотрѣніе статей, по существу своему маловажныхъ. Если съ своей стороны вы не хотите войны и желаете ея избѣжать, то еще можно согласиться на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ точности исполнить Тильзитскій договоръ и всѣ мѣры, принятыя до сихъ поръ противъ англичанъ, съ тѣмъ, однако, измѣненіемъ, чтобы взаимно условиться объ исключительныхъ дозволеніяхъ, на основаніи которыхъ выгоды не были-бы предоставлены однимъ англичанамъ, но раздѣлялись-бы поровну между каждою изъ торгующихъ державъ. Такая сдѣлка отнюдь не повредитъ континентальной системѣ. 2) Заключить торговый договоръ или конвенцію, могущую, сохраняя сущность вашего тарифа, устранить все, что есть въ немъ оскорбительнаго для Франціи. 3) Объ Ольденбургѣ подписать соглашеніе, которое-бы уничтожало вредное вліяніе вашего протеста и было такого содержанія, что вы или ничего не требуете для герцога, или хотите опредѣлительнаго вознагражденія, за исключеніемъ, однако, Данцига, или какой-либо части варшавскаго герцогства».

Съ этими предложеніями Наполеонъ поручилъ Чернышеву отправиться къ государю и, отпуская его, присовокупилъ: «Признаюсь, за два года прежде, я не могъ думать о возможности разрыва Россіи съ Франціею, по крайней мѣрѣ, при жизни императора Александра и моей. Ручательствомъ спокойствія Европы я полагалъ взаимныя чувства наши, которыя и понынѣ сохраняю къ вашему государю. Увѣрьте въ томъ его величество и скажите, что, если судьба опредѣлила двумъ сильнѣйшимъ державамъ на землѣ воевать за пустяки, то я буду вести войну, какъ рыцарь, безъ ненависти и озлобленія, и, если обстоятельства позволятъ, предложу императору

завтракать вмѣстѣ со мною на передовой цѣпи. Настоящій поступокъ мой облегчаетъ мою совѣсть. Изъяснивъ вамъ истинныя мои чувства къ императору, посылаю васъ, какъ моего полномочнаго, въ надеждѣ,что еще успѣемъ согласиться и не будемъ проливать кровь ста тысячъ храбрыхъ за то, что мы не можемъ условиться о цвѣтѣ ленточки. За годъ и меньше, было не трудно примириться; теперь удобнѣе, нежели черезъ три мѣсяца. Если у васъ не хотятъ разрыва съ Франціей, то надобно поторопиться прислать кого-нибудь для переговоровъ. Чѣмъ болѣе будете вы медлить, тѣмъ болѣе умножатся мои приготовленія. Если-же вы рѣшились воевать, то вы дѣйствуете основательно, и всѣ ваши приготовленія въ порядкѣ вещей. Выборъ минуты, когда начнется война, будетъ зависѣть уже не отъ политики, но отъ военныхъ соображеній». По пріѣздѣ въ Петербургъ, Чернышевъ письменно представилъ государю слова, сказанныя ему Наполеономъ. До какой степени мирныя соглашенія, предложенныя 13-го февраля Наполеономъ посредствомъ Чернышева государю, были неискренны и имѣли цѣлью только усыпить Россію, свидѣтельствуетъ то, что наканунѣ, 12-го февраля, онъ заключилъ тайно союзъ съ Пруссіею, обязавшеюся, въ случаѣ войны Наполеона съ Россіею, поставить подъ его знамена 20,000 человѣкъ, съ 60-ю орудіями, и снабжать французскую армію продовольствіемъ во время прохода ея черезъ Пруссію. Берлинскому двору невозможно было оставаться нейтральнымъ въ приближавшейся войнѣ между двумя имперіями. Выборъ, на чью сторону обратиться, также не могъ быть сомнителенъ. Французскія войска занимали Пруссію и нѣсколько крѣпостей ея, а потому государство это должно было согласиться на союзъ съ Наполеономъ, столько-же противный личнымъ чувствамъ короля, сколько и выгодамъ Пруссіи. Ея правительство, убѣжденное въ неодолимости Наполеона и невозможности сопротивляться его волѣ,полагало свое спасеніе въ безпрекословной ему покорности. Союзъ тяготилъ короля, соединеннаго съ государемъ самою тѣсною дружбою. «Жалѣйте обо мнѣ, но не обвиняйте меня», — писалъ онъ императору. — «Если война вспыхнетъ, мы будемъ вредить другъ другу только въ крайнихъ случаяхъ. Сохранимъ всегда въ памяти, что мы друзья, и что придетъ время быть опять союзниками. Уступая непреодолимой судьбѣ, сохранимъ свободу и искренность нашихъ чувствованій».

Въ одно время съ привезенными Чернышевымъ предложеніями, государь получилъ извѣстіе о союзѣ Наполеона съ прусскимъ королемъ и приближеніи французскихъ войскъ къ Одеру. Государь приказалъ объявить Наполеону, что, пока французскія войска останутся въ занимаемыхъ ими тогда позиціяхъ, его величество изъ предѣловъ Россіи не выйдетъ, но переправу главныхъ силъ Наполеона черезъ Одеръ или присоединеніе значительныхъ подкрѣпленій къ авангардамъ ихъ, находившимся по правую сторону Одера, приметъ за объявленіе войны. Этимъ способомъ государь предоставлялъ Наполеону средство избѣгнуть войны и войти въ переговоры.

Считая для прочнаго мира съ Франціею необходимымъ существованіе нейтральнаго государства между нею и Россіею, не занятаго войсками обѣихъ имперій, государь велѣлъ, 27-го марта, извѣстить Наполеона, что предварительнымъ условіемъ для начатія переговоровъ должно быть положительное обѣщаніе его: вывесть

свои войска изъ Пруссіи и уменьшить данцигскій гарнизонъ. Къ этому увѣдомленію приложено было письмо государя къ Наполеону, которое князь Куракинъ долженъ былъ вручить ему лично на частной аудіенціи, и, войдя въ подробнѣйшія объясненія съ Наполеономъ, твердо защищать требованія наши, ни подъ какимъ предлогомъ не ослаблять ихъ, не уступать никакимъ внушеніямъ, «ибо», — сказано въ данномъ ему повелѣніи, — «государь рѣшился скорѣе начать войну, нежели подписать условія, несовмѣстныя съ достоинствомъ и выгодами Россіи».

15-го апрѣля князь Куракинъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона, сообщилъ ему предложенія государя и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Мнѣ невозможно вывести войска изъ Пруссіи: требованіе ваше я считаю обидою. Вы пристаете ко мнѣ съ ножомъ. Честь не позволяетъ мнѣ согласиться. Развѣ въ Петербургѣ до такой степени забылись, что угрозами думаютъ склонить меня на свои желанія? Начнемъ договариваться; условимся въ томъ, чего хотимъ». Посолъ сказалъ, что не можетъ приступить къ переговорамъ, пока не получитъ положительнаго обѣщанія очистить отъ французскихъ войскъ Померанію и Пруссію и уменьшить данцигскій гарнизонъ.— «Вы поступаете, какъ пруссаки передъ Іенскимъ сраженіемъ»,—отвѣчалъ Наполеонъ:—«они требовали вывода войскъ моихъ изъ сѣверной Германіи». — На возраженіе, что самъ Наполеонъ утверждалъ въ Тильзитѣ, насколько необходимо для прочности союза быть между Россіею и Франціею независимому государству, Наполеонъ отвѣчалъ: «Не могу согласиться на ваши предложенія; не настаивайте въ принятіи ихъ, если хотите договариваться».

Всѣ доводы посла были тщетны, и на замѣчаніе его, что наши войска выступятъ за границу, Наполеонъ отвѣчалъ угрозами. И ровно двѣ недѣли, каждый день, нашъ посолъ письменно и словесно обращался къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Маре о подписаніи конвенціи, предложенной императоромъ Александромъ, для начатія потомъ переговоровъ, но каждый разъ Маре извинялся неимѣніемъ повелѣній.

Государю неизвѣстно было, какъ приметъ Наполеонъ рѣшительныя его предложенія и согласится-ли, какъ было предложено, очистить Пруссію и Померанію, для начатія тогда переговоровъ. Въ случаѣ отказа Наполеона остановить дальнѣйшее движеніе своихъ войскъ и переправу ихъ на правый берегъ Одера, государь, рѣшаясь принять это за объявленіе войны, рѣшилъ выступить за границы и дѣйствовать наступательно. Для перехода черезъ Нѣманъ избраны были три мѣста: Олита, Меречъ и Гродно. Въ непроницаемой тайнѣ и подъ видомъ сплавки хлѣба и лѣса въ Кенигсбергъ, свозили въ эти мѣста большіе запасы продовольствія, а для построенія мостовъ лѣсъ, якоря, канаты. Корпуснымъ командирамъ разосланы были повелѣнія о принятіи нужныхъ мѣръ къ выступленію по первому о томъ извѣстію. Куда имъ слѣдовать, гдѣ переходить границу и какъ потомъ дѣйствовать,—все подробно было объяснено въ повелѣніяхъ, данныхъ имъ въ конвертахъ, запечатанныхъ императорскою печатью. Корпуснымъ командирамъ разрѣшалось вскрыть конверты не прежде, какъ по полученіи приказаній къ выступленію. Все было готово къ походу за Нѣманъ, если-бы значительныя силы Наполеона показались на правой сторонѣ Одера, какъ вдругъ новое политиче-

ское происшествіе разрушило наступательныя предначертанія и заставило помыслить объ иномъ родѣ войны — дѣйствіяхъ оборонительныхъ.

Австрія, до марта мѣсяца 1812 года, не заключала съ Франціею никакихъ обязательствъ, но, видя приближеніе разрыва Россіи съ Наполеономъ, собирала въ Галиціи наблюдательный корпусъ, желая въ возгоравшейся войнѣ сохранить вооруженный нейтралитетъ. Наполеонъ не согласился на ея желаніе и требовалъ, чтобы вѣнскій дворъ соединился съ нимъ союзнымъ договоромъ. Побѣдителю не смѣли отказать. Австрійскій посолъ въ Парижѣ, князь Шварценбергъ, получилъ приказаніе заключить союзный договоръ и подписалъ его 2-го марта. Въ силу этого договора Австрія и Франція ручались въ неприкосновенности своихъ владѣній и обязывались, въ случаѣ нападенія на нихъ, помогать одна другой 30-ти тысячнымъ корпусомъ. Во время войны Россіи съ Франціею Австрія обязывалась выставить обѣщанные 30.000 человѣкъ къ апрѣлю и подчинить ихъ начальству Наполеона. Наполеонъ ручался, что Галиція останется за Австріею, предоставляя ей, однако-же, на волю, если она пожелаетъ, обмѣнять Галицію на Иллирію. Главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ назначенъ былъ князь Шварценбергъ.

Извѣстіе о союзѣ Наполеона съ Австріею пришло къ государю въ то самое время, когда его величество былъ готовъ дать арміи повелѣніе двинуться за Нѣманъ, если-бы войска Наполеона перешли на правый берегъ Одера или стали подходить значительныя подкрѣпленія къ корпусамъ, расположеннымъ на Вислѣ. Французы начинали уже исподволь, въ небольшихъ отдѣленіяхъ, переправляться черезъ Одеръ. Главнокомандующій 1-ю арміею, Барклай де-Толли, находившійся въ Вильнѣ, испрашивалъ у императора разрѣшенія на движеніе наступательное, донося, что пора трогаться впередъ; но нечаянная вѣсть о союзѣ Австріи съ Наполеономъ измѣнила намѣренія государя на счетъ дѣйствій за Нѣманомъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о союзѣ Наполеона съ Австріею, государь получилъ донесеніе о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу. Хотя его величество еще не имѣлъ отвѣта, какимъ образомъ принялъ Наполеонъ послѣднія предложенія, посланныя 27-го марта, и не зналъ о безуспѣшныхъ настояніяхъ своего посла въ Парижѣ, однако-же, счелъ нужнымъ отправиться къ арміи въ Вильну. Поутру, въ день отъѣзда, императоръ писалъ шведскому принцу: «Извѣстія объ Австріи непріятны, но съ постоянствомъ и твердостью надѣюсь кончить успѣшно приближающуюся борьбу. Раздѣляю мнѣніе Вашего Высочества не отвергать конгресса, если Наполеонъ предложитъ его, съ тѣмъ, однако-же, чтобы первымъ условіемъ переговоровъ была независимость сѣверныхъ державъ. Безъ крайней необходимости, Я не буду начинателемъ. Пріѣхавъ въ Вильну, Мнѣ легче будетъ судить о положеніи дѣлъ и дальнѣйшихъ предпріятіяхъ».

9-го апрѣля, въ два часа пополудни, государь отправился въ армію. Въ коляскѣ съ его величествомъ находился оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой. Передъ отъѣздомъ императоръ слушалъ въ Казанскомъ соборѣ молебствіе, совершенное новгородскимъ митрополитомъ Амвросіемъ. Тысячи молившихся о благополучномъ путешествіи наполняли церковь: ни для кого уже не была тайною на-

стоящая причина отъѣзда императора. Всѣ знали, что монархъ отправлялся туда, гдѣ должна была рѣшиться участь отечества, а съ нимъ и Европы. 14-го апрѣля пріѣхалъ императоръ въ Вильну. Кромѣ адъютантовъ его величества, находились при особѣ его: супругъ великой княгини Екатерины Павловны, принцъ Георгій Ольденбургскій, канцлеръ графъ Румянцовъ, генералы: Беннигсенъ, графъ Аракчеевъ и графъ Армфельдъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Кочубей, государственный секретарь Шишковъ, статсъ-секретарь графъ Нессельроде и бывшіе прежде въ прусской службѣ: министръ баронъ Штейнъ и генералъ-маіоръ Фуль, котораго мнѣнія на счетъ войны тогда пользовались большимъ авторитетомъ.

Первыя двѣ недѣли прошли въ смотрѣ войскъ, государь ѣздилъ по мѣстамъ расположенія 1-й арміи. Исправнѣйшею дивизіею найдена была 3-я пѣхотная, Коновницына. Императоръ назвалъ ее образцовою и поставилъ въ примѣръ прочимъ. «У насъ все еще смирно»,— писалъ государь генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, отъ 19 апрѣля. — «Армія въ самомъ лучшемъ духѣ. Артиллерія, которую Я успѣлъ осмотрѣть, въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все упованіе Мое на Всевышняго, спокойно ожидаю дальнѣйшихъ событій». Ожиданіе было не продолжительно. Наполеонъ, между тѣмъ, отправился изъ Парижа въ Дрезденъ, куда прибылъ 4-го мая. Передъ отъѣздомъ онъ послалъ къ государю своего генералъ-адъютанта, графа Нарбонна, съ предложеніями, повидимому, клонившимися къ миру, но, на самомъ дѣлѣ, для развѣдываній о настоящихъ намѣреніяхъ государя и о происходившемъ въ Вильнѣ. Тогда-же Наполеонъ велѣлъ арміи перейти черезъ Одеръ и приблизиться къ Вислѣ.

Въ исходѣ апрѣля пріѣхалъ въ Вильну графъ Нарбоннъ. «Сообщенія, которыя онъ Мнѣ привезъ»,—писалъ государь наслѣдному шведскому принцу,—«содержатъ въ себѣ множество несправедливыхъ жалобъ на Россію и заключеній, истолкованныхъ совершенно въ превратномъ видѣ». Въ заключеніе объяснены были обстоятельства, побудившія государя заботиться о средствахъ къ оборонѣ. Развитіе этихъ средствъ было потомъ выставлено Наполеономъ единственною причиною разрыва и въ такомъ положеніи дѣлъ оставалось одно средство избѣжать войны, и оно находилось во власти Наполеона, а именно: согласно предложеніямъ государя, очистить Пруссію и шведскую Померанію и потомъ приступить къ переговорамъ.

Такова была сущность отзыва, даннаго графу Нарбонну, котораго государь два раза удостоивалъ принимать въ особенныхъ аудіенціяхъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ Вильны, государь получилъ донесеніе отъ Кутузова о подписаніи имъ предварительныхъ статей мира въ Букарестѣ, не взирая на всевозможные происки французскихъ дипломатовъ въ Царьградѣ, старавшихся склонять Порту къ продолженію войны съ нами. Черезъ день послѣ подписанія предварительныхъ статей мира, пріѣхалъ въ Букарестъ новый главнокомандующій Дунайскою арміи, адмиралъ Чичаговъ. По полученіи изъ Константинополя ратификаціи мира, онъ долженъ былъ съ одною частью арміи выступить черезъ Сербію къ берегамъ Адріатическаго моря и дѣйствовать противъ Наполеона съ славянскими племенами, обитающими тамъ и находившимися тогда подъ владычествомъ Франціи. Кутузовъ, сдавъ Чичагову армію, поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ одно время съ донесеніемъ Кутузова о мирѣ, пришло увѣ-

домленіе изъ Вѣны, что только крайность и изнеможеніе воспретили вѣнскому двору объясниться съ Наполеономъ голосомъ твердымъ и, къ прискорбію, побудили заключить союзъ. Императоръ Францъ убѣждалъ государя войти въ его положеніе и потомъ судить объ его поступкѣ, онъ увѣрялъ въ продолженіи прежней привязанности своей къ Россіи, говорилъ, что отнюдь не будетъ считать себя участникомъ въ злополучной борьбѣ на сѣверѣ, если она загорится; что за исключеніемъ 30,000 человѣкъ, въ которыхъ онъ не могъ отказать Наполеону, требовавшему 50,000, и число которыхъ никогда не будетъ увеличено, доброе согласіе можетъ сохраняться на остальныхъ границахъ, занятыхъ русскими и австрійскими войсками.

Между тѣмъ, Наполеонъ окончательно приготовился къ войнѣ съ Александромъ. Общая численность его войска къ концу 1811-го года, включая союзныя, простиралась до 1.187,000 чел.

Съ такимъ количествомъ войскъ Наполеонъ могъ, не ослабляя своихъ силъ въ Испаніи, двинуть громадную армію противъ Россіи. Однако, несмотря на значительность своихъ силъ, онъ приготовилъ резервъ, на случай неудачи въ замышляемомъ нашествіи. Обыкновенная конскрипція казалась ему для того недостаточною, и онъ прибѣгнулъ къ средству чрезвычайному, призвавъ къ поголовному вооруженію все народонаселеніе французской имперіи и италійскаго королевства. Эта военная сила, названная народною стражею, раздѣлялась на три набора. Употребляя на службу только пятую часть набора, Наполеонъ могъ изъ перваго имѣть подъ ружьемъ 380,000, а изъ второго 800,000 человѣкъ. Народная стража была раздѣлена на когорты, назначенныя только для внутренней службы во Франціи и охраненія границъ ея. Сто когортъ перваго набора, каждая изъ 1,120 человѣкъ, должны были немедленно поступить въ распоряженіе военнаго министра. Несмотря на торжественное обѣщаніе и опредѣленіе сената не выводить когортъ за предѣлы Франціи, большая часть изъ предоставленныхъ въ распоряженіе военнаго министра когортъ перваго набора, 95,000 человѣкъ, въ теченіе 1812 года была послана за Рейнъ, гдѣ изъ нихъ составили маршевые батальоны и потомъ отправили въ Россію.

Устроивъ средства нашествія на Россію и, въ случаѣ надобности, обороны Франціи, Наполеонъ занялся въ началѣ 1812 года образованіемъ такъ называвшейся великой арміи, назначенной противъ Россіи. Она состояла изъ гвардейскаго, 12-ти пѣхотныхъ и 4-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ. Въ гвардейскомъ и пѣхотныхъ корпусахъ находилось по одной легкой кавалерійской дивизіи; число пѣхотныхъ дивизій въ корпусахъ было отъ двухъ до шести.

Гвардія Наполеона была подъ начальствомъ маршаловъ: Мортье, Лефебра и Бессьера. 1-мъ корпусомъ начальствовалъ маршалъ Даву, 2-мъ — Удино, 3-мъ — Ней, 4-мъ — вице-король италійскій, 5-мъ — (польскій корпусъ) Понятовскій, 6-мъ — (баварскій корпусъ) Сенъ-Сиръ, 7-мъ — (саксонскій корпусъ) Ренье, 8-мъ — (вестфальскій корпусъ) Вандамъ, 9-мъ — Викторъ, 10-мъ — Макдональдъ, 11-мъ — Ожеро (Ожеро не вступалъ въ Россію и во время войны находился въ Пруссіи; изъ его корпуса только 3 дивизіи въ теченіе похода вошли въ наши предѣлы.), 12-мъ — (австрійскій корпусъ) князь Шварценбергъ. Всего въ гвардейскомъ и 12-ти пѣхотныхъ корпусахъ было: 603 батальона, 302 эскадрона.

Резервная кавалерія была подъ главнымъ начальствомъ Мюрата, короля неаполитанскаго, подъ начальствомъ маршаловъ: 1-й корпусъ Нансути, 2-й — Монбрена, 3-й — Груши, 4-й — Латуръ-Мобура. Всего 224 эскадрона.

Число непріятельскихъ войскъ, вторгнувшихся въ Россію какъ вмѣстѣ съ Наполеономъ, такъ и послѣ, въ продолженіе войны, составляло, по свѣдѣніямъ, хранящимся во французскомъ генеральномъ штабѣ, до 610,000 строевыхъ, а съ чиновниками разныхъ армейскихъ управленій, маркитантами, деньщиками, ремесленниками и вообще нестроевыми—до 700,000 человѣкъ. Въ арміи находилось 187,111 лошадей и 1,372 орудія, въ томъ числѣ 130 осадныхъ, назначенныхъ противъ Риги. Въ этомъ многочисленномъ воинствѣ участвовали всѣ народы твердой земли Европы, за исключеніемъ шведовъ, датчанъ и турокъ. Оно было предводимо первымъ полководцемъ нашего вѣка и упиралось на цѣпь находившихся во власти его крѣпостей на Вислѣ, Одерѣ, Эльбѣ, Рейнѣ и другихъ мѣстахъ отъ Нѣмана до Пиринеевъ и Средиземнаго моря.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ Тильзитскаго мира, въ Россіи не было дѣлано приготовленій къ войнѣ противъ Наполеона. Важнѣйшею военною мѣрою, принятою въ 1808 году, было учрежденіе запасныхъ рекрутскихъ депо, имѣвшее цѣлью отвращеніе неудобствъ, сопряженныхъ съ скорымъ распредѣленіемъ въ полки рекрутовъ, послѣ пріема ихъ. Такія депо, постепенно усиливаясь и совершенствуясь въ своемъ устройствѣ, составили въ арміи сильный резервъ, который увеличилъ линейную пѣхоту почти четвертою, а кавалерію пятою частью. Первоначально, въ силу именного указа 10-го октября 1808 года, депо были учреждены для одной пѣхоты и, сообразно непремѣнному расположенію войскъ на квартирахъ, находились въ 25-ти мѣстахъ: Заславѣ, Ивенцѣ, Владимірѣ, Дмитровѣ, Ровнѣ, Бѣлгородѣ, Тетюшахъ, Чудновѣ, Рославлѣ, Торопцѣ, Холмѣ, Каргополѣ, Брянскѣ, Новомиргородѣ, Екатеринославѣ, Ахтыркѣ, Ивановскомъ, Старой Русѣ, Харьковѣ, Ольвіополѣ, Бѣломъ, Глуховѣ, Азовѣ, Олонцѣ, Коростынѣ и Ярославлѣ. Число депо соотвѣтствовало числу дивизій (2 гренадерскія и 24 пѣхотныхъ), составлявшихъ въ то время армейскую пѣхоту. Каждое депо дѣлилось на 6 ротъ, по числу полковъ въ дивизіи; въ каждой ротѣ полагались 1 оберъ-офицеръ, 4 унтеръ-офицера и 40 рядовыхъ, командированные отъ полка для сопровожденія и обученія приписанныхъ къ нему рекрутовъ, число которыхъ не было опредѣлено; старались только уравнивать роты количествомъ людей. Кромѣ показаннаго выше числа конвойныхъ чиновъ, отъ каждой дивизіи посылаемы были въ депо 1 штабъ-офицеръ для командованія онымъ, два барабанщика и 6 нижнихъ нестроевыхъ чиновъ, да изъ гарнизонныхъ инвалидныхъ ротъ 1 оберъ-офицеръ исправлять должность адъютанта, 1 унтеръ-офицеръ и 10 рядовыхъ для карауловъ при магазинахъ, лазаретахъ, и т. д. Такимъ образомъ, во всѣхъ 20-ти депо находилось 7,254 дѣйствующихъ и 312 инвалидныхъ чиновъ. Начальство надъ всѣми поручено было главному командиру запасныхъ рекрутовъ. 12-го августа 1809-го года, въ каждомъ депо повелѣно было имѣть рекрутовъ и для конницы, отъ 80-ти до 350-ти человѣкъ; при нихъ отъ кавалерійскихъ полковъ не менѣе 1-го оберъ-офицера, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 12-ти рядовыхъ съ 10-ю лошадьми, и не болѣе 2 оберъ-офицеровъ, 10-ти унтеръ-

офицеровъ и 50-ти рядовыхъ съ 40 лошадьми. Въ такомъ состояніи оставалась эта новая часть военной силы три года. Въ 1811-мъ году произошли въ ней перемѣны и преобразованія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Собственно приготовленія къ войнѣ противъ Наполеона начались съ января 1811 года, когда явно обнаружились враждебные замыслы Наполеона противъ Россіи и его войска начали собираться въ нѣмецкой землѣ. Тогда и императоръ Александръ занялся оборонительными мѣрами, продолжая ихъ весь 1811 годъ. 1-го января 1811 года, всю регулярную военную силу Россіи составляли: 4 полка и 1 батальонъ гвардіи, 14 полковъ гренадерскихъ, 80 мушкетерскихъ и 46 егерскихъ; 6 полковъ и 2 казачьи сотни гвардейской кавалеріи, 6 полковъ кирасирскихъ, 36 драгунскихъ, 5 уланскихъ и 11 гусарскихъ; 25 бригадъ артиллеріи, изъ коихъ 1 гвардейская; 2 полка піонеровъ и 2 учебные гренадерскіе батальона. Во всѣхъ этихъ войскахъ полагалось по штату въ военное время 537,856 человѣкъ.

За всѣми перемѣнами, къ марту 1812 года, регулярную военную силу Россіи составляли, штатное число чиновъ: 6 полковъ гвардейской пѣхоты, въ каждомъ 2,168 — 13,008, 14 полковъ гренадерскихъ, въ каждомъ 2,357 — 32,998, 96 полковъ пѣхоты, въ каждомъ 2,357 — 226,272, 50 полковъ егерскихъ, въ каждомъ 1,511 75,550, 4 полка морскихъ, по 2,422, и гвардейскій экипажъ въ 518 — 10,206, 6 полковъ и 2 сотни гвардейской кавалеріи — 5,308, 8 полковъ кирасировъ, въ каждомъ 949 — 7,592, 36 полковъ драгуновъ, въ каждомъ 955 — 34,380, 5 полковъ улановъ — въ 4 полкахъ по 1,825, да въ Чугуевскомъ 1,467 — 8,767, 11 полковъ гусаровъ, по 1,825 — 20,075, 2 полка піонеровъ, по 2,270 — 4,540, 5 ротъ гвардейской артиллеріи — 1,263, 49 ротъ батарейной пѣшей артиллеріи — 15,534, 54 роты легкой пѣшей артиллеріи — 14,812, 22 роты конной — 6,287, 24 роты понтонныхъ — 5,880, 3 учебные гренадерскіе батальона, въ каждомъ по 1,073 — 3,219, 12 гарнизонныхъ полковъ (30 батальоновъ) и 19 батальоновъ, въ томъ числѣ и гвардейскій — 39.326, 46 батальоновъ и полубатальоновъ внутренней стражи, или 131 рота — 22,008, 397 служащихъ инвалидныхъ командъ, подвѣдомственныхъ внутренней стражѣ, и 22, подчиненныя отдѣльнымъ гарнизоннымъ полкамъ и батальонамъ, въ каждой по 48 — 20,112, 46 подвижныхъ инвалидныхъ ротъ, въ каждой по 170 — 7,820, 77 ротъ артиллерійскихъ гарнизонныхъ и лабораторныхъ — 16,016. Итого къ марту 1812 года — 590,973. Орудій состояло: въ гвардейской артиллеріи 58, въ батарейныхъ ротахъ 686, въ легкихъ ротахъ 548, въ конныхъ ротахъ 264. Итого 1,556.

Всѣ линейныя войска составили: 1 пѣшую гвардейскую, 2 гренадерскихъ, 27 пѣхотныхъ, 1 гвардейскую кавалерійскую, 2 кирасирскихъ и 8 кавалерійскихъ дивизій, 1 гвардейскую артиллерійскую бригаду, 27 полевыхъ артиллерійскихъ бригадъ, 10 бригадъ резервныхъ и 4 бригады запасныхъ. Пѣшія и конныя дивизіи и артиллерійскія бригады вошли въ составъ корпусовъ, квартиры которыхъ были: цесаревича Константина Павловича въ Петербургѣ, графа Витгенштейна въ Ригѣ, Багговута въ Вильнѣ, Эссена въ Слонимѣ, графа Штейнгеля въ Або. Два корпуса: одинъ князя Багратіона, другой Дохтурова, составляли армію князя Багратіона въ Дубно. Войска, дѣйствовавшія противъ турокъ, составляли дунайскую армію, подъ начальствомъ Кутузова. Отдѣльныя дивизіи находились: двѣ пѣхот-

ныя, 19 и 20-я, подъ командою маркиза Паулуччи и Ртищева, въ Грузіи и на Кавказѣ; 28-я, князя Волконскаго, въ Оренбургѣ; 29-я, Глазенапа, въ Сибири; а 13-я пѣхотная, 8-я кавалерійская и 4 запасные батальона въ Одессѣ, подъ начальствомъ дюка де-Ришелье. Три учебныхъ батальона, 2 піонерныхъ полка, запасныя артиллерійскія бригады и нѣкоторыя изъ ротъ резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ не входили въ составъ армій, корпусовъ и отдѣльныхъ дивизій.

15-го марта, велѣно составить 1-ю, 2-ю резервныя и 3-ю обсерваціонную арміи, причемъ 29-го марта, произведенъ рекрутскій наборъ съ 500 по 2 человѣка. Формированіе трехъ резервныхъ армій, ввиду скораго начатія войны, не состоялось, и назначенныя въ составъ ихъ 19 пѣхотныхъ и 9 кавалерійскихъ дивизій поступили частью въ дѣйствующіе корпусы, частью на составленіе отдѣльнаго отряда, расположеннаго при Мозырѣ, подъ начальствомъ генерала Эртеля, частью на укомплектованіе и усиленіе полковъ, частью были расположены въ Ригѣ, Дюнаминдѣ, Митавѣ, Динабургѣ. Кіевѣ, Житомірѣ, а также во внутреннихъ губерніяхъ. Нельзя опредѣлить число людей, находившихся въ новыхъ дивизіяхъ, по ихъ безпрестаннымъ ежедневнымъ передвиженіямъ и убыли, происходившей отъ усиленія ими дѣйствовавшихъ войскъ. Приблизительно было ихъ до 100,000 человѣкъ. Независимо отъ этихъ резервовъ, для шести пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ сформировали въ Псковѣ гвардейскій резервъ, постепенно поступавшій на ихъ укомплектованіе.

Изъ стоявшихъ на западныхъ границахъ и въ Петербургѣ войскъ составили, 19-го марта, двѣ западныя арміи, главнокомандующими которыхъ назначены: первою Барклай де-Толли, второю князь Багратіонъ. Всего въ исходѣ марта 1812 года считалось 6 армій; 1-я и 2-я западныя, дунайская, 1-я и 2-я резервныя и 3-я резервная обсерваціонная. Послѣднія три, какъ сказано выше, не получили окончательнаго образованія. 5-го мая, составилась новая 3-я резервная обсерваціонная армія, подъ начальствомъ Тормасова. Между тѣмъ, въ 1-й и 2-й западныхъ арміяхъ происходили въ послѣдніе два мѣсяца передъ войною безпрерывныя перемѣны, послѣ которыхъ, къ іюню, составъ трехъ армій, назначенныхъ для отраженія нашествія, былъ слѣдующій.

1-я западная армія, подъ командой Барклая де-Толли; составлявшіе пѣхотные корпусы:

1-й, подъ командой графа Витгенштейна въ составѣ:

Пѣхота, 2 дивизіи: 5-я, Берга, и 14-я, Сазонова; 4 сводные гренадерскіе батальона; конница, полки: Рижскій и Ямбургскій драгунскіе, Гродненскій гусарскій и 3 казачьи.

2-й—Багговута:

Пѣхота, 2 дивизіи: 4-я, принца Евгенія Виртембергскаго, и 17-я, Олсуфьева; конница, Елисаветградскій гусарскій полкъ.

3-й—Тучкова 1-го:

Пѣхота, 2 дивизіи: 3-я, Коновницына, и 1-я гренадерская, графа Строганова; 2 сводные гренадерскіе батальона; конница, лейбъ-казаки, Черноморская сотня и Тептярскіе казаки.

4-я—графа Шувалова:

Пѣхота, 2 дивизіи: 11-я, Бахметева 2-го, и 23-я (изъ двухъ бригадъ), Бахметева 1-го; 2 сводные гренадерскіе батальона; конница, Изюмскій гусарскій полкъ.

5-й, или гвардейскій,—цесаревича Константина Павловича:

Пѣхота, 2 дивизіи: гвардейская, Ермолова, и сводная гренадерская; конница, 1-я кирасирская дивизія, Депрерадовича.

6-й—Дохтурова:

Пѣхота, 2 дивизіи: 7-я, Капцевича, и 24-я, Лихачева; конница, Сумскій гусарскій полкъ.

Резервные кавалерійскіе корпусы были подъ командами:

1-й—Уварова:

Полки лейбъ-гвардіи: гусарскій, уланскій и драгунскій; Курляндскій, Казанскій и Нѣжинскій драгунскіе.

2-й—барона Корфа:

Полки: Псковскій, Московскій, Каргопольскій и Ингерманландскій драгунскіе, Польскій уланскій.

3-й—графа Палена:

Полки: Оренбургскій, Сибирскій и Иркутскій драгунскіе, и Маріупольскій гусарскій.

Летучій корпусъ,—войсковаго атамана Платова.

14 Донскихъ и другихъ казачьихъ полковъ.

Всего въ 1-й западной арміи было подъ ружьемъ 127,000 человѣкъ и орудій 558. Люди были раздѣлены: на 150 бат., 134 эскадр., 18 каз. полковъ.

2-я западная армія, подъ командой князя Багратіона; составлявшіе пѣхотные корпусы подъ командой:

7-й—Раевскаго:

Пѣхота, 2 дивизіи: 26-я, Паскевича, и 12-я, Колюбакина; конница, Ахтырскій гусарскій полкъ.

8-й—Бороздина:

Пѣхота, 2 дивизіи: 2-я гренадерская, принца Карла Мекленбургскаго, и сводная гренадерская, графа Воронцова; конница, 2-я кирасирская дивизія, Кнорринга, потомъ Дуки.

4-й резервный кавалерійскій корпусъ графа Сиверса.

Полки: Харьковскій, Черниговскій, Кіевскій и Новороссійскій драгунскіе, Литовскій уланскій.

27-я вновь сформированная пѣхотная дивизія, Невѣровскаго, на маршѣ изъ Москвы.

9 Донскихъ казачьихъ полковъ.

Всего во 2-й западной арміи было подъ ружьемъ 48,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 58 бат., 52 эскадр., 9 каз. полковъ. Орудій 216

3-я резервная обсерваціонная армія, подъ командой Тормасова, состояла:

Пѣхотные корпусы:

Корпусъ графа Каменскаго въ составѣ:

Пѣхота, 18-я дивизія, князя Щербатова, и бригада изъ 6-ти сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ; конница, Павлоградскій гусарскій полкъ.

Корпусъ Маркова:

Пѣхота, 2 дивизіи: 15-я, Назимова, и 9-я; конница, Александрійскій гусарскій полкъ.

Корпусъ Сакена:

Пѣхота, 36-я пѣхотная дивизія, Сорокина, изъ запасныхъ батальоновъ 12-й и 15-й дивизій; конница, Лубенскій гусарскій полкъ и 16 запасныхъ эскадроновъ отъ разныхъ полковъ.

Кавалерійскій корпусъ графа Ламберта:

Полки: Стародубовскій, Тверской, Житомирскій, Арзамасскій. Владимірскій, Таганрогскій и Серпуховскій драгунскіе, и Татарскій уланскій.

9 казачьихъ полковъ, изъ коихъ 5 Донскихъ.

Всего въ 3-й арміи было подъ ружьемъ 43,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 54 бат., 75 эскадр., 9 каз. полковъ. Орудій 168.

Во всѣхъ трехъ арміяхъ было: 262 эскадрона, 36 казачьихъ полковъ, 942 орудія; подъ ружьемъ 218,000 человѣкъ.

Изъ рекрутовъ послѣдняго набора, объявленнаго 29-го марта, сводимыхъ въ Ярославль, Кострому, Владиміръ, Рязань, Тамбовъ и Воронежъ, формировали въ каждомъ изъ этихъ городовъ по 2 полка, въ первыхъ четырехъ по два пѣхотныхъ, въ послѣднихъ двухъ по два егерскихъ. Для всѣхъ 12-ти полковъ, долженствовавшихъ составить двѣ дивизіи, назначалось 23,888 рекрутовъ. Во время формированія назывались полки по нумерамъ и губерніямъ, какъ-то: въ Ярославлѣ егерскій 1-й и 2-й, въ Костромѣ пѣхотный 1-й и 2-й, и т. д. Для замѣщенія штабъ и оберъ-офицерскихъ вакансій поручено было приглашать отставныхъ офицеровъ, имѣвшихъ силу и способности продолжать службу и извѣстныхъ въ кругу дворянства по доброму поведенію. Обмундированіе полковъ, снабженіе обозомъ, подъемными лошадьми производилось отъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ рекруты назначались въ полки. Впослѣдствіи средоточіемъ формированія, порученнаго князю Лобанову-Ростовскому, назначили Владиміръ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до войны, велѣно было полковнику графу Витту составить Украинское конное войско, въ числѣ 4-хъ казачьихъ полковъ, куда поступали мѣщане, цѣховые, помѣщичьи, казенные, экономическіе, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду, по образцу. Въ полки приглашались отставные оберъ и унтеръ-офицеры, чиновники, служившіе въ милиціи, и чиншовая шляхта. Формированіе, вооруженіе и обученіе произведено было въ одинъ мѣсяцъ. Полки именовались Украинскими казачьими, по нумерамъ: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, и поступали въ армію Тормасова. Въ апрѣлѣ 1812 года формировался

въ Дерптѣ, по вызову отставного поручика Нирота, на собственное его иждивеніе, волонтерный изъ дворянъ корпусъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, въ іюнѣ было въ трехъ дѣйствующихъ арміяхъ 218,000, въ запасныхъ и рекрутскихъ батальонахъ и эскадронахъ 100,000, во вновь формировавшихся 12-ти полкахъ 23,800, да 4-хъ Украинскихъ 3,600 человѣкъ. Слѣдовательно, на первый случай, въ готовности для отпора непріятелю и усиленія дѣйствовавшихъ армій, было слишкомъ 335,000 человѣкъ. Сюда не входятъ: 1) два полка піонеровъ, 4,540 чел.; 2) иррегулярные казачьи полки, бывшіе на маршѣ къ арміи.

Кромѣ того, находились: 1) въ Финляндіи и Петербургѣ: 3 пѣхотныя дивизіи, 6-я, 21-я и 25-я, всего 54 батальона, 10 эскадроновъ, 8 рота артиллеріи и 5 полковъ казачьихъ; 2); въ Грузіи: 33 батальона, 10 эскадроновъ, 5 ротъ артиллеріи и 9 казачьихъ полковъ; 3) на Кавказской линіи: 12 батальоновъ, 5 эскадроновъ, 3 роты артиллеріи, 11 казачьихъ полковъ; 4) въ Одессѣ и Крыму: 13-я пѣхотная и одна кавалерійская дивизія и 3 казачьихъ полка; 5) въ Оренбургѣ и Сибири: 27 линейныхъ и гарнизонныхъ батальоновъ, 2 роты артиллеріи и разныя казачьи войска: Уральское, Оренбургское, Ставропольское, Калмыцкое, Башкирское и Мещерякское; 6) въ Дунайской арміи слишкомъ 53,000 человѣкъ и 216 орудій; 7) отдѣльный корпусъ внутренней стражи, состоявшіе на особенныхъ положеніяхъ гарнизонные полки и батальоны и три учебные батальона. Эти различныя войска нельзя было тронуть съ мѣстъ ихъ расположенія. Одни были нужны тамъ, гдѣ стояли, для охраненія предѣловъ государства; другія, въ Финляндіи, для высадки въ Германію, согласно союзному договору съ Швеціею, а Дунайская армія находилась въ Валахіи, ввиду неполученія отъ султана ратификаціи мира.

Запасные артиллерійскіе парки расположены были въ 3 линіи. Парки первой линіи стояли: въ Вильнѣ на 3 дивизіи, въ Динабургѣ на 5, въ Несвижѣ на 1, въ Бобруйскѣ на 2, въ Полонномъ на 3, въ Кіевѣ на 6, итого на 20 дивизій. Парки второй линіи: во Псковѣ на 4, въ Порховѣ на 4, на Шостенокомъ пороховомъ заводѣ на 5, въ Брянскѣ на 4, въ Смоленскѣ на 2, итого на 19 дивизій. Для третьей линіи: въ Москвѣ на 2, въ Новгородѣ на 8, въ Калугѣ на 9, итого на 19 дивизій. Всего, на трехъ линіяхъ, было припасено парковъ на 58 дивизій съ полнымъ числомъ для артиллеріи снарядовъ, а для полковъ патроновъ и запасныхъ кремней. Къ поднятію ихъ было готово потребное число повозокъ, людей и лошадей.

Съ такими силами приготовлялась Русь православная встрѣтить грозное нашествіе непобѣдимаго дотолѣ завоевателя.

IV.

Послѣднее время передъ войною.

Наполеонъ, ожидая возвращенія графа Нарбонна изъ Вильны уже двѣ недѣли жилъ въ Дрезденѣ. Онъ стоялъ тогда на высшей степени могущества. Владѣтели Рейнскаго союза поспѣшили въ Дрезденъ представиться своему покровителю. Туда-же прибыли и новые его союзники: императоръ австрійскій съ семействомъ и король прусскій съ наслѣднымъ принцемъ. Въ ожиданіи готовившагося великаго событія, взоры всѣхъ были обращены только на Наполеона:

за его движеніями и словами слѣдило общее вниманіе. Король Саксонскій казался постороннимъ лицомъ въ своей столицѣ, Наполеонъ— настоящимъ повелителемъ и хозяиномъ. Въ занимаемомъ имъ дворцѣ онъ часто давалъ обѣды, и бывали вечернія собранія для его данниковъ. Слава Наполеона, еще не помраченная пораженіями, озарялась непрерывною цѣпью побѣдъ надъ всѣми его непріятелями. Безпримѣрное поприще, имъ пройденное, слѣпое повиновеніе подвластныхъ ему странъ, готовность его союзниковъ содѣйствовать новому предпріятію, многочисленная армія, опытная въ бояхъ и убѣжденная въ его неодолимости, все до такой степени исполнило его высокомѣріемъ, что онъ пересталъ принимать неудачи въ расчеты своихъ замысловъ, считая всякое сопротивленіе своей волѣ невозможнымъ и ставя себя выше ударовъ судьбы.

Его армія была уже на Вислѣ. Даву стоялъ въ Эльбингѣ и Маріенбургѣ, Удино въ Маріенвердерѣ, Ней и гвардія въ Торнѣ, вице-король въ Плоцкѣ, Вандамъ, Ренье, Сенъ-Сиръ, Понятовскій и четыре резервные кавалерійскіе корпуса между Варшавою и Модлиномъ, Макдональдъ близъ Кенигсберга, австрійцы у Лемберга. Разные отряды и команды, замедлившіе прибытіемъ ввиду величины пространства, по которому они шли къ предѣламъ Россіи со всѣхъ концовъ Европы, отъ Пиринейскихъ горъ и Неаполя, присоединялись къ арміи, пополняли корпусы, стоявшіе отъ устьевъ Вислы до Карпатскихъ горъ. Войска готовы были выступить по первому повелѣнію изъ Дрездена, но Наполеонъ не приводилъ ихъ въ движеніе вслѣдствіе неприбытія Нарбонна изъ Вильны. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи отвѣта отъ государя, онъ приказалъ своему послу въ Петербургѣ, Лористону, испросить отъ нашего двора разрѣшеніе ѣхать въ Вильну и представить государю, что настоянія о выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи оскорбительны, что ими посягаютъ на независимость короля прусскаго и какъ-будто требуютъ отъ этого монарха разрыва обязательствъ, заключенныхъ имъ съ Франціею.

Порученіе, данное Лористону, предложенія, сдѣланныя Нарбонномъ въ Вильнѣ, всѣ переговоры, веденные Наполеономъ въ теченіе двухъ лѣтъ, были ничто иное, какъ слабая дань, платимая имъ народному праву и дипломатическимъ обычаямъ вѣка. Рѣшивъ въ умѣ своемъ войну съ Россіею, онъ не хотѣлъ показать себя несправедливымъ начинателемъ, навлечь на себя новые упреки въ страсти къ завоеваніямъ. Нося въ глазахъ свѣта личину умѣренности, онъ не переставалъ дѣлать Портѣ всевозможныя внушенія о продолженіи войны, такъ какъ не зналъ еще, что предварительныя статьи мира уже подписаны въ Букарестѣ, и употреблялъ всѣ способы къ разрыву дружескихъ связей, укрѣпившихся между Россіею и Швеціею. Разными побочными путями онъ сообщалъ наслѣдному принцу ложныя вѣсти, стараясь поселять въ немъ недовѣріе къ государю и возбуждать подозрѣнія. Ни шведы, ни турки не послушались его. Наслѣдный принцъ отвергалъ ухищренія Наполеона и доводилъ ихъ до свѣдѣнія государя, а турки, благодаря Кутузову, наконецъ, увѣрились, что помогать Наполеону въ его замыслахъ значило стремиться къ собственной пагубѣ, такъ какъ никто не могъ-бы противиться ему на твердой землѣ, если-бы онъ одолѣлъ Россію.

Еще Нарбоннъ не возвращался въ Дрезденъ и отправленный къ Лористону курьеръ не могъ, по расчету времени, доѣхать до

Петербурга, какъ вдругъ, 9-го мая, Наполеонъ велѣлъ корпусамъ, стоявшимъ на Вислѣ, готовиться къ походу черезъ Восточную Пруссію. Съ цѣлью ввести государя въ заблужденіе относительно ихъ движенія и отвлечь вниманіе его величества въ противную сторону, Наполеонъ приказалъ князю Шварценбергу распускать слухи о маршѣ 100,000 человѣкъ черезъ Лембергъ къ Волыни, показывать видъ, будто дѣлаются распоряженія для этого марша, разглашать о направленіи еще одной арміи черезъ Трансильванію, въ тылъ бывшимъ на Дунаѣ нашимъ войскамъ. Онъ велѣлъ князю Шварценбергу именоваться командиромъ 1-го вспомогательнаго корпуса, чтобы тѣмъ удостовѣрить государя, что Австрія выставляетъ не одинъ, но нѣсколько корпусовъ. Вице-королю италійскому въ Плоцкѣ и вестфальскому королю въ Варшавѣ дано знать о принятіи, повидимому, такихъ мѣръ, изъ которыхъ можно было-бы заключить, будто главныя силы Наполеона идутъ въ Волынскую губернію.

Для воспламененія поляковъ и возбужденія ихъ къ пожертвованіямъ въ продолженіе войны, назначенъ въ Варшаву французскимъ посломъ Мехельнскій архіепископъ Прадтъ. Данныя ему наставленія заключали въ себѣ, по собственному его увѣренію, полный сводъ мятежническихъ правилъ, какими эфемерныя правительства, бывшія во Франціи со временъ революціи, волновали страсти народа и держали умы въ безпрестанномъ броженіи. Какъ важное обстоятельство, объясняющее дальнѣйшія намѣренія Наполеона, въ случаѣ, если-бы нашествіе на Россію кончилось успѣшно, должно замѣтить повелѣніе, также данное архіепископу, о сохраненіи добраго согласія съ Пруссіею и Австріею до извѣстной поры, послѣ чего не будетъ уже болѣе надобности щадить эти державы. «Я иду въ Москву»,—сказалъ Наполеонъ Прадту,—«и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ; Москва—сердце имперіи; безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта».

При такой самоувѣренности, при такихъ кичливыхъ помыслахъ Наполеона, возвратился къ нему изъ Вильны, 16-го мая, графъ Нарбоннъ, съ настоятельнымъ требованіемъ государя объ очищеніи Пруссіи французскою арміею. Отдавая отчетъ въ своемъ порученіи, Нарбоннъ присовокупилъ: «Я не замѣтилъ въ русскихъ ни унынія, ни надменности. Императоръ Александръ изъявилъ мнѣ сожалѣніе о разрывѣ союза съ Франціею, говоря, что не онъ первый подалъ къ тому поводъ, и, хотя знаетъ силу и дарованія вашего величества, однако-же, при одномъ взглядѣ на карту Россіи, легко убѣдиться, что для обороны мѣста станетъ и что ни подъ какимъ видомъ не подпишетъ онъ унизительнаго для Россіи мира». Величіе души, выражавшееся въ отвѣтѣ государя, не было постигнуто Наполеономъ. Не вѣрилъ онъ твердости Александра и за свое заблужденіе заплатилъ престоломъ и ссылкою. Выслушавъ Нарбонна, онъ рѣшился не откладывать далѣе нашествія на Россію и на другой день, 17-го мая, въ три часа утра, выѣхалъ изъ Дрездена въ Торнъ. Послѣ его отъѣзда Дрезденъ опустѣлъ. Союзники Наполеона возвратились въ свои владѣнія, немногіе съ желаніемъ ему побѣдъ, большая часть съ тайною къ нему ненавистью, но всѣ въ ожиданіи своей участи, зави-

сѣвшей отъ развязки начинавшейся войны. Глубоко было униженіе, до котораго низошли владѣтельныя лица; однако-же, позволяемъ себѣ думать, что находились между ними завидовавшіе въ глубинѣ души славнымъ опасностямъ, предстоявшимъ императору Александру, и желавшіе быть на мѣстѣ того, кто ополчался одинъ за всѣхъ.

Въ то время, когда Наполеонъ, ожидая въ Дрезденѣ отвѣта изъ Вильны, окруженный раболѣпными союзниками, наслаждался почестями счастливаго побѣдителя, Александръ былъ въ Вильнѣ одинъ, среди вѣрныхъ своихъ дружинъ. Дрезденъ и Вильна представляли совершенную между собою противоположность. На берегахъ Эльбы—шумныя великолѣпныя пиршества, театральныя представленія, для которыхъ привезены были лучшіе актеры изъ Парижа, а на берегахъ Виліи—все тихо, спокойно, какъ чистая совѣсть того, кто, оставленный всѣми на произволъ собственныхъ силъ своихъ, отдавалъ послѣднія повелѣнія объ отпорѣ грознаго нашествія. Арміи, въ полной готовности встрѣтить непріятеля, занимали слѣдующее расположеніе. Первая, Барклая де-Толли, стояла вправо и влѣво отъ Вильны, слѣдующимъ образомъ: 1-й корпусъ, графа Витгенштейна, въ Россіенѣ и Кейданахъ; авангардъ, подъ командою Кульнева, въ Юрбургѣ. 2-й корпусъ, Багговута, между Свентою и Виліею, упираясь лѣвымъ флангомъ въ село Оржишки; авангардъ, подъ командою Всеволожскаго, при Яновѣ. 3-й корпусъ, Тучкова 1-го, при Трокахъ; авангардъ, подъ командою князя Шаховскаго, въ Высокомъ Дворѣ. 4-й корпусъ, графа Шувалова, въ Олькеникахъ; авангардъ, подъ начальствомъ Дорохова, въ Оранахъ. 6-й корпусъ, Дохтурова, и 3-й резервный кавалерійскій, графа Палена, у Лиды; авангардъ, подъ начальствомъ графа Палена, въ Лебедѣ. 5-й корпусъ, гвардія, цесаревича великаго князя Константина Павловича въ Свенцянахъ. 1-й резервный кавалерійскій корпусъ, Уварова, въ Вилькомирѣ. 2-й резервный кавалерійскій корпусъ, барона Корфа, въ Сморгонахъ. Вторая армія, князя Багратіона, расположена была такъ: 8-й корпусъ, Бороздина, у Волковиска, 7-й, Раевскаго, у Новаго Двора. 4-й резервный кавалерійскій, графа Сиверса, у Зельвы. Третья армія, Тормасова, стояла у Луцка. 16 казачьихъ полковъ, собранныхъ въ отдѣльный корпусъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Платова, въ Гродно. Для защиты Припети былъ въ Мозырѣ корпусъ Эртеля, изъ запасныхъ батальоновъ и эскадроновъ, и 3-хъ казачьихъ полковъ, всего 9,500 человѣкъ.

Причиною пространнаго размѣщенія нашихъ армій была позиція войскъ Наполеона, стоявшихъ отъ Кенигсберга до Люблина, почему и нельзя было предугадать, въ какомъ мѣстѣ вторгнутся они въ Россію, ибо на походѣ отъ Вислы къ Нѣману они могли съ одинаковою выгодою сосредоточиться на любомъ пунктѣ между Тильзитомъ и Брестомъ. Такое расположеніе непріятеля не дозволяло соединить русскую армію на одну какую-либо точку границъ нашихъ. Судя по мѣстности, полагали, что Наполеонъ устремится на Вильну, какъ то и дѣйствительно случилось. Поэтому, при вторженіи непріятеля, 1-я армія должна была собраться въ окрестностяхъ Свенцянъ, находившихся почти въ равномъ разстояніи отъ Россіенъ и Кейданъ, гдѣ было правое крыло арміи, или корпусъ графа Витгенштейна, и отъ Лиды, гдѣ стояло лѣвое крыло, или корпусъ Дохтурова. Корпусные командиры получили предварительныя приказанія,

по какому пути отходить на сборное мѣсто, когда непріятель переправится, однако, не отступать прежде полученія на то повелѣнія. Только графу Виттенштейну разрѣшено было начать отступательное движеніе по собственному усмотрѣнію, въ двухъ случаяхъ: 1) если непріятель обратитъ большія силы противъ его праваго крыла и 2) если стоявшій лѣвѣе отъ него корпусъ Багговута будетъ принужденъ податься назадъ. Корпусамъ 1-й арміи назначалось отходить по слѣдующимъ направленіямъ: графу Витгенштейну изъ Кейданъ къ Солоку, Уварову отъ Вилькомира къ Полушу, Багговуту отъ Оржишекъ къ Колтынянамъ, Тучкову отъ Высокаго Двора и графу Шувалову отъ Ольканикъ къ Свенцянамъ, Корфу изъ Сморгонъ къ Константинову, Дохтурову изъ Лиды къ Кобыльникамъ. Итакъ, по переправѣ непріятеля черезъ Нѣманъ, 1-я армія должна была, отступивъ, занять центромъ Свенцяны, правымъ флангомъ упираться къ Солоку, лѣвымъ къ Кобыльникамъ, и въ этомъ положеніи ожидать, что укажутъ обстоятельства: рѣшиться-ли на сраженіе или отступать.

Распоряженія для прочихъ войскъ заключались въ слѣдующемъ: 1) Платову съ казаками дѣйствовать изъ Гродно во флангъ и тылъ непріятельскихъ корпусовъ, когда они станутъ переправляться черезъ Нѣманъ. 2) Въ подкрѣпленіе Платову назначалась 2-я армія, князя Багратіона. 3) Тормасовъ долженъ былъ наблюдать за движеніями непріятелей и, если они обратятся на него, превосходя силами, отступать къ Кіеву; если-же непріятель будетъ противъ него въ незначительномъ числѣ,—идти къ Пинску, усилить себя корпусомъ Эртеля, стоявшимъ у Мозыря, и дѣйствовать въ правый флангъ непріятельскимъ войскамъ, обращеннымъ противъ князя Багратіона. Въ такомъ случаѣ, Тормасову предписано было оставить Сакена у Стараго Константинова, для наблюденія надъ Галиціею.

Таковы были главныя черты операціоннаго плана: предпринимая войну оборонительную, хотѣли сообразоваться съ движеніями Наполеона. Каждая изъ армій, найдя противъ себя непріятеля, превосходящаго силами, должна была избѣгать сраженій, отступая мало-по-малу. Между тѣмъ, другая армія, противъ которой не нашлось-бы сильнаго непріятеля, должна была рѣшительно подвигаться впередъ, принуждать къ отступленію всѣ сопротивляющіяся ей силы и дѣйствовать отрядами во флангъ и тылъ сильнѣйшаго непріятеля. Арміямъ велѣно было, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, взаимно оказывать одна другой вспомоществованіе. Государь приказалъ корпуснымъ командирамъ быть въ непрерывной связи съ войсками, стоявшими отъ каждаго изъ нихъ вправо и влѣво, безпрестанно посылать вдоль границъ разъѣзды и обо всемъ, что случится въ мѣстахъ расположенія ихъ, доносить въ главную квартиру и извѣщать ближнихъ генераловъ. Онъ запретилъ главнокомандующимъ и корпуснымъ командирамъ подавать поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, задирать непріятеля, переходить на лѣвый берегъ Нѣмана, но велѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить войска Наполеона, если они сдѣлаютъ явное нападеніе. При переправѣ ихъ черезъ Нѣманъ, приказано препятствовать ихъ намѣренію, слабаго непріятеля бить и уничтожать, а отъ сильнѣйшаго отступать по данному направленію и, отходя назадъ, на каждомъ шагу ставить препятствія, портить дороги, истреблять гати и мосты, дѣлать засѣки.

При отступленіи приказано уводить съ собою всѣхъ земскихъ чиновниковъ, могшихъ дать хоть малое понятіе непріятелю о состояніи края или способствовать ему къ добыванію продовольствія и взиманію налоговъ. Назначено также увозить изъ архивовъ описи и всякаго рода статистическія свѣдѣнія. Казенныя деньги и имущество изъ пограничныхъ таможенъ и почтовыхъ конторъ отправлены въ Вильну, Кіевъ и Житомиръ; ненужныя артиллерійскія и коммиссаріатскія вещи препровождены изъ Вильны въ Смоленскъ; полковыя тяжести заблаговременно отосланы назадъ. Во всей арміи продолжались инспекторскіе смотры. Губерніямъ Курляндской, Виленской, Минской, Гродненской, Кіевской, Волынской, Подольской и областямъ Бѣлостокской и Тарнопольской повелѣно состоять подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ главнокомандующихъ арміями. Первыя четыре изъ упомянутыхъ губерній и Бѣлостокская область составили военный округъ 1-й арміи, а послѣднія три, съ областью Тарнопольскою, военный округъ 2-й арміи. Вездѣ, гдѣ предполагались военныя дѣйствія, устроены были обильные магазины. Линіи запасовъ шли отъ Нѣмана, с одной стороны—къ Двинѣ и Великимъ Лукамъ, съ другой къ Волынской и Минской губерніямъ *). Въ теченіе апрѣля и мая, съ величайшею дѣятельностью продолжали укрѣплять Кіевъ и особенно Ригу. Укрѣпляли также Борисовъ, съ цѣлью прикрыть Смоленскую дорогу и имѣть сообщеніе между Бобруйскомъ и Динабургомъ, заложенными въ 1810-мъ году. Строили укрѣпленные лагери близъ Кіева и на лѣвомъ берегу Двины, у Дриссы. Для обезпеченія соединенія 1-й и 2-й армій, укрѣпляли мѣстечко Мосты на Нѣманѣ. О дальнѣйшемъ отступленіи во внутренія губерніи Имперіи не было и мысли. Оно совсѣмъ не входило въ соображеніе при началѣ войны. Перенесеніе театра войны въ сердце Россіи произошло не отъ намѣренія, заранѣе принятаго, но было слѣдствіемъ обстоятельствъ, которыхъ никакая человѣческая прозорливость предвидѣть не могла.

ГЛАВА II.

Вторженіе Наполеона въ Россію.

I.

Вторженіе Наполеона.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ взирали народы Европы на возгаравшуюся борьбу. Они желали ея и вмѣстѣ страшились, ибо война эта должна была или освободить ихъ отъ ига, или довершить всемірное владычество завоевателя. Покореніе Россіи было преддверіемъ къ величайшимъ измѣненіямъ, когда-либо предстоявшимъ просвѣщенному міру. На поляхъ нашего отечества надлежало рѣшиться вопросамъ о гражданской и политической жизни государствъ. Быть-ли каждому изъ нихъ управляему собственными законами или уложеніемъ Наполеона? Имѣть-ли каждому свою монету, вѣсъ, мѣры или

*) 625,855 четвертей муки, 58,446 крупъ и 774,080 овса были запасены въ Ригѣ, Динабургѣ, Дриссѣ, Диснѣ, Великихъ Лукахъ, Бобруйскѣ, Рогачевѣ, Кіевѣ, Шавлѣ, Вильнѣ, Вилькомирѣ, Свенцянахъ, Гродно, Брестѣ, Слонимѣ, Слуцкѣ, Пинскѣ, Мозырѣ, Старомъ Константиновѣ, Житомирѣ, Заславѣ, Острогѣ, Дубно, Луцкѣ, Ковнѣ, Сосницахъ, Трубчевскѣ.

принять мѣры, вѣсъ и монету, введенные во Франціи? Отправлять-ли торговлю путями, начертанными природою и взаимными потребностями народовъ, или подчинить себя самоуправству французскихъ таможенныхъ постановленій? Быть-ли царствамъ самостоятельными или превратиться всѣмъ европейскимъ странамъ въ одну общую страну, съ одною общею столицею — Парижемъ? Оставаться-ли древнимъ царственнымъ поколѣніямъ на своихъ вѣковыхъ престолахъ, или уступить ихъ родоначальникамъ новыхъ монархій — маршаламъ Наполеона и корсиканскимъ выходцамъ? Существовать-ли между державами равновѣсію, три столѣтія обезпечивавшему ихъ независимость, или вмѣсто его быть безусловному владычеству прихотей завоевателя? Признавать-ли законность престоловъ, какъ происходящую отъ власти Божіей, или отбросить это спасительное вѣрованіе и взирать на вѣнцы царей, какъ на добычу, доступную праву силы?

Одна Россія являлась оплотомъ, преграждавшимъ потокъ всеразрушительныхъ правилъ, удерживала стремленіе быстрой рѣки, гордой тысячью поглощенныхъ ею источниковъ. Отъ Александра ждала Европа спасенія, но, въ тайнѣ возсылая мольбы объ успѣхахъ его въ предстоявшей брани, выставляла свои полки подъ знамена Наполеона. Трудно описать, какъ велико было въ его арміяхъ желаніе участвовать въ нашествіи на Россію. Французы полагали, что война 1812 года будетъ послѣднею, предпринимаемою Наполеономъ, и тотъ изъ нихъ, кого не назначали въ армію, собиравшуюся на Одерѣ и Вислѣ, считалъ себя несчастливымъ, навсегда лишеннымъ блистательной будущности. Владѣтели Рейнскаго союза и другіе данники Наполеона знали, что только безпрекословною покорностью къ завоевателю они могли нѣкоторымъ образомъ обезпечить свое бытіе, а потому войска ихъ, кромѣ весьма малыхъ изъятій, шли въ Россію, готовыя сражаться за Наполеона до послѣдней капли крови. Наполеонъ и полчища его не сомнѣвались въ побѣдѣ, обрекали Россію на погибель, дробили и дѣлили ее въ мысляхъ, смотрѣли на походъ, какъ на торжественное шествіе въ Петербургъ и Москву.

Въ Россіи желаніе войны было почти общее. Немногіе постигали важныя выгоды, пріобрѣтенныя Тильзитскимъ миромъ, слѣдствіемъ котораго было присоединеніе къ Россіи Бѣлостокской области, Финляндіи и Бессарабіи. Происшедшія послѣ этого мира остановка въ торговлѣ, затрудненіе въ сбытѣ произведеній за море, препятствія въ денежныхъ оборотахъ считались дѣйствіемъ принужденія, угожденій Наполеону, неудачъ военныхъ. Роптало оскорбленное самолюбіе великой имперіи, издавна оглашаемой одними побѣдными кликами. Радовались, что правительство принимало дѣятельныя мѣры къ войнѣ; рекрутскіе наборы производились съ неимовѣрнымъ успѣхомъ. Но какое-то всеобщее недоумѣніе распространилось повсюду, когда приблизился часъ борьбы съ тѣмъ исполиномъ, чьи подвиги гремѣли даже въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи: то былъ не страхъ, но безпокойство, весьма понятное въ государствѣ, только по преданіямъ глубокой старины знавшемъ о нашествіяхъ непріятельскихъ.

Кто не жилъ во время Наполеона, тотъ не можетъ вообразить себѣ степень его нравственнаго могущества, дѣйствовавшаго на умы современниковъ. Имя его было извѣстно каждому и заключало въ

себѣ какое-то безотчетное понятіе о силѣ безъ всякихъ границъ. Къ воинской славѣ Наполеона, наполнявшей воображеніе всѣхъ, присоединились необыкновенныя явленія въ природѣ. Читаемъ въ лѣтописяхъ нашихъ, что передъ вторженіемъ татаръ въ Россію солнце и мѣсяцъ измѣняли видъ свой, и небо чудесными знаменіями какъ будто предувѣдомляло землю о грядущемъ горѣ. Такъ и передъ Отечественной войною: только и слышно было о наводненіяхъ, вихряхъ, пожарахъ. Кіевъ, Саратовъ, Астрахань, Брянскъ, Рига, Архангельскъ, Кронштадтъ гибли отъ огня, дымъ пепелищъ ихъ мѣшался съ дымомъ горѣвшихъ лѣсовъ и земли. Общая молва приписывала эти бѣдствія подосланнымъ Наполеономъ шпіонамъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Подольской губерніи, были пойманы шайки зажигателей. Въ Смоленскѣ, Могилевѣ, Севастополѣ ловили французскихъ шпіоновъ, которые осматривали и описывали Россію, выдавая себя за учителей, лекарей, художниковъ. Говорили въ народѣ, что черезъ ряды пылающихъ городовъ, селеній и храмовъ Божіихъ, Наполеонъ хотѣлъ внести въ Россію оковы вѣчнаго рабства. Всѣ были въ ожиданіи чрезвычайныхъ событій. На небѣ явилась комета. Простолюдины, глядя на бродящую въ небесахъ звѣзду и огромный хвостъ ея, говорили: «Помететъ бѣда землю русскую!»

Среди общей увѣренности Европы въ несомнѣнной побѣдѣ Наполеона и среди недоумѣнія Россіи, не колебался — только Александръ. Можетъ быть, нѣкоторыми снисхожденіями къ желаніямъ Наполеона онъ успѣлъ-бы на короткое время отдалить войну, но отсрочка была-бы непродолжительна. Одна уступка повлекла-бы за собою другую, и кто могъ указать, гдѣ кончились-бы угожденія тому, кто, не бывъ въ состояніи превозмочь обуревавшей его страсти къ завоеваніямъ, считалъ для себя Европу слишкомъ тѣсною? Оставалось поникнуть передъ нимъ главою или вступить съ нимъ въ бой на жизнь и смерть. Александръ избралъ послѣднее. Одинъ, безъ союзниковъ, съ теплою вѣрою въ Бога, съ безпредѣльнымъ довѣріемъ къ своему народу, онъ не уклонился отъ войны съ непобѣдимымъ дотолѣ завоевателемъ. Не для собственной только защиты извлекалъ Александръ мечъ: онъ хотѣлъ стать за независимость державъ, за права угнетеннаго человѣчества. Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на войну и требовалъ, чтобы въ этомъ смыслѣ понимали ее тѣ, кого назначалъ онъ исполнителями своихъ предначертаній. Когда уже нельзя было сомнѣваться въ разрывѣ съ Наполеономъ, императоръ писалъ собственноручно къ главнокомандующему первой арміи: «Прошу васъ, не робѣйте передъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте, но укрѣпите вашу душу великою цѣлью, къ которой мы стремимся: избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ оно стонетъ, и освободить Европу отъ пѣпей».

Такъ мыслилъ императоръ Александръ, ожидая нашествія двадцати народовъ. Въ то самое время, Наполеонъ, отправившись изъ Дрездена, быстро слѣдовалъ черезъ Глогау и Позенъ къ берегамъ Вислы. Въ Торнѣ онъ далъ окончательное повелѣніе войскамъ идти къ границамъ Россіи. Одни направились черезъ Эльбингъ и Кенигсбергъ къ Ковно, другія, къ Бѣлостоку и Гродно. Потомъ онъ ѣздилъ на четыре дня въ Данцигъ, со времени Тильзитскаго мира укрѣпляемый имъ съ особеннымъ стараніемъ, какъ опора вооруженій про-

тивъ Россіи и складочное мѣсто для его армій. 29-го мая, Наполеонъ прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ занялся устройствомъ продовольствія. Всѣ сухопутныя дороги, ведущія изъ Пруссіи къ нашимъ границамъ, покрыты были обозами съ аммуниціею, госпитальными вещами и всякаго рода запасами и снарядами, также везомыми на судахъ по Вислѣ, Фрищъ-Гафу, Прегелю и каналомъ въ Восточной Пруссіи. За каждымъ полкомъ слѣдовали большіе обозы, запряженные лошадьми и волами, и стада рогатаго скота. Особенно заботился Наполеонъ, чтобы при войскахъ было какъ можно болѣе припасовъ, которые, равно какъ и имѣющійся на людяхъ провіантъ, запрещено расходовать до переправы черезъ Нѣманъ. На походѣ войска должны были получать продовольствіе отъ жителей.

Въ исполненіе повелѣній Наполеона, лошади, рогатый скотъ, повозки, хлѣбъ Пруссіи и варшавскаго герцогства обираемы были безпощадно. Поселянъ принуждали везти послѣдніе остатки ихъ имущества вслѣдъ за полками, предававшимися грабежу. Намѣреваясь захватить русскую армію врасплохъ, Наполеонъ считалъ насильственныя средства необходимыми. Все это дѣлалось на походѣ, на бѣгу, торопливо: край подвергался разоренію, безнравственность въ войскахъ увеличилась, а, между тѣмъ, тяжелые обозы начали отставать и не достигли Нѣмана. Крестьяне, насильно взятые въ погонщики, стали бѣгать, уводя съ собою лошадей. Погонщиковъ замѣняли солдатами изъ фронта, и они морили лошадей, по непривычкѣ обращаться съ ними. Экипажи Наполеона, въ прежнія войны ограниченные самымъ необходимымъ числомъ, теперь состояли изъ множества каретъ, колясокъ, фургоновъ, вьючныхъ лошадей и лошаковъ, нагруженныхъ всѣми возможными припасами, даже предметами самой прихотливой роскоши. Генералы и частные начальники подражали своему повелителю. Идя въ Россію, они истощали свое воображеніе, изыскивая средства, чтобы въ невѣдомой для нихъ странѣ, въ степяхъ нашихъ, какъ они говорили, не встрѣтить въ чемъ-либо недостатка. Цѣпь несмѣтныхъ непріятельскихъ обозовъ, подобно саранчѣ, истребляла все, что встрѣчалось на ея пути.

Непріятельскія войска часъ отъ часу болѣе скоплялись на Нѣманѣ. О безпрестанномъ умноженіи ихъ и приготовленіяхъ къ переправѣ показывали лазутчики, бѣглецы, наконецъ, и наши передовыя цѣпи. Видно было, какъ непріятели свозили лѣсъ и барки и усиливали вдоль рѣки разъѣзды. На многихъ мѣстахъ пробовали они глубину Нѣмана, подъ видомъ купанья, и доходили до половины рѣки. Въ ночное время слышны были съ русскаго берега движенія войскъ, бряцаніе сабель, топотъ и ржаніе лошадей, крики погонщиковъ. Только нельзя было знать точнаго направленія непріятелей: они ходили то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ, въ разныхъ мѣстахъ дѣлали обозрѣнія и съемки и расширяли дороги. У насъ усилили надзоръ, приказывая пикетамъ и разъѣздамъ смотрѣть зорче. Парламентеровъ запретили пропускать въ главныя квартиры и велѣли отбирать отъ нихъ депеши, оставляя переговорщиковъ на передовыхъ цѣпяхъ до полученія отвѣта. Безъ письменныхъ видовъ отъ главнокомандующихъ не разрѣшали въѣзда изъ-за границы и выѣзда изъ Россіи. Береговымъ жителямъ позволяли производить рыбную ловлю только для ихъ пропитанія, да и то возлѣ нашего берега, съ приказаніемъ не выѣзжать на средину рѣки. Со 2-го іюня остановили ходъ почтъ въ

чужіе края, и всякое сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ Нѣмана прекратилось.

Восточная Пруссія и варшавское герцогство были наводнены войскомъ. Выѣхалъ и Наполеонъ изъ Кенигсберга черезъ Велау и Инстербургъ въ Гумбиненъ. Здѣсь онъ получилъ изъ Петербурга донесеніе отъ Лористона объ отказѣ ему въ дозволеніи пріѣхать въ Вильну и о приглашеніи, вмѣсто того, отъ россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ изложить письменно свои требованія. Обстоятельство это, равно какъ требованіе княземъ Куракинымъ паспортовъ для выѣзда изъ Парижа, было принято Наполеономъ за достаточную причину вторгнуться въ Россію безъ объявленія войны. «Дѣло рѣшено», сказалъ онъ: «русскіе, всегда нами побѣжденные, принимаютъ на себя видъ побѣдителей. Они вызываютъ насъ, но, конечно, впослѣдствіи придется намъ благодарить ихъ за такую дерзость. Останавливаться на пути—значитъ не пользоваться настоящимъ благопріятнымъ случаемъ. Отказъ Лористону прекращаетъ мою мнительность и избавляетъ насъ отъ непростительной ошибки. Сочтемъ за милость, что насъ принуждаютъ къ войнѣ; перейдемъ Нѣманъ!» Наполеонъ приказалъ выдать князю Куракину пропускъ для выѣзда изъ Франціи и приказалъ Лористону потребовать себѣ паспортовъ; потомъ разослалъ повелѣнія корпуснымъ командирамъ объ ускореніи марша, и безъ того поспѣшнаго, и отправился въ Вилковискъ, гдѣ продиктовалъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты! Вторая война польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціею и войну съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не считаетъ-ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Россія ставитъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ-же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы».

Приказъ былъ разосланъ не по всей арміи, Наполеонъ запретилъ отдавать его въ двухъ вспомогательныхъ корпусахъ: австрійскомъ и прусскомъ. Онъ полагалъ, что восторженныя слова его не произведутъ желаемаго дѣйствія на этихъ союзниковъ, въ искренности которыхъ онъ сомнѣвался. Князю Шварценбергу и Макдональду велѣно извѣстить въ простыхъ выраженіяхъ корпусы о началѣ военныхъ дѣйствій.

11-го іюня, послѣ обнародованія приказа, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильковиска по дорогѣ въ Ковно. Армія его занимала слѣдующія мѣста: на лѣвомъ крылѣ, въ Тильзитѣ, Макдональдъ; въ центрѣ, противъ Ковно, Наполеонъ съ гвардіею, тремя пѣхотными корпусами: Даву, Нея и Удино, и двумя кавалерійскими: Нансути и Монбрена. Правѣе отъ него, на маршѣ къ Пренамъ, вице-король, съ двумя пѣхотными корпусами, своимъ и Сенъ-Сира, и кавалерійскимъ Груши. Къ Гродно и Бѣлостоку приближался король вестфальскій

съ тремя пѣхотными, корпусами: Понятовскаго, Ренье и Вандама и кавалерійскимъ Латуръ-Мобура. На оконечности праваго крыла, къ Дрогочину, подходилъ князь Шварценбергъ съ австрійцами.

Планъ военныхъ дѣйствій Наполеона заключался въ слѣдующемъ: 1) Самъ Наполеонъ, съ гвардіею и корпусами: Даву, Удино, Нея, Нансути и Монбрена, всего 250,000 человѣкъ, хотѣлъ устремиться изъ Ковно на Вильну, имѣя цѣлью внезапнымъ нападеніемъ на центръ 1-й арміи разбить ее, прежде нежели она успѣетъ соединиться. 2) Братъ его вестфальскій король, съ корпусами Понятовскаго, Ренье, Вандама и Латуръ-Мобура, всего 80,000 человѣкъ, долженъ былъ изъ Гродно произвести такое-же движеніе противъ 2-й арміи. 3) Пасынокъ его, вице-король италійскій, съ корпусами своимъ, Сенъ-Сира и Груши, всего 80,000 человѣкъ, направлялся на Новыя Троки и Рудники, откуда ему велѣно врѣзаться между двумя нашими арміями, пресѣчь взаимное сообщеніе ихъ, не дать имъ соединиться и, въ случаѣ сраженія при Вильнѣ, примкнуть къ Наполеону. 4) На оконечности лѣваго фланга, приказано Макдональду съ 30,000 переправиться у Тильзита и угрожать нашему правому крылу. 5) Князь Шварценбергъ съ 30,000-мъ корпусомъ долженъ былъ переправиться у Дрогочина, идти на Слонимъ и тамъ, судя по обстоятельствамъ, или обратиться противъ князя Багратіона, или заслонить отъ Тормасова путь дѣйствій главной арміи Наполеона.

Во всѣхъ непріятельскихъ корпусахъ, назначенныхъ для первоначальнаго вторженія въ Россію, было подъ ружьемъ 477,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 80,000 конницы. Въ этотъ счетъ не входили 1) нестроевые; 2) маршевые батальоны, слѣдовавшіе въ Россію изъ Франціи и другихъ подвластныхъ Наполеону государствъ; 3) два пѣхотные корпуса, оставшіеся назади: 9-й, Виктора, въ то время подходившій къ Вислѣ, и 11-й, Ожеро, стоявшій въ Берлинѣ, наблюдая за спокойствіемъ въ сѣверной Германіи и предохраняя ее отъ какой-либо высадки Наполеоновыхъ непріятелей. Не взирая на то, что 11-го іюня корпусы вице-короля не дошли еще до Нѣмана и находились у Олецка, а корпусы короля вестфальскаго у Новограда, Наполеонъ рѣшился открыть военныя дѣйствія, съ силами, соединенными противъ Ковно. Онъ не хотѣлъ дожидаться прибытія брата своего и пасынка, расчитывая, что, поспѣшивъ переправою черезъ Нѣманъ съ 250,000 человѣкъ, собранными у Ковно, онъ успѣетъ разбить порознь разобщенные корпусы нашей 1-й арміи.

Передовые непріятельскіе разъѣзды въ разныхъ мѣстахъ были на самомъ берегу Нѣмана. Вдругъ къ одному изъ нихъ, на всемъ скаку запыхавшихся лошадей, подъѣхала сопровождаемая двумя всадниками карета и остановилась посреди бивуаковъ одного польскаго коннаго полка. Изъ кареты вышелъ Наполеонъ съ своимъ начальникомъ главнаго штаба Бертье. Оба сбросили съ себя мундиры. Наполеонъ надѣлъ сюртукъ и фуражку польскаго полковника Поговскаго и вмѣстѣ съ Бертье, тоже переодѣвшимся, поѣхалъ по направленію къ Ковно, отъ котораго бивуаки были расположены въ одномъ пушечномъ выстрѣлѣ. Онъ сошелъ съ лошади и долго осматривалъ окрестность. Черезъ нѣсколько часовъ онъ предпринялъ вторичное обозрѣніе, съ инженернымъ генераломъ Аксо, и потомъ приказалъ навести къ вечеру три моста на Нѣманѣ между Ковно и Понемунями.

На этомъ пространствѣ, почти возлѣ самаго Нѣмана, стояли пѣхота, конница и артиллерія, въ густыхъ, необозримыхъ колоннахъ. Запрещено было разводить огни, и велѣно хранить величайшую тишину, чтобы никакой бивуачный дымъ, никакой шумъ не выдали присутствіе непріятельскихъ силъ на рубежѣ Россіи. Солнце сѣло; наступила темнота, и Наполеонъ прибылъ къ Нѣману руководствовать переправою. При немъ были пущены понтоны на воду, и 300 поляковъ 13-го полка отчалили отъ берега на лодкахъ. Они заняли лежащую на нашей сторонѣ небольшую деревню. Тутъ былъ лейбъ-казачій разъѣздъ. Начальникъ его, Жмуринъ, поскакалъ донести командиру полка графу Орлову-Денисову о переправѣ непріятелей и испрашивалъ приказаній: ударить-ли на нихъ, или отступить? Разъѣзду велѣно собраться и отойти назадъ; о происшедшемъ посланы донесенія. Между лейбъ-казаками и поляками произошло нѣсколько выстрѣловъ. Гулъ ихъ огласилъ песчаные берега Нѣмана.

Такъ началась война, огромнымъ объемомъ своимъ превзошедшая всѣ войны, какія когда-либо освѣщало солнце.

Мосты были наведены въ нѣсколько часовъ и послѣ полуночи, 12-го іюня, заколыхались подъ тяжестью полчищъ, и сотой долѣ которыхъ не суждено было возвратиться на родину, увидѣть отеческій кровъ. Радостно смотрѣлъ Наполеонъ нѣсколько времени на переправлявшіяся войска. Потомъ онъ самъ переѣхалъ на нашъ берегъ. Проскакавъ верстъ 5 по сыпучему песку и печальному еловому лѣсу и не найдя никакого слѣда русскихъ войскъ, онъ возвратился къ Нѣману. Пошелъ проливной дождь, который не остановилъ движенія колоннъ, но испортилъ дороги и замедлилъ переправу. На слѣдующее утро, 13-го іюня, французскій авангардъ занялъ Ковно безъ сопротивленія: казачій разъѣздъ, тамъ находившійся, отступилъ и сжегъ мостъ на Виліи. Подъ вечеръ Наполеонъ прибылъ въ Ковно, гдѣ имѣлъ первый ночлегъ на русской землѣ.

II.

Общее отступленіе русскихъ къ Вильнѣ.

Близость вторженія Наполеона въ предѣлы Россіи не бы[illegible] тайной отъ государя. Его величество зналъ, что на великое пр[illegible] странство лѣваго берега Нѣмана налегли, какъ черныя тучи, войск[illegible] непріятельскія и что въ самомъ скоромъ времени Наполеонъ хотѣл[illegible] переправляться. 10-го іюня государь писалъ графу Салтыкову: «Еже[illegible] часно ожидаемъ быть аттакованы. Съ полною надеждою на Всевыш[illegible] няго и на храбрость россійскихъ войскъ, готовимся отразить не[illegible] пріятеля». Прошелъ еще день. Настало 12-го іюня. Поутру импера[illegible] торъ получилъ донесеніе о намѣреніи непріятелей переходить не[illegible] медленно черезъ Нѣманъ. Тотчасъ велѣно: Платову ударить во фланг[illegible] ихъ, какъ только они переправятся; князю Багратіону поддерживал[illegible] Платова; литовскому военному губернатору отправить изъ Вильн[illegible] внутрь имперіи казенныя деньги, архивы, планы. Три повелѣнія э[illegible] начинались слѣдующими словами, которыя совершенно опровергаю[illegible] укоренившееся ложное мнѣніе, будто Наполеонъ засталъ нашу арм[illegible] врасплохъ: «Всѣ силы Наполеона сосредоточены между Ковно [illegible] Меречемъ, и сего числа ожидается переправа непріятеля чрезъ Н[illegible] манъ».

Для прочихъ лицъ, находившихся въ главной квартирѣ, близость неминуемой войны была тайною. Даже окружавшіе государя не знали, что уже пробилъ часъ развязки. Какъ глубокая тишина предшествуетъ бурнымъ явленіямъ природы, такъ въ самый день 12-го іюня, когда должно было совершиться одно изъ величайшихъ по своимъ послѣдствіямъ событій, въ Вильнѣ все было спокойно. Проведя нѣсколько недѣль въ тщетномъ ожиданіи непріятельскаго нашествія, всѣ привыкли къ мысли, что еще не скоро грянетъ военная гроза. Скучая однообразною жизнью, генералъ-адъютанты просили его величество удостоить своимъ присутствіемъ приготовленный ими въ тотъ день балъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Беннигсена. Императоръ принялъ приглашеніе. Во время бала пріѣхалъ курьеръ, съ донесеніемъ, что непріятели наводятъ мосты на Нѣманѣ. Министръ полиціи Балашевъ, къ которому явился курьеръ, тихонько доложилъ государю о полученномъ извѣстіи. Императоръ приказалъ Балашеву хранить его въ тайнѣ. Балъ длился еще около часа. Никто не догадывался о важности привезеннаго донесенія.

Большая часть ночи съ 12-го на 13-е была проведена государемъ въ трудахъ. Ему одному предлежало принять на себя исполинское бремя защиты имперіи и правъ человѣчества. Сперва государь занимался съ главнокомандующимъ 1-й арміи Барклаемъ де-Толли, который былъ и военнымъ министромъ. По выходѣ отъ его величества, Барклай де-Толли написалъ ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ слѣдующее: «Непріятель переправился близь Ковно, и армія сосредоточивается за Вильною, почему предписывается вамъ начать тотчасъ отступленіе по даннымъ вамъ повелѣніямъ». Платову и князю Багратіону сообщено о немедленномъ начатіи рѣшительныхъ дѣйствій. Потомъ императоръ послалъ за государственнымъ секретаремъ Шишковымъ и сказалъ ему: «Надобно теперь-же написать приказъ къ войскамъ, а въ Петербургъ къ графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы. Скажи, что я не помирюсь, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ».

Краснорѣчивый исполнитель воли монарха выразилъ слѣдующимъ образомъ его мысли и намѣренія, въ приказѣ арміямъ и рескриптѣ графу Салтыкову:

I. Приказъ арміямъ.

«Съ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковно открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и защитника правды, Всемогущаго Творца Небесъ, поставить силы Наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ

напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

II. Фельдмаршалу графу Салтыкову.

Графъ Николай Ивановичъ!

«Французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою Моего народа. Всѣ старанія Мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Кромѣ этого рескрипта, послѣдовавшаго на имя графа Салтыкова, государь написалъ ему въ частномъ письмѣ: «Война началась: непріятель перешелъ на нашу границу выше Ковно. Сосредоточивъ всѣ силы свои подъ Вильною, будемъ готовы отразить его съ помощію Всевышняго». Императоръ извѣстилъ о вторженіи и вѣрнаго своего союзника, шведскаго наслѣднаго принца.

Высочайшій приказъ, прочитанный во всѣхъ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ, воспламенилъ сердца воиновъ мщеніемъ противъ врага Россіи. Если-бы зналъ тогда Наполеонъ рвеніе русскихъ сразиться съ нимъ, если-бы могъ онъ вникнуть въ глубокій смыслъ царскаго изреченія, объявленнаго народу и войску: «не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ», если-бы извѣстна была ему рѣшимость государя и преданность къ престолу русскаго народа, то, вѣрно, отбросилъ-бы онъ суетную надежду покорить Россію! Не отечеству нашему, но скорѣе самому Наполеону можно было примѣнить собственныя слова приказа его, отданнаго имъ при переходѣ черезъ Нѣманъ: «Онъ былъ увлеченъ неизбѣжнымъ рокомъ — судьба его долженствовала совершиться».

Непоколебимо было намѣреніе государя не мириться съ Наполеономъ въ нѣдрахъ Россіи, но онъ хотѣлъ впослѣдствіи склонить его къ переговорамъ. Рѣшивъ бороться до истощенія силъ, императоръ Александръ предвидѣлъ, что начавшаяся война повлечетъ за собою неслыханное до того времени разрушеніе городовъ и селеній, и гибель множества людей. Исчисляя мысленно всѣ бѣдствія, какія должны были перенести его подданные, столь близкіе его добродѣтельному сердцу, предпринимая борьбу на жизнь и на смерть, Александръ вознамѣрился еще разъ предложить Наполеону остано-

вить военныя дѣйствія. 13-го іюня, въ 10 часовъ вечера императоръ велѣлъ позвать къ себѣ Балашева и сказалъ ему: «Ты, вѣрно, не ожидаешь, за чѣмъ я тебя призвалъ. Я намѣренъ отправить тебя къ Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посла, графа Лористона, съ изъясненіемъ, что неотступное требованіе паспортовъ княземъ Куракинымъ для выѣзда изъ Франціи принимается за разрывъ, и вслѣдствіе того дано приказаніе Лористону просить пропусковъ и ѣхать изъ Россіи. Итакъ, въ первый еще разъ я вижу причину, хотя весьма слабую, которою пользуется Наполеонъ, какъ предлогомъ къ войнѣ, но и та ничтожна, потому что князь Куракинъ требовалъ паспортовъ самъ собою, не имѣя отъ меня на то повелѣнія. Онъ видѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, и Наполеонъ, и Маре, и, заключая, что послѣ нихъ не отъ кого будетъ получить паспортъ, настоятельно требовалъ его прежде отъѣзда Наполеона. Наполеонъ присылалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта графа Нарбонна, бывшаго когда-то военнымъ министромъ; въ соотвѣтственность сего, рѣшился я отправить тебя. Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я не ожидаю отъ этой посылки прекращенія войны, но пусть-же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ войну не мы. Я дамъ тебѣ письмо къ Наполеону. Будь готовъ къ отъѣзду».

Во второмъ часу по-полуночи государь опять послалъ за Балашевымъ, прочиталъ ему письмо свое къ Наполеону и, отдавая его, велѣлъ сказать Наполеону словесно, что, если онъ намѣренъ вступить въ соглашеніе, то переговоры могутъ тотчасъ-же начаться, однако, съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы армія его отступила за нашу границу. «Въ противномъ случаѣ», присовокупилъ государь, «даю Наполеону обѣщаніе: пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принимать ни одного слова о мирѣ». Отправленное съ Балашевымъ письмо было послѣднее, писанное Александромъ къ Наполеону. Съ этой поры императоръ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и предоставилъ рѣшеніе борьбы оружію. Тщетно, впослѣдствіи, Наполеонъ писалъ къ Александру: презрительное молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ. Тщетно въ Россіи, Германіи и Франціи отправлялъ Наполеонъ посланниковъ къ государю, съ предложеніемъ вступить въ переговоры: посланные не были принимаемы Александромъ, и перваго изъ нихъ выслушалъ онъ въ Бонди, въ пяти верстахъ отъ Парижа, когда столица Франціи, покоренная его оружіемъ, умоляла о великодушіи. Потомъ еще принималъ Александръ посланныхъ отъ Наполеона, но когда? Въ то время, какъ покинутый войскомъ и Франціею, побѣжденный, лишившійся престола завоеватель изъ Фонтенебло выпрашивалъ у Александра уголка земли, гдѣ онъ могъ-бы сокрыться отъ проклятій, сыпавшихся на него со всѣхъ концовъ вселенной. Тогда Александръ внялъ мольбамъ развѣнчаннаго, безоружнаго. и не отказалъ своему врагу и семейству его ни въ покровительствѣ, ни въ защитѣ.

Предложеніе Наполеону о переговорахъ было также послѣднимъ дѣйствіемъ императора въ Вильнѣ. Получая въ теченіе 13-го числа безпрестанныя донесенія о продолженіи непріятельской переправы черезъ Нѣманъ во многихъ мѣстахъ, его величество отправился въ Свенцяны, на зарѣ 14-го іюня. Барклай де-Толли остался

въ Вильнѣ. Государь пробылъ въ Свенцянахъ шесть дней, пока не сосредоточилась армія, что, какъ легко вообразить, исключительно составляло предметъ его особеннаго попеченія. Корпуснымъ командирамъ было приказано при отправленіи рапортовъ своихъ къ главнокомандующимъ представлять таковые-же къ его величеству. Въ нужныхъ случаяхъ императоръ прямо отъ себя давалъ повелѣнія генераламъ, всегда извѣщая о томъ Барклая де-Толли, находясь съ съ нимъ въ безпрерывной перепискѣ. Иногда государь писалъ къ нему въ день по три раза и входилъ во всѣ подробности движенія корпусовъ, авангардовъ, отрядовъ, обозовъ, госпиталей. Главнокомандующій, съ своей стороны, представлялъ императору копіи отдаваемыхъ имъ предписаній. Корпусные командиры, заблаговременно извѣщенные, куда имъ отступать, при полученіи о томъ повелѣнія, тотчасъ привели войска въ движеніе, одни нѣсколькими часами ранѣе, другіе немного позже, судя по времени, когда доставлены были къ нимъ приказанія. 13-го іюня, къ вечеру, вся армія находилась въ полномъ отступленіи, продолжавшемся и въ слѣдующіе два дня. Корпусы Тучкова и графа Шувалова, отступая къ Вильнѣ, гдѣ былъ главнокомандующій, заняли позицію передъ нею, примыкая правымъ крыломъ въ Виліи, лѣвымъ къ Двору Подвысокому. Графъ Витгенштейнъ шелъ черезъ Вилькомиръ на Солокъ, Багговутъ на Ширвинты, Дохтуровъ изъ Лиды на Ольшаны; гвардія не трогалась изъ Свенцянъ, сборнаго мѣста арміи. Каждый генералъ посылалъ разъѣзды какъ можно ближе къ непріятелю и къ сосѣднимъ корпусамъ, стараясь находиться въ постоянной связи съ ними.

Въ тотъ самый день, когда императоръ выѣхалъ изъ Вильны въ Свенцяны, Наполеонъ окончилъ переправу войскъ при Ковно. Переночевавъ тамъ съ 13-го на 14-е іюня, онъ выступилъ на Жижморы. Первымъ предметомъ его усилій было овладѣть Вильною, городомъ самымъ значительнымъ и многолюднымъ въ возвращенныхъ Россіею отъ Польши губерніяхъ и средоточіемъ расположенія русской арміи, которую Наполеонъ надѣялся разрѣзать быстрымъ движеніемъ. Для достиженія этой цѣли, маршъ непріятельской арміи изъ Ковно былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: 1) впереди, по столбовой дорогѣ изъ Ковно въ Вильну, шли, подъ начальствомъ Мюрата, кавалерійскіе корпусы Нансути и Монбрена; за ними слѣдовали корпусъ Даву и Наполеонъ съ гвардіею; 2) Удино, правымъ берегомъ Виліи, на Яново и Девельтово; 3) Ней, лѣвымъ берегомъ Виліи, на Кормеловъ и Скорули, съ повелѣніемъ поворотить оттуда на Вильну или, въ случаѣ надобности, служить подкрѣпленіемъ для Удино.

При выступленіи Наполеона изъ Ковно онъ былъ остановленъ воплями окрестныхъ жителей, бѣжавшихъ съ семействами изъ своихъ домовъ, куда французы ломились для грабежа. Вся окрестность представляла зрѣлище насилій и разоренія. Болѣе 250,000 войскъ, сосредоточенныхъ 13-го іюня въ скудной и песчаной мѣстности между Виліею и Нѣманомъ, не могли найти продовольствія ни для себя, ни для лошадей и во всѣ стороны ринулись искать его. Поля были потоптаны, цѣлыя деревни разметаны и разобраны для бивуаковъ: устрашенные жители спасались въ лѣса, угоняя съ собою скотъ и оглашая воздухъ жалобными стонами. Такъ ознаменовались первые шаги Наполеона на русской землѣ. 14-го числа Наполеонъ имѣлъ

ночлегъ въ Жижморахъ; 15-го, усиленными маршами, онъ продолжалъ наступленіе къ Вильнѣ, изрѣдка встрѣчая казаковъ и наши легкія конныя войска, отходившія назадъ, не завязывая дѣла съ непріятелемъ. Между тѣмъ, Барклай де-Толли стоялъ впереди Вильны. 14-го іюня, замѣчая, что непріятель еще не показывался въ большихъ силахъ у Вильны, онъ пріостановилъ отступательное движеніе корпусовъ Багговута, Тучкова и графа Шувалова, и доносилъ: «Не хочу отступать, покуда достовѣрно не узнаю о силахъ и намѣреніяхъ Наполеона. Не видя предъ собою превосходнаго непріятеля, не почитаю нужнымъ отходить назадъ». «Берегись», отвѣчалъ ему государь, «чтобы насъ не обошли въ Вильнѣ; непріятель можетъ перейти чрезъ Вилію ниже Вильны, между вами и Багговутомъ». На другой день, 15-го, передъ нашими авангардами, стоявшими въ Трокахъ и Рыконтахъ, показались конные непріятельскіе отряды, и получены извѣстія, что за ними слѣдуютъ густыя колонны. «При нихъ», доносилъ Барклай де-Толли, «идетъ и самъ Наполеонъ, а потому, видя его намѣреніе дѣйствовать всѣми силами на нашъ центръ, я приказалъ на слѣдующее утро обоимъ корпусамъ, стоявшимъ передъ Вильною, отступить на одинъ маршъ по дорогѣ къ Свенцянамъ». 16-го, въ 4 часа утра, непріятель аттаковалъ передъ Вильною арріергардъ корпуса Тучкова. Наши войска отступали въ трехъ колоннахъ: 1-я черезъ Зеленый Мостъ на Кальварію до деревни Любовны; 2-я черезъ городъ Антовиль до Британишекъ; 3-я Остробрамскимъ предмѣстіемъ на Вержовку до Колунжи. Начальство въ Вильнѣ было поручено коммиссіи, составленной изъ трехъ почетныхъ обывателей. Магистрату велѣно образовать стражу изъ благонадежныхъ людей, для содержанія караула у тюремъ и сохраненія въ городѣ безопасности и тишины. Все, что можно, было изъ Вильны вывезено, за исключеніемъ 85-ти трудно больныхъ. Транспортъ муки, не могшій далѣе слѣдовать по слабости лошадей, былъ сожженъ. Истребленіе его подало французамъ поводъ къ ложному показанію, будто, уходя изъ Вильны, русскіе предали пламени свои магазины. Арріергарды колоннъ нашихъ разрушили за собою мосты и имѣли довольно сильныя перестрѣлки съ наступавшимъ вслѣдъ за ними непріятелемъ. Графъ Орловъ-Денисовъ, съ лейбъ-казачьимъ полкомъ, послѣдній выступилъ изъ Вильны. Въ самомъ городѣ и при выходѣ изъ него сдѣланы были лейбъ-казаками двѣ удачныя аттаки на непріятельскую конницу, которая напирала на нихъ. Узнавъ объ оставленіи русскими Вильны, Наполеонъ поспѣшилъ въ авангардъ. Магистратъ и большая часть жителей, по отступленіи нашихъ за Антоколь и Зеленый мостъ, пошли изъ города съ ключами навстрѣчу непріятеля. На Погулянкѣ ихъ принялъ Мюратъ. Отъ него отправились они далѣе къ Понарамъ, гдѣ былъ Наполеонъ. Обласкавъ встрѣтившихъ его, Наполеонъ объѣхалъ стоявшія вблизи войска и приказалъ имъ вступать въ Вильну, куда самъ въѣхалъ въ полдень. Дома увѣшаны были коврами, женщины махали изъ оконъ платками. Ляхи рукоплескали, привѣтствовали Наполеона радостными кликами. Вечеромъ городъ запылалъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Въ прозрачныхъ картинахъ сіяло торжество враговъ, изображалось паденіе Россіи. Ослѣпленные называли этотъ день днемъ освобожденія гнѣзда Гедиминова, мечтали, что дерзкій пришелецъ будетъ въ состояніи поколебать Богомъ хранимую державу императора Александра.

III.

Отступленіе 1-й арміи отъ Вильны до Дриссы.

Занявъ Вильну, Наполеонъ прервалъ прямое сообщеніе между Барклаемъ де-Толли и княземъ Багратіономъ. Дальнѣйшія его мѣры были слѣдствіемъ принятаго прежде намѣренія: воспрепятствовать соединенію нашихъ армій, сколь можно болѣе отдалить ихъ одну отъ другой и въ то-же время перерѣзать путь, по которому корпусы 1-й арміи должны были соединяться. Вслѣдствіе этого онъ далъ войскамъ разобщенное направленіе: одни отправилъ противъ 1-й арміи, другія—противъ 2-й.

Сообразно различнымъ направленіямъ непріятельскихъ войскъ, театръ войны раздѣлился на двѣ главныя части, и каждая изъ нихъ была мѣстомъ дѣйствія противъ одной изъ нашихъ двухъ армій.

Опишемъ сначала движенія, обращенныя противъ первой, съ отступленія ея отъ Вильны до прибытія въ Дриссу; потомъ представимъ происходившее въ то-же время у князя Багратіона.

16-го іюня, въ день занятія Наполеономъ Вильны, продолжалось отступленіе 1-й арміи, имѣвшее цѣлью сосредоточеніе ея вокругъ Свенцянъ, гдѣ находился императоръ. Туда шли Тучковъ и графъ Шуваловъ изъ Вильны, Багговутъ изъ Ширвинтъ. Всѣ трое, слабо преслѣдуемые непріятелями, совершили свое движеніе безъ всякихъ препятствій. Во время марша ихъ не случилось ничего заслуживающаго особеннаго вниманія. Графу Витгенштейну и Дохтурову, при открытіи военныхъ дѣйствій находившимся на оконечностяхъ арміи, предстояло болѣе затрудненій. Желая отрѣзать ихъ, Наполеонъ, какъ выше сказано, велѣлъ Удино идти на Вилькомиръ, Нансути на Михалишки: первый долженъ былъ преградить пути графу Витгенштейну, второй—Дохтурову. Удино не настигъ графа Витгенштейна, который за нѣсколько часовъ прежде него успѣлъ пройти чрезъ Вилькомиръ и занималъ еще этотъ городъ своимъ арріергардомъ, подъ начальствомъ Кульнева, когда приблизился туда Удино. Не имѣя средствъ воспрепятствовать дальнѣйшему маршу нашего корпуса, Удино долженъ былъ довольствоваться нападеніемъ на арріергардъ. Кульневъ отразилъ аттаки, держался 8 часовъ и, наконецъ, ввиду превосходства силъ непріятельскихъ уступилъ Вилькомиръ.

Дохтурову, стоявшему въ Лидѣ, надлежало проходить еще большее пространство. нежели графу Витгенштейну. Онъ получилъ 13-го іюня приказъ отступить и велѣлъ корпусу тотчасъ собраться въ Ольшанахъ. 15-го пришли войска на сборное мѣсто, а на другой день тронулись къ Сморгонамъ. Боковой отрядъ, подъ командою полковника Крейца, прикрывалъ движеніе корпуса слѣва, встрѣтился, 18-го, въ Ошмянахъ съ однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ, аттаковалъ и опрокинулъ его. Плѣнные объявили, что они принадлежали къ авангарду Даву, шедшему изъ Вильны въ Воложинъ. Пажоль, командовавшій этимъ авангардомъ, узнавъ о появленіи русскихъ, поспѣшилъ впередъ, но никого не нашелъ на дорогѣ, по которой слѣдовалъ. Дохтуровъ, избѣгнувъ столкновенія съ Даву, ускорилъ отступленіе, справедливо расчитывая, что Наполеонъ, владѣя Вильною уже двое сутокъ, могъ другими войсками, бывшими у Вильны, остановить его на дорогѣ къ Свенцянамъ у Михалишекъ, куда, дѣйствительно, былъ посланъ Нансути. 19-го іюня, по самой дурной до-

рогѣ, посредствомъ 42-хъ верстнаго перехода, Дохтуровъ ушелъ и отъ Нансути, передовыя войска котораго хотя достигли Михалишекъ, но отъ аттаки нашего бокового отряда сами принуждены были защищаться. Нансути бросился впередъ проселками и на пройденной Дохтуровымъ дорогѣ нашелъ только слѣды колесъ. Утомя безполезно лошадей, онъ возвратился въ Михалишки, не догнавъ Дохтурова, въ слѣдующій день вступавшаго въ непосредственную связь съ главною арміею, подъ Свенцянами. Государь самъ ускорялъ движеніе Дохтурова и своеручно писалъ не только къ нему, но даже къ начальнику его авангарда, графу Палену. Обоимъ приказывалъ императоръ, для облегченія людей и обозовъ, брать обывательскихъ лошадей подъ свозъ тяжестей, солдатамъ ежедневно выдавать винную и мясную порціи, забирая ихъ отъ обывателей подъ квитанціи; для сбора вина и мяса посылать впередъ на каждый ночлегъ особенныхъ чиновниковъ. «Если непріятель воспрепятствуетъ вамъ соединиться съ корпусомъ», писалъ императоръ графу Палену, «то идите къ арміи князя Багратіона, который слѣдуетъ чрезъ Новогрудокъ на Вилейку».

Только начальникъ авангарда графа Шувалова, генералъ-маіоръ Дороховъ, былъ отрѣзанъ отъ 1-й арміи, потому что приказъ объ отступленіи, по ошибкѣ, не былъ къ нему доставленъ въ надлежащее время. Дороховъ стоялъ въ Оранахъ, когда узналъ о переправѣ непріятелей черезъ Нѣманъ и отступленіи находившихся вправо и влѣво отъ него корпусныхъ авангардовъ нашихъ. Не получая повелѣній, онъ собралъ свой отрядъ, состоявшій изъ 1-го и 18-го егерскихъ, Изюмскаго гусарскаго, двухъ казачьихъ полковъ и роты легкой артиллеріи. Соединивъ войско, онъ немедленно выступилъ къ Олькеникамъ, гдѣ надѣялся найти корпусъ графа Шувалова, однако не засталъ его тамъ. Въ Олькеникахъ онъ получилъ отъ главнокомандующаго увѣдомленіе, что французы пресѣкли его отряду дорогу къ Вильнѣ и къ 1-й арміи, почему предписывалось ему стараться о присоединеніи къ князю Багратіону. Это было 16-го іюня. Оставленный на произволъ собственныхъ силъ, Дороховъ очутился между колоннами, посланными Наполеономъ противъ 2-й арміи, и въ этомъ положеніи находился недѣлю, имѣя ежедневныя сшибки съ непріятелемъ и избирая различныя направленія, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ превосходными силами. Его считали погибшимъ, но онъ благополучно вывелъ изъ среды непріятелей свой отрядъ и соединился съ Платовымъ близь Воложина, потерявъ только 60 человѣкъ. Онъ принужденъ былъ дѣлать марши самые утомительные. Изнуреніе пѣхоты простиралось до того, что у многихъ, по истощеніи всего пота, выступала подъ мышками кровь. Облегчить пѣхоту не было способа. Вслѣдствіе удаленія изъ деревень всѣхъ поселянъ съ ихъ имуществомъ, нельзя было имѣть подводъ, а конница была занята удержаніемъ непріятеля и разъѣздами, разсылаемыми во всѣ стороны. Любовь офицеровъ къ подчиненнымъ въ 1-мъ и 18-мъ егерскихъ полкахъ была такова, что нѣкоторые изъ нихъ несли на своихъ плечахъ по два и по три солдатскихъ ружья; всѣ верховыя офицерскія лошади были навьючены ранцами усталыхъ.

Слѣдовательно, за исключеніемъ Дорохова, Наполеонъ не успѣлъ преградить отступленія на сборныя мѣста ни одной части войскъ

1-й арміи. 19-го іюня, по прошествіи семи дней отъ начала войны, наши корпуса стояли вправо и влѣво отъ Свенцянъ въ такомъ разстояніи, что въ случаѣ сраженія могли соединиться въ двое сутокъ. Графъ Витгенштейнъ былъ въ Солокѣ, Багговутъ въ Колтынянахъ, Тучковъ, графъ Шуваловъ, гвардія и резервные кавалерійскіе корпусы у Свенцянъ, Дохтуровъ на маршѣ къ Козянамъ. По первоначальному плану войны намѣревались, совершивъ сосредоточеніе корпусовъ, остановиться и дать сраженіе или идти впередъ и аттаковать Наполеона. И то и другое предположеніе были оставлены. Превосходство силъ Наполеона, занявшаго съ громадою войскъ центральное положеніе между двумя арміями, появленіе колоннъ его на правомъ и лѣвомъ флангахъ нашихъ, отъ чего рождались неизвѣстность его настоящаго направленія и опасеніе быть обойденными, побудили произвести измѣненіе въ операціонномъ планѣ. Вмѣсто того, чтобы, какъ хотѣли прежде, первой арміи удерживать непріятеля, а второй и Платову дѣйствовать въ его флангъ и тылъ, рѣшились совокупить обѣ арміи. Вслѣдствіе этого предписано было изъ Свенцянъ князю Багратіону и Платову идти черезъ Вилейку для соединенія съ 1-ю арміею, которая должна была, между тѣмъ, воспрепятствовать непріятелю предупредить ее на Двинѣ. По этой причинѣ 1-я армія необратилась изъ Свенцянъ влѣво на минскую дорогу, чтобы сблизиться съ 2-ю арміею, а пошла въ укрѣпленный лагерь подъ Дриссою. 20-го іюня тронулись къ Дриссѣ: Багговутъ, Тучковъ, графъ Шуваловъ, гвардія и резервная кавалерія на Видзы, графъ Витгенштейнъ изъ Солока, Дохтуровъ изъ Козянъ.

Медленно двигались за ними французы. 23-го іюня завязалось первое жаркое дѣло на берегахъ Дисны, и послѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ аттакъ, въ которыхъ рубились ожесточенно, наши, отразивъ непріятеля, переправились черезъ рѣку и зажгли за собою мостъ. Слѣдующіе затѣмъ три дня прошли спокойно. Армія, не тревожимая непріятелемъ, продолжала маршъ къ лагерю подъ Дриссою, куда вступила 27-го іюня. Мюратъ остановился у Замоши. При отступленіи отъ Вильны къ Дриссѣ, дороги, мосты и плотины были повреждаемы; низкія мѣста наводнялись отъ дождей. Непріятель находилъ мало хлѣбныхъ припасовъ. Ко вреду его благопріятствовала намъ природа состояніемъ погоды въ лучшее время въ году: попеременно палили жары и лились дожди. Естественныя преграды могли быть преодолѣны непріятелемъ, пріученнымъ къ трудностямъ многолѣтними войнами, но Наполеонъ не приказалъ Мюрату напирать сильно. Онъ довольствовался добровольнымъ отступленіемъ 1-й арміи по направленію, отдалявшему ее отъ князя Багратіона. Наполеонъ изъявилъ даже свое неудовольствіе Удино за то, что, слѣдуя изъ Солока за графомъ Витгенштейномъ, онъ сдѣлалъ нападеніе на Динабургъ, не имѣвъ на это повелѣнія.

Во время отступленія къ Дриссѣ, мы подкидывали на непріятельскіе аванпосты печатныя воззванія, разосланныя изъ нашей главной квартиры ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ, съ приказаніемъ распространять ихъ въ непріятельской арміи. Описывая въ нихъ тиранство Наполеона и несправедливость ведомой имъ войны, увѣщевали солдатъ оставить его знамена. Воззванія не произвели никакого дѣйствія. Французы были преданы Наполеону и ослѣплены славою его, пока побѣда сопутствовала его орламъ. Нѣмцы, гол-

ландцы, итальянцы и другіе, увѣренные въ неизмѣнности его могущества, убѣжденные въ его счастливую звѣзду, безпрекословно носили наложенное на нихъ ярмо. Наполеонъ велѣлъ напечатать въ газетахъ наши прокламаціи съ прибавленіемъ невыгодныхъ на нашъ счетъ замѣчаній.

Укрѣпленный подъ Дриссою лагерь находился на лѣвомъ берегу Двины, въ углу, или колѣнѣ, образуемомъ ею между деревнею Бредзіовою и слободкою Путри. Пространство между деревнею и слободкою, съ небольшимъ 4 версты, защищалось номерованными редутами. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Двины обезпечивалось 4-мя мостами, которые защищены были укрѣпленіями.

Армія стала въ лагерѣ въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: на правомъ крылѣ корпусъ Багговута, въ центрѣ—Тучкова, на лѣвомъ крылѣ—графа Остермана, который, по болѣзни графа Шувалова, заступилъ его мѣсто и во все продолженіе войны командовалъ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. За ними расположились кавалерійскіе корпусы, а позади ихъ гвардія. Два корпуса находились на правомъ берегу Двины: графа Витгенштейна, противъ Леонполя, и Дохтурова, у Дриссы и Прудниковъ. Они оба выслали на лѣвый берегъ Двины конные отряды для развѣдываній о непріятелѣ. Разъѣздамъ графа Витгенштейна было приказано, при сильномъ наступленіи непріятеля, отойти за Двину по мосту при Друѣ и сжечь его.

Въ день вступленія арміи въ Дрисскій лагерь, 27-го іюня, когда Россія празднуетъ воспоминаніе Полтавской побѣды, отданъ былъ слѣдующій Высочайшій приказъ.

«Русскіе воины! Наконецъ, вы достигли той цѣли, къ которой стремились. Когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей имперіи, вы были на границѣ, для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія арміи нашей, временнымъ и нужнымъ отступленіемъ удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкій шагъ непріятеля. Нынѣ всѣ корпуса первой нашей арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти награду за понесенные труды. Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ; вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на Вѣру, честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ Свое благословеніе».

Въ то время, когда совершалось безпрепятственно отступленіе 1-й арміи изъ Вильны къ Дриссѣ, цѣль обѣихъ воевавшихъ сторонъ состояла: императора Александра—въ соединеніи съ княземъ Багратіономъ; Наполеона—въ воспрепятствованіи соединенію. Государь, посылая настоятельныя повелѣнія князю Багратіону о маршѣ къ Двинѣ, не зналъ еще, что 2-я армія встрѣтила препятствія, по мнѣнію главнокомандующаго ея, неодолимыя. Слѣдовательно, по прибытіи къ Дриссѣ, нельзя было тронуться съ мѣста, безъ достовѣрныхъ извѣстій о предпріятіяхъ Наполеона и о томъ, въ какой мѣрѣ успѣетъ князь Багратіонъ выполнить данное ему назначеніе. Поэтому обратимся къ князю Багратіону и опишемъ его дѣйствія съ начала войны до того дня, когда 1-я армія вступила въ Дриссу.

IV.

Дѣйствія князя Багратіона и Платова.

По первоначальному операціонному плану, Платовъ имѣлъ назначеніе: «ударить во флангъ и тылъ непріятелей, когда они переправятся черезъ Нѣманъ», а князь Багратіонъ долженъ былъ поддерживать его со 2-ю арміею. Они не отдѣлялись одинъ отъ другого мѣсяцъ, съ открытія похода до переправы ихъ черезъ Днѣпръ, а потому дѣйствія ихъ находятся въ неразрывной связи.

12-го іюня, Наполеонъ вторгся въ наши границы, а на другой день, 13-го іюня, когда уже совершилось вторженіе непріятеля, Барклай де-Толли извѣстилъ о томъ князя Багратіона. Князь тотчасъ вступилъ въ сношеніе съ Платовымъ и совѣтовалъ ему стараться не быть отрѣзаннымъ отъ 1-й арміи и для того идти изъ Гродно правымъ берегомъ Нѣмана на Лиду и Минскъ.

Увѣдомленіе о ежеминутномъ ожиданіи непріятельскаго вторженія застало Платова въ Гродно, гдѣ онъ находился съ 16-ю казачьими полками 1-й арміи. Платовъ немедленно отрядилъ разъѣзды къ Меречу развѣдывать: не переправляется-ли гдѣ непріятель, и сталъ сосредоточивать войска, имѣя въ виду, согласно своему назначенію, ударить въ тылъ и во флангъ французамъ. Между тѣмъ. онъ отправлялъ изъ Гродно внутреннюю стражу, запасы, казенное имущество, главную аптеку, оружіе, аммуницію и больныхъ, къ чему со стороны гражданскаго вѣдомства еще не было приступлено. Усмотрѣвъ изъ донесеній, получаемыхъ отъ разъѣздовъ, что непріятель между Гродно и Меречемъ не готовился еще къ переправѣ, и, между тѣмъ, узнавъ, что Наполеонъ перешелъ у Ковно, Платовъ велѣлъ казакамъ, составлявшимъ пограничную цѣпь, снять посты и слѣдовать къ Щучину и Лидѣ, куда направилъ и весь свой корпусъ. Въ то время, на противоположномъ берегу Нѣмана, появился вестфальскій король съ корпусами Латуръ-Мобура, Понятовскаго и Вандама и готовился къ переправѣ, для напора на кн. Багратіона съ тыла. Платовъ, еще находившійся въ Гродно, испортилъ мостъ и стрѣлялъ по непріятелю, желая удержать его нѣсколько времени, чтобы успѣть отправить внутрь государства тяжести, вывозимыя изъ Гродно болѣе нежели на 3,000 подводахъ. Потомъ, 17-го іюня, онъ выступилъ къ Лидѣ, въ тотъ день, когда кн. Багратіонъ трогался изъ Волковиска на Слонимъ.

Пока князь Багратіонъ и Платовъ производили эти движенія, послѣдовала перемѣна въ назначеніи предводимыхъ ими войскъ. Вмѣсто первоначально предписаннаго имъ движенія во флангъ и въ тылъ непріятеля, приказано было князю Багратіону идти на соединеніе съ 1-ю арміею, а Платову прикрывать его маршъ.

Безъ дневокъ шла 2-я армія изъ Слонима. Лишніе обозы и больные были отправлены въ Бобруйскъ. 22-го іюня, на четвертый день послѣ полученія Высочайшаго повелѣнія въ Зельвѣ, князь Багратіонъ былъ уже въ Новогрудкѣ. Съ такою-же поспѣшностью сдѣланы и приготовленія для переправы черезъ Нѣманъ въ Николаевѣ, гдѣ въ тотъ день, 22-го іюня, первая колонна арміи переправилась на правый берегъ рѣки. За первою колонною шла къ переправѣ вторая. Съ обѣими колоннами, заключавшими въ себѣ всю армію, князь Багратіонъ хотѣлъ идти на Вишнево и Воложинъ и предупредить тамъ непріятельскія войска, бывшія, по доходившимъ

до князя Багратіона свѣдѣніямъ, въ Ольшанахъ. На переправѣ при Николаевѣ армія имѣла съ собою только самый необходимый обозъ, чтобы ускорить переходъ черезъ Нѣманъ; для прочихъ тяжестей учреждена была другая переправа у Колодзины. Состояніе дорогъ и всей мѣстности отъ Николаева къ Вишневу и Воложину, богатой болотами и лѣсами, неудобными для быстраго марша, представляло большое затрудненіе къ переходу пространства, предстоявшаго 2-й арміи, тѣмъ болѣе, что, по донесеніямъ казаковъ, оно уже занято было пятидесятитысячнымъ корпусомъ Даву. Наполеонъ отрядилъ его, 18-го іюня, изъ Вильны на Ошмяны и Воложинъ, для предупрежденія князя Багратіона въ Минскѣ и вообще на тѣхъ пунктахъ, куда онъ вздумалъ-бы обратиться для соединенія съ 1-ю арміею. Донесенія казаковъ не остановили князя Багратіона. Онъ надѣялся одолѣть и непріятеля, котораго встрѣтилъ-бы на дорогѣ, и мѣстныя неудобства, а потому спѣшилъ окончаніемъ переправы войскъ при Николаевѣ; но вдругъ, совершенно неожиданно, армія получила отъ него повелѣніе остановиться. Причиною тому были привезенныя къ нему на самой переправѣ извѣстія, что авангардъ вестфальскаго короля шелъ въ тылъ 2-й арміи, что Слонимъ занятъ непріятелемъ, и впереди, влѣво отъ Николаева, у Липняшки, также уже показались французы. То были разъѣзды вице-короля, стоявшаго въ Рудникахъ. Платовъ тогда-же доносилъ, что партіи его повсюду встрѣчаютъ большія силы французовъ на пространствѣ между Нѣманомъ и дорогою, ведущею изъ Вильны въ Минскъ. Князь Багратіонъ, увидя вокругъ себя непріятеля, въ тылу, на лѣвомъ крылѣ и съ фронта, принялъ въ соображеніе три случая: 1) достовѣрность не найти никакихъ магазиновъ на пространствѣ, отдѣлявшемъ его отъ 1-й арміи; 2) весьма худую переправу черезъ Нѣманъ, которая, въ случаѣ неудачи, сдѣлала-бы его отступленіе совершенно гибельнымъ, ибо сзади его находилась армія вестфальскаго короля, и 3) что, достигая соединенія съ 1-ю арміею по мѣстамъ болотистымъ, занятымъ непріятелями, должно было потерять большое число людей, обозы, а съ ними вмѣстѣ продовольствіе, и, слѣдовательно, обезсиливъ себя, не доставить 1-й арміи ожидаемаго ею подкрѣпленія.

Соображеніе этихъ обстоятельствъ побудило князя Багратіона приказать первой колоннѣ, уже переправившейся на правый берегъ Нѣмана, возвратиться, послѣ чего онъ пошелъ, 23-го іюня, усиленными маршами черезъ Новосверженъ и Койдановъ на Минскъ, намѣреваясь оттуда искать соединенія съ 1-ю арміею. Движеніе на Минскъ, по мнѣнію князя Багратіона, должно было быть обезпечено тѣмъ, что Даву, будучи удостовѣренъ въ его намѣреніи переправиться черезъ Нѣманъ въ Николаевѣ и имѣя въ виду отряженныя для того отъ 2-й арміи партіи, вѣроятно, стянетъ свои войска отъ Минска назадъ къ Вишневу, черезъ что князь Багратіонъ надѣялся предупредить французовъ въ Минскѣ. Желая болѣе убѣдить французовъ въ намѣреніи своемъ продолжать переправу въ Николаевѣ, онъ приказалъ Платову усилить партіи на Вишневъ и вмѣстѣ съ отрядомъ Дорохова, который, между тѣмъ, примкнулъ ко 2-й арміи, занять Воложинъ и удерживать его до 26-го іюня, а потомъ, для соединенія съ арміею, отступить къ Минску черезъ Камень и Хатово. Платовъ не могъ вполнѣ выполнить это приказаніе, встрѣтивъ вокругъ Воложина главныя силы Даву. Онъ оставилъ Воложинъ влѣво

и повернулъ на Бакшты и Хатово, стараясь находиться на одной высотѣ съ 2-ю армiею. Что касается до Даву, то онъ не дался въ обманъ, какъ надѣялся князь Багратiонъ, не остановился у Вишнева и Воложина защищать дорогу изъ Николаева въ Вилейку, но продолжалъ маршъ на Минскъ.

Государь, не зная еще, что князь Багратiонъ поступилъ иначе, чѣмъ ему было повелѣно, былъ увѣренъ, что 2-я армiя идетъ на Вилейку, тѣмъ болѣе, что Бенкендорфъ, возвратившiйся отъ князя Багратiона, привезъ письменное о томъ донесенiе и словесно подтвердилъ, что лично при немъ отданы приказанiя идти на переправу въ Николаевѣ и потомъ на Вилейку. Чтобы ускорить это движенiе и сообщить князю Багратiону о необходимости немедленнаго соединенiя съ 1-ю армiею, государь вновь отправилъ къ нему Бенкендорфа, съ словеснымъ повелѣнiемъ, спѣшить какъ можно болѣе. Бенкендорфъ ѣхалъ на Борисовъ и Минскъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Минска онъ встрѣтилъ губернатора и чиновниковъ, спасавшихся изъ губернскаго города, гдѣ, по ихъ словамъ, уже должны были находиться французы. Однако, Бенкендорфъ успѣлъ проѣхать черезъ Минскъ за часъ до вступленiя туда непрiятеля и встрѣтилъ 2-ю армiю на маршѣ не на Вилейку, какъ думалъ онъ, или на Минскъ, но совсѣмъ въ другомъ направленiи, гдѣ вовсе не полагалъ ее найти, въ Несвижѣ, на маршѣ въ Бобруйскъ.

Причины, побудившiя князя Багратiона къ такому движенiю, удалявшему его на значительное пространство отъ 1-й армiи, были слѣдующiя: выступивъ изъ Николаева къ Минску, онъ твердо рѣшился аттаковать непрiятеля, если-бы Минскъ и былъ занятъ французами. Онъ велѣлъ войску быть готовымъ къ бою, идти распашнымъ маршемъ, на переходахъ облегчать солдатъ какъ можно болѣе и дѣлать частые привалы. «Пройдя съ мѣста 5 верстъ», приказывалъ онъ, «отдыхать часъ; отошедъ потомъ 10 верстъ, два часа; перешедъ 15 верстъ три часа; винную и мясную порцiи раздавать два раза въ день. Имѣть въ виду, что быстрое движенiе покроетъ славою всѣхъ участвовавшихъ въ ономъ и заслужитъ благоволенiе государя императора». 2-я армiя радостно внимала словамъ любимаго вождя и быстро подавалась впередъ, увѣренная предупредить непрiятеля въ Минскѣ или перешагнуть по его трупамъ. 24-го iюля пришла она въ Миръ, гдѣ князь Багратiонъ получилъ извѣстiя, «удостовѣрившiя его», какъ онъ доносилъ, «въ непомѣрномъ превосходствѣ силъ непрiятельскихъ, которыя показывались у Минска, по дорогамъ отъ Вилейки и Воложина, и угрожали ему съ тыла отъ Новогрудка. Притомъ», продолжаетъ онъ, «я имѣлъ въ виду Высочайшее повелѣнiе, объявленное мнѣ Барклаемъ де-Толли, избѣгать рѣшительнаго сраженiя съ сильнѣйшимъ непрiятелемъ». Основываясь на этомъ, князь Багратiонъ отмѣнилъ намѣренiе пробиваться на Минскъ и повернулъ на Слуцкъ и Бобруйскъ, рѣшаясь искать соединенiя съ 1-ю армiею чрезъ Могилевъ. На маршѣ въ Бобруйскъ онъ пришелъ въ Несвижъ 26-го iюня, въ тотъ день, когда государь прибылъ въ дрисскiй лагерь. Въ Несвижѣ князь Багратiонъ остановился на трое сутокъ, для отдыха войскъ, такъ какъ въ теченiе десяти сутокъ съ выступленiя изъ Волковиска они шли безостановочно, усиленными маршами, дурными дорогами, глубокими песками.

Первое извѣстiе объ этомъ, для императора совсѣмъ неожидан-

номъ, маршѣ на Бобруйскъ, государь получилъ не отъ князя Багратіона, а отъ офицера, посланнаго изъ 1-й арміи съ приказаніями къ Платову.

Возвратимся къ трехдневному пребыванію князя Багратіона въ Несвижѣ. Немедленно по вступленіи своемъ въ Несвижъ, 26-го іюня, онъ велѣлъ Платову, пришедшему изъ Хатова въ окрестности Мира, послать въ разныя стороны партіи, стараясь открывать и удерживать непріятеля, пока армія будетъ отдыхать. Черезъ нѣсколько часовъ непріятель показался у Кореличей. То былъ авангардъ вестфальскаго короля Іеронима, съ начала войны еще не появлявшійся въ виду арріергарда 2-й арміи, такъ какъ король дѣйствовалъ медленно. Вступивъ 18-го іюня въ Гродно, онъ долженъ былъ, по назначенію Наполеона, идти непосредственно за княземъ Багратіономъ. Отправивъ впередъ авангардъ, онъ провелъ въ Гродно четыре дня, употребленные на переправу войскъ, устройство ихъ дальнѣйшаго слѣдованія, удовольствія и пышные пиры поляковъ, которые, при его вступленіи въ Гродно, тотчасъ начали сзывать конфедерацію и ополчаться противъ Россіи. Однако, долѣе 4-хъ дней нельзя было ему медлить, потому что Наполеонъ, бывъ дѣятельнѣе Іеронима, успѣлъ уже въ то время отрѣзать князю Багратіону прямое сообщеніе съ 1-ю арміею и писалъ вестфальскому королю: «Двиньте впередъ поляковъ, поручите авангардъ Понятовскому; назначьте къ нему всѣ легкія войска и будьте во всякое время готовы подкрѣплять его. Багратіону не до того, чтобы маневрировать, возвращаться и съ вами вступать въ дѣло: онъ старается только уходить. Итакъ, не оставляйте русскихъ въ покоѣ; удерживайте ихъ, когда они подвигаются впередъ, заступайте имъ дорогу, если они подадутся назадъ».

Столь настоятельныя повелѣнія вывели короля Іеронима изъ бездѣйствія, и онъ тронулся изъ Гродно вслѣдъ за своими передовыми войсками, 22-го іюня, когда князь Багратіонъ былъ у Николаева. 25-го, при вступленіи князя Багратіона въ Несвижъ, Іеронимъ пришелъ въ Новогрудокъ, а авангардъ его, состоявшій изъ трехъ конныхъ польскихъ полковъ, въ Кореличи. Здѣсь имѣли они первую схватку съ отрядомъ Платова, расположеннымъ впереди Мира. Казачьи генералы Иловайскій 5-й и Карповъ 2-й ударили на поляковъ и гнали ихъ до Новогрудка. Поздно вечеромъ, Платовъ отступилъ къ Миру и, не доходя до него 3-хъ верстъ, остановился, сосредоточивая раскомандированные свои полки. Князь Багратіонъ, заключая изъ донесеній Платова, что показавшіеся у Кореличей поляки должны были имѣть за собою большія силы, приказалъ ему не трогаться изъ Мира и удерживать непріятеля. Въ подкрѣпленіе Платову онъ отрядилъ генералъ-адъютанта Васильчикова съ тремя полками конницы и двумя пѣхоты.

Платовъ устроилъ засаду. Впереди, къ Кореличамъ, онъ поставилъ 100 казаковъ для наблюденія за непріятелемъ, стараясь заманить его ближе къ нашему главному отряду. По сторонамъ дороги, вправо и влѣво, въ скрытыхъ мѣстахъ засѣли отборные казаки. Они должны были ударить на непріятеля, когда онъ пойдетъ за сотнею, стоявшею впереди и имѣвшею приказаніе, въ случаѣ натиска на нее, отступать торопливо. Распоряженія Платова удались въ полной мѣрѣ. 27-го іюня, три польскіе уланскіе полка, подъ начальствомъ

Турно, впали въ засаду, были разбиты, преслѣдуемы 15 верстъ и потеряли 248 плѣнныхъ. «Перестрѣлки съ непріятелемъ не вели», доносилъ Платовъ, «а бросились дружно въ дротики и опрокинули его, не давъ времени поддерживаться стрѣльбою. Поляки такъ упорно сопротивлялись, что плѣнные были всѣ переранены. Ни одинъ не сдавался, пока не былъ сбитъ съ лошади». На слѣдующій день дѣло возобновилось. Въ подкрѣпленіе Турно, вестфальскій король отрядилъ кавалерійскую дивизію Рожнецкаго. Къ Платову подошелъ Васильчиковъ. Замѣтивъ намѣреніе непріятелей аттаковать нашъ арріергардъ, Платовъ употребилъ противъ нихъ тотъ-же маневръ, который наканунѣ былъ столь удаченъ, и поставилъ въ засаду отрядъ Васильчикова. Рожнецкій тронулся впередъ. Васильчиковъ пропустилъ его мимо себя и потомъ ударилъ ему во флангъ, между тѣмъ какъ Платовъ аттаковалъ непріятеля съ фронта. Завязался жаркій бой, грудь на грудь. Поляки были смяты, опрокинуты. Къ совершенному пораженію ихъ способствовалъ также неожиданный случай: появленіе генералъ-маіора Кутейникова; возвращаясь съ бригадою изъ дальней командировки, онъ пришелъ во время дѣла на поле сраженія, въ тылъ непріятелю, и тотчасъ пустился въ аттаку. Разсѣянные остатки полковъ Рожнецкаго спаслись бѣгствомъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ. Число ихъ не выставлено въ донесеніи Платова, писанномъ на скорую руку.

Пока Платовъ три дня торжествовалъ надъ авангардомъ вестфальскаго короля, 2-я армія отдыхала у Несвижа и потомъ выступила къ Бобруйску. Между тѣмъ, Даву занялъ Минскъ, гдѣ была ему сдѣлана самая пышная встрѣча: звонили колокола, гремѣла музыка на галлереѣ ратуши; дорогу его усыпали цвѣтами. Именемъ своего императора Даву объявилъ жителямъ, что «непобѣдимая армія Наполеона пришла для возвращенія полякамъ отечества, и несмѣтные корпусы ея или покроютъ Россію своими костями, или Польшѣ будетъ возвращена самостоятельность и прекратится вліяніе Россіи на дѣла Европы». Наполеонъ благодарилъ Даву за успѣшныя его дѣйствія и прегражденіе пути князю Багратіону, но былъ недоволенъ медленностью вестфальскаго короля и писалъ ему: «Невозможно маневрировать хуже; вы будете причиною, что Багратіонъ успѣетъ уйти, и я лишусь плода самыхъ искусныхъ соображеній, лучшаго случая, какой, можетъ быть, болѣе не представится во весь походъ». Справедливо было неудовольствіе Наполеона противъ вестфальскаго короля, но и государь не оставилъ князя Багратіона безъ замѣчанія за то, что онъ не успѣлъ занять Минска. «Направленіе ваше сперва на Вилейку, а потомъ на Минскъ», писалъ къ нему государь, «было сдѣлано въ надеждѣ, что, находясь столь часто въ походахъ съ славнымъ нашимъ полководцемъ княземъ Суворовымъ Италійскимъ, вы предупредите непріятеля на сихъ важныхъ пунктахъ, не столько для того, чтобы совершенно соединиться съ 1-ю арміею, какъ для поставленія 2-й арміи на направленіе, имѣющее въ тылу центръ Россіи, чѣмъ дѣйствія обѣихъ армій сдѣлались-бы удобнѣе и дѣятельнѣе. По рапорту вашему, вы могли быть въ Минскѣ 27-го іюня; непріятель-же занялъ оный 26-го, и по самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ состоялъ не болѣе какъ въ 6,000. Посему, продолжая быстро маршъ вашъ на Минскъ, вы несомнѣнно вытѣснили-бы его и, прошедъ за Минскъ, по обстоятельствамъ либо удерживали-бы сіе мѣсто.

либо могли-бы уже свободно отступать на Борисовъ, гдѣ опять наступленіе непріятеля могло быть преграждено. Но нынѣ слѣдуетъ помышлять о будущемъ, а не о прошедшемъ».

V.

Императоръ Александръ въ Дриссѣ и Наполеонъ въ Вильнѣ.

До сихъ поръ видно только быстрое отступленіе обѣихъ русскихъ армій, которыя, въ одинъ и тотъ-же день 26-го іюня, пришли первая къ Дриссѣ, вторая къ Несвижу. Въ началѣ пребыванія нашихъ войскъ въ Дриссѣ, непріятель вовсе не тревожилъ ихъ и даже не подходилъ близко къ укрѣпленному лагерю. Главный арріергардъ нашъ былъ спокойно расположенъ въ одномъ маршѣ отъ Двины, въ виду Мюрата, стоявшаго съ корпусами Удино, Нея, Монбрена, Нансути и тремя дивизіями Даву, въ Замошѣ, наблюдая разъѣздами пространство между Друею и Дисною. Онъ имѣлъ повелѣніе не завязывать дѣла и отступать, если послѣдуетъ на него нападеніе. На передовыхъ цѣпяхъ все было смирно; въ лагерѣ войска получали изобильное продовольствіе, ежедневно винную и мясную порціи, а лошади овесъ. Вечеромъ зори отходили парадно, съ музыкою. Солдаты выстроили себѣ хорошіе балаганы. Дни были ясные, ночи прохладныя. Наполеонъ въ Вильнѣ готовился къ дальнѣйшему походу; Александръ въ Дриссѣ занимался средствами къ оборонѣ государства.

При отступленіи изъ Вильны были увѣрены найти подъ Дриссою лагерь надежный, крѣпкій, но, вступивъ въ него, увидѣли противное. Редуты по расположенію своему недостаточно способствовали взаимной защитѣ. На лѣвомъ крылѣ препятствовалъ огню артиллеріи лѣсъ, за которымъ непріятель могъ скрывать маневры; пространство между редутами и Двиною было не довольно обширно и во время дѣйствія могло затруднить передвиженія войскъ. Мостовыя укрѣпленія были слишкомъ тѣсны, профили ихъ и вообще всѣхъ укрѣпленій слабы; спуски къ четыремъ мостамъ, устроеннымъ на Двинѣ, такъ круты, что орудія и повозки надлежало спускать на рукахъ. Одинъ изъ лучшихъ инженерныхъ офицеровъ тогдашняго времени, полковникъ Мишо, пріѣхалъ въ лагерь наканунѣ прибытія государя и, осмотрѣвъ укрѣпленія, рѣшился поднести свое о нихъ мнѣніе его величеству. Онъ просилъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго объ исходатайствованіи позволенія представиться императору, желая довести до Высочайшаго свѣдѣнія сдѣланныя имъ замѣчанія. Выслушавъ его, государь поѣхалъ обозрѣть лагерь и, удостовѣрясь лично въ недостаткахъ его, велѣлъ позвать принца Ольденбургскаго, графа Аракчеева, Барклая де-Толли, князя Волконскаго и флигель-адъютанта Вольцогена, раздѣлявшаго военныя мнѣнія генерала Фуля, который предложилъ построеніе дрисскаго лагеря. Въ присутствіи сихъ лицъ, его величество приказалъ полковнику Мишо повторить сдѣланныя имъ замѣчанія. Никто ему не противорѣчилъ. Убѣдившись въ основательности доводовъ его, рѣшили оставить лагерь, когда приблизится непріятель, и потомъ, смотря по его движеніямъ, взять какое-нибудь другое направленіе для противодѣйствія Наполеону и сближенія съ княземъ Багратіономъ. Итакъ, Дрисскія укрѣпленія не должны были обагриться кровью, но восьмидневное пребываніе

въ нихъ императора ознаменовано многими важными мѣрами, принятыми его величествомъ на счетъ продолженія войны.

Послѣдній, слабый лучъ надежды на мирныя соглашенія исчезъ съ возвращеніемъ министра полиціи Балашева. За день до вступленія государя въ Дриссу, онъ привезъ отказъ Наполеона на сдѣланное ему предложеніе отойти на лѣвый берегъ Нѣмана и тамъ начать переговоры. Подробности посылки Балашева суть слѣдующія: отправившись, на разсвѣтѣ 14-го іюня, изъ Вильны, онъ встрѣтилъ въ Рыконтахъ непріятельскіе разъѣзды и былъ ими препровожденъ сперва къ Мюрату, потомъ къ Даву. Мюратъ обошелся съ нимъ вѣжливо, но Даву кичливо и настоятельно требовалъ, чтобы Балашевъ отдалъ ему письмо отъ государя къ Наполеону. На возраженіе, что письмо велѣно вручить лично Наполеону, Даву отвѣчалъ: «Не забудьте, что не вы здѣсь распоряжаетесь; я тоже имѣю приказанія». Нашъ посланный удовлетворилъ желанію Даву. Письмо тотчасъ было послано къ Наполеону, а Балашева Даву оставилъ въ корпусной квартирѣ, окруживъ часовыми отведенный для него домъ. Черезъ два дня пригласили Балашева въ Вильну, гдѣ Наполеонъ принялъ его въ той самой комнатѣ, изъ которой Балашевъ получилъ свое отправленіе отъ государя. Выслушавъ предложенія, привезенныя отъ императора, Наполеонъ отвѣчалъ: «Не я подалъ поводъ къ разрыву, не я первый сталъ вооружаться, не я, а вашъ государь прежде пріѣхалъ къ арміи. Требованіе очистить Пруссію оскорбительно, равносильно объявленію войны, и я открылъ походъ. Знаю, война съ Россіею—не бездѣлица, но у меня сдѣланы большія приготовленія, втрое болѣе вашего войскъ и денегъ». Съ особеннымъ тщаніемъ исчислялъ Наполеонъ свои силы, простиравшіяся, по его словамъ, до 550,000 человѣкъ, уменьшалъ силы Россіи, превозносилъ свои войска, говорилъ, что они дерутся, какъ львы, что Россія, при самомъ началѣ похода, лишилась большей части областей, возвращенныхъ отъ Польши, что русскія арміи разобщены и успѣхъ съ его стороны несомнѣненъ. «Каждая новая война», сказалъ онъ, «для меня новое торжество. Я все предусмотрѣлъ и знаю, что вы не можете мнѣ сопротивляться. Я дѣйствую по расчету, не по страсти. Замѣчаю, что императоръ Александръ руководимъ ненавистью ко мнѣ, но я отомщу ему и съ престоловъ свергну родственныхъ императорскому дому владѣтелей въ Виртембергѣ, Баденѣ, Веймарѣ: пусть вашъ государь готовитъ для нихъ убѣжище. Я внесу войну во внутреннія области Россіи; употреблю на то три похода; проникну въ ваши степи». И вдругъ, послѣ такихъ смѣшныхъ угрозъ, похожихъ на тѣ, которыми татарскіе ханы стращали нашихъ удѣльныхъ князей, Наполеонъ имѣлъ наглость распространиться о привязанности своей къ государю, объ уваженіи къ добродѣтелямъ и возвышеннымъ свойствамъ Александра, придя губить его царство. Наконецъ, онъ сказалъ: «И теперь еще время примириться: начните переговоры съ Лористономъ; пригласите его въ вашу главную квартиру или отправьте къ нему въ Петербургъ канцлера; между тѣмъ, заключимъ перемиріе, но ни въ какомъ случаѣ я не отступлю изъ Вильны». Послѣднее слово его было: «Не за тѣмъ перешелъ я черезъ Нѣманъ, чтобы возвращаться». Къ обѣду Наполеонъ пригласилъ Балашева, Коленкура, Бертье и Бессьера. Разговоръ Наполеона за столомъ былъ выраженіемъ мыслей

избалованнаго счастливца, твердо увѣреннаго въ совершенномъ успѣхѣ своихъ предпріятій. Между прочимъ, онъ разспрашивалъ о Москвѣ, ея населеніи, числѣ домовъ и церквей. Узнавъ о количествѣ храмовъ Божіихъ въ нашей древней столицѣ, онъ сказалъ: «Что дѣлаете вы съ такимъ множествомъ церквей? Вѣдь, нашъ вѣкъ небогомольный».—«Можетъ быть», отвѣчалъ Балашевъ, «набожныхъ людей мало во Франціи и нѣмецкой землѣ, но въ Россіи и Испаніи ихъ еще много».—«Куда идетъ дорога на Москву?»—спросилъ Наполеонъ.—«Къ ней много дорогъ», отвѣчалъ Балашевъ; «Карлъ XII избралъ путь на Полтаву». Послѣ стола Наполеонъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ о предметахъ, которыхъ касался поутру, на данной Балашеву аудіенціи, нѣсколько разъ повторялъ одно и то-же, только разными оборотами рѣчей, и всегда кончалъ тѣмъ, что ни подъ какимъ видомъ не отступитъ за Нѣманъ.

Самый вѣрный очеркъ тогдашняго положенія дѣлъ суть слѣдующія слова государя въ письмахъ его величества къ графу Салтыкову: «До сихъ поръ, благодаря Всевышняго, всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости, но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испортить все дѣло, противъ непріятеля, силами насъ превосходнѣе, можно сказать смѣло, на всѣхъ пунктахъ. Противъ нашей 1-й арміи, составленной изъ 12-ти дивизій, у него ихъ 16 или 17, кромѣ трехъ, направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противъ князя Багратіона, имѣвшаго 6 дивизій, у непріятеля 11. Противъ одного Тормасова силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столь-же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться; въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ; но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негоціяціи-же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели, и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать съ помощью Божіею перебороть его». Тогда-же писалъ государь наслѣдному шведскому принцу: «Будьте увѣрены, что, когда началась война, мое твердое намѣреніе протянуть ее на многіе годы, хотя-бы пришлось мнѣ сражаться на берегахъ Волги».

Слѣдовательно, императоръ полагалъ, что средство восторжествовать надъ Наполеономъ состояло не въ преждевременныхъ кровавыхъ встрѣчахъ съ нимъ, но въ выигрышѣ времени. Огромныя силы Наполеона не позволяли надѣяться на скорую побѣду съ нашими арміями, уступавшими непріятелю въ числѣ и разобщенными на большомъ пространствѣ, безъ надежды на близкое соединеніе, а потому нужно было продлить войну, для приготовленія новыхъ войскъ. Немедленно приступили къ умноженію ихъ, и въ лагерѣ при Дриссѣ сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) обнародованъ, 1-го іюля, манифестъ о собраніи въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской, Лифляндской и Эстляндской съ 500 душъ по 5 человѣкъ. 2) Къ двумъ дивизіямъ, которыя князь Лобановъ-Ростовскій формировалъ во Владимірѣ, назначено прибавить еще 6 новыхъ полковъ, изъ запасныхъ рекрутовъ депо 2-й линіи. Затѣмъ всѣ бывшіе въ тѣхъ депо запасные рекруты распредѣлены въ новые полки, образованіе которыхъ поручено генер.-лейтенанту Клейнмихелю. Сборнымъ мѣстомъ для нихъ назначены Москва и ея

окрестности, куда рекруты должны были слѣдовать на подводахъ. 3) Въ Смоленскѣ рѣшено было собрать наблюдательный корпусъ изъ 17-ти четвертыхъ или рекрутскихъ батальоновъ. 4) Дунайской арміи отложить походъ къ Адріатическому морю и, по полученіи изъ Константинополя ратификаціи мира, двинуться въ Волынскую губернію, на соединеніе съ Тормасовымъ, которому предписано дѣйствовать наступательно. 5) Кіевскому военному губернатору Милорадовичу велѣно прибыть въ Калугу и формировать тамъ изъ рекрутскихъ депо 1-й линіи корпусъ въ 55 батальоновъ, 34 эскадрона, 18 ротъ пѣшей и 5 ротъ конной артиллеріи, окончательно вооружить эти войска, раздѣлить ихъ на бригады и дивизіи, пріискать себѣ надежныхъ помощниковъ изъ отставныхъ генераловъ и офицеровъ и быть готовымъ по первому требованію идти къ Вязьмѣ или Можайску. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Милорадовичу, сказано: «ваши резервы должны будутъ служить основаніемъ для образованія общаго большого воинскаго ополченія, которое Мы признали нужнымъ произвести въ государствѣ». Такъ впервые выразилась мысль императора о народномъ ополченіи. Столь важное рѣшеніе зародилось въ душѣ его послѣ возвращенія Балашева съ отказомъ Наполеона выйти изъ Россіи. На другой день послѣ прибытія въ Дриссу, 27-го іюня, императоръ писалъ Барклаю де-Толли: «Я рѣшился издать манифестъ, чтобы при дальнѣйшемъ вторженіи непріятелей воззвать народъ къ истребленію ихъ всѣми возможными средствами и почитать это такимъ дѣломъ, которое предписываетъ сама вѣра. Надѣюсь, что мы окажемъ столь-же твердости, какъ и испанцы».

Императоръ велѣлъ изготовить манифестъ о призывѣ всѣхъ своихъ подданныхъ къ оборонѣ отечества. Ополченію Европы хотѣлъ Александръ противопоставить вооруженіе цѣлой Россіи. Но, пока оно не было приготовлено, пока непріятельскія войска находились въ полной крѣпости, въ превосходнѣйшемъ числѣ, не изнурились продолжительными маршами, не разстроились въ своемъ составѣ сраженіями, усталостью, болѣзнями, до тѣхъ поръ вѣроятіе успѣховъ было на сторонѣ Наполеона. Занятіе имъ Петербурга также не казалось невозможнымъ, и потому государь велѣлъ гр. Салтыкову принять заблаговременно мѣры, чтобы вывезти изъ Петербурга святыню Александро-Невской Лавры, совѣтъ, синодъ, сенатъ, министерскіе департаменты, самые важные архивы, кадетскіе корпуса и другія учебныя заведенія, банки, монетный дворъ, драгоцѣнныя картины и рѣзные камни изъ эрмитажа, лучшія статуи изъ Таврическаго дворца, одежды прежнихъ монарховъ, сестрорѣцкій заводъ, трофеи, статую Суворова, монументы Петра Великаго. Оба послѣдніе, по достовѣрнымъ имѣвшимся у насъ извѣстіямъ, Наполеонъ хотѣлъ отправить въ Парижъ. Особенно заботился государь, чтобы ничто изъ принадлежащаго преобразователю Россіи не досталось въ руки враговъ, какъ-то: восковое изображеніе и вещи его, хранящіяся въ академіи наукъ и въ Монплезирѣ, даже домикъ Петра Великаго. Все это назначалось къ отсылкѣ въ Казань, куда, по мнѣнію государя, должна была отправиться императорская фамилія. «Уповаю на Всевышняго», писалъ государь графу Салтыкову, «что Онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія, но считаю необходимымъ заранѣе все промыслить и приготовить, дабы не второпяхъ дѣлалось».

Опасенія за Петербургъ не были напрасны. Государь предугадывалъ замыслы Наполеона противъ сѣверной столицы. Несомнѣнное тому доказательство, случай, достойный вниманія, что въ тотъ самый день, 27-го іюня, когда государь снабжалъ графа Салтыкова вышеприведеннымъ повелѣніемъ, Наполеонъ писалъ Макдональду о намѣреніи своемъ идти въ Москву и въ Петербургъ. Самъ Наполеонъ еще не трогался изъ Вильны, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль, занимаясь хозяйственными частями армейскаго управленія, устройствомъ продовольствія и госпиталей, подвозомъ снарядовъ, укрѣпленіями Вильны и Ковно, учрежденіемъ мятежническаго правительства въ занятыхъ имъ областяхъ. Большіе запасы, собранные въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, даже Тріестѣ, онъ приказалъ перевезти въ Ковно и Вильну, откуда они отправлены были частью въ Минскъ и Могилевъ, и весьма малое количество ихъ, въ концѣ сентября, достигло даже Смоленска. Кромѣ смоленскихъ запасовъ, прочіе не принесли пользы, потому что минскіе и могилевскіе достались русскимъ. Прежде отъѣзда къ арміи на неизвѣстное время и дальное разстояніе Наполеонъ озабочивался также внутреннимъ и политическимъ состояніемъ Франціи и земель, которыя находились частью въ непосредственномъ подданствѣ его, частью въ большей или меньшей отъ него зависимости. Къ занятіямъ, удерживавшимъ Наполеона въ Вильнѣ, присоединилась остановка въ слѣдованіи парковъ и обозовъ. Вскорѣ послѣ перехода черезъ Нѣманъ застигли ихъ бури, отъ которыхъ сдѣлались непроходимыми дороги и гибло множество лошадей. Бушевали столь сильные вихри и лился такой ливень, что до 10,000 лошадей пало въ одну ночь. Находившійся на людяхъ провіантъ былъ съѣденъ. Въ быстрыхъ переходахъ къ Вильнѣ, при проходѣ 250,000 человѣкъ по одной дорогѣ, жители были ограблены и принуждены разбѣжаться; страна опустѣла. Литовскіе крестьяне и въ обыкновенное время первые лѣтніе мѣсяцы до новой жатвы, конца іюля, сами нуждаются въ хлѣбѣ а долгое пребываніе русскихъ войскъ въ краѣ истощило остатки запасовъ, особенно фуража. Надежда Наполеона разбить русскихъ близъ Вильны и овладѣть нашими запасами также не осуществилась. Чѣмъ болѣе углублялась французская армія въ безплодную страну, тѣмъ большую претерпѣвала нужду во всемъ. Отъ безпорядочнаго продовольствія и усиленныхъ маршей, какими непріятельская армія шла въ началѣ похода на перерѣзъ нашихъ войскъ, появились толпы отсталыхъ; онѣ разсѣялись между Ковно и Вильною, грабили, безчинствовали. Наполеонъ вынужденъ былъ, 20-го іюня, отдать приказъ, начинавшійся такими словами: «Въ тылу арміи совершаются преступленія бродягами и солдатами, недостойными имени французовъ. Они затрудняютъ сообщенія и препятствуютъ устройству продовольствія». Вслѣдствіе этого приказа учредили въ Вильнѣ коммиссію, вмѣнивъ ей въ обязанность предавать суду бродягъ и грабителей. Для поимки преступниковъ составили три маршевыя колонны.

Укрощая одною рукою неистовства войскъ, другою Наполеонъ разжигалъ пламя бунта. По его приказанію, отданному незадолго до вторженія въ Россію, въ Варшавѣ собрался сеймъ, объявившій возстановленіе польскаго королевства и обнародовавшій актъ генеральной конфедераціи, на основаніи котораго принадлежавшія Россіи области бывшей Польши приглашались присоединяться къ кон-

федераціи по мѣрѣ удаленія изъ нихъ русскихъ и составлять сеймики и городскія собранія для присылки въ Варшаву депутатовъ, съ изъявленіемъ согласія участвовать въ конфедераціи. Всѣмъ находившимся въ русской службѣ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, уроженцамъ изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, предписывалось оставить русскую службу. Военныхъ обѣщали помѣстить въ польскую армію, гражданскимъ дать мѣста въ управленіяхъ. Одно воззваніе конфедераціи слѣдовало за другимъ, и каждое дышало ядовитою ненавистью къ Россіи. По приказанію Наполеона, варшавскій сеймъ отправилъ къ нему въ Вильну депутацію, для представленія на его утвержденіе акта конфедераціи и просьбы о покровительствѣ. Наполеонъ, предварительно прочитавъ рѣчь депутатовъ, былъ ею недоволенъ и велѣлъ вручить имъ другую, сочиненную по его приказанію, которая и была ими произнесена. Поэтому ее необходимо сохранить, какъ оффиціальный документъ, какъ выраженіе собственныхъ мыслей Наполеона. Она была слѣдующаго содержанія:

«Права наши ясны, очевидны всему свѣту. Братья наши составляютъ большую часть народонаселенія Польши и стонутъ еще въ цѣпяхъ московскихъ. Мы дерзаемъ напомнить о правахъ ихъ и указать имъ точку соединенія всего польскаго семейства. Ты, государь, ты ниспосланъ Провидѣніемъ; въ тебѣ проявляется его сила. Изреки, что польское королевство существуетъ, и весь міръ признаетъ слова твои осуществленною истиною. Насъ 16 милліоновъ, и каждый готовъ пожертвовать за тебя жизнью и достояніемъ. Всѣ жертвы покажутся намъ ничтожными, лишь-бы воскресить наше отечество: по призыву его, отъ Двины до Днѣстра, отъ Днѣпра до Одера, всѣ вооружатся, всѣ посвятятъ ему свои чувствованія. Объявленная нынѣ Россіею война есть карающее ее предопредѣленіе судьбы, которая, тронувшись нашими страданіями, вознамѣрилась положить имъ предѣлъ. Едва началась эта вторая польская война, какъ уже мы изъявляемъ нашу преданность вашему величеству въ древней столицѣ Ягеллоновъ; уже орлы твои осѣняютъ берега Нѣмана, уже московскія войска разбиты, отрѣзаны, разсѣяны, блуждаютъ безъ цѣли и напрасно силятся соединиться. Представляя вашему величеству актъ конфедераціи, провозглашающій возрожденіе и существованіе Польши, возобновляемъ предъ лицомъ вашимъ торжественнѣйшій обѣтъ, что соединеніемъ всѣхъ желаній, всѣхъ усилій нашихъ и, если нужно, пролитіемъ крови до послѣдней капли, стараться будемъ привести въ исполненіе намѣреніе наше. Столь великое намѣреніе увѣнчано будетъ желаннымъ успѣхомъ, ежели, ваше величество, удостоите насъ могущественнаго вашего покровительства!»

Наполеонъ отвѣчалъ: «Одобряю поступокъ конфедераціи, сдѣлаю все для поддержанія ея предпріятій и приглашаю васъ къ единодушію — ручательству въ полномъ успѣхѣ. По отношеніямъ моимъ къ вѣнскому двору не уполномочиваю конфедерацію ни къ какимъ дѣйствіямъ, клонящимся нарушить спокойствіе въ Галиціи». «Пусть», присовокупилъ онъ, «Литву, Самогицію, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынію, Украину и Подолію одушевляетъ тотъ-же духъ, какой нашелъ я въ великой Польшѣ, и Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ святое ваше дѣло». Такъ изложилъ Наполеонъ передъ цѣлымъ свѣтомъ желаніе отторгнуть отъ Россіи ея древнее достояніе и въ

то самое время, когда увѣрялъ государя въ своей привязанности, подстрекалъ къ бунту области, Россіи принадлежавшія, дерзалъ именовать мятежъ дѣломъ святымъ! Впрочемъ, слова Наполеона не въ полной мѣрѣ удовлетворили депутатовъ. Они отправились изъ Варшавы въ восторгѣ и возвратились охладѣвшими; надѣялись на непосредственное вспомоществованіе Наполеона, а онъ отвѣчалъ, что поляки должны сами своими усиліями достигать желаемой ими цѣли. Несмотря на то, по пріѣздѣ депутатовъ въ Варшаву, сеймъ опредѣлилъ вырѣзать слова Наполеона золотыми буквами на мраморной доскѣ и всячески убѣждать наши западныя губерніи соединиться съ конфедераціею.

Въ Вильнѣ Наполеономъ учреждена была коммиссія временнаго правительства великаго княжества литовскаго, власть которой должна была распространяться на губерніи Виленскую, Гродненскую и Минскую, и Бѣлостокскую область. Коммиссія состояла изъ семи членовъ и французскаго при нихъ коммиссара, Биньона. Подъ предсѣдательствомъ каждаго изъ членовъ учреждены комитеты: продовольствія, полиціи, финансовъ, юстиціи, внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и военный. Дѣйствія коммиссіи, названной правительственною, заключались въ разныхъ постановленіяхъ о продовольствіи Наполеоновыхъ войскъ, о возвращеніи въ дома жителей, разогнанныхъ грабежами непріятеля, о взиманіи податей, устройствѣ почтъ, пожертвованіяхъ, вооруженіи. Открытіе своихъ засѣданій коммиссія объявила воззваніемъ, исполненнымъ желчи противъ Россіи и раболѣпства къ Наполеону.

Наполеону нужны были не напыщенные возгласы ляховъ, но кровь ихъ, и потому онъ велѣлъ немедленно начать формированіе 5-ти пѣхотныхъ и 4-хъ конныхъ полковъ, первые въ три батальона, послѣдніе въ 4 эскадрона. Желая болѣе привязать къ себѣ дворянство, онъ назначилъ командирами полковъ и произвелъ въ полковники людей, принадлежавшихъ къ стариннымъ родамъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ новопроизведенныхъ не бывали прежде въ военной службѣ. Большая часть оберъ-и унтеръ-офицеровъ взяты были изъ войскъ варшавскаго герцогства. Кромѣ линейныхъ полковъ, куда люди поступали обыкновенною рекрутскою повинностью, составлены были два волонтерные полка изъ разнаго сброда. Въ городахъ образовались народная стража и жандармскія команды. Каждый командиръ линейныхъ и волонтерныхъ полковъ издавалъ отъ своего имени воззванія къ молодежи собираться подъ знамена крамолы. «Благородные юноши», говорили они, «спѣшите на открывающееся передъ вами поле чести. Идите, кто, какъ и въ чемъ можетъ, пѣшій или конный. Мундиръ, вооруженіе и лошадь, у кого нѣтъ ихъ, здѣсь получите. Не оставайтесь послѣдними на достославномъ поприщѣ; не забывайте блистательнаго назначенія вашего». Между тѣмъ, пока сарматы становились въ ряды пришлеца, въ Вильнѣ были безпрерывныя празднества, молебствія объ успѣхѣ вражескаго оружія, иллюминаціи, на которыхъ особенно терзаемъ былъ нашъ двуглавый орелъ, представляемый въ каррикатурныхъ видахъ. И всѣ эти дѣйствія совершались въ присутствіи Наполеона, прожившаго въ Вильнѣ 18 дней, въ упоеніи отъ расточаемой ему отвсюду лести и будучи убѣжденъ въ своемъ торжествѣ и неминуемомъ паденіи Россіи.

VI.

Дѣйствія первой арміи.

1-го іюля, воюющія арміи расположены были слѣдующимъ образомъ. Русскія: 1-я армія у Дриссы, 2-я на маршѣ изъ Несвижа въ Бобруйскъ, 3-я въ Луцкѣ. Непріятельскія: 1) противъ Дриссы: Мюратъ съ пѣхотными корпусами Удино и Нея, кавалерійскими Монбрена и Нансути, и тремя дивизіями корпуса Даву. 2) Противъ князя Багратіона: въ Минскѣ, Даву съ пѣхотнымъ сводным корпусомъ и кавалерійскимъ Груши; въ Мирѣ, король вестфальскій съ пѣхотными корпусами Понятовскаго и Вандама и кавалерійскимъ Латуръ-Мобура. 3) Князь Шварценбергъ на маршѣ изъ Слонима въ Несвижъ. 4) Ренье въ Слонимѣ, противъ Тормасова. 5) Наполеонъ въ Вильнѣ, въ окрестностяхъ которой стояли гвардія и пѣхотные корпусы вице-короля и Сенъ-Сира. 6) Макдональдъ на маршѣ къ Шавлямъ и Поневѣжу, откуда имѣлъ онъ повелѣніе идти къ Якобштату, обложить Ригу и для начатія осады ожидать отступленія нашей арміи отъ Двины и прибытія изъ Тильзита осаднаго парка.

1-го іюля Наполеонъ предпринялъ продолженіе военныхъ дѣйствій. Онъ хотѣлъ совокупить силы свои между Двиною и Днѣпромъ, и потомъ аттаковать и разбить порознь 1-ю и 2-ю русскія арміи, разрозненныя имъ съ начала похода. Не сомнѣваясь въ возможности разобщить во всю войну обѣ наши арміи, Наполеонъ говорилъ съ насмѣшкою: «Князь Багратіонъ и Барклай-де-Толи не увидятся болѣе другъ съ другомъ»! Для исполненія своего намѣренія, Наполеонъ избралъ, на первый случай средоточіемъ дѣйствій мѣстечко Глубокое. Туда тронулись изъ Вильны, черезъ Михалишки и Кобыльники, гвардія и корпусы вице-короля и Сенъ-Сира. Вслѣдъ за ними хотѣлъ отправиться самъ Наполеонъ. Когда получены были въ главной квартирѣ государя достовѣрныя извѣстія, что значительныя непріятельскія силы потянулись изъ Вильны къ Глубокому и стали подходить на одну высоту съ нашимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, нельзя уже было долѣе оставаться въ Дриссѣ. Рѣшили предупредить Наполеона въ Витебскѣ или Невелѣ, смотря по тому, какое направленіе возьметъ онъ изъ Глубокаго: на Полоцкъ или Витебскъ. 2-го іюля, 1-я армія переправилась на правый берегъ Двины, стала правымъ крыломъ къ Покаевцамъ, лѣвымъ къ Волынцамъ, и въ этомъ расположеніи провела сутки. На лѣвомъ берегу Двины остались только два кавалерійскихъ корпуса, для наблюденія за непріятелемъ. Отъ графа Витгенштейна, стоявшаго у Покаевцовъ, отряженъ былъ на лѣвый берегъ Кульневъ. Онъ переправился при Друѣ и послалъ впередъ подполковника Ридигера, съ Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ. Ридигеръ напалъ врасплохъ на бригаду французской конницы, опрокинулъ ее, взялъ въ плѣнъ 200 человѣкъ и генерала Сенъ-Жени. Узнавъ отъ плѣнныхъ о близости значительныхъ непріятельскихъ силъ, Кульневъ возвратился съ отрядомъ за Двину и доносилъ: «Если я заслуживаю какое воздаяніе, то прошу за особую милость наградить Ридигера вмѣсто меня». Это кавалерійское дѣло замѣчательно тѣмъ, что имѣло вліяніе на распоряженіе Наполеона, какъ увидимъ ниже.

4-го іюля, 1-я армія двинулась къ Полоцку, за исключеніемъ корпуса графа Витгенштейна. Онъ былъ оставленъ на Двинѣ.

Оставляя Дриссу, императоръ приказалъ полковникамъ: флигель-адъютанту Чернышеву, Мишо и Эйхену ѣхать въ Москву и отыскать въ окрестностяхъ ея мѣста, удобныя для укрѣпленныхъ лагерей, назначая ихъ служить опорою для армій, въ случаѣ перенесенія театра войны къ Москвѣ. «Можетъ быть», сказалъ государь полковнику Мишо, «не будете вы имѣть времени приготовить лагери надлежащимъ образомъ, тогда поѣзжайте къ Волгѣ, даже дальше. Ежели судьба захочетъ испытать Мою твердость, то у меня останется еще много способовъ и пространства, и Я могу далеко завести непріятеля». На случай приближенія военныхъ дѣйствій къ сердцу Россіи, императоръ приказалъ заготовить въ Твери и Ржевѣ: муки 58,000, овса 75,500 и крупъ 5,480 четвертей, и разнаго хлѣба: въ Тулѣ 69,872 и въ Калугѣ 69,772 четверти. Изъ Тульской губерніи государь велѣлъ перевезти запасы въ Калугу, какъ-бы предвидя, что именно тамъ явится въ нихъ надобность.

4-го іюля, когда 1-я армія тронулась изъ-подъ Дриссы къ Полоцку, отправился, наконецъ, и Наполеонъ изъ Вильны. Отъѣздъ его былъ описанъ въ тамошней газетѣ слѣдующими словами: «Какъ ни прискорбно для насъ отступленіе избавителя нашего, однако-же, утѣшаемся надеждою, что удаленіе его еще болѣе удалитъ враговъ нашихъ. Не прошло мѣсяца съ прибытія нашего мстителя, и поляки уже освобождены отъ Нѣмана до Днѣпра и отъ Двины до Припети». Въ Вильнѣ Наполеонъ оставилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Маре, возложивъ на него дипломатическія сношенія съ чужестранными державами и надзоръ за ними. Ему также поручены были: главное управленіе варшавскаго герцогства и губерній, возвращенныхъ отъ Польши, формированіе литовскихъ войскъ, заготовленіе и доставка въ армію запасовъ и переписка съ корпусами и отрядами, оставленными Наполеономъ на флангахъ и въ тылу. Маре долженъ былъ служить звеномъ, связывавшимъ Европу съ Наполеономъ, устремлявшимся въ глубь Россіи. Въ Вильнѣ остались и чужестранные посланники при тюльерійскомъ дворѣ, приглашенные изъ Парижа сопутствовать Наполеону въ походѣ.

Изъ Вильны Наполеонъ хотѣлъ отправиться прямо въ Глубокое, средоточіе войскъ его, но при самомъ отъѣздѣ получилъ донесеніе о переходѣ Кульнева черезъ Двину и разбитіи кавалерійской бригады. Извѣстіе объ этомъ происшествіи заставило его заключить, что переправившаяся черезъ Двину русская конница, можетъ быть, составляетъ авангардъ, за которымъ слѣдуетъ все наше войско, для нападенія на французскую армію. Наполеонъ тотчасъ разослалъ повелѣнія корпусамъ, уже миновавшимъ Свенцяны, не идти далѣе, а прочимъ войскамъ, бывшимъ назади, спѣшить какъ можно болѣе. Онъ намѣревался сосредоточить свои силы и принять сраженіе у Свенцянъ, если-бы дѣйствительно оказалось, что за кавалеріею Кульнева подвигалась вся 1-я армія. 5-го іюля Наполеонъ пріѣхалъ въ Свенцяны. Узнавъ тамъ, что русская кавалерія, послѣ удачнаго поиска, возвратилась за Двину, онъ велѣлъ войскамъ продолжать движеніе къ Глубокому, куда на другой день и самъ отправился. Наполеонъ пробылъ пять сутокъ въ Глубокомъ, гдѣ приказалъ устроить складочное мѣсто для снарядовъ, припасовъ и оружія. Туда переведено и интендантское управленіе. Всякаго рода тяжестямъ велѣно

впредь слѣдовать изъ Вильны въ Глубокое. Считая встрѣчу съ русскими близкою, Наполеонъ дѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ бою. «Скоро будетъ сраженіе», писалъ онъ начальнику артиллеріи, «должно ожидать чрезвычайной растраты снарядовъ. Чѣмъ пополнимъ ихъ? Надобно употребить всѣ средства къ тому, чтобы имѣть при войскахъ какъ можно больше патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ. Вотъ дѣло величайшей важности: займитесь имъ немедленно».

Узнавъ въ Глубокомъ о выступленіи 1-й арміи изъ Дриссы къ Полоцку, Наполеонъ двинулъ войска къ Бешенковичамъ, имѣя въ виду прежнюю свою цѣль: не допускать князя Багратіона къ соединенію съ Барклаемъ-де-Толли.

Отдавъ объ этомъ приказанія и устроивъ въ Глубокомъ складочное мѣсто для арміи, Наполеонъ намѣревался выѣхать оттуда, 9-го іюля, въ Бешенковичи.

Въ полной силѣ были наступательныя дѣйствія Наполеона, но и оборонительныя мѣры императора Александра развились въ огромномъ размѣрѣ. Черезъ день по выступленіи своемъ изъ Дриссы къ Полоцку, 6-го іюля, императоръ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи всего государства. Содержаніе ихъ было слѣдующее.

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ НАШЕЙ МОСКВѢ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однако-же, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства, того требуютъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли-бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій сѵнодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

Вся Россія должна была ополчиться. Покорная царю, она возстала по его мановенію! До изданія манифеста 6-го іюля защита государства была ввѣрена одному только войску, но, когда императоръ произнесъ слово объ опасности родного края и на оборону его призывалъ всѣхъ вѣрноподданныхъ своихъ, свойство войны должно было измѣниться и принять новый видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, присутствіе монарха становилось уже не столько нужнымъ въ арміи, сколько посреди имперіи, для направленія всѣхъ средствъ и силъ къ великой цѣли — избавленію Россіи. Поэтому государь

рѣшилъ отправиться сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ, заѣхавъ предварительно, на короткое время, въ армію князя Багратіона. Такъ, въ подобномъ случаѣ, поступилъ Петръ Великій. Когда, передъ Нарвскимъ сраженіемъ Карлъ XII угрожалъ Россіи нашествіемъ, Петръ не остался въ арміи, но поспѣшилъ въ Москву, личнымъ присутствіемъ ускоряя собраніе новыхъ войскъ и поставляя новыя преграды кичливому врагу. Духъ Петра невидимо парилъ надъ русскою землею, какъ ея Ангелъ-Хранитель.

ГЛАВА III.

Начало народной войны.

I.

Императоръ Александръ въ Смоленскѣ и въ Москвѣ.

1-я армія приближалась къ Полоцку и была отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, когда императоръ предпринялъ путешествіе въ Москву. Изъ Полоцка выѣхалъ государь, черезъ Невель, къ Великимъ Лукамъ, куда за нѣсколько времени передъ тѣмъ отправился изъ главной квартиры канцлеръ графъ Румянцевъ, для переговоровъ о мирѣ съ уполномоченнымъ отъ испанскихъ кортесовъ. Переговоры не были и не могли быть затруднительными: Россія и кортесы, дѣйствовавшіе именемъ своего короля Фердинанда VII, который томился въ плѣну у Наполеона, имѣли одну цѣль: воевать съ притѣснителемъ народовъ. На послѣдней станціи отъ Великихъ Лукъ, въ Сеньковѣ, государь принималъ испанскаго уполномоченнаго, Зеа-Бермудеза. Канцлеръ представилъ его величеству полученныя имъ дипломатическія бумаги, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживало донесеніе изъ Стокгольма генерала Сухтелена. Онъ извѣщалъ, что вѣрный союзникъ нашъ, наслѣдный принцъ шведскій, предлагалъ: если война приметъ для Россіи слишкомъ невыгодный оборотъ, отказаться на время, хотя съ сожалѣніемъ, отъ намѣреній своихъ противъ Даніи и сдѣлать высадку въ Ревелѣ или другомъ мѣстѣ, въ тылу Наполеона: «Судьба Европы», сказалъ принцъ Сухтелену, «должна рѣшиться у васъ. Надѣюсь, что вы кончите борьбу благополучно, и не предвижу надобности въ моей высадкѣ, однако-же, доложите императору, что я въ его повелѣніяхъ. Я говорю противъ себя, но государь усмотритъ изъ моего предложенія, что я не нахожу другого средства спасти Европу, какъ сокрушивъ чудовище. Всякое соглашеніе съ Наполеономъ погубитъ насъ». Государь поручилъ генералу Сухтелену благодарить принца и присовокупить, что не только не препятствуетъ такому прекрасному душевному порыву его высочества, но предоставляетъ совершенно на его волю идти на помощь Россіи для освобожденія Риги или даже Петербурга, который можетъ быть въ опасности.

Изъ Сенькова, не останавливаясь, государь продолжалъ путь къ Смоленску, куда прибылъ 9 іюля, въ 11 час. утра. Очевидцы уподобляютъ восторгъ, съ которымъ жители встрѣтили императора, истинному воспламененію духъ. Иначе и быть не могло тамъ, гдѣ коренная, святая Русь привѣтствовала своего царя въ годину бѣдствія. Его величество остановился въ казенномъ домѣ, называе-

момъ инспекторскимъ, и тотчасъ принялъ дворянство, которое еще до полученія манифеста объ ополченіи отправило къ государю просьбу: дозволить временно вооружить до 20-ти тысячъ человѣкъ или болѣе въ подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ, стоявшихъ въ Смоленской губерніи, и на оборону ея отъ непріятельскаго нашествія. Послѣ вступленія, въ прошеніи сказано:

«Сіи защитники отечества, назначенные по городамъ и уѣздамъ, оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ тому мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время, а изъ дальнихъ на своихъ подводахъ въ три дня, каждый съ провіантомъ, который въ сухаряхъ и крупѣ собственной въ заготовленіи для сего быть имѣетъ на мѣсяцъ, а по востребованію изъ уѣздовъ будутъ охранять оные отъ малыхъ непріятельскихъ партій. Если розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніи въ деревняхъ своихъ, могутъ, при свободномъ времени, обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученія ружей дозволить разобрать хотя оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ, въ вѣдѣніи городничихъ».

Такимъ образомъ, въ 1812-мъ году, смоленскіе дворяне первые вызвались на защиту отечества, подобно тому какъ въ 1612-мъ году, когда поляки раздирали Россію, первыя войска, пришедшія къ Пожарскому, состояли изъ смольянъ, вязьмичей и дорогобужанъ. Изъявивъ дворянамъ свою признательность, государь отправился въ Успенскій соборъ, а потомъ на площадь Блонье, гдѣ смотрѣлъ артиллерію, запасные батальоны и эскадроны. Когда, послѣ церемоніальнаго марша, войска построились въ колонны, государь дѣлалъ имъ поученіе, какъ дѣйствовать противъ непріятеля. Въ строю находилось 17 батальоновъ и 8 эскадроновъ. Императоръ оставилъ ихъ въ Смоленскѣ и велѣлъ присоединиться къ нимъ формировавшимся тамъ-же 2-мъ коннымъ и 2-мъ легкимъ артиллерійскимъ ротамъ. Этотъ отрядъ былъ порученъ генералъ-адъютанту барону Винцингероде, съ повелѣніемъ прикрывать Смоленскъ и поддерживать сообщеніе между 1-ю и 2-ю арміями. Послѣ смотра государь ѣздилъ прогуливаться и нѣсколько разъ говорилъ: «Какой прекрасный городъ! Какіе виды и окрестности!» Менѣе, нежели черезъ мѣсяцъ, все было истреблено: дома сожжены, тучныя пажити затоптаны, святыня поругана; Смоленскъ, которымъ любовался Александръ, представлялъ изъ себя въ началѣ августа груды пепла, залитыя кровью. По возвращеніи съ прогулки, императоръ написалъ собственноручно слѣдующія пять замѣчаній объ ополченіи и отдалъ ихъ для исполненія губернатору: «1) Лѣсничіе, умѣющіе стрѣлять и ѣздить верхомъ, составятъ конныхъ егерей. 2) Къ нимъ можно присоединить господскихъ егерей, знающихъ верховую ѣзду. 3) Изъ псарей, конюховъ составить казаковъ и вооружить ихъ пиками. 4) Изъ умѣющихъ стрѣлять, но пѣшихъ, составить егерей и вооружить охотничьими ружьями. 5) Изъ прочихъ составить пѣшее войско и распредѣлить для обученія по резервнымъ батальонамъ, собирающимся въ Смоленскѣ». Потомъ государь удостоилъ смоленскаго епископа слѣдующимъ рескриптомъ:

«Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и

работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ Мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрить ихъ и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но, напротивъ, убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ».

Въ день сладостный для сердца Александра, проведенный имъ среди вѣрныхъ смолянъ, императоръ былъ утѣшенъ еще однимъ важнымъ событіемъ — полученіемъ изъ Константинополя ратификаціи Букарестскаго мира. Не могло придти въ болѣе благопріятную минуту извѣстіе, подававшее возможность двинуть съ береговъ Дуная къ сердцу угрожаемаго отечества армію, шесть лѣтъ испытуемую въ бояхъ. Прочитавъ полученныя изъ Букареста донесенія, государь вышелъ изъ кабинета въ залу, гдѣ былъ только одинъ городской голова, такъ какъ всѣ прочіе, зная, что императоръ занимался дѣлами, разошлись. Государь, обнявъ голову, велѣлъ ему объявить толпившемуся вокругъ инспекторскаго дома народу о заключеніи съ турками мира. Вѣстникъ радости былъ принятъ громогласнымъ ура!

Изъ Смоленска императоръ отправился прямо въ Москву и отложилъ намѣреніе заѣхать во 2-ю армію, получивъ донесеніе отъ князя Багратіона о прибытіи его авангарда къ Могилеву, откуда, казалось, не предстояло уже ему большого препятствія къ соединенію съ 1-ю арміею. Въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гжатскѣ, Можайскѣ, съ тѣмъ-же восторгомъ, какъ и въ Смоленскѣ, встрѣчали императора. 11-го іюля его величество прибылъ на послѣднюю станцію передъ Москвою, Перхушкову, гдѣ государя ожидалъ московскій главнокомандующій, графъ Ростопчинъ. Уже съ утра разнесся въ столицѣ слухъ о скоромъ прибытіи императора, и народъ валилъ за Дорогомиловскую заставу. Внутри города священники, въ облаченіи и со крестами, стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ соборѣ собрались первостепенное духовенство и знатнѣйшіе чиновники. Монарха ожидали нетерпѣливо, тѣмъ болѣе, что въ то утро было обнародовано воззваніе къ первопрестольной столицѣ. Съ прибытіемъ государя надѣялись узнать положительно о мѣрѣ опасности, нуждахъ отечества, отрадныхъ надеждахъ на будущее.

На Поклонной горѣ, гдѣ стоялъ народъ, разнеслась вѣсть, что у заставы московскіе обыватели хотятъ выпрячь лошадей изъ коляски государевой и везти ее до Кремля. Находившіеся на Поклонной горѣ не хотѣли допустить москвичей везти на себѣ экипажи и съ крикомъ: ура! пошли впередъ, но съ 13-й версты воротились, узнавъ, что государь остановился ночевать въ Перхушковѣ и отложилъ свой отъѣздъ до слѣдующаго дня. Между тѣмъ, крестьяне села Филей, въ трехъ верстахъ отъ заставы, принадлежавшаго нѣкогда матери Петра Великаго, желая встрѣтить государя съ хлѣбомъ и солью, послали впередъ гонцовъ, которые вскорѣ возвратились и увѣдомили, что императоръ выѣзжаетъ. Было 12 часовъ вечера. Крестьяне Филей стояли на Поклонной горѣ вокругъ приходскаго священника. На серебряномъ блюдѣ лежалъ крестъ; престарѣлый діаконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ беззвѣзд-

ную, темную ночь. Поравнявшись съ причтомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ Распятіе. Уклонясь отъ торжественной встрѣчи, императоръ въѣхалъ въ столицу въ полночь.

12-го іюля, съ восходомъ солнца, на кремлевскихъ площадяхъ не оставалось свободной пяди земли; боялись опоздать къ тому мгновенію, когда государь выйдетъ изъ своихъ чертоговъ. Тотъ не можетъ имѣть понятія о нравственной, истинно волшебной, силѣ русскихъ монарховъ, кто не видалъ ихъ, когда они появляются на Красномъ крыльцѣ! Въ 10 часовъ утра Александръ вышелъ изъ дворца. Раздался звонъ колоколовъ, загремѣли ревущее «ура!» и восклицанія: «Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!» На нѣсколько мгновеній императоръ остановился на Красномъ крыльцѣ, обозрѣвая сонмы вѣрнаго народа; потомъ отправился къ Успенскому собору. Викарій московскій Августинъ, со знаменіемъ побѣды, на порогѣ южныхъ дверей первопрестольной россійской церкви, привѣтствовалъ монарха краткою рѣчью и заключилъ такъ: «Царю! Господь съ тобою. Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя! Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Послѣ обѣдни служили благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю замиренія съ Турціею. Такъ, среди войны, напоминавшей грозныя нашествія татаръ и ляховъ, праздновали заключенный Кутузовымъ миръ, считавшійся тогда столь важнымъ, что въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о прекращеніи войны съ Портою, назвали его «миромъ богодарованнымъ». Передъ вечеромъ государь совершалъ молитву у Иверской Божіей Матери.

15-го іюля, по предварительной повѣсткѣ, дворянство и купечество съѣхались, въ 8 часовъ утра, въ Слободскомъ дворцѣ. Сперва прочитали въ дворянскомъ собраніи манифестъ, призывающій всѣхъ и каждаго противъ врага, «несущаго вѣчныя для Россіи цѣпи и оковы». Графъ Ростопчинъ, указывая на залу купечества, сказалъ: «Оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя!» Тотчасъ опредѣлено: собрать въ московской губерніи 80,000 человѣкъ ополченія, со 100 душъ по 10, вооружить ихъ и снабдить одеждою и провіантомъ. Потомъ манифестъ былъ прочтенъ въ собраніи купечества, и оно мгновенно рѣшило, на необходимыя для ополченія издержки, сдѣлать со всѣхъ гильдій денежный сборъ, пропорціонально капиталамъ. Сверхъ того, купечество просило позволенія на частныя пожертвованія отъ лица каждаго. Къ подпискѣ приступили тутъ-же, безвыходно, и менѣе нежели въ два часа подписная сумма составляла полтора милліона рублей.

Таково было расположеніе обоихъ сословій, когда государь, отслушавъ въ Слободской придворной церкви молебенъ, прибылъ въ залу дворянства. Сказавъ, что во всякое время дворянство было оплотомъ цѣлости и славы отечества, государь въ краткихъ словахъ изложилъ настоящее положеніе дѣлъ и присовокупилъ, что оно требуетъ чрезвычайныхъ мѣръ. Узнавъ о постановленіи дворянъ на счетъ ополченія, его величество сказалъ: «Иного Я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать: вы оправдали Мое о васъ мнѣніе». Потомъ государь пошелъ въ залу купечества и сталъ благодарить за рвеніе, съ какимъ приступили къ денежнымъ пожертвованіямъ. Его

слова заглушались общими восклицаніями: «Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою!»

Происходившее въ Слободскомъ дворцѣ глубоко тронуло государя. Какъ-будто предвидя, что потомство пожелаетъ нѣкогда видѣть правдивое изображеніе такихъ событій, онъ приказалъ описать ихъ человѣку возвышенной души и для того избралъ сенатора Нелединскаго, чуждаго лести и преувеличенія. Пораженный великимъ зрѣлищемъ, когда вокругъ Александра, сіявшаго благостію, сыпались пожертвованія на алтарь отечества, Нелединскій говоритъ въ заключеніе своей статьи: «Да познаетъ сіе надменный и жребіемъ подвластныхъ ему людей играющій врагъ нашъ, да познаетъ и вострепещетъ! Мы идемъ противъ него всѣ, предводимые вѣрою, неизмѣнною любовію къ монарху и отечеству своему. Умремъ всѣ совокупно или побѣдимъ». Краснорѣчивѣе словъ Нелединскаго были навернувшіяся на глазахъ государя слезы, священная награда, которую москвитяне получили за исполненіе обѣта вѣрноподданныхъ. Императоръ не скрылъ чувствъ, наполнявшихъ душу его, и въ тотъ-же день писалъ бывшему своему воспитателю, графу Салтыкову: «Пріѣздъ Мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило Мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ и приступлено. Въ Москвѣ, одна сія губернія даетъ Мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ, купечество-же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя быть не тронуту до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Императоръ отправился изъ арміи въ Москву, желая присутствіемъ своимъ воспламенить народъ; но едва провелъ онъ въ Москвѣ пять дней, какъ уже надобно было умѣрять общій порывъ. Изъ того, чему государь былъ свидѣтелемъ въ Смоленскѣ и Москвѣ, можно было заключить, что произойдетъ, по полученіи воззванія, и въ другихъ губерніяхъ. Велика была опасность Россіи, но готовность жертвовать всѣмъ превышала мѣру потребности до такой степени, что государь счелъ излишнимъ общее вооруженіе распространять на всю Россію и положилъ оставить его только въ 17-ти губерніяхъ, о чемъ возвѣщено слѣдующимъ манифестомъ, обнародованнымъ 18-го іюля, черезъ три дня послѣ собранія въ Слободскомъ дворцѣ и 12 дней послѣ манифеста изъ Полоцка, которымъ цѣлой Россіи повелѣно вооружиться.

«По воззваніи ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о составленіи внутреннихъ силъ для защиты отечества и по прибытіи Нашемъ въ Москву, нашли Мы, къ совершенному удовольствію Нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностью, обращаемъ Мы попеченіе Наше на то, чтобы, составя достаточныя силы изъ однѣхъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ. Для того учреждаемъ: 1) округъ, состоящій изъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерній, приметъ самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устрое-

нію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и предѣлы сего округа. 2) Округъ, состоящій изъ С.-Петербургской и Новгородской губерній, сдѣлаетъ то-же самое для охраненія С.-Петербурга и предѣловъ сего округа. 3) Округъ, состоящій изъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерній, приготовится расчислить и назначить людей, но до повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ. 4) Всѣ прочія губерніи остаются безъ всякаго по онымъ дѣйствія, доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ отечеству жертвамъ и услугамъ. Наконецъ, 5) вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія отечества. Каждый изъ военоначальниковъ и воиновъ при новомъ званіи своемъ сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды, и по прошествіи надобности, то-есть, по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ. Государственные, экономическіе и удѣльные крестьяне въ тѣхъ губерніяхъ, изъ коихъ составляется временное внутреннее ополченіе, не участвуютъ въ ономъ, но предоставляются для обыкновеннаго съ нихъ набора рекрутовъ по установленнымъ правиламъ».

Государю угодно было отдать лично повелѣнія генераламъ, формировавшимъ запасныя войска: Милорадовичу, князю Лобанову-Ростовскому и графу Толстому, назначенному начальникомъ 3-го округа ополченія. Они заблаговременно были вызваны въ Москву, первый изъ Калуги, второй изъ Владиміра, третій изъ подмосковной деревни. Туда-же было велѣно пріѣхать начальнику тульскаго оружейнаго завода Воронову, для совѣщанія о средствахъ къ пріумноженію заготовки ружей. Отправляя Воронова обратно въ Тулу, государь далъ ему, за своеручнымъ подписаніемъ, повелѣніе, сущность котораго была слѣдующая: 1) У ружей новаго образца длину ствола обрѣзать на 3½ дюйма и штыки на ту-же длину прибавить. Казну дѣлать на манеръ англійскихъ, не съ гранями, но круглую. 2) Заключить подрядъ у ружейниковъ, чтобы они на собственныхъ своихъ фабрикахъ дѣлали сколько можно болѣе новаго оружія, по 18 р. за ружье. 3) Отдать на подрядъ отдѣлку старыхъ ружей, по 10 рублей 50 копѣекъ за каждое. Согласно съ этими предположеніями назначалось приготовлять ежемѣсячно на тульскомъ заводѣ 13,000 ружей.

Въ заключеніе Высочайшаго повелѣнія начальнику завода Воронову сказано: «Если вы благоразумнымъ своимъ распоряженіемъ и стараніемъ вольныхъ фабрикантовъ будете ежемѣсячно приготовлять болѣе, то оное принято будетъ Мною за особый знакъ вашего ко Мнѣ и отечеству усердія. Препоручаю вамъ объявить всѣмъ заводскимъ мастерамъ и фабрикантамъ, имѣющимъ свои фабрики, что никакое еще время въ отечествѣ Нашемъ не требовало болѣе отъ каждаго усердія и пожертвованій, какъ нынѣшнее; слѣдовательно, Я увѣренъ, что изъ оныхъ фабрикантовъ найдутся такіе усердные сыны отечества, что цѣлыя свои фабрики обратятъ къ одному дѣлу оружія и тѣмъ дадутъ способъ ихъ имена передать въ память потомству».

Къ императору явились въ Москву полковники: флигель-адъютантъ Чернышевъ, Мишо и Эйхенъ, по выступленіи арміи изъ Дриссы посланные отыскивать въ окрестностяхъ Москвы лагерныя мѣста. Они объѣхали пространство между Клиномъ, Воскресенскомъ и Звенигородомъ, нигдѣ не находя совершенно выгодной позиціи. Всѣхъ менѣе неудобною показалась имъ позиція въ 3-хъ верстахъ отъ Клина, подлѣ Петербургской дороги, на рѣкѣ Сестрѣ, у деревни Мадьяновой, но и та была покрыта частымъ кустарникомъ. Они хотѣли ѣхать къ Серпухову, но, узнавъ о прибытіи императора въ Москву, почли долгомъ представиться его величеству. Изъ донесеній ихъ государь усмотрѣлъ, что для укрѣпленія избраннаго ими мѣста требовалось не менѣе 4 или 5 мѣсяцевъ, а такъ какъ въ теченіе этого времени, судя по быстрому стремленію непріятелей внутрь Россіи, театръ войны могъ быть перенесенъ къ самой Москвѣ, то государь отмѣнилъ прежнее намѣреніе свое устраивать лагери въ ея окрестностяхъ. Онъ приказалъ полковнику Мишо отправиться на берега Волги и тамъ построить лагерь для прикрытія Нижняго-Новгорода и Казани и для помѣщенія 100,000 ополченія 3-го округа, составлявшагося въ низовыхъ губерніяхъ. Данное Мишо порученіе служитъ непреложнымъ доказательствомъ намѣренія государя вести войну даже въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи. Приведемъ слова его, въ то-же время сказанныя графу Толстому, въ разговорѣ о положеніи дѣлъ, которое, ввиду превосходства силъ Наполеона, подавало поводъ къ заключенію о вторженіи его въ Москву. «Зимовать въ ней Наполеону нельзя», — сказалъ графъ Толстой, — «но, если Наполеонъ рѣшится остаться на зиму въ Москвѣ, что тогда, ваше величество, намѣрены предпринять?» — «Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію!» — отвѣчалъ Александръ.

Изъ Москвы послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ для подкрѣпленія государственнаго казначейства сокращеніемъ нѣкоторыхъ расходовъ: 1) Остановить всѣ гражданскія строенія какого-бы вѣдомства они ни были, не исключая цивильныхъ зданій по департаментамъ военнымъ и работъ, предположенныхъ по вѣдомству путей сообщенія. 2) Остановить всѣ выдачи ссудъ частнымъ людямъ изъ мѣстъ казенныхъ, обращая въ государственное казначейство всѣ суммы, которыя отъ должниковъ, по ихъ займамъ, въ уплату капиталовъ поступать будутъ. Такъ какъ такія-же выдачи производились и отъ приказовъ общественнаго призрѣнія, то и ихъ включить въ настоящее предположеніе. Суммы, вслѣдствіе этого распоряженія вносимыя въ государственное казначейство, должны быть поступать въ оное на такомъ точно основаніи и съ платежемъ такихъ-же процентовъ, какъ то установлено въ отношеніи къ частнымъ людямъ. 3) Всѣ капиталы и суммы, городамъ принадлежащіе, которые могли оставаться за удовлетвореніемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ, обратить на такомъ-же основаніи въ государственное казначейство, вслѣдствіе чего и по городамъ остановить расходы, терпящіе отсрочку.

Къ числу военныхъ распоряженій императора въ Москвѣ принадлежитъ Высочайшее повелѣніе о составленіи корпуса на защиту Петербурга. Поводомъ къ тому послужило полученное государемъ отъ графа Салтыкова письмо, съ приложеніемъ донесенія отъ рижскаго губернатора Эссена, о занятіи непріятелями Митавы и пер

правѣ ихъ черезъ Двину при Юнгфергофѣ. Императоръ отвѣчалъ графу Салтыкову:

«Извѣстіе о Ригѣ, сообщенное Мнѣ вами, ни мало Меня не удивляетъ. Вспомните, что Я всегда сіе предвидѣлъ, по превосходству силъ, дѣйствующихъ противъ насъ. Признаюсь, Я не полагаю, чтобы переходъ черезъ Двину, о коемъ упоминается въ письмѣ отъ Эссена, былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ идти на Петербургъ, но единственно по правиламъ военнымъ, дабы передъ осадою запереть Ригу; какъ говорится по-французски, pour cerner la place. Мудрено, чтобы они отважились отправить корпусъ на Петербургъ, прежде нежели участь Риги и дѣйствующихъ армій рѣшена будетъ. Но не менѣе того, какъ Я прежде писалъ, всѣ мѣры къ увозу изъ Петербурга всего нужнаго необходимы, и времени терять не слѣдуетъ. Я надѣюсь еще пріѣхать самъ въ Петербургъ къ 21-му іюля, но желалъ-бы уже найти все приготовленнымъ на всякій случай. Выѣздомъ императорской фамиліи, полагаю, спѣшить нечего, развѣ когда корпусъ непріятельскій уже будетъ приближаться къ Нарвѣ; имѣвъ лошадей, заготовленныхъ по Ярославской дорогѣ на Казань, всегда во-время успѣть можно выѣхать. Важнѣе, чтобы всѣ тягости заблаговременно были выпровождены. Продолженіемъ-же присутствія императорской фамиліи, и публика будетъ нѣсколько успокоена. Между тѣмъ, съ помощію Божіею, и арміи дѣйствующія могутъ имѣть успѣхи, которые перемѣнятъ видъ вещей. По послѣднимъ извѣстіямъ, все, благодаря Бога, идетъ хорошо. Первая армія совершила свое движеніе къ Витебску, дабы быть между Двиною и Днѣпромъ и имѣть Смоленскъ въ тылу; 2-я уже подошла къ Могилеву, и князь Багратіонъ хотѣлъ аттаковать непріятеля. Посему соединеніе сихъ двухъ армій кажется вѣроятнымъ.

«Что касается до составленія корпуса для защиты Петербурга, Я долженъ замѣтить, что означенныя въ прилагаемой запискѣ войска существенно составляютъ только три полка; прочіе все рекруты, а кавалеріи вовсе нѣтъ. Нельзя-ли приступить къ формированію въ Петербургѣ на подобіе того, что дѣлается въ Смоленскѣ и Москвѣ? Употребя псарей, конюшихъ, конюховъ, форрейторовъ господскихъ, словомъ, людей ѣздившихъ верхомъ, можно весьма скоро составить казачьи полки. Въ Петербургѣ и въ губерніи, по примѣру московскому, должно составиться довольно значительное число. Къ сему можно присоединить одинъ драгунскій полкъ, оставшійся въ Финляндіи и не назначенный на суда; дать ему повелѣніе придти въ Петербургъ. Сверхъ того, съ каждаго кавалерійскаго гвардейскаго полка осталось по 50-ти человѣкъ съ двумя офицерами, которые могли-бы всѣ служить для образованія сей новой кавалеріи. Три-же полка пѣхотныхъ могли-бы образовать новую пѣхоту, и тогда корпусъ будетъ довольно значителенъ. Занявъ позицію подъ Нарвою, можно будетъ непріятеля остановить, тѣмъ больше, что по свѣдѣніямъ, которыя Я имѣю, вверхъ по Наровѣ мосты строить неудобно, по быстротѣ и порогамъ. Неужели Петербургъ захочетъ отстать отъ Москвы въ усердіи къ защитѣ отечества? Прилагаю рескриптъ Кутузову о назначеніи его начальникомъ корпуса для защиты Петербурга.

«Со стороны Пскова корпусъ графа Витгенштейна, усиленный резервными войсками и составляющій до 30,000 человѣкъ, назначенъ

къ защитѣ Петербурга. Прошу ваше сіятельство, съ помощію генераловъ Кутузова, Вязмитинова и князя Горчакова, дать ходъ новому вооруженію въ Петербургѣ. При семъ прилагаю московское образованіе: оно можетъ послужить примѣромъ. Артиллеріи-же въ Петербургѣ и Псковѣ слишкомъ достаточно».

Войскамъ, назначеннымъ для защиты Петербурга, велѣно называться нарвскимъ корпусомъ и занять Нарву, которой непріятелю нельзя было миновать, если-бы онъ пошелъ отъ Риги на Петербургъ, чего, впрочемъ, государь не предполагалъ. Корпусъ Макдональда, бывшій у Риги, считали въ 40 или 45 тысячъ. Для обложенія Риги онъ долженъ былъ оставить, по крайней мѣрѣ, 20,000, а съ остальными 25,000 невозможно было ему предпринять движенія на Петербургъ. Въ такомъ случаѣ, часть войскъ, оставленная имъ для блокады, подвергалась вылазкамъ рижскаго гарнизона, а отправленные впередъ 25,000, по малочисленности своей, не могли-бы предпринять ничего рѣшительнаго. Идти Макдональду со всѣмъ корпусомъ на Петербургъ также было нельзя, имѣя въ тылу Ригу съ ея гарнизономъ, а потому государь считалъ переходъ непріятеля черезъ Двину одною демонстраціею, но, на всякій случай, хотѣлъ ее предупредить. Нарва являлась для того самымъ удобнымъ мѣстомъ. Инженерный генералъ Шванебахъ былъ отправленъ изъ Петербурга усилить оборону Нарвы и находящейся близь нея позиціи. Стараясь узнать каждый шагъ непріятеля по дорогѣ изъ Риги въ Петербургъ, велѣли одному надежному чиновнику ѣхать до послѣдней почтовой станціи, до которой можно будетъ пробраться, и доносить съ нарочными о движеніи непріятеля. Нарвскій корпусъ долженъ былъ состоять съ небольшимъ изъ 10,000 человѣкъ и находиться подъ начальствомъ Кутузова, только что возвратившагося изъ Бухареста. Оборона Петербурга была первымъ порученіемъ, даннымъ въ Отечественную войну полководцу, на котораго вскорѣ потомъ возложилъ императоръ всю оборону Россіи. Главному начальству Кутузова подчинили также всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи, не исключая морскихъ, чтобы онъ, как сказано въ Высочайшемъ ему рескриптѣ, «имѣя ихъ въ единственной своей командѣ, могъ, въ случаѣ надобности, употреблять и соединять ихъ».

Въ Москвѣ государь получилъ два мирныхъ договора: первый подписанный, 8-го іюля, въ Великихъ Лукахъ съ министромъ испанскихъ кортесовъ, другой, заключенный, 6-го іюля, въ Оребро с Англіею. Цѣлью договора съ Испаніею было возстановленіе межд Россіею и ею добраго согласія и союза, и обязательство, принят обѣими державами: «условиться о постановленіяхъ сего союза согласиться во всемъ томъ, что можетъ относиться къ взаимным ихъ пользамъ и принятому ими твердому намѣренію вести мужественно войну противъ императора французовъ, общаго ихъ непр теля, обѣщаясь рачить и содѣйствовать искренно всему тому, ч можетъ быть полезно для той или другой стороны». Съ лондонски дворомъ начались дипломатическія сношенія въ апрѣлѣ, когда вой съ Наполеономъ уже не подвержена была сомнѣнію. Перегово вели въ Стокгольмѣ довѣреннымъ образомъ съ англійскимъ мин стромъ Торнтономъ, который, равно какъ и русскій посланникъ Швеціи, не имѣлъ отъ своего двора оффиціальныхъ полномочій

заключеніе мира. Торнтонъ получилъ ихъ не прежде 3-го іюня, за девять дней до перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, а нашему посланнику дано было на то повелѣніе 23-го іюня, на маршѣ изъ Вильны въ Дриссу. Необходимо замѣтить, что лондонскій дворъ, прилагавшій съ начала революціонной войны всѣ средства для противоборства Франціи, оказывалъ невѣроятную холодность къ Россіи, когда приближалось вторженіе въ нее Наполеона. Англичане мало надѣялись на успѣхъ россійскаго оружія и не спѣшили возобновлять связи съ нашимъ отечествомъ, считая его, подобно Наполеону и всей Европѣ, погибшимъ. Единственнымъ условіемъ мира съ Англіею было возстановленіе дружественныхъ сношеній въ томъ видѣ, какъ они бываютъ между народами, наиболѣе другъ другу благопріятствующими. Государь велѣлъ обнародовать миръ безъ отлагательства, во 1-хъ, потому, что лондонскій кабинетъ, не ожидая срока, назначеннаго для размѣна ратификацій, наименовалъ лорда Каткарта чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургѣ; во 2-хъ, чтобы торгующіе, узнавъ о свободномъ мореплаваніи, успѣли воспользоваться для своихъ оборотовъ краткимъ остаткомъ лѣта. Во время веденныхъ съ Англіею переговоровъ, государь писалъ принцу регенту:

«Настоящая война есть послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія, законно-свободныхъ идей противъ тиранства; она есть дѣло всѣхъ еще не порабощенныхъ государствъ. Только величайшія общія усилія, только самое непоколебимое постоянство въ поддержаніи этой войны, могутъ доставить намъ успѣхъ. Все повелѣваетъ заключить самый тѣсный союзъ между Россіею, Англіею, Швеціею, Испаніею, Португаліею и Турціею. Все, что сдѣлаемъ для достиженія этой цѣли, будетъ сдѣлано хорошо; все, что удалитъ насъ отъ нея или замедлитъ исполненіе, будетъ существеннымъ зломъ для общаго блага. Позвольте мнѣ выразиться яснѣе. Мнѣ кажется, надобно употреблять меньше письменныхъ сношеній и формъ, но болѣе руководствоваться возвышенными пламенными чувствами, которыя заставили-бы смотрѣть на всѣ народы, соединенные для спасенія своей свободы, какъ на братьевъ, поспѣшающихъ въ случаѣ нужды помогать другъ другу, имѣя въ виду одну цѣль—общее спасеніе. Таковъ мой образъ воззрѣнія на нынѣшнія дѣла».

Въ то великое время, когда Александръ воспламенялъ и своихъ вѣрноподданныхъ, и чуждыя государства къ совокупленію всѣхъ усилій противъ общаго врага, не доставало въ Москвѣ только присутствія митрополита Платона. Онъ управлялъ московскою епархіею 37 лѣтъ, и въ 1812-мъ году, по преклоннымъ лѣтамъ и слабости здоровья, жилъ въ Виѳаніи, гдѣ надѣялся спокойно кончить дни свои, когда внезапно до мирной обители его достигла вѣсть о вторженіи въ Россію непріятеля. Онъ плакалъ, взывая: «Боже мой! до чего я дожилъ?» и хотѣлъ ѣхать изъ Виѳаніи, представиться государю въ Москвѣ. Нѣсколько разъ онъ приказывалъ готовить себѣ карету для отъѣзда и нѣсколько разъ доходилъ до нея, но душевная скорбь, увеличивавшая тѣлесное безсиліе, дѣлала тщетными усилія архипастыря видѣть еще разъ своего монарха и благословить его на подвигъ. Подобно святому Сергію, нѣкогда благословившему великаго князя Димитрія на битву съ Мамаемъ, Платонъ, 14-го іюля, послалъ къ императору съ намѣстникомъ Троицкой лавры, Самуиломъ, образъ преподобнаго Сергія, написанный на гробовой доскѣ

угодника и сопутствовавшій Петру Великому въ походахъ и сраженіяхъ. Митрополитъ писалъ государю:

«Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать, во объятія усердныхъ сыновъ своихъ и, сквозь возникающуюся мглу провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый! Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая Вѣра, сія праща россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ Вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія Вашего Величества».

Государь отвѣчалъ Платону:

«Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ преподобнаго Сергія. Первое принялъ Я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и мною столь уважаемаго пастыря церкви, второй съ благоговѣніемъ. Образъ святого поборника россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ Я отдать составляющемуся для защиты отечества московскому ополченію, да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія и да продлитъ молитвами своими украшенные честію и славою дни ваши».

Тогда Платонъ въ духѣ пророческомъ писалъ императору изъ Виѳаніи:

«Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ принять на руки свои Предвѣчнаго Младенца и изъ глубины восхищенныя души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я, недостойный, удостоенъ отвѣта августѣйшей особы Вашей, въ восторгѣ лобызаю Высокомонаршую десницу; ношу бремя скучной старости, но какъ-бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени Александра. Государь! Вы, по духу христіанскаго благочестія, благословили вооружаемыхъ героевъ принесенною Вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія. Много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема. Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе—и этотъ Фараонъ погрязнетъ съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой! О! каждая крови капля воззоветъ отъ земли къ Небу. Кров и брата твоего взыщу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщеній, а Россія восчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ Нему: Авва: Отче! Царю Небесный! Ты изведеши, яко свѣтъ, правду монарха, и судьбу Россіи, яко полудне».

Во всю жизнь примѣрный сынъ церкви, Александръ, истощая средства человѣческой обороны, обнажая мечъ мірской, возлагалъ въ напастяхъ упованіе на Бога, подобно тому какъ во дни своихъ торжествъ Ему Одному приписывалъ славу своего оружія. 17-го іюля, онъ приказалъ преосвященному Августину сочинить молитву о нашествіи супостатовъ, для чтенія съ колѣнопреклоненіемъ въ церквахъ московской епархіи. Молитва была удостоена Высочайшаго одобренія и напечатана. Повторимъ ее съ тѣмъ-же

благоговѣніемъ, съ какимъ была она возносима въ храмахъ, когда Всевышній посѣтилъ отечество наше скорбью:

«Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего! Призри нынѣ въ милости и щедротахъ на смиренныя люди Твоя и человѣколюбиве: услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, смущаяй землю Твою и хотяй положить вселенную всю пусту, возста на ны; се людіе беззаконіи собрашася, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися святынѣ нашей. Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшници восхвалятся? Доколѣ употребляти имать законопреступный власть?

«Владыко Господи! услыши насъ, молящихся Тебѣ, укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича; помяни правду его и кротость, воздаждь ему по благости его, ею-же хранитъ ны Твой возлюбленный Іизраиль. Благослови его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущною Твоею десницею царство его, и подаждь ему побѣду на врага, яко-же Моусею на Амалика, Гедеону на Мадіама и Давиду на Голіаѳа. Сохрани воинство его: положи лукъ мѣдянъ мышцамъ во имя Твое ополчившихся и препояши ихъ силою на брань. Пріими оружіе и щитъ и возстани въ помощь нашу: да постыдятся и посрамятся мыслящіи намъ злая, да будутъ предъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и ангелъ Твой сильный да будетъ оскорбляяй и погоняяй ихъ; да пріидетъ имъ сѣть, юже не свѣдуютъ, и ихъ ловитва, юже сокрыша, да обыметъ ихъ; да падутъ подъ ногами рабовъ Твоихъ и въ попраніе воемъ нашимъ да будутъ. Господи! не изнеможетъ у Тебѣ спасати во многихъ и въ малыхъ: Ты еси Богъ, да не превозможетъ противу Тебѣ человѣкъ.

«Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости, яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, ниже возгнушайся недостоинствомъ нашимъ, но по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ презри беззаконіи и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ насъ и духъ правъ обнови во утробѣ нашей; всѣхъ насъ укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одушеви истинною другъ ко другу любовію, вооружи единодушіемъ на праведное защищеніе одержанія, еже далъ еси намъ и отцемъ нашимъ, да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жребій освященныхъ!

«Господи Боже нашъ, въ Него-же вѣруемъ и на Него-же уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея и сотвори знаменіе во благо, яко да видятъ ненавидящія насъ и православную вѣру нашу, и посрамятся, и погибнутъ: и да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Тебѣ Господь, и мы людіе Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ; возвесели сердце рабовъ Твоихъ о милости Твоей: порази враги наша и сокруши ихъ подъ ноги вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты бо еси заступленіе, помощь и побѣда уповающихъ на Тя, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Такъ совершилось семидневное пребываніе императора въ Москвѣ: даны повелѣнія къ составленію ополченія и запасныхъ войскъ, къ заготовленію оружія, воспламененъ народный духъ, вознесены мольбы ко Всевышнему. Представляя себѣ, съ одной стороны, рѣшимость императора Александра не заключать мира, пока

непріятель не будетъ изгнанъ, а съ другой—безпредѣльное повиновеніе его священной волѣ, повиновеніе, составляющее силу государствъ, не трудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда въ смертельной борьбѣ съ Наполеономъ и соединенною противъ насъ Европою. Съ такою сладостною увѣренностью императоръ оставилъ Москву, ночью съ 18-го на 19-е іюля, пробылъ полтора дня въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны и пріѣхалъ въ Петербургъ ко дню тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ которое, какъ увидимъ ниже, совершилось одно изъ самыхъ вожделѣнныхъ событій войны. Вскорѣ послѣ прибытія его величества въ Петербургъ объявленъ рекрутскій наборъ въ губерніяхъ, гдѣ не было ополченія, со ста душъ по 2, съ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ повсемѣстно, а съ удѣловъ великой княгини Екатерины Павловны со ста душъ по одному, потому что ея высочество пожелала формировать въ своихъ имѣніяхъ особый батальонъ. Псковская и Эстляндская губерніи были освобождены отъ рекрутскаго набора, по причинѣ военныхъ повинностей, на нихъ лежавшихъ; съ Подольской и Волынской губерній велѣно собрать вмѣсто каждаго рекрута по 4 строевыхъ лошади. При государѣ учредилась, подъ начальствомъ графа Аракчеева, особенная канцелярія; въ ней сосредоточились всѣ военныя дѣла.

II.

Дѣла подъ Витебскомъ.

При отъѣздѣ императора изъ 1-й арміи, 1-го іюля, она оставалась въ виду Полоцка, а Наполеонъ въ Глубокомъ, откуда онъ направлялъ свои войска вверхъ по Двинѣ, къ Бешенковичамъ. 1-я армія имѣла при Полоцкѣ дневку, потому что главнокомандующій желалъ еще болѣе удостовѣриться въ настоящемъ направленіи непріятеля и, до полученія о томъ извѣстій, хотѣлъ удержать за собою Полоцкъ, гдѣ сходятся дороги къ Витебску, Невелю и Себежу. Вскорѣ пришли донесенія, подтверждавшія о маршѣ Наполеона къ Витебску, почему, 8-го іюля, и 1-я армія послѣдовала туда-же изъ Полоцка, двумя колоннами: въ одной были корпусъ Багговута и гвардія, въ другой корпусы Тучкова и графа Остермана. Дохтуровъ шелъ позади, въ одномъ маршѣ, прикрытый конницею Корфа и графа Палена. Для облегченія войскъ на маршѣ, въ наступившіе сильные жары велѣно было солдатамъ снимать галстухи и разстегивать мундиры. Когда армія миновала Полоцкъ, кавалерійскій корпусъ Монбрена переправился у Дисны на правый берегъ Двины и пошелъ вслѣдъ за русскими.

На третьемъ переходѣ отъ Полоцка казалось выгоднѣе идти не на Витебскъ, но на Будилово, Сенно и Кохановo. Если этимъ движеніемъ обѣ наши арміи и не соединялись совершенно, то, по крайней мѣрѣ, приближались одна къ другой; 1-я бы стала уже на дорогу, идущую изъ Смоленска въ Москву, и прикрыла сердце Россіи. Главнокомандующій хотѣлъ предпринять это движеніе и переправиться въ Будиловѣ черезъ Двину; съ этой цѣлью понтоны были подвезены къ ея берегу; но онъ отмѣнилъ свое намѣреніе за недостаткомъ продовольствія. Онъ продолжалъ маршъ на Витебскъ и былъ такъ убѣжденъ въ соединеніи своемъ съ 2-ю арміею, что съ этимъ по истинѣ радостнымъ событіемъ поздравлялъ генераловъ и мѣстныхъ началь-

никовъ. «Благодареніе Всевышнему, соединеніе наше совершилось», писалъ онъ смоленскому губернатору и Платову, «и мы начинаемъ теперь съ княземъ Багратіономъ дѣйствовать наступательно».

Утомленіе сильными переходами войскъ, шедшихъ отъ Нѣмана до Витебска, не дозволило вести тотчасъ 1-ю армію изъ Витебска къ Оршѣ на соединеніе съ княземъ Багратіономъ. Главнокомандующій доносилъ государю: «Войска послѣ столь быстрыхъ движеній требуютъ нѣсколькихъ дней отдохновенія. Этимъ временемъ хочу воспользоваться, чтобы устроить и обезпечить продовольствіе». Приказали: 1) Забирать всѣ запасы у частныхъ людей, платя за нихъ облигаціями, а промышленникамъ чистыми деньгами; обывателямъ и полкамъ раздавать хлѣбъ для заготовленія сухарей. 2) Въ Велижѣ учредить магазинъ для ссыпки хлѣба изъ помѣщичьихъ и сельскихъ запасовъ. 3) Устроить подвижной магазинъ. 4) Винную и мясную порціи выдавать полкамъ впредь на 4 сутки, и такую-же пропорцію имѣть всегда при арміи; остальнымъ стадамъ воловъ и виннымъ транспортамъ слѣдовать за полками въ нѣкоторомъ разстояніи.

Армія стала у Витебска въ позиціи, на лѣвой сторонѣ Двины, вдоль праваго берега Лучесы, параллельно съ большою дорогою въ Бабиновичи. Село Бѣлево, занятое главною квартирою, находилось между линіями войскъ. Только Дохтуровъ оставался на правомъ берегу Двины, на полтора марша впереди, для наблюденія за непріятелемъ, имѣвшимъ съ авангардомъ графа Палена частыя, но незначительныя стычки. Дохтурову было приказано напасть на непріятелей, если они покусятся перейти на правую сторону Двины, и стараться объ истребленіи ихъ. Главнокомандующій велѣлъ Платову идти на соединеніе съ 1-ю арміею, а князю Багратіону, отъ котораго еще не было извѣстій, объявилъ Высочайшее повелѣніе: безъ малѣйшаго замедленія дѣйствовать наступательно на правый флангъ непріятеля между Березиною и Днѣпромъ. Поводомъ къ этому повелѣнію послужило расположеніе французовъ отъ Сенно къ Оршѣ, куда самъ Барклай де-Толли все еще хотѣлъ идти. Онъ писалъ князю Багратіону: «Запасшись здѣсь провіантомъ, я тотчасъ пойду форсированно къ Оршѣ, чтобы сблизиться съ вами и потомъ совокупно дѣйствовать противъ непріятеля. Если онъ устремитъ всѣ свои силы противъ 1-й арміи, тогда она не можетъ противостать превосходнѣйшимъ силамъ его и подвергнется опасности, потому что она отдѣлила отъ себя значительный корпусъ графа Витгенштейна, которому также предписано дѣйствовать наступательно. Противъ вашего праваго фланга имѣется теперь весьма мало непріятельскихъ силъ, которыя всѣ также потянулись къ Сенно и направляются противъ ввѣренной мнѣ арміи. Я долгомъ считаю сказать вамъ, что 1-й арміи весьма возможно сражаться, но послѣдствія сраженія могутъ быть пагубны. Что дастъ послѣ того спасеніе отечеству, когда та армія, которая должна прикрывать нѣдра его, потерпитъ сильно отъ пораженія, которое при всѣхъ усиліяхъ не есть невозможный случай? Судьба государства не должна быть ввѣрена уединеннымъ силамъ одной арміи противъ несравненно превосходнѣйшаго непріятеля, но священный долгъ обѣихъ армій состоитъ въ скорѣйшемъ ихъ соединеніи, дабы отечество за щитомъ ихъ было спокойно и онѣ совокупными силами могли устремиться на несомнѣнную побѣду, которая есть единая цѣль

взаимныхъ нашихъ усилій; почему покорнѣйше прошу васъ давать мнѣ во взаимность, какія отъ меня получать будете, подробнѣйшія и сколь можно частыя извѣстія о расположеніи войскъ вашихъ и о всемъ, происходящемъ въ арміи вашей; равномѣрно увѣдомьте меня какъ можно скорѣе о всѣхъ распоряженіяхъ, которыя вами уже учинены и которыя впредь предполагается предпринять, дабы я съ симъ могъ соображать свои движенія. Предъ мыслію, что намъ ввѣрена защита отечества въ нынѣшнее рѣшительное время, умолкнуть всѣ прочія разсужденія, и все то, чему-бы при другихъ обстоятельствахъ могло быть возможно имѣть какое-нибудь вліяніе на поступки наши. Гласъ отечества призываетъ насъ къ согласію, которое есть вѣрнѣйшій залогъ нашихъ побѣдъ и полезнѣйшихъ отъ оныхъ послѣдствій, ибо отъ единаго недостатка въ согласіи славнѣйшіе даже герои не могли предохраниться отъ пораженія. Соединимся и сразимъ врага Россіи. Отечество благословитъ согласіе наше!»

Между тѣмъ, непріятели перешли черезъ Улу. 12-го іюня прибылъ въ Бешенковичи Мюратъ, съ корпусами, ведомыми изъ-подъ Дриссы, и показались французскіе отряды по дорогѣ изъ Сенно въ Бабиновичи. Въ виду непріятеля поздно уже было предпринимать маршъ на Оршу, почему 1-я армія должна была оставаться у Витебска и ожидать, пока успѣетъ пробиться къ ней князь Багратіонъ. На одной высотѣ съ Мюратомъ шли изъ Глубокаго корпусы вице-короля, Сенъ-Сира, гвардія, и ѣхалъ Наполеонъ на Ушачъ и Бочейково. Въ Бешенковичахъ Наполеонъ переправился черезъ Двину, дѣлалъ 13-го іюля обозрѣніе и послалъ впередъ Мюрата съ конницею. За Мюратомъ шли прочіе корпусы; только Сенъ-Сиръ оставленъ былъ для наблюденія при Ушачѣ. Наполеонъ занимался распоряженіями къ бою, отъ котораго Барклай де-Толли не имѣлъ намѣренія уклоняться, полагая съ часу на часъ получить извѣстіе о прибытіи 2-й арміи. Ожидая ее съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, Барклай де-Толли узналъ съ разсвѣтомъ 13-го числа о движеніи непріятеля изъ Бешенковичей къ Островнѣ. Нужно было удерживать его какъ можно долѣе, такъ какъ мы имѣли намѣреніе стоять при Витебскѣ до соединенія съ княземъ Багратіономъ. Графу Остерману велѣно идти къ Островнѣ, и оттуда разъѣздами узнавать о силахъ непріятеля, находившагося гораздо ближе къ нашему лагерю, нежели у насъ предполагали.

13-го, поутру, графъ Остерманъ выступилъ къ Островнѣ, съ своимъ корпусомъ и полками Нѣжинскимъ и Ингерманландскимъ драгунскими и лейбъ-гусарскимъ. Ингерманландскіе драгуны вскорѣ посланы влѣво для наблюденія; другіе два полка шли въ головѣ корпуса, имѣя при себѣ 6 орудій. Верстахъ въ 7-ми отъ Витебска, они увидѣли неожиданно французскій конный пикетъ, бросились на него и, въ преслѣдованіи опрокинувъ встрѣтившіеся имъ дорогою разъѣзды, вмѣстѣ съ ними мчались до Островны, прямо на Мюрата, стоявшаго тамъ съ двумя кавалерійскими корпусами и пѣхотнымъ полкомъ. Ядра и картечи посыпались на Нѣжинскихъ драгуновъ и лейбъ-гусаровъ. Многочисленная конница вдругъ аттаковала ихъ съ разныхъ сторонъ и привела съ такое разстройство, что, возвращаясь, наши не попали на большую дорогу, но спасались какъ могли, вправо и влѣво по полямъ, и потомъ присоединялись по одиночкѣ къ корпусу. Шесть конныхъ орудій, не отстававшихъ отъ лейбъ-гусаровъ и драгуновъ въ неосторожномъ ихъ налетѣ, были взяты французами и явились первыми трофеями Наполеона въ Россіи.

Услыша сильную канонаду, которою Мюратъ встрѣтилъ нашу конницу, графъ Остерманъ приказалъ пѣхотѣ прибавить шагу и, не доходя до Островны на пушечный выстрѣлъ, часу въ 10-мъ поутру, поставилъ корпусъ поперекъ дороги, упираясь флангами въ болотистый лѣсъ. Первыя линіи обѣихъ пѣхотныхъ дивизій, 23-й и 11-й, Вахметьевыхъ 1-го и 2-го, стали развернутымъ фронтомъ; впередъ вывезены орудія; они тотчасъ открыли огонь, но сильно потерпѣли отъ превосходнаго числа непріятельской артиллеріи. Мюратъ началъ кавалерійскія аттаки и усиливалъ нападенія тѣмъ смѣлѣе, что надѣялся получить въ подкрѣпленіе пѣхоту, шедшую вслѣдъ за нимъ. Наши войска, скучавшія продолжительнымъ отступленіемъ, жадно воспользовались первымъ случаемъ сражаться. Аттаки непріятельскія были отражены мужественно, и по всей линіи открылся неумолкаемый огонь артиллеріи.

Вице-король слѣдовалъ за Мюратомъ и отправилъ пѣхотную дивизію для его подкрѣпленія. Прибытіе пѣхоты не дало перевѣса непріятелю, ввиду невозможности обойти нашу позицію съ фланговъ, а съ фронта графъ Остерманъ отражалъ аттаки пушками и батальнымъ огнемъ. Главнокомандующій послалъ ему на помощь 1-й кавалерійскій корпусъ, Уварова, но графъ Остерманъ не счелъ нужнымъ вводить его въ огонь. За Уваровымъ шла 3-я дивизія, Коновницына. Графъ Остерманъ держался упорно и до 10-ти час. вечера не подавался ни шагу назадъ. Когда спросили его, что прикажетъ онъ дѣлать, чтобы избѣжать вреда, наносимаго нѣкоторымъ полкамъ картечными выстрѣлами, онъ отвѣчалъ: «Ничего не дѣлать—стоять и умирать». По прекращеніи огня, сражавшіяся войска остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ началось дѣло.

Барклай де-Толли основательно полагалъ, какъ о томъ и доносилъ императору, что на слѣдующій день непріятель возобновитъ нападеніе на графа Остермана и принудитъ его отступить къ Витебску. «Здѣсь», писалъ онъ, «взялъ я позицію и рѣшился дать Наполеону генеральное сраженіе. Но, между тѣмъ, другая часть непріятельскихъ войскъ изъ Борисова и Толочина идетъ къ Оршѣ и оттуда стремится къ Смоленску, чтобы совершенно пресѣчь мое сообщеніе съ княземъ Багратіономъ, почему прошу князя дѣйствовать рѣшительно и быстро на Оршу и непремѣнно занять Оршу, безъ чего всѣ усилія наши будутъ тщетны и пагубны».—«Поспѣшите симъ дѣйствіемъ», заключилъ Барклай де-Толли свое отношеніе къ князю Багратіону. «Защита отечества нынѣ совершенно въ вашихъ рукахъ. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, чего требуетъ польза службы его императорскаго величества. Я-же отсель до тѣхъ поръ не пойду, пока не дамъ генеральнаго сраженія, отъ котораго все зависитъ».

Коновницыну было приказано смѣнить гр. Остермана, который, въ свою очередь, долженъ былъ поддерживать 3-ю дивизію. Коновницынъ сталъ при деревнѣ Какувачинѣ, отъ Островны въ 8-ми верстахъ, куда графъ Остерманъ отступилъ ночью. Непріятельскіе корпусы подвигались изъ Бешенковичей; впереди ихъ, по причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, шелъ пѣхотный полкъ, который 14-го, поутру, аттаковалъ передовыя войска Коновницына. Отстрѣливаясь, наши отступали на позицію. Правое крыло Коновницына примкнуло къ Двинѣ, лѣвое къ густому лѣсу; на большой дорогѣ сталъ центръ, прикрытый оврагомъ. Аттаки Мюрата и вице-короля на лѣвый флангъ, въ лѣсу, были безуспѣшны; на правомъ крылѣ Коновницынъ тоже не уступалъ ни шагу,

и, послѣ двукратно отбитаго имъ нападенія, самъ ударилъ на непріятеля, но не имѣлъ удачи, потому что къ французамъ подоспѣли свѣжія войска и прибылъ Наполеонъ, о чемъ Коновницынъ вскорѣ узналъ отъ плѣнныхъ. Мысль имѣть дѣло съ самимъ Наполеономъ воспламенила Коновницына къ новымъ усиліямъ. «Что прикажете дѣлать?» спросилъ его одинъ генералъ, объясняя ему свое затруднительное положеніе. «Не пускать непріятеля!» отвѣчалъ ему Коновницынъ. Но исполнить приказаніе было невозможно. Наполеонъ повелъ общую аттаку на всю линію, имѣя въ виду оттѣснить поспѣшнѣе русскихъ изъ лѣсовъ, положить конецъ двухдневному кровопролитію и, приблизясь къ Витебску, осмотрѣть позицію, занимаемую нашею арміею. Храбрость нашихъ войскъ и личное безстрашіе Коновницына не могли удержать нападающихъ. Съ восклицаніями: «Да зравствуетъ императоръ!» отовсюду подвигались они впередъ и даже захватили три орудія наши, которыя, однако-же, были возвращены штыками Черниговскаго пѣхотнаго полка. Коновницынъ, имѣя позади себя узкій лѣсной дефиле, отправилъ назадъ часть артиллеріи и началъ отступать. На дорогѣ онъ встрѣтилъ посланные къ нему на подкрѣпленіе корпусъ Уварова и 1-ю гренадерскую дивизію, ведомую Тучковымъ, который, какъ старшій, принялъ команду. Наполеонъ только вечеромъ могъ овладѣть всѣмъ лѣсомъ, гдѣ еще нѣсколько времени продолжался огонь, и, сбивъ Коновницына, не пріобрѣлъ никакихъ трофеевъ, кромѣ поля сраженія. Къ ночи, бывшая въ дѣлѣ 3-я пѣхотная дивизія Коновницына и войска, посланныя ей въ помощь, отступили къ Витебску; авангардъ арміи поручили графу Палену. Наполеонъ велѣлъ раскинуть для себя палатку на возвышеніи по лѣвую сторону отъ дороги, вблизи Куковячи.

Все предвѣщало сраженіе, предметъ желаній Наполеона, надѣявшагося, по обыкновенію своему, однимъ ударомъ рѣшить участь войны. Привыкнувъ къ побѣдамъ, за которыми немедленно слѣдовалъ миръ, на условіяхъ, какія предписывать ему было угодно, бывъ долгое время самовластителемъ на поляхъ битвы, онъ еще не находилъ себѣ достойнаго соперника и потому былъ непоколебимо увѣренъ, что сокрушитъ русскихъ, тѣмъ легче, что превосходилъ насъ силами. Его армія раздѣляла съ своимъ повелителемъ желаніе сразиться, думая, что битва, въ успѣхѣ которой она не сомнѣвалась, положитъ конецъ войнѣ. Русскіе не меньше пришлецовъ, наводнившихъ наше отечество, жаждали боя.

Съ разсвѣтомъ 15-го іюля, французы тронулись отъ Куковячъ къ Витебску, и въ 4-мъ часу утра завязалась перестрѣлка въ авангардѣ графа Палена. Лейбъ-казаки первые ходили нѣсколько разъ въ аттаку. Въ одной изъ нихъ отборные донцы налетѣли на батарею, возлѣ которой стоялъ Наполеонъ, и произвели такую тревогу вокругъ его, что онъ остановилъ на нѣкоторое время свои дѣйствія. Когда прошла суматоха, французы опять двинулись впередъ. Графъ Паленъ, сражаясь, отступалъ къ берегамъ Лучесы въ виду арміи. Стоя на возвышеніяхъ, она могла только удивляться его искуснымъ движеніямъ. Нашъ авангардъ въ глазахъ Наполеона маневрировалъ «съ неожиданнымъ», какъ говорилъ Барклай де-Толли, «успѣхомъ». Графъ Паленъ былъ уже отъ арміи верстахъ въ пяти и на крѣпкой позиціи выдерживалъ сильный натискъ, между тѣмъ какъ вдали, противъ оконечности нашего лѣваго крыла, сгущались черныя линіи французскихъ

колоннъ. Наполеонъ давалъ лично направленія, гдѣ кому стать, для предполагаемаго на слѣдующій день общаго нападенія. Сраженіе казалось несомнѣннымъ, когда вдругъ неожиданно пріѣхалъ отъ князя Багратіона адъютантъ его, князь Меньшиковъ, съ извѣстіями, измѣнившими положеніе дѣлъ. Князь Багратіонъ увѣдомлялъ, что Даву прежде его занялъ Могилевъ и что старанія 2-й арміи пробиться въ тотъ городъ были тщетны, почему для соединенія съ 1-ю арміею онъ взялъ направленіе правѣе и намѣревался слѣдовать въ Смоленскъ черезъ Мстиславль. Барклай де-Толли, имѣя съ обѣихъ сторонъ непріятеля и не будучи въ состояніи соединиться съ 2-ю арміею при Витебскѣ, не могъ вступить въ дѣло, «которое», — доносилъ онъ, — «ни въ какомъ предположеніи не принесло-бы ожидаемыхъ отъ него прежде выгодъ, и потому принужденъ былъ оставить Витебскъ, чтобы на четыре марша отступить къ Порѣчью, гдѣ хотѣлъ принять мѣры, судя по обстоятельствамъ».

Отступленіе было необходимо; но какъ въ виду Наполеона идти назадъ, среди яснаго лѣтняго вечера? Однако-же, не взирая на близость непріятеля, главнокомандующій велѣлъ арміи сниматься съ лагеря. Наполеонъ, находясь въ 5-ти верстахъ отъ нашей позиціи, не могъ опредѣлить истинную цѣль начинавшагося движенія. Оно показалось ему обыкновеннымъ переходомъ войскъ съ одного мѣста позиціи на другое, и наши колонны успѣли отойти назадъ прежде, нежели непріятель могъ удостовѣриться въ отступленіи ихъ. Рѣшившись не принимать сраженія, Барклай де-Толли велѣлъ графу Палену держаться до послѣдней крайности. Надежды главнокомандующаго оправдались въ полной мѣрѣ. Барклай де-Толли нѣсколько разъ посылалъ благодарить графа Палена. Совершенно довольный его дѣйствіями, онъ писалъ государю въ частномъ письмѣ: «Графъ Паленъ особенно отличается отъ генераловъ всей арміи своими воинскими дарованіями, распоряженіями и хладнокровіемъ. Чрезвычайно полезно было-бы для службы назначить ему обширнѣйшій кругъ дѣйствій, и я осмѣливаюсь представить его въ генералъ-лейтенанты. Его достоинства служатъ порукою въ справедливости такой награды». Армія была въ полномъ отступленіи, а графъ Паленъ все еще сражался. Подъ вечеръ онъ перешелъ на правый берегъ Лучесы. Туда послѣдовали за нимъ, въ двухъ мѣстахъ, нѣсколько ротъ французскихъ егерей. Наполеонъ, имѣя, такимъ образомъ, во власти своей переправу черезъ Лучесу, приказалъ авангарду остановиться и началъ располагать корпусы въ боевой порядокъ для сраженія на другой день. Вице-король примкнулъ лѣвымъ крыломъ къ Двинѣ; правѣе отъ него сталъ Ней. Три пѣхотныя дивизіи корпуса Даву, гвардія и кавалерійскій корпусъ Нансути заняли вторую и третью линіи; корпусъ Монбрена находился для наблюденій на правомъ берегу Двины. Сенъ-Сиръ и Груши получили приказаніе идти къ Витебску, первый изъ Ушача, второй изъ Орши. Пока непріятель готовился къ нападенію, графъ Паленъ послѣдовалъ ночью за арміею.

Увѣренность Наполеона въ близости сраженія была такъ велика, что, когда 16-го, поутру, ему донесли съ передовыхъ постовъ объ отступленіи русскихъ, онъ не хотѣлъ тому вѣрить и самъ поѣхалъ удостовѣриться въ истинѣ этого извѣстія. Сомнѣніе его было непродолжительно. Прибывъ на позицію, наканунѣ занятую русскими, онъ увидѣлъ одни опустѣлые биваки; тутъ не было ничего забытаго, брошен-

наго, никакого признака торопливаго отступленія. Нашли только спавшаго подъ кустомъ русскаго солдата. Приведенный къ Наполеону онъ ничего не могъ сказать, куда пошла армія, къ Петербургу или Москвѣ. Наполеонъ послалъ авангарды по дорогамъ Петербургской и Смоленской, а самъ поѣхалъ въ Витебскъ, гдѣ оставалось весьма мало жителей. Наканунѣ гражданскій губернаторъ получилъ повелѣніе отправиться съ чиновниками присутственныхъ мѣстъ въ Усвятъ, собрать какъ можно болѣе хлѣба, скота и горячаго вина и перевезти запасы эти въ Велижъ и Порѣчье. Бѣлорусскій военный губернаторъ, герцогъ Александръ Виртембергскій, извѣстилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ чиновниковъ и гражданъ, что, если русскія войска оставятъ Витебскъ, жители не должны противиться непріятелю, но сохранять присягу вѣрноподданныхъ къ государю. На случай занятія французами Витебска, герцогъ назначилъ комендантомъ отставного бригадира.

Наполеонъ сперва остановился у предмѣстья и велѣлъ привести къ себѣ того, кто имѣлъ начальство въ городѣ. Вскорѣ представили ему нѣсколькихъ обывателей. Особенно разспрашивалъ онъ ихъ о томъ: не знаютъ-ли они, гдѣ русскіе предполагаютъ дать сраженіе. Одинъ изъ представленныхъ Наполеону отвѣчалъ ему, что, по слухамъ, русскіе намѣрены остановиться при Бѣльничахъ, на Петербургской дорогѣ, верстахъ въ 15-ти отъ Витебска. Не дѣлая дальнѣйшихъ разспросовъ, Наполеонъ поѣхалъ на эту дорогу, но не встрѣтилъ нашей арміи, а только получилъ отъ разъѣздовъ донесеніе, что значительныя силы русскихъ тянутся къ Порѣчью. Окончивъ эти развѣдки, Наполеонъ велѣлъ войскамъ, первоначально направленнымъ къ Смоленску, обратиться на Петербургскую дорогу, къ Гапоновщизнѣ, гдѣ и остановился на нѣкоторое время непріятельскій авангардъ, а самъ Наполеонъ, удостовѣрясь, что русская армія уже находилась въ такомъ отъ него разстояніи, что нельзя было воспрепятствовать маршу ея на Смоленскъ, возвратился въ Витебскъ, гдѣ прожилъ до 1-го августа.

Въ дѣлахъ при Островнѣ, Кукувачинѣ и Витебскѣ убито съ нашей стороны 834, ранено 1,855, пропало безъ вѣсти 1,069 человѣкъ. Главнокомандующій не могъ нахвалиться арміею.

Разсмотримъ, какія-же причины воспрепятствовали князю Багратіону прибыть въ Витебскъ.

III.

Дѣйствія князя Багратіона.

Давъ трое сутокъ отдохнуть арміи подъ Несвижемъ и остановивъ авангардъ вестфальскаго короля пораженіями, нанесенными ему 27-го и 28-го іюня подъ Миромъ, князь Багратіонъ продолжалъ маршъ къ Бобруйску. 1-го іюля прибылъ онъ въ Слуцкъ, гдѣ получилъ извѣстіе о появленіи непріятельскихъ разъѣздовъ уже въ Свислочѣ на Березинѣ, въ 40 верстахъ отъ Бобруйска. То были разъѣзды Пажоля, посланнаго маршаломъ Даву изъ Минска, между тѣмъ, какъ самъ Даву пошелъ на Могилевъ. Видя изъ этихъ движеній непріятеля, что Даву не упускалъ нашей арміи изъ вида, князь Багратіонъ рѣшился ускорить маршъ, стараясь предупредить головы непріятельскихъ колоннъ и найти свободный путь для соединенія съ 1-ю арміею.

По пути къ Бобруйску, князь Багратіонъ раздѣлилъ свою армію

на двѣ части: Раевскаго съ 7-мъ корпусомъ и нѣсколькими конными полками послалъ онъ впередъ, для аттаки непріятеля при встрѣчѣ съ нимъ до прихода въ Бобруйскъ, и, такъ какъ тогда пришлось-бы открывать путь оружіемъ, то Раевскому велѣно произвести нападеніе, не смотря на число непріятеля, ни на твердость его позиціи. Самъ князь Багратіонъ съ 8-мъ корпусомъ, Бороздина, и 2-ю кирасирскою дивизіею шелъ въ одномъ маршѣ за Раевскимъ, для поддержанія арріергарда, которымъ командовалъ Платовъ, отражая нападенія вестфальскаго короля. «Я охотно-бы рѣшился аттаковать армію Іеронима, меня преслѣдующую», — доносилъ князь Багратіонъ государю, — «и, разбивъ ее, разбилъ-бы послѣ и Даву, въ чемъ совершенно увѣренъ, но не увѣренъ въ томъ, чтобы Іеронимъ не сталъ отходить и, тѣмъ отвлекая меня, не далъ-бы Даву случая отрѣзать ввѣренную мнѣ армію на всѣхъ пунктахъ соединенія и даже продовольствія».

Едва князь Багратіонъ выступилъ изъ Слуцка, какъ получилъ отъ Платова донесеніе о быстромъ приближеніи вестфальскаго короля къ Романову. Онъ приказалъ Платову держаться въ Романовѣ и даже податься впередъ на непріятеля, чтобы отправленные изъ Слуцка въ Мозырь обозы, раненые, плѣнные и больные успѣли отойти на нѣкоторое разстояніе и не попались непріятелю. Для подкрѣпленія Платова князь Багратіонъ остался въ Слуцкѣ съ корпусомъ Бороздина и кирасирскою дивизіею. Непріятельская пѣхота, не доходя 8 верстъ до Романова, остановилась, а 7 конныхъ полковъ аттаковали нашъ арріергардъ, но были опрокинуты и преслѣдованы до мѣста, занимаемаго пѣхотою, гдѣ Платовъ остановленъ былъ дѣйствіемъ ея артиллеріи. Французская конница, собравшись подъ прикрытіемъ пѣхоты и орудій, снова пошла въ аттаку и опять неудачно. Поле сраженія было покрыто непріятельскими трупами и ранеными; въ плѣнъ взято 16 офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ.

Далѣе Романова непріятельскія войска не преслѣдовали 2-й арміи, получивъ другое назначеніе. У вестфальскаго короля произошла ссора съ Даву, имѣвшимъ отъ Наполеона повелѣніе принять подъ главное свое начальство войска короля, если дойдетъ до сраженія или въ случаѣ совокупныхъ съ ними дѣйствій. Даву началъ посылать приказанія Іерониму, который обидѣлся на это и не хотѣлъ подчиняться маршалу. Наполеонъ, узнавъ о происшедшей ссорѣ и недовольный дѣйствіями своего брата, отказалъ ему отъ команды и поручилъ маршалу Даву корпусы Понятовскаго, Латуръ-Мобура и Вандама, составлявшіе армію вестфальскаго короля. Первымъ двумъ Даву велѣлъ идти для соединенія съ нимъ къ Игумену и Могилеву, а Вандаму слѣдовать изъ Несвижа на Минскъ и Оршу, куда также выступилъ изъ Минска корпусъ Груши, находившійся въ сборномъ корпусѣ Даву. Такимъ образомъ армія князя Багратіона освободилась отъ непріятельскихъ войскъ, тѣснившихъ ее съ тыла, и могла продолжать спокойно свой маршъ на Бобруйскъ. Лишившись начальства надъ войсками, вестфальскій король уѣхалъ изъ Россіи въ столицу свою Кассель, конечно, не помышляя о превратности судьбы, готовившей ему тяжкій жребій быть черезъ 15 мѣсяцевъ выгнаннымъ изъ Касселя русскими. Тогда-же, равнымъ образомъ вслѣдствіе неудовольствія, оставилъ непріятельскую армію командиръ вестфальскаго корпуса Вандамъ; мѣсто его вскорѣ занялъ генералъ Жюно.

Кратковременное пребываніе свое въ Россіи Вандамъ озна-

меновалъ такими-же насиліями, какія посрамили имя его и въ другихъ земляхъ. 26-го іюля лидскій подпрефектъ жаловался на Вандама за данное солдатамъ повелѣніе грабить жителей. Вестфальскій король оставилъ по себѣ одинаковую позорную память. Сперва онъ надѣялся, что Наполеонъ назначитъ ему польскій престолъ, и старался привлечь къ себѣ преданность будущихъ подданныхъ своихъ. Вступивъ въ Гродно, онъ всячески ласкалъ поляковъ. Желая блеснуть своими свѣдѣніями въ ихъ исторіи и показать уваженіе къ прежней воинской славѣ ихъ, онъ поминутно говорилъ имъ о Болесавлѣ Храбромъ. На походѣ изъ Гродно въ Несвижъ онъ предавался поступкамъ, недостойнымъ его сана: остановясь въ селеніи Котре, въ 35-ти верстахъ отъ Гродно, забавлялся бросаньемъ пустыхъ бутылокъ изъ окна; стоявшіе на дворѣ офицеры хватали и вбрасывали ихъ опять въ комнату черезъ другое окно. Дѣло кончилось тѣмъ, что перебили множество стеколъ. Тамъ-же, гуляя по саду, онъ рубилъ саблею молодыя деревья. Сынъ помѣщика просилъ короля оставить такое занятіе и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Пусть всѣ чувствуютъ, что здѣсь война». Солдаты его грабили по деревнямъ и городамъ. Въ Новогрудкѣ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ войска его разбивали погреба, брали вино и другія вещи, и хладнокровно смотрѣлъ, когда солдаты наносили побои жителямъ, искавшимъ у него защиты.

6-го іюля 2-я армія благополучно прибыла въ Бобруйскъ. Построеніе этой крѣпости было почти доведено до конца: верки отсыпаны въ настоящій профиль, большая часть дерновыхъ одеждъ сдѣлана, положенное число 360 орудій съ достаточнымъ количествомъ снарядовъ выставлено. Удачный выборъ мѣста, гдѣ выстроенъ Бобруйскъ, оказалъ въ Отечественную войну величайшую, неоцѣненную услугу. Ни одна крѣпость въ Россіи никогда не являлась столь полезною, какъ Бобруйскъ, въ 1812-мъ году. Не будь тамъ крѣпости, князю Багратіону невозможно-бъ было прежде исхода августа соединиться съ 1-ю арміею, а тогда она была уже въ окрестностяхъ Москвы. Переправа черезъ Березину сдѣлалась-бы совершенно недоступною, ибо, когда князь Багратіонъ находился еще въ Слуцкѣ, Пажоль былъ уже въ Свислочѣ и могъ по устроенному имъ въ Островѣ мосту перейти на лѣвую сторону рѣки, уничтожить гати и плотины на болотныхъ берегахъ Березины и затруднять нашимъ войскамъ наведеніе мостовъ. Князю Багратіону, не имѣвшему съ собою понтоновъ, пришлось-бы идти на Рѣчицу и Лоевъ, тамъ переправляться черезъ Днѣпръ и большимъ обходомъ искать соединенія съ 1-ю арміею или вовсе отъ него отказаться, пинскими болотами примкнуть къ Тормасову, и 1-й арміи предоставить одной бороться съ Наполеономъ.

Кромѣ возможности удобно переправиться черезъ Березину въ Бобруйскѣ, слѣдованіе къ нему 2-й арміи было во многомъ облегчено командовавшимъ въ крѣпости генералъ-маіоромъ Игнатьевымъ. Два года онъ былъ съ своею резервною дивизіею на работахъ Бобруйска. Когда открылась война, онъ не получалъ никакого повелѣнія принять начальство надъ крѣпостью и послалъ курьера въ главную квартиру за приказаніями. Курьеръ былъ схваченъ непріятелями. Тогда Игнатьевъ самъ собою далъ знать въ окрестные уѣзды о вступленіи своемъ въ званіе бобруйскаго военнаго губернатора и предписалъ исправникамъ игуменскому, борисовскому и бобруйскому спустить тотчасъ до Бобруйска всѣ суда, шедшія по Березинѣ къ Борисову, съ грузомъ и

порожнія. За неимѣніемъ конницы онъ остановилъ проходившихъ чрезъ Бобруйскъ съ разными обозами 140 казаковъ и употреблялъ ихъ для разъѣздовъ; по недостатку въ артиллеристахъ онъ взялъ вмѣсто нихъ піонеровъ и людей изъ нарочной полуроты; отправилъ больныхъ въ Рѣчицу; заготовилъ большое количество продовольствія, словомъ, такъ распорядился, что отъ 30-го іюня донесъ: «Теперь съ помощію Божіею могу я принять непріятеля». Потомъ, получивъ вѣрныя свѣдѣнія о направленіи корпуса Даву на Минскъ и маршѣ князя Багратіона къ Слуцку, Игнатьевъ приказалъ свезти фуражъ на дорогу отъ Бобруйска до Слуцка и выставить на каждой станціи по 600 подводъ для облегченія перевоза армейскихъ тяжестей. Какъ благоразумны были принятыя имъ мѣры, свидѣтельствуетъ то, что распоряженія на счетъ фуража и подводъ уже были кончены, когда князь Багратіонъ прислалъ въ Бобруйскъ повелѣніе о томъ-же.

Князь Багратіонъ утвердилъ Игнатьева бобруйскимъ военнымъ губернаторомъ на основаніи 4-го пункта положенія о крѣпостяхъ и поручилъ ему управленіе полицейской части въ уѣздахъ Минской губерніи, свободныхъ отъ непріятеля. Три дня провелъ князь Багратіонъ въ Бобруйскѣ, гдѣ оставилъ своихъ больныхъ, наполнилъ провіантскія фуры сухарями, во множествѣ въ крѣпости заготовленными, и взялъ изъ резервной дивизіи Игнатьева 6 батальоновъ, принадлежавшихъ корпусу Раевскаго. Затѣмъ осталось въ Бобруйскѣ 4,000 войскъ, въ числѣ которыхъ 600 раненыхъ и больныхъ изъ 2-й арміи. Этотъ гарнизонъ былъ достаточенъ для обороны крѣпости на случай внезапнаго на нее нападенія, но не для выдержанія осады, для чего, по сдѣланному тогда расчету, требовалось 13,000 человѣкъ. Итакъ, Бобруйская крѣпость способствовала безвредной и скорой переправѣ 2-й арміи черезъ Березину, дала возможность князю Багратіону подкрѣпить армію резервными батальонами и продовольствіемъ и оставить тамъ своихъ больныхъ, раненыхъ и лишнія тяжести. Сверхъ того, Бобруйская крѣпость способствовала къ удержанію въ повиновеніи окрестныхъ жителей, которые, благодаря строгой за ними бдительности Игнатьева, во все продолженіе войны не вооружались противъ законнаго правительства и остались спокойны. Для прекращенія непослушаній, начинавшихъ возникать въ разныхъ мѣстахъ бобруйскаго уѣзда при появленіи непріятеля, Игнатьевъ разослалъ жителямъ соотвѣтствующее обстоятельствамъ объявленіе.

2-я армія выступила изъ Бобруйска 7-го и 8-го іюля къ Могилеву. «Прибытіе въ Могилевъ», — доносилъ князь Багратіонъ, — «укажетъ мнѣ новый путь, на которомъ равно буду имѣть въ виду пораженіе непріятеля, предупрежденіе его чрезъ Оршу на Смоленскъ и соединеніе съ 1-ю арміею». Въ головѣ шелъ полковникъ Сысоевъ съ 1000 казаковъ; за нимъ графъ Сиверсъ съ конницею и корпусъ Раевскаго. Имъ велѣно было спѣшить, какъ можно болѣе, ибо уже въ Бобруйскѣ получено было отъ могилевскаго губернатора графа Толстого письмо на имя того изъ нашихъ военныхъ начальниковъ, кто первый будетъ найденъ тамъ, съ извѣщеніемъ о приближеніи Даву къ Могилеву. Даву поспѣшно шелъ черезъ Игуменъ на Могилевъ, отправивъ для ближайшаго наблюденія за княземъ Багратіономъ и Бобруйскомъ отрядъ Пажоля, находившагося, какъ сказано выше, уже въ Свислочѣ. 7-го іюля Даву былъ только въ одномъ переходѣ отъ Могилева, но губернаторъ еще не уѣзжалъ изъ города, для предупрежденія безпорядковъ, могущихъ слу-

чаться въ столь смутномъ положеніи. Подъ командою полиціймейстера онъ послалъ 30 человѣкъ внутренней стражи открывать непріятеля. Они дошли до первыхъ французскихъ пикетовъ, взяли въ плѣнъ француза и отъ него получили положительныя свѣдѣнія о приближеніи Даву. На другой день, въ 4 часа утра, за Виленскою заставою показались непріятельскіе разъѣзды и были храбро встрѣчены внутреннею стражею. Неравный бой не могъ долго продолжаться: стража отошла назадъ, но въ такомъ примѣрномъ порядкѣ, что впослѣдствіи объявлено ей Высочайшее благоволеніе и нижнимъ чинамъ розданы денежныя награды. Вмѣстѣ съ внутреннею стражею изъ Могилева отступилъ къ Дашковкѣ полковникъ Грессеръ, пришедшій въ Могилевъ съ 3-мя слабыми батальонами изъ Борисова, гдѣ онъ строилъ укрѣпленія и откуда долженъ былъ отступить, тѣснимый непріятелями. Губернаторъ графъ Толстой оставался въ Могилевѣ до послѣдней минуты. Не предполагая столь скораго прибытія непріятеля, онъ не могъ перевезти и истребить находившіеся въ Могилевѣ хлѣбные магазины. Онъ даже не успѣлъ выпроводить малолѣтняго сына своего, который во время занятія Могилева непріятелемъ оставался у одного священника подъ чужимъ именемъ. Тотчасъ по удаленіи губернатора, Даву въѣхалъ въ Шкловскія ворота.

Князь Багратіонъ шелъ чрезвычайно скоро: чрезъ два дня послѣ выступленія изъ Бобруйска, передовыя войска его были у Дашковки. Вскорѣ онъ узналъ, что Могилевъ 8-го числа занятъ авангардомъ Даву и что французы тѣснятъ полковника Грессера къ Дашковкѣ. На помощь имъ подоспѣлъ полковникъ Сысоевъ, составлявшій авангардъ Раевскаго, и далъ Грессеру возможность отойти безъ потери. Потомъ Сысоевъ схватилъ непріятельскій разъѣздъ и узналъ отъ него, что изъ Могилева идетъ конный полкъ. Онъ поставилъ казаковъ въ засаду и, аттаковавъ непріятеля врасплохъ, взялъ въ плѣнъ полковника, 8 офицеровъ и болѣе 200 рядовыхъ. За остальными разбѣжавшимися французами онъ поскакалъ въ погоню, но былъ остановленъ въ 5-ти верстахъ отъ Могилева появленіемъ непріятельской пѣхоты съ орудіями и отступилъ на разстояніе 8-ми верстъ отъ города.

Чрезвычайно важно было для князя Багратіона достигнуть Могилева, откуда онъ могъ преградить непріятелю путь въ Смоленскъ и имѣть сердце Россіи въ тылу своемъ. Сверхъ того, въ Могилевѣ была самая удобная переправа черезъ Днѣпръ, между тѣмъ какъ другія переправы устроены въ дальнихъ разстояніяхъ отъ Могилева. Идти къ нимъ значило терять безцѣнное время, давать непріятелю возможность обратиться къ Мстиславлю и тамъ опять предупредить 2-ю армію. Наконецъ, оставляя Могилевъ во власти непріятеля, 2-я армія не могла переправиться ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, не подвергаясь всегда опасности попасть между значительными силами непріятельскими, то есть, тѣми, которыя были въ Могилевѣ, откуда онѣ имѣли ближайшій путь къ Мстиславлю, и другими, шедшими отъ Орши къ Смоленску. Князь Багратіонъ рѣшился идти на проломъ. «Хотя не знаю достовѣрно», — доносилъ онъ государю, — «въ какихъ силахъ непріятель въ Могилевѣ, но въ таковыхъ крайностяхъ не остается мнѣ ничего болѣе, какъ, собравъ силы ввѣренной мнѣ арміи и призвавъ на помощь Всевышняго, аттаковать ихъ и непремѣнно вытѣснить изъ Могилева. Всё меня удостовѣряетъ, что Всемощный и Дивный во бранѣхъ Богъ, Поборающій правому, призритъ на молитвы народа твоего, государь, и воз-

дастъ правоту всемощному оружію Вашего Императорскаго Величества».

Занявъ Могилевъ и ожидая нападенія на себя, Даву приготовился къ оборонѣ и расположилъ войска между Салтановкою и Фатовою; резервы стали по дорогѣ къ Могилеву. Фронтъ позиціи былъ прикрытъ глубокимъ ручьемъ; лѣвое крыло примыкало къ Днѣпру, правое къ Фатовой. Мостъ при Фатовой былъ сломанъ, а при Салтановкѣ заваленъ; изъ домовъ въ деревняхъ подѣланы бойницы. У Даву было 28 батальоновъ и 48 эскадроновъ; сверхъ того, онъ ожидалъ поминутно отряда Пажоля и корпуса Понятовскаго.

10-го іюля авангардъ Раевскаго пришелъ къ Дашковкѣ. Вскорѣ полковникъ Сысоевъ, находившійся впереди, донесъ, что онъ сбитъ. Имѣя съ собою только 4 батальона, Раевскій приказалъ имъ не трогаться съ мѣста, а Сысоеву отступать. Французы дошли до Новоселокъ и остановились; то-же сдѣлали казаки. Въ 8-мъ часу вечера подошелъ корпусъ Раевскаго; авангардъ выдвинутъ за Дашковскую плотину, остальныя войска расположились на правомъ берегу ручья. Раевскій далъ знать князю Багратіону, что непріятель передъ нимъ, и, если въ слѣдующій день французы его не аттакуютъ, то онъ предприметъ усиленное обозрѣніе. 11-го, въ 8-мъ часу утра, Раевскій выступилъ для обозрѣнія съ 4-мя батальонами авангарда, 4 батальона оставилъ у Новоселокъ, прочимъ войскамъ корпуса велѣлъ быть готовыми къ походу по первому приказанію. Въ полуторѣ верстѣ встрѣтили французскую пѣхоту и стали тѣснить ее по лѣсу. Подходя къ Салтановкѣ, увеличивали мало-по-малу стрѣлковъ и почти весь авангардъ ввели въ дѣло. Непріятель отступилъ на позицію. Наши стрѣлки бросились за нимъ подъ градомъ пуль и картечей, перебѣжали плотину, деревню и уже касались вершины горы, но, встрѣченные превосходными силами, обращены назадъ. «Мужество войскъ Вашего Императорскаго Величества не ослабѣвало», — доносилъ князь Багратіонъ. — «Желаніе ихъ вытѣснить непріятеля изъ позиціи такъ было сильно, что частные начальники должны были удерживать стремленія людей».

Едва утихъ огонь въ авангардѣ, какъ князь Багратіонъ, не имѣвшій вѣрныхъ свѣдѣній о силахъ непріятеля, прислалъ Раевскому записку слѣдующаго содержанія: «Я извѣщенъ, что передъ вами не болѣе 6,000 непріятелей. Аттакуйте съ Богомъ и старайтесь по пятамъ ихъ ворваться въ Могилевъ». Раевскій послалъ за остальными войсками своего корпуса, состоявшаго въ тотъ день изъ 5-ти полковъ 26-й дивизіи, 5-ти полковъ 12-й, двадцати эскадроновъ, 3-хъ казачьихъ полковъ и 72-хъ орудій. Когда войска собрались, Раевскій приказалъ Паскевичу, съ 26-ю дивизіею, 3-мя казачьими и Ахтырскимъ гусарскимъ полками, идти въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, а самъ хотѣлъ ударить въ центръ съ 12-ю дивизіею, Колюбакина, когда Паскевичъ выйдетъ изъ лѣсу на ровное мѣсто и начнетъ аттаку. Сысоевъ, за три дня дравшійся тамъ, гдѣ надобно было проходить Паскевичу, служилъ ему проводникомъ и повелъ его по лѣсу тропинкою; люди пробирались между деревьевъ, по трое въ рядъ. Въ половинѣ лѣса встрѣтили они нашихъ разстроенныхъ стрѣлковъ, отступавшихъ отъ стрѣлковъ французскихъ, по слѣдующему случаю: прежде чѣмъ Паскевичъ вступилъ въ лѣсъ, онъ послалъ впереди себя два батальона Нижегородскаго и Орловскаго полковъ, которые увидѣли на дорогѣ французовъ, отряженныхъ Даву въ обходъ лѣваго фланга Раевскаго, опрокинули ихъ и, перейдя мостъ,

заняли корчму и три избы на той сторонѣ рѣчки. Едва стали они выходить изъ деревушки, какъ 4 французскіе батальона, лежавшіе въ хлѣбѣ, поднялись въ 30-ти саженяхъ, дали залпъ и ударили въ штыки. Бой завязался рукопашный. Французы бросились на знамя Орловскаго полка и взяли его у убитаго подпрапорщика. Нашъ унтеръ-офицеръ выхватилъ его у французовъ и былъ убитъ. Знамя опять потеряно. Еще разъ оно схвачено нашими и въ дракѣ сломано древко. Адъютантъ Орловскаго полка кинулся въ средину, отнялъ знамя и вынесъ его изъ схватки. Начальникъ обоихъ батальоновъ, полковникъ Ладыженскій, былъ раненъ; половина нашихъ людей побита или ранена; остальные отброшены въ лѣсъ, преслѣдуемые непріятелемъ, который и наткнулся на 26-ю дивизію.

Стрѣлки передовыхъ батальоновъ Паскевича опрокинули непріятеля и гнали его до опушки лѣса. Дивизія шла за стрѣлками. Густой лѣсъ не позволялъ свернуть войска въ колонну; надобно было, принимая вправо по отдѣленіямъ, по мѣрѣ выхода изъ лѣса, строить ихъ на линію у опушки. Лишь только два батальона были вытянуты, Паскевичъ велѣлъ имъ ударить на непріятеля, котораго и отбросили до мосту при Фатовой. Между тѣмъ, выстраивались остальные полки и взвозились пушки на возвышенія, съ которыхъ Паскевичъ могъ ясно видѣть, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Пѣхота Даву стояла въ двѣ линіи отъ столбовой дороги до самаго лѣса; въ 3-й линіи была кавалерія. Устроивъ батареи; Паскевичъ поѣхалъ на правый флангъ, гдѣ нашелъ, что наши отступаютъ, а французы, усиливъ огонь застрѣльщиковъ, идутъ въ тылъ нашей позиціи, съ намѣреніемъ отрѣзать 26-ю дивизію отъ большой дороги. Остановивъ людей и орудія, Паскевичъ послалъ за свѣжею артиллеріею и, когда привезли орудія, приказалъ отходить войскамъ на нихъ. Непріятель, увидѣвъ отступленіе, бросился съ крикомъ: «Впередъ!» Батальоны раздались, картечь ударила въ французовъ и смѣшала ихъ. Наши кинулись на непріятеля и гнали его до самыхъ мостовъ, откуда приказано возвратиться къ опушкѣ лѣса и выстроить фронтъ, стараясь выказать непріятелю болѣе войскъ. Удвоивъ стрѣлковъ, Паскевичъ открылъ изъ 18-ти орудій огонь. Дѣйствіе его было такъ удачно, что французы безпрерывно двигались, перемѣняли мѣста, наконецъ, отошли на дальній картечный выстрѣлъ и удвоили артиллерію; съ обѣихъ сторонъ загремѣла сильная канонада.

Раевскій, стоя съ 12-ю дивизіею впереди Салтановки, ожидалъ только успѣха Паскевича, чтобы пойти на штыкахъ черезъ плотину и аттаковать находившагося передъ нимъ непріятеля. Съ нетерпѣніемъ ожидали солдаты приказанія къ бою; во всѣхъ кипѣла кровь. Между тѣмъ, французская артиллерія съ высотъ за Салтановскою плотиною громила наши колонны; ряды русскихъ, вырываемые ядрами и картечью, безтрепетно смыкались; подбитыя пушки перемѣняли новыми. Услыша при одной изъ аттакъ Паскевича, что его огонь подвинулся впередъ, Раевскій почелъ минуту благопріятною для аттаки и приказалъ 12-й дивизіи двинуться на Салтановку. Онъ, Васильчиковъ, всѣ офицеры штаба спѣшились и стали впереди Смоленскаго пѣхотнаго полка, находившагося въ головѣ колонны. Отвѣчая безсмертной надписи его знаменъ, полученной за подвигъ на Альпійскихъ горахъ, полкъ шелъ къ плотинѣ безъ выстрѣла. «Дайте мнѣ нести знамя!» — сказалъ одинъ изъ сыновей Раевскаго ровеснику своему, шестнадцатилѣтнему подпрапорщику. «Я самъ умѣю умирать!» — отвѣчалъ юноша.

Выгоды мѣстоположенія были на сторонѣ Даву и уничтожили усилія храбрости нашихъ войскъ, которыя выдерживали на дорогѣ весь огонь французскихъ батарей, нѣсколько разъ врывались въ Салтановку, но должны были воротиться.

Въ это время, около 4-хъ часовъ пополудни, пришло донесеніе отъ Паскевича, что онъ встрѣтилъ на лѣвомъ флангѣ не 6, но, можетъ быть, 20 тысячъ и имѣлъ необходимость въ значительномъ подкрѣпленіи, если уже ему непремѣнно должно сбить непріятеля. Раевскій отвѣчалъ, что собственныя его аттаки отбиты, что онъ потерялъ много людей и не можетъ прислать болѣе одного батальона. Паскевичъ взялъ пришедшій къ нему на подкрѣпленіе батальонъ и пошелъ лѣсомъ, въ обходъ праваго фланга непріятеля, приказавъ старшему по себѣ, полковнику Савоини, перейти мостъ у Фатовой и аттаковать французовъ въ штыки, когда услышитъ выстрѣлы батальона, поведеннаго лично Паскевичемъ въ обходъ. Онъ уже приближался къ опушкѣ лѣса, противъ деревни Селецъ и былъ въ 150-ти саженяхъ отъ непріятеля, когда пріѣхалъ къ нему адъютантъ Раевскаго съ приказаніемъ отходить назадъ, потому что князь Багратіонъ, прибывъ къ 12-й дивизіи, убѣдился въ своемъ первоначальномъ заблужденіи о малочисленности Даву. «Наступалъ вечеръ», — доносилъ князь Багратіонъ государю: — «я видѣлъ невозможность форсировать позицію непріятеля и по неприступности ея, и по силамъ, непомѣрно превосходнымъ, почему приказалъ Раевскому занять прежнюю позицію при Дашковкѣ, оставя сильные передовые посты на мѣстѣ».

12-я дивизія отступила отъ Салтановки и потомъ остановилась, чтобы дать время Паскевичу выйти изъ лѣсу. Непріятели бросились на ея орудія, «но нашли смерть на штыкахъ нашихъ». Паскевичъ, при началѣ своего отступленія, стремительно аттакованный, удержалъ напоръ картечью и батальнымъ огнемъ, вышелъ безъ потери изъ лѣса, выстроилъ полки на полянѣ въ одну линію съ 12-ю дивизіею и продолжалъ отступать съ нею, прикрываясь конными фланкерами. Канонада не прекращалась. Непріятель остановился по выходѣ изъ лѣса; наши въ сумерки отошли на прежнюю свою позицію къ Дашковкѣ. «Единая храбрость и усердіе русскихъ войскъ», — такъ заключаетъ Раевскій свое донесеніе князю Багратіону, — «могли избавить меня отъ истребленія противъ превосходнаго непріятеля и столь выгодной для него позиціи. Я самъ—свидѣтель, что многіе офицеры и нижніе чины, получа по двѣ раны и перевязавъ ихъ, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ. Не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристовъ: всѣ были герои. Этотъ бой былъ первымъ боемъ моего корпуса въ походѣ. Войска одушевлены были примѣрнымъ мужествомъ и ревностью, достойными удивленія!» Уронъ Раевскаго, по его показанію, простирался до 2,000 человѣкъ. Батальоны, бывшіе въ головѣ колоннъ, потеряли наполовину; въ каждомъ оставалось отъ 200 до 250 человѣкъ. Потеря непріятеля неизвѣстна. Оффиціальныхъ свѣдѣній объ ней нѣтъ, а писатели французскіе умалчиваютъ о своемъ уронѣ. Знаемъ только, что на другой день Могилевъ былъ заваленъ ранеными, для которыхъ отведены были присутственныя мѣста и лучшіе дома въ городѣ.

Невозможность пробиться въ Могилевъ заставила князя Багратіона снова перемѣнить направленіе. Онъ рѣшился идти черезъ Мстиславль и оттуда, смотря по извѣстіямъ о 1-й арміи, искать соединенія

съ нею черезъ Горки или направиться къ Смоленску. 12-го іюля, цѣлый день онъ простоялъ у Дашковки, по причинѣ постройки мостовъ въ Новомъ Быховѣ. Для прикрытія своего марша князь Багратіонъ приказалъ Платову, получившему повелѣніе присоединиться къ 1-й арміи, перейти ночью въ бродъ при Ворколабовѣ, показывая видъ аттаки на Могилевъ съ противной стороны, то-есть, съ лѣваго берега Днѣпра, и потомъ слѣдовать далѣе къ 1-й арміи, въ промежуткѣ Днѣпра и Сожи. Съ разсвѣтомъ 13-го числа, 2-я армія двинулась изъ Дашковки къ Старому Быхову, 14-го перешла мостъ въ Новомъ Быховѣ, ночевала въ Пропойскѣ и 17-го прибыла въ Мстиславль, откуда продолжала путь къ Смоленску, не тревожимая болѣе французами. Этимъ безпрепятственнымъ движеніемъ князь Багратіонъ былъ обязанъ дѣлу подъ Салтановкой. Хотя ночью послѣ сраженія пришли къ Даву остальныя войска его сводного корпуса, отчего у него было около 40,000 человѣкъ, а въ слѣдующій день соединился съ нимъ корпусъ Понятовскаго, около 20,000, но онъ не выступалъ изъ Могилева и укрѣпилъ его вскопанными батареями, бывъ въ полной увѣренности, что князь Багратіонъ станетъ опять нападать. Онъ совсѣмъ потерялъ изъ виду князя Багратіона, которому съ начала похода удачно преграждалъ всѣ пути къ соединенію съ 1-ю арміею, но въ Могилевѣ Даву ошибся въ расчетѣ и тѣмъ далъ 2-й арміи возможность предупредить его въ Смоленскѣ. Пять дней не трогался Даву изъ Могилева и былъ въ большомъ затрудненіи собирать извѣстія о настоящемъ направленіи князя Багратіона, потому что Платовъ, обратясь изъ Быхова на Чаусы и Горки, наводнилъ казаками всѣ окрестности Могилева, отчего Даву не могъ получать свѣдѣнія, куда дѣвалась 2-я армія.

За Днѣпромъ Платовъ отдѣлился отъ 2-й арміи, фланги и тылъ которой онъ оберегалъ цѣлый мѣсяцъ. Наблюдая постоянно надъ непріятельскимъ арріергардомъ, онъ значительно облегчалъ князю Багратіону возможность выводить войска изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находились они между корпусами Даву и вестфальскаго короля. Въ теченіе этого времени атаманъ получалъ неоднократно повелѣнія отъ Барклая де-Толли идти на соединеніе съ 1-ю арміею, но князь Багратіонъ удерживалъ его. Каждый изъ главнокомандующихъ желалъ имѣть при себѣ безцѣнное донское войско.

Переписка Платова съ главнокомандующимъ и начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи служитъ самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, какое почетное, высокое мѣсто занимали донцы въ Отечественной войнѣ. Переправясь по окончаніи могилевскаго дѣла черезъ Днѣпръ, Платовъ хотѣлъ идти на Бабиновичи, ибо не зналъ еще объ отступленіи 1-й арміи отъ Витебска. Онъ направился на Чаусы и Горки, разсылая въ разныя стороны разъѣзды, которые, какъ рои пчелъ, кружась на всѣхъ тропинкахъ, охватили все пространство между Могилевомъ и Оршею. Въ этихъ поискахъ казаки истребили много французскихъ бродягъ и командъ: «Мои молодцы всюду ихъ поражали», писалъ Платовъ. Изъ Горокъ пошелъ онъ на Добровну, переправился тамъ опять черезъ Днѣпръ, открылъ сообщеніе съ 1-ю арміею и положеніемъ своимъ составилъ авангардъ всѣхъ соединявшихся у Смоленска корпусовъ.

IV.

Соединеніе первой и второй армій у Смоленска.

Когда кн. Багратіонъ открылъ себѣ путь на Смоленскъ, Барклай де-Толли былъ на маршѣ изъ Витебска къ Порѣчью, гдѣ «хотѣлъ принять мѣры, судя по обстоятельствамъ». Направленіе на Порѣчье, а не на Смоленскъ, было избрано имъ для прикрытія тяжестей, провіантскихъ транспортовъ и парковъ, ибо они были отправлены по Порѣчской дорогѣ. Выступивъ изъ-подъ Витебска 15-го іюля, армія шла къ Порѣчью тремя колоннами. На другой день находились онѣ: 1-я колонна, корпуса Багговута и графа Остермана, въ Яновичахъ; 2-я, корпусъ Тучкова, въ Колышкахъ; 3-я, корпусы Дохтурова и гвардейскій въ Ліознѣ. Главный арріергардъ, подъ начальствомъ графа Палена, отступалъ по Порѣчской дорогѣ такъ медленно, какъ только позволялъ напоръ непріятеля.

На другой день по выступленіи изъ Витебска получено извѣстіе, которое казалось вѣроятнымъ, но послѣ не подтвердилось, что Наполеонъ вознамѣрился пресѣчь нашей арміи дорогу къ Смоленску и отправилъ туда войска двумя путями: одну часть изъ Витебска черезъ Рудню, а другую изъ Могилева. Смоленскъ былъ пунктомъ чрезвычайно важнымъ, ибо въ немъ надѣялись соединить обѣ наши арміи, а потому главнокомандующій велѣлъ Дохтурову, слѣдовавшему съ своимъ корпусомъ и гвардіею изъ Витебска въ Ліозну, тотчасъ идти усиленными маршами, изъ Ліозны черезъ Рудню въ Смоленскъ, непремѣнно быть тамъ черезъ три или четыре дня, 19-го или 20-го іюля, предупредить непріятеля и, по прибытіи въ Смоленскъ, открыть сообщенія съ Платовымъ. «Совершенное спасеніе отечества», сказано въ повелѣніи Дохтурову, «зависитъ теперь отъ ускоренія занятія нами Смоленска. Вспомните Суворовскіе марши и идите ими. Для обезпеченія дорогою вашего продовольствія, посылайте впередъ офицеровъ забирать у дворянъ и жителей провіантъ подъ квитанціи, по которымъ въ свое время правительство заплатитъ съ благодарностью. Для облегченія войскъ, старайтесь собрать болѣе обывательскихъ подводъ и прикажите на нихъ положить ранцы».

Между тѣмъ какъ Дохтуровъ спѣшилъ къ Смоленску, куда онъ вступилъ 19-го іюля, Барклай де-Толли пришелъ, 17-го, въ Порѣчье— первый старинный русскій городъ, въ который прибыли войска на отступленіи отъ Нѣмана. Жители встрѣтили ихъ, какъ родныхъ. Невозможно было изъявить ни болѣе ненависти и злобы къ непріятелю, ни болѣе усердія къ поданію помощи арміи: безденежно доставили ей продовольствіе на четыре дня; мѣщанки возили курьеровъ, ибо мужчины заняты были возкою военныхъ тяжестей, подъ которыя употреблялись обывательскія лошади. Порѣчане предлагали свою собственность и жизнь; просили о позволеніи вооружиться противъ враговъ, а, между тѣмъ, сохраняя безпрекословно повиновеніе правительству, спрашивали: не подвергнутся-ли они отвѣтственности, если вооружатся? Дѣла присутственныхъ мѣстъ, архивы, казна и арестанты отправлены въ Ржевъ и Зубцовъ. По выходѣ арміи изъ Порѣчья, мостъ на Гобсѣ сожженъ, городъ опустѣлъ, жители разбѣжались, а отважнѣйшіе остались въ ближнихъ окрестностяхъ и во все время войны дѣлали разъѣзды, нападали на мародеровъ и транспорты, ловили курьеровъ и даже отбили орла у одного французскаго пѣхотнаго полка.

18-го іюля, армія тронулась изъ Порѣчья на Холмъ и 20-го пришла къ Смоленску, не тревожимая непріятелемъ, ибо Наполеонъ, достигнувъ Порѣчья, прекратилъ преслѣдованіе за нами. Армія расположилась на правомъ берегу Днѣпра, имѣя два авангарда: 1-й, графа Палена, въ Холмѣ; 2-й, Шевича, въ Руднѣ. Не было болѣе сомнѣнія въ скорой, рѣшительной битвѣ. Отдать во власть иноплеменныхъ Смоленскъ, древнее достояніе Россіи, такая мысль не могла поселиться въ душѣ русскихъ, и самъ Барклай де-Толли былъ намѣренъ не отступать далѣе. Онъ писалъ къ князю Багратіону:

«Именемъ отечества убѣдительнѣйше прошу васъ поспѣшить прямѣйшимъ направленіемъ къ Смоленску. По прибытіи вашемъ, 1-я возьметъ тотчасъ свое направленіе вправо, дабы очистить Псковскую, Витебскую и Лифляндскую губерніи, которыя, между тѣмъ, уже, навѣрно, заняты будутъ непріятелемъ».

Смоленскій гражданскій губернаторъ баронъ Ашъ, видя вступленіе армій въ ввѣренную ему губернію, возымѣлъ справедливое опасеніе за участь Смоленска и просилъ разрѣшить вывозъ казенныхъ суммъ и присутственныхъ мѣстъ. Барклай де-Толли приказалъ отправить въ Юхновъ, изъ предосторожности, только денежныя суммы, бумаги, карты и тѣ источники, изъ которыхъ непріятель могъ почерпнуть хотя малѣйшія свѣдѣнія о состояніи края. Отправленіе это велѣно было скрыть отъ жителей и даже отъ чиновниковъ, производить его ночью и тайно. «Я увѣряю васъ», такъ заключалъ Барклай свое отношеніе къ губернатору, «что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалять отъ нихъ враговъ отечества или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо, кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ».

По мѣрѣ приближенія къ Смоленску, надежды Барклая де-Толли на соединеніе со 2-ю арміею все болѣе осуществлялись. Въ день выступленія его изъ Порѣчья, нарочный привезъ ему письмо отъ князя Багратіона, извѣщавшаго, что для 2-й арміи путь въ Смоленскъ открытъ. Барклай де-Толли просилъ князя Багратіона опередить 2-ю армію и пріѣхать въ Смоленскъ, для соглашенія о будущихъ дѣйствіяхъ. Спустя день, получено другое радостное извѣстіе: Платовъ вступилъ въ сообщеніе съ 1-ю арміею и находился на дорогѣ изъ Рудни въ Смоленскъ. Платову приказано войти немедленно въ сношеніе съ авангардами графа Палена и Шевича и, сверхъ того, сильнымъ отрядомъ прикрыть лѣвое крыло арміи и, находясь въ связи съ высланнымъ изъ Смоленска въ Красный отрядомъ генералъ-маіора Оленина, наблюдать и прикрывать дорогу изъ Любавичей и Рудни къ Дубровнѣ, изъ Рудни прямо въ Смоленскъ и далѣе къ Холму, въ Холмѣ учредить сильный аванпостъ и находиться тамъ самому атаману съ резервами, на что преимущественно указывали Платову, отрядить 4 казачьи полка, съ отличнымъ начальникомъ, на дорогу изъ Порѣчья къ Духовщинѣ, по которой пошли всѣ тяжести. Этому отряду велѣно посылать разъѣзды сколько можно далѣе къ Велижу, истреблять непріятельскія партіи, брать плѣнныхъ и ста-

раться узнавать отъ нихъ: кто именно идетъ на насъ и въ какомъ числѣ? Казачій отрядъ, посланный къ Духовщинѣ, былъ усиленъ казанскимъ драгунскимъ полкомъ и порученъ генералъ-адъютанту барону Винцингероде, который, при проѣздѣ императора черезъ Смоленскъ, оставленъ былъ тамъ его величествомъ для командованія резервными батальонами и эскадронами. Барону Винцингероде велѣно тревожить денно и нощно лѣвое крыло непріятелей, «препятствуя имъ далѣе распространяться въ нашу землю». Съ этого времени отрядъ Винцингероде находился постоянно на правомъ крылѣ арміи и до конца войны дѣйствовалъ отдѣльно.

Еще ранѣе прибытія арміи къ Смоленску, дворяне смоленскіе неоднократно просили не скрывать отъ нихъ настоящаго положенія дѣлъ, чтобы вслѣдствіе этого они могли вооружаться, дѣйствовать совокупно съ арміею или вести партизанскую войну. Сначала главнокомандующій увѣрялъ ихъ въ безопасности, но на другой день послѣ вступленія своего въ Смоленскъ пригласилъ къ вооруженію дворянство, гражданъ и поселянъ. Онъ писалъ гражданскому губернатору:

«Да присоединятся сіи вѣрные сыны Россіи къ войскамъ нашимъ для защиты своей собственности. Именемъ отечества просите обывателей всѣхъ близкихъ къ непріятелю мѣстъ вооруженною рукою нападать на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, гдѣ ихъ увидятъ. Къ сему-же я пригласилъ особымъ отзывомъ россіянъ, обитающихъ въ мѣстахъ, французами занятыхъ, дабы ни одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя вѣрѣ и отечеству обиды, и, когда армія ихъ поражена будетъ нашими войсками, тогда-бы бѣгущихъ непріятелей повсюду встрѣчали погибель и смерть изъ рукъ обывательскихъ. Возставшіе для защиты отечества граждане вспомогать будутъ усиліямъ братьевъ и соотечественниковъ своихъ, которые на полѣ брани за нихъ жертвуютъ жизнію. Нашествіе вѣроломныхъ французовъ отражено будетъ россіянами, равно какъ предки ихъ въ древнія времена восторжествовали надъ самимъ Мамаемъ, смирили гордость завоевателей и за вѣроломство наказали ихъ и истребили коварныхъ сосѣдовъ. Смольяне всегда были храбры и тверды въ вѣрѣ. Я надѣюсь на ихъ усердіе».

Въ такомъ-же смыслѣ главнокомандующій писалъ Платову:

«Какъ мы теперь находимся въ мѣстахъ отечественной Россіи, то должно внушить обывателямъ, чтобы они старались хватать патрули и шатающихся по разнымъ дорогамъ, гдѣ можно, чтобы ихъ истребляли и также ловили мародеровъ. Внушите жителямъ, что теперь дѣло идетъ объ отечествѣ, о Божьемъ Законѣ, о собственномъ имѣніи, о спасеніи женъ и дѣтей».

Слѣдовательно, съ прибытіемъ 1-й арміи въ Смоленскъ война должна была сдѣлаться войною народною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣли положить конецъ отступленію и начать борьбу съ непріятелемъ. Не доставало только князя Багратіона. Іюля 17-го, въ тотъ день, когда 1-я армія подходила къ Порѣчью, князь Багратіонъ былъ въ Мстиславлѣ, откуда онъ думалъ взять первоначально направленіе на Горы и потомъ прямѣйшимъ путемъ идти на Витебскъ, такъ такъ ему не было извѣстно объ отступленіи 1-й арміи отъ Витебска. Узнавъ о движеніи ея къ Порѣчью, онъ отмѣнилъ маршъ на Горы и обратился прямою дорогою на Смоленскъ, черезъ Хиславичи и Щелканово. Изъ Мстиславля онъ

доносилъ императору: «Я, наконецъ, достигъ того пункта, на которомъ не имѣю непріятелей въ тылу и во флангахъ арміи. Здѣсь я къ нимъ грудью». Такъ открылъ себѣ путь князь Багратіонъ на соединеніе съ 1-ю арміею. Въ пятинедѣльной борьбѣ съ двумя французскими арміями, превосходившими его числомъ, изъ которыхъ одна преслѣдовала его въ то время, какъ другая перерѣзывала ему дорогу, онъ успѣлъ достигнуть своей цѣли—свободнаго сообщенія съ Барклаемъ де-Толли, и ускользнулъ отъ силъ непріятельскихъ, которыя должны были поставить его между двумя огнями и отбросить отъ главнаго театра войны. Быстрота маршей и непоколебимая твердость, съ которою стремился онъ къ цѣли, единожды имъ предположенной, ставятъ его отступленіе на ряду съ самыми блистательными военными дѣйствіями. Онъ шелъ иногда верстъ по 40 и болѣе, имѣлъ безпрестанно позади и впереди себя сильнаго непріятеля, везъ больныхъ, плѣнныхъ и обозы, отъ чего армія была иногда растянута на протяженіи 50-ти верстъ. «Одно непомѣрное желаніе людей драться поддерживало ихъ силы», говоритъ князь Багратіонъ въ донесеніи государю. «Удостойте, всемилостивѣйшій государь, принять удостовѣреніе, что быстротѣ маршей 2-й арміи, во все время дѣлаемыхъ по самымъ песчанымъ дорогамъ и болотистымъ мѣстамъ, съ тѣми тягостями, которыя на себѣ нынѣ имѣютъ люди, удивился-бы и великій Суворовъ».

21-го іюля, опередивъ армію, князь Багратіонъ пріѣхалъ въ Смоленскъ. Онъ тотчасъ отправился къ Барклаю де-Толли, который, увидя изъ окна его коляску, надѣлъ шарфъ, взялъ шляпу, пошелъ къ нему навстрѣчу до передней комнаты и сказалъ: «Узнавъ о вашемъ пріѣздѣ, въ Смоленскъ, я самъ только что имѣлъ намѣреніе быть у васъ». Отъ свиданія главнокомандующихъ зависѣло многое, весьма многое. Во время отступленія, случались недоразумѣнія между ними относительно взаимныхъ дѣйствій ихъ. Иначе и быть не могло. При величинѣ пространства, раздѣлявшаго арміи, одинъ не могъ въ точности знать препятствія, какія долженъ былъ одолѣвать другой. Барклай де-Толли винилъ князя Багратіона, почему онъ не пробивается для соединенія съ 1-ю арміею, а князь Багратіонъ досадовалъ на своего товарища, зачѣмъ онъ не аттакуетъ французовъ и тѣмъ лишаетъ его средствъ идти къ Двинѣ. По мнѣнію князя Багратіона, 1-я армія наступленіемъ своимъ на Наполеона принудила-бы его притянуть къ себѣ Даву и тѣмъ очистила-бы путь для 2-й арміи. Барклай де-Толли оправдывался невозможностью дѣйствовать наступательно, въ чемъ князь Багратіонъ сначала не былъ убѣжденъ, такъ какъ не зналъ о силахъ, находившихся противъ 1-й арміи, равно какъ Барклаю де-Толли неизвѣстны были препятствія, съ которыми долженъ былъ бороться Багратіонъ. При свиданіи главнокомандующихъ все объяснилось; недоразумѣнія кончились. Несравненно важнѣе было рѣшеніе вопроса: кому принять верховное начальство надъ обѣими арміями, на что предварительно не было дано повелѣнія. Князь Багратіонъ былъ старше Барклая де-Толли въ чинѣ, но отъ Барклая де-Толли, какъ облеченнаго особеннымъ довѣріемъ монарха, не были сокрыты мысли его величества на счетъ войны и ему, какъ военному министру, были также извѣстны состояніе и расположеніе резервовъ, запасовъ и всего, что было уже сдѣлано и приготовлялось еще для обороны государства. Князь Багратіонъ подчинилъ себя Барклаю де-Толли, который въ прежнихъ войнахъ бывалъ часто подъ его начальствомъ.

Первое свиданіе продолжалось недолго. Оба главнокомандующіе разстались довольные другъ другомъ. Вотъ собственныя ихъ выраженія изъ донесеній государю: «Долгомъ почитаю доложить», говорилъ Барклай де-Толли, «что мои сношенія съ княземъ Багратіономъ самыя лучшія. Я въ немъ нашелъ человѣка благороднѣйшихъ свойствъ, исполненнаго возвышенныхъ чувствованій и любви къ отечеству. Мы объяснились на счетъ дѣлъ и совершенно одинаковаго мнѣнія въ мѣрахъ, которыя надлежитъ принять. Смѣю заранѣе увѣрить, что, по утвержденіи между нами добраго согласія, мы будемъ дѣйствовать единодушно». — «Порядокъ и связь, приличные благоустроенному войску», писалъ князь Багратіонъ къ его величеству, «требуютъ всегда единоначалія; еще болѣе теперь, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества, я ни въ какую мѣру не отклонюсь отъ точнаго повиновенія тому, кому благоугодно будетъ подчинить меня. Я принялъ смѣлость, изъ особенной преданности моей къ отечеству и благотворительнымъ ко мнѣ милостямъ вашего императорскаго величества, удостовѣрить симъ, что никакая личность въ настоящемъ времени не будетъ стѣснять меня, но польза общая, благо отечества и слава царства Вашего будутъ неизмѣннымъ закономъ къ слѣпому повиновенію».

«Я весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ», отвѣчалъ государь Барклаю де-Толли. «Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени и что всякая личность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества». Въ тотъ-же день императоръ писалъ къ князю Багратіону: «Зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для онаго, время, вы отстраните всѣ личныя побужденія, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на Мою признательность».

На другой день послѣ свиданія главнокомандующихъ, 22-го іюля, прибыла къ Смоленску 2-я армія и соединилась съ первою, по прошествіи 40 дней отъ вторженіи Наполеона въ Россію, и по совершеніи первою арміею 500, а второю 750-тиверстнаго обхода. Отданы были на расхищеніе непріятеля губерніи: Курляндская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, часть Смоленской и Бѣлостокская область, но, несмотря на это, соединеніе армій считалось, по справедливости, событіемъ столь-же счастливымъ, сколь и неожиданнымъ; счастливымъ потому, что нѣкоторымъ образомъ уравновѣсились силы воюющихъ сторонъ на главномъ театрѣ войны, а неожиданнымъ отъ того, что Наполеонъ, занявъ съ начала похода центральное положеніе между нашими арміями, могъ, дѣйствуя рѣшительнѣе, отдѣлить ихъ одну отъ другой на долгое неопредѣленное время. Соединеніе армій совершилось въ день, который благодарная Россія привыкла тогда праздновать полвѣка: день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны. 2-я армія расположилась на лѣвомъ берегу Днѣпра. Неумолкающій громъ музыки и отголоски веселыхъ пѣсенъ свидѣтельствовали о бодрости солдатъ. Забыты были понесенные труды, всѣ были горды сознаніемъ побѣды надъ опасностями и готовы къ одолѣнію новыхъ. Глядя на войско, можно было подумать, что оно прошло пространство между Нѣманомъ и Днѣпромъ не отступая, но торжествуя.

Узнавъ, что Даву не успѣлъ преградить князю Багратіону пути

къ Смоленску, Наполеонъ остановилъ движеніе главной арміи. Остановка была необходима. Послѣ утомительныхъ переходовъ отъ Нѣмана до Витебска, армія имѣла нужду въ отдохновеніи; требовалось время для того, чтобы собрать отсталыхъ, дождаться запоздавшихъ на пути обозовъ и распорядиться о продовольствіи; словомъ, необходимо было устроиться и передъ дальнѣйшимъ вторженіемъ въ Россію обезпечить тылъ и фланги, распорядившись дѣйствіями отдѣльныхъ корпусовъ Шварценберга, Ренье, Макдональда и Удино. Остановясь въ Витебскѣ, Наполеонъ размѣстилъ армію на пространныя кантониръ-квартиры между Двиною и Днѣпромъ, отъ Велижа до Орши. Въ такомъ расположеніи онъ провелъ двѣ недѣли, между тѣмъ какъ наши арміи совершали безуспѣшныя движенія около Смоленска. Оставляя ихъ на Днѣпрѣ, занятыхъ маневрами, а Наполеона въ Витебскѣ въ бездѣйствіи, обратимся къ тому, что происходило, съ открытія похода до начала августа, въ другихъ частяхъ театра войны: арміяхъ Тормасова и Чичагова, корпусѣ графа Витгенштейна и въ окрестностяхъ Риги; обозримъ губерніи, занятыя непріятелемъ, скажемъ, какъ, по воззванію Александра, возстала и ополчилась Россія, и потомъ перейдемъ къ битвамъ, загремѣвшимъ въ окрестностяхъ Смоленска и въ стѣнахъ его.

V.

Дѣйствія Тормасова.

При открытіи войны Тормасовъ стоялъ съ 3-ю резервною обсерваціонною арміею въ Луцкѣ. По первоначальному плану военныхъ дѣйствій онъ имѣлъ повелѣніе отступить къ Кіеву, если непріятель обратится на него въ превосходныхъ силахъ, въ противномъ-же случаѣ идти къ Пинску, дѣйствуя во флангъ тѣмъ непріятельскимъ войскамъ, которыя будутъ находиться противъ князя Багратіона. Когда Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ, Тормасовъ не выступилъ тотчасъ въ походъ, не зная навѣрное двухъ обстоятельствъ: 1) обезпеченъ-ли онъ со стороны австрійскихъ границъ, могла-ли граница эта считаться безопасною отъ перехода непріятельскихъ войскъ, и не сдѣлаютъ-ли австрійцы, черезъ Галицію, вторженія въ Тарнопольскую область и Подольскую губернію? 2) какое направленіе возьметъ князь Багратіонъ, удастся-ли ему соединиться съ 1-ю арміею, или онъ долженъ будетъ отступить къ Мозырю?

Пока Тормасовъ ждалъ, какъ разрѣшатся два эти обстоятельства, непріятели такъ и валили въ Россію. Князь Шварценбергъ переправился 19-го іюня черезъ Бугъ въ Дрогочинѣ и пришелъ въ Слонимъ, гдѣ простоялъ нѣсколько дней въ ожиданіи саксонскаго корпуса Ренье, который вступилъ въ наши предѣлы въ Бѣлостокѣ и продолжалъ маршъ на Слонимъ. Здѣсь онъ долженъ былъ смѣнить австрійцевъ, имѣвшихъ отъ Наполеона предписаніе идти на Несвижъ за княземъ Багратіономъ и потомъ присоединиться къ главной французской арміи. Первоначально Наполеонъ не хотѣлъ допускать, чтобы австрійцы оставались ввидѣ отдѣльнаго корпуса, говоря, что «имѣлъ къ тому много причинъ». Хотя Наполеонъ не объясняетъ этихъ причинъ, но не трудно догадаться, что онъ не хотѣлъ оставлять въ своемъ тылу союзниковъ, въ искренности которыхъ не былъ совершенно увѣренъ, и потому желалъ имѣть ихъ подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ, подъ своими глазами.

Прежде нежели дошло до Ренье предписаніе о вторженіи въ Во-

лынь, Барклай де-Толли объявилъ Тормасову изъ Дриссы, отъ 1-го іюля, Высочайшее повелѣніе о движеніи впередъ.

Изъ повелѣній наступать, данныхъ императоромъ Тормасову и Наполеономъ Ренье, легко заключить, что оба генерала вскорѣ должны были встрѣтиться. Тормасовъ предупредилъ своего противника. Полученное имъ изъ Дриссы повелѣніе уничтожило его опасеніе относительно австрійской границы и открытія наступательныхъ дѣйствій. Онъ тотчасъ велѣлъ сосредоточенной при Луцкѣ арміи выступить къ Ковелю, приказавъ предварительно Сакену: отправить 6 батальоновъ 36-й дивизіи на усиленіе Мозырскаго отряда, а съ остальными расположиться въ Житомірѣ, охраняя тишину и спокойствіе въ Тарнопольской области, въ губерніяхъ Подольской и Волынской и сообщеніе съ дунайскою арміею; въ случаѣ наступленія большихъ непріятельскихъ силъ на Житоміръ отходить къ Кіеву; послать во Владиміръ генералъ-маіора Хрущова, съ бригадою драгуновъ и двумя казачьими полками, для легкаго надзора за австрійскою границею и строгаго за границею варшавскаго герцогства. Волынскому губернатору Тормасовъ велѣлъ, оставивъ въ Луцкѣ на армію десятидневное количество провіанта, а въ Житомірѣ на 20 дней, перевезти всѣ прочіе провіантскіе запасы въ Кіевъ. Подольскому губернатору предписано отправить запасы въ Могилевъ на Днѣстрѣ.

Узнавъ достовѣрно, что непріятель стоялъ въ Пружанахъ, занимая отрядами Брестъ, Кобринъ, Яново и Пинскъ, Тормасовъ вознамѣрился первоначально очистить эти пункты и, одержавъ успѣхъ, обратиться въ тылъ непріятеля. Онъ составилъ три отряда: первый, генералъ-адъютанта графа Ламберта (4 батальона, 16 эскадроновъ, 5 казачьихъ полковъ и 6 орудій), послалъ вдоль Буга къ Бресту; другой, генералъ-маіора Щербатова (6 батальоновъ, 8 эскадроновъ, 1 полкъ казаковъ и 12 орудій), изъ Ратно чрезъ Мокраны также къ Бресту. Графу Ламберту и князю Щербатову велѣно соединиться 13-го іюля у Бреста и вмѣстѣ аттаковать сей городъ, и потомъ въ два марша обратиться къ Кобрину, куда Тормасовъ хотѣлъ идти съ арміею черезъ Ратно и Дивинъ, намѣреваясь 15-го числа ударить на Кобринъ. Третій отрядъ, генералъ-маіора Мелиссино (4 батальона и 7 эскадроновъ), долженъ былъ дѣйствовать партіями за рѣку Пину къ Янову и ложными движеніями давать видъ, будто главныя силы наши идутъ на Пинскъ. Вслѣдъ за отрядами тронулся Тормасовъ изъ Ратно къ Кобрину, 11-го іюля, въ тотъ день, когда 1-я армія вступила въ Витебскъ, а 2-я сражалась подъ Салтановкою. Предположенія Тормасова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ренье, введенный въ заблужденіе отрядомъ Мелиссино, пошелъ со всѣмъ корпусомъ отъ Слонима черезъ Хомскъ къ Янову, въ убѣжденіи, что туда направляется наша армія. Авангардъ его, подъ начальствомъ Габленца, находился уже у Янова.

Князь Щербатовъ, 12-го іюля подходя къ Бресту, узналъ, что тамъ находится небольшой отрядъ саксонской конницы, и рѣшился, не ожидая графа Ламберта, аттаковать Брестъ. Онъ остановилъ пѣхоту назади, а съ кавалеріею поспѣшилъ впередъ, ворвался ночью въ Брестъ и захватилъ въ плѣнъ начальника саксонскаго отряда и 40 улановъ. Въ то время Мелиссино подходилъ къ Пинѣ. При сильной бурѣ съ градомъ, побудившей австрійцевъ оставить свои посты, онъ перешелъ черезъ Пину и разбилъ 3 эскадрона авангарда Габленца, который, полагая, что за нашими идутъ большія силы, и видя себя отдаленнымъ

отъ Ренье, возвратился къ нему черезъ Дрогочинъ, преслѣдуемый генераломъ Мелиссино. Выступая къ Янову, Мелиссино послалъ въ Пинскъ полковника князя Жевахова, который разсѣялъ бывшій тамъ непріятельскій отрядъ и взялъ пушку—первый трофей русскихъ въ Отечественную войну. Графъ Ламбертъ, тоже въ день, назначенный по диспозиціи, 13-го іюля, пришелъ въ Брестъ, соединился тамъ съ княземъ Щербатовымъ и выступилъ съ кавалеріею и конною артиллеріею къ Кобрину. Пѣхота шла сзади. Въ одно время съ нимъ, 15-го, въ 6-мъ часу утра, подошелъ Тормасовъ съ арміею къ Кобрину по Дивинской дорогѣ. Кобринъ былъ занятъ саксонскимъ отрядомъ генерала Кленгеля. Не считая себя въ опасности, Кленгель раздѣлялъ съ Ренье убѣжденіе, что Тормасовъ устремится къ Янову и Пинску. Узнавъ отъ спасшихся изъ Бреста гусаровъ о занятіи русскими Бреста и движеніи ихъ къ Кобрину, Кленгель обратилъ все вниманіе на Брестскую дорогу и выслалъ туда часть конницы и пѣхоты. Завидя графа Ламберта, саксонцы остановились въ 2 верстахъ отъ города. Когда Кленгелю дано было знать, что по дорогѣ отъ Дивина также подходятъ русскіе, онъ отрядилъ на нее нѣсколько эскадроновъ конницы и пѣхоту, которые остановились при находившемся тамъ господскомъ дворѣ.

Обозрѣвъ непріятельскую позицію, Тормасовъ приказалъ начать дѣло. Графъ Ламбертъ сбилъ саксонцевъ съ позиціи и оттѣснилъ ихъ къ самому городу, гдѣ они заняли крайніе дома стрѣлками, а у заставы поставили батарею. Въ то-же время аттаковали и опрокинули саксонцевъ по Дивинской дорогѣ. Видя отовсюду сближеніе русскихъ, непріятель хотѣлъ открыть себѣ путь на Пружаны и Антополь, но, найдя и эти дороги въ нашей власти, принужденъ былъ войти въ городъ и ограничиться защитою его. Тормасовъ отрядилъ нѣсколько полковъ изъ арміи, которая, между тѣмъ, сосредоточилась у Кобрина, и велѣлъ со всѣхъ сторонъ идти на приступъ. Саксонцы защищались отчаянно въ укрѣпленіи, наскоро наметанномъ ими, за каменною монастырскою оградою и на подъемномъ мостѣ на Мухавцѣ. Долго истощали они всѣ силы въ оборонѣ, но должны были уступить превосходству въ числѣ, при чемъ взято 4 знамени, 8 орудій, генералъ Кленгель, 9 штабъ и 57 оберъ-офицеровъ и 2,234 рядовыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ убитыми 77 и ранеными 182 человѣка. Уважая оказанную саксонцами храбрость, Тормасовъ возвратилъ плѣннымъ офицерамъ шпаги. Во время сраженія произошелъ въ Кобринѣ сильный пожаръ: сгорѣло 548 домовъ и уцѣлѣло только 82; погибшее имущество оцѣнено въ 270,000 рублей серебромъ.

Успѣхъ подъ Кобринымъ особенно замѣчателенъ по точности движеній, произведенныхъ различными отрядами, подоспѣвшими издалека къ назначенному мѣсту, въ опредѣленные день и часъ. Но побѣда эта, одержанная 15-го іюля, въ тотъ день, когда императоръ Александръ въ Московскомъ Слободскомъ дворцѣ явился среди дворянства и купечества, преимущественно важна потому, что была первою со времени вторженія непріятеля въ Россію. Тогда, послѣ безпрерывныхъ реляцій объ отступленіи Барклая де-Толли и князя Багратіона, въ первый разъ громъ пушекъ съ Петропавловской крѣпости обрадовалъ жителей сѣверной столицы. Судьба предоставила Тормасову завидную участь въ горестное для Россіи время: первому утѣшить своихъ соотечественниковъ радостною вѣстью. Государь пожаловалъ ему орденъ святого Георгія 2-й степени и 50,000 рублей. Кобринское дѣло возымѣло также великое нравственное вліяніе на варшавское герцогство и вообще на ляховъ, какъ

по лѣвую, такъ и по правую сторону Нѣмана. Когда поляки узнали, что Тормасовъ разбилъ саксонцевъ, подвинулся къ Пружанамъ, и наши разъѣзды показались у Бѣлостока,—во всемъ герцогствѣ и въ самой Варшавѣ смятеніе сдѣлалось общимъ. Чѣмъ болѣе въ вѣчно-мятежномъ городѣ обнаруживали ненависти къ русскимъ, тѣмъ сильнѣе обуялъ умы страхъ появленія Тормасова передъ Варшавою. Прежняя увѣренность въ успѣхѣ уступила мѣсто испугу. Отъ Кенигсберга до Варшавы все пришло въ волненіе. До какой степени край встревожился успѣхомъ Тормасова, свидѣтельствуетъ донесеніе кенигсбергскаго губернатора Луазона. Онъ писалъ начальнику главнаго штаба Наполеона, Бертье: «Донесенія комендантовъ на польской границѣ извѣстили меня о движеніи русскаго корпуса въ Бѣлостокъ и побудили выступить къ Растенбергу, чтобы удостовѣриться въ справедливости показаній о намѣреніяхъ русскаго генерала и успокоить край, гдѣ распространился такой ужасъ, что остановилось отправленіе всѣхъ должностей». «Въ одинъ мигъ», пишетъ находившійся въ Варшавѣ французскій посолъ, «всѣ жители бросились съ праваго берега Вислы на лѣвый. Бѣгущіе прибывали со всѣхъ сторонъ. Въ Варшавѣ опасались мщенія русскихъ и говорили, что они смотрятъ на Варшаву, какъ на источникъ своихъ бѣдствій. Съ того времени упалъ общій духъ и болѣе уже не воскресалъ. Захваченные врасплохъ, мы не имѣли никакихъ средствъ къ защитѣ. Верховное правительство, предвидя угрожавшую опасность, приняло всѣ мѣры для обезпеченія своего отъѣзда, спасенія казеннаго имущества, учрежденія на время своего отсутствія временнаго управленія и обезоруженія русскихъ покорностью».

Во время сраженія подъ Кобриномъ, Ренье находился въ Хомскѣ, на дорогѣ къ Пинску, все еще полагая, что Тормасовъ намѣренъ атаковать изъ Пинска. Узнавъ о настоящемъ направленіи нашей арміи, онъ пошелъ на Кобринъ и прибылъ въ Антонополь, гдѣ отъ спасшихся изъ Кобрина саксонцевъ услышалъ о пораженіи Кленгеля. Онъ возвратился немедленно въ Хомскъ, продолжалъ отступленіе на Пружаны и Слонимъ и послалъ просить князя Шварценберга, чтобы онъ какъ можно скорѣе спѣшилъ изъ Несвижа выручать его. Отряженные съ поля сраженія графъ Ламбертъ и Чаплицъ тревожили отступленіе непріятелей и взяли много плѣнныхъ и обозовъ. Самъ Тормасовъ, по недостатку въ продовольствіи, не выступилъ изъ Кобрина тотчасъ по разбитіи Кленгеля и тѣмъ лишилъ себя случая аттаковать съ превосходными силами Ренье, прежде нежели австрійцы подоспѣли на помощь къ саксонцамъ.

18-го іюля, черезъ три дня послѣ кобринскаго дѣла, Тормасовъ тронулся на Антополь, гдѣ простоялъ недѣлю, выжидая, что предприметъ непріятель. Между тѣмъ, князь Шварценбергъ вернулся изъ Несвижа и соединился въ Слонимѣ съ Ренье 22-го іюля, въ тотъ день, когда Барклай де-Толли сошелся съ княземъ Багратіономъ у Смоленска. Съ этихъ поръ, князь Шварценбергъ во весь походъ не отдѣлялся отъ Ренье и дѣйствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, сперва противъ Тормасова, потомъ противъ Дунайской арміи. Австрійцы и саксонцы выступили изъ Слонима къ Пружанамъ, гдѣ стоялъ графъ Ламбертъ съ авангардомъ 3-й арміи. Ему было приказано отступать къ Городечнѣ, куда Тормасовъ повелъ армію изъ Антополя навстрѣчу непріятеля и для нападенія на него. Графъ Ламбертъ имѣлъ ежедневно жаркія дѣла и въ одномъ изъ нихъ, при Козьемъ Бродѣ, потерялъ пушку. «Непріятели дорого заплатятъ за это орудіе!»— сказалъ онъ. Впослѣдствіи увидимъ, что онъ сдержалъ свое слово. 29-го

іюля гр. Ламбертъ вступилъ на позицію при Городечнѣ, гдѣ армія уже расположилась на отлогихъ возвышеніяхъ. Передъ нею протекалъ болотистый ручей, терявшійся въ лѣсу на лѣвомъ крылѣ. Правый флангъ примыкалъ къ болоту; на лѣвомъ былъ лѣсъ, который наши ошибочно считали непроходимымъ. При первомъ взглядѣ такая позиція казалась неприступною: обходъ ея въ близкомъ разстояніи былъ невозможенъ, равно какъ и аттака съ фронта, гдѣ двѣ устроенныя черезъ ручей плотины, одна при Городечнѣ, другая при Поддубьѣ, были столь узки, что по нимъ болѣе шести человѣкъ не могли идти рядомъ. Для защиты позиціи Тормасовъ хотѣлъ оставить небольшую часть войскъ, съ остальными-же обойти и аттаковать непріятеля правымъ крыломъ своимъ.

30-го іюля подошли австрійцы и саксонцы: первые стали у Городечни, вторые у Поддубья. Непріятельскіе генералы не ожидали аттаки, но сами намѣревались сдѣлать нападеніе. Они только затруднялись выборомъ пункта къ аттакѣ, какъ вдругъ нечаянно саксонскій патруль отыскалъ тропинку въ лѣсу, находившемся на нашемъ лѣвомъ крылѣ и, по недосмотру, не занятомъ русскими войсками. Тропинка вела изъ Шерешева на Кобринъ и хотя находилась подъ водою, но съ незначительною починкою могла быть приведена въ удобное положеніе для перевозки артиллеріи. Тотчасъ, вечеромъ 30-го числа, посланъ батальонъ саксонцевъ на болотистую дорожку для ея исправленія и занятія лѣса. Ренье вызвался идти на разсвѣтѣ въ лѣсъ, въ обходъ нашего лѣваго крыла, со всѣми саксонскими войсками, а князю Шварценбергу предложилъ удерживать плотины при Городечнѣ и Поддубьѣ, ведя оттуда ложныя аттаки на нашъ фронтъ. Князь Шварценбергъ согласился на предложеніе. Ночью сдѣланы всѣ распоряженія для аттаки, но приведены въ исполненіе медленно, отъ чего намѣреніе непріятеля нечаянно обойти наше лѣвое крыло удалось не вполнѣ. На другой день, но не съ разсвѣтомъ, а въ 9 часу утра, всѣ саксонскія войска, усиленныя двумя конными австрійскими полками, поворотили въ лѣсъ, изъ-за котораго, между тѣмъ, показались непріятельскіе ведеты. Тормасовъ, увидѣвъ ведеты, справедливо заключилъ, что тамъ, гдѣ на слабѣйшемъ пунктѣ его позиціи замѣчено нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, могли скоро появиться войска въ значительномъ числѣ. Слѣдовательно, надлежало озаботиться о собственной оборонѣ и отложить принятое намѣреніе аттаковать непріятеля.

31-го іюля, въ 10-мъ часу, Ренье началъ выходить изъ лѣса и строиться отвѣсно противъ нашего лѣваго крыла, куда была уже переведена дивизія князя Щербатова, сначала стоявшая у Поддубья. Вскорѣ послана въ подкрѣпленіе ему большая часть войскъ, расположенныхъ на первоначальной позиціи противъ плотины у Городечни, такъ что противъ Городечни и Поддубья осталось только малое число полковъ. Не имѣя опасенія за фронтъ позиціи, укрѣпленный самою природою, Тормасовъ обратилъ почти всю армію на усиленіе князя Щербатова, противъ котораго Ренье открылъ жестокую канонаду. Удерживать Ренье и не допускать его правымъ крыломъ своимъ стать на столбовой Кобринской дорогѣ было тѣмъ необходимѣе, что посредствомъ такого движенія онъ могъ отрѣзать путь сообщенія нашей арміи съ Волынью. Слѣдовательно, цѣль сраженія подъ Городечною состояла: съ непріятельской стороны—въ овладѣніи этою дорогою, со стороны Тормасова—въ удержаніи ея за собою.

Ренье ускорялъ движенія войскъ, тянувшихся медленно по лѣсу, и, по мѣрѣ того, какъ выходили изъ него полки, старался протянуть

свое правое крыло. То-же самое дѣлалъ Тормасовъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, на оконечности котораго стоялъ гр. Ламбертъ. У Ренье, наконецъ, недостало войска для большаго протяженія вправо. Имѣя въ резервѣ два легкоконные полка, саксонскій и австрійскій Гогенцоллерна, онъ велѣлъ имъ идти по дорогѣ, ведущей изъ Шерешева на Кобринъ, совершенно въ обходъ графа Ламберта, на нашъ путь сообщенія. Движеніе это сдѣлалось отдѣльнымъ, ибо не могло быть поддержано прочими войсками, которыхъ Ренье нельзя было сводить съ позиціи, не потерявъ связи влѣво съ княземъ Шварценбергомъ. Легкоконные полки, зайдя почти во флангъ нашъ, остановились. Графъ Ламбертъ, наблюдавшій за ихъ движеніемъ, видя, что они совсѣмъ отдѣлились отъ своего боевого корпуса, предпринялъ аттаку на нихъ. Павлоградскій гусарскій полкъ пошелъ на непріятеля съ фронта, Александрійскій съ фланга и тыла. Нѣмцы не трогались съ мѣста. Гогенцоллерна полкъ далъ залпъ изъ карабиновъ, но въ то самое мгновеніе александрійцы обскакали непріятелей сбоку и сзади, а павлоградцы ударили съ фронта. Австрійцы и саксонцы были приведены въ совершенное разстройство и обращены въ бѣгство. Многіе изъ нихъ, не зная, куда спасаться, вмѣсто поворота влѣво къ боевому корпусу, бросились на Кобринскую дорогу, гдѣ и были по одиночкѣ переловлены нашимъ кавалерійскимъ отрядомъ, заблаговременно высланнымъ туда по распоряженію Тормасова. Описанная аттака графа Ламберта имѣла весьма важное послѣдствіе, обезпечивъ наше лѣвое крыло и путь отступленія.

Между тѣмъ, пушечная пальба и дѣйствіе застрѣльщиковъ продолжались по всей линіи какъ съ той стороны, откуда аттаковалъ Ренье, такъ и съ фронта позиціи, гдѣ стоялъ князь Шварценбергъ, расположившій одну дивизію, Зигенталя, противъ Поддубья, другую, Траутенберга, и конницу Фримона противъ Городечни. По неоднократнымъ просьбамъ Ренье о подкрѣпленіи, князь Шварценбергъ послалъ къ нему, въ 3 часа пополудни, нѣсколько полковъ дивизіи Біанки. Тогда Ренье повелъ на правый флангъ князя Щербатова аттаку; ей содѣйствовали также выстрѣлы австрійскихъ батарей на Поддубьѣ, но нападеніе не имѣло успѣха. Наша артиллерія съ обычнымъ искусствомъ отвѣчала непріятельскому огню и принудила отступить одну саксонскую дивизію, подавшуюся слишкомъ далеко впередъ. Подъ вечеръ Ренье возобновилъ нападеніе, и въ то-же время князь Шварценбергъ послалъ пѣхотный полкъ Коллоредо выше Поддубья, по болоту, на нашу позицію. Увязая по колѣна въ тинѣ, австрійцы съ великимъ трудомъ взобрались на высоты, но, встрѣченные Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ, прогнаны были штыками: слѣдовательно, обходъ и праваго фланга Тормасова не удался. Въ теченіе дня князь Шварценбергъ нѣсколько разъ покушался выступать изъ Городечни на плотины и каждый разъ былъ отбиваемъ мѣткими выстрѣлами поставленныхъ тамъ нашихъ орудій.

Темнота ночи, утомленіе войскъ, безуспѣшность нападеній побудили князя Шварценберга прекратить сраженіе, упорно продолжавшееся отъ 9 часовъ утра до 10-ти вечера. «Всѣ усилія непріятеля», говоритъ Тормасовъ въ донесеніи государю, «остались тщетными. Войска Вашего Императорскаго Величества не уступили ему ни шагу, не дали ему ничѣмъ воспользоваться и взяли въ плѣнъ 230 рядовыхъ и 4 офицера. Генералы, офицеры, солдаты соревновали въ мужествѣ, и непріятель принужденъ былъ оставить мѣсто сраженія, гдѣ армія Вашего Императорскаго Величества расположилась на бивуакахъ. Уронъ нашъ

простирается до 1,300 человѣкъ». Потеря саксонцевъ состояла въ 953 убитыхъ и раненыхъ. Объ убыли австрійцевъ неизвѣстно, потому что они ничего не напечатали о походѣ своемъ въ 1812-мъ году, напоминающемъ то время, когда монархія ихъ изъ страха къ Наполеону ополчилась противъ Россіи, соединенной съ нею вѣковыми узами дружбы. Князь Шварценбергъ произведенъ за городническое сраженіе въ фельдмаршалы. Наполеонъ хотѣлъ наградить австрійцевъ орденомъ почетнаго легіона, но вѣнскій дворъ не согласился на его желаніе и просилъ его не раздавать ордена, котораго, впрочемъ, австрійцы, по оказанной ими храбрости, въ полной мѣрѣ были достойны. Однако, ни при Городечнѣ, ни въ арріергардныхъ дѣлахъ не могли они сломить русскихъ.

Хотя позиція, занятая Тормасовымъ при Городечнѣ, казалась первоначально крѣпкою, однако-же, на ней нельзя было оставаться долѣе, ввиду того, что непріятели нашли возможность обойти ее. Если они не воспользовались въ день сраженія выгодами, какія представлялъ имъ обходъ, то не было причины полагать, чтобы они не исправили своей ошибки на слѣдующій день, особенно превосходя нашу армію 8,000 человѣкъ. Тормасовъ имѣлъ полное право заключить, что князь Шварценбергъ, оставя противъ Городечны и Поддубья небольшое число войскъ, подвинетъ весь корпусъ вправо, въ подкрѣпленіе Ренье, и направится на путь нашихъ сообщеній. Отступленіе сдѣлалось необходимостью, и армія, проведя ночь на полѣ сраженія, передъ разсвѣтомъ, 1-го августа, начала отходить къ Кобрину. Въ Гродненской губ. оставаться ей было нельзя также и потому, что Тормасовъ находилъ непреодолимыя препятствія въ добываніи продовольствія. «Всѣ жители», говорилъ онъ, «взбунтовались противъ насъ, вооружались вилами и косами, укрывались въ лѣсахъ, убѣгали отъ войскъ нашихъ и нападали на малыя партіи и на курьеровъ». Къ этому присоединились еще извѣстія о сборѣ въ варшавскомъ герцогствѣ сильной конфедераціи для вторженія въ Волынь.

При такихъ обстоятельствахъ и видя противъ себя превосходнаго въ числѣ непріятеля, Тормасовъ не имѣлъ болѣе намѣренія вступать въ генеральное сраженіе, но только хотѣлъ по возможности удерживать натискъ князя Шварценберга, чтобы выиграть время для соединенія съ дунайскою арміею, находившеюся на маршѣ изъ Валахіи къ Днѣстру. Ея прибытіе въ Волынскую губернію должно было дать Тормасову возможность возобновить наступательныя дѣйствія. Тормасовъ безпрепятственно отошелъ черезъ Дивинъ и Ратно въ Ковель, гдѣ примкнулъ къ нему отрядъ Мелиссино, посланный въ Пинскъ при первоначальномъ движеніи арміи на Кобринъ. Потомъ присоединился и генералъ-маіоръ Хрущовъ, наблюдавшій за гор. Владиміромъ, гдѣ не происходило никакихъ дѣйствій. При отступленіи отъ Городечны до Ковеля, непріятель почти совсѣмъ не безпокоилъ нашего арріергарда и преслѣдовалъ его вяло. Въ Ковелѣ Тормасовъ узналъ, что князь Шварценбергъ стягиваетъ свои силы противъ нашего лѣваго крыла, а потому, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Луцка, рѣшился безъ отлагательства приблизиться къ этому городу и потомъ перешелъ на правый берегъ Стыри, составившій крайнюю точку отступленія 3-й арміи. Австрійцы стали у Киселина, саксонцы между мѣстечками Локочи и Торчиномъ. Въ этомъ расположеніи провели обѣ воевавшія арміи нѣсколько недѣль въ совершенномъ бездѣйствіи. Тормасовъ извлекъ изъ своего похода на Кобринъ большую пользу, заставивъ 30.000-й корпусъ австрійцевъ, шедшихъ уже присоединяться къ Наполеону, отдалиться на все продолженіе войны отъ глав-

ной непріятельской арміи, которою врагъ Россіи замышлялъ нанести намъ сильнѣйшіе удары; 30,000 лишнихъ войскъ могли-бы во многомъ способствовать этой цѣли.

Для совокупности происшествій, бывшихъ въ началѣ войны на западныхъ предѣлахъ имперіи, остается упомянуть о корпусѣ Эртеля, стоявшемъ въ Мозырѣ, и о Бобруйской крѣпости, въ окрестности которой отправилъ Наполеонъ изъ Могилева пѣхотную дивизію Домбровскаго и кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобура. Еще не успѣвъ дойти до своего назначенія, Латуръ-Мобуръ былъ обращенъ назадъ къ главной арміи, гдѣ Наполеонъ считалъ присутствіе этого корпуса нужнѣе, чѣмъ у Бобруйска. Домбровскому велѣно было охранять Могилевъ, Минскъ и путь непріятельскихъ сообщеній, наблюдая за отрядомъ Эртеля и Бобруйскомъ. Оставивъ нѣсколько полковъ на соединительной линіи, онъ расположился съ главнымъ отрядомъ въ Свислочѣ, разсыпалъ въ разныя стороны разъѣзды и нѣсколько разъ обозрѣвалъ Бобруйскъ, но не вызывалъ Игнатьева къ сдачѣ. Не имѣя осадной артиллеріи, Домбровскій не могъ ничего предпринять противъ Бобруйска и ограничивался легкимъ обложеніемъ этой крѣпости. Изрѣдка бывали у него перестрѣлки съ гарнизономъ и разъѣздами Эртеля, противъ котораго князь Шварценбергъ имѣлъ повелѣніе послать особый отрядъ. Онъ тогда только исполнилъ это приказаніе, когда удостовѣрился въ отступленіи Тормасова, и, по переходѣ 3-й арміи за Стырь, отправилъ генерала Мора съ 5,000 человѣкъ наблюдать за Эртелемъ, который, для содержанія края въ повиновеніи, употреблялъ убѣжденія, а иногда и строгія наказанія ослушныхъ. Его мѣры были дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока не появлялся непріятель, но, какъ только прибывали въ какой-либо городъ или мѣстечко отряды и разъѣзды Домбровскаго и Мора, то обыкновенно возникали безпорядки.

Что касается до дунайской арміи, соединеніе съ которою было поводомъ къ отступленію Тормасова за Стырь, то она, при вторженіи Наполеона въ Россію, стояла въ Валахіи, гдѣ Чичаговъ ожидалъ ратификацій мира, дѣлая, между тѣмъ, приготовленія къ походу въ Далмацію. Для этого онъ хотѣлъ раздѣлить дунайскую армію на двѣ части. Съ одною частью (изъ 17,250 пѣхоты, 1,995 конницы, 550 казаковъ, 12 батарейныхъ и 24 легкихъ орудій) онъ предполагалъ выступить самъ въ Далмацію, а остальныя войска послать затѣмъ во флангъ австрійцамъ, находившимся противъ Тормасова. Въ тотъ самый день, когда 1-я армія входила въ лагерь при Дриссѣ, авангардъ дунайской арміи тронулся изъ Валахіи въ Сербію, подъ начальствомъ генералъ-маіора гр. Орурка. 13 батальоновъ и 19 эскадроновъ оставлены на Дунаѣ для охраненія крѣпостей и наблюденія турецкой границы. Прочія войска раздѣлены на 5 корпусовъ: графа Ланжерона, Воинова, Эссена, Булатова и Сабанѣева. Авангардъ, находившійся въ Сербіи, не могъ присоединиться къ арміи передъ ея выступленіемъ и слѣдовалъ позже. Когда этому отряду, поступившему подъ начальство генералъ-маіора Лидерса, вмѣсто графа Орурка, отозваннаго къ арміи, велѣно было возвращаться изъ Сербіи, сербы прощались съ русскими, какъ съ братьями; на каждомъ переходѣ они заготовляли въ изобиліи подводы, вино, продоволствіе и жаловались только, зачѣмъ русскіе не берутъ ихъ съ собою воевать вмѣстѣ противъ французовъ.

VI.

Дѣйствія графа Витгенштейна.

Дѣйствія графа Витгенштейна состояли въ слѣдующемъ.

При выступленіи 1-й арміи изъ Дриссы къ Витебску, графъ Витгенштейнъ оставленъ былъ на правомъ берегу Двины, съ повелѣніемъ прикрывать край отъ Двины до Новгорода и, если обстоятельства допустятъ, перейти на лѣвый берегъ Двины и разбить находившагося тамъ непріятеля. Повелѣніе, данное Наполеономъ маршалу Удино, при движеніи главной арміи его къ Витебску, состояло въ очищеніи праваго берега Двины отъ русскихъ войскъ и въ сильнѣйшемъ по возможности напорѣ на нихъ. Графъ Витгенштейнъ и Удино, оставшись вдали отъ армій, скоро начали дѣйствія. Первый стоялъ въ Покаевцахъ, второй поднимался отъ Дриссы по лѣвому берегу Двины къ Полоцку и занялъ его 14-го іюля, не бывъ на переправѣ черезъ Двину тревожимъ нашими войсками. Другая часть его корпуса переправлялась въ Диснѣ. Изъ Полоцка Удино продолжалъ движеніе по Петербургской дорогѣ къ Сивошину. Графъ Витгенштейнъ, узнавъ въ Покаевцахъ, что непріятель переправляется въ Диснѣ, и что часть пѣхоты и конницы его уже перешла на правый берегъ Двины, послалъ въ Волынцы генералъ-маіора Балка съ отрядомъ узнать, куда французы берутъ свое направленіе, а авангардъ отправилъ на лѣвую сторону Двины, съ приказаніемъ безпокоить тылъ непріятеля. Это было 10-го іюля. На другой день графъ Витгенштейнъ удостовѣрился изъ донесеній Балка въ дѣйствительной переправѣ Удино, однако-же, думалъ, что «это была только одна диверсія, предпринимаемая для того, чтобы отвлечь войска нашей главной арміи и пріостановить ихъ дѣйствія».

Плѣнные, взятые разъѣздами, показали, что въ непріятельской арміи терпятъ большую нужду въ продовольствіи, что въ тылу ея много бродягъ и отсталыхъ обозовъ, что по причинѣ негодности лошадей, артиллерія тащится медленно и что въ обезпеченіе тыла отправлены маршаломъ Удино два кавалерійскихъ полка. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, гр. Витгенштейнъ рѣшился: оставить отрядъ Балка въ Волынцахъ для наблюденія за перешедшимъ на правую сторону Двины непріятелемъ; съ другимъ отрядомъ занять Покаевцы для обороны мостоваго укрѣпленія и удержанія непріятеля, а съ прочими войсками переправиться въ Друѣ и ударить въ тылъ французамъ. «Симъ способомъ», доносилъ графъ Витгенштейнъ, «можетъ быть, удастся мнѣ воспользоваться ихъ безпорядкомъ». Согласно этимъ предположеніямъ Витгенштейнъ выступилъ къ Друѣ, но, придя туда, получилъ отъ Балка, изъ Волынцевъ, донесеніе, что непріятель идетъ къ Себежу и въ большихъ силахъ находится въ Замшанахъ. Желая выполнить данное ему повелѣніе, то-есть, принимать основаніемъ дѣйствій Себежъ, Псковъ и Новгородъ, графъ Витгенштейнъ отмѣнилъ свое намѣреніе переправиться съ корпусомъ въ Друѣ, послалъ за Двину только Кульнева для поисковъ, а самъ со всѣми силами хотѣлъ идти къ Себежу для встрѣчи и предупрежденія непріятеля. «Можетъ быть», доносилъ онъ изъ Друи, «вынужденъ я буду дать сраженіе, чтобы пріостановить Удино въ его предпріятіяхъ, а если онъ будетъ гораздо превосходнѣе меня въ силахъ, буду отступать на Псковъ».

Кульневъ выполнилъ данное ему порученіе съ обыкновеннымъ

своимъ мужествомъ, разсѣялъ нѣсколько непріятельскихъ командъ на лѣвомъ берегу Двины и взялъ до 200 человѣкъ въ плѣнъ. Въ тотъ-же день, 13-го іюля, получено было донесеніе отъ Балка, извѣщавшаго, что непріятель остановился у Сивошина. Графъ Витгенштейнъ немедленно выступилъ изъ Придруйска къ Замшанамъ, гдѣ удобно было встрѣтить французовъ, куда-бы они ни направились. На маршѣ къ Замшанамъ, въ Расицахъ, первой почтовой станціи отъ Придруйска, прибылъ къ графу Витгенштейну нарочный отъ командовавшаго отрядомъ въ Динабургѣ генералъ-маіора Гамена, съ донесеніемъ, что Макдональдъ переправляется у Якобштата и беретъ направленіе на Люцынъ. Тотчасъ отправленъ надежный офицеръ для удостовѣренія въ справедливости этого извѣстія; въ случаѣ основательности его, графъ Витгенштейнъ хотѣлъ идти на Макдональда и сразиться съ нимъ. Спустя нѣсколько часовъ, получено донесеніе отъ Кульнева, все еще находившагося на лѣвомъ берегу Двины, что онъ имѣлъ удачное кавалерійское дѣло и взялъ въ плѣнъ до ста человѣкъ. Между ними находился офицеръ генеральнаго штаба, который говорилъ и показывалъ записку, что весь корпусъ Удино собирается съ селеніи Бѣломъ, на дорогѣ изъ Полоцка въ Сивошино; что главная квартира и двѣ дивизіи Удино уже въ Бѣломъ, а третья должна также туда прибыть; что Удино идетъ въ Себежъ съ намѣреніемъ соединиться тамъ, въ тылу графа Витгенштейна, съ Макдональдомъ и отрѣзать нашъ корпусъ отъ Пскова. Это чрезвычайно важное показаніе обнаружило нашему генералу всю опасность его положенія и указало ему, что именно надлежало предпринять. Онъ рѣшилъ управиться сперва съ Удино, какъ съ непріятелемъ, ближе Макдональда къ нему находившимся. «Я рѣшился», доносилъ онъ, «идти сегодняже въ Клястицы, на Псковской дорогѣ, и 1 -го числа на разсвѣтѣ аттаковать Удино всѣми силами. Если съ помощію Всевышняго его разобью, то уже съ однимъ Макдональдомъ останусь спокоенъ».

Въ тотъ-же день, 17-го іюля, графъ Витгенштейнъ велѣлъ Кульневу возвратиться на правый берегъ Двины, поручилъ ему авангардъ свой, выступилъ со всѣми войсками изъ Расицъ къ Клястицамъ и приказалъ Гамену, стоявшему у Динабурга, занимать ложными движеніями корпусъ Макдональда, находившійся близь Якобштата и Крейцбурга, и защищать каждый шагъ по дорогѣ, ведущей черезъ Рѣжицу на Люцынъ, стараясь не допустить Макдональда обойти нашъ корпусъ съ тыла. Графъ Витгенштейнъ далъ войскамъ отдохнуть нѣсколько часовъ въ Кохановѣ; 18-го онъ продолжалъ движеніе къ селенію Клястицамъ и велѣлъ Кульневу овладѣть имъ, если непріятель окажется тамъ слабымъ. Клястицы были заняты маршаломъ Удино. Оставивъ въ Сивошинѣ пѣхотную дивизію Мерля съ двумя другими дивизіями, Леграна и Вердье, и двумя дивизіями конницы, онъ хотѣлъ идти впередъ по дорогѣ къ Себежу, согласно съ повелѣніемъ, полученнымъ въ то время отъ Наполеона, писавшаго къ Удино: «Преслѣдуйте Витгенштейна по пятамъ, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Полоцкѣ, на случай, если непріятель бросится влѣво. Прибывъ въ Витебскъ, я отправлю къ Невелю корпусъ, долженствующій войти въ сообщеніе съ вами. Когда вы двинетесь изъ Полоцка къ Себежу, вѣроятно, Витгенштейнъ отступитъ для прикрытія Петербургской дороги. У него не болѣе 10,000 человѣкъ, и вы можете идти на него смѣло».

Прибывъ въ Клястицы, Удино остановился и послалъ въ разныя стороны разъѣзды для развѣдыванія о графѣ Витгенштейнѣ, а дивизію

Леграна отрядилъ за 3 версты отъ Клястицъ, въ селеніе Якубово, на которое въ то самое время направлялся корпусъ графа Витгенштейна. Наши передовыя войска встрѣтили близъ мызы Якубовой небольшой непріятельскій конный отрядъ и опрокинули его, но, по прибытіи французской пѣхоты, наши гусары принуждены были оставить мызу. Графъ Витгенштейнъ велѣлъ Кульневу аттаковать немедленно и прогнать непріятелей за рѣку Нищу, самъ повелъ къ нему на подкрѣпленіе два егерскихъ полка и велѣлъ генер.-маіору Бергу слѣдовать за собою, съ 5-ю дивизіею. Кульневъ открылъ непріятеля въ лѣсу за Ольховью и тѣснилъ его до Якубова. Три раза останавливались французы въ лѣсу, но безуспѣшно, и съ наступленіемъ ночи, когда приблизилась дивизія Берга, отошли къ Якубову. Замѣтивъ по упорной оборонѣ непріятеля и удостовѣрясь отъ плѣнныхъ, что Удино подъ Якубовымъ въ большихъ силахъ и на другой день ожидаетъ подкрѣпленія, графъ Витгенштейнъ рѣшился аттаковать его съ разсвѣтомъ, отбросить отъ Себежской дороги и, овладѣвъ ею, достигнуть цѣли предпринятаго имъ изъ Покаевцовъ движенія. Ночью онъ построилъ первую линію корпуса на полѣ бывшаго наканунѣ вечеромъ авангарднаго дѣла, а вторую при Ольховѣ. По причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, нельзя было ближе придвинуть первую линію ко второй. Въ 3 часа утра, 19-го іюля, онъ открылъ огонь. 23-й егерскій полкъ аттаковалъ Якубово и ворвался въ него, но былъ вытѣсненъ. Пользуясь минутною удачею, Удино рѣшился самъ предупредить нападеніе и послалъ противъ нашего центра колонны. Первый напоръ французовъ удержанъ артиллеріею. Подкрѣпленные свѣжими войсками, они опять подались впередъ, но также безъ успѣха. Остановленные перекрестнымъ огнемъ батарей, они начали колебаться; графъ Витгенштейнъ воспользовался тѣмъ и приказалъ первой линіи, подъ командою Берга, аттаковать. Полки Сѣвскій и Калужскій, подкрѣпленные частью гродненскихъ гусаровъ, пошли на центръ Удино; Пермскій и Могилевскій—на его правый флангъ; три егерскихъ—на лѣвый; вторая линія выступила отъ Ольхова для подкрѣпленія первой. «Быстрое движеніе дивизіи Берга», говорилъ графъ Витгенштейнъ въ донесеніи государю, «ободряемой примѣромъ всѣхъ начальниковъ, мужественное нападеніе егерскихъ полковъ, жестокое дѣйствіе артиллеріи, управляемой княземъ Яшвилемъ, въ мигъ рѣшили участь сраженія. Непріятель бѣжалъ къ песчанымъ высотамъ Нищи». Удино былъ не въ состояніи выдержать аттаку, не имѣя при себѣ всѣхъ войскъ своего корпуса, такъ какъ, идя изъ Полоцка къ Клястицамъ, оставилъ въ Сивошинѣ, для обезпеченія своего сообщенія, пѣхотную дивизію Мерля, съ частью кавалеріи. Отступая отъ Якубова къ Нищѣ, Удино приказалъ войскамъ выстроиться на правомъ ея берегу и, намѣреваясь обезопасить переправу, велѣлъ центру показывать видъ наступательнаго движенія, но оно было удержано нашею артиллеріею. Графъ Витгенштейнъ двинулся со всѣхъ сторонъ на песчаныя высоты, взялъ ихъ, несмотря на упорное сопротивленіе, и прогналъ непріятеля за рѣку въ 8 часовъ утра. Тѣмъ кончилось первое дѣйствіе сраженія.

Французскіе стрѣлки и батареи на лѣвомъ берегу Нищи, прикрытые строеніями Клястицъ, препятствовали нашей переправѣ. Графъ Витгенштейнъ отвелъ конницу выше и приказалъ строить для нея мостъ, такъ какъ бродовъ въ рѣкѣ еще не было открыто. Увидѣвъ это движеніе и опасаясь за свой правый флангъ, Удино началъ отступать. Наши стрѣлки, поддержанные батареями, бросились въ Клястицы на

штыкахъ. Непріятель зажегъ находившійся тутъ мостъ; стрѣлки пробѣжали сквозь пламя и овладѣли селеніемъ. Пѣхота двинулась впередъ по горѣвшему мосту; Ямбургскій уланскій полкъ и рота артиллеріи перешли въ бродъ, найденный недалеко отъ Клястицъ. Непріятель повсюду отступалъ, отстрѣливаясь изъ пушекъ. Преслѣдованіе, порученное Кульневу, имѣвшему въ подкрѣпленіе генералъ-маіора Сазонова, съ 4-мя полками и батарейною ротою, прекратилось у рѣки Дриссы. Перешедши черезъ нее, Удино остановился въ 4-хъ верстахъ за Сивошинымъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ дивизію Мерля и занялъ выгодную позицію. Графъ Витгенштейнъ расположился на полѣ блистательнѣйшей изъ своихъ битвъ. «Французы», доносилъ онъ государю, «спаслись только помощію лѣсистыхъ мѣстъ и переправъ черезъ маленькія рѣчки, на которыхъ истребляли мосты, чѣмъ затрудняли почти каждый шагъ и останавливали быстроту нашего за ними преслѣдованія, которое кончилось вечеромъ. Въ дѣлѣ при Якубовѣ и въ сраженіи при Клястицахъ сражались всѣ полки 5-й дивизіи, Берга, и два егерскіе 14-й, Сазонова; прочія войска оставались въ резервѣ. Полки мужествомъ и храбростью дѣлали невѣроятныя усилія, которыя не могу довольно описать. Все, что имъ ни противопоставлялось, батареи и сильныя колонны, несмотря на ожесточенное, упорнѣйшее защищеніе, опрокидывали они и истребляли штыками и дѣйствіемъ артиллеріи. Всѣ селенія и поля покрыты трупами непріятельскими. Въ плѣнъ взято до 900 человѣкъ и 12 офицеровъ. Пороховые ящики, казенный и партикулярный обозъ, въ числѣ котораго генеральскіе экипажи, остались въ рукахъ побѣдителей. Я намѣренъ прогнать непріятеля за Двину въ Полоцкѣ, обратиться противъ Макдональда, аттаковать его и съ помощью Божіею и ободреннымъ духомъ чрезъ сей успѣхъ нашихъ войскъ надѣюсь также что-нибудь сдѣлать. Постараюсь отъ врага очистить назначенную мнѣ операціонную линію, и, если это случится, тогда непріятельскія войска должны будутъ отступить и отъ Риги».

Побѣда подъ Клястицами имѣла важныя послѣдствія. Она успокоила Петербургъ, встревоженный наступательнымъ движеніямъ французовъ по Себежской дорогѣ, и дала графу Витгенштейну на все время похода нравственное превосходство надъ Удино. Столицѣ возвѣстили ее 25-го іюля пушечною пальбою. Государь наградилъ графа Витгенштейна орденомъ св. Георгія 2-го класса, пожаловалъ ему 12.000 рублей пенсіи, которая въ случаѣ его кончины должна была перейти на его супругу, тогда-же пожалованную кавалерственною дамою ордена св. Екатерины меньшаго креста. Графъ Витгенштейнъ благодарилъ императора слѣдующими словами: «Удостоясь Высочайшихъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества, нахожу себя свыше заслугъ своихъ награжденнымъ. Истинная благодарность моя съ достодолжнымъ благоговѣніемъ есть та, чтобы, служа тебѣ, Государь, ревностно до послѣдняго моего издыханія, учинить себя достойнымъ всѣхъ милостей, на меня и семейство мое изліянныхъ. Руководствуясь симъ чувствомъ, располагаю по оному и дѣйствіями корпуса, Высочайше мнѣ ввѣреннаго, для достиженія цѣли своей: быть хотя малымъ участникомъ въ доставленіи тебѣ совершеннаго спокойствія».

Кульневу было приказано преслѣдовать французовъ только до тѣхъ поръ, пока они остановятся, но не вступать съ ними въ дѣло. Сродная Кульневу отвага побудила его, вопреки данному повелѣнію, аттаковать непріятеля, о чемъ онъ даже не извѣстилъ графа Витген-

штейна. 20-го іюля, въ три часа пополуночи, въ дождливое, туманное утро, Кульневъ перешелъ черезъ Дриссу. Передовая конница его была встрѣчена непріятельскою и принуждена отступить. Предполагая, что французы держатся единственно для выигрыша времени и увоза тяжестей, Кульневъ выдвинулъ конную артиллерію. Увидѣвъ, что непріятель противопоставляетъ ей тяжелыя орудія, онъ потребовалъ отъ Сазонова 6 батарейныхъ пушекъ. Орудія пришли подъ прикрытіемъ Тульскаго пѣхотнаго полка; за ними слѣдовали три полка дивизіи Сазонова. Выждавъ нашихъ въ скрытномъ мѣстоположеніи, Удино встрѣтилъ ихъ жестокимъ огнемъ артиллеріи, наступилъ со всею пѣхотою и кавалеріею на голову нашей колонны, обратилъ ее въ безпорядкѣ за Дриссу и взялъ въ дефиле 6 батарейныхъ и 3 конныхъ орудія. Кульневъ съ Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ и остальною артиллеріею по возможности старался удержать непріятеля, но тщетно. Удино шелъ впередъ со всѣмъ корпусомъ. Видя невозможность сопротивленія, Кульневъ перешелъ на правый берегъ Дриссы, привелъ здѣсь отрядъ въ порядокъ и продолжалъ отступленіе. Неудача сильно поразила Кульнева. Онъ сошелъ съ лошади и слѣдовалъ пѣшкомъ за отступавшимъ войскомъ. Непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ: онъ испустилъ духъ, не произнеся ни одного слова. Въ 1812 году Россія лишилась многихъ отличныхъ офицеровъ; но Кульневъ принадлежитъ къ небольшому числу счастливцевъ, имена которыхъ сохранились въ народномъ преданіи. Его воинскія доблести, подвиги, даже причуды, странности носили на себѣ отпечатокъ духа высокаго, необыкновенной предпріимчивости. Какъ-будто предчувствуя свой жребій—лечь на ратномъ полѣ и не умирать въ памяти согражданъ, онъ писалъ при началѣ Отечественной войны къ своему брату: «Ежели я паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно, и почитаю счастьемъ пожертвовать послѣднею каплею крови, защищая отечество. Возлагая всегда упованіе на волю Всевышняго Творца и на грудь нашу, мы будемъ стоять, какъ крѣпкія каменныя стѣны, за любезное наше отечество. Молись за меня Богу! Герой, служащій отечеству, никогда не умираетъ и воскресаетъ въ потомствѣ».

Узнавъ о пораженіи авангарда, графъ Витгенштейнъ тотчасъ выступилъ изъ Клястицъ навстрѣчу непріятелю, намѣреваясь удержать его на Дриссѣ. Между тѣмъ, и Удино, пользуясь одержанной надъ Кульневымъ побѣдою (что французами называется дѣломъ подъ Обоярщиною), послалъ впередъ дивизію Вердье; самъ онъ остался у Сивошина. Не зная, въ какихъ силахъ идетъ непріятель, графъ Витгенштейнъ занялъ позицію при Головчицѣ, впереди Клястицъ, на Полоцкой дорогѣ. Первая линія примкнула правымъ крыломъ къ Нищѣ, лѣвымъ къ Головчицѣ. Здѣсь графъ Витгенштейнъ намѣренъ былъ стоять, пока не пройдетъ авангардъ за его линіи, и потомъ дѣйствовать наступательно. Князь Яшвиль, заступившій мѣсто Кульнева, остановилъ непріятеля и получилъ приказаніе отступать на позицію и наводить на нее французовъ. Увѣренный въ побѣдѣ непріятель сначала наступалъ быстро. Стрѣлки его заняли даже мызу Головчицу, но были прогнаны. Тогда приблизились французскія колонны и артиллерія и аттаковали часть нашей позиціи, находившейся между большою дорогою и рѣкою Нищею. Направленныя противъ нихъ орудія произвели желаемое дѣйствіе. Замѣтя колебаніе непріятельскихъ колоннъ, графъ Витгенштейнъ двинулъ впередъ первую линію и тѣмъ мгновенно

рѣшилъ побѣду. Лѣвое крыло французовъ было сбито; на правомъ хотѣли они держаться въ лѣсу, чтобы прикрыть свое отступленіе, но оборона ихъ была непродолжительна. Лѣсъ былъ аттакованъ спереди и обойденъ слѣва, отчего часть находившихся въ немъ непріятельскихъ войскъ была отрѣзана. Французы попытались пробиться, но подоспѣвшею конницею были изрублены и взяты въ плѣнъ, а другіе принуждены были бросить оружіе.

Графъ Витгенштейнъ, лично распоряжавшійся въ лѣсу, былъ раненъ пулею въ щеку. Перевязавъ рану на полѣ сраженія, онъ поѣхалъ впередъ довершать пораженіе непріятеля. Тщетно Вердье старался удержать наше наступленіе дѣйствіемъ артиллеріи. Вездѣ онъ былъ сбиваемъ выстрѣлами орудій, быстрымъ преслѣдованіемъ стрѣлковъ и батальонныхъ колоннъ дивизіи Берга, шедшихъ съ барабаннымъ боемъ. Преслѣдовали французовъ по большой дорогѣ; обходили ихъ фланги. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ Вердье ускорялъ отступленіе до Соколицъ. Тутъ, воспользовавшись пересѣченнымъ мѣстоположеніемъ, онъ опять остановился, но не надолго. Аттакованный съ разныхъ сторонъ, онъ перешелъ за Дриссу у Сивошина и зажегъ это селеніе и мостъ, потерявъ во время отступленія болѣе 2,000 человѣкъ. Графъ Витгенштейнъ перешелъ ночью черезъ Дриссу. Такъ кончилось предпріятіе Вердье, подобное нападенію, произведенному въ то утро Кульневымъ. Одинаковыя причины должны были породить одинаковыя слѣдствія. Кульнева еще можно извинить, ибо послѣ пораженія Удино при Клястицахъ онъ считалъ непріятеля разстроеннымъ и хотѣлъ воспользоваться тѣмъ. Напротивъ, Удино одержалъ верхъ только надъ однимъ авангардомъ нашимъ и, слѣдовательно, отряжая Вердье безъ подкрѣпленія, предавалъ его на жертву графу Витгенштейну, стоявшему вблизи. Послѣ пораженія его авангарда, Удино не держался въ занятой имъ позиціи на лѣвомъ берегу Дриссы и 21-го іюля отступилъ до Полоцкихъ мостовыхъ укрѣпленій. Графъ Витгенштейнъ не аттаковалъ ихъ по слѣдующимъ причинамъ: взятіе укрѣпленій могло стоить много крови; необходимо было пополнить въ полкахъ патроны и въ артиллеріи снаряды; надобно было присоединить къ себѣ выступившій изъ Динабурга, по случаю приближенія туда Макдональда, отрядъ Гамена и замѣнить имъ уронъ, понесенный войсками въ трехдневныхъ сраженіяхъ.

Упомянувъ о корпусѣ Макдональда, опишемъ для связи происшествій движенія его во время дѣйствій графа Витгенштейна противъ Удино. Главное назначеніе Макдональда состояло въ обложеніи Риги, чтобы потомъ приступить къ осадѣ. Но для начала осады Наполеонъ хотѣлъ выждать удаленія русской арміи отъ Двины и оставленія нами Динабурга. Онъ былъ въ такомъ невѣдѣніи на счетъ этой крѣпости и считалъ ее столь сильною, что велѣлъ даже для покоренія ея везти изъ Магдебурга осадный паркъ со 100 орудіями, которыя были уже на Нѣманѣ, однако-жъ, впослѣдствіи возвращены въ Данцигъ, когда Наполеонъ убѣдился въ ничтожности динабургскихъ укрѣпленій. Тогда онъ приказалъ Макдональду послать колонну въ Митаву, а съ прочими войсками сдѣлать движеніе къ Динабургу, угрожая оттуда нашей арміи, стоявшей въ то время на Двинѣ. По отступленіи русскихъ отъ Двины, Макдональдъ долженъ былъ поворотить къ Ригѣ и обложить ее съ обоихъ береговъ рѣки. Макдональдъ, корпусъ котораго

состоялъ изъ 2 дивизій, прусской, Граверта, и французской, Гранжана, послалъ перваго къ Митавѣ, а съ вторымъ пошелъ къ Якобштату. О занятіи пруссаками Митавы и приближеніи ихъ къ Ригѣ будетъ сказано немного дальше, а здѣсь опишемъ движенія Макдональда, такъ какъ они связаны съ происходившимъ у графа Витгенштейна. Устроивъ мостъ на Двинѣ въ Якобштатѣ, Макдональдъ пошелъ къ Динабургу. Находившійся тамъ отрядъ Гамена отступилъ. Макдональдъ срылъ динабургскія укрѣпленія, потопилъ нѣсколько оставшихся тамъ крѣпостныхъ орудій, сжегъ магазины, строевой лѣсъ, запасные лафеты, словомъ, предалъ пламени и водѣ все, что наши не успѣли вывезти. Онъ пришелъ въ Динабургъ 20-го іюля, въ самый день Клястицкой побѣды. Узнавъ о пораженіи своего товарища, Макдональдъ не рѣшился согласно съ повелѣніями, данными ему Наполеономъ, идти на Ригу, не отважился также съ одною бывшею при немъ дивизіею Гранжана двинуться впередъ по правому берегу Двины, во флангъ графу Витгенштейну. Остановясь въ Динабургѣ, онъ провелъ тамъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ бездѣйствіи, не употребляя войскъ своихъ ни для обложенія Риги, ни для оказанія помощи Удино. Сами французы осуждаютъ Макдональда. Одинъ изъ писателей ихъ говоритъ: «Дивизія Гранжана имѣла подъ ружьемъ 12,000 человѣкъ и могла оказать арміи значительную услугу; но въ продолженіе большой части похода единственнымъ дѣйствіемъ ея былъ маршъ на Динабургъ, не принесшій никакой пользы».

Графъ Витгенштейнъ, узнавъ о занятіи непріятелемъ Динабурга, имѣлъ основательную причину думать, что генералъ столь опытный, какъ Макдональдъ, не будетъ понапрасну тратить времени и стоять, ничего не дѣлая, на одномъ мѣстѣ. Потому, отбросивъ Удино въ Полоцкъ, онъ оставилъ противъ него кавалерійскіе посты, занялъ Друю и Дриссу и обратился къ Динабургу, но на маршѣ, въ Расицахъ, два обстоятельства побудили его отмѣнить намѣреніе аттаковать Макдональда и идти опять противъ Удино: 1) Полученное отъ Барклая де-Толли извѣстіе о соединеніи 1-й и 2-й армій подъ Смоленскомъ и предположеніе его начать наступательныя движенія, вслѣдствіе чего графу Витгенштейну предписывалось, не теряя времени, дѣйствовать непріятелю во флангъ. 2) Донесеніе отъ кавалерійскихъ постовъ, оставленныхъ противъ Полоцка, что Удино получилъ значительныя подкрѣпленія и начинаетъ сбивать наши посты. Для поясненія этого обстоятельства надобно знать, что Наполеонъ съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ о пораженіи Удино. Онъ писалъ ему: «Идите навстрѣчу графу Витгенштейну и аттакуйте, гдѣ-бъ вы ни нашли его. Макдональдъ, получившій повелѣніе со всѣмъ корпусомъ идти къ Ригѣ и осаждать ее, остановленъ теперь въ Динабургѣ вашими движеніями». Это повелѣніе въ полной мѣрѣ раскрываетъ всю важность побѣды подъ Клястицами. Графъ Витгенштейнъ не только очистилъ свой операціонный путь на Псковъ и успокоилъ Петербургъ, но вынудилъ Макдональда къ бездѣйствію и лишилъ его возможности начать осаду Риги. Онъ сдѣлалъ болѣе: заставилъ Наполеона отрядить къ Полоцку корпусъ Сенъ-Сира. Наполеонъ признавалъ особенно важнымъ овладѣть правымъ берегомъ и оттѣснить далѣе графа Витгенштейна, чтобы онъ самъ, въ слѣдованіи изъ Витебска къ Смоленску, не былъ обезпокоиваемъ съ лѣваго фланга и

съ тыла. Для этого онъ приказалъ Сенъ-Сиру съ 6-мъ или баварскимъ корпусомъ, стоявшимъ въ Бешенковичахъ, отдѣлиться отъ главной арміи, идти на подкрѣпленіе Удино и находиться въ его распоряженіи. По прибытіи Сенъ-Сира въ Полоцкъ, 25-го іюля, Удино предпринялъ наступленіе и пошелъ къ Волынцамъ въ то самое время, когда графъ Витгенштейнъ съ своей стороны трогался навстрѣчу Удино изъ Расицъ.

Оставивъ летучій отрядъ маіора Бедряги для наблюденія за Макдональдомъ у Динабурга, графъ Витгенштейнъ выступилъ 29-го іюля изъ Расицъ и за 4 версты впереди Коханова встрѣтилъ непріятеля. Онъ сдѣлалъ тотчасъ распоряженія къ аттакѣ, но, вслѣдствіе усилившейся боли отъ полученной за недѣлю передъ тѣмъ раны, не былъ въ состояніи находиться лично въ дѣлѣ и сдалъ команду начальнику своего штаба Довре, а самъ отправился назадъ. Довре расположилъ корпусъ между мызою и селеніемъ Кохановымъ и ожидалъ, 30-го іюля, нападенія со стороны Удино, который перевелъ свой авангардъ на правый берегъ Свольны, но съ корпусомъ стоялъ на лѣвомъ берегу. Видя, что французы не дѣлали никакого движенія, Довре велѣлъ аттаковать авангардъ ихъ и отбросить его за рѣку. Повелѣніе было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ, несмотря на упорную защиту непріятеля. Довре не пошелъ за рѣку, потому что непріятель занималъ выгодную позицію на противоположномъ берегу, а туда велъ только одинъ мостъ черезъ Свольну; постройку-же другого моста, за неимѣніемъ понтоновъ и по недостатку вблизи лѣса, нельзя было произвести ранѣе сутокъ. Между тѣмъ, графъ Витгенштейнъ, узнавъ о возгорѣвшемся дѣлѣ въ авангардѣ, прибылъ къ войскамъ, пренебрегая раною. Непріятель удалился болѣе, чѣмъ на пушечный выстрѣлъ и потомъ, воспользовавшись темнотою, отошелъ назадъ и продолжалъ отступленіе къ Полоцку. Графъ Витгенштейнъ въ донесеніи государю приписалъ успѣхъ генералу Довре. Сами французы сознаются въ своей неудачѣ при Свольнѣ. «Нашъ авангардъ былъ опрокинутъ», — говоритъ одинъ изъ писателей ихъ и прибавляетъ: «впрочемъ, неудача эта ничего не значила». Напротивъ, авангардное дѣло при Свольнѣ имѣло важныя послѣдствія. Заключая изъ упорности нашей аттаки, что къ графу Витгенштейну, вѣроятно, подошли подкрѣпленія, Удино не только отложилъ указанное ему Наполеономъ наступленіе, но отошелъ къ Полоцку и началъ даже помышлять: не выгоднѣе-ли будетъ очистить правый берегъ Двины и отступить на лѣвый? Непріятеля преслѣдовали по двумъ направленіямъ: къ Гамзелеву, по дорогѣ изъ Опочки, и черезъ Сивошино, по дорогѣ изъ Дриссы. Нашими двумя авангардами командовали генералъ-маіоры Гельфрейхъ и Властовъ. Безпрестанно наступая, они оттѣснили непріятеля до Полоцка. 4-го августа Гельфрейхъ овладѣлъ выгодною высотою при выходѣ изъ дефиле и мызою Присменицею; Властовъ занялъ лѣсъ на берегу Полоты. За авангардами подвигался весь корпусъ и сталъ въ виду Полоцка, передъ которымъ по обоимъ берегамъ Полоты расположены были непріятели. 5-го августа Удино созвалъ совѣтъ для обсужденія: принять-ли сраженіе или отступить за Двину, удерживая за собою Полоцкъ ввидѣ мостового укрѣпленія? Мнѣнія были различны, но совѣщаніе еще не кончилось, какъ въ авангардѣ послышалась канонада; члены совѣта по-

спѣшили къ командуемымъ ими войскамъ. Удино также поѣхалъ въ дѣло, но, убѣжденный, что выгоднѣе отступить, приказалъ предварительно нѣсколькимъ полкамъ своего корпуса переходить на лѣвый берегъ Двины, не подозрѣвая, что послышавшаяся канонада происходила отъ общаго нападенія, предпринятаго противъ него графомъ Витгенштейномъ.

Судя по показаніямъ французовъ, въ обоихъ корпусахъ Удино находилось слишкомъ 30,000 человѣкъ; у графа Витгенштейна было подъ ружьемъ 17,000. Малолюдность корпуса не остановила его. Онъ хотѣлъ—и это его—слова изъ донесенія государю: «прогнать Удино въ укрѣпленія и принудить ретироваться за Двину». Замѣченное наканунѣ движеніе нѣкоторыхъ непріятельскихъ полковъ, переходившихъ на лѣвый берегъ рѣки, увеличивало надежду на успѣхъ. 5-го августа, поутру, графъ Витгенштейнъ началъ сраженіе аттакою мызы Спасъ, составлявшею ключъ позиціи непріятелей: овладѣніе Спасомъ подавало возможность разрѣзать французскія войска на двѣ части. Въ самой мызѣ и вокругъ нея завязалось вскорѣ упорное дѣло. Непріятелю не трудно было видѣть, куда преимущественно обращено нападеніе русскихъ, и вслѣдствіе этого Удино отправилъ подкрѣпленія къ Спасу, гдѣ дрались съ перемѣннымъ успѣхомъ. Только одно было постоянное: удачное дѣйствіе нашей артиллеріи, которою графъ Витгенштейнъ, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во всѣхъ прежде бывшихъ сраженіяхъ, не могъ нахвалиться. На помощь сражающимся онъ послалъ Берга съ тремя полками, взятыми изъ центра. Ослабленіе нашего центра побудило непріятеля аттаковать его, но попытка его была безполезна, потому что графъ Витгенштейнъ отрядилъ къ угрожаемому пункту свѣжія войска. Между тѣмъ, огонь артиллеріи распространился по всей линіи. Французскіе стрѣлки, прикрываемые колоннами, забрались подъ русскія батареи, но были прогнаны штыками. Новое нападеніе французовъ не имѣло лучшаго успѣха, и стрѣлки наши овладѣли кустарниками, находившимися передъ фронтомъ, и частію мызы Спасъ. Темнота прекратила сраженіе.

Желая ввести непріятеля въ заблужденіе на счетъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній, графъ Витгенштейнъ велѣлъ строить ночью, съ 5-го на 6-е, два моста: одинъ на Двинѣ, 4 версты ниже Полоцка, другой на Полотѣ, выше города, думая тѣмъ поселить въ непріятелѣ опасеніе за правое крыло, на самомъ-же дѣлѣ, какъ доносилъ государю, онъ «хотѣлъ оставаться въ прежнемъ своемъ расположеніи. Не взирая на гораздо превосходнѣйшее число непріятеля», говоритъ онъ, «я надѣялся вытѣснить его изъ города, но, по причинѣ выгоднаго для него мѣстоположенія и сдѣланныхъ укрѣпленій, это не могло состояться безъ большой потери съ нашей стороны. Корпусъ-же, мнѣ ввѣренный, въ пяти кровопролитныхъ сраженіяхъ, не считая частыхъ авангардныхъ дѣлъ, потерялъ большое число людей, а отъ прогнанія непріятеля изъ Полоцка нельзя было ожидать ничего полезнаго, кромѣ занятія сего города, тѣмъ менѣе какихъ-либо важныхъ послѣдствій, потому что непріятель не только успѣлъ-бы увезти обозы и тяжести свои, но, имѣя два моста, прикрытые и защищаемые съ обѣихъ сторонъ укрѣпленіями, нашелъ-бы въ лѣсномъ мѣстоположеніи лѣваго берега Двины новые оборонительные способы; я-же, безъ успѣховъ главной нашей арміи, не могъ отдалиться отъ берега сей рѣки».

Удино былъ раненъ 5-го августа и сдалъ команду Сенъ-Сиру, который, вмѣсто отступленія, предположеннаго Удино, рѣшился самъ аттаковать графа Витгенштейна, въ намѣреніи оттѣснить отъ Полоцка неугомоннаго противника. «Близость русскихъ», говорилъ онъ, «не дозволяла посылать отрядовъ на фуражировки и не давала покоя войскамъ; мы должны были безпрестанно держать людей подъ ружьемъ». Желая скрыть свое намѣреніе и произвести нападеніе нечаянно, Сенъ-Сиръ продолжалъ, утромъ 6-го августа, отправленіе обозовъ изъ Полоцка по дорогѣ въ Улу, но въ то-же время артиллерія и конница его, еще по приказанію Удино отосланныя назадъ, возвращались на правый берегъ. Распоряженія Сенъ-Сира къ аттакѣ заключались въ прорваніи центра графа Витгенштейна. Съ этою цѣлью онъ сосредоточилъ на мызѣ Спасъ и по обѣимъ сторонамъ ея три дивизіи: Вреде, Леграна и Деруа, назначая ихъ ударить прямо на центръ. Лѣвѣе, для содѣйствія имъ и прикрытія остальной части поля сраженія, стала дивизія Вердье. Къ ней примыкала кирасирская дивизія, лѣвый флангъ которой былъ протянутъ до Двины. Остальная конница размѣщена въ различныхъ мѣстахъ для поддержанія пѣхоты. Дивизія Мерля стала передъ самымъ Полоцкомъ, на лѣвомъ берегу Полоты. Сигналомъ аттаки назначено пробитіе 5-ти часовъ пополудни на колокольнѣ іезуитскаго монастыря въ Полоцкѣ.

Въ продолженіе утра, 6-го числа, пока дѣлались эти приготовленія, неизвѣстныя графу Витгенштейну, наши войска стояли на прежнихъ мѣстахъ. При вновь построенномъ мостѣ на Полотѣ была незначительная перестрѣлка, скоро кончившаяся. Графъ Витгенштейнъ не только не думалъ аттаковать непріятеля, но даже въ то самое утро доносилъ императору, съ курьеромъ, отправляя извѣстіе о сраженіи 5-го августа, что хочетъ оставить авангардъ въ дефиле, идущемъ отъ Полоцка по Невельской и Себежской дорогамъ, и занять позицію при Бѣломъ. Вслѣдствіе этого онъ далъ повелѣніе всему корпусу слѣдовать, въ 9 часовъ вечера, къ Гамзелеву. Въ ожиданіи часа къ выступленію, войска были совершенно спокойны на позиціи. Графъ Витгенштейнъ сидѣлъ за обѣдомъ въ Присменицѣ, какъ вдругъ, ровно въ 5 часовъ, его столовую комнату пробило ядро; вслѣдъ затѣмъ раздался громъ 60-ти орудій, предшествовавшихъ дивизіямъ Вреде, Деруа и Леграна, выступившимъ изъ Спаса, для пораженія нашего центра. Лѣвѣе отъ нихъ шелъ Вердье. Мгновенно корпусъ графа Витгенштейна кинулся къ ружью и построился въ такомъ точно порядкѣ, въ какомъ стоялъ въ лагерѣ. Въ этомъ сознаются сами французы, хотя, впрочемъ—что иначе и быть не могло—не обошлось безъ суматохи. Непріятель шелъ впередъ безостановочно, опрокинулъ передовую цѣпь, почти прикасался къ батареямъ, стоявшимъ впереди линій, но 5-я дивизія, Берга, и запасные батальоны, свернувшись въ колонны, пошли навстрѣчу наступавшимъ и остановили ихъ, между тѣмъ какъ изъ ближнихъ батарей нашихъ поражали непріятеля картечами. Такъ первый натискъ удержанъ въ центрѣ. На оконечности нашего праваго крыла отпоръ былъ не менѣе удаченъ. Въ одно время съ пѣхотою, высыпавшею изъ Спаса, пошла на него кирасирская дивизія. Бывшая тамъ наша конная рота не ограничилась тѣмъ, что выждала въ надлежащемъ разстояніи латниковъ, но понеслась имъ навстрѣчу. Удивленные столь неожиданнымъ движеніемъ, кирасиры возвратились назадъ, преслѣдуемые 3-мя эскадронами гродненскихъ гусаровъ, которые, при отважномъ движеніи нашей

конной роты, слѣдовали сперва за нею, а потомъ врубились въ толпы отступавшихъ кирасировъ.

Непріятельскія силы, соединенныя противъ нашего центра, далеко превосходили числомъ русскія войска, а потому наши должны были отступить къ Присменицѣ. Послушаемъ самого Сенъ-Сира, какъ происходило отступленіе. «Русскіе», говоритъ онъ, «показали въ этомъ дѣлѣ постоянное мужество и личную храбрость, какихъ бываетъ мало примѣровъ въ войскахъ другихъ народовъ. Ихъ батальоны, взятые врасплохъ, при первой аттакѣ отрѣзанные одни отъ другихъ, потому что мы прорвались сквозь ихъ линіи, не разстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно тихо, оказывая со всѣхъ сторонъ сопротивленіе съ такимъ мужествомъ, которое, повторяю, свойственно однимъ только русскимъ. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостать единовременной аттакѣ четырехъ дивизій, шедшихъ совокупно впередъ и тяжестью своею подавлявшихъ высылаемыя противъ нихъ войска». Въ Присменицѣ наши собрались и устроились. «Тутъ», по словамъ графа Витгенштейна, «началось жарчайшее сраженіе». Три раза непріятели ходили на приступъ Присменицы, намѣреваясь овладѣть ею и прорвать центръ, но столько-же разъ были опрокидываемы. Во время этого кровопролитнаго боя показалась противъ праваго нашего фланга конная бригада и была аттакована сводным полкомъ гвардейскихъ кирасировъ. Этотъ образецъ отборнаго войска выступилъ за предѣлъ обыкновенной отваги, опрокинулъ конную бригаду и, преслѣдуя ее, овладѣлъ 15-ю батарейными орудіями; ввиду недостатка лошадей, упряжи и находившихся на полѣ рвовъ, увезены только двѣ отбитыя пушки; прочія 13, заклепанныя, оставлены на мѣстѣ. Наши эскадроны продолжали преслѣдованіе до предмѣстій города и дорогою смяли французскихъ кирасировъ, «которыми», говоритъ Сенъ-Сиръ, «овладѣлъ паническій страхъ». Онъ самъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Увидѣвъ разстройство своего лѣваго фланга, онъ поскакалъ туда на дрожкахъ, потому что, безпокоимый полученною наканунѣ раною, не могъ сидѣть на лошади, и пріѣхалъ въ то самое время, когда французская конница спасалась бѣгствомъ. Лошади Сенъ-Сира понесли, дрожки опрокинулись, и нѣсколько минутъ онъ находился посреди нашихъ кирасировъ. «Замѣшательство въ непріятелѣ было чрезвычайное», пишетъ графъ Витгенштейнъ: «войска, артиллерія и обозы бросились въ безпорядкѣ на мосты, но подоспѣвшая баварская пѣхота и выгодное мѣстоположеніе Полоцка не дозволили нашей конницѣ распространить далѣе свои успѣхи. Знаменъ потому нельзя намъ было отбить, что ихъ во время сраженія при непріятельскихъ войскахъ болѣе не находится».

Между тѣмъ, Присменица, послѣ троекратно отбитаго приступа, была взята, и съ нею вмѣстѣ достались непріятелю 5 легкихъ и 2 батарейныхъ орудія, подъ которыми почти всѣ лошади были убиты. Наши отступили въ лѣсъ, у опушки котораго Сенъ-Сиръ остановилъ свои войска и велѣлъ прекратить огонь. Послѣ смертоносной пальбы, какъ только русскіе вошли въ лѣсъ, не слышно стало ни одного выстрѣла. Сенъ-Сиръ отошелъ къ Полоцку, а гр. Витгенштейнъ, по прежнему своему предположенію, отступилъ по Себежской дорогѣ въ Бѣлое, гдѣ «онъ намѣренъ былъ оставаться для наблюденія со всѣхъ сторонъ Псковской дороги и въ ожиданіи, какіе успѣхи сдѣлаетъ главная армія». «Если, между тѣмъ», говоритъ онъ въ донесеніи государю, «непріятель получитъ еще подкрѣпленія и вздумаетъ нападать на меня, то буду за-

щищаться до послѣдней возможности». Съ каждой изъ воевавшихъ сторонъ выбыло изъ строя болѣе, чѣмъ по 2,000 человѣкъ. У насъ ранены генералы: Бергъ, Гаменъ и Козачковскій; у непріятеля: Рагловичъ, Деруа, Сирбейнъ и Вердье; два послѣдніе умерли отъ ранъ. Сенъ-Сиръ за сраженіе 6-го августа произведенъ въ маршалы.

Три дня не подвигался впередъ непріятельскій авангардъ изъ-подъ Полоцка, между тѣмъ какъ наши стояли въ Бѣломъ. Наконецъ, 10-го августа, одна баварская дивизія наступила на нашъ авангардъ, порученный Властову, сперва оттѣснила его до Бѣлаго, но потомъ, въ свою очередь, была принуждена отступить, и Властовъ занялъ мѣста, на которыхъ стоялъ передъ началомъ дѣла. На другой день графъ Витгенштейнъ, желая дать отдыхъ корпусу, отвелъ его на одинъ маршъ назадъ, къ Сивошину, занялъ за Дриссою позицію, огражденную окопами, и послалъ въ разныя стороны партіи, имѣя главный авангардъ при Бѣломъ. Сенъ-Сиръ поставилъ оба корпуса свои вокругъ Полоцка, а авангардъ въ Гамзелевой. Въ этомъ положеніи оба противника пробыли до начала октября. Такъ на этомъ театрѣ войны окончились первыя дѣйствія гр. Витгенштейна, начавшись 17-го іюля и продолжаясь три недѣли. Сперва, имѣвъ дѣло съ корпусомъ Удино, нашъ полководецъ одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, довершилъ ее разбитіемъ непріятельскаго авангарда подъ Головчицею и принудилъ своего противника отказаться отъ наступленія. Удино вторично пошелъ впередъ къ Свольнѣ и, снова претерпѣвъ тутъ неудачу, долженъ былъ искать обороны подъ стѣнами Полоцка. Двухдневное сраженіе при этомъ городѣ, гдѣ графъ Витгенштейнъ былъ въ половину слабѣе непріятеля, доказало съ одной стороны предпріимчивость его, а съ другой превосходство русскихъ войскъ надъ непріятелями.

Дѣйствія графа Витгенштейна имѣли большое вліяніе на общій ходъ войны. Непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженій, нанесенныхъ имъ маршалу Удино, было то, что Макдональдъ, какъ видимъ по сознанію самого Наполеона, принужденъ былъ остановить свое движеніе противъ Риги, и что Сенъ-Сира отрядили къ Двинѣ отъ главной непріятельской арміи, къ которой онъ уже болѣе не присоединялся. Итакъ, графъ Витгенштейнъ, съ однимъ своимъ корпусомъ, удержалъ три французскихъ корпуса и пріобрѣлъ надъ непріятелемъ столь большое нравственное превосходство, что Наполеонъ отказался отъ наступательныхъ движеній на правой сторонѣ Двины, предписывая маршаламъ только удерживаться на ея берегахъ и охранять путь его сообщеній. Отважность, сопровождавшая графа Витгенштейна, тѣмъ болѣе достойна вниманія, что за нимъ до самаго Петербурга, на разстояніи 600 верстъ, почти вовсе не было войскъ, къ которымъ онъ могъ-бы присоединиться при неудачѣ. Напротивъ, за Удино и Сенъ-Сиромъ въ недалекомъ разстояніи стоялъ Наполеонъ, сперва въ Витебскѣ, потомъ въ Смоленскѣ, откуда могъ подкрѣплять своихъ маршаловъ, дѣйствовавшихъ на Двинѣ. Они находились почти въ неразрывной связи съ главными силами своего повелителя и подъ его руководствомъ. Едва Удино былъ разбитъ, Наполеонъ усилилъ его цѣлымъ корпусомъ; но графу Витгенштейну, оставленному только собственнымъ силамъ, имѣвшему важное назначеніе прикрывать Псковъ, слѣдовательно и Петербургъ, предоставлено было распоряжаться по своему личному усмотрѣнію и не откуда было требовать подкрѣпленій. До какой степени были мы бѣдны войсками въ томъ краю, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда трехне-

дѣльныя безпрестанныя дѣла произвели въ корпусѣ графа Витгенштейна значительную убыль въ людяхъ, онъ просилъ государя объ усиленіи. Вслѣдствіе этого были назначены къ нему находившіеся въ Псковѣ шесть рекрутскихъ батальоновъ. «Болѣе нѣтъ возможности отрядить къ вамъ войскъ», сказано въ Высочайшемъ къ нему рескриптѣ, «но при семъ случаѣ поставляю вамъ на видъ, дабы вы обратили вниманіе на большое количество находящихся позади васъ больныхъ: изъ нихъ непремѣнно выздоравливаетъ ежедневно изъ госпиталей большое число людей, коихъ можно вамъ удобно обращать въ ввѣренномъ вамъ корпусѣ на службу и тѣмъ самымъ подкрѣплять оный».

Не пользовавшись до 1812-го года общею извѣстностью, графъ Витгенштейнъ вдругъ явился неодолимымъ защитникомъ Россіи и остановилъ приливъ нечестія, угрожавшій гибелью древнему Пскову и юной столицѣ Петра. Въ то время, когда Барклай де-Толли и князь Багратіонъ считали себя счастливыми, что корпусы ихъ армій не отрѣзаны, и свое торжество полагали въ удачномъ отступленіи, конечно, необходимомъ въ обстоятельствахъ, въ какихъ они находились, но не удовлетворявшемъ общему пламенному желанію видѣть непріятеля разбитымъ, графъ Витгенштейнъ одинъ дѣйствовалъ съ такою рѣшительностью, что три находившихся противъ него непріятельскихъ корпуса не успѣли подвинуться ни на шагъ впередъ и были обречены Наполеономъ на бездѣйствіе. Арріергардныя дѣла князя Багратіона и Барклая де-Толли, бой, выдержанный первымъ подъ Могилевымъ, а другимъ подъ Витебскомъ и сраженіе подъ Городечною были, безъ сомнѣнія, блистательны въ военномъ отношеніи для русскаго оружія, но по отступленію, которое за ними послѣдовало, служили доказательствомъ невозможности преодолѣть нашими арміями силы, противъ нихъ находившіяся, между тѣмъ какъ подвиги графа Витгенштейна убѣждали въ возможности восторжествовать надъ врагами. Въ то скорбное время, когда одна область за другою переходила во власть непріятеля, графъ Витгенштейнъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ отечества. Благодарная Россія съ восторгомъ привѣтствовала своего героя и ставила его выше всѣхъ генераловъ, которымъ ввѣрены были тогда арміи. Особенно жители Пскова и Петербурга, избавленные отъ срама и ужасовъ непріятельскаго нашествія, превозносили графа Витгенштейна. Его имя, осыпаемое благословеніями Россіи, переходило изъ устъ въ уста, славилось въ стихахъ и прозѣ и украсилось лестнымъ названіемъ «Защитника Петрова града», прекрасно выраженнымъ въ пѣснѣ, сочиненной на его побѣды, которая оканчивалась такъ:

Хвала, хвала, тебѣ, герой!
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Какъ ближайшіе къ театру войны и первые, подверженные непріятельскому нашествію, псковитяне сперва были крайне встревожены переправою французовъ черезъ Двину. За недѣлю до побѣды подъ Клястицами, псковскій гражданскій губернаторъ, князь Шаховской, принялъ мѣры для вывоза изъ города казеннаго имущества. «Что только могу, спасу непремѣнно», писалъ онъ, «и прежде не оставлю города, какъ уже въ самой невозможности. Магазины и прочее, чего не буду имѣть времени удалить, истреблю». На площадяхъ и улицахъ толпился народъ, ожидая извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ и своей

участи. Часто ложные слухи тревожили жителей. Въ церквахъ безпрестанно служили молебствія. Люди достаточные держали въ готовности лошадей для отъѣзда своего при нашествіи непріятеля. Множество транспортовъ съ казеннымъ имуществомъ тронулось въ Новгородъ. Въ городѣ оставлено было только необходимое, то, что можно было вывезти при близкой опасности. Порохъ и огнестрѣльные снаряды погрузили на суда, стоявшія въ 5-ти верстахъ отъ Пскова. Въ предмѣстіи Завеличье все было готово, по первому знаку, для зажженія домовъ. Когда псковитяне, какъ слѣдовало вѣрнымъ сынамъ отечества, намѣревались оставить родину и предать жилища свои пламени, вѣсти объ успѣхахъ графа Витгенштейна, слѣдовавшія непрерывно одна за другою, успокоили сердца, удрученныя печалью. Граждане, общимъ совѣтомъ, постановили поднести ему икону святого благовѣрнаго князя Гавріила, псковскаго чудотворца, съ надписью: «Защитнику Пскова, графу Петру Христіановичу Витгенштейну, отъ купцовъ сего города». Съ иконою были отправлены депутаты. Привѣтствуя побѣдителя рѣчью, они сказали въ заключеніе: «Всѣ граждане отъ мала до велика съ чувствительностію взываютъ: графъ Витгенштейнъ—благодѣтель, защитникъ нашъ! Помози, ему Господи, и продли его жизнь въ здравіи и благополучіи для охраненія насъ!» Графъ отвѣчалъ: «Невидимо Божія сила помогаетъ намъ; увѣрьте вашихъ согражданъ, что Богъ поможетъ, что они будутъ сохранены, будутъ благополучны и спокойны».

Извѣщая свой корпусъ приказомъ о приношеніи псковитянъ, графъ Витгенштейнъ относилъ къ своимъ сослуживцамъ одержанныя имъ побѣды. «Я остаюсь въ совершенной увѣренности», говорилъ онъ, «что каждый изъ воиновъ 1-го корпуса, защищая милую родину свою, подобно св. князю Гавріилу псковскому, надписавшему на мечѣ своемъ: «*чести моей никому не отдамъ*»,—докажетъ и впредь, что честь, отечество и слава августѣйшаго монарха нашего дороже жизни и всего нашего достоянія». На принятіе иконы удостоился графъ Витгенштейнъ получить соизволеніе государя, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Поднесенный вамъ отъ общества псковскаго купечества образъ Гавріила чудотворца съ надписью: «защитнику Пскова» Я не токмо принять вамъ позволяю, но и купцовъ, изъявившихъ вамъ свою благодарность, за сей поступокъ ихъ похваляю. Святой и благовѣрный князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ надпись: «*чести моей никому не отдамъ*». Вы, со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и отечество, оказали себя ревностнымъ сему правилу его послѣдователемъ, а потому не сомнѣваюсь, чтобы сей угодникъ Божій, видя образъ свой въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осѣнялъ васъ свыше».

Новоржевское дворянство просило Высочайшаго соизволенія на поднесеніе графу Витгенштейну золотой медали съ его портретомъ и приличною надписью; порховское дворянство—на поднесеніе портрета; великолуцкіе дворяне—на сооруженіе спасителю своему памятника въ Великихъ Лукахъ; печерскій архимандритъ на построеніе въ Печерской обители храма Пресвятой Божіей Матери и постановленіе въ немъ бюста графа Витгенштейна. Наконецъ, по общему согласію уѣздныхъ предводителей, положено воздвигнуть памятникъ графу Витгенштейну въ Псковѣ, на площади противъ Троицкаго собора. Графъ Витгенштейнъ отказывался отъ этой почести и писалъ дворянству: «Долгомъ почитаю просить, чтобы предполагаемый памятникъ, который это благородное и достойное сословіе желаетъ соорудить въ знакъ призна-

тельности къ моимъ заслугамъ, отмѣнить. Одно усердіе ихъ и готовность, изъясненныя въ отношеніи вашемъ, съ препровожденіемъ плана пирамиды и описаніемъ ея, довольно будутъ служить мнѣ всегдашнимъ памятникомъ: принимаю ихъ въ той-же цѣнѣ, какъ и самое сооруженіе онаго. Безпредѣльная-же благодарность за то останется впечатлѣнною въ сердцѣ моемъ на всю жизнь. Благодарность таковую покорнѣйше васъ прошу отъ меня изъявить всему почтенному псковскому дворянству, съ увѣреніемъ, что я уже почитаю себя необъяснимо счастливымъ и тѣмъ, что имѣлъ случай доставить ему спокойствіе защитою предѣловъ вашихъ отъ злобнаго врага нашего, и прошу Бога о продолженіи Его милости ко всѣмъ вамъ и на будущія времена».

VII.

Дѣйствія около Риги.

Пространство вправо отъ мѣстъ, занятыхъ графомъ Витгенштейномъ, весь низовый край по Двинѣ, было свободно отъ войскъ. Только 15,000-й гарнизонъ, составленный большею частію изъ запасныхъ и резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, занималъ Ригу, подъ начальствомъ рижскаго военнаго губернатора, генерала Эссена, облеченнаго надъ войсками и курляндскою и лифляндскою губерніями властью главнокомандующаго дѣйствующими арміями. Власть эта была необходима въ томъ положеніи, въ какомъ находился Эссенъ, такъ какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно. У насъ думали при открытіи похода, что Наполеонъ, обратитъ значительный корпусъ противъ Риги, чтобы взять ее, распространить нашествіе далѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить англичанъ еще одной гавани, черезъ которую они вели торговлю съ континентомъ. Берега Сѣвернаго и Балтійскаго морей, устья рѣкъ, въ нихъ впадающихъ, приморскіе города отъ Мемеля до Атлантическаго океана были уже въ рукахъ Наполеона, а потому съ правдоподобіемъ можно было заключать, что онъ не оставитъ безъ своего вниманія и Ригу, важную для него и въ военномъ отношеніи, и для довершенія его политической системы.

Предъ началомъ войны по возможности усиливали оборону Риги и Дюнамюнда и вывозили все, что могли, изъ Курляндіи, долженствовавшей быть одною изъ первыхъ жертвъ нашествія. Денежныя суммы, хранившіяся въ пограничныхъ присутственныхъ мѣстахъ и таможняхъ, магазины, заготовленные въ Гольдингенѣ, Газенпотѣ и Шрунденѣ, отправили во внутрь края. Изъ Либавы и Виндавы отослали моремъ артиллерійскія орудія и хлѣбъ, а чего нельзя было погрузить на суда, истребили. Изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ Курляндіи свозили въ Ригу хлѣбъ и туда-же сгоняли обывательскихъ лошадей и скотъ. Телѣги, особенно колеса, велѣли ломать, выдавая хозяевамъ квитанціи, портили дороги и мосты, употребляли всѣ средства для затрудненія непріятелю способовъ къ продовольствію и быстрому слѣдованію.

Еще до открытія войны и до заключенія мира съ лондонскимъ дворомъ на Балтійскомъ морѣ находилась англійская эскадра. Начальникъ ея далъ знать рижскому военному губернатору черезъ одного купца, присланнаго съ шведскимъ паспортомъ, что при разрывѣ Россіи съ Франціею эскадра готова содѣйствовать намъ, гдѣ будетъ нужно, всѣми зависящими отъ нея средствами и даже бомбардировать Мемель. Эссенъ принялъ съ благодарностью первое предложеніе, но на

второе отвѣчалъ, что безполезно разорять Мемель, городъ не военный. Получивъ извѣстіе о вторженіи непріятеля въ наши границы, Эссенъ принялъ въ соображеніе военныя обстоятельства, не сталъ выжидать повелѣній, а тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ капитаномъ англійскаго военнаго судна, стоявшаго на рижскомъ рейдѣ подъ американскимъ флагомъ. Капитанъ вручилъ ему письмо отъ адмирала Мартенса, находившагося на Балтійскомъ морѣ съ эскадрою. Въ письмѣ вновь изъявлялась готовность англичанъ помогать намъ противъ Наполеона. Вскорѣ, 24-го іюня, пришли въ Дюнамюндъ нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей съ адмираломъ Мартенсомъ. Вслѣдствіе неприбытія въ Ригу отправленныхъ изъ Свеаборга канонерскихъ судовъ, Эссенъ пригласилъ англичанъ устроить восемь такихъ лодокъ, тревожить ими прусскіе берега и войти въ тайныя сношенія съ жителями.

Болѣе недѣли протекло уже послѣ перехода главныхъ непріятельскихъ силъ черезъ Нѣманъ, но отряды ихъ еще не показывались въ Курляндіи. Макдональдъ, имѣвшій повелѣніе осадить Ригу, долженъ былъ для начатія осады ожидать отступленія нашей арміи отъ Двины и угрожать правому крылу 1-й арміи. Съ этою цѣлью Макдональдъ былъ первоначально направленъ съ частью своего корпуса, дивизіею Гранжана, на Динабургъ. Удачныя дѣйствія графа Витгенштейна противъ Удино удержали Макдональда на Двинѣ долѣе, нежели предполагалъ Наполеонъ. Другая часть его корпуса, дивизія Граверта, состоявшая изъ прусскихъ войскъ, шла изъ Шавлей на Янишки. Эссенъ, съ своей стороны, отправилъ заблаговременно изъ Риги въ Митаву отрядъ, подъ начальствомъ ген. Вельяминова, чтобы наблюдать за Баускомъ сѣверной границей Виленской губ. Разъѣзды доходили до Шавлей, гдѣ, 23-го іюня, произошла первая сшибка. Наши отступили. Непріятель подвинулся до Янишекъ. Тутъ, 24-го іюня, завязалась перестрѣлка сильнѣе первой, и Вельяминовъ, извѣщенный объ ней, выступилъ изъ Митавы къ Янишкамъ съ батальонами; но въ это самое время отрядъ его былъ отданъ въ команду генер.-лейтенанта Левиза, который счелъ за лучшее не идти навстрѣчу непріятеля и велѣлъ отряду, всѣмъ разъѣздамъ и постамъ отступить къ Экау. Пруссаки двигались медленно и показались въ виду нашихъ войскъ не ранѣе 7-го іюля. Гравертъ аттаковалъ Экау съ фронта; Клейстъ обходилъ мѣстечко съ тыла. Левизъ защищался въ домахъ, за заборами и церковною оградою, но долженъ былъ уступить превосходству силъ, особенно когда Клейстъ появился въ тылу его. Левизъ пробился на штыкахъ и отошелъ черезъ Даленкирхенъ въ Ригу. Непріятель приблизился къ Двинѣ. Такъ, въ первый разъ со времени семилѣтней войны пролилась кровь между русскими и пруссаками. Эти послѣдніе сражались съ ожесточеніемъ, особенно съ той минуты, когда отбили у нихъ одну пушку, которую, однако-же, они взяли скоро опять. Многихъ прусскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ при Экау, Наполеонъ наградилъ орденомъ Почетнаго Легіона, желая тѣмъ пріобрѣсти преданность къ себѣ новыхъ своихъ союзниковъ.

Сто два года Рига не подвергалась бѣдствіямъ войны, наслаждаясь подъ защитою Россіи благодѣяніями торговли и старинными правами своими. Исполненные любви къ Россіи и ненависти къ Наполеону жители готовы были, подобно предкамъ своимъ, пасть на стѣнахъ, но все-таки справедливо опасались, что, ввиду близости ихъ

границѣ, надъ ними первыми разразятся ужасы нашествія и что въ Ригѣ, которую Наполеонъ называлъ предмѣстьемъ Лондона, французы предадутся ожесточенному грабежу. Передъ глазами рижанъ были примѣры Гамбурга и Данцига. Первый, раздавленный пятою, такъ называвшейся, великой французской имперіи, утратилъ свое древнее благосостояніе, а второй за мнимую независимость, дарованную ему Наполеономъ, заплатилъ пятилѣтнимъ разореніемъ. Содрагались при мысли, что Рига могла быть отторгнута отъ Россіи, съ которою она слилась географическимъ положеніемъ и сроднилась столѣтнимъ навыкомъ.

17-го іюня Рига была объявлена въ военномъ положеніи, и багровый флагъ развился на валу. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ коменданту ключей города, хранившихся у гражданъ, по особенной привиллегіи, дарованной Петромъ Великимъ. При этомъ граждане были удостоены Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ государь хвалилъ всегдашнюю вѣрность и преданность ихъ къ престолу. Для выдержанія осады приказано жителямъ запастись на 4 мѣсяца провіантомъ. Всѣмъ, кто хотѣлъ, предоставили право выѣхать изъ города, съ предварительнымъ условіемъ: поставить за себя людей для содержанія карауловъ, имѣть отъ своихъ начальствъ или цѣховъ позволеніе удалиться изъ города, представлять поручительства въ взносѣ всѣхъ на нихъ лежащихъ повинностей и въ каждомъ домѣ, на случай пожара, оставлять по два человѣка здоровыхъ, совершеннолѣтнихъ. Приказано вывезти изъ города всѣ горючія вещества: смолу, деготь, скипидаръ, фосфоръ; чердаки очистить отъ деревянной посуды и всякаго хлама; хозяевамъ домовъ запастись опредѣленнымъ числомъ бочекъ съ водою, ручными мукомольными мельницами, ушатами, ведрами, ручными трубами и густыми мочальными кистями, укрѣпленными на концѣ шеста, не менѣе сажени длиною. Водяныя трубы, проведенныя во всѣхъ домахъ, велѣно содержать въ совершенной исправности, имѣя при нихъ по нѣсколько ведеръ съ водою. Если въ одномъ кварталѣ сдѣлается пожаръ, запрещалось сбѣгаться изъ другихъ кварталовъ на то мѣсто, гдѣ горитъ. Наблюденіе за этими предписаніями было возложено на отвѣтственность, такъ называемыхъ, военныхъ гражданъ, расположенныхъ въ каждомъ кварталѣ. Они должны были назначать команды для ежедневной повѣрки исполненія распоряженій начальства. Опорожнили нѣсколько церквей и перевезли въ нихъ изъ окрестностей города и изъ Курляндіи хлѣбъ и большое количество соломы, для устиланія улицъ на случай бомбардированія, противъ чего нельзя было не предпринимать предосторожностей, такъ какъ въ Ригѣ, занимавшей тогда въ окружности только 2,100 сажень, находилось 850 домовъ и 24,000 жителей. На лютеранскомъ соборѣ устроили телеграфъ для сношеній съ эскадрою адмирала Мартенса, прибывшаго въ Дюнаминдъ, когда война возгорѣлась. Для заготовленія разнаго рода запасовъ составили коммиссію изъ трехъ чиновниковъ, трехъ купцовъ и трехъ цѣховыхъ. Граждане избрали депутатовъ для надзора за рабочими, назначенными на постройку укрѣпленій. По недостатку въ артиллеристахъ опредѣлено нѣкоторое число гражданъ для прислуги при орудіяхъ; на шляпахъ они носили кокарды синяго и зеленаго цвѣта. Въ предмѣстьяхъ проведены черты для означенія домовъ, назначенныхъ къ сожженію по приближеніи непріятеля, и заготовлены насмоленыя веревки, или вѣнки. Многія казенныя зданія обращены въ госпитали. Наконецъ, въ тотъ день, когда Рига

объявлена была въ военномъ положеніи, военный губернаторъ издалъ соотвѣтствующее обстоятельствамъ воззваніе.

Приготовленія къ выдержанію осады измѣнили видъ торговой Риги. Опустѣли красивые загородные домики, куда мирные жители только что переѣхали наслаждаться прекрасною весною. Стали помышлять единственно о спасеніи семействъ и имуществъ, укладывать пожитки, прятать цѣнныя вещи въ сокровенные погреба или отправлять, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, на островъ Эзель, въ Петербургъ и дальнія губерніи. Нагружались суда и корабли на Двинѣ; въ узкихъ улицахъ тѣснились всякаго рода обозы. Между тѣмъ, по городу носились противорѣчивые слухи: то возвѣщали объ успѣхахъ, то о пораженіяхъ нашихъ армій; говорили, что англичане и шведы спѣшатъ на помощь Ригѣ; ходили на заставы прислушиваться, не раздаются-ли выстрѣлы; смотрѣли на движенія телеграфа,—словомъ, страхъ и надежда перемежались.

Въ такомъ положеніи были жители, когда узнали о дѣлѣ, происходившемъ 7-го іюля при Экау, и отступленіи Левиза. На другой день поутру привезли раненыхъ—явленіе невиданное въ Ригѣ! Тотчасъ зажгли Митавское предмѣстье, и пламя разсвирѣпѣло болѣе всего оттого, что тамъ находились запасы строевого и корабельнаго лѣса. Кто могъ спасаться, уходилъ; суда поплыли внизъ по Двинѣ съ цѣлыми семействами; экипажи толпились у заставъ. Къ вечеру пришелъ въ Ригу отрядъ Левиза. Толпы жителей стояли на мосту для встрѣчи войска. «Солдаты были такъ веселы и бодры, какъ на парадѣ», говорилъ одинъ очевидецъ. Возвращеніе войскъ увеличило опасенія жителей. Думали, что пруссаки слѣдуютъ по пятамъ за отрядомъ нашимъ, въ ту-же ночь переправятся черезъ Двину, обложатъ городъ и начнутъ бомбардированіе. Многіе не раздѣвались, желая быть готовыми въ минуту тревоги. Присутственныя мѣста, гражданскій губернаторъ Дюгамель и военно-сиротское отдѣленіе отправились въ Перновъ. Прусскіе разъѣзды доходили до селенія Далена и показывались у Кателькальна, въ 9-ти верстахъ отъ Риги, дѣлая видъ, будто хотятъ переправиться черезъ находящіеся тамъ броды, даже заняли островъ Даленгольмъ, но остановились, когда навстрѣчу имъ, для усиленія конныхъ передовыхъ постовъ, отправленъ былъ пѣхотный отрядъ съ 4-мя орудіями и нѣсколько канонерскихъ лодокъ. 10-го іюля начали ломать дома на Гагенсбергѣ. Изъ предмѣстій перевезли въ городъ лазареты и переселились многіе жители, ожидавшіе скораго сожженія своихъ домовъ. Но такъ какъ предмѣстья можно было предать огню въ короткое время, при первомъ извѣстіи о переправѣ непріятеля черезъ Двину, то 11-го іюля издано было военнымъ губернаторомъ слѣдующее объявленіе: «въ Московскомъ и Петербургскомъ предмѣстьяхъ отмѣчены дома, назначенные къ сожженію, и тѣ, которые не будутъ истреблены, почему обыватели домовъ, остающихся неприкосновенными, приглашаются возвратиться изъ города въ свои жилища».

Такое успокоительное извѣстіе, объявленное въ тотъ день, послѣдніе часы котораго были ознаменованы гибельнымъ для Риги происшествіемъ, доказываетъ, что, издавая извѣстіе, Эссенъ еще не помышлялъ зажигать предмѣстья. Случилось иначе. При военномъ губернаторѣ находился подполковникъ, вступившій передъ войною изъ иностранной службы въ нашу и считавшійся въ своемъ отечествѣ за искуснаго инженернаго офицера. Онъ неоднократно настаивалъ на необходимости сжечь предмѣстья, но предложенія его были отвергаемы.

Послѣ обѣда, 11-го іюля, получено увѣдомленіе о намѣреніи пруссаковъ перейти ночью черезъ Двину при Юнгфергофѣ, овладѣть предмѣстьями и обложить городъ. Подполковникъ, о которомъ упомянуто выше, былъ немедленно отправленъ на рекогносцировку. Ему дали три разныхъ цвѣтовъ карточки: красную, зеленую и черную, для отсылки ихъ, вмѣсто донесенія, къ военному губернатору, съ слѣдующимъ условіемъ: красную, если не встрѣтитъ непріятеля, и, слѣдовательно, нѣтъ городу опасности; зеленую, если, дѣйствительно, пруссаки переправились— тогда должно было приготовиться къ сожженію предмѣстій, и, наконецъ, черную, если увидитъ непріятеля вблизи, что должно было служить знакомъ къ немедленному зажиганію. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе и не встрѣчая непріятеля, подполковникъ послалъ черную карточку къ военному губернатору, который тотчасъ на лоскуткѣ бумаги написалъ полиціймейстеру: «Прикажите сжечь форштадтъ».

Это было вечеромъ, часу въ десятомъ. Повезли за городъ телѣги съ смолеными веревками; туда-же пошло нѣсколько батальоновъ пѣхоты, съ повелѣніемъ явиться къ полиціймейстеру и дѣйствовать по его распоряженіямъ. Полиціймейстеръ объявилъ войску приказаніе зажечь ближайшіе къ крѣпости кварталы Московскаго и Петербургскаго форштадтовъ. Потомъ роздали солдатамъ смоленыя веревки и назначили къ батальонамъ полицейскихъ чиновниковъ, для указанія мѣстъ къ зажиганію и осмотра каждаго дома, не остался-ли въ немъ кто ночевать, вопреки прежде объявленному приказанію о совершенномъ опорожненіи домовъ въ этихъ кварталахъ. Въ ¾ одиннадцатаго, мгновенно въ 11-ти мѣстахъ запылалъ огонь. Появились черныя тучи и поднялся вихрь съ дождемъ. Сперва вѣтеръ понесся на городъ, но вскорѣ обратился назадъ и распространилъ пламя за черту домовъ, не назначенныхъ къ сожженію, въ которые, изданнымъ поутру объявленіемъ, приглашали жителей возвратиться, что нѣкоторыми и было исполнено. Не помышляя объ опасности, иные спали. Пробужденные огромнымъ заревомъ, тревогою и летавшими головнями, они не успѣли спасти имущество и считали себя счастливыми, что могли сохранить жизнь. Многіе солдаты подавали помощь несчастнымъ жителямъ, внезапно застигнутымъ огнемъ, и потомъ отказывались отъ предложенныхъ имъ наградъ. Батальону 4-го егерскаго полка приказано было зажечь православную церковь. Солдаты отвѣчали, что руки у нихъ не поднимутся на храмъ Божій, и кинулись выносить изъ него священную утварь. Въ городѣ запасались водою, запирали ворота, чердаки и отверстія въ погреба. Пожарныя трубы стояли въ готовности; никто не предавался сну, тѣмъ болѣе, что вихрь, часто перемѣняя направленіе, угрожалъ городу пожаромъ. Пѣшая и конная гражданская стражи стояли подъ ружьемъ и разсылали по улицамъ патрули и разъѣзды. Наконецъ, прошла страшная ночь. Восходящее 12-го іюля на мрачномъ небѣ солнце освѣтило только ничтожные остатки предмѣстій, бывшихъ украшеніемъ Риги. Уничтоженія предмѣстій требовала оборона крѣпости, на что и было дано приказаніе военному губернатору, но онъ медлилъ исполненіемъ этой мѣры до послѣдней крайности и привелъ ее въ дѣйствіе, когда непріятели были отъ города ближе 10-ти верстъ и онъ получилъ отъ своего довѣреннаго офицера условленный знакъ къ зажженію. По ошибкѣ или недоразумѣнію поступилъ офицеръ,—неизвѣстно такъ какъ онъ вскорѣ былъ убитъ на вылазкѣ.

Тотчасъ послѣ пожара составлена въ Ригѣ коммиссія для вспомо-

женія погорѣвшихъ. Многіе изъ нихъ были безъ пріюта, одежды и пропитанія. Въ теченіе шестинедѣльныхъ дѣйствій коммиссіи явилось съ просьбами о вспоможеніи 1,319 семействъ, состоявшихъ изъ 3,924-хъ человѣкъ. Имъ давали безденежно хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ, одежду и лекарства, отводили квартиры, назначали пенсіи, отпуская деньги для начатія прежнихъ промысловъ или выѣзда изъ города, потому что нѣкоторымъ изъ погорѣлыхъ помѣщики предлагали жительство въ своихъ деревняхъ. Открыта была подписка для пожертвованій. Хотя она далеко не равнялась съ понесенными потерями, но, по крайней мѣрѣ, покрыла первыя нужды. Изъ отчета коммиссіи видно, что убытокъ былъ исчисленъ въ 16,821,543 р. 26½ к.

Хотя сожженіе предмѣстій должно было убѣдить непріятеля въ твердой рѣшительности Эссена защищаться до крайности, однако-же, 16-го іюля, прусскій генералъ Гравертъ все-таки требовалъ сдачи Риги.

На это генералъ Эссенъ отвѣчалъ, конечно, отказомъ.

Послѣ безполезнаго требованія сдачи, пруссаки расположились вдоль Миссы, имѣя передовые посты на лѣвой сторонѣ Двины. Иногда они переправлялись на правый берегъ, для добыванія продовольствія, и жестоко обращались съ жителями. Противъ фуражировъ посылали отряды, всегда сопровождаемые охотниками изъ молодыхъ обывателей Риги. На вылазки Эссенъ не отважился, по неопытности, какъ онъ говорилъ, запасныхъ и резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, составлявшихъ гарнизонъ. Императоръ съ неудовольствіемъ принялъ его объясненіе и писалъ ему: «Запасные батальоны никогда составомъ своимъ не отличались отъ дѣйствующихъ двухъ батальоновъ; въ хорошихъ полкахъ они хороши, въ слабыхъ-же слабы, какъ и самые полки. Справедливое замѣчаніе, которое можно объ нихъ сдѣлать, есть то, что они малочисленны, не имѣя гренадерскихъ ротъ. Способность-же свою дѣйствовать они доказали неоднократно и при защищеніи Динабурга, и въ арміи князя Багратіона, гдѣ оныхъ находится шесть 26-й дивизіи, а равно и въ корпусѣ графа Витгенштейна, гдѣ ихъ 12, и всѣ дѣйствовали наравнѣ съ прочими войсками».

20-го іюля пришли изъ Свеаборга въ Ригу 67 канонерскихъ лодокъ. Они поднимались нѣсколько разъ вверхъ по рѣкѣ, до Шлока и выше, и перестрѣливались съ пруссаками, но безъ всякой существенной пользы и послѣдствій, такъ что конецъ іюля и весь августъ прошли въ полномъ бездѣйствіи обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Между тѣмъ, въ самой Ригѣ успокоивались отъ тревоги, произведенной пожаромъ, и привыкали къ войнѣ. Главную надежду возлагали на графа Витгенштейна, побѣдные громы котораго раздавались невдалекѣ отъ Риги.

ГЛАВА IV.
Ополченіе.

I.
Происшествія въ губерніяхъ, занятыхъ ополченіемъ.

На другой день послѣ бывшаго при Экау, 7-го іюля, дѣла, которое заставило Левиза отступить къ Ригѣ, часть прусскихъ войскъ направилась къ Митавѣ. Гражданскій губернаторъ Сиверсъ оставался въ городѣ до послѣдней возможности и выѣхалъ оттуда, когда непріятель былъ почти въ виду. Передъ выѣздомъ онъ велѣлъ напечатать два объ-

явленія: въ одномъ благодарилъ жителей за вѣрность, оказанную ими законному монарху, а въ другомъ, написанномъ къ пруссакамъ, изъявлялъ надежду, что они гуманно будутъ относиться къ городу. Въ 5 часовъ пополудни, 8-го іюля, пруссаки, подъ начальствомъ полковника Раумера, вступили въ Митаву. Военный коммиссаръ ихъ объявилъ жителямъ о покровительствѣ Макдональда, если исправно будутъ доставлять потребные для войскъ припасы. 22-го іюля учреждено, по повелѣнію Наполеона, управленіе для Курляндіи, составленное изъ городскихъ обывателей, и явились два француза, Шамбодуенъ и Монтиньи, пожалованные Наполеономъ въ интенданты, или губернаторы Курляндіи. Они размежевали ее для удобнѣйшаго управленія на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Первая составлена была изъ уѣздовъ Митавскаго и Зельбургскаго, другая изъ уѣздовъ Гольдингенскаго, Туккумскаго и Пельтинскаго.

Во все продолженіе войны такъ называвшееся управленіе, учрежденное непріятелемъ, сохраняло въ Курляндіи возможный въ смутныхъ обстоятельствахъ порядокъ и тишину и успѣло удержать въ повиновеніи крестьянъ, поджигаемыхъ буйною вольницею сосѣдней Литвы. Изъ Польши, долгое время тѣсно соединенной съ Курляндіею, были посылаемы приглашенія—какого рода, догадаться не трудно. Ухищренія ляховъ остались тщетными. Тягость нашествія была тѣмъ болѣе чувствительна для курляндцевъ, что уже нѣсколько лѣтъ передъ войною они много терпѣли отъ прекращенія торговли, неурожаевъ, повальныхъ болѣзней, падежа скота и безпрестаннаго прохода войскъ. По вступленіи непріятеля, одно требованіе слѣдовало за другимъ. Предметами ихъ были: хлѣбъ, лошади, лазаретныя вещи, 50,000 тулуповъ, 60,000 локтей сукна, денежная контрибуція: все вмѣстѣ составило до 15-ти милліоновъ рублей. Въ этотъ счетъ не входитъ еще то, чего требовали лично для себя различные военные начальники, а также истребленное непріятельскими бродягами: сожженные ими дома, мельницы, лѣса, потоптанные луга и пашни, наконецъ, безчисленное множество подводъ, наряжаемыхъ въ рабочую пору и тѣмъ лишившихъ земледѣліе рукъ въ самое нужное для сельскаго хозяйства время. За недостаткомъ наличныхъ денегъ, вносили контрибуцію серебряными издѣліями, которыя французы и пруссаки складывали въ большія бочки, уколачивая въ нихъ толстыми ступами. Курляндцы платили, терпѣли разореніе и молчали. Въ продолженіе своего пятимѣсячнаго отчужденія отъ Россіи, даже и тогда, когда видимый успѣхъ сопровождалъ оружіе Наполеона, жители не обнаруживали охлажденія къ Россіи. Оставленные нашими войсками они ничѣмъ другимъ не могли доказать своихъ чувствъ къ законному монарху, кромѣ безпрекословнаго перенесенія всѣхъ тягостей войны. Никто не присягнулъ непріятелю, не вступилъ въ его армію; въ церквахъ, во время богослуженія, несмотря на угрозы французовъ, поминали государя и императорскую фамилію. Однимъ словомъ, жители Курляндіи не оказывали никакой приверженности къ непріятелю и, вступая въ отправленіе поручаемыхъ отъ него должностей, дѣлали то поневолѣ, устрашенные угрозами и насиліемъ.

Но, когда въ Курляндіи тяжко и смиренно переносили иго непріятельское, въ литовскихъ губерніяхъ была нарушена вѣрноподданническая присяга и господствовало совершенное безначаліе. Одинъ городъ за другимъ приступалъ къ варшавской конфедераціи.

Это обыкновенно совершалось при колокольномъ звонѣ, пальбѣ изъ пушекъ и ружей, пиршествахъ, молебствіяхъ за Наполеона. Для воспламененія общаго мнѣнія, печатали въ Вильнѣ, подъ руководствомъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Маре, самыя напыщенныя извѣстія объ успѣхахъ непріятельскихъ войскъ. «Динабургская крѣпость», говорили витіи, «пала предъ побѣдителями, какъ стѣны Іерихона. Двина, укрѣпленные берега которой казались неприступными, течетъ нынѣ посреди французскихъ орловъ, какъ Вилія и Нѣманъ. Въ одинъ мѣсяцъ совершилъ Наполеонъ подвиги, на которые нашимъ королямъ и князьямъ нужны были многія столѣтія». Въ прозѣ и стихахъ, въ одахъ, рѣчахъ, драматическихъ представленіяхъ грѣмѣли противъ русскихъ. Но возгласы о мнимыхъ побѣдахъ Наполеона, предреченія о паденіи Россіи, иллюминаціи, празднества,—не могли загладить бѣдствія, тяготѣвшія надъ областямъ, занятыми непріятелемъ.

Литовскія губерніи состояли подъ главнымъ начальствомъ наполеонова генералъ-адъютанта Гогендорпа; бѣлорусскими управлялъ генералъ Шарпантье. Въ губернскихъ городахъ учреждены были верховныя правленія, власть которыхъ распространялась на уѣзды, гдѣ находились коммиссіи, въ завѣдываніи подпрефектовъ. Главное назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ управленій состояло не въ утвержденіи порядка, не въ охраненіи безопасности лицъ и собственности, но въ доставленіи продовольствія для войскъ и госпиталей. На вопросъ, сдѣланный маршалу Даву въ Могилевѣ чиновниками новоучрежденнаго управленія: въ чемъ должна заключаться ихъ должность, какое установить судопроизводство, какими законами руководствоваться? онъ отвѣчалъ: «Господа! Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: хлѣба, хлѣба и хлѣба!» Губернскія управленія дѣлали раскладки на имѣнія, сколько съ каждаго надлежало взимать припасовъ, подводъ, скота, холста, вина, денегъ, а уѣздныя имѣли обязанность наблюдать за приведеніемъ раскладокъ въ исполненіе. Уголовное судопроизводство шло обыкновеннымъ чередомъ, но гражданское было пріостановлено. Разсмотрѣнія тяжебныхъ дѣлъ допускались не иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго управленія въ Вильнѣ. Начальниками въ каждомъ губернскомъ городѣ были генералы, завѣдывающіе всѣми воинскими командами. Они обходились съ членами правительственныхъ мѣстъ надменно, сажали ихъ подъ караулъ, рвали протоколы засѣданій, самовольно брали деньги изъ городскихъ и уѣздныхъ суммъ. Примѣру ихъ подражали толпы коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, находившихся при войскахъ. Это былъ во французской арміи особенный родъ людей, отличавшихся безнравственностью, возросшихъ среди ужасовъ революціи и привыкшихъ при многолѣтнихъ войнахъ республиканскихъ генераловъ и Наполеона пользоваться всѣми средствами для своего обогащенія.

Дѣйствія военныхъ и гражданскихъ начальниковъ стѣснялись невозможностью вести правильное управленіе въ странѣ, наводненной шайками грабителей, отставшихъ отъ армій. Къ нимъ самовольно присоединялись крестьяне и шляхта, покинувшіе сельскія работы, отъ чего возрасталъ недостатокъ въ продовольствіи, ощущаемый непріятелями съ ихъ вступленія въ Россію. Зерновой хлѣбъ оставался не перемолотымъ, такъ какъ большая часть мельницъ была истреблена; хлѣбъ, стоявшій на корнѣ, былъ потоптанъ и не убранъ съ полей. Усиленные

марши, лишенія всякаго рода, падящій зной произвели болѣзни, особенно кровавые поносы. Госпитали были устроены небрежно, несоразмѣрно съ числомъ больныхъ, не имѣли необходимыхъ лекарствъ, пищи, вещей и прислуги, для которой употребляли русскихъ плѣнныхъ. Число солдатъ, оставшихся позади Наполеоновой арміи, было невѣроятно велико. Для поимки ихъ отряжали маршевые батальоны и приказано помѣщикамъ ловить бродягъ, обезоруживать ихъ и представлять въ города. «Среди нашихъ успѣховъ», говоритъ одинъ французскій писатель, «являлось необыкновенное зрѣлище: наши безоружные солдаты были водимы за карауломъ литовскихъ крестьянъ». Вскорѣ грабежъ сдѣлался единственнымъ средствомъ добывать пропитаніе: разбивали погреба и лавки, расхищали рынки. Приносимыя жителями жалобы подпрефектамъ, военнымъ начальствамъ и самому верховному правительству въ Вильнѣ оставались почти всегда неудовлетворенными. Французскія власти обыкновенно оправдывали свое бездѣйствіе неопредѣлительностью жалобъ. Грабежи часто сопровождались убійствами, насиліями. Нужны были команды для обузданія разбоевъ и преслѣдованія мародеровъ. По дорогамъ валялись конское падалище и человѣческіе трупы. Опасность на большихъ дорогахъ принуждала проѣзжающихъ дожидаться въ какомъ-нибудь мѣстѣ военныхъ командъ и подъ прикрытіемъ ихъ продолжать путь караваномъ, какъ въ степяхъ африканскихъ.

Съ восторгомъ привѣтствовали появленіе Наполеона на правомъ берегу Нѣмана, не сомнѣваясь въ быстрыхъ, рѣшительныхъ побѣдахъ его; но радость была кратковременна и уступила мѣсто охлажденію, при видѣ повсемѣстнаго опустошенія, производимаго мнимыми избавителями. Помѣщикамъ твердили о будущемъ благоденствіи, блистательныхъ надеждахъ, требовали отъ нихъ всякаго рода пожертвованій и поставокъ, которыя брали подъ квитанціи и безъ квитанцій, поступая съ занятымъ краемъ, какъ съ непріятельскою землею. Наряды подводъ превосходили всякую мѣру. Изъ дѣлъ гродненской губерніи видно, что требовалось иногда до 10,000 подводъ; иныя назначались на недѣлю, на 10 дней, даже на мѣсяцъ. При переходѣ черезъ Гродно 3-го полка литовской гвардіи, состоявшаго только изъ 444-хъ человѣкъ, употреблены были 121 подвода, за которыя ничего не платили, считая этотъ нарядъ прямою обязанностью жителей. Случалось, что въ цѣломъ уѣздѣ нельзя было найти 15 подводъ. Легко вообразить, сколько терпѣли земледѣльцы отъ подобныхъ отягощеній! Съ одной стороны разоряемые мародерами, съ другой увлекаемые слухами о вольности, они покинули свои дома, поля и обратились къ грабежу. Здѣсь—также причины, объясняющія безуспѣшность въ исполненіи повелѣнія Наполеона о составленіи въ Литвѣ регулярныхъ войскъ. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ полки не получили окончательнаго образованія и почти не приняли участія въ войнѣ, такъ какъ только въ ноябрѣ небольшая часть ихъ была выведена въ походъ и при первомъ нашемъ нападеніи разбѣжалась или сдалась въ плѣнъ. Въ наборѣ людей не было большого затрудненія, но въ обмундированіи, вооруженіи и лошадяхъ встрѣчались непреодолимыя препятствія. Добровольныя приношенія деньгами и припасами составляли самую ничтожную сумму; иначе и не могло быть въ областяхъ, преданныхъ на произволъ безначалія.

Верховное мятежническое правительство въ Вильнѣ призывало

къ бунту и Бѣлоруссію. При нашествіи непріятеля, большая часть помѣщиковъ Витебской губерніи послѣдовали за русскою арміею; остались въ домахъ обремененные семействами, лишенные средствъ для дальней дороги. Въ занятыхъ французами уѣздахъ помѣщики уклонялись отъ возлагаемыхъ на нихъ должностей, требованія непріятельскихъ начальствъ исполняли медленно, и то по принужденію жандармовъ; иные изъ жителей доставляли даже графу Витгенштейну свѣдѣнія о непріятелѣ. Рѣшено было собрать помѣщиковъ Витебской губерніи для раскладки рекрутской повинности, составленія жандармовъ и народной стражи, но, такъ какъ почти никого не явилось въ собраніи, мѣры эти остались безъ исполненія. Фуражиры забирали хлѣбъ и скотъ не по назначенію начальства, а гдѣ попадалось. По удаленіи помѣщиковъ, крестьяне присоединялись къ мародерамъ и вмѣстѣ съ ними выжгли значительное число домовъ въ городахъ, цѣлыя деревни и господскія строенія. Лепельскій уѣздъ, весь занятый непріятелемъ, подвергся наибольшему разоренію; въ немъ постоянно происходили грабежи и убійства. Полунагіе жители принуждены были искать убѣжища въ лѣсахъ, среди болотъ и кустарниковъ, но и тамъ не находили спасенія отъ мародеровъ, которые забирали имущество, подстрѣливали людей, что не могли уносить изъ домовъ—рубили и жгли. Французскіе начальники давали иногда помѣщикамъ залоги, но и тѣ нерѣдко были убиваемы своими мародерами. Главный начальникъ Бѣлоруссіи, Шарпантье, объявилъ повелѣніе Наполеона присягнуть ему, присоединиться къ варшавской конфедераціи и выставить людей для военной службы, однако-же, никто не присягалъ и рекрутовъ не давалъ. Помѣщики Полоцкаго уѣзда не только не согласились присоединиться къ конфедераціи, но, не взирая на настоятельныя предложенія непріятельскихъ генераловъ, рѣшительно отъ того отказались. Хотя, по случаю двухнедѣльнаго пребыванія Наполеона въ Витебскѣ, строго взыскивали съ солдатъ за грабежъ, но при всемъ томъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окружныхъ деревняхъ, жители подвержены были разбою и насиліямъ, а въ случаѣ сопротивленія, смерти. Въ Витебскѣ Наполеонъ иногда разговаривалъ съ жителями, разспрашивалъ о мѣстностяхъ, средствахъ края, народонаселеніи и привѣтливо выслушивалъ отвѣты. Прибѣгавшимъ къ нему во множествѣ съ жалобами на разореніе и грабительство войскъ его онъ говорилъ, что послѣдствія войны всегда таковы; нѣкоторымъ давалъ деньги, по 30, 50, даже по 100 наполеондоровъ.

Могилевская губернія подвергнута была такому-же разоренію, какъ Витебская, страдая отъ гибельныхъ слѣдствій безначалія и буйства. Нѣкоторые помѣщики удалились внутрь Россіи, другіе оставались въ городахъ и селахъ, иные занимали мѣста въ управленіяхъ, другіе прятались по лѣсамъ, гдѣ, находимые мародерами, претерпѣвали насилія и грабежъ. Вынужденные повиноваться волѣ сильнаго, жители дожны были отдавать хлѣбъ, съѣстные припасы. Малая часть скота, которую успѣли загнать въ густыя лѣса, подверглась падежу. Непріятель хотѣлъ произвести въ Могилевской губерніи рекрутскій наборъ, но не успѣлъ, потому что крестьяне разбѣжались. Удалось только набрать до 400 шляхтичей и молодыхъ праздношатавшихся людей. Этотъ сбродъ, названный народною гвардіею, былъ обучаемъ военной службѣ французскими офицерами, подъ главнымъ надзоромъ могилевскаго комменданта. Всякій одѣвался, какъ хотѣлъ или какъ могъ;

вмѣнено было только въ обязанность носить на шляпѣ или фуражкѣ французскую кокарду. У немногихъ были ружья; прочіе вооружались пиками. Французы не воспользовались этимъ скопищемъ, потому что вся эта сволочь во время бѣгства непріятелей изъ Россіи разсѣялась сама собою, оставивъ на жертву своего начальника, заколотаго казаками подъ мѣстечкомъ Княжицами. Причины, заставившія Наполеона упустить изъ вида мѣры къ отвращенію происходившихъ въ тылу его арміи безпорядковъ, грабежей и своевольства состояли въ томъ, что онъ не принималъ въ соображеніе возможности неудачъ; увѣренный въ скоромъ и счастливомъ окончаніи борьбы съ Россіею, онъ мало заботился о водвореніи благоустройства въ пройденномъ имъ краѣ, вовсе не похожемъ на театры прежнихъ его войнъ и ему совершенно неизвѣстномъ. Все вниманіе его устремлено было къ одной цѣли: дать русской арміи генеральное сраженіе и, побѣдивъ ее, принудить императора Александра къ заключенію мира.

II.

Созывъ ополченія.

Отрадно приступить къ описанію движенія Россіи при обнародованіи манифеста 6-го іюля, призывавшаго всѣхъ и каждаго на оборону отечества. Правительствующій сенатъ приказалъ разослать манифестъ повсюду съ нарочными курьерами и предписалъ мѣстнымъ начальствамъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами содѣйствовать къ немедленному приведенію въ исполненіе монаршей воли. Святѣйшій синодъ поставилъ себѣ первымъ долгомъ вознести къ Господу Богу теплыя молитвы и сдѣлалъ распоряженія о повсемѣстномъ молебствіи. Сверхъ того, для споспѣшествованія общему дѣлу, опредѣлено имъ было: 1) изъ прибыльной суммы, получаемой отъ свѣчной продажи въ церквахъ, отдать въ пособіе къ составленію новыхъ силъ полтора милліона рублей, изъ которыхъ одну половину на петербургское ополченіе, а другую на московское; 2) пригласить все духовенство и мірянъ къ пожертвованію деньгами и серебряными и золотыми вещами; причетниковъ, дѣтей священно и церковно-служителей, находящихся при отцахъ, и семинаристовъ, не выше риторическаго класса, увольнять по желанію въ ополченіе, давая имъ отъ церкви пособіе на одежду и продовольствіе. Поступающимъ въ ополченіе объявлять, что если по окончаніи войны они возвратятся къ прежнимъ мѣстамъ, то ихъ служеніе не будетъ оставлено безъ вниманія, а чтобы остающіяся послѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ семейства не терпѣли нужды въ содержаніи, то не лишать ихъ доходовъ, слѣдующихъ на часть поступающимъ въ ополченіе; 3) въ первый воскресный и праздничный день, передъ началомъ обѣдни, обнародовать манифестъ чтеніемъ въ церквахъ; потомъ отправить молебное пѣніе, совершаемое о побѣдѣ на супостаты, и служить этотъ молебенъ ежедневно; 4) послѣ манифеста, прочесть слѣдующее воззваніе синода:

«По благодати, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Его великимъ и сильнымъ Именемъ, взываемъ ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ россійскія церкви.

«Съ того времени, какъ ослѣпленный мечтою вольности народъ французскій ниспровергнулъ престолъ единодержавія и алтари христіанскіе, мстящая рука Господня видимымъ образомъ отяготѣла сперва

надъ нимъ, а потомъ, чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отступленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнетенія. Одна брань рождала другую, и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая церковь и держава Россійская доселѣ была по большей части сострадающею зрительницею чуждыхъ бѣдствій, какъ-бы для того, чтобы тѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на промыслъ и тѣмъ съ большимъ благодушіемъ приготовилась срѣтить годину искушенія.

«Нынѣ эта година искушенія касается насъ, россіяне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій алтарей врагъ, дыша столь-же ядовитою лестію, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издалеча простираетъ хищную руку.

«Сего ради взываемъ къ вамъ, чада церкви и отечества! Пріимите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцовъ нашихъ. Приносите съ благодареніемъ отечеству тѣ блага, которыми отечеству обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израиля и лѣта предковъ нашихъ, которые о имени Божіимъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою.

«Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ: предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолѣвающихъ наглость Амалика, новыхъ Судей, спасающихъ Израиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ царимногіи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ.

«Наипаче-же взываемъ къ вамъ, пастыри и служители алтаря! Яко-же Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опустить рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваши къ молитвѣ дотолѣ, доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ нами. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силъ. Вооружите словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте словомъ и дѣломъ не дорожить никакою собственностію, кромѣ вѣры и отечества. И если кто изъ сыновъ левитскихъ, еще неопредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію брани, благословляется на сей подвигъ отъ самыя церкви.

«Всѣмъ-же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ и всѣхъ умоляемъ блюстися всякаго неблагочестія, своеволія и буйныхъ шатаній, предъ очами нашими привлекшихъ гнѣвъ Божій на языки; пребывать въ послушаніи законной, отъ Бога поставленной, власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единодушіе и тѣмъ оправдать желанія и чаянія взывающаго къ намъ, вѣрноподданнымъ своимъ, Богомъ помазаннаго монарха Александра.

«Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не христолюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять ко Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ для доблестныхъ подвижниковъ и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положатъ за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ, и воинственнымъ знаменіемъ россіянъ сіе пророческое слово: о Бозѣ спасеніе и слава!»

Для совокупнаго соображенія дѣлъ по ополченію, учредили при

особѣ императора комитетъ, составленный изъ трехъ членовъ: генерала графа Аракчеева, министра полиціи Балашева и государственнаго секретаря Шишкова. Комитетъ вступилъ въ сношеніе съ начальниками трехъ округовъ и объявлялъ имъ Высочайшія повелѣнія. Замѣчательнѣе другихъ были слѣдующія: 1) изъ пожертвованныхъ на ополченіе суммъ составить особенный запасный капиталъ и безъ Высочайшаго повелѣнія ни на какіе предметы не расходовать; 2) начальникамъ губерній, не причисленныхъ къ составу ополченія, сдѣлать предложенія дворянамъ о вступленіи на службу въ ополченія другихъ губерній; 3) такъ какъ въ губерніяхъ, гдѣ формировалось ополченіе, продовольствіе для ратниковъ назначалось не одинаковое: въ однѣхъ на три мѣсяца, въ другихъ (Новгородѣ, Ярославлѣ, Твери, Ниж.-Новгородѣ)—на годъ, а въ Казани даже на все время, пока ополченіе будетъ существовать, то велѣно продовольствіе отпускать вездѣ на 3 мѣсяца; излишній же противъ того взятый провіантъ или, вмѣсто него, деньги возвращать по принадлежности, либо зачислять въ число подушныхъ сборовъ, по желанію тѣхъ, кому провіантъ или деньги будутъ слѣдовать въ возвратъ; 4) по истеченіи 3 мѣсяцевъ съ образованія ополченія, велѣно всѣхъ чиновниковъ, обвиненныхъ въ маловажныхъ проступкахъ и не подвергавшихся лишенію чести или чиновъ, допустить ко вступленію во временную военную силу, хотя-бы и слѣдствіе объ нихъ не кончилось, только съ тѣмъ ограниченіемъ, если для окончанія слѣдствія не нужно на мѣстѣ присутствіе подсудимаго; 5) министрамъ разрѣшено увольнять на вступленіе въ ополченіе чиновниковъ, безъ которыхъ можно было обойтись, оставляя при нихъ получаемое ими жалованье; 6) гражданскихъ чиновниковъ, не бывшихъ въ военной службѣ, при поступленіи въ ополченіе, опредѣляли: дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, безъ присвоенія имъ военныхъ чиновъ, съ дозволеніемъ носить генеральскій мундиръ; статскихъ и коллежскихъ совѣтниковъ ротмистрами и капитанами, и т. д.

Всѣ 17 губерній, гдѣ повелѣно собрать ополченіе, раздѣлены были на три округа: 1-й для обороны Москвы, 2-й для защиты Петербурга, 3-й для составленія резерва.

1-й округъ, подъ начальствомъ московскаго главнокомандующаго гр. Ростопчина, состоялъ изъ 8-ми губ.: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Владимірской, Калужской и Смоленской.

1) Въ Москвѣ, для скорѣйшаго составленія ополченія, учредили два комитета: одинъ для пріема, вооруженія и продовольствія людей; другой для пріема и расходованія пожертвованій. Составъ московскаго ополченія надобно представить нѣсколько подробнѣе, потому что имъ руководствовались, съ небольшими измѣненіями, во всѣхъ прочихъ губерніяхъ 1-го и 3-го округовъ. Ополченіе состояло изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пѣшихъ егерей. Конные дѣлились на полки, въ каждомъ по 10-ти сотенъ, въ сотнѣ по 10-ти десятковъ, въ десяткѣ по 12-ти казаковъ. Полками командовали полковые, сотнями сотенные начальники, десятками урядники. Пѣшіе егеря и казаки дѣлились на полки, въ каждомъ по 4 батальона, въ батальонѣ по 4 сотни, въ сотнѣ по 10-ти десятковъ, въ десяткѣ по 15-ти человѣкъ. Въ пѣхотномъ полку состояло 2,400, въ конномъ 1,200 рядовыхъ. Полки конные и пѣшіе, батальоны и сотни назывались по нумерамъ. Штабъ и оберъ-офицерамъ даны были мундиры общіе армейскіе; уволенные съ мундирами при отставкѣ могли носить ихъ. Егеря, конные и пѣшіе казаки имѣли рус-

скіе сѣрые кафтаны и длинные шаравары изъ крестьянскаго сукна; кафтаны были по колѣно и достаточно широки, чтобы подъ нихъ надѣвать полушубокъ; кушакъ какой кто могъ имѣть; фуражка была по выбору полкового начальника, съ выбитымъ изъ мѣди крестомъ и подъ нимъ вензелевымъ именемъ императора и надписью: «За Вѣру и Царя». Полковымъ и батальоннымъ начальникамъ жалованья не полагалось, «по важности званія, въ которомъ они служили, по особой довѣренности государя, изъ усердія къ отечеству», но недостаточные получали пособіе. Оберъ-офицерамъ назначено было жалованье: сотеннымъ начальникамъ по 30-ти рублей въ мѣсяцъ; прочимъ офицерамъ по 20-ти. Кавалерійскіе офицеры получали фуражъ и единовременно на покупку лошади 150 рублей. Урядникамъ и писарямъ жалованья въ мѣсяцъ по 125-ти копѣекъ и провіантъ; прочимъ казакамъ и егерямъ по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ. Жалованье выдавалось помѣсячно, провіантъ въ сухаряхъ. Офицерамъ обѣщаны были за храбрость такія-же награды, какія опредѣлены въ арміяхъ, а изувѣченнымъ, не имѣвшимъ достатка, отъ московскихъ сословій вѣчная пенсія. Урядникамъ, казакамъ и егерямъ обѣщана за храбрость медаль, которую государь намѣренъ былъ установить нарочно для земскаго войска. Удостоившійся медали пріобрѣталъ право на пожизненную пенсію того жалованья, какое получалъ во временной службѣ. Денщиковъ штабъ и оберъ-офицерамъ, не имѣвшимъ своихъ людей, не положено, но предоставлялось, по дозволенію полковыхъ и батальонныхъ начальниковъ, употреблять ратниковъ для прислуги въ свободное время. Собственныхъ людей позволялось имѣть: полковымъ начальникамъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, батальоннымъ не болѣе 2-хъ, а прочимъ не болѣе одного; полковому начальнику двѣ повозки, батальонному одну, въ каждой сотнѣ по одной повозкѣ для артельныхъ котловъ и офицерскаго экипажа, полковымъ адъютантамъ, квартирмистрамъ и казначеямъ также по одной. Въ полковые начальники были избраны подполковники, полковники и генер.-маіоры; они утверждались государемъ, батальонные—командующимъ генераломъ, сотенные и прочіе офицеры, также адъютанты, квартирмистры и казначеи — полковыми начальниками. Производство было не по старшинству, а только за храбрость или по особому представленію.

Къ составленію ополченія въ Московской губерніи приступлено было немедленно по полученіи манифеста. Въ теченіе мѣсяца собрано и выступило въ походъ 12 полковъ, изъ коихъ 1 конный казачій, 3 егерскихъ и 8 пѣшихъ казачьихъ; во всѣхъ 25,834 человѣка. Изъ арсенала отпущено въ каждый полкъ по 500 ружей и на каждаго воина по 60-ти патроновъ. Орудій при полкахъ не назначалось, ввиду избытка и даже излишества ихъ при арміи. Кромѣ этого ополченія, четыре московскіе помѣщика вызвались сформировать на собственный счетъ 4 полка: графы Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ конные, Демидовъ и князь Гагаринъ пѣшіе. Двумъ послѣднимъ отпущены казенныя ружья. Графу Дмитріеву-Мамонову, Демидову и князю Гагарину велѣно именоваться шефами своихъ полковъ. Добровольныя приношенія на ополченіе простирались до 4-хъ милліоновъ. Въ это число не входило еще одно пожертвованіе, поступившее по слѣдующему случаю: за нѣсколько дней передъ началомъ войны требовались съ губерній лошади, волы и продовольствіе, а съ Московской, которая, по отдаленности отъ расположенія армій, не могла дѣлать поставки въ натурѣ, повелѣно было собрать доброволь-

ными пожертвованіями милліонъ рублей. По объявленіи о томъ дворянскому и купеческому сословіямъ, милліонъ внесенъ въ одинъ день.

2) «Тверское дворянство изъявило полную готовность, въ случаѣ нужды, всѣмъ до единаго принять, каждому по силамъ и лѣтамъ, участіе въ защитѣ возлюбленнаго монарха и отечества и жертвовать для сего всѣмъ своимъ достояніемъ». Оно положило собрать въ ополченіе съ 500 душъ по 20-ти человѣкъ, въ томъ числѣ одного коннаго, что составило съ числившихся за помѣщиками душъ: 12,636 пѣшихъ и 665 конныхъ, снабженныхъ провіантомъ на 4 мѣсяца и лошадьми съ верховою сбруею; на содержаніе лошадей отпускалось по 25-ти рублей въ мѣсяцъ. Въ четыре недѣли ополченіе образовалось и прибыло изъ всѣхъ уѣздовъ въ Тверь, гдѣ составили изъ него 5 пѣшихъ полковъ и 1 конный. Пѣшіе не могли получить отъ помѣщиковъ другого вооруженія, кромѣ пикъ. За нѣсколько дней до формированія ополченія пришло изъ Дриссы Высочайшее повелѣніе приготовить въ Твери и Ржевѣ: муки 58,000, овса 75,500 и крупъ 5,480 четвертей, обративъ на этотъ предметъ не только покупной хлѣбъ, но даже и хранившійся въ сельскихъ магазинахъ, съ уплатою по существовавшимъ цѣнамъ или съ возвратомъ отъ казны въ натурѣ, по пріобрѣтеніи хлѣба покупкою послѣ жатвы. Дворянство приняло поставку хлѣба на себя безъ платы и возврата отъ казны и обязалось доставить весь запасъ въ Тверь и Ржевъ. При этомъ случаѣ тверской генералъ-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, доносилъ государю: «Дворянство готово, если угодно Вашему Величеству и если нужно для безопасности государства, пролить всю кровь и не пощадить всего достоянія своего». Изъ запасовъ заготовляли хлѣбъ для сухарей, которые отправляли въ армію на подводахъ, высылаемыхъ, большею частью отъ помѣщиковъ по усердію. Печеніе хлѣба и сушеніе сухарей производилось частью въ обывательскихъ домахъ, частью за городомъ, въ нарочно устроенныхъ печахъ. Когда арміи начали подходить къ Смоленску, мѣстное начальство въ Твери, считая вторженіе непріятеля въ Тверскую губернію возможнымъ и не имѣя возможности отправить провіантъ водою вслѣдствіе мелководья, а лошадьми—ввиду значительности запаса, сдѣлало распоряженіе, чтобы скирды хлѣба, находившіеся на Гжатской дорогѣ, за Тресвятскимъ, какъ болѣе значительный запасъ, обложить порохомъ и другими горючими веществами и истребить при появленіи непріятеля, ничего не оставляя ему въ добычу.

Въ Твери формировался также батальонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ великой княгини Екатерины Павловны, по особенному на то желанію ея высочества, изъявленному при началѣ войны. На запискѣ, которою она испрашивала на это монаршаго соизволенія, государь собственноручно надписалъ: «Съ живѣйшею благодарностью». Великая княгиня приказала собрать во всѣхъ своихъ удѣлахъ со ста душъ по 1-му рекруту и принимать предпочтительно желающихъ вступить во временную службу, а за ними уже тѣхъ, на кого падетъ рекрутская повинность. Платежъ государственныхъ податей принимала ея высочество на себя, во всю жизнь воиновъ, а также ихъ обмундированіе, вооруженіе, содержаніе провіантомъ и жалованьемъ въ продолженіе войны и путевое продовольствіе до Твери. Во время пріема въ селеніяхъ велѣно не требовать никакой особенной одежды и оставлять ратниковъ въ обыкновенномъ платьѣ. Сборъ воиновъ по селеніямъ предписано кончить въ двѣ недѣли и по наборѣ отправить въ Тверь. Семействамъ поступившихъ на службу зачитали воиновъ за рекрута

при будущихъ наборахъ, хотя-бы они по окончаніи войны и возвратились обратно въ свои дома.

3) Ярославское дворянство ополчило съ каждыхъ 25-ти душъ по одному человѣку и желало принять на свой счетъ продовольствіе ополченія въ теченіе года. Генералъ-губернаторъ доносилъ: «Дворянство единодушно изъявило готовность принести и жизнь, и все достояніе на пользу отечества и престола, если-бы обстоятельства того востребовали». Черезъ шесть недѣль ополченіе было готово въ составѣ 1-го коннаго казачьяго и 4-хъ казачьихъ пѣхотныхъ полковъ, всего 11,112 человѣкъ.

4) Во Владимірской губерніи составилось ополченіе въ шесть недѣль, изъ 6-ти пѣшихъ полковъ, въ числѣ 15,086-ти воиновъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, вооруженныхъ пиками и саблями. Сверхъ того, дворяне сдѣлали особенное пожертвованіе въ пособіе недостаточнымъ офицерамъ и на обмундированіе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, добровольно пожелавшихъ служить въ ополченіи.

5) Въ Рязани дворянство изъявило готовность «не щадить ни жертвъ, ни самаго живота на составленіе Высочайше повелѣнной внутренней силы», и единодушно положило поставить съ 22-хъ душъ по одному воину, всего 15,918 ратниковъ, которые раздѣлены на 1 полкъ конныхъ казаковъ, 2 егерей и 4 полка пѣшихъ казаковъ. Ихъ снабдили пиками и провіантомъ на 3 мѣсяца. Владѣльцы малаго числа душъ, не ставившіе воиновъ, вносили деньгами. Для конныхъ казаковъ помѣщики пожертвовали по одной лошади отъ каждыхъ 250 душъ, всего 1,320; на покупку сѣделъ и артельныхъ котловъ внесли по 25-ти копѣекъ съ души. При представленіи каждаго воина вносили по 5-ти рублей на покупку ранцевъ, фуражекъ, чемодановъ, ремней съ пряжками.

6) Тульское дворянство, «движимое искреннимъ усердіемъ и ревностью къ оборонѣ отечества и престола», единодушно положило собрать 12,809 ратниковъ и изъ нихъ сформировать: 2 конные казачьи полка, 1 егерскій и 4 пѣхотные казачьи, и конно-артиллерійскую роту изъ 346-ти человѣкъ, для которой орудія были высланы изъ Москвы. Ополченіе сформировано въ 36 дней. По выступленіи его изъ уѣздовъ, дворяне, для сохраненія внутренней безопасности, вооружили крестьянъ во всѣхъ селеніяхъ, кто чѣмъ могъ: пиками, саблями, ружьями, тесаками, топорами, косами. Всѣ поселяне, бывшіе въ состояніи поднять оружіе, раздѣлены на конныя и пѣшія команды, содержавшія ночные разъѣзды и караулы. Города послѣдовали этому примѣру и назначили соразмѣрное своему населенію число конныхъ и пѣшихъ гражданъ, подъ начальствомъ городничихъ, которые обязаны были дѣйствовать вмѣстѣ съ уѣздными начальниками. Въ помощь батальону внутренней стражи, вооружили часть тульскихъ мѣщанъ и снабдили ихъ пиками. За нѣсколько дней передъ войною послѣдовалъ на имя тульскаго губернатора Высочайшій рескриптъ о сборѣ съ губерніи 700,000 рублей на покупку воловъ для арміи. Дворянство тотчасъ внесло всю сумму изъ собственныхъ доходовъ. При выступленіи изъ Дриссы, государь приказалъ перевезти въ Калугу изъ сельскихъ магазиновъ Тульской губерніи 69,872 четверти крупъ, сухарей и овса, съ платою отъ казны за эту поставку. Дворянство отказалось отъ вознагражденія и немедленно выставило хлѣбъ въ назначенныя мѣста. Губернаторъ доносилъ: «Имѣя въ виду настоящее положеніе и надобность любезнаго отечества, съ

чувствами усердныхъ сыновъ приноситъ дворянство такое пожертвованіе и обязуется изъ собственныхъ своихъ прибытковъ засыпать взятый нынѣ въ магазинахъ хлѣбъ, безъ всякой уплаты».

7) Въ Калугѣ получено Высочайшее воззваніе черезъ графа Ростопчина, съ слѣдующею припискою: «Теперь всего нужнѣе дворяне и стрѣлки». Пока съѣзжалось дворянство, приглашенное въ Калугѣ, какъ и вездѣ, черезъ нарочныхъ, купечество внесло въ двое сутокъ 150,000 рублей, а гражданскій губернаторъ Каверинъ заказалъ на заводахъ тесаки, послалъ въ тульскій и шостенскій заводы покупать оружіе и порохъ, велѣлъ исправить хранившіяся отъ прежней милиціи 18,000 пикъ, до 1,500 сабель, пистолетовъ, тесаковъ, рогатинъ, выписалъ изъ Тулы кузнецовъ для дѣланія оружія, прибавилъ почтовыхъ лошадей на главныхъ дорогахъ для скорѣйшаго сообщенія, предложилъ начальнику внутренней стражи и бывшей въ Калугѣ понтонной ротѣ усилить въ губернскомъ городѣ патрули и отрядить солдатъ къ земскимъ судамъ и городничимъ для содѣйствія имъ въ успѣшномъ исполненіи предписаній начальства. По съѣздѣ дворянства въ Калугу, оно выставило 15,000 воиновъ, раздѣленныхъ на 1 конный и 5 пѣшихъ казачьихъ полковъ и 1 батальонъ егерей. Въ теченіе мѣсяца, ополченіе было сформировано, снабжено оружіемъ, провіантомъ, аммуниціею. Какъ въ Твери и Тулѣ, такъ и въ Калугѣ, повелѣно было государемъ заготовить продовольственные запасы на счетъ казны, для чего назначено 1.125,000 рублей. Дворянство приняло заготовленіе на себя безденежно и, сверхъ опредѣленнаго количества 69,772 четвертей, пожертвовало до 10,000; весь хлѣбъ былъ свезенъ не болѣе, какъ въ двѣ недѣли. Эти и доставленные въ Калугу изъ Тулы запасы принесли величайшую пользу для арміи, которая весь августъ мѣсяцъ продовольствовалась ими въ Вязьмѣ, Гжатскѣ, Можайскѣ и до самаго своего возвращенія черезъ Москву къ предѣламъ Калужской губерніи. На три уѣзда: Калужскій, Перемышльскій и Козельскій возложено было, вмѣсто слѣдуемой пропорціи муки, доставить то-же количество сухарями. Къ 30-му іюля сухари были готовы и отсылаемы прямо въ армію на крестьянскихъ подводахъ, которыхъ въ иной день собиралось въ Калугѣ до 7,000. Этими-же запасами, кромѣ арміи, продовольствовались проходившіе команды и плѣнные. Впослѣдствіи часть хлѣба роздана была несчастнымъ обывателямъ Вяземскаго, Гжатскаго, Можайскаго и Верейскаго уѣздовъ, изгнаннымъ изъ своихъ жилищъ и скитавшимся по Калужской губерніи, безъ покрова и пропитанія. Когда начали формировать ополченіе, калужскій губернаторъ издалъ воззваніе къ гражданамъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія слова, живо выражающія чувства, одушевлявшія тогда Россію:

«Дворянство понесетъ жизнь свою и жизнь своихъ дѣтей, поведетъ съ собою крестьянъ, единственное свое достояніе, оправдаетъ отличныя права свои и преимущества отличными подвигами. Груды костей пораженнаго непріятеля будутъ неизгладимыми памятниками достохвальныхъ подвиговъ ихъ, если онъ простретъ далѣе дерзость свою. Къ вамъ, почтенные граждане, отношу теперь Монаршее воззваніе, зная совершенно, что и вы не откажетесь пожертвовать капиталомъ своимъ на вооруженіе ополченія, которое идетъ на защиту вашихъ дѣтей, вашихъ домовъ, васъ самихъ. Прахъ отцовъ вашихъ возопіетъ на васъ, если укоснете вашимъ избыткомъ жертвовать въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ отечества. Слезы потомковъ вашихъ из-

ліются предъ судомъ Божіимъ на обвиненіе васъ, если отречетесь участвовать въ предлежащемъ подвигѣ».

8) Легко вообразить, съ какими затрудненіями сопряжено было образованіе ополченія въ Смоленской губерніи, застигнутой военною грозою черезъ шесть недѣль послѣ начала войны. Доставленіе въ армію запасовъ и продовольствія, препровожденіе на подводахъ раненыхъ, больныхъ и резервныхъ войскъ, отправленіе изъ Смоленска артиллерійскихъ парковъ, кадетскаго корпуса, присутственныхъ мѣстъ, частнаго имущества—требовали чрезвычайныхъ усилій со стороны крестьянъ, занятыхъ полевыми работами и неожиданно обезпокоенныхъ нашествіемъ. 10-го іюля полученъ въ Смоленскѣ манифестъ о вооруженіи, и черезъ 5 дней начали прибывать армейскія тяжести; 19-го пришелъ Дохтуровъ; вслѣдъ за нимъ явились обѣ западныя арміи. Вся губернія была въ тревогѣ, но усердіе смольянъ превозмогло всѣ препятствія. Въ неимовѣрно короткое время, въ 8 дней, свели ратниковъ въ Дорогобужъ, гдѣ формировалось ополченіе. Для вооруженія его Барклай де-Толли назначилъ изъ обѣихъ западныхъ армій ружья и карабины отъ кавалерійскихъ полковъ, съ патронами, послѣ чего въ каждомъ эскадронѣ осталось по 10-ти ружей или карабиновъ. Онъ приказалъ также раздать 665 ружей и карабиновъ способнѣйшимъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они, оставаясь вооруженными въ своихъ жилищахъ, могли защищать ихъ отъ непріятеля. 12,447 человѣкъ поступили въ ополченіе, составлявшее самую малую часть изъ приношеній смоленской губерніи на алтарь отечества. Ея пожертвованія были неимовѣрны. Пока наши войска находились въ ея предѣлахъ, она отдавала все, что имѣла, что могла, безъ счета и мѣры, безъ вѣса и квитанцій, выставляя вдвое и втрое противъ того, сколько требовалось. До выступленія арміи изъ Смоленской губерніи, ея пожертвованія простирались до 9,824,000 рублей, кромѣ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ: муки 91,271 и овса 16,322 четвертей. По выходѣ русскихъ войскъ изъ губерніи удалились и жители. Они бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія или вооружались противъ враговъ, оставляя на расхищеніе достояніе и дома, которые хотя не вездѣ были преданы огню, но рѣшительно повсюду подвергались жестокому, самому опустошительному разоренію.

Съ небольшимъ въ мѣсяцъ, всѣ губерніи 1-го округа снарядили ополченіе, и оно частью выступило и частью готово было къ походу въ назначенныя каждому мѣста, а именно: Московское къ Воскресенску, Звенигороду и Подольску, Тверское къ Клину, Ярославское къ Дмитрову, Владимірское въ Богородскъ, Рязанское къ Каширѣ, Тульское къ Серпухову, Калужское къ Можайску и Вереѣ.

Общая сила ополченія 1-го округа составляла до 121,537 челов.

Въ составъ 2-го округа вкодили губерніи С.-Петербургская и Новгородская, не уступившія подмосковнымъ.

17-го іюля собралось петербургское дворянство и было привѣтствуемо рѣчью губернскаго предводителя Жеребцова .

«Предки наши, родоначальники сего знаменитаго сословія, къ спасенію отечества стекались подъ знамена государя, каждый со своею дружиною, кто сколько возмогъ привести на ополченіе. Намъ остается послѣдовать ихъ примѣру. Наша православная вѣра, святость алтарей Божіихъ, наша честь, наше отечество, въ семействахъ нашихъ лѣтами изнемогшіе родители, нѣжныя супруги, невинные младенцы, всѣ

одними устами требуютъ пожертвованія. Поспѣшимъ! Соединимся союзомъ вѣрной братіи, союзомъ вѣрныхъ россовъ; утвердимся въ единомысліи! Единодушіе есть твердѣйшая преграда, оно есть неразрывная цѣпь союза и благоденствія! Соединимся всѣ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Вручимъ себя Богу и Царю нашему. Спасемъ отечество или, умирая, сохранимъ честь росса, вѣрноподданнаго Александру!»

Приступили къ выбору начальника. Никто не колебался, кому дать свой голосъ; не было ни бѣлыхъ шаровъ, ни черныхъ. Единогласно произнесли имя полководца, на котораго съ наступленія опасности указывала Россія. «Кутузова! Кутузова!» загремѣло повсюду. Къ нему отправилась депутація извѣстить его о выборѣ дворянства и пригласить въ собраніе. Кутузовъ пріѣхалъ, остановился посреди залы, возлѣ стола, и, давъ пройти первому впечатлѣнію, произведенному его присутствіемъ, произнесъ слѣдующія слова: «Господа! я вамъ многое хотѣлъ говорить... скажу только, что вы украсили мои сѣдины»... Слезы полились изъ глазъ его. Онъ изъявилъ готовность принять начальство надъ ополченіемъ, но съ ограниченіями, изложенными въ слѣдующемъ письмѣ его къ императору, находившемуся тогда въ Москвѣ:

«17-го числа сего мѣсяца петербургское дворянское общество призвало меня въ свое собраніе, гдѣ объявило всеобщее желаніе, дабы я принялъ начальство ополченія петербургской губерніи, отъ дворянства составляемаго. Дабы отказомъ не замедлить ревностныхъ дѣйствій дворянства, принялъ я сіе предложеніе и вступилъ въ дѣйствіе по сей части, но съ такимъ условіемъ, что, будучи въ дѣйствительной Вашего Императорскаго Величества военной службѣ, ежели я вызванъ буду къ другой коммиссіи или какимъ-либо образомъ сіе мое упражненіе Вашему Императорскому Величеству будетъ не угодно, тогда я должность эту оставить долженъ буду другому, по избранію дворянства».

Въ ожиданіи Высочайшаго соизволенія, которое вскорѣ послѣдовало, Кутузовъ принялъ временное начальство надъ ополченіемъ и приказалъ учредить два комитета: одинъ для пріема ратниковъ, другой для пожертвованій, то-есть, онъ сдѣлалъ то, что за два дня передъ тѣмъ было рѣшено въ Москвѣ. Дворянство, не выходя изъ собранія, приступило къ набору со ста душъ 4-хъ ратниковъ, но, узнавъ вскорѣ, что въ Москвѣ ставятъ десятаго человѣка, прибавило по шести къ назначеннымъ со ста душъ 4-мъ воинамъ. Помѣщики обязались снабдить ратниковъ провіантомъ на 3 мѣсяца и жалованьемъ по 2 рубля въ мѣсяцъ на человѣка, обработывать поля воиновъ, сохранять ихъ хозяйство и платить за нихъ подати. Сверхъ того, рѣшено: каждому дворянину, имѣющему въ столицѣ домъ или близъ нея дачу, единовременно внести по 2%, исключая тѣхъ дворянъ, дома которыхъ цѣною ниже 5,000 рублей, кромѣ случаевъ, когда такихъ домовъ будетъ два или болѣе и общая цѣна ихъ окажется выше это суммы. Дворянамъ, имѣющимъ капиталы, сдѣлано особенное приглашеніе участвовать въ пожертвованіяхъ. Что касается до устройства и содержанія ополченія, то дворянство совершенно отдалось въ волю и распоряженія своего знаменитаго начальника, предоставивъ ему также, въ случаѣ назначенія его на другое мѣсто, избрать себѣ преемника.

Въ слѣдующій день открыты комитеты ополченія: экономическій и устроительный, и составлено положеніе, въ сущности похожее на положеніе о московской военной силѣ, съ слѣдующими измѣненіями:

1) Ополченіе дѣлилось не на полки, но на дружины, дружины на сотни; каждая дружина, въ числѣ 821 человѣка, состояла изъ людей одного уѣзда или въ сосѣдствѣ живущихъ: люди одного селенія не были разлучаемы въ рядахъ. 2) Ополченіе было снабжено ружьями, отпущенными изъ арсенала. Сабли и тесаки пѣшему ополченію не полагались, но каждому ратнику даны топоръ и лопата. Пріемъ офицеровъ и воиновъ продолжался каждый день отъ утра до вечера, и единовременно формировались 15 дружинъ, числомъ въ 12,985 человѣкъ. Одна дружина состояла изъ мѣщанъ петербургскихъ и нарвскихъ, выставленныхъ по особому усердію купеческихъ обществъ этихъ городовъ. Знамя ополченія было бѣлое полотняное, съ восьмиконечнымъ крестомъ по серединѣ и надписью по обѣимъ сторонамъ: «Симъ побѣдиши». По угламъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ, подъ коронами, находилось вензеловое изображеніе имени государя. При средствахъ, доставляемыхъ отъ правительства петербургской военной силѣ на счетъ обученія и вооруженія, она была наилучше устроенная изъ всѣхъ ополченій. Въ каждую дружину опредѣлено для обученія по 5-ти унтеръ-офицеровъ учебнаго полка, и цѣлый батальонъ внутренней стражи размѣщенъ по всѣмъ дружинамъ. Для этой-же цѣли были назначены два полка: Воронежскій пѣхотный и 2-й морской, вслѣдствіе чего на каждаго солдата доставалось по 4 и 5 ратниковъ. Правила для ученья были слѣдующія: 1) знать свое мѣсто въ шеренгѣ и въ ряду, и людей, стоявшихъ впереди, позади, и по обѣимъ сторонамъ; 2) ни въ какомъ случаѣ не отрываться отъ этихъ людей; даже и въ разсыпномъ строѣ не терять ихъ изъ вида; 3) учить только нести ружье на плечѣ, правильно заряжать, стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ; 4) учить поворотамъ и маршировать фронтомъ, взводами, по отдѣленіямъ и нужнымъ построеніямъ; не искать въ маршѣ красоты и ограничиться тѣмъ, чтобы люди ступали въ одну ногу.

Кромѣ пѣшаго ополченія, вооружились въ Петербургѣ 2 конные казачьи полка изъ охотниковъ: одинъ назывался Смертоноснымъ, другой Александровскимъ. Лошади для нихъ поставлены отъ города; обозъ выстроенъ изъ пожертвованныхъ денегъ. Наконецъ, петербургское дворянство предполагало собрать со ста душъ по 3 человѣка, и изъ нихъ учредить временную внутреннюю земскую стражу, пѣшую и конную, для истребленія могущихъ внезапно ворваться въ губернію мародеровъ и вредныхъ возмутителей, отысканія дезертировъ, препровожденія плѣнныхъ и пересылаемыхъ черезъ губернію людей, и вообще для вспомоществованія земской полиціи. Предположеніе это не состоялось ввиду измѣненія обстоятельствъ, но государь изъявилъ дворянству за такое усердіе особенное благоволеніе. Въ одно время съ образованіемъ ополченія приносимы были добровольныя пожертвованія: кто отдавалъ собственныя деньги, кто отказывался отъ получаемыхъ изъ казны жалованья, пенсіи, столовыхъ денегъ, для обращенія ихъ на нужды государственныя. Всякъ жертвовалъ чѣмъ могъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени пожертвованія возросли до 4-хъ милліоновъ; въ томъ числѣ поступило 2 милліона отъ купечества. Желаніе вступать въ ополченіе являлось столь общимъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ офицерскіе мѣста были заняты, и, сверхъ того, добровольно поступали въ ратники купцы, мѣщане и ремесленники. Колонисты, живущіе около Петербурга, сдѣлавъ денежное пожертвованіе, изъявили готовность также вступить въ ряды войска. Одинъ купецъ, не имѣя никакого

состоянія, представилъ въ ополченіе своего сына. Въ числѣ воиновъ, присланныхъ отъ городской думы, оказалось трое родныхъ братьевъ, добровольно вызвавшихся на службу. Также представляли дворовыхъ людей въ полномъ вооруженіи. Подобные примѣры случались во множествѣ во всѣхъ губерніяхъ. Свидѣтель общаго порыва, государь, удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ: «Съ удовольствіемъ усмотрѣли мы въ с.-петербургскомъ дворянствѣ то-же самое рвеніе и усердіе къ намъ и отечеству, какое видѣли въ московскомъ дворянствѣ, почему и поручаемъ вамъ: губернатору, предводителямъ и всему здѣшнему благородному сословію объявить благоволеніе Наше и признательность».

Нельзя не упомянуть о театральныхъ зрѣлищахъ, гдѣ во всей силѣ проявлялись патріотическія чувства. Французскимъ актерамъ въ Петербургѣ было отказано, а сумма, употребляемая на ихъ содержаніе, обращена на вспоможеніе разореннымъ отъ непріятелей семействамъ. На русскомъ театрѣ были представленія, возбуждавшія народную славу. Толпами стекались рукоплескать Пожарскому и Димитрію Донскому. Появилось новое представленіе, подъ названіемъ: «Ополченіе», и балетъ: «Любовь къ отечеству». Зрители были доведены до изступленія, особенно когда 80-ти лѣтній актеръ, Дмитревскій, нѣкогда украшеніе русской трагедіи, уже 20 лѣтъ оставившій театръ, явился ввидѣ престарѣлаго инвалида, шедшаго жертвовать отечеству драгоцѣнными вознагражденіями службы, трудовъ и крови, тремя медалями, украшавшими его грудь, въ молодости геройскую, а теперь уже безсильную, но все еще пламенѣющую любовью къ Россіи. Нельзя описать восторга зрителей. Балетъ имѣлъ такое-же дѣйствіе. Одно движеніе знамени, съ надписью «За отечество», возбуждало слезы, крики, неумолкаемыя рукоплесканія. Иные, выходя изъ театра, на другой день бѣжали записываться въ ополченіе.

2) «Новгородское дворянство», доносилъ государю генералъ-губернаторъ принцъ Ольденбургскій, «всегда благоговѣющее къ августѣйшей волѣ Вашего Величества и слѣдуя движенію праведнаго негодованія противъ врага и благородной готовности не щадить ни живота, ни достоянія противъ его покушеній, по одному, такъ сказать, мановенію предположило безъ малѣйшаго отлагательства составить по губерніи десятитысячный корпусъ. Все одѣяніе на это войско, продовольствіе его провіантомъ и жалованьемъ, словомъ, полное содержаніе, пріемлетъ губернія на себя на годъ. Купечество, горя желаніемъ содѣйствовать дворянству, назначило на военныя надобности до 200,000 рублей». Годовой снарядъ одеждою, жалованьемъ и провіантомъ стоилъ дворянству до милльона рублей. Ополченіе новгородское, въ числѣ 16,435-ти человѣкъ, было сформировано въ одинъ мѣсяцъ. Петербургское состояло изъ 12,985-ти, а потому ополченія обѣихъ губерній 2-го округа заключались въ 23,420-ти человѣкахъ.

3-й округъ, подъ начальствомъ графа Толстого, состоялъ изъ 6-ти губерній: Казанской, Пензенской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской. Во всѣхъ, по полученіи манифеста 6-го іюля, дворянство немедленно съѣхалось въ губернскіе города по вызову начальниковъ губерній. Оно опредѣлило выставить ополченіе, въ однѣхъ губерніяхъ по 3, въ другихъ по 4 человѣка со ста. На содержаніе, одежду и вооруженіе ратниковъ, а въ иныхъ губерніяхъ на жалованье и обезпеченіе содержанія неимущихъ офицеровъ и такихъ, которые были-бы

изувѣчены на полѣ сраженія, назначали опредѣленные денежные взносы и открывали подписки для добровольныхъ пожертвованій по городамъ и уѣздамъ. Между тѣмъ, послѣдовалъ манифестъ 18-го іюля, повелѣвавшій начать въ низовыхъ губерніяхъ составленіе военной силы съ 1-го сентября, чтобы преждевременнымъ сборомъ ратниковъ не оторвать поселянъ отъ сельскихъ работъ. Для обученія ратниковъ графу Толстому были подчинены всѣ воинскія команды, находившіяся въ мѣстностяхъ 3-го округа, кромѣ учебнаго батальона въ Казани. 1-го сентября приступили къ образованію военной силы въ губерніяхъ Нижегородской и Костромской, а потомъ, въ теченіе того-же мѣсяца, и въ другихъ губ. Вятская губ., ввиду малочисленности въ ней дворянскихъ имѣній представлявшая незначительный участокъ ополченія, была причислена къ Казанской. Государь, усмотрѣвъ изъ этихъ распоряженій, что по 3-му округу собиралось со ста душъ только по 4 воина, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ съ нѣкоторыхъ губерній взималось по 10-ти, велѣлъ, для уравненія въ повинности 3-го округа съ прочими, наборъ людей произвести равный съ ними, взявъ до 10-ти человѣкъ со ста душъ. Потомъ этотъ наборъ былъ отмѣненъ, а предписано въ дополненіе къ собраннымъ прежде 4 воинамъ взять со ста душъ по 2, исключая мелкопомѣстные участки, на долю которыхъ причиталось поставить натурою воина, не болѣе какъ съ 9-ти душъ. Дополнительный наборъ, подчиненный особому начальнику, генералъ-маіору Вулыгину, назвали резервнымъ. Къ нему присоединили оставшихся отъ перваго ополченія больныхъ, слабыхъ, по неспособности слѣдовавшихъ къ перемѣнѣ, и 3 легкія артиллерійскія роты, особенно сформированныя для этой цѣли.

Ополченіе 3-го округа состояло изъ 63,705 человѣкъ. Всего ополченія было 208,662 человѣка.

Губерніи, составлявшія округи ополченія, принесли большія денежныя и вещественныя пожертвованія, кромѣ поставки ратниковъ и снабженія ихъ всѣмъ нужнымъ. Онѣ доставляли въ дѣйствующія арміи хлѣбъ, обозы, лошадей, воловъ, тулупы, сапоги, устроивали лазареты для раненыхъ и больныхъ. Сверхъ того, губерніи 2-го и 3-го округовъ обмундировали и содержали 24 полка, формировавшіеся подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго. Всѣ пожертвованія были приносимы въ даръ отечеству по единодушнымъ приговорамъ дворянскихъ и гражданскихъ обществъ, при чемъ обыкновенно постановлялось не требовать отъ казны вознагражденій. Въ числѣ пожертвованій замѣчательно необыкновенно большое количество ружей, сабель, пистолетовъ, шпагъ, палашей, даже пушекъ. Въ частныхъ домахъ не осталось никакого оружія. Невозможно исчислить въ подробности и съ нѣкоторою опредѣлительностью, на какія суммы простирались пожертвованія въ каждой губерніи, потому что они были весьма многоразличны и разнообразны, судя по мѣстному положенію края. По оцѣнкѣ, основанной на свѣдѣніяхъ, какія можно было собрать, оказывается, что пожертвованія губерній, гдѣ было ополченіе, простирались въ каждой отъ 4-хъ до 6-ти милліоновъ, а въ иныхъ, смежныхъ съ театромъ войны, и болѣе. Слово царское вызвало на защиту родины слишкомъ 200,000 мирныхъ поселянъ, призвало 50-ти милліоновъ жителей къ денежнымъ пожертвованіямъ и исполнило ихъ усердіемъ — ничего не щадить для отечества. Напримѣръ, въ опредѣленіи симбирскаго дворянства сказано было: «Внимая гласу монаршаго воззванія, по случаю нашествія на

отечество наше непріятелей, дворянство единогласно изъявило желаніе, оставя женъ и дѣтей своихъ, препоясаться всѣмъ до единаго и идти защищать вѣру, царя и домы, не щадя живота своего».

Сперва не надѣялись имѣть достаточно офицеровъ для ополченія, тѣмъ болѣе, что при началѣ войны большое число отставныхъ генераловъ и офицеровъ пожелали опять вступить въ армейскіе полки. Однихъ генераловъ принято въ 1812-мъ году изъ отставки 37. Недостатокъ въ офицерахъ оказался только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 3-го округа, гдѣ формировалось ополченіе позже, когда уже большая часть отставныхъ и дворянъ вступили въ армію и во временное земское войско губерній 1-го округа. Несмотря на лѣта и семейныя обстоятельства, всѣ спѣшили подъ знамена. Ни одинъ дворянинъ, способный владѣть оружіемъ, не уклонился отъ принятія участія въ священномъ дѣлѣ. Молодымъ людямъ нельзя было показаться во фракахъ ни въ обществахъ, ни на гуляньяхъ, не слыша упрековъ, зачѣмъ они не въ военномъ мундирѣ. Люди, никогда не помышлявшіе видѣть ратное поле, получившіе съ дѣтства не имѣющее никакого отношенія къ военной службѣ назначеніе, изъ духовныхъ семинарій, гражданскихъ училищъ, академіи художествъ, горнаго корпуса, александровской мануфактуры, министерствъ, присутственныхъ мѣстъ, просили, какъ милости, позволенія ополчиться. Въ Калугѣ 22 воспитанника благороднаго пансіона, учрежденнаго при губернской гимназіи, и нѣсколько учителей вступили въ ополченіе. Въ казанскомъ университетѣ начали учить студентовъ фронтовой службѣ, для приготовленія ихъ по первому вызову идти противъ непріятеля. Были примѣры, что молодые люди отроческихъ лѣтъ убѣгали изъ родительскихъ домовъ и записывались въ полки.

Манифестъ о всеобщемъ вооруженіи былъ читанъ по церквамъ, провозглашаемъ въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ и обращалъ всѣ умы и сердца къ одному предмету. Каждый, забывъ о собственныхъ дѣлахъ, помышлялъ только о средствахъ отвратить опасность, угрожавшую отечеству. Граждане и служащіе, поселяне и ремесленники охотно принимались за поспѣшное исполненіе назначаемыхъ имъ отъ правительства порученій. На площадяхъ и улицахъ народъ громогласно изъявлялъ свое усердіе, восклицая: «Пусть ведутъ насъ всѣхъ противъ общаго врага; да повелитъ милосердный государь всѣхъ насъ вооружить!» Рѣдкій изъ губернаторовъ, въ донесеніяхъ къ начальству, не вмѣнялъ себѣ въ особенную честь, что управленіе губерніею доставляло ему случай быть свидѣтелемъ событій, гдѣ при каждомъ предложеніи о нуждахъ государственныхъ являлось стремленіе предупреждать волю правительства. Въ начальники губернскихъ ополченій и полковъ были избраны большею частью лица, принадлежавшія къ стариннымъ дворянскимъ родамъ, искони служившимъ подпорою имперіи. Внуки являлись достойными дѣдовъ и, въ свою очередь, будутъ примѣромъ для потомковъ. При чтеніи нарочно сочиненной молитвы о дарованіи побѣды, и священники, и міряне заливались слезами. Благочестіе издревле составляетъ отличительное свойство русскаго народа, и потому излишне упоминать, что во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, приступая къ распоряженіямъ для вооруженія земской силы, испрашивали благословенія Божія и отправляли въ храмахъ моленія. Провидѣніе осѣнило Своимъ покровомъ благое начинаніе.

III.

Вооруженія въ губерніяхъ, не вошедшихъ въ составъ ополченія.

Манифестъ 18-го іюля ограничивалъ ополченіе только 17-ю губерніями, но это воззваніе государя уже застало Россію посреди повсемѣстнаго вооруженія, потому что предшествовавшимъ ему 12-ю днями манифестомъ 6-го іюля все государство призывалось къ оборонѣ. Хотя такимъ образомъ общее вооруженіе и было отмѣнено, однако-же, нельзя обійти молчаніемъ готовность всей Россіи устремиться къ оружію. Для изображенія подъема ея по призыву монарха, надобно обозрѣть всѣ губерніи порознь и изложить, какое впечатлѣніе произвелъ въ каждой изъ нихъ манифестъ 6-го іюля. Начнемъ съ юга.

Въ Таврической губерніи дворянство единогласно положило: 1) дворянъ, способныхъ носить оружіе, со всѣми записанными за ними людьми, считать государственными ратниками, и всѣмъ по первому призыву идти для обороны отечества, вооруженнымъ на собственный счетъ, а неимущимъ—на счетъ общихъ пожертвованій отъ губерніи. Людей, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, вразумлять о долгѣ вѣрноподданныхъ и склонять къ защитѣ отечества; 2) поголовное вооруженіе не должно затруднять своею многочисленностью распорядка и выступленія ополченія, куда потребуется; поэтому, для ускоренія, собрать ратниковъ изъ ближайшихъ къ Россіи уѣздовъ, Днѣпровскаго и Мелитопольскаго, по 3 человѣка съ 100 душъ; имѣвшіе менѣе 33-хъ душъ обязаны вносить соразмѣрную сумму денегъ. Собственно въ Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ имущества владѣльцевъ состоятъ изъ садовъ, виноградниковъ, лѣсовъ и ненаселенныхъ земель, опредѣлено пожертвованіе деньгами; 3) никому не давать права отказаться отъ избранія; 4) дворянинъ, поставивъ ратниковъ, обязанъ одѣть ихъ прилично, вооружить ихъ, дать каждому по рублю жалованья въ мѣсяцъ, содержать провіантомъ и на каждаго имѣть въ готовности провіанта на 3 мѣсяца; 5) кромѣ этого первоначальнаго ополченія, дворянство обязалось и впредь ставить ратниковъ, сколько-бы ихъ ни потребовалось; 6) каждый дворянинъ долженъ былъ пожертвовать деньгами не менѣе 10-й части своего годоваго дохода; 7) татары и другихъ племенъ жители изъявили желаніе комплектовать 4 конные полка, бывшіе въ арміяхъ, и дали подписку служить его величеству падишаху не только иждивеніемъ, но и жизнью. Въ подпискѣ сказано: «Не останутся свободными отъ сей обязанности и сыны наши, кои могутъ держаться на лошади; всѣ должны идти на войну противъ француза»; 8) казенные крестьяне обязались выставить по 3 ратника со 100 душъ, вооружить ихъ, снабдить провіантомъ на 9 мѣсяцевъ и для половины изъ нихъ дать лошадей. Такъ Таврическая губернія хотѣла двинуть всѣ свои силы по первому повелѣнію, но, когда 18-го іюля была изъята изъ ополченія, ограничилась денежнымъ пожертвованіемъ и собрала по подпискѣ, и деньгами, хлѣбомъ и разными вещами 650,000 рублей.

Въ Херсонской губерніи предполагалось собрать въ ополченіе по 1-му человѣку съ 50 душъ, одѣть на подобіе казаковъ, вооружить, кто какъ могъ, и поставить людей въ двѣ недѣли. Во всѣхъ уѣздахъ открыли добровольно подписки, вносили деньги и разныя потреб-

ныя для войскъ вещи. Въ Одессѣ, тогда еще немноголюдной, собрали въ нѣсколько дней до 300.000 руб. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, многіе изъ жителей просили позволенія служить въ арміи охотниками, въ томъ числѣ 50 грековъ. Нѣсколько хозяевъ купеческихъ кораблей домогались патентовъ на крейсерство, съ цѣлью вредить французской торговлѣ. Бугская войсковая канцелярія донесла, что войско, несмотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило казачью дружину въ 500 человѣкъ и просило только оружія, такъ какъ имѣло въ немъ недостатокъ, присовокупляя, что войско готовитъ еще 500 человѣкъ для замѣны убыли въ рядахъ своихъ собратій. Сынъ перваго атамана бугскихъ казаковъ, помѣщикъ Скаржинскій, составилъ изъ своихъ крестьянъ и вольныхъ людей конный эскадронъ въ 180 человѣкъ, вооруженный и содержимый на его счетъ, присоединился съ нимъ къ 3-й арміи и находился съ нею въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Дворянство Екатеринославской губерніи положило собрать съ 25-ти душъ по 1-му человѣку, съ приличною одеждою, вооруженіемъ и провіантомъ на 3 мѣсяца, имѣя его въ готовности еще на столько-же, для поставки по первому востребованію. Въ ополченіи полагалось также 500 человѣкъ конныхъ, которыхъ должно было ставить съ лошадьми и сбруею. «Мѣра этого ополченія», сказано въ постановленіи 25-го іюля, «опредѣляется теперь на первый только случай; впрочемъ, при надобности, такое-же число ратныхъ людей готово на службу. Дворянство, будучи всегда преисполнено усердіемъ и ревностью къ исполненію Монаршей воли, поставляетъ себѣ за непремѣнный долгъ, предпочитая общее благо и спокойствіе имперіи выгодамъ частнымъ, жертвовать людьми къ службѣ способными, всѣмъ достояніемъ и самимъ собою на пораженіе врага». Земское войско, въ числѣ 10,000 человѣкъ, уже набиралось, когда манифестъ 18-го іюля остановилъ распоряженія по ополченію. Тогда сдѣланъ былъ новый приговоръ слѣдующаго содержанія: «Екатеринославское дворянство раздѣляетъ чувство вѣрныхъ сыновъ Россіи въ желаніи ознаменовать себя наравнѣ съ другими губерніями въ пользѣ и услугѣ своей. Разсуждая о способахъ, какіе оно имѣетъ, чтобы показать свое усердіе на пользу общую, полагаетъ, сверхъ тѣхъ приношеній, какія уже частно по возможности каждаго сдѣланы, представить еще на издержки по военнымъ дѣйствіямъ въ распоряженіе верховной власти 25,000 рублей, каковую сумму внести отъ дворянства изъ собственнаго его иждивенія». Русское и греческое городскія общества въ Таганрогѣ, поселяне греческихъ хуторовъ, армяне въ Нахичеванѣ и греки въ Маріуполѣ назначали собрать болѣе 270 ратниковъ и составили капиталъ въ 109.000 рублей.

Дворянство Полтавской губерніи опредѣлило вооружить въ двѣ недѣли 25-го человѣка изъ своихъ крестьянъ, пѣшихъ и конныхъ по равному числу, снабдить ихъ одеждою, оружіемъ, жалованьемъ и провіантомъ на годъ. Изъ собранныхъ 16,116-ти человѣкъ, вооруженныхъ саблями, пиками и частью огнестрѣльнымъ оружіемъ, сформировали 7 пѣшихъ полковъ и 4 конныхъ, шестисотенную команду для нестроевой службы и батальонъ для прислуги по госпиталямъ. Независимо отъ земскаго ополченія, сформировано отдѣльно изъ казаковъ Полтавской губ. 9 конныхъ полковъ, каждый въ 1,200 человѣкъ, которые присоединились къ арміямъ. Пожертвованія Полтавской губерніи про-

стирались до 3-хъ милліоновъ рублей. Губернскій предводитель Трощинскій, нѣкогда занимавшій важныя государственныя мѣста, заключилъ свое донесеніе объ ополченіи слѣдующими словами: «За верхъ счастія почитаю, что въ преклонности лѣтъ моихъ, когда не имѣю силъ поднять руки къ защитѣ царя и отечества, я могъ руководствовать къ ополченію за нихъ воиновъ изъ предводимаго мною сословія, пламенѣющихъ рвеніемъ предпоставить стѣною грудь кичащемуся врагу, сразить его или изъ труповъ своихъ воздвигнуть преткновенный для него оплотъ». Евреи оказывали также примѣрное усердіе. Одинъ раввинъ написалъ изъ Полтавы посланіе къ своимъ единовѣрцамъ въ Бѣлоруссію. Представляя, что ни въ какой другой землѣ евреи не пользуются такою вѣротерпимостію и такими выгодами, какъ въ Россіи, онъ увѣщевалъ ихъ пребыть вѣрными россійскому монарху, оказывать услуги нашимъ военнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ тайно и поспѣшно другъ черезъ друга о войскахъ непріятельскихъ, числѣ ихъ, расположеніи, намѣреніяхъ и обо всемъ, могущемъ послужить ко вреду враговъ. Раввинъ предписывалъ наложить посты и усердно молиться объ успѣхѣ русскаго оружія, что и было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ бѣлорусскихъ и даже литовскихъ губерній. Евреи молились за русскихъ, постились и получали побои отъ французовъ. «Богъ Всемогущій», такъ заключилъ раввинъ свое посланіе, «да поможетъ вамъ содѣйствовать къ защитѣ отечества: 10 заповѣдей Господнихъ вамъ то повелѣваютъ, а я усердно отъ васъ того желаю и требую».

Въ Черниговской губерніи дворянство положило отдать въ ополченіе по 6-ти человѣкъ со ста душъ. Ополченіе раздѣлено было по уѣздамъ, гдѣ каждое имѣло своего уѣзднаго начальника. Хотя губернія была изъята отъ вооруженія, но ополченія не распускали, оставляя для охраненія ея отъ вторженія непріятельскихъ шаекъ со стороны губерній Могилевской и Смоленской, гдѣ происходили военныя дѣйствія. Съ тою-же цѣлью, кромѣ ополченія, поставлено нѣсколько казачьихъ полковъ и учреждена на границахъ карантинная цѣпь изъ казаковъ, подъ начальствомъ дворянъ, особо для того избранныхъ, и всѣ пограничные обыватели вооружены для охраненія и защиты отъ непріятеля. Когда приступили къ вооруженіямъ въ Черниговской губерніи, губернскій предводитель писалъ къ уѣзднымъ маршаламъ: «Прошу покорнѣйше провозгласить въ вашемъ повѣтѣ дворянству, да обнаружитъ всякъ, имѣющій силу и возможность, духъ свой, кипящій неустрашимостію при всякомъ случаѣ жертвовать жизнію для блага отечества. Сверхъ того, клятва предъ Богомъ, важность коей всѣмъ намъ извѣстна, наши чувства, поселенныя въ насъ любовію къ монарху и отечеству, внушаютъ смѣлость не щадить въ подобныхъ случаяхъ жизни своей до послѣдней капли крови. Съ сею твердою рѣшимостію: жить или умереть за отечество, да соберется въ каждомъ повѣтовомъ городѣ благородное дворянство и да покажетъ въ новѣйшія времена примѣръ, что имя спасителей отечества справедливо оно на себѣ носитъ. Если-же твердость и единодушіе положены будутъ въ основаніе сему ополченію, то можетъ-ли кто встрѣчать препятствія въ содержаніи своемъ во время прехожденія того поста, къ коему патріотизмъ каждаго предназначаетъ? Гдѣ жизнь обречена на опасность, тамъ могутъ-ли вещи, прилѣпляющія къ ней,

пощажены быть на удовлетвореніе надобностей, необходимыхъ при ополченіи на защиту ея?»

Кіевское дворянство опредѣлило выставить въ ополченіе съ 500 душъ по 3 воина. Чигиринскій и Черкасскій уѣзды, гдѣ помѣщики большею частію русскіе, согласились поставить въ ополченіе не по 3, а по 5 ратниковъ, снабдивъ ихъ полною аммуниціею и провіантомъ. Магистратъ, имѣя у себя до 1,000 человѣкъ конныхъ реестровыхъ изъ купечества и мѣщанъ, употребилъ ихъ, по выступленіи изъ Кіева гарнизона, на содержаніе карауловъ, конвои и командировки. Изъ казенныхъ лѣсныхъ надзирателей составлена была конная команда. Вещественныя пожертвованія отъ разныхъ сословій, изъ которыхъ, однако-же, многія требовались ввидѣ повинностей, простирались до 4-хъ милліоновъ рублей.

Дворяне Харьковской губерніи рѣшили составить ополченіе съ 50-ти душъ по 1-му человѣку. Казенные крестьяне и прочія сословія, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, просили допустить ихъ къ участію и желали поставить ратниковъ наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами. Въ ополченіе назначалось 13,211 человѣкъ. Сверхъ того, опредѣлено было внести единовременно на издержки по рублю съ души и заготовить провіантъ и фуражъ для первоначальнаго продовольствія людей и лошадей.

Дворянство Кавказской губерніи хотѣло собрать 487 ратниковъ, по 1-му съ 10-ти владѣльческихъ душъ; на вооруженіе, продовольствіе ихъ и покупку лошадей, съ каждой ревизской души по 3 рубля. Съ дворянъ и владѣльцевъ, имѣвшихъ, кромѣ крестьянъ, особыя имѣнія или заведенія, назначенъ 10-ти процентный сборъ съ доходовъ.

Несмотря на обширность Оренбургской губерніи, все дворянство необыкновенно скоро собралось въ Уфу и единодушно изъявило желаніе «жертвовать всѣмъ достояніемъ и собою, если-бы потребовалось». Съ хребтовъ Урала двинулось въ походъ 23 пятисотенныхъ полка и одинъ тысячный оренбургскій атаманскій. Въ полки поступило дворянъ, татарскихъ князей и мурзъ до 400; одинъ мурза явился на службу со всѣмъ своимъ родомъ, самъ 21. Желающихъ идти на защиту отечества было такъ много, что уголовная и казенныя палаты затруднялись въ увольненіи своихъ чиновниковъ, непремѣнно хотѣвшихъ служить въ арміи.

Войсковая донская канцелярія опредѣлила на Дону всеобщее ополченіе, не исключая ни одного человѣка, способнаго носить оружіе. Служилые, отставные, всякаго рода льготные, маловажными должностями занятые офицеры, урядники и писаря, казаки и подростки до 19-ти лѣтняго возраста—всѣ должны были идти на войну; исключались только дряхлые старики и совершенные калѣки. Всѣмъ приказано запасаться оружіемъ, нужными для похода вещами и быть готовыми по первому повелѣнію выступить въ 24 часа. То-же предписано причисленнымъ къ войску калмыкамъ и татарамъ. Для лучшаго успѣха въ снаряженіи ратныхъ людей и необходимыхъ распоряженій, въ каждомъ сыскномъ начальствѣ были особые окружные начальники. Въ Новомъ и Старомъ Черкаскѣ и Аксаѣ описано все оружіе по настоящимъ цѣнамъ и приказано полиціи наблюдать, чтобы не возвышалась на него продажная цѣна. Ополченіе составило 26 полковъ съ 6-ю орудіями конной артиллеріи, всего 15,000 человѣкъ и 416 офице-

ровъ. Денежныя приношенія стекались со всего Дона; между прочимъ, 234 торговыхъ казака изъ Новочеркаска, Старочеркасской и Усть-Аксайской станицъ пожертвовали 93,000 рублей на снаряженіе неимущихъ казаковъ, назначеныхъ къ походу, а дворянство—1,500 лошадей. Когда берега Дона оглашались воинственными кликами собиравшихся на службу воиновъ, и въ мастерскихъ раздавался звукъ выдѣлываемаго оружія, донское дворянство, изготовившееся все безъ изъятія на защиту отечества, поставило 3,074 ратника изъ состоявшихъ въ его владѣніи 76,868-ми душъ, снабдило ихъ одеждою, оружіемъ и провіантомъ на полгода, съ выдачею единовременно по 3 рубля на человѣка. Ввиду манифеста 18-го іюля запасное войско осталось въ домахъ и выступило въ походъ, какъ послѣ увидимъ, уже въ сентябрѣ.

Въ Астрахани манифестъ 6-го іюля былъ переведенъ на разные азіатскіе языки, и мгновенно начались денежныя пожертвованія, причемъ пожертвовали: православное духовенство до 15,000 руб., дворянство и чиновники до 300,000 руб., русскіе купцы и мѣщане около 80,000 руб., армянское общество болѣе 100.000 руб., татарское общество болѣе 23,000 руб., индійцы, персіяне и хивинцы 45,000 руб. Кромѣ того, добровольно ставили лошадей, сукно, 5,000 копьевъ а помѣщики, за которыми считалось всего 957 душъ, 30 рекрутовъ. Получено было повелѣніе собрать 2 калмыцкихъ полка; черезъ 20 дней они были готовы и выступили въ походъ.

Саратовское дворянство рѣшило собрать со 100 душъ по два ратника и на расходы по рублю съ души. 271 иностранныхъ колонистовъ изъявили желаніе вступить въ службу и по Высочайшему повелѣнію приглашены къ опредѣленію въ россійско-германскій легіонъ. Въ Воронежѣ и Орлѣ, по полученіи манифеста 6-го іюля, дворянство, для единообразія въ распоряженіяхъ, отправило депутатовъ въ Москву узнать, какія мѣры принимались тамъ для составленія земскаго войска. Между тѣмъ, въ Воронежѣ, дворяне и купцы единодушно изъявили готовность «не щадить ни живота, ни достоянія». Въ Орловской губерніи, за отмѣною общаго вооруженія, формировали въ уѣздахъ Брянскомъ и Трубчевскомъ, на иждивеніи дворянства ополченіе; въ Брянскѣ назначили въ него со 100 душъ по 2, въ Трубчевскѣ со 100 душъ по 4 человѣка, съ содержаніемъ и возможнымъ вооруженіемъ. Въ Тамбовской губерніи дворянство хотѣло выставить на первый случай по 2 человѣка со 100 душъ, вооружить ихъ, одѣть и снабдить провіантомъ на 4 мѣсяца. Въ опредѣленіи объ ополченіи сказано: «Если потребуется на защиту отечества болѣе назначеннаго числа ратниковъ, то во всякое время тотчасъ обязаны не только воинами, но и всѣмъ достояніемъ, даже и самою жизнью охотно жертвовать на пользу любезнѣйшаго отечества». Въ Курскѣ дворянство рѣшило ополчить пѣшихъ 14,074 и конныхъ 899 человѣкъ. 781 человѣкъ дворянъ добровольно изъявили желаніе вступить въ земское войско. Пожертвованія Курской губ. деньгами, хлѣбомъ, лошадьми, волами, простирались болѣе, чѣмъ на 2 милліона.

Вологодское дворянство единодушно опредѣлило поставить со 100 душъ по 6-ти человѣкъ, принять на себя 6-тимѣсячное продовольствіе и собрать на непредвидѣнные расходы по 50-ти копѣекъ съ души. Для обмундированія неимущихъ офицеровъ внесено добровольно, по подпискѣ, болѣе 9,000 рублей. Сверхъ того, по Высочайшему

повелѣнію набрано изъ обитающихъ въ Вологодской губерніи племенъ, занимающихся звѣриною ловлею, 600 человѣкъ, съ тѣми самыми ружьями, какія они употребляютъ на своихъ промыслахъ. Этихъ звѣроловов отправили въ августѣ мѣсяцѣ на подводахъ въ Петербургъ, для присоединенія къ тамошнему ополченію. Дворянство Олонецкой губерніи намѣревалось собрать съ 50 душъ по 1-му ратнику, обмундировать на свой счетъ, снабдить оружіемъ, какое возможно было достать, жалованьемъ на годъ и провіантомъ на 6 мѣсяцевъ. По отмѣнѣ ополченія велѣно было набрать 570 стрѣлковъ и отправить ихъ въ Петербургъ. Въ Архангельской губерніи 389 крестьянъ, нѣсколько чиновниковъ и священническихъ дѣтей изъявили желаніе идти на службу и были уже готовы къ отправленію, но послѣ манифеста 18-го іюля остались при прежнихъ занятіяхъ. Взамѣнъ того, жители Архангельской губерніи пожертвовали болѣе 100,000 рублей. Псковское дворянство рѣшило поставить въ ополченіе по 2 человѣка со 100 душъ, снабдить одеждою, трехмѣсячнымъ провіантомъ и дать по 10 рублей на ратника. Ополченіе было отмѣнено, но съ іюля мѣсяца корпусъ графа Витгенштейна оставался на продовольствіи Псковской губ., расходы которой въ Отечественную войну, какъ впослѣдствіи подробно будетъ изложено, составляли около 13-ти милліоновъ рублей. Въ уѣздахъ пограничныхъ съ театромъ войны собрали изъ помѣщичьихъ крестьянъ охранительную стражу.

Лифляндская губернія, изъятая изъ общаго вооруженія, добровольно собрала ополченіе изъ 2,260-ти и конный казачій полкъ изъ 2,000 человѣкъ, съ цѣлью помогать регулярнымъ войскамъ въ огражденіи границъ отъ нападенія непріятельскихъ отрядовъ и мародеровъ. Въ Дерптскомъ и Перновскомъ уѣздахъ, изобиловавшихъ лѣсами, собрали 200 стрѣлковъ и столько-же на островѣ Эзелѣ. Кромѣ того, формировались вольные отряды поручиковъ Шмита и Нирота. Всѣ студенты дерптскаго университета, обучавшіеся военнымъ наукамъ, поступили въ службу, вмѣстѣ со своими профессорами. Обучавшіеся медицинѣ заняли мѣста въ военныхъ госпиталяхъ. Студенты содержали на свой счетъ товарищей своихъ—курляндцевъ, лишенныхъ всякаго пособія, по случаю непріятельскаго нашествія. Въ теченіе войны, лифляндское дворянство какъ добровольными приношеніями, такъ и по требованіямъ начальства, пожертвовало 3,095,000 руб. Главные предметы пожертвованій были: продовольствіе войскъ мясною и винною порціями, формированіе ополченія и казачьяго полка, наемъ и прокормленіе рабочихъ при рижскихъ и дюнаминдскихъ укрѣпленіяхъ, тулупы для корпуса графа Витгенштейна, лошади подъ артиллерію, рогатый скотъ въ числѣ 7,000 головъ и усиленіе почтовыхъ станцій курьерскими лошадьми.

Эстляндская губернія, освобожденная отъ ополченія, испрашивала позволенія вооружиться; но дворянство, полагая, что латыши примутъ ополченіе за своевольное принужденіе со стороны помѣщиковъ, ходатайствовало о произведеніи рекрутскаго набора. Въ теченіе 1812 года поставлено имъ съ каждыхъ 500 душъ по 17-ти рекрутовъ. Хотя въ дѣйствующихъ арміяхъ было тогда 324 офицера изъ эстляндскаго дворянскаго сословія, однако-же, немногіе остававшіеся затѣмъ въ губерніи дворяне также были приглашены вступить въ службу, и дворянство опредѣлило дать имъ средства послѣдовать голосу долга и чести. Оно приняло на себя содержаніе 20-ти офицеровъ, назначивъ

каждому на все время войны по 1,000 рублей и столько-же на обмундировку. Для содержанія порядка и безопасности была учреждена гражданская стража, которая замѣнила войско въ содержаніи карауловъ. По примѣру Петербурга, составилось въ Ревелѣ женское патріотическое общество.

Финляндія тогда не болѣе 3-хъ лѣтъ была присоединена къ Россіи; однако-же, самые юные сочлены великаго русскаго семейства, узнавъ объ опасности отечества, изъявили готовность на составленіе финскаго войска. Генералъ-губернаторъ доносилъ, что, объѣзжая ввѣренный ему край, онъ всюду находилъ чувства преданности къ государю и усердіе къ общему благу. Гельсингфорскіе и другихъ городовъ купцы, гдѣ наняты были суда для перевозки изъ Финляндіи войскъ, дѣлали большія уступки съ условленной цѣны, а иные вовсе отъ нея отказались, прося обратить слѣдовавшія имъ деньги на формированіе временной военной силы въ Финляндіи. Общій голосъ требовалъ открытія подписки на добровольныя приношенія, къ которой приступили съ Высочайшаго соизволенія, намѣреваясь употребить ее на содержаніе корпуса охотниковъ. Въ ожиданіи долженствовавшихъ поступить приношеній, государь велѣлъ выдать впередъ, изъ милиціонныхъ доходовъ, потребное количество денегъ на составленіе финскаго войска и въ случаѣ недостатка пожертвованій обратить недостающую сумму на счетъ означенныхъ доходовъ. Войско должно было состоять изъ 3-хъ егерскихъ полковъ, въ каждомъ по 2 батальона въ 600 человѣкъ. Оно назначалось въ дѣло только при случаѣ нападенія непріятелей на Финляндію и губерніи, лежащія у береговъ Балтійскаго моря. Государь велѣлъ также выдать денежныя пособія тѣмъ молодымъ дворянамъ, которые, при всемъ своемъ желаніи, не могли вступить въ службу по бѣдности. Многіе опредѣлились въ полки, расположенные въ Финляндіи. Добровольныхъ приношеній поступило до 200,000 руб., кромѣ значительнаго количества хлѣба, кожъ, корпіи, которую вообще изъ всѣхъ губерній во множествѣ доставляли въ армію. Финляндское правительство издало воззваніе къ участію въ пожертвованіяхъ и сформированіи войска; сочинена была особенная молитва для чтенія въ церквахъ во все продолженіе войны.

Заключимъ описаніе Сибирскимъ краемъ. Губернаторы повсюду разсылали манифестъ 6-го іюля и присовокупляли внушенія о ревностномъ исполненіи его. Дворянство Пермской губ. большею частью имѣло пребываніе въ столицѣ и другихъ городахъ, а потому губернаторъ, созвавъ главныхъ чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ, опредѣлилъ съ ними на первый случай составить ополченіе изъ 4,000 человѣкъ, но, по отмѣнѣ ополченія, приступлено было къ пожертвованіямъ, которыхъ внесено болѣе чѣмъ на 211,000 рублей. Въ Томской губерніи пожертвованія простирались до 120,500 рублей. Въ Иркутской губерніи учредили коммиссіи въ городахъ для пріема пожертвованій и желавшихъ вступить въ ополченіе, разослали приглашеніе жителямъ Охотской и Камчатской областей «по гласу отечества доказать свое усердіе, если не поставкою людей по отдаленности, то посильными пожертвованіями». Иркутскій епископъ хотя и не имѣлъ еще оффиціальнаго извѣщенія отъ синода, но, узнавъ объ опасности отечества, издалъ пастырское увѣщаніе, предписалъ трехдневное молебствіе и пощеніе и первый внесъ денежное пожертвованіе. Итогъ приношеній Иркутской губерніи составилъ 170,000 рублей. Ввиду ненахожденія

въ ней дворянства, не могло быть поставки воиновъ людьми, но нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ пожелали вступить въ московское ополченіе и вслѣдствіе своей бѣдности были обмундированы и отправлены на счетъ добровольныхъ пособій. Патріотизмъ проявился и въ тѣхъ, которые своими преступленіями расторгли гражданскія узы, соединявшія ихъ съ отечествомъ. Нѣсколько ссылочныхъ сдѣлали денежные взносы. Даже кочевые народы были готовы двинуться противъ непріятеля. Тунгусы, услышавъ уже спустя два года о нашествіи французовъ, хотѣли на своихъ оленяхъ спѣшить на помощь Бѣлому царю, котораго они называютъ «Высокое Солнце».

Не осталось города и селенія, гдѣ не разгоралась-бы любовь къ отечеству. Ждали только повелѣнія идти поголовно. Всѣ племена неизмѣримой Россійской имперіи слились въ одну душу и, не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, климата, нарѣчія, вѣры, доказали, что всѣ они, по чувствамъ, родные между собою. Не исчислены здѣсь тысячи подвиговъ частныхъ лицъ; какъ старцы надѣвали оружіе для войны, отцы и матери благословляли сыновей на одолѣніе враговъ; какъ всѣ и каждый несли въ даръ отечеству, что могли, не считая своего усердія какимъ-либо особеннымъ отличіемъ или заслугою. Мысли всѣхъ соединялись въ общемъ порывѣ—отстоять цѣлость государства. Но главнымъ двигателемъ было дворянство. По даннымъ ему правамъ управлять дѣйствіями большей части народа, по уваженію, пріобрѣтенному вѣковыми примѣрами вѣрности къ престолу, соревнованія къ пользамъ отечества въ войнѣ и мирѣ, дворянство явилось въ 1812-мъ году такимъ, какимъ было оно во всѣ вѣка существованія Россіи—ея неодолимою подпорою, или, какъ сказано въ одномъ изъ манифестовъ императора Александра, «умомъ и душою народа».

ГЛАВА V.

Борьба съ Наполеономъ.

I.

Движенія близъ Смоленска.

Въ такомъ положеніи находилась Россія въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ первую половину войны, которую необходимо называть Отечественною, потому что все отечество приняло въ ней участіе. Необходимо было изобразить, именно здѣсь, нравственное состояніе имперіи, такъ какъ мы приступаемъ къ описанію событій того времени, когда Наполеонъ вторгался уже въ самыя нѣдра Россійскаго государства.

Въ исходѣ іюля и первыхъ числахъ августа, враждующія войска находились въ слѣдующемъ расположеніи: 1) Наполеонъ, съ 16-го іюля, въ теченіе двухъ недѣль, стоялъ съ главными силами въ Витебскѣ; 2) Барклай де-Толли и князь Багратіонъ были подъ Смоленскомъ, гдѣ они соединились 22-го іюля; 3) графъ Витгенштейнъ—на правомъ берегу Двины, въ виду Полоцка, занятаго корпусами Сенъ-Сира и Удино; 4) Эссенъ въ Ригѣ; корпусъ Макдональда на пространствѣ отъ Митавы до Динабурга; 5) Тормасовъ за Стыремъ, имѣя противъ себя князя Шварценберга и Ренье, стоявшихъ въ Киселинѣ и Локачахъ; 6) Чичаговъ на маршѣ изъ Валахіи, для соединенія съ Тормасовымъ; 7) Игнатьевъ въ Бобруйскѣ, Эртель у Мозыря; 8) позади Наполеона, отъ Нѣмана до Днѣпра—своеволіе и насилія; позади Барклая де-Толли, князя Багратіона и графа Витгенштейна — составленіе ополченій въ

17-ти губерніяхъ, формированіе резервовъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ во Владимірѣ, Милорадовичемъ въ Калугѣ и Клейнмихелемъ въ Москвѣ, и, наконецъ, вся Россія, готовая скорѣе погибнуть за вѣру и царя, нежели покориться врагу.

Расположеніе главной арміи Наполеона, во время пребыванія его въ Витебскѣ, было слѣдующее: 1) Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Нансути и Монбрена въ Лiознѣ и Руднѣ. 2) Позади его Ней. 3) На лѣвомъ крылѣ вице-король, въ Суражѣ и Велижѣ. 4) Гвардія въ Витебскѣ и окрестностяхъ. 5) Корпусы, отъ самаго Нѣмана посланные въ погоню за княземъ Багратіономъ и на перерѣзъ его, не достигнувъ успѣха въ своемъ предпріятіи, не пошли далѣе Могилева, но расположились такъ: Даву и Груши въ Оршѣ и Дубровнѣ, Понятовскій въ Могилевѣ, вестфальскій корпусъ Жюно въ Оршѣ, Латуръ-Мобуръ на маршѣ къ Оршѣ изъ Бобруйска.

Намѣреніе Барклая де-Толли, имѣвшаго полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію и не стѣсненнаго никакимъ операціоннымъ планомъ, было «ни при какихъ обстоятельствахъ не отступать отъ Смоленска». Само единоначаліе, важное условіе успѣха, было утверждено изъявленною княземъ Багратіономъ, хотя старшимъ въ чинѣ, готовностью подчинить себя Барклаю де-Толли и выполнять его распоряженія. Казалось, ничто не должно было воспрепятствовать наступательнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что императоръ начиналъ съ соболѣзнованіемъ взирать на продолжительное отступленіе, достигнувшее, наконецъ, до Смоленска.

По соединеніи обѣихъ армій онѣ простояли у Смоленска три дня, до 25-го іюля, употребляя это время для печенія сухарей и пополненія убыли въ полкахъ запасными и резервными войсками, послѣ чего въ обѣихъ арміяхъ состояло подъ ружьемъ 120,000 человѣкъ: въ первой 77, во второй 43 тысячи. Собрали военный совѣтъ, гдѣ присутствовали: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оба главнокомандующіе, начальники главнаго штаба ихъ, Ермоловъ и графъ Сенъ-При, и генералъ-квартирмейстеры Вистицкій и Толь. Они единодушно рѣшили идти со всѣми силами на Рудню, какъ на центръ расположенія Наполеона.

На разсвѣтѣ 26-го іюля, арміи двинулись впередъ изъ окрестностей Смоленска, гдѣ остался одинъ полкъ для содержанія карауловъ и печенія сухарей. Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, развилось веселье между солдатами: то было первое наступательное движеніе въ походѣ. Жители Смоленска наполняли храмы и сопровождали мольбами защитниковъ своихъ. 1-я армія шла двумя колоннами: одною черезъ Жуково къ Ковалевскому, другою черезъ Шаломецъ на Приказъ-Выдру; 2-я армія направлялась на Катань; Платовъ съ казаками составлялъ авангардъ; Невѣровскій, съ 27-ю дивизіею, посланъ въ Красной, наблюдать за оршанской дороги. Такъ какъ его дивизія состояла изъ вновь сформированныхъ войскъ, то одна ея бригада, Ставицкаго, была на время прикомандирована къ корпусу Раевскаго, отъ котораго, взамѣнъ ея, дали Невѣровскому два старыхъ полка. Къ нему назначили еще полки: Харьковскій драгунскій и 3 казачьихъ. Въ Красномъ къ нему примкнулъ генералъ-маіоръ Оленинъ, который уже двѣ недѣли стоялъ тамъ, съ небольшимъ отрядомъ изъ бывшихъ въ Смоленскѣ запасныхъ батальоновъ и добровольно вооружившихся смоленскихъ дворянъ. Въ числѣ ихъ первыми

явились на службу четверо братьевъ Лесли. Они привезли письмо своего престарѣлаго отца, изъявлявшаго готовность, если нужно, несмотря на преклонность лѣтъ, идти со своими сыновьями.

Генералъ-квартирмейстеры поѣхали впередъ для обозрѣній по дорогѣ къ Руднѣ и занятія лагерныхъ мѣстъ, но вдругъ главнокомандующій отдалъ приказаніе не трогаться арміямъ. Онъ перемѣнилъ свое намѣреніе идти на Рудню, получивъ донесеніе, что непріятельскій отрядъ стоялъ въ Порѣчьѣ. Это обстоятельство возбудило опасеніе Барклая-де-Толли на счетъ праваго крыла армій. Его озабочивала мысль, чтобы во время марша къ Руднѣ Наполеонъ не двинулся въ тылу его изъ Порѣчья къ Смоленску.

По отмѣненіи наступательнаго движенія на Рудню, дано повелѣніе: 1-й арміи идти на Порѣчскую дорогу, 2-й занять ея мѣсто у Приказъ-Выдры, Платову не подвигаться впередъ. Но еще ранѣе полученія этого приказанія, Платовъ уже имѣлъ удачное дѣло съ непріятелемъ. 27-го поутру, не зная еще о перемѣнѣ диспозиціи и новомъ направленіи арміи на порѣчскую дорогу, Платовъ продолжалъ движеніе къ Руднѣ, открылъ при Молевомъ-Болотѣ два французскихъ гусарскихъ полка и неожиданно ударилъ имъ во флангъ. Гусары повернули назадъ, но были подкрѣплены конницею и пѣхотнымъ полкомъ, наскоро высланными къ нимъ изъ Рудни, гдѣ стоялъ генералъ Себастіани, вовсе не помышлявшій о близости русскихъ. Авангардъ атамана, подъ начальствомъ генералъ-маіора Денисова, долженъ былъ отступить, но Платовъ, подоспѣвъ къ нему, возстановилъ бой. Французы дрались упорно, подошли къ самымъ орудіямъ донской батареи и ранили многихъ канонеровъ пулями. Платовъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 7 полковъ, охватилъ ими непріятеля со всѣхъ сторонъ. Казаки смяли французовъ и гнали ихъ двѣ версты. Между тѣмъ, пришелъ съ отрядомъ графъ Паленъ, и Платовъ поручилъ ему дальнѣйшее преслѣдованіе. Французы обратились къ Руднѣ, гдѣ была ихъ пѣхота. Графъ Паленъ шелъ за бѣжавшимъ непріятелемъ 8 верстъ и остановился, когда французская артиллерія открыла по немъ огонь. Тѣмъ кончилось дѣло. Въ плѣнъ взято 10 офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ. «Непріятель пардона не просилъ», писалъ Платовъ, «а россійскія войска, бывъ разъярены, кололи и били его». Атаманъ заключаетъ свое донесеніе слѣдующими словами:

«Необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей, насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, истязаютъ и выпытываютъ отъ нихъ денегъ, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства французовъ; святые сосуды и утварь разграбливаются. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ французскіе солдаты мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье. Не благоудно-ли будетъ этотъ истинно описанный образъ войны непріятеля нашего поставить на видъ и въ извѣстіе всему отечеству? Подобное извѣщеніе воздвигнетъ въ сердцѣ каждаго праведное рвеніе къ мщенію и ревность къ учиненію всякихъ пожертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ отечества жестокосерднаго и несправедливаго непріятеля».

Взятые Платовымъ плѣнные показали, что Наполеонъ находился на Порѣчской дорогѣ. Изъ схваченныхъ въ томъ-же дѣлѣ, въ квар-

тирѣ Себастіани, бумагъ, которыя онъ въ суматохѣ не успѣлъ увезти, увидѣли, что непріятель, узнавъ о нашемъ намѣреніи всѣми силами двинуться на Рудню, стянулъ большую часть войскъ къ Порѣчью, въ обходъ нашего праваго крыла. Послѣ открылось, что Наполеонъ такого движенія не дѣлалъ, однако, найденныя у Себастіани бумаги и объявленіе плѣнныхъ, тоже несправедливое, еще болѣе утвердили главнокомандующаго въ необходимости остановить наступленіе. Тотчасъ, 27-го-же числа, половина 1-й арміи выступила съ Рудненской дороги на Порѣчскую; въ слѣдующій день пошли туда-же остальные корпусы; всѣ они стали у Стабны, Лаврова и Мощинокъ. 2-я армія заняла позицію первой у Приказъ-Выдры.

29-го, 30-го и 31-го іюля простояли арміи: 1-я на Порѣчской дорогѣ, 2-я у Смоленска. Для дальнѣйшихъ предпріятій ожидали извѣстій о непріятелѣ, а, между тѣмъ, разстроивалось единомысліе Барклая-де-Толли съ княземъ Багратіономъ, возстановленное при личномъ свиданіи ихъ въ Смоленскѣ, и начинало уменьшаться въ войскахъ довѣріе къ главнокомандующему. 31-го іюля было получено донесеніе о выступленіи непріятельскаго отряда изъ Порѣчья по Витебской дорогѣ. Барклай де-Толли, не имѣя болѣе опасенія за свой правый флангъ, снова направился, 1-го августа, на Рудненскую дорогу, и въ слѣдующій день поставилъ армію при Волоковой и Гаврикахъ, а князя Багратіона пригласилъ къ выступленію изъ Смоленска къ Надвѣ; Платовъ съ авангардомъ сталъ въ Инковѣ. Барклай де-Толли полагалъ, что по случаю приближенія 3-го августа, дня рожденія Наполеона, онъ аттакуетъ насъ, и хотѣлъ принять его въ избранной при Волоковѣ и Гаврикахъ позиціи. «Если-же непріятель насъ 3-го числа не аттакуетъ», писалъ онъ, «то мы сами его посѣтимъ, тѣмъ смѣлѣе, что нашъ правый флангъ очищенъ». Возобновленный маршъ на Рудненскую дорогу едва не возымѣлъ самыхъ вредныхъ послѣдствій, открывъ нашъ лѣвый флангъ и дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ. Въ тотъ самый день, когда арміи опять пошли, 1-я къ Гаврикамъ, а 2-я къ Надвѣ, Наполеонъ предпринялъ наступательныя дѣйствія, но только не изъ Витебска къ Руднѣ, а правымъ крыломъ, черезъ Ляды и Красной, какъ ранѣе предсказывалъ князь Багратіонъ.

II.

Сраженіе подъ Смоленскомъ.

Между тѣмъ какъ русскія арміи производили различныя движенія около Смоленска, Наполеонъ двѣ недѣли оставался въ Витебскѣ. Почти ежедневно, съ большимъ конвоемъ, онъ выѣзжалъ за городъ осматривать окрестности. Онъ жилъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ передъ нимъ сдѣлать площадь, для чего срыли нѣсколько домовъ и только что начатое строеніе греко-уніатской церкви. На площади онъ ежедневно смотрѣлъ по-бригадно гвардію, обращая на нее въ настоящемъ походѣ болѣе вниманія, нежели когда-либо, и преимущественно передъ армейскими корпусами заботясь объ ея нуждахъ. Великое пространство было пройдено Наполеономъ, но передъ нимъ лежало несравненно обширнѣйшее: вся неисходимая даль Россіи. Довольствоваться-ли краемъ, занятымъ съ открытія войны, или идти далѣе? Для рѣшенія этого вопроса былъ собранъ въ Витебскѣ совѣтъ. Большая часть изъ призванныхъ на совѣщаніе маршаловъ

предлагала укрѣпить различныя мѣста между Двиною и Днѣпромъ и остановиться до весны будущаго года. Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія, говоря: «Въ іюлѣ мѣсяцѣ смѣшно помышлять о зимнихъ квартирахъ; при наступленіи морозовъ Днѣпръ и Двина не представятъ никакой намъ защиты и скроются подъ льдомъ и снѣгомъ; моя армія привыкла къ наступательнымъ движеніямъ, и ей несвойственно быть въ оборонительномъ положеніи, посреди лишеній и скуки маневрируя на одномъ и томъ-же мѣстѣ». Потомъ онъ обратилъ вниманіе маршаловъ на положеніе дѣлъ въ тылу армій, внѣ предѣловъ Россіи, гдѣ ненадежные, неискренніе союзники, вѣроятно, ожидали только благопріятнаго случая для возстанія противъ него. «Императоръ Александръ», сказалъ Наполеонъ, «слишкомъ могуществен; онъ не согласится на миръ, не испытавъ счастья въ бою: надобно разбить его армію. Для чего останавливаться здѣсь на восемь мѣсяцевъ, когда въ 20 дней мы можемъ достигнуть цѣли? Не для овладѣнія ничтожнымъ Витебскомъ пришелъ я въ Россію. Разгромимъ русскихъ и черезъ мѣсяцъ будемъ въ Москвѣ. Весь планъ моего похода—въ сраженіи; вся моя политика—въ успѣхѣ».

Кромѣ этихъ причинъ, побуждавшихъ Наполеона къ продолженію похода, были еще другія, не менѣе важныя. Онъ получилъ въ Витебскѣ неожиданное для него извѣстіе о заключеніи мира Россіи съ Портою. «Турки дорого заплатятъ за свою ошибку», сказалъ Наполеонъ; «она такъ велика, что я и предвидѣть ея не могъ». Наполеону не трудно было догадаться, что слѣдствіемъ мира съ Турціею должно было быть усиленіе русскихъ армій войсками, находившимися въ Молдавіи и Валахіи, что войска эти могли двинуться въ тылъ Наполеона, а потому надлежало, прежде прибытія ихъ на театръ войны, стараться разбить наши 1-ю и 2-ю арміи. Полученныя Наполеономъ въ Витебскѣ воззванія императора Александра къ общему возстанію и вооруженію, еще болѣе, нежели Букарестскій миръ, заставили его возобновить военныя дѣйствія. По донесеніямъ своихъ пословъ, находившихся передъ войною въ Петербургѣ, онъ зналъ о благоговѣніи русскихъ къ священной волѣ монарховъ и любви ихъ къ родинѣ. «Что касается до русскихъ», писалъ ему Коленкуръ, «то даже и тотъ, кто возьметъ 500 рублей въ судѣ за несправедливое рѣшеніе дѣла, не приметъ отъ меня милліона за измѣну отечеству». Наполеонъ предвидѣлъ, что скоро вокругъ него забушуетъ народная война, для предупрежденія которой онъ считалъ единственнымъ средствомъ генеральное сраженіе, по его убѣжденію равносильное побѣдѣ. До какой степени озаботили его воззванія императора, видно изъ того, что онъ приказывалъ нѣсколько разъ прочитывать себѣ сдѣланный съ нихъ переводъ. «Эти воззванія», говоритъ его секретарь, «встревожили и удивили Наполеона».

Таковы были обстоятельства, не дозволившія Наполеону оставаться въ Витебскѣ долѣе того времени, какое необходимо было для возстановленія силъ арміи и порядка, разстроеннаго быстрымъ наступленіемъ отъ Нѣмана до Витебска. Солдаты были утомлены длинными переходами, палящими жарами, особенно общимъ недостаткомъ продовольствія, отъ чего число арміи, по увѣренію всѣхъ французскихъ писателей, уменьшилось на одну треть по приходѣ ея въ Витебскъ. Отъ голода явились кучи мародеровъ. Для отысканія хлѣба они бросались по сторонамъ дорогъ и, углубляясь все далѣе и далѣе, не могли

потомъ опять догнать свои полки. Не зная языка, они бродили на удачу и, не находя сопротивленія отъ поселянъ и жидовъ, перестали помышлять о возвращеніи къ знаменамъ. Падежъ на лошадей увеличился. Такимъ образомъ, армія, не давъ еще русскимъ генеральнаго сраженія, не обнаживъ меча, подобно морскому приливу, быстро нахлынувшему, стала убывать, покрывая наводненное ею пространство разрушеніемъ и гибелью. Отъ лишеній и безпорядковъ, прежнее воспламененіе арміи начало мало-по-малу потухать.

Передъ самымъ выступленіемъ Наполеона изъ Витебска, онъ узналъ о нападеніи, послѣдовавшемъ на его передовыя войска, расположенныя около Рудни. Первымъ дѣйствіемъ его было воспротивиться дальнѣйшему наступленію русскихъ. Онъ приказалъ Мюрату и Нею немедленно сосредоточиться у Рудни; вице-королю перейти изъ Суража въ Ліозну; Даву, Понятовскому, Жюно и Латуръ-Мобуру собраться у Расасны и Романова; гвардіи и резервной кавалеріи выступить изъ Витебска къ Ліознѣ. Всѣ непріятельскія войска пришли въ движеніе, когда Наполеону донесли, что русскіе, послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла при Молевомъ-Болотѣ, не подаются болѣе впередъ. Тогда онъ далъ корпусамъ новое направленіе и вознамѣрился, соединивъ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, двинуться на Смоленскъ, занять его раньше русскихъ, отбросить ихъ на сѣверъ, къ Торопцу или Великимъ Лукамъ, и стать между нашими арміями и южными губерніями.

Мѣстами переправы черезъ Днѣпръ были назначены Расасна и Хомино, гдѣ немедленно приступили къ построенію трехъ мостовъ. 1-го августа, пришли Даву къ Расаснѣ, Понятовскій въ Романово; за ними слѣдовали Жюно и Латуръ-Мобуръ. Въ то-же время шли къ Расаснѣ и Хомину непріятельскіе корпусы изъ Витебска, Ліозны и Рудни. Послѣ полудня, 1-го августа, мосты были наведены и началась переправа, въ присутствіи Наполеона, наканунѣ выѣхавшаго изъ Витебска. 2-го августа, на лѣвомъ берегу Днѣпра сосредоточилась вся главная непріятельская армія, въ числѣ 190,000 человѣкъ. Въ памяти жителей сохранились слѣдующія подробности о пребываніи Наполеона въ Расаснѣ. Ему отведенъ былъ домъ еврея, но, найдя въ комнатахъ нечистоту, онъ приказалъ раскинуть въ бору надъ Днѣпромъ шатеръ изъ полосатой, зеленой и бѣлой шелковой матеріи, раздѣленный на пять покоевъ. Передъ своимъ входомъ въ палатку, Наполеонъ осматривалъ войска, прибывшія съ Даву изъ Дубровны, не видавъ ихъ съ начала похода, такъ какъ они были отдѣлены отъ главной арміи. Потомъ онъ обѣдалъ вдвоемъ съ Даву; прислуживалъ мамелюкъ. Для другихъ генераловъ постлали на землѣ зеленую сафьянную скатерть и уставили ее серебряными приборами. Вечеромъ, когда все стихло, Наполеонъ ходилъ по лѣсу одинъ, задумчивый. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шатеръ, до сихъ поръ видна огромная яма; впослѣдствіи она стала могилою французовъ. Изъ Расасны Наполеонъ взялъ себѣ въ проводники еврея.

Перенеся дѣйствія на лѣвую сторону Днѣпра, Наполеонъ двинулся къ Смоленску; впереди, на Ляды, шелъ Мюратъ, съ корпусами: Нансути, Монбрена и Груши; за нимъ пѣхотные корпусы Нея, Даву, вице-короля и гвардейскій; правѣе, изъ Могилева къ Смоленску черезъ Романово Понятовскій, Жюно и Латуръ-Мобуръ. Только кавалерійская дивизія Себастіани была оставлена на правомъ берегу

Днѣпра, съ повелѣніемъ наблюдать за русскими и, подаваясь впередъ, держаться на одной высотѣ съ авангардомъ Мюрата. Въ Лядахъ французамъ предстояло проститься съ послѣдними евреями, населяющими Бѣлоруссію, съ послѣднею возможностью имѣть проводниковъ, факторовъ, лазутчиковъ и покупать хотя малыя удобства жизни: кофе, сахаръ, вино. Переступивъ за Ляды, пришельцы нашли совершенную пустыню и не встрѣчали ни одного обывателя. Крестьяне, съ женами, дѣтьми и имуществомъ, бѣжали въ лѣса, гдѣ среди неприступныхъ болотъ строили себѣ шалаши и только по ночамъ, украдкою, выходили на жатву.

Пока непріятельскія громады приближались къ Лядамъ и Красному, Барклай де-Толли стоялъ у Волоковой и Гавриковъ, князь Багратіонъ подходилъ изъ-подъ Смоленска къ Надвѣ, съ корпусомъ Бороздина; корпусъ Раевскаго долженъ былъ слѣдовать за нимъ однимъ днемъ позже. Въ Красномъ стоялъ Невѣровскій, съ 27-ю дивизіею, Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ и 3-мя казачьими полками. Онъ имѣлъ повелѣніе наблюдать дороги оршанскую и мстиславльскую, держась въ Красномъ, какъ можно долѣе. Кромѣ посылки въ разныя стороны разъѣздовъ, Невѣровскій приказалъ красненскому дворянскому предводителю и исправнику имѣть безпрерывныя сношенія съ пограничными жителями и отправлять надежныхъ людей для открытія непріятеля и развѣдыванія объ его намѣреніяхъ. 2-го августа Невѣровскому донесли, что къ Лядамъ, гдѣ стояли казаки, подходитъ непріятельскій отрядъ. Невѣровскій, по первому извѣщенію, считалъ французовъ малочисленными, но на всякій случай собралъ дивизію, поставилъ ее по ту сторону Краснаго, ближе къ Лядамъ, и отправилъ въ Смоленскъ всѣ вьюки и обозы. Вскорѣ начали показываться многочисленныя силы французовъ. Онѣ шли на одной высотѣ, столбовою дорогою и полями. Снова прискакали казаки, говоря: «Французы валомъ валятъ». Слова ихъ не были преувеличены: шелъ Мюратъ, со всею кавалеріею. Завидя Невѣровскаго, онъ раздѣлилъ конницу на нѣсколько частей и двинулъ ее въ обходъ, намѣреваясь охватить нашъ отрядъ съ разныхъ сторонъ, какъ вѣрную добычу.

Позиція передъ Краснымъ становилась ненадежною, потому что за городомъ дорога шла по плотинѣ. Невѣровскій оставилъ въ Красномъ батальонъ 49-го егерскаго полка и 2 орудія, съ дивизіею и съ 10-ю батарейными пушками отступилъ за городъ и плотины, выстроилъ полки въ боевой порядокъ за оврагомъ, поставилъ орудія на лѣвомъ крылѣ, прикрылъ ихъ Харьковскими драгунами и расположилъ казаковъ на правомъ крылѣ. Онъ сознавался на другой день Паскевичу, что понесъ-бы менѣе потерь, если-бы поставилъ батарею между пѣхотными колоннами. Желая, въ случаѣ отступленія, имѣть за собою резервъ и опору, онъ отправилъ назадъ, за 12 верстъ къ Смоленску, 50-й егерскій полкъ, Назимова, съ двумя конными орудіями и велѣлъ ему занять тамъ переправу на небольшой рѣчкѣ. Едва построилась дивизія на новой позиціи, французы аттаковали Красной, открытый со всѣхъ сторонъ. Тучи пуль полетѣли на находившихся тамъ егерей. Наши поспѣшно отступили, опасаясь быть отрѣзанными и не имѣя возможности долѣе защищаться. Непріятелю достались два орудія, которыхъ егеря не могли увезти изъ города: ружейный огонь французовъ былъ столь силенъ, что при самомъ началѣ нападенія лошади подъ орудіями были перебиты.

Мюратъ, съ 15,000 конницы и дивизіею пѣхоты, сталъ обходить Невѣровскаго, особенно съ лѣваго фланга. Харьковскіе драгуны пошли въ аттаку, но были опрокинуты. Наша батарея осталась безъ прикрытія. Французы ударили на нее и захватили 5 пушекъ; остальныя ушли по Смоленской дорогѣ—доказательство, что непріятельская кавалерія не совсѣмъ была хороша, ибо исправная конница не дозволила-бы спастись батарейнымъ орудіямъ. Казаки тоже не выдержали аттаки. Итакъ, Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи и конницы, съ одною пѣхотою. Французская пѣхота подходила аттаковать фронтъ, конница неслась на наши фланги. Невѣровскій, уже успѣвшій соединиться съ вышедшимъ изъ Краснаго батальономъ 49-го егерскаго полка, свернулъ батальоны въ каре и сказалъ имъ: «Ребята! помните, чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья не суетясь, и никто не смѣй начинать безъ моей команды!» Приказаніе было выполнено съ точностью. Непріятель, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, изрубивъ половину артиллеристовъ и прикрытіе ихъ, мчался съ двухъ сторонъ. Его подпустили на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, какъ-будто окаменѣлое каре, не внимая происходившему вокругъ него бурному смятенію гонимыхъ и быстро преслѣдующихъ, стояло безмолвно, стройно, какъ стѣна. Загремѣло начальническое: «Тревога!»—барабаны подхватили; батальный прицѣльный огонь показался круглою дробью и въ мигъ французскіе всадники и ихъ лошади устлали землю. Одинъ полковникъ съ нѣсколькими удальцами, въ вихрѣ боя домчался до угла каре и палъ на штыкахъ; аттакующія линіи быстро повернули назадъ и ускакали въ безпорядкѣ съ большею потерею. У насъ ударили отбой пальбѣ. «Видите ребята», сказалъ Невѣровскій въ восторгѣ, «какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію; благодарю васъ и поздравляю!» Единодушное, безпрерывное: «ура!» и «рады стараться!» раздавались ему въ отвѣтъ и взаимное поздравленіе.

Отбивъ нападеніе, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ кавалерійскія аттаки съ тыла и фланговъ. Невѣровскій, идя въ каре и заслоняясь деревьями, которыми была обсажена дорога, отбивался удачно. Мюратъ предложилъ ему сдаться, но получилъ отказъ. Непріятель находился такъ близко, что могъ переговаривать съ нашими солдатами и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты Полтавскаго полка закричали: «Умремъ, а не сдадимся!» На 5-й верстѣ отступленія былъ сильный натискъ, но деревья и рвы препятствовали французамъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость пѣхоты уничтожала пылкость нападеній. Мюратъ безпрестанно вводилъ свѣжія войска въ дѣло, но всѣ они были отбиты. Наши, безъ различія полковъ, смѣшались, наконецъ, въ одну колонну, тѣсно сплотясь, отступая, отстрѣливаясь и отражая аттаки. Такъ отошли еще 7 верстъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня едва не разстроила отступленіе. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Невѣровскій приближался уже къ рѣчкѣ и, когда былъ за версту отъ нея, открылъ огонь изъ двухъ орудій, посланныхъ впередъ съ 50-мъ егерскимъ полкомъ. Непріятели вообра-

зили, что тутъ ожидало русскихъ сильное подкрѣпленіе, и остановились; наши благополучно переправились за рѣчку, гдѣ держались до вечера. Мюратъ уже не аттаковалъ, а только бросилъ въ насъ нѣсколько ядеръ. Давъ вздохнуть войскамъ, Невѣровскій отошелъ ночью до оврага, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска.

Къ стыду французовъ, при 15,000 кавалеріи и одной дивизіи пѣхоты, была у нихъ одна только батарея. Если бы они имѣли болѣе артиллеріи, Невѣровскій погибъ-бы. Немного также чести и ихъ конницѣ: громада ея, какая была у Мюрата, въ сорокъ аттакъ не могла истребить нашей пѣхоты. Разсматривая ближе Наполеонову армію, безусловно вездѣ и у насъ превозносимую, видимъ, что генералы его не были такъ распорядительны, какъ увѣряютъ, а кавалерія не заслуживала похвалъ, ей воздаваемыхъ. Истинное преимущество французовъ въ походѣ 1812-го года состояло въ непомѣрномъ числѣ силъ. Наполеонъ былъ весьма недоволенъ распоряженіемъ своихъ генераловъ подъ Краснымъ. «Я ожидалъ», сказалъ онъ, «всей дивизіи русскихъ, а не 7 отбитыхъ у нихъ орудій». Князь Багратіонъ, тогда лучшій судья военныхъ подвиговъ, самъ находившійся нѣкогда подъ Голлабрюномъ въ такомъ-же положеніи, какъ Невѣровскій подъ Краснымъ, говоритъ въ донесеніи государю: «Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя». Французы приписали безуспѣшность дѣйствій Мюрата двумъ обстоятельствамъ: что ихъ конныя артиллерійскія роты, по причинѣ волнистаго мѣстоположенія, не могли поспѣвать во время; что Мюратъ не выждалъ для начатія нападеній прибытія всей кавалеріи, не посылалъ въ аттаку полки по мѣрѣ того, какъ они подходили. Впрочемъ, сами непріятели оцѣнили по заслугамъ подвигъ Невѣровскаго. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Красненское дѣло являетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо выученной и искусно предводимой пѣхоты надъ конницею». Другой, секретарь Наполеона, говоритъ: «Самая блистательная храбрость нашихъ солдатъ истощается; ударяя въ густую колонну, они рубятъ ее, но не могутъ сломить». Третій восклицаетъ: «Невѣровскій отступалъ, какъ левъ».

Канонада, происходившая при нападеніи на Невѣровскаго, слышна была на правомъ берегу Днѣпра, по которому 2-я армія тянулась изъ Смоленска къ Надвѣ. Позади всѣхъ шелъ Раевскій. Ему назначено было выступить изъ Смоленска послѣднему, за гренадерскою дивизіею принца Карла Мекленбургскаго, замедлившею выступленіемъ три часа. Остановка эта воспрепятствовала Раевскому двинуться ранѣе 7-ми часовъ вечера и принесла величайшую пользу, потому что Раевскому вскорѣ предстояло другое назначеніе, совсѣмъ въ противную Надвѣ сторону. Едва онъ прошелъ нѣсколько верстъ, какъ ѣхавшій мимо него адъютантъ объявилъ, что онъ посланъ отъ Невѣровскаго, съ рапортомъ къ князю Багратіону о напорѣ непріятеля въ большихъ силахъ на 27-ю дивизію. Такъ объяснилась причина слышанной канонады. Прошедши 12 верстъ, Раевскій остановился для роздыха. Ночь наступила глубокая и бурная. Вскорѣ пришло къ Раевскому повелѣніе отъ князя Багратіона не трогаться съ того мѣста, гдѣ оно застанетъ его, и ожидать другого приказанія, которое немедленно было

прислано. Въ немъ предписывалось Раевскому возвратиться и идти черезъ Смоленскъ къ Красному, на помощь Невѣровскому. Раевскій велѣлъ Паскевичу взять 8 батальоновъ, составить авангардъ корпуса и спѣшить впередъ, если можно, даже до Краснаго, а самъ, приказавъ людямъ быть готовымъ къ выступленію, просилъ князя Багратіона дать въ его распоряженіе 2-ю кирасирскую дивизію, стоявшую недалеко отъ него. Полагая встрѣтить французовъ въ открытыхъ мѣстахъ, между Смоленскомъ и Краснымъ, онъ думалъ, что кирасиры будутъ ему нужны. Также онъ требовалъ разрѣшенія, въ случаѣ встрѣчи съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и необходимости отступленія: защищаться-ли въ Смоленскѣ, или, перейдя рѣку, препятствовать непріятельской переправѣ черезъ нее? Въ первомъ случаѣ, Раевскій надѣялся имѣть болѣе вѣроятности остановить французовъ, но подвергалъ истребленію какъ городъ, такъ и войска; во второмъ, онъ предавалъ городъ непріятелю, но спасалъ цѣлость корпуса и могъ защищать переправу черезъ Днѣпръ. На свой рапортъ Раевскій не получилъ отвѣта, а, между тѣмъ, ночью продолжалъ движеніе къ Смоленску.

Предугадывая, что надобно будетъ сражаться подъ Смоленскомъ, Паскевичъ, идучи тѣмъ городомъ на разсвѣтѣ 3-го августа, осмотрѣлъ его стѣны и мѣстоположеніе. Въ 6-ти верстахъ онъ встрѣтилъ Невѣровскаго, узналъ отъ него подробности происходившаго наканунѣ дѣла и объявилъ ему волю Раевскаго присоединиться къ корпусу съ 2-ю дивизіею, потому что Паскевичу велѣно было командовать всѣмъ авангардомъ, который сталъ за оврагомъ, въ 6-ти верстахъ впереди Смоленска. Раевскій вступилъ въ Смоленскъ вскорѣ послѣ Паскевича. Проходя черезъ городъ, онъ навѣстилъ находившагося тамъ Беннигсена, который сказалъ ему: «Ваше положеніе чрезвычайно затруднительно; вы идете на вѣрную погибель. Совѣтую вамъ, по крайней мѣрѣ, не переправлять артиллеріи за Днѣпръ». «Такой робкій отвѣтъ»,—замѣчаетъ Раевскій въ своихъ запискахъ,—«не соотвѣтствовалъ моему положенію, почти отчаянному. Надобно было истощить всѣ средства. Я чувствовалъ, что дѣло шло не о потерѣ нѣсколькихъ пушекъ, но о спасеніи арміи—можетъ быть, Россіи». Осмотрѣвъ мѣстоположеніе Смоленска, Раевскій расположился въ 3-хъ верстахъ позади Паскевича, въ намѣреніи ожидать 27-ю дивизію, которая скоро пришла, покрытая потомъ трудовъ и кровью чести. Невѣровскій предавался совершенному отчаянію. Онъ думалъ только о понесенныхъ потеряхъ, забывая, что его отступленіе было не пораженіе, но торжество, судя по несоразмѣрности силъ его съ силами Мюрата. Воздавая должныя похвалы мужеству Невѣровскаго, надобно почтить признательнымъ воспоминаніемъ и подчиненныхъ его. Изъ шести находившихся съ нимъ пѣхотныхъ полковъ, было только два старыхъ; остальные четыре, сформированные передъ войною, до тѣхъ поръ никогда не находились въ огнѣ.

Утро 3-го августа прошло спокойно. Французы не тревожили Паскевича. Въ 4 часа пополудни показались ихъ фланкеры; за ними слѣдовалъ авангардъ; онъ опрокинулъ казаковъ, подошелъ къ оврагу и остановился на пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ батарей. Французы начали строиться; до 4,000 конницы обошли лѣвое крыло Паскевича и остановились въ деревнѣ; ночь застигла ихъ движенія. На

огромномъ разстояніи запылали огни; по множеству зажженныхъ костровъ легко было судить о великомъ числѣ непріятеля. Раевскій отправилъ донесенія къ главнокомандующимъ, стоявшимъ еще въ прежнихъ позиціяхъ: князь Багратіонъ, съ корпусомъ Бороздина, былъ въ Надвѣ; вся первая армія находилась у Волоковой и Гавриковъ. Барклай де-Толли не имѣлъ вѣрныхъ извѣстій о переправѣ Наполеона черезъ Днѣпръ. Отъ казачьихъ разъѣздовъ онъ получилъ въ предшествовавшіе дни донесенія о замѣчаемыхъ ими въ непріятельской арміи передвиженіяхъ, но сомнѣвался, чтобы Наполеонъ оставилъ Витебскій путь. 3-го августа, когда Наполеонъ, отбросивъ Невѣровскаго, былъ уже на маршѣ изъ Краснаго къ Смоленску, Барклай де-Толли доносилъ императору изъ Гавриковъ: «Движеніе непріятеля къ Днѣпру и на лѣвый берегъ его, чѣмъ онъ оставляетъ почти все пространство между Днѣпромъ и Двиною, даетъ большой поводъ къ удивленію, но, какъ скоро удостовѣрюсь въ дѣйствительныхъ его намѣреніяхъ, не оставлю располагать дѣйствіями моими по мѣрѣ существующихъ обстоятельствъ и армію поставлю въ такое положеніе, чтобъ, будучи всегда въ состояніи подкрѣплять князя Багратіона, я могъ не менѣе того удерживать пространство между Днѣпромъ и Двиною». Хотя Барклай де-Толли и сомнѣвался въ дѣйствительномъ направленіи непріятельскихъ колоннъ по Красненской дорогѣ, однако, предполагая возможность такого движенія, онъ писалъ тогда-же, 3-го августа, князю Багратіону о необходимости переправиться 2-й арміи на лѣвый берегъ Днѣпра. «Въ случаѣ надобности»,—говорилъ онъ,—«я могу подкрѣпить васъ моими войсками, а самъ тогда буду слѣдовать за непріятелемъ. Весьма сожалѣю»,—такъ заключаетъ онъ свое отношеніе,—«что мы не знали вчерашняго числа о непріятельскомъ отступленіи изъ Рудни. Тогда-бы мы могли во всѣхъ пунктахъ предупредить его движенія».

Донесенія Невѣровскаго и Раевскаго объяснили главнокомандующимъ настоящее положеніе дѣлъ. Обѣ наши арміи выступили къ Смоленску, но отъ Раевскаго были еще далеко: 1-я армія въ 40-ка, 2-я въ 30-ти верстахъ. Между ними и Раевскимъ никого не находилось, а потому нельзя было ему надѣяться на скорое подкрѣпленіе. Правда, онъ могъ защищаться нѣсколько времени въ стѣнахъ города, но сохраненіе Днѣпровскаго моста, единственнаго пути соединенія съ арміею, подвергалось сильному сомнѣнію, въ случаѣ аттаки моста какимъ - нибудь французскимъ корпусомъ, двинувшимся по берегу Днѣпра. Раевскій сперва намѣревался перейти на правый берегъ рѣки, но не рѣшился на то, опасаясь такимъ поступкомъ навлечь на себя невыгодныя сужденія. Онъ рѣшился скорѣе погибнуть со всѣмъ корпусомъ, нежели позволить Наполеону отбросить наши арміи къ сѣверу и совсѣмъ отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ Москвою и южными губерніями. Созванные имъ на совѣщаніе генералы совѣтовали принять сраженіе впереди Смоленска, на той позиціи, гдѣ стоялъ корпусъ. Противнаго мнѣнія былъ Паскевичъ, пріѣхавшій послѣ всѣхъ, въ полночь. «Здѣсь мы будемъ совершенно разбиты»,—сказалъ онъ.—«Если счастьемъ кто и спасется, то, по крайней мѣрѣ, мы потеряемъ всѣ орудія, а главное—Смоленскъ будетъ въ рукахъ непріятеля!»—«Отчего-жъ вы такъ думаете?»—спросили его. «Вотъ мои доказательства»,—отвѣчалъ Паскевичъ.—«Вы занимаете точно такую-же позицію, какъ и я, впереди васъ за три версты. Правый флангъ защищенъ Днѣпромъ,

но лѣвый совершенно открытъ. Къ тому, позади васъ рытвина, непроходимая для артиллеріи. Сегодня непріятель обошелъ кавалерією мой лѣвый флангъ, завтра онъ повторитъ тотъ-же маневръ противъ васъ. Если вы даже и отобьете французовъ съ фронта, то, во время дѣла, они обойдутъ васъ съ лѣваго фланга и займутъ Смоленскъ. Вы принуждены будете отступать и, къ несчастью, на вашъ лѣвый-же флангъ, то-есть, въ руки непріятеля, потому что сзади васъ оврагъ, а тамъ стѣны Смоленска. Положимъ, что, ударивъ съ пѣхотою на непріятеля, при самомъ большомъ счастьѣ, вы даже прорветесь къ мостамъ смоленскимъ, но артиллеріи не провезете».—«Гдѣ-же вы думаете принять сраженіе?»—спросили Паскевича.—«Въ самомъ Смоленскѣ», — сказалъ онъ.—«Можетъ быть, мы тамъ удержимся. При несчастіи потеряемъ артиллерію, но сохранимъ корпусъ. Во всякомъ случаѣ выиграемъ время и дадимъ возможность арміи придти къ намъ на помощь».

Ночь была лунная и свѣтлая. Раевскій и Паскевичъ поѣхали осмотрѣть Смоленскъ и выбрать мѣста, гдѣ можно было выгодно поставить войско на случай сраженія. Смоленскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и огражденъ былъ высокою, но ветхою каменною стѣною, съ 30-ю башнями въ разныхъ мѣстахъ. Неглубокій ровъ и передъ нимъ покрытый путь окружали стѣну. Въ срединѣ, противъ Красненской дороги, на высотѣ, большой земляной кронверкъ, называемый Королевскимъ бастіономъ; на лѣвой сторонѣ—городскія предмѣстья. Во время двухнедѣльнаго пребыванія нашихъ армій въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ не было принято мѣръ для укрѣпленія города, хотя стоило только воспользоваться старинными стѣнами, поправить земляныя укрѣпленія и сдѣлать новыя полевыя на лѣвой сторонѣ, для чего времени было достаточно. Обозрѣвъ мѣстоположеніе, Раевскій рѣшился защищаться въ самомъ Смоленскѣ и приказалъ пѣхотѣ тотчасъ отходить сюда съ позиціи; конница оставлена до разсвѣта, гдѣ стояла. Она должна была поддерживать огонь и при нападеніи на нее отступить къ Смоленску. Ночью занялись размѣщеніемъ войскъ. Оборона Королевскаго бастіона, на который преимущественно ожидали аттаки, что и сбылось, поручена Паскевичу; на правомъ крылѣ поставили 2 орудія обстрѣливать дорогу по Днѣпру; 6 батальоновъ 26-й дивизіи положены за покрытымъ путемъ. На кронверкѣ выставили 18 орудій; по стѣнѣ разбросали Виленскій полкъ; бригаду Ставицкаго, 27-й дивизіи, поставили на кладбищѣ лѣваго форштата, а передъ кладбищемъ 24 пушки; 8 батальоновъ и 24 орудія 12-й дивизіи остались въ самомъ форштатѣ, съ приказаніемъ зажечь дома и отступить въ городъ, если непріятель сдѣлаетъ нападеніе на предмѣстье и будетъ усиливать аттаку. Наконецъ, на лѣвомъ флангѣ крѣпости, поставлены 2 батальона и 4 орудія; въ резервѣ была остальная бригада 27-й дивизіи. Собрали нѣсколько сотъ выздоравливавшихъ изъ госпиталей, вооружили ихъ и размѣстили по городской стѣнѣ. Ночью пришли къ Раевскому Новороссійскій драгунскій и Литовскій уланскій полки. По положенію мѣстности они не могли служить большимъ пособіемъ въ предстоявшемъ сраженіи и вмѣстѣ съ казаками были посланы въ разъѣзды на лѣвый флангъ. По окончаніи распоряженій, Раевскій приказалъ пѣхотѣ, стоявшей очень выгодно, не дѣлать ни шагу для преслѣдованія непріятеля, если онъ будетъ отбитъ, дабы не ослабить себя, расширяя поле битвы. «Въ ожиданіи дѣла»,—говоритъ Раевскій,—«я хотѣлъ уснуть, но, признаюсь, несмотря на

всю прошедшую ночь, проведенную на конѣ, не могъ сомкнуть глазъ: столько озабочивала меня важность моего поста, отъ сохраненія котораго столь многое или, лучше сказать, вся война зависѣла».

Съ 3-го на 4-е августа Наполеонъ ночевалъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, называемомъ Новый Дворъ, въ 7-ми верстахъ отъ Смоленска. Съ зарею, 4-го, онъ поѣхалъ въ авангардъ, гдѣ завязалась перестрѣлка. При первыхъ выстрѣлахъ къ Раевскому привели плѣннаго офицера, назвавшагося адъютантомъ Мюрата. Онъ былъ принятъ ласково, чего не ожидалъ, и въ изліяніи признательности сказалъ Раевскому, что онъ можетъ съ балкона своего дома видѣть Наполеона, разсматривающаго въ подзорную трубу нашу позицію; что передъ Смоленскомъ стоятъ корпуса Мюрата и Нея, готовясь къ немедленному начатію нападенія. Слова плѣннаго подтвердились въ самомъ дѣлѣ. Высмотрѣвъ окрестности, Наполеонъ велѣлъ Нею аттаковать. Онъ былъ увѣренъ, что русскія арміи еще далеко, а въ Смоленскѣ только дивизія Невѣровскаго. Тѣснимая французами наша конница отступила къ городу; огонь изъ орудій остановилъ преслѣдованіе за нею. Спустя полчаса, показались три большія колонны пѣхоты. Одна шла прямо на бастіонъ, другая на кладбище, третья вдоль Днѣпра, на правый нашъ флангъ. 70 русскихъ орудій были уже въ дѣйствіи. Непріятель прошелъ ядра, прошелъ картечи и приближался къ рытвинѣ, составлявшей на томъ мѣстѣ ровъ смоленской крѣпости. Только что Паскевичъ успѣлъ выстроить одинъ изъ батальоновъ, лежавшій въ покрытомъ пути, какъ французы были уже на гласисѣ. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и удержалъ непріятелей. Нѣсколько разъ они пытались выйти изъ оврага и бросались на нашу пѣхоту, но каждый разъ встрѣчалъ ихъ батальный огонь и принуждалъ возвращаться въ оврагъ. Тѣла ихъ покрыли гласисъ. Замѣчая, что аттаки непріятеля слабѣютъ, Паскевичъ приказалъ Орловскому полку ударить въ штыки; Ладожскій и Нижегородскій полки сдѣлали то-же; непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рытвины и своими трупами устлалъ все пространство отъ гласиса до противной стороны оврага. Наши бросились преслѣдовать непріятеля, но Паскевичъ ударилъ отбой, воротилъ людей и снова построилъ батальоны за покрытымъ путемъ. Получивъ подкрѣпленіе, непріятель опять подошелъ, остановился по ту сторону оврага, перестрѣливался, но не смѣлъ дѣлать новыя нападенія. На лѣвомъ флангѣ французы стрѣлками и колоннами приближались къ русскимъ батареямъ и выдвинули артиллерію. Ихъ встрѣтили сперва картечью; потомъ послѣдовало общее ура! Французы и здѣсь были опрокинуты. На лѣвый форштатъ, занятый 21-ю дивизіею, аттаки не было.

Когда, часовъ въ 9 утра, стала собираться подъ Смоленскомъ вся французская армія, становясь въ позицію и окружая городъ, Раевскій получилъ отъ князя Багратіона слѣдующую записку: «Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись, Богъ тебѣ помощникъ!» Итакъ, Раевскому надлежало сдѣлать еще одно усиліе въ ожиданіи подкрѣпленій. Наполеонъ, видя неудачу приступовъ, устроилъ батареи и билъ стѣны города, поддерживая промежутки батарей стрѣлками. Цѣлые полки непріятельскіе подходили по-батальонно и разсыпались въ стрѣлки. Наши, за покрытымъ путемъ, теряли немного людей, а, между тѣмъ, подбирали французскія ружья, которыя были тогда лучше русскихъ, и обмѣнивали ихъ на свои. Смоленскіе жители обоихъ половъ стремились за стѣны къ

полю битвы, хватали на руки раненыхъ и уносили ихъ въ городъ. Около полудня показалась 2-я армія на правомъ берегу Днѣпра. Сперва князь Багратіонъ намѣревался перейти черезъ Днѣпръ у Катани и навелъ тамъ мостъ, но, узнавъ, что войска Наполеона уже миновали Корытню, снялъ мостъ и выступилъ изъ Катани правымъ берегомъ Днѣпра къ Смоленску. Туда повелъ и Барклай де-Толли 1-ю армію изъ Гавриковъ и Волоковой, когда изъ донесеній Невѣровскаго и Раевскаго узналъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Съ высокой покатости, по которой шли наши арміи, видны были имъ всѣ движенія непріятеля, обращенныя противъ Смоленска, равно и оборона Раевскаго. Сколько люди ни были утомлены ночнымъ переходомъ, болѣе 30-ти верстъ, но никто не думалъ объ усталости; глаза всѣхъ устремлены были на мѣсто сраженія. Наполеонъ, увидѣвъ наши арміи, не усомнился въ близости общаго, давно желаннаго имъ, сраженія и радостно воскликнулъ: «Наконецъ, русскіе въ моихъ рукахъ!»

Первое подкрѣпленіе, полученное Раевскимъ, была 2-я кирасирская дивизія, требованная имъ прежде, когда онъ еще не зналъ, что приметъ сраженіе въ городѣ. Теперь кирасиры, въ его положеніи, были безполезны; онъ запретилъ имъ переходить черезъ рѣку и велѣлъ остановиться по ту сторону Днѣпра. За ними, въ седьмомъ часу по полудни, пришли 4 полка 2-й гренадерской дивизіи, но и они также не были введены въ огонь, потому что французы не дѣлали натиска, а поддерживали сраженіе стрѣлками и пушечною пальбою. Вслѣдъ за гренадерами стали появляться издали прочія войска князя Багратіона и 1-й арміи, и вечеромъ всѣ сосредоточились на высотахъ праваго берега Днѣпра. Сраженіе начинало уже утихать, и непріятель отошелъ въ свой лагерь. Пріѣхали оба главнокомандующіе и другіе генералы. Всѣ чувствовали важность успѣха. Поздравленія Раевскому и Паскевичу сыпались отовсюду. Князь Багратіонъ благодарилъ обоихъ отъ глубины души, восторгаясь геройскимъ подвигомъ ихъ. «Вотъ благополучнѣйшая минута всего военнаго поприща моего!»—говорилъ Раевскій.—«Чтобы умѣть оцѣнить мое наслажденіе, надобно было перенесть безпокойство, мучившее меня сутки». До какой степени рѣшительность Раевскаго защищаться въ Смоленскѣ имѣла важное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, доказываютъ слѣдующія слова Наполеона, диктованныя имъ на островѣ св. Елены: «Я обошелъ лѣвое крыло русской арміи, переправился черезъ Днѣпръ и устремился на Смоленскъ, куда прибылъ 24-мя часами прежде русской арміи. Отрядъ изъ 15,000 человѣкъ (то есть, корпусъ Раевскаго), нечаянно находившійся въ Смоленскѣ, имѣлъ счастіе оборонять городъ цѣлый день и далъ Барклаю де-Толли время подоспѣть на слѣдующія сутки съ подкрѣпленіемъ. Если мы застали Смоленскъ врасплохъ, то, перейдя Днѣпръ, аттаковали-бы въ тылъ русскую армію, въ то время раздѣленную и шедшую въ безпорядкѣ. Такого рѣшительнаго удара совершить не удалось».

Сознаніе самого Наполеона свидѣтельствуетъ, какъ выгодно было для него овладѣніе Смоленскомъ 4 августа, но его аттаки не соотвѣтствовали великимъ послѣдствіямъ, которыя должны были произойти отъ успѣха въ его предпріятіи. Вотъ, что говоритъ Раевскій: «Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть на семъ посту спасенія и чести. Но, взвѣшивая съ одной стороны важность послѣдствій дѣла, а съ другой малость потери, мною понесенной, ясно вижу, что удача

зависѣла не столько отъ моихъ соображеній, сколько отъ слабости натисковъ Наполеона. Вопреки всегдашнихъ своихъ правилъ, видя рѣшительный пунктъ, Наполеонъ не умѣлъ имъ воспользоваться. Если-бы онъ въ этотъ день напиралъ такъ-же сильно, какъ въ слѣдующій, то рѣшилъ-бы участь нашей арміи и войны». Причины, почему Наполеонъ не усилилъ нападеній, заключались въ томъ, что, найдя въ Смоленскѣ русскихъ войскъ болѣе, нежели сначала предполагалъ, и замѣтивъ приближеніе нашихъ армій, онъ заключилъ о намѣреніи нашихъ главнокомандующихъ принять у Смоленска сраженіе, цѣль его желаній. Въ теченіе всего дня онъ видѣлъ съ возвышеній, на которыхъ стоялъ, какъ по правому берегу Днѣпра спѣшили русскія войска къ Смоленску. Будучи убѣжденъ, что они шли не для того, чтобы черезъ сутки опять отступать, Наполеонъ не усомнился въ близкомъ сраженіи, не ввелъ въ дѣло всѣхъ войскъ, собранныхъ у Смоленска, но хотѣлъ предварительно сосредоточить свою армію и послалъ ей повелѣніе объ ускореніи марша.

Во весь вечеръ 4-го августа и въ ночь на 5-е число, подходили французскіе корпусы къ Смоленску; поутру 5-го, они стали вокругъ него такъ: на лѣвомъ крылѣ, у Днѣпра, Ней; правѣе отъ него, на дорогахъ Красненской и Мстиславльской, Даву; подлѣ него Понятовскій; на оконечности праваго крыла примыкали къ Днѣпру кавалерійскіе корпусы Мюрата. Гвардія была въ резервѣ, позади корпуса Даву; вице-король на Красненской дорогѣ, между Корытною и Лубною, верстахъ въ 15-ти отъ Смоленска, съ повелѣніемъ: наблюдать, не покажутся-ли тамъ какія-либо русскія войска, намѣреваясь аттаковать непріятельскую армію съ тыла. 5-го августа, отъ ранняго утра, французы стояли въ ружьѣ, за исключеніемъ корпуса Жюно; онъ сбился съ дороги и пришелъ на позицію не ранѣе пяти часовъ пополудни. Вотъ лучшее доказательство, что на первомъ своемъ шагу въ коренную Россію, непріятель уже лишился необходимаго пособія на войнѣ—проводниковъ. Съ восходомъ солнца Наполеонъ былъ на полѣ, ожидая, скоро-ли растворятся городскія ворота и выступятъ изъ нихъ русскія войска для принятія сраженія. Не такъ мыслилъ Барклай де-Толли. Удостовѣрясь въ сосредоточеніи всѣхъ непріятельскихъ силъ подъ Смоленскомъ, онъ полагалъ, что настоящее намѣреніе Наполеона состояло въ предупрежденіи насъ въ окрестностяхъ Дорогобужа, чтобы овладѣть Московскою дорогою. По этой причинѣ Барклай де-Толли рѣшился съ княземъ Багратіономъ на слѣдующее: 1) второй арміи отступить по Дорогобужской дорогѣ къ Соловьеву, оставивъ у Смоленска, на Московской дорогѣ, впереди рѣчки Колодни, авангардъ подъ начальствомъ князя Горчакова; 2) для прикрытія движенія князя Багратіона, первой арміи занять однимъ корпусомъ Смоленскъ, а прочимъ корпусамъ расположиться подлѣ города, на правомъ берегу Днѣпра.

Ночью съ 4-го на 5-е августа начали приводить въ исполненіе эти распоряженія. Въ Смоленскъ назначили корпусъ Дохтурова, который только что оправлялся отъ болѣзни и чувствовалъ еще большую слабость. Главнокомандующій послалъ спросить его, въ силахъ-ли онъ дѣйствовать при оборонѣ Смоленска? Дохтуровъ отвѣчалъ: «Лучше умереть на полѣ, нежели на кровати». Въ полночь онъ смѣнилъ Раевскаго въ Смоленскѣ. На усиленіе Дохтурова назначили дивизіи Невѣровскаго и Коновницына и бригаду 12-й дивизіи, Колюбакина. Поутру, 5-го августа, первая армія заняла возвышенія на правомъ берегу

Днѣпра; вторая отошла за 12 верстъ по Московской дорогѣ, отправивъ заранѣе въ разныя стороны наблюдательные отряды. Выступая, князь Багратіонъ доносилъ государю: «Надѣюсь, что военный министръ, имѣя передъ Смоленскомъ всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ, а я, въ случаѣ покушеній непріятеля пройти далѣе, на Московскую дорогу буду отражать его».

Дохтуровъ разставилъ войска въ предмѣстіяхъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя наканунѣ были занимаемы Раевскимъ, ибо опытомъ было дознано, какъ выгодно такое расположеніе. 24-я дивизія, Лихачева, стала на правомъ; 7-я, Капцевича, на лѣвомъ крылѣ; 3-я, Коновницына, въ резервѣ; 27-я, Невѣровскаго, въ Раченскомъ предмѣстьѣ. На правомъ берегу Днѣпра, гдѣ находились остальные корпусы 1-й арміи, устроены сильныя батареи, съ цѣлью бить во флангъ непріятелю, когда онъ вознамѣрится штурмовать городъ. Въ 8 часовъ утра послышались первые ружейные выстрѣлы; къ 10-ти часамъ на всемъ протяженіи передовыхъ цѣпей открылся огонь, болѣе или менѣе поддерживаемый артиллеріею, судя по напорамъ непріятеля, не дѣлавшаго въ теченіе утра никакихъ особенныхъ усилій, хотя, впрочемъ, онъ нѣсколько разъ врывался въ улицы и дома предмѣстья, откуда, однако-же, его прогоняли. Уже было за полдень; предмѣстья остались за нами: аттаки на нихъ были отбиты. Къ двумъ часамъ непріятель отошелъ назадъ на пушечный выстрѣлъ; огонь прекратился.

Наполеонъ все еще ждалъ, что наши выйдутъ изъ Смоленска и примутъ сраженіе на пространствѣ, находившемся между городомъ и французскою арміею. Надежда его исчезла вслѣдствіе донесенія, привезеннаго съ праваго фланга, что тамъ замѣтно движеніе русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска по Московской дорогѣ. То была 2-я армія. Маршъ ея не могъ быть скрытъ отъ непріятеля, потому что дорога, по которой слѣдовалъ князь Багратіонъ, нѣсколько верстъ идетъ вдоль днѣпровскаго берега. Наполеонъ желалъ лично удостовѣриться въ столь важномъ извѣстіи и поѣхалъ на правое крыло, къ Шеину острову. Здѣсь онъ своими глазами убѣдился въ движеніи князя Багратіона, и первою мыслью его было отрѣзать эти войска отъ тѣхъ, которыя находились въ Смоленскѣ. Посланы разъѣзды для отысканія бродовъ. Нѣсколько французовъ, въѣзжавшихъ въ рѣку, чтобы узнать глубину воды, утопили лошадей. Разъѣзды возвратились съ донесеніемъ, что не нашли брода, хотя онъ былъ версты 4 выше Смоленска. По неимѣнію брода, при невозможности отрѣзать отступавшія войска, Наполеонъ вознамѣрился овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра, и велѣлъ начать общую аттаку. Въ 4-мъ часу пополудни, единовременно двинулись колонны. Ней шелъ на Красненское предмѣстье, Даву на Мстиславльское и Молоховскія ворота, Понятовскій аттаковалъ Раченку и поставилъ батареи, направленныя вдоль Днѣпровскаго моста. Часа два держался Дохтуровъ въ предмѣстьяхъ, но, наконецъ, принужденъ былъ войти въ городъ и разставилъ пѣхоту по стѣнамъ, а артиллерію по бастіонамъ; только небольшое число стрѣлковъ оставалось внѣ стѣнъ. Русскія батареи, стоявшія на правомъ берегу Днѣпра, на оконечности лѣваго крыла арміи, во все это время дѣйствовали по непріятелю. Многолюдство дало Наполеону возможность аттаковать вдругъ всѣ части города, но стѣны, ограждавшія нашихъ отъ дѣйствія его орудій и ружейныхъ выстрѣловъ, были непреодолимою преградою для

непріятеля. Благодаря имъ, уронъ нашъ былъ незначителенъ въ сравненіи съ ужасною потерею непріятеля. Недаромъ въ старину называли смоленскія стѣны дорогимъ ожерельемъ Россіи. Пыль и дымъ затемняли воздухъ; шумъ и трескъ заглушали слова и барабаны. Главный натискъ былъ обращенъ на Молоховскія ворота, защищаемыя Коновницынымъ. Возлѣ него былъ Дохтуровъ. Немногіе изъ тѣхъ, кто окружали нашихъ генераловъ, остались невредимы. До какой степени свирѣпствовалъ тутъ убійственный огонь, можно заключить по тому, что надобно было четыре раза перемѣнять 4 орудія, стоявшія у воротъ, такъ какъ лошади и прислуга въ короткое время были истребляемы. Коновницына ранило пулею въ руку, но онъ не оставилъ сраженія и даже не дозволилъ сдѣлать себѣ перевязку.

Главнокомандующій начиналъ безпокоиться объ успѣхѣ защиты, видя съ высотъ праваго берега ожесточеніе непріятеля и получая отъ Дохтурова донесенія о безпрестанномъ усиленіи нападеній. Онъ приказалъ оказавшемуся возлѣ него принцу Евгенію Виртембергскому лично осмотрѣть происходившее въ городѣ. Принцъ не успѣлъ доѣхать до моста, какъ былъ остановленъ новымъ приказаніемъ: всей 4-й дивизіи его высочества идти на подкрѣпленіе сражающихся. Два полка онъ послалъ къ Раченкѣ, а съ остальными четырьмя пошелъ къ Молоховскимъ воротамъ. Съ трудомъ онъ достигъ мѣста своего назначенія; навстрѣчу ему тянулось множество раненыхъ, а на улицахъ дивизія была осыпаема ядрами. Онъ подоспѣлъ въ самую опасную минуту, когда остальныя войска Дохтурова, бывшія внѣ города, возвращались въ ворота, въ разстройствѣ—неминуемомъ слѣдствіи кровопролитія. Дохтуровъ велѣлъ принцу Евгенію сдѣлать вылазку изъ города и прогнать непріятеля, засѣвшаго въ ближайшихъ къ стѣнѣ домахъ. Съ великимъ трудомъ очистивъ проходъ въ воротахъ, принцъ Евгеній выступилъ за городъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ. Встрѣченный жестокимъ огнемъ полкъ поколебался. Принцъ бросился съ лошади, стараясь возстановить порядокъ, но еще прежде того нѣсколько храбрыхъ егерей побѣжали впередъ и приняли вправо, въ покрытый путь. За ними устремился весь полкъ и пустилъ батальный огонь по непріятелю, бывшему въ противолежащихъ домахъ. Послѣ этого дѣйствія, французы прекратили нападенія на Молоховскія ворота. Успѣхъ сопровождалъ русское оружіе и на другомъ пунктѣ, не менѣе упорно аттакованномъ, на лѣвомъ крылѣ, у Раченки, гдѣ выгоды мѣстоположенія были на сторонѣ непріятеля. Неустрашимость Невѣровскаго, подкрѣпленнаго гвардейскими егерями, и искусныя распоряженія начальника артиллеріи 1-й арміи, графа Кутайсова, лично управлявшаго дѣйствіемъ орудій, восторжествовали надъ усиліями Понятовскаго и поляковъ его. Неоднократно кидались поляки къ самымъ стѣнамъ, даже врывались въ ворота небольшими толпами, отъ 15-ти до 20-ти человѣкъ, съ крикомъ: «Да здравствуетъ отчизна!» Ни одинъ изъ ляховъ не возвращался. Пронзенные пулями или штыками, падали ослѣпленные, среди общаго разрушенія Европы чаявшіе возстановленія своей мятежной родины, дерзавшіе называть своимъ отечествомъ древнюю столицу княжества Мономахова. Начальникъ ихъ у Раченскаго предмѣстья, генералъ Грабовскій, былъ заколотъ гренадеромъ Тобольскаго пѣхотнаго полка.

Безполезность нападеній утомила Наполеона. Онъ велѣлъ идти напроломъ. Передъ головы колоннъ вывезены батареи. Крѣпость и

толщина стѣнъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ, противостояли чугуну, но тучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150-ти орудій, произвели пожары. Церкви, дома,—все, что могло горѣть, запылало. Залитыя пламенемъ окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ лопающихъ бомбъ, громъ пушекъ, кипящіе перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками—таково было зрѣлище, освѣщаемое догоравшими лучами солнца. Считая этотъ день свѣтопреставленіемъ, а Наполеона антихристомъ съ воинствомъ дьяволовъ, жители бѣжали изъ огня, между тѣмъ какъ русскіе полки шли въ огонь: одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Какъ нѣкогда во Псковѣ, осажденномъ Баторіемъ, подъ ядрами литовскихъ бойницъ, духовенство пѣло молебны, такъ теперь въ Смоленскѣ, гдѣ уже три дня, во время свирѣпствовавшихъ битвъ, не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня продолжалось. Никогда болѣе, какъ въ тотъ вечеръ, не возсылали молитвъ ко Всевышнему. Въ сумерки вынесли за городъ изъ Благовѣщенской церкви чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ распадавшихся зданій и губительными явленіями битвы, кипѣвшей посреди самаго прекраснаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилались подъ облаками. Удалилась Божественная Заступница Смоленска, но со стѣнъ не сходили русскіе, спереди громимые непріятелемъ, сзади опаляемые пожаромъ, разлившимся по всему городу. Съ великимъ трудомъ могли сохранить мостъ на Днѣпрѣ, единственное сообщеніе съ арміею, находившеюся по ту сторону рѣки. Поздно вечеромъ, часу въ 11-мъ, канонада прекратилась; непріятель отступилъ на небольшое разстояніе отъ стѣнъ; наши посты стали впереди города.

Такова была битва подъ Смоленскомъ. Наполеонъ не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха, хотя ввелъ въ дѣло болѣе половины своей арміи. «Приступы непріятеля»,—говорилъ Барклай де-Толли въ донесеніи,—«были наижесточайшіе и отважные, но въ возмездіе того и потеря его столь чрезвычайна, что нашъ уронъ даже ни мало не можетъ войти въ сравненіе съ непріятельскимъ, хотя и простирается до 4,000 убитыми и ранеными». О потерѣ непріятельской арміи, показанія французскихъ писателей разнорѣчивы: одинъ полагаетъ выбывшихъ изъ строя 6, другой 7, третій 12 тысячъ.

Различны были мнѣнія, какъ воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и духомъ необычайнаго мужества, одушевлявшимъ войска. Одни предлагали перейти поутру въ Смоленскѣ черезъ Днѣпръ и аттаковать непріятеля; другіе совѣтовали удерживать долѣе городъ, удачно обороняемый двое сутокъ. Главнокомандующій мыслилъ иначе. «Цѣль наша при защищеніи развалинъ смоленскихъ стѣнъ»,—доносилъ онъ государю,—«состояла въ томъ, чтобы, занимая тамъ непріятеля, пріостановить исполненіе намѣренія его достигнуть Ельни и Дорогобужа и тѣмъ предоставить князю Багратіону нужное время прибыть безпрепятственно въ Дорогобужъ. Дальнѣйшее удерживаніе Смоленска не могло имѣть никакой пользы; напротивъ того, могло-бы повлечь за

собою напрасное истребленіе храбрыхъ солдатъ. Посему рѣшился я послѣ удачнаго отраженія приступа непріятельскаго, ночью съ 5-го на 6-е число оставить Смоленскъ, удерживая только Петербургскій форштатъ, и со всею арміею взять позицію на высотахъ противъ Смоленска, давая видъ, что ожидаю его аттаки». Въ часъ пополуночи, Дохтуровъ получилъ повелѣніе оставить Смоленскъ, со всѣми войсками, бывшими въ теченіе дня въ его распоряженіи, перейти на правый берегъ Днѣпра, занять егерями петербургскій форштатъ и истребить Днѣпровскій мостъ. Коновницынъ распоряжался арріергардомъ. Посты, находившіеся внѣ Смоленска, отступили въ тишинѣ, заградивъ входы въ городъ; раненые, по возможности, были вывезены. До разсвѣта Смоленскъ совершенно опустѣлъ; мостъ былъ уничтоженъ. Нѣсколько полковъ стали въ предмѣстьѣ, противъ бывшаго моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи мы ожидали разсвѣта, а, между тѣмъ, тянулись мимо войскъ нашихъ несчастные жители, бѣжавшіе отъ непріятеля, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними и съ Россіею!

III.

Отступленіе отъ Смоленска до Соловьевой переправы.

Едва начала заниматься заря въ день Преображенія Господня непріятельскіе ведеты, не видя никого передъ собою, ни внѣ стѣнъ, ни на вершинѣ ихъ, стали сближаться къ Смоленску, прислушиваться и мало-по-малу входить въ городъ. За передовою цѣпью двинулся авангардъ; не замедлилъ прибыть и Наполеонъ. Онъ въѣхалъ въ Никольскія ворота, остановился въ домѣ Каховскаго, нынѣ Красномилашевичей, и вскорѣ отправился глухими улицами въ церковь надъ Днѣпровскими воротами. Изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей онъ смотрѣлъ, какъ по ту сторону сожженнаго моста двѣ русскія пушки отстрѣливались и огнемъ своимъ по набережной къ городу наносили вредъ французамъ. Онъ приказалъ втащить въ церковь Божіей Матери два орудія и, поставивъ въ дверяхъ балкона, самъ наводилъ ихъ по нашимъ пушкамъ. Потомъ онъ вышелъ изъ церкви и приказалъ противъ нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ противоположный берегъ, поставить 4 орудія, на небольшомъ земляномъ валу. Окончивъ обозрѣніе, онъ возвратился на свою квартиру и ѣхалъ посреди свирѣпствовавшаго еще пожара, по обгорѣлымъ трупамъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ отечества. Кое-гдѣ онъ встрѣчалъ жителей, доведенныхъ до истиннаго отчаянія отъ явленій кипѣвшаго наканунѣ сраженія, повсемѣстнаго пламени и разбоя непріятелей, особенно поляковъ. Лишенные крова, видя всѣ связи семейной и гражданской жизни расторгнутыми, несчастные смольяне, какъ изступленные, искали пріюта и защиты; раненые, обгорѣлые, избитые, спасались они въ храмахъ Божіихъ. Въ такомъ положеніи нашелъ Наполеонъ Смоленскъ. Онъ занялъ, а не взялъ его, потому что Дохтуровъ не былъ вытѣсненъ изъ города и оставилъ развалины его, получивъ повелѣніе отступить.

Когда, поутру 6-го августа, Наполеонъ въѣзжалъ въ Смоленскъ, наша первая армія вступала въ позицію, избранную на Порѣчской дорогѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Смоленска. Корфъ былъ посланъ командовать оставшимися въ предмѣстьѣ войсками, на мѣсто Коновницына, который ночью начальствовалъ арріергардомъ и потомъ, по очищеніи Смоленска, вернулся съ дивизіею къ своему корпусу. Еще позиція не

была совсѣмъ занята арміею, какъ огонь горѣвшаго моста перешелъ въ форштатъ и произвелъ пожаръ въ домахъ, откуда пѣхота нашего арріергарда должна была выйдти, не находя мѣста отъ огня. Одно убѣжище оставалось въ садахъ, но и тутъ жаръ простирался до такой степени, что плоды на деревьяхъ были испечены. Увидя отступленіе нашего арріергарда, непріятель переправился въ бродъ у самаго моста, оттѣснилъ егерей, занялъ нѣсколько улицъ въ форштатѣ и выступилъ изъ него на равнину по Порѣчской дорогѣ. Тогда снова поручено Коновницыну возвратиться и очистить предмѣстье. Съ егерскою бригадою князя Щаховского и отступившимъ отрядомъ Корфа, Коновницынъ аттаковалъ французовъ и прогналъ ихъ за Днѣпръ. Корфъ расположился въ предмѣстьѣ; егеря разсыпались по днѣпровскому берегу и въ продолженіе всего дня перестрѣливались съ непріятелемъ, находившимся на противной сторонѣ. По временамъ посылались пушечные выстрѣлы. Лишь только войска нашего арріергарда собирались на какомъ-либо мѣстѣ или показывались кучками, ихъ тотчасъ осыпали картечами. Во многихъ мѣстахъ непріятельская конница отыскивала броды, но во все утро не произошло ничего важнаго. Послѣ полудня замѣчено было движеніе французовъ вверхъ по Днѣпру, отчего положеніе 1-й арміи становилось опаснымъ, ибо, занявъ Московскую дорогу, Наполеонъ могъ прервать сообщеніе 1-й арміи со второю, находившеюся на маршѣ къ Соловьеву. Правда, по условію съ Барклаемъ де-Толли, князь Багратіонъ остановилъ за собою арріергардъ, подъ командою князя Горчакова, между Лубинымъ и Смоленскомъ, но малочисленное войско не было-бы въ состояніи удержаться, если-бы Наполеонъ аттаковалъ его большими силами. Со всею арміею Барклай де-Толли не пошелъ тотчасъ изъ Смоленска по прямой дорогѣ, ведущей въ Москву, такъ какъ она идетъ на 8 верстъ въ столь близкомъ разстояніи отъ Днѣпра, что Наполеонъ, поставя артиллерію на лѣвомъ берегу, могъ сильно безпокоить армію нашу, отступающую по этой дорогѣ, и бить въ нее, какъ въ вѣрную цѣль. Чтобы избѣжать это неудобство и скрыть дальнѣйшія свои намѣренія, главнокомандующій отступилъ изъ Смоленска на Порѣчскую дорогу.

Хотя Барклаю де-Толли непремѣнно надлежало выйти на Московскую дорогу, однако, не безопасно было предпринять боковой маршъ днемъ, въ виду всей французской арміи. Главнокомандующій вознамѣрился выжидать ночи и, простоявъ 6-го августа подлѣ Смоленска, приказалъ арміи слѣдовать при наступленіи вечера, проселками, съ Порѣчской дороги на столбовую Московскую, въ двухъ колоннахъ: 1-й, Тучкова 1-го (изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ), черезъ Крохоткино, Жуково, Кошаево и Лубино къ Бредихину; 2-й колоннѣ, Дохтурова (изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ), черезъ Зыколино и Сущево на Прудище. Въ слѣдующій день обѣ колонны должны были продолжать маршъ къ Соловьевой переправѣ: 1-я изъ Бредихина, 2-я изъ Прудища. Платову приказано отдѣлить часть казачьихъ войскъ къ арріергарду 1-й колонны, составить цѣпь отрядовъ отъ Смоленска къ Порѣчью и Духовщинѣ и при сближеніи обѣихъ колоннъ къ переправѣ черезъ Днѣпръ, при Соловьевѣ, «всѣ казачьи отряды совокупить вмѣстѣ и составить массу, которую можно-бъ было употреблять во всѣ стороны». Арріергардомъ командовалъ Корфъ, имѣвшій приказаніе отступать вслѣдъ за 1-ю колонною; въ головѣ ся назначено идти особенному отряду.

ввидѣ авангарда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тучкова 3-го, и также слѣдовать прямо къ Бредихину.

Боковое движеніе арміи должно было исполнить подъ покровомъ ночи. Тучковъ 3-й выступилъ съ Порѣчской дороги 6-го августа, въ 8 часовъ вечера, и шелъ всю ночь передъ колонною своего брата, на Полуево, Горбуново и Кошаево, проселками, лѣсами и болотами. На нихъ были мосты, сдѣланные только для проѣзда крестьянскихъ телѣгъ. По переходѣ первыхъ орудій и конницы черезъ мосты, принуждены были поправлять и перемащивать ихъ, разбирая для того ближнія избы; починка мостовъ замедляла маршъ передового отряда, слѣдовательно—и 1-й колонны. 7-го августа, въ 8 часовъ утра, Тучковъ 3-й прибылъ на Московскую дорогу, откуда слѣдовало ему, по предписанію, идти прямо на Бредихино. Однако, Тучковъ 3-й, видя, что Бредихино отъ мѣста соединенія дорогъ, гдѣ онъ вышелъ на большую Московскую, отстоитъ нѣсколько верстъ далѣе отъ Смоленска, расчелъ, что, при точномъ выполненіи даннаго ему повелѣнія идти прямо къ Бредихину, онъ откроетъ Московскую дорогу, вслѣдствіе чего непріятель, ставъ на нее, можетъ отрѣзать всю ту часть нашихъ войскъ и тяжестей, которыя, слѣдуя проселкомъ, не успѣютъ еще пройти Лубина. Онъ принялъ въ соображеніе также другое обстоятельство. Арріергардъ, оставленный княземъ Багратіономъ впереди Лубина, подъ командою князя Горчакова, сходилъ съ дороги и шелъ назадъ въ то самое время, когда на нее выходилъ Тучковъ. Причиною этого отступленія было слѣдующее: по утру, 5-го августа, выступая изъ Смоленска къ Дорогубужу, князь Багратіонъ велѣлъ князю Горчакову оставаться верстахъ въ 4-хъ отъ Смоленска, для наблюденія Московской дороги, пока не придутъ на его смѣну войска 1-й арміи, а по прибытіи ихъ какъ можно скорѣе поспѣшать на соединеніе съ 2-ю армію. Простоявъ на назначенномъ ему мѣстѣ весь день сраженія, также и 6-е число, князь Горчаковъ не получалъ изъ 1-й арміи приказаній. Настало 7-е число. Солнце взошло уже высоко, но не было извѣстій изъ 1-й арміи и не являлись войска ея. Между тѣмъ, отъ Смоленска показался непріятель; у Прудищева французы строили мостъ на Днѣпрѣ, съ явнымъ намѣреніемъ зайти арріергарду въ тылъ. Положеніе князя Горчакова становилось ежеминутно затруднительнѣе. Наконецъ, пріѣхалъ изъ главной квартиры Барклая де-Толли посланный туда кн. Горчаковымъ адъютантъ и донесъ, что 1-я армія уже на походѣ и отрядъ Тучкова 3-го приближается изъ Кошаева къ столбовой дорогѣ. Тогда, исполняя приказаніе князя Багратіона «немедленно присоединиться къ нему, какъ появятся войска 1-й арміи» и посовѣтовавшись съ генералами Васильчиковымъ и графомъ Воронцовымъ, князь Горчаковъ приказалъ отряду своему идти назадъ къ Соловьевой и оставилъ впереди Смоленска три казачьихъ полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Карпова.

Въ то время Тучковъ 3-й, совершивъ маршъ проселками, вышелъ на столбовую дорогу. Соображая важность обстоятельствъ и необходимость имѣть въ своей власти Смоленскую дорогу, вмѣсто того, чтобы по назначенію идти влѣво къ Бредихину, онъ поворотилъ вправо къ Смоленску, съ намѣреніемъ занять первое удобное мѣсто къ оборонѣ какое найдетъ впереди, и, прикрывъ соединеніе дорогъ, дать время колоннѣ брата своего поспѣть на большую дорогу. Пройдя версты двѣ по направленію къ Смоленску, онъ увидѣлъ у рѣчки Страгани воз-

вышенное мѣстоположеніе, удобное для защиты, и остановилъ на немъ свой отрядъ, состоявшій изъ бригады князя Шаховского, 20-го и 21-го егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ. Потомъ онъ поѣхалъ для обозрѣнія и вскорѣ замѣтилъ пѣшихъ и конныхъ непріятелей, подвигавшихся противъ него изъ Смоленска. Разъѣзды Карпова донесли, что непріятель продолжаетъ строить мостъ у Прудищева. Привели французскаго перемётчика. Онъ подтвердилъ донесеніе разъѣздовъ и присовокупилъ, что войска, устроивающія мостъ у Прудищева, составляютъ корпусъ Жюно. Возвратясь къ отряду, Тучковъ 3-й поставилъ его въ боевой порядокъ между деревнями Топоровщиною и Латышиною. Казаки пошли влѣво къ Днѣпру открывать движеніе Жюно—все описанное происходило въ совершенной тишинѣ, а, между тѣмъ, часть колонны Тучкова 1-го (корпусы его, Уварова и графа Остермана), одолѣвъ мѣстныя и другія препятствія, всегда сопровождающія ночной маршъ по окольнымъ путямъ, вышла близъ Лубина на столбовую Московскую дорогу и продолжала слѣдованіе къ мѣсту своего назначенія, Бредихину. Только по просьбѣ Тучкова 3-го, братъ его, Тучковъ 1-й, послалъ къ нему въ подкрѣпленіе, на всякій случай, шедшую въ головѣ колонны бригаду Желтухина, полки лейбъ-гренадерскій и графа Аракчеева. Такимъ образомъ, пока все шло благополучно; ожидали только у Лубина корпуса Багговута и арріергарда Корфа, находившихся еще на окольной дорогѣ, гдѣ они были остановлены сперва обстоятельствами, отъ нихъ не зависѣвшими, а потомъ непріятелемъ. Багговуту назначено было слѣдовать ночью за 4-мъ корпусомъ, который опоздалъ выступленіемъ, а потому Багговутъ не могъ тронуться съ лагеря на Порѣчской дорогѣ ранѣе двухъ часовъ утра 7-го августа. Узнавъ о промедленіи, главнокомандующій велѣлъ Багговуту, для выигрыша времени, идти не за 4-мъ корпусомъ, но вправо тропинкою по лѣсу, черезъ деревню Гедеонову. Войска прибыли туда уже совсѣмъ на разсвѣтѣ и очутились не болѣе, какъ на полуторы версты отъ Петербургскаго предмѣстья Смоленска.

Во время этихъ движеній Наполеонъ былъ болѣе зрителемъ, нежели дѣятелемъ. Онъ оставался 6-го августа въ Смоленскѣ, давая отдыхъ своей арміи, утомленной сраженіемъ, и ничего рѣшительнаго не предпринималъ. Онъ только приказалъ приблизиться къ Корытнѣ вице-королю, во время смоленскаго приступа отряженному для наблюденія на Красненскую дорогу. Вечеромъ 6-го числа, Наполеонъ послалъ Жюно къ Прудищеву навести тамъ мостъ на Днѣпрѣ, выйти на Московскую дорогу и отрѣзать тѣ русскія войска, которыя могли еще находиться между Смоленскомъ и Латышинымъ. Тогда-же, по исправленному въ Смоленскѣ мосту, корпусъ Нея и вся конница Мюрата переправились 7-го августа, въ 3 часа поутру, въ то самое время, когда Багговутъ былъ отъ нихъ въ полуторѣ верстѣ, у Гедеонова. Не догадываясь объ истинномъ направленіи нашей арміи, Наполеонъ приказалъ Груши идти по Петербургской дорогѣ на Стабну и Духовщину, Мюрату поворотить вправо на Московскую дорогу, Нею слѣдовать проселкомъ, находящимся между этою дорогою и Петербургскою. Здѣсь выходилъ Ней на тотъ путь, гдѣ долженъ былъ идти арріергардъ Корфа, слѣдовательно, Ней могъ отрѣзать его, если-бы пошелъ быстро впередъ со всѣмъ своимъ корпусомъ. Онъ не сдѣлалъ этого, боясь удалиться отъ Смоленска и не зная, гдѣ наша армія и куда направляется. Безъ

проводниковъ, не находя въ селеніяхъ ни одной живой души, Ней двигался ощупью. Увидѣвъ передъ собою у Гедеонова небольшое число русскихъ изъ корпуса Багговута, онъ выслалъ противъ нихъ стрѣлковъ и потомъ, замѣтивъ, что наши тянулись вправо, далъ о томъ знать Наполеону. Изъ его донесенія Наполеонъ убѣдился въ движеніи русскихъ къ Московской дорогѣ и велѣлъ Нею идти туда.

Появленіе передовыхъ войскъ Нея у Гедеонова, гдѣ онъ могъ отрѣзать арріергардъ Корфа, встревожило Барклая де-Толли, стоявшаго на высотахъ за Гедеоновымъ. Онъ приказалъ принцу Евгенію, слѣдовавшему позади корпуса Багговута, возвратиться съ дивизіею и удержать Гедеоново, а Корфу идти какъ можно скорѣе. Принцъ выполнилъ порученіе успѣшно и остановилъ авангардъ Нея, напиравшаго не сильно, потому что въ то время получено уже было имъ повелѣніе Наполеона повернуть на Московскую дорогу. Барклай де-Толли оставался у Гедеонова, пока лично не увидѣлъ прибытія Корфа. Тогда онъ велѣлъ ему и принцу Евгенію идти на соединеніе къ другимъ корпусамъ, къ Лубину, куда и самъ отправился.

Здѣсь, до 11-го часа утра, тишина не прерывалась; но еще было слишкомъ рано, и потому нельзя было надѣяться, что весь день пройдетъ спокойно, тѣмъ болѣе, что Лубино находилось близко отъ соединенія обѣихъ дорогъ, куда не пришли еще ни Багговутъ, ни Корфъ. Слѣдовательно, должно было, до прибытія ихъ, всѣми средствами удерживать непріятеля. Въ 11 часовъ завязалась перестрѣлка на передовой цѣпи Тучкова 3-го, и огонь становился сильнѣе, по мѣрѣ прибытія Нева корпуса изъ окрестностей Гедеонова на столбовую дорогу. Ней открылъ пушечную пальбу и послалъ конницу противъ нашей батареи. Тучковъ 3-й отступилъ за Страгань, разобралъ на ней мостъ и геройски рѣшился держаться до крайности, видя, что отступленіемъ онъ могъ предавать во власть французовъ мѣста, гдѣ соединяются дороги и должны были выходить Багговутъ и Корфъ. Ней, съ своей стороны наблюдая движеніе нашей арміи и постигая, какой вредъ могъ онъ нанести ей, если-бы удалось ему оттѣснить отрядъ Тучкова 3-го за точку соединенія дорогъ, усиливалъ нападенія. Въ 3 часа прибылъ Барклай де-Толли и велѣлъ Коновницыну идти съ дивизіею на помощь Тучкову 3-му, а графу Орлову-Денисову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, спѣшить изъ Бредихина на рысяхъ къ Заболотью, на нашъ лѣвый флангъ, откуда ожидали аттаки Жюно и Мюрата, тянувшагося туда съ большимъ числомъ конницы, имѣя цѣлью обойти насъ слѣва. Объ этомъ его намѣреніи извѣстили насъ два переметчика, присовокупивъ, что Мюратъ для нападенія ожидаетъ только переправы Жюно.

На большой дорогѣ и по сторонамъ ея кипѣлъ самый упорный бой. Ней пытался нѣсколько разъ овладѣть поставленною на дорогѣ батареею. Не имѣя успѣха, онъ пускалъ въ обходъ нашъ колонны. Французы ожесточенно бросались впередъ, но были опрокидываемы Тучковымъ 3-мъ, Коновницынымъ и полками, подходившими изъ Бредихина. Тщетно истощая усилія противъ фронта позиціи, непріятель вознамѣрился обратить конницу на лѣвый флангъ, гдѣ, между тѣмъ, графъ Орловъ-Денисовъ окончилъ свои распоряженія. Ему было приказано, не переходя съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ черезъ болото, поставить корпусъ позади ихъ, на высотахъ, стараясь показать непріятелю, будто тамъ находится большое количество конницы. Исполняя

повелѣніе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ 1-му корпусу и конной артиллеріи сойти съ лошадей и стать по опушкѣ лѣса въ одну шеренгу, а самъ поѣхалъ къ бывшимъ налѣво отъ большой дороги полкамъ Маріупольскому, Сумскому, Елисаветградскому и двумъ эскадронамъ Изюмскаго гусарскаго и 5-ти казачьимъ, также отданнымъ въ его распоряженіе. Предвидя съ одной стороны близкую аттаку Мюрата и переправу Жюно, а съ другой безнадежность въ случаѣ неудачи отступать болотами, графъ Орловъ-Денисовъ отправилъ изъ каждаго эскадрона людей для осмотра мѣстъ, по которымъ можно было отходить назадъ. Это онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ, желая удостовѣрить самихъ солдатъ въ невозможности отступленія. Когда они разузнали о непроходимости болотъ, онъ предложилъ войску побѣдить или честно умереть, поставилъ полки въ 4 линіи и утвердилъ свой правый флангъ къ пригорку, отдѣлявшему его отъ Московской дороги. На пригорокъ взвезли 4 орудія, чтобы удерживать нападенія непріятельской пѣхоты на правый нашъ флангъ. Пять полковъ казачьихъ и 2 эскадрона Изюмскихъ гусаровъ составили лѣвое крыло. Главное состояло въ воспрепятствованіи Мюрату выстроить его многочисленную конницу на полянѣ, такъ какъ, если-бы это удалось ему, пораженіе нашей кавалеріи было-бы неминуемо, послѣ чего Мюрату уже легко было-бы ударить въ лѣвый флангъ пѣхоты, сражавшейся на большой дорогѣ и по сторонамъ ея.

Два пѣхотные французскіе полка стали выходить изъ кустарника и открыли огонь. Графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ первой линіи отступить на мѣсто второй, второй на мѣсто третьей, и такъ далѣе. Пѣхота непріятельская, завидя отступленіе, двигалась впередъ. Графъ Орловъ-Денисовъ послалъ первую линію аттаковать ее, съ подтвержденіемъ: уничтоживъ пѣхоту, проскакать назадъ за 4-ю линію, а 2-й линіи снова начинать аттаку противъ кавалеріи и, опрокинувъ ее, возвращаться за 4-ю линію, стараясь безпрерывными аттаками не дать французамъ выстроиться на полянѣ. Первая аттака Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками была произведена съ полнымъ успѣхомъ, и французская пѣхота изрублена на мѣстѣ. Вторая линія, не дождавшись отступленія первой, а первая, ободренная своею удачею, вмѣстѣ пошли въ аттаку на показавшуюся изъ кустарниковъ конницу. Отъ этого смѣлаго движенія произошли на короткое время замѣшательство и уклоненіе отъ сдѣланныхъ распоряженій. Обѣ линіи опрокинули кавалерію, но тѣмъ задержали дѣйствіе 3-й линіи, пока не были вызваны для занятія своихъ мѣстъ. Такого рода аттаки производились около двухъ часовъ съ неимовѣрнымъ духомъ и быстротою. Въ то время третья непріятельская колонна, обойдя лѣсъ, открыла по лѣвому нашему флангу пушечный огонь. Графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ завернуть флангъ назадъ. Сокращеніе позиціи между двумя болотами дало возможность составить резервы, а, между тѣмъ, по просьбѣ графа Орлова-Денисова, ему прислали 12 орудій и два пѣхотныхъ полка, Перновскій и Полоцкій. Первый поставленъ ввидѣ каре въ центрѣ, второй на правомъ флангѣ, у пригорка, куда взвезли прибывшія 12 орудій. Размѣстивъ такимъ образомъ войска, графъ Орловъ-Денисовъ ожидалъ новыхъ нападеній и послалъ увѣрить главнокомандующаго, что до ночи не уступитъ Мюрату ни шагу.

Непріятельскіе генералы нѣсколько разъ просили у Наполеона подкрѣпленій, приказывая доложить ему, что сраженіе идетъ самое

кровопролитное и къ русскимъ безпрестанно подходятъ свѣжія войска. Мюратъ также неоднократно посылалъ за Жюно, который, по переходѣ черезъ Днѣпръ у Прудищева, откуда могъ ударить во флангъ графу Орлову-Денисову, остановилъ свой корпусъ и не подвигался впередъ. Всѣ убѣжденія Мюрата остались тщетны: Жюно не трогался, отзываясь, что въ 200 шагахъ передъ его фронтомъ топкое болото, которое нельзя перейти иначе, какъ по одному человѣку, и то съ подстилкою фашинъ. Ему предложили обойти болото и напасть на русскихъ съ тыла. Жюно отвѣчалъ, что для такой отдѣльной аттаки корпусъ его слишкомъ малочисленъ, что для обхода требуется много времени, между тѣмъ какъ до наступленія ночи остается только четыре часа. Бездѣйствіе Жюно французы приписываютъ помѣшательству въ умѣ, которое начинало уже обнаруживаться въ немъ и потомъ свело его во гробъ.

Въ продолженіе этого кавалерійскаго дѣла, Барклай де-Толли подкрѣплялъ центръ свѣжими войсками, подходившими изъ Бредихина. Екатеринославскій гренадерскій полкъ усилилъ правое крыло; кавалерійская дивизія и гренадерскіе полки: Павловскій, Таврическій и С.-Петербургскій, стали въ резервѣ за Лубинымъ. Наконецъ, часу въ 7-мъ, Багговутъ совершилъ свое боковое движеніе. Обѣ дивизіи его, 4-я, принца Евгенія, и 17-я, Олсуфьева, расположились за правымъ крыломъ; къ вечеру подоспѣлъ и Корфъ. Слѣдовательно, цѣль, для достиженія которой сражались, съ нашей стороны была достигнута, но кровопролитный бой не прекращался. Получивъ рѣшительный отказъ отъ Жюно участвовать въ сраженіи, Мюратъ сдѣлалъ послѣднее нападеніе противъ графа Орлова-Денисова, но былъ остановленъ 16-ти пушечною батареею, батальнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ и аттакою сумскихъ гусаръ. На правомъ крылѣ Ней получилъ въ подкрѣпленіе пѣхоту и упорствовалъ въ нападеніяхъ, но безъ успѣха. Около девяти часовъ вечера, только что пришедшая изъ корпуса Даву дивизія Гюдена воспользовалась сумерками, прошла лощину и стремительно аттаковала насъ. Тучковъ 3-й, съ Екатеринославскими гренадерами, ударилъ въ штыки, но былъ опрокинутъ, пронзенъ штыкомъ, упалъ съ лошади и взятъ въ плѣнъ. Гюденъ былъ убитъ. Огонь затихъ, и мѣсто сраженія осталось за нами. Коновницынъ разставилъ передовую цѣпь, отпустилъ артиллерію назадъ и снялъ войска съ позиціи.

Битвой подъ Лубинымъ кончились кровопролитныя дѣйствія, происходившія нѣсколько дней сряду въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. Уступлено было врагамъ вѣковое достояніе Россійской имперіи, но не побѣда предала его во временное обладаніе Наполеона. Съ невѣроятнымъ мужествомъ сражаясь на старинныхъ рубежахъ отечества, русскіе отходили назадъ не по принужденію къ отступленію силою, но въ исполненіе воли главнокомандующаго, полагавшаго, что еще не пробилъ часъ общей битвы. Императоръ Александръ уподоблялъ сраженіе подъ Лубинымъ кульмскому, съ которымъ оно имѣетъ большое сходство. Тучковъ 3-й, точно такъ-же, какъ годъ спустя графъ Остерманъ, безъ приказанія, самъ собою пошелъ совсѣмъ по другому направленію, нежели ему было назначено, и заградилъ непріятелю путь къ Лубину, подобно графу Остерману, совершившему такое-же движеніе на дорогѣ изъ Дрездена въ Теплицъ. Оба запечатлѣли кровью свой подвигъ, но Тучковъ не былъ такъ счастливъ, какъ графъ Остерманъ, мужество котораго было въ полной мѣрѣ оцѣнено признательностью монарха, лич-

наго свидѣтеля кульмскаго боя. Напротивъ, Тучкову не отдали должной справедливости, по незнанію, что онъ изъ собственнаго побужденія, выйдя на Московскую дорогу, поворотилъ къ Смоленску, хотя въ данной ему диспозиціи ему было приказано составлять только авангардъ колонны, шедшей въ Бредихино, и отнюдь не упоминалось о первомъ поворотѣ на Смоленскъ.

Когда Тучковъ, пробитый штыкомъ, упалъ на землю, французы начали рубить его саблями. Было темно, но вдругъ просіяла луна. Увидя на плѣнномъ звѣзду, непріятель остановилъ взнесенный и, вѣроятно, роковой ударъ. Тучковъ, облитый кровью, былъ представленъ Мюрату, принятъ имъ ласково и даже получилъ удовлетвореніе просьбы, заключавшейся въ слѣдующемъ: офицеръ, полонившій Тучкова, повелъ его къ Мюрату и убѣждалъ его замолвить объ немъ хоть слово. Прощаясь съ Мюратомъ, Тучкомъ сказалъ: «Имѣю до вашего величества просьбу».—«Какую?» - спросилъ Мюратъ: «охотно сдѣлаю все для васъ».— «Не забудьте наградить офицера, который представилъ меня къ вамъ; онъ дѣйствовалъ очень храбро противъ меня».—Мюратъ улыбнулся; на другой день офицеръ получилъ орденъ почетнаго легіона.

У французовъ, по словамъ ихъ, выбыло изъ строя болѣе 6,000 человѣкъ. Потеря наша была не менѣе, но въ точности неизвѣстна; донесеній объ ней нѣтъ. Впрочемъ, какъ-бы значительна ни была убыль, но она могла считаться маловажною въ сравненіи съ тѣми выгодами, какія пріобрѣталъ непріятель, если-бы успѣлъ захватить точку соединенія дорогъ и утвердиться на ней. Главная причина, почему французы, имѣя всѣ силы у Смоленска, въ самой близости поля сраженія, не успѣли прорваться, оттиснуть наши войска на двѣ версты назадъ и отрѣзать Багговута, Корфа и тяжести, состояла въ томъ, что Наполеонъ не распоряжался лично и не былъ на полѣ сраженія. Рано поутру онъ выѣзжалъ на короткое время изъ Смоленска и останавливался недалеко отъ петербургскаго предмѣстья, пока не узналъ о настоящемъ направленіи русской арміи. Узнавъ о движеніи нашемъ съ Порѣчской дороги на Московскую, Наполеонъ велѣлъ Нею идти туда, Даву стать въ резервѣ, а самъ возвратился въ Смоленскъ и цѣлый день не выѣзжалъ изъ города. Ней, Мюратъ, Даву и Жюно были независимы другъ отъ друга и каждый поступалъ по своему разумѣнію. Двое первыхъ истощали всѣ средства для одолѣнія упорной защиты русскихъ, но не получили помощи отъ Жюно, который, переправясь у Прудищева черезъ Днѣпръ, не подался ни шагу впередъ. Даву тоже простоялъ весь день въ бездѣйствіи, въ 10-ти верстахъ отъ поля сраженія, и только подъ вечеръ одна изъ его дивизій, Гюдена, введена въ огонь, а другая, Морана, послана въ обходъ нашего праваго крыла, но съ половины дороги обращена назадъ когда Даву, узнавъ о неудачныхъ аттакахъ Мюрата и Нея, сталъ опасаться, чтобы дивизія Морана не была отрѣзана. Такія упущенія были слѣдствіемъ отсутствія Наполеона и недостатка въ единоначаліи, между тѣмъ какъ съ нашей стороны распоряжался самъ главнокомандующій, прибывшій на поле вскорѣ послѣ начала сраженія и оставшійся въ дѣлѣ до конца.

Отъ своего возвратившагося послѣ сраженія адъютанта, посланнаго наблюдать дѣйствія войскъ, Наполеонъ узналъ, какъ убій-

ственна была битва. Тотчасъ, ночью-же, поѣхалъ онъ въ каретѣ на поле сраженія, осмотрѣлъ окрестности, наградилъ войска, раздалъ знамена полкамъ, которые ихъ не имѣли, и излилъ гнѣвъ на Жюно, ставя ему въ вину, что русская армія не потерпѣла совершеннаго пораженія. «Безполезное пролитіе крови до такой степени поразило Наполеона», говоритъ его секретарь, «что онъ рѣшился не идти далѣе и остановиться въ Смоленскѣ». Наполеонъ уже раскаявался, зачѣмъ начиналъ войну, видя, что долженъ былъ, какъ мореходецъ въ безбрежномъ океанѣ, все болѣе и болѣе углубляться въ необозримое пространство Россіи, на которомъ наша армія, а съ нею и мнимая побѣда, подобно призракамъ, скрывались и исчезали отъ глазъ его. Въ такомъ расположеніи духа онъ возвратился 8-го августа съ поля сраженія на смоленское пепелище, между тѣмъ какъ русская армія отступала къ Соловьеву двумя колоннами: одною, Тучкова 1-го, отъ Лубина, другою, Дохтурова, изъ Прудища. Въ Соловьевѣ назначено было переходить обѣимъ колоннамъ черезъ Днѣпръ. Немного далѣе мы опишемъ дальнѣйшее движеніе армій, а здѣсь разскажемъ, что происходило въ отдѣльномъ отрядѣ Винцингероде, когда битвы кипѣли вокругъ древняго Смоленска.

Ранѣе смоленскаго сраженія, Винцингероде былъ отправленъ къ Порѣчью и Велижу для отысканія непріятеля, извѣщенія объ его движеніяхъ и содержанія сообщеній съ графомъ Витгенштейномъ. Его отрядъ состоялъ изъ Казанскаго драгунскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ. Прибывъ къ Велижу, онъ узналъ, что два непріятельскіе батальона занимали городъ, и вознамѣрился ударить на нихъ врасплохъ. Нападеніе не удалось, потому что непріятель, заблаговременно извѣщенный о нашемъ предпріятіи, принялъ мѣры осторожности. Отъ Велижа отрядъ пошелъ къ Усвяту, откуда французы, съ приближеніемъ нашихъ, удалились безъ выстрѣла. Винцингероде расположился на нѣсколько дней въ Усвятѣ и посылалъ въ разныя стороны партіи, приводившія безпрестанно французскихъ бродягъ. Потомъ онъ пошелъ къ Витебску, пославъ полковника Бенкендорфа къ Полоцку. Неожиданное появленіе русскихъ произвело страхъ въ непріятельскихъ гарнизонахъ, занимавшихъ Витебскъ и Полоцкъ, куда во множествѣ спасались находившіеся въ окрестныхъ селеніяхъ залоги и фуражиры, которыхъ въ этомъ поискѣ захвачено 1000 человѣкъ. Къ указанію мѣстъ, гдѣ шатались французскіе бродяги и стояли ихъ залоги, а также къ доставленію свѣдѣній о непріятелѣ, много способствовали евреи, оказывавшіе при всякомъ случаѣ особенную преданность къ Россіи. Край въ Витебской губерніи, по которому проходилъ Винцингероде, былъ въ безначаліи. Французскіе залоги, по просьбѣ помѣщиковъ поставленные въ деревняхъ, не прекращали своеволія командъ и бродягъ. Не имѣя средствъ къ обузданію страстей, они были простыми зрителями опустошенія, причемъ и сами грабили.

По отступленіи армій отъ Смоленска, Винцингероде долженъ былъ прекратить поиски въ Витебской губерніи и находиться на одной высотѣ съ арміями. Онъ избралъ путь черезъ Порѣчье и Бѣлой. Едва онъ вступилъ въ предѣлы Смоленской губерніи, къ разъѣздамъ его, посланнымъ на Порѣчье, присоединились жители и вмѣстѣ съ казаками нападали на непріятелей. Одинаковое рвеніе встрѣчалъ нашъ отрядъ во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, гдѣ, въ тылу непріятельской арміи, толпы отсталыхъ французовъ жгли, гра-

били и предавались всевозможнымъ неистовствамъ. Помѣщики, духовенство, купцы, крестьяне соединялись съ отрядомъ Винцингероде, для пораженія непріятеля. «Мы находили вездѣ»,—говоритъ Бенкендорфъ,—«самую возвышенную преданность, самое слѣпое повиновеніе и трогательные примѣры привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ». Изъ Бѣлаго Винцингероде пошелъ черезъ Покровъ и Воскресенскъ на Сычевку и Гжатскъ. Здѣсь раздраженіе народа достигало высшей степени. Женщины и дѣти удалялись въ лѣса; мужчины нападали на французовъ, защищали церкви, жгли свои дома и жестоко казнили непріятелей, попадавшихся имъ въ руки.

IV.

Отъ Соловьевой переправы до Царева Займища.

Послѣ сраженія при Лубинѣ, непріятель два дня не напиралъ на нашъ арріергардъ. 1-я армія продолжала маршъ къ Соловьевой переправѣ, 8-го августа перешла по четыремъ мостамъ черезъ Днѣпръ и стала на половинѣ дороги къ Дорогобужу. Когда полки проходили по узкимъ мостамъ у Соловьева, они увидѣли шествіе чудотворнаго образа Смоленской Божіей Матери. Войско разступилось, благоговѣйно молясь святой иконѣ. На правомъ берегу Днѣпра, подъ командою Платова, остался арріергардъ, составленный изъ казаковъ, 4-хъ полковъ регулярной конницы и 6-ти егерскихъ. Платову велѣно было заслонять армію и поддерживать связь съ отрядомъ Винцингероде. Обозы, больные и раненые отправились изъ Духовщины въ Вязьму. 8-го августа, 2-я армія была у Михалевки и на слѣдующее утро пошла къ Дорогобужу, а 1-я армія, не доходя до этого города 8 верстъ, заняла позицію у Умолья, гдѣ простояла два дня. Барклай де-Толли предполагалъ выждать тутъ непріятеля и принять сраженіе, для чего князь Багратіонъ возвратился изъ Дорогобужа и сталъ на лѣвомъ крылѣ 1-й арміи. Намѣреніе Барклая де-Толли не отступать далѣе казалось несомнѣннымъ. Онъ писалъ графу Ростопчину:

«Нынѣшнее положеніе дѣлъ непремѣнно требуетъ, чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Я прежде сего полагалъ продолжать войну до окончательнаго составленія внутреннихъ ополченій, и посему надобно было вести войну общими движеніями, не на одномъ пространствѣ, гдѣ находятся 1-я и 2-я арміи, но на всемъ театрѣ войны, слѣдовательно, 3-ею арміею надлежало-бы исполнить дѣятельную часть операцій, дабы располагать въ движеніяхъ силами всѣхъ трехъ армій, по примѣру непріятеля, который, пользуясь чрезвычайнымъ числомъ войскъ своихъ, движеніями своими принудилъ насъ къ отступленію. Находясь въ безизвѣстности о 3-й арміи и не имѣя довольнаго числа войскъ, чтобы одними движеніями прикрывать всѣ пункты, мы находимся въ необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сраженіе. Всѣ причины, доселѣ воспрещавшія давать оное, нынѣ уничтожаются. Непріятель слишкомъ близокъ къ сердцу Россіи, и, сверхъ того, мы принуждены всѣми обстоятельствами взять сію рѣшительную мѣру, ибо въ противномъ случаѣ арміи были-бы подвержены сугубой погибели и безчестію, и отечество не менѣе того находилось-бы въ той опасности, отъ которой, съ помощію Всевышняго, можемъ избавиться общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ княземъ

Багратіономъ избрали позиціи у Умолья. Признаюсь, что число храбрыхъ солдатъ нашихъ уменьшилось во время бывшихъ почти ежедневныхъ дѣлъ, и въ генеральномъ сраженіи мы, конечно, будемъ имѣть большую потерю въ людяхъ, почему, представляя вамъ, въ какомъ положеніи находятся арміи наши, умоляю васъ извѣстнымъ усердіемъ вашимъ къ отечеству спѣшить приготовленіемъ сколь можно скорѣе московской военной силы и собрать оную въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, дабы въ случаѣ нужды подкрѣпить наши арміи. По сей-же причинѣ просилъ я генерала Милорадовича, съ ввѣренными ему войсками, поспѣшить изъ Калуги, Можайска и Волоколамска выступить и расположиться близъ Вязьмы».

Въ такомъ-же смыслѣ писалъ Барклай де-Толли къ графу Витгенштейну и къ Милорадовичу, прося его поспѣшать изъ Калуги, Можайска и Волоколамска къ Вязьмѣ, гдѣ Милорадовичъ долженъ былъ составить резервъ. Тормасова Барклай де-Толли убѣждалъ «дѣйствовать быстро, безостановочно въ тылъ непріятелю, истреблять всѣ войска, какія ему попадутся, и, отнимая у непріятеля всякое продовольствіе, стараться довольствовать онымъ 3-ю западную армію, отъ коей теперь зависитъ спасеніе государства и отечества». Вскорѣ было отмѣнено намѣреніе сразиться при Умольѣ. Главнокомандующій доносилъ государю:

«Потеря 1-й арміи въ послѣднихъ сраженіяхъ весьма значительна. По этой причинѣ и по тому уваженію, что, въ случаѣ неудачи, арміи не имѣютъ за собою никакого подкрѣпленія, побуждаюсь всеподданѣйше просить ваше величество о повелѣніи составить резервный корпусъ, который могъ-бы мнѣ служить подкрѣпленіемъ и на который я-бы могъ отступить по Московской дорогѣ. На этотъ счетъ я уже писалъ къ Милорадовичу; между тѣмъ, чтобы предупредить случайности какого-либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія и имѣя предъ собою превосходнаго непріятеля, я буду вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однако-же, мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваюсь въ этомъ успѣть, но надѣюсь на Бога, на справедливость нашего дѣла и храбрость нашихъ войскъ».

Пока наши стояли у Умолья въ раздумьѣ: принять-ли сраженіе, или нѣтъ?—Наполеонъ жилъ на пепелищѣ Смоленска и провелъ тамъ четыре дня среди догоравшихъ церквей и домовъ. Сила этого пожара была такова, что изъ 2,250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ уцѣлѣло только 350. Наполеонъ занялъ домъ гражданскаго губернатора. На другой день послѣ своего пріѣзда, 7-го августа, онъ отправился въ соборъ. Дойдя до средины огромнаго храма, онъ снялъ шляпу; то-же сдѣлали и всѣ окружавшіе его, бывшіе до тѣхъ поръ, подобно повелителю своему, съ покрытою головою. Ужасная картина представилась Наполеону. Не успѣвшіе спастись изъ города и пожаромъ лишенные крова жители искали убѣжища въ домѣ Божіей Матери Смоленскія Одигитріи. Тамъ взоры Наполеона встрѣтили матерей въ мукахъ разрѣшенія отъ бремени, больныхъ, боровшихся со смертью; вопли и стенанія оглашали церковь! Никому изъ страдальцевъ не простеръ Наполеонъ руки помощи, никого не утѣшилъ привѣтнымъ словомъ, но, какъ разсказываютъ очевидцы, только окинулъ несчастныхъ свирѣпымъ взглядомъ. Уходя, онъ приказалъ приставить къ собору часовыхъ, которые и находились у храма во

все время непріятельскаго нашествія, пока послѣдній французскій часовой не былъ снятъ, 5-го ноября, 20-мъ егерскимъ полкомъ. Наполеонъ нѣсколько разъ ѣздилъ по разореннымъ окрестностямъ, гдѣ не оставалось и слѣдовъ прежняго благосостоянія, и прогуливался по испепеленному городу, безмолвно глядя, какъ его войска грабили дома и церкви, били и терзали беззащитныхъ соотечественниковъ нашихъ. Изъ казеннаго имущества достались въ добычу непріятелю одни губернскіе давнихъ лѣтъ архивы. Для поднятія этихъ дѣлъ требовалось большое количество подводъ, въ которыхъ, въ послѣдніе дни пребыванія армій у Смоленска, оказался совершенный недостатокъ. Подводы доставлялись ежедневно въ армію не сотнями, но тысячами, отъ чего обыватели пришли въ такое оскудѣніе, что не только въ окрестностяхъ губернскаго города, но и въ удаленныхъ уѣздахъ, при занятіи ихъ непріятелемъ вовсе не оставалось лошадей.

Сколько изъ 15,000 обывателей, составлявшихъ до нашествія непріятеля народонаселеніе Смоленска, находилось въ то время въ городѣ, съ достовѣрностью неизвѣстно. Съ исхода іюля начали уѣзжать изъ Смоленска; переселеніе продолжалось до самаго отступленія нашей арміи. Очевидцы согласуются въ показаніи, что при занятіи Смоленска непріятелемъ было въ немъ до 1,000 человѣкъ старыхъ, больныхъ, младенцовъ и нѣсколько праздношатающихся, до двухсотъ литовскихъ погонщиковъ, которые везли за русскою арміею разныя тяжести и потомъ отъ нея отдѣлились. Нашествіе не застало въ Смоленскѣ ни одного дворянина, кромѣ весьма малаго числа чиновниковъ, не успѣвшихъ спастись, такъ какъ отъ Багратіона тогда только было получено разрѣшеніе удаляться, когда 4-го августа загорѣлось сраженіе. Одни были увѣрены, что города не сдадутъ; другіе хотѣли въ немъ оставаться до послѣдней возможности и выйти съ арріергардомъ, чему воспрепятствовало зажженіе Днѣпровскаго моста. Но всѣ, имѣвшіе несчастіе быть застигнутыми нашествіемъ, спасались потомъ изъ города, уходя пѣшкомъ.

Для управленія Смоленскою губерніею учреждена была Наполеономъ верховная коммиссія по гражданской части, подъ предсѣдательствомъ французскаго интенданта Вильбланша. Военными губернаторами были сперва Коленкуръ, потомъ генералы Шарпантье и Жомини. Кромѣ того, учредили муниципалитетъ, изъ 10-ти членовъ и 30-ти чиновниковъ, исправлявшихъ должности переводчиковъ, писцовъ, казначеевъ и коммиссаровъ, употребляемыхъ для разъѣздовъ. Ввиду невозможности ввести какое-либо устройство въ занятыхъ непріятелемъ уѣздахъ, откуда жители выѣхали или разбѣжались по лѣсамъ, французское управленіе должно было ограничиться заготовленіемъ продовольствія и отводомъ квартиръ. Всѣ 40 человѣкъ, поступившіе въ муниципалитетъ, большею частію по принужденію, были люди безъ имени, иностранные мастеровые, шляхтичи, выключенные изъ службы подъячіе.

Судя по явленіямъ, представившимся Наполеону съ перваго шага его на коренную русскую землю и въ самомъ Смоленскѣ, не трудно было ему заключать о томъ, что ожидало его далѣе. Онъ вознамѣрился сдѣлать императору Александру мирныя предложенія и избралъ для того генералъ-маіора Тучкова, перевезеннаго съ поля лубинскаго сраженія въ Смоленскъ, гдѣ французы поступали съ

нимъ очень ласково, особенно Бертье, который безъ всякой просьбы снабдилъ его бѣльемъ и деньгами. За Тучковымъ присланъ былъ съ вѣжливымъ приглашеніемъ адъютантъ Наполеона. Передъ домомъ французскаго императора толпилось множество военныхъ; при входѣ, по обѣимъ сторонамъ, стояли часовые верхомъ; лѣстница и переднія комнаты были наполнены генералами; у дверей кабинета находился лакей въ придворной ливреѣ. Когда Тучковъ вошелъ въ кабинетъ, Наполеонъ былъ вдвоемъ съ Бертье. У окна на столѣ лежала карта Россіи; движенія русскихъ войскъ означены были воткнутыми на ней булавками съ зелеными головками, французскихъ съ синими и другихъ цвѣтовъ. Наполеонъ стоялъ посреди комнаты, благосклонно отвѣтилъ на поклонъ плѣннаго и вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ:

«Какого вы корпуса?»—«Второго».—«Это—корпусъ Багговута. Родня-ли вамъ Тучковъ, командиръ 3-го корпуса?»—«Родной братъ мой».—«Я не стану спрашивать о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ 6-ти корпусовъ, каждый изъ двухъ дивизій въ 6 пѣхотныхъ полковъ, въ полку по 2 батальона. Могу опредѣлить даже число людей въ каждой ротѣ».—«Вижу, что ваше величество очень хорошо обо всемъ увѣдомлены».—«Не мудрено»,—отвѣчалъ Наполеонъ.—«всякій день, съ самаго начала отступленія вашего, мы беремъ плѣнныхъ; нѣтъ почти ни одного русскаго полка, изъ котораго у насъ не было-бы солдатъ. Ихъ разспрашиваютъ о числѣ людей, записываютъ отвѣты и такимъ образомъ составляютъ свѣдѣнія». Помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ: «Вы, господа, хотѣли войны, а не я; знаю, у васъ говорятъ, будто я—зачинщикъ: это—неправда; я докажу вамъ, что я не хотѣлъ войны, а что вы меня къ ней принудили». Тутъ онъ пустился въ пространное изложеніе своихъ поступковъ по отношенію къ Россіи, начиная съ Тильзитскаго мира, утверждалъ, что не онъ подалъ поводъ къ разрыву, что требованіе очистить Пруссію было для него обидно, что съ нимъ говорили, какъ съ побѣжденнымъ, словомъ, повторилъ всѣ тѣ несправедливыя жалобы, какими еще до нашествія своего укорялъ Россію. Потомъ онъ говорилъ о лубинскомъ дѣлѣ и спросилъ: «Скоро-ли дадите вы сраженіе? или будете все отступать?» На отвѣтъ плѣннаго, что ему неизвѣстны намѣренія главнокомандующаго, Наполеонъ началъ хвалить русское войско и осуждать нашъ образъ войны. «Отступая безпрестанно»,—говорилъ онъ,—«вы только опустошаете свою собственную землю. Зачѣмъ вы оставили Смоленскъ и довели этотъ прекрасный городъ до самаго несчастнаго положенія? Если хотѣли защищать его, для чего не держались долѣе? Вы могли отстаивать его еще очень долго. Если-же не имѣли этого намѣренія, зачѣмъ останавливались и сражались въ немъ? Развѣ только для безполезнаго разоренія города. Смоленскъ для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, несмотря на войну, но война ничего не значитъ. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ и будетъ другомъ моимъ. Знаетъ-ли онъ васъ лично?»—«Надѣюсь», — отвѣчалъ Тучковъ, — «я имѣлъ счастіе служить въ гвардіи».—«Можете-ли вы писать къ нему?»—«Никакъ нѣтъ; я никогда не осмѣлюсь утруждать императора письмами, особливо въ настоящемъ моемъ положеніи».—«Но, если вы не смѣете писать къ императору,

можете-ли написать къ брату вашему то, что я вамъ скажу?»—«Къ брату—дѣло другое».—«Итакъ, вы меня обяжете, извѣстивъ его о моемъ съ вами свиданіи и порученіи написать ему, что онъ сдѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе, если самъ или черезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ заключить миръ. Мы уже довольно сожгли пороха и пролили крови; вѣдь, когда-нибудь должно-же кончить? За что мы деремся? Я не имѣю вражды противъ Россіи. О! если-бъ вы были англичане: parlez moi de cela (при этихъ словахъ онъ поднялъ вверхъ кулакъ). Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите дешево покупать кофе и сахаръ; очень хорошо: все можно устроить такъ, что у васъ будутъ и кофе, и сахаръ; но, если вы думаете, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ тѣхъ вашихъ генераловъ, кого болѣе другихъ уважаютъ, составятъ военный совѣтъ, и они разсмотрятъ положеніе дѣлъ, силы мои и ваши. Если они найдутъ на сторонѣ вашей болѣе вѣроятностей къ побѣдѣ и возможности разбить меня, то назначьте, гдѣ и когда быть сраженію? я на все готовъ. Если-же, напротивъ, всѣ вѣроятности успѣха признаны будутъ въ выгоду мою, такъ какъ оно, дѣйствительно, и есть, то зачѣмъ намъ долѣе проливать кровь по пустому? Не лучше-ли вступить въ переговоры о мирѣ до потери сраженія, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія должно имѣть для васъ проигранное сраженіе? Я займу Москву, и, какія ни принялъ-бы я мѣры для избавленія ея отъ разоренія, ничего не поможетъ. Занятая непріятелемъ столица похожа на женщину, потерявшую честь: что ни дѣлай послѣ, но чести возвратить невозможно. Знаю: у васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; то-же самое твердили и австрійцы о Вѣнѣ, но, когда я занялъ ее, они заговорили иначе. И съ вами то-же случится. Столица ваша—Москва, а не Петербургъ, который—ничто иное, какъ мѣсто пребыванія вашихъ монарховъ».

Наполеонъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и потомъ спросилъ Тучкова: «Вы—лифляндецъ?»—«Нѣтъ, я—коренной русскій, изъ окрестностей Москвы».—«Вы изъ Москвы?»—сказалъ Наполеонъ съ особеннымъ выраженіемъ.—«Вы-то, господа москвичи, хотите войны со мною? Но какъ вы думаете: если-бы императоръ Александръ захотѣлъ заключить миръ со мною, можетъ-ли онъ это сдѣлать?»—«Кто-жъ въ состояніи ему воспрепятствовать»?—отвѣчалъ Тучковъ.—«А сенатъ?»—«Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, кромѣ той, какую государю угодно предоставить ему». Повторивъ Тучкову предложеніе: написать брату своему все, что онъ говорилъ, Наполеонъ просилъ его также о помѣщеніи въ письмѣ, что наши главнокомандующіе дурно поступаютъ, забирая съ собою при отступленіи всѣ земскія власти, чѣмъ дѣлаютъ болѣе вреда Россіи, нежели Наполеону, который отъ того ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ. «Меня увѣряли», сказалъ онъ, «что въ Россіи я пропаду съ голода, но теперь вижу, что это—пустое опасеніе. Въ Россіи поля такъ-же хорошо обработаны, какъ въ Германіи; мудрено пропасть съ голода въ землѣ, гдѣ всѣ поля покрыты хлѣбомъ. Сверхъ того, у меня есть подвижной магазинъ изъ 10,000 повозокъ; его достаточно для продовольствія арміи». Продержавъ Тучкова около часа, Наполеонъ, отпуская его, велѣлъ ему возвратить шпагу и совѣтовалъ не огорчаться. «Плѣнъ вашъ», сказалъ онъ, «безчестья вамъ сдѣлать

не можетъ: такъ, какъ вы взяты, берутъ только тѣхъ, кто бываетъ впереди, но не тѣхъ, кто остается назади». Согласно съ желаніемъ Наполеона, Тучковъ написалъ брату своему о происходившемъ разговорѣ и показалъ письмо маршалу Бертье, который отправилъ его въ нашу главную квартиру. Оттуда представили письмо императору. Отвѣтомъ Наполеону было презрительное молчаніе.

О намѣреніи Наполеона остановиться на зиму въ Смоленскѣ мнѣнія различны. Нѣкоторые увѣряютъ, что довольный занятіемъ обширнаго пространства отъ Нѣмана до Днѣпра онъ не хотѣлъ идти далѣе, но имѣлъ въ виду устроить лежавшія у него въ тылу области такимъ образомъ, чтобы можно было извлечь изъ нихъ обильные источники подкрѣпленій и, проведя зиму въ Смоленскѣ, весною, съ обновленными силами, продолжать наступленіе къ Москвѣ, если, между тѣмъ, миръ не будетъ заключенъ. Это мнѣніе не доказано. Въ справедливости его тѣмъ болѣе можно усомниться, что для приведенія въ исполненіе этихъ мнимыхъ различныхъ предположеній потребовалось-бы много времени, а, между тѣмъ, наступила-бы осень, забушевали-бы вьюги и непогоды, и непріятельская армія, какъ корабль въ зимнюю пору, была-бы охвачена льдами, прикованная ими на восемъ мѣсяцевъ къ бездѣйствію. Сверхъ того, продолжительное отсутствіе Наполеона изъ Франціи не было совмѣстимо съ его положеніемъ. Война не прекращалась на Пиринейскомъ полуостровѣ и принимала для него невыгодный оборотъ. Данники его, нѣмецкіе владѣтели, и новые подданные въ Италіи, Голландіи, даже въ самой Франціи, изнуряемые налогами, рекрутскими наборами и самоуправствомъ, хотя молча, однако-же, съ тайнымъ ропотомъ несли ярмо завоевателя. Заглушить неудовольствія, наложить печать безмолвія на негодующихъ могли только новыя побѣды; бездѣйствіе, на которое обрекъ-бы себя Наполеонъ въ Смоленскѣ, ослабило-бы его могущество, не основанное на законномъ наслѣдствѣ, а потому непрочное, и свѣяло-бы съ умовъ очарованіе его неодолимости, державшее въ повиновеніи данниковъ его и вселявшее къ нему во всей Европѣ безусловную покорность. Кромѣ восклицанія, вырвавшагося у него при обозрѣніи лубинскаго поля сраженія, никакой оффиціальный поступокъ Наполеона въ четырехдневное пребываніе его въ Смоленскѣ не обнаруживаетъ намѣренія его прекратить на нѣкоторое время военныя дѣйствія. Напротивъ, изъ различныхъ повелѣній, отданныхъ имъ въ Смоленскѣ, видна его рѣшимость идти далѣе внутрь Россіи, желаніе быстротою движенія не дать русской арміи времени умножить свои силы. Онъ надѣялся разбить ее и занятіемъ Москвы разстроить всѣ наши средства обороны, предупредить вооруженіе народнаго ополченія, привести въ отчаяніе Россію и принудить императора Александра вступить въ переговоры. «Насъ ожидаетъ миръ»,—сказалъ онъ своимъ приближеннымъ; «черезъ недѣлю мы заключимъ его. Бывши такъ близко къ цѣли, не о чемъ размышлять. Пойдемъ въ Москву!»

Предпринимая этотъ новый походъ, Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на прикрытіе своего непомѣрно длиннаго пути дѣйствій и сдѣлалъ слѣдующія къ тому распоряженія: князю Шварценбергу повторилъ приказаніе о неослабномъ напорѣ на Тормасова и писалъ ему: «подкрѣпленія, идущія, какъ говорятъ, отъ Дуная къ Тормасову, еще далеки. Вы можете проникнуть до Кіева, между тѣмъ

какъ мы двинемся на Москву. Особенно наблюдайте, чтобы стоящія противъ васъ русскія войска не пошли на меня». «Надѣюсь», писалъ Наполеонъ Сенъ-Сиру,—«что вы удержите графа Витгенштейна. У васъ два корпуса; слѣдовательно, вы довольно сильны. чтобы удержать всякое наступательное движеніе». Повелѣніе Макдональду было слѣдующаго содержанія: «До сихъ поръ дѣла, происходившія на правомъ вашемъ крылѣ между Удино и графомъ Витгенштейномъ, препятствовали вамъ осаждать Ригу. Теперь не заботьтесь больше о нихъ. Настало время начать ваше важное движеніе на нижней Двинѣ. Осадный паркъ изъ Тильзита двинулся на соединеніе съ вами. Выступайте со всѣмъ корпусомъ къ Ригѣ и обложите ее. Нетерпѣливо ожидаю донесенія вашего о покореніи ея и возможности дѣйствовать вамъ тогда на Петербургъ». Виктору дано повелѣніе перейдти черезъ Нѣманъ и вступить въ Россію. Его назначеніе состояло въ охраненіи дорогъ отъ Вильны къ Смоленску, черезъ Могилевъ и Минскъ, и сообщеній съ главною французскою арміею. Онъ имѣлъ порученіе наблюдать за тѣмъ, чтобы какія-либо изъ нашихъ войскъ не ускользнули отъ бдительности Сенъ-Сира и князя Шварценберга и не пробрались въ тылъ Наполеона. Въ данномъ ему повелѣніи сказано: «Когда Макдональдъ овладѣетъ Ригою, можете и вы, соединившись съ Сенъ-Сиромъ угрожать Петербургу, въ то время, когда мы будемъ въ Москвѣ. Но, если Сенъ-Сиръ понесетъ пораженіе, подкрѣпите его на Двинѣ. Исключая этотъ случай, не теряйте изъ вида дороги отъ Смоленска до Москвы: она должна быть постояннымъ предметомъ вашихъ попеченій». Сверхъ того, Наполеонъ приказалъ Виктору составлять резервъ главной арміи, выступавшей къ Москвѣ, и писалъ ему: «Если дорога отъ Смоленска до моей главной квартиры будетъ пресѣчена русскими, то вамъ должно тотчасъ очистить ее и, въ случаѣ нужды, даже идти къ намъ. Можетъ быть, я не найду мира тамъ, гдѣ ищу его; но тогда, опираясь на вашъ резервъ, буду въ состояніи отступить безопасно и не торопясь». Резервная армія Ожеро, въ 50.000 человѣкъ, стоявшая на Одерѣ, также получила приказаніе подвинуться ближе къ границамъ Россіи. Одна его дивизія, Луазона, была уже въ Кенигсбергѣ, другая—въ Данцигѣ, 3-я пошла въ Ковно, 4-я—въ Варшаву, остальныя двѣ расположились между Вислою и Одеромъ. Войскамъ, бывшимъ въ Гамбургѣ, и тѣмъ, которыя подъ командою Моисея стояли на Эльбѣ, приказано приблизиться къ Одеру. Первые батальоны когортъ національной гвардіи получили повелѣніе идти изъ Франціи къ крѣпостямъ на Рейнѣ и Эльбѣ. Наконецъ, въ дополненіе этого огромнаго ополченія, объявленъ во Франціи новый рекрутскій наборъ. Распоряженія Наполеона въ Смоленскѣ представляютъ развитіе самаго обширнаго военнаго предпріятія, какого никогда еще не бывало. Не успѣвъ до Смоленска побѣдить русскихъ тѣми войсками, съ которыми Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ, онъ отряжаетъ кн. Шварценберга къ Кіеву, Макдональду велитъ взять Ригу и потомъ вмѣстѣ съ Сенъ-Сиромъ угрожать Петербургу; ставитъ въ Бѣлоруссіи Виктора; на всемъ протяженіи Европы, уступами, подвигаетъ за собою резервы, а самъ ломится къ Москвѣ, прямо въ сердце Россіи. Разославъ повелѣнія, онъ, выѣхалъ 11-го августа, изъ Смоленска къ арміи.

Уже наканунѣ авангардъ его, два дня не тревожившій русской арміи, подошелъ къ Соловьеву; когда мосты были сняты и по-

ніе казаки переходили въ бродъ черезъ Днѣпръ, французы бросились преслѣдовать донцовъ, но Платовъ удержалъ непріятеля батареями съ лѣваго берега Днѣпра. Французы приблизились въ значительномъ количествѣ къ рѣкѣ, выдвинули батареи и тотчасъ начали строить мосты. Платовъ отступилъ къ Михалевкѣ, гдѣ, послѣ полудня 10-го августа, завязалось жаркое арріергардное дѣло, продолжавшееся до вечера. Непріятель былъ удержанъ. Слѣдующій день прошелъ безъ кровопролитія. Русскіе укрѣпляли позицію при Умольѣ, а Наполеонъ подвигалъ изъ Смоленска всѣ корпусы своей главной арміи. Даву, Ней, Жюно, гвардія и резервная кавалерія шли столбовою дорогою, Понятовскій правѣе, вице-король отъ Духовщины къ Дорогобужу. Движеніе вице-короля, угрожавшее обходомъ нашему правому крылу, побудило Барклая де-Толли не принимать сраженія въ Умольѣ. Ночью, съ 11-го на 12-е августа, обѣ наши арміи отступили къ Дорогобужу, гдѣ Барклай де-Толли и князь Багратіонъ провели все утро въ обозрѣніи мѣстности. Она найдена слишкомъ тѣсною. Начали исправлять недостатки позиціи и укрѣплять ее. Намѣреніе ожидать непріятеля и здѣсь вскорѣ отмѣнено, когда получены донесенія, что французы начинаютъ обходить фланги. Два дня арміи продолжали отступленіе и 14-го остановились при Семлевѣ. Ночью, 13-го, по отступленіи казаковъ Мюратъ вошелъ въ Дорогобужъ, опустѣлый, но не сожженный. Французы бросились отыскивать съѣстные припасы и ничего не нашли въ погребахъ и амбарахъ: все было вывезено жителями. Изъ мщенія, французы зажгли Дорогобужъ. Такъ какъ непріятель не сильно тѣснилъ арріергардъ, войскамъ данъ былъ отдыхъ. Начальника инженеровъ Трузсона и генералъ-квартирмейстера Толя послали въ Вязьму, съ приказаніемъ: «отыскать и укрѣпить такую позицію, гдѣ 20-ти или 25-титысячный корпусъ могъ-бы держаться противъ непріятеля, между тѣмъ какъ, имѣя этотъ городъ въ нашей власти, арміи могли-бы въ то-же время дѣйствовать наступательно». Въ укрѣпленномъ лагерѣ при Вязьмѣ намѣревались оставить Милорадовича, который долженъ былъ вскорѣ прибыть туда. Итакъ, на этотъ разъ, Вязьма была назначена мѣстомъ, гдѣ думали дать отпоръ. Барклай де-Толли доносилъ государю:

«Кажется, теперь настала минута, гдѣ война можетъ принять благопріятнѣйшій видъ, потому что непріятель, не взирая на его усилія соединить всѣ силы, даже корпусъ Понятовскаго, который оставилъ Рогачевъ, Могилевъ и все пространство, имъ занимаемое, чтобы сблизиться съ Наполеономъ, слабѣетъ на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ. Теперь мое намѣреніе поставить у этого города въ позиціи 20 или 25,000 человѣкъ и такъ ее укрѣпить, чтобы этотъ корпусъ былъ въ состояніи удерживать превосходящаго непріятеля, чтобы съ большею увѣренностью можно было дѣйствовать наступательно. Этому до сихъ поръ препятствовали важныя причины: главнѣйшая—та, что, пока обѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ болѣе сильнаго и хитраго непріятеля. Слѣдовательно, надобно по возможности сохранять арміи и не подвергать ихъ пораженію, чтобы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, который инилъ всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы

имѣли счастіе достигать нашей цѣли, не теряя непріятеля изъ вида. Мы его удерживали на каждомъ шагу и, вѣроятно, этимъ принудимъ его раздѣлить его силы. Итакъ, вотъ минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться».

Въ скоромъ времени возвратились изъ Вязьмы Трузсонъ и Толь. «Отъ Семлева до Вязьмы и близъ нея»,—доносили они,—«нигдѣ нѣтъ позиціи, вездѣ лѣса и покрытыя кустами горы. Но въ 10-ти верстахъ за Вязьмою, по большой Московской дорогѣ, есть довольно выгодная позиція, и, посредствомъ нѣсколькихъ редутовъ, можно укрѣпить ее». Извѣстіе это было тѣмъ неблагопріятнѣе, что надлежало отступать и отъ Вязьмы, города, по своему положенію, весьма важнаго въ военномъ отношеніи, ибо въ Вязьмѣ сходятся дороги изъ Бѣлаго и Калуги, изъ сѣверной и южной Россіи. 15-го августа обѣ арміи соединились при Вязьмѣ; арріергардъ перешелъ черезъ Осму и имѣлъ кровопролитное дѣло. Всѣ войска арріергарда и 32 орудія находились въ дѣйствіи и нѣсколько разъ обращали назадъ непріятеля, переходившаго черезъ Осму въ бродъ. Платовъ тогда только отступилъ, когда къ французскому авангарду начали подходить значительныя подкрѣпленія. Наполеонъ ускорялъ движенія своихъ корпусовъ, шедшихъ за авангардомъ. Разгромленіе русской арміи становилось для него необходимостью: вокругъ разгаралась народная война. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ подавался впередъ, онъ находилъ край все болѣе и болѣе опустѣлымъ. Хотя нашествіе непріятеля застало Смоленскую губернію врасплохъ, но жители, безъ всякаго посторонняго внушенія, сдѣлали, что могла произвести самая горячая любовь къ отечеству. Безъ руководства и совѣта, добровольно и единодушно, народъ рѣшился не поддаваться врагамъ. Исполненіе этой мысли было различно, но мысль у всѣхъ была одна: ничто не доставайся непріятелю и не имѣть ему ни пріюта, ни покоя! Каждый дѣлалъ то, что умѣлъ. Одни, взявъ съ собою только самое нужное, что можно было уложить на телѣгу или унести на себѣ, и предавъ остальное имущество огню, отправились за арміею или въ сосѣднія губерніи; другіе, ничего не истребляя, но оставивъ деревни пустыми, ушли въ лѣса, построили шалаши, и рѣшились: одни скрываться, другіе защищаться, а отважнѣйшіе сами нападать на злодѣевъ. Никто не дѣлалъ распоряженій о вооруженіи народа, а народъ уже дѣйствовалъ, какъ кто умѣлъ. Пожары распространялись. Города и селенія на столбовой дорогѣ, изъ которыхъ почти въ каждомъ держался нашъ арріергардъ, были предаваемы пламени или русскими войсками, или непріятельскими, или самими жителями. Горѣли и окрестныя волости, верстъ на 20, куда, для отысканія припасовъ, ходили французскіе фуражиры и толпы бродягъ, число которыхъ увеличивалось ежедневно отъ недостатка въ продовольствіи. Весь осиротѣвшій край преданъ былъ разорѣнію.

Идя среди огня и опустошенія, Наполеонъ возымѣлъ нелѣпую мысль: предложить императору о возвращеніи въ занятые французами города губернаторовъ и властей. Этого мало,—онъ сталъ увѣрять императора Александра въ дружбѣ и уваженіи. Къ изъявленію такихъ притворныхъ чувствъ ему подалъ поводъ слѣдующій случай. Для полученія извѣстій о взятомъ въ плѣнъ Тучковѣ, послали переговорщикомъ поручика Орлова. Отправляя его обратно, Наполеонъ самъ началъ диктовать къ Барклаю де-Толли письмо, котор-

Бертье долженъ былъ подписать. Это письмо было слѣдующаго содержанія:

«Гвардіи офицеръ Орловъ, присланный, чтобы узнать о генералѣ Тучковѣ, ошибкою былъ направленъ изъ авангарда въ Смоленскъ, когда совершались движенія арміи, а потому его возвращаютъ съ нашей правой передовой цѣпи, идущей на Вязьму. Теперь онъ, вѣроятно, прибылъ. Но я уже сообщилъ извѣстіе о генералѣ Тучковѣ и отправилъ его письмо. Онъ здоровъ и поѣхалъ въ Мецъ».

Здѣсь Наполеонъ взялъ перо и написалъ самъ слѣдующее:

«При этомъ случаѣ возобновляю сдѣланное вамъ прежде предложеніе размѣнять плѣнныхъ, учредить сообщенія между воюющими арміями и опредѣлять правила, какъ поступать съ переговорщиками. Его величество съ соболѣзнованіемъ видитъ несчастія края и желалъ-бы, чтобы россійскій императоръ приказалъ губернаторамъ оставаться на мѣстахъ, гдѣ они могли-бы заботиться о жителяхъ и имуществахъ и тѣмъ уменьшать зло, причиняемое войною. Такое обыкновеніе принято во всѣхъ войнахъ. Дѣлая вамъ это предложеніе, я исполняю обязанность, пріятную для сердца моего монарха. Я показывалъ это письмо императору Наполеону, и онъ велѣлъ мнѣ просить васъ кланяться отъ него императору Александру, если его величество при арміи, или съ первымъ отправляемымъ вами донесеніемъ. Скажите государю, что ни случайности войны, ни какое-либо обстоятельство не могутъ измѣнить уваженія и дружбы, питаемыхъ къ нему императоромъ Наполеономъ».

16-го августа обѣ наши арміи отошли отъ Вязьмы къ Федоровскому, намѣреваясь на другой день продолжать отступленіе къ Цареву Займищу, гдѣ найдена была позиція. Мюратъ сильно напиралъ на арріергардъ, поступившій въ тотъ день подъ начальство Коновницына, на мѣсто Платова. Наши удержались передъ Вязьмою до ночи. На слѣдующее утро армія тронулась въ Царево Займище; Коновницынъ отступилъ отъ Вязьмы. Небольшое число жителей, оставшихся въ городѣ, раздавало войску всѣ припасы, какіе еще у нихъ находились, потомъ, на разсвѣтѣ, когда проходили послѣднія полки арріергарда, жители зажгли городъ. Французская артиллерія, не имѣя возможности проѣхать улицами, между горящими домами, пошла въ обходъ, вмѣстѣ съ пѣхотою и конницею. Отсталые пустились грабить Вязьму, въ виду которой стоялъ Коновницынъ. Завязалось опять упорное дѣло на нѣсколько часовъ. Къ вечеру наши отступили и остановились въ 18-ти верстахъ впереди Царева Займища. Во время арріергарднаго дѣла прибылъ Наполеонъ въ Вязьму, приказалъ тушить пожаръ, укрощать грабежъ и потомъ поѣхалъ въ авангардъ. Главная французская армія расположилась у Вязьмы; на лѣвомъ крылѣ вице-король, въ селеніи Новомъ, на правомъ, по дорогѣ изъ Сычевки, при селѣ Покровскомъ, сталъ Понятовскій.

Отъ Лубина до Царева Займища французамъ не удалось ни разу оттѣснить русскій арріергардъ прежде времени, назначеннаго къ нашему отступленію; мы не потеряли ни одного орудія, не бросили ни одной повозки. Для ночлега арріергардъ останавливался на очень удобныхъ, мѣстахъ, между тѣмъ какъ французскій авангардъ долженъ былъ располагаться на ночь часто въ мѣстахъ безлѣсныхъ и безводныхъ. Боковые корпусы вице-короля и Понятовскаго, безъ проводниковъ и топографическихъ картъ, шли ощупью. Боясь, что

колонны могутъ заблудиться, непріятели ставили по дорогѣ конные ведеты вмѣсто верстовыхъ столбовъ, которые нашими были срубливаемы. Въ то время, когда русскія войска, подымаясь въ походъ съ разсвѣтомъ, при наступленіи жаровъ отдыхали, французы, утомленные зноемъ при построеніи разоренныхъ мостовъ и потомъ сраженіемъ до ночи, приходили въ изнуреніе. Фуражиры ихъ нерѣдко возвращались съ пустыми руками; недостатокъ въ продовольствіи увеличивалъ бродяжничество. Полковые командиры и офицеры, видя, что съ каждымъ шагомъ край становится безлюднѣе, брали, гдѣ могли, повозки и рогатый скотъ, такъ что, начиная отъ Смоленска, обозы составили толпы, почти столь-же огромныя, какъ и самая армія. Позади тянулись отсталые, безлошадные раненые, больные. Для снисканія пріюта сворачивали въ стороны и сбивались съ пути на проселочныхъ дорогахъ. Въ тылу арміи происходили великіе безпорядки; голодные бродяги нападали на своихъ товарищей, возвращавшихся съ добычею. Особенно обувь износилась совершенно; многіе шли босикомъ.

Отступленіе русской арміи представляло другое зрѣлище. Она отступала со всѣмъ населеніемъ окрестныхъ мѣстъ, окруженная пожарами, истребленіемъ. Со всѣхъ сторонъ выѣзжали на дороги обозы крестьянскихъ телѣгъ и помѣщичьихъ экипажей. Поселяне и помѣщики искали защиты въ сосѣдствѣ арміи. Иные брели за нею съ прострѣленными членами. Горящіе города и села, покинутыя жилища все болѣе и болѣе разжигали огонь мщенія въ арміи и народѣ. Духовенство ближнихъ къ дорогѣ церквей, съ иконами и хоругвями, окруженное частью своихъ прихожанъ, съ поникшими и ничѣмъ не покрытыми головами, шло посреди полковъ, стройныхъ, но безмолвныхъ и печальныхъ. Кто могъ равнодушно смотрѣть на безпрерывные пожары, удаляющійся народъ, храмы Божіи, разрушаемые нечестіемъ, на поруганную вѣру отцовъ своихъ, Россію, казавшуюся безсильною? Желаніе сраженія сдѣлалось столь-же общимъ, пламеннымъ въ арміи, какъ и во всей Россіи. Помыслы и молитвы всѣхъ устремлены были къ одному: положить конецъ отступленію, удержать стремленіе враговъ въ сердце государства.

Въ такомъ расположеніи духа пришли войска, 17-го августа, къ Цареву Займищу. «Здѣсь»,—доносилъ главнокомандующій государю,—«я сталъ съ обѣими арміями въ позиціи и рѣшился ожидать непріятельской аттаки». Опять начали строить укрѣпленія и готовиться къ сраженію, но войска не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ врагами. Поколебалось довѣріе къ главнокомандующему, а разногласіе его съ княземъ Багратіономъ, начавшееся со времени вышеуказанныхъ движеній отъ Смоленска къ Руднѣ, достигло высшей степени. Впрочемъ, сраженіе не зависѣло уже отъ Барклая де-Толли, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи арміи въ лагерь при Царевомъ Займищѣ получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи: быть князю Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями и о скоромъ его прибытіи къ войскамъ. На рескриптъ, которымъ императоръ тогда-же удостоилъ Барклая де-Толли, онъ отвѣчалъ: «Всякій вѣрноподанный и истинный слуга государя и отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго всѣми арміями, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, всемилостивѣй

шій государь, выраженіе радости, которою я исполненъ! Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ». Такъ кончилось главное начальство Барклая де-Толли надъ первыми двумя арміями. Заключимъ описаніе времени его предводительства собственными его словами, писанными государю наканунѣ прибытія князя Кутузова: «Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи. Успѣхъ докажетъ, могъ-ли я сдѣлать что-либо лучшее для спасенія государства. Если-бы я руководимъ былъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше Императорское Величество изволили-бы получать донесенія о сраженіяхъ, и, не взирая на то, непріятель находился-бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтивъ достаточныхъ силъ, которыя были-бы въ состояніи ему сопротивляться».

ГЛАВА V.

Князь М. И. Кутузовъ.

I.

Назначеніе князя Кутузова главнокомандующимъ.

Повсемѣстное недовѣріе къ Барклаю де-Толли и разномысліе его съ княземъ Багратіономъ омрачали виды на будущее. Сверхъ того, кромѣ двухъ армій, порученныхъ начальству этихъ генераловъ, находились еще отдѣльные арміи и корпусы, въ 17-ти губерніяхъ составлялось ополченіе, вся Россія вооружалась. Недоставало только главнаго надъ всѣми силами предводителя для направленія ихъ къ одной общей цѣли. Необходимость въ верховномъ вождѣ становилась все болѣе и болѣе ощутительною. Сужденіе о столь важномъ дѣлѣ передано было императоромъ комитету, составленному изъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, генераловъ: Вязмитинова, графа Аракчеева и Балашева, и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ князя Лопухина и графа Кочубея. 5-го августа, въ день смоленскаго сраженія, въ 7 часовъ пополудни, они собрались въ домѣ графа Салтыкова и совѣщались до 10 часовъ съ половиною. Чтобы поставить комитетъ въ извѣстность о положеніи дѣлъ, ему были сообщены донесенія главнокомандующихъ и разныя частныя письма, полученныя изъ арміи. Выслушавъ тѣ и другія, комитетъ единогласно призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ недостатка надъ всѣми арміями положительной единоначальной власти, и сколь невыгодно такое раздробленіе, столь, напротивъ, необходимо общее ея соединеніе». Основывая это заключеніе «на положеніи обстоятельствъ вообще и на томъ, что, по дѣйствію разныхъ армій на значительномъ пространствѣ, онѣ обязаны всегда соглашать свои движенія и дѣйствія одна съ другою», комитетъ находилъ необходимо нужнымъ: «1) назначить надъ всѣми войсками одного общаго главнокомандующаго; 2) назначеніе его должно быть основано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ и на старшинствѣ». Потомъ разсуждали, кого предложить въ главнокоман-

дующіе и называли нѣсколькихъ генераловъ: Беннигсена, князя Багратіона, Тормасова и жившаго давно въ отставкѣ графа Палена, но находили, что ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ тѣмъ условіямъ, какія требовались для занятія мѣста верховнаго предводителя. Имя Кутузова, славнаго подвигами, было произнесено послѣднее, но зато, едва только его выговорили, прекратились пренія. Всѣ члены комитета признали, что одинъ Кутузовъ соединялъ въ себѣ качества, которыя дѣлали его достойнымъ великаго назначенія какъ по старшинству, такъ и по заслугамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положили мнѣніемъ: предоставить одному Кутузову власть, установленную учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи, и велѣть начальникамъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженія и о мѣстахъ, гдѣ уже собрано было земское войско.

Единогласное опредѣленіе комитета было отголоскомъ общаго мнѣнія всего государства о Кутузовѣ. Онъ командовалъ тогда петербургскимъ ополченіемъ, занимался имъ отъ всей души, присутствовалъ при пріемѣ ратниковъ, вооруженіи и обмундированіи ихъ, дѣлалъ имъ лично наставленія и увѣщанія. Глядя на него, когда онъ съ важностью засѣдалъ въ казенной палатѣ и комитетахъ ополченія и входилъ во всѣ подробности формированія народнаго воинства, можно было подумать, что онъ никогда не стоялъ на высокихъ ступеняхъ почестей и славы, не бывалъ посломъ Екатерины и Павла, не предводительствовалъ арміями и степень начальника земскаго ополченія считалъ цѣлью своего самолюбія. А, между тѣмъ, какъ простой зритель, онъ издалека смотрѣлъ на борьбу народовъ, на повсемѣстное отступленіе армій, съ которыми полвѣка дѣлилъ на ратномъ полѣ труды, славу, неудачи, всѣ случайности перемѣнчиваго счастія на войнѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ подавался впередъ, и передъ нимъ все уступало, взоры Россіи устремлялись на Кутузова; его имя было у всѣхъ на языкѣ, изъ глубины сердца призывали его на защиту родины. Онъ получалъ безыменныя письма, въ которыхъ изъявляли прискорбіе о бездѣйствіи его. Незадолго до его назначенія, императоръ возвелъ его въ княжеское достоинство, и это было вообще принято предвѣстіемъ того, что полководцу откроется поприще, на которомъ отечество жаждало его видѣть.

8-го августа, послѣ обѣда, государь велѣлъ Кутузову пріѣхать на Каменный островъ и объявилъ ему, что назначаетъ его въ главнокомандующіе надъ всѣми арміями и ополченіями. Кутузовъ, какъ онъ самъ въ тотъ вечеръ разсказывалъ въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ, «принялъ повелѣніе изъ устъ императора съ христіанскимъ смиреніемъ, какъ призваніе свыше».—«Я не оробѣлъ»,—говорилъ онъ,—«и съ помощью Божіею надѣюсь успѣть, но, слушая государя, я былъ растроганъ новымъ назначеніемъ моимъ». Въ тотъ-же день князь Кутузовъ былъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ.

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

«Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало-бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая эти послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими

арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось-бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на эту Мою довѣренность. Избирая васъ для этого важнаго дѣла, я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ россійскаго оружія и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя отечество на васъ возлагаетъ».

Ко всѣмъ главнокомандующимъ: Тормасову, князю Багратіону, Барклаю де-Толли и Чичагову отправлены слѣдующіе рескрипты:

«Разныя важныя неудобства, происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на Меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными главнаго начальника. Я избралъ для этого генерала-отъ-инфантеріи князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи вслѣдствіе чего предписываю вамъ со ввѣренною вамъ арміею состоять въ точной его командѣ. Я увѣренъ, что любовь ваша къ отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя Мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами».

Исполнились надежды, которыя давно питала Россія и о которыхъ упомянуто также въ Высочайшемъ рескриптѣ Кутузову. Надежды не были тщетны; въ четыре мѣсяца Кутузовъ одержалъ совершеннѣйшее торжество, о какомъ лѣтописи когда-либо упоминали, распространилъ славу русскаго оружія въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ свѣта и приготовилъ избавленіе Европы. Возведеніе его на степень главнаго предводителя Россія праздновала съ такою радостью, какой она еще не ощущала со времени вторженія непріятелей. Никогда голосъ имперіи не былъ столь единодушенъ и рѣшителенъ. Достоинство, признаваемое въ полководцѣ цѣлымъ народомъ, не есть ѳиміамъ лести: это— изліяніе чувствъ 50-ти милліоновъ человѣкъ къ представителю ихъ славы. Поколѣніе 1812-го года выросло, возмужало въ громкое, волшебное царствованіе Екатерины; отъ вождя временъ ея ждало оно побѣдъ и заранѣе вѣнчало безсмертіемъ того, о комъ Державинъ въ пророческомъ духѣ вѣщалъ:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его подвигъ блюлъ! (*)

II.

Свиданіе императора Александра съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ.

На другой день послѣ назначенія князя Кутузова, императоръ отправился въ Або, для свиданія съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ. При началѣ войны государь писалъ къ нему о своемъ желаніи лично съ нимъ познакомиться, но обстоятельства не дозволяли его величеству совершить свое намѣреніе ранѣе августа мѣсяца. Императора сопровождали графы Румянцевъ и Аракчеевъ, генералъ-

(*) Стихи эти относятся къ чудесной ранѣ Кутузова, полученной имъ на Крымскомъ полуостровѣ. Пуля пробила у него лѣвый високъ и вылетѣла въ правый, пройдя позади глазъ.

адъютантъ Кутузовъ и фригель-адъютантъ Чернышевъ. 12-го августа, въ 6 часовъ послѣ обѣда, императоръ прибылъ въ Або, остановился въ домѣ Бремера, на большой площади, и былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ, сенатомъ и чиновниками разныхъ управленій. Радостные клики гремѣли повсюду, и возобновлялись при каждомъ появленіи государя. По два дня городъ былъ иллюминованъ. Празднествъ никакихъ не было. Государь сказалъ депутаціи гражданъ, что «по смутнымъ обстоятельствамъ не считаетъ совмѣстнымъ принять приглашеніе на приготовленный городомъ балъ». На слѣдующее утро его величество былъ на разводѣ, въ сенатѣ, въ походномъ лазаретѣ и ѣздилъ на дрожкахъ по городу и за заставу. Три дня императоръ ожидалъ принца и часто прогуливался одинъ по морскому берегу. 15-го, въ 7 часовъ вечера, прибылъ наслѣдный принцъ на фрегатѣ Яррамасѣ. У Шлосса онъ сѣлъ на русскій катеръ и поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ назначенному для его высочества дому Ландсгевдинга.

Цѣль свиданія государя съ наслѣднымъ принцемъ состояла въ укрѣпленіи союза Россіи съ Швеціею. Личное знакомство и дружба монарховъ суть самая надежная порука добраго между ними согласія и прочности существующихъ между ними договоровъ. Этимъ правиломъ руководствовался императоръ Александръ во все свое царствованіе и постоянно съ полнымъ успѣхомъ, чему, конечно, способствовали его обворожительныя свойства, убѣдительное краснорѣчіе и правота дѣла, которая была всегда на его сторонѣ. Черезъ два дня, 18-го августа, подписали въ Або договоръ, который долженъ былъ распространить условія союза съ Швеціею, заключеннаго 24-го марта. Главныя статьи договора были слѣдующія: 1) Россія обязывалась выставить 35,000 человѣкъ, вмѣсто 15-ти или 20,000, назначенныхъ въ трактатѣ 24-го марта, для высадки въ Германію и покоренія Норвегіи. Изъ числа 35,000 прибыть на берега Шоніи 25,000 въ концѣ сентября, а если можно и скорѣе; остальнымъ-же 10,000—въ ноябрѣ. 2) Немедленно по прибытіи 25,000 русскихъ въ Шонію, Швеція обязывалась открыть военныя дѣйствія высадкою за Зеландію и датскіе острова. 3) Если датскій король не уступитъ добровольно Норвегіи, не согласится присоединить свои войска къ русскимъ и шведскимъ, и, слѣдовательно, надобно будетъ съ оружіемъ въ рукахъ напасть на Зеландію, то Россія всѣ права свои на завоеваніе этой области уступаетъ Швеціи. 4) Въ случаѣ заключенія съ Наполеономъ мира, на основаніи котораго предѣлы Россіи распространились-бы до Вислы, Швеція обязывалась признать такое расширеніе нашихъ границъ. 5) Россія давала Швеціи въ заемъ 1.500,000 рублей, частью деньгами, частью мукою и зерновымъ хлѣбомъ, съ обязательствомъ получить обратно эту сумму черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ присоединенія Норвегіи къ Швеціи.

Изъ договора 18-го августа видно, что дѣйствія противъ Даніи были отложены до исхода сентября. На то были разныя причины: 1) ни русскія войска въ 25-ти тысячномъ составѣ, какъ опредѣлялось трактатомъ, ни шведскія не были готовы; 2) надобно было снестись предварительно съ лондонскимъ дворомъ о дѣйствіяхъ противъ датчанъ и Норвегіи; 3) бывшая тогда въ самомъ разгарѣ война въ Россіи не позволяла помышлять о какомъ-либо постороннемъ пред-

метѣ, кромѣ усиленія нашихъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона. Какъ только эта истина была признана, то уже не трудно было извлечь изъ нея и послѣдствія. Имѣя въ виду, что въ продолженіе шести недѣль, на которыя отсрочивалась высадка въ Зеландію, находившійся въ Финляндіи корпусъ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, оставался безъ дѣла, рѣшили перевезти его немедленно въ Ригу и оставить тамъ до 1-го октября, а къ этому сроку возвратить его на прежнее мѣсто и отдать въ распоряженіе шведскаго принца. Предложеніе объ отправленіи нашихъ войскъ изъ Финляндіи къ Ригѣ на шесть недѣль было сдѣлано самимъ наслѣднымъ принцемъ и принято государемъ съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ оно совершенно согласовалось съ видами его величества. Однако, желая на будущее время быть правымъ, если-бы графъ Штейнгель не успѣлъ къ 1-му октября возвратиться въ Финляндію, государь замѣтилъ о невозможности навѣрное опредѣлить время, когда этимъ войскамъ можно будетъ отплыть обратно изъ Риги, такъ какъ, введя ихъ на театръ войны, завязавъ ихъ тамъ въ дѣла, не легко будетъ воротить. Такое замѣчаніе было неопровержимо, а превосходство Наполеоновыхъ силъ принуждало ставить противъ него какъ можно больше войскъ, не раздробляя ихъ дальнимъ походомъ въ Данію. Отъ стокгольмскаго двора не могло ускользнуть, что для самаго пріобрѣтенія Норвегіи ему нужно было предварительно способствовать Россіи въ успѣхѣ и борьбѣ ея съ Наполеономъ.

Скрѣпленіе дружбы съ Швеціею, слѣдовательно, обезпеченіе Россіи со стороны Финляндіи, и возможность употребить финляндскій корпусъ тамъ, гдѣ въ немъ настояла надобность—были непосредственными слѣдствіями пребыванія государя въ Або. Въ продолженіе его императору предстояло испытаніе, показавшее вновь его непоколебимое намѣреніе удержать въ самое тяжкое время честь и достояніе Россіи. Съ самаго прибытія своего въ Швецію, наслѣдный принцъ особенно дорожилъ дружбою государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя выгоды союза его для Россіи, возымѣлъ мысль просить о вознагражденіи. Не желая лично объясняться съ императоромъ о предметѣ, для его величества непріятномъ, онъ обратился къ флигель-адъютанту Чернышеву, привыкши говорить съ нимъ откровенно, когда еще былъ французскимъ маршаломъ. Онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Отсрочивъ походъ въ Норвегію и предоставивъ въ распоряженіе императора Александра корпусъ графа Штейнгеля, я надѣюсь на взаимность. Императоръ имѣетъ случай оказать мнѣ великодушіе и явить Швеціи пользу, извлекаемую ею изъ союза съ Россіею, сдѣлавъ самую ничтожную уступку—Аландскіе острова». Чернышевъ тотчасъ доложилъ объ этомъ предложеніи государю и получилъ повелѣніе отвѣчать принцу, что «хотя императоръ и дорожитъ его дружбою и тѣсною связью съ Швеціею, однако-же, не уступитъ ни аршина земли, даже если-бы довелось ему удалиться въ Сибирь и тамъ сражаться за неприкосновенность имперіи». Если мы хотимъ постигнуть всю великость отвѣта, то должно знать, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ государь получилъ донесеніе о паденіи Смоленска.

Три дня продолжалось свиданіе въ Або. 18-го августа, въ 5 часовъ пополудни, наслѣдный принцъ отправился обратно въ Стокгольмъ; черезъ часъ потомъ выѣхалъ государь и прибылъ въ Петер-

бургъ 21-го августа. До какой степени личное знакомство сдружило государя съ наслѣднымъ принцемъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ перваго послѣ свиданія письма его къ императору, отъ 4-го сентября. «Минуты», говоритъ онъ, «проведенныя съ вашимъ величествомъ въ Або, и разговоры наши оставили въ душѣ моей впечатлѣнія, навсегда неизгладимыя. Желаю имѣть случай доказать вашему величеству всю полноту чувствъ, вамъ посвященныхъ, и счастливъ надеждою увидѣть желанія мои осуществленными».

Стоявшія въ Финляндіи войска назначались на первый случай для освобожденія Риги отъ осады и должны были отплыть въ Ревель на военныхъ и купеческихъ судахъ изъ Гельсингфорса, съ Аландовъ и изъ Або. По высадкѣ въ Ревелѣ, они поступали подъ начальство рижскаго военнаго губернатора Эссена. «Отъ того вы получите такое усиленіе», сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ Эссену, «что Я не сомнѣваюсь въ успѣхахъ вашихъ и поверхности надъ непріятелемъ, силы котораго, по всѣмъ извѣстіямъ, весьма въ посредственномъ числѣ въ окрестностяхъ Риги и Митавы». Государь велѣлъ Эссену, по прибытіи войскъ изъ Финляндіи, непремѣнно овладѣть непріятельскою осадною артиллеріею и освободить крѣпость отъ формальной осады. Число войскъ, отправленнныхъ изъ Финляндіи, превышало 17,000 человѣкъ. Пѣхотнымъ и егерскимъ полкамъ дессантнаго корпуса велѣно быть въ одномъ дѣйствующемъ батальонѣ, такимъ образомъ, что 2-й батальонъ каждаго полка сдавалъ въ выступающій 1-й всѣхъ своихъ рядовыхъ, отъ чего роты 1-го батальона были въ двойномъ комплектѣ людей. Штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и музыканты расформированныхъ батальоновъ были оставлены въ Финляндіи для новаго укомплектованія.

III.

Первыя дѣйствія князя Кутузова.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда государя изъ Петербурга въ Або, князь Кутузовъ отправился въ армію, 11-го августа, въ воскресенье. Около дома его, на Дворцовой набережной Невы, отъ Гагаринской пристани до Прачешнаго моста, толпился народъ. Часовъ въ девять князь Кутузовъ сѣлъ въ карету, но вслѣдствіе тѣсноты принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Отовсюду раздавались пожеланія счастливаго пути и побѣды. Князь поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ слушалъ молебенъ, стоя на колѣняхъ. Протоіерей Іоаннъ окропилъ его святою водою, подалъ ему честный и животворящій Крестъ Господень и на блюдѣ образъ Казанской Божіей Матери. Кутузовъ возложилъ на себя образъ. Въ нѣсколько минутъ церковь наполнилась народомъ, желавшимъ проводить своего вождя, не предчувствуя, что Кутузову оставалось жить не болѣе восьми мѣсяцевъ и что по прошествіи этого времени только бренные останки полководца будутъ покоиться въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ теперь, готовясь къ исполинскому подвигу, отправляясь на бой съ Наполеономъ и западною Европою, призывалъ на помощь Всевышняго. Выходя изъ церкви, князь Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло!»

На первой станціи, въ Ижорѣ, князь Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи и, узнавъ отъ него о паденіи Смоленска, сказалъ: «ключъ къ Москвѣ взятъ!» Подробности Смоленскаго сраженія были въ тотъже вечеръ переданы ему ѣхавшимъ изъ арміи въ Петербургъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. По всей дорогѣ, жители городовъ и селеній стекались около князя Кутузова и напутствовали его благословеніями. 12-го онъ пріѣхалъ въ Крестцы, 15-го въ Вышній Волочокъ, рано поутру 16-го въ Торжокъ, гдѣ встрѣтилъ генерала Беннигсена, который, вслѣдствіе разномыслія съ Барклаемъ де-Толли. возвращался изъ главной квартиры въ Петербургъ. Князь Кутузовъ объявилъ ему Высочайшее повелѣніе ѣхать обратно въ армію. Онъ встрѣтилъ также генерала Фуля, но не пригласилъ его съ собою. Изъ Торжка князь поворотилъ на Старицу и Зубцовъ, намѣреваясь выѣхать на столбовую смоленскую дорогу у Гжатска. По мѣрѣ приближенія его къ этому городу, все болѣе и болѣе обнаруживались признаки губительной войны. Помѣщики и поселяне Смоленской губерніи тысячами спасались отъ непріятельскаго нашествія. Одни съ имуществомъ, другіе безъ всего, въ рубищѣ, тянулись ко Ржеву, Волоколамску и далѣе, кочуя подлѣ дороги, на поляхъ. Отрадно было для несчастныхъ появленіе князя Кутузова. Нѣсколько разъ онъ останавливался, стараясь утѣшать безпріютныхъ. Старцы заставляли внуковъ лобызать стопы его; матери поднимали грудныхъ младенцевъ; только и слышно было: «Спаси насъ! Побей супостата!» 17-го августа, въ 11 часовъ утра, князь Кутузовъ былъ въ виду Гжатска. Въ 5-ти верстахъ отъ этого города, множество жителей, вышедшихъ ему навстрѣчу, остановили его карету, выпрягли лошадей и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома купца Церевитинова.

Въ Гжатскѣ князь Кутузовъ занялся отправленіемъ отвѣтовъ и разрѣшеній на запросы и донесенія, съ которыми ожидали его курьеры, присланные изъ разныхъ мѣстъ. Самое замѣчательное изъ его писемъ было слѣдующее, къ графу Ростопчину:

«Письмо ваше прибыло со мною въ Гжатскъ сейчасъ, въ одно время. Не видавшись еще съ командовавшимъ доселѣ арміями военнымъ министромъ и не будучи еще достаточно извѣстенъ о всѣхъ средствахъ, въ нихъ имѣющихся, не могу ничего сказать положительнаго о будущихъ предположеніяхъ на счетъ дѣйствія армій. Не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи. Теперь я обращаю все мое вниманіе на приращеніе арміи, и первымъ усиліемъ для оной будутъ прибывающія войска Милорадовича, около 15,000 составляющія. Ираклій Ивановичъ Марковъ извѣщаетъ меня, что уже 11 полковъ военнаго московскаго ополченія выступили къ разнымъ пунктамъ. Для сего надежнаго оплота желательно-бы было имѣть ружья съ принадлежностями, и я, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей, вами при отношеніи ко мнѣ приложенныхъ, что въ московскомъ арсеналѣ есть годныхъ 11,945 ружей и слишкомъ 2,000 мушкетовъ и карабиновъ, да требующихъ нѣкоторой починки ружей, мушкетовъ и штуцеровъ слишкомъ 18,000, покорно просилъ-бы васъ, тѣми средствами, какія вы заблагоразсудите, приказать починкою исправить, а я какъ о сихъ, такъ и о первыхъ, узнаю отъ военнаго министра, буде не назначено имъ другого кого-либо употребленія, можетъ быть, употреблю на ополченіе, и васъ не умедлю о томъ увѣдомить. Вы-

зовъ 80,000 сверхъ ополченія вооружающихся добровольно сыновъ отечества есть черта, доказывающая духъ россіянина и довѣренность жителей московскихъ къ начальнику, ихъ оживляющему. Вы, безъ сомнѣнія, оный поддержите такъ, чтобы армія въ довѣренности успѣховъ своихъ могла при случаѣ ими воспользоваться, и тогда прошу васъ направлять ихъ къ Можайску».

Изъ Гжатска князь Кутузовъ отправился на купеческихъ лошадяхъ въ Царево Займище, гдѣ въ тотъ день армія имѣла роздыхъ. Поздоровавшись съ поставленнымъ для него почетнымъ карауломъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: «Можно-ли все отступать съ такими молодцами?» Потомъ, при восклицаніяхъ восторга, онъ объѣхалъ войска, не ввидѣ вновь прибывшаго начальника, но какъ будто-бы онъ при нихъ находился съ начала войны, какъ полный распорядитель, давнишній начальникъ ихъ, такъ какъ почти не было полка и генерала, которые не служили-бы подъ его начальствомъ. Притомъ онъ имѣлъ многолѣтній навыкъ въ предводительствѣ и въ служеніи на высшихъ степеняхъ государственнаго управленія. На ясномъ небѣ взвился огромный орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Князь снялъ свою бѣлую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ, какъ вѣстника успѣховъ, и провозгласилъ ура! Полки повторили восклицаніе. Лагерь огласился взаимными поздравленіями съ пріѣздомъ Кутузова, какъ вѣрнымъ залогомъ побѣды. Кто могъ, спѣшилъ къ нему навстрѣчу. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію вяло и тихо, узнавъ объ его прибытіи, побѣжали къ рѣкѣ съ крикомъ ура! — воображая, что уже гонятъ непріятеля. Тотчасъ явилась поговорка: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Всѣ взоры и сердца обратились къ полководцу, русскому по имени и свойствамъ. Его пріѣздъ, во время самого неблагопріятнаго положенія дѣлъ, воскресилъ упадшій духъ, оживилъ въ войскахъ самосознаніе непобѣдимости.

Новый періодъ войны начался единоначаліемъ; главнокомандующіе отдѣльными арміями подчинились одному лицу и заняли мѣста второстепенныя. Всѣ дѣйствія совокупились во вновь прибывшемъ 67-милѣтнемъ полководцѣ. Послѣдуемъ за каждымъ его шагомъ, за каждою его мыслью, такъ какъ всѣ распоряженія происходили отъ него одного. Онъ былъ врагъ совѣтовъ, не требовалъ мнѣній постороннихъ и былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При отправленіи его изъ Петербурга ему не было дано письменнаго операціоннаго плана: императоръ разрѣшилъ ему вести войну по собственному усмотрѣнію. Одно строжайше воспретилъ онъ: вступать въ переговоры съ Наполеономъ и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми несчастными ихъ жителями, которые въ отношеніи къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ. Въ этихъ чертахъ кто не узнаетъ императора Александра? Неумолимъ къ Наполеону — милосердъ къ безоружнымъ.

Осмотрѣвъ войско и мѣстоположеніе, князь Кутузовъ приказалъ отступить изъ Царева Займища къ Гжатску.

Къ этому времени общая сила 1-й и 2-й армій заключалась, по строевому рапорту, представленному княземъ Кутузовымъ при первомъ донесеніи государю, въ 95,734 человѣкахъ. Въ томъ-же донесеніи онъ говоритъ, что по свѣдѣніямъ, какія онъ нашелъ въ арміи,

у Наполеона предполагали 165,000 челов., но что, по его мнѣнію, столько войскъ у непріятеля быть не можетъ. Князь Кутузовъ просилъ также о присоединеніи къ арміи части резервовъ, формировавшихся въ низовыхъ губерніяхъ.

По полученіи Высочайшаго рескрипта, князь Кутузовъ извѣстилъ Тормасова и Чичагова о своемъ прибытіи къ войскамъ и намѣреніи дать генеральное сраженіе. При этомъ онъ написалъ Чичагову:

«Прибывъ къ арміи, я нашелъ непріятеля въ сердцѣ древней Россіи, такъ сказать, подъ Москвою. Настоящій мой предметъ есть спасеніе Москвы самой, а потому не имѣю нужды изъяснять, что сохраненіе нѣкоторыхъ отдаленныхъ провинцій ни въ какое сравненіе съ спасеніемъ древней столицы Москвы и самихъ внутреннихъ губерній не входитъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ сдѣлалъ распоряженія на счетъ четырехъ подвѣдомственныхъ ему армій. Даннаго имъ графу Витгенштейну повелѣнія въ дѣлахъ не отыскалось. Относительно внутренняго управленія первыхъ двухъ армій, поступившихъ подъ его непосредственное начальство, онъ объявилъ, приказомъ отъ 18-го августа, что князь Багратіонъ и Барклай де-Толли сохраняютъ власть, присвоенную имъ по званію главнокомандующихъ. Лично при себѣ онъ составилъ особенный штабъ и велѣлъ Беннигсену состоять при немъ «на такомъ основаніи, какъ начальникъ главныхъ штабовъ относительно къ каждому изъ главнокомандующихъ арміями». Полковникъ Кайсаровъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ. Окончивъ первоначальныя распоряженія, Кутузовъ обратился къ злополучнымъ смольянамъ съ слѣдующимъ печатнымъ объявленіемъ:

«Достойные смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отвсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу августѣйшаго монарха нашего и къ любезнѣйшему отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и къ отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались!»

IV.

Отъ Царева-Займища до Бородина.

Позади князя Кутузова, до Москвы, не было болѣе регулярныхъ войскъ. Хотя формированіе ополченія 2-го округа, губерній: Тульской, Калужской, Рязанской, Владимірской, Ярославской и Твер-

ской, приходило къ окончанію, но ополченія еще не выступали изъ предѣловъ своихъ губерній. У нихъ, какъ и у ополченій смоленскаго и московскаго, полки котораго не всѣ еще присоединились къ арміи, почти не было огнестрѣльнаго оружія. Вообще они едва имѣли подобіе военнаго устройства. За мѣсяцъ взятые отъ сохи, отуманенные быстрымъ переходомъ отъ пашни въ воинскій станъ, обутые въ лапти, съ кольями вмѣсто пикъ, они горѣли усердіемъ сразиться, но еще нельзя было вести ихъ въ правильный бой съ опытными, закаленными въ битвахъ полками Наполеона. На скорое содѣйствіе отдѣльныхъ армій князю Кутузову также нельзя было полагаться, по причинѣ отдаленности ихъ: Тормасовъ стоялъ за Стыремъ, графъ Витгенштейнъ находился противъ Полоцка, Чичаговъ переправлялся черезъ Днѣстръ. Отъ Гжатска до Москвы не находилось ни крѣпости, ни укрѣпленнаго лагеря, гдѣ-бы удобно было, хотя на короткое время, удержать болѣе насъ сильнаго непріятеля или, пользуясь ими, маневрировать. Слѣдовательно, оставалось избрать выгодное мѣсто для сраженія, котораго требовали не только благо государства, но и самая честь россійскаго оружія, дать битвою отпоръ Наполеону и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Съ этою цѣлью князь Кутузовъ послалъ офицеровъ отыскивать позицію, и потомъ, 19-го августа, армія выступила изъ Царева-Займища. Въ тотъ-же день она прошла черезъ Гжатскъ и ночевала при деревнѣ Ивашковой; 20-го продолжала отступленіе къ Дурыкину; 21-го къ Колоцкому монастырю и 22-го потянулась къ Можайску. Во время этихъ маршей князь Кутузовъ пополнилъ полки резервами, приведенными Милорадовичемъ, и поручилъ ему начальство надъ двумя корпусами: Багговута и графа Остермана. Генераламъ приказано было отослать къ полкамъ кавалеристовъ и казаковъ, бывшихъ у нихъ на посылкахъ, и ограничиться конвоями, опредѣленными полевымъ учрежденіемъ. Всѣмъ чинамъ подтверждено: ни подъ какимъ видомъ не имѣть обозовъ болѣе того числа, какое назначено каждому.

Между тѣмъ, посланные въ тылъ арміи офицеры донесли, что, не доходя 11-ти верстъ до Можайска, отыскано крѣпкое мѣсто, при селѣ, имя котораго развѣ тогда изгладится изъ памяти вѣковъ, когда померкнетъ солнце—говоримъ о селѣ Бородинѣ.

Рано поутру, 22-го августа, опередивъ армію, князь Кутузовъ прибылъ въ Бородино, объѣхалъ окрестности и нашелъ ихъ соотвѣтствующими своимъ намѣреніямъ. Бородинская позиція пересѣкается на-двое большою Смоленскою дорогою. Правое крыло примыкаетъ къ рощѣ, между рѣкою Москвою и впадающею въ нее рѣчкою Колочею; лѣвый флангъ оканчивается въ кустахъ у деревни Утицы, на старой смоленской дорогѣ ведущей изъ Гжатска, черезъ село Ельну, въ Можайскъ. Фронтъ позиціи, занимая протяженіемъ около 7-ми верстъ, до Бородина прикрытъ Колочею, извивающеюся по глубокому оврагу, далѣе ручьемъ Семеновскимъ и кустами, между Утицею и Семеновскимъ, и составляетъ выдавшійся при Бородинѣ тупой уголъ. Мѣстоположеніе, образуя общую покатость, склоняющуюся съ лѣваго крыла на правое, къ рѣкѣ Москвѣ и устью Колочи, представляетъ нѣсколько возвышенныхъ холмовъ у деревни Шевардино, въ 1,000 саженяхъ впереди лѣваго фланга. Желая не дать непріятелю возможности овладѣть этимъ пунктомъ и обозрѣвать все расположеніе русскихъ войскъ и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ возможность удобно дѣй-

ствовать во флангъ наступающимъ по большой дорогѣ къ Бородину колоннамъ, князь Кутузовъ велѣлъ на курганѣ у Шевардина построить пятиугольный редутъ, на 12 батарейныхъ орудій, который, однако-же, не былъ совсѣмъ оконченъ. Для обезпеченія праваго крыла, построили передъ лѣсомъ, близъ рѣки Москвы, три отдѣльныя укрѣпленія да для обороны переправы черезъ Колочу, на большой Смоленской дорогѣ, насыпали батарею у Горокъ, прикрытую другою батареею, ниже ея въ 300-хъ саженяхъ. Въ центрѣ, на курганѣ между Бородинымъ и Семеновскимъ, построенъ большой люнетъ, на 18 орудій, названный впослѣдствіи батареею Раевскаго. Цѣль этого укрѣпленія была обстрѣливать весь скатъ къ ручью Семеновскому и кусты по лѣвому берегу его, доставляя фланговую оборону Бородину. Лѣвѣе Семеновскаго устроили три флеша, для прикрытія слабѣйшаго пункта позиціи и поддержанія стрѣлковъ, которые должны были занимать оврагъ передъ фронтомъ и кусты по направленію къ Утицѣ. Главная квартира расположилась въ селѣ Татариновѣ. На плодоносныхъ поляхъ Бородина закипѣли инженерныя работы; ряды штыковъ засверкали среди жатвы; конница, пѣхота и артиллерія занимали свои мѣста. «Здѣсь, наконецъ, остановимся!»—думалъ каждый изъ насъ. Предчувствіе не обмануло.

Всѣ частные и казенные обозы были отправлены за 6 верстъ за Можайскъ; при полкахъ оставлены только патронные ящики, по одной лазаретной каретѣ въ батальонѣ и генеральскіе экипажи. Корпуснымъ командирамъ велѣно озаботиться устройствомъ свободнаго сообщенія между войсками.

Между тѣмъ, при отступленіи нашей арміи отъ Царева-Займища, Наполеонъ продолжалъ наступательное движеніе. 19-го августа, авангардъ его занялъ Гжатскъ, сожженный въ ту-же ночь французами. Спустя день, Наполеонъ вступилъ въ Гжатскъ. Здѣсь онъ узналъ о прибытіи Кутузова къ русской арміи и заключилъ, что главнокомандующій не станетъ, подобно своимъ предшественникамъ, уклоняться отъ сраженія. Увѣренный, что пробилъ часъ битвы, Наполеонъ остановился на два дня въ Гжатскѣ, готовясь къ бою. Гвардіи былъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Ваши желанія исполняются; мы приближаемся къ сраженію; вы пожнете новые лавры. Императоръ полагается на васъ, какъ на гранитную стѣну. Онъ съ вами, и успѣхъ несомнителенъ. Готовьтесь! Да здравствуетъ императоръ!» Корпуснымъ командирамъ Наполеонъ строжайше велѣлъ имѣть подъ ружьемъ какъ можно болѣе войскъ и присоединить къ полкамъ всѣхъ отсталыхъ и находившихся при обозахъ, сдѣлать перекличку, осмотрѣть полки инспекторскимъ смотромъ, представить вѣдомости о наличномъ состояніи войскъ, лошадей, снарядовъ, показать людей, которые въ теченіе 5-ти дней могли прибыть къ арміи, то есть, находившихся въ ближнихъ командировкахъ. Для свободнаго движенія колоннъ, велѣно обозамъ съ продовольствіемъ, генеральскимъ и офицерскимъ экипажамъ идти позади артиллеріи и не находиться къ авангарду ближе семи верстъ, подъ опасеніемъ быть сожженными. Исполненіе приказанія оказалось невозможнымъ. Генералы и офицеры, боясь въ дальнѣйшемъ своемъ слѣдованіи встрѣтить недостатокъ въ продовольствіи для себя и своихъ войскъ, везли необъятное количество повозокъ. Въ примѣръ строгости, Наполеонъ сжегъ при себѣ двѣ повозки чиновниковъ своего штаба.

Всего болѣе затрудненій предстояло Наполеону въ сборѣ къ сраженію множества солдатъ, находившихся позади арміи и при обозахъ. Пока непріятель шелъ по Литвѣ и Бѣлоруссіи, онъ находилъ обывателей и пользовался ими, какъ погонщиками, но со вступленія въ Смоленскую губернію очутился въ безлюдной пустынѣ. Литовцы и бѣлоруссы бѣжали отъ обозовъ, къ которымъ надобно было отряжать людей изъ полковъ. Для фуражировки приходилось назначать большія команды, и онѣ удалялись на немалое разстояніе отъ полковъ, находя селенія на столбовой дорогѣ пустыми или разоренными. По понятіямъ французовъ и ихъ союзниковъ, Смоленскъ составлялъ рубежъ, гдѣ кончается Польша и начинается Россія. Потому, перейдя за Смоленскъ, они считали себя въ непріятельской землѣ, признавали насильственные поступки позволительными и предавались всевозможнымъ неистовствамъ. На своемъ пути они ничего не щадили, грабили и жгли. Подлѣ домовъ раскладывали бивуачные огни и не гасили ихъ; подымаясь съ ночлеговъ. Дома и бивуаки загорались; пламя распространялось по селеніямъ и городамъ. Часто непріятели подкладывали огонь единственно изъ удовольствія вредить, не оставляя за собою ничего, кромѣ пепла, въ отмщеніе за то, что нигдѣ не находили жителей. Безпорядковъ никто не прекращалъ, и солдаты предавались имъ, какъ-будто имѣя на то разрѣшеніе начальства. Въ церквахъ помѣщались безъ разбора люди, лошади, обозы.

Послѣ двухдневныхъ приготовленій къ сраженію, Наполеонъ выступилъ изъ Гжатска, ведя армію въ прежнемъ боевомъ порядкѣ: вице-король былъ на лѣвомъ крылѣ; Понятовскій на правомъ; остальные корпусы слѣдовали столбовою дорогою, за авангардомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Мюрата. 23-го августа, Мюратъ аттаковалъ Коновницына, расположеннаго съ арріергардомъ у Гриднева, въ 15-ти верстахъ отъ Бородина. Коновницынъ долго не уступалъ ни шага, пока, подъ вечеръ, вице-король не показался на его правомъ крылѣ. Тогда, пользуясь темнотою, онъ отошелъ къ Колоцкому монастырю. Въ слѣдующее утро, непріятели продолжали наступленіе и опять аттаковали Коновницына. Чтобы подкрѣпить его, князь Кутузовъ послалъ 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова. Коновницынъ явился къ Уварову, какъ старшему чиномъ. Уваровъ отвѣчалъ: «Не время считаться старшинствомъ; вамъ порученъ арріергардъ; я присланъ вамъ на помощь; приказывайте!» Сначала Коновницынъ оборонялся успѣшно. Изюмскій гусарскій полкъ, вмѣстѣ съ казаками опрокинулъ три французскихъ эскадрона и изрубилъ ихъ. Однако, при появленіи вице-короля, который, какъ и наканунѣ, обходилъ нашъ правый флангъ, Коновницынъ принужденъ былъ отступить и приблизиться къ Бородину. Полки арріергарда начали входить въ составъ корпусовъ, къ которымъ принадлежали, и, вступая на позицію, открывали взорамъ непріятеля русскую армію, устроенную въ боевой порядокъ. Доступъ къ ней преграждался редутомъ при Шевардинѣ. Наполеонъ приказалъ овладѣть имъ. Защита редута, какъ отдѣльнаго укрѣпленія, не имѣла-бы съ нашей стороны цѣли, если-бы князь Кутузовъ не имѣлъ надобности выиграть нѣсколько времени, приводя къ окончанію инженерныя работы, начатыя на позиціи.

Непріятель шелъ большою дорогою и полями, въ трехъ колоннахъ, державшихся на одной высотѣ. Часа въ два пополудни, французы начали переходить Колочу у Фомкина и Валуева и направ-

ляться на редутъ. Понятовскій слѣдовалъ туда-же отъ Ельны. Въ Шевардинскомъ редутѣ было 12 батарейныхъ орудій. Войска, назначенныя для обороны его, подъ начальствомъ князя Горчакова, состояли изъ 27-й дивизіи, пяти гренадерскихъ полковъ, 5-го егерскаго, двухъ сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, двухъ драгунскихъ полковъ и 2-й кирасирской дивизіи. Князю Горчакову надобно было защищать редутъ, вправо деревню Шевардино и влѣво лѣсъ, на старой Смоленской дорогѣ. Завязалась перестрѣлка. Державшись болѣе часа, наши егеря и фланкеры отступили, когда непріятель, подъ личнымъ управленіемъ Наполеона, пошелъ на укрѣпленіе колоннами, предшествуемый огнемъ многочисленной артиллеріи. Чрезмѣрное превосходство силъ, двинувшихся въ аттаку, заставило князя Горчакова ввести тотчасъ въ дѣло гренадеровъ, но, пока они подходили, редутъ и стоявшія для его обороны войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечами, пулями. Французскія колонны ворвались въ укрѣпленіе, но торжество ихъ было непродолжительно. Гренадерскіе полки, имѣя впереди священниковъ въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, скоро поравнялись съ укрѣпленною батареею и выгнали изъ нея непріятеля. Завязался рукопашный бой. То наши опрокидывали французовъ, то французы подавали насъ назадъ. Два раза непріятель вторгался въ редутъ, но не могъ въ немъ утвердиться. Кровопролитіе продолжалось до вечера. Редутъ, село Шевардино и лѣсъ на лѣвомъ крылѣ, остались окончательно за нами.

Съ наступленіемъ мрака, пальба съ непріятельской стороны затихла. Когда совсѣмъ смерклось, намъ послышалось между редутомъ и Шевардинымъ приближеніе войскъ. Сперва нельзя было въ темнотѣ увидѣть число ихъ. Загорѣвшіеся въ сторонѣ непріятелей стоги сѣна, озарили своимъ свѣтомъ густую колонну, направлявшуюся косвенно въ нашъ правый флангъ. Князь Горчаковъ послалъ за 2-ю кирасирскою дивизіею, а Невѣровскому съ 27-ю дивизіею велѣлъ остановить французовъ, которые въ темнотѣ не могли видѣть русскія войска. Невѣровскій приказалъ бывшему впереди полку ссыпать порохъ съ полокъ и, подойдя къ непріятелю, ударить въ штыки. Приказаніе было исполнено въ мертвой тишинѣ. Взятые внезапно во флангъ французы оробѣли, остановились, побѣжали. Наши смѣшались съ врагами, кололи и гнали ихъ. Подоспѣла 2-я кирасирская дивизія и довершила пораженіе непріятеля, принужденнаго въ своемъ бѣгствѣ бросить 5 орудій. Три подбитыя пушки остались на мѣстѣ, двѣ вывезены кирасирами. Сраженіе прекратилось. Къ полуночи замѣтили снова приближеніе французскихъ колоннъ. Долѣе удерживать редутъ стало безполезно, ввиду отдаленности его отъ позиціи. Главнокомандующій велѣлъ князю Горчакову отступить.

Во время этого дѣла, происходившаго 24-го августа, князь Кутузовъ прибылъ изъ Татариновой на поле сраженія. Онъ сѣлъ на скамейку, которую всегда за нимъ возили, часто сообщался съ княземъ Багратіономъ, находившимся въ огнѣ, внимательно обозрѣвалъ мѣстоположеніе и оставался на полѣ, пока не утихла пальба. Ночью возгорѣлись новые пожары. 25-е августа прошло спокойно въ обѣихъ арміяхъ, за исключеніемъ картечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, посылаемыхъ иногда въ непріятельскихъ всадниковъ, нѣсколько разъ подъѣзжавшихъ къ намъ для обозрѣній. Съ нашихъ укрѣпленныхъ высотъ, особенно съ колокольни Бородина, видно

было, какъ французы все болѣе и болѣе подавались вправо, какъ лѣса наполнялись ихъ стрѣлками, и артиллерія, пробираясь разными тропами, выѣзжала на холмы и пригорки. Замѣчая скопленіе непріятелей на нашемъ лѣвомъ крылѣ, князь Кутузовъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ и приказалъ: сводномъ гренадерскимъ батальонамъ второй арміи, графа Воронцова, занять укрѣпленіе у Семеновскаго; за графомъ Воронцовымъ, во второй линіи, стать 27-й дивизіи, Невѣровскаго; позади Семеновскаго 2-й гренадерской дивизіи, принца Мекленбургскаго; корпусу Тучкова, подкрѣпленному 7,000 московскаго ополченія, отдѣлиться изъ резерва и стать, не доходя до Утицы, на старой Смоленской дорогѣ, которая была въ верстѣ отъ нашего лѣваго крыла и, проходя черезъ лѣсъ, уклонялась къ тылу позиціи. Остальные полки смоленскаго и московскаго ополченій были размѣщены позади линій, для поданія помощи раненымъ. Четыре егерскихъ полка посланы въ лѣсъ и кусты между Утицею и Семеновскимъ, чтобы охранять связь между корпусомъ Тучкова и 2-ю арміею. Свою главную квартиру князь Кутузовъ перенесъ изъ Татаринова въ Горки.

Въ продолженіе 25-го августа Наполеонъ дѣлалъ лично обозрѣнія нашей позиціи. Подъѣхавъ къ Шевардинскому редуту, гдѣ наканунѣ происходило дѣло, онъ спросилъ: сколько русскихъ взято въ плѣнъ? «Они не сдаются въ плѣнъ»,—отвѣчалъ одинъ изъ бывшихъ въ дѣлѣ генераловъ,—«они позволяютъ убивать себя».—«Хорошо! мы ихъ убьемъ!»—возразилъ Наполеонъ. Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ къ его распоряженіямъ, состоявшимъ въ слѣдующемъ: Понятовскому наступать по старой Смоленской дорогѣ, стараясь обходить наше лѣвое крыло. Для главнаго удара назначались корпусы Даву, Нея и Жюно, подкрѣпленные гвардіею и порученные Мюрату кавалерійскіе корпусы Монбрена, Нансути и Латуръ-Мобура. Они должны были взять укрѣпленія передъ Семеновскимъ, обрушиться на наше лѣвое крыло, опрокинуть его или запереть въ колѣно, образуемое Колочею и рѣкою Москвою. Вице-королю, бывшему съ своимъ пѣхотнымъ корпусомъ и кавалерійскимъ Груши на лѣвомъ крылѣ, приказано овладѣть сначала Бородинымъ, для того, чтобы удержать оттуда наступательныя движенія, какія князь Кутузовъ могъ сдѣлать своимъ центромъ или правымъ крыломъ. При дальнѣйшихъ успѣхахъ Даву, Нея, Жюно и трехъ находившихся съ ними кавалерійскихъ корпусовъ, вице-король долженъ былъ перейти Колочу, аттаковать нашу курганную батарею и довершить пораженіе русской арміи прорывомъ ея центра. На артиллерійскаго генерала Сорбье Наполеонъ возложилъ открыть въ 6 часовъ утра огонь изъ 62-хъ орудій и тѣмъ дать общій сигналъ къ началу сраженія; послѣ того, со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи, быть въ готовности двинуться туда противъ нашихъ укрѣпленій, куда потребуетъ необходимость. Затѣмъ приказано: 1) начальнику артиллеріи 3-го корпуса выставить орудія и 16 гаубицъ противъ курганной батареи, а начальнику артиллеріи 4-го корпуса открыть огонь изъ батареи, устроенной противъ Бородина; 2) гвардіи прибыть къ 5-ти часамъ къ Шевардинскому редуту и расположиться влѣво за редутомъ, по бригадно: молодой гвардіи въ первой линіи, гвардейской кавалеріи во второй, старой гвардіи въ третьей; 3) гвардейской артиллеріи стать на лѣвомъ флангѣ гвардіи. Громаднымъ числомъ

войскъ, расположенныхъ на полутораверстное пространство между Бородинымъ и лѣсомъ, Наполеонъ надѣялся сломить стоявшихъ тамъ русскихъ и отбросить ихъ отъ московской дороги, прежде чѣмъ князь Кутузовъ успѣетъ подкрѣпить свои боевыя линіи. Несмотря на рѣшительность всѣхъ распоряженій, на увѣренность въ побѣдѣ, обнаруживаемую Наполеономъ въ разговорахъ съ разными генералами, онъ не пренебрегъ мѣрами осторожности и приказалъ соорудить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій. Войскамъ онъ далъ необходимый передъ сраженіемъ отдыхъ. Стоявшая на лѣвомъ крылѣ конница отправилась поить лошадей въ рѣкѣ Москвѣ и, узнавъ имя рѣки, провозгласила его съ восторгомъ. Мгновенно восторгъ разнесся по непріятельскому стану, и объ этомъ открытіи донесли Наполеону. Онъ отвѣчалъ: «По имени этой рѣки назовемъ завтрашнюю побѣду».

О числѣ непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи, французское правительство не издало въ свѣтъ. оффиціальныхъ свѣдѣній. У насъ есть только клочки, или отрывки строевыхъ рапортовъ, перехваченныхъ во время бѣгства непріятелей. Показанія иностранныхъ писателей разнорѣчивы. Одинъ считаетъ армію Наполеона въ 120,000, другой въ 130,000, третій въ 140,000 человѣкъ. Къ опредѣленію количества войскъ Наполеона при Бородинѣ можетъ послужить его повелѣніе, данное при переходѣ черезъ Днѣпръ при Расаснѣ и Хоминѣ. Выступая къ Смоленску, онъ писалъ одному маршалу, что въ главной арміи подъ ружьемъ 200,000 человѣкъ, но французскіе писатели утверждаютъ, что тогда было только 185,000 человѣкъ. Положимъ, что, по своему обыкновенію, Наполеонъ преувеличилъ число войскъ, а сочинители уменьшили его, и что при переходѣ черезъ Днѣпръ состояло на лицо 190,000 человѣкъ. Если убавить изъ этого числа 15,000 убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ, бывшихъ въ окрестностяхъ Смоленска, заболѣвшихъ, оставленныхъ на этапахъ и разбредшихся отъ полковъ, то выходитъ, что у Наполеона было подъ Бородинымъ болѣе 170,000 человѣкъ. Князь Кутузовъ полагалъ непріятеля съ небольшимъ въ 160,000 и вслѣдствіе этого расчета дѣлалъ свои распоряженія. Русскихъ было: 113,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 15,000 рекрутовъ и тысячъ 15 ополченія, о количествѣ котораго вѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Наступавшее сраженіе не могло походить на обыкновенную битву, а должно было носить на себѣ особенный отпечатокъ. Съ одной стороны, народы всей Европы, различные по обычаямъ, нравамъ, языкамъ, стремились сломить послѣднюю преграду для довершенія всемірнаго преобладанія завоевателя и, можетъ быть, для водруженія знаменъ его за Ураломъ. Съ другой стороны, стояли русскіе, родные по чувству и крови, а за ними были могилы предковъ, Москва, царскій тронъ, вѣра отцовъ, права человѣчества. Князь Кутузовъ объѣхалъ войска и говорилъ съ ними просто, но языкомъ доступнымъ для пониманія каждаго и проникавшимъ до глубины души. Симбирскому пѣхотному полку, напримѣръ, онъ сказалъ: «Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрой и правдой до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. Богъ намъ поможетъ; отслужите молебенъ». Единодушное ура сопровождало вождя отъ одной колонны къ дру-

гой. Передъ вечеромъ понесли по лагерю икону Смоленской Божіей Матери и совершили молебствіе. Начальники и солдаты укрѣпились молитвою, готовясь противостать полчищамъ, жаждавшимъ разгромить Россію. Князь Кутузовъ не отдалъ приказа, какими обыкновенно предупреждаютъ войска о сраженіи. Но плодовитое воображеніе французовъ составило какое-то нелѣпое воззваніе, будто-бы при молебнѣ объявленное княземъ Кутузовымъ. Ему приписываютъ разглагольствованіе о мечѣ Архангела Гавріила, о ковчегѣ Господнемъ, оскорбительныя рѣчи противъ Наполеона. Князь Кутузовъ не имѣлъ надобности воспламенять въ груди своихъ подчиненныхъ негодованіе къ непріятелю. Не время было витійствовать. Огненная черта, означавшая шествіе Наполеона, зарево пожаровъ, каждый вечеръ освѣщавшее небосклонъ, ясно свидѣтельствовали о злодѣйствахъ враговъ, краснорѣчивѣе приказовъ говорили намъ о мщеніи за оскорбленное отечество.

Солдаты точили штыки и отпускали сабли; артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ выгоднѣйшія мѣста, генералы и полковые начальники говорили солдатамъ о великомъ значеніи наступавшаго дня. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Вѣдь, придется-же умирать подъ Москвою: такъ не все-ли равно лечь здѣсь?» Наступилъ вечеръ; поднялся вѣтеръ и съ воемъ гудѣлъ по бивакамъ. Съ безупречною совѣстью, русскіе дремали вокругъ дымящихся огней. Сторожевыя цѣпи протяжно пересылали одна другой отголоски. На облачномъ небѣ изрѣдка искрились звѣзды. Все было спокойно въ нашемъ лагерѣ. Но ярче обыкновеннаго блистали огни непріятельскіе, и въ станѣ ихъ раздавались восклицанія, въ привѣтствіе Наполеону, разъѣзжавшему по корпусамъ. Разноплеменная армія, завлеченная въ дальнія страны хитростями честолюбца, имѣла нужду въ возбужденіи. Нужно было льстить и потакать страстямъ. Наполеонъ не щадилъ ни вина, ни громкихъ словъ, ни лести; его озабочивала только мысль, не отступитъ-ли князь Кутузовъ безъ сраженія? Окончивъ обозрѣніе нашей позиціи, 25-го числа, и отдавъ послѣднія приказанія, онъ расположился въ своей палаткѣ, влѣво отъ столбовой дороги, между Бородинымъ и Валуевымъ. Ночью Наполеонъ неоднократно посылалъ узнавать: не отходятъ-ли русскіе назадъ?—и каждый разъ изъявлялъ радость, когда доносили ему, что огни русскихъ горятъ и слышенъ шумъ въ нашемъ лагерѣ. Удостовѣрясь въ достиженіи своихъ желаній—сраженіи, къ которому онъ стремился отъ Нѣмана и которое, наконецъ, находилъ на берегахъ рѣки Москвы, онъ продиктовалъ приказъ, для прочтенія на слѣдующее утро въ каждомъ эскадронѣ и въ каждой ротѣ. Безпокоенъ былъ сонъ Наполеона. Часто онъ будилъ дежурнаго генералъ-адъютанта, призывалъ его къ себѣ, говорилъ съ нимъ о случайностяхъ войны, спрашивалъ его мнѣнія: «надѣется-ли онъ на побѣду?» и, наконецъ, сказалъ: «Надобно испить чашу, налитую въ Смоленскѣ»!

ГЛАВА VI.

Бородино.

I.

Бородинское сраженіе.

Глубокая тишина лежала на Бородинскомъ полѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е августа. Передъ разсвѣтомъ, 26-го, первый выстрѣлъ былъ пущенъ изъ русскаго тяжелаго орудія, съ батареи впереди Семеновскаго, когда во мракѣ показалось, что непріятель приближается. Но враги еще не двигались, и послѣ перваго выстрѣла все смолкло. Услышавъ гулъ пушки, князь Кутузовъ, уже давно бодрствовавшій, не предупредивъ своей главной квартиры, только что пробуждавшейся отъ сна, поѣхалъ одинъ на батарею, за деревнею Горками. Остановившись на возвышеніи, онъ обозрѣвалъ, при свѣтѣ догоравшихъ бивачныхъ огней, поле битвы и армію, становившуюся въ ружье. Вскорѣ вокругъ него собрались адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ войсками, стоявшими вблизи. Такъ-же рано, какъ князь Кутузовъ, когда еще свѣтъ не боролся со тьмою, вышелъ изъ своей палатки Наполеонъ и поѣхалъ къ Шевардину. Войско строилось въ боевой порядокъ. Пробили сборъ; ротные и эскадронные командиры, собравъ вокругъ себя солдатъ, читали имъ слѣдующій приказъ, наканунѣ сочиненный самимъ Наполеономъ: «Настало желанное вами сраженіе! Побѣда зависитъ отъ васъ; она намъ нужна и доставитъ изобиліе, спокойныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество! Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, и самое позднее потомство съ гордостью будетъ говорить о подвигахъ вашихъ; да скажутъ о васъ: и онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!» Заря занялась, туманъ разсѣялся, блеснулъ первый лучъ солнца. «Вотъ солнце Аустерлица!»—сказалъ Наполеонъ.—«Пріемлемъ предвѣщаніе!»—воскликнули его клевреты. Заколебались густыя непріятельскія колонны. У Семеновскаго загремѣла канонада, и въ Бородинѣ закипѣла ружейная пальба. Наше лѣвое крыло и центръ были аттакованы единовременно.

Въ Бородинѣ стоялъ гвардейскій егерскій полкъ, съ 24-го августа, для того, чтобы помогать въ то время при переправѣ арріегарда черезъ Колочу. Ему было приказано удерживать Бородино, какъ можно далѣе. Въ селѣ находилось 2 батальона; 3-й содержалъ передовую цѣпь и былъ вдругъ аттакованъ со всѣхъ сторонъ дивизіею Дельзона, изъ корпуса вице-короля. Пользуясь туманомъ, дивизія скрытно подошла къ Бородину. Увидѣвъ съ батареи у Горокъ превосходство непріятельскихъ силъ, Барклай де-Толли велѣлъ егерямъ отступить. Только что его адъютантъ проскакалъ небольшое пространство между Горками и Бородинымъ и подъѣхалъ къ полку, градъ пуль посыпался на егерей. 3-й батальонъ ударилъ въ штыки, но былъ обращенъ къ первымъ двумъ, стоявшимъ въ боевомъ порядкѣ и построился за ними. Непріятель, остановленный на нѣсколько мгновеній, продолжалъ наступать. Егеря очистили Бородино, отошли за мостъ и начали ломать его, но, тѣснимые цѣлою дивизіею, не

успѣли истребить его совсѣмъ. Французскіе стрѣлки появились на правомъ берегу Колочи и старались аттаковать 12-типушечную батарею, защищавшую мостъ. Нападеніе было отбито, но батарею велѣно отвести назадъ. Для того чтобы удержать непріятеля, начинавшаго съ значительными силами переходить черезъ Колочу, были посланы полковникъ Карпенковъ съ 1-мъ и полковникъ Вуичъ съ 19-мъ егерскими полками. Карпенковъ построилъ батальоны въ колонны за бугромъ скрытно, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля, и, когда гвардейскіе егеря отходили назадъ, быстро выдвинулъ полкъ на гребень бугра и далъ мѣткій залпъ. Дымъ выстрѣловъ клубился еще передъ лицомъ ошеломленныхъ нечаянымъ залпомъ французовъ, когда наши ударили въ штыки. Непріятель бросился къ мосту, но не могъ перейдти черезъ него всею колонною, потому что гвардейскіе егеря при своемъ отступленіи сняли болѣе десятка мостовинъ. Оставшихся на нашемъ берегу французовъ приперли къ рѣкѣ и истребили до послѣдняго. Потомъ Карпенковъ послалъ стрѣлковъ за Колочу, но получилъ приказаніе возвратить ихъ и истребить мостъ до тла; онъ исполнилъ повелѣніе подъ сильнымъ огнемъ.

Нападеніе на Бородино было только ложное, предпринятое Наполеономъ съ цѣлью скрыть его настоящее намѣреніе обрушиться на лѣвое крыло русской арміи. Здѣсь аттака была поручена Даву, Нею и Жюно, подкрѣпляемымъ тремя кавалерійскими корпусами, подъ главнымъ начальствомъ Мюрата. Впереди шли три дивизіи Даву: одна, Компана, слѣдовала по опушкѣ лѣса; другая. Дезе, проходила черезъ самый лѣсъ и кустарники; 3-я, Фріана, была въ резервѣ. Мѣстоположеніе препятствовало быстрому наступленію. Непріятелю пришлось пробираться черезъ лѣсъ, гдѣ не было дорогъ. Миновавъ лѣсъ, французы начали строиться въ колонны къ аттакѣ. Построеніе совершалось подъ нашими картечными выстрѣлами, и головы колоннъ, показывавшіяся передъ нашими укрѣпленіями, были останавливаемы выстрѣлами артиллеріи и егерей, разсыпанныхъ въ лѣсу. Нѣсколько главныхъ непріятельскихъ начальниковъ были принуждены удалиться съ поля сраженія. При началѣ дѣла ударило Компана осколкомъ гранаты. Онъ сдалъ команду Дезе, который вскорѣ былъ опасно раненъ. Его мѣсто заступилъ присланный отъ Наполеона генералъ-адъютантъ Раппъ, но и его не пощадилъ русскій свинецъ. Въ то же время самъ корпусный командиръ, Даву, упалъ съ лошади, пробитой ядромъ, и получилъ сильную контузію. Онъ скоро оправился, но не могъ замѣнить своихъ раненыхъ дивизіонныхъ генераловъ. Отъ убыли начальниковъ произошло въ его корпусѣ колебаніе, и аттаки его были не совсѣмъ успѣшны.

Такъ уничтожена была первая попытка Наполеона въ главномъ пунктѣ предположеннаго имъ нападенія. Въ 7 часовъ, онъ велѣлъ возобновить аттаку съ гораздо большею силою. Ней вступилъ на лѣвый флангъ Даву, корпусъ Жюно, отданный въ распоряженіе Нея, сталъ во вторую линію; Мюратъ двинулъ три кавалерійскихъ курпуса; Нансути долженъ былъ подкрѣплять Даву, Монбренъ Нея, Латуръ-Мобуръ слѣдовать въ резервѣ. Видя невозможность для дивизій графа Воронцова и Невѣровскаго устоять противъ столь большихъ силъ, какія развертывались передъ его глазами, князь Багратіонъ послалъ за 3-ю дивизіею, Коновницына, находившеюся съ Тучковымъ на старой смоленской дорогѣ, взялъ нѣсколько батальоновъ

изъ 2-й линіи Раевскаго, бывшаго правѣе отъ него, подвинулъ изъ резерва 2-ю гренадерскую дивизію, принца Мекленбургскаго, и поставилъ ее влѣво отъ Семеновскаго, придвинулъ 2-ю кирасирскую дивизію, Дуки, къ лѣвому флангу принца. Словомъ, князь Багратіонъ стянулъ къ угрожаемому мѣсту всѣ войска, бывшія у него подъ рукою, и послалъ просить князя Кутузова о немедленномъ подкрѣпленіи. Кутузовъ отправилъ къ нему генералъ-маіора Бороздина, съ тремя полками 1-й кирасирской дивизіи, Его и Ея Величества и Астраханскимъ, полковника Храповицкаго, съ полками лейбъ-гвардіи Измайловскимъ и Литовскимъ, батарейныя роты Его Высочества и графа Аракчеева, и полковника Козена, съ 8-ю орудіями гвардейской конной артиллеріи. Тогда же князь Кутузовъ велѣлъ 2-му корпусу, Багговута, идти съ правого крыла къ центру и на лѣвый флангъ и до прибытія 2-го корпуса двинулъ изъ резерва нѣсколько батарей къ Семеновскому.

Между тѣмъ, Ней, Даву, Жюно и Мюратъ повели аттаку, подкрѣпляемую 130-ми орудіями, съ которыхъ, съ самаго начала сраженія, не умолкала пальба, большею частью изъ гаубицъ. Русская артиллерія и пѣхота, выждавъ французовъ, первая на картечный, вторая на ружейный выстрѣлъ, поразили ихъ убійственнымъ огнемъ, но не остановили ихъ стремленія. Графъ Воронцовъ, занимавшій редуты, долженъ былъ первый выдержать весь натискъ непріятеля. Его сопротивленіе не могло быть продолжительно, ввиду громаднаго числа нападавшихъ; онъ сражался до тѣхъ поръ, пока его дивизія не была истреблена. Во время борьбы съ графомъ Воронцовымъ, французы бросались между батареями, стараясь взять ихъ въ тылъ. Стоявшая во 2-й линіи дивизія Невѣровскаго пошла въ штыки; кирасиры Дуки, нѣсколько полковъ драгуновъ и улановъ помогали пѣхотѣ, и сраженіе сдѣлалось тутъ общимъ. Даву и Ней нѣсколько разъ посылали къ Наполеону просить подкрѣпленія. Наполеонъ отвѣчалъ, что еще слишкомъ рано вводить въ дѣло свѣжія войска. Онъ велѣлъ усилить огонь съ батарей своего лѣваго крыла, въ центрѣ около Бородина и на всемъ протяженіи боевой линіи. Благодаря превосходной позиціи, русскія батареи отвѣчали успѣшно.

На оконечность нашего лѣваго крыла двинулся Понятовскій рано поутру, по старой Смоленской дорогѣ, вытѣснилъ нашихъ стрѣлковъ изъ Утицы, занялъ эту деревню и аттаковалъ 1-ю гренадерскую дивизію. Нападеніе было отбито. Непріятель возобновилъ аттаку и заставилъ Тучкова отступить къ высотамъ за Утицею. Понятовскій послѣдовалъ за нимъ, аттаковалъ высоту и овладѣлъ ею. Здѣсь кончились успѣхи непріятеля. Уже заблаговременно, при первомъ нападеніи Понятовскаго, Тучковъ просилъ о подкрѣпленіи, имѣя только одну дивизію, такъ какъ другая, Коновницына, была отправлена на помощь второй арміи, къ Семеновскому. Князь Кутузовъ отрядилъ къ Тучкову 17-ю дивизію, Олсуфьева, изъ корпуса Багговута, только что переведеннаго съ лѣваго крыла въ центръ арміи. Когда 17-я дивизія пришла къ мѣсту своего назначенія, Тучковъ рѣшился прогнать непріятеля съ кургана. Графъ Строгановъ, съ четырьмя гренадерскими полками, съ одной стороны, Олсуфьевъ, съ Вильманстрандскимъ и Бѣлозерскимъ, съ другой и самъ Тучковъ, съ Павловскимъ гренадерскимъ, ударили въ штыки. Уступленная нами высота была отнята у непріятеля, но Тучковъ заплатилъ за

успѣхъ жизнью. Простреленный насквозь пулею, онъ скончался черезъ три недѣли. Послѣ него принялъ начальство Багговутъ. Понятовскій отступилъ и нѣсколько часовъ ограничивался канонадою, опасаясь быть завлеченнымъ въ засаду и не имѣя сообщеній съ главною арміею Наполеона.

Происходившее на старой Смоленской дорогѣ составляетъ отдѣльное дѣйствіе Бородинскаго сраженія. Обратимся къ князю Багратіону, стоявшему въ кровопролитномъ бою. Войска обѣихъ сторонъ и подходившія къ нимъ подкрѣпленія конницы и пѣхоты бросались на батареи; взаимныя усилія русскихъ и непріятелей возобновлялись яростно. Сколько ни отбивали непріятелей, но они, смыкаясь, валили впередъ и овладѣли укрѣпленіями. Подоспѣлъ Коновницынъ. Не давъ французамъ утвердиться, онъ кинулся на нихъ съ своею дивизіею. «Презирая всю жестокость непріятельскаго огня», говоритъ онъ въ донесеніи, «полки пошли на штыки и съ словомъ «ура!» опрокинули французовъ, привели въ крайнее замѣшательство ихъ колонны и заняли высоту, съ самаго начала сраженія упорно защищаемую». Трупы убитыхъ и раненыхъ тысячами покрывали оспориваемыя батареи и окрестности. Изъ нашихъ генераловъ были ранены: первый графъ Воронцовъ, потомъ князь Горчаковъ и принцъ Мекленбургскій. Командиръ сводной гренадерской бригады князь Кантакузинъ, отбившій отъ непріятелей нѣсколько орудій, убитъ. Командиръ Астраханскаго гренадерскаго полка, Буксгевденъ, истекая кровью отъ полученныхъ трехъ ранъ, пошелъ впередъ и палъ на батареѣ. Полковникъ Монахтинъ, указывая колоннѣ на батарею, сказалъ: «Ребята! представьте себѣ, что это—Россія, и отстаивайте ее грудью богатырскою!» Картечь повергла его полумертвымъ на землю. Генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й, съ знаменемъ въ рукѣ, повелъ свой Ревельскій полкъ на непріятеля, но, едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, пуля поразила его въ грудь. Не знаемъ, найдется-ли примѣръ случившагося съ Тучковыми. Три родныхъ брата, достигнувъ до генеральскихъ чиновъ, пройдя безъ вреда многія войны, почти въ одно время кончили свое поприще: одинъ, израненный, былъ взятъ въ плѣнъ близь Смоленска; двое пали подъ Бородинымъ. Мать ихъ лишилась зрѣнія отъ слезъ, а юная супруга одного изъ павшихъ братьевъ соорудила на Бородинскомъ полѣ обитель и удалилась въ нее отъ свѣта.

При началѣ боя на нашемъ лѣвомъ крылѣ, вице-король стоялъ въ наблюдательномъ положеніи близъ Бородина, но, когда Даву, Ней и Жюно завязали бой на нашихъ укрѣпленіяхъ, онъ получилъ отъ Наполеона повелѣніе прорвать нашъ центръ. Онъ поручилъ защиту Бородина дивизіи Дельзона, послалъ кавалерійскую дивизію Орнано на правый берегъ Войны, для наблюденія за правымъ крыломъ русской арміи, а съ остальными тремя дивизіями своего корпуса и кавалеріею Груши сталъ переходить черезъ Колочу, направляясь противъ курганной батареи, защищаемой Раевскимъ. Ее прикрывали четыре пѣхотныхъ полка 26-й дивизіи Паскевича; впереди два полка 12-й дивизіи, находившейся, по болѣзни Колюбякина, подъ начальствомъ Васильчикова, занимали кустарникъ; три егерскихъ полка стояли въ резервѣ. Раевскій расположилъ войска такимъ образомъ, что при появленіи непріятеля близъ кургана, могъ взять

французскія колонны съ обоихъ фланговъ. Къ распоряженіямъ Раевскаго Паскевичъ присовокупилъ приказаніе начальнику артиллеріи своей дивизіи, Шульману, не свозить орудій съ батареи, а только, при приближеніи непріятеля, отослать назадъ лошадей и зарядные ящики. На лѣвомъ флангѣ Раевскаго стоялъ 3-й кавалерійскій корпусъ, подъ командою барона Крейца.

Когда войска вице-короля стали подходить къ батареѣ, съ ними завязалась перестрѣлка въ кустарникахъ. Оттѣснивъ нашихъ стрѣлковъ, французы двинулись на батарею; 18 орудій ея и стоявшія по сторонамъ артиллерійскія роты поражали ихъ сильнымъ огнемъ. Непріятель не колебался. Выстрѣлы по немъ ежеминутно становились чаще, заряды истощались; наконецъ, дымъ закрылъ непріятелей: нельзя было видѣть ни успѣховъ, ни разстройства ихъ, и вдругъ головы французскихъ колоннъ, безъ выстрѣла, перелѣзли чрезъ брустверъ. Непріятель не могъ употребить въ дѣло захваченныхъ имъ 18-ти орудій, такъ какъ при нихъ не было зарядовъ, но по обѣимъ сторонамъ взятой ими батареи французы стали подвозить орудія, для пораженія отступавшихъ войскъ Раевскаго. Еще нѣсколько минутъ промедленія, и непріятель успѣлъ-бы утвердиться въ срединѣ нашей боевой черты. Заднія колонны его спѣшили, удвоивали шагъ, но не могли придти въ настоящую пору. Ермоловъ и графъ Кутайсовъ, незадолго передъ тѣмъ посланные княземъ Кутузовымъ съ разными порученіями на лѣвый флангъ, поравнялись съ батареею, когда она только что перешла во власть французовъ. «Высота», говоритъ Ермоловъ, «господствующая надъ всѣмъ пространствомъ, гдѣ устроены были обѣ арміи и 18 орудій, доставшихся непріятелю, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не попытать возвращенія сдѣланной потери. Я предпринялъ это. Нужна была дерзость и мое счастье, и я успѣлъ. Взявъ только батальонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, я остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, повелъ ихъ на курганъ и ударилъ въ штыки». Въ то самое время Паскевичъ пошелъ на штыки въ лѣвый флангъ непріятеля, находившагося за редутомъ, а Васильчиковъ въ правый. «Во мгновеніе ока», пишетъ Раевскій, «они опрокинули непріятельскія колонны и гнали ихъ до кустарниковъ столь сильно, что едва-ли кто изъ фрунцузовъ спасся». Пока Паскевичъ и Васильчиковъ аттаковали и кололи непріятеля по сторонамъ батареи, Ермоловъ устилалъ вершину кургана вражескими трупами. «Французы», замѣчаетъ Раевскій, «были сами причиною своей неудачи, такъ какъ не устроили резерва для подкрѣпленія колонны, шедшей на приступъ». На батареѣ взяли въ плѣнъ исколотаго штыками генерала Бонами. Желая спастись отъ смерти, онъ назвался неаполитанскимъ королемъ, и въ первую минуту ему повѣрили. Прискакавшій со взятой батареи адъютантъ доложилъ князю Кутузову о взятіи Мюрата въ плѣнъ. Всѣ вокругъ главнокомандующаго закричали: «ура!» Умѣряя общую радость, онъ сказалъ: «Подождемъ подтвержденія». Вскорѣ привели плѣннаго, и обнаружилась истина.

Возвращеніемъ батареи, не долго бывшей во власти французовъ, возстановили дѣло въ центрѣ, но уронъ, понесенный нами въ людяхъ, былъ весьма великъ. Вице-король осыпалъ выстрѣлами батарею и окрестность. Невознаградимою потерею была смерть графа Кутайсова. Во время общей аттаки нашихъ на курганъ, онъ

отдѣлился вправо, пожалъ руку Паскевичу, повелъ пѣхоту въ штыки и болѣе не возвращался. Вскорѣ прибѣжала его лошадь; по окровавленному на ней сѣдлу заключили о смерти Кутайсова. Ему было только 28 лѣтъ, но отечество уже радовалось его быстрымъ шагамъ на поприщѣ славы. Общимъ голосомъ въ немъ были признаваемы необыкновенныя способности. Его смерть имѣла важныя послѣдствія на весь ходъ сраженія, лишивъ 1-ю армію начальника артиллеріи въ такой битвѣ, гдѣ преимущественно дѣйствовали орудія. Не зная сдѣланныхъ Кутайсовымъ распоряженій, многія роты, разстрѣлявъ заряды, не имѣли понятія о томъ, откуда ихъ пополнить, и противъ батарейныхъ французскихъ орудій дѣйствовали у насъ, въ иныхъ мѣстахъ, легкія. Когда впослѣдствіи заходила рѣчь о бородинскомъ сраженіи, князь Кутузовъ обыкновенно говаривалъ, что, если не одержанъ полный успѣхъ, на какой, по своимъ соображеніямъ, онъ могъ надѣяться, тому причиною была смерть Кутайсова. Отъ великой убыли въ людяхъ, два раза перемѣняли орудія на отбитой батареѣ. Для прислуги брали солдатъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Еще полтора часа непріятель продолжалъ нападенія на батарею. На ней распоряжался Ермоловъ; Раевскій командовалъ прикрывавшими ее войсками и, по словамъ его, держался до тѣхъ поръ противъ повторенныхъ аттакъ, пока убитыми и ранеными не приведенъ былъ въ совершенное ничтожество. Тогда отвели назадъ разстроенный корпусъ Раевскаго. Мѣсто его заступила 24-я дивизія, Лихачева. Ермоловъ сдалъ ему батарею, отправился на лѣвый флангъ и былъ раненъ. Во все продолженіе часто повторявшихся нападеній на батарею, Крейцъ, съ 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, нѣсколько разъ ходилъ въ аттаку на пѣхоту и конницу, то успѣшно, то неудачно. Онъ получилъ три раны, но оставался во фронтѣ, пока въ рубкѣ не былъ сброшенъ съ лошади. На этомъ мѣстѣ войска наши были усилены 4-ю пѣхотною дивизіею принца Евгенія Виртембергскаго корпуса Багговута, передвинутаго съ праваго крыла къ лѣвому. При переходѣ туда, 4-я дивизія поравнялась съ курганною батареею въ то время, когда непріятели овладѣли высотою, и была назначена для того, чтобы отбить батарею. Этотъ подвигъ ей не удалось совершить, такъ какъ наши вырвали уже высоту изъ рукъ непріятельскихъ; дивизію подвинули влѣво; она отбила нѣсколько кавалерійскихъ аттакъ и черезъ два часа раздѣлилась: съ одною частью принцъ Евгеній пошелъ на лѣвый флангъ, а другая осталась въ центрѣ.

Немного раньше аттаки вице-короля на Раевскаго, Наполеонъ поставилъ болѣе 400 орудій. Подъ ихъ защитою густыя колонны пѣхоты и конницы возобновили напоръ на князя Багратіона. Болѣе 300 соединенныхъ съ нашей стороны орудій и сближенный резервъ приготовились принять непріятеля, дали ему подойти и открыли жесточайшій огонь; но французы смѣло стремились впередъ. Видя невозможность остановить непріятеля ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, князь Багратіонъ приказалъ выступить къ нимъ навстрѣчу. Всѣ наши колонны лѣваго крыла двинулись въ штыки. Завязался кровопролитнѣйшій ручной бой, въ которомъ нельзя было различить французовъ отъ своихъ. Конный, пѣхотинецъ, артиллеристъ—въ пылу сраженія всѣ перемѣшались; бились штыками, прикладами, тесаками,

банниками; попирая ногами упавшихъ, громоздились на тѣлахъ убитыхъ и раненыхъ. Непріятельскіе всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены даже въ нашихъ гвардейскихъ полкахъ. Только резервы оставались съ обѣихъ сторонъ въ отдаленіи неподвижными. Черепокъ чиненаго ядра ударилъ князя Багратіона въ правую ногу и пробилъ переднюю часть берцовой кости. Боготворимый войсками, онъ хотѣлъ утаить отъ нихъ боль и превозмочь ее, но теченіе крови измѣнило ему. Зрѣніе его помрачилось; онъ едва не упалъ съ лошади. Удаляясь съ поля славы, князь Багратіонъ безпрестанно обращалъ взоръ на мѣсто сраженія. Коновницынъ, оставшись послѣ него старшимъ, послалъ къ Раевскому, чтобы пригласить его въ Семеновское для принятія команды. Раевскій отвѣчалъ невозможностью отлучиться, пока не отразитъ направленной на него аттаки вице-короля, и просилъ Коновницына дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, обѣщая пріѣхать къ нему скоро. Между тѣмъ, князь Багратіонъ, не успѣвъ еще выѣхать изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, заботился о распоряженіяхъ, посылалъ къ Коновницыну узнавать о происходившемъ и останавливался въ ожиданіи отвѣта.

Послѣдствіемъ ужаснаго боя на лѣвомъ крылѣ было уступленіе непріятелю укрѣпленій, которыя защищались русскими нѣсколько часовъ съ геройскимъ мужествомъ. Успѣху французовъ способствовали превосходство ихъ въ числѣ и рана князя Багратіона, лучшаго изъ нашихъ боевыхъ генераловъ. Его львиная храбрость, величавое спокойствіе, быстрыя соображенія получали полное развитіе въ пылу сѣчи, составлявшей стихію Багратіона. Съ удаленіемъ главнаго начальника прекратилась общая необходимая связь въ дѣйствіяхъ, не направляемыхъ болѣе одною мыслью, одною волею. Коновницынъ отвелъ войско за Семеновскій оврагъ и занялъ ближнія высоты. На нихъ въ одинъ мигъ взвезли батареи и на самое короткое время удержали наступленіе французовъ. Прибылъ герцогъ Александръ Виртембергскій, до тѣхъ поръ находившійся подлѣ князя Кутузова и посланный имъ на лѣвый флангъ при первомъ извѣстіи о ранѣ князя Багратіона. Вскорѣ потомъ начальство надъ 2-ю арміею было поручено безстрашному защитнику Смоленска—Дохтурову.

Овладѣвъ укрѣпленіями впереди Семеновскаго, Наполеонъ распространилъ свои успѣхи далѣе. Онъ приказалъ Мюрату, съ кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ-Мобура, аттаковать наше лѣвое крыло, обойти его, отрѣзать отъ войскъ, стоявшихъ на старой Смоленской дорогѣ, и, такимъ образомъ, утвердить за собою побѣду. Громимая русскими батареями непріятельская конница стройно подвигалась впередъ. Успѣхъ ея казался Наполеону несомнѣннымъ. Любуясь порядкомъ, съ какимъ кавалерійскіе корпусы шли на проломъ, сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ, понеслись во весь опоръ, онъ захлопалъ въ ладоши, восклицая: «Они идутъ туда!» Французы шли прямо на лейбъ-гвардіи Измайловскій и Литовскій полки, примыкавшіе къ лѣвому флангу дивизіи Коновницына. Полки построились въ каре и, допустивъ французскихъ кирасировъ на ближайшій выстрѣлъ, открыли батальный огонь. Латы, не придавая мужества французамъ, были слабою защитою. Враги показали тылъ. Конные гренадеры попытались исправить неудачу кирасировъ, но, принятые одинаковымъ образомъ, имѣли рав-

ную участь: ихъ опрокинули. Нѣсколько конныхъ гренадеровъ, осмѣлившись доскакать до каре, за свою дерзость были наказаны штыками. Третья аттака была такъ-же безуспѣшна, какъ и первыя двѣ. Если-бы въ русскихъ рядахъ, хотя на самое короткое время, водворился безпорядокъ или наши оробѣли,—сраженіе было-бы проиграно. Громады непріятельской конницы только и ждали минуты, чтобы броситься опрометью и обрушиться на насъ всею своею тяжестью. Въ промежутки аттакъ, ядра и картечи сыпались на гвардейскіе полки, считавшіе нападенія кавалеріи настоящимъ отдыхомъ, такъ какъ, хотя на время, избавлялись отъ выстрѣловъ артиллеріи. Полковникъ Кутузовъ, командовавшій Измайловскимъ полкомъ, вмѣсто выбывшихъ изъ строя отъ ранъ старшихъ Храповицкаго, Козлянинова и Мусина-Пушкина, доносилъ: «Истребляя ряды наши, непріятельскій огонь не производилъ въ нихъ никакого безпорядка. Ряды смыкались и были повѣряемы съ такимъ хладнокровіемъ, какъ-бы находились внѣ выстрѣловъ». Командиръ Литовскаго полка, Удомъ, выстрѣливъ батальнымъ огнемъ, закричалъ: ура! пошелъ на штыки и гналъ непріятеля до ближней высоты. «По ожесточенію солдатъ»,—говоритъ Удомъ,—«въ плѣнъ никого не взяли». Такіе подвиги не могли совершаться безъ большихъ потерь. Въ Литовскомъ полку, изъ 1,733-хъ человѣкъ, убито, ранено и безъ вѣсти пропало 953.

Во время аттакъ, Дохтуровъ и Коновницынъ были въ гвардейскихъ каре. Первый изъ нихъ говоритъ въ донесеніи князю Кутузову: «Измайловскій и Литовскій полки оказали достойную русскихъ храбрость. Необыкновеннымъ своимъ мужествомъ они удерживали стремленіе непріятелей и поражали ихъ повсюду штыками». Вотъ слова Коновницына: «Не могу съ довольною похвалою отозваться вашей свѣтлости о примѣрной неустрашимости, оказанной въ сей день полками лейбъ-гвардіи Литовскимъ и Измайловскимъ. Прибывши на лѣвый флангъ, непоколебимо выдерживали они наисильнѣйшій огонь непріятельской артиллеріи; осыпаемые картечами ряды ихъ, несмотря на потерю, пребыли въ наилучшемъ устройствѣ, и всѣ чины, отъ перваго до послѣдняго, одинъ передъ другимъ, являли рвеніе свое умереть, прежде нежели уступить непріятелю. Три большія кавалерійскія аттаки непріятельскихъ кирасировъ и конныхъ гренадеровъ на оба полка сіи отражены были съ невѣроятнымъ успѣхомъ; несмотря на то, что каре были совсѣмъ окружены, непріятель съ крайнимъ урономъ прогнанъ огнемъ и штыками. Однимъ словомъ, полки Измайловскій и Литовскій покрыли себя въ виду всей арміи неоспоримою славою. Ставлю себѣ за счастіе, что мнѣ предоставлено свидѣтельствовать о подвигахъ ихъ передъ вашею свѣтлостію».

Французскіе кирасиры и конные гренадеры все еще носились вокругъ каре гвардіи 3-й дивизіи и остатковъ отъ дивизій принца Мекленбургскаго, графа Воронцова и Невѣровскаго. Нѣсколько эскадроновъ доскакивали даже до бывшихъ въ резервѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. Едва приближались непріятели, командовавшій этими полками баронъ Розенъ, съ барабаннымъ боемъ, велъ ихъ впередъ, встрѣчая кавалерію штыками и она, не отваживаясь идти противъ штыковъ, возвращалась. Пораженіе непріятеля было довершено кирасирскими полками Его и Ея Величества, Екатеринославскимъ, Орденскимъ и Астраханскимъ. Они ходили неоднократно

въ аттаку, врѣзывались въ пѣхоту, причемъ полкъ Его Величества отбилъ 2 орудія. Дѣйствовали и другіе полки кавалерійскихъ дивизій: Дуки, графа Сиверса, Дорохова. Въ суматохѣ каждый полковой командиръ распоряжался, какъ умѣлъ, какъ внушало ему усердіе. Но сила нашихъ войскъ, при всемъ ихъ мужествѣ, начинала истощаться. Наше ослабленіе не скрылось отъ Наполеона. Въ подкрѣпленіе кавалерійскихъ аттакъ Мюрата онъ послалъ молодую гвардію. Назначенная рѣшить участь сраженія гвардія тронулась, но, едва прошла небольшое разстояніе, Наполеонъ неожиданно замѣтилъ на своемъ лѣвомъ флангѣ появленіе русской конницы, отступленіе колоннъ вице-короля, бѣготню и тревогу въ обозахъ и въ тылу арміи. Остановивъ молодую гвардію, Наполеонъ самъ отправился къ вице-королю, желая узнать о причинѣ замѣчаемаго у него смятенія. Оно произошло слѣдующимъ образомъ.

Не задолго до начала аттаки, въ которой былъ раненъ князь Багратіонъ, и нападенія на батарею Раевскаго, князь Кутузовъ безпрестанно получалъ донесенія о нападеніяхъ непріятелей на наше лѣвое крыло. Онъ былъ подлѣ батареи на Горкахъ, немного лѣвѣе столбовой дороги. Желая лично удостовѣриться въ справедливости донесеній, князь Кутузовъ взъѣхалъ на пригорокъ, осыпаемый обломками гранатъ, летавшими во всѣ направленія. На волоскѣ была жизнь того, на комъ лежала надежда Россіи. Тщетно уговаривали его спуститься съ пригорка, и, когда никакія убѣжденія не дѣйствовали на Кутузова, адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели его изъ-подъ выстрѣловъ. Слѣдствіемъ этого личнаго обозрѣнія были два отданныя Кутузовымъ приказанія: 1) Милорадовичу, съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, графа Остермана, и 2-мъ кавалерійскимъ, Корфа, сблизиться къ центру; 2) Платову, съ казаками, и Уварову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина, и аттаковать лѣвое крыло непріятеля. Этимъ движеніемъ князь Кутузовъ надѣялся отвлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть его силъ отъ нашего лѣваго крыла.

Мѣстоположеніе для дѣйствій 1-го кавалерійскаго корпуса, Уварова, было невыгодно. Нужно было переходить черезъ оврагъ и рѣчку и потомъ подыматься на другой берегъ. Деревня на лѣвой сторонѣ и лѣсъ на правой были заняты непріятельскою пѣхотою. Переправившись черезъ Колочу, Уваровъ поручилъ первую аттаку графу Орлову-Денисову съ полками лейбъ-гусарскимъ, лейбъ-казачьимъ и Елисаветградскимъ гусарскимъ. Графъ Орловъ-Денисовъ долженъ былъ спуститься въ ровъ и выстроить полки на противолежащемъ высокомъ берегу, подъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Онъ одолѣлъ всѣ препятствія и пустился въ аттаку на стоявшую вблизи французскую пѣхоту. Отстрѣливаясь, пѣхота поспѣшно отошла назадъ. Находившаяся при ней батарея едва успѣла отступить. Елисаветградскій гусарскій полкъ отбилъ два орудія, но не могъ увезти ихъ. Уваровъ предпринялъ вторичную аттаку. Она не удалась, потому что непріятель успѣлъ усилить пѣхоту, построившуюся въ каре. Въ одномъ изъ нихъ принужденъ былъ искать спасенія самъ вице-король, прискакавшій изъ центра, гдѣ онъ велѣлъ прекратить нападенія и откуда послалъ часть войскъ на лѣвый берегъ Колочи. Князь Кутузовъ, смотря на дѣйствія Уварова съ Горской батареи, прика-

залъ ему отступить, замѣтивъ, что цѣль, для которой послана кавалерія, была достигнута, то есть, что непріятельскія войска стали подаваться на лѣвое крыло ихъ. Не взирая на повелѣніе, Уваровъ не отходилъ еще нѣсколько времени и разными движеніями давалъ видъ, будто намѣренъ возобновить аттаку. Онъ отошелъ обратно на позицію, когда получилъ вторичное приказаніе. Платовъ находился правѣе Уварова. Казаки перешли въ бродъ черезъ Войну, разсыпались въ непріятельскомъ тылу и произвели такую тревогу, что бывшіе тамъ обозы въ величайшемъ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. По отступленіи Уварова, отошелъ назадъ и Платовъ.

Дѣйствія Платова и Уварова имѣли чрезвычайно важное вліяніе на участь сраженія и вполнѣ оправдали ожиданія князя Кутузова. Нашъ лѣвый флангъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго взяты, Наполеонъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну аттаку за другою, и приказалъ вице-королю аттаковать курганную батарею. Вдругъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Наполеонъ велѣлъ гвардіи остановиться и вице-королю не идти въ въ аттаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-король и самъ Наполеонъ, увидѣвъ кавалерію Платова и Уварова и произведенную ими тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство аттакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ, какъ тогда кто-то справедливо замѣтилъ, «можно было свободнѣе вздохнуть». Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонявшеюся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ превосходнаго маневра князя Кутузова.

Былъ третій часъ пополудни, когда Наполеонъ возвратился съ береговъ Войны къ Шевардину, гдѣ онъ стоялъ съ ранняго утра. Онъ приказалъ ограничиться пальбою изъ орудій противъ нашего лѣваго крыла и обратился противъ центра, въ намѣреніи овладѣть курганною батареею. Но центръ нашъ былъ уже обезпеченъ прибытіемъ корпусовъ графа Остермана и Корфа, переведенныхъ туда съ праваго фланга. Графъ Остерманъ сталъ въ первой линіи, между курганомъ и Семеновскимъ, гдѣ въ началѣ сраженія находился корпусъ Раевскаго. Позади расположились полки Преображенскій и Семеновскій; за ними 2-й и 3-й кавалерійскіе корпусы; въ послѣдней линіи кавалергардскій и лейбъ-гвардіи конный полки. Дохтуровъ, съ остатками второй арміи и войсками, въ теченіе утра отправленными къ ней на подкрѣпленіе, примыкалъ правымъ флангомъ къ графу Остерману, лѣвымъ стоя косвенно по направленію къ старой Смоленской дорогѣ. Дивизіи, составлявшія собственно корпусъ Дохтурова: 24-я, Лихачева, занимала курганную батарею, 7-я, Капцевича, стояла правѣе отъ нея.

Въ такомъ положеніи были русскія войска, обставленныя артиллеріею, когда началось второе дѣйствіе сраженія. Съ правой стороны и по протяженію всей нашей линіи были французскія орудія, дѣйствовавшія противъ центра и курганной батареи, съ лѣвой—артиллерія, размѣщенная Наполеономъ на позиціи, отнятой у князя Ба-

гратіона. «Этого неудобства», говоритъ Барклай де-Толли въ донесеніи князю Кутузову, «нельзя было избѣжать оттого, что надлежало сдѣлать преграду непріятельскимъ успѣхамъ и удерживать остальныя, занимаемыя нами мѣста. Въ противномъ случаѣ, должны-бы мы были оставить курганную батарею. Въ семъ положеніи», присовокупляетъ Барклай де-Толли, «наши храбрыя войска выдержали страшный огонь съ удивительнымъ мужествомъ». Самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить сокрушительнаго дѣйствія происходившей здѣсь канонады. Гранаты лопались въ воздухѣ и на землѣ, ядра гудѣли, сыпались со всѣхъ сторонъ, бороздили землю рикошетами, ломали въ щепы и дребезги все встрѣчаемое ими въ своемъ полетѣ. Выстрѣлы были такъ часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались безпрерывно, подобно неумолкающему раскату грома. Нѣкоторыя наши артиллерійскія роты, прибывшія изъ резерва, простоявъ короткое время на одномъ мѣстѣ, теряли прислугу и ящики; приходилось вывозить орудія изъ дѣла на двухъ лошадяхъ. Съ небольшимъ въ часъ убито въ конной ротѣ Никитина 90 человѣкъ и 113 лошадей. Не доставало людей для поднятія орудій на передки. Изъ пѣхоты брали солдатъ для прислуги; ратниковъ ополченія сажали верхомъ на артиллерійскихъ лошадей. Чугунъ дробилъ, но не колебалъ груди русскихъ, лично оживляемыхъ присутствіемъ Барклая де-Толли, Милорадовича и графа Остермана. Наперерывъ другъ передъ другомъ они становились на мѣстахъ, гдѣ преимущественно пировала смерть. Завидѣвъ Барклая де-Толли тамъ, гдѣ ложилось множество ядеръ, Милорадовичъ сказалъ: «Барклай хочетъ меня удивить!» поѣхалъ еще далѣе, подъ перекрестные выстрѣлы французскихъ батарей, и велѣлъ подать себѣ завтракъ. Графъ Остерманъ, сильно контуженный, долженъ былъ удалиться съ поля сраженія. Оба дивизіонныхъ начальника его корпуса, два брата Бахметевы, были ранены; одному изъ нихъ оторвало ногу.

Намѣреваясь воспользоваться губительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, Наполеонъ повелъ кавалерійскія аттаки. Кирасиры и уланы понеслись на корпусъ графа Остермана. «Наша пѣхота», говоритъ Барклай де-Толли, «встрѣтила ихъ съ удивительною твердостью, подпустила на 60 шаговъ и открыла такой дѣятельный огонь, что непріятель былъ опрокинутъ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ». Особенно отличились 34-й егерскій и Перновскій полки. Послѣдній самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ ее и побѣжалъ за нею; гренадеры первой шеренги бросали въ догонку французовъ ружья со штыками. Это было въ 4 часа пополудни. Полки 2-го кавалерійскаго корпуса, Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, за ними Иркутскій и Сибирскій драгунскіе, преслѣдовали и гнали непріятеля до самыхъ его резервовъ и, только будучи приняты пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, были обращены назадъ. Непріятельская конница преслѣдовала нашу, прорвалась сквозь интервалы пѣхотныхъ каре и зашла въ тылъ 7-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій; но «эта безподобная пѣхота», какъ Барклай де-Толли называетъ ее въ своемъ донесеніи, «нимало не разстроиваясь, встрѣтила французовъ батальнымъ огнемъ». Между тѣмъ, конные полки 2-го корпуса вновь собрались, пошли въ аттаку, опрокинули непріятеля и принудили его отступить за пѣхоту. Французы скрылись на время изъ вида. Табуны лошадей безъ всадниковъ, разметавъ гривы, ржали, бѣгали посреди мертвыхъ и

раненыхъ; по полю были разбросаны подбитыя орудія, остовы ящиковъ.

Вскорѣ были замѣчены у французовъ новыя приготовленія къ аттакѣ. Конница ихъ опять показалась впереди пѣхоты, въ колоннахъ. Тутъ необходимы были послѣднія съ нашей стороны усилія. Барклай де-Толли послалъ за полками Кавалергардскимъ и Конно-гвардейскимъ; они, къ всей русской кавалеріи, одни не были еще введены въ дѣло. Услышавъ привезенное къ командовавшему этими полками генералъ-маіору Шевичу приказаніе идти впередъ, отборные латники огласили воздухъ радостными восклицаніями. Пока они подвигались, непріятельская конница, предводимая Коленкуромъ, заступившимъ мѣсто Монбрена, убитаго при аттакѣ редутовъ нашего лѣваго крыла, врубилась въ пѣхоту 24-й дивизіи, прикрывавшую курганную батарею, а пѣхотныя колонны вице-короля подошли подъ самый курганъ Бывшія на немъ орудія, послѣ окончательнаго залпа, умолкли. Непріятельская пѣхота взбиралась на валъ со всѣхъ сторонъ; ее опрокидывали штыками въ ровъ, наполнившійся трупами убитыхъ; свѣжія колонны заступали мѣста и съ новою яростью лѣзли умирать; наши встрѣчали ихъ съ равнымъ ожесточеніемъ и сами падали вмѣстѣ съ врагами. Наконецъ, бывшая въ головѣ французовъ саксонская конница, Тильмана, ворвалась въ редутъ съ тыла. За саксонцами мчался весь корпусъ Коленкура. Груды тѣлъ лежали внутри и внѣ окопа; почти всѣ храбрые его защитники пали. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, пущенныхъ съ нашей батареи, убитъ Коленкуръ. Начальникъ 24-й дивизіи, Лихачевъ, несмотря на полученныя имъ раны, искалъ смерти въ рядахъ непріятеля. Замѣтивъ въ немъ генерала, французы уважили его мужество и предпочли взять его въ плѣнъ. Лихачева тотчасъ представили Наполеону, и онъ возвратилъ ему шпагу.

Покореніе курганной батареи было послѣднимъ усиліемъ истощенныхъ непріятельскихъ силъ. Ихъ конница двинулась еще на пѣхоту 4-го корпуса и 7-й дивизіи. Барклай де-Толли успѣлъ присоединить къ Кавалергардскому и Конно-гвардейскому полкамъ остатки 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, чрезвычайно потерпѣвшихъ отъ дѣйствія артиллеріи и безчисленныхъ аттакъ (напримѣръ, въ Сибирскомъ драгунскомъ полку оставалось только 120 человѣкъ и 3 офицера; старшимъ былъ поручикъ). Участь сраженія зависѣла отъ отпора въ этомъ пунктѣ. Барклай де-Толли лично велъ войска. Онъ ѣхалъ впереди ихъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ и шляпѣ съ чернымъ перомъ. Навстрѣчу къ нему шла непріятельская конница, и скоро начался бой. Одна аттака слѣдовала за другою, и поле битвы осталось, наконецъ, за нами. Къ 5-ти часамъ непріятель, нѣсколько разъ опрокинутый и съ новою яростію возобновлявшій нападенія, отступилъ. Милорадовичъ расположилъ батареи на картечный выстрѣлъ противъ курганной батареи, на случай, если-бы непріятель вознамѣрился идти еще впередъ, но онъ не двигался.

Узнавъ объ успѣхѣ, одержанномъ въ центрѣ, то есть, о взятіи батареи Раевскаго, Понятовскій возобновилъ нападенія. Начальствовавшій противъ него Багговутъ, послѣ довольно жаркаго дѣла, отступилъ къ истоку ручья Семеновскаго. Къ отступленію его побудили двѣ причины: 1) извѣстіе, что наше лѣвое крыло, съ кото-

рымъ ему надлежало находиться въ связи, отведено за Семеновскій оврагъ; 2) появленіе въ кустарникахъ, на правомъ его флангѣ, вестфальскихъ войскъ корпуса Жюно, угрожавшихъ отрѣзать его отъ арміи. Что касается до лѣваго фланга арміи, гдѣ предводительствовалъ Дохтуровъ, всѣ усилія французовъ, дѣйствія ихъ артиллеріи и многочисленныя аттаки кавалеріи не могли сбить его съ занятой имъ позиціи. Съ нашей стороны не было ни маневровъ, ни движеній: отстрѣливались, отбивали аттаки, между тѣмъ какъ Дохтуровъ, сидя на барабанѣ посреди войскъ, подавалъ имъ примѣръ необыкновеннаго хладнокровія. Часовъ въ шесть по всему полю только ревѣла канонада до наступленія мрака. Изнуреніе обѣихъ воевавшихъ армій положило естественный предѣлъ ихъ дѣйствіямъ. Послѣднею вспышкою сраженія можетъ считаться дѣло, загорѣвшееся въ Семеновскомъ. Около девяти часовъ вечера непріятель овладѣлъ этимъ селеніемъ, но былъ вытѣсненъ штыками лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Глубокая темнота лѣтняго вечера спустилась на гробовую равнину, безмолвную, какъ огнедышащая гора безъ изверженій.

II.

Послѣдствія Бородинскаго сраженія.

«Съ нынѣшнимъ днемъ и Эйлауское сраженіе сравниться не можетъ», сказалъ князю Кутузову Беннигсенъ во время Бородинской битвы. Сущность ея совершенно опредѣляютъ слова князя Кутузова въ донесеніи государю: «Батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель съ превосходными силами не выигралъ ни на шагъ земли». Слишкомъ 170,000 человѣкъ, 20 лѣтъ искусившихся въ войнѣ, жившихъ только войною, подъ предводительствомъ полководца, не знавшаго пораженій, бились со 113,000 русскихъ, не хотѣвшихъ пережить порабощенія отчизны. Въ продолженіе 15-ти часовъ все устремлено было къ взаимному сокрушенію армій, заключавшихъ въ себѣ цвѣтъ народонаселенія отъ устьевъ Таго и подошвы Везувія до отдаленныхъ краевъ Сибири, или, по выраженію Державина:

Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался
И ударялся громъ о громъ.

Мѣдь и чугунъ оказывались недостаточными для смертельнаго истребленія. Раскаленныя пушки не выдерживали дѣйствія пороха, разрывались и лопались. Пальба огнестрѣльныхъ орудій, звукъ барабановъ, восклицанія побѣдителей, стенанія раненыхъ, ржаніе лошадей, вопли умирающихъ, произносимые на всѣхъ европейскихъ языкахъ крики командованія, угрозъ, отчаянія, лютое ожесточеніе сражавшихся превратили Бородинское поле въ обитель ада. Не помогли Наполеону великое превосходство въ числѣ войскъ, бѣшенство нападеній, неумолкавшій огонь семисотъ орудій, гремѣвшихъ противъ насъ. Конечно, нигдѣ не показывали русскіе болѣе равнодушія въ опасностяхъ, болѣе терпѣнія, твердости, презрѣнія смерти, какъ при Бородинѣ. Они горѣли личною ненавистью къ врагамъ, сражались съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о всей отечественной славѣ минувшихъ вѣковъ, о всей настоящей народной чести, о будущей судьбѣ и предназначеніи Россіи. Успѣхъ, долгое время сомнитель-

ный и всегда болѣе льстившій непріятелю, не ослабилъ духа войскъ и побудилъ къ напряженіямъ, едва-ли не превосходившимъ силы человѣческія. Въ Бородинѣ все было испытано, до чего можетъ возвыситься воинъ. Преданность къ государю, любовь къ отечеству никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ. Безпредѣльное повиновеніе, строгость въ соблюденіи порядка, гордое чувство быть защитникомъ святой Руси никогда не давали болѣе славныхъ примѣровъ. Европа очами своихъ сыновъ убѣдилась въ Бородинѣ, что русскіе могутъ скорѣе пасть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели остаться побѣжденными.

Хладнокровіе ни на минуту не измѣняло князю Кутузову. Его великая заслуга подъ Бородинымъ состояла въ рѣшимости принять сраженіе и искусствѣ, съ какимъ онъ противодѣйствовалъ усиліямъ непріятеля. Куда Наполеонъ ни замышлялъ обрушиться, гдѣ ни думалъ сломить русскихъ, вездѣ во-время, въ урочную пору, подоспѣвали подкрѣпленія нашимъ войскамъ. Не довольствуясь однимъ отпоромъ нападеній, князь Кутузовъ аттаковалъ лѣвый флангъ Наполеона, и это наступательное движеніе имѣло на все дѣло благотворнѣйшее вліяніе. Ни ужасныя потери арміи, ни остервенѣніе непріятеля, ни исполинская слава Наполеона, наполнившая умъ и воображеніе каждаго,—ничто не колебало Кутузова. Молча слѣдилъ онъ за ходомъ битвы, сохраняя совершенное спокойствіе духа, внимательно выслушивая привозимыя къ нему донесенія, неторопливо отдавая повелѣнія. Его не оставляла надежда удержать, опрокинуть Наполеона, и онъ хотѣлъ даже аттаковать его на слѣдующій день, о чемъ писалъ Дохтурову и графу Ростопчину. Приказаніе Дохтурову, данное княземъ Кутузовымъ, въ 5-мъ часу послѣ полудня, при взрывѣ лопавшихся вокругъ него гранатъ, было слѣдующаго содержанія: «Я изъ всѣхъ движеній непріятеля вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и потому, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшился я сегодня всѣ войска устроить въ порядокъ, снабдивъ артиллерію новыми зарядами, завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ». Еще ранѣе отправленія повелѣній Дохтурову, князь Кутузовъ послалъ къ нему Раевскаго, для предупрежденія его о своемъ намѣреніи аттаковать на другой день непріятеля. Слѣдующее письмо къ графу Ростопчину было написано двумя часами позже, когда непріятельскія аттаки совсѣмъ прекратились и гудѣвшая канонада утихла: «Сегодня было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощью Божіею, русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель въ весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь, возлагая мое упованіе на Бога и московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Отъ васъ зависитъ доставить мнѣ изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, столько, сколько можно будетъ». Тогда-же князь Кутузовъ подозвалъ къ себѣ одного изъ стоявшихъ возлѣ него офицеровъ, Граббе, и сказалъ ему: «Поѣзжай отъ лѣваго фланга до праваго, поздравь всѣхъ съ отраженіемъ непріятеля и предвари, что завтра аттакуемъ». Войско было восхищено вѣстью о предположенномъ нападеніи: отъ радости бросались въ объятія вѣстника и снимали его съ лошади.

Оба главнокомандующіе, князь Багратіонъ и Барклай де-Толли, оказались достойными помощниками князя Кутузова. По преклон-

ности лѣтъ и великимъ лежавшимъ на немъ обязанностямъ, Кутузовъ не могъ и не долженъ былъ находиться вездѣ, гдѣ кипѣла сѣча. Пока роковой ударъ не сразилъ князя Багратіона, французы не могли пріобрѣсти надъ нимъ перевѣса. Мюратъ, Даву, Ней и Жюно не были въ состояніи оттѣснить его. Удаляясь съ поля сраженія, князь Багратіонъ видѣлъ, что наши редуты не были взяты, что знамена Александра еще развѣвались на твердыняхъ, гдѣ наканунѣ они были водружены. Когда привезли его на перевязочное мѣсто и лейбъ-медикъ Виллие началъ перевязывать рану, онъ встрѣтилъ раненаго адъютанта Барклая, возвращавшагося въ дѣло, подозвалъ его къ себѣ и слабѣющимъ голосомъ поручилъ ему увѣрить Барклая де-Толли въ своемъ искреннемъ уваженіи. Не одинъ князь Багратіонъ, но и вся армія примирились съ Барклаемъ де-Толли въ Бородинѣ. Врядъ-ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ не распоряжался-бы, полкъ, не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ адъютантовъ и ординарцевъ его уцѣлѣли весьма немногіе. Велико было прежде негодоніе противъ Барклая де-Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему: ура! Однако-же, хвала воздаваемая его безстрашію, не могла искоренить въ душѣ его горесть упрековъ, какими прежде его осыпали. Глубоко чувствовалъ онъ оскорбленіе и искалъ смерти, желая пожертвованіемъ жизни искупить примиреніе съ укорявшею его Россіею. Въ письмѣ къ императору, за день до Бородинскаго сраженія, онъ говорилъ: «Государь! Съ тѣмъ большею откровенностью пишу сіи строки, что мы теперь наканунѣ кровопролитнаго и рѣшительнаго сраженія, въ которомъ, можетъ быть, удастся мнѣ найти совершеніе моихъ желаній». Послѣ сраженія Барклай де-Толли не таилъ своей скорби, зачѣмъ непріятельскій свинецъ не сразилъ его! Онъ писалъ императору: «Что касается лично до меня, то съ твердостью покоряюсь моему жребію. 26-го августа не сбылось мое пламеннѣйшее желаніе: Провидѣніе пощадило жизнь, для меня тягостную».

Наша потеря убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, считая всѣхъ, выбывшихъ изъ строя 24-го и 26-го августа, составляла болѣе 55,000 человѣкъ. По вѣдомости, представленной дежурнымъ генераломъ 1-й арміи, Кикинымъ, убыль ея въ оба дня была слѣдующая:

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Солдатъ.	Нестроевыхъ.	Итого.
Убито	3	28	185	449	8,536	60	9,252
Ранено	14	198	1025	1293	16,507	189	19,226
Безъ вѣсти пропало. . . .	1	3	43	219	9,707	55	10,028
Итого въ 1-й арміи	18	229	1253	1952	34,750	304	38,506

Подобнаго исчисленія о 2-й арміи не находится. Ея главнокомандующій, начальникъ главнаго штаба графъ Сенъ-При, офицеры

дежурства и множество частныхъ начальниковъ были ранены. слѣдовательно, не кому было составлять вѣдомости. Сверхъ того, двѣ недѣли послѣ Бородина были безпрестанные переходы, уступленіе Москвы и такое тревожное время, что невозможно было заниматься письменными дѣлами, тѣмъ болѣе, что 2-я армія почти всегда находилась въ арріергардѣ и въ виду непріятеля. Тогда было время дѣйствія—не письма. Потерю 2-й арміи примѣрно можно считать слишкомъ въ 20,000 человѣкъ. Нѣкоторыя ея части были совсѣмъ разстроены: напримѣръ, въ сводныхъ гренадерскихъ батальонахъ графа Воронцова находилось передъ началомъ сраженія 4,000 человѣкъ, а черезъ нѣсколько часовъ осталось только 400; изъ 18-ти штабъ-офицеровъ, 15 выбыло изъ строя, осталось во фронтѣ 3, но и изъ тѣхъ двое ранены. Огромная растрата людей въ Бородинѣ, 24-го и 26-го августа, около 60,000 человѣкъ, не подлежитъ сомнѣнію еще и по слѣдующему расчету. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ было у насъ подъ ружьемъ 113,000, а по прибытіи въ Тарутино 52,343 человѣка (кромѣ 7,690 рекрутовъ, присоединившихся къ арміи во время движенія отъ Бородина къ Тарутину), слѣдовательно, разница въ 61,000. Изъ нихъ надобно считать отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ убитыми и ранеными въ дѣлахъ, случившихся между Бородинымъ и Тарутинымъ, а также слабыхъ и запоздавшихъ выходомъ изъ Москвы; остальные затѣмъ 57 и 58,000 пали жертвою страшнаго побоища. Уронъ французовъ, какъ то доказывается частью рапортами, отбитыми у нихъ во время войны, частью показаніями плѣнныхъ генераловъ, простирался до 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми и ранеными 43 генерала. Поутру потеря ихъ была гораздо болѣе нашей, потому что они аттаковали батареи, защищенныя рвами и палисадами, но послѣ полудня, когда они овладѣли уже укрѣпленіями, огонь ихъ былъ несравненно губительнѣе нашего, такъ какъ русскія войска долго стояли подъ перекрестными выстрѣлами. какъ неподвижныя стѣны. Трофеи съ обѣихъ сторонъ почти равны. У непріятеля отбито 13 орудій; нами потеряно 15; сверхъ того, у насъ подбито 37 пушекъ да взорванныхъ и доставшихся непріятелю зарядныхъ ящиковъ 111. Въ плѣнъ взято нами до 1,000 человѣкъ и столько-же непріятелемъ. По ожесточенію обѣихъ воевавшихъ сторонъ, плѣнныхъ много быть не могло; даже безоружныхъ прикалывали, какъ у насъ, такъ и у непріятеля. Въ самомъ пылу сраженія, Милорадовичъ и Раевскій давали червонцы тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые не убивали плѣнныхъ и приводили ихъ живыми. По изгнаніи непріятелей изъ Россіи, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ тѣлъ 58,521 да конскихъ труповъ 35,478.

Непріятель сражался такъ, какъ можно было ожидать отъ арміи, образованной въ побѣдоносныхъ странахъ, и отъ битвы, которая должна была довершить всѣ прежніе успѣхи, увѣнчать двадцатилѣтнія торжества и упрочить владычество Наполеона, но счастіе измѣнило своему любимцу: русскіе остались непобѣжденными. Недоумѣвая, какъ объяснить то, что послѣ своихъ невѣроятныхъ усилій, превосходя насъ болѣе чѣмъ на 50,000 человѣкъ, непріятели не нанесли конечнаго пораженія русской арміи, французы утверждаютъ, что мужеству войскъ не соотвѣтствовали распоряженія Наполеона, и подъ Бородинымъ нельзя было узнать его. «Съ самаго начала сраженія», говоритъ одинъ французскій писатель, «Напо-

леонъ оставался на одномъ мѣстѣ, прохаживаясь съ Бертье взадъ и впередъ. Вопреки своему обыкновенію, онъ былъ нерѣшителенъ. Извѣстіе о наступленіи Багратіона увеличило его смущеніе. Онъ совѣтуется съ Бертье и не отдаетъ приказаній. Присланный отъ Нея офицеръ повторяетъ нѣсколько разъ, что нельзя терять ни минуты, что Ней будетъ разбитъ. Наполеонъ приказываетъ объявить молодой гвардіи повелѣніе идти впередъ. Адъютантъ ѣдетъ; Наполеонъ ворочаетъ его и снова совѣтуется съ Бертье; наконецъ, посылаетъ къ Нею дивизію Фріана. Отъ его колебанія потеряно полчаса, что имѣло большое вліяніе на сраженіе и, слѣдовательно, на участь самого Наполеона». Другой писатель говоритъ, что Наполеонъ отвѣчалъ генераламъ, просившимъ подкрѣпленій: «Я вижу лучше васъ; сраженіе еще не началось; оно разгорится черезъ два часа. День долгъ; надобно умѣть выжидать; дѣла не приняли еще настоящаго развитія». Почти во весь день Наполеонъ сидѣлъ или тихо прохаживался подлѣ Шевардинскаго редута, далеко отъ сраженія, которое едва было видно ему, съ тѣхъ поръ какъ войска спустились съ высотъ. Онъ не безпокоился, когда наши принуждены были отступать, и только движеніемъ руки выражалъ свою покорность судьбѣ, когда поминутно извѣщали его о смерти лучшихъ генераловъ. Потомъ онъ вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, вновь садился. Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ. Прежде, въ рѣшительныя минуты, видна была въ немъ спокойная дѣятельность, но подъ Можайскомъ обнаруживались какое-то тяжелое спокойствіе, вялость, бездѣйствіе. Одни приписывали упадокъ духа слѣдствію сильныхъ ощущеній, другіе полагали, что онъ сдѣлался ко всему равнодушенъ, даже къ самымъ сраженіямъ. Наконецъ, съ большею справедливостью должно отнести его нравственное состояніе къ ослабленному здоровью и тайнымъ страданіямъ.

Иные французскіе историки, умалчивая о болѣзненныхъ припадкахъ Наполеона и даже не вѣря его недугу, говорятъ, что русскіе были не сокрушены потому, что нападенія на насъ производились несвоевременно и подкрѣпленія приходили къ французамъ не въ надлежащую пору. Но они забываютъ, что сраженіе зависѣло столько-же отъ нападающаго, сколько и отъ того, кто защищается. Когда Кутузовъ удостовѣрился въ нападеніи превосходныхъ силъ на князя Багратіона, онъ подкрѣпилъ его кирасирами, гвардіею, артиллеріею, дивизіею Коновницына. Когда Понятовскій сталъ тѣснить Тучкова, подоспѣлъ Багговутъ. Когда корпусъ Раевскаго былъ разстроенъ, на смѣну его явился графъ Остерманъ. Неумѣстно оспаривать великія воинскія дарованія Наполеона, но справедливость требуетъ указать и на мудрыя распоряженія князя Кутузова, поддержанныя несокрушимою храбростью русскаго войска. Со стороны Наполеона не было никакихъ маневровъ. Дѣйствія его походили на приступъ крѣпости, защищенной желѣзною грудью и стойкостью русскихъ. Упорный, ожесточенный бой и снова нападеніе, снова бой и снова отраженіе. Изъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ французами на Наполеона за Бородинское сраженіе, открывается только собственное сознаніе непріятелей въ суетности надеждъ ихъ побѣдить въ Бородинѣ, хотя, впрочемъ, Наполеонъ возымѣлъ послѣ предлогъ приписать себѣ побѣду, такъ какъ слѣдствіемъ сраженія было занятіе имъ Москвы. Убѣдительнымъ доказательствомъ, что Наполеонъ

не одержалъ побѣды, служатъ два обстоятельства: 1) по окончаніи сраженія французы отошли назадъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ застала ихъ вечерняя темнота, даже съ курганной батареи и изъ села Бородина, слѣдовательно, уступили намъ поле сраженія, и 2) до 11-го часа слѣдующаго утра армія ихъ не трогалась съ мѣста въ ожиданіи, что князь Кутузовъ аттакуетъ ее.

У Наполеона оставалось еще неприкосновенными отъ 20-ти до 25-ти тысячъ гвардіи; артиллерія его гвардейскаго корпуса была въ огнѣ; изъ ея 180-ти орудій только 30 находились въ резервѣ. Гвардейская пѣхота и конница Наполеона стояли весь день при Шевардинѣ, сберегаемыя для сраженія, которое должно было, по мнѣнію Наполеона, быть подъ Москвою. Въ вечеру, послѣ окончанія Бородинской битвы, онъ сказалъ генералъ-интенданту арміи, Дюмасу: «Будутъ удивляться, зачѣмъ я не употребилъ резервовъ для пріобрѣтенія значительнѣйшихъ успѣховъ, но мнѣ надобно сохранять резервы и нанести ими рѣшительный ударъ въ сраженіи, которое непріятель дастъ намъ подъ Москвою. Сегодня успѣхъ обезпеченъ, а потому мнѣ нужно помышлять объ участи всего похода и для этой цѣли сберегать резервы». Князь Кутузовъ не ввелъ въ огонь 6-ти полковъ: четырехъ егерскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ полковника Потемкина, на крайнемъ правомъ флангѣ, и Преображенскаго и Семеновскаго; они стояли подъ ядрами и лишились 59-ти человѣкъ убитыми и ранеными. Орудій было у насъ въ резервѣ гораздо болѣе, нежели у непріятеля. Нѣсколько ротъ нашей артиллеріи не участвовали въ дѣлѣ. Сверхъ того, въ Можайскѣ, въ 11-ти верстахъ отъ сраженія, стояли 84 орудія, готовыя двинуться по первому приказанію. Лошади подъ ними были уже запряжены; офицеры и солдаты, смотря съ можайскихъ высотъ на дымъ сраженія и внимая перекатамъ пальбы, рвались отъ нетерпѣнія летѣть на бой.

Послѣ окончанія сраженія, Наполеонъ началъ стягивать назадъ войска; князь Кутузовъ поѣхалъ въ Татариново и велѣлъ Барклаю де-Толли оставаться на полѣ и распоряжаться приготовленіями къ бою на завтрашній день. Войска стали слѣдующимъ образомъ: правый флангъ 6-го корпуса, Дохтурова, на столбовой дорогѣ при Горкахъ, гдѣ предполагали ночью построить сомкнутый редутъ. На лѣвомъ крылѣ 6-го корпуса сталъ 4-й, поступившій, по причинѣ контузіи графа Остермана, подъ начальство Милорадовича. Ему велѣно было занять курганъ, гдѣ днемъ находилась батарея Раевскаго. Дохтурову поручено собрать пѣхоту 2-й арміи между 4-мъ корпусомъ и старою Смоленскою дорогою. На этой дорогѣ былъ Багговутъ съ пѣхотными корпусами 2-мъ и 3-мъ. За пѣхотою расположились кавалерійскіе корпусы; позади нихъ, противъ центра, пѣшая гвардія и кирасиры.

До 11-го часа вечера, князь Кутузовъ не отмѣнялъ повелѣній къ возобновленію сраженія. Повѣряя непріятельское положеніе, наши патрули открывали французскіе передовые посты, которые отступали все далѣе и далѣе. Посланный поздно вечеромъ патрульный офицеръ 1-го егерскаго полка донесъ, что онъ не нашелъ непріятеля на батареѣ Раевскаго. Того-же полка унтеръ-офицеру, съ 10-ю рядовыми, приказано было перейти въ бродъ черезъ Колочу, ниже моста, истребленнаго поутру. Черезъ полчаса они возвратились и донесли, что въ Бородинѣ нѣтъ непріятеля, а за селеніемъ, въ не-

далекомъ разстояніи, замѣтна конная цѣпь французовъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда Наполеонъ отошелъ назадъ, князь Кутузовъ не находилъ причинъ оставлять поле сраженія, но къ отступленію его побудили донесенія Дохтурова объ убыли людей во 2-й арміи. Въ 11 часовъ доложили о пріѣздѣ Дохтурова. Кутузовъ вышелъ къ нему навстрѣчу и при всѣхъ сказалъ: «Поди ко мнѣ, мой герой, и обними меня. Чѣмъ можетъ государь вознаградить тебя?» Онъ повелъ его въ особенную комнату и, переговоривъ съ нимъ, велѣлъ артиллеріи тотчасъ отступать за Можайскъ, пѣхотѣ и кавалеріи, послѣ краткаго отдыха, идти туда-же. Войска были раздѣлены на 4 колонны; 1-я поручена Дохтурову, 2-я Милорадовичу, 3-я Платову, 4-я состояла исключительно изъ артиллеріи.

Отступленіе было необходимо и вслѣдствіе огромной убыли въ людяхъ, и для сближенія съ подкрѣпленіями, формировавшимися за Москвою, между тѣмъ какъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, часъ отъ часу ослабѣвалъ въ силахъ. Эти истины были очевидны, но вопросъ состоялъ въ томъ: куда отступать, на Москву или Верею и Боровскъ, для перенесенія театра войны къ Калугѣ, въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ свернетъ тогда вправо, остановитъ движеніе на Москву и послѣдуетъ за нашею арміею? «Надобно идти по Московской дорогѣ», сказалъ князь Кутузовъ. «Если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу». Намѣреніе князя Кутузова было отвести армію за Можайскъ и, приведя ее тамъ по возможности въ устройство, ожидать, что укажутъ обстоятельства. Во всѣ стороны на утомленныхъ лошадяхъ отправились съ приказаніями офицеры генеральнаго штаба. Мелкій холодный дождь кропилъ землю. Дулъ осенній вѣтеръ. Тускло и рѣдко горѣли огни на кровавой равнинѣ. Начальники съ трудомъ собирали вокругъ себя людей, разметанныхъ огненнымъ вихремъ, бушевавшимъ весь день. Съ запекшеюся на лицахъ и мундирахъ кровью, покрытые пылью и порохомъ, солдаты и офицеры отыскивали свои полки, находили знамена, но не встрѣчали множества товарищей. Были полки, поступившіе подъ команду поручиковъ. Слабый и невнятный говоръ прерывался только стономъ раненыхъ: одни просили помощи, другіе призывали смерть. Однакоже, несмотря на утомленіе войскъ, приказаніе къ отступленію было принято съ грустью, какъ вѣсть неожиданная, такъ какъ всѣ были исполнены желаніемъ и твердою надеждою сразиться на другой день.

Какъ въ Татариновѣ князь Кутузовъ, такъ въ своей палаткѣ, близь Шевардина, Наполеонъ получалъ донесенія объ ужасныхъ потеряхъ. Не вѣря, чтобы столь кровопролитный бой не доставилъ ему болѣе трофеевъ, онъ нѣсколько разъ приказывалъ пересчитывать отбитыя орудія и плѣнныхъ. Послѣднихъ допрашивали о духѣ и силахъ русскаго войска. По свидѣтельству непріятеля, наши плѣнные были ужасно раздражены и ожесточены; вмѣсто требуемыхъ отъ нихъ отвѣтовъ, они произносили ругательства. Раненые дрожали отъ гнѣва, бросали на французовъ презрительные взгляды, отказывались отъ перевязки ранъ. Казаки нарушали спокойствіе Наполеона, подъѣзжая къ непріятельской арміи; появленіе ихъ принудило нѣсколько французскихъ дивизій, изъ предосторожности противъ ночного нападенія, становиться въ ружье. При одной изъ такихъ тревогъ, гвардія Наполеона торопливо построила каре вокругъ его

шатра. Опасаясь. что истина огласится въ покоренной имъ Европѣ, Наполеонъ спѣшилъ диктовать извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, и, какъ обыкновенно поступалъ въ своихъ бюллетеняхъ, гдѣ ложь гналась за ложью, представилъ битву въ самомъ искаженномъ видѣ. Но непріятельскій станъ не походилъ на станъ побѣдителей, какими Наполеонъ хотѣлъ изобразить свои войска. Они провели холодную ночь безъ огня, посреди павшихъ соратниковъ, тревожимые донцами, и терпѣли недостатокъ въ пищѣ, получивъ за нѣсколько дней до сраженія строгое запрещеніе отлучаться отъ знаменъ для добыванія продовольствія. Пройдя громадное пространство и испытавъ множество трудовъ для принужденія русскихъ къ сраженію, они выдержали бой на смерть и увидѣли, что ихъ усилія и пролитая ими кровь не были увѣнчаны побѣдою, что война должна еще длиться, а съ нею нужды и лишенія всякаго рода. Непріятель, по собственному своему сознанію, былъ послѣ Бородина «пораженъ оцѣпенѣніемъ».

И князь Кутузовъ въ ту ночь не смыкалъ глазъ. Сдѣлавъ распоряженія объ отступленіи арміи, отвозѣ раненыхъ, продовольствіи, присылкѣ изъ Москвы снарядовъ, онъ принималъ Барклая де-Толли и особенно долго бесѣдовалъ съ Беннигсеномъ. Потомъ, на разсвѣтѣ, онъ продиктовалъ донесеніе государю. По какому-то странному предубѣжденію полагаютъ, что онъ изобразилъ императору Бородинское сраженіе рѣшительною побѣдою и писалъ, будто Наполеонъ отступилъ на 15 верстъ. Кутузовъ ни однимъ словомъ не упоминалъ о побѣдѣ и отступленіи французовъ, а только говорилъ объ упорности битвы, мужествѣ войскъ, великой потерѣ и своемъ намѣреніи отойти за Можайскъ. Вотъ слово въ слово, что онъ писалъ императору.

«Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа производилъ аттаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика: уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его аттакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма насъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростію: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15-ть часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстная, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль устремлена на истребленіе французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 10 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и, собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжаемою артиллеріею, и укрѣпивъ себя ополченіемъ московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля, Къ сожалѣнію, князь Петръ Ивановичъ Багра-

тіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу: генералъ-лейтенанты Тучковъ, князь Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметевы, графъ Воронцовъ, Кретовъ ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генералъ. Теперь ночь, и не могу еще разобраться: есть-ли съ нашей стороны таковая потеря».

III.

Отклики Бородина.

Донесеніе князя Кутузова получили въ Петербургѣ въ день святаго Александра Невскаго. Государь, обѣ императрицы, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, великая княжна Анна Павловна слушали въ Невскомъ монастырѣ обѣдню. По окончаніи литургіи, управлявшій военнымъ министерствомъ, князь Горчаковъ, прочелъ привезенное отъ князя Кутузова донесеніе. Потомъ было совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Тезоименитство государя никогда не было праздновано съ такимъ восторгомъ, какъ въ тотъ день. Хотя князь Кутузовъ вовсе не упоминалъ о побѣдѣ, однако-же, одно то, что, наконецъ, дано сраженіе, ожиданіе котораго почти три мѣсяца томило сердца, считали уже счастливымъ событіемъ. Оно служило доказательствомъ возможности нашимъ арміямъ бороться съ Наполеономъ и отражать его нападенія. Печатной реляціи еще не было обнародовано, а устная молва преувеличивала успѣхъ, какъ преувеличивала послѣдствія отступленія нашихъ армій. Всѣ жители Петербурга предавались сладкой надеждѣ и ликовали; встрѣчавшіеся на улицахъ обнимали другъ друга, полагая, что отечество спасено. Государь удостоилъ князя Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

Знаменитый вашъ подвигъ въ отраженіи главныхъ силъ непріятельскихъ, дерзнувшихъ приблизиться къ древней нашей столицѣ, обратилъ на сіи новыя заслуги ваши мое и всего отечества вниманіе. Совершите начатое столь благоуспѣшно вами дѣло, пользуясь пріобрѣтеннымъ преимуществомъ и не давая непріятелю оправляться. Рука Господня да будетъ надъ вами и надъ храбрымъ нашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей, а вся Европа своего спокойствія. Въ вознагражденіе достоинствъ и трудовъ вашихъ возлагаемъ мы на васъ санъ генералъ-фельдмаршала, жалуемъ вамъ единовременно сто тысячъ рублей и повелѣваемъ супругѣ вашей княгинѣ быть двора нашего статсъ-дамою. Всѣмъ бывшимъ въ семъ сраженіи нижнимъ чинамъ жалуемъ по 5-ти рублей на человѣка. Мы ожидаемъ отъ васъ особаго донесенія о сподвизавшихся съ вами главныхъ начальникахъ, а вслѣдъ за онымъ и обо всѣхъ прочихъ чинахъ, дабы по представленію вашему сдѣлать имъ достойную награду».

Главныя награжденія за Бородинское сраженіе были пожалованы слѣдующія: князю Багратіону 50,000 рублей единовременно, Барклаю де-Толли орденъ св. Георгія 2-й степени, Милорадовичу и Дохтурову алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, тотъже орденъ безъ бриллiантовъ графу Остерману и Раевскому. Въ генералъ-лейтенанты произведены: Бахметевъ, Корфъ, Васильчиковъ

Невѣровскій, Дороховъ, графъ Строгоновъ и принцъ Мекленбургскій. Орденъ св. Георгія 3-й степени получили: Капцевичъ, Лавровъ, князь Голицынъ, Бороздины 1-й и 2-й, князь Горчаковъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, Лаптевъ, Костенецкій, Олсуфьевъ, Фокъ, графъ Сиверсъ, Кретовъ и Левенштернъ. Шпаги съ алмазами: герцогъ Александръ Виртембергскій, принцъ Ольденбургскій, Коновницынъ, князь Шаховской, графъ Ожаровскій и Панчулидзевъ. Орденъ св. Анны 1-й степени: князь Гурьяловъ, Ермоловъ, Цвиленевъ, Паскевичъ, графъ Воронцовъ, баронъ Розенъ, Вистицкій, Шевичъ, Дука, Ивашевъ и Ферстеръ. Кромѣ тѣхъ, кто по особымъ представленіямъ получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса, награждены имъ по удостоенію кавалерской думы 35 штабъ и оберъ-офицеровъ.

Вмѣстѣ съ рескриптомъ, государь далъ князю Кутузову различныя повелѣнія объ устройствѣ арміи, во все его царствованіе составлявшемъ постоянный, неизмѣнный предметъ его попеченій: 1) Нѣкоторое число пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій изъ первыхъ двухъ армій употребить на укомплектованіе остальныхъ, такъ чтобы полки сохраняемыхъ дивизій были приведены въ комплектное состояніе офицерами и нижними чинами. Упраздненные полки, за оставленіемъ въ нихъ по 60-ти человѣкъ, съ достаточнымъ числомъ оберъ-и унтеръ офицеровъ и барабанщиковъ, отправить во Владиміръ къ князю Лобанову-Ростовскому, для укомплектованія рекрутами и потомъ возвращенія ихъ въ армію. «Симъ средствомъ»,—сказано въ рескриптѣ,—«сохраненныя дивизіи будутъ комплектны, а разстроенные полки будутъ имѣть средство себя преобразовать; равномѣрно и обозы въ арміи убавятся, потому что останутся единственно принадлежащіе къ сохраненнымъ дивизіямъ. Недостатокъ въ генералахъ и штабъ-офицерахъ будетъ также меньше ощутителенъ уменьшеніемъ числа дивизій и полковъ». 2) По причинѣ убыли въ штабъ-офицерахъ, государь предоставилъ фельдмаршалу сдѣлать по двумъ первымъ арміямъ производство до полковничьяго чина, и непремѣнно требовалъ, чтобы онъ производилъ, несмотря на старшинство, а только по отличію и храбрости. 3) На счетъ конницы было за годъ до войны поставлено правиломъ: всѣмъ кавалерійскимъ полкамъ имѣть лишній годовой ремонтъ строевыхъ лошадей, для чего суммы и фуражъ были отпущены полкамъ. Однако, военное министерство не имѣло надзора за исполненіемъ. Во многихъ полкахъ оказались или неполное число ремонтовъ, или неспособныя къ службѣ лошади, а резервные эскадроны не имѣли довольно лошадей для укомплектованія находившейся въ арміяхъ кавалеріи, начинавшей слабѣть отъ сильныхъ переходовъ и сраженій. Вслѣдствіе этого императоръ велѣлъ учредить кавалерійскія депо и предоставилъ князю Кутузову взять подъ квитанціи изъ Москвы и губерній Московской, Калужской и ближнихъ уѣздовъ Тверской способныхъ на службу лошадей, комплектуя ими полки.

Съ этими повелѣніями государь послалъ въ армію флигель-адъютанта Чернышева. Онъ повезъ съ собою также начертанныя императоромъ, еще ранѣе Бородинской битвы, предположенія о дѣйствіяхъ всѣхъ армій вообще и о сосредоточеніи большихъ силъ на Березинѣ, въ тылу Наполеона. На этомъ планѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, основаны были главныя направленія армій. Цѣль его

состояла въ недопущеніи Наполеона вырваться изъ Россіи. Возымѣвъ уже тогда исполинскую мысль уничтожить Наполеона или свергнуть его съ престола, государь приглашалъ къ содѣйствію Пруссію и Австрію и приказалъ бывшему передъ войною посланникомъ въ Берлинѣ графу Ливену снестись объ этомъ дѣлѣ съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Гарденбергомъ. Письмо къ нему графа Ливена, предварительно утвержденное собственною рукою государя, было слѣдующаго содержанія:

«Искреннее сожалѣніе мое при разлукѣ съ вами, столь-же дружески вами самими изъявленное, равно какъ почтительная привязанность моя къ августѣйшему монарху вашему, возбуждаютъ во мнѣ желаніе воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы поручить себя вашему воспоминанію и побесѣдовать съ вами о моемъ отечествѣ, обращающемъ нынѣ на себя взоры и участіе всей Европы, и вполнѣ заслуживающемъ ея удивленіе блистательными опытами приверженности къ своему государю и почти сверхъестественными усиліями для содѣйствія его видамъ. Причислять васъ къ разряду тѣхъ людей, пораженное воображеніе которыхъ доступно только страху, значило-бы оскорблять васъ. Думать, что я могу легкомысленно взирать на средства, собранныя противъ моего отечества, значило-бы оскорблять меня.

«Императору всемилостивѣйшему государю моему извѣстны были матеріальныя силы непріятеля. Если желаніе сохранить миръ довело дѣла до вторженія въ наши области, то это кратковременное пожертвованіе вознаграждается тою выгодою, что арміи Наполеона завлечены на поприще, удаленное отъ своихъ пособій, и воззваніемъ къ народу, который съ излишествомъ доставилъ средства возстановить съ нашей стороны перевѣсъ силъ, неминуемо долженствующій отразить успѣшно нападеніе столь-же несправедливое, сколь огромны были средства для приведенія его въ исполненіе. Наша система войны состояла въ стараніи не подвергать отдѣльныхъ армій случайностямъ; необходимость сосредоточенія ихъ заставила насъ отступать. Сперва мы полагали сразиться подъ Смоленскомъ, но потомъ мы отмѣнили это намѣреніе, желая присоединить къ арміи подкрѣпленія, и, наконецъ, остановились на Можайскихъ равнинахъ. Здѣсь подошли къ арміи резервный корпусъ генерала Милорадовича и московское ополченіе. 24-го августа былъ славный для насъ авангардный бой; 26-го произошло кровопролитное сраженіе, продолжавшееся 15 часовъ. Всѣ усилія Наполеона прорвать наши линіи были отражены съ величайшимъ мужествомъ. Его армія принуждена была уступить намъ поле сраженія. Москва стояла подъ оружіемъ, готовая принять его, если-бы побѣда осталась за нимъ.

«Во время отступленія главной арміи мы одержали побѣду въ четырехъ сраженіяхъ и останавливали на правомъ флангѣ усилія маршала Удино, поддерживаемаго баварцами. Генералъ Тормасовъ пріобрѣлъ значительные успѣхи у Кобрина и Пружанъ и привлекъ на себя корпусъ саксонцевъ и австрійцевъ. Главная армія, Тормасовъ и графъ Витгенштейнъ уже одни въ состояніи противостать непріятелю, но у насъ находятся еще въ резервѣ силы, равныя дѣйствующимъ. Дунайская армія, состоящая изъ 50,000 человѣкъ отличныхъ войскъ, приближается къ Луцку. Корпусъ дюка де-Ришелье, идущій изъ Крыма, примкнетъ къ ней на маршѣ. Ей пред-

шествуютъ три дивизіи, Сакена, Рата и Эртеля. Въ этихъ трехъ дивизіяхъ болѣе 40,000 человѣкъ. Двѣ дивизіи, до 20,000 человѣкъ, посажены на суда въ Финляндіи и отправлены къ мѣстамъ, близкимъ къ театру войны. Въ Петербургѣ 15,000 гарнизона регулярныхъ войскъ и 25,000 ополченія. Они выступаютъ для присоединенія къ арміи. 12 новыхъ полковъ, формируемыхъ внутри имперіи, скоро получатъ такое-же назначеніе; въ 17-ти губерніяхъ набирается болѣе 200,000 человѣкъ ополченія. Такова наша внутренняя сила. Она существуетъ не на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ, ибо общее одушевленіе превзошло всѣ расчеты вѣроятія и дозволило собрать по 10-ти человѣкъ со 100, между тѣмъ какъ народъ привыкъ давать по большей мѣрѣ по 5-ти съ 500. Этимъ воспользовались только въ 17-ти губерніяхъ, сберегая казенныя селенія и другія области имперіи для сильныхъ рекрутскихъ наборовъ въ регулярную армію. Съ такими средствами, при патріотическомъ порывѣ народа и твердости духа государя, нисколько нельзя сомнѣваться въ благопріятномъ окончаніи войны. Представивъ вамъ положеніе нашихъ силъ, я долженъ присовокупить несомнѣнное участіе шведскаго принца. Любовь народа даетъ ему обширныя средства, и они будутъ употреблены для диверсіи, усиленія которой можно ожидать отъ ненависти, внушаемой чужеземнымъ и тиранскимъ игомъ.

«Наполеонъ недавно обнаружилъ миролюбивое расположеніе, сдѣлавъ намъ предложенія, раньше движенія своего къ Можайску. Не заключаетъ-ли въ себѣ такой поступокъ безмолвнаго сознанія въ опасности его положенія? Не доказываетъ-ли онъ, что ни матеріальныя силы, ни довѣріе къ счастью, издавна ему благопріятному, не ослѣпляютъ его на счетъ опасности его положенія? Онъ далеко зашелъ въ непріятельскую землю, къ народу, готовому доказать ту-же любовь къ отечеству, какою ознаменовалась Испанія. Императоръ Александръ, не внимая предложеніямъ его, рѣшился продолжать войну, когда и обѣ столицы его были-бы занятѣ непріятелемъ. Эта рѣшимость, внушая его подданнымъ новое довѣріе, еще болѣе возбуждаетъ и усиливаетъ ихъ пламенный восторгъ. Императоръ желаетъ утвердить на прочныхъ основаніяхъ независимость и благоденствіе своей имперіи; но его цѣль не будетъ достигнута, если Пруссія и Австрія не займутъ снова мѣста въ ряду независимыхъ государствъ. Здѣсь выгоды наши одинаковы съ вашими. Сила обстоятельствъ могла увлечь васъ на сторону, противную этимъ выгодамъ, но настало время намъ объясниться. Завлекши непріятеля во внутрь имперіи, мы доставили вамъ свободу воли и дѣйствія, а собственное ваше благо и спасеніе цѣлой Европы предписываютъ вамъ воспользоваться ею. Соединитесь съ Австріею и содѣйствуйте этой высокой цѣли. Мы не требуемъ отъ васъ раскрытія намъ тайны вашихъ связей съ вѣнскимъ дворомъ и готовы дать вамъ всякое удостовѣреніе, что и въ переговорахъ съ непріятелемъ, и въ военныхъ дѣйствіяхъ на сѣверѣ будемъ поступать согласно съ вашими выгодами. Сердце императора извинило Пруссію въ соединеніи ея съ врагами Россіи. Его величество охотно изгладитъ воспоминаніе объ этомъ союзѣ, и, если-бы можно было ниспровергнуть одно изъ государствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, то Россія не себѣ, но союзникамъ своимъ желала-бы доставить эту добычу. Представьте Австріи очевидность нашихъ общихъ выгодъ; укажите ей паденіе

Наполеона и свободу Европы, какъ непосредственныя послѣдствія того, что вы и Австрія покинете союзъ съ Франціею и убѣдитесь въ единствѣ твердой воли императора и его народа принести всѣ возможныя жертвы свободѣ и независимости Россіи, и тѣмъ упрочить независимость всей Европы.

«Зная меня, вы повѣрите, что я не сталъ-бы изъясняться въ такомъ смыслѣ, не бывъ достаточно на то уполномоченъ. Путь, которымъ письмо мое дойдетъ къ вамъ, кажется мнѣ удобнымъ для доставленія вашего отвѣта. На всякой случай надлежало-бы снабдить генерала Іорка подробнѣйшими наставленіями; сношенія съ нимъ могутъ быть содержимы въ тайнѣ. Если король рѣшится дать ему инструкцію, то было-бы весьма важно не медлить. Силы наши на Двинѣ получаютъ значительное приращеніе, и военныя дѣйствія не могутъ быть остановлены переговорами, развѣ только направленіе обоюдныхъ силъ послужитъ шагомъ къ вѣрному сближенію. Считаю себя счастливымъ, имѣя возможность представить вамъ доказательство моего уваженія и довѣрія, а вашему августѣйшему монарху опытъ моей преданности и постояннаго усердія къ его священной особѣ. Я поручился здѣсь за ваше сердце и правила. Только всеобщій переворотъ, потрясшій всю Европу, могъ сдѣлать нужными подобныя увѣренія».

Это отношеніе къ прусскому двору и общій планъ военныхъ дѣйствій, для прегражденія Наполеону возвращенія изъ Россіи, были отправлены изъ Петербурга, первое въ Берлинъ, а послѣдній къ князю Кутузову, въ одинъ и тотъ-же день, 30 августа, когда Наполеонъ ломился къ Москвѣ, въ полной увѣренности заключить тамъ блистательный миръ. Не только въ понятіи Наполеона, но въ глазахъ Европы, даже Россіи, паденіе Москвы считалось тогда несомнѣннымъ ручательствомъ, что наше отечество займетъ мѣсто второстепенныхъ государствъ. Только наше земное провидѣніе, Александръ, мыслилъ иначе. Въ великомъ удаленіи Наполеона отъ источниковъ подкрѣпленій, въ стремленіи его внутрь имперіи, въ воспламененіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ и собственной готовности для продолженія войны не щадить даже обѣихъ столицъ, государь предвидѣлъ зарю счастливой будущности и прилагалъ всѣ средства къ тому, чтобы обрушить гибель на главу врага. Не довольствуясь этимъ, Александръ уже указывалъ Австріи и Пруссіи на паденіе Наполеона. Послѣдній изъ монарховъ твердой земли, которые признали Наполеона императоромъ, Александръ былъ первый, объявившій необходимость свергнуть Наполеона съ престола для блага Европы. И въ какое время произнесъ онъ роковой приговоръ надъ неукротимымъ завоевателемъ? Когда опредѣлилъ онъ обратить въ ничтожество никѣмъ дотолѣ непобѣжденнаго? Въ то время, когда въ Россіи, отъ Нѣмана до рѣки Москвы и отъ Стыри до Двины развѣвались вражескія знамена, когда Москвѣ, Петербургу и Кіеву угрожало нашествіе, и южную Россію опустошала моровая язва. Исторія не представляетъ ничего выше сего подвига. Онъ переживетъ даже гранитъ, воздвигнутый императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ изъявленіе признательности спасеннаго Александромъ отечества.

ГЛАВА VII.

Москва.

I.

Отъ Бородина до Москвы.

Сумрачно было на Бородинскомъ полѣ утро 27-го августа. Скоро послѣ полуночи тронулась артиллерія; за нею, часа черезъ три, потянулись къ Можайску пѣхота и конница. Когда разсвѣло, на полѣ оставался только арріергардъ, бывшій въ тотъ день въ послѣдній разъ подъ начальствомъ Платова. Непріятели стояли неподвижно. Часу въ 8-мъ отъ ихъ лагеря отдѣлилась толпа всадниковъ. Они взъѣхали на высоты передъ нашимъ арріергардомъ и остановились; потомъ изъ этой толпы понеслись въ разныя стороны офицеры. Тутъ находился Наполеонъ; ясно видѣли его русскіе полководцы при помощи зрительной трубки полковника Потемкина, содержавшаго передовую цѣпь Платова. Наполеонъ дѣлалъ обозрѣніе лично. Ни одно изъ многочисленныхъ полей сраженій, въ теченіе безпримѣрнаго военнаго поприща его, не представляло ему столь ужаснаго зрѣлища. Куда ни обращалъ онъ взоръ, вездѣ лежали груды человѣческихъ труповъ и убитыхъ лошадей, умирающіе, раненые. Земля была смочена потоками крови, усѣяна обломками оружія. Единственнымъ признакомъ жизни являлись ползавшіе раненые воины и подстрѣленныя лошади, бродившія по юдоли смерти.

Когда Наполеонъ лично удостовѣрился, что князь Кутузовъ не готовится къ аттакѣ, ожидаемой французами, и что русскіе отступаютъ отъ Бородина, онъ двинулся впередъ, около полудня 27-го августа. Мюратъ пошелъ съ авангардомъ столбовою дорогою къ Можайску; за нимъ слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи гвардія и корпусы Даву и Нея. Жюно оставленъ былъ на полѣ сраженія для уборки раненыхъ и учрежденія порядка въ тылу арміи. Вице-король переправился въ селѣ Успенскомъ черезъ рѣку Москву и потянулся на Рузу; Понятовскій пошелъ вправо, на Борисовъ. Наполеонъ хотѣлъ перенести къ вечеру свою главную квартиру въ Можайскъ и для этого велѣлъ авангарду, пройдя городъ, расположиться въ 7-ми верстахъ за нимъ. Русскія войска все утро отходили назадъ и послѣ полудня стали лагеремъ за Можайскомъ: 1-я армія на правомъ крылѣ, 2-я на лѣвомъ. Арріергардъ занялъ городъ, имѣя приказаніе держаться въ немъ, какъ можно долѣе, для выигрыша времени къ отправленію раненыхъ, которыми были наполнены дома и улицы, ввиду недостатка подводъ для перевоза ихъ. По той же причинѣ оставлено много раненыхъ на полѣ сраженія и на дорогѣ отъ Бородина до Можайска. Гражданское начальство Московской губерніи оправдывалось передъ княземъ Кутузовымъ въ недостаткѣ подводъ тѣмъ, что ближніе къ театру войны уѣзды Московской губерніи отошли въ военное вѣдомство, а армейское управленіе находило мало жителей въ селеніяхъ, такъ какъ большая часть крестьянъ разбѣжалась по лѣсамъ, страшась нашествія кровожадныхъ непріятелей. Въ самый день Бородинскаго сраженія,

громомъ своимъ оглашавшаго громадное пространство, жители выходили изъ деревень на поле, прислушивались къ выстрѣламъ, ложились на землю, стараясь слышать ихъ внятнѣе. Другіе становились на колѣни, моля Бога благословить россійское оружіе. Священники совершали крестные ходы и увѣщевали прихожанъ переносить съ смиреніемъ гнѣвъ Божій. Какое умилительное зрѣлище представлялъ великій народъ русскій, цѣлый вѣкъ считавшій себя непобѣдимымъ, потому что всегда бывалъ торжествующимъ, а теперь въ молитвѣ ожидавшій отъ Всемогущаго Бога рѣшенія своей участи.

Часу въ четвертомъ послѣ полудня, Мюратъ показался передъ Можайскомъ. Онъ повелъ аттаку, но не могъ сбить нашъ арріергардъ и выполнить данное ему порученіе: занять Можайскъ и расположиться за нимъ въ 7-ми верстахъ. Обозъ главной квартиры Наполеона, слѣдовавшій за авангардомъ Мюрата, долженъ былъ возвратиться къ Бородину. Можайскъ остался за нами, и непріятель не дѣлалъ никакихъ замѣтныхъ усилій для овладѣнія имъ. Наполеонъ провелъ ночь въ селѣ Кривушѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Можайска. Во время арріергарднаго дѣла князь Кутузовъ былъ на полѣ и нѣсколько разъ посылалъ высматривать, въ какомъ положеніи находятся французскія войска. Узнавъ, что нѣкоторыя кавалерійскія колонны ихъ, еще не оправившись послѣ побоища, составлены были изъ сборныхъ войскъ, то есть, что въ одномъ и томъ-же фронтѣ гусаръ стоялъ возлѣ улана, кирасиръ подлѣ коннаго егеря, онъ сказалъ: «Каково мы ихъ потрясли вчера?» Князь Кутузовъ рѣшилъ не оставаться долѣе у Можайска, не имѣя времени для того, чтобы привести армію въ устройство, и продолжалъ 28-го августа отступленіе къ Землину и Лутинскому. Непріятель напиралъ сильнѣе, нежели наканунѣ. Платовъ отступилъ слишкомъ поспѣшно и подвелъ Мюрата версты за три къ нашему лагерю. Недовольный атаманомъ князь Кутузовъ назначилъ на его мѣсто Милорадовича въ арріергардъ, усиленномъ свѣжими войсками, и близкій гулъ выстрѣловъ уже не безпокоилъ арміи. Милорадовичъ умѣлъ удерживать отъ нея непріятеля верстахъ въ 30-ти, иногда и далѣе. Слѣдуя за нашими войсками, Мюратъ вступилъ въ Можайскъ 28-го числа За нимъ вскорѣ прибылъ Наполеонъ изъ Кривуши. По выѣздѣ его изъ этого села, французы сожгли бывшій тамъ господскій домъ. Въ слѣдующій день, 29-го августа, наша армія продолжала отступленія до Крутицы. Натискъ непріятеля становился сильнѣе. Мюратъ, подкрѣпленный корпусомъ Даву, стремительно аттаковалъ Милорадовича. Завязалось самое жаркое дѣло, но Мюратъ былъ отбитъ, послѣ чего шелъ уже съ большою осторожностью за нашимъ арріергардомъ и до Москвы оставался внѣ пушечнаго выстрѣла. Въ этомъ дѣлѣ раненъ принцъ Гессенъ-Филипстальскій, только что прибывшій въ Россію съ письмомъ своего дяди, курфюрста Гессенъ-Кассельскаго, котораго Наполеонъ, послѣ іенскаго сраженія, лишилъ престола. Курфюрстъ писалъ государю, что посылаетъ своего племянника служить подъ знаменами того монарха, на котораго германскіе владѣтели возлагали свое единственное упованіе. Послѣдствія доказали, что надежды угнетенныхъ, поруганныхъ Наполеономъ владѣтелей не были тщетны.

Причины, побуждавшія князя Кутузова къ отступленію, изложены въ слѣдующемъ донесеніи его государю, отъ 29-го августа.

Оно было послѣднее, представленное его величеству до уступленія Москвы.

«Баталія 26-го числа была самая кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя въ новѣйшихъ временахъ извѣстны. Мѣсто баталіи нами удержано совершенно, и непріятель ретировался тогда въ ту позицію, изъ которой пришелъ насъ аттаковать. Но чрезвычайная потеря, и съ нашей стороны сдѣланная, особливо тѣмъ, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дорогѣ. Сегодня нахожусь я въ деревнѣ Нарѣ и долженъ отступить еще потому, что ни одно изъ тѣхъ войскъ, которыя ко мнѣ для подкрѣпленія слѣдуютъ, еще не приблизились, а именно: 3 полка въ Москвѣ, сформированные подъ ордеромъ Клейнмихеля, и полки формированія князя Лобанова-Ростовскаго, которые приближаются къ Москвѣ».

30-го августа, когда въ Петербургѣ праздновали отпоръ, данный непріятелю въ Бородинѣ, армія снялась съ лагеря при Крутицѣ и пошла къ Вязьмѣ. Въ слѣдующій день она продолжала маршъ къ Мамонову, въ одномъ переходѣ отъ Москвы, сохраняя все еще твердую надежду на неминуемое, близкое сраженіе. Въ этой надеждѣ на битву ее укрѣпилъ отданный княземъ Кутузовымъ въ Мамоновѣ, 31-го августа, приказъ, начинавшійся такъ: «Небезызвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія россійская должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы». Дѣйствительно, на всемъ пути отъ Бородина до Мамонова, князь Кутузовъ не переставалъ думать о средствахъ вступить въ бой. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія письма его къ графу Ростопчину. Отъ 27-го августа, изъ Жукова, князь Кутузовъ писалъ графу Ростопчину: «Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы, притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, у Москвы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву. Помощи, которыя требую я, различны, и потому отправляю полковника князя Кудашева оныя вамъ представить лично и просить, чтобы все то, что можетъ дать Москва въ разсужденіи войскъ, прибавки артиллеріи, снарядовъ и лошадей, и прочаго имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ отечества, все-бы то было пріобщено къ арміи, ожидающей сразиться съ непріятелемъ. И къ кому-же надежнѣе могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не къ извѣстному любовью и усердіемъ достойному предводителю древней столицы?»—Отъ 28-го августа, изъ Шелковки: «Вручителя сего, ротмистра графа Апраксина, отправилъ я къ вамъ для повторенія покорной моей просьбы о доставленіи, если можно, сегодняшняго-же числа, на курьерскихъ лошадяхъ, сколько можно болѣе кирокъ и лопатокъ, въ дополненіе уже присланныхъ въ армію».—Отъ 30-го августа, изъ Вязьмы: «Мы приближаемся къ генеральному сраженію у Москвы, но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправленію раненыхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Бога ради прошу помощи скорѣйшей отъ васъ!»—Другое отъ того-же числа: «Отправляя нарочнаго съ повтореніемъ прежнихъ моихъ просьбъ, прибавлю еще слѣдующую: вышлите съ полученія сего столько батарейныхъ орудій, сколько есть въ московскомъ арсеналѣ, съ ящиками и зарядами, на вьючныхъ лошадяхъ, съ тѣмъ, чтобы они какъ можно скорѣе къ арміи прибыли. Да, прежде просилъ я выслать на 500 орудій комплектъ зарядовъ, то надобно скорѣе выслать въ то число на 200 батарейныхъ и на 200 легкихъ орудій снарядовъ».—Третье, отъ того-

же числа: «Прошу васъ приказать, сколь можно скорѣе, прислать въ армію тысячу топоровъ и тысячу лопатъ, для дѣланій засѣкъ, также выслать изъ Москвы всѣхъ выздоровѣвшихъ, устроя ихъ въ порядокъ, при офицерахъ».—Четвертое, тоже отъ 30-го августа: «Я нахожусь при Вязьмѣ, но, такъ какъ здѣсь позиціи никакой нѣтъ, то отправился генералъ Беннигсенъ назадъ пріискать мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе еще дать баталію».

Не столько была нужна позиція, какъ необходимы были свѣжія войска; но они ни откуда не приходили, а съ 50,000 человѣкъ, выведенныхъ изъ Бородина, какъ можно было рѣшиться на сраженіе противъ 100,000, ведомыхъ Наполеономъ? Оставалось одно средство вступить въ бой: высматривать, не разобщитъ-ли Наполеонъ своихъ силъ, и напасть на который-либо изъ отдѣльныхъ его корпусовъ, но Наполеонъ держалъ войска въ совокупности, и не являлось случая попытаться нанести частное или отдѣльное пораженіе ихъ. Между тѣмъ, Наполеонъ, изнемогая отъ простуды, остановился на три дня въ Можайскѣ. Здѣсь онъ далъ отдыхъ арміи, велѣлъ привести ее въ устройство, готовиться къ новому сраженію, полагая, что князь Кутузовъ будетъ упорствовать въ защитѣ Москвы, и ускорялъ подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, имѣя въ нихъ недостатокъ, такъ какъ въ Бородинѣ сдѣлано было изъ непріятельскихъ орудій 91,000 выстрѣловъ.

Какъ передъ выступленіемъ изъ Смоленска, такъ и теперь, передъ движеніемъ на Москву, Наполеонъ обращалъ особенное вниманіе на свой путь сообщеній. Онъ велѣлъ корпусу Жюно оставаться въ Можайскѣ и прикрывать дорогу къ Смоленску; Виктору, имѣвшему порученіе охранять главныя сообщенія, Наполеонъ писалъ: «Кутузовъ хочетъ воспрепятствовать намъ занятіе Москвы и употребить всѣ средства выгнать насъ изъ нея, если мы туда войдемъ. Поэтому мнѣ должно помышлять объ усиленіи арміи въ Москвѣ, по мѣрѣ получаемыхъ русскими войсками подкрѣпленій. Аттакованный въ сердцѣ непріятель не будетъ болѣе защищаться на оконечностяхъ. Теперь не время разсылать направо и налѣво, въ Витебскъ и Минскъ подкрѣпленія, маршевые батальоны и эскадроны, и людей, приходящихъ къ вамъ по одиночкѣ. Направляйте все на Смоленскъ и оттуда, въ случаѣ нужды, посылайте на Москву, а вы съ вашимъ корпусомъ будьте готовы слѣдовать туда-же для соединенія со мною». 30-го августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Можайска въ селеніе Татарки, отъ Можайска въ 42-хъ верстахъ. Здѣсь онъ провелъ ночь и на слѣдующее утро велѣлъ только авангарду идти впередъ, а прочимъ корпусамъ остановиться, опасаясь: не двинулся-ли князь Кутузовъ противъ праваго его крыла или не пошелъ на его сообщенія? Такимъ образомъ, черезъ пять дней послѣ Бородинскаго боя, Наполеонъ потерялъ изъ вида русскихъ—новое доказательство разстройства непріятелей въ Бородинѣ, замедлившее ихъ движеніе и принудившее Наполеона, какъ говорилъ князь Кутузовъ, «идти ощупью». Наконецъ, удостовѣрясь, что русская армія не сходила съ столбовой дороги, Наполеонъ выѣхалъ, 31-го августа, изъ Татарокъ въ Вязьму и приказалъ войскамъ продолжать наступательное, временно пріостановленное движеніе.

И князь Кутузовъ опасался за свое правое крыло, замѣтивъ слабость напора на Милорадовича и узнавъ о появленіи непріятеля въ

значительномъ числѣ около Рузы. «Подозрѣваю», писалъ князь Кутузовъ Милорадовичу, «что Наполеонъ, не преслѣдуя живо нашего арріергарда, даетъ время войскамъ своимъ обойдти его. Вамъ нужно сколько можно не выпускать изъ виду непріятеля и открывать силы его, ибо, если онъ отдалитъ отъ себя большія силы на правый нашъ флангъ, а васъ не горячо преслѣдуя, дастъ возможность быть въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, тогда, не подвергаясь опасности, чтобы онъ успѣлъ прибыть на помощь, можно будетъ аттаковать боковой его корпусъ и истребить. Храбрость войскъ арріергарда, подъ искуснымъ вашимъ командованіемъ, отдаляетъ отъ арміи безпокойствіе. Теперь, приближающимся намъ къ Москвѣ, гдѣ должно быть сраженіе, рѣшающее успѣхи кампаніи и участь государства, на нѣкоторое время непріятеля удержать должно, сколь возможно. Армія произвесть должна работы, распредѣлить приспѣвающія на усиленіе ея войска: на все надобно время.» Тогда же князь Кутузовъ писалъ Ростопчину: «По свѣдѣніямъ, ко мнѣ дошедшимъ, непріятель 28-го числа ночевалъ въ Рузѣ, а о силахъ его утвердительно знать невозможно: иные полагаютъ на сей дорогѣ цѣлый корпусъ въ 20,000, другіе менѣе. Непріятель, за отдѣленіемъ сихъ войскъ, находится въ 15-ти верстахъ передо мною, въ виду моего арріергарда, и сегодняшній день не аттакуетъ. Сіе можетъ продолжить онъ и завтра, въ томъ желаніи, чтобы армія моя оставалась здѣсь, а, между тѣмъ, сдѣлавъ форсированный маршъ на Звенигородъ и раздавивъ отрядъ Винцингероде, состоящій изъ 2,000 кавалеріи, 500 пѣхоты и 2-хъ пушекъ, возымѣть дерзкое намѣреніе на Москву. Войска мои, несмотря на кровопролитное, бывшее 26-го числа, сраженіе остались въ такомъ почтенномъ числѣ, что не только въ силахъ противиться непріятелю, но даже ожидать и поверхности надъ онымъ. Но, между тѣмъ, непріятельскій корпусъ находится нынѣ на Звенигородской дорогѣ. Неужели не найдетъ онъ гроба своего отъ дружины московской, когда-бы осмѣлился посягнуть на столицу московскую по сей дорогѣ, куда отступитъ и Винцингероде?»

Находясь съ отрядомъ вправо отъ арміи и на одной съ нею высотѣ и прибывъ въ село Сорочнево, на дорогѣ изъ Можайска въ Волоколамскъ, Винцингероде узналъ о Бородинскомъ сраженіи отъ французовъ, шатавшихся по деревнямъ для отысканія пищи и захватываемыхъ казаками. Онъ тотчасъ поѣхалъ за приказаніями къ князю Кутузову и, по возвращеніи въ Сорочнево, повелъ отрядъ на Рузу, уже занятую непріятелями. Не думая, чтобы непріятели были въ значительномъ числѣ, онъ велѣлъ аттаковать ихъ, но, подойдя ближе, увидѣлъ по правую сторону города обширный непріятельскій лагерь вице-короля. Французы, встревоженные появленіемъ отряда Винцингероде въ ихъ тылу, стали въ ружье, а наши, дождавшись ночи, обошли Рузу, вступили въ Велкинѣ на дорогу между Рузою и Звенигородомъ и этимъ движеніемъ предупредили непріятеля на пути въ Москву. Когда вице-король тронулся впередъ, Винцингероде, замедляя какъ только было возможно маршъ его, отступилъ къ Звенигороду, перешелъ въ Спасскомъ чрезъ рѣку Москву и потянулся къ Черепкову. Здѣсь онъ получилъ повелѣніе явиться въ главную квартиру, бывшую въ Филяхъ, сдавъ начальство надъ отрядомъ полковнику Бенкендорфу. Во время движенія Винцингероде проселками отъ Рузы къ Черепкову мрачныя осеннія ночи освѣщались пожарами. Крестьяне зажигали деревни, стога сѣна и скирды хлѣба; отовсюду подымавшееся къ

небу пламя должно было возвѣстить Наполеону объ участи, ожидавшей его въ Москвѣ; но завоеватель былъ увлеченъ рокомъ!

Въ заключеніе остается упомянуть о мѣрахъ относительно состава арміи, принятыхъ княземъ Кутузовымъ во время движенія отъ Бородина до Москвы. Милорадовичъ былъ назначенъ командовать 2-ю арміею, на мѣсто князя Багратіона; князь Шаховской 3-ю дивизіею, вмѣсто Коновницына, замѣнившаго Тучкова 1-го въ командованіи 3-мъ корпусомъ; Чоглоковъ—11-ю дивизіею, вмѣсто Бахметева 1-го; Лаптевъ—23-ю дивизіею, вмѣсто Бахметева 2-го; Фокъ—24-ю дивизіею, вмѣсто Лихачева. 2-й и 3-й кавалерійскіе корпусы составили одинъ, подъ начальствомъ Корфа. Кавалерійскимъ полкамъ приказано образовать меньшее число эскадроновъ, но комплектныхъ, а пѣхотнымъ полкамъ, въ которыхъ осталось менѣе 300 человѣкъ, не дѣлиться на 2 батальона, но сводить людей въ одинъ. Для замѣщенія офицерскихъ вакансій, князь Кутузовъ далъ на волю полкамъ и артиллерійскимъ ротамъ выбрать достойнѣйшихъ къ производству портупей-прапорщиковъ, подпрапорщиковъ, даже унтеръ-офицеровъ и велѣлъ объ удостоенныхъ представить списки. 14,000 человѣкъ московскаго ополченія были расписаны по армейскимъ полкамъ, для составленія 3-й шеренги. Если-бы, по числу старыхъ рядовыхъ, оказалось ратниковъ больше, нежели нужно на 3-ю шеренгу, то велѣно было ставить ратниковъ за дивизіями въ резервахъ колоннами и употреблять ихъ для командировокъ, а во время сраженія для отвода раненыхъ. Постигая всю важность, какую должны были имѣть ополченія, если-бы война продлилась долго, князь Кутузовъ обращался съ ними особенно благосклонно. Распредѣляя дружины по армейскимъ полкамъ, онъ отдалъ въ приказѣ: «Всѣмъ чинамъ и лицамъ принимать воиновъ ополченія не яко солдатъ, постоянно въ сіе званіе опредѣленныхъ, но яко на время представившихся на защиту отечества. Воины московскаго ополченія одеждъ своихъ не перемѣняютъ, бородъ не брѣютъ; однимъ словомъ: остаются въ прежнемъ ихъ состояніи и, по исполненіи священной обязанности, возвратятся въ свои дома».

II.

Лагерь подъ Москвою.

1-го сентября, армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ. Здѣсь по общему убѣжденію, должно было произойти сраженіе, предстояло побѣдить или пасть. Князь Кутузовъ опередилъ армію, осмотрѣлъ избранную наканунѣ Беннигсеномъ позицію впереди Москвы и остановился на Поклонной горѣ, гдѣ его встрѣтилъ графъ Ростопчинъ. Вокругъ князя Кутузова собрались первенствующіе генералы. Зрѣлище было величественное. На Поклонной горѣ соединились защитники Россіи и совѣщались въ виду Москвы, разстилавшейся среди яснаго осенняго утра по всей красотѣ своей, со всѣми воспоминаніями отечественной славы. Мысль оставить Москву безъ боя еще была чужда, но очаровательная надежда удержать непріятеля предъ столицею продолжалась не долго. Одинъ за другимъ возвращались посланные, княземъ Кутузовымъ для осмотра окрестностей генералы Беннигсенъ, Барклай де-Толли и Ермоловъ и полковники Толь, Мишо и Кроссаръ; всѣ единогласно говорили о невозможности принять сра-

женіе на избранной Беннигсеномъ позиціи. Она пересѣкается рытвинами и излучистою рѣчкою, затрудняющею сообщенія. Можно было построить на ней мосты, но они не являлись удобными для переправы, такъ какъ, перейдя ихъ, надлежало подниматься на крутые холмы. Позиція, препятствовавшая быстрому передвиженію войскъ съ одного мѣста на другое, была также слишкомъ велика для арміи, ослабленной Бородинскомъ сраженіемъ. Позади, въ самомъ близкомъ разстояніи, находились столица и рѣка Москва, на которой стояло 8 пловучихъ мостовъ, но при столь крутыхъ берегахъ, что, доступные пѣхотѣ, они были затруднительны для переправы конницы и артиллеріи. Къ этимъ неудобствамъ присоединялось еще то обстоятельство, что въ случаѣ неудачнаго сраженія арміи необходимо было проходить черезъ одинъ изъ обширнѣйшихъ въ свѣтѣ городовъ, отъ чего трудно было соблюсти порядокъ на маршѣ. Случись подобная позиція въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, даже въ одномъ маршѣ, ее оставили-бы при первомъ взглядѣ, но въ виду Москвы медлили, совѣщались и придумывали: нѣтъ-ли хоть какого-нибудь средства дать сраженіе? Иначе и случиться не могло. По тогдашнему общему образу мыслей всѣ жертвы казались ничтожны въ сравненіи съ спасеніемъ Москвы. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли не быть продолжительными соображенія, попеременно представлявшіяся на Поклонной горѣ. Очевиднымъ недостаткамъ позиціи думали помочь многочисленною артиллеріею и полевыми укрѣпленіями, которыя Беннигсенъ приказалъ строить рано поутру, еще до прибытія князя Кутузова. Но, пока сооружались редуты и утро проходило въ совѣщаніяхъ, окрестность покрывалась облаками пыли, а изъ-за нихъ показывались головы колоннъ, артиллерія и обозы: армія начала прибывать изъ Мамонова. Выслушивая различныя предложенія, князь Кутузовъ не произносилъ рѣшительнаго мнѣнія, всегда держась правила древняго полководца, не хотѣвшаго, чтобы и подушка его знала о его намѣреніяхъ. Желая болѣе скрыть свои мысли объ оставленіи Москвы, которое онъ, конечно, уже положилъ въ умѣ, князь Кутузовъ, выслушавъ начальника главнаго штаба 1-й арміи Ермолова, говорившаго съ жаромъ о невозможности принять на позиціи сраженіе, взялъ его за руку и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: «Здоровъ-ли ты?» Около полудня князь Кутузовъ уѣхалъ съ Поклонной въ Фили, не объявивъ своего рѣшенія. Послѣднія слова его были обращены къ принцу Евгенію Виртембергскому. Онъ сказалъ ему по-французски: «Въ этомъ дѣлѣ мнѣ надобно полагаться только на самого себя, каковъ бы я ни былъ, уменъ или простъ».

День склонялся къ вечеру, однако-же, не было еще отдано приказаній ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ, фельдмаршалъ приказалъ созвать въ свою главную квартиру, деревню Фили, Беннигсена, Барклая де-Толли, Дохтурова, Уварова, графа Остермана, Раевскаго, Коновницына, Ермолова, Кайсарова и Толя. Милорадовичъ не былъ приглашенъ, ввиду невозможности для него отлучиться отъ арріергарда. Беннигсена ждали долго. Пріѣхавъ, онъ началъ вопросомъ: «Выгоднѣе-ли сражаться передъ Москвою, или оставить ее непріятелю?» Князь Кутузовъ замѣтилъ, что предварительно надобно объяснить положеніе дѣлъ, и, подробно изобразивъ неудобства позиціи, сказалъ: «Пока будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ

останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтоженіи арміи и Москва, и Россія потеряны». Потомъ онъ сдѣлалъ другой вопросъ: «Ожидать-ли нападенія въ неудобной позиціи, или отступить за Москву?»

Въ преніяхъ, возникшихъ при разрѣшеніи этого вопроса, главными дѣйствующими лицами были Беннигсенъ и Барклай де-Толли, какъ старшіе въ чинахъ послѣ князя Кутузова. Они были совершенно несогласны въ своихъ мнѣніяхъ. Доводы ихъ сохранились въ донесеніяхъ, представленныхъ ими государю, такъ какъ журнала, или протокола происходившаго въ Филяхъ военнаго совѣта, составлено не было. По выслушаніи предложеннаго княземъ Кутузовымъ вопроса, Барклай де-Толли объявилъ, что для спасенія отечества главнымъ предметомъ было сохраненіе арміи. «Въ занятой нами позиціи», сказалъ онъ, «насъ навѣрное разобьютъ, и все, что не достанется непріятелю на мѣстѣ сраженія, будетъ потеряно при отступленіи черезъ Москву. Горестно оставить столицу, но, если мы не лишимся мужества и будемъ дѣятельны, то овладѣніе Москвою приготовитъ гибель Наполеону». Беннигсенъ возразилъ: «Обдуманы-ли послѣдствія, могущія произойти отъ уступленія Москвы и сопряженныхъ съ тѣмъ безчисленныхъ потерь для казны и частныхъ лицъ? Обсуждено ли впечатлѣніе, какое произведетъ это событіе на народный духъ, имѣющій столь сильное вліяніе на средства продолжать войну? Приняты-ль во вниманіе затрудненія и опасности, предстоящія арміи и артиллеріи при проходѣ черезъ Москву, когда непріятель будетъ идти по нашимъ пятамъ? Стыдно оставить столицу безъ выстрѣла. Если мы рѣшимся отступить, то никто не повѣритъ, что Бородинское сраженіе нами выиграно, когда послѣдствіемъ его окажется потеря Москвы. Не будетъ-ли это сознаніемъ, что мы проиграли сраженіе? Какое дѣйствіе произведетъ занятіе Москвы непріятелемъ на иностранные дворы и вообще въ чужихъ краяхъ? Развѣ послѣ уступленія Москвы наша армія придетъ въ лучшее устройство, потому что, вѣдь, надобно-же будетъ гдѣ-нибудь намъ остановиться? Я не постигаю, зачѣмъ думаютъ о неминуемомъ пораженіи и потерѣ артиллеріи, между тѣмъ какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы въ отношеніи къ непріятелю имѣемъ ту выгоду, что получили разныя подкрѣпленія. Мы—тѣ-же русскіе, которые съ примѣрною храбростью вездѣ сражались. 26-го Августа понесли мы значительный уронъ, но убыль непріятеля не меньше нашей; если наша армія разстроилась, то и непріятельская не въ лучшемъ положеніи. Винцингероде уже извѣстилъ насъ, что Наполеонъ отрядилъ вице-короля на Рузу, для обхода нашего фланга. Мы знаемъ также, что другой корпусъ обходитъ насъ слѣва. Потому я предлагаю: собрать ночью всѣ силы на лѣвомъ крылѣ. и идти на центръ Наполеона, ослабленный корпусами, посланными обходить насъ. Мы разобьемъ центръ его, и тогда два корпуса, отряженные французами въ обходъ не только будутъ бездѣйствіи, но въ необходимости, чтобъ не быть отрѣзанными, помышлять о поспѣшномъ соединеніи съ главными своими силами. Если-же намъ придется отступить послѣ сраженія, то должно идти на старую или новую Калужскую дорогу, для угроженія сообщеніямъ непріятеля». Барклай де-Толли отвѣчалъ: «Надлежало ранѣе помышлять о наступательномъ движеніи и сообразно этому расположить армію. На то было еще время поутру, при пер-

вомъ моемъ объясненіи съ генераломъ Беннигсеномъ о невыгодахъ позиціи; теперь уже поздно. Въ ночной темнотѣ трудно различать войска, скрытыя въ глубокихъ рвахъ, а, между тѣмъ, непріятель можетъ ударить на насъ. Армія потеряла большое число генераловъ и штабъ-офицеровъ; многими полками командуютъ капитаны, бригадами неопытные штабъ-офицеры. По свойственной ей храбрости, армія можетъ сражаться въ позиціи и отразить нападеніе, но не въ состояніи исполнить движеніе въ виду непріятеля. Я предлагаю отступить къ Владиміру и Нижнему Новгороду».

Съ Беннигсеномъ согласились Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ; съ Барклаемъ де-Толли—графъ Остерманъ и Толь, который предложилъ, оставивъ позицію, расположить армію правымъ крыломъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Калужской дорогѣ, въ направленіи между деревнями Шатиловою и Вороновою, и потомъ, если обстоятельства потребуютъ, отступить къ старой калужской дорогѣ. Графъ Остерманъ сказалъ: «Москва не составляетъ Россіи: наша цѣль не въ одномъ защищеніи столицы, но всего отечества, а для спасенія его главный предметъ есть сохраненіе арміи». Совѣщаніе приходило къ концу, когда пріѣхалъ Раевскій. По приказанію фельдмаршала, Ермоловъ объяснилъ ему, о чемъ шло дѣло. Раевскій сказалъ: «Если позиція отнимаетъ у насъ возможность воспользоваться всѣми нашими силами, если уже рѣшено дать сраженіе, то выгоднѣе идти навстрѣчу непріятеля, чѣмъ ожидать его. Это есть лучшее средство разстроить планъ его аттаки, но для подобнаго предпріятія войска наши не довольно привычны къ маневрамъ, и потому мы можемъ на малое только время замедлить вторженіе Наполеона въ Москву. Отступленіе послѣ сраженія черезъ столь обширный городъ довершитъ разстройство арміи.

Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она.

«Слѣдовательно, болѣе всего должно беречь войска. Мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія, но я говорю, какъ солдатъ. Князю Михаилу Иларіоновичу предоставлено судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи произведетъ извѣстіе о взятіи Москвы».

Выслушавъ различныя мнѣнія, фельдмаршалъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: «Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества». Сказавъ, онъ всталъ со стула и присовокупилъ: «Приказываю отступать». Для принятія на себя великой отвѣтственности въ потерѣ столицы, надобно было имѣть болѣе мужества, чѣмъ при рѣшеніи подъ стѣнами ея дать сраженіе. Изъ всѣхъ русскихъ генераловъ, одинъ Кутузовъ могъ оставить непріятелю Москву, не повергнувъ государства въ глубокое уныніе. Событіе тяжело пало на душу русскихъ, однако же, послѣ перваго поразительнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на всѣ сословія, считали его не малодушіемъ, не опрометчивостью, но неизбѣжною мѣрою, такъ какъ такъ оно было признано Кутузовымъ, пользовавшимся неограниченнымъ довѣріемъ Россіи въ его умъ и прозорливость. При этомъ случаѣ неоспоримо

вновь потдвердилась великая истина, что въ Отечественной войнѣ Кутузовъ былъ непремѣнной необходимостью для Россіи.

Военный совѣтъ продолжался долго. Наконецъ, во мракѣ вечера, отворились двери избы, занятой фельдмаршаломъ. Одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы, и малу-по-малу, сперва шепотомъ, разгласилось намѣреніе Кутузова оставить Москву. Изъ памяти очевидцевъ никогда не изгладится скорбь, овладѣвшая сердцами. Стыдно было глядѣть другъ на друга. Съ Москвою сопряжены были понятія о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности отечества. Ея отдача врагамъ казалась сознаніемъ въ безсиліи защищать Россію. Продолжительное отступленіе отъ Нѣмана, неразлучныя съ нимъ трудности, кровополитныя сраженія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, пылавшіе, преданные на расхищеніе враговъ города и селенія были жертвы тяжкія, но жертвы, принесенныя, какъ казалось, для сохраненія Москвы, а не для потери ея. Чѣмъ сильнѣе были надежды развѣдаться подъ ея стѣнами съ нахлынувшею на насъ Европою, тѣмъ поразительнѣе была вѣсть о разрушеніи общихъ ожиданій, объ удаленіи часа кровавой расплаты. Казалось, съ оставленіемъ Москвы исчезла та опредѣлительная цѣль, для которой вели войну, настежь растворялись двери въ отечество, и Россія падала, сокрушалась подъ ударами ожесточенныхъ враговъ. Таковы были обуревавшія насъ мысли. Вникнувъ въ нихъ, потомство пойметъ слезы, засверкавшія на нашихъ глазахъ, когда мы узнали о намѣреніи Кутузова не принимать сраженія подъ Москвою. Чувство брало верхъ надъ разсудкомъ.

По окончаніи совѣта, фельдмаршалъ остался одинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, когда вошелъ къ нему офицеръ, полковникъ Шнейдеръ, находившійся при немъ 20 лѣтъ безотлучно. Пользуясь правомъ свободнаго съ нимъ разговора, Шнейдеръ старался разсѣять его и заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ. Слова его оставались безъ отвѣта. «Гдѣ-же мы остановимся?» спросилъ онъ, наконецъ. Будто пробужденный вопросомъ фельдмаршалъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ объ него и сказалъ съ жаромъ: «Это—мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо!» Не долго продолжалось волненіе фельдмаршала. Онъ скоро успокоился и приказалъ: 1) обозамъ тотчасъ идти на Рязанскую дорогу; за ними, послѣ полуночи, слѣдовать артиллеріи, потомъ пѣхотѣ и конницѣ; 2) Милорадовичу, по возможности, удерживать непріятеля, давая арміи время пройти черезъ Москву, и 3) Винцингероде направиться съ отрядомъ на Ярославскую дорогу. Потомъ онъ призвалъ генералъ-интенданта Ланского и сказалъ ему: «Распорядись продовольствіемъ». «Но куда мы идемъ?» спросилъ Ланской.—«На Рязанскую дорогу»—«Трудно подвезти туда запасы; они всѣ около Калуги».—«А развѣ у Рязани ничего нѣтъ?» спросилъ фельдмаршалъ. «Прикажите, такъ будетъ», отвѣчалъ Ланской, «но жаль, если продовольствіе погибнетъ или не дойдетъ до насъ».—«Подумаю», сказалъ князь Кутузовъ, «а ты приди ко мнѣ завтра, когда мы пріѣдемъ на мѣсто». Запрещеніе князя Кутузова перевозить продовольствія на Рязанскую дорогу, куда онъ выступалъ отъ Москвы, подаетъ поводъ къ заключенію о намѣреніи его идти на Калужскую дорогу, куда послѣ Бородина, 29-го августа, онъ велѣлъ направлять хлѣбные запасы. Тогда-же князь Кутузовъ извѣстилъ графа Ростопчина объ оставленіи Москвы,

что до тѣхъ поръ держалъ отъ него въ тайнѣ. Всю ночь князь Кутузовъ былъ чрезвычайно печаленъ и по свидѣтельству самаго любимаго имъ офицера, Кайсарова, нѣсколько разъ плакалъ. Какъ полководецъ, онъ видѣлъ необходимость уступить врагамъ Москву, какъ русскій, могъ-ли онъ не болѣть о ней душою?

III.

Состояніе Москвы.

Въ Москвѣ еще не знали о произнесенномъ надъ нею приговорѣ, не воображали, чтобы русское войско могло не сразиться за матерь городовъ русскихъ, не искупить ея кровью или не погребсти себя подъ ея развалинами. Но, прежде нежели представимъ, въ какомъ состояніи застала Москву вѣсть объ ея горькой участи, опишемъ дни, предшествовавшіе ея плѣненію.

Съ отбытіемъ государя изъ Москвы, 19-го іюля, радостное волненіе, обыкновенно сопровождающее пребываніе монарховъ въ древней столицѣ, прекратилось и уступило мѣсто тишинѣ и размышленію. Начали оглядываться вокругъ себя. Не было страха, но появилась весьма понятная заботливость о будущемъ. Вмѣстѣ съ сыпавшимися отовсюду пожертвованіями рождалась мысль объ опасности, мысль еще неопредѣленная, потому что былъ цѣлъ Смоленскъ, считавшійся въ народномъ повѣрьѣ неодолимымъ оплотомъ, перешагнуть который не допустятъ непріятелю. Для Москвы не предполагали опасности; никто не помышлялъ уѣзжать изъ нея и вывозить имущество; только изъ предосторожности приготовляли къ отправленію нѣкоторыя казенныя вещи, для перевоза которыхъ наняты были суда въ Коломнѣ. Отъ 26-го іюля графъ Ростопчинъ доносилъ императору: «Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно удивляться. Причина безстрашія суть ненависть къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени увидѣть его уничтоженнымъ. Государь! Вашъ народъ—образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія».

Вскорѣ видъ мирной Москвы сталъ измѣняться. На улицахъ двигались военныя тяжести и артиллерія, приходившія изъ внутреннихъ губерній или отправляемыя въ армію. Мастеровые были завалены подрядами на поставку для резервныхъ войскъ и ополченія сѣделъ, мундировъ, бѣлья, обуви, обозовъ. Госпитали и частные дома наполнялись ранеными, привозимыми съ разныхъ полей сраженія. Вездѣ встрѣчались офицеры въ мундирахъ ополченія, ратники въ кафтанахъ, съ крестами на фуражкахъ и надписью, которая была выраженіемъ всеобщаго чувства въ Россіи: «За Вѣру и Царя». Перенесеніе театра войны въ Смоленскую губернію не произвело особеннаго впечатлѣнія на Москву, хотя ее печалили слухи, часто противорѣчившіе одни другимъ, но согласные въ томъ, что нашествіе враговъ все ближе и ближе подвигается къ Днѣпру. Когда въ исходѣ іюля воюющія арміи остановились на двѣ недѣли близъ Смоленска, въ Москвѣ были увѣрены, что дальнѣйшее стремленіе непріятелей внутрь Россіи будетъ удержано, и начали привыкать къ мысли, что Наполеонъ стоитъ близъ Смоленска. Спокойствіе въ городѣ дѣлало ненужными всякія особенныя мѣры, хотя, впрочемъ, были приняты нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ, отрѣзали у

большихъ колоколовъ веревки, чтобы нельзя было ударить въ набатъ. Послѣдствія показали, что и эта мѣра была лишняя. Въ Москвѣ, какъ и во всей коренной Россіи, не нашлось предателей, надъ которыми слѣдуетъ гремѣть проклятію въ потомствѣ. Изъ 200,000 жителей Москвы только одинъ 23-хлѣтній молодой человѣкъ подвергся законному осужденію за составленіе пасквильнаго сочиненія. При разсмотрѣніи дѣла сенатомъ, оказалось, что и этотъ молодой человѣкъ «поступилъ изъ одной вѣтренности».

Народъ возненавидѣлъ иностранцевъ и обижалъ ихъ на улицахъ, равно какъ и тѣхъ, кто говорилъ на иностранныхъ языкахъ, а не по-русски. Въ Москвѣ жило тогда 3,600 французовъ; правительство оказывало имъ возможную защиту. Гдѣ найдется земля, въ которой такое число французовъ, бывшихъ въ городѣ, угрожаемомъ нашествіемъ французской арміи, могли-бы жить не только спокойно, но даже занимаясь торговлею и промыслами? Изъ нихъ только 43, замѣченныхъ по особенно дурному поведенію и вредному образу мыслей, были отправлены водою въ Саратовъ. Въ числѣ ихъ находились актеры, ремесленники, аферисты и 14 воспитателей юношества, учителей и гувернеровъ. Высылка французскихъ бездѣльниковъ изъ Москвы не была мѣрою, принятою начальствомъ произвольно, но основывалась на Высочайшемъ положеніи, состоявшемся 2-го іюля, въ лагерѣ при Дриссѣ, объ иностранцахъ вообще. Этимъ положеніемъ опредѣлялось: 1) въ губерніяхъ оставить только тѣхъ иностранцевъ, въ благонадежности которыхъ губернаторъ приметъ на себя отвѣтственность, что они ни личными внушеніями, ни другими средствами, не могутъ подать поводъ къ нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути русскихъ подданныхъ; 2) всѣхъ иностранцевъ, которые окажутся неблагонадежными, выслать за границу моремъ; 3) тѣхъ изъ нихъ, отправленіе которыхъ за границу сочтется неумѣстнымъ, ввиду того, что разглашеніями въ чужихъ краяхъ о нашемъ внутреннемъ положеніи они могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ и невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ, выслать во внутреннія губерніи.

Въ печатныхъ объявленіяхъ, написанныхъ простымъ, но сильнымъ слогомъ, графъ Ростопчинъ бесѣдовалъ съ жителями и сообщалъ имъ извѣстія изъ армій. Главное достоинство его объявленій, или, какъ ихъ называли, афишекъ, состояло въ томъ, что они согрѣвали теплую любовь къ престолу и возбуждали ненависть и презрѣніе къ непріятелю. Несправедливо возражали, что слогъ афишекъ былъ неприличинъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицею. Просвѣщенные люди не имѣли надобности въ побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый святымъ долгомъ любви къ отечеству, а потому простонародныя объявленія должны были воспалять въ сердцахъ низшихъ сословій русское молодечество. Для образца приведемъ слѣдующее объявленіе; изъ него можно судить, въ какомъ смыслѣ написаны были и другія:

«Слава Богу! Все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобы злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты

христолюбивое воинство; а чтобы скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами и жить, и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами, а отдыхать, за вами. Не бойтесь ничего; нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ; они, распустя уши, шатаются да и другимъ въ уши враплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, а всѣхъ ловитъ за виски да въ тиски, и пошлетъ на смерть; убьютъ либо тамъ, либо тутъ. А для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой-бы онъ ни былъ, за хохолъ да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку Москву, а кому-жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я—вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православный христіанинъ. Вотъ моя и молитва: Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земного царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиши!»

Духовенство въ проповѣдяхъ врачевало души, омраченныя уныніемъ. Какъ говорили пастыри церкви, можетъ послужить примѣромъ слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди, произнесенной преосвященнымъ Августиномъ 28-го іюля въ Успенскомъ соборѣ:

«Храбрый россійскій народъ! Воззри на святые гробы опочивающихъ здѣсь угодниковъ Божіихъ. Нетлѣнныя тѣлеса ихъ, сіи залоги любви и чудодѣйствія Божія, ввѣрены благочестію твоему. Возстани, возстани на охраненіе святыни, благоговѣйно тобою чтимыя, возстани на защищеніе алтарей Бога твоего. Поборай по Господѣ—и Господь поборетъ по тебѣ. Вооружись на спасеніе достоянія своего, женъ и дѣтей своихъ; пріими щитъ вѣры и упованія на Бога спасающаго; облецыся въ броню правды и мужества. Не предаждь законовъ отеческихъ; вѣрностію къ царю посрами лесть врага, мужествомъ сокруши силы его. Россіяне! Аще будете съ Господемъ, дерзайте, стойте и зрите, спасеніе еже отъ Господа: Господь бо поборетъ по васъ!»

Взятіе Смоленска поразило Москву, какъ-будто для враговъ открылся путь въ столицу. Таково было и на всю Россію вліяніе извѣстія о паденіи Смоленска. Вотъ собственныя слова государя: «La perte de Smolensk produisit un effet moral immense sur tout l'empire» *). «Народъ»,—доносилъ графъ Ростопчинъ,—«менѣе испу-

*) Потеря Смоленска оказала на всю имперію огромное нравственное воздѣйствіе.

ганъ, нежели раздраженъ; онъ видитъ себя униженнымъ и готовъ отмстить за свою обиду. Москва и вѣрные ея жители соединятся съ арміями на защиту наслѣдія вашего величества и вашей славы. Никто не согласится пережить вѣчный стыдъ». Каждый день, съ утра до вечера, во всѣ заставы, кромѣ Дорогомиловской, тянулись вереницы каретъ, колясокъ, повозокъ и нагруженныхъ телѣгъ. Бывали дни, когда на иной заставѣ прописывали по 2,000 выѣзжавшихъ экипажей. На баркахъ также отправляли имущество. «Я взялъ свои мѣры»,—продолжаетъ графъ Ростопчинъ,—«чтобы ничего здѣсь не осталось, если непріятель дойдетъ до Москвы, но начну укладывать, когда непріятель будетъ около Вязьмы. Народъ вашего величества можетъ служить примѣромъ вѣрности и повиновенія». Какъ непреложное доказательство, что Смоленскъ уже во власти враговъ, прибыла въ Москву икона Смоленской Божіей Матери, которая поставлена была сперва въ первой отъ въѣзда церкви св. Василія Неокесарійскаго, откуда потомъ понесли ее два архимандрита въ Успенскій соборъ. Впереди шли хоругви; за ними духовенство. Синодальные пѣвчіе пѣли канонъ Божіей Матери. Изъ каждой церкви, мимо которой слѣдовало шествіе, духовенство выходило на срѣтеніе со крестами; звонили въ колокола; народъ восклицалъ: «Матерь Божія, спаси землю русскую!»

Пала Вязьма. Для отвоза изъ Москвы казеннаго имущества были вытребованы подводы изъ всѣхъ уѣздовъ, кромѣ прилегавшихъ къ Смоленской губерніи, гдѣ онѣ были нужны для арміи. Присутственныя мѣста и учебныя заведенія тронулись изъ Москвы въ Казань; оставался только сенатъ. На улицахъ всюду видны были отправлявшіеся обозы; въ домахъ укладывали цѣнныя вещи. Министры и начальники различныхъ управленій посылали изъ Петербурга одно приказаніе за другимъ о мѣрахъ предосторожности и способахъ отправленія. Неограниченна была заботливость общей матери русскихъ сиротъ, императрицы Маріи Ѳеодоровны, о заведеніяхъ ея величества. Безъ сердечнаго умиленія нельзя читать распоряженій ея. Вотъ, между прочимъ, собственноручныя строки государыни къ начальнику опекунскаго совѣта, сенатору Лунину: «Не скрываю душевной Моей скорби о злополучныхъ обстоятельствахъ, принуждающихъ васъ съ заведеніями, которыми я столько утѣшалась, искать убѣжища внѣ священныхъ стѣнъ Москвы; но да будетъ воля Того, Кто испытуетъ вѣру нашу въ Него. Увѣрьте всѣхъ родителей, что дѣти ихъ для насъ—святой залогъ, которыхъ мы будемъ защищать, какъ нашихъ собственныхъ».

Горестны были обстоятельства, но москвичи не унывали. Графъ Ростопчинъ доносилъ: «Жители требуютъ оружія, и оно готово, но я имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣлило Наполеону въ нее войти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены; вещи зарыты. Армія и Москва соединятся воедино для спасенія Россіи. Сегодня 5,000 человѣкъ идутъ къ арміи; они выступаютъ, какъ на праздникъ».

Въ половинѣ августа составилось ополченіе. Передъ выступленіемъ изъ Москвы оно собралось у Спасскихъ казармъ, куда прибылъ управлявшій московскою митрополіею викарій Августинъ благословить воиновъ. Послѣ молебнаго пѣнія и водосвятія, совершен-

ныхъ при стеченіи многочисленнаго народа, пастырь кропилъ ратниковъ святою водою, говоря: «Господь силъ съ вами! Господь поборетъ по васъ!» Не было у ополченія знамени. Преосвященный взялъ изъ приходской церкви Спаса во Спасской хоругвь и вручилъ ее земскому войску, предрекая побѣду.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ арміями произвело въ Москвѣ общій восторгъ и возродило увѣренность въ скорой и рѣшительной битвѣ. Когда узнали, что Кутузовъ остановился впереди Можайска, всѣ жители столицы были измучены ожиданіемъ близкаго сраженія, которое должно было опредѣлить участь Москвы, а съ нею, по тогдашнему образу мыслей, и жребій государства. Народъ только ожидалъ слова отъ графа Ростопчина, стремясь идти на смерть, если-бы вслѣдствіе сраженія нужно было защищать Москву. Въ самый день Бородинской битвы, когда бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь, туда носили икону Смоленской Божіей Матери, вмѣстѣ съ чудотворнымъ образомъ Владимірской Богородицы. Молили Божественную Заступницу осѣнить вновь Россію своимъ покровомъ, подобно тому, какъ при нашествіи Тамерлана, когда онъ уже дошелъ до Ельца и послѣ принесенія Владимірской иконы въ столицу бѣжалъ, никѣмъ не гонимый. Томимые нетерпѣніемъ узнать скорѣе вѣсти изъ арміи многіе выходили за Дорогомиловскую заставу и останавливали курьеровъ, которые обыкновенно и въ улицахъ бывали по нѣсколько разъ задерживаемы и осыпаемы вопросами. Наконецъ, привезли въ Москву извѣстіе, что загорѣлось общее сраженіе. Въ два часа пополудни 26-го августа, князь Кутузовъ послалъ къ графу Ростопчину слѣдующее письмо: «Прошу васъ ради Бога, графъ Ѳедоръ Васильевичъ, прикажите къ намъ немедленно изъ арсенала прислать на 500 орудій комплектныхъ зарядовъ, болѣе батарейныхъ». Внизу была приписка, сдѣланная рукою фельдмаршала. «Сраженіе самое кровопролитное. Будемъ удерживать. По сю-пору идетъ порядочно». Передъ окончаніемъ битвы, князь Кутузовъ послалъ къ графу Ростопчину курьера съ другимъ письмомъ, увѣдомляя о своемъ намѣреніи возобновить сраженіе въ слѣдующій день. Отъ одного конца Москвы до другого загремѣло: «Побѣда! Побѣда!» Спѣшили къ Иверской Божіей Матери служить благодарственные молебны. Казалось вѣрнымъ, что удержатъ непріятеля. Извѣщая о Бородинскомъ сраженіи въ печатномъ объявленіи, графъ Ростопчинъ присовокупилъ: «Православные! Будьте спокойны; кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества; наша голова, и, если придетъ время, мы подкрѣпимъ войска. Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской».

Радость о данномъ непріятелю отпорѣ была кратковременна. Скоро вѣсть объ отступленіи арміи отъ Бородина достигла до Москвы. Не прошло трехъ дней, и жертвы Бородинскаго побоища начали вдвигаться въ стѣны столицы. По улицамъ тянулись нескончаемые ряды повозокъ съ ранеными. Когда повозки останавливались, москвичи клали въ нихъ деньги, хлѣбъ, спѣшили обмывать запекшіяся язвы храбрыхъ, обвязывали ихъ платками, полотенцами. Лафертовскій дворецъ былъ главнымъ пристанищемъ раненыхъ. Для уменьшенія ихъ скорби не доставало утѣшенія вѣры. Преосвященный Августинъ отправилъ къ нимъ духовенство съ чудотворными иконами Иверской и Смоленской Божіей Матери. Посреди страдаль-

цевъ были совершены молебное пѣніе и водосвятіе. Раненые оставляли скорбное ложе и прекращали стоны, которые вызывались болью. Лишенные ногъ ползли, другіе тащились на костыляхъ приложиться къ Подательницѣ отрадъ и окропиться святою водою, какъ будто предчувствуя, что благодатное посѣщеніе для многихъ изъ нихъ было напутствіемъ смерти. Усердіе бородинскихъ воиновъ при священномъ дѣйствіи было таково, что иконы возвратились въ храмы уже ночью.

Увеличилось число отъѣзжавшихъ. На своемъ пути они часто должны были слушать упреки крестьянъ за оставленіе столицы. «Куда бѣжите? аль Москва въ невзгодьѣ вамъ не мила?» говорили крестьяне удалявшимся изъ нея. Одного казеннаго имущества вывезено изъ Москвы на 63,000 подводахъ. Въ ночь съ 30 на 31-е отправили въ Нижній-Новгородъ колодниковъ, на которыхъ потомъ Наполеонъ безстыдно взвалилъ зажженіе Москвы. Пустѣла столица, но остававшіеся въ ней не робѣли и толпились у арсенала, гдѣ продавалось всякое оружіе по дешевой цѣнѣ: ружье и карабинъ по 2 и по 3 рубля, сабля, пика, кортикъ по рублю и дешевле. «Народъ Москвы и окрестностей», писалъ графъ Ростопчинъ отъ 29-го августа, «будетъ драться отчаянно въ случаѣ приближенія нашей арміи, которая теперь уже въ 87-ми верстахъ отсюда». Главными дѣйствовавшими въ Москвѣ лицами были архіерей, сенатъ и графъ Ростопчинъ. Народъ смотрѣлъ на нихъ, ждалъ, что они станутъ дѣлать, внималъ проповѣдямъ перваго, читалъ воззванія послѣдняго. До 29-го августа, сенатъ не закрывалъ присутствія, что во многомъ способствовало къ успокоенію жителей, такъ какъ въ мнѣніи русскаго народа, со времени Петра Великаго, сенатъ сохраняетъ особенное значеніе. Полагая, что князь Кутузовъ дастъ сраженіе подъ Москвою, графъ Ростопчинъ и преосвященный согласились идти на Три Горы, съ крестнымъ ходомъ, для приготовленія и благословенія народа и воинства къ рѣшительной битвѣ. Достопамятное воззваніе, изданное по этому случаю графомъ Ростопчинымъ, было слѣдующаго содержанія:

«Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва—наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!»

Прибылъ изъ Виѳаніи въ Москву 75-тилѣтній митрополитъ Платонъ. По обширному уму, окрыленному теплою вѣрою, и увлекательному краснорѣчію, онъ былъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія паствы и не хотѣлъ оставить ея въ тогдашнемъ бѣдствіи. Хотя онъ изнемогалъ подъ бременемъ лѣтъ и болѣзней и уже былъ уволенъ отъ управленія епархіею, однако, думалъ, что его присутствіе необходимо въ столицѣ для укрѣпленія сердецъ, колебавшихся между страхомъ и надеждою. Разнесся слухъ, что самъ Платонъ

выйдетъ на Три Горы. Эта мысль таилась въ сердцѣ архипастыря, но языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнули, и онъ едва могъ передвигать ноги. Старецъ скорбѣлъ о своемъ безсиліи. Прибытіе его въ Москву обнаружило только послѣдній порывъ любви его къ отечеству. Услышавъ о движеніи нашихъ войскъ отъ Можайска къ Москвѣ, Платонъ встревожился, цѣлый день не вкушалъ пищи, но не хотѣлъ выѣзжать изъ Москвы. Говорили ему, что армія отступаетъ къ Москвѣ, а непріятель идетъ слѣдомъ за нею, что для спасенія Россіи, можетъ быть, и Москва будетъ уступлена, но Платонъ твердилъ: «Что враги мнѣ сдѣлаютъ?» и оставался въ Москвѣ, тогда какъ непріятельскіе таборы были уже недалеко отъ Дорогомиловской заставы. Августинъ пріѣхалъ къ митрополиту и убѣждалъ его удалиться. Долго не соглашался Платонъ. Наконецъ, онъ упалъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, молился со слезами, самъ не могъ встать: его подняли; карета уже была готова; его посадили въ нее и повезли, вечеромъ 31-го августа, съ Троицкаго подворья прямо въ Виѳанію.

Прошелъ августъ. «До 26-го числа», доносилъ графъ Ростопчинъ, «я употребилъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа, но поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа оставшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь-же опустѣлою, какъ Смоленскъ. Все вывезено, коммиссаріатъ, арсеналъ. Теперь занимаюсь ранеными; ежедневно привозятъ ихъ до 1,500». Свое донесеніе графъ Ростопчинъ заключилъ слѣдующими словами, которыя суть самое вѣрное изображеніе чувствъ, наполнявшихъ тогда всѣхъ русскихъ, монарха и его подданныхъ: «Да будетъ слово «миръ» далеко отъ Вашего Величества. Русскіе воспріимутъ свое мѣсто во вселенной, и Вы восторжествуете надъ Вашимъ врагомъ. Можетъ быть, это сбудется скоро. Ваши подданные проливаютъ кровь и не скорбятъ. Господь Богъ не введетъ Васъ во искушеніе. Вы будете избавителемъ свѣта». Благодаря графа Ростопчина за его дѣйствія, государь отвѣчалъ: «Вамъ легко представить себѣ все, что во Мнѣ происходитъ. Но меня не оставляетъ надежда на Провидѣніе, мужество нашихъ войскъ и духъ нашего достопочтеннаго народа. Съ постоянствомъ и помощью Божіею, мы поборемъ чудовище, которое губитъ Европу».

Настало 1-е сентября—день, предшествовавшій плѣненію столицы. Съ ранняго утра видѣли въ Москвѣ сооруженіе укрѣпленій близъ Поклонной горы, скопленіе у Дорогомиловской заставы войскъ, которыми покрывалась вся окрестность; наконецъ, при закатѣ солнца, зажглись бивачные огни. Зарево ихъ освѣщало до половины неба, такъ что отъ него на московскихъ улицахъ было свѣтло. Народъ не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи. Тысячи спѣшили въ арсеналъ за оружіемъ. Въ тотъ день его раздавали даромъ. Кто не хотѣлъ идти въ арсеналъ, отдавалъ послѣднія деньги за оружіе, продававшееся по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Августинъ совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Во время служенія, онъ проливалъ слезы, вмѣстѣ со всѣми предстоявшими. Соборъ былъ полонъ молельщиковъ. Обрекая себя на смерть за родину, многіе напутствовали себя пріобщеніемъ Святыхъ Тайнъ. Духовенство готовилось съ

хоругвями и иконами идти на Три Горы, куда стекались для защиты Москвы вооруженные кто чѣмъ могъ, ружьями, пиками, топорами, крича въ одинъ голосъ: «Да здравствуетъ батюшка Александръ Павловичъ!» Къ вечеру, на сборномъ мѣстѣ было уже множество народа, ожидавшаго тамъ графа Ростопчина и преосвященнаго. Другія толпы тѣснились около архіерейскаго подворья, говоря, что непріятель уже вступаетъ въ Москву. Въ такомъ положеніи была вѣрная Москва, когда въ 8 часовъ графу Ростопчину вручили слѣдующее письмо отъ князя Кутузова, отправленное послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ: «Непріятель, отдѣлившій колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу. Посему покорно прошу васъ прислать мнѣ съ симъ-же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ сколько можно болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли-бы армію проводить черезъ разныя дороги на Рязанскую».

Исполнивъ повелѣніе фельдмаршала, графъ Ростопчинъ приказалъ всѣмъ воинскимъ командамъ и вѣдомствамъ выступать изъ Москвы, снявъ предварительно караулы, что было сдѣлано въ 4-мъ часу пополуночи. Всѣ подводы, какія только можно было найти, употребили для отвоза больныхъ и раненыхъ. Полиціи и пожарной командѣ съ трубами велѣно отправиться во Владиміръ. Посланы чиновники разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и жечь на рѣкѣ Москвѣ всѣ барки съ частнымъ и казеннымъ имуществомъ, которыя не успѣютъ уйти до вступленія непріятеля. Тогда-же Августинъ, весь вечеръ ожидавшій отъ графа Ростопчина увѣдомленія, въ какое время онъ назначаетъ быть крестному ходу на Три Горы, получилъ отъ него извѣстіе о рѣшеніи князя Кутузова оставить Москву. Среди темноты осенней ночи Августинъ взялъ изъ Успенскаго собора икону Владимірской Богоматери, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ— Иверскую, и уѣхалъ съ ними изъ города, поручивъ бѣдствующую столицу небесному покровительству. На улицахъ отъ поспѣшно выѣзжавшихъ экипажей было столь шумно, что словъ человѣческихъ разслушать было невозможно. Тѣснота была превеликая, и притомъ одинъ другого старался опередить. Вокругъ столицы пылали села, деревни, биваки. Огромное зарево разливалось во мракѣ. По Владимірской дорогѣ тянулись обозы и раненые, толпились пѣшіе и конные. По ней ѣхалъ архипастырь съ иконами и слышалъ укоризны отъ встрѣчавшихся крестьянъ за оставленіе паствы, подобно наемнику. То былъ патріотическій ропотъ русскихъ: силу и могущество государства они признавали только въ Москвѣ. «Когда ужъ не устояла Москва», говорили православные, «гдѣ устоять Россіи!»

IV.

Оставленіе Москвы.

До зари 2-го сентября, въ понедѣльникъ, обозы и артиллерія вступили въ Дорогомиловскую заставу; на разсвѣтѣ послѣдовали за ними пѣхота и конница. «Идемъ въ походъ», говорили солдаты. Помышляя о новой встрѣчѣ съ непріятелемъ, они не знали, что въ тотъ день назначалось не испытаніе мужества ихъ на ратномъ полѣ, но скорбное испытаніе любви къ отечеству. Часу въ 8-мъ поутру,

фельдмаршалъ, спокойный, величавый въѣхалъ верхомъ въ городъ, куда ночью безъ позволенія никто не могъ отлучаться изъ лагеря. Стоявшимъ у заставы жителямъ князь Кутузовъ сказалъ: «Головою ручаюсь, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ!» За заставою, обернувшись къ своей свитѣ, князь Кутузовъ спросилъ: «Кто изъ васъ знаетъ Москву?» Вызвался любимый его ординарецъ, князь Голицынъ, и по приказанію фельдмаршала провелъ его по бульварамъ до Яузскаго моста, такими улицами, гдѣ почти никого не было.

Раньше обыкновеннаго началъ сходиться народъ на улицахъ и площадяхъ, особенно тамъ, гдѣ проходила армія; прочія части города уподоблялись пустынѣ: на нихъ не видно было ни души. Войска скоро узнали настоящую цѣль движенія, шли въ глубокомъ молчаніи, не теряли духа, не роптали, но на лицахъ замѣтно было огорченіе; въ рядахъ слышенъ былъ тихій, унылый говоръ. Жители смотрѣли на полки безмолвно, а иные укоряли ихъ, зачѣмъ они не отразили непріятеля. Многіе изъ простолюдиновъ сомнѣвались, что непріятель идетъ вслѣдъ за нами. Надобно было убѣждать ихъ въ истинѣ честнымъ словомъ, даже клятвою. Удостовѣрившись въ справедливости нашихъ словъ, каждый спѣшилъ уходить. Недостатокъ въ лошадяхъ былъ общій. Ни за какія деньги нельзя было нанять ихъ. Цѣлыя семейства бродили по улицамъ, спрашивая: въ которую сторону безопаснѣе направить путь? Суетились, бѣгали, сами не зная куда, потому что предварительно не было оповѣщено объ оставленіи города. Старались уносить съ собою свое лучшее имущество и второпяхъ, вмѣсто вещей цѣнныхъ, брали вещи ничего не стоющія. Упрямство нѣкоторыхъ москвичей отвергать приближеніе непріятеля простиралось до того, что вѣрили небылицамъ. За нѣсколько дней разнеслись слухи о прибытіи въ Петербургъ и движеніи къ Москвѣ англійскаго вспомогательнаго корпуса. Эти слухи усилились до такой степени, что при вступленіи первыхъ непріятельскихъ войскъ въ московскія заставы, были слышны голоса. «Вотъ англичане! Они идутъ выручать насъ».

Большая часть лавокъ и магазиновъ были заперты; въ остальныхъ укладывали товары, заколачивали ихъ въ ящики, вязали въ тюки, зарывали въ землю. Почти всѣ дома стояли опустѣлые; иные были отворены настежь, что подавало поводъ къ шалостямъ, которыхъ было, однако-же, мало. Вообще, за немногими исключеніями, неизбѣжными въ подобныхъ обстоятельствахъ, никакое безчиніе не нарушало общественнаго спокойствія во время прохода арміи черезъ Москву. Эти горестные часы были истиннымъ торжествомъ благонравія русскаго народа. Вообразите обширнѣйшій городъ въ Европѣ, гдѣ не было тогда ни карауловъ, ни властей, и посреди его народъ, ожидавшій всѣхъ ужасовъ отъ кровожаднаго непріятеля. И никто не предавался грабежу или своеволію; толпились въ церквахъ, становились по улицамъ на колѣни передъ образами. Наступило время обѣдни, и хотя не раздавался благовѣстъ, однако-же, въ немногихъ церквахъ не было молящихся. Генералы и офицеры, заливаясь слезами, принимали въ храмахъ благословеніе духовенства. Священникъ Николоямской церкви, мимо которой шла одна колонна, стоялъ на паперти, въ облаченіи, съ иконою святого Николая, напрестольнымъ крестомъ и зажженными свѣчами. Онъ окроплялъ святою водою войско, осѣнявшее себя знаменіемъ

креста и жадно ловившее капли святой воды. Солдаты громко кричали: «Врагъ нашъ погибъ, а не мы!»

У Яузскаго моста, по которому, какъ черезъ дефиле, нужно было проходить войскамъ, тѣснота была неизбѣжна. Тутъ графъ Ростопчинъ встрѣтилъ князя Кутузова и началъ что-то говорить ему. Фельдмаршалъ не отвѣчалъ ни слова, приказывая скорѣе очищать мостъ. Отсюда до Коломенской заставы движеніе народа и всякаго рода тяжестей смѣшалось съ движеніемъ полковъ, отчего произошли неминуемые безпорядки. Возстановляли, какъ могли, порядокъ; городъ все болѣе и болѣе очищался. Миновавъ Коломенскую заставу, графъ Ростопчинъ сказалъ: «Занавѣсъ опустился; моя роль сыграна!» У этой заставы, близъ старообрядческаго кладбища, князь Кутузовъ остановился, сошелъ съ лошади и сѣлъ на дрожки, повернутыя къ Москвѣ. Погруженный въ глубокую думу, облокотясь головой на руку, онъ смотрѣлъ на златоглавую столицу, какъ-будто прислушиваясь къ послѣднему ея воздыханію. Войско становилось для привала по обѣимъ сторонамъ дороги. Отъ массы шедшаго народа и тѣснившихся экипажей и повозокъ, пыль вилась столбомъ и застилала лучи догоравшаго солнца. Москва уходила изъ Москвы. Здѣсь старцы, согбенные лѣтами, брели, спотыкаясь; тамъ родители, обремененные своими дѣтьми и самымъ необходимымъ имуществомъ, торопились уходить отъ лютаго врага. Стороны дороги были покрыты толпами скитальцевъ, не знавшихъ ничего, кромѣ слезъ и рыданій. Дѣти, затерявшія родителей, отыскивали отцовъ и матерей. Вокругъ Кутузова часто слышны были восклицанія: «Что съ нами станется? Куда идемъ? Куда онъ насъ завелъ?» Но князь Кутузовъ былъ неподвиженъ, какъ-будто ничего не видя и не слыша; онъ ожидалъ извѣстія отъ Милорадовича о томъ, что дѣлалось въ арріергардѣ. Первый пріѣхавшій отъ Милорадовича адъютантъ донесъ, что онъ будетъ драться, если Мюратъ не приметъ сдѣланныхъ ему предложеній, и проситъ о подкрѣпленіи. Черезъ четверть часа пришло изъ арріергарда другое донесеніе о выговоренныхъ у непріятеля условіяхъ, которыми обезпечивалось движеніе нашего арріергарда. Князь Кутузовъ велѣлъ арміи продолжать маршъ къ Панкамъ, куда и самъ отправился.

Возвратимся къ Милорадовичу. Наканунѣ вечеромъ, послѣ окончанія военнаго совѣта въ Филяхъ, фельдмаршалъ приказалъ ему по возможности задерживать непріятеля, стараясь дать время войскамъ, казеннымъ и частнымъ обозамъ выйти изъ города. «Если нужно», писалъ ему Кутузовъ, «почтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы». Тогда-же онъ послалъ Милорадовичу, для доставленія къ Бертье, подписанное полковникомъ Кайсаровымъ французское письмо, въ которомъ, по принятому на войнѣ обыкновенію, наши больные и раненые въ Москвѣ поручались непріятелю. Утро 2-го сентября застало Милорадовича у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. Когда французы двинулись впередъ, онъ началъ медленно отступать и въ полдень пришелъ къ Поклонной горѣ. Непріятельскія колонны потянулись въ обходъ его, угрожая отрѣзать его отъ столицы. Тогда-же донесли Милорадовичу, что артиллерія и обозы столпились на Дорогомиловскомъ мосту и въ улицахъ и стоятъ не двигаясь съ мѣста. Одни предлагали Милорадовичу завязать дѣло; другіе—идти скорѣе назадъ. Такими средствами

не достигалась главная цѣль, состоявшая въ выигрышѣ времени. Пока арріергардъ сталъ-бы сражаться или отступать, обошедшій его непріятель могъ ворваться въ Москву, завладѣть артиллеріею, обозами, стѣснившимися въ улицахъ, и отрѣзать его. Милорадовичъ не принялъ ни одного изъ предложенныхъ мнѣній и потребовалъ офицера, умѣвшаго свободно объясняться на французскомъ языкѣ. Явился лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ велѣлъ ему отвезти къ Мюрату присланное наканунѣ письмо о пощадѣ раненыхъ и сказать, что, если французы хотятъ занять Москву невредимою, то они должны наступать не быстро и дать намъ спокойно выйти изъ нея со всею артиллеріею и обозами; иначе Милорадовичъ будетъ сражаться передъ Москвою и въ улицахъ до послѣдняго человѣка и вмѣсто Москвы оставитъ однѣ развалины. Затѣмъ онъ послалъ офицеровъ въ Москву для приведенія въ устройство столпившихся обозовъ и велѣлъ Паскевичу стать у Дорогомиловскаго моста съ 26-ю дивизіею, имѣвшею подъ ружьемъ не болѣе 1,200 человѣкъ. При нихъ не было артиллеріи: всѣ орудія были заблаговременно отосланы въ Москву.

Акинфовъ поѣхалъ въ непріятельскую армію. По сигналу трубача подъѣхалъ къ нему полковникъ 1-го французскаго конно-егерскаго полка, провелъ его сперва къ командовавшему аванпостами генералу Себастіани, а потомъ къ Мюрату. Проѣхавъ мимо 5-ти конныхъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ впереди пѣхоты, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата въ блестящей одеждѣ и съ многочисленною свитою. Мюратъ приподнялъ свою шляпу, вышитую золотомъ и украшенную перьями, велѣлъ окружавшимъ его удалиться и, положивъ руку на шею лошади Акинфова, сказалъ: «Съ чѣмъ пріѣхали ко мнѣ?» Вручивъ Мюрату письмо о покровительствѣ раненыхъ, Акинфовъ передалъ ему слова Милорадовича, что онъ вступитъ въ сраженіе и не оставитъ въ Москвѣ камня на камнѣ, если французы будутъ напирать и не остановятъ тотчасъ движенія своихъ колоннъ, изъ которыхъ одна была уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Калужской заставы. Прочитавъ письмо, Мюратъ отвѣчалъ: «Напрасно поручать больныхъ нашему попеченію; мы не имѣемъ обычая смотрѣть на плѣнныхъ, какъ на непріятелей». На вторую статью, касавшуюся приказанія остановить движеніе войскъ, Мюратъ отозвался неимѣніемъ власти удовлетворить желаніе Милорадовича, не испросивъ предварительно разрѣшенія отъ Наполеона, къ которому и отправилъ Акинфова, въ сопровожденіи своего адъютанта. Проѣхавъ шаговъ съ 200 по направленію, гдѣ предполагали найти Наполеона, Акинфовъ былъ остановленъ другимъ адъютантомъ, воротившимъ его назадъ. «Желая сохранить Москву»,—сказалъ ему Мюратъ,—«соглашаюсь на предложеніе генерала Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ тѣмъ, чтобы Москва занята была нами сегодня-же». Получивъ завѣреніе въ оставленіи Москвы русскими въ тотъ-же день, Мюратъ послалъ къ передовымъ войскамъ приказаніе остановиться и прекратить завязавшуюся перестрѣлку. Потомъ онъ спросилъ Акинфова: «Знаете-ли вы Москву?»—«Я—уроженецъ московскій», было ему отвѣтомъ. — «Итакъ»,—продолжалъ Мюратъ,—«прошу васъ уговорить жителей оставаться спокойными. Имъ не сдѣлаютъ никакого вреда и не возьмутъ съ нихъ контрибуціи; мы всячески будемъ заботиться объ ихъ безопасности. Да не оставлена-ли Москва жителями? Гдѣ

графъ Ростопчинъ?»—«Я былъ безпрестанно въ авангардѣ», отвѣчалъ Акинфовъ, «и ничего не знаю о Москвѣ и графѣ Ростопчинѣ».—«Гдѣ императоръ Александръ?»—«Не знаю».—«Гдѣ великій князь Константинъ Павловичъ?»—«Не знаю».—«Я уважаю вашего императора», сказалъ Мюратъ, «и друженъ съ великимъ княземъ; очень жалѣю, что обстоятельства заставили насъ воевать. Тяжелая война!»—«Мы деремся за отечество», сказалъ Акинфовъ, «и не замѣчаемъ трудностей похода».—«Почему не заключить мира?» спросилъ Мюратъ. «Ни одна изъ воюющихъ армій еще не разбита», отвѣчалъ Акинфовъ, «и не можетъ похвалиться совершенною побѣдою».—«Пора мириться»,—сказалъ Мюратъ, улыбаясь, и предложилъ переговорщику завтракъ, котораго тотъ не принялъ. «Повторяю увѣреніе», сказалъ Мюратъ, «что мы будемъ заботиться о сохраненіи Москвы. Если соглашаюсь на предложенія генерала Милорадовича, то единственно изъ особеннаго къ нему уваженія». Въ сопровожденіи того-же конно-егерскаго полковника Акинфовъ поѣхалъ назадъ и настигъ Милорадовича у Яузы. Выслушавъ посланнаго, Милорадовичъ сказалъ: «Видно, французы рады занять Москву; возвратитесь къ Мюрату и въ дополненіе условія предложите перемиріе до 7-ми часовъ слѣдующаго утра, чтобы обозы и отсталые успѣли выйти изъ Москвы; въ противномъ случаѣ я остаюсь при первомъ мнѣніи и буду драться въ Москвѣ».

По мѣрѣ отступленія Милорадовича съ Поклонной горы къ Москвѣ, за нимъ подвигались непріятели. Наполеонъ на разсвѣтѣ отправился съ ночлега къ арміи, находившейся въ полномъ движеніи. Въ 10-ть часовъ утра онъ прибылъ на лежащую въ правой сторонѣ отъ большой дороги дачу, не доѣзжая Москвы 12 верстъ. Тутъ онъ былъ встрѣченъ Мюратомъ, пошелъ съ нимъ влѣво на особый подлѣ церкви дворъ и тамъ расхаживалъ болѣе часа. Одинъ изъ находившихся при немъ статскихъ чиновниковъ разспрашивалъ взятыхъ въ плѣнъ крестьянина и ратника объ окрестныхъ мѣстоположеніяхъ и Воробьевыхъ горахъ и со словъ плѣнныхъ дѣлалъ отмѣтки на картѣ. Послѣ продолжительнаго разговора Мюратъ отправился впередъ, а Наполеонъ, отобѣдавъ, послѣдовалъ за нимъ. Онъ ѣхалъ тихо, соблюдая всевозможныя предосторожности. Бывшіе на пути лѣса и овраги онъ приказывалъ осматривать и самъ, съ возвышеній, дѣлалъ обозрѣнія. Наполеону оставалось подняться на Поклонную гору, скрывавшую отъ него столицу. Передовые всадники взъѣхали на нее; раздались восклицанія: «Москва! Москва!» Русскимъ не трудно вообразить, какія чувства въ ту минуту наполняли враговъ. Стоитъ только мысленно перенестись въ то время, когда Александръ привелъ насъ на высоту между Бонди и Кле, откуда увидѣли мы впервые Монмартръ и башни Парижа! Прибылъ на Поклонную гору и Наполеонъ, предварительно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея извѣщенный Мюратомъ о соглашеніи, заключенномъ съ Милорадовичемъ. Онъ утвердилъ условіе. Увидѣвъ Москву, Наполеонъ радостно воскликнулъ: «La voilà donc enfin cette fameuse ville!» *) Помолчавъ и насытившись созерцаніемъ добычи, онъ присовокупилъ: «Il était temps!» **). Онъ сошелъ съ лошади, разсматри-

*) Вотъ, наконецъ, этотъ славный городъ!

**) Пора уже!

валъ карту и въ зрительную трубу глядѣлъ на окрестности и стоявшія тамъ войска. Пробывъ долго въ этомъ положеніи и не видя депутатовъ изъ Москвы, онъ приказалъ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ, по которому авангарды всѣхъ корпусовъ должны были тронуться. Раздался гулъ орудія. Мюратъ пошелъ къ Дорогомиловской заставѣ, Понятовскій къ Калужской, вице-король къ Пречистенской и Тверской. За авангардами двинулись корпусы. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и среди облаковъ ея Наполеонъ понесся къ Москвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился у Дорогомиловской заставы, сошелъ съ лошади и остановился на лѣвой сторонѣ дороги, у Камеръ-Коллежскаго вала.

Ранѣе Наполеона прибылъ къ заставѣ Мюратъ. Тутъ къ нему снова явился Акинфовъ, съ предложеніемъ: не начинать военныхъ дѣйствій до слѣдующаго утра, Мюратъ ласково принялъ переговорщика и согласился безпрекословно на предложеніе, но съ условіемъ: останавливать всѣ обозы, не принадлежащіе русской арміи. Потомъ онъ спросилъ, сообщилъ-ли Акинфовъ московскимъ жителямъ, что они могутъ быть спокойны на счетъ своей безопасности? Авангардъ Мюрата входилъ въ Москву, смѣшавшись съ казаками нашего арріергарда. Въ головѣ былъ 10-й польскій полкъ, Уминскаго; за нимъ шли прусскіе уланы маіора Вертера, виртембергскіе конные егеря, 4 полка французской легкой конницы и конная артиллерія. Войскамъ было велѣно соблюдать строжайшій порядокъ и ни подъ какимъ видомъ не слѣзать съ лошадей. Въ Новинской части не встрѣтили они ни одного человѣка; то-же опустѣніе было на Арбатѣ. Тутъ встрѣтили двухъ иностранцевъ и взяли ихъ проводниками, поминутно спрашивая: «Гдѣ жители? Гдѣ мѣстныя начальства?» Отъ этихъ иностранцевъ непріятели узнали о выѣздѣ изъ Москвы дворянъ, духовенства, купцовъ, чиновниковъ, и что въ городѣ, кромѣ весьма малаго числа простого народа, никого не осталось. Удивленіе непріятелей увеличивалось на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ по безлюдному городу они подъѣзжали къ Кремлю.

Народъ, не знавшій объ уступленіи Москвы и готовившійся отразить непріятелей, убѣдился, наконецъ, собственными глазами въ вступленіи враговъ въ городъ. Горя любовью къ отечеству, вѣрный народъ побѣжалъ въ арсеналъ. Человѣкъ 500 вооружились остававшимся тамъ оружіемъ и заняли Никольскія ворота и пути, ведущіе къ соборамъ и царскимъ чертогамъ. Едва Мюратъ въѣхалъ въ Кремль— то было въ половинѣ пятаго часа—какъ по немъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Въ то-же мгновеніе ратникъ московскаго ополченія бросился на одного польскаго офицера, вѣроятно, принявъ его, по богатому мундиру, за генерала, можетъ быть, и за самого Бонапарта, и убилъ врага, прежде нежели могли ему воспрепятствовать. Къ сожалѣнію, неизвѣстно имя новаго Курція, тутъ-же окончившаго жизнь подъ ударами враговъ. Французы пошли къ арсеналу, полному народомъ, встрѣтившимъ ихъ ружейными выстрѣлами. По приказанію Мюрата, поставили пушку и тремя выстрѣлами разогнали толпу. Изъ среды ея крестьянинъ кинулся на офицера, бывшаго при орудіи, раздробилъ ему прикладомъ черепъ и рвалъ его лицо зубами. Настала гробовая тишина. Непріятельскіе разъѣзды пошли во всѣ концы города.

Во время непріятельскаго вступленія въ Москву, нашъ арріергардъ выходилъ изъ нея безвредно. Обезпечивъ выходъ ввѣренныхъ

ему войскъ, Милорадовичъ выѣхалъ за городъ и увидѣлъ влѣво двухъ польскихъ улановъ, а за ними конницу, тянувшуюся на перерѣзъ Рязанской дороги. При Милорадовичѣ не было въ ту минуту ни адъютантовъ, ни ординарцевъ: одни уѣхали съ приказаніями, другіе отстали вслѣдствіе утомленія лошадей. Милорадовичъ поскакалъ къ польскимъ уланамъ. Удивленные появленіемъ русскаго генерала они остановились и на вопросъ: «Кто ими командуетъ?»—почтительно отвѣчали, что начальникъ ихъ—генералъ Себастіани, ѣдущій вслѣдъ за ними. Милорадовичъ, въ сопровожденіи подъѣхавшихъ къ нему, между тѣмъ, офицеровъ его штаба, понесся по направленію, гдѣ долженъ былъ встрѣтить французовъ. Перваго онъ увидѣлъ Себастіани, который былъ съ нимъ коротко знакомъ въ Бухарестѣ и радостно вскричалъ: «Bonjour, cher Miloradovitz!» *) — «Ce ne sont plus les beaux jours de Boucarest», **) отвѣчалъ Милорадовичъ.—«Вы поступаете вопреки народнаго права. Я условился съ неаполитанскимъ королемъ о свободномъ выходѣ арріергарда изъ города, а ваши войска уже заслоняютъ дорогу».—«Я не получилъ отъ короля никакого увѣдомленія», отвѣчалъ Себастіани, «но, зная васъ, вѣрю вашему слову». Онъ приказалъ дивизіи остановиться параллельно Рязанской дорогѣ, по которой свободно прошли послѣднія войска арріергарда и обозы. Смотря на нихъ, Себастіани сказалъ Милорадовичу: «Признайтесь, что мы—предобрые люди. Все это могло быть наше».—«Ошибаетесь», отвѣчалъ Милорадовичъ: «вы не взяли-бы этого иначе, какъ перешагнувъ черезъ мой трупъ, а сто тысячъ, которыя тамъ», указывая по тому направленію, гдѣ находилась наша армія, «отмстили-бы за мою смерть!»

Когда арріергардъ и обозы отошли за 4 версты, были назначены черты для передовой цѣпи обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Генералы разъѣхались. Милорадовичъ расположился въ ближней деревнѣ. Вдругъ къ нему явился генералъ-маіоръ Панчулидзовъ съ донесеніемъ, что два эскадрона его полка, или запоздавъ, или заблудясь въ Москвѣ, не успѣли присоединиться къ арріергарду и остановлены позади непріятельской цѣпи. Милорадовичъ послалъ требовать возвращенія ихъ, но, считая дѣло слишкомъ важнымъ, сѣлъ верхомъ, опередилъ адъютанта, проскакалъ одинъ, безъ трубача, черезъ непріятельскіе посты, сказалъ привѣтствіе Себастіани и, не ожидая его отвѣта, скомандовалъ нашимъ двумъ эскадронамъ: «По три направо заѣзжай!» и вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи, и съ ними вмѣстѣ освободилъ еще множество подъѣхавшихъ изъ Москвы экипажей. Итакъ, сдачи Москвы не было. По международному праву сдача происходитъ на положительныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ и соглашеніяхъ. Милорадовичъ просто сказалъ Мюрату: «Истреблю Москву и погибну сражаясь, если вы будете препятствовать моему отступленію». Это—не условіе, не соглашеніе, но угроза; слѣдовательно, Москва не была сдана.

Выказанное Милорадовичемъ присутствіе духа принесло неоцѣнимую пользу арміи и московскимъ жителямъ. Оно сохранило громадное число частнаго и казеннаго имущества, которое могло достаться во власть непріятеля, и дало намъ нѣсколько часовъ безцѣннаго времени для свободнаго выхода изъ Москвы арміи, арріергарда

*) Здравствуйте, дорогой Милорадовичъ.
**) Теперь не тѣ хорошіе дни, что были въ Бухарестѣ.

и обывателей столицы. Положимъ, что нашелся-бы другой генералъ съ равными достоинствами, но Милорадовичъ имѣлъ передъ всѣми значительное преимущество. Имя его, извѣстное Европѣ съ италійскаго похода, было уважаемо непріятелемъ, и это обстоятельство во многомъ способствовало успѣшнымъ дѣйствіямъ его при отступленіи изъ Москвы, во время котораго онъ распоряжался, подчиняясь только своей природной отвагѣ. Онъ былъ на войнѣ всегда таковъ, какимъ описанъ здѣсь, а въ мирное время, безпечный, расточительный, затруднялся только въ одномъ—изобрѣтеніи наслажденій. «Если кто хочетъ быть съ вами въ дѣлѣ», сказалъ ему Ермоловъ, «тому нужно имѣть двѣ жизни: одну свою, а другую въ запасѣ».

Когда Милорадовичъ шелъ къ Коломенской заставѣ, Винцингероде выступалъ на Владимірскую дорогу, обходя вокругъ сѣверныхъ предмѣстій Москвы. Къ нему примкнули лейбъ-казачій и Изюмскій гусарскій полки. Находясь у Милорадовича, они были посланы для обозрѣнія непріятеля на правое крыло и потомъ, отрѣзанные отъ арріергарда, не могли болѣе присоединиться къ нему. Винцингероде сталъ сперва близъ Ярославской дороги, потомъ поворотилъ къ Клину и вышелъ при селѣ Пешковскомъ на Петербургскую дорогу, оставивъ на Ярославской казачій полкъ, съ приказаніемъ сохранять сообщенія влѣво съ арміею и вправо съ отрядомъ. Въ обязанность полкового казачьяго командира было также вмѣнено доносить обо всѣхъ происшествіяхъ прямо въ Ярославль находившейся тамъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Въ Москвѣ оставлено русскихъ и иностранныхъ пушекъ 156, болѣе 80,000 ружей, карабиновъ, штуцеровъ, пистолетовъ, въ томъ числѣ половина негодныхъ, около 60,000 холоднаго оружія, 20,000 пудовъ пороха, 27,000 ядеръ, гранатъ, бомбъ, брандскугелей. Причина, почему артиллерійское депо не было заблаговременно вывезено, заключалась въ безпрерывномъ удовлетвореніи поступавшихъ ежедневно изъ арміи требованій оружія и пороха, въ общей увѣренности относительно безопасности Москвы и въ убѣжденіи о неминуемомъ сраженіи подъ ея стѣнами. Правда, было велѣно уложить и приготовить къ отправленію артиллерійское депо, но вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно получались приказанія объ отпускѣ въ армію снарядовъ. Въ исходѣ августа, 175 пушекъ было отправлено въ Нижній-Новгородъ, но въ то время, когда ихъ отсылали, привозили въ Москву новыя орудія изъ Кіева и Брянска. Для поднятія всего депо, заключавшаго въ себѣ 161,888 пудовъ вѣса, надобно было 6,457 подводъ, или 18 барокъ. Въ пріисканіи тѣхъ и другихъ встрѣчались затрудненія. То подводы, назначенныя для депо, назначались подъ свозъ раненыхъ, то барки оказывались ненадежными и безъ палубъ, то не было лоцмановъ. Время проходило въ перепискѣ разныхъ начальствъ, а, между тѣмъ, опредѣлительно не знали: отсылать-ли депо, или оставаться ему въ Москвѣ для ожидаемаго всѣми съ часа на часъ сраженія. Часть пороха и свинца была уже погружена на 8-ми баркахъ, отправленныхъ съ коммиссаріатскими вещами, также сложенными на суда. Передовыя барки остановились вслѣдствіе слишкомъ большого груза. Спасти ихъ отъ непріятеля не было возможности, и, по приказанію князя Кутузова, онѣ были сожжены или потоплены. Запасы и снаряды, не положенные на барки, сгорѣли въ пожарѣ, расхищены непріятелемъ или нашими потоплены передъ самымъ вступленіемъ фран-

пузовъ въ Москву. Вообще потеря московскаго артиллерійскаго вѣдомства состояла въ 2.170,820, а коммиссаріатскаго въ 2.676,896 рублей.

Также остались въ Москвѣ невывезенными 608 старинныхъ русскихъ и 453 турецкихъ и польскихъ знаменъ, и болѣе 1.000 старинныхъ штандартовъ, значковъ, булавъ и другихъ военныхъ доспѣховъ; почти всѣ они сгорѣли. Съ начала войны свозили раненыхъ въ большомъ количествѣ съ разныхъ полей сраженій въ Москву, какъ въ безопасное мѣсто, гдѣ они могли имѣть пріютъ и помощь. По сближеніи армій къ Москвѣ, раненыхъ отправляли внутрь имперіи, но все-таки ихъ накопилось въ послѣднее время до непріятельскаго нашествія 31,000. Недостатокъ въ подводахъ увеличивался; ближніе уѣзды пустѣли, истощались чрезвычайными нарядами разнаго рода. Не взирая на всѣ усилія гражданскаго начальства, оно было принуждено покинуть въ Москвѣ до 10,000 раненыхъ; весьма немногіе изъ нихъ спаслись отъ огня, голода и свирѣпости непріятелей. Числа жителей, бывшихъ въ Москвѣ при нашествіи непріятеля, достовѣрно знать нельзя. На запросъ, сдѣланный по этому предмету княземъ Кутузовымъ графу Ростопчину, послѣдній отвѣчалъ, что 2-го сентября находилось въ Москвѣ приблизительно до 10,000 обывателей. Большая часть ихъ старалась уходить во время занятія Москвы французами, такъ что въ октябрѣ, при выступленіи непріятеля, было въ столицѣ не болѣе 3.000 человѣкъ. Если не совершенно все было вывезено изъ Москвы, то потому, что всю Москву нельзя было вывезти въ одинъ мѣсяцъ. Когда одноглавый орелъ на короткое мгновеніе вознесся надъ осиротѣлымъ Кремлемъ, Москва походила на безжизненный трупъ; однако-же, въ ней оставались драгоцѣннѣйшія изъ сокровищъ: церкви Божіи, гробы святителей, прахъ царей.

V.

Французы въ сердцѣ Россіи.

Когда по выѣздѣ изъ Москвы князь Кутузовъ стоялъ у Коломенской заставы, Наполеонъ былъ у Дорогомиловской, гдѣ онъ долго и сначала въ спокойномъ расположеніи духа ходилъ взадъ и впередъ, ожидая депутатовъ изъ Москвы, съ мольбою о пощадѣ и городскими ключами. Передъ нимъ лежалъ на травѣ большой планъ Москвы. Не видя появленія депутатовъ, Наполеонъ неоднократно посылалъ узнавать о происходившемъ въ столицѣ и причинахъ, замедлявшихъ прибытіе къ нему московскихъ властей. Отправленные въ городъ офицеры, большею частью поляки, останавливали всѣхъ, кого встрѣчали спрашивая: «Гдѣ начальство? Гдѣ губернаторъ, комендантъ?» Но никто не могъ дать имъ удовлетворительный отвѣтъ. Напрасно блуждали они по безчисленнымъ улицамъ, не смѣя возвратиться къ своему повелителю не исполнивъ его воли. Наконецъ, Наполеонъ приказалъ государственному секретарю Дарю ѣхать въ Москву и сказалъ ему: «Приведите ко мнѣ бояръ». Легко представить себѣ, съ какимъ успѣхомъ Дарю исполнилъ данное ему порученіе отыскать бояръ! Безпрерывно возрастало смущеніе Наполеона, избалованнаго пышными встрѣчами въ европейскихъ столицахъ, волнуемаго памятью о прежнихъ тріумфахъ. Шаги его становились неровны; онъ оглядывался въ разныя стороны, снималъ перчатки и надѣвалъ ихъ, вынималъ изъ кармана платокъ, мялъ его и по ошибкѣ клалъ въ другой карманъ. Болѣе часа

представлялъ онъ собою человѣка, у котораго вдругъ исчезаетъ, призракъ, очаровывавшій его, наполнявшій его воображеніе самыми обольстительными мечтами. Овладѣвшее Наполеономъ недоумѣніе распространилось и на окружавшихъ его. Они стояли въ молчаніи, ожидая развязки необыкновеннаго и для всѣхъ тѣмъ болѣе неожиданнаго случая, что распоряженія къ торжественному вступленію въ Москву были сдѣланы еще съ утра. Маршалъ Мортье былъ назначенъ губернаторомъ столицы, генералъ Дюронель—комендантомъ, бывшій прежде въ Россіи французскимъ консуломъ Лессепсъ—интендантомъ, или правителемъ Московской губерніи. Для того, чтобы воспрепятствовать своимъ голоднымъ солдатамъ грабить, Наполеонъ велѣлъ двумъ коннымъ бригадамъ протянуть цѣпь вдоль рѣки Москвы и никого не впускать въ городъ; Понятовскому—остановиться съ корпусомъ у Калужской заставы, вице-королю—у Прѣсненской и Тверской. Гвардія и корпусы Нея и Даву, прибывъ къ Дорогомиловской заставѣ, готовились къ церемоніальному маршу, чистились и одѣвались во всю парадную форму. Была напечатана слѣдующая прокламація, для обнародованія по вступленіи въ Москву:

«Войска е. в. императора и короля (то есть, Бонапарта) заняли Москву. Жителямъ приказывается: 1) донести коменданту Дюронелю о всѣхъ находящихся у нихъ русскихъ военныхъ, раненыхъ и здоровыхъ; 2) въ теченіе сутокъ объявить объ имѣющихся у нихъ казенномъ имуществѣ, хлѣбѣ и винѣ; 3) представить коменданту всякаго рода оружіе, огнестрѣльное и холодное, какое у нихъ сохранилось. Мирные жители Москвы могутъ быть безъ всякаго опасенія на счетъ своей собственности и безопасности лицъ, если они свято будутъ сообразоваться съ содержаніемъ настоящей прокламаціи».

Это объявленіе было оставлено подъ сукномъ, такъ какъ не для кого было его обнародовать. Напрасны были приготовленія къ церемоніальному маршу, прокламація, ожиданіе Наполеона быть встрѣченнымъ съ покорностью первенствующими чинами и принять отъ нихъ ключи столицы. Москва не пошла къ нему на поклонъ. Мюратъ уже неоднократно доносилъ изъ авангарда, что онъ никого не встрѣчаетъ въ городѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ возвратились и посланные Наполеономъ офицеры, ведя съ собою нѣсколько жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ. Депутація, которая должна была представлять московскія власти, состояла изъ десятка губернеровъ и промышленниковъ; въ числѣ ихъ былъ книгопродавецъ. Къ нему Наполеонъ обратился съ вопросами. «Кто вы?»—«Французъ, поселившійся въ Москвѣ».—«Слѣдовательно, мой подданный. Гдѣ Сенатъ?»—«Выѣхалъ». «Губернаторъ?»—«Выѣхалъ».—«Гдѣ народъ?»—«Нѣтъ его».—«Кто-же здѣсь?»—«Никого».—«Быть не можетъ!» возразилъ Наполеонъ.—«Клянусь вамъ честью», было ему отвѣтомъ.—«Молчи», сказалъ Наполеонъ и кончилъ разговоръ. Какъ на высотахъ Бельвиля и Монмартра съ быстротою молніи разнеслась въ нашихъ рядахъ вѣсть, что Парижъ покоряется Александру и французы просятъ пощады, такъ во мгновеніе ока распространилось въ непріятельской арміи извѣстіе, что въ Москвѣ нѣтъ ни жителей, ни властей. Неожиданность дѣла поразила французовъ громовымъ ударомъ. Рушились побѣдныя грезы, смолкла общая радость и обратилась въ уныніе, а потомъ въ ропотъ, повлекшій за собою ослушаніе, своевольство, грабежъ. Съ негодованіемъ

выслушавъ приведенныхъ къ нему изъ Москвы иностранцевъ, Наполеонъ отвернулся отъ нихъ, велѣлъ подвести себѣ лошадь, скомандовалъ близъ стоявшимъ войскамъ «впередъ!» и въ головѣ конницы въѣхалъ въ Москву. Миновавъ Новинскую часть и приблизясь къ берегу рѣки Москвы, онъ остановился на правой сторонѣ улицы, на береговомъ косогорѣ, и сошелъ съ лошади. Въ Дорогомиловской слободѣ, по всѣмъ проулкамъ, разставили караулы съ пушками. Скоро въ Замоскворѣчьѣ, въ четырехъ мѣстахъ, показался дымъ; потомъ поднялось пламя, предвѣстникъ пожара, не имѣющаго въ лѣтописяхъ міра подобнаго себѣ. Наполеонъ расположился на ночлегъ въ обывательскомъ домѣ, въ Дорогомиловской ямской слободѣ, гдѣ жителей, кромѣ четырехъ дворниковъ, никого не было.

Между тѣмъ, Мортье съ частью гвардіи занялъ Кремль и дѣлалъ приготовленія къ пріѣзду Наполеона, принимая также всѣ мѣры предосторожности для его безопаснаго пребыванія тамъ. Весь народъ до послѣдняго русскаго былъ выгнанъ изъ Кремля. Нѣсколько проживавшихъ въ Москвѣ французскихъ бродягъ увѣрили придворныхъ и гвардейцевъ Наполеона, что въ Кремлѣ зарыта большая часть церковныхъ сокровищъ, которыя наше правительство будто-бы не успѣло вывезти. Тотчасъ французы кинулись отыскивать богатства, обшаривать дворцы, подвалы, чердаки. Не находя добычи, они начали допрашивать оставшихся во дворцѣ сторожей. Несчастные были мучимы побоями и сажаемы скованные подъ стражу за то, что не хотѣли показать, гдѣ зарыты мнимыя сокровища. Одинъ полякъ, не зная, какъ утолить свое мщеніе къ русскимъ, рвалъ бархатъ съ царскаго трона. Отыскали типографію, наскоро напечатали на французскомъ и польскомъ языкахъ объявленіе и отправили его съ курьерами во всѣ концы подвластныхъ Наполеону странъ. Оно было слѣдующаго содержанія: «Большое сраженіе 7-го числа поставило русскихъ въ невозможность защищать Москву, и они оставили столицу. Теперь половина четвертаго. Побѣдоносная армія только что вступила въ столицу, куда его величество императоръ Наполеонъ прибылъ сію минуту съ своею главною квартирою».

До наступленія темноты, въ городѣ сохранялся нѣкоторый видъ порядка. Жители не показывались на улицахъ и прятались въ домахъ; французы бродили, сами не зная куда. Но, когда настала ночь, насилія распространились повсемѣстно. Войска входили въ разныя заставы, безъ вожатыхъ и квартирьеровъ. Генералы и офицеры оставляли команды, выбирая сами себѣ помѣщеніе. Цѣлые полки произвольно занимали нѣсколько домовъ, другіе становились биваками на улицахъ. Изнуренные недостаткомъ пищи и усталостью, непріятели врывались въ дома и, утоливъ голодъ и жажду, предавались всѣмъ порывамъ необузданныхъ страстей. Офицеры подавали примѣръ своимъ подчиненнымъ; многіе жители, не успѣвшіе выйти изъ Москвы днемъ, пробирались ночью къ заставамъ. Непріятель останавливалъ ихъ, отбиралъ пожитки, обувь, хлѣбъ. Ночью запылалъ Москотильный рядъ, и въ Китаѣ-Городѣ распространился пожаръ, послужившій для непріятельскихъ войскъ сигналомъ къ тому, чтобы пуститься на грабежъ всей Москвы.

Переночевавъ въ ямской и не дождавшись тамъ депутаціи, на другой день, 3-го сентября, поутру въ 11-мъ часу, Наполеонъ поѣхалъ въ городъ. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Единственныя

лица, которыя онъ видѣлъ на этой большой улицѣ, мелькнули въ окнѣ Арбатской аптеки, это были: содержатель аптеки съ семьею и раненый французскій генералъ, поставленный къ нимъ наканунѣ постоемъ. Окинувъ ихъ быстро глазами, Наполеонъ продолжалъ путь. Онъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди, на разстояніи ста саженей, ѣхали два эскадрона конной гвардіи. Свита Наполеона была многочисленна; посреди ея находились трое русскихъ плѣнныхъ: лекарь Черниговскаго пѣхотнаго полка Рудзинскій, чиновникъ министерства финансовъ Корбелецкій и ратникъ московскаго ополченія. Плѣнные разсказываютъ, что на лицѣ Наполеона изображалось негодованіе. Оно возростало отъ видѣнныхъ имъ вдали по обѣимъ сторонамъ Арбатской улицы пожаровъ. Сдѣлавъ несмѣтныя приготовленія къ войнѣ, Наполеонъ вгнѣздилъ въ голову одну только мысль: «Войду въ Москву во что-бы то ни стало, буду въ Москвѣ!» и единственно для того, чтобы, очутившись въ Москвѣ, на первомъ шагу раскаиваться, зачѣмъ онъ къ ней устремлялся! Наполеонъ сошелъ съ лошади въ Кремлѣ и, посмотрѣвъ на его стѣны, сказалъ: «Вотъ гордыя стѣны!» Едва Наполеонъ вступилъ въ чертоги нашихъ царей, запылали Гостинный дворъ и Каретный рядъ.

Къ вечеру оказавшійся въ разныхъ мѣстахъ огонь при поднявшемся вдругъ порывистомъ вѣтрѣ соединился въ одинъ огромный, неизмѣримый пожаръ. Въ полночь вокругъ всего Кремля ничего не было видно, кромѣ извивавшагося въ воздухѣ подъ облаками пламени. Среди противоположной борьбы стихій, вѣтра съ огнемъ, всепожирающее пламя, сквозь черныя тучи клубящагося дыма, устремлялось на поглощеніе кремлевскаго дворца, оскверненнаго присутствіемъ пришлеца. Со вступленіемъ Наполеона въ Кремль, огонь сталъ еще болѣе ужаснымъ и истреблялъ все, что могло служить пищею или добычею врагамъ. Ночью съ 3-го на 4-е число пожаръ достигъ высочайшей степени и нарушилъ равновѣсіе атмосферы. Разсвирѣпѣвшій вихрь носилъ во всѣ стороны горящія головни и пламя. Огонь переходилъ съ церквей на дома, съ домовъ на церкви. Буря и огонь срывали кресты съ храмовъ Божіихъ. Растопленные металлы текли по улицамъ, какъ лава. На рѣкѣ Москвѣ горѣли мосты и суда. Гибли сокровища наукъ и художествъ, запасы торговли и промышленности, памятники искусствъ и предметы роскоши, горѣли общественныя зданія, древнія палаты царей, патріарховъ, святителей, разрушались жилища мирныхъ гражданъ, пылали храмы Господни! Памятники минувшихъ вѣковъ и произведенія новѣйшихъ временъ, гробы праотцовъ и колыбели настоящаго поколѣнія—все было пожираемо огнемъ; неприкосновенными остались только государственныя честь и свобода! Непріятели и русскіе, очевидцы пожара, уподобляли Москву огненному морю, вздымаемому бушующими вѣтрами. Яркій свѣтъ, разливавшійся въ окна дворца, неоднократно прерывалъ сонъ Наполеона. Онъ выходилъ на балконъ смотрѣть на сверкавшія волны. Пораженный зрѣлищемъ столицы, тонувшей въ огнѣ, онъ взывалъ: «Москвы нѣтъ болѣе! я лишился награды, обѣщанной войскамъ! Русскіе сами зажигаютъ!.. Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди? Это—скиѳы!» Вся непріятельская армія раздѣляла изумленіе своего вождя.

Палящій жаръ согналъ Наполеона съ балкона, онъ не могъ даже стоять у оконъ: стекла трещали и лопались. Головни начали падать на Кремль; нѣсколько разъ загорался арсеналъ. Лично для Наполеона опасность ежеминутно увеличивалась, тѣмъ болѣе, что патронные ящики гвардейской артиллеріи, расположенные на кремлевскихъ площадяхъ, были подвержены взрывамъ. Гвардія стала въ ружье. Бывшіе съ Наполеономъ вице-королъ и командовавшіе гвардіею Лефевръ и Бессьеръ упрашивали его выѣхать изъ Кремля за городъ. Онъ долго не соглашался и, наконецъ, приказалъ своему наперснику, Бертье, взойти на кремлевскую стѣну и ближе обозрѣть пожаръ. Отъ жестокихъ порывовъ вѣтра и накаленнаго воздуха, Бертье едва устоялъ на стѣнѣ и поспѣшно возвратился донести, что всѣ находившіеся въ Кремлѣ подвергаются неминуемой опасности сгорѣть живые. Выслушавъ его, Наполеонъ все еще не хотѣлъ выѣхать изъ Кремля, пока Бертье не убѣдилъ его въ необходимости удалиться, сказавъ: «Если Кутузовъ вознамѣрится аттаковать стоящее около Москвы войско, то ваше величество будете отрѣзаны отъ арміи огнемъ». Тогда только рѣшился Наполеонъ переѣхать въ Петровскій дворецъ. 4-го сентября, въ два часа пополудни, онъ отправился изъ Кремля, оставивъ тамъ для содержанія карауловъ батальонъ гвардіи. Онъ не могъ слѣдовать ближайшею дорогою, по Тверской, такъ какъ и эта часть города горѣла. Съ оглушающимъ трескомъ обрушивались кровли, падали стѣны, горѣвшія бревна и доски; въ разныя стороны летали желѣзные листы съ крышъ. Пламя крутилось въ воздухѣ надъ головою Наполеона; пылающія бревна и раскаленныя кучи кирпича преграждали ему дорогу. Онъ шелъ по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ. Видя невозможность бороться съ стихіею, онъ воротился и принужденъ былъ избрать другую дорогу. Вся окружавшая Наполеона толпа, перебираясь черезъ огненный лабиринтъ, добралась, наконецъ, до Арбатской части и Дорогомиловской ямской слободы, откуда поѣхала вправо, вверхъ по рѣкѣ Москвѣ, на пловучій мостъ при Хорошевѣ и потомъ мимо Ваганькова кладбища открытымъ полемъ.

Въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ жилъ четыре дня, а, между тѣмъ, несчастная Москва была центромъ позорныхъ неслыханныхъ злодѣйствъ. Съ прежнею лютостью свирѣпствовали пожары до 7-го сентября и начали утихать 8-го числа. Посреди пламени совершались разбои, душегубство, поруганіе церквей. Не были пощажены ни полъ, ни возрастъ, ни невинность, ни святыня. Грабежъ и пожаръ шли въ уровень. Въ непріятельской арміи исчезло повиновеніе; корысть соединяла генерала съ простымъ солдатомъ. Вооруженные мечемъ и ружьями, упоенные крѣпкими напитками и злобою непріятели бѣгали по длиннымъ улицамъ, пустырямъ и оскотѣвшимъ домамъ и стрѣляли въ зданія и окна, губили все тяжелое, уносили все драгоцѣнное и легкое. Обагренные кровью, съ ружьями въ рукахъ и махая обнаженными тесаками и саблями, они нападали на жителей, терзали ихъ, отнимали послѣднее достояніе, даже кресты, возлагаемые при крещеніи, цѣня въ нихъ только золото. Огнемъ, бурею, грабительствомъ разрозненные члены семействъ отыскивали и не находили другъ друга. Отцы и матери кидались въ пламя для спасенія погибавшихъ дѣтей, и сами сгорали. Жалостные

вопли ихъ замушались завываніемъ вихря и обрушивавшимися домами. Трепетавшіе отъ ужаса, изнемогавшіе отъ голода, ранъ, пламени, задыхавшіеся отъ дыма, осыпаемые искрами и головнями, жители спасались изъ одного мѣста въ другое, отыскивая пріютъ. Не находя пристанища подъ заревомъ раскаленнаго неба, москвичи, перенося одинаковую участь, встрѣчались тамъ, куда рѣдко, можетъ быть, никогда не заносили ихъ ноги. Солодовенные овины, погреба, подвалы были наполнены ими, но и въ этихъ убѣжищахъ только на короткое время они могли предостеречь себя отъ огня и меча непріятелей, страшась ихъ, какъ лютыхъ звѣрей. Во всякомъ другомъ положеніи жизни, какъ ни тягостно было-бы оно, можно найти облегченіе и отраду въ совѣтахъ, помощь и утѣшеніе ближнихъ, но наши соотечественники не имѣли и этого облегченія. Невозможно было найти его тамъ, гдѣ всѣ страдали. Непріятели, открывая сокровенныя убѣжища, вытаскивали оттуда русскихъ силою, водили ихъ внутрь пылавшаго города, по обгорѣлымъ домамъ и церквамъ, и заставляли показывать богатѣйшіе изъ нихъ. Дорожа уцѣлѣвшими отъ огня остатками цѣнныхъ вещей, съ не меньшею алчностью кидались они на продовольственные запасы, мучась смертельнымъ голодомъ. Послѣдній кусокъ хлѣба они вырывали у жителей, навьючивали ихъ рожью, мукою, овсомъ, картофелемъ, капустою, похищенными вещами, принуждая ихъ переносить тяжести съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ того, какъ дома дѣлались добычею пламени. Какъ животныхъ, впрягали они жителей въ повозки, сопровождая каждый шагъ ударами. Упадавшихъ подъ бременемъ ноши, израненыхъ, полумертвыхъ били, топтали ногами, таскали по землѣ, пока жертвы ихъ варварства не лишались чувствъ.

Повсюду раздавались стоны изнемогавшихъ отъ ранъ, вопли опозоренныхъ умиравшихъ женщинъ, въ храмахъ Божіихъ ржаніе коней, крикъ и проклятія разъяренныхъ грабителей, трескъ падавшихъ стѣнъ и желѣзныхъ листовъ, летѣвшихъ съ крышъ, стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. Между дымящимися бревнами, въ раскаленномъ пеплѣ лежали сожженныя части человѣческихъ труповъ и лошадей; кругомъ были развалины, а на нихъ кровавыя жертвы. Благочестивые, сѣдинами украшенные, священники въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, чѣмъ надѣялись воздержать изверговъ, падали при дверяхъ церквей отъ острія меча. По тѣламъ ихъ непріятели вбѣгали въ средину церквей, срывали, разметывали по полу и попирали ногами иконы, украшенія престоловъ. Конечно, отъ сотворенія міра, ни одинъ извергъ такъ не бѣшенствовалъ на землѣ, какъ Наполеоновы шайки въ Москвѣ. Конечно, во многія тысячелѣтія не было еще ни одного дня, въ который солнце было-бы свидѣтелемъ такихъ злодѣйствъ, ни одной ночи, мракъ которой сокрылъ столько преступленій. Не осталось закона нравственнаго и гражданскаго, ни одного обряда священнаго, надъ которымъ не поругались враги, преступленія, котораго не совершили, лютости, которой не привели въ дѣйствіе. Орды дикихъ возымѣли-бы болѣе чувства, нежели такъ называвшіеся просвѣщенные европейцы. Врываясь въ Россію, монголы и татары чтили храмы нашего Бога: рука азіатскаго языческаго воина рѣдко прикасалась къ святынѣ ихъ, но въ наше время мы видѣли христіанъ, грабившихъ, осквернявшихъ церкви Христовы.

Вопросъ о причинахъ московскаго пожара до сихъ поръ еще

не рѣшенъ окончательно. Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ отклонялъ отъ себя вину въ сожженіи столицы. То-же самое подтверждалъ онъ нѣсколько разъ на уединенной скалѣ острова Св. Елены, гдѣ медленно умиралъ, терзаемый воспоминаніями о потерянномъ величіи и грустнымъ сознаніемъ въ ничтожествѣ своихъ усилій противъ Россіи, виновницы его паденія. Книги, журналы, всѣ типографскіе станки, въ 1812-мъ году покорные Наполеону, провозгласили зажигателемъ русское правительство и орудіемъ его выставили графа Ростопчина. Наполеонъ и его клевреты говорили объ этой выдумкѣ съ такою увѣренностью, подобрали столько правдоподобныхъ доказательствъ, что никто не сомнѣвается въ ихъ вымышленныхъ показаніяхъ. Повѣрили еще и потому, что видѣли, какъ въ роковой борьбѣ съ Наполеономъ Россія не жалѣла ничего для своего спасенія, отъ котораго зависѣла участь Европы. У насъ, во время войны, слагали вину въ зажигательствѣ на непріятеля, но затѣмъ мнѣнія о московскомъ пожарѣ раздѣлились. Поэтому изслѣдуемъ происшествіе съ разныхъ сторонъ, послѣ чего не трудно будетъ вывести справедливое заключеніе и единожды на всегда опредѣлить истину.

Для того чтобы сжечь столичный городъ имперіи, нужно было имѣть главнокомандующему Москвы Высочайшее повелѣніе. Такого повелѣнія дано не было. Скажутъ, можетъ быть, что въ военныя соображенія князя Кутузова входило истребленіе столицы, и что, по званію главнокомандующаго арміею, облеченный во власть императорскаго величества, онъ уполномочилъ графа Ростопчина на пожаръ. Фельдмаршалъ не давалъ ему на то никакихъ приказаній и только по окончаніи совѣта въ Филяхъ увѣдомилъ его объ оставленіи Москвы безъ боя. До какой степени сохраненіе Москвы озабочивало князя Кутузова, видно изъ донесенія его государю, гдѣ онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его не принять сраженія близъ Поклонной горы, было опасеніе, что «въ случаѣ неудачи послѣдовало-бы кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепелъ самой Москвы». Остается третье предложеніе, что Ростопчинъ самопроизвольно зажегъ городъ. Одаренный пылкимъ, отважнымъ духомъ, онъ былъ способенъ на такой отчаянный поступокъ; однако-же, онъ не привелъ его въ дѣйствіе. Надежда на сраженіе, въ которомъ увѣряли его сперва Барклай-де-Толли, отъ Витебска до Царева-Займища, и потомъ князь Кутузовъ, до вечера 1-го сентября, была достаточною причиною къ сохраненію столицы, чтобы не лишить русскую армію всѣхъ источниковъ пособій, какія представлялъ богатый городъ, находившійся въ тылу ея. До вечера 1-го сентября не могло входить въ расчетъ и было противно нашимъ выгодамъ истреблять Москву, а потому не было сдѣлано приготовленій къ пожару, который не нанесъ-бы вреда и самому непріятелю, такъ какъ не лишилъ-бы его средствъ для помѣщенія и продовольствія. Сжечь Москву совсѣмъ, дотла, было невозможно. Какихъ-бы размѣровъ и силы ни предположить пожаръ, все-таки еще осталось-бы довольно казенныхъ зданій и частныхъ домовъ, гдѣ могъ помѣститься непріятель. Жизненные припасы, находившіеся въ Москвѣ, были незначительны. Москва въ то время получала припасы по зимнему пути и весною на судахъ съ открытія навигаціи до сентября, а потомъ на плотахъ до зимы. Но война началась въ іюнѣ, и Наполеонъ занялъ Смоленскъ 7-го августа. Всѣ

подвозы въ Москву отъ того остановились. Не заботились уже о снабженіи припасами города, не имѣвшаго ни защиты, ни укрѣпленій, угрожаемаго непріятельскимъ вторженіемъ. Въ теченіе августа, большая часть муки, бывшей въ казенныхъ магазинахъ и въ лавкахъ хлѣбныхъ продавцовъ, была перепечена въ хлѣбы и сухари. 13 дней сряду, по 600 телѣгъ, нагруженныхъ сухарями, крупою и овсомъ, отправлялись каждое утро къ арміи, а потому не могла явиться мысль съ помощью пожаровъ лишить непріятеля продовольствія и средствъ къ помѣщенію. Наконецъ, если-бы предположеніе сжечь Москву и существовало, то даже и въ военномъ отношеніи было для насъ полезнѣе не приводить его въ исполненіе и тѣмъ удержать Наполеона нѣсколько времени въ уцѣлѣвшей Москвѣ, не заставляя его, чего также отъ пожара можно было ожидать, тотчасъ выступить съ пепелища и тѣмъ принудить князя Кутузова къ сраженію, выгоды котораго были тогда на сторонѣ непріятеля, такъ какъ въ то время Наполеонъ превосходилъ насъ силами. Слѣдующія два собственноручныя донесенія графа Ростопчина къ государю свидѣтельствуютъ, что не онъ былъ главнымъ виновникомъ пожара: 1) «Приказаніе князя Кутузова везти на Калужскую дорогу провіантъ было отдано 29-го августа. Это доказываетъ, что онъ тогда уже хотѣлъ оставить Москву. Я въ отчаяніи, что онъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе, потому что я, не бывъ въ состояніи удерживать города, зажегъ-бы его и лишилъ-бы Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и потомъ предать пламени. Я отнялъ-бы у французовъ и плодъ ихъ похода, и пепелъ столицы. Я заставилъ-бы ихъ думать, что они лишились великихъ сокровищъ, и тѣмъ доказалъ-бы имъ съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло». 2) «До 30-го августа князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1-го сентября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то-же самое мнѣ говорилъ, повторяя: «И въ улицахъ буду драться». Я оставилъ его въ часъ пополудни. Въ 8 часовъ онъ прислалъ мнѣ извѣстное письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ, для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Если-бы онъ мнѣ сказалъ это за два дня прежде, то я зажегъ-бы городъ, отправивши изъ него жителей».

Такимъ образомъ уничтожается обвиненіе въ умышленномъ и заранѣе придуманномъ зажженіи Москвы россійскимъ правительствомъ. Спрашивается: отчего-же произошелъ пожаръ? Получивъ, въ 8 часовъ вечера, 1-го сентября, отъ князя Кутузова извѣстіе объ его намѣреніи отступить отъ Москвы безъ сраженія, графъ Ростопчинъ велѣлъ разбивать бочки съ виномъ что дѣлалось всю ночь и на слѣдующее утро. Легко представить себѣ происходившій при подобномъ дѣлѣ безпорядокъ. Дѣло исполнялось по большей части въ ночномъ мракѣ и въ такое время, когда каждый, кто могъ, старался спасаться, а другіе обрекали себя на смерть, когда снимались караулы, улицы были загромождены обозами, уходили воинскія команды и полиція, и надъ Москвою горѣло зарево бивачныхъ огней. Сверхъ того, 2-го сентября, въ 5-ть часовъ утра, графъ Ростопчинъ приказалъ одному слѣдственному приставу отправиться на винный и мытный дворы, въ коммиссаріатъ и на неуспѣвшія къ выходу казенныя и партикулярныя барки у Краснаго Холма и Симонова монастыря и въ случаѣ вступленія непріятеля истреблять

все огнемъ. «Сіе приказаніе», доносилъ приставъ, «было мною исполняемо въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля до 10-ти часовъ вечера, а въ 11-мъ часу изъ-за Москворѣчья, переправясь верхомъ вплавь ниже Данилова монастыря, около двухъ часовъ по полуночи, соединился я съ нашимъ арріергардомъ». Князь Кутузовъ, съ своей стороны, узнавъ о невозможности спасти отъ непріятеля коммиссаріатскія барки, шедшія позади остановившихся за тяжестью груза артиллерійскихъ барокъ, приказалъ жечь и топить ихъ. Въ одно время загорѣлись аммуничныя вещи и полетѣли на воздухъ огнестрѣльные снаряды.

Таковы были причины первыхъ пожаровъ. Въ то-же время загорались дома и лавки, но уже не по чьему-либо приказанію, не по нарядамъ, но по патріотическимъ чувствамъ русскихъ или по врожденному въ нихъ свойству скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить, придерживаясь поговорки: «Не доставайся-же никому!» Русскіе дѣлежа не любятъ: не наше, такъ ничье. До плѣненія столицы думали, что съ нею сопряжена участь Россіи, но, когда Москва пала, говорили въ народѣ: «Пусть пропадетъ Москва, лишь-бы въ ней похоронить французовъ». Жалѣли не о сгорѣвшемъ, но хотѣли только не оставлять ничего злодѣямъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, многіе французскіе генералы и офицеры бросились въ Каретный рядъ, занимавшій цѣлую улицу. Они выбирали кареты, коляски, дрожки, брички и отмѣчали на нихъ свои имена. Хозяева въ тотъже вечеръ, по общему между собою согласію, не желая снабдить непріятеля экипажами, зажгли свои лавки. Еще до вторженія французовъ, купцы, мастеровые и люди простого народа, сходясь между собою, судили о предстоявшей грозѣ, о возможности непріятельскаго вторженія въ Москву, и обыкновенно говорили: «лучше все сжечь». Эти слова не принадлежатъ исключительно москвичамъ, но суть выраженіе духа истребленія, тогда общаго въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Вездѣ были приняты мѣры для сожженія казенныхъ запасовъ на случай приближенія непріятелей, а частные люди сами истребляли свое имущество. Во время отступленія армій, когда черезъ деревни проходили послѣднія войска арріергарда, крестьяне спрашивали: «Не пора-ли зажигать избы?» Всюду дѣйствовали одни и тѣ-же побужденія, съ тою разницею, что въ селеніяхъ и деревняхъ происходили пожары въ маломъ размѣрѣ, а въ Москвѣ разлился огонь въ огромномъ объемѣ.

Въ ночь съ 2-го на 3-е сентября загорѣлась зажженная русскими въ разныхъ концахъ Москва. Распространенію пожара способствовали французскіе зажигатели, что свидѣтельствуютъ русскіе, бывшіе тогда въ Москвѣ. Послушаемъ наиболѣе заслуживающихъ довѣрія изъ нихъ—начальника воспитательнаго дома, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тутолмина. Онъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны оставаться въ Москвѣ, съ малолѣтними воспитанниками, отправивъ заблаговременно въ Казань имѣвшихъ отъ роду болѣе 11-ти лѣтъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, французскій комендантъ Дюронель, по просьбѣ Тутолмина, поставилъ въ воспитательный домъ для охраны его 12 жандармовъ съ офицеромъ. Вскорѣ загорѣлась Москва. Тутолминъ употреблялъ всѣ усилія, стараясь предохранить отъ огня ввѣренное ему заведеніе, разставилъ воспитанниковъ и надзирателей, съ шайками и вѣни-

ками, чтобы гасить искры, сыпавшіяся, какъ снѣгъ, и заливать загоравшіяся мѣста. «Такимъ образомъ спасенъ домъ», доносилъ онъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, «но невозможно было спасти нашей аптеки, со всѣмъ строеніемъ и медикаментами, ибо, когда я и подчиненные мои, съ помощію пожарныхъ трубъ старались загасить огонь, тогда французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь. Наконецъ, нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ, оберегавшихъ меня, сжалившись надъ нашими трудами, сказали мнѣ: «Оставьте; приказано сжечь». Все обратилось въ пламя, и не было возможности спасти аптеку. Послѣ этого ужаснаго пожара я все еще оставался въ опасности, ибо не переставали ходить французскіе зажигатели около дома».

Съ первой ночи пустились на грабежъ толпы непріятелей, такъ какъ всѣмъ стоявшимъ близъ Москвы войскамъ Наполеона было разрѣшено грабить столицу. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, присоединились бродяги изъ русскихъ, оставшіеся въ Москвѣ, и, вѣроятно, вмѣстѣ съ непріятелями старались о распространеніи пожара, намѣреваясь съ большимъ удобствомъ грабить въ повсемѣстной тревогѣ. Тутъ напрасны были усилія нѣкоторыхъ французскихъ генераловъ погасить пожаръ, разрушавшій занимаемые ими дома. Они въ огонь, огонь за ними. Выводимыя ими для гашенія команды разбѣгались и приставали къ хищникамъ. Огнемъ и вихремъ заглушался голосъ начальниковъ, а иные изъ нихъ дѣлили съ солдатами награбленную добычу и сами ходили за нею. Скоро забушевали жестокіе вѣтры, которые во всѣ стороны разносили головни, дымъ, пламя; всякое средство, всякое усиліе рукъ человѣческихъ къ тушенію огня сдѣлались невозможными, и въ трое сутокъ сгорѣло 6,496 разнаго рода зданій.

Стараясь рѣшительно отклонить отъ себя нареканіе въ пожарѣ и особенно въ ужасныхъ его послѣдствіяхъ, Наполеонъ не удовольствовался однимъ отрицаніемъ. Попиравшій ногами всѣ права народовъ, по произволу срывавшій вѣнцы съ монарховъ, онъ захотѣлъ облечься въ законныя формы и учредилъ коммиссію для суда надъ 26 русскими, названными имъ зажигателями. Коммиссія состояла исключительно изъ французскихъ военныхъ. Ея опредѣленіе было слѣдующаго содержанія: «Коммиссія открыла засѣданіе чтеніемъ слѣдствія объ уликахъ и оправданіи подсудимыхъ. Потомъ представлено было 26-ть обвиненныхъ, не имѣвшихъ на себѣ оковъ. Коммиссія выслушала по-одиночкѣ показанія свидѣтелей и обвиненныхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, когда они зажигали дома. Принесли разныя вещи, употребленныя къ зажиганію: фитили, ракеты, фосфорные замки, сѣру и другіе составы, найденные частью при обвиненныхъ, а частью во многихъ домахъ, гдѣ они были нарочно подложены. Коммиссія удостовѣрилась, что россійское правительство, уже за 3 мѣсяца предвидя опасность, въ какую повергнуло себя начатіемъ войны, и невозможность препятствовать французской арміи вступить въ Москву, рѣшилось употребить для своей защиты необыкновенныя средства зажигательства и истребленія, отвергнутыя просвѣщенными народами. Съ этою цѣлью оно приняло предложеніе англійскаго доктора Шмита, называвшаго себя нѣмцемъ, по ремеслу механика и машиниста. Призванный въ Россію въ началѣ мая, послѣ нѣкоторыхъ тайныхъ переговоровъ съ начальствомъ онъ поселился въ селѣ Воронцовѣ, въ 6-ти верстахъ

отъ города по Калужской дорогѣ, куда поставили 160 человѣкъ пѣхоты и 12 драгуновъ, для охраненія тайныхъ дѣйствій Шмита и недопущенія къ нему любопытныхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ строилъ воздушный шаръ, необыкновенной величины, гдѣ должна была находиться истребительная машина, и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять по произволу. Около двухъ недѣль передъ вступленіемъ французской арміи въ Москву, было послано въ Воронцово 7 большихъ бочекъ пороха съ фейерверками. Доказано, что приготовленіе къ построенію шара только выдумано для сокрытія истины: въ Воронцовѣ ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ составленія фейерверковъ и зажигательныхъ машинъ, на что отпускались правительствомъ деньги.

«Послѣ сраженія при Можайскѣ, графъ Ростопчинъ, увѣренный въ скоромъ прибытіи французской арміи, рѣшился сжечь столицу всѣми средствами, находившимися въ его распоряженіи. Между разными объявленіями его къ жителямъ, замѣчательны слѣдующія: «Вооружитесь, чѣмъ-бы то ни было, особенно вилами; оружіе сіе тѣмъ болѣе способно противъ французовъ, что они не тяжелѣе соломеннаго снопа; если не побѣдимъ враговъ, то сожжемъ ихъ въ Москвѣ, когда они осмѣлятся войти въ столицу». Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, графъ Ростопчинъ, до своего отъѣзда, велѣлъ выпустить изъ тюрьмы до 800 преступниковъ. Свобода была дана имъ съ условіемъ поджечь городъ въ 24 часа послѣ вступленія французскихъ войскъ. Офицеры русской арміи и полицейскіе тайно получили приказъ остаться въ Москвѣ переодѣтыми, дать сигналъ къ пожару и распоряжаться имъ. Доказано, что графъ Ростопчинъ, чтобы отнять всѣ средства къ тушенію огня, приказалъ вывезти поутру 2/14 сентября всѣ пожарныя трубы, крючья, ведра. Разные зажигательные составы, особенно замки, или пузыри, наполненные фосфоромъ и обернутые въ холстину, обсыпанную сѣрою, которые были запрятаны въ домахъ, явно доказываютъ, что пожаръ произошелъ отъ намѣренія, принятаго заблаговременно. Фитили и ракеты, найденные у многихъ солдатъ и захваченныхъ людей разнаго званія открыли настоящихъ зачинщиковъ пожара. Большая часть ихъ, пойманные при самомъ преступленіи, тотчасъ, при первомъ движеніи негодованія, были разстрѣляны французскими патрулями или убиты на мѣстѣ жителями. Коммиссія, совѣщавшись при запертыхъ дверяхъ, въ присутствіи одного только императорскаго прокурора, приговорила 10 обвиненныхъ къ смертной казни, которая немедленно и приведена въ исполненіе, а остальныхъ 16 осудила на тюремное заключеніе».

Таковы дѣйствія коммиссіи. Обвинителями, доносчиками, свидѣтелями, судьями были французы, выдумавшіе обвиненіе для отстраненія отъ Наполеона нареканій въ бѣдствіяхъ Москвы. То было судилище раболѣпное, кровавое, а доводы его и заключенія о намѣреніи нашего правительства сжечь Москву посредствомъ шара и колодниковъ— не что иное, какъ сцѣпленіе вымысловъ и лжи. Неоспоримымъ тому доказательствомъ послужитъ слѣдующее изложеніе истинныхъ обстоятельствъ дѣла. 5-го мая 1812-го года, былъ посланъ въ Москву иностранецъ Леппихъ. Онъ взялся сдѣлать огромный шаръ, подняться съ нимъ на воздухъ съ 50-ю человѣками и спустить на непріятельскую армію два ящика, наполненные истребительными веществами. Работы

производились тайно. Нѣсколько мастеровъ пріѣхало съ изобрѣтателемъ; кузнецы и слесаря были высланы изъ Петербурга, чтобы не огласить предпріятія; Лешиху отвели домъ въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, на Калужской дорогѣ, приставили къ нему полицейскую команду и распространили слухъ, будто онъ дѣлаетъ земледѣльческія орудія для гражданскаго губернатора Обрѣскова. Однако-же, скоро узнали въ Москвѣ о постройкѣ шара, и тогда графъ Ростопчинъ напечаталъ слѣдующее объявленіе: «Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру, и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ—узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не вздумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели». Изобрѣтеніе казалось сначала удобоисполнимымъ до такой степени, что графъ Ростопчинъ писалъ государю: «Лешихъ уничтожилъ мои сомнѣнія. Когда шаръ будетъ готовъ, машинистъ хочетъ летѣть въ Вильну. Не улетитъ-ли онъ къ непріятелю? Я совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Лешихъ предлагаетъ мнѣ съ нимъ вмѣстѣ отправиться въ путь, но я не смѣю оставить моего мѣста безъ Высочайшаго разрѣшенія».

Два маленькихъ шара, назначенные для опыта, были готовы 13-го августа; большой надѣялись окончить 30-го того-же мѣсяца. На пробномъ шарѣ хотѣли пустить 5 человѣкъ, для чего назначили день и предупредили городъ печатнымъ объявленіемъ. Вскорѣ, однако-же, предпріятіе оказалось невозможнымъ. Вмѣсто назначенныхъ для приготовленія 6-ти часовъ, прошло 5 дней, и тогда, вмѣсто пяти человѣкъ, могли подняться только двое. Тутъ нашлись опять затрудненія: кончилось тѣмъ, что графъ Ростопчинъ сперва не имѣвшій сомнѣнія въ успѣхѣ, назвалъ Лешиха шарлатаномъ. 1-го сентября онъ отправилъ его въ Петербургъ, а шаръ, инструменты и другія снадобья, стоившіе 163,000 рублей, въ Нижній-Новгородъ. Второпяхъ не успѣли всего уложить. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ матеріалы, найденные непріятелями, послужили имъ предлогомъ къ вымыслу, будто шаръ готовили для сожженія Москвы. Можетъ показаться страннымъ: почему прибѣгали къ новому, опытомъ не доказанному, средству истребленія противъ враговъ? Для этого надобно мысленно перенестись въ тогдашнее время бурь и треволненій, когда вся Европа нахлынула на наше отечество и надъ нимъ висѣло иго, подобное ярму, нѣкогда наложенному на Россію татарами. Въ такихъ обстоятельствахъ явилось предложеніе нанести гибель врагамъ, которые уже не издали грозили, но дотрогивались до самаго сердца государства. Слѣдовательно, нужно было болѣе тому удивляться, если-бы подобное предложеніе было отринуто, нежели тому, что согласились испытать его. Почему намъ было не изобрѣтать необычайныхъ средствъ противъ нашествія, имѣвшаго цѣлью наложить на Россію оковы рабства? Адъ надобно было отражать адомъ.

Опредѣленіе кроваваго судилища о 800-хъ арестантахъ, будто-бы выпущенныхъ изъ тюрьмы для поджога, столь же несправедливо, какъ и заключеніе о шарѣ. Въ Москвѣ было 620 колодниковъ, Такое значительное число накопилось отъ того, что по мѣрѣ приближенія непріятельской арміи къ губерніямъ Витебской, Могилевской, Смоленской и Минской отправляли арестантовъ въ Москву. 31-го августа, всѣ они, кромѣ

двухъ, были отосланы изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. подъ конвоемъ 10-го полка ополченія. Изъ дѣлъ Нижегородскаго губернскаго правленія видно, что за исключеніемъ умершихъ и заболѣвшихъ дорогою, арестанты прибыли 23-го сентября къ мѣсту своего назначенія. Слѣдовательно, Москву жгли не колодники, потому что во время пожара они были на пути въ Нижній-Новгородъ.

Собственное сознаніе подсудимыхъ, будто имъ велѣно зажигать, было вымышлено французскою коммиссіею или сдѣлано подсудимыми изъ страха, чтобы избѣжать лютости враговъ. Во всякомъ случаѣ признаніе ложно, такъ какъ повелѣній къ поджогу дано не было. Что касается до ракетъ, фитилей, пузырей съ порохомъ, отысканныхъ въ домахъ и у подсудимыхъ, то зажигательныя вещества, если и въ самомъ дѣлѣ они были найдены французами, конечно, были взяты въ частныхъ заведеніяхъ, гдѣ приготовляются фейерверки для праздниковъ, даваемыхъ въ Москвѣ и за городомъ или на дачѣ, гдѣ строили шаръ. Увозъ пожарныхъ трубъ изъ Москвы которыхъ было 96, по 3 въ каждой части, не есть доказательство заблаговременно принятаго намѣренія предать городъ огню, но было обыкновенною тогда принятою мѣрою, на основаніи которой, при приближеніи непріятеля, отправлялись всѣ присутственныя мѣста, архивы, чиновники, казенныя суммы и имущества. Изъ этой общей мѣры не была изъята и московская полиція. Но если-бы трубы и остались на своихъ мѣстахъ, дѣйствіе ихъ не могло быть успѣшно въ городѣ, имѣвшемъ 50 верстъ въ окружности, зажигаемомъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ, и гдѣ, среди ужаснѣйшаго вихря, единовременно горѣло до 7000 зданій. Трубы имѣли-бы одинаковую участь съ домами; онѣ-бы сгорѣли.

Найдя лишь золу и уголь вмѣсто богатой, многолюдной, покорной ему Москвы, Наполеонъ осыпалъ русскихъ ругательствами, называлъ насъ въ бюллетеняхъ татарами, калмыками, варварами, не умѣющими защищать себя иначе, какъ сожигая собственные дома. За нимъ твердили французскіе писатели и журналисты о необходимости загнать русскихъ въ Азію, очистить отъ нихъ Европу. Предметомъ особенной злобы Наполеонъ избралъ графа Ростопчина. Всѣ поступки графа Ростопчина шли наперекоръ желаніямъ и надеждамъ Наполеона, потому что онъ всѣми силами способствовалъ къ опорожненію Москвы, сохраненію въ ней спокойствія, возженію въ сердцахъ народа не только ненависти, но и презрѣнія къ Наполеону. Тогда Наполеонъ уже сроднился съ мыслью, что столицы государствъ должны безпрекословно падать предъ нимъ; онъ даже привыкъ къ ненависти, вообще къ нему питаемой въ Европѣ, и пренебрегалъ ею; но для него ново было презрѣніе, распространяемое къ нему въ Россіи графомъ Ростопчинымъ. Такой обиды Наполеонъ не простилъ. Въ отмщеніе онъ выставлялъ графа Ростопчина зажигателемъ Москвы, стараясь явиться невиновнымъ предъ судомъ свѣта. Конечно, русскіе никому не уступятъ чести быть первыми виновниками московскаго пожара: этотъ подвигъ есть одно изъ драгоцѣнныхъ наслѣдій, какое нашъ вѣкъ передастъ будущимъ; но истиннымъ виновникомъ пожара и злополучія столицы останется Наполеонъ. Безъ его нашествія не сгорѣла-бы Москва, преданная имъ на расхищеніе. Потомство спрашиваетъ: почему Наполеонъ былъ безмолвнымъ, равнодушнымъ зрителемъ неистовствъ въ Москвѣ? Совершенныя въ Москвѣ злодѣянія нельзя приписать оставшимся въ ней русскимъ: число ихъ было

ничтожно въ сравненіи со ста тысячами непріятелей, изъ которыхъ рѣдкій не жегъ и не грабилъ. Потушить пожаръ, зажженный русскими, было не во власти Наполеона: укрощеніе пламени превосходило силы человѣческія; но въ четырехдневное пребываніе свое въ Петровскомъ дворцѣ, онъ рѣшительно не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы прекратить злодѣйства и обуздать свою армію, продолжавшую грабить до самаго того времени, когда она принуждена была со срамомъ бѣжать изъ Москвы. Зачѣмъ онъ распускалъ войска на грабежъ, не отправилъ ихъ за заставы, не запретилъ имъ всѣми мѣрами убѣжденій, строгости, угрозъ, отлучаться отъ знаменъ? Зачѣмъ преступнымъ послабленіемъ своевольству, буйнымъ страстямъ, душегубству онъ умножалъ до безконечности число зажигателей, разбойниковъ, святотатцевъ? Итакъ, не простымъ завоевателемъ, а убійцею показался Наполеонъ на стогнахъ московскихъ! На его память должны лечь кровавыя явленія, совершавшіяся на развалинахъ Москвы, и обременить его проклятіемъ вѣковъ.

VI.

Полученіе императоромъ Александромъ извѣстія о паденіи Москвы.

По оставленіи Москвы, весь слѣдующій день 3-го сентября, армія простояла въ лагерѣ при Панкахъ; Милорадовичъ съ арріергардомъ былъ при Вязовкѣ. 4-го числа армія отступила къ Боровскому перевозу, на правый берегъ рѣки Москвы; главная квартира была въ Кулаковѣ. Дорогою изъ Панковъ въ Кулаково, князь Кутузовъ остановился въ Жилинѣ, откуда представилъ государю донесеніе объ уступленіи Москвы. Прежде чѣмъ дошелъ его рапортъ, по Петербургу носилась уже молва о печальномъ событіи, но ей вѣрили мало, такъ какъ она начала распространяться черезъ недѣлю послѣ того, какъ узнали въ Петербургѣ о Бородинскомъ сраженіи и съ часу на часъ ждали извѣстія о новой битвѣ. Чего желаемъ, на то и надѣемся. Молва о паденіи Москвы распространилась въ Петербургѣ отъ одного пріѣхавшаго оттуда помѣщика. Его задержали, какъ разгласителя неблагопріятныхъ слуховъ, но вскорѣ показанія его подтвердились на самомъ дѣлѣ, и разразилось зловѣщее облако громовыми словами: «Москва взята!» Мертвое оцѣпенѣніе послѣдовало за этимъ ударомъ.

По окончаніи военнаго совѣта въ Филяхъ, князь Кутузовъ не донесъ государю тотчасъ-же, какъ слѣдовало, о своемъ намѣреніи уступить Москву безъ сраженія. Отъ его непостижимаго, тревожнаго молчанія нѣсколько времени продолжалось недоумѣніе императора. Весь Петербургъ говорилъ, что Наполеонъ въ Москвѣ, а государь не имѣлъ о томъ оффиціальнаго донесенія отъ главнокомандующаго. Наконецъ, его величество получилъ отъ графа Ростопчина слѣдующее письмо, которое пришло поздно, отправленное черезъ Ярославль:

«Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ

предковъ. Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего отечества!»

Письмо графа Ростопчина не объясняло двухъ самыхъ главныхъ обстоятельствъ: 1) по какимъ причинамъ князь Кутузовъ не сразился подъ Москвою и отступилъ? 2) зачѣмъ онъ направился на Рязань? Государь особенно безпокоился о послѣднемъ обстоятельствѣ, такъ какъ Рязанская дорога не была путемъ, который слѣдовало избрать въ военномъ отношеніи. Императоръ призвалъ къ себѣ генералъ-адъютанта князя Волконскаго и сказалъ ему: «Не понимаю, зачѣмъ фельдмаршалъ пошелъ на Рязанскую дорогу. Ему слѣдовало идти на Калужскую. Тотчасъ поѣзжай къ нему; узнай, что побудило его взять это направленіе; разспроси объ арміи и дальнѣйшихъ намѣреніяхъ его». Тутъ-же государь вручилъ ему слѣдующій рескриптъ для доставленія князю Кутузову:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

Съ 29-го августа не имѣю Я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ, отъ 1-го сентября получилъ Я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ Мое удивленіе. Я отправлю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ толь несчастной рѣшимости».

Самый рескриптъ этотъ свидѣтельствуетъ, что оставленіе Москвы не входило въ соображеніе императора.

На другой день, послѣ отъѣзда князя Волконскаго, 9-го сентября, въ 9 часовъ вечера, прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, отправленный княземъ Кутузовымъ съ давно ожидаемымъ донесеніемъ. Онъ ѣхалъ на Владиміръ и Ярославль, посреди многихъ тысячъ жителей, спасавшихся изъ Москвы и ея окрестностей. Мишо немедленно былъ представленъ государю, на Каменномъ Островѣ. По грустному виду посланнаго императоръ заключилъ, что привезенное имъ донесеніе было не радостное.—«Конечно, вы присланы съ печальными вѣстями?» были первыя слова монарха.—«По несчастію, весьма печальными. Москва нами оставлена»...—«Какъ!» прервалъ императоръ, «развѣ мы проиграли сраженіе или мою древнюю столицу отдали безъ боя?»—«Къ сожалѣнію», отвѣчалъ посланный, «окрестности Москвы не представили выгоднаго мѣстоположенія для сраженія съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, а потому главнокомандующій увѣренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армію. Погибель войскъ не могла спасти Москвы и должна была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь армія, получивъ всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ подкрѣпленія, встрѣченныя мною повсюду на дорогѣ, гдѣ я проѣзжалъ, въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія и заставить непріятеля раскаяться въ дерзкомъ вторженіи въ сердце Вашей имперіи!»—«Вошелъ-ли непріятель въ Москву?»—«Вошелъ, Государь, и теперь она уже превращена въ пепелъ; я оставилъ ее объятую пламенемъ». Слезы полились изъ глазъ монарха и затмили ихъ. «Боже мой!» сказалъ онъ, «что за несчастія!»—«Не огорчайтесь, Государь! Ваша армія ежедневно усиливается»... Прервавъ слова Мишо, императоръ сказалъ: «Изъ всего,

что съ нами сбывается, Я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, особенно отъ Меня. Я готовъ покориться волѣ Его, но скажите: что говорили войска, когда древнюю столицу мою оставили безъ выстрѣла? Не подѣйствовало-ли это на нравственность солдатъ? Не замѣтили-ль вы упадка въ духѣ?»—«Позволите-ли мнѣ, какъ солдату, говорить Вашему Величеству откровенно?»—«Я всегда требую искренности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину».—«Государь! признаюсь, я оставилъ армію, отъ князя Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ»...—«Что вы говорите? Отъ чего происходитъ страхъ? Ужели мои русскіе сокрушены несчастіемъ?»—«Нѣтъ, Ваше Величество, они только боятся, чтобъ Вы, по добротѣ Вашего сердца не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать вамъ храбростью своею и пожертвованіемъ жизни, какъ они вамъ преданы!».

Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ: «Вы облегчили Мое сердце; вы Меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите Моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ, гдѣ вы будете проѣзжать, что, если у Меня не останется ни одного солдата, Я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду Самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства Моей имперіи. Россія даетъ Мнѣ болѣе средствъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но, если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду Моему не царствовать болѣе на престолѣ Моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, Я отрощу Себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что Оно насъ не оставитъ». При этихъ словахъ императоръ началъ ходить по комнатѣ; лицо его раскраснѣлось. Возвращаясь скорыми шагами, онъ крѣпко сжалъ руку посланнаго и продолжалъ: «Не забудьте, что Я вамъ теперь говорю; можетъ быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или Я, Я или онъ—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ Меня».—«Государь!» отвѣчалъ Мишо, «Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы».—«Да исполнится предсказаніе ваше», сказалъ Александръ, «подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію».

Какъ въ зеркалѣ, отражаются въ этихъ словахъ чувства монарха, спасителя отечества. Велико было несчастіе Александра, но онъ сталъ выше злополучія. Объ его твердость, какъ волны моря о гранитную скалу, разбились надежды завоевателя, мечтавшаго покореніемъ Москвы поколебать россійскаго монарха. Безъ желѣзной воли Александра—не вступать ни въ какое соглашеніе съ Наполеономъ и биться съ нимъ до крайности, тщетны были-бы храбрость войскъ, самоотверженіе народа. Въ исполинскомъ подвигѣ, предпринятомъ Александромъ, судьба готовила ему тяжкія испытанія, но тѣмъ болѣе Россія должна быть вѣчно благодарна ему, что на пути къ великой цѣли онъ мужественно и твердо боролся съ превратностями счастья.

Донесеніе князя Кутузова, привезенное полковникомъ Мишо, было слѣдующее:

«Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей

стороны отъ 26-го августа сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ, по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того армія была приведена въ крайнее разстройство; 2-я армія весьма уже ослабѣла. Въ такомъ истощеніи силъ приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальномъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ-бы я съ надежностью принять непріятеля. Войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти; непріятель-же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли-бы послѣдствіемъ не только разрушеніе остатковъ арміи, но и кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ крайнѣ сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятелю войдти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ дворянинъ въ ней не остался.

«Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ войсками, которыя успѣлъ я спасти, дѣлаю я движеніе на Тульскую дорогу. Сіе приведетъ меня въ состояніе защищать городъ Тулу, гдѣ хранится важнѣйшій оружейный заводъ, и Брянокъ, въ которомъ столь-же важный литейный дворъ, и прикрываетъ мнѣ всѣ рессурсы, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленные. Всякое другое направленіе пресѣкло-бы мнѣ оные, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова, если-бы они показали большую дѣятельность на угроженіе праваго фланга непріятельскаго. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, но, не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операціи со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пересѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и, тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое-бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винцингероде предписано отъ меня держаться самому на Клинской или Тверской дорогѣ, имѣя, между тѣмъ, по Ярославской казачій полкъ, для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и, пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ, Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мишо объяснитъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе нашихъ дѣлъ».

Князь Кутузовъ въ этомъ донесеніи, имъ самимъ диктованномъ, излагаетъ неопровержимыя причины, побудившія его отказаться отъ сраженія подъ Москвою; какъ русскій, болѣетъ о Москвѣ, не пожелавъ сраженіемъ подвергнуть ее гибели и разрушенію; какъ подданный, осмѣливается утѣшать монарха, говоря, что потеря столицы не есть потеря отечества. Наконецъ, въ краткомъ очеркѣ, достойномъ великаго полководца, онъ представляетъ дальнѣйшія предположенія, совершенно оправдавшія впослѣдствіи предусмотрительность его и глубоко обдуманныя мысли. Не вѣрно только одно въ его донесеніи: вывозъ арсенала изъ Москвы; но въ тогдашней суматохѣ нельзя было знать князю Кутузову, все-ли успѣли спасти изъ казеннаго имущества.

О важномъ событіи, занятіи столицы непріятелемъ, императоръ повелѣлъ издать во всенародное извѣстіе слѣдующее объявленіе:

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ извѣщается, что непріятель сентября 3-го числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣлъ силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ, но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы, не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ, взятіемъ Москвы, была тщетная, и что поневолѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ нея силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ: изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частью храбрыми нашими войсками, частью побѣгами, болѣзнями и голодною смертью. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія, смѣлое или, лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться, но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска, и

народъ. Россія не привыкла покорствовать и не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И да не унываетъ никто: и въ такое-ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостью? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пересѣкать ему возвратный путь, и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и разхищенной отъ него Европы, служа поневолѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую-бы могла вырваться изъ подъ власти его, тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? При столь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится-ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ, терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ россійскую церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царства!»

Такъ говорилъ Александръ при паденіи Москвы. Мысль его, выраженная въ этомъ объявленіи, величіемъ своимъ совершенно уничтожала впечатлѣніе, какое Наполеонъ думалъ произвести въ Россіи и Европѣ вторженіемъ въ Москву. Занятіе непріятелемъ столицы послужило для государя только поводомъ возобновить передъ лицомъ вселенной обѣтъ «не заключать мира»; оно было новымъ случаемъ торжественно подтвердить ту великую истину, что Александръ велъ войну не за одну Россію, но за независимость всѣхъ державъ. Ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не имѣетъ въ хранилищахъ своихъ столь знаменитаго памятника. Трудно описать то чувство, съ какимъ въ арміи и во всей Россіи читали манифестъ. Истины, сильно начертанныя искуснымъ перомъ, врѣзывались въ сердца, увеличивали мужество, возбуждали Россію къ кровавому мщенію. Всѣ видѣли, что государь не унываетъ и увѣренъ въ спасеніи отечества и самой Европы. Каждый еще болѣе убѣдился, что въ смертной борьбѣ не могло быть средины, что Наполеону или намъ должно было погибнуть. Князь Кутузовъ приказалъ перевести объявленіе на французскій языкъ. Печатный переводъ былъ разосланъ на передовыя цѣпи, для распространенія его въ непріятельскихъ войскахъ. Изъ содержанія манифеста Наполеонъ долженъ былъ видѣть, что для поколеба-

нія императора Александра онъ напрасно вооружилъ весь западъ Европы, напрасно залилъ кровью и освѣтилъ пожарами пространство отъ Нѣмана до Оки. Москва пала, но, имѣя опору и помощь въ лицѣ своего императора, устояла Россія.

«Потеря Москвы жестока», писалъ собственноручно государь къ шведскому принцу, «но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, чѣмъ въ военномъ. По крайней мѣрѣ, она даетъ Мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство, какое могу представить ей, въ Моемъ постоянствѣ продолжать войну противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія ничтожны. Повторяю вашему королевскому высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ, болѣе нежели когда-либо, Я и народъ Мой рѣшились упорствовать и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели мириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ. Въ бѣшенствѣ, что не нашелъ въ Москвѣ сокровищъ, какихъ жаждалъ, мира, который надѣялся тамъ предписать, онъ сжегъ Мою прекрасную столицу, обращенную теперь въ пепелъ и развалины».

Тогда-же, отправляя въ Лондонъ своего посла, графа Ливена, государь сказалъ ему: «Я избралъ для твоего отъѣзда то время, когда французская армія заняла Москву, и тѣмъ лучше хочу подтвердить Мою непоколебимую рѣшимость продолжать войну, несмотря на такое важное событіе. Въ то мгновеніе, когда Наполеонъ находится въ Моемъ Кремлевскомъ кабинетѣ, Я посылаю тебя въ Лондонъ передать тамъ Мою крѣпкую рѣшимость: до тѣхъ поръ не заключать мира, пока не изгоню непріятеля за наши предѣлы, если даже, для достиженія этого Я долженъ буду удалиться за Казань».

Малосильный отрядъ Винцингероде, стоявшій между Клиномъ и Подсолнечною, былъ единственнымъ войскомъ, заслонявшимъ дорогу изъ Москвы въ Петербургъ. Оборона слабая! Въ подкрѣпленіе ей, тотчасъ по полученіи извѣстія о паденіи Москвы, государь велѣлъ: 1) Тверскому ополченію и находившимся въ Твери 8-ми рекрутскимъ батальонамъ быть подъ командою Винцингероде; офицерамъ и унтеръ-офицерамъ этихъ батальоновъ обучать тверское ополченіе; 2) генералъ-адъютанту Кутузову набрать съ ямовъ между Вышнимъ Волочкомъ и Москвою, съ каждаго, по 200 молодыхъ и способныхъ къ казачьей службѣ ямщиковъ, съ ихъ собственными лошадьми и пиками; 3) въ Новгородѣ составить, подъ начальствомъ генералъ-маіора Новака, корпусъ изъ 2-го морского и 2-хъ казачьихъ полковъ, части петербургскаго ополченія, еще не подошедшей къ графу Витгенштейну, одной роты конной артиллеріи и всего новгородскаго ополченія, за исключеніемъ 4.000 человѣкъ, выступившихъ къ графу Витгенштейну; 2-й морской полкъ назначенъ былъ учить ополченіе. Новгородскій корпусъ, точно также подчиненный Винцингероде, долженъ былъ, кромѣ Московской столбовой дороги, обезпечивать пути, ведущіе отъ Гжатска черезъ Зубцовъ и Ржевъ на Осташковъ. Для вооруженія этихъ новыхъ войскъ ожидали съ каждымъ днемъ выписанныхъ въ августѣ мѣсяцѣ изъ Англіи 50.000 ружей и 40,000 пудовъ пороха.

Распоряженія о войскахъ для прикрытія Петербурга подписаны государемъ 12 сентября, въ самыя тяжкія минуты войны, когда онъ зналъ только о занятіи непріятелемъ Москвы, но не былъ еще увѣ-

домленъ ни объ успѣхѣ бокового движенія, предпринимаемаго княземъ Кутузовымъ, ни о томъ, куда пойдетъ Наполеонъ. Императоръ вознамѣрился даже вооружить выходцевъ изъ губерній, занятыхъ непріятелемъ. Это обстоятельство живо изображаетъ пламенное желаніе нашего монарха извлекать отовсюду средства къ продолженію войны, изобрѣтать способы обороны.

Въ Петербургѣ принимались мѣры къ очищенію этой столицы, чтобы въ случаѣ нашествія непріятеля ничто не досталось во власть его. Руководствомъ къ выполненію всего, что нужно было для этой цѣли, служило указанное уже Высочайшее повелѣніе, данное графу Салтыкову изъ лагеря подъ Дриссою. Начальникамъ всѣхъ частей управленія велѣно было отсылать важнѣйшія дѣла. Тяжести назначалось перевозить сухимъ путемъ и водою. Для сухопутнаго отправленія приказано выставить по дорогѣ изъ Петербурга до Ярославля, на каждой станціи по 500 подводъ и столько-же имѣть въ совершенной готовности, для поставки по первому востребованію. На каждую лошадь казна уплачивала по 50 копѣекъ ежедневно. До какой степени наряды подводъ были огромны, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Когда новгородскому губернатору Сумарокову предписали собрать на дорогѣ къ Ярославлю по 1,000 подводъ на станціи, онъ отвѣтилъ, что невозможно исполнить повелѣніе, донося, что 15,000 подводъ находились уже въ разгонѣ, а 76,000 назначены были для перевозки запасовъ, рекрутовъ и воинскихъ тяжестей. Тогда на помощь Новгородской губерніи нарядили 3,000 подводъ изъ Вологодской и столько-же изъ Олонецкой. Для отправленія тяжестей водою, казна заключала контракты съ купцами, покупала и нанимала суда. Желая избѣжать накопленія судовъ въ столицѣ, ихъ ставили въ Шлиссельбургѣ, Рыбачьей слободѣ и другихъ мѣстахъ. Учебныя заведенія тронулись въ Свеаборгъ, дѣла присутственныхъ мѣстъ отправлены были къ пристани Крохинской, а оттуда назначались въ Бѣлозерскъ, куда были посланы архитекторъ и чиновники, съ порученіемъ заняться мѣрами къ устройству помѣщеній и пониженію цѣнъ на жизненные припасы.

Во избѣжаніе огласки и преждевременной тревоги нанимали суда сперва подъ предлогомъ доставки изъ Петербурга въ Лодейное поле матеріаловъ, для постройки тамъ военныхъ транспортовъ. Истина не могла быть долго скрыта. Частные люди послѣдовали примѣру правительства. Всѣ помышляли объ отъѣздѣ, заботились объ экипажахъ, покупали барки и всякаго рода лодки. Онѣ покрывали Неву и каналы и были готовы къ отплытію, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Если-бы Наполеонъ направился на Петербургъ, то нашелъ-бы его такимъ-же опустѣлымъ, какъ и Москву. Провидѣніе спасло сѣверную столицу, и мгновенное опасеніе за Петербургъ только дало государю поводъ возобновить обѣтъ не мириться съ Наполеономъ. Отъ повсемѣстныхъ приготовленій къ отправленію казеннаго и частнаго имуществъ возникли преувеличенные слухи объ опасности. Говорили, что французы то въ Твери, то въ Великихъ Лукахъ, что Наполеонъ, со всею арміею, въ полномъ движеніи на Петербургъ. Грозныя вѣсти, какъ привидѣнія, носились надъ головами. Никто не смѣлъ спросить другого; каждый боялся отвѣта. Тогда издано было, по Высочайшему повелѣнію, объявленіе, что мѣры къ очищенію столицы принимались только изъ предосторожности, а не по-

тому, чтобы Петербургу, дѣйствительно, угрожало нашествіе. Затѣм слѣдовалъ краткій обзоръ расположенія дѣйствующихъ армій, а в концѣ объявленія помѣщены слѣдующія достопамятныя слова: «На стоящее время не представляетъ никакой опасности; но мы погрѣшили-бы противъ Бога, если-бы съ несомнѣнною увѣренностью стал утверждать будущее, о которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда и искорененіе враговъ, не взирая на успѣхъ движенія ихъ внутр Россіи, на нашей сторонѣ, однако, въ самыхъ надежныхъ обстоя тельствахъ помышленіе о предосторожности не долженствуетъ наво дить ни страха, ни унынія. Мѣры сіи берутся въ безопасное врем и на тотъ одинъ конецъ, что, ежели-бы опасность—отъ чего да со хранитъ насъ Богъ!—стала угрожать сему городу, тогда правитель ство, извѣстя о томъ заблаговременно и имѣя уже всѣ тяжелыя вещ вывезенными, облегчило-бы жителямъ способы въ лучшемъ поряд кѣ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. Ибо положен единожды и твердо, съ чѣмъ, безъ сомнѣнія, каждый россіянинъ со гласенъ, что, какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаг оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствій, нежели по носнымъ миромъ предать Россію порабощенію».

Кронштадтъ начали приводить въ такое положеніе, чтобы он могъ защищаться зимою, если-бы непріятель къ зимнему времен вторгнулся въ Петербургъ. Балтійскій флотъ, по изъявленному на т желанію государя, на которое лондонскій дворъ согласился съ боль шою охотою, былъ посланъ зимовать въ англійскія гавани. Счита Петербургъ мѣстомъ не совсѣмъ безопаснымъ, велѣли ружья и по рохъ, выписанные изъ Англіи, отправить изъ Лондона въ Архан гельскъ. Всѣ многочисленныя формировавшіяся резервныя войск было велѣно, за недостаткомъ зеленаго сукна, одѣвать въ сѣрое. Об легчили правила въ наборѣ рекрутовъ. Допустили пріемъ людей имѣвшихъ 40 лѣтъ, но не моложе узаконеннаго возраста. Прини мали рекрутовъ, несмотря ни на какой ростъ и недостатокъ, лишь бы они отличались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Имѣли намѣреніе, ко торое, однако-же, не привели въ исполненіе, для удобнѣйшаго во оруженія войскъ и ополченій, учредить по губерніямъ заводы ору жейные, селитренные, литейные, сѣрные и пороховые. Желая сбе речь хлѣбъ для арміи, предлагали остановить винокуреніе на заво дахъ губерній Калужской, Тульской и Орловской.

Паденіе Москвы чрезвычайно затруднило быстрое сообщеніе Пе тербурга съ среднею и южною полосами Россіи. Нельзя было пре доставлять всѣхъ дѣлъ распоряженію губернскихъ начальствъ и по ручить одному князю Кутузову управленіе всѣми губерніями, ко торыя находились близъ театра войны или, будучи объявлены в военномъ положеніи, вышли изъ общей связи государственнаг управленія. Военныя заботы не дозволяли князю Кутузову зани маться дѣлами правительственными, а, между тѣмъ, необходимо был содѣйствіе послѣднихъ для успѣха воинскихъ предпріятій. Для со храненія въ этихъ губерніяхъ возможнаго единства въ мѣрахъ, твер даго и единообразнаго по всѣмъ частямъ направленія, рѣшили в время затрудненія въ сообщеніи Петербурга съ среднею полосо Россіи учредить, какъ можно ближе къ пребыванію фельдмаршала особенную коммиссію, снабдивъ ее достаточною властью, чтобы она «находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ княземъ Кутузовымъ

одѣйствовала въ точномъ, правильномъ и скоромъ исполненіи его ребованій и вмѣстѣ сохраняла въ губерніяхъ порядокъ и устройство, не истощая безъ нужды источниковъ государства, и тѣмъ доставила-бы правительству средства къ продолженію войны». Предлагали назвать коммиссію: «Отдѣленіемъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, временно при арміи учреждаемымъ». Она должна была состоять изъ 3-хъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго, доносить прямо императору о своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовать съ такою-же властью, какая указомъ 26-го марта предоставлена была комитету министровъ, то есть, въ отсутствіи государя, въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, приводить ихъ въ исполненіе подъ общею отвѣтственностью, и о томъ доносить немедленно его величеству. Всѣ губернскіе чиновники и присутственныя мѣста подчинялись этому отдѣленію сената. Министры должны были прикомандировать къ нему чиновниковъ своихъ вѣдомствъ. Дѣла назначалось раздѣлить между сенаторами, и, въ случаѣ разногласія, предсѣдателю исполнять то, что по своему убѣжденію онъ признаетъ за лучшее, хотя-бы оба другіе сенаторы были противнаго мнѣнія. Это предположеніе, утвержденное комитетомъ министровъ, облеченнымъ тогда особеннымъ довѣріемъ государя и куда поступали даже донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ, не состоялось, но и о немъ слѣдовало упомянуть, потому, что не должна оставаться не упомянутой ни одна мысль, проблеснувшая въ душѣ императора Александра для блага и цѣлости Россіи.

VII.

Движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую и отступленіе къ Тарутину.

По оставленіи Москвы, князь Кутузовъ отступилъ по Рязанской дорогѣ, намѣреваясь скрыть отъ Наполеона цѣль будущихъ своихъ дѣйствій и путь, на которомъ хотѣлъ поставить армію. Совершенный успѣхъ увѣнчалъ его предположенія. Наполеонъ былъ введенъ въ продолжительное заблужденіе на счетъ избраннаго нашею арміею направленія, а князь Кутузовъ успѣлъ безпрепятственно стать на Калужской дорогѣ. На другой день по выступленіи изъ Москвы, 3-го сентября, армія тронулась изъ Панковъ къ Боровскому перевозу. Милорадовичъ стоялъ еще въ Вязовкѣ. Объѣзжая переправу цѣпь, онъ увидѣлъ Мюрата, находившагося на французскихъ аванпостахъ. Сближаясь понемногу, они подъѣхали другъ къ другу. «Уступите мнѣ вашу позицію», сказалъ Мюратъ.—«Ваше величество», отвѣчалъ Милорадовичъ.—«Я здѣсь не король», прервалъ Мюратъ, «я просто генералъ».—«Итакъ, господинъ генералъ», продолжалъ Милорадовичъ, «извольте взять ее; я васъ встрѣчу. Полагая, что вы меня аттакуете, я приготовился къ прекрасному кавалерійскому дѣлу; у васъ конница славная; пусть сегодня рѣшится, чья лучше: ваша или моя? Мѣстоположеніе для кавалерійскаго сраженія выгодно; только совѣтую вамъ не аттаковать съ лѣвой стороны: тамъ болота». Милорадовичъ повелъ Мюрата на лѣвое крыло и показалъ ему топкія мѣста. Удивленный откровенностью Мюратъ не завязывалъ дѣла; Милорадовичъ къ вечеру отошелъ къ Панкамъ, откуда армія отступила наканунѣ къ Боровскому перевозу. На слѣдующее утро, находясь опять въ виду Милорадовича, Мюратъ прислалъ извѣстить

его о своемъ намѣреніи аттаковать черезъ четверть часа. Между тѣмъ они съѣхались на передовой цѣпи. «Къ чему проливать кровь?» сказалъ Мюратъ, «русская армія отступаетъ; арріергардъ вашъ долженъ соображаться съ ея движеніями; отойдите безъ боя».—«Не могу» отвѣчалъ Милорадовичъ, «и, если вамъ угодно поѣхать со мною, вы удостовѣритесь лично въ причинѣ моего отказа». Они поѣхали черезъ нашу цѣпь. Увидѣвъ себя посреди русскихъ, Мюратъ оробѣлъ и оглянулся на свою свиту, оставшуюся позади. «Не бойтесь ничего» сказалъ Милорадовичъ, «вы здѣсь безопасны.» Онъ послалъ за стоявшими въ отдаленіи адъютантами и ординарцами Мюрата, приглашая ихъ пріѣхать за нашу цѣпь, показалъ свою позицію Мюрату и по просьбѣ его уступилъ ему находившуюся впереди ея деревню, не имѣвши надобности удерживать ее. Послѣ Мюратъ хотѣлъ было ѣхать ближе къ нашему авангарду, но Милорадовичъ, указавъ ему на войска, сказалъ: «моимъ храбрымъ солдатамъ непріятно будетъ если они увидятъ насъ долго разговаривающихъ вмѣстѣ» и проводилъ Мюрата до французскихъ аванпостовъ.

Сдѣлавъ два перехода по Рязанской дорогѣ, князь Кутузовъ остановился на сутки у Боровскаго перевоза. Расчитывая, что этихъ двухъ маршей достаточно было для обмана непріятеля и убѣжденія его, что русскіе идутъ къ Коломнѣ, за Оку, князь Кутузовъ возна мѣрился двинуться на старую Калужскую дорогу, которая должна была служить основаніемъ его дѣйствій. Для прикрытія своего марша, онъ велѣлъ Милорадовичу пробыть еще день на Рязанской дорогѣ и потомъ произвести параллельное съ арміею боковое движеніе, оставивъ на прежде занимаемыхъ имъ мѣстахъ отрядъ, съ приказаніемъ дѣлать видъ, будто вся армія отступаетъ къ Рязани. 5-го сентября, передъ разсвѣтомъ, армія тронулась лѣвымъ крыломъ двумя колоннами, отъ Боровскаго перевоза къ Подольску, черезъ Жеребятово и Домодово, по проселочной дорогѣ, прикрытой справа рѣчкою Пахрою. Куда шли и зачѣмъ? Это, по повелѣнію князя Кутузова, сохранялось въ величайшей тайнѣ. Кромѣ корпусныхъ командировъ, никто не зналъ настоящаго направленія, и всѣ терялись въ догадкахъ о намѣреніяхъ свѣтлѣйшаго—такъ называли въ арміи князя Кутузова. Путь велъ мимо опустѣлыхъ селеній и господскихъ домовъ, гдѣ еще недавно обитали счастливыя семейства, не воображавшія, что война съ ея опустошеніями когда-либо коснется подмосковныхъ селъ ихъ. Часто встрѣчали мы спасшихся изъ столицы выходцевъ и каждаго спрашивали: давно-ли онъ изъ Москвы? Что дѣлается съ Москвою? Ихъ разсказы о происходившихъ въ Москвѣ ужасахъ, считались сперва преувеличенными, но послѣ удостовѣрились въ справедливости показаній, казавшихся сначала несбыточными злодѣйства непріятеля превышали всякое вѣроятіе.

Поздно вечеромъ 5-го числа, послѣ усиленнаго перехода, армія прибыла на Тульскую дорогу и расположилась у Подольска, при страшномъ заревѣ московскаго пожара, освѣщавшаго весь небосклонъ. Густыя облака, въ которыхъ отражалось пламя Москвы, текли, какъ потокъ лавы, по темной синевѣ неба. Два корпуса стали впереди Подольска, ближе къ Москвѣ, другіе позади города; главная квартира заняла деревню Кутузову. По прибытіи на Тульскую дорогу для всѣхъ стала понятна истинная причина бокового движенія. Первою заботою фельдмаршала было донести государю объ удач

номъ началѣ его маневра. «До сихъ поръ», писалъ онъ императору, «получаю я свѣдѣнія объ успѣхѣ моего фальшиваго движенія, ибо непріятель послѣдовалъ частями за казаками (то есть, за отрядомъ, оставленнымъ на Рязанской дорогѣ). Это даетъ мнѣ ту удобность, что армія, сдѣлавъ завтра фланговой-же маршъ въ 18 верстъ, на Калужскую дорогу и пославъ сильныя партіи на Можайскую, должна весьма озаботить тылъ непріятельскій. Симъ способомъ надѣюсь я, что непріятель будетъ искать мнѣ дать сраженіе, отъ котораго на выгодномъ мѣстоположеніи равныхъ успѣховъ, какъ и при Бородинѣ, я ожидаю». Разъѣзды доносили, что непріятель нигдѣ не показывался, а потому дана была арміи дневка. 7-го сентября мы продолжали движеніе изъ Подольска на старую Калужскую дорогу и вступили на нее у Красной Пахры, чѣмъ окончилось боковое движеніе вокругъ Москвы. Ставъ твердою ногою на Калужской дорогѣ, князь Кутузовъ имѣлъ возможность: 1) прикрыть южныя губерніи, изобиловавшія запасами; 2) угрожать путямъ непріятельскихъ дѣйствій отъ Москвы черезъ Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ; 3) пересѣкать отрядами растянутыя на чрезмѣрномъ пространствѣ сообщенія французовъ и 4) въ случаѣ отступленія Наполеона къ Смоленску предупреждать его по кратчайшей дорогѣ.

Когда армія совершала боковое движеніе, Милорадовичъ съ арріергардомъ, въ назначенное время, пошелъ тоже влѣво. Его маршъ направленъ былъ на перерѣзъ путей, лежащихъ изъ южныхъ губерній въ Москву и сосредоточивающихся въ ней, какъ въ общемъ центрѣ. На всѣхъ пересѣкаемыхъ имъ дорогахъ, Милорадовичъ оставлялъ отряды, съ приказаніемъ каждому изъ нихъ не слѣдовать уже за общимъ движеніемъ арміи, но, при появленіи непріятеля, отступать по той дорогѣ, на которой отрядъ былъ поставленъ. Посылаемыя Милорадовичемъ въ разныя стороны къ Москвѣ партіи не открывали непріятеля, исключая французскихъ бродягъ. На Рязанской дорогѣ онъ оставилъ полковника Ефремова, съ двумя казачьими полками. Мюратъ шелъ за ними до Бронницъ, въ увѣренности, что идетъ вслѣдъ за всею русскою арміею. Однако, только по прибытіи въ Бронницы онъ узналъ, что, вмѣсто главныхъ силъ князя Кутузова, имѣетъ передъ собою только два донскихъ полка. Невѣдѣніе Мюрата объ истинномъ направленіи князя Кутузова тревожило Наполеона. Въ ожиданіи вѣрныхъ извѣстій о мѣстѣ пребыванія русской арміи, онъ не трогалъ войскъ изъ окрестностей Москвы. Авангарды его находились отъ нея частью на разстояніи одного марша, частью только на половину перехода отъ столицы. Заблужденіе Мюрата и Наполеона на счетъ движеній нашихъ произошло отъ смятенія, въ которое ввергнулъ ихъ пожаръ Москвы, и отъ искусныхъ маневровъ князя Кутузова.

При нашемъ вступленіи на Калужскую дорогу, расположеніе непріятельскихъ войскъ было слѣдующее: гвардія въ Кремлѣ и ближнихъ кварталахъ; корпусъ Даву въ Новинской части, имѣя передовую цѣпь между дорогами Тульскою и Звенигородскою; вице-король въ Петровскомъ дворцѣ, а посты его на дорогахъ Звенигородской, Волоколамской, Петербургской, Дмитровской и Ярославской. Жюно стоялъ въ Можайскѣ; лѣвое крыло его простиралось до Рузы, правое до Верея; Ней былъ на Тульской и Рязанской дорогахъ. Онъ имѣлъ повелѣніе подкрѣплять Мюрата, который съ корпусомъ Понятовскаго,

двумя пѣхотными дивизіями и резервною кавалеріею долженъ былъ наблюдать за русскою арміею и, обманутый ея движеніями, шелъ къ Бронницамъ. Не видя изъ донесеній Мюрата, куда дѣвалась русская армія, Наполеонъ велѣлъ составить сборный корпусъ изъ пѣхоты и конницы, поручилъ его Бессьеру и приказалъ ему идти по старой Калужской дорогѣ до селенія Десны. Въ повелѣніи Бессьеру сказано: «Старайтесь развѣдать о маршѣ непріятеля, пока неаполитанскій король не найдетъ его слѣдовъ и не остановится на нихъ». Изъ переписки Наполеона съ Мюратомъ и Бессьеромъ видно, что онъ первоначально имѣлъ намѣреніе, по полученіи достовѣрныхъ извѣстій о направленіи князя Кутузова, лично выступить противъ него и оттѣснить нашу армію на нѣсколько маршей отъ Москвы. Догадки о дальнѣйшихъ предположеніяхъ князя Кутузова сильно тревожили непріятелей. Ни одинъ изъ французскихъ маршаловъ не былъ свободенъ отъ опасенія на счетъ его дальнѣйшихъ замысловъ. Наполеону нужно было употребить всѣ средства убѣжденія, чтобы успокоить своихъ сподвижниковъ и опровергнуть ихъ стратегическія и политическія заключенія. «Маршалы воображали видѣть повсюду Кутузова», говоритъ секретарь Наполеона, «особенно боялись они движенія его на Можайскъ, чѣмъ онъ отрѣзалъ-бы намъ Смоленскую дорогу». Бессьеръ, посланный къ Деснѣ, раздѣлялъ это мнѣніе. «Неудивительно», писалъ онъ, «что старикъ Кутузовъ, ускользнувъ отъ неаполитанскаго короля, теперь находится въ полномъ движеніи, стараясь со всею арміею стать на наши сообщенія». Для обезпеченія этихъ сообщеній Наполеонъ ввѣрилъ генералу Орнано всѣ команды, находившіяся между Москвою и Можайскомъ, и потомъ писалъ Бессьеру: «Вы въ центрѣ и должны наблюдать за тѣмъ, что происходитъ вправо у Орнано и влѣво у неаполитанскаго короля. Впрочемъ, весьма естественно, что Кутузовъ разослалъ по всѣмъ дорогамъ кавалерію для развѣдыванія о нашихъ движеніяхъ и охраненія себя. Можетъ быть, онъ пересѣчетъ намъ на нѣсколько дней Можайскую дорогу, но больше, конечно, ничего не сдѣлаетъ».

Не найдя русской арміи на Рязанской дорогѣ, Мюратъ поворотилъ изъ Бронницъ къ Подольску, гдѣ, 13-го сентября, соединился съ Понятовскимъ. Въ тотъ-же день Бессьеръ занялъ Десну. Тутъ и въ Подольскѣ оба непріятельскіе генерала узнали, наконецъ, гдѣ русскіе, о чемъ тотчасъ-же донесли Наполеону, невѣдѣніе котораго о мѣстопребываніи нашей арміи продолжалось до 14-го сентября. Онъ приказалъ Мюрату напирать на князя Кутузова и тѣснить его. Сборный корпусъ Бессьера, находившійся на старой Калужской дорогѣ, долженъ былъ, въ случаѣ нужды, служить ему подкрѣпленіемъ. Наполеонъ полагалъ, что князь Кутузовъ заключитъ изъ этого наступательнаго движенія о слѣдованіи за Мюратомъ всей французской арміи для начатія аттаки и потому отступитъ. Въ противномъ случаѣ, если-бы князь Кутузовъ, не отступая, упорствовалъ въ защитѣ позиціи при Красной Пахрѣ; Наполеонъ хотѣлъ выступить противъ него изъ Москвы со всѣми войсками. Какъ-будто предугадывая мысли Наполеона, нашъ главнокомандующій перевелъ, 9-го сентября, армію на правый берегъ Пахры, намѣреваясь прикрыть себя этою рѣкою. Авангарды были выставлены въ двухъ направленіяхъ: одинъ, Милорадовича, на Калужской дорогѣ, въ Деснѣ; другой, Раевскаго, ввидѣ бокового корпуса, на дорогѣ изъ Красной Пахры къ Подольску.

Сверхъ того, не желая терять ни минуты въ дѣйствіяхъ на пути непріятельскаго сообщенія, князь Кутузовъ, немедленно по прибытіи въ Красную Пахру, велѣлъ генералъ-маіору Дорохову, съ 2,000 конницы и 2-мя конными орудіями, идти на Можайскую дорогу, для истребленія непріятельскихъ транспортовъ и командъ, шедшихъ въ Москву.

Набѣги Дорохова были удачны. Въ теченіе семи дней онъ уничтожилъ паркъ изъ 80-ти ящиковъ и взялъ въ плѣнъ до 1,500 человѣкъ, въ томъ числѣ 48 офицеровъ. Узнавъ о появленіи нашихъ войскъ на Можайской дорогѣ, Наполеонъ послалъ для ея очищенія отрядъ, составленный изъ пѣхоты и конницы. Дороховъ отступилъ, но такъ искусно, что, отходя назадъ, разбилъ на голову посланные за нимъ для преслѣдованія 2 эскадрона гвардейскихъ драгуновъ. На нихъ сдѣлали блистательную аттаку поставленные въ засадѣ 2 эскадрона нашего лейбъ-драгунскаго полка, сформированнаго въ 1809-мъ году, по образцу драгуновъ наполеоновой гвардіи. На дорогахъ Владимірской, Рязанской, Тульской и новой Калужской также находились наши разъѣзды, прикрывая край отъ набѣговъ непріятеля и причиняя ему, при удобныхъ случаяхъ, возможный вредъ. Винцингероде, стоя въ Черной Грязи, тревожилъ французовъ по дорогамъ Рузской, Тверской и Ярославской. Ко всѣмъ нашимъ разъѣздамъ присоединялись вооруженные крестьяне. Вмѣстѣ съ казаками они прерывали сообщенія между Мюратомъ, Понятовскимъ и Бессьеромъ, нападали на отдѣльныя команды и фуражировъ, и начинали впервые испытывать силы свои на ратномъ полѣ.

Въ такомъ положеніи находились воевавшія арміи, когда 13-го сентября, наконецъ, показались французы въ виду нашихъ авангардовъ. Бессьеръ шелъ по Калужской дорогѣ на Десну, Мюратъ отъ Подольска на Дубровицу и Ознобишино, по дорогѣ на Чириково, въ тылъ нашего лагеря у Красной Пахры. Князь Кутузовъ стянулъ авангарды ближе къ арміи: Милорадовича къ Вятутинкѣ, Раевскаго къ Поливанову. Желая предупредить внезапное нападеніе на тылъ, корпусъ графа Остермана былъ отряженъ въ Нѣмчинино; на его правомъ крылѣ, въ Сатинѣ, сталъ отрядъ Паскевича. Заключенія о намѣреніяхъ Наполеона были различны въ нашей главной квартирѣ. Полагая, что Наполеонъ приближается къ намъ отъ Подольска со всѣми силами, одни совѣтовали не уклоняться отъ сраженія и принять его при Красной Пахрѣ. Другіе говорили, что Наполеона тутъ быть не могло, и что онъ не изберетъ для своихъ дѣйствій такого пути, на которомъ, проигравъ сраженіе, онъ подвергался опасности быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, Смоленска и своихъ сообщеній. Изъ этого заключали, что къ нашей позиціи подходила только часть непріятельскихъ войскъ, и совѣтовали, возложивъ на Милорадовича оборону переправы черезъ Пахру, всѣмъ прочимъ войскамъ выступить къ Подольску и аттаковать непріятельскіе корпусы, какіе тамъ встрѣтятся. Первое предложеніе: ожидать французовъ при Красной Пахрѣ—было сдѣлано Барклаемъ де-Толли; второе: идти на непріятеля—Беннигсеномъ. Въ происходившемъ у фельдмаршала совѣщаніи оба съ жаромъ поддерживали свое мнѣніе. Князь Кутузовъ не согласился ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, намѣреваясь отступить, но на всякій случай велѣлъ арміи быть готовою къ сраженію.

Князь Кутузовъ имѣлъ въ виду собраться съ силами, дать время

разгорѣться народной и партизанской войнѣ и въ особенности, по любимому его выраженію, усыпить Наполеона въ Москвѣ. Никто не могъ знать, что предприметъ Наполеонъ; но со стороны князя Кутузова начинали уже развиваться соображенія, упрочившія за нимъ въ военномъ отношеніи перевѣсъ надъ Наполеономъ. Достигнута была самая главная цѣль: настоящій, безошибочный путь дѣйствій. Желая воспользоваться этимъ путемъ, князь Кутузовъ вознамѣрился отступать еще по старой Калужской дорогѣ и ожидать подкрѣпленій. Выиграть время, усилить русскую армію, не встревожить Наполеона, но ослабить и изнурить его мало-по-малу—вотъ къ чему стремился Кутузовъ. Великій умъ его постигъ, обнялъ свойство войны. Уже въ Красной Пахрѣ начиналъ князь Кутузовъ пожинать плоды своей дальновидности при боковомъ движеніи, совершенномъ имъ вокругъ Москвы. Дороховъ на Можайской дорогѣ продолжалъ удачныя нападенія на непріятельскіе обозы, а отъ разосланныхъ въ разныя стороны разъѣздовъ приводили по нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Яркими красками они изображали претерпѣваемые непріятельскими корпусами недостатки какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Въ числѣ плѣнныхъ были и гвардейскіе солдаты. Всѣ они говорили единогласно объ обманутыхъ надеждахъ, о несбывшихся ожиданіяхъ при занятіи ими Москвы.

15-го сентября армія выступила изъ Красной Пахры въ знаменитый Тарутинскій лагерь, избранный за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Первый переходъ былъ до селенія Бабенкова; главная квартира заняла деревню Мочу, куда пріѣхалъ генералъ-адъютантъ князь Волконскій, отправленный императоромъ узнать: по какой причинѣ князь Кутузовъ пошелъ на Коломну, а не на Калужскую дорогу, и донести о положеніи арміи. По прибытіи князя Волконскаго въ главную квартиру, войска найдены имъ были именно на томъ пути, на которомъ государю угодно было, чтобы они находились. Одного поверхностнаго взгляда было достаточно князю Волконскому, чтобы убѣдиться, насколько наше положеніе было выгоднѣе въ сравненіи съ непріятельскимъ. Въ донесеніи своемъ государю, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ вырваться изъ Россіи». Въ Мочѣ князь Кутузовъ простоялъ три дня, не желая дать своему движенію видъ поспѣшнаго отступленія, и, между тѣмъ, выжидалъ, не обнаружатся-ли какія-либо дѣйствія Наполеона, вслѣдствіе которыхъ, можетъ быть, нужно будетъ принять скорыя и особенныя мѣры. Мюратъ нѣсколько разъ показывался въ значительныхъ силахъ противъ авангарда и завязывалъ съ нимъ дѣла. Самое жаркое происходило подъ Чириковымъ, 17-го сентября, гдѣ взяли въ плѣнъ начальника штаба Мюрата, генерала Феррье. Мюратъ присылалъ просить объ освобожденіи его на честное слово, въ чемъ князь Кутузовъ отказалъ ему. Несравненно важнѣе въ этомъ дѣлѣ была храбрость, оказанная московскимъ ополченіемъ: оно не уступало въ огнѣ линейнымъ войскамъ. Такимъ образомъ, если-бы по волѣ Божіей, продлилась отечественная война, можно было имѣть твердую надежду на самое дѣятельное участіе дружинъ ополченія. Трехдневное пребываніе князя Кутузова въ Мочѣ подало Наполеону поводъ къ заключенію, что нашъ полководецъ, можетъ быть, не намѣренъ отходить далѣе и имѣетъ въ виду принять сраженіе, а потому Наполеонъ приказалъ стоявшимъ въ Москвѣ и окрестностяхъ войскамъ готовиться къ выступленію. Онъ хотѣлъ аттаковать князя Кутузова, но отложилъ свое намѣреніе, получивъ отъ Мюрата донесеніе объ от-

ступленіи русскихъ. 19-го сентября, наша армія продолжала движеніе къ Тарутину, черезъ село Вороново, принадлежавшее графу Ростопчину; онъ велѣлъ прибить къ дверямъ Вороновской церкви слѣдующую записку на французскомъ языкѣ: «Восемь лѣтъ украшалъ я мое село и жилъ въ немъ счастливо. При вашемъ приближеніи, крестьяне, въ числѣ 1720, оставляютъ свои жилища, а я зажигаю мой домъ; да не осквернится онъ вашимъ присутствіемъ. Французы! въ Москвѣ оставилъ я вамъ два моихъ дома и движимости на полмиліона рублей; здѣсь-же вы найдете одинъ пепелъ». Увидавъ приближеніе непріятелей, графъ Ростопчинъ, дѣйствительно, зажегъ село свое.

20-го сентября армія перешла черезъ Нару и вступила въ Тарутинскій лагерь. Обозрѣвъ мѣстоположеніе, князь Кутузовъ остановился на высокомъ берегу Нары и, какъ будто предрекая будущее, сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ!» Въ послѣдніе три марша Мюратъ: идя столбовою дорогою за Милорадовичемъ, сильно аттаковалъ его при Вороновѣ, потомъ при Спасъ-Куплѣ. Обѣ стороны приписали себѣ успѣхъ: французы—потому, что подались впередъ; наши—потому, что отступали въ совершенномъ порядкѣ, не давъ непріятелю никакого превосходства надъ собою. 22-го сентября Милорадовичъ отошелъ къ Винькову. Далѣе нельзя уже было пускать Мюрата, такъ какъ позади нашего авангарда начиналась покатость до самаго лагеря. Завязалось жаркое дѣло. Мюратъ нѣсколько разъ перемѣнялъ пункты аттакъ, но не имѣлъ успѣха и къ вечеру немного отступилъ. На слѣдующее утро Милорадовичъ объѣзжалъ войска и, сжалившись надъ непріятельскими ранеными, лежавшими на полѣ сраженія позади нашей передовой цѣпи, поскакалъ къ французскимъ пикетамъ и сказалъ имъ, что позволяетъ перевезти раненыхъ и прислать подводы за ними. Мюратъ пригласилъ Милорадовича на свиданіе, благодарилъ его за попеченіе о раненыхъ и завелъ рѣчь о прекращеніи войны, но, едва намекнулъ онъ, что пора мириться, получилъ отъ Милорадовича слѣдующій отвѣтъ: «Если заключать теперь миръ, я первый снимаю съ себя мундиръ». Мюратъ не возобновлялъ болѣе нападеній противъ нашего арріергарда и сталъ въ виду Милорадовича у Винькова; сборный корпусъ Бессьера занялъ Красную Пахру. Въ этомъ расположеніи они оставались двѣ недѣли, до 6-го октября, когда Мюратъ былъ разбитъ. Что касается до главной непріятельской арміи, то, узнавъ объ отступленіи князя Кутузова къ Тарутину и заключая по этому движенію о намѣреніи русскихъ не вступать въ дѣло, Наполеонъ, помышлявшій единственно о мирѣ, а не о продолженіи войны, размѣстилъ войска пространнѣе для удобнѣйшаго продовольствія. Вице-король пошелъ на Черную Грязь и къ Подсолнечной, Ней выступилъ въ Богородскъ, Даву и гвардія расположились въ Москвѣ, Жюно оставался въ Можайскѣ.

Таковы были дѣйствія воюющихъ армій до нашего прибытія въ Тарутино. Это село находится на старой Калужской дорогѣ, въ равномъ разстояніи отъ Москвы и Калуги. Оно принадлежало оберъ-гофмейстеринѣ Нарышкиной, нѣкогда близкой особѣ Екатерины Великой. Лагерь былъ на правомъ берагу Нары, которая течетъ изъ московской губерніи и впадаетъ въ Оку при Серпуховѣ. Глубина ея при Тарутинѣ одинъ аршинъ, а ширина 20 саженъ. Крутые берега Нары обороняли фронтъ войскъ; правое крыло арміи также было защищено крѣпкимъ мѣстоположеніемъ, но лѣвое, упиравшееся въ лѣсъ, составляло слабую часть позиціи. Вдоль фронта построили временныя укрѣпленія; въ лѣсу

понадѣлали засѣки. Разъѣзды пошли влѣво къ Боровску и Верей, вправо до Оки, по дорогамъ Тульской, Каширской и Рязанской. Выборъ Тарутинскаго лагеря былъ чрезвычайно удаченъ, давая возможность предупреждать движенія Наполеона на Тулу и Калугу и заслонять южныя губерніи. Тула, благодаря своему оружейному заводу представлявшаяся весьма важною для насъ, рѣшительно была защищена арміею, стоявшею въ Тарутинѣ. Двинувшись изъ Москвы на Тулу, Наполеонъ обнажалъ свое правое крыло и предавалъ сообщеніе съ Москвою во власть князя Кутузова, который, въ случаѣ надобности, могъ прибыть на Тульскую дорогу раньше непріятеля или ударить во флангъ и тылъ его. Князь Кутузовъ писалъ въ Тулу, совѣтуя быть совершенно спокойными и приказывая подождать съ отправленіемъ завода. Согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 26-го августа, въ Тулѣ уже было заготовлено 400 подводъ, для вывозки на ижевскій заводъ оружейниковъ и тяжестей. При движеніи Наполеона на Калугу, князь Кутузовъ могъ дѣйствовать противъ него столь-же успѣшно своимъ лѣвымъ флангомъ. Тарутинскій лагерь представлялъ громадныя выгоды не для одного только оборонительнаго положенія, но и для угроженія пути непріятельскихъ сообщеній отъ Смоленска до Москвы, тѣмъ удобнѣе, что этотъ путь, начиная отъ Гжатска, отклоняется въ правую сторону, отъ чего дорога къ Можайску, Вязьмѣ и Дорогобужу ближе отъ Тарутина, нежели отъ Москвы. Въ 1-й линіи стали корпусы: 2-й Багговута и 6-й Дохтурова; во 2-й линіи; 7-й Раевскаго, 3-й графа Строгонова и 4-й графа Остермана; въ 3-й линіи: 8-й Бороздина, 5-й, или гвардейскій, Лаврова и вся кавалерія; въ 4-й линіи обѣ кирасирскія дивизіи, а за ними резервная артиллерія. Пять егерскихъ полковъ заняли лѣсъ на лѣвомъ крылѣ, а два на правомъ. Нѣсколько полковъ 1-й кирасирской дивизіи, какъ войско отборное, особенно сберегаемое, размѣстили въ ближнихъ деревняхъ. Главная квартира князя Кутузова была сперва въ Тарутинѣ, но черезъ три дня переведена въ деревню Леташевку, лежавшую на 5 верстъ позади лагеря.

Въ Тарутинѣ князя Кутузова встрѣтили депутаты отъ калужскихъ гражданъ, съ хлѣбомъ и солью. Они предлагали ему услуги и пожертвованія и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили объ опасности, угрожавшей городу ихъ, говоря и о принятыхъ ими мѣрахъ предосторожности. Фельдмаршалъ отвѣчалъ городскому головѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Похвальное усердіе ваше, сопряженное съ предосторожностью, при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою, поставило меня въ пріятный долгъ изъявить вамъ мою признательность. Прошу васъ успокоить жителей Калуги и увѣрить, что состояніе арміи нашей, какъ было, такъ и есть въ благонадежномъ положеніи. Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на вѣрное пораженіе врага нашего никогда не оставляла насъ. Гражданинъ вашъ, г. Муромцовъ, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ невыгодъ непріятеля, какія встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу. Истребленіе силъ его, недостатокъ въ продовольствіи и совершенная гибель предстоятъ ему неизбѣжно, и затѣмъ лѣта мои и любовь къ отечеству даютъ мнѣ право требовать вашей довѣренности, силою коей увѣряю васъ, что городъ Калуга есть и будетъ въ совершенной безопасности».

Въ тотъ-же день князь Кутузовъ велѣлъ отслужить въ лагерѣ молебствіе и отдалъ слѣдующій приказъ: «Да всесильная десница

Божія, управляющая судьбами царствъ, поможетъ намъ преодолѣть врага нашего. Приготовиться къ дѣлу, пересмотрѣть оружіе, помнить, что вся Европа и любезное отечество на насъ взираютъ».

VIII.

Случаи во время движенія съ Рязанской дороги на Калужскую.

Со вступленіемъ въ Тарутинскій лагерь настала новая, свѣтлая эпоха войны. Но прежде, нежели станемъ говорить, какъ занялась на берегахъ Нары заря прекраснаго, давножеланнаго дня, между тѣмъ, какъ въ Москвѣ померкла звѣзда Наполеона, необходимо изобразить нѣсколько важныхъ обстоятельствъ, случившихся со времени отступленія отъ Москвы до прибытія арміи къ Тарутину, а также то, что происходило тогда, то есть, до 20-го сентября, въ станѣ непріятеля и въ плѣненной столицѣ.

Во время марша изъ Москвы къ Тарутину, не менѣе военныхъ соображеній князя Кутузова озабочивала необходимость водворить въ арміи порядокъ, разстроенный безпрерывнымъ трехмѣсячнымъ отступленіемъ, кровопролитными сраженіями, ежедневными ошибками, уступкою Москвы, смертью, ранами, болѣзнями многихъ начальниковъ. Одною изъ причинъ неустройствъ было также раздробленное управленіе двумя арміями. На маршѣ, въ лагеряхъ, онѣ находились вмѣстѣ, а, между тѣмъ, каждая имѣла отдѣльное начальство, особенный штабъ, отъ чего происходило неминуемое столкновеніе властей. Главнымъ средствомъ для прекращенія такихъ неудобствъ было введеніе единообразнаго управленія и сліяніе войска въ одинъ составъ. Приказомъ, отданнымъ 16-го сентября въ Мочахъ, князь Кутузовъ соединилъ обѣ арміи и назвалъ ихъ первою западною. Начальство надъ нею онъ поручилъ Барклаю де-Толли, а Милорадовичу, командовавшему послѣ князя Багратіона 2-ю арміею, подчинилъ резервъ, состоявшій изъ пѣхотныхъ корпусовъ: 3-го и гвардейскаго, и двухъ кирасирскихъ дивизій.

По прошествіи трехъ дней, Барклай де-Толли, уже нѣсколько времени чувствовавшій сильное растройство въ здоровьѣ, просилъ князя Кутузова объ увольненіи въ отпускъ. «Съ прискорбіемъ», говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, «удаляюсь я отъ храбрыхъ войскъ, служившихъ подъ моимъ начальствомъ, ибо мое желаніе было умереть съ ними на полѣ чести, но болѣзнь моя сдѣлала меня совсѣмъ неспособнымъ къ исправленію моей должности». Получивъ отпускъ, онъ отправился въ Калугу, прожилъ нѣсколько времени во Владимірѣ и, минуя Петербургъ, позднею осенью прибылъ въ свое имѣніе въ Лифляндіи. Дорогою до него нѣсколько разъ доходилъ голосъ народа, неблагопріятно смотрѣвшаго на его военныя дѣйствія, такъ какъ тогда не понимали, въ какомъ чрезвычайно затруднительномъ положеніи находился Барклай де-Толли и сколь важную, незабвенную услугу онъ оказалъ сохраненіемъ арміи во время отступленія до Царева Займища, будучи преслѣдуемъ главными силами Наполеона и не давши ему нигдѣ ни малѣйшей надъ собою побѣды. Получивъ донесеніе о прибытіи его въ деревню, императоръ писалъ ему: «Я былъ увѣренъ, что вы весьма охотно останетесь въ арміи, чтобы вашими подвигами принудить къ уваженію васъ даже вашихъ недоброжелателей такъ, какъ вы это сдѣлали въ Бородинѣ. Я вполнѣ

увѣренъ, что вы неминуемо достигли-бы сей цѣли, если-бы остались въ арміи. По дружбѣ, которую не перестану къ вамъ сохранять, Я съ безпредѣльнымъ сожалѣніемъ узналъ о вашемъ отъѣздѣ. Вопреки всѣхъ неудовольствій, которыя вы встрѣчали, вамъ должно было оставаться, потому что есть случаи, когда надобно поставить себя выше всего въ мірѣ. Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами отечеству и Мнѣ, и надѣюсь, что вы окажете важнѣйшія. Хотя нынѣшнія обстоятельства не могутъ быть благопріятнѣе для насъ, судя по положенію, въ которомъ находится непріятель, однако, борьба еще не кончена; она представитъ вамъ возможность ознаменовать ваши великія дарованія, которымъ вообще начинаютъ отдавать справедливость». Барклай Де-Толли отвѣчалъ: «Государь! Вы возвратили спокойствіе человѣку, самому преданному Вашей священной Особѣ, человѣку, котораго сердце было раздираемо при одной мысли, что онъ лишился благосклонности наилучшаго изъ Царей, Государя любимаго и обожаемаго. Не могу лучше отвѣтствовать на всѣ милости, которыми Ваше Величество меня осыпаете, какъ поспѣшивъ пасть къ стопамъ Вашимъ. Надѣюсь всей Россіи доказать, что Вы довѣренностью Своею почтили не недостойнаго». Вслѣдъ за этимъ письмомъ Барклай де-Толли поѣхалъ въ Петербургъ, но уже не засталъ тамъ государя. Это было въ декабрѣ. Императоръ отправился тогда въ Вильну. Въ ночь, предшествовавшую отъѣзду, его величество три раза посылалъ освѣдомляться, не прибылъ-ли Барклай де-Толли. Въ самый день отъѣзда его изъ арміи, получено извѣстіе о смерти князя Багратіона. Такъ оба полководца, при открытіи похода предводительствовавшіе арміями, сошли съ поприща. Рана князя Багратіона сначала не казалась опасною, но стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ часъ отъ часу усиливало болѣзнь. Безпрестанные переѣзды съ одного мѣста на другое, осенняя погода, тряская дорога, невозможность строго соблюдать совѣты врачей, застарѣлыя болѣзни, душевныя страданія о Россіи, особенно при извѣстіи о паденіи Москвы, все вмѣстѣ истощило жизненныя силы Багратіона. Черезъ двѣ недѣли послѣ Бородинскаго сраженія, 12-го сентября, онъ скончался въ деревнѣ Симахъ, во Владимірской губерніи.

По отбытіи Барклая де-Толли, князь Кутузовъ объявилъ приказомъ, 21-го сентября, что всѣ его обязанности по арміи принимаетъ на себя, пока государю угодно будетъ опредѣлить главнокомандующаго первою арміею. Обширный кругъ дѣйствій князя Кутузова, обязаннаго распоряжаться не одними только войсками, находившимися непосредственно подъ его начальствомъ, но и отдѣльными арміями и корпусами, ополченіями и губерніями, объявленными въ военномъ положеніи, побудилъ его къ избранію лично при себѣ дежурнаго генерала, въ рукахъ котораго должны были сосредоточиваться всѣ военныя дѣла и сношенія со всѣми войсками, дѣйствовавшими въ разныхъ концахъ Россіи. Дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ Коновницынъ.

Также до прибытія арміи въ Тарутино, когда она только что вышла на Калужскую дорогу у Красной Пахры, пріѣхалъ туда флигель-адъютантъ Чернышевъ, отправленный государемъ къ князю Кутузову, 30-го августа, съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій для всѣхъ армій. То были предположенія одного изъ самыхъ обширныхъ

военныхъ предпріятій, которыя должны были быть приведены въ исполненіе на пространствѣ отъ Волыни до Двины, отъ Нѣмана до Тарутина. Начертывая этотъ планъ, государь имѣлъ цѣлью воспользоваться вторженіемъ Наполеона въ Москву, то есть, отдаленіемъ его съ главною арміею отъ Днѣпра, чтобы 1) въ тылу его сосредоточились большія силы; 2) боковые его корпусы выгнать изъ Россіи, а именно: князя Шварценберга и Ренье въ Галицію и варшавское герцогство, а Макдональда, Сенъ-Сира и Удино въ Пруссію, и 3) Наполеона съ главными его силами искоренить до послѣдняго. Князь Кутузовъ долженъ былъ удерживать Наполеона и поражать его съ фронта, между тѣмъ какъ войскамъ, находившимся въ губерніяхъ Витебской, Лифляндской, Волынской и Минской, назначалось стать на операціонномъ пути непріятеля. Для дѣйствій ихъ предписывались два пути: 1) отъ сѣвера, черезъ Двину, въ губерніи Виленскую и Минскую, корпусами графовъ Витгенштейна и Штейнгеля; 2) отъ юга, въ губерніи Гродненскую и Митавскую, арміями Чичагова и Тормасова. Соединенныя войска этихъ четырехъ генераловъ должны были разбить боковые корпусы, оставленные Наполеономъ въ своемъ тылу, двинуться на его сообщенія и преградить ему обратный путь изъ Россіи.

Наступленіе на тылъ Наполеона государь приказывалъ произвести слѣдующимъ образомъ: графъ Штейнгель, сдѣлавъ высадку изъ Финляндіи въ Ревелѣ, съ 15,000 человѣкъ, долженъ былъ идти къ Ригѣ, соединиться съ тамошнимъ гарнизономъ и открыть наступательныя дѣйствія противъ лѣваго крыла Макдональдова корпуса, направляясь на Видзы и Свенцяны. Предполагали, что тамъ онъ встрѣтитъ остатки корпуса Сенъ-Сира, вытѣсненнаго изъ Полоцка графомъ Витгенштейномъ. Смѣнивъ графа Витгенштейна, графъ Штейнгель долженъ былъ быстро преслѣдовать непріятеля за Вилію и Нѣманъ, потомъ расположиться при Вильнѣ и служить резервомъ для армій, соединенныхъ на Березинѣ. Графъ Витгенштейнъ, усиленный подкрѣпленіями, высланными къ нему изъ Петербурга и Новгорода, получилъ повелѣніе перевести большую часть силъ на лѣвый берегъ Двины, выше Полоцка, и съ тыла взять этотъ городъ, въ которомъ укрѣпился непріятель. Вытѣснивъ оттуда Сенъ-Сира и прогнавъ его къ корпусу графа Штейнгеля, графъ Витгенштейнъ долженъ былъ направиться къ Докшицамъ и войти въ связь съ Чичаговымъ, которому предписывалось обойти лѣвый флангъ князя Шварценберга, и потомъ, оставивъ противъ него 3-ю западную армію, слѣдовать съ дунайскою черезъ Несвижъ къ Минску, куда долженъ былъ придти и корпусъ Эртеля изъ Мозыря. Соединившись съ Эртелемъ, Чичаговъ имѣлъ-бы подъ начальствомъ своимъ 50-ти тысячную армію, назначенную для наблюденій вдоль Березины и для охраненія Борисова и пространства между этимъ городомъ и мѣстечкомъ Бобромъ, въ тылу главной арміи Наполеона, гдѣ Чичаговъ долженъ былъ подать руку графу Витгенштейну. 3-й западной арміи предписывалось сперва оттѣснить князя Шварценберга и Ренье за Бугъ, а потомъ, расположившись при Несвижѣ, быть готовой поддерживать Чичагова и составить правое крыло соединенныхъ армій.

Главное достоинство операціоннаго плана состояло въ томъ, что армія Чичагова и Тормасова и корпусы графовъ Витгенштейна

и Штейнгеля переставали дѣйствовать отдѣльно и получали одно общее, совокупное, сосредоточенное направленіе. Каждое изъ этихъ четырехъ отдѣленій войскъ должно было поспѣвать къ назначеннымъ мѣстамъ въ урочное время, опредѣленное въ планѣ. Но, такъ какъ движенія зависѣли отъ препятствій, какія могли встрѣтить войска со стороны непріятеля, что заранѣе никакъ нельзя было предусмотрѣть и предотвратить, то въ планѣ произошли измѣненія; однако-же, они не совсѣмъ воспрепятствовали сближенію отдѣльныхъ войскъ въ тылу непріятеля на Улѣ и Березинѣ, для противопоставленія ему преграды, когда онъ отступалъ изъ Россіи. Если предначертанія государя не могли быть выполнены во всей точности, то, по крайней мѣрѣ, была приведена въ дѣйствіе основная мысль императора, то есть: на Березинѣ встрѣтили Наполеона наши значительныя силы, которыя хотя и не заградили ему совершенно отступленія, однако, способствовали нанесенію ему жестокихъ ударовъ. Императоръ предвидѣлъ препятствія въ исполненіи плана и потому писалъ Чичагову: «Не требую, чтобы все дѣлалось буквально; это—только очеркъ, ваша прозорливость укажетъ вамъ, какъ поступать». Желая не раздроблять начальства надъ войсками и тѣмъ сохранить болѣе единства въ мысли, волѣ и дѣйствіяхъ, государю угодно было подчинить арміи дунайскую и 3-ю западную одному главнокомандующему, для чего назначенъ адмиралъ Чичаговъ. Тормасова государь приказалъ князю Кутузову отозвать къ себѣ и поручить ему начальство надъ 2-ю арміею, вмѣсто князя Багратіона, такъ какъ въ то время, когда императоръ отправлялъ къ фельдмаршалу свое повелѣніе, его величеству еще не было извѣстно, что князь Кутузовъ уже соединилъ обѣ первыя арміи въ одинъ составъ.

Повелѣнія Тормасову, Чичагову, графу Витгенштейну и графу Штейнгелю не были препровождены прямо къ нимъ изъ Петербурга, но отосланы съ Чернышевымъ къ князю Кутузову, на предварительное его соображеніе. По выѣздѣ изъ Петербурга, Чернышевъ узналъ дорогою объ отступленіи арміи отъ Можайска къ Москвѣ. Предполагая, однако-же, по мнѣнію государя, что передъ столицею непремѣнно произойдетъ сраженіе, онъ, какъ только было возможно, спѣшилъ въ главную квартиру. Миновавъ Клинъ, онъ увидѣлъ большое зарево. Толпы бѣгущихъ жителей извѣстили его о плачевной участи Москвы и приближеніи непріятельскихъ войскъ, но никто не могъ сказать ему, куда направилась наша армія. Чернышевъ поворотилъ влѣво на Дмитровъ, Киржачъ, Покровъ, Коломну, Каширу и Серпуховъ. Здѣсь онъ узналъ, наконецъ, что армія въ Красной Пахрѣ, куда онъ прибылъ съ великимъ трудомъ и опасностью. Вездѣ шатались французскіе бродяги. Во многихъ мѣстахъ не было ни лошадей, ни городничихъ, ни почтовыхъ чиновниковъ. Проѣзжая проселочными дорогами, онъ дѣлалъ по 100 и по 150 верстъ на однѣхъ лошадяхъ, долженъ былъ останавливаться, кормить ихъ, терялъ такимъ образомъ время. Государь, получивъ, между тѣмъ, извѣстіе о паденіи Москвы, заботился о Чернышевѣ и послалъ фельдъегеря освѣдомиться, не попался-ли онъ въ плѣнъ.

Согласно съ повелѣніемъ государя, Чернышевъ прочиталъ князю Кутузову привезенныя имъ изъ Петербурга бумаги. Выслушавъ ихъ,

фельдмаршалъ сказалъ, что совершенно раздѣляетъ мнѣніе его величества, сознается въ пользѣ и выгодахъ, могущихъ воспослѣдовать отъ операціоннаго плана, но что, къ сожалѣнію, за два дня передъ тѣмъ, 6-го числа, послано имъ Чичагову повелѣніе не во всемъ сходное съ предполагаемыми въ планѣ дѣйствіями. Въ этомъ повелѣніи фельдмаршалъ приказывалъ Чичагову, оставивъ Тормасова съ арміею для прикрытія Волыни, слѣдовать съ дунайскою арміею черезъ Мозырь и Рогачевъ на Могилевъ, для сближенія съ главными нашими силами и угроженія непріятелю въ тылъ. Чернышевъ отвѣчалъ князю Кутузову, что по такому предположенію нельзя отрѣзать князя Шварценберга и Ренье отъ главной арміи Наполеона и Минской губерніи, нельзя предупредить ихъ въ занятіи важныхъ пунктовъ: Минска, Несвижа, Борисова, и вообще большой Смоленской дороги, главной, единственной черты сообщеній непріятеля.

Съ должною осторожностію и уваженіемъ представляя фельдмаршалу свое мнѣніе, Чернышевъ повторялъ, что государь совершенно оставляетъ на произволъ его исполненіе новыхъ предположеній. Князь Кутузовъ отвѣчалъ: «Вижу неоспоримую пользу плана, однако-же, предварительно надобно мнѣ переговорить съ Беннигсеномъ», и велѣлъ Чернышеву перевести для Беннигсена по-французски привезенныя имъ бумаги, что ночью и было исполнено. На слѣдующее утро, фельдмаршалъ, призвавъ Беннигсена и Коновницына, приказалъ Чернышеву прочитать сдѣланный имъ переводъ. Беннигсенъ былъ совершенно согласенъ съ планомъ, и фельдмаршалъ вознамѣрился тотчасъ привесть его въ исполненіе, безъ малѣйшей перемѣны. Онъ приказалъ Чернышеву быть готовымъ ѣхать къ Чичагову и Тормасову и надѣялся, что, ввиду важности порученія, Чернышевъ ускоритъ ѣздою и достигнетъ до дунайской арміи черезъ три или четыре дня послѣ курьера, отправленнаго къ адмиралу 6-го числа и что до тѣхъ поръ, вѣроятно, Чичаговъ еще не успѣетъ произвести никакого большого движенія, не соотвѣтствующаго новому плану.

Нельзя не привести словъ, которыми Чернышевъ заключаетъ свое донесеніе государю объ исполненіи порученія, даннаго ему къ князю Кутузову. Онъ писалъ: «Люди всѣхъ состояній, даже крестьяне, встрѣченные мною на дорогѣ, страшатся, что нынѣшнее положеніе дѣлъ можетъ произвесть наклонность къ миру, и что миръ несомнѣнно основанъ будетъ на безчестіи Россіи. Зная совершенно мнѣніе Вашего Императорскаго Величества на этотъ счетъ, я старался успокоивать ихъ, утверждая, что образъ мыслей, твердое намѣреніе и характеръ Вашего Величества должны служить залогомъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества въ употребленіи еще большихъ усилій для уничтоженія коварнаго и уже ослабѣвшаго врага, который столь далеко зашелъ».

IX.

Наполеонъ въ Москвѣ.

Вторгаясь въ Москву, Наполеонъ, конечно, не воображалъ, что въ то самое время Александръ не только былъ далекъ отъ мира, но уже направлялъ арміи въ тылъ своего врага, съ намѣреніемъ искоренить французовъ въ Россіи до послѣдняго. Эта рѣшимость до такой степени не входила въ соображенія Наполеона, что первою его мыслью по въѣздѣ въ Москву было: выжидать, какое впечатлѣніе произведетъ на

императора Александра паденіе его столицы. Онъ ждалъ не долго. Пожаръ Москвы былъ началомъ его разочарованія. Огненное море, разлившееся предъ глазами Наполеона, изумило его, но повело, однако-же, къ справедливому заключенію, что покореніе Москвы не принесетъ желанныхъ имъ послѣдствій—мира. Выгнанный изъ Кремля пожаромъ Наполеонъ, по прибытіи въ Петровскій дворецъ, тотчасъ занялся предположеніями о томъ, какъ можно угрожать Петербургу. Онъ вознамѣрился сдѣлать на него ложное движеніе, пустить по Петербургской дорогѣ корпусъ вице-короля, другими корпусами подкрѣплять его, арріергардомъ удерживать нѣсколько времени Москву и сдѣлать видъ, что идетъ на Петербургъ, направиться со всею арміею на Великіе Луки, ударить въ тылъ графу Витгенштейну и соединиться съ Сенъ-Сиромъ, Макдональдомъ и Викторомъ. Потомъ Наполеонъ хотѣлъ занять линію Двины и поставить лѣвое крыло по направленію къ Ригѣ, правое—къ Смоленску, имѣя корпусы и отряды въ Витебскѣ, Могилевѣ, Минскѣ и Вязьмѣ. Онъ предполагалъ, что послѣдствія замышляемаго имъ движенія будутъ рѣшительны, и не явится необходимость заботиться о зимнихъ квартирахъ на Двинѣ. По его мнѣнію, угрожавшая Петербургу и корпусу графа Витгенштейна опасность должна была восторжествовать надъ единственною преградою его мечтаній—непреклонностью Александра.

Въ составленіи этого плана Наполеонъ провелъ первую ночь въ Петровскомъ дворцѣ, съ 4-го на 5-е сентября. Вычисливъ на картѣ разстоянія, онъ началъ диктовать повелѣнія корпуснымъ командирамъ; но едва узнали маршалы о намѣреніи Наполеона выступить изъ Москвы, какъ всѣ, за исключеніемъ вице-короля, громко заговорили о неудобствахъ этого предположенія. Мнѣнія ихъ тотчасъ дошли до Наполеона. Ему представляли, что стужа неминуемо застигнетъ армію во время движенія ея къ сѣверу; что войскамъ необходимо отдохновеніе, а большому числу раненыхъ потребно время для излеченія и перевоза ихъ въ Смоленскъ; что выгоднѣе оставаться въ Москвѣ, гдѣ, вѣроятно, найдутся подъ пепломъ разнаго рода обильные запасы, достаточные для арміи, пока не заключатъ мира, составлявшаго единственную цѣль, какую имѣли въ виду маршалы. Они совѣтовали обратиться немедленно къ императору Александру съ предложеніями и, въ крайнемъ случаѣ, отступить къ Смоленску, дорогами южнѣе отъ Москвы, на Калугу или Тулу, и мимоходомъ разорить Тульскій заводъ, въ которомъ Наполеонъ и французы предполагали основу могущества Россіи. Главная причина противорѣчія, встрѣченнаго Наполеономъ въ предположеніи его идти черезъ Великіе Луки къ Двинѣ, состояла въ томъ, что пораженные необыкновенностью войны, веденной въ Россіи, маршалы лишились надежды восторжествовать, пріобрѣсти успѣхъ силою и желали мира, на какихъ-бы условіяхъ онъ ни былъ заключенъ. Мнѣніе сподвижниковъ Наполеона, 20 лѣтъ неразлучныхъ съ нимъ на поляхъ сраженій, людей, преданность которыхъ ему была извѣстна, заставило его, въ первый разъ въ жизни, усомниться въ вѣрности своихъ собственныхъ соображеній. Обстоятельства приняли уже такой оборотъ, что отвѣтственность за послѣдствія онъ не захотѣлъ принять на себя одного и уступилъ представленіямъ, но, бывъ дальновиднѣе маршаловъ, сказалъ имъ: «Не думайте, однако-же, что русскіе, рѣшившись зажечь Москву, черезъ нѣсколько дней придутъ просить мира». Такъ противъ своего личнаго

убѣжденія Наполеонъ отказался отъ наступательныхъ дѣйствій и опять вознамѣрился ожидать мирныхъ предложеній отъ императора Александра.

Три дня провелъ Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ, въ которомъ даже стѣны были согрѣты отъ огня, пожиравшаго столицу, терзаемую въ то время всевозможными злодѣяніями. На пятыя сутки не существовало и четвертой части Москвы. Стоялъ только обезображенный, ограбленный, дымящійся остовъ столицы. Пожаръ утихалъ, курились пепелища—громада золы, въ окружности на 50 верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ вспыхивало пламя, а въ другихъ, какъ червь по человѣческимъ костямъ, превращающимся въ прахъ, пробирался огонь по обгорѣвшимъ, разрушившимся зданіямъ. Въ такомъ положеніи предстала Наполеону Москва, когда 7-го сентября онъ возвращался туда изъ Петровскаго дворца. Въ ненастный, холодный день онъ ѣхалъ мимо разставленныхъ въ вязкой грязи биваковъ и огней, гдѣ горѣли мебель, двери домовъ, оконныя рамы, образа. Вокругъ, на мокрой соломѣ, на роскошныхъ креслахъ и шелковыхъ диванахъ, валялись солдаты и офицеры, покрытые дымомъ и кровью. У ногъ ихъ лежали ткани, мѣха, священническія одѣянія, церковные сосуды, служившіе для варенія лошадинаго мяса. Въ Тверскомъ предмѣстьѣ и срединѣ города Наполеонъ едва могъ переводить дыханіе въ смрадномъ воздухѣ. Вмѣсто улицъ тянулись безконечные ряды трубъ и печей. Изъ роскошной, гостепріимной столицы Москва обратилась въ бивакъ двадцати народовъ. Дорогою Наполеонъ встрѣчалъ солдатъ съ награбленною добычею, которую несли они сами или тащили русскіе, вынужденные къ тому врагами и предварительно разутые ими, такъ какъ, крайне нуждаясь въ сапогахъ, французы кидались на обувь москвичей и отнимали ее. Наши несчастные плѣнники ходили въ валенкахъ и туфляхъ. Кучами стояли солдаты у погребовъ догоравшихъ домовъ и у церквей, выламывая въ нихъ двери. Къ ногамъ Наполеона падали выбрасываемыя изъ оконъ полусгорѣвшихъ зданій мебель, картины, зеркала. На площадяхъ и улицахъ солдаты продавали свою добычу, вымѣнивали ее на вещи маловѣсныя и пригоршнями давали серебро за небольшое количество золота, надѣясь легче уложить его въ ранцахъ. На грудахъ колоніальныхъ товаровъ, на бочкахъ вина, тюкахъ товаровъ сидѣли французы и союзники ихъ, предлагая уступить похищенную добычу за кусокъ хлѣба. Другіе, лишившись чувствъ отъ крѣпкихъ напитковъ, валялись полумертвые на улицахъ, рядомъ съ обгорѣвшими трупами товарищей и конскимъ падалищемъ. Наполеонъ встрѣчалъ и русскихъ. Жертвы плѣна или голода, москвичи скитались по огородамъ и по горѣвшимъ садамъ, питаясь истлѣвшими растеніями, скребли землю, въ надеждѣ найти овощи, или ныряли въ рѣку добывать потопленный хлѣбъ.

Наполеонъ остановился опять въ Кремлѣ. Всѣ ворота, за исключеніемъ двухъ, завалили наглухо. Для охраненія Кремля приняты были самыя строгія мѣры предосторожности, какъ-будто ежеминутно опасались нападенія. Однако, какъ ни велики были предосторожности, но одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ—кто и съ какимъ намѣреніемъ, неизвѣстно—вошелъ въ Кремль ночью съ 11-го на 12-е сентября, какъ видно изъ приказа объ арестованіи офицеровъ, бывшихъ тогда въ караулѣ. Соборы Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій, уже разграбленные во время пожара, были обращены въ казармы. Въ

церквахъ Спаса на Бору и Николая Гостунскаго хранились овесъ, сѣно и солома для наполеоновыхъ лошадей. Въ Сенатъ и Оружейную Палату сваливали жизненные припасы, привозимые изъ окрестностей Москвы. Отъ гвардейской кавалеріи посылали всякій день на фуражировку, и вслѣдствіе оказавшагося вскорѣ недостатка въ сѣнѣ и овсѣ люди возвращались съ навьюченными на лошадяхъ немолоченными снопами ржи. Нѣкоторые биваки въ Кремлѣ были построены изъ большихъ мѣстныхъ образовъ.

Въ чертогахъ царей, среди истлѣвшей Москвы, Наполеонъ ожидалъ предложеній о мирѣ, но посланные отъ императора Александра не являлись. Наполеонъ вознамѣрился самъ писать къ государю и для отправленія письма воспользовался слѣдующимъ случаемъ: отставной гвардіи капитанъ Яковлевъ, собираясь 2-го сентября выѣхать изъ Москвы, былъ въ ней захваченъ и ограбленъ непріятелями. Окруженный своими дворовыми людьми и сотнею подмосковныхъ крестьянъ, прибѣжавшихъ изъ деревни къ своему помѣщику, онъ бродилъ по горѣвшей Москвѣ, отыскивая возможность выбраться изъ города, и, наконецъ, явился за паспортомъ къ маршалу Мортье, вступившему по возвращеніи Наполеона изъ Петровскаго дворца въ должность военнаго губернатора. Мортье отвѣчалъ, что не можетъ дать паспорта безъ позволенія Наполеона и испроситъ у него разрѣшенія. 8-го сентября Наполеонъ приказалъ своему секретарю Лелорнь-Дидевилю привести въ Кремль Яковлева, имя котораго онъ зналъ потому, что братъ его былъ до войны посланникомъ при вестфальскомъ королѣ. Наполеонъ принялъ его въ тронной залѣ и послѣ нѣсколькихъ словъ обыкновенной вѣжливости вступилъ при Лелорнѣ въ слѣдующій разговоръ: «Не мы жжемъ Москву. Я занималъ почти всѣ столицы въ Европѣ и не истреблялъ ихъ. Я сжегъ въ Италіи одинъ городъ, потому что тамъ защищались въ улицахъ. Возможно-ли? Вы сами поджигали Москву, святую Москву, гдѣ погребены предки вашихъ монарховъ».—«Не знаю причины несчастія», отвѣчалъ Яковлевъ, «но ношу на себѣ слѣды его; теперь все мое имущество заключается только въ лохмотьяхъ, которыя на мнѣ».—«Кто вашъ губернаторъ въ Москвѣ?»—«Графъ Ростопчинъ».—«Что онъ за человѣкъ»?—«Человѣкъ умный».—«Можетъ быть, умный», отвѣчалъ Наполеонъ, «но сумасшедшій. Я и прежде имѣлъ нѣкоторое понятіе о Россіи; теперь, судя по тому, что я видѣлъ отъ границы до Москвы, я убѣдился, что Россія—прекраснѣйшая страна. Вездѣ обработанныя поля, вездѣ селенія, но дома я нашелъ или пустыми, или сгорѣвшими. И вы сами обращаете ихъ въ пепелъ, разоряете вашу прекрасную землю! Впрочемъ, это не помѣшало мнѣ идти впередъ. Понятно, если-бъ вы такъ поступили въ Польшѣ: поляки того заслуживали. Они встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями. Надобно положить конецъ пролитію крови. Я веду войну чисто политическую. Мнѣ нечего дѣлать въ Россіи; я отъ васъ требую только исполненія Тильзитскаго договора. Главное дѣло для меня—Англія. Если-бы я взялъ Лондонъ, то не скоро-бы его оставилъ. Я хочу воротиться назадъ. Если императоръ Александръ желаетъ мира, пусть только дастъ мнѣ знать. Я пошлю къ нему кого-нибудь изъ моихъ адъютантовъ, Нарбона или Лористона, и миръ заключимъ скоро. Если-же онъ хочетъ войны, то будемъ продолжать ее. Мои войска настоятельно требуютъ, чтобы я велъ ихъ въ Петербургъ. Стоитъ только пойти туда, и Петербургъ испытаетъ участь одинаковую съ Москвою».

Воспользовавшись минутою, когда Наполеонъ нюхалъ табакъ, Яковлевъ спросилъ его: «Гдѣ ваша главная армія?»—«На Рязанской дорогѣ», отвѣчалъ Наполеонъ.—«А графъ Витгенштейнъ?»—«Въ направленіи къ Петербургу; онъ совершенно разбитъ Сенъ-Сиромъ». Тутъ Наполеонъ началъ говорить о своихъ силахъ и преувеличивалъ ихъ. «Русскіе солдаты превосходны и офицеры хороши», сказалъ онъ, «но они не въ состояніи перенести столько трудностей, какъ мои офицеры, которые одинаково выдерживаютъ холодъ, жаръ, лишенія. Ваши бумажныя деньги скоро потеряютъ цѣну, и вы обанкрутитесь. Мои солдаты завели въ городѣ рынки, нашли множество запасовъ, лучшія вина въ погребахъ. Когда они напишутъ къ своимъ роднымъ о здѣшнемъ изобиліи, вся Европа къ вамъ нахлынетъ. Вы хотите ѣхать изъ Москвы? Согласенъ, но съ условіемъ, чтобъ вы отправились въ Петербургъ. Императору Александру пріятно будетъ видѣть свидѣтеля тому, что происходитъ въ Москвѣ, и вы ему все объясните». На замѣчаніе Яковлева, что по своему чину и званію онъ не имѣетъ права надѣяться быть допущеннымъ до государя, Наполеонъ отвѣчалъ: «Обратитесь къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому; онъ—человѣкъ честный; или велите камердинеру доложить о себѣ императору, или подите навстрѣчу государя во время его ежедневныхъ прогулокъ».—«Теперь я во власти вашей», было отвѣтомъ Яковлева, «но я не пересталъ быть подданнымъ императора Александра и останусь имъ до послѣдней капли крови. Не требуйте отъ меня того, чего я не долженъ дѣлать, я ничего не могу обѣщать».—«Въ такомъ случаѣ», сказалъ Наполеонъ, «я напишу письмо къ вашему государю; скажу, что посылалъ за вами и поручилъ вамъ доставить письмо».

На другой день Лелорнь-Дидевиль привезъ письмо и повелѣніе пропустить плѣннаго изъ города. Въ сопровожденіи болѣе 500 человѣкъ Яковлевъ вышелъ пѣшкомъ изъ Москвы, къ вечеру добрался до Черной Грязи, гдѣ явился на передовой цѣпи отряда Винцингероде и былъ имъ отправленъ съ офицеромъ въ Петербургъ. Здѣсь его привезли къ графу Аракчееву, который доложилъ о немъ государю и получилъ повелѣніе: не представлять его императору, а только взять отъ него письмо Наполеона. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Узнавъ, что братъ посланника Вашего Императорскаго Величества при кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству, для изъявленія вамъ моихъ чувствъ. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Ростопчинъ сжегъ ее; 400 человѣкъ схвачены въ то время, когда они зажигали городъ. Всѣ они показали, что дѣйствовали по приказанію губернатора и начальника полиціи. Виновные разстрѣляны. Кажется, наконецъ, пожаръ прекратился. Три четверти домовъ сгорѣли, остается четвертая доля. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли! Для того-ли зажгли городъ, чтобы лишить насъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, куда огонь не коснулся. Стоило-ли для достиженія столь маловажной цѣли истреблять одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, сооруженный вѣками? Точно такъ-же поступаютъ отъ самаго Смоленска, отъ чего шестьсотъ тысячъ семействъ доведены до нищеты. Московскія пожарныя трубы изломаны или вывезены изъ города; часть орудія, находившагося въ арсеналѣ, была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выгонять ихъ изъ Кремля выстрѣлами. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить

мнѣ столицу, покинутую русскою арміею. Необходимо было оставить въ ней власти, чиновниковъ и гражданскую стражу. Такъ поступали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ, такъ поступили и мы въ Миланѣ, когда входилъ туда Суворовъ. Пожаръ подалъ солдатамъ право грабить: они присвоиваютъ себѣ то, что не сгорѣло. Я не писалъ-бы къ Вашему Величеству, если-бы предполагалъ, что все это совершается по повелѣнію Вашему. Я считаю невозможнымъ, чтобы съ Вашими правилами, Вашимъ сердцемъ и свѣтлымъ образомъ мыслей Вы допустили такія неистовства, недостойныя великаго Монарха и великаго народа. Когда увозили изъ Москвы пожарныя трубы, оставили въ ней 150 полевыхъ орудій, 70,000 новыхъ ружей, 1.600,000 патроновъ, великое множество пороха, селитры, сѣры и прочаго. Безъ озлобленія веду я войну съ Вашимъ Величествомъ. Если-бы до послѣдняго сраженія или вскорѣ послѣ него Вы написали мнѣ записку, я остановилъ-бы армію и охотно пожертвовалъ-бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнее расположеніе, то благосклонно прочтите мое письмо. Во всякомъ случаѣ, Вы мнѣ будете благодарны, что я извѣстилъ Ваше Величество о происходящемъ въ Москвѣ».

Это было послѣднее письмо Наполеона къ государю; оно написано съ цѣлью подать поводъ къ начатію дипломатическихъ сношеній. Презрительное молчаніе Александра было единственнымъ отвѣтомъ на миролюбивый вызовъ Наполеона. Какъ мыслилъ императоръ о письмѣ Наполеона, видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ тогда его величествомъ къ наслѣдному шведскому принцу: «Наполеонъ искалъ въ Москвѣ кого-нибудь для доставленія ко мнѣ письма. Наконецъ, онъ захватилъ отставного гвардейскаго офицера Яковлева, который, сопровождая стараго, больного дядю своего, хотѣлъ уѣхать во внутреннія губерніи и нечаянно былъ застигнутъ непріятелемъ. Я велѣлъ показать письмо графу Левенгельму. Онъ прочиталъ его и о содержаніи донесетъ вашему высочеству. Впрочемъ, письмо заключаетъ въ себѣ только пустое хвастовство».

Наканунѣ отправленія письма съ Яковлевымъ, Наполеонъ посылалъ за начальникомъ уцѣлѣвшаго отъ пожара воспитательнаго дома Тутолминымъ, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о воспитаніи и содержаніи дѣтей, улыбнулся, узнавъ объ увозѣ взрослыхъ дѣвицъ, и потомъ сказалъ: «Намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, что я теперь могу сдѣлать только для одного вашего заведенія. Я желалъ поступить съ Москвою такъ, какъ поступалъ съ Вѣною и Берлиномъ, но, оставивъ городъ почти пустымъ, русскіе совершили безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, стараясь причинить мнѣ временное зло, разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Нанесенный вами самимъ себѣ вредъ невозвратимъ. Всѣ рапорты, ежечасно мною получаемые, и зажигатели, пойманные на самомъ дѣлѣ, доказываютъ, откуда происходятъ варварскія повелѣнія о такихъ ужасахъ. Донесите о томъ императору Александру. Ему, безъ сомнѣнія, неизвѣстны эти злодѣянія. Я никогда не воевалъ подобнымъ образомъ. Солдаты мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я ничего не находилъ, кромѣ пепла. Извѣстно-ли вамъ, что въ день вступленія моего въ Москву выпущены были изъ тюрьмы колодники? Правда-ли, что увезены пожарныя трубы?» Въ заключеніе Наполеонъ велѣлъ Тутолмину

донести обо всемъ государю и сказалъ, что отправляемаго чиновника пропуститъ черезъ аванпосты, посредствомъ которыхъ можно получить въ отвѣтъ повелѣніе, какое государь соблаговолитъ прислать. И этотъ способъ сближенія съ императоромъ остался тщетнымъ: на донесеніе Тутолмина не послѣдовало отвѣта.

Присутствіе Наполеона въ Москвѣ не положило конца неистовствамъ. Претерпѣвая во всемъ недостатокъ, войско искало подъ развалинами и пепломъ продовольствія, обуви, теплой одежды, богатствъ, которыя должны были замѣнить обманутыя надежды на блистательный миръ, на спокойную, веселую жизнь въ Москвѣ. Разоривъ и похитивъ все, находившееся на поверхности города, европейскіе варвары втыкали въ землю сабли, палаши и пики, испытывая, не спрятано-ли что въ землѣ, разгребали кучи песку и обгорѣлыхъ кирпичей, для отысканія, не сокрыто-ли что подъ ними. Вѣчный сонъ мертвыхъ не былъ пощаженъ. Разрывали могилы, выбрасывая изъ гробовъ тѣла усопшихъ, отрѣзывали у покойниковъ пальцы, когда находили на нихъ золотыя кольца. Генералы и офицеры, разсѣянные по обширному городу и во время пожара бѣгавшіе за помѣщеніемъ изъ дома въ домъ, съ трудомъ отыскивали начальниковъ и подчиненныхъ. По этой причинѣ приказанія ни къ кому не доходили въ настоящую пору и оставались безъ своевременнаго исполненія. Войска, находившіяся въ Москвѣ и стоявшія за заставами, были впускаемы для грабежа поочередно, по наряду. Такъ велѣно было Наполеономъ, и называлось: «aller à la maraude». Получивъ законное полномочіе на грабежъ, каждый буйствовалъ, никого не слушая. Начальство не было въ состояніи прекратить преступленія и ослушанія: Наполеонъ сдѣлался рабомъ своихъ рабовъ. Одной гвардіи отпускалось продовольствіе и запрещено было грабить, но напрасно: она не повиновалась. Наконецъ, противъ грабителей ополчились русскіе, остававшіеся въ Москвѣ. Погреба, подвалы, пруды, колодцы, отхожія мѣста дѣлались могилами непріятелей. Нарочно поили враговъ до-пьяна и потомъ, когда они засыпали, убивали сонныхъ и прятали мертвыя ихъ тѣла.

Только къ 17 сентября могли разобраться въ суматохѣ и учредить приказъ управленія, названный муниципалитетомъ. Появились бѣлыя перевязи на рукахъ, красныя ленты, разноцвѣтные шарфы, означавшіе коммиссаровъ, полицейскихъ, приставовъ. Начальникомъ муниципалитета, душою и полновластнымъ распорядителемъ былъ Лессепсъ, пожалованный Наполеономъ въ интенданты московской губерніи. Приказанія этихъ властей были презираемы войскомъ. На выдаваемые начальствомъ охранные листы нѣкоторымъ монастырямъ и общественнымъ заведеніямъ французы плевали.

Большая часть московскихъ церквей и монастырей стояли сожженными и разграбленными. Церковная утварь была вывезена въ отдаленныя губерніи или въ окрестности Москвы, или сокрыта въ церквахъ, подъ полами и надъ сводами. Въ однихъ мѣстахъ утварь разграблена, въ другихъ осталась въ цѣлости, такъ какъ не была найдена французами; нѣкоторыя церкви обращены были въ казармы, другія въ магазины, конюшни и бойни: во всѣхъ престолы были сдвинуты съ мѣстъ и святость храмовъ поругана. Враги гнусно издѣвались въ церквахъ надъ облаченіями и образами, обдирали оклады съ иконъ, обезображивали ихъ, выбрасывали на улицы, ру-

били, жгли и употребляли, какъ простыя доски, а престолы вмѣсто столовъ и на другія надобности, облекались въ рясы и ризы, разъѣзжали въ нихъ съ зажженными свѣчами по улицамъ и ходили по домамъ. У Красныхъ воротъ устроена была мишень изъ образовъ для стрѣльбы въ цѣль. Изъ Вознесенской церкви, на Гороховомъ полѣ, непріятели похитили съ другими вещами брачные мѣдные вѣнцы, надѣвали ихъ на медвѣдя и заставляли плясать его. Священно и церковно-служители по большей части выѣхали или заблаговременно, или по вступленіи непріятеля въ Москву; оставшіеся укрывались съ семействами на пожарищахъ своихъ приходовъ, кое-гдѣ выгорѣвшихъ до послѣдняго дома. Они не были безучастными зрителями грабительства и поруганія святыни, но съ опасностью жизни тушили огонь, разрушавшій церкви, защищали церковное имущество и обличали враговъ въ богомерзкихъ поступкахъ. Одни запечатлѣли свое усердіе къ дому Божію ранами, другіе нашли смерть отъ меча непріятельскаго.

Ровно двѣ недѣли со вступленія непріятеля въ Москву не было отправляемо въ ней богослуженіе и не оглашалась она благовѣстомъ. Кавалергардскаго полка священникъ Граціанскій, запоздавшій въ Москвѣ при выходѣ нашихъ войскъ и взятый въ плѣнъ, былъ первый, просившій французское начальство о дозволеніи совершать службу Божію, но съ условіемъ, что не будетъ запрещено молиться о государѣ и поминать на эктеніи императорскій домъ, безъ чего ни онъ, ни другіе священники не хотѣли служить обѣдни. Французское начальство согласилось на ихъ просьбу. Къ истинному утѣшенію и духовной отрадѣ скорбѣвшихъ православныхъ, началъ Граціанскій, 15-го сентября, служеніе въ церкви архидіакона Евпла. Въ тотъ день, когда во всей Россіи совершалось молебствіе о коронованіи государя, онъ возсылалъ въ плѣненной столицѣ мольбы о покореніи враговъ и супостатовъ подъ ноги россійскаго самодержца и о дарованіи ему побѣды. Примѣръ его не могъ найти многихъ послѣдователей, ввиду разоренія храмовъ. Видя, съ какимъ усердіемъ стекались жители къ богослуженію, Наполеонъ велѣлъ приставить часовыхъ къ малому числу церквей, гдѣ оно отправлялось, но часовые не препятствовали безчинству и наглостямъ своихъ соплеменниковъ. Въ Троицкой церкви священникъ, совершая крещеніе, увидѣлъ за собою двухъ французовъ, стоявшихъ въ киверахъ. Обратясь къ нимъ, онъ произнесъ, по ревности своей, строгое напоминаніе, что и они — христіане. За это одинъ изъ враговъ далъ ему сильную пощечину.

Нѣсколько разъ Наполеонъ выѣзжалъ изъ Кремля для прогулокъ по городу, въ сопровожденіи генераловъ, придворныхъ и трехъ русскихъ плѣнныхъ, тѣхъ самыхъ, которые были при немъ во время вступленія въ Москву и постоянно содержались въ Кремлѣ. Они разсказывали, что Наполеонъ былъ всегда въ мундирѣ темнозеленаго сукна, съ краснымъ воротникомъ, безъ шитья, съ звѣздою на лѣвой сторонѣ, лентою по камзолу и въ низенькой трехугольной шляпѣ. Онъ ѣздилъ на простой польской лошади; подъ генералами и придворными были англійскія, а подъ плѣнными—изможенныя крестьянскія, спотыкавшіяся на каждомъ шагу. При первой прогулкѣ Наполеона, многіе изъ жителей, испившихъ всю чашу бѣдствій, завидѣвъ издали блестящую свиту, убѣгали прочь. Другіе, посмѣлѣе, отважи-

лись украдкою выглядывать изъ-за обвалившихся стѣнъ. Напослѣдокъ, въ одномъ переулкѣ близъ Охотнаго ряда, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человѣкъ до 40, на которыхъ отъ страха, голода и холода едва оставалось подобіе человѣческое, выждавъ приближеніе Наполеона, упали среди грязи на колѣни, простерли къ нему руки, разсказывали о понесенномъ ими разореніи и просили пощады. Наполеонъ поворотилъ лошадь въ сторону, не удостоилъ ихъ своего взгляда и только приказалъ узнать: о чемъ они просятъ? Къ сиротамъ, разрозненнымъ отъ семействъ и съ воплемъ отыскивавшимъ своихъ родителей на пепелищахъ, Наполеонъ оказывалъ менѣе нечувствительности и приказалъ отсылать ихъ въ воспитательный домъ. Изъ донесеній Тутолмина видно, что Наполеономъ было прислано къ нему двѣ сироты, а маршаломъ Мортье и французскимъ комендантомъ—20. Присланныхъ Наполеономъ въ воспитательный домъ двухъ сиротъ два раза свидѣтельствовали по его повелѣнію: какъ они содержатся. По всему пространству Москвы Наполеону представлялись свѣжіе слѣды небывалаго въ мірѣ пожара, неслыханныхъ насилій, совершеннаго запустѣнія. Сожженные дома и церкви все еще дымились; уцѣлѣвшія строенія были разграблены, храмы поруганы. Вездѣ валялись по мостовымъ разбросанныя, разорванныя или разломанныя люстры, зеркала, столовая посуда, мебель, картины, книги, церковныя утвари, лики угодниковъ Божіихъ. На площадяхъ и улицахъ Наполеонъ видѣлъ трупы людей, убитыхъ, сгорѣвшихъ, умершихъ отъ голода. Никто не убиралъ человѣческихъ тѣлъ и конскаго падалища. Изъ жителей злополучнаго города, оставшихся въ живыхъ, большая часть бродили раненые, изувѣченные, избитые; всѣ вообще были ограблены, полунаги и босы, въ ежеминутномъ страхѣ лишиться жизни отъ руки непріятеля. Какъ ни ужасны были такія явленія подъ безжизненнымъ небомъ Москвы, однако-же, для Наполеона молчаніе Александра было грознѣе. Уже около двухъ недѣль проходило съ того времени, когда онъ отправилъ письмо къ государю, но не имѣлъ еще не только отвѣта, но даже обыкновеннаго извѣщенія о полученіи письма. Тревожное недоумѣніе тяготило Наполеона. Онъ почувствовалъ свое безсиліе бороться съ Александромъ, рѣшился просить мира и отправилъ Лористона съ формальными о томъ предложеніями къ князю Кутузову. Это случилось 22-го сентября, черезъ три мѣсяца и 10 дней по вторженіи Наполеона въ наши предѣлы. Можно-ли найти доказательство неодолимости Россіи очевиднѣе этого примѣра: съ небольшимъ три мѣсяца достаточны были убѣдить перваго полководца нашего вѣка въ невозможности потрясти наше отечество.

ГЛАВА VIII.

Народная война.

I.

Императоръ Александръ отвергаетъ предложенный Наполеономъ миръ.

Только два дня минуло со вступленія русской арміи въ Тарутинскій лагерь, какъ 23-го сентября князю Кутузову доставили письмо отъ маршала Бертье, извѣщавшаго о желаніи Наполеона отправить къ на-

шему главнокомандующему генералъ-адъютанта графа Лористона, съ важными порученіями. При вскрытіи письма у фельдмаршала находился одинъ князь Волконскій. «Чего хочетъ отъ меня Наполеонъ?» сказалъ Кутузовъ и присовокупилъ: «Который теперь часъ?»—«10 часовъ», отвѣчалъ князь Волконскій.—«Я спросилъ объ этомъ для того», продолжалъ фельдмаршалъ, «что должно выиграть время и сколько можно долѣе держать французовъ въ бездѣйствіи. Обыкновенно они аттакуютъ не ранѣе полудня, отобѣдавъ. Надобно извѣстить Лористона, что я самъ пріѣду на передовые посты для переговоровъ, а, между тѣмъ, пройдетъ день». Вскорѣ, однако, Кутузовъ отмѣнилъ свое намѣреніе и велѣлъ Волконскому ѣхать въ авангардъ, спросить Лористона, съ чѣмъ онъ присланъ, и, если у него есть отъ Наполеона письмо, то взять его. «Но что прикажете дѣлать, ежели Лористонъ не отдастъ мнѣ письма и не захочетъ объявить своего порученія?» спросилъ князь Волконскій.— «Въ такомъ случаѣ», возразилъ фельдмаршалъ, «скажи, что пошлешь ко мнѣ за приказаніями; но только вели адъютанту ѣхать какъ можно тише».

Прибывъ на аванпосты, князь Волконскій увидѣлъ французскихъ генераловъ, разъѣзжавшихъ вдоль передовой цѣпи. Онъ далъ имъ знать, что ожидаетъ Лористона, который немедленно явился. Князь Волконскій объявилъ ему о своемъ полномочіи узнать о предметѣ его порученія и принять отъ него письмо Наполеона, если онъ привезъ его съ собою. Лористонъ отвѣчалъ, что ни того, ни другого исполнить не можетъ, имѣя отъ Наполеона повелѣніе объясниться съ фельдмаршаломъ лично. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ князь Волконскій, «я пошлю къ нему адъютанта». Онъ велѣлъ своему ординарцу Нащокину донести князю Кутузову объ отвѣтѣ Лористона и потихоньку присовокупилъ, чтобы Нащокинъ, пока будетъ въ виду Лористона, поднесся во весь опоръ, а потомъ, когда скроется отъ его глазъ, ѣхалъ шагомъ и не торопился. Оставшись наединѣ съ Лористономъ, князь Волконскій сказалъ ему, что въ ожиданіи отвѣта лучше каждому изъ нихъ отправиться въ свой авангардъ. Предложеніе было принято, но въ ту минуту, когда они поворачивали лошадей, подъѣхали къ нимъ: съ французской цѣпи Мюратъ, а съ нашей—Беннигсенъ и Милорадовичъ. «Долго-ли длиться войнѣ?» спросилъ Мюратъ.—«Не мы начинали войну», отвѣчалъ Милорадовичъ.—«Какъ неаполитанскій король», продолжалъ Мюратъ, «я нахожу, что вашъ климатъ суровъ». Послѣ короткаго, незначительнаго разговора, генералы обоюдныхъ войскъ возвратились въ свои авангарды. Когда совсѣмъ смерклось, Нащокинъ возвратился съ отвѣтомъ князя Кутузова, приглашавшаго въ свою главную квартиру Лористона. Извѣщенный о томъ Лористонъ не замедлилъ пріѣхать въ нашъ авангардъ и отправился съ княземъ Волконскимъ на дрожкахъ. Арміи было велѣно разложить множество огней. Казалось, въ лагерѣ стояло 200 или болѣе тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые полки были переведены съ одного мѣста на другое, чтобы скрыть отъ Лористона настоящее положеніе войскъ и размѣщеніемъ ихъ на обширномъ пространствѣ придать видъ многочисленности. Людямъ было велѣно варить кашу съ мясомъ и пѣть пѣсни, сопровождаемыя музыкою. Солдаты торжествовали, какъ побѣду, извѣстіе, что Наполеонъ шлетъ посла, и догадывались, что врагъ принужденъ просить мира. Среди шумнаго веселія войскъ и безчисленныхъ огней князь Волконскій и Лористонъ ѣхали мимо биваковъ въ Тарутино. Въ ожиданіи посла, князь Кутузовъ принарядился. Обык-

новенно на немъ былъ сюртукъ и черезъ плечо нагайка и портупея, но, готовясь принять Наполеонова посла, онъ впервые надѣлъ мундиръ. Онъ вышелъ на улицу и сказалъ окружавшимъ его: «Господа! можетъ быть, съ Лористономъ пріѣдутъ французскіе офицеры; прошу ни о чемъ другомъ не говорить съ ними, кромѣ какъ о дождѣ и погодѣ». Въ 10½ часовъ вечера пріѣхалъ Лористонъ. Съ нимъ не было ни одного француза. Фельдмаршалъ пригласилъ его въ избу и остался съ нимъ вдвоемъ.

Лористонъ началъ разговоръ замѣчаніями о пожарѣ Москвы и обвинялъ въ зажигательствѣ русскихъ, оставшихся въ столицѣ. Потомъ онъ предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ, въ чемъ князь Кутузовъ отказалъ ему. Болѣе всего онъ распространялся о жестокомъ образѣ войны съ нашей стороны и относилъ ожесточеніе не къ арміи, а къ жителямъ, жалуясь, что они сами жгутъ свои дома и хлѣбъ и нападаютъ на французовъ, идущихъ по-одиночкѣ или небольшими командами. Послѣ этого, какъ доносилъ князь Кутузовъ государю, «Лористонъ дошелъ до истиннаго предмета своего посольства, то есть, сталъ говорить о мирѣ. Дружба, сказалъ онъ, существовавшая между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Наполеономъ, разорвалась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ посторонимъ, и теперь удобный случай возстановить ее. Неужели эта небывалая, неслыханная война должна продолжаться вѣчно? сказалъ Лористонъ и продолжалъ: «Императоръ искренно желаетъ прекратить эту распрю между двумя великими и благородными народами». Я отвѣтствовалъ ему, что на это я не имѣю никакого наставленія, и что при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянули».

«Послѣ сего», продолжаетъ князь Кутузовъ, «Лористонъ просилъ меня испросить у вашего Императорскаго Величества согласія прибыть ему по этому предмету въ Петербургъ. Въ ожиданіи отвѣта, онъ предложилъ перемиріе, въ которомъ я ему отказалъ. Онъ съ нетерпѣніемъ расчитывалъ время, когда на мое донесеніе отвѣтъ придти можетъ. Я обѣщалъ исполнить его требованіе, то есть, донесть о семъ желаніи Наполеона Вашему Императорскому Величеству».

Разговоръ князя Кутузова съ Лористономъ продолжался ровно 50 минутъ. Потомъ фельдмаршалъ послалъ за княземъ Волконскимъ, повторилъ ему при Лористонѣ все то, о чемъ было разсуждаемо, и присовокупилъ, обращаясь къ французскому послу: «Вы спрашиваете, зачѣмъ народъ нападаетъ на ваши войска? Народомъ я не начальствую и не могу воспрепятствовать вооруженію его. Что касается до арміи, надѣюсь, что она соблюдаетъ всѣ правила, существующія между просвѣщенными державами. Можетъ быть, васъ ожидаютъ еще большія несчастія со стороны народа. Относительно-же переговоровъ государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе. Спросите у князя Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ эту монаршую волю».

На слѣдующее утро князь Кутузовъ отправилъ въ Петербургъ князя Волконскаго: Императоръ не только не одобрилъ поступка главнокомандующаго, но, непоколебимый въ своихъ правилахъ, которымъ Россія обязана спасеніемъ: не вступать съ непріятелемъ ни въ какіе переговоры, изъявилъ князю Кутузову свое неудовольствіе въ слѣдующемъ рескриптѣ.

«Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣрен-

нымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ Нынѣ-же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою-же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо. Равнымъ образомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ я, что генералъ Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ и еще безъ всякой къ тому побудительной причины. Поставя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать. Всѣ свѣдѣнія отъ Меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія Мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой Моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязаность: отмстить за оскорбленное отечество».

Такъ отвергнуты были государемъ формальныя предложенія о мирѣ, сдѣланныя Наполеономъ, который съ своей стороны не переставалъ надѣяться на полученіе удовлетворительнаго отвѣта. Ожидая его съ часу на часъ, онъ оставался въ Москвѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ императоръ Александръ готовилъ для гибели враговъ всѣ средства. Составленіе резервовъ особенно озабочивало государя. Резервы были троякаго рода: пѣшіе, конные и артиллерійскіе. Пѣшіе формировались въ Арзамасѣ, Ярославлѣ и Петербургѣ. Князь Лобановъ-Ростовскій формировалъ въ Арзамасѣ 67 батальоновъ, то есть, для каждаго пѣхотнаго и егерскаго полка главной арміи по одному сильному батальону въ 1,000 человѣкъ; генералъ-лейтенантъ Клейнмихель въ Ярославлѣ по одному такому-же батальону для каждаго изъ 12-ти гренадерскихъ и 12-ти полковъ корпуса графа Витгенштейна; генералъ-маіоръ Башуцкій въ Петербургѣ 6 батальоновъ для гвардіи и 18 для финляндскаго корпуса. Сверхъ штатнаго числа людей, при каждомъ резервномъ батальонѣ была особая команда изъ 2-хъ офицеровъ, 5-ти унтеръ-офицеровъ и 60-ти рядовыхъ, назначенныхъ по выступленіи батальоновъ въ походъ оставаться на мѣстѣ для обученія рекрутовъ, или, лучше сказать, новой формировки батальоновъ изъ рекрутовъ, набиравшихся по манифесту 7-го августа. Генералъ-лейтенантъ Кологривовъ командовалъ главнымъ коннымъ резервомъ, расположеннымъ въ Муромѣ, гдѣ формировались для каждаго изъ 47-ми кавалерійскихъ полковъ, бывшихъ въ дѣйствующихъ арміяхъ, по два сильныхъ эскадрона изъ 208 человѣкъ, всего 94 эскадрона, а въ нихъ 19,552 человѣка. Въ Петербургѣ формировался особенный резервъ для гвардейскихъ конныхъ полковъ, въ каждый по два эскадрона. Генералъ-адъютантъ Кутузовъ набиралъ 3,747 конныхъ ямщиковъ, съ ямовъ между Москвою и Петербургомъ. Артиллерійскіе резервы были въ Нижнемъ-Новгородѣ, Петербургѣ, Костромѣ и Тамбовѣ: 8,050 человѣкъ для пѣшей и 1,350 для конной артиллеріи. Въ низовыхъ губерніяхъ производилось формированіе 46,000 ополченія 3-го округа, начальникъ котораго, графъ Толстой, отъ 29-го сентября доносилъ, что въ скоромъ времени онъ надѣялся быть готовымъ къ выступленію. Рекрутовъ по манифесту 7-го августа ставили чрезвычайно поспѣшно. Въ людяхъ

не было недостатка, но затрудненія встрѣчались въ снабженіи запасныхъ войскъ оружіемъ, аммуниціею, обозами, сѣдлами, тѣмъ болѣе, что сперва подряды на постройку обозовъ и вещей были заключены въ Москвѣ. Съ паденіемъ ея нарушились контракты и кончилось правильное продовольствіе войскъ изъ московскихъ коммиссій. Мастеровые, подрядчики и коммиссіонеры разбѣжались. Нужно было снова дѣлать заказы, выписывать изъ Петербурга провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ, вновь заводить отчетность. На всѣхъ главныхъ дорогахъ умножили число почтовыхъ лошадей, и на нихъ возили аммуницію, порохъ, свинецъ, оружіе, даже пушки и зарядные ящики, съ офицерами и прислугою.

Безчисленныя заботы не истощали дѣятельности императора Александра. Ввиду обширности пространства, на которомъ находились арміи, онѣ были безъ взаимныхъ между собою сообщеній, потому что непріятели занимали центральное положеніе. Государь былъ средоточіемъ, куда стекались донесенія главнокомандующихъ и отдѣльныхъ начальниковъ и откуда исходили къ нимъ повелѣнія. Каждаго изъ нихъ императоръ ставилъ въ извѣстность о томъ, что дѣлалось въ другихъ частяхъ театра войны. Онъ не ограничивался одними повелѣніями арміямъ, военному министру, отдѣльнымъ корпуснымъ командирамъ, но самъ собственноручно велъ переписку съ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, съ начальниками резервовъ, оружейныхъ заводовъ, губернскихъ ополченій, съ гражданскими губернаторами, даже съ отдѣльными небольшими рекрутскими командами. Желая знать о точномъ исполненіи своихъ распоряженій, онъ приказывалъ тѣмъ, кому посылалъ повелѣнія, чтобы они, кромѣ своихъ рапортовъ по командѣ, представляли также донесенія прямо къ нему. Дѣятельность его превосходила всякое вѣроятіе.

II.

Партизанская война.

При вступленіи въ Тарутинскій лагерь, въ арміи состояло на лицо 75,563 рядовыхъ, въ томъ числѣ 15,530 ратниковъ московскаго ополченія и 7,600 рекрутовъ, слѣдовательно: старыхъ солдатъ только 52,343 человѣка. Орудій было 216 батарейныхъ, 294 легкихъ и 112 конныхъ, всего 622. Сверхъ того, находилось при арміи 28 казачьихъ полковъ, о наличномъ числѣ которыхъ, по причинѣ безпрестанныхъ командировокъ, нельзя было имѣть вѣрныхъ свѣдѣній. У Наполеона, въ Москвѣ и окрестностяхъ стояло болѣе 100,000 человѣкъ, кромѣ корпуса Жюно, расположеннаго въ Можайскѣ. Утомленіе обѣихъ воевавшихъ сторонъ было одинаково; обѣ слишкомъ три мѣсяца находились въ безпрерывномъ движеніи, почти во всегдашнемъ огнѣ. Въ теченіе этого времени не проходило ни одного дня безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не гремѣли выстрѣлы, не лилась кровь. Однако-же, Наполеонъ все еще превосходилъ насъ многочисленностью войска. Уравновѣсить свои силы съ силами противника, укрѣпить составъ войскъ и ослабить всѣми способами непріятеля—таковы были намѣренія князя Кутузова, когда онъ остановился въ Тарутинѣ, гдѣ его не тревожилъ Наполеонъ, пребывавшій въ совершенномъ бездѣйствіи на развалинахъ Москвы, въ

ожиданіи мира. Выгоды были, очевидно, на сторонѣ князя Кутузова. Онъ находился въ нѣдрахъ отечества, среди согражданъ, готовыхъ принести въ жертву жизнь и достояніе, между тѣмъ какъ Наполеонъ былъ удаленъ отъ источниковъ подкрѣпленія, среди народа, одушевленнаго противъ него святымъ мщеніемъ. Связь военныхъ дѣйствій и сообщенія Наполеона сдѣлались чрезвычайно затруднительны со времени вступленія его въ Москву. При началѣ войны, центръ его, то есть, главная армія, лично имъ предводимая, была близко отъ боковыхъ корпусовъ: влѣво отъ Сенъ-Сира и Удино, вправо отъ князя Шварценберга и Ренье. До самаго Смоленска положеніе его было грозно, потому что онъ находился въ непосредственной связи съ боковыми корпусами и могъ дѣйствовать всею громадою своихъ силъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда онъ перешелъ за Днѣпръ, и особенно, когда занялъ Москву. Корпусы, оставленные на флангахъ и въ тылу, на Двинѣ, въ Курляндіи и на Волыни, были отъ него совершенно отдѣлены, а путь его сообщеній безъ мѣры растянутъ и могъ быть удобно пресѣченъ на протяженіи отъ Смоленска до Москвы.

Желая воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, князь Кутузовъ отрядилъ во всѣ стороны партизановъ, съ повелѣніемъ переноситься съ одного мѣста въ другое, нападать внезапно и дѣйствовать то совокупно, то порознь. Отряды рѣдко превышали 500 человѣкъ и были большею частью составлены изъ казачьихъ войскъ; иногда къ нимъ присоединяли небольшое количество регулярной конницы. Фельдмаршалъ обыкновенно предоставлялъ начальникамъ партій выбирать себѣ въ товарищи изъ офицеровъ, кого пожелаютъ. При отправленіи, они получали только назначеніе, въ какую сторону слѣдовать и гдѣ преимущественно производить поиски. Ихъ извѣщали также, какія партіи будутъ находиться къ нимъ ближе другихъ, для взаимной съ ними связи или для совмѣстнаго дѣйствія въ случаѣ превосходства непріятеля или какого нибудь важнаго предпріятія. Главная цѣль состояла въ нанесеніи возможнаго вреда непріятелю; больше ничего опредѣлительнаго не предписывалось; все прочее зависѣло отъ начальниковъ партій: отважности ихъ представлялось обширное поле. Полковникъ князь Вадбольскій, капитанъ Сеславинъ и поручикъ фонъ-Визинъ были посланы на пространство между Можайскомъ, Москвою и Тарутинымъ. Лѣвѣе отъ нихъ, между Гжатскомъ и Вязьмою, находился съ самаго Бородинскаго сраженія полковникъ Давыдовъ. Вправо отъ арміи дѣйствовали: полковникъ князь Кудашевъ на Серпуховской дорогѣ и войска Донского полковникъ Ефремовъ на Коломенской. Такимъ образомъ составилась цѣпь летучихъ отрядовъ на южной сторонѣ Москвы, которая проходила отъ Вязьмы до Бронницъ, между тѣмъ какъ генералъ-адъютантъ Винцингероде, стоя около Клина, посылалъ партіи вправо къ Звенигороду, Рузѣ, Гжатску, Сычевкѣ и Зубцову, и влѣво къ Дмитрову. Капитанъ Фигнеръ дѣлалъ набѣги въ окрестностяхъ Москвы, переодѣвался во французскій мундиръ и нѣсколько разъ съѣзжался и разговаривалъ съ непріятелями, не будучи ими узнанъ. Кромѣ всѣхъ этихъ партій, казачьи разъѣзды ходили проселками въ тылъ непріятельскихъ войскъ, стоявшихъ противъ Тарутинскаго лагеря. Подполковникъ Давыдовъ вызвался первый на партизанскія дѣйствія въ главной арміи, поводомъ

чему было слѣдующее обстоятельство: поручикъ Орловъ, отправленный въ Смоленскъ для полученія свѣдѣній о плѣнномъ генералѣ Тучковѣ, возвратившись, разсказывалъ о безпорядкахъ, совершавшихся съ тылу французской арміи. «Она походитъ на Ксерксовы толпы», прибавилъ Орловъ, «и съ сотнею казаковъ можно нанести непріятелю много бѣдъ». Услышавъ эти слова, Давыдовъ испросилъ у фельдмаршала отрядъ для налетовъ въ тылу французовъ и получилъ подъ свое начальство 50 гусаровъ и 80 казаковъ. Съ ними онъ пошелъ къ Юхнову и постоянно находился близъ Вязьмы до прибытія туда арміи въ исходѣ октября.

Имѣя въ виду свободнѣе дѣйствовать на непріятельскомъ пути сообщенія, князь Кутузовъ приказалъ генералъ-маіору Дорохову взять Верею, занятую и укрѣпленную Наполеономъ послѣ Бородинскаго сраженія. Дорохову подчинили 5 батальоновъ пѣхоты, 4 эскадрона гусаровъ, 2 казачьихъ полка, 8 орудій и партію князя Вадбольскаго. 27-го сентября Дороховъ пришелъ въ Боровскъ, гдѣ составилъ нѣсколько отрядовъ: одному велѣлъ расположиться въ Боровскѣ для наблюденія за Каменской и Московской дорогами и сообщеніями съ арміею; другому слѣдовать на Купелицы и стать на дорогѣ изъ Вереи къ Москвѣ; третьему пробираться проселками къ Митяевой, между Вереею и Можайскомъ. Цѣлью двухъ послѣднихъ отрядовъ было пресѣченіе пути французамъ, когда они будутъ вытѣснены изъ Вереи, и извѣщеніе о приближающихся къ нимъ подкрѣпленіяхъ. Съ остальными войсками Дороховъ пошелъ изъ Боровска на Верею, сложилъ ранцы въ Волченкѣ, ночью переправился черезъ Протву, и въ 4 часа утра приблизился къ городу, не замѣченный непріятельскимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ батальона вестфальцевъ. Ободривъ войска привѣтствіемъ, Дороховъ приказалъ имъ спускаться въ городъ отъ Калужской заставы, не стрѣлять, но аттаковать штыками и не кричать ура. Внезапность и быстрота имѣли полный успѣхъ. Непріятели были взяты врасплохъ; ихъ часовые, согнанные съ вала, бросились въ укрѣпленіе; за ними погнались наши. Вестфальцы начали стрѣлять изъ церкви и домовъ, но, послѣ краткихъ переговоровъ, положили оружіе. Полковникъ, 15 офицеровъ, 377 рядовыхъ и знамя достались побѣдителямъ. Въ то время показались французы изъ Борисова. Дороховъ послалъ подкрѣпленіе къ отряду, стоявшему въ Митяевѣ, и французы, увидѣвъ, что Верея находится въ нашихъ рукахъ, отступили. Тотчасъ по занятіи Вереи къ Дорохову явились 1,000 вооруженныхъ крестьянъ Вышегородской волости, предводимыхъ соборнымъ священникомъ Іоанномъ Скобѣевымъ. Уже во время перваго своего появленія около Можайска Дороховъ разослалъ воззваніе въ окрестныя селенія: «Вооружайтесь и присоединитесь ко мнѣ для истребленія злодѣя вѣры и отечества, который разоряетъ храмы Божіи, оскверняя ихъ, опустошаетъ селенія, забираетъ собственность», писалъ онъ. Священникъ съ вышегородцами срылъ верейскія укрѣпленія, отыскалъ запрятавшихся вестфальцевъ и очистилъ соборъ отъ нечистоты, которою непріятели осквернили храмъ. Запасы хлѣба, найденные въ городѣ, были розданы крестьянамъ, а военная добыча солдатамъ. Четверо верейскихъ мѣщанъ и одинъ отставной солдатъ вели наши колонны на приступъ. Князь Кутузовъ наградилъ ихъ знаками отличія военнаго ордена.

Взятіе Вереи открыло партизанамъ столбовую Московскую дорогу. По ней тянулось изъ Смоленска въ Москву и обратно большое число непріятельскихъ обозовъ, парковъ, конвоевъ, больныхъ. Французскіе мародеры наводняли край по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ отъ 30 до 40-ка верстъ. Они состояли изъ бѣглыхъ и отсталыхъ, принадлежавшихъ пѣхотнымъ и коннымъ корпусамъ, ходили большею частью малыми шайками, а иногда колоннами, человѣкъ въ 300, предводимые офицерами и головорѣзами, избираемыми изъ среды ихъ. Пользуясь безначаліемъ, мародеры не знали мѣры насиліямъ. Пожары разливались по широкой чертѣ опустошенія. Устрашенныя грабителями цѣлыя волости, съ остатками своего имущества бѣжали отъ всепожирающей лавы, кочевали въ лѣсахъ или находили гостепріимный кровъ въ удаленныхъ селеніяхъ, гдѣ жители раздѣляли съ выходцами послѣдній кусокъ хлѣба. Въ такомъ видѣ былъ путь непріятельскихъ сообщеній, когда на немъ появились партизаны. Они захватывали фуражировъ и бродягъ, нападали на отдѣльныя команды, транспорты, даже два раза на провозимыя пушки, отнимали или истребляли запасы, перехватывали курьеровъ, ежедневно брали сотни плѣнныхъ и отбитое оружіе, по повелѣнію князя Кутузова, раздавали крестьянамъ. Неоднократно имъ удавалось освобождать русскихъ плѣнныхъ, ведомыхъ изъ Москвы къ Смоленску, и плѣнные поступали на усиленіе партій. Часа за два или за три до разсвѣта партизаны поднимались на поискъ. Схвативъ мародеровъ или на столбовой дорогѣ сорвавъ въ транспортѣ что по силѣ, они обращали свои силы на новый ударъ или уходили въ лѣса. Слѣдуя правилу, что для летучей партіи выгоднѣйшая позиція есть безпрестанное движеніе, а лучшее руководство — налетѣть, какъ снѣгъ на голову, и уйти, партизаны часто перемѣняли свое мѣстопребываніе, стараясь не быть открытыми непріятелемъ и ускользнуть отъ командъ, отряжаемыхъ противъ нихъ французскими комендантами городовъ и этаповъ. Командовавшій въ Вязьмѣ генералъ разослалъ по своимъ войскамъ описаніе примѣтъ Давыдова и велѣлъ схватить его живого или мертваго. Станы нашихъ летучихъ отрядовъ, по наружному виду, похожи были на притоны разбойниковъ или цыганскіе таборы. Крестьяне съ вилами, косами, топорами, французскими ружьями и пистолетами, казаки, гусары, ратники ополченій пестрыми толпами были перемѣшаны съ непріятелями, одѣтыми во всѣ европейскіе мундиры, женами ихъ и дѣтьми. Иные изъ нашихъ плѣнныхъ, послѣ своего освобожденія поступившіе въ партіи, за неимѣніемъ русскихъ мундировъ, были одѣваемы во французскіе. Въ лагери партизановъ свозили отбиваемые у французовъ и награбленные ими въ Москвѣ экипажи, книги, картины, платья и всякія другія вещи. Золото и серебро ходили въ такомъ количествѣ, что донцы, главныя дѣйствующія лица въ летучихъ отрядахъ, промѣнивали ихъ на ассигнаціи за третью и четвертую часть цѣны металла. Крестьяне служили для партизановъ проводниками и обыкновенно содержали передовыя цѣпи; въ добычу себѣ они охотнѣе всего присвоивали рогатый скотъ, лошадей, телѣги, оружіе.

Съ сѣверной стороны Москвы, на Петербургской дорогѣ, находился генералъ-адъютантъ Винцингероде съ отрядомъ изъ 3.216

человѣкъ. Впослѣдствіи къ нему присоединилась часть тверского ополченія, не уступавшаго въ храбрости линейнымъ войскамъ. Казачьи заставы стояли на дорогахъ Ярославской, Владимірской и Дмитровской. Генералу Винцингероде дано было княземъ Кутузовымъ повелѣніе доносить прямо отъ себя государю, и, такъ какъ онъ ближе всѣхъ нашихъ генераловъ находился къ Москвѣ, то черезъ него императоръ получалъ первыя и самыя свѣжія извѣстія обо всемъ, что происходило въ несчастной столицѣ. Къ нему были прикомандированы графомъ Ростопчинымъ пять офицеровъ Московской полиціи. Часто ихъ посылали переодѣтыми въ Москву развѣдывать о силѣ и движеніяхъ непріятеля, запасахъ продовольствія, оставшихся тамъ жителяхъ и дальнѣйшихъ намѣреніяхъ французовъ. Посланнымъ не трудно было исполнять даваемыя имъ порученія. Французскіе караулы на заставахъ исполняли службу небрежно, а въ каждомъ русскомъ, бывшемъ въ Москвѣ, наши посланные встрѣчали самое дѣятельное пособіе. Винцингероде получалъ также свѣдѣнія изъ Москвы, отъ чиновниковъ воспитательнаго дома, посланныхъ Тутолминымъ съ разрѣшенія Наполеона въ окрестности, для добыванія съѣстныхъ припасовъ.

Сперва отрядъ Винцингероде расположился въ селеніи Пѣшковскомъ, въ 30-ти верстахъ впереди Клина, имѣя авангардъ въ Черной Грязи. Противъ него стояли передовыя войска вице-короля, корпусъ котораго былъ на бивакахъ около Петровскаго дворца. Пожаръ скоро истребилъ въ Москвѣ главныя средства продовольствія, какія Наполеонъ надѣялся тамъ найти; грабежъ довершилъ уничтоженіе послѣднихъ средствъ, бывшихъ въ столицѣ. Непріятели принуждены были искать продовольствія въ окрестностяхъ, но и здѣсь ихъ фуражировки сопровождались такимъ-же разбоемъ какъ въ самой Москвѣ. Въ скоромъ времени прилегавшія къ Москвѣ селенія превратились въ пустыню, гдѣ осенній вѣтеръ разносилъ во всѣ стороны уцѣлѣвшіе отъ пламени снопы хлѣба и стоги сѣна. Французамъ пришлось отправляться на болѣе обширное пространство для добыванія скуднаго пропитанія; отряды ихъ раздроблялись на малыя части, отъ чего и казаки, и крестьяне начали губительное истребленіе враговъ. Вправо, къ Волоколамску, Вицингероде послалъ флигель-адъютанта полковника Бенкендорфа. Узнавъ о появленіи его отряда, непріятель отступилъ изъ Волоколамска къ Можайску. Бенкендорфъ, въ сопровожденіи множества присоединившихся къ нему крестьянъ, слѣдовалъ за французами до Сорочина. Однако, Винцингероде, имѣя повелѣніе наблюдать также Дмитровъ, приказалъ Бенкендорфу не отходить слишкомъ далеко отъ Волоколамска и стать въ Пороховѣ. Отсюда партіи его ходили къ Рузѣ, Звенигороду, которые были сильно заняты непріятелемъ, и даже на столбовую Смоленскую дорогу. Съ сотнями плѣнныхъ они приводили перехваченныя почты и французскихъ курьеровъ. Правѣе отъ Бенкендорфа и столь-же удачно дѣйствовалъ войска донскаго подполковникъ Чернозубовъ. Онъ дѣлалъ счастливые набѣги между Можайскомъ и Гжатскомъ и посылалъ партіи къ Сычевкѣ и Зубцову. Авангардъ Винцингероде, подъ начальствомъ полковника Иловайскаго 12-го, также не оставался празднымъ и во все время тревожилъ непріятеля, часто нападая на него изъ засадъ.

Каждый день увеличивалась отвага донцовъ, между тѣмъ какъ непріятель болѣе и болѣе терялъ бодрость. Заботясь о безпрерывной убыли людей и претерпѣвая нужду въ продовольствіи, Наполеонъ велѣлъ вице-королю и Нею подвинуться впередъ, для занятія большаго пространства земли и полученія черезъ это средствъ къ пропитанію. 20-го сентября вице-король пошелъ съ одною дивизіею своего корпуса отъ Петровскаго дворца къ Подсолнечной, другую послалъ къ Волоколамску, третью по Ярославской дорогѣ, а четвертая заняла Дмитровъ. Ней, стоявшій въ Богородскѣ, подвинулъ войска къ Покрову. Разъѣзды его доходили до рѣчки Дубны, но, найдя, что мостъ на ней разрушенъ крестьянами ближнихъ селеній, не пошли далѣе. Общее, единовременное наступательное по разнымъ дорогамъ движеніе французовъ, цѣли котораго сначала нельзя было угадать, прикрыло ихъ фуражировъ и заставило Винцингероде отойти къ Клину. Непріятель остановился у Подсолнечной горы, въ Дмитровѣ и вдоль границъ Владимірской губерніи и въ этомъ расположеніи пробылъ до 1-го октября, когда Наполеонъ началъ сосредоточивать корпусы около Москвы.

Ничто не могло воспрепятствовать непріятелю овладѣть Троицкою Лаврою, защищенною только слабыми казачьими заставами; французы были отъ нея не далѣе 12-ти верстъ. Князь Багратіонъ, привезенный изъ Бородина въ Троицу, припадая къ ракѣ преподобнаго Сергія, упрашивалъ братію отправить сокровище мощей угодника и драгоцѣнности, но митрополитъ Платонъ не велѣлъ прикасаться къ святынѣ, съ которой только сняли балдахинъ съ престола и раки. Съ каждымъ днемъ возростала опасность. Нельзя было предполагать, чтобы непріятель, стоя 7 дней очень близко отъ обители, не простеръ на нее хищнической руки. Молитвы въ Лаврѣ не умолкали. Наконецъ, французскій отрядъ былъ посланъ въ Троицу и выступилъ въ походъ. Въ тотъ самый день, на праздникъ Покрова Богоматери, были носимы вокругъ обители иконы съ крестнымъ ходомъ. Молебствіе еще не кончилось, какъ непріятельскій отрядъ, направленный на Лавру, получилъ приказаніе возвратиться съ дороги. За два вѣка передъ тѣмъ, Палицынъ и мужественные иноки отстояли Лавру достославною защитою; но теперь, когда она совершенно не защищалась войсками, только особенному Промыслу Божію должно было воздать благодареніе, что Лавра спаслась отъ нашествія враговъ, что ея богатства уцѣлѣли отъ ихъ алчности, ея завѣтная святыня отъ расхищенія.

Малочисленность нашихъ партизанскихъ отрядовъ, въ сравненіи съ каждымъ непріятельскимъ прикрытіемъ транспорта, даже часто съ шайками мародеровъ, новость партизанской войны, только что созданной княземъ Кутузовымъ и не успѣвшей еще развиться, усовершенствоваться, наконецъ, самый составъ арміи Наполеона, заключавшей въ себѣ по большей части старыхъ, опытныхъ служивыхъ, всѣ эти обстоятельства не дозволяли партизанамъ ознаменовать себя такими набѣгами, какими прославились потомъ русскіе начальники летучихъ отрядовъ въ заграничныхъ походахъ. Въ Отечественную войну не было партизанскаго подвига, могущаго сравниться со взятіемъ Берлина, Люнебурга, Касселя, Бремена, Амстердама, Суассона. Ни одинъ изъ городовъ, занятыхъ непріятелемъ

между Смоленскомъ и Москвою, не былъ покоренъ партизанами; они не сорвали даже ни одного французскаго этапа. Несмотря на это, дѣйствія ихъ были чрезвычайно полезны по безпрестанному вреду, наносимому ими ежедневно непріятелю, и особенно тѣмъ, что своимъ появленіемъ въ разныхъ мѣстахъ они поддерживали воспламененіе въ народѣ, единодушно возставшемъ противъ враговъ.

III.

Русскіе въ 1812-мъ году.

Народная война возгорѣлась съ самаго Порѣчья, когда Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ на старинную, коренную землю русскую, и продолжалась до ноября, когда онъ былъ изгнанъ изъ Смоленской губерніи. Какъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ наша армія отступила отъ Порѣчья къ Смоленску, отважнѣйшіе изъ жителей, оставшись въ окрестностяхъ своей родины, сѣли на коней и начали истреблять непріятелей по мѣрѣ силъ своихъ. Они были первыми народными партизанами въ Отечественную войну. Ихъ примѣру послѣдовали прочіе уѣзды Смоленской губерніи. Всѣхъ смольянъ постигло одинаковое разореніе и одушевила одинаковая любовь къ отечеству: всѣ бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія или бросались къ оружію на погибель враговъ. Изъ 12-ти уѣздовъ, составляющихъ Смоленскую губернію, 8 были совершенно заняты непріятелемъ, но четыре города уцѣлѣли отъ нашествія: Рославль, Юхновъ, Сычевка и Бѣлой. Въ нихъ дворянскіе предводители, городскіе головы, исправники, городничіе, волостные начальники устраивали вооруженную силу, явно и скрытно нападали на непріятелей, убивали мародеровъ и фуражировъ, отстаивали города и селенія. Къ этимъ добровольнымъ ополченіямъ присоединялись разбѣжавшіеся жители другихъ уѣздовъ, бывшихъ во власти непріятеля и подвизались вмѣстѣ съ ними. Вооруженіе сдѣлалось общимъ, единодушнымъ.

Въ Рославлѣ купцы и мѣщане вооружили и содержали на свой счетъ 400 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, избранныхъ изъ своей среды. Въ Бѣломъ и Сычевкѣ составилось добровольное ополченіе. Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій, имѣвшій трехъ сыновей въ арміи, собралъ вокругъ себя до 2,000 человѣкъ и изъ числа ихъ составилъ нѣсколько десятковъ конныхъ для разъѣздовъ. Подъ его начальство поступили 22 отставныхъ дворянина, бывшихъ прежде въ военной службѣ. Храповицкій перешелъ черезъ Угру, сталъ на ея берегу и заслонилъ дорогу изъ Вязьмы въ Калугу. Нѣсколько разъ показывались французы, намѣреваясь захватить неразоренный еще край, но всегда были отбиваемы. Начальники народнаго вооруженія Смоленской губерніи, кромѣ гибели, наносимой непріятелю, поддерживали повиновеніе тамъ, гдѣ проявлялась наклонность къ ослушанію. Они предупреждали своеволіе, какое могло произойти отъ смущенія непріятельскаго и воззваній, разсѣваемыхъ врагами, вселяли смиреніе и покорность въ имѣніяхъ помѣщиковъ, находившихся въ отъѣздѣ или въ арміи, наблюдали за порядкомъ, приказывали засѣвать поля, убирать жатвы, молотить хлѣбъ.

Никто не думалъ повиноваться управленію, учрежденному фран-

цузами въ Смоленскѣ; предписанія его оставались безъ исполненій, и оно было крайне стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣя возможность распоряжаться только въ городахъ и селахъ, гдѣ находились непріятельскія войска. Народное возстаніе разлилось, какъ пламя, по всей губерніи и сдѣлало невозможнымъ наполненіе магазиновъ, которые Наполеонъ велѣлъ основать въ Смоленскѣ. Провіантскіе комиссары, посылаемые для закупки хлѣба, и команды, отряжаемыя на фуражировки, или гибли подъ ударами православныхъ, или возвращались израненные, избитые, не исполнивъ данныхъ имъ порученій. Наконецъ, непріятели вознамѣрились устрашить жителей, употребивъ кровавыя мѣры. Съ этою цѣлью они старались захватить кого-либо изъ помѣщиковъ, начальствовавшихъ надъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми. Двое пали ихъ жертвою: отставной подполковникъ Энгельгардъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ. Защищая противъ мародеровъ свое и сосѣднія имѣнія, они были схвачены, привезены въ Смоленскъ и осуждены на смерть. Французы медлили исполненіемъ казни, склоняя ихъ вступить въ свою службу, но безуспѣшно. Выведенный на мѣсто казни, Энгельгардъ не дозволилъ завязать себѣ глазъ. Французы сперва прострѣлили ему ногу и вновь старались поколебать его вѣрность, обѣщая залечить рану, въ случаѣ согласія на ихъ предложеніе. Энгельгардъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями. Одинаковой участи подвергся Шубинъ.

Московская губернія не уступала Смоленской въ самопожертвованіи. Сначала разметанные въ разныя стороны нахлынувшими на нихъ арміями, крестьяне московской губерніи начали потомъ мало-по-малу собираться; вооружились вилами, рогатинами, топорами, косами, а впослѣдствіи запаслись ружьями, отбитыми у непріятеля, и не выпускали ихъ изъ рукъ до изгнанія французовъ, бились съ непріятелемъ или одни, или соединенно съ партизанами. Появленіе летучихъ отрядовъ бывало для крестьянъ истиннымъ праздникомъ, живымъ свидѣтельствомъ, что наша армія недалеко и помощь близка. Рѣдкій приходъ не ознаменовался какимъ-либо подвигомъ. Въ одномъ селѣ нѣсколько крестьянъ отъ испуга поднесли непріятелю хлѣбъ и соль. Вскорѣ французы были выгнаны. Духовенство отслужило благодарственный молебенъ, и, когда встрѣчавшіе непріятеля стали подходить къ Кресту, священникъ не допустилъ ихъ къ Распятію, сказавъ имъ: «Вы—не русскіе, вы не наши; вамъ не принадлежитъ торжество наше; поднося хлѣбъ и соль, вы хотѣли, чтобы французы восторжествовали надъ нами: удалитесь изъ нашего общества!»

Губернаторы, дворянскіе предводители и помѣщики разсылали для чтенія по церквамъ и на мірскихъ сходкахъ увѣщанія, написанныя простымъ, но убѣдительнымъ слогомъ. Замѣчательнѣе другихъ слѣдующее воззваніе графа Ростопчина:

«Крестьяне! Жители Московской губеніи!

«Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ вошелъ въ Москву, предалъ ее мечу и пламени, ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посрывали оклады, вѣнцы съ святыхъ иконъ, поставили лошадей въ церкви православной вѣры нашей. Разграбилъ домы и имущества; наругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми

малодѣтними. Осквернилъ кладбища и до второго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Заловилъ кого могъ и заставилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденое. Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать вокругъ Москвы, и вздумалъ ласково сзывать васъ на торги, мастеровъ на промыслъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужели вы, православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придется вамъ умирать голодною смертію; проведетъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя; съ ними-же будетъ вамъ бѣда! Оставайтесь, братцы, покорными христіанскими воинами Божіей Матери, не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ; они—ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на Святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся; ужъ ихъ мало и осталось, а насъ сорокъ милліоновъ людей; слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ и воронамъ, а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, домы каменные; навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ-ли отецъ нашъ Александръ Павловичъ милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ онъ муромъ мазался, короновался царскимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога всесильнаго, на Бога Русской земли, на народъ, Ему подданный, богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ одинъ—Помазанникъ Его, и мы присягали Ему въ вѣрности. Онъ—отецъ, мы—дѣти Его, а злодѣй французъ некрещеный—врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; уже былъ онъ и туркою, въ Египтѣ обусурманился; ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ, а теперь ласкается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ, собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричатъ пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ; съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ стѣною, мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты русскіе помогутъ вамъ; который побѣжитъ, того казаки добьютъ, а вы не робѣйте, братцы удалые, дружина московская, и, гдѣ удастся по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда къ Царю въ Москву явитесь и дѣлами похвалитесь. Онъ васъ опять возстановитъ попрежнему, и вы будете припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается и къ французу преклонится, тотъ—недостойный сынъ отеческій, отступникъ закона Божія, преступникъ Государя своего, отдастъ себя на судъ и поруганіе, а душѣ его быть въ аду съ злодѣями и горѣть въ огнѣ, какъ горитъ наша мать Москва».

Въ Смоленской и Московской губерніяхъ народная война была ведена одинаковымъ образомъ. Въ селеніяхъ запирали ворота и ставили къ нимъ караулы; у околицъ устроивали шалаши ввидѣ будокъ, а подлѣ нихъ сошки для пикъ. Никому изъ постороннихъ не дозволялось приближаться къ селеніямъ; проѣзжающіе, даже наши курьеры и партизаны, были задерживаемы и пропускались не иначе, какъ послѣ точнаго убѣжденія, что они—не враги. Съ каждымъ селеніемъ

партизаны должны были вступать въ переговоры, и когда, по окончаніи объясненій, спрашивали крестьянъ: зачѣмъ они, слыша, что съ нашей стороны говорили по-русски, принимали насъ за непріятелей? поселяне отвѣчали: «Да, вѣдь, у злодѣя всякаго сбора люди». Однажды православные истребили 60 человѣкъ Тептярскаго казачьяго полка, принявъ ихъ за непріятелей, по нечистому произношенію русскаго языка. Женъ и дѣтей крестьяне скрывали въ лѣсахъ, а сами были на денной и ночной стражѣ, ставили часовыхъ на колокольняхъ и возвышенныхъ мѣстахъ, клятвенно, цѣлованіемъ креста и евангелія, обѣщаясь не выдавать другъ друга. Они составляли партіи; изъ малыхъ деревень присоединялись къ большимъ селеніямъ и, ведомые кѣмъ-либо изъ отставныхъ солдатъ или отважныхъ товарищей и старостъ, во имя Бога и государя нападали на непріятеля, ежедневно становясь страшнѣе врагамъ, по мѣрѣ того, какъ привыкали къ кровавымъ встрѣчамъ. Когда французы бывали въ превосходномъ числѣ, въ такомъ случаѣ противъ нихъ употреблялись разныя хитрости. Ласково, съ поклонами встрѣчая бродягъ и фуражировъ, поселяне предлагали имъ яства и напитки и потомъ, во время сна или опьяненія гостей, отнимали у нихъ оружіе, душили ихъ, либо выждавъ, когда непріятели уснутъ, припирали двери домовъ бревнами, окладывали сѣни хворостомъ и зажигали ихъ. Трупы убитыхъ бросали въ колодцы, пруды и рѣки, сожигали въ овинахъ. Старались, чтобы мѣста, гдѣ зарывали непріятелей, не были замѣтны по свѣжей недавно вскопанной землѣ, и для того на могилы бросали каменья, бревна, золу. Военную добычу, мундиры, каски, кивера и ремни жгли, чтобы новыя проходившія шайки мародеровъ не видали слѣдовъ погибшихъ товарищей. Иноземцы, шедшіе противъ Бога и Руси, перестали въ понятіи народа казаться людьми; всякое мщеніе противъ нихъ считали не только позволительнымъ, но законнымъ. Вѣсть о бѣдствіяхъ Москвы дала новую силу, ожесточенію народному движенію. «Французы жгутъ и грабятъ Москву!» перелетало изъ устъ въ уста, было общимъ кликомъ, и никакія истязанія не казались достаточными противъ злодѣевъ. Зарево Москвы, видѣнное на 130 верстъ, и поруганіе церквей довели ненависть къ французамъ до изступленія. Французы-ли жгли Москву, или нѣтъ, разувѣрять было не время: лишь только-бы рѣзали французовъ.

Перевозы запасовъ, снарядовъ, аммуниціи, рекрутовъ, казны, сопровожденіе раненыхъ и плѣнныхъ требовали безпрестанно новыхъ усилій, разъѣздовъ, подводъ, отъ чего въ селеніяхъ замѣчался недостатокъ мужчинъ. Обязанности ихъ принимали на себя женщины. Онѣ употреблялись вмѣсто сотскихъ, сторожей, провожатыхъ и для почтовой гоньбы. Случалось, что женщины, въ отсутствіе отцовъ, мужей и братьевъ, нападали на мародеровъ и брали ихъ въ плѣнъ. Съ косами и вилами сопровождали онѣ партіи плѣнныхъ, и воины, такъ называвшейся, Великой арміи, пришедшей навѣрное покорить Россію, должны были со стыдомъ, а иногда съ бѣшенствомъ и слезами, повиноваться приказаніямъ нашихъ сельскихъ амазонокъ. Изъ нихъ сдѣлалась извѣстнѣе другихъ, по своему ожесточенію противъ непріятеля, старостиха Василиса, дородная женщина съ длинною французскою саблею, повѣшенною черезъ плечо сверхъ французской шинели. Покинувъ родныя привычки и отказавшись отъ отношеній домашняго быта, простые сыны и дочери Россіи преобразились въ воиновъ, чѣмъ

и какъ могли разили враговъ, не ожидая воздаянія. Князь Кутузовъ раздавалъ георгіевскіе кресты храбрѣйшимъ. Подвиги ихъ прославлялись въ пѣсняхъ, тогда нарочно сочиняемыхъ. Имена храбрецовъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны повторялись съ глубокимъ уваженіемъ въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ ратовали воины-поселяне.

Въ сосѣднихъ съ Москвою губерніяхъ народъ не хотѣлъ сначала вѣрить вступленію непріятелей въ Москву. Вѣстники объ ея паденіи были называемы лгунами и трусами и съ трудомъ избѣгали побоевъ. Когда удостовѣрились въ горькой истинѣ, русскія вѣщія сердца замерли, но вскорѣ воспрянули неизмѣнная надежда на Бога и государя и свойственная нашему народу неподатливость. Безсмертное изреченіе Александра: «Нѣтъ мира съ врагами» перелилось во всѣ души. Однажды на мірской сходкѣ столпились около старика, который, уткнувъ въ сѣдую бороду длинную палку, что-то толковалъ молодежи. Начальникъ одного тверского ополченнаго полка князь Шаховской спросилъ, о чемъ у нихъ идетъ разговоръ? Старикъ отвѣчалъ: «Да все о матушкѣ Москвѣ». — «Что-жъ вы думаете?» — «Да, вотъ, пока ее матушку супостаты не взяли, такъ думалось и то, и се, а теперь думать нечего: ужъ хуже чему быть? И только-бы батюшка нашъ Государь милосердый, дай Богъ ему много лѣтъ царствовать, не смирился съ злодѣемъ, а то ему у насъ не сдобровать. Святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину, и мы всѣ шапками замечемъ аль своими тѣлами задавимъ супостата». Паденіе Москвы вызвало не одно только непримиримое ожесточеніе къ врагамъ: оно возродило желаніе сильнаго, громкаго отмщенія Наполеону—покореніемъ Парижа. Это—не преувеличеніе, но истина, проявленіе которой въ разныхъ видахъ помнитъ каждый изъ современниковъ. Одинъ 70-тилѣтній дворянинъ, вступившій въ ополченіе и представленный князю Кутузову въ Тарутинѣ, сказалъ ему, указывая на свою саблю, подъ тяжестью которой онъ, казалось, изнемогалъ: «Не сниму ея, прежде чѣмъ не побываемъ въ Парижѣ». Первые стихи, напечатанные въ Петербургѣ по полученіи вѣсти о взятіи Москвы, были не изліяніемъ скорби о напастяхъ отечества, но выраженіемъ желанія отмстить Наполеону въ корнѣ его могущества, Парижѣ. Вотъ эти стихи:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги,
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать—
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Черезъ полтора года оправдалось предвѣдѣніе русскаго сердца.

Возстаніе русскаго народа представляетъ величественное зрѣлище, но оно еще тѣмъ достославнѣе, что нигдѣ въ губерніяхъ, прилегавшихъ къ театру губительнѣйшей изъ войнъ, и въ самой

близи отъ нея, не были нарушены законы. Въ разныхъ мѣстахъ Московской и Смоленской губерній всѣ земскія начальства упразднились, помѣщиковъ не стало, потому что они были на службѣ, но учредились сами собою власти, образовалась безусловная подчиненность. Повиновались тому, въ комъ предполагали наиболѣе пламенной любви къ вѣрѣ и монарху, болѣе ненависти къ чужеземному игу, грозившему Россіи. Въ губерніяхъ Псковской, Тверской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской, предѣламъ которыхъ три мѣсяца угрожало нашествіе, всѣ исполняли обязанности, возлагаемыя на нихъ правительствомъ, охотно вступали сами или отдавали дѣтей и братьевъ на службу, безостановочно взносили подати хлѣбомъ, скотомъ, деньгами, одеждою, обувью. При удивительномъ единодушіи, воспламенявшемъ всѣ сословія, не колебалась безусловная покорность къ властямъ. Повсюду кипѣла величайшая дѣятельность, ставили рекрутовъ, снаряжали ополченія, формировали полки; все горѣло усердіемъ, двигалось, переносилось, поспѣвало, гдѣ было нужно, вездѣ царствовалъ какой-то самодѣльный порядокъ. Дѣло общее было общею душою. Фабриканты и ремесленники преимущественно занимались военными издѣліями; каждый ремесломъ своимъ способствовалъ общимъ пользамъ. Кузнецы и слесаря ковали оружіе, портные и сапожники приготовляли одежду и обувь для воиновъ, сѣдельники, сбрую для конницы, плотники и столяры строили обозы для полковъ и дружинъ. Десятки тысячъ подводъ были въ движеніи по губерніямъ. Никто не ослабѣвалъ при понесеніи трудовъ и чрезвычайныхъ издержекъ. Каждый дѣйствовалъ по способностямъ и состоянію, кто совѣтомъ, кто иждивеніемъ, кто оружіемъ и жизнью: всѣ стремились преодолѣть врага, но общественный порядокъ оставался ненарушимымъ, святость законовъ неприкосновенною. Безъ неволи и принужденія отправляли тяжкія повинности, ополчались за родину, переносили несчастія, какъ дѣйствія гнѣва Божія, безропотно, съ христіанскимъ смиреніемъ, и великое ручательство силы государства — покорность начальству и помѣщикамъ, ни въ какомъ случаѣ не прерывалось.

Для полноты разсказа о народной войнѣ необходимо описать, въ какомъ положеніи находились сопредѣльныя съ арміями губерніи. Изберемъ одну изъ нихъ, и по ней, съ немногими мѣстными измѣненіями, можно будетъ заключить, что дѣлалось и въ другихъ. Пусть примѣромъ послужитъ Калужская, не потому, чтобы сосѣди ея чѣмъ-либо уступали ей въ рвеніи, но по той причинѣ, что въ ней тогда стояла армія при Тарутинѣ, и на этотъ тѣсный уголокъ калужскаго горизонта были обращены взоры цѣлой Россіи съ теплою мольбою ко Всевышнему. Черезъ два дня послѣ Бородинскаго сраженія, князь Кутузовъ объявилъ Калужскую губернію въ военномъ положеніи и приказалъ: 1) закрыть присутственныя мѣста и оставить только губернское правленіе, камерную часть казенной палаты и рекрутское присутствіе; 2) при приближеніи непріятеля къ губернскому или уѣзднымъ городамъ отправить провіантъ, а остальной истребить, дѣла и казну вывезти, вино изъ бочекъ выпустить. По полученіи повелѣнія губернскія начальства, собравшись на совѣщаніе, рѣшили, кому именно изъ чиновниковъ отправляться съ казною и архивами и кто на время долженъ оставаться для исполненія различныхъ должностей. Вскорѣ приказано

закрыть камерную часть и рекрутское присутствіе. Всѣ дѣла сосредоточились въ учрежденномъ временномъ воинскомъ комитетѣ, который зависѣлъ непосредственно отъ фельдмаршала, руководствовался положеніемъ для большей части дѣйствующей арміи и имѣлъ подъ своимъ начальствомъ внутреннюю стражу. Ежедневно, въ неопредѣленное время собирались губернаторъ, начальникъ ополченія и губернскій предводитель. Приговоры и опредѣленія, смотря по важности, отсылались на утвержденіе князя Кутузова. Должность интенданта возложена была имъ на губернатора, имѣвшаго въ своемъ вѣдѣніи весь запасъ, собранный для арміи съ Калужской и привозимый изъ другихъ губерній въ Калугу. Губернатору поручено было доставленіе всѣхъ необходимыхъ предметовъ въ армію, для быстрой перевозки которыхъ пришло изъ Тульской губерніи въ Калугу 5,000 подводъ, а въ Калугѣ находилось ихъ ежедневно до 8,000.

Земской полиціи было велѣно принять всѣ мѣры къ сохраненію тишины и спокойствія, чтобы пустыя разглашенія о военныхъ дѣйствіяхъ или превратные толки праздныхъ людей не были распространяемы. Для пресѣченія внушеній, могущихъ воспослѣдовать отъ непріятеля, и недопущенія въ губернію бродягъ, производящихъ при такихъ обстоятельствахъ ложный страхъ и тревогу между жителями, удаленными отъ источниковъ истинныхъ извѣстій, были учреждены кордоны по границамъ уѣздовъ: Жиздринскаго, Мещовскаго, Мосальскаго, Медынскаго и Боровскаго. Кордоны ставили пикеты, каждый изъ 20-ти пѣшихъ и конныхъ поселянъ, вооруженныхъ кто чѣмъ могъ. Они расположены были на трехверстномъ разстояніи. Конные дѣлали непрестанные разъѣзды и въ случаѣ появленія подозрительныхъ людей брали ихъ и представляли въ волости, а оттуда къ начальству. Эта стража находилась подъ начальствомъ земской полиціи и кордонныхъ офицеровъ, избранныхъ изъ дворянства. Для поселянъ были назначены сборныя мѣста, куда, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, по даннымъ знакамъ, колокольному звону, маякамъ или зажженнымъ вѣхамъ, должны были отъ малаго до стараго собираться съ оружіемъ и быть въ готовности къ отраженію враговъ. Для подкрѣпленія кордоновъ посылались отряды ополченія. Сверхъ того, стояли пикеты на всѣхъ дорогахъ, и при каждой деревнѣ содержались ночные караулы. Сельскіе жители, видя, такимъ образомъ, свои дома защищенными, не удалялись изъ нихъ; подозрительные и бѣглые были задерживаемы, и многія партіи французскихъ мародеровъ, врывавшіяся въ губернію, истреблены.

Особенно въ Мосальской уѣздъ тѣснились непріятельскія шайки; большая часть изъ нихъ были убиваемы, иногда безъ всякой пощады. Изъ донесенія кордоннаго начальника этого уѣзда видно, что всего убито и утоплено 987 человѣкъ разныхъ націй, и въ плѣнъ взято 450. Кромѣ того, онъ отправлялся въ смежный уѣздъ Смоленской губерніи, гдѣ дѣйствовалъ также удачно. Изъ своихъ дворовыхъ людей онъ составилъ для себя лично стражу съ ружьями. Въ Медынскомъ уѣздѣ убито 894 и взято въ плѣнъ 593 человѣка. Но здѣсь, какъ и по другимъ кордонамъ, число убитыхъ показано меньше, потому что многія партіи были безъ счета истребляемы. Въ Медынскомъ уѣздѣ ожесточеніе крестьянъ противъ непріятеля достигло высочайшей степени; изобрѣтались самыя мучительныя казни: плѣнныхъ ставили въ ряды

и по очереди рубили имъ головы, живыхъ сажали въ пруды и колодцы, сжигали въ избахъ и овинахъ. Въ Боровскѣ, ближе всѣхъ лежащемъ къ Московской губерніи, кордонная стража не въ состояніи была удержать огромное число нахлынувшихъ мародеровъ. Тогда горожане и сосѣдніе крестьяне, числомъ болѣе 3,000, собрались въ Боровскѣ, настоятельно требовали отъ городничаго и исправника стоять противъ враговъ за одно и, получивъ отъ нихъ согласіе, клялись не давать пощады непріятелю. Появившаяся отъ Вереи команда французовъ, видя вооруженныхъ жителей, не отважилась напасть на городъ. Крестьяне и граждане дѣлали вокругъ Боровска разъѣзды, истребляли мародеровъ, даже нападали на передовую цѣпь корпуса Жюно, убили 2,193, въ плѣнъ взяли болѣе 1,300 человѣкъ и не допускали разорять свои жилища до тѣхъ поръ, пока не были принуждены уступить непріятельской арміи, которая, 10-го октября, заняла, разграбила и сожгла Боровскъ.

Всѣ уѣздные города были наполнены выходцами изъ Москвы и Смоленской губерніи. За недостаткомъ помѣщенія въ домахъ, кочевали на полѣ. Сборнымъ мѣстомъ бывали храмы Божіи. Лишь только раздавался благовѣстъ, выходцы стекались къ церквамъ; площади вокругъ нихъ покрывались тысячами людей всякаго званія и возраста, для усерднаго моленія съ колѣнопреклоненіемъ. Раскольники изъ пріѣзжихъ обращались къ православной вѣрѣ и просили служить молебны. Каждый городъ былъ раздѣленъ на участки изъ 50-ти дворовъ. Они находились подъ надзоромъ пятидесятника, избираемаго изъ гражданъ, извѣстныхъ честностью, имѣвшихъ свои дома. Подъ присягою обязывали ихъ: всѣ повелѣнія и увѣщанія начальства объявлять каждому въ своемъ участкѣ и надзирать за исполненіемъ, ежедневно по два раза освѣдомляться о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, отбирая отъ нихъ письменные виды и разныя частныя свѣдѣнія и обо всемъ дважды въ день доносить полиціи, а праздношатающихся представлять начальству. Для прекращенія всѣхъ средствъ пробираться черезъ города бѣглымъ и подозрительнымъ людямъ выходы были загорожены палисадами, и оставлены только главные проѣзды, занятые карауломъ; въ ночное время дѣлались безпрестанные разъѣзды. По улицамъ только и слышался скрипъ повозокъ и телѣгъ съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ, которое погружали также на барки. Мужчины, однако, не трогались, несмотря на отправленіе присутственныхъ мѣстъ, казны и церковныхъ сокровищъ. Въ храмахъ оставлялось только самое нужное для богослуженія. Городскія общества и экономическія селенія оставались непоколебимы, собирались въ думы и на мірскія сходки и дѣлали приговоры: отпустивъ семейства, самимъ не выѣзжать, но каждому вооружиться и въ случаѣ приближенія непріятелей защищаться до послѣдней капли крови. Первый подобный приговоръ состоялся въ Козельскѣ.

Такъ, безъ страха къ Наполеону вѣрные подданные Александра встрѣтили военныя тревоги, неизвѣстныя имъ съ незапамятныхъ лѣтъ. Вездѣ ждали непріятеля, готовые сразиться и за собою оставить одинъ пепелъ. Изъ Твери присутственныя мѣста были вывезены въ Бѣжецкъ. Въ самой Твери сдѣлано распоряженіе: при появленіи непріятеля казенное вино выпустить изъ бочекъ, хлѣбъ жечь и все истреблять. Губернаторъ Кологривовъ доносилъ государю: «Я получаю донесенія, что народъ готовъ до послѣдней капли крови защищать свое благоденствіе, пре-

столъ и православную церковь. Безпримѣрный сей патріотизмъ понудилъ меня удовлетворить ревностному жителей желанію; я одобрилъ ихъ усердіе, чтобы они, подъявъ какое кто можетъ имѣть оружіе, стали при нападеніи непріятеля на защиту и единодушно положили отражать злодѣя, не повинуясь пагубнымъ его обольщеніямъ. Когда по сему-же случаю получено было повелѣніе генералъ-губернатора, позволяющее убивать француза, яко злодѣя Россіи, и мое подтвержденіе, то уже въ пограничныхъ къ Смоленской губерніи уѣздахъ, Ржевскомъ, Старицкомъ Зубцовскомъ и Тверскомъ, начались и разъѣзды, которые обязаны при приближеніи врага къ предѣламъ донести земской полиціи и оповѣстить крестьянъ, чтобы изготовились, а, между тѣмъ, во всей губерніи, мнѣ ввѣренной, дѣлается съ успѣхомъ приготовленіе. Жители готовы съ удовольствіемъ пролить послѣднюю каплю крови за искупленіе себя отъ злодѣйскихъ рукъ». Когда, благодаря внезапному повороту князя Кутузова отъ Боровскаго перевоза къ Подольску, открылась вторженію Рязанская губернія, оставшаяся подъ ненадежною защитою одного ополченія, уложили къ отправленію водою присутственныя мѣста, денежную казну, сокровища духовнаго вѣдомства и ждали нашествія. Но какъ ждали? Губернаторъ Бухаринъ издалъ печатное объявленіе, начинавшееся такими словами: «Приглашаю всѣхъ жителей городскихъ и деревенскихъ, особенно дворянство здѣшней губерніи, соединиться и противостать на случай скораго къ намъ прихода французовъ. Единодушіе и поголовщина могутъ еще удержать злого непріятеля, который губитъ все огнемъ и мечомъ. Ежели-же случится, что чрезъ нашу губернію врагъ покусится идти далѣе по Россіи, то пусть прежде мертвыми тѣлами нашими устелетъ путь свой; Богъ накажетъ его, а сосѣди наши отмстятъ ему». Въ Тамбовѣ, по полученіи печатнаго воззванія графа Ростопчина идти на Три Горы, дворяне рѣшили: независимо отъ производившагося рекрутскаго набора, составить внутреннее ополченіе, собрать съ владѣльческихъ имѣній болѣе 12,000 человѣкъ, половину конныхъ, другую пѣшихъ, и поставить ихъ на границахъ губерніи. Сверхъ этихъ 12,000 человѣкъ, рѣшили имѣть еще столько-же въ готовности.

IV.

Тарутинскій лагерь.

Когда на всемъ протяженіи непріятельскихъ сообщеній отъ Москвы до Смоленска царила смерть, русская армія, защищенная въ Тарутинѣ окопами и извѣщательными отрядами, насладилась впервые послѣ отступленія отъ Нѣмана трехнедѣльнымъ отдыхомъ. Въ Тарутинѣ стала она сильнѣе числомъ, крѣпче устройствомъ. Изъ резервовъ пришли 20,000 солдатъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ; приходили кавалерійскіе ремонты, полки съ Дона и Урала; привозились снаряды, сукна; исправили аммуничныя вещи; людей снабдили сапогами, валенками, полушубками, для которыхъ уже съ августа велѣно было заготовлять овчины, для главной арміи въ губерніяхъ: Воронежской, Курской, Екатеринославской, Харьковской и Тамбовской, для корпуса графа Витгенштейна—въ Лифляндской и Псковской. Послѣ Бородинскаго сраженія Высочайше повелѣно было укомплектовать дивизіи, расформировавъ для того слабѣйшія, изъ которыхъ люди должны были поступить на пополненіе дивизій, понесшихъ менѣе урона. Вмѣсто того, князь Куту-

зовъ, не уничтожая дивизій, въ каждой назначилъ одинъ егерскій полкъ на укомплектованіе прочихъ пяти полковъ. Расформированные полки онъ отправилъ къ князю Лобанову-Ростовскому для переобразованія. Въ Тарутинѣ объявлены были награды за Бородинское сраженіе и розданы пожалованные нижнимъ чинамъ по 5-ти рублей на человѣка; офицерамъ отпущено третьевое жалованье. Въ разныхъ мѣстахъ въ тылу арміи учредили госпитали, улучшили мѣры для скораго доставленія къ полкамъ выздоровѣвшихъ, устроили движеніе подводъ съ продовольствіемъ. Три раза въ недѣлю отпускали винную порцію; въ дурную погоду выдавали ее ежедневно. Вино, овощи, плоды были привозимы обозами отъ купеческихъ обществъ изъ разныхъ городовъ. Отправляя въ Тарутино приказчиковъ съ запасами, хозяева приказывали продавать товаръ за самую умѣренную цѣну. У маркитантовъ было изобиліе всякаго рода товаровъ. Изъ сосѣднихъ губерній пріѣзжали крестьяне въ лагерь узнавать объ участи своихъ родственниковъ; жены и матери приходили съ гостинцами отыскивать мужей и сыновей. Бывали радостныя встрѣчи или проливались слезы о погибшихъ за родину. Простые шалаши, сначала наметанные наскоро, становились обширнѣе, красивѣе; въ иныхъ были даже камины. Для освѣженія солдатъ послѣ четырехмѣсячнаго кочеванья на биваках устроили бани въ деревняхъ и на берегахъ рѣкъ. Дни проходили въ обученіи молодыхъ солдатъ и рекрутовъ, особенно стрѣльбѣ въ цѣль. У генераловъ и офицеровъ бывали роскошные обѣды. По вечерамъ въ полкахъ гремѣла музыка, раздавались пѣсни, и среди ихъ веселыхъ перекатовъ зажигались огни биваковъ. Происшествія отъ Нѣмана до Тарутина казались тяжелымъ сномъ; размыкалось прежнее горе; тускнѣло въ душахъ зарево Москвы; все оживало новою жизнью; воспрянуло убѣжденіе, что, наконецъ, достигли крайней точки отступленія, что непріятель не перешагнетъ за Нару, и близокъ часъ кровавой расплаты за оскорбленную честь державы Александра!

Для успокоенія Россіи князь Кутузовъ приказалъ разсылать во всѣ губерніи печатныя извѣстія изъ арміи. Увѣренность всего государства въ его умъ и прозорливость, о которой ходило много поговорокъ и анекдотовъ, породила заключеніе, всюду сдѣлавшееся общимъ, что онъ держитъ Наполеона въ Москвѣ, какъ лютаго звѣря въ западнѣ. Пребываніе въ Тарутинѣ было для Кутузова одною изъ блистательнѣйшихъ эпохъ его достославной жизни. Со временъ Пожарскаго, никто не стоялъ такъ высоко въ виду всей Россіи. Духовные присылали ему въ благословеніе образа и извѣщали его о молитвахъ, возсылаемыхъ ими объ успѣхѣ его предначинаній. Изъ Казанскаго женскаго монастыря доставлены были деньги для раздачи часовымъ, поставленнымъ у дверей фельдмаршала. Граждане города Курска, по общему приговору, поднесли ему списокъ съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, нѣкогда защитившей городъ ихъ отъ враговъ отечества. Князь Кутузовъ получалъ письма съ убѣдительными просьбами: увѣдомлять, что наиболѣе нужно для арміи. Изъ губерній являлись къ нему отъ дворянскаго и купеческаго сословій нарочные, изъявляя совершенную готовность на всякія пожертвованія. «Требуйте», говорили они, «свѣтлѣйшій князь, требуйте! Вы увидите, какъ поспѣшно исполнимъ ваши приказанія. Имѣніе и жизнь, все Царю въ ноги!» Съ обворожительною ласкою принимая депутатовъ, фельдмаршалъ обыкновенно отвѣчалъ, что, благодаря повелѣніямъ государя

и общему усердію, готовы уже силы и средства къ безопасности отечества, «но», присовокуплялъ онъ, «если встрѣтится надобность, то увѣренъ, что ваша преданность къ государю поставитъ врагу тысячи неодолимыхъ для него препонъ». Часто приходили къ нему воины-крестьяне и были награждаемы имъ знаками отличія военнаго ордена, такъ какъ онъ старался всѣми средствами поддерживать и распространять народную войну. Нѣсколько разъ пріѣзжали изъ Калуги депутаты къ князю Кутузову узнавать о положеніи дѣлъ и вызывались на пожертвованія. Успокоенные его увѣреніями, они возвращались въ свои общества съ письмами отъ фельдмаршала. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 30-го сентября, онъ написалъ слѣдующее: «Въ настоящее время мы видимъ въ изобиліи къ намъ милость Божію: злодѣи наши со всѣхъ сторонъ окружены; свободный выѣздъ изъ стана партіями, отъ насъ вездѣ посланными, совершенно воспрещенъ; люди и лошади изнуряются голодомъ, и каждый день во всѣхъ мѣстахъ убитыми и плѣнными теряютъ они до 500 человѣкъ».

При всей безопасности Тарутинскаго лагеря, князь Кутузовъ не пренебрегалъ мѣрами осторожности. Онъ писалъ Милорадовичу: «По случаю теперешняго бездѣйствія можно заключить, что непріятель дѣлаетъ нѣкоторыя скрытныя приготовленія, а какъ позиція наша окружена большею частію обширнѣйшими лѣсами, то желаю, чтобъ вы подтвердили казачьимъ полкамъ, содержащимъ передовую цѣпь и дѣлающимъ разъѣзды вправо и влѣво, сколь можно дѣлать оные далѣе, подслушивая ночью, не прорубается-ли непріятель лѣсами, дѣлая себѣ сквозь оные новыя дороги». Впрочемъ, князь Кутузовъ не думалъ, чтобы Наполеонъ вознамѣрился аттаковать Тарутинскія укрѣпленія. Онъ говорилъ: «Бонапартъ не придетъ сюда, чтобы разбить себѣ носъ. Ему болѣе важно маневрировать, чѣмъ дать сраженіе». Однажды онъ присовокупилъ: «Разбить можетъ меня Наполеонъ, но обмануть—никогда!»

Для большаго обложенія непріятелей въ Москвѣ и окрестностяхъ и обезпеченія сосѣднихъ губерній отъ вторженія непріятельскихъ шаекъ и грабителей князь Кутузовъ велѣлъ ополченіямъ 1-го округа выступить къ предѣламъ ихъ губерній. Тверское стало между Клиномъ и Тверью и частью усилило отрядъ Винцингероде; ярославское при Переславлѣ-Залѣсскомъ прикрывало Ярославскую дорогу; владимірское у Покрова заслоняло путь во Владиміръ; Рязанское при Коломнѣ наблюдало за дорогами въ Рязань и черезъ Егорьевскъ на Касимовъ; тульское было отъ Каширы до Алексина, а калужское въ уѣздахъ, пограничныхъ съ Московскою и Смоленскою губерніями, дѣлая разъѣзды къ Ельнѣ и Рославлю, для чего назначены были еще два казачьихъ полка. Пятитысячный отрядъ калужскаго ополченія былъ посланъ охранять Брянскъ. Отъ всѣхъ ополченій разставлены были ближе къ Москвѣ цѣпи, называвшіяся кордонами.

Самымъ значительнымъ подкрѣпленіемъ арміи было прибытіе 26-ти Донскихъ полковъ, составленныхъ изъ ополченія, собраннаго на Дону по манифесту 6-го іюля. Когда впослѣдствіи, манифестомъ 18-го іюля, отмѣнено было повсемѣстное вооруженіе и для ополченія назначены только 17 губерній, приготовленныя на Дону войска были остановлены впредь до востребованія. Скоро прогремѣло Бородин-

ское сраженіе, и нельзя уже было медлить собраніемъ новыхъ силъ, а потому, 29-го августа, Платовъ велѣлъ тронуться запасному войску. Онъ писалъ наказному атаману Денисову объ отправленіи въ 24 часа всѣхъ приготовленныхъ къ ополченію казаковъ, кромѣ дряхлыхъ стариковъ и сущихъ калѣкъ. Всему наряженному въ походъ войску велѣно слѣдовать къ Москвѣ усиленными переходами, безъ роздыховъ, дѣлая въ день не менѣе 60-ти верстъ. Благодаря распоряженіямъ Платова, съ Дона двинулись 26 полковъ, въ числѣ 15,002 человѣкъ, и 6-ть орудій конной артиллеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Иловайскаго 3-го и Грековыхъ 1-го и 2-го.

Первые 5 Донскихъ полковъ пришли въ Тарутино 29-го сентября. Въ иныхъ взводахъ рядомъ находились дѣды и внучата ихъ; первые—убѣленные сѣдиною, другіе—въ отроческихъ лѣтахъ. Вслѣдъ за 5-ю полками должны были придти и остальные 21. Изъ всѣхъ 26 князь Кутузовъ намѣренъ былъ составить 10 летучихъ отрядовъ и поручить ихъ отличнѣйшимъ армейскимъ штабъ-офицерамъ и донскимъ полковникамъ, а Платова съ 4,000 казаковъ отрядить для отдѣльныхъ дѣйствій на путь непріятельскихъ сообщеній. Но еще не успѣли придти всѣ казачьи войска, какъ въ первыхъ числахъ октября обстоятельства измѣнились и не дозволили князю Кутузову привести въ исполненіе его намѣреніе, которое, впрочемъ, и не соотвѣтствовало видамъ государя. Его величество уже не довольствовался одними поисками и набѣгами, нападеніемъ на фуражировъ, бродягъ и проходящія по Смоленской дорогѣ команды и транспорты, но повелѣвалъ рѣшительное наступленіе. Да и можно-ли было терпѣть россійскому монарху, чтобы Наполеонъ присутствіемъ своимъ долѣе осквернялъ Москву? Какъ мыслилъ въ то время государь о военныхъ дѣйствіяхъ, видно изъ слѣдующаго рескрипта къ князю Кутузову, отъ 2-го октября, то есть, отъ того числа, до котораго доведено наше описаніе.

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

«Съ 2-го сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣдніе ваши рапорты отъ 20-го, и въ теченіе всего сего времени не только что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія первопрестольной столицы, но даже по послѣднимъ рапортамъ вашимъ вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и Тула, съ знаменитымъ и столь для арміи необходимымъ своимъ заводомъ, въ опасности. По рапортамъ отъ генерала Винцингероде вижу я, что непріятельскій 10,000-й корпусъ подвигается по Петербургской дорогѣ. Другой, въ нѣсколькихъ тысячахъ, также подается къ Дмитрову. Третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Наполеонъ-же самъ по 25-е число находился въ Москвѣ. По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ съ своею гвардіею, возможно-ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся предъ вами, были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно? Съ вѣроятностію, напротивъ того, должно полагать, что онъ васъ преслѣдуетъ отрядами или, по крайней мѣрѣ, корпусомъ, гораздо слабѣе арміи, вамъ ввѣренной. Казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами, могли-бъ вы съ

выгодою аттаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ нашихъ городовъ».

Строжайшее повелѣніе князю Кутузову дѣйствовать наступательно получено было имъ, когда война уже приняла другой оборотъ. Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, и русская армія тронулась изъ Тарутина. Изъ этого рескрипта ясно вытекаютъ намѣренія императора Александра. Не утомлять только врага и ждать опредѣленія судьбы хотѣлъ онъ, но, съ вѣрою въ помощь Бога и надеждою на русскую силу, онъ требовалъ рѣшительной битвы.

V.

Послѣднія дѣйствія Наполеона въ Москвѣ.

Со всѣхъ сторонъ, отъ Смоленска до Москвы, окруженный пламенемъ, вооруженнымъ народомъ, летучими отрядами, Наполеонъ сознавалъ, что онъ является скорѣе осажденнымъ въ развалинахъ Москвы, нежели обладателемъ ихъ. Продовольствіе скудѣло. Слабыхъ партій нельзя уже было посылать на фуражировку: необходимо было назначать для того большіе отряды, съ орудіями, и, сражаясь, силою добывать клокъ сѣна, снопъ ржи и овса. Отряды, наряженные искать не побѣдъ, но пропитанія, встрѣчая повсюду сопротивленіе крестьянъ и пики донцовъ, принуждены были возвращаться съ пустыми руками и ждать съ поникшею головою рѣшенія судьбы своей на тлѣющемъ пеплѣ столицы. Въ Москвѣ французы устроили магазины, куда свозили муку, овесъ, овощи, вино, сушеную рыбу, все, что находили въ городѣ и окрестностяхъ. Правильной раздачи провіанта войскамъ не производилось, кромѣ гвардіи; армейскіе солдаты добывали пропитаніе насиліемъ, ходили по городу на охоту стрѣлять воронъ и употребляли ихъ въ пищу; ѣли также лошадину и кошекъ. Попеченіе о продовольствіи лежало особенно на Лессепсѣ. Но, какъ ни славились между французами его свѣдѣнія о Россіи и знаніе русскаго языка, однако-же, всѣ его старанія въ дѣлѣ прокормленія войскъ были безрезультатны. Лессепсъ самъ едва имѣлъ средства пропитанія. До какой степени онъ нуждался въ пищѣ, свидѣтельствуетъ слѣдующее, найденное въ Москвѣ, письмо его къ одному французскому генералу, просившему у него припасовъ для обѣда; «Изъ толпы мужиковъ спѣшу отвѣтить на вашу привѣтливую записку. Я—ничтожнѣйшій губернаторъ въ свѣтѣ. Вамъ не трудно будетъ повѣрить моимъ словамъ, когда вы узнаете, что посылаю къ вамъ то, что могу и чѣмъ, краснѣя, я дѣлюсь съ вами по-братски. У меня нѣтъ ни хлѣба, ни муки и еще менѣе курицъ и барановъ. Но мнѣ подарили вчера нѣсколько яицъ, и я имѣлъ случай купить четыре бутылки вина; тороплюсь удѣлить вамъ половину. Крайне счастливъ, если это слабое доказательство моей готовности послужитъ залогомъ желанія моего быть вамъ угоднымъ». Больнымъ и раненымъ уменьшили выдачу хлѣба до того, что они едва только могли поддерживать жизнь.

Крестьяне не ѣхали изъ уѣздовъ въ Москву; въ самой столицѣ войска попрежнему предавались своеволію. Въ приказѣ Бертье, отъ 29-го сентября, черезъ 27 дней послѣ вступленія французовъ въ

Москву, сказано: «Грабежи продолжаются въ нѣкоторыхъ частяхъ города, несмотря на повелѣніе прекратить ихъ. Порядокъ еще не возстановленъ, и нѣтъ ни одного купца, отправляющаго торговлю законнымъ образомъ. Только маркитанты позволяютъ себѣ продавать, да и то награбленныя вещи. Прекращеніе грабежа и учрежденіе порядка возвратятъ изобиліе въ столицу». Лучше, нежели изъ приказа Бертье, можно судить о состояніи Москвы по рапортамъ, которые ежедневно представлялись коммиссарами, или частными приставами, французскому начальству. Нѣсколько такихъ рапортовъ у насъ въ числѣ бумагъ, перехваченныхъ во время бѣгства непріятеля. Вотъ выписки изъ нихъ. Отъ 20-го сентября, приставъ Яузской части доносилъ: «Грабежъ продолжается; солдаты 3-го корпуса не довольствуются отнятіемъ послѣдняго куска хлѣба у несчастныхъ жителей, спасшихся въ погреба и подвалы, но рубятъ ихъ саблями, чему я самъ видѣлъ нѣсколько примѣровъ». Приставъ Арбатской части, отъ 23-го сентября: «Священникъ, котораго я нашелъ и уговорилъ служить обѣдню, очистилъ и заперъ церковь, но въ прошедшую ночь снова разломали въ ней двери и замки, изорвали церковныя книги и безчинствовали». «Грабежи, доносилъ Тутолминъ, продолжались до того времени, покуда у бѣдныхъ жителей уже ничего не осталось, и они, лишенные домовъ, пищи и одежды, принуждены были искать себѣ насущнаго хлѣба у самого непріятеля».

Истощивъ безполезно всѣ мѣры къ добыванію продовольствія и видя невозможность возстановить порядокъ при повсемѣстномъ грабежѣ, учрежденный въ Москвѣ муниципалитетъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Желая убѣдить городскихъ жителей возвратиться въ Москву и крестьянъ привозить хлѣбъ на продажу, издали слѣдующее воззваніе, названное провозглашеніемъ и напечатанное съ одной стороны по-французски, а съ другой по-русски. Оно помѣщается здѣсь точно въ томъ видѣ, какъ было напечатано:

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ.

«Вы, спокойные московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастія удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте! Тишина возвращается въ сію столицу и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя, что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ ихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается. Е. В. Императоръ и король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ, кои ослушиваются его повелѣніямъ. Онъ хочетъ прекратить ваши несчастія и возвратить васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ. Соотвѣтствуйте-жъ его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности. Жители! возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища; вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ! Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! приходите обратно къ вашимъ рукодѣльямъ; домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату! И вы, наконецъ, крестьяне! выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страха въ ваши избы, въ

точномъ увѣреніи, что найдете, защищеніе. Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестьяне могутъ привозить излишніе свои запасы и земельныя растенія. Правительство приняло слѣдующія мѣры, чтобъ обезпечить имъ свободную продажу: 1) считая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого-бы рода ни были, въ два назначенныхъ лабаза, то есть, на Моховую и въ Охотный рядъ; 2) оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, накакую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но если продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то воленъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ; каждое воскресенье и среда назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ, въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы; 4) таковыя-жъ мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія; 5) немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ. Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой-бы націи ни были! васъ взываютъ исполнять отеческія намѣренія Е. В. Императора и Короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами».

Таково было отъ слова до слова мятежническое объявленіе, изданное Наполеономъ для приглашенія русскихъ соединиться съ нимъ! Оно раздавалось въ большемъ числѣ экземпляровъ коммиссарамъ муниципалитета, отправляемымъ съ фуражирами. Воззваніе оставалось безъ дѣйствія. Коммиссары боялись распространять его, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, попавшись крестьянамъ, были ими побиты и потомъ, связанные, какъ возмутители, представлены ближайшимъ нашимъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ. На вызовъ соединиться съ злодѣями, русскій народъ отвѣчалъ: умремъ за Вѣру и Царя! Нѣсколько русскихъ купцовъ и мѣщанъ были по повелѣнію Наполеона отправлены изъ Москвы лазутчиками въ нашу армію, узнавать силу ея и идутъ-ли къ намъ подкрѣпленія, укомплектованы-ли полки послѣ Бородинскаго сраженія не направляется-ли князь Кутузовъ на Смоленскую дорогу, какіе въ народѣ носятся слухи о мирѣ? Имъ велѣно было также извѣщать объ изобиліи и дешевизнѣ въ Москвѣ и намѣреніи Наполеона зимовать въ нашей столицѣ. Отправленіе лазутчиковъ лежало на обязанности маршала Даву; за удачное исполненіе порученій онъ сулилъ большія награды, даже каменные дома. Наши принимали порученія съ тайнымъ намѣреніемъ воспользоваться по выходѣ изъ Москвы свободою и избѣжать плѣна. Ни одинъ изъ посланныхъ не возвращался къ непріятелю, но всѣ являлись въ нашъ лагерь и представляли деньги, полученныя ими отъ французовъ, вмѣстѣ съ письменными вопросами, которые инымъ изъ нихъ были вручены непріятелемъ. Русскіе гнушались принимать отъ Наполеона деньги, предлагаемыя даже подъ благовидными предлогами. Въ больницу для бѣдныхъ, гдѣ оставалось нѣсколько русскихъ лекарей, были свезены французскіе раненые. Осматривая больницу по порученію Наполеона, генералъ-адъютантъ графъ Нарбоннъ восхвалялъ нашихъ врачей, обѣщая донести Наполеону о попе-

ченіи ихъ о французскихъ больныхъ и испросить врачамъ жалованье. Главный лекарь, именемъ врачей, благодарилъ Нарбонна, «но»; доносилъ онъ въ Петербургъ, «помня долгъ чести и присяги, отъ жалованья отрицался и гнушался онымъ, представляя, что мы, по нашему мѣсту и службѣ, жалованье имѣемъ, а отъ другого ни отъ кого не желаемъ, и просимъ только, по невозможности чего-либо съѣстного достать, о нашемъ содержаніи, защитѣ заведенія, безопасности лицъ и собственности». Лессепсъ предлагалъ Тутолмину взять для расходовъ по воспитательному дому денегъ ассигнаціями. Тутолминъ денегъ не принялъ и писалъ въ донесеніи: «Ихъ была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье».

Поставленный твердостью императора Александра и русскаго народа въ самое необыкновенное положеніе Наполеонъ лично не ослабѣвалъ въ дѣятельности на счетъ своихъ вооруженій и управленія Франціи. Много декретовъ подписано имъ въ Кремлѣ о внутреннихъ дѣлахъ его имперіи, даже новое положеніе о парижскихъ театрахъ. Попеченіемъ о различныхъ отрасляхъ гражданскаго устройства, онъ хотѣлъ доказать своимъ подданнымъ, что великое разстояніе отъ Москвы до Парижа не мѣшало ему помышлять объ ихъ благосостояніи. И, дѣйствительно, спокойствіе во Франціи не было еще нарушено, законы сохраняли всю силу, и власть новаго правленія казалась твердо обезпеченною. Могущество Наполеона было въ глазахъ парижанъ такъ велико, что, считая завоеваніе Россіи упроченнымъ и видя Москву подъ управленіемъ французскаго интенданта, они думали, не пойдетъ-ли онъ изъ Москвы въ Индію? Смѣтливые нѣмецкіе книгопродавцы напечатали даже карту, съ обозначеніемъ на ней дорогъ, ведущихъ отъ Днѣпра къ Индостану. Главная забота Наполеона состояла въ усиленіи его арміи, находившейся въ Россіи. Онъ просилъ императора Франца о подкрѣпленіи десятью тысячами человѣкъ князя Шварценберга и приказаніи австрійскому корпусу, бывшему въ Галиціи, произвести ложное наступательное движеніе въ тылу Тормасова, а короля прусскаго убѣждалъ послать въ Россію 7,000 человѣкъ изъ Кенигсберга, Кольберга и Данцига. Отъ всѣхъ своихъ союзниковъ требовалъ Наполеонъ новыхъ войскъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна переписка его съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Маре, постоянно находившимся въ Вильнѣ. «Во Франціи», говоритъ ему Наполеонъ, «набираю я 140,000 рекрутовъ, въ Италіи 30,000. Изъ Мюнхена увѣдомляютъ меня объ отправленіи 10,000 для укомплектованія баварскаго корпуса въ Россіи. Надобно набрать въ Варшавѣ какъ можно болѣе людей для пополненія корпуса Понятовскаго и ремонтъ для кавалеріи и артиллеріи. Пишите также военнымъ министрамъ въ Варшаву и въ Саксонію о присылкѣ рекрутовъ и ремонта для саксонскаго корпуса. О томъ-же подтверждайте всѣмъ дворамъ Рейнскаго союза. Бородинская побѣда и занятіе Москвы не должны усыплять рвенія нашихъ союзниковъ. Вамъ легко увѣрить Австрію, Пруссію и другіе дворы, что ихъ собственныя выгоды зависятъ отъ скорѣйшаго окончанія моихъ дѣлъ въ Россіи. Остается только одно средство благополучно довершить настоящую войну: доказать императору Александру невозможность разстроить, извести нашу армію, какъ онъ на-

дѣется, и убѣдить его въ безполезности его усилій противъ огромныхъ средствъ къ умноженію арміи, находящихся у меня во Франціи и заключающихся въ добромъ расположеніи моихъ союзниковъ. Отовсюду должно присылать ко мнѣ подкрѣпленія и увеличивать на словахъ и бумагѣ число войскъ, ко мнѣ отправляемыхъ. Надобно приказать союзнымъ дворамъ печатать въ газетахъ, что они посылаютъ ко мнѣ вдвое болѣе, нежели на самомъ дѣлѣ».

22 роты артиллеріи шли отъ Рейна къ Эльбѣ и Одеру. 4.000,000 франковъ и неограниченный кредитъ были даны генералу Бурсье для покупки 14,000 лошадей въ нѣмецкой землѣ, Польшѣ и Литвѣ; 4,000 лошадей велѣно купить въ Могилевѣ и 1,000 въ Варшавѣ. Изъ Франціи назначено прислать въ каждую роту полковъ ручныя мельницы и предписано дѣлать таковыя-же въ Кенигсбергѣ, Вильнѣ, Минскѣ и Варшавѣ. Для продовольствія въ тылу арміи, гдѣ все еще царствовало безначаліе, приказано заключить торги на покупку хлѣба; въ Ковно и Вильну назначено прислать аммуничныя вещи изъ Данцига и Кенигсберга и доставить привезенное изъ Тріеста сарачинское пшено въ Гродно и Минскъ. Охраняя путь сообщеній отъ Смоленска до Москвы, Наполеонъ, послѣ перваго тамъ набѣга Дорохова, велѣлъ войскамъ, сопровождавшимъ транспорты, идти вмѣстѣ, не разрываясь, и на бивакахъ становиться вокругъ обозовъ, а обозы отправлять изъ Смоленска подъ начальствомъ штабъ-офицеровъ, съ прикрытіемъ не менѣе 1,500 человѣкъ. Наполеонъ приказалъ перепечатать и разослать къ комендантамъ и этапнымъ начальникамъ, отъ Ковно до Москвы, существовавшія въ его арміи постановленія о слѣдованіи обозовъ. Онъ велѣлъ также купить хлѣба и мяса на 250,000 рублей въ Можайскѣ, Гжаткѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ и довольствовать имъ проходящія войска. Для большаго обезпеченія послѣднихъ, онъ назначилъ проложить новую дорогу изъ Смоленска, верстахъ въ 7-ми, или 10-ти, параллельно со старою, въ краю менѣе разоренномъ, но такимъ образомъ, чтобы новый проселочный путь выходилъ на Вязьму, Дорогобужъ и другіе города. Велѣно всѣхъ людей, къ какому-бы роду войскъ они ни принадлежали, проходившихъ по-одиночкѣ, задерживать въ Смоленскѣ, составлять изъ нихъ маршевую колонну въ 10 или 12,000 человѣкъ, съ 12-ю орудіями, и, снабжая ихъ десятидневнымъ провіантомъ, посылать по новой дорогѣ, со всѣми обозами, столпившимися въ Смоленскѣ. Наполеонъ приказалъ маршалу Виктору, вступившему 23-го августа въ Россію: 1) наблюдать дороги изъ Вильны къ Смоленску черезъ Минскъ и Могилевъ; 2) въ случаѣ нужды подкрѣплять Сенъ-Сира въ Полоцкѣ и сторожить, чтобы какія-нибудь изъ русскихъ войскъ, ускользнувъ отъ наблюденія Сенъ-Сира и князя Шварценберга, не пробрались въ тылъ Наполеона; 3) служить резервомъ главной арміи, находившейся въ Москвѣ. Повелѣніе застало Виктора въ Минскѣ, откуда онъ тотчасъ выступилъ и 15-го сентября пришелъ въ Смоленскъ. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ приказаніе возвратиться и стать между Полоцкомъ и Минскомъ.

Наполеонъ ежедневно присутствовалъ на разводахъ гвардіи въ Кремлѣ, гдѣ также осматривалъ полки, стоявшіе близъ города. Пѣхота была лучше конницы и артиллеріи. Она отдыхала весь сентябрь; ея ряды пополнились выздоровѣвшими; мундиры и обувь были исправлены найденными въ Москвѣ сукнами и кожами. Изъ кавалеріи только гвардейская оказывалась годною для службы, а армейскіе

конные полки доведены были до крайности усиленными переходами отъ Нѣмана до Москвы, Бородинскимъ сраженіемъ, недостаткомъ корма и фуражировками, подвергавшими французовъ безпрестаннымъ пораженіямъ отъ казаковъ и крестьянъ. Донцы гарцовали иногда въ виду Москвы, даже врывались въ самыя заставы столицы. Артиллерійскія и обозныя лошади съ каждымъ днемъ приходили въ худшее состояніе. Болѣе всего страдала нравственная сила арміи. Наполеонъ не могъ возстановить подчиненности, потрясенной четырехнедѣльнымъ своеволіемъ и грабежемъ въ Москвѣ. Изъ отданныхъ по его гвардейскому корпусу приказовъ видно, до чего ослабѣла служба и достигло неуваженіе къ самому Наполеону. Приведемъ примѣры. Въ приказѣ отъ 22-го сентября сказано: «Не взирая на всѣ повелѣнія, караулы не исполняютъ своей обязанности; ночью часовые не окликаютъ проходящихъ».

Наполеонъ укрѣплялъ Кремль и хотѣлъ привести его въ такое положеніе, чтобы можно было держаться въ немъ противъ внезапнаго набѣга нашихъ войскъ. Безмолвный вѣковой свидѣтель дивныхъ судебъ отечества, Кремль долженъ былъ служить оплотомъ для враговъ! 30 орудій взвезли на стѣны и для удобнѣйшаго дѣйствія артиллеріи приказано сломать нѣсколько строеній внѣ Кремля, «а именно», сказано въ повелѣніи Наполеона, «срыть мечеть». Онъ называлъ мечетью церковь Василія Блаженнаго, памятникъ покоренія Казани, торжества христіанства надъ исламизмомъ! Потомъ Наполеонъ отмѣнилъ это повелѣніе и сталъ укрѣплять Новодѣвичій монастырь, куда самъ пріѣзжалъ 23-го сентября. Онъ лично приказалъ заколотить заднія ворота наглухо, завалить ихъ землею и поставить на нихъ по одной пушкѣ; для входа оставить боковыя ворота и противъ нихъ соорудить батарею. Въ церкви Іоанна Предтечи близъ Новодѣвичьяго монастыря, онъ велѣлъ подбить стѣны и потомъ церковь взорвать, что и было исполнено. Стараясь поддержать въ войскахъ бодрость, Наполеонъ приказалъ распространять слухи о мнимыхъ успѣхахъ, одерживаемыхъ его боковыми корпусами, объ осадѣ Петербурга, разбитіи графа Витгенштейна, приближеніи къ Москвѣ большихъ подкрѣпленій и обильныхъ запасовъ и, наконецъ, о своемъ намѣреніи зазимовать въ Москвѣ. Устроили два театра, одинъ въ домѣ Познякова, другой въ Кремлѣ, и собрали остатки находившейся въ Москвѣ французской труппы. «Когда намъ велѣли играть комедію», пишетъ одна изъ тогдашнихъ актрисъ, «мы подумали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни башмаковъ; однако, ленты и цвѣты были скоро найдены въ солдатскихъ казармахъ; поставили декораціи, зажгли лампы, и мы начали представленія на дымящихся развалинахъ города».

Театръ, смотры, разводы, декреты о внутреннемъ устройствѣ Франціи не утоляли кипучей дѣятельности Наполеона, не удовлетворяли замысламъ, наполнявшимъ его душу при вторженіи въ Россію. Не за тѣмъ пришелъ онъ въ Москву, чтобы въ Кремлѣ смотрѣть на комедіи, слушать концерты, любоваться церемоніальнымъ маршемъ своей гвардіи. Скука одолѣла его, а презрительное молчаніе императора Александра разъярило новымъ мщеніемъ. Онъ приказалъ отыскивать въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара архивахъ и книгахъ все, относившееся до Пугачевскаго бунта. Этого мало, государственный секретарь Дарю изготовилъ возмутительное воззваніе противъ нашего

правительства. Эта нелѣпость осталась въ проэктѣ. Наполеону были извѣстны манифесты государя, воззванія синода, печатныя объявленія правительства объ ополченіи и вооруженіяхъ. Всѣ эти акты, какъ видно изъ отбитыхъ у непріятеля бумагъ, были переводимы для Наполеона. Изъ нихъ онъ удостовѣрился, что императоръ Александръ двигалъ на борьбу съ нимъ всѣ силы Россіи, физическія и нравственныя, хотѣлъ, чтобы война считалась войною за вѣру, за церковь, войною религіозною, слѣдовательно, самою губительною. Тогда злоба Наполеона противъ государя дошла до изступленія, и для поколебанія Россіи онъ прибѣгнулъ къ средствамъ, изложеннымъ въ воззваніи, которыя показываютъ, что разумъ его былъ омраченъ страстями, и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ доказательствомъ, что онъ рѣшительно не имѣлъ понятія о Россіи и на счетъ ея былъ въ сильномъ заблужденіи.

Когда Наполеонъ предавался въ Москвѣ порывамъ бѣшенства противъ императора Александра и войска его разбойничали, авангардъ Мюрата бѣдствовалъ. Лагерь его, съ 20-го сентября по 6-е октября, стоялъ вдоль Чернишни, на дорогѣ изъ Тарутина въ Москву. По сторонамъ его, иногда и въ тылу, вооруженные крестьяне и летучіе отряды нападали на французовъ. Мюратъ приказалъ, наконецъ, сопровождать фуражировъ пѣхотѣ съ артиллеріею. Часъ отъ часу менѣе привозили съ фуражировокъ. Рожь, ячмень и гречу варили сырыми, кипятя въ водѣ до тѣхъ поръ, пока зерна лопались. Тогда снимали съ зеренъ шелуху и употребляли ихъ въ похлебки. За недостаткомъ мельницъ, офицеры и солдаты мололи руками на жерновыхъ каменьяхъ несушеныя и не провѣянныя зерна и пекли изъ нихъ хлѣбъ, или мякину, смѣшанную съ соломою и шелухою. Рѣдко удавалось фуражирамъ пригонять рогатый скотъ и овецъ; войско принуждено было питаться конскимъ падалищемъ; валявшимся по полямъ и въ лагерѣ. Всего болѣе нуждались въ соли и вмѣсто нея употребляли порохъ, но отъ такого соленія происходили неутолимая жажда и поносы, заставившіе отказаться отъ пороха. Масла и сала вовсе не было; клали въ пищу сальныя свѣчи, предварительно вынимая изъ нихъ свѣтильни. Голодъ достигъ такой степени, что и съ этою отвратительною приправою находили кушанья вкусными. Въ дровахъ тоже былъ недостатокъ. Сначала топили хлѣвами, амбарами сосѣднихъ селеній, а потомъ принялись ломать крестьянскіе дома; въ ближайшихъ окрестностяхъ осталось только небольшое число избъ, занятыхъ генералами и больными. Особенно страдали непріятели зубною болью, кашлемъ, поносомъ, рожею, слѣдствіемъ несваренія пищи и простуды, которой подвергались люди, едва имѣвшіе небольшое количество соломы. Стараясь согрѣться въ холодныя ночи, они обкладывали себя соломою, но не находили теплоты. Заморозки становились уже столь сильны, что по утрамъ солома обыкновенно покрывалась ледяною корою. Тощія лошади, безъ корма и по ночамъ замундштученныя, стояли возлѣ биваковъ, подъ открытымъ небомъ, и заносились инеемъ.

Сообщеніе непріятельскаго авангарда съ Москвою почти прекратилось. Нельзя было ѣздить изъ Винкова въ Москву иначе, какъ въ сопровожденіи сильнаго конвоя. Безъ того отправлявшіеся изъ Мюратова лагеря въ столицу подвергались нападеніямъ казаковъ и поселянъ. Такимъ образомъ, авангардъ Наполеона сталъ какъ-будто

отрѣзаннымъ отъ главной его арміи. Офицеры и солдаты, одинаково терпѣвшіе отъ голода, болѣзней и осенней погоды, собирались вокругъ блѣдныхъ бивачныхъ огней коротать въ разговорахъ безсонныя ночи. Горевали о своемъ положеніи, судили о жребіи, ожидавшемъ ихъ въ неизмѣримомъ нашемъ отечествѣ, но не колебались, однако-же, въ увѣренности въ счастье и военное искусство Наполеона. Многолѣтніе успѣхи его были для войскъ ручательствомъ, что онъ выведетъ ихъ изъ Россіи невредимыми, торжествующими, что труды и изнуреніе скоро вознаградятся блистательнымъ миромъ. Въ непріятельской арміи знали о сдѣланныхъ императору Александру предложеніяхъ и посылкѣ Лористона въ Тарутино, а потому временное бездѣйствіе воюющихъ сторонъ непріятели считали перемиріемъ, заключеннымъ до полученія отвѣта изъ Петербурга. Въ скоромъ подписаніи мира сомнѣвались въ войскахъ Мюрата тѣмъ менѣе, что на передовыхъ цѣпяхъ совсѣмъ не завязывали перестрѣлки и стояли спокойно. На нашихъ аванпостахъ ежедневно разъѣзжалъ Милорадовичъ, рисуясь на статномъ конѣ. Вдоль своей цѣпи то-же самое дѣлалъ Мюратъ. Иногда, съѣзжаясь на близкое разстояніе, они раскланивались и одинъ другого привѣтствовали, но не вступали между собою въ продолжительные разговоры, какъ писали о томъ въ современныхъ газетахъ. Мюратъ нѣсколько разъ посылалъ увѣдомлять Наполеона о лишеніяхъ, претерпѣваемыхъ войсками, и опасности авангарда, стоявшаго въ виду русской арміи, говоря, что она могла съ часа на часъ аттаковать его. Отъ Мюрата не могло быть скрыто и то, что въ Тарутинѣ не помышляли о мирѣ. Ежедневно онъ слышалъ, какъ производились у насъ ученья съ пальбою, и безпрестанно получалъ донесенія фуражировъ о народномъ возстаніи. Его парламентеры, пріѣзжавшіе къ Милорадовичу для освѣдомленія о плѣнныхъ или для доставленія къ нимъ писемъ и денегъ, возвращаясь къ своимъ, говорили, что русскіе вполнѣ всѣмъ обезпечены, веселы, бодры, убѣждены, что война не только не близка къ окончанію, но едва начинается. Въ самомъ дѣлѣ, эта мысль становилась все болѣе и болѣе общею и была однимъ изъ великихъ послѣдствій оставленія Москвы. Слова: «Москвы нѣтъ!» пресѣкли разомъ всѣ связи съ нею и разрушили заблужденіе русскихъ, видѣвшихъ въ ней всю Россію. Паденіе Москвы открыло русскимъ высшую цѣль для ихъ усилій: оторвало ихъ отъ столицы и направило на защиту государства.

Какъ ни были справедливы опасенія Мюрата, но онъ не получалъ удовлетворительнаго отвѣта отъ Наполеона. Наконецъ, онъ отправилъ къ нему адъютанта, для подробнаго донесенія о своемъ положеніи. Выслушавъ посланнаго, Наполеонъ отвѣчалъ: «Имѣя легкую конницу, можно найти продовольствіе вездѣ, и селенія вокругъ авангарда еще не вовсе разорены». Потомъ, разсматривая на картѣ позицію авангарда, онъ спросилъ: «Что за странная мысль пришла Мюрату стать въ лощинѣ? Ему слѣдовало расположиться на Нарѣ».— «Онъ хотѣлъ стать на берегахъ ея», отвѣчалъ адъютантъ, «но непріятель не допустилъ». Наполеонъ возразилъ: «Русскіе не будутъ аттаковать насъ; имъ покой нужнѣе, чѣмъ намъ. Моя армія теперь въ лучшемъ положеніи, нежели когда-либо; нѣсколько недѣль стоянки принесли ей великую пользу. Скажите неаполитанскоеу королю, что завтра пришлю ему муки и приказываю непремѣнно держаться на занятой имъ позиціи. Онъ не будетъ аттакованъ, но, если послѣдуетъ

на него нападеніе, пусть остановится при Вороновѣ и укрѣпитъ тамъ дефиле». Этотъ разговоръ происходилъ 30-го сентября, наканунѣ того дня, когда, потерявъ надежду на полученіе изъ Петербурга отвѣта на мирныя предложенія, Наполеонъ началъ готовиться къ выступленію изъ Москвы.

ГЛАВА IX.

Передъ изгнаніемъ.

I.

Дѣйствія Финляндскаго корпуса, Рижскаго гарнизона и графа Витгенштейна.

Доведя описаніе Отечественной войны до 1-го октября, когда Наполеонъ занялся распоряженіями объ отступленіи, между тѣмъ какъ Александръ послалъ къ князю Кутузову повелѣніе двинуться впередъ, необходимо изобразить, что совершалось въ теченіе августа и сентября въ боковыхъ арміяхъ и корпусахъ, стоявшихъ въ Литвѣ, на Волыни и на берегахъ Двины.

Войска, дѣйствовавшія отдѣльно отъ главныхъ армій князя Кутузова и Наполеона, находились въ слѣдующемъ расположеніи: 1) графъ Витгенштейнъ былъ противъ Полоцка, гдѣ стоялъ Сенъ-Сиръ; 2) Эссенъ въ Ригѣ; противъ него Макдональдъ, на пространствѣ отъ Митавы до Якобштата; 3) Игнатьевъ въ Бобруйскѣ, наблюдаемый Домбровскимъ. 4) Эртель въ Мозырѣ; противъ него австрійскій генералъ Моръ; наконецъ, 5) Тормасовъ, отступившій послѣ Городечненскаго сраженія за Стырь, ждалъ тамъ соединенія съ дунайскою арміею Чичагова, возвращавшейся изъ Молдавіи. Противъ Тормасова стояли князь Шварценбергъ и Ренье. Такимъ образомъ, въ августѣ мѣсяцѣ, наши отдѣльные корпусы и арміи на обширномъ пространствѣ были безъ взаимной связи одни съ другими. Всѣ они въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не предпринимали никакихъ значительныхъ дѣйствій: Эссенъ, графъ Витгенштейнъ и Тормасовъ ждали усиленія; Игнатьевъ и Эртель были слишкомъ слабы въ силахъ, а первый, вслѣдствіе самаго назначенія своего защищать крѣпость, долженъ былъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Находившіеся противъ нашихъ войскъ непріятели, также расположенные на большомъ разстояніи, находились, однако, въ связи между собою, занимая внутренній путь дѣйствій и упираясь на корпусъ Виктора, расположенный Наполеономъ въ центрѣ общихъ сообщеній. Расположеніе войскъ русскихъ и непріятельскихъ, между Нѣманомъ и Днѣпромъ, Стыремъ и Двиною, было въ августѣ слѣдующее:

У Риги.....	Эссенъ.	Макдональдъ.	Викторъ въ Оршѣ.
На маршѣ къ Ригѣ.....	графъ Штейнгель.		
У Полоцка.....	графъ Витгенштейнъ...	Сенъ-Сиръ.	
У Мозыря.....	Эртель.	Моръ.	
Въ Бобруйскѣ...	Игнатьевъ.	Домбровскій.	
У Луцка.....	Тормасовъ.	Князь Шварценбергъ и Ренье.	
На маршѣ въ Луцкъ.....	Чичаговъ.		

Послѣ пожара Рижскихъ предмѣстій и неудовлетворенія требованія прусскаго генерала Граверта о сдачѣ Риги, въ окрестностяхъ ея все было спокойно. Макдональдъ, съ одною дивизіею своего корпуса, Гранжана, находился въ Динабургѣ; другая дивизія, изъ пруссаковъ, наблюдала Ригу съ лѣваго берега Двины. Во весь августъ, Макдональдъ не трогался изъ Динабурга, ожидая назначеннаго для осады Риги артиллерійскаго парка, состоявшаго изъ 130 прусскихъ орудій и 16-го мая отправленнаго водою изъ Данцига черезъ Кенигсбергъ въ Тильзитъ. 1-го августа выгрузили его на берегъ и 29-го привезли въ Руэнталь, возлѣ Бауска. Не успѣлъ еще Макдональдъ сдѣлать предварительныхъ распоряженій къ осадѣ, какъ получилъ отъ Наполеона повелѣніе не начинать ея. Повелѣніе было отправлено на маршѣ изъ Бородина въ Москву, куда устремлялись всѣ надежды Наполеона. По его расчетамъ, въ древней столицѣ нашей долженъ былъ рѣшиться вопросъ о мирѣ, къ ускоренію котораго взятіе Риги не могло способствовать. Нужно было только поразить императора Александра вступленіемъ въ Москву, а потому предположенная при началѣ похода осада Риги была отмѣнена, какъ предметъ побочный, не могущій имѣть вліянія на исходъ войны. Макдональдъ изъ Динабурга и Гравертъ изъ Митавы не дѣлали противъ Риги никакихъ движеній, которыя, впрочемъ, и не могли произвести ничего другого, кромѣ безполезной траты людей. Эссенъ съ своей стороны считалъ себя слишкомъ слабымъ для вылазокъ. Его разъѣзды завязывали иногда между Ригою и Олаемъ перестрѣлку съ пруссаками, но эти мирные непріятели, стеченіемъ политическихъ обстоятельствъ и противъ воли увлеченные подъ знамена Наполеона, никогда не аттаковывали нападавшихъ. Они ограничивались однимъ отпоромъ, отстрѣливались и отбивали набѣги нашихъ легкихъ войскъ. Вскорѣ генералъ Іоркъ, занявъ мѣсто Граверта и принявъ начальство надъ прусскими, имѣлъ тайное свиданіе съ Эссеномъ и увѣрилъ его въ своей пламенной ненависти къ Наполеону. Стрѣлки на передовыхъ цѣпяхъ прекратились.

Прибытіе изъ Финляндіи графа Штейнгеля съ корпусомъ должно было измѣнить положеніе дѣлъ около Риги. Корпусъ его, посаженный на суда въ Або, Гельсингфорсѣ и на Аландскихъ островахъ, началъ въ разныхъ отдѣленіяхъ прибывать въ Ревель. Первыя войска вступили на берегъ въ самый день Бородинскаго сраженія, но многія суда были застигнуты противными вѣтрами; иныя возвратились въ Свеаборгъ, съ изломанными снастями, другія сѣли на мель. Не желая терять времени въ ожиданіи неприбывшихъ еще вслѣдствіе бурь войскъ, графъ Штейнгель выступилъ въ походъ съ полками, высаженными на берегъ, числомъ до 10.000 человѣкъ. 8-го сентября пришелъ въ Ригу его авангардъ, а черезъ два дня прибыли туда остальныя войска изъ Ревеля. Появленіе ихъ въ Ригѣ было признано жителями, болѣе двухъ мѣсяцевъ находившимися въ большомъ страхѣ, знакомъ избавленія.

При отправленіи войскъ изъ Финляндіи, первоначально хотѣли употребить ихъ для освобожденія Риги отъ осады и захвата непріятельской осадной артиллеріи. Но, по возвращеніи своемъ изъ Або въ Петербургъ, когда составленъ былъ общій операціонный планъ, государь назначилъ графу Штейнгелю обширнѣйшій кругъ

дѣйствій. Корпусъ его входилъ въ составъ движеній, предписанныхъ всѣмъ арміямъ, о чемъ подробно дано было знать, 1-го сентября, ему и Эссену. Сущность посланныхъ имъ Высочайшихъ повелѣній заключалась въ слѣдующемъ: 1) Когда финляндскій корпусъ станетъ приближаться къ Ригѣ, Эссену употребить для внутренней службы въ крѣпости находившіеся на судахъ морскіе экипажи, а 20,000 человѣкъ послать съ Левизомъ по лѣвому берегу Двины черезъ Экау и Фридрихштатъ, съ цѣлью, до прибытія финляндскаго корпуса обратить на себя вниманіе Макдональда и отвлечь его отъ графа Витгенштейна. 2) Финляндскому корпусу выступить изъ Риги къ Экау и, не теряя изъ вида захвата осадной артиллеріи, или соединиться съ Левизомъ, если превосходство непріятеля потребуетъ этого, или взять направленіе черезъ Баускъ на Биржи. 3) Въ этомъ случаѣ Левизу равняться съ Финляндскимъ корпусомъ и идти изъ Фридрихштата въ Нерфтъ, послѣ чего обоимъ корпусамъ, находясь въ тѣсной связи, открыть самое сильное наступленіе. Имъ велѣно было отвлекать Макдональда отъ графа Витгенштейна и придерживаться влѣво, къ Виленской губерніи, къ сторонѣ Видзъ и Свенцянъ, чтобы тамъ встрѣтить Сенъ-Сира, который долженъ былъ уже быть разбитъ и преслѣдуемъ войсками графа Витгенштейна, смѣнить послѣдняго и, прогнавъ остатки непріятеля за Нѣманъ, стать въ Вильнѣ, откуда наблюдать вдоль Нѣмана за пруссаками, служа резервомъ для армій, назначенныхъ соединиться на Березинѣ.

Такова была воля императора относительно финляндскаго корпуса и рижскаго гарнизона, но наши генералы не смогли привести ее въ исполненіе. Началось съ недоразумѣній между ними о старшинствѣ въ чинахъ. Потомъ оказалось войскъ меньше, нежели полагали въ операціонномъ планѣ. Считали, что съ Левизомъ могутъ выступить изъ Риги 20, а съ графомъ Штейнгелемъ 15 тысячъ. Вмѣсто того Эссенъ оставлялъ для защиты Риги и Динаминда 5,000 человѣкъ, а Левизу отряжалъ съ небольшимъ 10,000, но и это войско, по превосходству въ числѣ непріятеля, Эссенъ не рѣшался отправить въ Фридрихштатъ раньше прибытія графа Штейнгеля. У этого послѣдняго также недоставало до 5,000 человѣкъ, задержанныхъ бурями, и которыхъ онъ не остался ждать въ Ревелѣ. Слѣдовательно, для предположенныхъ дѣйствій государь назначалъ: въ корпусѣ Левиза 20,000, у графа Штейнгеля 15,000, всего 35,000 человѣкъ, а на-лицо оказалось: у перваго 10,000, у второго 11,000, всего 21,000 человѣкъ. Послѣ обсужденія въ военномъ совѣтѣ, Эссенъ, графъ Штейнгель и Левизъ рѣшили начать немедленно наступленіе и аттаковать Іорка, стоявшаго съ большею частью своего 16-титысячнаго корпуса между Митавою и Олаемъ; его осадный паркъ, первоначально назначенный для осады Риги, находился въ Руэнталѣ. Аттаку произвели 14-го сентября, съ трехъ сторонъ: 1) На правомъ крылѣ контръ-адмиралъ Моллеръ съ флотиліею пошелъ по Больдеръ-Аа. Двухтысячный отрядъ генералъ-лейтенанта Бриземана долженъ былъ содѣйствовать ему къ вытѣсненію непріятельскихъ постовъ изъ Шлока и Кальнецема, а потомъ къ аттакѣ Митавы и угроженію тылу пруссаковъ. 2) Противъ Олая поставили полковника барона Розена съ 1,000 человѣкъ и приказали ему прикрывать плотины отъ Риги до Митавы, преслѣдуя непріятелей, когда они будутъ отступать. При отрядѣ барона Розена находился

Эссенъ. 3) Главная колонна, состоявшая изъ финляндскаго корпуса и рижскаго гарнизона, 18,000 пѣхоты, 1,300 конницы, и 23 орудія, построилась на Баусской дорогѣ у Кательгольма. Поутру 14-го сентября, авангардъ главной колонны тронулся къ Фламенкругу, опрокинулъ прусскіе передовые отряды и къ вечеру дошелъ до Таможни. Корпусъ расположился при Даленкирхѣ, откуда одинъ батальонъ былъ посланъ къ Берземинде, а 2 батальона къ Плаканценъ, во флангъ непріятельской позиціи у Олая. Узнавъ объ этомъ наступательномъ движеніи, Іоркъ началъ сосредоточивать весь корпусъ у Экау, куда, какъ на сборное мѣсто, избранное имъ для прикрытія осаднаго парка въ Руэнталѣ, велѣлъ спѣшить всѣмъ отрядамъ и разъѣздамъ, стоявшимъ на разныхъ дорогахъ. 15-го сентября, графъ Штейнгель продолжалъ движеніе, послѣ полудня подошелъ къ Экау и аттаковалъ Іорка. Послѣ краткой обороны, пруссаки отступили за рѣку Экау, заняли позицію и держались упорно, пока на обоихъ флангахъ ихъ не показались войска, посланныя имъ въ обходъ. Тогда Іоркъ отошелъ за рѣку Аа и сталъ между Баускомъ и Руэнталемъ, впереди парка, въ намѣреніи защищать его до послѣдней крайности. Къ отступленію побудило Іорка и обстоятельство, что къ нему не присоединился еще генералъ Клейстъ, ожидаемый имъ изъ Митавы. Баускъ въ ту-же ночь былъ занятъ нашимъ авангардомъ. Графъ Штейнгель ночевалъ при Экау.

До сихъ поръ выгоды были на нашей сторонѣ, по причинѣ превосходства въ числѣ. Оставалось пользоваться успѣхомъ и всему корпусу пройти Баускъ, откуда стоило только, такъ сказать, протянуть руку на осадную артиллерію; въ виду ея уже стояли бывшіе въ авангардѣ 2 запасныхъ эскадрона Гродненскихъ гусаръ. Но въ рѣшительную минуту графъ Штейнгель добровольно себя ослабилъ, отрядивъ изъ Экау черезъ Гарозенъ на Митаву полковника Экельна, съ 3,000 человѣкъ, и велѣвъ двумъ батальонамъ, посланнымъ наканунѣ на Плаканценъ, идти на Митаву, для совокупнаго дѣйствія съ Бриземаномъ, шедшимъ отъ Шлока, и барономъ Розеномъ, стоявшимъ у Олая. Въ то время, когда Штейнгель раздроблялъ свои войска, Іоркъ дѣлалъ противное, сосредоточивалъ свой корпусъ и тѣмъ склонилъ успѣхъ на свою сторону. Онъ рѣшился пожертвовать временно Митавою, велѣлъ Клейсту спѣшить къ нему на соединеніе, отъ чего сталъ сильнѣе графа Штейнгеля и для спасенія осаднаго парка вознамѣрился не выжидать нападенія, но перейти на правый берегъ Аа у Низотена и аттаковать нашихъ.

Оставивъ впереди Руэнталя отрядъ, Іоркъ двинулся внизъ по Аа къ Низотену, гдѣ къ нему примкнулъ Клейстъ. Графъ Штейнгель, узнавъ объ этомъ движеніи, оставилъ Баускую дорогу и повернулъ вправо, тоже къ Низотену, намѣреваясь аттаковать Іорка. Ночью онъ послалъ часть корпуса въ бродъ черезъ Аа, при Цемаленѣ, въ лѣвый флангъ пруссаковъ. За темнотою, переходъ черезъ рѣку и нападеніе на пруссаковъ не были произведены въ порядкѣ, наши полки сбились съ дороги и даже стрѣляли въ своихъ. Увидя возникшій въ войскахъ безпорядокъ, графъ Штейнгель велѣлъ перейдти обратно за рѣку и не отважился продолжать наступательныхъ дѣйствій. «Ночью открылось», говоритъ онъ въ донесеніи, «что непріятель былъ третьею частію сильнѣе меня, а не такъ, какъ прежде полагали, отъ 10-ти до 12,000 человѣкъ. Столь великая несоразмѣрность силъ, особливо кавалеріи и конной ар-

тиллеріи, заставила меня, для сохраненія войскъ на важнѣйшія предпріятія и для соединенія моего съ полками, идущими отъ Ревеля, отступить къ Ригѣ, къ чему меня также понудило и то, что въ пространныхъ равнинахъ Курляндіи не могъ я нигдѣ взять крѣпкой позиціи».

Іоркъ тотчасъ воспользовался превосходствомъ своихъ силъ и ошибками графа Штейнгеля. На разсвѣтѣ 18-го сентября, онъ перешелъ со всѣмъ корпусомъ черезъ Аа, аттаковалъ нашъ арріергардъ и преслѣдовалъ его до Анненбурга. Тутъ мѣстоположеніе позволило нашему арріергарду держаться нѣсколько времени, пока главный корпусъ отступалъ черезъ Гарозенъ на Олай, гдѣ графъ Штейнгель соединился съ отрядами Бриземана и барона Розена, которые во время движенія его на Экау и Руэнталь, вошли въ Митаву, но, узнавъ объ отступленіи графа Штейнгеля, возвратились. Два дня занимали наши Митаву, истребили тамъ матеріалы, приготовленные для построенія моста на Двинѣ, и взяли 4 мѣдныя орудія и много разной аммуниціи— единственные трофеи предпринятаго похода въ Курляндію, стоившаго намъ 1,900 убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ и 578 раненыхъ; у непріятеля взято въ плѣнъ болѣе 400 человѣкъ. 20-го сентября войска отошли въ Ригу, гдѣ ихъ возвращеніе, послѣ неудачи, произвело самое грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ тотъ самый день, пришло извѣстіе о занятіи французами Москвы.

Государь сдѣлалъ графу Штейнгелю слѣдующія замѣчанія: «1) Если вы предвидѣли, что ввѣренный вамъ корпусъ, до прибытія остальныхъ изъ Ревеля полковъ, находится въ слабомъ для дѣйствія состояніи, то слѣдовало вамъ дождаться оныхъ. 2) Нахожу неправильнымъ оставленіе ваше въ Митавѣ части войскъ безъ всякой нужды, ибо въ сіе самое время войска непріятельскія уже вышли всѣ изъ сего города, посему таковое безполезное раздробленіе вашего корпуса полагаю Я причиною сей неудачи. 3) Выступившій изъ Риги 14-го сентября корпусъ для дѣйствія на Митаву и Экау составлялъ по Моему счету, исключая послѣднія, не прибывшія изъ Ревеля войска, слишкомъ 20 т., слѣдовательно, съ вѣроятностію полагать можно было, что сіе число устроенныхъ россійскихъ войскъ могло съ пользою сражаться противу равнаго числа, собраннаго изъ разныхъ націй непріятеля. Въ военныхъ предпріятіяхъ мѣры среднія весьма рѣдко удаются. Самая ихъ умѣренность и бережливость часто препятствуютъ успѣху, особливо раздробя свои силы, какъ сіе было сдѣлано въ семъ случаѣ, оставя отрядъ въ Митавѣ, а другой у Шлока».

Такъ рушилась первая попытка исполнить операціонный планъ, предначертанный государемъ. Не желая оставаться въ бездѣйствіи въ Ригѣ, графъ Штейнгель испросилъ у генерала Эссена разрѣшенія идти усиленными маршами правымъ берегомъ Двины на соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ. Онъ надѣялся прибыть къ Придруйску дней въ 10 или 11 и тамъ, въ одно время съ графомъ Витгенштейномъ, перейти черезъ Двину, чтобы пресѣчь непріятелю дорогу на Вильну, дѣйствовать съ выгодою въ тѣсныхъ мѣстахъ Придруйскомъ и Брацлавомъ противъ нападеній Макдональда, или вмѣстѣ съ графомъ Витгенштейномъ аттаковать Полоцкъ. «Если намъ посчастливится разбить совершенно Сенъ-Сира», доносилъ онъ государю, «тогда одинъ Макдональдъ будетъ слишкомъ слабъ, чтобы намъ сопротивляться, и при нашемъ движеніи къ Нѣману ему должно будетъ покинуть свои замыслы на Курляндію. Если графу Витгенштейну не

назначено идти къ Нѣману, то онъ можетъ своими движеніями, клонящимися къ соединенію съ Тормасовымъ и Чичаговымъ, быть въ состояніи дѣйствовать съ успѣхомъ въ тылу большой арміи Наполеона. Наконецъ, ежели Макдональдъ собралъ всѣ свои силы для нападенія на графа Витгенштейна, то онъ очиститъ Курляндію и лишитъ себя черезъ то выгодъ своей кавалеріи, которой придется дѣйствовать въ неудобныхъ для нея мѣстахъ. Что касается до осаднаго парка, то непріятель, держась близъ орудій, защищаетъ ихъ съ великимъ упорствомъ, такъ что теперь еще нельзя взять парка». Копію съ своего донесенія государю графъ Штейнгель представилъ Эссену, который рѣшился, для выигрыша времени, не ожидать Высочайшаго повелѣнія о предположенномъ движеніи Финляндскаго корпуса и приказалъ ему выступить изъ Риги на соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ. 23-го сентября, корпусъ отправился къ Придруйску, по проселочной дорогѣ, черезъ Кайпенъ, Эрлу, Берсонъ, Каменецъ и Креславъ. Въ немъ находилось подъ ружьемъ 10,000 человѣкъ; нѣсколько полковъ, удержанныхъ противными вѣтрами, не успѣли еще присоединиться къ нему. Въ Ригѣ и Динаминдѣ осталось гарнизона слишкомъ 17,000 человѣкъ. Узнавъ о новомъ движеніи графа Штейнгеля, государь писалъ ему: «По отдаленности, въ коей я нахожусь, и по неудобности перемѣнить нынѣшнее ваше направленіе, не могу дать вамъ иного разрѣшенія, какъ изъявить желаніе мое, чтобы новыя дѣйствія ваши увѣнчаны были лучшими успѣхами».

Слѣдствіемъ покушенія графа Штейнгеля противъ Іорка на Экау и Митаву было то, что Макдональдъ, узнавъ объ его наступательномъ движеніи, оставилъ одинъ полкъ и два орудія въ Динабургѣ и съ прочими войсками пошелъ поспѣшно на Экау. По прибытіи туда, онъ нашелъ, что военныя дѣйствія прекратились, наши уже отошли къ Ригѣ, а пруссаки занимали мѣста прежняго своего расположенія. Макдональдъ сталъ въ Салгаленѣ, между Митавою и Баускомъ, отославъ пришедшею съ нимъ дивизію Гранжана назадъ къ Иллуску, на одинъ переходъ отъ Динабурга. Отъ такого неблагоразумнаго распоряженія дивизія Гранжана вовсе не приняла участія въ войнѣ. Макдональду слѣдовало оставить Грнажана при себѣ, для оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій противъ Рижскаго гарнизона, или отослать его къ Сенъ-Сиру въ Полоцкъ. Отправляя-же его въ Иллускъ, онъ ставилъ его въ невозможность быть кому-либо полезнымъ. Макдональдъ приказалъ пруссакамъ занять пространство отъ Балтійскаго моря до Экау и Фридрихштата. Резервы стали въ Митавѣ, Анненбургѣ, Салгаленѣ и Якобштатѣ. Бывшій въ Руэнталѣ осадный паркъ отправили назадъ. Наши передовыя войска занимали Олай, Бальдонъ и Нейгутъ. До глубокой осени, обѣ воюющія стороны пробыли въ одномъ положеніи и въ совершенномъ бездѣйствіи.

И Сенъ-Сиръ стоялъ у Полоцка неподвижно въ теченіе августа и сентября. Онъ укрѣпилъ городъ и ближнія селенія редутами и батареями, а на рѣчкахъ построилъ шлюзы, предполагая въ случаѣ нужды затопить окрестности. Изъ наступательнаго положенія, предписаннаго Наполеономъ, Сенъ-Сиръ перешелъ въ оборонительное. Причиною тому было, что Макдональдъ на предложеніе Сенъ-Сира отрядить къ нему 12,000 человѣкъ, отвѣчалъ: «Болѣе 4-хъ или 5,000 прислать вамъ не могу, будучи обязанъ оберегать великое пространство отъ Балтійскаго моря до Динабурга. Ослабивъ себя 12-ю тысячами, подвергаюсь я

аттакѣ Рижскаго гарнизона, ибо, послѣ отправленія къ вамъ требуемыхъ вами войскъ, онъ будетъ сильнѣе меня. Но и 5-ти тысячамъ, которыя могу отрядить къ вамъ, опасно идти по правому берегу Двины на соединеніе съ вами: графъ Витгенштейнъ не допуститъ ихъ до васъ и разобьетъ на пути». Сенъ-Сиръ отвѣчалъ, что ему мало 5,000 для наступательныхъ движеній, ибо графъ Витгенштейнъ начинаетъ получать подкрѣпленія. Въ перепискѣ проходило время; Макдональдъ не посылалъ войскъ Сенъ-Сиру, а этотъ послѣдній не считалъ себя довольно сильнымъ аттаковать графа Витгенштейна и ограничился однимъ наблюденіемъ, стараясь только, согласно повелѣнію Наполеона, удерживать графа Витгенштейна, чтобы онъ не сдѣлалъ какого-нибудь движенія въ тылъ главной французской арміи.

Графъ Витгенштейнъ также не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій, сперва по причинѣ большой потери въ людяхъ и, во вторыхъ, вслѣдствіе необходимости въ отдыхѣ послѣ трехнедѣльныхъ безпрестанныхъ сраженій, начавшихся 17-го іюля при Якубовѣ и кончившихся 6-го августа подъ Полоцкомъ. Малочисленность корпуса его не дозволяла ему аттаковать Сенъ-Сира, укрѣпившагося въ Полоцкѣ и превосходнаго силами. Потомъ, въ началѣ сентября, графъ Витгенштейнъ получилъ общій операціонный планъ, обѣщаніе присылки свѣжихъ войскъ и предписаніе начать дѣйствія не ранѣе 1-го октября. Въ ожиданіи сказаннаго срока и усиленій, ему нельзя было трогаться съ мѣста; слѣдовательно, онъ и Сенъ-Сиръ были осуждены обстоятельствами на временное бездѣйствіе, а между тѣмъ выгоды склонились на нашу сторону, особенно по недостатку продовольствія въ непріятельскихъ войскахъ. Сперва французы добывали жизненные припасы отъ жителей занятаго ими края, но вскорѣ мѣра эти оказалась безуспѣшною. Сенъ-Сиръ раздѣлилъ окрестности Полоцка на округи, расписавъ и разграничивъ на картахъ, въ какой округъ посылать каждой дивизіи за припасами. Вскорѣ ближнія къ городу селенія и мызы оскудѣли отъ излишнихъ требованій и грабежа, сопровождавшаго фуражировки. Самъ Сенъ-Сиръ свидѣтельствуетъ о множествѣ солдатъ, расходившихся на грабежъ. Потомъ появились повальныя болѣзни, особенно между баварцами—ихъ умирало ежедневно отъ 100 до 150-ти человѣкъ. Въ лазаретахъ не стало лекарствъ. Баварскій историкъ войны 1812 года говоритъ: «Можно считать чудомъ, если кто изъ насъ не погибъ на берегахъ Двины отъ меча русскихъ, болѣзни или голода. Нужны были всѣ усилія начальства, для удержанія войскъ въ повиновеніи. Когда пальба съ полоцкихъ укрѣпленій возвѣстила намъ о Бородинской побѣдѣ, въ нашихъ рядахъ уже оставалось такъ мало людей, что почти некому было защищать знамена, и полки сдавали ихъ въ коммиссаріатское вѣдомство». Полоцкъ опустѣлъ. По улицамъ шатались только голодные, больные французы, швейцарцы и баварцы; заразительнымъ воздухомъ опасно было дышать. «Полоцкъ», говоритъ Сенъ-Сиръ, «превратился въ госпиталь, и, къ довершенію несчастія, мы ощущали недостатокъ во всемъ нужномъ для больныхъ».

Въ лагерѣ графа Витгенштейна, какъ въ Тарутинѣ, не знали нужды и жили въ обиліи, благодаря неограниченному усердію псковитянъ, имѣвшихъ счастіе видѣть главнымъ вождемъ вооруженныхъ силъ Россіи въ 1812-мъ году своего земляка—Кутузова. Они несли все въ даръ отечеству; деньги, хлѣбъ, скотъ, подводы. Псковская

губернія служила главнымъ источникомъ продовольствія для корпуса графа Витгенштейна и подвозила съѣстные припасы изъ Новгородской губерніи. Съ іюля мѣсяца отправляли черезъ Псковъ на Себежъ 10-тидневные порціоны сухарей, овса, мяса и вина на 35,000, а съ 5-го сентября на 55,000 человѣкъ. Псковъ и Островъ были главными складочными, а Люцинъ и Себежъ—развозными мѣстами, откуда продовольствіе отправлялось по слѣдамъ корпуса графа Витгенштейна. Великолуцкое дворянство предложило пожертвовать весь хлѣбъ, снятый съ полей, оставивъ себѣ только необходимое количество, не требуя ни денегъ, ни квитанцій. За хлѣбъ, обращенный изъ сельскихъ магазиновъ на сухари, порховское дворянство не просило никакой платы. Пожертвованія Псковской губерніи хлѣбомъ, деньгами, овчинами, подводами и прочимъ превышали 14 милліоновъ рублей, полагая самыя умѣренныя цѣны и не включая въ то число взятаго изъ сельскихъ магазиновъ хлѣба. Болѣе 100,000 подводъ были въ безпрестанномъ движеніи по Псковской губерніи. Кромѣ того, крестьяне охотно оставляли свои занятія и помогали земской полиціи въ исполненіи разныхъ обязанностей, особенно сопровождая плѣнныхъ. Большая часть домовъ въ губерніи была занята ранеными. Отъ недостатка врачей происходили заразительныя болѣзни и сильная смертность. Ни чрезвычайныя повинности, ни близость театра войны, ни повальныя болѣзни,—ничто не нарушало спокойствія. Гражданскій губернаторъ князь Шаховской, имѣя Высочайшее повелѣніе доносить въ собственныя руки императора о чрезвычайныхъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ случаяхъ, писалъ въ одномъ донесеніи: «Народъ, пребывая въ безмятежномъ спокойствіи и горя любовію, усердіемъ и ревностію къ вамъ, Государь, и отечеству, готовъ во всякое время единодушнымъ возстаніемъ противиться непріятелю, дерзающему покушаться нарушить общественное спокойствіе».

По обоимъ берегамъ Двины, графъ Витгенштейнъ разсылалъ партизановъ ловить непріятельскихъ фуражировъ и бродягъ; ежедневно приводили ихъ отъ 50 до 100 человѣкъ. Летучіе отряды также возстановляли порядокъ въ тѣхъ волостяхъ Витебской губерніи, гдѣ пребываніе непріятелей производило своеволіе. Для прекращенія тамъ безначалій партизанамъ помогали разъѣзды, которые, ввиду совершеннаго недостатка воинскихъ командъ въ Псковской губерніи, были на границахъ ея добровольно учреждены псковитянами. Разъѣзды ходили, съ одной стороны, по дорогамъ къ Бѣлому, Порѣчью, Велижу и Усвяту, съ другой—къ Динабургу, Крейцбургу и Ригѣ. Изъ находившихся при корпусѣ графа Витгенштейна партизановъ сдѣлались извѣстными: полковникъ Непейцынъ, маіоръ Бедряга и войска донскаго полковникъ Родіоновъ, который до такой степени тревожилъ непріятеля, что Сенъ-Сиръ посвятилъ нѣсколько страницъ въ своихъ запискахъ описанію его набѣговъ. Непейцынъ уже 20 лѣтъ жилъ въ отставкѣ, потерявъ подъ Очаковомъ ногу, оторванную ядромъ. Несмотря на свою тяжелую рану, онъ явился къ графу Витгенштейну, получилъ начальство надъ летучимъ отрядомъ и дѣлалъ удачные поиски. Встрѣтивъ на дорогѣ шедшее изъ Петербурга ополченіе, онъ сказалъ ратникамъ: «Вотъ ребята, я и безъ ноги, а уже успѣлъ поколотить злодѣевъ; постарайтесь и вы хорошенько!»—«Не бойсь», отвѣчала въ одинъ голосъ

дружина, «не положимъ на руку охулки; далъ-бы Богъ только дойти до нихъ!» Петербургское ополченіе сдержало слово. Первое отдѣленіе его прибыло къ графу Витгенштейну 28-го сентября, второе 3-го октября. На маршѣ изъ Петербурга были соблюдаемы всѣ военныя правила; на дневкахъ производились ученья. Стараясь ввести болѣе военнаго порядка между ратниками, государь велѣлъ прикомандировать къ каждой дружинѣ по 32 человѣка изъ армейскихъ полковъ для совмѣстнаго похода съ ополченіемъ. Офицеры шли у своихъ взводовъ, съ ранцами на плечахъ. Несмотря на дожди и грязь, ополченіе дѣлало самые большіе переходы и отсталыхъ не было. Вдругъ на дорогѣ поразила его вѣсть о занятіи Москвы. Но графъ Витгенштейнъ нашелъ въ ополченіи такую исправность и такой воинскій духъ, какихъ не ожидалъ отъ земледѣльцевъ, недавно покинувшихъ соху, предводимыхъ офицерами, до того времени чуждыми военному дѣлу. Онъ приказалъ размѣщать дружины во время сраженія по армейскимъ полкамъ, составляя изъ нихъ резервы.

По прибытіи въ лагерь графа Витгенштейна, среди ополченія служили молебенъ. Начальники поздравляли ратниковъ съ достиженіемъ цѣли. «Вотъ уже и непріятель близко», сказалъ начальникъ 1-й колонны, Бѣгичевъ; «мы должны исполнить то, для чего государь и отечество насъ послали. Богъ намъ помощникъ: мы Ему молились. Дѣло наше святое; неизвѣстно еще. кому изъ насъ судитъ Богъ положить животъ за святую вѣру Его, и потому должно приступать къ нему съ чистою совѣстью. Если кто изъ васъ недоволенъ и сердится на кого-либо изъ товарищей или начальниковъ, примиритесь братски и оставьте всякую злобу. Я, какъ старшій, болѣе всѣхъ, можетъ быть, досадилъ вамъ—простите меня!» При этихъ словахъ Бѣгичевъ началъ со всѣми обниматься; офицеры и ратники отвѣчали ему взаимнымъ цѣлованіемъ. 3-го октября, когда къ Полоцку прибыло второе отдѣленіе ополченія, пришелъ изъ Риги въ Придруйскъ графъ Штейнгель съ финляндскимъ корпусомъ. Это было наканунѣ дня, назначеннаго графу Витгенштейну для наступательныхъ дѣйствій.

II.

Дѣйствія, въ августѣ и сентябрѣ, Тормасова и Чичагова.

Въ такомъ-же спокойствіи, какъ Макдональдъ и Сенъ-Сиръ на Двинѣ, стояли вдоль Стыри князь Шварценбергъ и Ренье. Продолжительное бездѣйствіе воюющихъ сторонъ у Риги, Полоцка и на Волыни, въ теченіе августа и сентября, составляло совершенную противоположность къ кровавыми явленіями, происходившими въ то время между Смоленскомъ, Москвою и Тарутинымъ. Оставленные въ тылу Наполеона генералы раздѣляли убѣжденіе своего повелителя въ томъ, что въ Москвѣ долженъ быть разрубленъ Гордіевъ узелъ его нашествія на Россію. Вниманіе ихъ было обращено болѣе на Москву, чѣмъ на русскія войска, находившіяся противъ нихъ.

Со времени своего отступленія отъ Городечны за Стырь, Тормасовъ не трогался съ мѣста, въ ожиданіи войскъ, веденныхъ Чичаговымъ изъ Молдавіи и Валахіи. Князь Шварценбергъ, во весь

августъ, не тревожилъ его ни разу и далъ время придти къ нему дунайской арміи, колонны которой, въ первыхъ числахъ сентября, начали приближаться къ Дубно и Острогу, откуда тянулись къ Луцку. Тогда только непріятельскіе генералы вышли изъ бездѣйствія и стали дѣлать обозрѣнія. Особенно хотѣли они знать: вся-ли дунайская армія направлялась на Луцкъ и не направилась-ли часть ея на Житомиръ? Послѣднее обозрѣніе производилъ 7-го сентября генералъ-цейхмейстеръ, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Орелліева легко-коннаго полка и 6-ти эскадроновъ поляковъ и саксонцевъ. Въ слѣдующій день, посланные на лѣвый берегъ Стыри казаки взяли въ плѣнъ 40 австрійцевъ и узнали отъ нихъ, что цейхмейстеръ расположился съ отрядомъ ночевать у Чарукова. Графъ Ламбертъ вознамѣрился захватить австрійцевъ врасплохъ. Ночью, 8-го сентября, онъ переправилъ въ Красномъ часть своей конницы и казаковъ, на 15 охотниковъ Татарскаго уланскаго полка, знавшихъ по-нѣмецки, велѣлъ надѣть австрійскіе каски и плащи и пустилъ ихъ впередъ. На окликъ польскаго пикета наши охотники объявили себя за австрійскій патруль и захватили пикетъ до послѣдняго человѣка. Одинъ полякъ успѣлъ выстрѣлить изъ пистолета и тѣмъ произвелъ тревогу въ лагерѣ. Однако-же, графъ Ламбертъ такъ быстро ворвался въ непріятельскіе биваки, что бывшіе тамъ 13 эскадроновъ австрійцевъ, саксонцевъ и поляковъ, не успѣвъ осѣдлать лошадей, бросились бѣжать. Въ плѣнъ взято 150 человѣкъ. Одинъ эскадронъ Орелліева полка, съ 3-мя штандартами, попалъ на окольную дорогу, гдѣ стоялъ поручикъ графъ Буксгевденъ со взводомъ Александрійскихъ гусаръ. Онъ только что хотѣлъ скомандовать: «Маршъ—маршъ!»—но гусары, не выждавъ команды, устремились на непріятеля и отбили штандарты, составившіе единственные трофеи, когда-либо взятые русскими у австрійцевъ. Государь возвратилъ ихъ тогда-же при письмѣ австрійскому императору.

Ночное нападеніе при Чаруковѣ происходило наканунѣ прибытія дунайской арміи къ Стыри. 9-го сентября она начала подходить къ берегамъ его, задержанная на своемъ пути изъ Валахіи проливными дождями и разлитіемъ рѣкъ. Дорогою присоединились къ ней два полка 13-й дивизіи, стоявшей въ Одессѣ. Тормасовъ получилъ приказъ отъ князя Кутузова идти къ нему на соединеніе, какъ только приблизится дунайская армія, которая должна была вмѣсто него охранять Волынь и дѣйствовать противъ австрійцевъ. Въ исполненіе этого приказанія онъ долженъ выступить черезъ Мозырь и Бобруйскъ на Мстиславль, держа, насколько возможно, параллельное направленіе съ дорогою, ведущею отъ Минска черезъ Оршу на Смоленскъ, чтобы въ случаѣ отступленія Наполеона дѣйствовать на правый флангъ и тылъ его. Однако, по приходѣ дунайской арміи, Тормасовъ счелъ выгоднѣе перейти вмѣстѣ съ нею черезъ Стырь и, пользуясь превосходствомъ силъ, разбить непріятеля, вытѣснить его изъ Волыни и потомъ, согласно съ волею князя Кутузова, идти къ нему на соединеніе черезъ Мозырь и Бобруйскъ.

Соединенныя на Стыри обѣ арміи наши составляли болѣе 60,000 человѣкъ; у князя Шварценберга и Ренье было 43,000, въ томъ числѣ 26,000 австрійцевъ, 12,000 саксонцевъ и 5,000 поляковъ. Тормасовъ условился съ Чичаговымъ перейти черезъ Стырь и аттаковать непрія-

теля, который былъ расположенъ такъ: австрійцы въ Голобахъ, саксонцы въ Киселинѣ, поляки во Владимірѣ. 10-го сентября, дунайская армія, имѣя въ авангардѣ графа Орурка, переправилась при Берестечкѣ и Хрынникахъ; 3-я армія, авангардомъ которой командовалъ графъ Ламбертъ,—при Луцкѣ и Торговицѣ. Князь Шварценбергъ, получивъ извѣстіе о наступательномъ движеніи противъ него, сосредоточилъ войска за рѣкою Туріею. Наши арміи шли по направленію къ Владиміру, дѣйствуя лѣвымъ флангомъ, съ намѣреніемъ оттѣснить правое крыло князя Шварценберга отъ Буга и лишить его прямого сообщенія съ Варшавою, откуда, какъ у насъ полагали, онъ долженъ былъ получить подкрѣпленіе. Два дня спустя послѣ переправы черезъ Стырь, арміи стояли: 3-я въ Киселинѣ, а дунайская во Владимірѣ, занимая отрядомъ Устилугъ. Графъ Ламбертъ, шедшій впереди первой изъ нихъ, не встрѣтилъ непріятеля, но графъ Оруркъ, начальникъ авангарда дунайской арміи, имѣлъ съ поляками незначительное, хотя, впрочемъ, удачное, дѣло при Локачахъ, замѣчательное тѣмъ, что отъ плѣнныхъ было получено извѣстіе о паденіи Москвы, чего до тѣхъ поръ въ нашихъ арміяхъ на Волыни не знали. Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ пишетъ очевидецъ, находившійся при дунайской арміи: «Сіе извѣстіе не только не поселило унынія въ душахъ воиновъ, но, напротивъ, еще родило пламенное желаніе къ ежеминутнымъ сраженіямъ, чтобы мстить непріятелю. Всякое уклоненіе его отъ сраженія поселяло ропотъ, что войска не могутъ сдѣлать доказательствъ, какъ имъ пріятно умереть за освобожденіе отечества».

На слѣдующій день наши соединенныя арміи продолжали наступленіе къ рѣкѣ Туріи. На лѣвомъ берегу ея стоялъ непріятель, дѣлая видъ, что хочетъ держаться на избранной имъ тамъ позиціи. Приблизившись къ рѣкѣ, узнали, что князь Шварценбергъ началъ уже отводить главныя силы свои къ Любомлѣ, а на Туріи оставилъ только арріергарды, получившіе приказаніе защищать переправу, пока армія успѣетъ отойти назадъ. На берегахъ рѣки завязалось дѣло, но оно скоро кончилось, когда непріятель замѣтилъ, что графъ Оруркъ переправляется на его правомъ флангѣ при Туричанахъ. Непріятельскій арріергардъ послѣдовалъ общему движенію арміи. На маршѣ къ Любомлю князь Шварценбергъ опасался, что наши генералы отправятъ отрядъ для взятія Замостья, обороняемаго слабымъ гарнизономъ, и потому онъ послалъ туда усиленными маршами бывшее при арміи его польское ополченіе, подъ командою Косинскаго, чѣмъ безъ нужды ослабилъ себя.

Князь Шварценбергъ остановился у Любомля, въ намѣреніи высмотрѣть настоящія силы нашихъ армій, о чемъ до тѣхъ поръ не имѣлъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Австрійцы стояли на лѣвомъ крылѣ, позади Любомля, саксонцы—на правомъ, между деревнями Римачъ и Теребейкою. Фронтъ защищенъ былъ вырытымъ для осушенія болота каналомъ; по берегамъ его разсыпались стрѣлки; въ лѣсу, противъ Вишнева, поставили батарею. 16-го сентября, подъ вечеръ, начали подходить наши корпусы по дорогѣ отъ Олесекъ, причемъ былъ отданъ приказъ выступить въ полночь къ Любомлю, для начатія аттаки съ разсвѣтомъ. Вскорѣ приказъ отмѣнили, по донесенію изъ авангарда, что мосты на дорогѣ истреблены. 17-го русскія войска еще болѣе сосредоточились около Любомля: 3-я армія, находившаяся на правомъ

крылѣ, прибыла по Турискої дорогѣ, дунайская шла изъ Олесекъ; корпусъ Эссена потянулся къ Березцамъ на Бугѣ, откуда отрядъ посланъ въ Римачъ. На передовыхъ цѣпяхъ началась перестрѣлка. Полагая, что непріятель приметъ сраженіе, наши главнокомандующіе рѣшились аттаковать его 18-го числа. Съ этой цѣлью Чичаговъ хотѣлъ двинуться на Вишневъ, Тормасовъ—обойти Любомль справа; графъ Ланжеронъ и Эссенъ назначены были овладѣть Теребейкою и потомъ ударить на правое крыло непріятеля. Во время этихъ приготовленій, князь Шварценбергъ узналъ о превосходномъ числѣ нашихъ войскъ и, не желая завязывать неравнаго боя, отступилъ за Бугъ. Ночью онъ снялся съ позиціи и пошелъ къ Опалину, гдѣ часть его арміи переправилась на лѣвый берегъ Буга, а другая, чтобы выиграть время, послана на переправу къ Влодавѣ. Только одна дивизія пошла вверхъ по правой сторонѣ Буга, къ Бресту, куда и вся непріятельская армія потянулась лѣвымъ берегомъ Буга. Къ Опалину, вслѣдъ за австрійцами и саксонцами, посланъ корпусъ Эссена, а прочіе корпусы стали около Любомля. Такъ на короткое время въ этой части театра войны почти очищены были отъ непріятеля предѣлы имперіи, и Волынская губернія уже болѣе не подвергалась его нашествію, за исключеніемъ нѣсколькихъ ничтожныхъ набѣговъ, произведенныхъ въ октябрѣ на пограничныя мѣста вооруженными шайками ополченія варшавскаго герцогства.

Во все продолженіе войны, спокойствіе и порядокъ не нарушались въ губерніяхъ Волынской и Подольской и въ Тарнопольской области. Ни противъ кого не надобно было принимать мѣръ строгости, на которыя Тормасовъ получилъ разрѣшеніе; только небольшое число помѣщиковъ и шляхтичей уѣхало тайно за границу. Находившійся въ Варшавѣ французскимъ посломъ Прадтъ сознается въ тщетности своихъ усилій найти въ Волынской губерніи предателей, хотя изъ Варшавы были подсылаемы бунтовщики и распространяемы воззванія. Въ одной прокламаціи видны дѣлаемые жителямъ Волыни упреки за ихъ равнодушіе къ возстановленію Польши. Правда, не было принесено никакой особенной жертвы отечеству, но повиновеніе властямъ осталось во всей силѣ; безостановочно составляли подвижные магазины, подвозили продовольствіе для войскъ, ставили рекрутовъ и лошадей. Православное духовенство прославилось прекраснымъ подвигомъ. По приглашенію подольскаго архіепископа, молодые люди духовнаго сословія, числомъ 53, добровольно вызвались поступить въ военную службу. Узнавъ объ этомъ поступкѣ, князь Кутузовъ писалъ подольскому губернатору: «Что можетъ быть пріятнѣе человѣку въ мои лѣта, какъ видѣть, до какой степени чувства соотечественниковъ моихъ запечатлѣны непоколебимою вѣрностію къ своему долгу, чѣмъ русскіе страшны врагамъ своимъ и чѣмъ слава наша вознесена превыше всѣхъ царствъ!» Товары съ таможенъ, казенные запасы и деньги были большею частію перевезены изъ Подоліи и Волыни въ Кіевъ, гдѣ, вскорѣ послѣ начала войны, принимали мѣры къ очисткѣ города. Провіантскую и коммиссаріатскую коммиссіи отправили въ Кременчугъ, госпиталь и военно-сиротское отдѣленіе—въ Переяславль, арсеналъ—въ Москву. Дѣла присутственныхъ мѣстъ, святыни монастырей и лавры были уложены для отправки; нѣкоторыя изъ дорогихъ церковныхъ вещей были спрятаны въ потаенныя

мѣста, другія назначены къ отсылкѣ по Днѣпру; многіе жители вывозили свое имущество.

На маршѣ отъ Луцка къ Любомлю наши главнокомандующіе получили отъ князя Кутузова повелѣніе, которымъ отмѣнялось данное имъ прежде назначеніе, состоявшее въ томъ, чтобы Чичагову дѣйствовать на Волыни, а Тормасову идти для соединенія съ княземъ Кутузовымъ. Новымъ приказаніемъ предписывалось Тормасову дѣйствовать попрежнему противъ князя Шварценберга, а Чичагову выступить на Мозырь, Рогачевъ и Могилевъ, чтобы сблизиться съ главною арміею и угрожать сообщенію непріятелей. Трудно было немедленно исполнить повелѣніе, такъ какъ оно пришло въ то время, когда армии находились въ движеніи и ожидали, не приметъ-ли князь Шварценбергъ сраженія, а потому Чичаговъ намѣревался отправиться въ походъ на соединеніе съ княземъ Кутузовымъ не ранѣе, какъ по окончаніи предпринятаго имъ, вмѣстѣ съ 3-ю арміею, дѣйствія противъ австрійцевъ и саксонцевъ. Воля императора указала ему другой путь и открыла пространнѣйшій кругъ дѣйствій. 17-го сентября, когда готовились аттаковать Любомль, въ главную квартиру обѣихъ нашихъ армій прибылъ флигель-адъютантъ Чернышевъ. Онъ вручилъ Тормасову Высочайшій рескриптъ о назначеніи его главнокомандующимъ 2-ю арміею на мѣсто князя Багратіона, а Чичагову повелѣніе объ исполненіи общаго операціоннаго плана, на основаніи котораго Чичаговъ долженъ былъ обойти лѣвый флангъ князя Шварценберга, а потомъ, оставивъ противъ него 3-ю армію, идти съ дунайскою на Минскъ, соединиться тамъ съ Эртелемъ, вступить въ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ и, ставъ въ тылу Наполеона, затруднить ему возвращеніе изъ Россіи. Тормасовъ отправился въ Тарутино къ новому своему назначенію, а адмиралъ Чичаговъ остался предводительствовать обѣими арміями. Онъ не направился тотчасъ на новый предписанный ему путь къ Минску, но продолжалъ слѣдовать внизъ по Бугу, имѣя въ виду наблюдать за княземъ Шварценбергомъ до Бреста-Литовскаго, куда тянулись отъ Любомля австрійцы и саксонцы. Онъ располагалъ свои марши сообразно съ движеніями князя Шварценберга и, держась съ нимъ на одной высотѣ, шелъ медленно. 18-го сентября заняли Любомль, а 23-го Чичаговъ былъ отъ этого мѣстечка не далѣе 40 верстъ, въ Орховѣ, откуда онъ пошелъ къ Бресту, отрядивъ предварительно корпусъ Воинова черезъ Ратно и Дивинъ на Кобринъ, намѣреваясь отрѣзать отступленіе къ Бресту двумъ австрійскимъ отрядамъ генераловъ Мора и Зигенталя.

Для поясненія этого обстоятельства надо знать, что князь Шварценбергъ, расположившись послѣ Городечненскаго сраженія на берегахъ Стыри, послалъ Мора къ Пинску, для наблюденія за Эртелемъ у Мозыря, а Зигенталя въ Ратно, для содержанія сообщеній между Моромъ и своими главными силами. Весь августъ не происходило у Мозыря никакихъ дѣйствій. Эртель посылалъ партіи въ разныя стороны, стараясь усмирять безначаліе въ Минской губерніи, разгонять конфедераціи и содержать сообщеніе съ Бобруйскомъ, блокируемымъ дивизіею Домбровскаго. Въ началѣ сентября, Эртель предпринялъ двѣ рекогносцировки и обѣ кончилъ удачно. Первая имѣла цѣлью истребленіе магазиновъ, собранныхъ Домбровскимъ

около Бобруйска, въ Глускѣ, Волчихѣ и Гробачевичахъ; запасы были уничтожены, послѣ довольно сильнаго сопротивленія со стороны непріятеля. Другая — подъ начальствомъ генералъ-маіора Запольскаго, была направлена къ Пинску, противъ отряда Мора. Запольскій опрокинулъ австрійскій авангардъ, взялъ пушку и занялъ Пинскъ, послѣ чего возвратился къ Мозырю. Эти дѣйствія происходили за нѣсколько дней передъ открытіемъ Тормасовымъ и Чичаговымъ наступательныхъ дѣйствій, побудившихъ австрійско-саксонскую армію отступить отъ Стыри къ Бугу. Во время отступленія князь Шварценбергъ послалъ повелѣніе, Зигенталю въ Ратно и Мору въ Пинскъ, соединиться съ арміею. Противъ нихъ-то отряженъ былъ Воиновъ, за которымъ, въ подкрѣпленіе, слѣдовалъ корпусъ Булатова. Воиновъ не успѣлъ отрѣзать Зигенталю дорогу въ Брестъ, но заслонилъ прямой путь туда Мору, который и былъ принужденъ направиться на Пружаны, сильно тѣснимый на маршѣ авангардомъ Воинова. Изъ Пружанъ Моръ поспѣшилъ черезъ Лихосельцы на Бѣловѣжье, гдѣ и кончилось преслѣдованіе его.

Когда послѣ отправленія Воинова къ Кобрину, Чичаговъ медленно тянулся изъ Орховки на Збуражъ, князь Шварценбергъ перешелъ на правую сторону Буга въ Брестѣ и занялъ позицію впереди города, между рѣками Мухавцомъ и Лѣсною: саксонцы стали на правомъ крылѣ, австрійцы на лѣвомъ. Фронтъ ихъ былъ защищенъ Мухавцомъ и тремя укрѣпленіями; отрядъ саксонцевъ занималъ Тересполь. Чичаговъ вскорѣ освѣдомился о прибытіи непріятеля въ Брестъ, но въ то-же время получилъ донесеніе, оказавшееся впослѣдствіи несправедливымъ, о выступленіи князя Шварценберга изъ Бреста къ Слониму. Вслѣдствіе этого адмиралъ, находясь еще въ Збуражѣ, велѣлъ графу Ланжерону, съ корпусами его и Эссена, аттаковать Брестъ. По прибытіи къ этому городу, графъ Ланжеронъ узналъ, что австрійско-саксонская армія не выступала къ Слониму и стоитъ у Бреста, а потому счелъ неумѣстнымъ исполнить данное ему приказаніе аттаковать. Пока донесеніе его о томъ пришло въ главную квартиру арміи, Чичаговъ, недовольный медленностью въ исполненіи, такъ какъ не зналъ еще о настоящемъ положеніи дѣлъ, приказалъ флигель-адъютанту Чернышеву ѣхать къ нашимъ корпусамъ, стоявшимъ у Бреста, и, если найдетъ, что аттака еще не произведена, то, по силѣ врученнаго ему тайнаго повелѣнія, отозвать графа Ланжерона въ главную квартиру, съ тѣмъ, чтобы онъ сдалъ предварительно команду надъ войсками старшему послѣ себя. Пріѣхавъ къ Бресту, Чернышевъ удостовѣрился, что вся армія князя Шварценберга сосредоточена впереди города, и тотчасъ-же донесъ о томъ Чичагову, извѣстивъ его также, что не отдалъ графу Ланжерону повелѣнія явиться въ главную квартиру. Согласно этого донесенія Чичаговъ принялъ намѣреніе аттаковать князя Шварценберга, повелъ войска усиленными маршами къ Булкову и, по переправѣ на правый берегъ Мухавца, сталъ между Шебринымъ и Чернавчицами. Не доставало только корпусовъ Воинова и Булатова. Первый, занятый преслѣдованіемъ Мора, находился въ Пружанахъ; второй находился въ Кобринѣ. Оба получили приказаніе идти къ Бресту, для участія въ предположенной аттакѣ.

Три дня прошли въ приготовленіяхъ къ нападенію, ожиданіи Воинова и Булатова и обозрѣніи непріятельской позиціи. Князь

Шварценбергъ стоялъ на ней неподвижно, какъ-будто не видя опаснаго своего положенія. Противъ него была армія, превосходившая его 20-ю тысячами. При неудачѣ, онъ имѣлъ два трудные пути къ отступленію: первый черезъ Тересполь́скій дефиле, второй по болотистой Лѣснѣ. 29-го сентября было назначено нападеніе. Наканунѣ отдано въ приказѣ росписаніе соединенныхъ армій Дунайской и бывшей 3-й обсерваціонной, Тормасова. Онѣ получили общее названіе 3-й Западной и были раздѣлены на 7 корпусовъ: 1-й графа Ламберта, 2-й Маркова, 3-й графа Ланжерона, 4-й Эссена, 5-й Воинова, 6-й Булатова и резервный Сабанѣева, да отдѣльный отрядъ Энгельгарда. При предположенной аттакѣ на князя Шварценберга у Бреста, корпусы должны были стать слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ графъ Ламбертъ у Чернавчицъ, куда въ тотъ день ожидали изъ Пружанъ Воинова; на лѣвомъ, у Вичолки, Эссенъ; въ центрѣ графъ Ланжеронъ и Марковъ; за ними Булатовъ и Сабанѣевъ. Въ такомъ боевомъ порядкѣ армія должна была выступить противъ непріятеля. Сверхъ того, находились два отдѣльныхъ отряда: 1-й Энгельгарда у Прилукъ, имѣвшій предписаніе аттаковать Брестъ съ лѣваго берега Мухавца и, при замѣченномъ успѣхѣ нашихъ войскъ, калеными ядрами зажечь городъ; 2-й отрядъ порученъ Чернышеву. Ему назначалось перейти ночью черезъ Бугъ и въ ту минуту, когда раздадутся пушечные выстрѣлы, означавшіе общую аттаку, овладѣть Тересполемъ, сжечь и истребить тамъ плотины и мосты, а въ случаѣ отступленія непріятелей наносить имъ возможный вредъ и преслѣдовать ихъ.

Изъ этихъ распоряженій видно, что все вниманіе Чичагова обращено было на Тересполь, между тѣмъ какъ князь Шварценбергъ имѣлъ другой, менѣе невыгодный путь отступленія — черезъ Лѣсну. На правый берегъ этой рѣки вовсе не было отправлено нашихъ войскъ, чѣмъ австрійцы не замедлили воспользоваться. Въ мрачную осеннюю ночь князь Шварценбергъ оставилъ лагерь и, не замѣченный нашими войсками, отступилъ на правый берегъ Лѣсны. Чернышевъ, переправясь черезъ Бугъ, тщетно ждалъ условленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Не слыша ихъ, онъ велѣлъ казакамъ подойти какъ можно ближе къ Тересполю и узнать, что тамъ происходитъ. Казаки вскорѣ возвратились, донося, что въ Тересполѣ никого нѣтъ. Въ удостовѣреніе они привели съ собою нѣсколько отсталыхъ австрійцевъ, показавшихъ, что еще ночью князь Шварценбергъ отступилъ со всею арміею. Чернышевъ занялъ Тересполь, а Энгельгардъ—Брестъ. Между тѣмъ, огонь, поднявшійся отъ зажженныхъ непріятелемъ мостовъ на Лѣснѣ, возвѣстилъ объ его отступленіи. Для преслѣдованія отряженъ былъ Эссенъ. Онъ догналъ при деревнѣ Клинникахъ часть непріятельскаго арріергарда, еще находившагося по лѣвую сторону Лѣсны и принудилъ его къ поспѣшному отступленію. Непріятельскіе стрѣлки разсыпались по ту сторону лѣсистаго берега рѣки, уставленнаго батареями. Пушечный и ружейный огонь непріятеля, занимавшаго выгодную позицію, не допустилъ Эссена устроить немедленно переправы черезъ рѣку.

29-го и 30-го сентября, князь Шварценбергъ продолжалъ отступленіе на Немировъ и Высоко-Литовскъ къ Дрогочину. Его преслѣдовали легкіе отряды, а армія стала вдоль лѣваго берега Лѣсны и построила на ней мосты. Только князь Щербатовъ пошелъ къ Пружанамъ, съ корпусомъ Маркова, которому адмиралъ отказалъ въ

командѣ. Спустя нѣсколько дней, корпусъ Маркова былъ порученъ Сакену, нарочно для того вызванному изъ Житомира, гдѣ онъ до тѣхъ поръ командовалъ запасными войсками. Чичаговъ перенесъ главную квартиру въ Брестъ и оставался въ немъ около трехъ недѣль, не выступая къ Минску, какъ ему было назначено, и не предпринимая никакихъ важныхъ дѣйствій. Причиною тому былъ недостатокъ въ продовольствіи и медленный подвозъ провіанта и фуража на воловыхъ подводахъ, шедшихъ за арміею. Въ продолженіе этого времени Чичаговъ послалъ Чернышева съ отрядомъ для истребленія непріятельскихъ запасовъ въ Варшавскомъ герцогствѣ и угроженія Варшавы; тогда-же Сакенъ отправилъ Чаплица изъ Пружанъ, съ предписаніемъ захватить формировавшійся въ Слонимѣ изъ мятежныхъ литовцевъ гвардейской 2,000-й полкъ, подъ командою Конопки.

Отрядъ Чаплица состоялъ изъ двухъ егерскихъ, Павлоградскаго гусарскаго, двухъ казачьихъ полковъ и конной роты Арнольди. Чаплицъ шелъ чрезвычайно скоро, сдѣлавъ послѣдній переходъ въ 70 верстъ въ однѣ сутки. Передъ разсвѣтомъ 8-го октября подошли къ Слониму. Передовую колонну велъ командиръ конной роты Арнольди, знавшій подробно мѣстность города. Ему приказано было подойти скрытно къ дому Конопки и окружить его. На зарѣ пробравшись благополучно въ городъ, Арнольди не нашелъ въ немъ никакого движенія, даже караула у дома Конопки, который за часъ передъ тѣмъ, узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, собралъ полкъ и пошелъ на Дзенціолы, отправивъ въ Деречинъ бывшихъ въ Слонимѣ женъ польскихъ генераловъ Заіончека и Домбровскаго и свою, а также полковую казну, въ сопровожденіи 250-ти улановъ. Получивъ донесеніе объ этомъ, Чаплицъ погнался за Конопкою, а капитана Арнольди послалъ за казною. Оба поиска кончились удачно. Чаплицъ настигъ и разбилъ полкъ; войска Донского полковникъ Дячкинъ ранилъ пикою Конопку и взялъ его въ плѣнъ. Арнольди разсѣялъ уланъ и взялъ казну, состоявшую изъ 200,000 франковъ. Жены польскихъ генераловъ избѣжали плѣна, успѣвъ въ виду казаковъ переправиться на паромѣ и удержавъ его за собою на противоположномъ берегу, отъ чего дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ было невозможно. Вообще въ этомъ набѣгѣ взято въ плѣнъ отрядомъ Чаплица, кромѣ Конопки, 13 офицеровъ и 235 нижнихъ чиновъ. Лишившись своего начальника, весь волонтерный полкъ разбѣжался, что имѣло важныя послѣдствія и на остальныя формированія въ Литвѣ. Они приведены были тѣмъ въ большій страхъ, что полкъ Конопки считался ядромъ этихъ скопищъ, состоя изъ офицеровъ лучшихъ фамилій и такихъ, которые въ испанской войнѣ, особенно при осадѣ Сарагоссы, пріобрѣли себѣ извѣстность и считались поляками за опытныхъ командировъ.

Посланный въ Варшавское герцогство отрядъ флигель-адъютанта Чернышева состоялъ изъ одного казачьяго полка, 3-хъ эскадроновъ улановъ и 4-хъ конныхъ орудій. 3-го октября Чернышевъ пришелъ изъ Бреста въ Бялу, гдѣ въ замкѣ Радзивила, поднявшаго оружіе противъ Россіи, заклепалъ и потопилъ 15 пушекъ, а съ имѣнія взялъ денежную дань. Изъ Бялы онъ направился къ Мендержицу и Седлицу, на перерѣзъ шедшимъ къ Венгрову для соединенія съ княземъ Шварценбергомъ 2,000 австрійцамъ, которые, найдя дорогу въ Венгровъ занятою разъѣздами Чернышева, направились къ Модлину. Услышавъ о появленіи нашихъ войскъ въ своемъ

и не зная числа ихъ, князь Шварценбергъ переправился у
очина на лѣвый берегъ Буга. Чернышевъ оставилъ противъ
ойской арміи наблюдательный постъ и направился къ Люблину,
устрашенія Варшавы послалъ разъѣзды чрезъ Сточекъ и Гар-
нъ къ Вислѣ. Въ Седлицѣ, Мендержицѣ, Луковѣ и Коцкѣ Черны-
уничтожилъ непріятельскіе запасы, отправивъ что можно было
ихъ въ Брестъ. При сожженіи магазиновъ въ Луковѣ, въ городѣ
зошелъ пожаръ. Русскіе бросились помогать; Чернышевъ велѣлъ
ить убытки погорѣвшихъ и раздалъ имъ деньги. Черту такого
кодушія должно сохранить въ потомствѣ: она хорошо обрисо-
етъ вѣкъ Александра. «При появленіи Чернышева въ герцог-
смятеніе въ Варшавѣ было чрезвычайное», пишетъ французъ-
посолъ, тамъ находившійся, «всѣ готовились къ отъѣзду». Ко-
антъ принялъ мѣры къ защитѣ города, заперъ заставы и силою
ралъ лошадей у жителей, стараясь наскоро составить конный
дъ. Онъ издавалъ печатныя объявленія, называлъ отрядъ Чер-
ева татарами и призывалъ къ общему вооруженію. «Поляки!»
лъ онъ, «великій Наполеонъ смотритъ на васъ съ московскихъ
коленъ». Но поляки уже перестали довѣрять своимъ мнимымъ
овителямъ, не давали лошадей для ополченія, и, едва только
отворены заставы, все лучшее общество удалилось изъ Вар-
и болѣе не возвращалось туда. Получивъ черезъ нарочныхъ
тіе объ опасности, угрожавшей Варшавѣ, князь Шварценбергъ,
шедшій въ Дрогочинѣ на лѣвый берегъ Буга, потянулся на Вен-
ь и Седлицъ къ Бялѣ. Въ то-же время выступилъ изъ Замостья
изонъ противъ Чернышева, которому нельзя было долѣе оста-
ся въ герцогствѣ, потому что Чичаговъ прислалъ ему повелѣніе
назадъ въ Брестъ. Онъ направился на Влодаву, перешелъ 7-го
бря черезъ Бугъ, привелъ съ собою 200 плѣнныхъ, забранныхъ
мидневномъ поискѣ, во время котораго онъ прошелъ до 500
гъ, сжегъ нѣсколько магазиновъ, ускользнулъ отъ войскъ, по-
ныхъ за нимъ въ погоню изъ Замостья, Тарногуры и Модлина,
вожилъ Варшаву и все герцогство и былъ поводомъ къ тому,
князь Шварценбергъ оставилъ позицію при Дрогочинѣ и пошелъ
дъ для обороны Варшавы.

Желая удостовѣриться съ непріятельскихъ силахъ, собирав-
ся у Бялы, и обезпечить дѣйствія Чернышева, Чичаговъ послалъ
ялѣ Эссена и въ подкрѣпленіе ему Булатова,—къ Пещацамъ.
у было предписано, соединенно съ Булатовымъ, разбить непріяте-
если найдутъ его слабымъ, а въ противномъ случаѣ отступить.
октября Эссенъ перешелъ черезъ Бугъ и 6-го съ разсвѣтомъ
упилъ изъ Залѣсья къ Бялѣ, опрокинулъ встрѣченные имъ въ
жавницѣ 2 эскадрона саксонцевъ и безпрепятственно подвинулся
вкѣ Бялкѣ, за которою стояли въ первой линіи саксонцы, а во
ой—австрійцы. Цѣпь ихъ стрѣлковъ была разсыпана вдоль пра-
берега. Наши стрѣлки стали на противоположномъ берегу, и
залось дѣло. Эссенъ старался овладѣть переправою у Селецъ,
восмъ лѣвомъ крылѣ, чтобы войти въ сношеніе съ Булатовымъ,
рано онъ съ часу на часъ ожидалъ изъ Пещацъ. Князь Швар-
бергъ и Реньє не трогались съ мѣста, полагая сначала, что Эссенъ
вляетъ только авангардъ, назначенный выманить ихъ изъ крѣп-
позиціи, занимаемой ими, и что за авангардомъ слѣдуетъ вся

наша армія. Спустя нѣкоторое время, не видя идущихъ къ нашему корпусу подкрѣпленій, они отрядили войска въ обходъ праваго крыла Эссена. Узнавъ объ этомъ движеніи непріятеля и о томъ, что Булатовъ запоздалъ и скоро прибыть не можетъ, Эссенъ приказалъ отступать, опасаясь быть отрѣзаннымъ при Цнѣ. На обратномъ походѣ, онъ останавливался въ трехъ позиціяхъ для отпора непріятелей; далѣе Залѣсья они не преслѣдовали его. Этотъ поискъ стоилъ намъ 400 человѣкъ и одного орудія, захваченнаго непріятелемъ въ лѣсу при началѣ отступленія. Пока Эссенъ отступалъ, Чичаговъ тронулся изъ Бреста къ Залѣсью, въ намѣреніи аттаковать непріятеля, соединившагося при Бялѣ. Князь Шварценбергъ не выждалъ нападенія, отошелъ черезъ Лосице къ Дрогочину и занялъ, 8-го октября, позицію на правомъ берегу Буга при Скрисевѣ. Чичаговъ возвратился въ Брестъ. Въ такихъ движеніяхъ длилось время въ арміи, имѣвшей отъ государя важное назначеніе ударить въ тылъ Наполеона, а между тѣмъ императоръ и князь Кутузовъ были въ неизвѣстности о дѣлахъ Чичагова. Прямой путь сообщенія съ нимъ изъ Петербурга и Тарутина находился въ рукахъ непріятеля. Иначе нельзя было посылать курьеровъ къ Чичагову и отъ него получать донесеній, какъ черезъ губерніи Орловскую, Черниговскую и Волынскую. Прошла еще недѣля въ бездѣйствіи, ожиданіи подводъ съ хлѣбомъ и приготовленіяхъ къ движенію на Березину.

Итакъ, въ началѣ октября, положеніе отдѣльныхъ армій и корпусовъ было слѣдующее: князь Шварценбергъ и Ренье стояли противъ Дрогочина; Чичаговъ готовился выступать къ Борисову; Макдональдъ занималъ пространство отъ Динабурга до Балтійскаго моря; графъ Витгенштейнъ, усиленный петербургскимъ ополченіемъ и финляндскимъ корпусомъ, долженъ былъ выбить Сенъ-Сира изъ Полоцка, потомъ направиться къ Докшицамъ, на верховье Березины, и тамъ войти въ сообщеніе съ Чичаговымъ. Слѣдовательно, тылу Наполеона угрожали двѣ арміи: Чичагова и графа Витгенштейна, которыя были сильнѣе, чѣмъ стоявшій противъ нихъ непріятель. Равновѣсіе въ числѣ на одномъ какомъ-либо изъ угрожаемыхъ пунктовъ могъ возстановить только корпусъ Виктора, занимавшій Оршу, Смоленскъ, Сенно и Бабиновичи. Но Викторъ не получалъ еще повелѣнія трогаться изъ мѣста своего расположенія, потому что Наполеонъ не зналъ, куда болѣе нужно будетъ двинуть его корпусъ: назадъ-ли къ Березинѣ, противъ Чичагова, влѣво-ли къ Полоцку, на помощь Сенъ-Сиру, или оставить на Днѣпрѣ, резервомъ для главной арміи, отступленіе которой изъ Москвы, наконецъ, было рѣшено.

III.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Сдѣланное Наполеономъ предложеніе о мирѣ явно означало его слабость, было выраженіемъ его безсилія бороться долѣе съ императоромъ Александромъ и собственнымъ сознаніемъ его въ невозможности одолѣть Россію. Но въ глазахъ свѣта онъ еще не хотѣлъ обнаружить неудачи своего предпріятія. Пока онъ находился въ Москвѣ, Европа вѣрила еще попрежнему въ неизмѣнность счастья Наполеонова. Французскіе бюллетени и всѣ заграничныя газеты представляли захватъ Москвы самымъ дивнымъ и счастливымъ подвигомъ, уподоб-

ляли походъ Наполеона въ Россію походу Александра Македонскаго въ Индію, говорили, что громъ французскихъ пушекъ слышенъ въ предѣлахъ Азіи, что русскіе трепещутъ, Россія поражена въ самое сердце ея, и гибель ея неизбѣжна. Пребываніе свое въ Москвѣ Наполеонъ признавалъ средствомъ къ тому, чтобы имѣть вліяніе на государя, дѣйствовать на воображеніе французовъ и своихъ данниковъ. Не легко было ему сойти съ высокой степени величія, куда вознесли его дарованія, счастье, дерзость; не легко было обнаружить, что вторженіе въ Россію было тщетно и не устрашило Александра, что въ Москвѣ не рѣшилась по произволу Наполеона судьба политическаго міра. Одно слово государя Наполеону, малѣйшая наклонность къ миру, о чемъ нѣкоторые сановники почти на колѣняхъ упрашивали императора—и могущество Наполеона оставалось непоколебимо, упрочивалось въ его потомствѣ надолго, можетъ быть, на цѣлые вѣка. До послѣдней крайности ждалъ Наполеонъ вожделѣннаго слова о мирѣ, но оно не приходило.

Между тѣмъ, Наполеону безпрестанно доносили, что солдатъ его берутъ въ плѣнъ сотнями, что путь сообщеній отъ Москвы до Смоленска пересѣченъ русскими, что каждый снопъ хлѣба и клокъ сѣна должно покупать не деньгами, но цѣною крови, что возстаніе народа повсемѣстно, что русская главная армія усиливается, графъ Витгенштейнъ получаетъ подкрѣпленія, и дунайская армія, соединясь въ Волынской губерніи съ Тормасовымъ, открыла наступательныя дѣйствія. Къ молчанію Александра и ополченію его народа и воинства присоединились климатическія измѣненія. Долго длилась теплая осень. Но къ концу сентября заморозки становились по ночамъ чувствительны для непривыкшихъ къ холоду, легко одѣтыхъ непріятельскихъ войскъ. Небо покрывалось сѣрыми тучами, заморосили дожди, задули осенніе вѣтры, выпалъ мелкій снѣгъ, предвѣстникъ непогодъ, и все еще не было отвѣта отъ императора Александра. Наполеонъ рѣшился не медлить долѣе и 1-го октября началъ готовиться къ выступленію изъ Москвы. Гвардіи и корпусу Даву, стоявшимъ въ Москвѣ и близъ нея, приказано снаряжаться къ походу; корпусамъ Нея и вице-короля велѣно прибыть въ Москву, первому изъ Богородска, второму изъ Подсолнечной, Волоколамска и Дмитрова. Желая обезпечить свое выступленіе изъ Москвы отъ набѣговъ нашихъ легкихъ войскъ, назначено оставаться въ ней на нѣкоторое время маршалу Мортье, съ молодою гвардіею, двумя спѣшенными кавалерійскими полками, не имѣвшими лошадей, и людьми изъ разныхъ корпусныхъ депо, расположенныхъ въ Москвѣ по наскоро укрѣпленнымъ церквамъ и монастырямъ. Больныхъ и раненыхъ, изъ госпиталей, устроенныхъ въ Москвѣ, Рузѣ, Гжатскѣ и Колоцкомъ монастырѣ, отправили въ Смоленскъ. Стали укладывать для отсылки во Францію военную добычу, названную Наполеономъ трофеями. Она состояла изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара турецкихъ и польскихъ знаменъ, бунчуковъ, булавъ, старинныхъ доспѣховъ, деревяннаго московскаго герба съ крыши сената, награбленнаго и содраннаго съ окладовъ иконъ золота, превращеннаго въ слитки, и снятаго съ Ивана Великаго креста, назначеннаго Наполеономъ для новой церкви, которую онъ намѣренъ былъ выстроить противъ Лувра. Ни одна изъ московскихъ добычъ не была перевезена за Днѣпръ, гдѣ всѣ онѣ по повелѣнію Наполеона были потоплены.

Когда отступленіе было рѣшено, представился вопросъ: по какому пути возвращаться? Наполеонъ избралъ сперва столбовую Смоленскую дорогу, которою пришелъ, но опасеніе голода въ мѣстахъ, совершенно разоренныхъ, побудило его отмѣнить это намѣреніе и идти съ главными силами на Витебскъ черезъ Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлой, а на Смоленскъ отправить только Мюрата съ войсками, составлявшими авангардъ арміи. Посредствомъ движенія на Витебскъ Наполеонъ надѣялся скрыть отъ князя Кутузова нѣсколько маршей, найти продовольствіе въ краю, гдѣ, за исключеніемъ ошибокъ между жителями и мародерами, война еще не свирѣпствовала, и не встрѣтить сопротивленія, потому что тамъ не находилось другихъ войскъ, кромѣ отряда Винцингероде. 2-го октября велѣно Мюрату запастись хлѣбомъ и стараться развѣдать о дорогахъ удобныхъ для движенія его отъ Винкова на Можайскъ. «Думаю», писалъ ему Наполеонъ, «что ваши обозы, парки и большая часть пѣхоты могутъ отойти, не бывъ замѣчены непріятелемъ». Повелѣнія о маршѣ арміи на Витебскъ были изготовлены, но не разосланы войскамъ. Наполеонъ измѣнилъ и это намѣреніе, рѣшась направиться на Смоленскъ черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Калугу. Мюратъ долженъ былъ заслонять движеніе арміи, оставаясь попрежнему у Винкова, до тѣхъ поръ, пока армія, совершая маршъ по новой Калужской дорогѣ, придетъ на одну высоту съ нимъ. 3-го, 4-го и 5-го октября тронулись изъ Москвы подводы съ ранеными, больными и награбленною добычею. Ихъ прикрывали дивизія Клапареда и кавалерійскій отрядъ генерала Нансути. Дано повелѣніе направлять въ Смоленскъ команды и транспорты, какіе встрѣтятся на дорогѣ. Стоявшему въ Можайскѣ Жюно предписано примкнуть къ обозамъ и составить арріергардъ тяжестей, отправленныхъ изъ Москвы, истребивъ предварительно ружья и аммуницію, во множествѣ находившіяся въ Колоцкомъ монастырѣ, послѣ раненыхъ и убитыхъ. Вся кавалерія вице-короля и пѣхотная дивизія его корпуса, Брусье, отряжены были ввидѣ авангарда на новую Калужскую дорогу къ Фоминскому.

Болѣе распоряженій къ обратному походу озабочивала Наполеона мысль: какимъ образомъ извѣстить Европу о своемъ отступленіи? какъ уменьшить, ослабить впечатлѣніе, которое должно было произвести его возвращеніе изъ Москвы, повсемѣстно, особенно въ Вѣнѣ и Берлинѣ, гдѣ оно могло возродить надежду на низверженіе тяжкаго союза, подать поводъ къ новымъ политическимъ соображеніямъ, противнымъ пользѣ Наполеона, даже клонившимся къ его гибели? Желая предупредить невыгодныя сужденія о предпринимаемомъ отступленіи, онъ изыскивалъ благовидные предлоги, стараясь не выводить Европы изъ заблужденія на счетъ неудачи нашествія на Россію. Данное имъ по этому случаю повелѣніе министру иностранныхъ дѣлъ, Маре, было слѣдующаго содержанія: «За нѣсколько дней увѣдомлялъ я васъ о намѣреніи моемъ стать на зимнія квартиры между Днѣпромъ и Двиною. Теперь настало къ тому время. Армія выступаетъ; 7/19 я выхожу изъ Москвы по Калужской дорогѣ. Если непріятель вздумаетъ защищать Калугу, я его разобью; потомъ, смотря по погодѣ, или сдѣлаю поискъ на Тулу, или пойду прямо на Вязьму. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ ноября поставлю я армію на пространствѣ между Смоленскомъ, Могилевомъ, Минскомъ и Витебскомъ. Рѣшаюсь на это движеніе потому, что Москва не предста-

вляетъ больше военной позиціи. Иду искать другой позиціи, откуда выгоднѣе будетъ начать новый походъ, дѣйствія котораго направлю на Петербургъ или Кіевъ. Находясь въ Москвѣ, я былъ въ 215 лье отъ Кіева и въ 180 отъ Петербурга; въ Витебскѣ буду отъ Петербурга въ 130, а отъ Кіева въ 110 лье. Итакъ, мнѣ должно стать въ Витебскѣ, въ средоточіи резервовъ и обоихъ фланговъ, опираясь на Польшу, дружественный намъ край, и на многочисленные запасы, которые я давно велѣлъ заготовлять. Новая позиція сблизитъ меня въ одно время съ Петербургомъ и Вильною, и на слѣдующій походъ буду я 20-ю переходами ближе отъ средствъ и цѣли. Основываясь на семъ общемъ обозрѣніи, вамъ легко развить мою мысль въ депешахъ къ иностраннымъ дворамъ». Въ такомъ-же смыслѣ написанъ былъ 23-й бюллетень. Въ немъ, какъ и въ повелѣніи къ Маре, помѣщено исчисленіе разстоянія между главными городами Россіи; въ окончаніи находится всегдашній припѣвъ бюллетеней того времени, о прекрасной погодѣ въ Россіи. Слѣдовательно, отступленіе изъ Москвы возвѣщено Европѣ ввидѣ марша на зимнія квартиры, необходимаго для приближенія къ Петербургу и Кіеву и для начала съ весны новаго похода.

Въ первые дни октября корпусы стали приходить въ Москву изъ ея окрестностей. По мѣрѣ вступленія ихъ въ городъ, раздавали имъ, въ первый еще разъ по занятіи непріятелями Москвы, сухари, вино, также и холстъ, и кожи, но солдатамъ некогда было шить бѣлье и обувь, хотя они продолжали сильно нуждаться въ рубахахъ и сапогахъ. Плѣнники, московскіе жители, свидѣтельствуютъ, что, прося однажды французовъ возвратить похищенныя ими у нашихъ рубахи, непріятели, распахнувъ камзолы, показывали, что у нихъ самихъ висѣлъ около шеи одинъ воротникъ, а прочей холстины не было. Всѣ войска Наполеонъ поочередно смотрѣлъ въ Кремлѣ и объявлялъ въ приказахъ о производствѣ и пожалованіи орденами. Награжденія служили обыкновенно предзнаменованіемъ скораго начала военныхъ дѣйствій. Завоеватель возбуждалъ соревнованіе, въ ту минуту, когда войска должны были явить новые примѣры храбрости. Желая увеличить, или растянуть фронтъ батальоновъ, онъ приказалъ пѣхотѣ строиться не въ три шеренги, какъ прежде, но въ двѣ. Каждый день происходили смотры. 6-го октября, послѣ полудня, когда полки только что прошли церемоніальнымъ маршемъ, прискакалъ адъютантъ Мюрата, съ донесеніемъ, что на разсвѣтѣ князь Кутузовъ сдѣлалъ нападеніе на его авангардъ. Наполеонъ разспрашивалъ адъютанта о подробностяхъ, не довѣрялъ словамъ и, не докончивъ смотра, возвратился во дворецъ, приказывая войскамъ тотчасъ выступать изъ Москвы. На другой день онъ хотѣлъ самъ выѣхать вслѣдъ за ними. Съ этого времени побѣда покинула своего прежняго любимца и обратилась лицомъ къ Александру.

IV.

Сраженіе при Тарутинѣ.

Князь Кутузовъ не могъ еще знать о приготовленіяхъ Наполеона къ выступленію изъ Москвы. Также не дошло до него и Высочайшее повелѣніе о начатіи наступательныхъ дѣйствій, отправленное 2-го октября. Стоя твердою ногою въ Тарутинѣ, онъ ограничи-

вался устройствомъ арміи и истребленіемъ непріятеля летучими отрядами и народомъ, приказывая раздавать поселянамъ какъ можно болѣе оружія. Противъ нашего авангарда расположенъ былъ Мюратъ со всею резервною кавалеріею и четырьмя пѣхотными дивизіями, всего до 25,000 человѣкъ. Французы стояли на правомъ берегу рѣки Чернишны, отъ впаденія ея въ Нару до селеній Тетеринки и Дмитріевскаго. Правый флангъ Мюрата былъ защищенъ крутыми берегами Нары и Чернишны, но его лѣвое крыло стояло въ открытыхъ мѣстахъ, безъ природной и искусственной обороны. Находившійся на оконечности этого фланга лѣсъ не былъ занятъ непріятелями; они даже не сдѣлали въ лѣсу засѣкъ и не имѣли въ немъ постовъ.

Нѣсколько разъ казаки авангарда Милорадовича пробирались сквозь лѣсъ, до крайней опушки, откуда ясно видѣли непріятельскій лагерь и все происходившее въ немъ. Казачья партія съ сотникомъ Урюпинскимъ заходила незамѣтно даже въ тылъ французамъ. Объ оплошности Мюрата казаки увѣдомили своихъ начальниковъ, и, когда показанія донцовъ были удостовѣрены, родилась мысль о возможности подвести скрытно часть арміи къ нашей передовой цѣпи, а съ другою частью пройти лѣсомъ и ударить во флангъ французовъ. Беннингсенъ предложилъ князю Кутузову напасть на Мюрата. Фельдмаршалъ не вдругъ съ нимъ согласился, держась другихъ мнѣній о планѣ настоящей войны и способахъ восторжествовать надъ Наполеономъ. Довольный положеніемъ, въ какое онъ поставилъ французскую армію, князь Кутузовъ не хотѣлъ выводить Наполеона изъ бездѣйствія и считалъ полезнѣе не вызывать на бой. «Чѣмъ долѣе останется въ Москвѣ Наполеонъ», говорилъ князь Кутузовъ,—«тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда». Беннигсенъ основывалъ свое мнѣніе не на одномъ только оплошномъ расположеніи Мюрата, но и необходимости аттаковать французовъ, прежде нежели Викторъ присоединится къ Наполеону. Для поясненія этого обстоятельства надобно сказать, что у насъ имѣли свѣдѣніе о выступленіи Виктора изъ Минска къ Смоленску, но не знали о данномъ ему повелѣніи остановиться въ Оршѣ и потому предполагали, что Викторъ находится на маршѣ къ Москвѣ. Беннигсенъ не удовольствовался одними словесными доводами и 3-го октября представилъ князю Кутузову слѣдующее письменное предложеніе:

«По всѣмъ свѣдѣніямъ видно, что ожидаемыя Наполеономъ подкрѣпленія, подъ начальствомъ Виктора, находятся на маршѣ и уже близко. Итакъ, кажется необходимымъ безъ потери времени со всѣми силами аттаковать стоящаго противъ насъ Мюрата, прежде нежели подкрѣпленія прибудутъ къ непріятелю. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ не откладывать нападенія, что, какъ слышно, самъ Наполеонъ съ гвардіею въ Москвѣ, а у Мюрата артиллеріи немного, и вся его кавалерія не превышаетъ 8.000 человѣкъ. Если мое предложеніе, важность котораго вы лучше меня обсудить изволите, удостоится вашего одобренія, то прошу приказать мнѣ представить на ваше разсмотрѣніе диспозицію къ аттакѣ; тѣмъ удобнѣе аттаковать непріятеля, что противъ насъ равнины, съ небольшими лѣсами».

Согласившись съ мнѣніемъ Беннигсена, князь Кутузовъ назначилъ произвесть нападеніе 5-го октября, рано поутру. Беннигсенъ долженъ былъ управлять главнымъ дѣйствіемъ, то есть, обходомъ лѣваго крыла французовъ. Съ этой цѣлью фельдмаршалъ

поручилъ ему 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные и 1-й кавалерійскіе корпусы и 10 казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова. Остальная часть арміи назначалась поддерживать аттаку, дѣйствуя на непріятеля съ фронта. Дорохову дано предписаніе аттаковать французовъ съ тыла. Въ такихъ чертахъ заключалась сущность распоряженій къ нападенію; подробности ихъ были слѣдующія: 1) 4-го октября въ 7 часовъ вечера, выступить арміи изъ лагеря правымъ флангомъ въ 6-ти колоннахъ и переправиться черезъ Нару по 5-ти мостамъ у Спасскаго и Тарутина. 2) Первая колонна, графа Орлова-Денисова, изъ 10-ти казачьихъ полковъ, роты донской артиллеріи и 20-го егерскаго полка, имѣетъ подкрѣпленіе генералъ-адъютанта Меллера-Закомельскаго съ гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею, Нѣжинскимъ драгунскимъ полкомъ и полуротою конной артиллеріи. Этой колоннѣ назначается зайти въ тылъ лѣваго непріятельскаго крыла, овладѣть столбовою Московскою дорогою и пересѣчь Мюрату отступленіе. 3) Второй колоннѣ, Багговута, состоящей изъ корпусовъ его и графа Строганова, ударить во флангъ Мюрата и, подаваясь вправо, сохранять сообщеніе съ первою колонною. 4) Корпусу графа Остермана составлять 3-ю колонну и связывать дѣйствія Багговута съ остальною частію арміи, влѣво. Эти три колонны, или правое крыло, поступили подъ начальство Беннигсена. 5) Дохтурову съ своимъ корпусомъ составить центръ арміи и принять также команду надъ корпусомъ графа Остермана, когда послѣдній съ нимъ соединится .6) Милорадовичу, съ гвардіею, корпусами Раевскаго и Бороздина, резервною кавалеріею и артиллеріею, составлять лѣвое крыло, при которомъ намѣревался присутствовать князь Кутузовъ. 7) Всѣмъ войскамъ прибыть ночью позади цѣпи ведетовъ и стоять въ возможной тишинѣ до разсвѣта, ожидая трехъ сигнальныхъ выстрѣловъ. Тогда Беннигсену быстро пройти въ лѣсъ, начать аттаку лѣваго непріятельскаго крыла, а Милорадовичу, съ кавалерійскими корпусами, ночью сближенными къ ведетамъ, аттаковать все, что передъ нимъ будетъ находиться; пѣхотѣ его слѣдовать за конницею скорымъ шагомъ. 8) Дорохову, дѣйствовавшему съ отрядомъ лѣвѣе отъ арміи, у новой Калужской дороги, идти на Вороново и отрѣзать Мюрату дорогу въ Москву. 9) Въ лагерѣ оставить большое число музыкантовъ и барабанщиковъ и въ свое время бить зорю. Огней раскладывать не болѣе и не менѣе обыкновеннаго; шалашей не жечь и за наблюденіемъ порядка оставить въ лагерѣ отъ каждой роты по одному унтеръ-офицеру съ тремя рядовыми и отъ каждаго полка—по одному офицеру.

Диспозиція отправлена была изъ главной квартиры князя Кутузова, Леташевки, въ Тарутино, вмѣстѣ съ повелѣніемъ арміи быть готовою къ выступленію къ 6 часамъ пополудни. Ровно въ 6-ть часовъ, фельдмаршалъ поѣхалъ изъ Леташевки въ Тарутино, увѣренный застать войско уже въ ружьѣ, но, напротивъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ артиллерійскихъ и конныхъ полковъ лошадей, ведомыхъ на водопой, а въ лагерѣ увидѣлъ полки, спокойно стоявшіе на бивакахъ, хотя уже время было выступать. Узнавъ о пріѣздѣ князя, начали сбираться къ нему корпусные командиры, и на вопросъ каждому изъ нихъ: почему полки не выступаютъ? они отвѣчали неимѣніемъ на то приказанія. Выведенный изъ терпѣнія однообразными отвѣтами, фельдмаршалъ былъ очень разгнѣванъ и отмѣнилъ аттаку. Вскорѣ объяс-

нилась причина происшедшаго недоразумѣнія. Она состояла въ несвоевременномъ полученіи въ тарутинскомъ лагерѣ посланнаго изъ Леташевки повелѣнія. Вмѣсто 5-го октября назначили аттаковать Мюрата 6-го числа. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ лагерь къ вечеру 5-го. При немъ переправлялись колонны черезъ Нару. Смерклось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажна; не было слышно ни шествія войскъ, ни движенія артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанья; все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Наконецъ, при свѣтломъ заревѣ огней непріятеля, показавшихъ намъ мѣсто расположенія французовъ, колонны остановились на ночь тамъ, откуда въ слѣдующее утро надлежало вести аттаку, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ Стромилова въ Дмитріевское. Передъ зарею, 6-го октября, къ нему явился польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго, вызываясь, если дадутъ ему конвой, схватить Мюрата, ночевавшаго, по его увѣренію, въ деревнѣ позади лагеря, съ незначительнымъ карауломъ. Сто червонцевъ при успѣхѣ, смерть въ случаѣ обмана, обѣщаны переметчику. Съ нимъ отрядили генералъ-маіора Грекова съ двумя казачьими полками, въ томъ числѣ Атаманскимъ. Едва отправились они за лакомою добычею, начало свѣтать. Графъ Орловъ-Денисовъ вышелъ изъ лѣса и, взглянувъ съ возвышенія влѣво, откуда наши колонны должны были наступать, не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Напротивъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, позади котораго стоялъ онъ, замѣтно было, какъ войско начинало подниматься отъ сна. Опасаясь быть открытымъ французами и ожидая ежеминутно появленія нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, онъ отмѣнилъ намѣреніе схватить Мюрата, послалъ воротить Грекова и тотчасъ по прибытіи его понесся съ 10-ю донскими полками прямо на французовъ. Внезапность нападенія не допустила непріятелей стать въ ружье; они едва успѣли поворотить пушки и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, побѣжали за Рязанскій оврагъ. Весь лагерь на правомъ берегу Чернишны и 38 орудій схвачены казаками; сотня донцовъ, съ сыномъ Платова, проскакала черезъ лагерь мимо Тетеринки, прямо къ нашей пѣхотѣ.

Пока графъ Орловъ-Денисовъ собиралъ разсыпавшіеся по французскимъ бивакамъ полки, чтобы вести ихъ далѣе противъ непріятеля, начавшаго выстраиваться за оврагомъ, показался изъ лѣса Багговутъ, не со всѣмъ своимъ корпусомъ, но только съ егерскою бригадою Пиллара и полуротою артиллеріи. Ея выстрѣлы должны были, по диспозиціи, служить сигналомъ общей аттаки, по вышеизложеннымъ причинамъ уже произведенной графомъ Орловымъ-Денисовымъ, прежде чѣмъ послѣдовали эти выстрѣлы. Маршъ корпуса Багговута, за которымъ шелъ корпусъ графа Строганова, былъ задержанъ въ лѣсу разными противорѣчащими приказаніями, привозимыми къ войскамъ. Сверхъ того, полки 4-й дивизіи, Кременчугскій и Волынскій, и слѣдовавшая позади ихъ 17-я дивизія, Олсуфьева, впотьмахъ сбились съ дороги въ лѣсу, и отъ того ни они, ни корпусъ графа Строганова не поспѣли во время на назначенныя имъ мѣста; пришли только бригада Пиллара и бывшій въ головѣ 4-й дивизіи Тобольскій пѣхотный полкъ, при которомъ нахо-

дился дивизіонный ея начальникъ, принцъ Евгеній Виртембергскій. Выйдя изъ лѣса съ бригадою, Багговутъ тотчасъ открылъ огонь изъ грудій, но былъ убитъ однимъ изъ первыхъ ядеръ, пущенныхъ съ непріятельской батареи при Тетеринкѣ. Со смертію этого отличнаго генерала прекратилась общая связь дѣйствій его корпуса. Егеря разсыпались въ стрѣлки; нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими въ лѣсу колоннами; частныя усилія ихъ оставались тщетны, потому что Мюратъ успѣлъ уже выстроиться, перемѣнилъ фронтъ и ѣсадилъ свой лѣвый флангъ назадъ. Слѣва отбивалъ онъ кирасирами аттаки графа Орлова-Денисова, съ фронта открылъ огонь съ батарей, а между тѣмъ отправлялъ назадъ обозы, чтобы они не мѣшали къ его отступленію.

Движеніе 4-го пѣхотнаго корпуса было также медленно. Не видя его появленія въ урочный часъ, Беннигсенъ приказалъ корпусу графа Строганова, по диспозиціи назначенному въ обходъ вправо, идти, напротивъ того, на лѣвый флангъ Багговута, имѣя въ виду обезпечить свое соединеніе съ арміею. Наконецъ и 4-й корпусъ вступилъ въ лѣсъ и прогналъ оттуда 2 батальона поляковъ, стоявшихъ впереди непріятельской линіи. Ввиду недостатка конницы нельзя было преслѣдовать ихъ, безъ чего не спасся-бы ни одинъ полякъ. «Я самъ», пишетъ Беннигсенъ въ донесеніи, «отправился къ 4-му корпусу и нашелъ, что онъ еще не соединился съ Дохтуровымъ. Не знаю причины этого замедленія: наставленія были даны ясныя и точныя». Когда головы колоннъ 4-го корпуса показались изъ лѣса, составилась связь между всѣми войсками, загремѣлъ огонь изъ длиннаго ряда батарей, но минута удачнаго нападенія уже прошла, и Мюратъ былъ въ полномъ отступленіи. Отрядъ графа Орлова-Денисова нѣсколько разъ пытался отрѣзать ему дорогу на Спасъ-Куплю, но не могъ имѣть успѣха въ этомъ, хотя и былъ поддержанъ частью дивизіи принца Евгенія. Другіе корпусы, при которыхъ лично находился фельдмаршалъ, долго стояли неподвижно на мѣстѣ. По диспозиціи имъ было назначено быстрымъ наступленіемъ опрокинуть все находящееся передъ ними, но при началѣ сраженія князь Кутузовъ не ввелъ ихъ въ дѣло. Онъ расчитывалъ, что успѣхъ тотчасъ рѣшится въ нашу пользу, если Беннигсену удастся произвести внезапную аттаку, а въ противномъ случаѣ, если Беннигсена отобьютъ, то корпусы, не вступившіе въ сраженіе и стоявшіе въ виду непріятеля въ боевомъ порядкѣ, однимъ появленіемъ своимъ будутъ достаточны для предупрежденія послѣдствій, какія могла повлечь за собою неудача нашего праваго крыла. Не такъ думали собравшіеся вокругъ главнокомандующаго генералы. Милорадовичъ нѣсколько разъ просилъ его о позволеніи идти впередъ. Рѣшительный отказъ былъ отвѣтомъ Кутузова. Наконецъ, онъ сказалъ: «У васъ только на языкѣ аттаковать, а вы не видите, что мы еще не созрѣли для сложныхъ движеній и маневровъ!» Замѣтивъ, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, фельдмаршалъ велѣлъ стоявшимъ въ центрѣ пѣхотнымъ корпусамъ, предшествуемымъ кавалеріею Корфа, двинуться къ Чернишнѣ и послалъ Васильчикова съ отдѣльнымъ отрядомъ въ правый флангъ непріятеля. Къ этой минутѣ сраженія можно отнесть слова князя Кутузова, помѣщенныя въ донесеніи его государю, что движенія войскъ подъ Тарутинымъ уподоблялись маневру на учебномъ мѣстѣ. Вся линія колоннъ цен-

тра и лѣваго крыла шла стройно впередъ. Мюратъ неоднократно пытался останавливаться, не для отпора, но для устройства войскъ и удаленія тяжестей, однако, каждый разъ былъ опрокидываемъ. Нѣсколько полковъ его обратились въ бѣгство; кавалеристы, безъ сѣдлъ и мундштуковъ, мчались туда и сюда по произволу своихъ тощихъ клячъ. Преслѣдованіе продолжалось 7 верстъ, до Спасъ-Купли, гдѣ Мюратъ занялъ позицію и прикрылъ ее батареями; но онѣ не помѣшали-бы дальнѣйшему за нимъ преслѣдованію, если-бъ была на то воля князя Кутузова. Въ вечеру Мюратъ потянулся къ Воронову, тревожимый нашими легкими войсками. Регулярная кавалерія и пѣхотные корпусы графа Остермана и бывшій Багговута получили приказаніе остановиться не доходя до Спасъ-Купли, а всѣ другіе корпусы—не переступая за Чернишню.

Поводомъ къ приказанію не идти далѣе было слѣдующее. Во время общаго наступательнаго движенія урядникъ Жирова полка привезъ отъ находившагося съ партіею на Подольской дорогѣ полковника-князя Кудашева, перехваченное предписаніе маршала Бертье къ одному французскому генералу объ отправленіи всѣхъ тяжестей на Можайскую дорогу. Прочитавъ предписаніе, князь Кутузовъ заключилъ о намѣреніи Наполеона выходить изъ Москвы, но куда? когда? съ какою цѣлью предпринималъ Наполеонъ движеніе?—было неизвѣстно. Фельдмаршалъ ходилъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ и въ тайномъ совѣщаніи, одинъ съ самимъ собою, рѣшилъ не преслѣдовать французовъ, имѣя въ виду не одно пораженіе Мюрата, но начало, такъ сказать, зародышъ новаго похода, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Онъ предвидѣлъ близкое наступленіе времени, когда надобно будетъ выдержать противъ главной непріятельской арміи рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, конечно, Наполеонъ станетъ биться на жизнь и смерть. Неудовольствіе за то, что не идутъ далѣе пожинать плоды одержанной надъ Мюратомъ побѣды, было на всѣхъ лицахъ, но въ присутствіи князя Кутузова никто не смѣлъ подавать мнѣнія, безъ его разрѣшенія. Когда опять стали просить у него дозволенія преслѣдовать непріятелей, отъ отвѣчалъ: «Если не умѣли мы поутру взять Мюрата живьемъ и придти во время на мѣста, то преслѣдованіе будетъ безполезно. Намъ нельзя отдаляться отъ позиціи». Князь Кутузовъ сѣлъ на разостланномъ коврѣ. Пріѣхалъ Беннигсенъ. Фельдмаршалъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу и сказалъ: «Вы одержали побѣду; я обязанъ вамъ благодарностью, а государь васъ наградитъ». Беннигсенъ казался недовольнымъ, такъ какъ предполагалъ, что главнокомандующій оставилъ половину арміи въ бездѣйствіи изъ недоброжелательства къ нему, какъ-будто желая лишить его успѣха въ сраженіи, предложенномъ имъ и веденномъ по его распоряженію. Онъ не сошелъ съ лошади, холодно поклонился фельдмаршалу, въ нѣсколькихъ словахъ донесъ о ходѣ дѣла на правомъ крылѣ и присовокупилъ, что, получивъ ядромъ контузію, имѣетъ на нѣсколько дней необходимость въ покоѣ. Съ этого времени началась вражда его къ Кутузову, которая продолжалась до его смерти.

Трофеи заключались въ 38-ми орудіяхъ, одномъ знамени, 40 зарядныхъ ящикахъ, 1,500 плѣнныхъ и большомъ количествѣ обоза. Въ числѣ убитыхъ находились генералы Фишеръ и Дери. Мюратъ

былъ друженъ съ Дери и присылалъ просить о возвращеніи его тѣла или, по крайней мѣрѣ, его сердца. Въ непріятельскомъ лагерѣ и отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. Они составляли разительную противоположность съ недостаткомъ въ жизненныхъ припасахъ, претерпѣваемомъ непріятелями во время продолжительной стоянки ихъ при Чернишнѣ. Вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, были брошены подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго призрѣнія, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины—француженки, нѣмки, польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ непріятельскаго стана церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которыя даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны, гдѣ искони возносились хвалебныя пѣсни Божеству.

Тарутинское сраженіе, стоившее намъ 500 убитыхъ и раненыхъ, имѣло на воевавшія войска великое нравственное вліяніе. Съ самаго начала похода оно было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ нашей главной арміи и увѣнчалось, хотя и не совершеннымъ, какъ слѣдовало ожидать, но, по крайней мѣрѣ, значительнымъ успѣхомъ. Наполеонъ хотѣлъ прикрыть оплошность Мюрата, допустившаго аттаковать себя врасплохъ, и напечаталъ въ бюллетеняхъ, что Мюратъ не могъ ожидать на себя нападенія, ибо наши и французскія передовыя войска условились предупреждать одни другихъ за три часа о возобновленіи военныхъ дѣйствій, и что русскіе внезапною аттакою имѣли безстыдство нарушить это условіе. Клевету должно опровергнуть; того требуютъ и честь русскаго оружія, и святость народнаго нрава. Упоминаемаго Наполеономъ условія никогда не существовало и быть не могло, какъ противнаго волѣ государя. Только приказано было не перестрѣливаться понапрасну на передовыхъ постахъ, но при томъ строжайше запрещалось имѣть какія-либо сходки или разговоры съ непріятельскими ведетами. Слѣдовательно, Мюратъ долженъ былъ приписать свое пораженіе не вѣроломству князя Кутузова, но собственной своей неосторожности.

Подъ вечеръ армія возвратилась въ Тарутино. На половинѣ дороги стояли отбитыя непріятельскія орудія. Тутъ-же князь Кутузовъ сидѣлъ на крыльцѣ полуразрушенной избы. Указывая на трофеи, онъ привѣтствовалъ проходившія мимо него колонны словами: «Вотъ сегодня вашъ подарокъ государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и отечества!» Ура! перемѣшанное съ веселыми пѣснями, долетало эхомъ радости къ нашему лагерю. Шумно и весело вступали въ него войска. Покой не шелъ имъ на умъ: какъ-будто праздновалось воскресеніе умолкнувшей на время русской славы. Милорадовичъ расположился при Винковѣ, гдѣ наши въ первый еще разъ стали на отбитой у непріятеля землѣ. Подъ начальствомъ Милорадовича были кавалерійскіе корпусы: Корфа и Васильчикова, заступившаго мѣсто графа Сиверса; пѣхотные графа Остермана и бывшій Багговута, мѣсто

котораго занялъ князь Долгоруковъ, пріѣхавшій не задолго передъ тѣмъ въ армію и бывшій прежде посланникомъ въ Неаполѣ. На другой день служили благодарственный молебенъ. Князь Кутузовъ слушалъ его въ походной церкви гвардейскаго корпуса, куда принесенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери. Любопытство влекло многихъ къ французскимъ пушкамъ, потому что съ 1805-го года, когда начались наши войны съ Наполеономъ, нигдѣ не отбивали у его арміи такого большого количества орудій, какъ подъ Тарутинымъ. Честь овладѣнія ими принадлежала графу Орлову-Денисову, о которомъ Беннигсенъ, виновникъ и распорядитель сраженія, доносилъ князю Кутузову: «Графъ Орловъ-Денисовъ велъ себя самымъ блистательнымъ образомъ; его храбрость дѣлаетъ честь россійскому оружію. Онъ первый подалъ мысль обойти лѣвое непріятельское крыло; основываясь на сдѣланныхъ имъ обозрѣніяхъ и по донесенію его о томъ, рѣшился я письменно предложить вашей свѣтлости аттаковать непріятеля».

Выборъ офицера, съ кѣмъ отправить въ Петербургъ донесеніе о побѣдѣ, былъ уже за нѣсколько недѣль указанъ князю Кутузову самимъ императоромъ, въ слѣдующемъ рескриптѣ: «Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишо былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера быть вручителемъ подобнаго донесенія была очевидна. Я нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ его пріѣзда послѣдующимъ». Этотъ рескриптъ проливаетъ новый лучъ свѣта на благость императора Александра.

Описавъ государю подробности Тарутинскаго сраженія, Мишо просилъ позволенія доложить его величеству о желаніи арміи. «Что такое?» спросилъ государь. — «Одержанная нами побѣда», отвѣчалъ Мишо, «прекрасное состояніе войскъ, оживляющій ихъ духъ, преданность ихъ къ особѣ Вашей, отовсюду прибывающія къ арміи подкрѣпленія, бѣдственное положеніе Наполеона, присланныя Вашимъ Величествомъ повелѣнія затруднить ему отступленіе, словомъ, все подаетъ несомнѣнную надежду, что Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска увѣрены, что настаетъ самый счастливый походъ, но знаютъ также, что всѣмъ обязаны усиліямъ Вашего Величества. Имъ извѣстно, сколь много до сихъ поръ претерпѣвала душа Ваша, и теперь просятъ единственной милости, чтобы Ваше Величество лично приняли начальство надъ арміею: присутствіе Ваше сдѣлаетъ ее непобѣдимою». Съ замѣтнымъ удовольствіемъ отвѣчалъ государь: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и Я не менѣе другихъ, и, если-бы теперь внялъ только этому одному чувству, то сѣлъ-бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію. Разсматривая невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемые источники имперіи, приготовленныя Мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя Мною въ дунайскую армію, Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что, если Я буду при арміи, то вся слава отнесется ко Мнѣ, и что Я займу мѣсто въ исторіи. Но, когда подумаю, какъ мало опытенъ Я въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ Наполеономъ и что, не взирая на добрую волю Мою, Я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется

драгоцѣнная кровь Моихъ дѣтей, то, не взирая на Мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе Меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятелей изъ Россіи». Государь наградилъ князя Кутузова золотою шпагою, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и удостоилъ его слѣдующимъ собственноручнымъ рескриптомъ: «Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы».

V.

Совершенное оставленіе Москвы врагами.

При первомъ извѣстіи о нападеніи на Мюрата, всѣ французскіе корпусы тотчасъ выступили изъ Москвы и расположились за заставою на старой Калужской дорогѣ. Только Мортье оставленъ былъ на нѣкоторое время въ Кремлѣ. Онъ имѣлъ приказаніе издать печатное объявленіе къ жителямъ и убѣждать ихъ быть спокойными, не вѣря слухамъ о совершенномъ оставленіи Москвы Наполеономъ, только временно удаляющимся на Калугу и для истребленія тульскаго оружейнаго завода.

Непріятель выходилъ изъ столицы такъ торопливо, что многіе генералы и офицеры не успѣли увезти съ собою всѣхъ похищенныхъ ими вещей, бумагъ и плановъ. Число непріятельскихъ войскъ, выступившихъ изъ Москвы, простиралось до 105,000 человѣкъ подъ ружьемъ. Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, этотъ счетъ, а съ другой, что Наполеонъ вошелъ въ Москву 2-го сентября со 110,000, и съ тѣхъ поръ, до 6-го октября, прибыло къ нему свѣжихъ войскъ, отсталыхъ, выздоровѣвшихъ отъ ранъ послѣ сраженій подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, всего, какъ полагаютъ, 25,000 человѣкъ, выходитъ, что въ шестинедѣльное пребываніе въ Москвѣ, онъ лишился 30,000 человѣкъ, погибшихъ отъ пожара и болѣзней, взятыхъ партизанами и убитыхъ народомъ. При 105,000 выступавшихъ изъ Москвы было 605 пушекъ и многія тысячи нестроевыхъ, принадлежащихъ къ штабамъ, паркамъ, обозамъ, придворному штату, слѣдовавшихъ за арміею ремесленниковъ, маркитантовъ и иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ и со своими семействами отправившихся вмѣстѣ съ непріятелемъ. Въ пѣхотѣ заключалась главная сила Наполеона, но его конница, кромѣ 5,000 гвардейской, находилась въ большомъ изнуреніи, равно какъ и артиллерійскія лошади. Вообще армія была лишена скорой подвижности, вслѣдствіе огромнаго количества обозовъ. Кто только могъ, запасся въ Москвѣ и окрестностяхъ экипажами, и въ нихъ садились даже простые солдаты, начинавшіе не обращать вниманія на приказанія начальниковъ. На разстояніи болѣе 30-ти верстъ тянулось въ 4 ряда болѣе 10,000 каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ, фуръ, тетѣгъ, нагруженныхъ продовольствіемъ и награбленною добычею. Не помѣстившіеся на повозкахъ и экипажахъ было навьючено на кавалерійскихъ лошадяхъ, на зарядные и патронные ящики, наполняло ранцы пѣхотинцевъ.

Когда 7-го октября Тарутинскій лагерь оглашался молебнымъ

пѣніемъ за побѣду надъ Мюратомъ, непріятельская армія тронулась отъ Калужской заставы, и Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы, въ пять часовъ поутру.

Наполеонъ съ трудомъ могъ проѣхать сквозь обозы, загромождавшіе Большую Ордынку и Калужскую улицу. У заставы онъ остановился и послѣдній разъ взглянулъ на Москву, покорѣніе которой должно было быть вѣнцомъ его славы, залогомъ его рѣшительнаго первенства надъ Александромъ. Изъ Москвы Наполеонъ пошелъ по старой Калужской дорогѣ, намѣреваясь сразиться съ княземъ Кутузовымъ, если-бы встрѣтилъ его преслѣдующимъ Мюрата, или, въ противномъ случаѣ, поворотить направо, на новую Калужскую дорогу, а оттуда черезъ Малоярославецъ въ Калугу и потомъ черезъ Юхновъ и Ельню по неразоренному краю, на Смоленскъ. 7-го октября, непріятельская армія дошла до Троицкаго, гдѣ Наполеонъ имѣлъ дневку и получилъ отъ Мюрата донесеніе, что русскіе его не преслѣдуютъ. Итакъ, Наполеону оставалось только привести въ исполненіе задуманный маршъ на новую Калужскую дорогу. Что касается до Мюрата, то, послѣ пораженія при Тарутинѣ, онъ провелъ нѣсколько часовъ въ Спасъ-Купле́ и, собравъ разстроенныя войска, передъ разсвѣтомъ 7-го октября, въ то время, когда французы выходили изъ Москвы, отступилъ за Вороново и сталъ на лѣвомъ берегу Мочи. За нимъ наблюдалъ Милорадовичъ, а князь Кутузовъ возвратился въ Тарутино—ожидать въ укрѣпленномъ лагерѣ развитія предпріятій Наполеона. Онъ не пошелъ со всею арміею за разбитымъ Мюратомъ, не желая вызывать Наполеона на сраженіе и считая болѣе выгоднымъ принять бой въ укрѣпленной позиціи, если-бы Наполеонъ пришелъ аттаковать ее. До тѣхъ поръ оставалось употреблять всѣ средства для изслѣдованія дальнѣйшихъ намѣреній непріятеля.

8-го октября, французы тронулись изъ Троицкаго, перешли при Горкахъ черезъ Пахру и правымъ берегомъ ея повернули на Фоминское. Самъ Наполеонъ оставался въ Троицкомъ. Видя, что князь Кутузовъ не ищетъ сраженія, Наполеонъ послалъ къ Мортье повелѣніе совершенно очистить Москву, вывезти какъ можно больше раненыхъ и идти черезъ Кубинское на Верею. Причина, почему Наполеонъ прежде не приказывалъ Мортье выходить изъ Москвы, заключалась въ ожиданіи встрѣчи дорогою съ княземъ Кутузовымъ, вслѣдствіе которой, можетъ быть, нужно было-бы удержать за собою Кремль, какъ укрѣпленное мѣсто, или цитадель. Къ Мортье отправлено было притомъ злодѣйское повелѣніе зажечь при выходѣ изъ Москвы кремлевскій дворецъ, казармы, всѣ еще уцѣлѣвшія казенныя зданія, кромѣ воспитательнаго дома, и взорвать Кремль, къ чему уже заранѣе, когда еще Наполеонъ находился въ Москвѣ, дѣлались приготовленія.

До полученія маршаломъ Мортье этого предписанія, то есть, въ тѣ два дня, когда онъ оставался въ Кремлѣ одинъ, въ Москвѣ царствовало гробое молчаніе. Печатнымъ объявленіемъ запретили жителямъ, подъ смертною казнью, подходить къ Кремлю; но не всѣ поняли объявленіе, потому что оно было написано по-французски, и нѣсколько русскихъ застрѣлены португальскими ведетами, разставленными по улицамъ, ведущимъ къ Кремлю. Вскорѣ приблизился къ Москвѣ изъ Черной Грязи отрядъ Винцингероде. Между Петров-

скимъ дворцомъ и Тверскою заставою произошло кавалерійское дѣло; непріятель былъ опрокинутъ, потерялъ 400 плѣнныхъ и побѣжалъ въ городъ. Казаки подъѣхали къ заставамъ, нѣсколько разъ прорывались въ улицы, перестрѣливались въ нихъ, но при появленіи пѣхоты должны были удалиться. 24 донца проскакали мимо Кремля, по всей Москвѣ, и выѣхали въ противоположную Серпуховскую заставу. Испуганные такимъ удальствомъ стоявшіе на Тверской португальцы бросились искать спасенія въ Кремлѣ; потомъ, опомнившись отъ тревоги, возвратились на прежнія мѣста и съ пистолетами въ рукахъ ходили по пепелищамъ домовъ, отыскивая, не спрятались-ли тамъ казаки.

Отъ плѣнныхъ и выходцевъ Винцингероде слышалъ о выступленіи Наполеона изъ Москвы, но не имѣлъ свѣдѣній: на какую дорогу повернулъ непріятель, на Калужскую или Смоленскую? Изъ найденныхъ у перехваченнаго курьера бумагъ онъ зналъ только о данномъ Мортье повелѣніи держаться въ Кремлѣ. Для наблюденія за нимъ Винцингероде хотѣлъ оставить казачій полкъ, а съ отрядомъ идти за непріятельскою арміею и тревожить ее на маршѣ. Между тѣмъ, полицейскіе чиновники, посланные Винцингероде переодѣтыми въ Москву, донесли ему, что французы подводятъ мины подъ Кремль. Съ ужасомъ выслушалъ онъ слова ихъ. Онъ измѣнился въ лицѣ, вскочилъ со стула и воскликнулъ: «Нѣтъ! Бонапартъ не взорветъ Кремля! Я объявлю ему, что всѣ плѣнные французы будутъ повѣшены, если хоть одна церковь взлетитъ на воздухъ!» Это происходило поздно вечеромъ 9-го октября. На другой день, поутру, Винцингероде поѣхалъ къ Тверской заставѣ и послалъ сотника Попова пригласить Мортье на переговоры. Каждая минута была дорога, для отклоненія Мортье отъ неистоваго разрушенія, предписаннаго ему Наполеономъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ Винцингероде возвращенія сотника. Не видя его, онъ взялъ съ собою своего адъютанта Нарышкина, оставилъ у Тверской заставы казачій полкъ, и, несмотря на увѣщанія окружавшихъ его, поѣхалъ въ городъ, имѣя впереди себя одного казака. Запальчивость характера затмила въ умѣ его все, кромѣ мысли о спасеніи Кремля.

Замѣтивъ, уже въ улицахъ города, что онъ забылъ взять съ собою трубача, Винцингероде велѣлъ привязать къ пикѣ казака бѣлый платокъ. На Тверской онъ не встрѣтилъ никого, кромѣ нѣсколькихъ крестьянъ. Они сказали, что подлѣ генералъ-губернаторскаго дома находится караулъ, но его, однако, не было видно, потому что онъ стоялъ въ одной изъ боковыхъ улицъ. Вскорѣ Винцингероде очутился противъ караула молодой гвардіи. Солдаты прицѣлились, но офицеръ велѣлъ имъ опустить ружья, услышавъ отъ нашего генерала, что онъ пріѣхалъ для переговоровъ, и согласился послать къ Мортье вѣстового, съ донесеніемъ о пріѣздѣ Винцингероде и желаніи съ нимъ видѣться. Едва офицеръ пошелъ въ караульню за вѣстовымъ, какъ другой, тутъ-же случившійся, французскій офицеръ схватилъ за узду лошадь Винцингероде и потащилъ его въ Кремль. Солдаты окружили Нарышкина. Онъ просилъ, чтобы не его разлучали съ генераломъ, и пѣшкомъ за конвоемъ былъ отправленъ въ Кремль. Тамъ онъ засталъ гарнизонъ въ ружьѣ, а Винцингероде въ жаркомъ спорѣ съ Мортье. На укоръ, что французы поступили вѣроломно, вопреки принятаго на войнѣ обычая на счетъ переговорщиковъ,

Мортье хладнокровно отвѣчалъ: «Я отправлю курьера къ императору Наполеону: его дѣло рѣшить вашъ жребій, а между тѣмъ пожалуйте шпагу и извольте идти за барономъ Сикаромъ; онъ укажетъ вамъ назначенную для васъ горницу».

Въ тотъ день послѣдніе непріятели, обозы и раненые выступали изъ Москвы; французы жгли понтоны, зарядные и патронные ящики, уничтожали снаряды, опорожнивали госпитали, гдѣ, однако, осталось много больныхъ, за неимѣніемъ лошадей для подъема ихъ. Въ 6 часовъ пополудни Мортье тронулся съ молодою гвардіею и войсками, составлявшими кремлевскій гарнизонъ. Посреди нихъ везли Винцингероде. Тяжело раненыхъ и больныхъ французовъ, оставшихся въ Москвѣ, Мортье поручилъ покровительству Тутолмина. Въ 2 часа пополуночи выстрѣлили изъ пушки, и раздался необычайной грохотъ. Дома задрожали, разбитыя стекла посыпались изъ оконъ, двери и оконныя рамы были вырваны съ своихъ мѣстъ, штукатурка въ домахъ обвалилась, камни летѣли по воздуху, земля затряслась. Пять ударовъ сильнѣйшихъ, нежели самые близкіе громовые, повторились одинъ за другимъ, и эхо, продолжая во влажномъ воздухѣ оглушающіе звуки, сливало ихъ между собою. Небо запылало багровымъ заревомъ: кремлевскія башни и стѣны летѣли къ облакамъ, горѣлъ дворецъ.

Долго ждалъ возвращенія Винцингероде его отрядъ, стоявшій въ Чашникахъ. Узнавъ о плѣнѣ начальника, полковникъ Бенкендорфъ написалъ къ Мортье, что находящіеся у насъ въ плѣну французскіе генералы будутъ отвѣчать жизнью за Винцингероде. Генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й, оставшійся въ отрядѣ старшимъ, тотчасъ пошелъ къ Москвѣ и вступилъ въ нее 11-го октября.

Кремль былъ взорванъ въ пяти мѣстахъ; дворецъ догоралъ; въ подкопахъ лежали еще бочки съ порохомъ, и по временамъ слышны были небольшіе взрывы. Наполеонъ хотѣлъ поднять на воздухъ не однѣ стѣны, но и всѣ кремлевскія зданія. Второпяхъ и во мракѣ, французскіе инженеры не успѣли зажечь всѣхъ подкоповъ; загорѣлось только пять минъ. Кромѣ того, губительному дѣйствію другихъ минъ помѣшалъ дождь. Свидѣтель бѣдствій Москвы, Тутолминъ, донося императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взорваніи Кремля, говоритъ: «Еще гораздо ужаснѣйшихъ послѣдствій надлежало ожидать, если-бы не было дождя, который во всю ночь сильно шелъ». Также не успѣли французы зажечь нѣкоторыхъ казенныхъ домовъ и церквей, какъ то было приказано Наполеономъ, и для чего заблаговременно наносили въ нихъ много горючихъ веществъ. Такъ, напримѣръ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ французы натаскали подъ соборную церковь 6 ящиковъ пороха и при своемъ выходѣ изъ монастыря положили на нихъ зажженные фитили, а въ церквахъ и кельяхъ разбросали зажженныя свѣчи, отъ которыхъ внутренность келій начинала загораться, однакоже, возникавшій пожаръ былъ погашенъ монахинями. Всѣ ворота кремлевскія были до такой степени загромождены каменьями, что не находили возможности иначе пробраться въ Кремль, какъ карабкаясь по грудамъ развалинъ. Писатель князь Шаховскій, командовавшій полкомъ тверского ополченія въ отрядѣ Винцингероде, первый вошелъ въ Кремль. Тогда уже совсѣмъ смерклось, и зданія, какъ потухающая свѣча, еще ярко вспыхивали и по временамъ, освѣщая мрачную окрестность, показывали чудесное спасеніе храмовъ Божі-

ихъ, вокругъ которыхъ все, и даже принадлежащія къ нимъ строенія, сгорѣло или догорало. Огромная пристройка патріарха Филарета къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него.

Изъ кремлевскихъ храмовъ одинъ Спасъ на Бору, древнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ храмовъ, былъ засыпанъ горѣвшими головешками отъ подожженнаго надъ нимъ дворца, да заугли́лись внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора. Все посвященное Богу не было истреблено огнемъ, а только осквернилось святотатствомъ рукъ человѣческихъ. Въ Кремлѣ церкви были сплошь ободраны отъ самыхъ куполовъ до низа. Въ алтарь Казанскаго собора была втащена мертвая лошадь. Въ Архангельскомъ соборѣ видно было вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино, валялась рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и Оружейной Палаты, между прочимъ, два обнаженныхъ чучела, представлявшихъ старинныхъ латниковъ. Большая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы.

Въ Успенскомъ соборѣ нигдѣ не оставалось ни лоскута серебра, кромѣ одного уголка, какъ-будто для того, чтобы находившаяся тамъ серебряная рѣзьба могла впослѣдствіи, при возобновленіи храма, послужить образцомъ. Въ этомъ соборѣ уцѣлѣли еще серебряная рака св. митрополита Іоны и при ней серебряный подсвѣчникъ. Отъ раки была только содрана на четверть аршина верхняя личинка; мощи-же святителя остались невредимы въ ракѣ. Мощи св. Филиппа найдены на помостѣ храма невредимыми какъ въ день успенія угодника Божія. Возлѣ нихъ лежала французская сабля. Рака св. митрополита Петра, закрытая, была разломана, что и подало случай оставить мощи открытыми. Дощатыя надгробія всероссійскихъ архипастырей были обнажены; изъ нихъ только одно порублено, а именно патріарха Гермогена. Вокругъ стѣнъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ французы плавили ободранные ими оклады съ образовъ и похищенные въ храмахъ металлы; количество ихъ было записано мѣломъ на царскомъ мѣстѣ: «325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота». Вмѣсто огромнаго серебрянаго паникадила, пожертвованнаго нѣкогда бояриномъ Морозовымъ, спускались со свода большія вѣсы. Ободранныя иконы были разбросаны по полу и между ними разставлены, какъ-будто въ посмѣяніе, рыцарскіе трофеи Оружейной Палаты: панцыри, щиты и шлемы. Въ Чудовскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ маршалъ Даву, рака св. Алексѣя, вмѣстѣ съ мощами, была нашими вынесена и спрятана въ ближній Благовѣщенскій придѣлъ. Изъ Архангельскаго собора мощи св. царевича Димитрія были также вынесены и сохранены въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Въ развалинахъ взорванныхъ кремлевскихъ стѣнъ и вообще подъ пепломъ Кремля, найдено русскихъ 14 орудій и 30 зарядныхъ ящиковъ, непріятельскихъ 28 пушекъ и 207 зарядныхъ ящиковъ, наполненныхъ боевыми зарядами, и 109 разнаго рода армейскихъ фуръ и повозокъ. Старинныя русскія пушки, находившіяся подлѣ арсенала были оставлены Наполеономъ. Онъ не вывезъ изъ Москвы ни огнестрѣльнаго, ни холоднаго русскаго оружія, находившагося при вступленіи его въ Москву въ большомъ количествѣ. Оно найдено разбросаннымъ и перегорѣвшимъ, равно какъ и множество лоскутьевъ знаменъ. Въ разныхъ мѣстахъ Москвы найдено болѣе 2,000 не-

пріятельскихъ и до 700 русскихъ раненыхъ и больныхъ. Безъ призрѣнія и пищи, они умирали съ голода, посреди мертвыхъ, которыми наполнены были дома, обращенные Наполеономъ въ госпитали, гдѣ тѣла лежали безъ погребенія и валялись по корридорамъ и лѣстницамъ. Нѣсколько мертвыхъ приставлены были къ печкамъ и стѣнамъ, и для забавы нарумянены кирпичемъ. Въ лазаретахъ лежали полусгнившіе трупы; сведенныя смертью мышцы ихъ уже не скрѣпляли членовъ и при усиліи подымавшихъ тѣла распадались. Остававшійся при католической церкви въ Москвѣ аббатъ говорилъ, что онъ могъ причастить только немногихъ умиравшихъ итальянцевъ, а французы съ ругательствомъ отгоняли его отъ смертнаго одра. Всѣ дома, гдѣ ютились непріятели, даже ихъ генералы, были наполнены всякою нечистотою. Въ уцѣлѣвшемъ домѣ Позднякова, гдѣ давались театральныя представленія, нельзя было дышать отъ зловонія и давно издохшихъ лошадей, гнившихъ на дворѣ. Во внутренность дома нанесено было множество фортепіанъ, зеркалъ и мебели; за сценою театра брошены были остатки священническихъ ризъ и выкроенные изъ нихъ кафтаны и платья для артистовъ.

Два дня продолжались пожары. Тушить ихъ было нечѣмъ, и они сами собою гасли отъ обширности выжженныхъ пустырей, окружавшихъ уцѣлѣвшія зданія. Огонь не могъ распространяться, не находя пищи. Грабежъ тоже не утихалъ. Расхищали соляные магазины, винные подвалы, кладовыя, гдѣ кучами лежали мѣдныя деньги. То тамъ, то сямъ вмѣстѣ съ чернью грабили и казаки. Половина отряда Иловайскаго 4-го пошла вслѣдъ за непріятелемъ, по дорогамъ Смоленской и Калужской, а оставшіеся въ Москвѣ три полка того-же отряда, дѣлая разъѣзды по всему Московскому пепелищу терялись въ его пространствѣ. Не раньше, какъ на третій день, были въ состояніи прекратить безпорядки—необходимое слѣдствіе шестинедѣльнаго безпримѣрнаго безначалія. Ранѣе другихъ въ Москву явились во множествѣ подмосковные крестьяне, самые досужіе и смѣтливые во всей Россіи. Увѣрясь въ выходѣ непріятеля изъ Москвы и полагаясь на суматоху, которая должна была произойти въ городѣ, они пріѣхали на возахъ захватить недограбленное. Флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, назначенный тогда комендантомъ Москвы рѣшилъ иначе. Онъ приказалъ взвалить на возы тѣла и падаль и вывозить за городъ на удобныя для похоронъ или истребленія мѣста, чѣмъ избавилъ Москву отъ заразы, жителей отъ дальнѣйшаго грабежа, а крестьянъ отъ грѣха. Но, если подмосковная промышленность встрѣтила неудачу въ дурномъ намѣреніи, зато успѣла въ добромъ. На площади противъ дома генералъ-губернатора открылась обширная ярмарка, уставленная телѣгами съ мукой, овсомъ, сѣномъ печеными хлѣбами, сайками, калачами, самоварами съ сбитнемъ даже обувью и ясно показывала, что около Москвы не было продовольствія только для непріятеля. Къ народной чести надобно замѣтить, что цѣна на съѣстные припасы не возвысилась противъ прежней. Изобиліе безпрерывно умножалось, по мѣрѣ наполненія опустѣлой Москвы.

Жители представляли къ военному начальству доставшіяся имъ по разнымъ случаямъ во время непріятельскаго нашествія сторублевыя ассигнаціи французскаго издѣлія, такъ искусно поддѣланныя, что даже въ ассигнаціонномъ банкѣ приняли ихъ, съ перваго взгляда,

за настоящія. Онѣ отличались отъ русскихъ ассигнацій только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована. Большой запасъ этой фальсификаціи былъ найденъ нами впослѣдствіи въ Кенигштейнѣ.

На третій день по вступленіи нашихъ въ Москву, все было пріискано и приготовлено для совершенія литургіи и благодарственнаго молебствія. По неимѣнію серебряныхъ сосудовъ, похищенныхъ и вывезенныхъ французами, кто-то представилъ сохраненные имъ древніе стеклянные. Одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ была удобна для совершенія литургіи. Непріятели, исполняя просьбу остававшихся въ монастырѣ престарѣлыхъ монахинь, не осквернили въ немъ храма Божія. На всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ явились звонари, церковники, посадскіе мальчики и мѣщане, ожидая условленной повѣстки. Ранѣе 9-ти часовъ ударилъ большой колоколъ Страстнаго монастыря, и вдругъ по всему обгорѣлому пожарищу Москвы раздался благовѣстъ, которымъ она исконн славилась. Не было никого, чье сердце не вздрогнуло-бы, на чьихъ глазахъ не навернулись-бы слезы. На другой день разсказывали, что посадскіе москвичи, заслыша умолкшій въ черные дни благовѣстъ, выбѣгали на улицу, крестились и взывали: «Слава Богу! опять очнулась Москва!» Дворъ Страстного монастыря, переходы, паперть и церковь были наполнены богомольцами. Все тогдашнее народонаселеніе столицы всероссійскихъ царей вмѣщалось въ это необширное зданіе. Со временъ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Ѳеодоровича не было отправлено въ Москвѣ обѣдни, слушанной съ такимъ благочестіемъ. Когда, по окончаніи литургіи, начался молебенъ, и клиръ возгласилъ: «Царю Небесный, Утѣшителю Душе истинный», всѣ наполнявшіе монастырь, начальники, солдаты, народъ, русскіе и иностранцы, православные и иновѣрцы, даже башкиры и калмыки, пали на колѣни.

До нашествія Наполеона въ Москвѣ считалось монастырей, соборовъ, церквей, казенныхъ строеній, частныхъ домовъ и фабрикъ 9,257. Изъ нихъ сгорѣло 6496; всѣ прочіе болѣе или менѣе разграблены. Потери, понесенныя частными людьми, отъ пожара, грабежа и вообще отъ непріятельскаго нашествія, въ Москвѣ и уѣздахъ Московской губерніи, простирались на сумму въ 271 милліонъ рублей. Эти свѣдѣнія взяты изъ московской казенной палаты. По дѣламъ комитета министровъ убытокъ показанъ въ 278.969,289 рублей 69 копѣекъ, а по дѣламъ государственнаго казначейства въ 280.009,507 рублей 70⅔ копѣекъ, и въ заключеніе помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «Вѣдомость о разореніи составлена на показаніяхъ жителей, которыя собраны городничими и земскими судами, и какъ многіе объясняли потерю безъ цѣны, по Московскому-же уѣзду отъ нѣкоторыхъ и свѣдѣній не отобрано за отлучкою, а по Рузскому уѣзду отъ помѣщичьихъ крестьянъ объявленія поданы безъ цѣны, равно и по Дмитровскому уѣзду разореніе числомъ суммы не объяснено, то общаго по губерніямъ заключенія о разореніи сдѣлать невозможно». Къ этому перечню нужно присоединить огромные, но неизвѣстно до какого количества простиравшіеся убытки въ зданіяхъ и движимости, понесенные въ Москвѣ и Московской губерніи дворцовыми, духовными, военными и другими казенными и общественными вѣдомствами.

VI.

Движеніе воюющихъ армій со старой Калужской дороги на новую.

Наполеонъ находился на старой Калужской дорогѣ, въ Троицкомъ, между тѣмъ какъ армія его поворачивала оттуда вправо, къ Фоминскому, на новую Калужскую дорогу. Желая скрыть отъ князя Кутузова это движеніе, особенно свой выходъ изъ Москвы, Наполеонъ вздумалъ войти съ нимъ въ переговоры. Онъ приказалъ Бертье отправить къ князю Кутузову слѣдующее письмо, умышленно выставивъ на немъ, будто оно писано изъ Москвы:

«Генералъ Лористонъ имѣлъ порученіе предложить вашей свѣтлости о принятіи мѣръ, чтобы войнѣ дать ходъ, сообразный съ установленными правилами и избавить край отъ всѣхъ бѣдствій, кромѣ тѣхъ, какія неизбѣжны въ военное время. Въ самомъ дѣлѣ, опустошеніе собственной земли столь-же вредно для самой Россіи, сколь прискорбно императору Наполеону. Ваша свѣтлость легко постигнете, какъ важно для меня узнать окончательное рѣшеніе вашего правительства по сему предмету».

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ князя Кутузова:

«Полковникъ Бертеми, принятый лично мною, вручилъ мнѣ ваше письмо, содержаніе коего уже представлено государю, и, какъ безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, отправлено съ княземъ Волконскимъ. По дальности разстоянія и дурнымъ дорогамъ въ настоящее время года, нельзя еще было получить отвѣта. Итакъ, мнѣ остается только сослаться на сказанное мною генералу Лористону, относительно сего дѣла. Здѣсь позвольте повторить истину, которую, конечно, вы сами уважите: ту, что, хотя я и желалъ-бы, но очень трудно удержать народъ, раздраженный всѣмъ, совершающимся въ его глазахъ, народъ, уже 200 лѣтъ не знавшій войны внутри государства, готовый жертвовать собою за отечество и неспособный различать, что именно принято или воспрещается въ войнахъ обыкновенныхъ. Касательно-же армій, мнѣ ввѣренныхъ, надѣюсь, что въ образѣ дѣйствія ихъ, всѣ признаютъ правила, отличающія народъ храбрый, доблестный, великодушный. Я никогда не зналъ иныхъ правилъ въ моей долговременной военной службѣ и надѣюсь, что непріятели, съ которыми я сражался, всегда въ семъ отношеніи отдавали мнѣ справедливость».

Главная выгода, извлеченная Наполеономъ изъ этой переписки, состояла въ полученіи удостовѣренія черезъ Бертеми, принятаго княземъ Кутузовымъ въ Леташевкѣ, что русскіе еще не выступили изъ Тарутина. Это извѣстіе подало Наполеону надежду совершить безпрепятственно предпринятое имъ боковое движеніе со старой Калужской дороги на новую. 9-го октября, онъ выѣхалъ изъ Троицкаго въ село Игнатово, находившееся въ промежуткѣ этихъ дорогъ, гдѣ тянулись его войска, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они выступили изъ Москвы. Въ авангардѣ шелъ вице-король. 9-го числа онъ прибылъ въ Фоминское и соединился съ пѣхотною дивизіею Брусье и конною генерала Орнано, находившимися тамъ уже нѣсколько дней. Гвардія и Даву слѣдовали за вице-королемъ. На старой Калужской дорогѣ остался Ней, къ которому долженъ былъ присоединиться сборный корпусъ Мюрата и вмѣстѣ съ нимъ послѣдовать общему движенію на Фоминское, гдѣ 10-го и 11-го октября сосредоточилась

вся армія. 10-го октября въ Фоминское прибылъ Наполеонъ и лично производилъ обозрѣніе, на дальнее разстояніе влѣво, высматривая, не показывается-ли ему во флангъ съ той стороны русская армія, что особенно озабочивало его. Не видя тамъ никого, кромѣ разъѣзжавшихъ по-одиночкѣ казаковъ отряда Дорохова, Наполеонъ приказалъ Понятовскому идти на Верею, открыть сообщеніе съ Можайскомъ и послать разъѣзды къ Медыни; армію онъ двинулъ на Боровскъ, а самъ остался на нѣсколько часовъ въ Фоминскомъ, для извѣщенія генераловъ, находившихся въ Вязьмѣ, Смоленскѣ, Оршѣ и другихъ мѣстахъ, объ избраніи имъ новаго пути дѣйствій и движеніи черезъ Калугу и Ельню. Самое важное повелѣніе послано было къ Виктору, который, находясь въ центральномъ положеніи, долженъ былъ служить резервомъ главной арміи и Сенъ-Сира и оплотомъ на Березинѣ. Наполеонъ писалъ Виктору: «Если вашъ корпусъ не былъ вынужденъ сдѣлать какого-либо движенія противъ графа Витгенштейна или Чичагова, то пошлите одну пѣхотную дивизію и кавалерійскую бригаду на Ельню, а оттуда для соединенія съ главною арміею на Калугу; до тѣхъ поръ, то есть, до соединенія моего съ сими войсками, и пока они не проложатъ новаго пути на Ельню, я принимаю операціонною линіею дорогу изъ Калуги черезъ Юхновъ, Знаменское и Вязьму, а потомъ, когда войду въ сношеніе съ вами, черезъ Ельню и Смоленскъ. На каждой станціи по этой дорогѣ учредите этапы, поставьте на нихъ по 100 человѣкъ и заготовьте лошадей для эстафетовъ». Находившемуся въ Можайскѣ Жюно велѣно отступить къ Вязьмѣ, а генералу, командовавшему въ Вязьмѣ, идти въ Юхновъ. Окончивъ распоряженія, Наполеонъ отправился 11-го октября въ Боровскъ, съ увѣренностью придти въ Калугу ранѣе князя Кутузова.

О первомъ появленіи на новой Калужской дорогѣ французовъ, то есть, дивизій Брусье и Орнано, князь Кутузовъ немедленно былъ извѣщенъ Дороховымъ, стоявшимъ въ Катовѣ, гдѣ онъ ежедневно имѣлъ стычки съ непріятелями и не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Отъ взятыхъ имъ 7-го октября плѣнныхъ онъ узналъ, что къ Фоминскому пришли Брусье и Орнано. «Удостовѣрясь въ семъ лично», доносилъ Дороховъ, «думаю, что непріятель намѣренъ удержать Фоминское и, можетъ быть, пользуясь превосходствомъ силъ, истребить ввѣренный мнѣ отрядъ. Я оставилъ на прежнихъ мѣстахъ легкую кавалерію, а съ остальнымъ отрядомъ отошелъ къ Корякову. Я стараюсь скрывать отъ французовъ мои силы и, кажется, увѣрилъ ихъ, что мой отрядъ состоитъ изъ одной кавалеріи, безъ пѣхоты и пушекъ. Думаю, что, ободренные этою мыслію, они пойдутъ впередъ, чтобы занять Катово, за что надѣюсь строго наказать ихъ». По полученіи этого донесенія, тотчасъ были посланы изъ Тарутина 2 полка пѣхоты въ подкрѣпленіе Дорохова. Фельдмаршалъ возлагалъ полную надежду на его опытность и былъ увѣренъ, что непріятельскія движенія не ускользнутъ отъ него. Слѣдующія строки изъ донесенія Дорохова могутъ послужить доказательствомъ его вѣрнаго взгляда на военныя соображенія и того, что князь Кутузовъ могъ быть спокоенъ, поручивъ ему наблюденіе одного изъ самыхъ главныхъ путей. «Что касается до движенія Брусье», пишетъ Дороховъ, «то полагаю оное необходимымъ для непріятеля по слѣдующимъ причинамъ: коль долго армія французская находилась около Москвы, линія коммуни-

кацiи ея простиралась отъ Можайска до Москвы, но теперь непрiятель находится около Воронова; выбирая себѣ кратчайшее сообщенiе, открылъ оное на Вороново и Ожигово и оттоль на Кубинское и Можайскъ. Для прикрытiя сей линiи нужны ему Фоминское и Борисовъ. Но, такъ какъ сiе дѣйствiе непрiятеля можетъ быть предварительнымъ движенiемъ цѣлой его армiи на Боровскъ, то я за нужное почелъ взять всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе быть извѣщаему о всѣхъ его движенiяхъ». Это донесенiе свидѣтельствуетъ также, что безъ мѣры прославленное движенiе Наполеона на новую Калужскую дорогу было предусмотрѣно Дороховымъ и отнюдь не удивило русскихъ, какъ о томъ пишутъ иностранцы.

Но по одному только донесенiю Дорохова князь Кутузовъ не могъ оставить Тарутинскiй лагерь со всею армiею, не будучи вполнѣ увѣренъ въ истинныхъ замыслахъ Наполеона. Легко могло случиться, что Наполеонъ отрядилъ часть войскъ къ Фоминскому, единственно намѣреваясь выманить фельдмаршала изъ неприступнаго Тарутина. Важны были минуты; все дѣло состояло въ искусствѣ маневрировать. Князь Кутузовъ началъ съ того, что послалъ Дохтурова съ его корпусомъ, легкою гвардейскою кавалерiйскою дивизiею и частью конной тульской дружины черезъ Аристово къ Фоминскому, приказавъ ему схватить Брусье и удостовѣриться въ намѣренiяхъ Наполеона, не вступая, однако, въ дѣло, если непрiятель окажется въ превосходныхъ силахъ. Дохтурову подчинили также отрядъ Дорохова и дали двухъ партизановъ, Сеславина и Фигнера. Въ то-же время Милорадовичу велѣно сдѣлать ложное нападенiе на Вороново, и вообще на непрiятеля, стоявшаго на старой Калужской дорогѣ, съ цѣлью занять его во время движенiя Дохтурова на Фоминское и тѣмъ отвлечь вниманiе, не допуская отправить подкрѣпленiе къ Брусье въ Фоминское. 10 октября, рано поутру, Дохтуровъ выступилъ изъ Тарутина, приказавъ Сеславину и Фигнеру, каждому съ партiею изъ 500 конницы, идти впередъ, открывать движенiе непрiятеля и присылать частыя донесенiя. Подъ вечеръ корпусъ пришелъ въ Аристово и расположился тамъ на нѣсколько часовъ. Вскорѣ явился Дороховъ и донесъ, что онъ замѣтилъ около Фоминскаго и за Нарою биваки, огни и артиллерiю, но, вслѣдствiе лѣсистости мѣстъ, силъ непрiятеля опредѣлить не можетъ. Дохтуровъ рѣшился ожидать въ Аристовѣ извѣстiй отъ партизанъ, находившихся на лѣвомъ берегу Нары. Онъ ждалъ не долго. Черезъ 2 часа, въ половинѣ 9-го, прiѣхалъ Сеславинъ, ведя съ собою нѣсколько схваченныхъ имъ гвардейцевъ Наполеона. Плѣнные показали, что въ Быкасовѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Фоминскаго, расположились на ночлегъ корпусъ Нея, двѣ дивизiи гвардiи и самъ Наполеонъ, что эти войска уже пятый день выступили изъ Москвы и вся армiя идетъ по той-же дорогѣ отъ Мочей къ Быкасову, а въ Москвѣ, кромѣ больныхъ, никого не осталось, и взорвано множество снарядовъ, за неимѣнiемъ лошадей къ отправленiю ихъ вслѣдъ за выступившими оттуда войсками. Плѣнные закончили показанiемъ о слухахъ, распространенныхъ въ непрiятельской армiи о предположенiи Наполеона идти на Можайскую дорогу. Тогда-же явился къ Дохтурову дворовый человѣкъ изъ Боровска и объявилъ, что самъ видѣлъ, какъ входили туда непрiятели. Въ то-же время Дороховъ извѣстилъ о занятiи французами Боровска. Донося фельдмаршалу обо всемъ этомъ, Дохтуровъ присовокупилъ:

«Я остановилъ корпусъ въ Аристовѣ и далѣе не пойду, ибо вблизи большія непріятельскія силы не даютъ возможности аттаковать. Кавалерію подвину я впередъ для наблюденія за непріятелемъ, не выпуская его изъ вида. На Боровскую дорогу пошлю сильнѣйшія партіи узнать о количествѣ и родѣ войскъ, туда слѣдующихъ, что довольно можетъ обнаружить непріятеля».

Доставленіе князю Кутузову такого важнаго донесенія поручено было находившемуся при Дохтуровѣ за дежурнаго штабъ-офицера Болговскому. Не довѣряя быстротѣ своей лошади, Болговской взялъ для перемѣны нѣсколько другихъ лошадей и, несясь съ возможною скоростью, прискакалъ въ Леташевку прямо къ Коновницыну, который, вмѣстѣ съ полковникомъ Толемъ, немедленно понесъ къ фельдмаршалу привезенное донесеніе и черезъ нѣсколько минутъ, по приказанію его, ввелъ въ его избу Болговскаго. Фельдмаршалъ сидѣлъ на постели, въ сюртукѣ, потому что на войнѣ никогда по ночамъ не раздѣвался. Чувство радости сіяло въ глазахъ его. «Скажи, другъ мой», спросилъ онъ посланнаго, «что такое за событіе, о которомъ привезъ ты мнѣ вѣсть? Неужелл воистину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, оно дрожитъ!» Болговской донесъ подробно обо всемъ, происходившемъ въ Аристовѣ. Когда онъ окончилъ разсказъ, князь Кутузовъ заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, произнесъ слѣдующія слова: «Боже, Создатель мой! наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!» Затѣмъ фельдмаршалъ приказалъ: 1) Дохтурову употребить всѣ средства для скорѣйшаго перехода изъ Аристова къ Малоярославцу и прикрытія Боровской дороги до прибытія туда главной арміи. 2) Ему-же тотчасъ отправить 4 казачьихъ полка, усиленнымъ маршемъ, для предупрежденія непріятеля на Боровской дорогѣ. 3) Платову со всѣми казачьими полками и ротою конной артиллеріи идти къ Малоярославцу. 4) Всей арміи быть готовою къ выступленію. 5) Милорадовичу сдѣлать обозрѣніе, стараясь открыть настоящее расположеніе непріятельскаго авангарда, и, если этотъ авангардъ станетъ дѣлать фланговый маршъ вверхъ по Нарѣ, то отдѣлить казаковъ и часть кавалеріи для наблюденій за его движеніемъ, а самому Милорадовичу, съ 2-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами и кавалеріею, идти вслѣдъ за арміею. 6) Партизану князю Кудашеву направиться для поисковъ на старую Калужскую дорогу. 7) Калужскому губернатору Каверину принять всѣ нужныя въ такихъ обстоятельствахъ мѣры.

Вскорѣ послѣ разсылки повелѣній, Милорадовичъ донесъ, что вслѣдствіе ложнаго нападенія на Вороново, предписаннаго ему наканунѣ, когда Дохтуровъ пошелъ къ Аристову, и по всѣмъ извѣстіямъ, какія можно было собрать, открылось, что непріятель тянется къ новой Калужской дорогѣ. Такимъ образомъ, не осталось и тѣни сомнѣнія въ умыслахъ Наполеона. Очевидно было, что онъ производилъ большое движеніе, намѣреваясь обойти Тарутинскій лагерь слѣва и достигнуть Калуги черезъ Боровскъ и Малоярославецъ. Слѣдовало спѣшить для преграждения ему пути, а такъ какъ уже нельзя было предупредить его въ Боровскѣ, то князь Кутузовъ рѣшилъ вести армію на Малоярославецъ и тамъ, совмѣстно съ Дохтуровымъ и Платовымъ, дать Наполеону отпоръ. Выступленіе изъ Тарутина замедлилось нѣсколькими часами, потому что подъ конецъ пребыванія въ

укрѣпленномъ лагерѣ приходилось посылать верстъ за 20 и далѣе на фуражировку, куда наканунѣ было отправлено много лошадей изъ конныхъ полковъ и артиллеріи. Когда фуражиры возвратились, армія двинулась изъ Тарутина, 11-го октября послѣ полудня, черезъ Леташевку и Спасское. Милорадовичу велѣно, на другой день съ разсвѣтомъ, слѣдовать за арміею съ авангардомъ по той самой дорогѣ, по которой она пошла, а казакамъ его—прикрывать маршъ со стороны Боровска. Еще до полученія этого повелѣнія Милорадовичъ послалъ своего адъютанта Киселева съ казачьею партіею къ Москвѣ, приказавъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли очищена она отъ непріятеля, и узнать, что въ ней происходило. Киселевъ вошелъ въ Москву вскорѣ послѣ выступленія оттуда Мортье; такимъ образомъ было возстановлено прерванное въ теченіе шести недѣль прямое сообщеніе арміи съ столицею.

Къ вечеру 11-го октября за арміею тронулись обозы, и Тарутинскій лагерь совсѣмъ опустѣлъ.

Благодарность современниковъ превзошла скромныя желанія князя Кутузова, и Тарутино, гдѣ былъ первый разсвѣтъ побѣды, украсилось и первымъ сооруженнымъ во славу Отечественной войны памятникомъ. Сынъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, получивъ Тарутино въ наслѣдство отъ госпожи Нарышкиной, испросилъ въ 1828 году позволеніе отпустить крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, желая, чтобы это село никогда не переходило въ руки частнымъ лицамъ. Крестьяне чувствовали, что такимъ пожертвованіемъ помѣщика они обязаны случаю, приведшему въ 1812 году русскую армію на ихъ земли, и изъявили готовность воздвигнуть монументъ на собственный свой счетъ. Когда императоръ Николай Павловичъ соизволилъ на желаніе графа Румянцева и просьбу крестьянъ, приступлено, было къ сооруженію памятника, который оконченъ и освященъ въ 1834 году. На немъ помѣщена слѣдующая надпись: «На семъ мѣстѣ россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу».

Составъ и общая сила арміи, 11-го октября, были слѣдующіе: Пѣхотные корпусы: 2-й, князя Долгорукова, 3-й, графа Строганова, 4-й, графа Остермана, 5-й, или гвардейскій, Лаврова, 6-й, Дохтурова, 7-й, Раевскаго, и 8-й, Бороздина. Кавалерійскіе корпусы: 1-й барона Миллера-Закомельскаго, 2-й (къ которому послѣ Бородинскаго сраженія присоединенъ и 3-й) барона Корфа, 4-й Васильчикова, и кирасирскій князя Голицына. Артиллеріею командовалъ баронъ Левенштернъ. Во всѣхъ корпусахъ было:

Пѣхоты, въ томъ числѣ 5,498 челов. ополченія.—	76,629	человѣкъ.
Конницы, кромѣ казачьихъ войскъ	10,711	»
Артиллеріи.	8,959	»
Піонеровъ	813	»
Итого, кромѣ казаковъ . .	97,112	человѣкъ.
Орудій.	929	

Вычтя изъ 97,112 человѣкъ, состоявшихъ подъ ружьемъ, 5,498 ополченія, остается регулярныхъ войскъ 91,614 человѣкъ. При вступленіи въ Тарутинскій лагерь, 22-го сентября, было регулярныхъ

войскъ 62,033 человѣка; слѣдовательно, во время трехнедѣльнаго пребыванія при Тарутинѣ армія усилена 29,131 человѣкомъ регулярныхъ войскъ, да, сверхъ того, 26-ю донскими и нѣсколькими другими казачьими полками. Начальство надъ всѣми войсками князь Кутузовъ раздѣлилъ на двѣ части. Бывшему главнокомандующему 3-й арміи, Тормасову, 8-го октября пріѣхавшему изъ Любомля въ Тарутино, онъ подчинилъ составлявшіе собственно главную армію пѣхотные корпусы 3-й, 5-й, 6-й и часть 7-го, 1-й кавалерійскій и обѣ кирасирскія дивизіи, а Милорадовичу отдалъ въ завѣдываніе находившіеся въ авангардѣ корпусы, пѣхотные 2-й и 4-й и часть 7-го, да кавалерійскіе 2-й и 4-й. Почти всѣ казачьи полки были размѣщены въ отдѣльныхъ отрядахъ и партіяхъ.

VII.

Сраженіе при Малоярославцѣ.

Небольшой, до тѣхъ поръ едва извѣстный, уѣздный городъ Калужской губерніи, Малоярославецъ, на правомъ берегу рѣки Лужи, сталъ центромъ куда 11-го октября устремились воевавшія арміи. Къ нему шелъ Наполеонъ изъ Фоминскаго, для открытія себѣ пути въ Калугу, и туда-же направился князь Кутузовъ изъ Тарутина, чтобы пересѣчь непріятелю дорогу. Изъ нашихъ генераловъ Дохтуровъ былъ ближе всѣхъ къ Малоярославцу, находясь въ Аристовѣ, откуда долженъ былъ поспѣшить къ угрожаемому мѣсту. Повелѣніе князя Кутузова было привезено Дохтурову поутру 11-го числа. Онъ тотчасъ-же выступилъ съ пѣхотою прямо на Спасское, приказавъ Дорохову, со всею конницею, держаться на одной высотѣ съ пѣхотою, идти внизъ по Протвѣ и наблюдать Боровскую дорогу. Дорохову видно было движеніе по ней непріятелей къ Малоярославцу. Бѣжавшій слуга французскаго генерала извѣстилъ его, что Наполеонъ въ 10-ть часовъ утра прибылъ въ Боровскъ, и къ вечеру ожидали туда его гвардію, для продолженія слѣдующимъ утромъ марша на Калугу.

Непріятелямъ предстоялъ болѣе краткій путь отъ Боровска до Малоярославца, чѣмъ Дохтурову, и, кромѣ того, они имѣли выгоду идти столбовою дорогою, между тѣмъ какъ Дохтуровъ долженъ былъ пробираться проселками. Наша пѣхота удвоила шагъ. По расчету времени и общему усердію людей казалось возможнымъ предупредить Наполеона въ Малоярославцѣ, какъ вдругъ представилось неожиданное препятствіе. При извѣстіи о вступленіи непріятеля въ Боровскъ, обыватели села Спасскаго истребили плотины на Протвѣ; рѣка стала такъ глубока, отъ спущенныхъ мельницъ, что переправиться войскамъ безъ моста было нельзя. Узнавъ объ остановкѣ по рапорту Дохтурова, князь Кутузовъ подтвердилъ ему приказаніе прибыть въ Малоярославецъ до разсвѣта, употребивъ всѣ возможныя средства для скорѣйшей постройки мостовъ на Протвѣ, а по переправѣ корпуса оставить при нихъ два батальона, съ двумя орудіями. Въ мостахъ при Спасскомъ чувствовалось тѣмъ большая необходимость, что черезъ нѣсколько часовъ послѣ того должна была проходить по нимъ армія, на маршѣ своемъ изъ Тарутина. Несмотря на всю дѣятельность, надъ мостами трудились болѣе 6-ти часовъ. Наконецъ, работа была приведена къ окончанію, и въ два часа попо-

лунoчи Дохтуровъ переправился черезъ Протву, гдѣ примкнула къ нему конница, отряженная имъ днемъ направо. Дохтуровъ продолжалъ движеніе ночью, и за часъ до наступленія дня, 12-го октября, прибылъ къ Малоярославцу. Въ виду этого города уже стоялъ Платовъ, съ казаками и ротою конной артиллеріи, заранѣе отправленный туда изъ Тарутина, съ повелѣніемъ князя Кутузова, по прибытіи къ Малоярославцу, послать отряды для наблюденія дороги изъ Можайска въ Калугу черезъ Медынь.

Какъ ни ускорялъ Дохтуровъ марша, но непріятель предупредилъ его занятіемъ Малоярославца, къ счастью, однако, незначительными силами, вслѣдствіе того, что вслѣдъ за своимъ авангардомъ, состоявшимъ изъ корпуса вице-короля, Наполеонъ тихо подвигалъ армію изъ Фоминскаго на Боровскъ и былъ увѣренъ, что князь Кутузовъ не замедлитъ явиться на его лѣвомъ флангѣ, у Боровска. Вице-король, съ которымъ Наполеонъ неоднократно разсуждалъ объ этомъ предположеніи, раздѣлялъ его мнѣніе. Видѣнные Наполеономъ, два дня сряду, безпрестанно въ лѣвой сторонѣ казаки отряда Дорохова, подавали ему поводъ къ заключенію, что донцы принадлежатъ къ авангарду нашей главной арміи, которая, вѣроятно, находилась въ не далекомъ отъ нихъ, разстояніи. Его заблужденію способствовало также прибытіе Дохтурова въ Аристово. Въ догадкахъ о намѣреніяхъ князя Кутузова потрачено Наполеономъ много дорогого для него времени. Выступивъ изъ Москвы поутру 7-го октября, онъ былъ по прошествіи четырехъ дней, 11-го вечеромъ, только что въ Боровскѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 88½ верстахъ. Наконецъ, не видя съ лѣвой стороны появленія Кутузова, Наполеонъ приказалъ продолжать движеніе къ Малоярославцу, не оставляя, однако, прежняго ложнаго своего убѣжденія, что, вѣроятно, будетъ вскорѣ атакованъ съ лѣваго фланга. Для этого приказано было находившейся въ авангардѣ дивизіи Дельзона отступить, какъ только позади ея, у Боровска, послышатся пушечные выстрѣлы. По той-же причинѣ и Дельзонъ, подойдя 11-го числа пополудни къ Малоярославцу, послалъ туда только 2 батальона, но всею дивизіею не занялъ города, а остановился на лѣвомъ берегу Лужи, сохраняя возможность скорѣйшаго отступленія къ Боровску, когда будетъ приказано. Соглашаясь съ мнѣніемъ вице-короля, своимъ корпуснымъ командиромъ, Дельзонъ ожидалъ скорѣе повелѣнія возвратиться къ Боровску, чѣмъ приказанія идти впередъ на Калугу. Если-бы Наполеонъ не останавливалъ арміи въ Фоминскомъ и Боровскѣ и со всѣми силами, какъ рѣшился въ Москвѣ, шелъ прямо на Малоярославецъ, то встрѣтилъ-бы только Дохтурова и Платова. Этого не случилось, и 11-е октября прошло съ одной стороны въ быстромъ движеніи князя Кутузова къ Малоярославцу, а съ другой въ колебаніи Наполеона.

Настало 12-е октября. Дохтуровъ далъ войскамъ краткій отдыхъ послѣ усиленнаго перехода изъ Аристова; потомъ, не желая допустить непріятеля утвердиться въ Малоярославцѣ, послалъ въ 5 часовъ темнаго утра два егерскихъ полка выбить французовъ изъ занятаго ими квартала. Егеря прогнали непріятеля до нижней части города, гдѣ французы удержались въ болѣе укрѣпленныхъ мѣстахъ. Успѣхъ егерей былъ непродолжителенъ. Дельзонъ ввелъ въ огонь всю свою дивизію и оттѣснилъ егерей, получившихъ, между тѣмъ,

подкрѣпленіе. Пріѣхалъ вице-король. Встрѣтивъ корпусъ Дохтурова, онъ оставилъ мысль о появленіи князя Кутузова слѣва и приказалъ спѣшить къ полю сраженія остальнымъ тремъ дивизіямъ своего корпуса: Брусье, Пино и гвардейской. Онѣ прибыли не ранѣе 11-ти часовъ утра. До тѣхъ поръ Малоярославецъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и Дельзонъ былъ убитъ. Вскорѣ пришла дивизія Брусье и вступила въ городъ, куда и Дохтуровъ посылалъ одинъ полкъ за другимъ. Въ улицахъ загорѣлось самое упорное сраженіе, но побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Софійскій и Либавкій полки нѣсколько разъ кидались въ штыки. Наши батареи, особенно стоявшія влѣво отъ Малоярославца, сильно поражали непріятеля во время перехода его черезъ мостъ. Для дѣйствія конницы не было мѣста въ городѣ, и она оставалась для наблюденія за бродами и дорогами къ Спасскому, откуда должна была придти наша главная армія. Дохтуровъ ожидалъ ея прибытія съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что у него оставалось въ резервѣ мало пѣхоты, и онъ могъ видѣть съ возвышеній свѣжія непріятельскія колонны, подвигавшіяся къ Малоярославцу. То были дивизіи Пино, итальянская гвардія и корпусъ Даву, которому Наполеонъ велѣлъ идти для подкрѣпленія сражавшихся, когда на дорогѣ изъ Боровска получилъ отъ вице-короля донесеніе о начавшемся боѣ. Самъ Наполеонъ пріѣхалъ къ Малоярославцу въ полдень и остановился на берегу Лужи. Осмотрѣвъ мѣсто битвы, онъ приказалъ навести понтонный мостъ выше Малоярославца, но его главное вниманіе было обращено не столько на сраженіе, сколько на лѣвую сторону, къ Спасскому, откуда могъ придти князь Кутузовъ. Вскорѣ собственными глазами онъ удостовѣрился въ приближеніи русской арміи, что послужило обстоятельствомъ самымъ неблагопріятнымъ, какое только могло случиться въ его положеніи. Изъ-за облаковъ пыли, блеснули штыки и ружейные стволы. Наполеонъ не могъ долѣе сомнѣваться, что князь Кутузовъ торопился пересѣчь ему желанный путь въ Калугу.

Всю ночь шелъ фельдмаршалъ изъ Тарутина, съ корпусами: графа Строганова, Раевскаго, Бороздина, гвардіею и всею находившеюся въ Тарутинѣ конницею. Милорадовичъ, съ корпусами князя Долгорукаго, графа Остермэна и кавалеріею авангарда, былъ еще позади. При выступленіи изъ Тарутина войскамъ показалось, что ихъ ведутъ не противъ французовъ, но назадъ. Въ грустномъ раздумьѣ промаршировали они всю длинную, темную ночь. На разсвѣтѣ послышался гулъ выстрѣловъ. Громъ орудій становился съ каждымъ шагомъ внятнѣе, и, къ неизъяснимой радости войскъ, они увидѣли, что приближаются къ полю сраженія. Переправившись черезъ Протву и не доходя до Малоярославца 5 верстъ, князь Кутузовъ велѣлъ сдѣлать привалъ, составить ружья и отдохнуть, а самъ сѣлъ посреди колоннъ на скамейку. Только корпусъ Раевскаго продолжалъ маршъ къ Малоярославцу. Желая подробно узнать о положеніи дѣлъ, князь Кутузовъ послалъ впередъ Коновницына. По своему обыкновенію, Коновницынъ не удовольствовался однимъ обозрѣніемъ, и съ первыми встрѣченными имъ войсками ударилъ на непріятеля. Потомъ пришелъ Раевскій и рѣшительно возстановилъ бой въ нашу пользу. Въ 6-й разъ городъ остался за нами, исключая крайнихъ домовъ близъ Лужи, гдѣ французы удержались.

Вице-король усилилъ свои войска дивизіею Пино. Не бывшая

еще съ начала похода въ огнѣ дивизія яростно аттаковала насъ. Въ головѣ полковъ шли офицеры генеральнаго штаба, принадлежавшіе къ лучшимъ фамиліямъ Италіи. Они хотѣли блеснуть храбростью предъ французами, но большая часть ихъ была убита и ранена: въ числѣ раненыхъ находился и дивизіонный начальникъ. Вслѣдъ за дивизіею Пино пришли итальянская гвардія и двѣ дивизіи Даву и начали переправляться по понтонному мосту. Не обращая вниманія на огонь нашихъ батарей, стрѣлявшихъ по мостамъ, непріятели ворвались въ Малоярославецъ и овладѣли имъ, среди разлившагося по всѣмъ улицамъ пламени. Дохтуровъ и Раевскій должны были отступить за городъ, на самое близкое разстояніе, гдѣ и поставили батареи. Въ густыхъ колоннахъ выступилъ непріятель изъ города и аттаковалъ нашу линію, но, встрѣченный картечью, поворотилъ назадъ, преслѣдуемый, въ свою очередь, русскими батареями, стрѣлками и колоннами. Командовавшій гвардейскою конною артиллеріею полковникъ Козенъ приказалъ для скорѣйшаго дѣйствія зарядить на мѣстѣ 4 орудія картечью, подскакалъ съ ними къ Калужской заставѣ, гдѣ едва могъ выстроиться среди лежавшихъ на землѣ мертвыхъ и раненыхъ, и такъ удачно стрѣлялъ, что до конца сраженія не дозволялъ непріятелю показываться изъ заставы. Въ улицахъ кипѣлъ самый кровопролитный бой. Случалось, что французы минутно брали верхъ, но не могли выходить изъ города на нашу сторону, не подвергаясь перекрестному огню русскихъ пушекъ. И наши встрѣчали преграды, каждый разъ, когда, оттѣснивъ непріятелей, устремлялись къ мосту, такъ какъ на лѣвомъ берегу Лужи были батареи и одна изъ нихъ, поставленная Наполеономъ, дѣйствовала подъ личнымъ его распоряженіемъ. Слѣдовательно, битва ограничивалась пространствомъ, которое занимаетъ Малоярославецъ, гдѣ дрались съ перемѣннымъ успѣхомъ, но съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Часть переправившихся по понтонному мосту непріятелей стала лѣвѣе отъ города. Между тѣмъ, всѣ пришедшіе изъ Тарутина корпусы выстроились на новой Калужской дорогѣ, подъ непріятельскими ядрами, перелетавшими чрезъ князя Кутузова; вокругъ него свистѣли даже пули. Напрасно окружающіе упрашивали его удалиться изъ-подъ выстрѣловъ. Онъ оставался на мѣстѣ, желая удостовѣриться собственными глазами въ намѣреніяхъ Наполеона: дѣло шло о результатѣ всего похода, а потому ни въ одномъ изъ сраженій Отечественной войны князь Кутузовъ не оставался такъ долго подъ выстрѣлами непріятеля, какъ въ Малоярославцѣ. Въ непродолжительномъ времени, гораздо ранѣе, чѣмъ ожидали, подоспѣлъ Милорадовичъ, пройдя въ одинъ день слишкомъ 50 верстъ. Обрадованный его появленіемъ фельдмаршалъ обнялъ его, сказавъ: «Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы». Въ это время Наполеонъ размѣстилъ на высотахъ лѣваго берега Лужи остальныя дивизіи корпуса Даву, гвардію и конницу. Къ вечеру съ обѣихъ сторонъ стояли свѣжія, готовыя къ рѣшительному сраженію, войска. Между тѣмъ, въ то-же время Мортье находился на маршѣ изъ Москвы къ Вереѣ, Ней между Боровскимъ и Фоминскимъ, Понятовскій около Медыни. Медленность движеній Наполеона изъ Москвы до Боровска и разобщеніе войскъ его въ день малоярославецкаго сраженія, т. е., въ самую рѣшительную минуту войны, показываютъ, до какой степени онъ былъ нравственно

пораженъ въ Москвѣ. Въ немъ начала обнаруживаться мнительность, явленіе новое въ его характерѣ, и отнимать у него много драгоцѣннаго времени.

Хотя князь Кутузовъ достигъ своей цѣли, состоявшей въ предупрежденіи Наполеона на новой Калужской дорогѣ, однако-же, онъ этимъ не удовольствовался. Онъ желалъ не дать французамъ утвердиться въ Малоярославцѣ и имѣть его въ своей власти для дѣйствій, какія могли произойти на другой день. Призвавъ Коновницына, фельдмаршалъ сказалъ ему: «Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ». Коновницынъ повелъ съ собою 3-ю пѣхотную дивизію, князя Шаховского, подкрѣпилъ ею сражавшіеся въ городѣ полки и оттѣснилъ французовъ. Вслѣдъ за Коновницынымъ пошелъ 8-й корпусъ Бороздина, съ порученіемъ смѣнить утомленныя сраженіемъ войска и остаться на ночь въ городѣ. Вечерній сумракъ не прекращалъ перестрѣлки. Одна часть испепеленнаго Малоярославца осталась за непріятелемъ, другая—за нами. Въ нашей и непріятельской арміи выбыло изъ строя тысячъ по 5-ти. У французовъ убито 2 генерала и три ранено. Изъ русскихъ генераловъ раненъ одинъ, Дороховъ, пулею въ пятку. Онъ страдалъ болѣе двухъ лѣтъ и скончался отъ этой раны. Передъ смертью, онъ написалъ къ верейскимъ жителямъ слѣдующее: «Если вы слышали о генералѣ Дороховѣ, который освободилъ вашъ городъ отъ врага отечества нашего, почтенные соотчичи! то ожидаю отъ васъ за сіе воздаянія: дать мнѣ три аршина земли для вѣчнаго моего успокоенія при той церкви, гдѣ я взялъ штурмомъ укрѣпленіе непріятеля, истребивъ его на голову, и за что дѣти мои будутъ вамъ благодарны». Просьба Дорохова была исполнена: тѣло его положено въ Рождественскомъ соборѣ. Дороховъ за сраженіе подъ Малоярославцемъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени.

Поздно вечеромъ возвратился Наполеонъ съ гвардіею въ Городню, верстахъ въ 10-ти отъ Малоярославца, на Боровской дорогѣ. Ночью онъ призвалъ на совѣтъ Бертье, Мюрата и Бессьера и сказалъ имъ: «Прибытіе Кутузова на Калужскую дорогу совсѣмъ перемѣнило положеніе дѣлъ!» Послѣ этихъ словъ онъ взялся руками за голову и, опершись локтями о столъ, неподвижно вперилъ глаза въ лежавшую передъ нимъ карту. Приглашенные на совѣщаніе маршалы съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга, въ ожиданіи, что Наполеонъ прерветъ безмолвіе, живо выражавшее его недоумѣніе относительно его будущихъ дѣйствій. Послѣ долгаго молчанія, Наполеонъ отпустилъ маршаловъ, не объявивъ имъ своего мнѣнія. Вслѣдъ затѣмъ было послано повелѣніе Даву принять начальство надъ авангардомъ съ предупрежденіемъ, что поутру Наполеонъ придетъ къ Малоярославцу съ гвардіею. Нею приказано съ двумя дивизіями идти туда-же, а двѣ другія дивизіи оставить у Боровска, для прикрытія парковъ и огромнаго количества скопившихся тамъ тяжестей. Итакъ, Наполеонъ рѣшился пробиваться. Князь-же Кутузовъ имѣлъ твердое намѣреніе не уклоняться отъ сраженія, а потому не трогалъ войскъ съ мѣста, гдѣ они стояли весь день, и самъ расположился на бивакахъ въ ружейномъ выстрѣлѣ отъ Малоярославца. Ночь была теплая, о чемъ также надобно упомянуть въ опроверженіе ложнаго мнѣнія иностранцевъ, будто одни морозы были причиною пораженія непріятелей въ Россіи. Побѣды надъ ними начались гораздо ранѣе наступленія стужи. Когда подъ Тарути-

нымъ разбили Мюрата и дали грозный отпоръ Наполеону подъ Малоярославцемъ, погода была наиболѣе благопріятная.

У насъ въ лагерѣ все утихло; не было повода думать о какомъ-либо особенномъ происшествіи до утра, какъ вдругъ неожиданно послѣ полуночи донесли князю Кутузову, что передовая цѣпь Бороздина, безъ выстрѣла и приказанія, отступила изъ Малоярославца, который и заняли французы. Нельзя было впотьмахъ видѣть, какимъ образомъ Наполеонъ воспользуется нечаяннымъ случаемъ, предоставившимъ городъ во власть его, и знать, сколько войскъ введетъ онъ для предстоящей на другой день аттаки. Мѣстность не дозволяла принять нападенія въ той позиціи, гдѣ стояла наша армія: сзади находились овраги, и нельзя было употребить нашей кавалеріи, обѣщавшей намъ въ сраженіи рѣшительный перевѣсъ. Возобновить бой ночью тоже было неудобно, а потому князь Кутузовъ приказалъ арміи занять, до разсвѣта, другую позицію, въ 2½ верстахъ позади первой. Передвиженіе войскъ исполнено ночью, съ 12-го на 13-е октября; только Милорадовичу велѣно было не трогаться и стоять въ виду города, на прежней позиціи. Донося государю въ краткихъ словахъ о происшествіяхъ дня, фельдмаршалъ писалъ: «Завтра, полагаю, должно быть генеральное сраженіе, безъ котораго я ни подъ какимъ видомъ Наполеона въ Калугу не пущу». Въ самой Калугѣ, гдѣ уже за два дня передъ тѣмъ получили отъ князя Кутузова извѣщеніе о движеніи непріятеля на Малоярославецъ, всѣ жители переселились на правый берегъ Оки, на которой наведены были два моста и стояло много судовъ и лодокъ. На нихъ перевозили за рѣку хлѣбные припасы, снаряды, казенное имущество. Раненыхъ и больныхъ отослали въ Бѣлевъ и Одоевъ. Въ самый день сраженія при Малоярославцѣ, въ 58-ми верстахъ отъ губернскаго города, калужане отъ старца, до младенца, толпами стояли у огней, разложенныхъ на возвышенныхъ берегахъ Оки, ожидая своей участи, съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать отъ нашествія непріятеля и ничего не оставлять ему въ добычу. На случай, если-бы не успѣли отправить всѣхъ казенныхъ запасовъ, были приготовлены для сожженія ихъ горючія вещества.

VIII.

Отъ Малоярославца до рѣшительнаго отступленія непріятелей.

13-го октября, Наполеонъ хотѣлъ аттаковать, а князь Кутузовъ намѣревался принять сраженіе. На разсвѣтѣ не видно было въ обгорѣломъ, дымившемся Малоярославцѣ ни одного непріятельскаго стрѣлка: всѣ они, попрятавшись, сидѣли за развалинами домовъ и заборовъ. Во все утро французы не трогались. Князь Кутузовъ приказалъ Милорадовичу отойти назадъ и присоединиться къ арміи. Полки авангарда, стоявшіе всю ночь подъ ружьемъ, отступали медленно. Непріятель пустилъ въ нихъ изъ города нѣсколько гранатъ; онѣ лопнули въ воздухѣ, не причинивъ вреда. Одна легкая кавалерія наша осталась передъ Малоярославцемъ, откуда непріятель, при отступленіи Милорадовича, вывелъ нѣсколько войскъ, протянулъ свое правое крыло по направленію къ Медыни и, по временамъ, но безъ цѣли, стрѣлялъ изъ пушекъ. Готовый принять Наполеона князь Кутузовъ ожидалъ извѣстій объ его движеніяхъ отъ Платова, который во время происходившаго наканунѣ сраженія, съ 20-ю казачьими полками,

стоялъ отдѣльно отъ арміи, влѣво, по берегу Лужи. Отсюда атаманъ долженъ былъ наблюдать дорогу, ведущую изъ Боровска въ Малоярославецъ, тревожить непріятелей въ тылъ и правый флангъ и тѣмъ утомлять вниманіе и силы Наполеона. Въ теченіе всего 12-го октября, когда шло сраженіе подъ Малоярославцемъ. Платовымъ не сдѣлано было наступательнаго движенія. Раздраженный его бездѣйствіемъ князь Кутузовъ послалъ ему строжайшее повелѣніе непремѣнно произвести ночью вылазку.

Въ ночь съ 12-го на 13-е октября, Платовъ отрядилъ три сильныя партіи на лѣвый берегъ Лужи. Выступивъ изъ лагеря, партіи шли на одной высотѣ, находясь между собою въ разстояніи версты. Часу въ 4-мъ пополуночи онѣ переправились черезъ Лужу, двинулись съ величайшею тишиною къ столбовой дорогѣ и остановились, увидя за нею бивачные огни непріятелей. Стали всматриваться и замѣтили тянувшееся по дорогѣ войско, пѣшее и конное, имѣвшее между собою частые промежутки. То была непріятельская артиллерія, слѣдовавшая изъ Боровска къ Малоярославцу. Начальники казачьихъ партій съѣхались и, переговоривъ, рѣшили ударить на орудія. Сперва донцы пошли шагомъ, потомъ рысью, наконецъ, съ обычными криками высыпали на дорогу. Завидя ихъ, французская артиллерія своротила въ сторону, стараясь спастись по полямъ, но была настигнута, причемъ схвачено болѣе 50-ти орудій. Пока одни изъ казаковъ поворачивали пушки, намѣреваясь увезти ихъ, другіе кинулись на обозы, а иные понеслись далѣе за дорогу и наскакали прямо на три кавалерійскихъ взвода, стоявшихъ неподвижно на мѣстѣ. Посреди ихъ находился Наполеонъ. Заря только что занималась, и во мракѣ нельзя было примѣтить его. Казаки не аттаковали регулярной кавалеріи и продолжали въ разсыпную колоть, забирая что попадалось. Наполеонъ очутился тутъ слѣдующимъ образомъ. Въ 5-мъ часу поутру онъ поѣхалъ изъ Городни въ Малоярославецъ, въ сопровожденіи только 3-хъ взводовъ, такъ какъ остальной конвой не успѣлъ еще отправиться за нимъ. Дорогою у одного изъ его генераловъ, Паца, упалъ эполетъ. Онъ сошелъ съ лошади поднять его и, наклонясь къ землѣ, услышалъ справа конскій топотъ и ржаніе лошадей. Едва успѣлъ онъ доложить о томъ Наполеону, какъ вся окрестность наводнилась казаками. Наполеонъ обнажилъ шпагу, принялъ влѣво, на поле, и остановился съ 3-мя конвойными взводами и находившимися при немъ чиновниками. Суматоха подлѣ дороги продолжалась. Тщетны были усилія и крики казачьихъ начальниковъ, старавшихся собрать войско, такъ какъ оно нашло въ обозахъ боченки съ золотомъ. Между тѣмъ, появились изъ Городни конвойные драгуны и конные гренадеры. Вмѣстѣ съ свитою Наполеона они аттаковали донцовъ и принудили ихъ отступить. Наши благополучно переправились черезъ Лужу, захвативъ съ собою богатую добычу деньгами и 11 орудій, заблаговременно, при началѣ нападенія, отправленныхъ въ лагерь Платова. Въ то-же самое время генералъ-маіоръ Кутейниковъ сдѣлалъ набѣгъ близъ Боровска, взялъ много плѣнныхъ, отбилъ обозъ съ церковнымъ серебромъ и между другими бумагами одну весьма важную, рѣчь о которой будетъ впереди.

Послѣ тревоги Наполеонъ продолжалъ путь къ Малоярославцу, обозрѣвалъ поле сраженія и нашу позицію, но не дѣлалъ распоряженій къ бою. Всѣ сопровождавшіе его маршалы, безъ исключенія,

совѣтовали не завязывать дѣла и поспѣшнѣе отступать. Они основывали свои заключенія на двухъ причинахъ: 1) что Кутузовъ непремѣнно приметъ сраженіе, которое, какъ ни кончилось-бы, но во всякомъ случаѣ должно разстроить французскую армію; 2) что раненые останутся безъ пріюта и помощи, а потому единогласно говорили о необходимости отступать къ Смоленску, какъ можно скорѣе. Долго продолжались совѣщанія и обозрѣніе нашей позиціи. Наполеонъ, ни на что не рѣшившись, поѣхалъ обратно въ Городню, въ 5-ть часовъ послѣ обѣда. Такимъ образомъ, предложенное въ теченіе 13-го числа княземъ Кутузовымъ сраженіе не было принято непріятелемъ. Бездѣйствіе Наполеона повело нашего полководца къ заключенію, что, безъ сомнѣнія, грозный противникъ его имѣетъ какіе-либо новые замыслы и что, не успѣвъ при Малоярославцѣ пробиться на Калугу и богатыя хлѣбомъ мѣста, вѣроятно, хочетъ открыть себѣ туда путь черезъ Медынь на Юхновъ. Князь Кутузовъ укрѣпился еще болѣе въ этомъ мнѣніи, получивъ рапортъ находившагося на Медыньской дорогѣ генералъ-маіора Иловайскаго 9-го о появленіи авангарда Понятовскаго при Медыни и удачномъ съ нимъ дѣлѣ, подробности котораго были слѣдующія: стоявшій между Медынью и Кременскимъ казачій полковникъ Быхаловъ извѣстилъ Иловайскаго 9-го, что непріятель, съ 4-мя полками кавалеріи, однимъ пѣхотнымъ и артиллеріею, выступилъ изъ Кременскаго къ Медыни. Иловайскій пошелъ туда съ отрядомъ и, увидѣвъ непріятелей на маршѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Медыни, устроилъ засаду, поставилъ одинъ казачій полкъ на лѣвомъ крылѣ, а другой на правомъ, и въ такомъ положеніи ждалъ поляковъ, тянувшихся по большой дорогѣ за Быхаловымъ. Какъ только они поравнялись съ засадою, на нихъ сдѣлано было стремительное нападеніе съ фланговъ, а Быхаловымъ съ фронта. Непріятель обратился въ бѣгство, потерялъ 5 орудій и много плѣнныхъ, въ томъ числѣ генерала Тишкевича, объявившаго, что онъ составляетъ авангардъ корпуса Понятовскаго. Разбитые поляки отступили къ Кременскому. Тогда-же получена княземъ Кутузовымъ найденная генералъ-маіоромъ Кутейниковымъ, въ отбитомъ близъ Боровска обозѣ, собственноручная записка маршала Бертье къ начальнику топографическаго депо Сансону. Содержаніе ея было слѣдующее: «Постарайтесь собрать свѣдѣнія о старой дорогѣ изъ Москвы черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Песокъ, изъ Песокъ въ Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Масальскъ, изъ Масальска въ Ельню, изъ Ельни въ Смоленскъ». Эта записка, появленіе Понятовскаго на Медынской дорогѣ и соображеніе обстоятельствъ, что Наполеонъ для отступленія своего долженъ избрать какой-либо другой путь, кромѣ голодной, разоренной Смоленской дороги, все заставляло заключать о намѣреніи его направиться на Медынь и Юхновъ. Желая предупредить Наполеона со стороны Медыни и въ то-же время не упустить изъ вида новой Калужской дороги, князь Кутузовъ отошелъ, въ ночь съ 13-го на 14-е къ Детчину, а на позиціи, занятой арміею при Малоярославцѣ, оставилъ Милорадовича. Платову и партизанамъ, князю Кудашеву, Сеславину и Фигнеру, было велѣно наблюдать непріятеля, подходя къ нему какъ можно ближе. Фельдмаршалъ донесилъ государю о своемъ движеніи въ слѣдующихъ словахъ: «Легкія наши войска, простиравшіяся до дороги, ведущей къ Медыни, по которой непріятель могъ еще пробраться въ Калугу, стали

единогласно увѣдомлять, что корпусы его стремятся по сей дорогѣ. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что на ней были уже сраженія между нашими легкими войсками и непріятелями. Очевидно, что намѣреніе Наполеона клонится къ тому, чтобы всѣми способами обойти насъ къ Калугѣ, почему, оставя сильный авангардъ подъ командою Милорадовича, 14-го числа пошелъ я къ селу Детчину».

Не было нужды стоять долѣе при Малоярославцѣ. Захватъ этого города былъ необходимъ только для прикрытія фланговаго марша изъ Тарутина на новую Калужскую дорогу, но, когда маршъ совершился удачно, дѣло шло не объ обладаніи Малоярославцемъ, но о преграждении Наполеону пути на Калугу и Юхновъ, что было гораздо удобнѣе исполнить при Детчинѣ, чѣмъ при Малоярославцѣ. Позиція у Детчина крѣпче и разстояніе отъ нея къ Медынской дорогѣ вдвое ближе, чѣмъ отъ Малоярославца. Возраженіе, что, удаляясь къ Детчину, князь Кутузовъ лишалъ себя возможности преслѣдовать Наполеона при его отступленіи къ Можайску, уничтожается тѣмъ, что тогда и повода не было думать о намѣреніи Наполеона направиться на Можайскъ, въ страну, лишенную всѣхъ средствъ продовольствія, чему, кромѣ донесеній отъ казаковъ о движеніи непріятелей на Медынь, служитъ доказательствомъ и собственное, два дня продолжавшееся въ Городнѣ, колебаніе Наполеона относительно выбора путей отступленія. Какъ только князь Кутузовъ приблизился къ Медыньской дорогѣ и потомъ вышелъ на нее, Наполеону не оставалось дѣлать ничего другого, какъ отступать на Можайскъ, Гжатскъ и Вязьму, по пепелищамъ сожженныхъ городовъ и селеній, гдѣ не было заготовлено никакихъ запасовъ и гдѣ его ожидалъ голодъ. Но при отступленіи Наполеона даже и по этой дорогѣ, князь Кутузовъ, приблизясь къ Медыни, пріобрѣталъ возможность предупредить его кратчайшимъ путемъ у Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска.

Когда наша армія прибыла къ Детчину, 14-го октября поутру, Наполеонъ отправился опять изъ Городни къ Малоярославцу. За нимъ шли гвардія и два кавалерійскихъ корпуса. На половинѣ дороги привезли ему изъ авангарда донесеніе объ отступленіи передовыхъ постовъ нашихъ отъ Малоярославца. Наполеонъ остановился, велѣлъ на полѣ разложить огонь и сѣлъ возлѣ него. Куда и съ какою мыслью отходилъ князь Кутузовъ,—Наполеону не было извѣстно, и потому предстояло рѣшиться на одно изъ двухъ: или идти вслѣдъ за русскою арміею, сразиться съ нею и, оттѣснивъ ее, обезпечить свое движеніе на Юхновъ, или тотчасъ-же, безъ сраженія, отступать къ Днѣпру. Избрать первое значило отдать себя случайностямъ битвы и при пораженіи подвергнуться самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ, не имѣя нигдѣ твердой точки для опоры и сбора разбитой арміи. Что касалось до втораго предположенія—идти къ Днѣпру, то въ этомъ случаѣ предстояли два пути: на Медынь и Ельню, или Можайскъ и Вязьму. Дорога на Ельню была короче, край цѣлъ, но Наполенъ былъ увѣренъ, что на немъ встрѣтитъ русскую армію. Отъ его прозорливости не ускользнуло, что, конечно, дальновидный князь Кутузовъ отошелъ отъ Малоярославца только потому, что, угадавъ замыслы своего противника, хотѣлъ заградить ему всѣ пути къ югу. Наполеонъ рѣшилъ, наконецъ, идти по смоленской дорогѣ, предпочитая бороться на ней съ недостаткомъ въ продовольствіи, чѣмъ на другой пробиваться силою туда, куда замышлялъ идти, выступая изъ Москвы. Повелѣнія, тутъ-

же съ поля между Городнею и Малоярославцемъ разосланныя Наполеономъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) Даву, съ двумя пѣхотными дивизіями и кавалеріею его корпуса, идти весь день за русскимъ арріергардомъ, а вечеромъ, въ 10 часовъ, слѣдуя общему отступательному движенію арміи, возвратиться къ ней черезъ Боровскъ и Верею, истребляя дорогою все, что можно, чтобы тѣмъ самымъ остановить русскихъ и замедлить наше преслѣдованіе. 2) Гвардіи, корпусамъ Нея и вице-короля и всѣмъ тяжестямъ идти черезъ Верею на Можайскъ. 3) Понятовскому остановиться на медынской дорогѣ у Егорьевскаго, для прикрытія отступленія, и потомъ повернуть на Гжатскъ. 4) Корпусу Жюно, стоявшему въ Можайскѣ, и всѣмъ войскамъ, высланнымъ по прежде даннымъ повелѣніямъ изъ Вязьмы къ Юхнову и Ельнѣ, возвратиться въ Вязьму, и 5) выслать изъ Вязьмы какъ можно болѣе продовольствія навстрѣчу арміи, которая должна была возвращаться отъ Малоярославца къ Вязьмѣ. Разославъ эти повелѣнія, Наполеонъ возвратился въ Боровскъ. Такъ совершился переломъ похода и счастія Наполеона! Отъ Малоярославца до Ватерлоо поприще завоевателя представляетъ не что иное, какъ цѣпь пораженій, изрѣдка освѣщаемую проблесками побѣды.

Молчаливо и уныло тронулись непріятели въ обратный путь къ Смоленску. Посреди печальныхъ полковъ задумчиво ѣхалъ Наполеонъ, расчитывая съ Бертье огромное предстоявшее ему разстояніе и время, когда можно будетъ достигнуть Смоленска и Минска, единственныхъ на пути до Вильны городовъ, гдѣ были заготовлены запасы и снаряды. Только Даву остался у Малоярославца и прошелъ впередъ еще нѣсколько, но уже послѣднихъ, верстъ по русской землѣ. Милорадовичъ вскорѣ остановился, замѣтивъ, что непріятельская армія отступила и что за нимъ идётъ только авангардъ. Съ обѣихъ сторонъ открылась канонада, и безъ всякаго вреда продолжалась нѣсколько часовъ, послѣ чего Даву тихо пошелъ назадъ къ Малоярославцу, переправился черезъ Лужу и расположился въ 5-ти верстахъ за нею, на дорогѣ къ Городнѣ. Милорадовичъ занялъ Малоярославецъ, откуда писалъ князю Кутузову: «Я оставилъ противъ Даву казаковъ, 4 полка регулярной кавалеріи и 4 конныхъ орудія для преслѣдованія. Пѣхоту размѣстилъ я по сю сторону города; егерей, съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ, за городомъ на высотахъ, тоже по сю сторону Лужи». Въ Малоярославцѣ изъ 200 дворовъ сгорѣло 180. Улицы были завалены трупами, обгорѣлыми и раздавленными проѣздомъ французскихъ пушекъ. Сотни раненыхъ и умиравшихъ лежали среди смрада курившихся домовъ. На площади оставалась одна церковь, обгорѣвшая сверху до половины; въ каменныхъ стѣнахъ нижней ея части были пробиты непріятелями бойницы. Ея входъ былъ такъ унизанъ русскими пулями, что едва можно было различить находившійся надъ нимъ образъ Спасителя. Содранные съ образовъ мѣдные оклады, съ слабою позолотою, или посеребренные, обманувши блестящею своею наружностью алчность грабителей, валялись по полу, вмѣстѣ съ расколотыми образами и лоскутьями ризъ, среди всякой нечистоты. Царскія двери были выломаны, алтари исколоты, священная утварь разбросана. Образъ Святыя Присно-Дѣвы лишенъ очей, а образъ Спасителя исколотъ холоднымъ оружіемъ осатанѣлыхъ европейцевъ. На одной церкви была французская надпись: «Конюшня генерала Гильемино».

Князь Кутузовъ остановился 14-го октября у Детчина, ожидая донесеній о движеніяхъ непріятеля. Изъ Детчина онъ отправилъ на Медыньскую дорогу младшаго изъ всей арміи по лѣтамъ, но уже громкаго своею службою, дивизіоннаго начальника Паскевича, усиливъ его 26-ю дивизію однимъ драгунскимъ полкомъ, батарейною и конною артиллеріею, и отдавъ ему слѣдующее повелѣніе:

«Вы назначены слѣдовать къ Полотнянымъ заводамъ, на дорогу, идущую изъ Медыни въ Калугу. Прибывъ къ Полотнянымъ заводамъ, сдѣлайте привалъ на 2 часа, слѣдуйте потомъ къ Медыни и, не доходя 15-ти верстъ, остановитесь въ удобномъ мѣстѣ. Казачьи полки Быхалова и Иловайскихъ 9-го и 11-го, находящіеся въ Медыни, имѣютъ состоять въ вашей командѣ. Предметъ назначенія вашего заключается въ томъ, чтобъ имѣть сію дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушенію непріятеля, который былъ-бы въ равныхъ силахъ съ вами, и имѣющаго намѣреніе идти по сей дорогѣ въ Калугу, для чего давайте какъ можно чаще извѣстія о непріятелѣ. Если всѣ силы Наполеона оставятъ новую Калужскую дорогу, въ такомъ случаѣ наша армія перейдетъ къ Полотнянымъ заводамъ».

Прибытіе арміи къ Детчину, въ 37-ми верстахъ отъ Калуги, внушило калужанамъ опасеніе. Они прислали нарочныхъ въ главную квартиру, узнать о предстоявшей имъ грозѣ. Князь Кутузовъ писалъ къ городскому головѣ слѣдующее:

«Именемъ моимъ поручаю вамъ успокоить купеческое и мѣщанское сословія, которыя, какъ я слышалъ, пустыми слухами приведены въ волненіе и опасность. Увѣрьте ихъ, что я ищу дать врагу сраженіе, но никакъ не ретируюсь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобъ выгнать непріятелей изъ предѣловъ нашихъ, но чтобъ, призвавъ въ помощь Всемогущаго Бога, изрыть имъ могилы въ нѣдрахъ Россіи. Уповайте на Бога, молите Его о поддержаніи храбрости нашего воинства, исполняйте ваши обязанности и будьте спокойны. Вы есть и будете защищены».

Увѣренія князя Кутузова не были напрасны. Едва Паскевичъ, передъ разсвѣтомъ 15-го октября, пошелъ къ Медыни, какъ въ 6 часовъ поутру отъ Милорадовича получено было извѣстіе объ отступленіи непріятелей отъ Малоярославца къ Боровску. Немедленно отдано было фельдмаршаломъ три повелѣнія:

1) Паскевичу ускорить маршъ и не останавливаясь идти въ Медынь. 2) Арміи выступить немедленно изъ Детчина на Медыньскую дорогу, къ Полотнянымъ заводамъ. 3) Милорадовичу перейти изъ Малоярославца въ Медынь, оставивъ для наблюденія непріятелей между Малоярославцемъ и Боровскомъ генералъ-маіора Карпова, съ пѣхотною бригадою, 3-мя полками казаковъ и нѣсколькими орудіями. 15-го октября поутру совершалось движеніе арміи къ Полотнянымъ заводамъ, откуда можно было дѣйствовать кратчайшимъ путемъ на Юхновъ и Вязьму. Поминутно стали приходить донесенія, что Наполеонъ потянулся со всѣми силами къ Вереѣ и отправлялъ обозы на Смоленскую дорогу. Отступленіе Наполеона обозначилось ясно, но еще нельзя было видѣть: пойдетъ-ли онъ изъ Боровска на Верею и Можайскъ, или на Медынь и Юхновъ, а потому, въ ожиданіи полнаго развитія предположеній Наполеона, князь Кутузовъ имѣлъ въ Полотняныхъ заводахъ дневку. Она была также нужна для присо-

единенія къ арміи парковъ и провіантскихъ фуръ, отставшихъ отъ арміи при быстромъ переходѣ ея съ старой Калужской дороги на новую. Стараясь не выпускать Наполеона изъ вида, князь Кутузовъ послалъ впередъ большое число легкихъ войскъ. Платовъ, съ 15-ю казачьими полками и партизаны: Кайсаровъ, князь Кудашевъ, Сеславинъ, Ефремовъ и Фигнеръ должны были поближе наблюдать непріятеля и тѣснить его. Графу Орлову-Денисову, съ 6-ю казачьими полками, велѣно идти къ Гжатску, имѣя въ подкрѣпленіе 26-ю пѣхотную дивизію Паскевича. Давыдову, находившемуся съ партіею близъ Вязьмы, послано въ подкрѣпленіе 2 казачьихъ полка. Тогда-же отовсюду партизаны извѣщали, что французы при отступленіи взрываютъ зарядные и патронные ящики. Платовъ доносилъ собственноручно такъ: «По всему видно, что гордый и дерзкій непріятель испошовалъ и поколебался; теперь направилъ лыжи. Богъ да поможетъ! Еще не то ему будетъ: по повелѣнію его свѣтлости фельдмаршала нашего и совсѣмъ побѣжитъ».

ГЛАВА X.

Начало изгнанія.

I.

Случаи до выступленія къ Вязьмѣ.

16-го октября расположеніе воюющихъ армій и летучихъ отрядовъ было слѣдующее: князь Кутузовъ у Полотняныхъ заводовъ; Милорадовичъ съ авангардомъ арміи—въ Егорьевскомъ, на дорогѣ изъ Медыни въ Верею; графъ Орловъ-Денисовъ и Паскевичъ—лѣвѣе Егорьевскаго, по дорогѣ къ Гжатску; Платовъ въ Серединскомъ; Карповъ на маршѣ изъ Боровска на соединеніе съ Милорадовичемъ; князь Кудашевъ правѣе отъ Боровска; Кайсаровъ у Сатина; Сеславинъ и Фигнеръ у Купреева, между Медыньскою и Смоленскою дорогами; Ефремовъ между Москвою и Можайскомъ. Главныя силы непріятеля еще не подходили, 16-го октября, къ столбовой Смоленской дороги, но находились въ полномъ движеніи къ ней, между Можайскомъ и Боровскомъ. Самъ Наполеонъ пріѣхалъ изъ Боровска въ Верею 15-го октября, въ тотъ самый день, когда князь Кутузовъ прибылъ въ Полотняные заводы. Въ Вереѣ примкнулъ къ Наполеону Мортье съ отрядомъ, составлявшимъ кремлевскій гарнизонъ.

Мортье везъ съ собою генерала Винцингероде и его адъютанта, Нарышкина. Наполеонъ потребовалъ плѣнныхъ къ себѣ. Они нашли его за Вереею на полѣ, обозрѣвающаго окрестности. Подлѣ него стоялъ проводникъ, какой-то оборванный, дрожавшій отъ страха верейскій житель. Когда приблизились плѣнные, Наполеонъ отворотился отъ нихъ и продолжалъ осматривать мѣстоположеніе, потомъ сошелъ съ лошади, а вмѣстѣ съ нимъ и окружавшіе его Мюратъ, Бертье, Коленкуръ, Лористонъ и Раппъ. Они стали поодаль, возлѣ коннаго конвоя. Жандармы подвели плѣнныхъ. «Вы служите россійскому императору?»—сказалъ Наполеонъ генералу Винцингероде.—«Служу», былъ отвѣтъ.—«А кто вамъ это позволилъ? Бездѣльникъ! я васъ встрѣчаю вездѣ въ рядахъ непріятелей моихъ. Зачѣмъ въѣзжали

вы въ Москву? Вывѣдывать, что тамъ дѣлалось? О чемъ хотѣли вы говорить съ моими войсками? Взгляните, въ какомъ состояніи Москва. До того довели ее 50 бездѣльниковъ, подобныхъ вамъ. Вы уговорили императора Александра воевать противъ меня съ Австріею. Мнѣ сказывалъ это Коленкуръ. Вы употребляли всѣ средства для убіенія моихъ солдатъ на большихъ дорогахъ. О, ваша судьба кончилась. Жандармы! возьмите его, разстрѣляйте, избавьте меня отъ него. Со мною борьба неравна; черезъ шесть недѣль буду я въ Петербургѣ. Сейчасъ разстрѣляйте его, если онъ—уроженецъ какой-либо области Рейнскаго Союза. Я—вашъ монархъ, вы—мой подданный». Слушая неистовыя слова, внушенныя яростью, Винцингероде былъ совершенно спокоенъ. На угрозу быть разстрѣляннымъ, Винцингероде отвѣчалъ: «25 лѣтъ жду я смерти отъ французской пули и совершенно приготовленъ къ ней; жена моя и дѣти въ безопасности; императоръ Александръ ихъ не покинетъ». Обратясь къ Нарышину, Наполеонъ сказалъ: «Вы русскій и, какъ благородный человѣкъ, исполняете вашъ долгъ, но зачѣмъ находитесь при такомъ мошенникѣ? Вамъ надобно служить при русскихъ генералахъ».—Плѣнныхъ отвели въ сторону. Нарышкина пригласили къ обѣду Наполеона. Раппъ дѣлалъ допросъ Винцингероде и вмѣстѣ съ Бертье и Нарбонномъ стращалъ его смертью. По слѣдствію оказалось, что Винцингероде не принадлежалъ къ Рейнскому Союзу, но родился въ Пруссіи, гдѣ служилъ и отецъ его; казнь была отмѣнена, и Винцингероде, какъ военно-плѣннаго, отослали во Францію. Не прошло-бы даромъ Наполеону, если-бы онъ велѣлъ умертвить Винцингероде. Получивъ донесеніе о взятіи его въ плѣнъ, государь писалъ князю Кутузову:

«Вы должны, конечно, уже быть извѣщены по рапортамъ отъ генералъ-маіора Иловайскаго 4-го о несчастномъ приключеніи, случившемся съ генералъ-адъютантомъ барономъ Винцингероде. Даже турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто жестокому своеволію Наполеона. Если вы до полученія сего повелѣнія не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго, не взирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентера, съ изъясненіемъ, что онъ взятъ противъ всѣхъ правилъ, въ войнѣ соблюдаемыхъ, и что слѣдуетъ его возвратить. Если-же, не взирая на справедливость, онъ почитаться будетъ плѣннымъ, то предложите его вымѣнять на аванпостахъ въ назначенный часъ на генерала Ферріера. Но буде-бы, паче чаянія, злость Наполеона простерлась на лишеніе жизни генерала Винцингероде, то объявите, что жизнь генерала Ферріера будетъ отвѣчать за сохраненіе Винцингероде, котораго передъ аванпостами и прикажите разстрѣлять непремѣнно, если вы узнаете отъ посланнаго отъ васъ, что Винцингероде уже въ живыхъ нѣтъ, и тогда дайте знать въ непріятельскій лагерь, что впредь пять французовъ будутъ отвѣчать за одного носящаго русскій мундиръ и лишеннаго жизни, начиная всегда съ старшихъ чиномъ изъ имѣющихся у насъ плѣнныхъ. Прикажите также вытребовать или, по крайней мѣрѣ, размѣнять Изюмскаго гусарскаго полка ротмистра Нарышкина, захваченнаго вмѣстѣ съ барономъ Винцингероде».

Переночевавъ 15-го октября въ Вереѣ, на другой день Напо-

леонъ продолжалъ отступленіе, оставилъ Можайскъ вправо и дошелъ до Успенскаго, близъ Бородина. 17-го утромъ онъ проѣзжалъ черезъ равнину, гдѣ лежали обломки оружія, окровавленные лоскутья мундировъ, мертвыя тѣла, издохшія лошади, объѣденныя хищными птицами человѣческія кости. Жюно, 6 недѣль стоявшій въ Можайскѣ, не имѣлъ свободныхъ людей для погребенія убитыхъ.

За Наполеономъ и его гвардіею, составлявшею авангардъ арміи, начали 17-го октября выходить на Смоленскую дорогу и другіе корпусы, тянувшіеся отъ Вереи и ея окрестностей. Даву командовалъ арріергардомъ. Исполненный ненависти къ русскимъ онъ довершалъ истребленіе всего, уцѣлѣвшаго при проходѣ прочихъ войскъ, до чего не коснулись шедшіе впереди его сто тысячъ отъявленныхъ грабителей. До какой степени простиралось опустошеніе, свидѣтельствуетъ жалоба Даву на то, что передовыми войсками все расхищено и погублено, и онъ уже не находитъ средствъ для существованія своего корпуса. «Слѣдуетъ одному арріергарду моему предоставить сожженіе оставляемыхъ нами селеній», доносилъ онъ.

Въ тотъ самый день, когда непріятели вышли на Смоленскую дорогу, 17-го октября, князь Кутузовъ тронулся изъ Полотняныхъ заводовъ, убѣдившись, что Наполеонъ оставилъ всякое покушеніе на Медынь и вообще на наше лѣвое крыло, такъ какъ до тѣхъ поръ еще не было несомнѣнныхъ указаній: не имѣетъ-ли Наполеонъ намѣренія поворотить изъ Вереи влѣво? Можно было думать, что только для ускоренія такого поворота и избѣжанія на маршѣ затрудненій, онъ пустилъ обозы по Смоленской дорогѣ. Еще наканунѣ, 16-го числа, Паскевичъ доносилъ о показаніи плѣннаго, говорившаго о слухахъ, распространенныхъ въ непріятельской арміи, будто она направляется черезъ Медынь на Калугу. Когда исчезло всякое сомнѣніе относительно движенія Наполеона къ Можайску, выступилъ и князь Кутузовъ. Въ первые два перехода онъ пришелъ черезъ Адамовское въ Кременское, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги: одна въ Вязьму, другая на Можайскъ. Послѣдней нельзя было оставить безъ вниманія, такъ какъ не знали еще: рѣшится или нѣтъ Наполеонъ идти изъ Можайска къ Витебску, на Зубцовъ, Сычевку, Бѣлой и Велижъ. Неизвѣстность фельдмаршала о его движеніяхъ происходила отъ несвоевременной присылки донесеній, отправляемыхъ летучими отрядами, которые едва могли поспѣвать за непріятельской арміей, отступавшей къ Смоленской дорогѣ невѣроятно быстро. «Не имѣя о непріятелѣ скорыхъ и вѣрныхъ извѣстій», писалъ къ Платову князь Кутузовъ изъ Кременскаго, «армія сдѣлала одинъ маршъ совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ-бы ей надлежало».—«Цѣлыя сутки не получалъ отъ васъ фельдмаршалъ извѣстій», писалъ въ тотъ-же вечеръ Коновницынъ къ Платову, «почему его свѣтлость убѣдительно проситъ васъ какъ можно чаще о себѣ увѣдомлять».

«Думаю», говорилъ князь Кутузовъ, «нанести Наполеону величайшій вредъ параллельнымъ преслѣдованіемъ, и, наконецъ, дѣйствовать на его операціонномъ пути». Вотъ свѣтлая мысль, послужившая основаніемъ дальнѣйшимъ движеній князя Кутузова. Онъ приказалъ 1) арміи идти изъ Кременскаго къ Вязьмѣ черезъ Кузово, Сулейку, Дуброву и Быково; 2) Милорадовичу, съ пѣхотными корпусами князя Долгорукаго и графа Остермана, двумя кавалерійскими Корфа и Васильчикова и казачьимъ отрядомъ Карпова, слѣдовать изъ Егорьев-

стаго на Гжелию, между армією и Смоленскомъ, сблизиться къ ней дорогою Гжелска и потомъ, двигаясь вслѣдъ ея въ направленіи къ Вязьмѣ, пользоваться всѣми случаями, удобными для нападенія на непріятеля; 3) Платову, усиленному дивизіею Коновнича, пресѣкать французовъ съ тыла, и 4) партизанамъ дѣлать набѣги въ тылъ и во флангъ непріятельскихъ колоннъ. Тогда-же былъ сформированъ новый отрядъ, подчиненный генералъ-адъютанту графу Ожаровскому. Фельдмаршалъ далъ ему слѣдующее повелѣніе:

«Главный предметъ вашъ нападать на малые непріятельскіе отряды и транспорты, идущіе по Смоленской дорогѣ; уничтожать учрежденные французами на семъ пути магазины, а по селеніямъ фуражъ, и тѣмъ отклонять всѣ способы продовольствія для непріятельской кавалеріи и артиллеріи. Въ особенности доставайте вѣрнѣйшія свѣдѣнія о непріятелѣ, старайтесь перехватывать его курьеровъ. По мѣрѣ приближенія нашей арміи къ Смоленску, перемѣните и вы направленіе вашихъ дѣйствій, то есть, къ сторонѣ Могилева и Орши. Отряжайте нарочныя партіи для истребленія мостовъ, по коимъ непріятель идти долженъ, чтобы всячески затруднять маршъ его, словомъ сказать, употребите всѣ способы, которые ко вреду его послужить могутъ».

Такого-же рода наставленіе дано было отряду, стоявшему въ Москвѣ и находившемуся прежде подъ командою Винцингероде. Князь Кутузовъ приказалъ этому отряду предупреждать непріятелей, дѣйствуя въ ихъ правый флангъ и открывая сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ. Начальникомъ отряда онъ назначилъ графа Сенъ-При, явившагося не задолго передъ тѣмъ въ главную квартиру, вылечившись отъ раны, полученной имъ при Бородинѣ. По прибытіи въ Москву, графъ Сенъ-При нашелъ тамъ генералъ-адъютанта Кутузова, назначеннаго государемъ заступить мѣсто Винцигероде, когда его величество получилъ донесеніе о его плѣнѣ. Генералъ-адъютантъ Кутузовъ не могъ тотчасъ выступить изъ Москвы къ своему назначенію, потому что ему нельзя было оставить столицу, лишенную войскъ, необходимыхъ для содержанія карауловъ. Онъ долженъ былъ ожидать прибытія владимірскаго ополченія, получившаго отъ фельдмаршала повелѣніе идти изъ Покрова въ Москву, какъ только онъ узналъ объ удаленіи изъ нея непріятелей. Хотя это обстоятельство удержало генералъ-адъютанта Кутузова на нѣсколько времени въ Москвѣ, однако, онъ успѣлъ усиленными маршами присоединиться къ графу Витгенштейну.

О занятіи Москвы русскими войсками фельдмаршалъ получилъ достовѣрныя извѣстія въ Полотняныхъ заводахъ и объявилъ слѣдующимъ приказомъ по арміи:

«Наполеонъ, не усматривая впереди ничего другого, кромѣ продолженія ужасной народной войны, способной въ краткое время уничтожить всю его армію, видя въ каждомъ жителѣ воина, общую непреклонность на всѣ его обольщенія, рѣшимость всѣхъ сословій грудью стоять за любезное отечество, постигнувъ, наконецъ, всю суетность дерзкой мысли: однимъ занятіемъ Москвы поколебать Россію, предпринялъ поспѣшное отступленіе вспять. Теперь мы преслѣдуемъ силы его, когда въ то-же время другія наши арміи снова заняли край Литовскій и будутъ содѣйствовать намъ къ конечному

истребленію врага, дерзнувшаго угрожать Россіи. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ онъ обозы, взрываетъ ящики съ снарядами и покидаетъ сокровища, изъ храмовъ Божіихъ похищенныя. Уже Наполеонъ слышитъ ропотъ въ рядахъ своего воинства, уже начались тамъ побѣги, голодъ и безпорядки всякаго рода. Уже слышенъ намъ гласъ всеавгустѣйшаго Монарха, которой взываетъ: «Потушите кровію непріятельскою пожаръ московскій!» Воины! потщимся выполнить сіе, и Россія нами будетъ довольна, и прочный миръ водворится въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ. Богъ поможетъ намъ въ томъ, добрые солдаты русскіе!»

II.

Преслѣдованіе непріятеля до Вязьмы и вяземское сраженіе.

19-го октября началось движеніе къ Вязьмѣ. Армія выступила изъ Кременскаго въ Кузово, Милорадовичъ пошелъ изъ Егорьевскаго черезъ Головино къ Гжатску, а Платовъ по столбовой Смоленской дорогѣ, гдѣ въ то-же утро настигъ у Колоцкаго монастыря арріергардъ, подъ начальствомъ Даву. Непріятель намѣренъ былъ держаться тамъ нѣсколько времени, желая дать возможность уйти впередъ арміи и обозамъ. Платовъ аттаковалъ его, разстроилъ 2 батальона и взялъ у нихъ 2 знамя. Даву принужденъ былъ отступить, и бросилъ въ монастырской оградѣ 27 орудій, по негодности находившихся подъ ними лошадей. То были первые трофеи, взятые на столбовой Смоленской дорогѣ. Тотчасъ при появленіи на ней Платова, оказались признаки изнуренія Наполеоновой арміи. Слѣдъ непріятелей означался отсталыми солдатами, взорванными зарядными ящиками, преданными огню обозами. Отъ Можайска до Колоцкаго монастыря непріятель бросилъ болѣе 500 лошадей. 19-го октября Платовъ дошелъ до Гриднева. Въ слѣдующіе два дня продолжалось общее движеніе нашей и непріятельской арміи къ Вязьмѣ. Князь Кутузовъ перешелъ 20-го октября изъ Кузова въ Сулейку, 21-го—въ Дуброву. Французы слѣдовали по столбовой дорогѣ: въ головѣ Наполеонъ съ гвардіею; за нимъ Жюно и Понятовскій; потомъ вице-король и Ней; Даву заключалъ маршъ. Они шли такъ быстро, что Милорадовичъ не успѣлъ предупредить ихъ въ Гжатскѣ, и потому, 20-го октября, спустился черезъ Никольское къ Воронцову, а 21-го къ Спасскому. Платовъ шелъ позади Даву и едва могъ нагонять его; онъ доносилъ: «Непріятели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла».

Французы покидали на дорогѣ раненыхъ, больныхъ, тяжести, Конница ихъ перестала показываться въ арріергардѣ; по недостатку въ кормѣ и подковахъ лошади такъ ослабѣли, что конницу отвели за пѣхоту, безпрестанно ускорявшую отступленіе. Поспѣшность была для непріятеля единственнымъ средствомъ скорѣе миновать пустыню, лишенную всякихъ средствъ пропитанія, достигнуть Днѣпра, гдѣ надѣялись найти хлѣбные запасы и вступить въ соединеніе съ корпусами Виктора и Сенъ-Сира, маршевыми батальонами, разными находившимися тамъ командами, депо и множествомъ солдатъ, отставшихъ отъ арміи и бродившихъ въ тылу ея. Но Наполеону казалось движеніе войскъ слишкомъ тихимъ. Онъ посылалъ къ Даву подтвердительныя повелѣнія не останавливаться и усиливать марши

[illegible] и за [illegible], и казакомъ нападали казаки. Безъ строя войска въ бѣгу и безпорядокъ и посылали къ внешнимъ виноградникамъ и Наполеонскому требовать отъ нихъ подкрѣпленій, чтобы задерживать ихъ корпусы и свои собственныя. Между тѣмъ погода съ каждымъ днемъ становилась суровее. Холодный осенній вѣтръ дѣлалъ непріятелямъ биваки несноснымъ, и рано, гораздо ранѣе зари, выгонялъ ихъ изъ ночлеговъ. Вязьмахъ снимались они съ лагеря и освѣщали путь свой факелами. Всѣ роды войскъ старались обогнать друга друга. При переходахъ черезъ плотины и мосты не соблюдалось никакого порядка, и они загромождались обозами, препятствовавшими движенію войскъ. Взятые изъ Москвы и находившіеся на людяхъ запасы были истрачены; начали употреблять въ пищу лошадиное мясо. Цѣны на жизненные припасы, теплую одежду и обувь увеличивались съ каждымъ днемъ и часомъ. Сворачивать съ дороги для добыванія продовольствія было невозможно: казаки рыскали по сторонамъ, кололи и брали всѣхъ, кто ни попадался. Къ донцамъ и авангарду Милорадовича присоединялись изъ сосѣднихъ селеній крестьяне, кто въ французскихъ плащахъ, киверахъ, каскахъ съ лошадиными хвостами, стальныхъ кирасирскихъ нагрудникахъ. Иной былъ съ косою и большимъ гвоздемъ, укрѣпленнымъ къ дубинѣ, третій съ рогатиною, немногіе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они выѣзжали изъ лѣсовъ, гдѣ скрывались ихъ семейства, привѣтствовали появленіе русскаго войска, поздравляли его съ бѣгствомъ супостатовъ и изливали на враговъ, въ послѣдній разъ, на прощанье, свое праведное мщеніе. Страхъ попасть въ руки казакамъ и крестьянамъ превозмогалъ въ непріятеляхъ чувство голода и удерживалъ ихъ отъ мародерства. Враги начинали бросать оружіе, чему первые подали примѣръ спѣшенные всадники, получившіе въ Москвѣ вооруженіе пѣхотныхъ солдатъ. Мѣшаясь между полками, они положили корень страшному злу—неподчиненности. Изъ безоружныхъ составились сперва небольшія толпы; тащась за войскомъ, онѣ увеличивались подобно катящейся снѣжной глыбѣ. Больные и усталые безъ малѣйшаго состраданія покидались на дорогѣ. Опасаясь потерять знамена, полковые командиры, особенно войскъ Рейнскаго Союза, стали снимать ихъ съ древковъ и вручали на сохраніе надежнымъ и крѣпкаго сложенія солдатамъ, приказывая имъ прятать знамена въ ранцы или подъ мундиръ, обвязывая ихъ вокругъ тѣла. Миновавъ Гжатскъ, Наполеонъ не ѣхалъ болѣе верхомъ среди войскъ, а сѣлъ въ карету, надѣвъ соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ, теплые сапоги и шапку.

Въ такомъ положеніи была непріятельская армія въ первые четыре дня своего марша на Вязьму. Выйдя съ гвардіею на столбовую дорогу гораздо ранѣе армейскихъ корпусовъ, Наполеонъ достигъ, усиленными маршами, 19-го октября, до Вязьмы, гдѣ 20-го имѣлъ дневку. Свѣдѣній о князѣ Кутузовѣ онъ ни откуда не могъ получить, кромѣ казаковъ, изрѣдка попадавшихся въ плѣнъ, но и тѣ не были въ состояніи сообщать вѣрныхъ извѣстій о движеніи нашей главной арміи. Въ лежавшихъ на дорогѣ выжженныхъ городахъ и селеніяхъ не оставалось ни одного жителя, да если-бы кто тамъ и былъ, то опытъ доказалъ Наполеону, что между русскими не находилось предателей, какихъ встрѣчалъ онъ въ другихъ государствахъ, и людей, которыхъ

можно было употребить лазутчиками. Также не имѣли возможности посылать партіи и разъѣзды для развѣдыванія, потому что они попадались казакамъ. Однако-же, Наполеонъ угадалъ параллельное движеніе князя Кутузова, имѣя на то нѣкоторымъ образомъ указаніе. Когда онъ находился близъ Бородина, къ нему привели плѣннаго русскаго офицера. На вопросъ: «Куда идетъ князь Кутузовъ?» офицеръ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ повернулъ на Смоленскъ. Неизвѣстно имя офицера, но, конечно, онъ принадлежалъ къ числу смышленныхъ, потому что хотя въ то время у насъ не было отдано повелѣнія на движеніе къ сторонѣ Смоленска, но, соображая положеніе воюющихъ сторонъ, онъ заключалъ, что по этому пути для насъ идти было всего выгоднѣе. Послѣ допроса плѣннаго Наполеонъ написалъ Даву: «Тѣмъ лучше, если непріятель, дѣйствительно, идетъ на Смоленскъ. Всѣ силы наши соединены, и мы ударимъ въ тылъ его съ большимъ числомъ войскъ, нежели за недѣлю. Но весьма непріятны распространеніе такихъ слуховъ и разговоры объ нихъ адъютантовъ, возбуждающіе въ войскахъ преувеличенныя понятія о силахъ непріятеля. Навѣрно, нашъ переводчикъ не хорошо понялъ отвѣты плѣннаго; простой русскій офицеръ, плѣнный, не можетъ знать о движеніи арміи». Читая это повелѣніе, кажется страннымъ желаніе Наполеона быть предупрежденнымъ княземъ Кутузовымъ въ Смоленскѣ, но онъ писалъ въ этомъ смыслѣ не по военнымъ соображеніямъ, а единственно желая удалить отъ войскъ мысль объ опасности, угрожавшей имъ отъ прегражденія обратнаго пути русскими. До какой степени самъ Наполеонъ считалъ важнымъ показаніе плѣннаго, доказываетъ то, что, выслушавъ его, онъ немедленно рѣшился идти съ одною гвардіею, не останавливаясь, на Вязьму, для занятія ея ранѣе русскихъ, въ чемъ и успѣлъ. Давъ въ Вязьмѣ сутки отдохнуть гвардіи, онъ продолжалъ съ нею маршъ въ Семлево, 21-го октября, приказавъ Нею по прибытіи въ Вязьму остановиться, пропустить прочіе корпусы и потомъ, вмѣсто Даву, составить арріергардъ арміи. 21-го пришли: Ней — въ Вязьму, вице-король и Понятовскій—въ Федоровское, куда изъ Царева-Займища подходилъ Даву. Въ тотъ день были: князь Кутузовъ—въ Дубровѣ, Милорадовичъ—въ Спасскомъ, Платовъ—на маршѣ позади Даву.

Командовавшіе конницею Милорадовича генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Корфъ, приблизясь къ большой дорогѣ, 21-го октября, взошли на сельскую колокольню, откуда въ зрительную трубу ясно увидѣли непріятельскую армію, шедшую въ большомъ безпорядкѣ. Въ глазахъ ихъ генералъ-маіоръ Карповъ сдѣлалъ набѣгъ на столбовую дорогу и выхватилъ нѣсколько обозовъ изъ самой средины французскихъ корпусовъ. Желая воспользоваться такимъ разстройствомъ, Васильчиковъ и Корфъ предложили Милорадовичу аттаковать непріятеля всѣмъ авангардомъ. Корфъ зналъ мѣстоположеніе, находившись передъ войною съ дивизіею въ Вязьмѣ, и вызвался подвести войско, скрытно отъ непріятеля, къ удобному для аттаки мѣсту. Милорадовичъ радостно согласился на предложеніе и рѣшился произвести аттаку на слѣдующее утро. До разсвѣта 22-го октября выступили изъ Спасскаго кавалерійскіе корпусы Васильчикова и Корфа и проселками пошли на столбовую дорогу, черезъ деревню Максимову. Пѣхота слѣдовала позади конницы. У Вязьмы, близъ Крапивны, стоялъ

Ней, наблюдаемый Сеславинымъ и Фигнеромъ. Вице-король и Понятовскій тянулись къ Вязьмѣ и начинали входить въ нее; Даву находился при Федоровскомъ, гдѣ обозы и отсталые затрудняли его движеніе. Въ такомъ положеніи были обоюдныя войска 22-го октября при началѣ вяземскаго сраженія. Недоставало только присутствія главныхъ предводителей, Наполеона и князя Кутузова; первый былъ въ Семлевѣ, второй—въ Дубровѣ, оба въ 27-ми верстахъ отъ Вязьмы.

Милорадовичъ поравнялся съ непріятелемъ у Максимова и, пройдя это селеніе на разсвѣтѣ, приказалъ Васильчикову аттаковать. Полковникъ Эммануэль, съ Ахтырскимъ гусарскимъ и Кіевскимъ драгунскимъ полками, вскакалъ на столбовую дорогу, въ промежутокъ между головами колоннъ Даву и задними войсками вице-короля, отрѣзалъ бригаду генерала Нагеля изъ корпуса вице-короля, частью разсѣялъ, частью взялъ ее въ плѣнъ и сталъ на дорогѣ. Полковникъ Юзефовичъ, съ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ, принялъ лѣвѣе Эммануэля и перешелъ за дорогу, противъ которой Милорадовичъ поставилъ 3 конныя батареи. За орудіями и по сторонамъ ихъ расположились прочіе кавалерійскіе полки, въ ожиданіи пѣхоты. Если-бы подошла она въ то время, Даву, уже отрѣзанный отъ Вязьмы, находился-бы въ самомъ затруднительномъ положеніи, но пѣхотные полки были еще далеко отъ мѣста сраженія. Платовъ, шедшій по слѣдамъ Даву, услышавъ влѣво отъ себя выстрѣлы, думалъ сперва, что дѣло завязалось въ одномъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ, но, получивъ извѣстіе о нападеніи Милорадовича, тронулся съ ночлега. Всѣ регулярныя войска своего отряда, то есть, 26-ю дивизію Паскевича и два драгунскіе полка онъ поручилъ въ команду начальника главнаго штаба арміи Ермолова, находившагося въ авангардѣ. 26-я дивизія была еще позади. Платовъ послалъ ей приказаніе спѣшить въ дѣло, велѣлъ посадить на казачьихъ лошадей 300 человѣкъ изъ стоявшаго вблизи 5-го егерскаго полка и отправилъ съ ними донскую артиллерію, два драгунскіе и нѣсколько казачьихъ полковъ. Вскорѣ Платовъ вогналъ французскій арріергардъ въ Федоровское, гдѣ сопротивленіе было упорное. Видя себя окруженнымъ и путь въ Вязьму въ нашихъ рукахъ, Даву остановился, намѣреваясь собраться, устроиться и потомъ идти напроломъ. Находившіеся въ Вязьмѣ товарищи его, вице-король и Понятовскій, услышавъ сильную канонаду и получивъ донесеніе о появленіи русскихъ въ значительномъ числѣ, заключили, что Даву долженъ былъ находиться въ опасности, и на выручку его воротились изъ Вязьмы. Вслѣдствіе этого движенія случайность успѣха перешла минутно на сторону непріятеля, потому что онъ превосходилъ насъ числомъ, и не пришла еще вся пѣхота нашего авангарда, а прибыли только двѣ дивизіи, 17-я Олсуфьева и 4-я принца Евгенія. Онѣ стали поперекъ дороги, пересѣкая маршалу Даву отступленіе.

Было 10-ть часовъ утра. Даву выступилъ изъ Федоровскаго въ сомкнутыхъ колоннахъ. Вице-король и Понятовскій пришли отъ Вязьмы къ Мясоѣдову и открыли батареи. Ихъ огонь, обращенный на нашъ лѣвый флангъ, и приближеніе колоннъ и стрѣлковъ Даву къ правому крылу, заставили Милорадовича перемѣнить фронтъ войскъ лѣвымъ флангомъ назадъ. Также свелъ онъ съ дороги дивизіи принца Евгенія и Олсуфьева, полки Ахтырскій гусарскій и Кіевскій драгунскій. Стрѣлки вице-короля, подкрѣпленные колоннами,

такъ быстро подавались впередъ, что находившемуся за столбовою дорогою Харьковскому драгунскому полку отрѣзали сообщеніе съ нашею кавалеріею. Однако, полкъ проскакалъ во весь опоръ мимо непріятельскихъ колоннъ. Изумленныя этимъ смѣлымъ движеніемъ, онѣ не сдѣлали выстрѣла, и харьковцы не потеряли ни одного человѣка. Усилія вице-короля обратились на наши батареи. Стрѣляя по дорогѣ, онѣ препятствовали Даву идти по ней и соединиться съ войсками, прибывшими къ нему на помощь изъ Вязьмы. Но аттаки вице-короля и Понятовскаго не имѣли успѣха, потому что вскорѣ подошла вся пѣхота Милорадовича. Она отразила вице-короля, не имѣвшаго, впрочемъ, болѣе надобности упорствовать въ аттакѣ, такъ какъ онъ уже обезпечилъ отступленіе Даву. Совершенно разстроенный повторенными аттаками Платова и Паскевича и огнемъ батарей Милорадовича Даву бросилъ обозы и стороною отъ большой дороги, лѣвымъ берегомъ рѣчки Черногрязья, пробрался въ тылъ корпуса вице-короля и построился за нимъ.

Милорадовичъ двинулъ войска впередъ и въ полдень соединился направо съ Платовымъ, разсѣевавшимъ по большой дорогѣ остатки арріергарда Даву. Вице-король и Понятовскій отступили, но, получивъ отъ Нея изъ Вязьмы въ подкрѣпленіе дивизію, остановились, стараясь дать возможность войскамъ и тяжестямъ, загромождавшимъ городъ выйти оттуда. Сопротивленіе было непродолжительно. Непріятель отступилъ на другую позицію между Ржавцомъ и хуторомъ Рибопьера. Наша кавалерія, къ которой присоединились партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, обходила фланги непріятелей, угрожая отрѣзать ихъ отъ Вязьмы. Вскорѣ положеніе французовъ стало еще опаснѣе когда послѣ полудня къ Вязьмѣ прибылъ Уваровъ съ двумя кирасирскими дивизіями, посланными княземъ Кутузовымъ на подкрѣпленіе Милорадовича, когда фельдмаршалъ, находясь на маршѣ изъ Дубровы, узналъ о возгорѣвшемся сраженіи. Уваровъ остановился противъ деревни Крапивны, на берегу болотистой рѣчки Улицы. Мостъ на ней былъ сожженъ маршаломъ Неемъ, все утро стоявшимъ неподвижно между Крапивною и Вязьмою, въ намѣреніи удержать за собою городъ, необходимый для отступленія непріятельской арміи и сообщеній ея съ Наполеономъ. Хотя Уваровъ ограничился одною канонадою на дальнемъ разстояніи, такъ какъ мѣстоположеніе не позволяло ему дѣйствовать кавалеріею, однако-жъ, одно появленіе его у Крапивны поселило въ непріятелѣ опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ Вязьмы. Вице-король, Даву, Ней и Понятовскій съѣхались на совѣщаніе. Тѣснимые съ фронта, угрожаемые на своемъ пути сообщенія, они рѣшились поспѣшно занять позицію и сосредоточиться сперва передъ самою Вязьмою, дать отпоръ и потомъ продолжать отступленіе. Милорадовичъ шелъ по пятамъ ихъ. Съ обѣихъ сторонъ началась жестокая, болѣе часа продолжавшаяся. канонада. Милорадовичъ построилъ колонны къ аттакѣ и повелъ ихъ впередъ. Непріятель не выждалъ нападенія и ушелъ въ городъ, употребляя тамъ послѣднія усилія для обезпеченія своего отступленія. Арріергардъ его засѣлъ въ домахъ и за заборами, но Милорадовичъ, не обращая вниманія на сумракъ и происшедшій въ городѣ пожаръ, велѣлъ дивизіямъ Чоглокова и Паскевича выбить непріятельскій арріергардъ. Находившіеся въ головѣ полки Перновскій и Бѣлозерскій, съ музыкою, ба-

рабаннымъ боемъ и распущенными знаменами ворвались въ Вязьму, объятую пламенемъ. Съ другой стороны Милорадовичъ самъ вводилъ въ городъ войска. Непріятель стрѣлялъ изъ домовъ; разбросанныя бомбы и гранаты съ трескомъ разряжались въ пожарѣ, но ничто не остановило натиска; французы были прогнаны штыками, а защищавшіеся въ домахъ истреблены или взяты въ плѣнъ.

Начавшееся на разсвѣтѣ сраженіе кончилось въ 7-мъ часовъ пополудни. Пройдя мостъ на рѣкѣ Вязьмѣ, маршалы уничтожили его, расположили арріергардъ въ ближнихъ лѣсахъ, а сами послѣ краткаго отдыха, въ полночь, въ глубокой темнотѣ продолжали отступленіе къ Семлеву. Значительное число появившихся въ теченіе дня безоружныхъ солдатъ побудило нѣкоторыхъ непріятельскихъ корпусныхъ командировъ отдать приказаніе уменьшать въ полкахъ число батальоновъ, составляя полки въ одинъ батальонъ. Многіе полковые начальники велѣли остальныя знамена снимать съ древковъ и прятать ихъ въ ранцы и подъ мундиры солдатъ. Вотъ одна изъ причинъ, почему въ Отечественную войну немного взято непріятельскихъ знаменъ и штандартовъ, такъ какъ люди, которымъ были ввѣряемы, погибали вмѣстѣ съ ними. Отрядъ Платова сталъ за городомъ близъ рѣки, войска авангарда—параллельно Юхновской дорогѣ, правымъ флангомъ къ Вязьмѣ, лѣвымъ—къ Крапивнѣ. Непріятели потеряли 3 орудія, 2 знамя, большое количество обозовъ и 4.000 убитыми и ранеными; въ плѣнъ взято болѣе 2.000 и артиллерійскій генералъ Пеллетье. Онъ принялъ дивизію принца Евгенія Виртембергскаго за французскія войска и наѣхалъ прямо на нее, когда она при началѣ сраженія стояла поперекъ дороги. По словамъ Пеллетье, французскіе маршалы были увѣрены въ намѣреніи князя Кутузова отрѣзать имъ путь въ Дорогобужъ и хотѣли своротить на Витебскъ. Но, если непріятелямъ не преградили отступленія подъ Вязьмою и они не понесли здѣсь совершеннаго пораженія, зато вяземское сраженіе имѣло сильное дѣйствіе на ихъ нравственное состояніе.

Подъ Вязьмою кавалерія Наполеона не смѣла показаться; артиллерія его дѣйствовала противъ прежняго слабѣе, потому что изнуреніе лошадей не дозволяло быстро перевозить орудія съ одного мѣста на другое. За пѣхотными колоннами, особенно въ корпусѣ Даву, уже были видны толпы безоружныхъ и солдатъ, во время дѣла бросавшихъ ружья. Слѣдовательно, Милорадовичъ оказалъ великую услугу подъ Вязьмою тѣмъ, что первый изъ русскихъ генераловъ вызвалъ разстройство Наполеоновой арміи.

Милорадовичъ остановился въ Вязьмѣ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ за два дня жилъ Наполеонъ. Назначивъ коменданта, онъ устроилъ полицію и разослалъ по уѣзду приглашеніе къ жителямъ возвращаться въ городъ и возстановлять храмы Божіи. Въ Вязьмѣ не было почти ни одного уцѣлѣвшаго дома: стояли однѣ обгорѣлыя стѣны; многіе изъ нихъ, разсыпавшись, заграждали сообщеніе. По улицамъ лежали трупы убитыхъ непріятелей, обломки оружія, опрокинутыя фуры, остатки взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ. На площади были собраны всѣ плѣнные, оборванные, почернѣвшіе—и чѣмъ они занимались?—дѣлежемъ мяса издохшихъ лошадей. Одни усердно рѣзали себѣ большіе куски конины; другіе съ жадностію дѣлили печенку и легкое; иные держали конское мясо за плечами на шомполахъ или тутъ-же жарили его, посыпая вмѣсто соли порохомъ

Во время сраженія наша главная армія находилась на маршѣ изъ Дубровы, вечеромъ пришла къ Быкову, въ 8-ми верстахъ отъ Вязьмы, и въ сраженіи не участвовала. Ея бездѣйствіе, по невѣдѣнію настоящихъ причинъ, подало поводъ къ противорѣчивымъ сужденіямъ. Одни обвиняютъ въ медленности кн. Кутузова, зачѣмъ онъ не ударилъ во флангъ и тылъ французовъ, не отбросилъ ихъ отъ Вязьмы, не сбилъ съ пути ихъ дѣйствій, словомъ, зачѣмъ пренебрегъ вѣрною побѣдою. Другіе превозносятъ его похвалами за то, что онъ не вступалъ въ сраженіе, предпочитая безъ боя выжидать разгрома непріятельской арміи. Упреки и похвалы несправедливы. Причина неприбытія главной арміи къ вяземскому сраженію зависѣла не отъ Кутузова. Вотъ его собственныя слова изъ донесенія государю: «Главная армія боковою дорогою направилась къ Вязьмѣ. Случилось, что я болѣе трехъ дней не могъ получить отъ авангарда свѣдѣнія, потому что бѣгущій непріятель разсыпался по сторонамъ дороги, а также пришло ложное извѣстіе, будто Милорадовичъ, послѣ сраженія съ непріятелемъ, не доходя до Вязьмы, долженъ былъ отступить. Сіи обстоятельства остановили меня на 8 часовъ, и армія не могла приблизиться къ Вязьмѣ: сдѣлавъ въ тотъ день 40 верстъ марша, она прибыла не ранѣе, какъ за полночь, а могли поспѣть только 40 эскадроновъ кирасировъ, съ конною артиллеріею, подъ командою Уварова. Вотъ причины, которыя препятствовали нанести непріятелю чувствительнѣйшій ударъ при Вязьмѣ. Ошибки, отъ ложныхъ извѣстій иногда происходящія, неизбѣжны. Предпріятія въ военныхъ операціяхъ не всегда основываются на очевидности, но иногда на догадкахъ и слухахъ. Ложныя извѣстія, о коихъ упомянулъ я выше, произошли отъ самихъ казаковъ, но и они впали въ сіе недоразумѣніе невиннымъ образомъ».

Для поясненія рапорта князя Кутузова надобно разсказать слѣдующій случай. Рѣшась, 21-го вечеромъ, аттаковать на слѣдующее утро французовъ, Милорадовичъ донесъ о своемъ намѣреніи фельдмаршалу, описалъ ему, въ какомъ разбродѣ идутъ непріятели, и, зная его осторожность, присовокупилъ въ окончаніи: «Увѣряю вашу свѣтлость, что намъ не предстоитъ опасности».—«Будь Суворовъ на мѣстѣ Кутузова», сказалъ Милорадовичъ, «то, не прибавляя этихъ словъ, я написалъ-бы просто: Иду аттаковать. Суворовъ отвѣчалъ-бы мнѣ: Съ Богомъ! Но съ Кутузовымъ надобно поступать иначе». Конвертъ, гдѣ должно было находиться донесеніе, отослали въ главную квартиру. Распечатавъ его, дежурный генералъ Коновницынъ нашелъ его пустымъ, такъ какъ ошибкою забыли вложить въ него донесеніе. Это упущеніе было виною тому, что князь Кутузовъ не могъ знать въ надлежащее время о предположенной Милорадовичемъ аттакѣ и побудительныхъ причинахъ къ нападенію. Вотъ обстоятельство, разрѣшающее вопросъ, почему главная армія не подоспѣла къ Вяземскому сраженію.

Что касается до Наполеона, то онъ былъ отъ поля сраженія далѣе, нежели князь Кутузовъ. Нашъ фельдмаршалъ, обманутый ложными донесеніями, хотя медленно, но подходилъ къ Вязьмѣ, а Наполеонъ, напротивъ того, удалялся отъ нея. Въ день вяземскаго сраженія, по утру, онъ выступилъ изъ Семлева въ Славково, по дорогѣ въ Дорогобужъ, и тамъ получилъ донесеніе о сраженіи подъ Вязьмою. Думая, что князь Кутузовъ со всѣми силами производитъ это нападеніе, онъ

рѣшился стать скрытно между Дорогобужемъ и Славковымъ, въ засадѣ, лично имъ избранной, намѣреваясь сторожить въ ней приближеніе нашей арміи. Предполагая, что князь Кутузовъ будетъ преслѣдовать изъ Вязьмы французскіе корпусы, Наполеонъ хотѣлъ выждать его въ засадѣ и ударить на него нечаянно. Съ этою цѣлью была составлена и подписана маршаломъ Бертье диспозиція. Она оканчивалась слѣдующими словами—яснымъ доказательствомъ негодованія Наполеона на маршаловъ за пораженіе ихъ подъ Вязьмою: «Какъ могло статься, что не взяли въ плѣнъ непріятельскаго корпуса, отважившагося отрѣзать сообщеніе нашимъ войскамъ?»

Весь слѣдующій день, 23-го октября, Наполеонъ пробылъ въ Славковѣ, получая отъ маршаловъ донесенія о происшествіяхъ, случившихся наканунѣ подъ Вязьмою. Описывая понесенное пораженіе, Ней доноситъ: «Мы могли ожидать благопріятнѣйшихъ послѣдствій, если-бы распоряженія наши были лучше. Всего прискорбнѣе, что мои войска были свидѣтелями разстройства корпуса Даву: такіе вредные примѣры пагубны для солдатъ». Узнавъ истинное положеніе дѣлъ, Наполеонъ убѣдился въ безполезности искать сраженія, отмѣнилъ намѣреніе ожидать князя Кутузова въ Славковѣ, приказалъ не разсылать диспозиціи и выступилъ 24-го октября изъ Славкова въ Дорогобужъ, приказавъ идти за собою прочимъ корпусамъ, какъ можно скорѣе. Не теряя еще надежды остановиться на зиму въ Смоленскѣ и за Днѣпромъ, онъ отправилъ впередъ офицеровъ, для квартирнаго расписанія войскамъ, и велѣлъ составить 6,000-й кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, для прикрытія зимнихъ квартиръ. Вся непріятельская армія была увѣрена найти въ Смоленскѣ конецъ злополучія и въ изобиліи провести тамъ зимніе мѣсяцы. Смоленскъ сдѣлался предметомъ разговоровъ, желаній, цѣлью французовъ. Они устремлялись туда съ такимъ-же нетерпѣніемъ насладиться вожделѣннымъ покоемъ, какъ за два мѣсяца передъ тѣмъ шли къ Москвѣ, гдѣ надѣялись завоевать славный миръ.

III.

Отъ Вязьмы до Смоленска.

Послѣ вяземскаго сраженія князь Кутузовъ приказалъ: 1) Милорадовичу идти по пятамъ непріятелей и тѣснить ихъ какъ можно больше; 2) Платову стараться съ правой стороны дороги опережать ихъ однимъ переходомъ, нападать на головы французскихъ колоннъ во время марша ихъ и безпрестанно тревожить; 3) то-же самое исполнять графу Орлову-Денисову съ лѣвой стороны дороги. «Такой родъ преслѣдованія», писалъ фельдмаршалъ, «приведетъ непріятеля въ крайнее положеніе и лишитъ его большей части артиллеріи и обозовъ». Давыдову и графу Ожаровскому велѣно по возможности приблизиться къ Смоленску. Съ главною арміею князь Кутузовъ хотѣлъ идти влѣво, параллельно и на одной высотѣ съ Милорадовичемъ. «Черезъ то», писалъ онъ, «пріобрѣтаю я разныя выгоды: 1) кратчайшимъ путемъ достигаю Орши, если непріятель на нее станетъ отступать; если-же Наполеонъ обратится на Могилевъ, то пресѣку ему туда совершенно путь; 2) прикрываю край, откуда къ арміи подходятъ запасы». Всѣ помышленія князя Кутузова устремлены были на то, чтобы удержать Наполеона на разоренной Смоленской

дорогѣ, выморить его на ней голодомъ и не пускать влѣво, гдѣ онъ могъ найти продовольствіе. Озабочиваясь, не свернетъ-ли Наполеонъ влѣво, черезъ Ельню и Мстиславль на Могилевъ, князь Кутузовъ не ограничился только тѣмъ, что самъ хотѣлъ вести армію путемъ, на которомъ могъ воспрепятствовать движенію Наполеона на Могилевъ, но, сверхъ того, велѣлъ заблаговременно ополченіямъ: калужскому, усиленному 2-мя казачьими и нѣсколькими полками регулярной конницы, идти изъ Калуги и Рославля къ Ельнѣ; тульскому въ Рославль, смоленскому въ Ельню, а малороссійскому употребить всѣ средства для скорѣйшаго занятія Могилева. Всѣмъ партизанамъ главной арміи подтверждено было тревожить французовъ съ лѣвой стороны столбовой дороги. Эртелю, находившемуся у Мозыря, велѣно слѣдовать къ Бобруйску, если онъ не имѣлъ какого-либо особеннаго повелѣнія отъ Чичагова. Въ отдѣльныя арміи князь Кутузовъ писалъ: 1) Чичагову: «Сколь-бы полезно было, если-бъ и вы, оставя противъ австрійцевъ обсерваціонный корпусъ, какъ можно поспѣшнѣе съ другою частью войскъ обратились къ направленію черезъ Минскъ на Борисовъ». 2) Графу Витгенштейну, отъ котораго только что получено было донесеніе о началѣ наступательныхъ дѣйствій и взятіи приступомъ Полоцка: «Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я рапортъ вашъ отъ 8-го сего октября. Послѣ сего удачнаго сраженія вижу, что дѣйствія ваши сообразны будутъ общему плану, мною утвержденному, направляясь черезъ Лепель на Борисовъ, буде непріятель въ семъ направленіи отступать будетъ. Когда-же достигнете вы сего пункта, полагаю я достаточно будетъ корпуса графа Штейнгеля слѣдовать за Сенъ-Сиромъ и наблюдать движеніе его, а вамъ, соображаясь съ моими движеніями, сближаться къ Днѣпру. Къ какому-же пункту главныя непріятельскія силы стремиться будутъ, можете вы узнать заранѣе отъ вашихъ партизановъ, и тогда, соглашаясь съ симъ, отрѣзывать Наполеону отступной маршъ. Если-же Сенъ-Сиръ отступать станетъ на соединеніе главной своей арміи, что, вѣроятно, чрезъ Сенно къ Оршѣ произведено будетъ, въ такомъ случаѣ, занявъ отрядомъ въ выгодномъ мѣстѣ большую дорогу, изъ Докшицы къ Бешенковичамъ идущую, сильно преслѣдовать непріятеля и не упускать его изъ вида, дабы тѣмъ лишить его средствъ форсированными маршами соединиться съ превосходными силами и напасть на одну изъ нашихъ армій. Я, съ моей стороны, не перестаю идти за бѣгущимъ непріятелемъ, который почти нигдѣ не останавливается. Всѣ мои партизаны предупреждаютъ его въ маршѣ, затрудняя всячески отступное непріятельское движеніе, нанося ему притомъ величайшій вредъ».

23-го октября, на другой день послѣ вяземскаго сраженія, согласно повелѣніямъ, Милорадовичъ пошелъ столбовою дорогою, Платовъ правѣе, графъ Орловъ-Денисовъ влѣво отъ нея. Главная армія имѣла дневку въ Быковой. Наполеонъ былъ съ гвардіею въ Славковѣ, куда тянулись его корпуса; непріятельскимъ арріергардомъ командовалъ Ней. Милорадовичъ и Платовъ ночевали у Полянова, 24-го продолжалось общее движеніе. Непріятели шли или, вѣрнѣе, бѣжали по столбовой дорогѣ. Милорадовичъ прибылъ къ Зарубежу; Платовъ былъ правѣе отъ него и на одной съ нимъ высотѣ; князь Кутузовъ перешелъ изъ Быкова въ Красную. Онъ писалъ: «Съ главною арміею надѣюсь я быть 29-го на высотѣ Смоленска, откуда

соображаясь съ движеніемъ непріятельскимъ, дѣйствовать буду по обстоятельствамъ». 25-го, князь Кутузовъ выступилъ изъ Красной въ Гаврюково, гдѣ принялъ намѣреніе: «перерѣзать дорогу изъ Ельни въ Дорогобужъ, выйти потомъ на дорогу изъ Ельни въ Смоленскъ и, пройдя ею нѣкоторое пространство, оставить Смоленскъ вправо, продолжая маршъ прямо на Красной и далѣе къ Оршѣ, на операціонную линію непріятеля. «Избравъ сей путь», говорилъ онъ, «достигаемъ мы кратчайшимъ путемъ Орши, переправляясь только одинъ разъ черезъ Днѣпръ при семъ городѣ, тогда какъ непріятелю, по прямѣйшему пути предстоятъ три переправы черезъ оную рѣку, при Соловьевѣ, Смоленскѣ и Оршѣ». Вслѣдствіе этого предположенія фельдмаршалъ хотѣлъ имѣть армію въ совокупности и приказалъ Милорадовичу преслѣдовать непріятеля только за Дорогобужъ, а потомъ, не доходя до Михалевки, спуститься влѣво на соединеніе съ арміею, которая 27-го пришла въ Ельню и остановилась тамъ на сутки.

Во время движенія главной арміи изъ окрестностей Вязьмы къ Ельнѣ, отъ 23-го до 27-го октября, Милорадовичъ и Платовъ шли по данному имъ послѣ Вяземскаго сраженія назначенію, первый столбовою дорогою, второй правѣе. Въ это время Наполеонъ, находясь съ гвардіею въ головѣ своей арміи, спѣшилъ черезъ Соловьево въ Смоленскъ, куда онъ велѣлъ собраться всѣмъ корпусамъ, за исключеніемъ вице-короля, получившаго приказаніе повернуть изъ Дорогобужа черезъ Улхову слободу и Духовщину на Витебскъ, въ подкрѣпленіе дѣйствовавшихъ на Двинѣ и тѣснимыхъ графомъ Витгенштейномъ корпусовъ. 26-го октября, не доходя 8-ми верстъ до Дорогобужа, передовыя войска Милорадовича аттаковали непріятеля, расположеннаго на ночлегѣ при рѣкѣ Осмѣ, и привели его въ такое замѣшательство, что французы бросали орудія съ моста и, толпясь на немъ, падали въ рѣку. Вскорѣ подошелъ Милорадовичъ къ Дорогобужу, гдѣ находился Ней, имѣя повелѣніе удерживать нѣсколько времени городъ и тѣмъ дать возможность арміи и обозамъ отойти къ Соловьевой переправѣ, а вице-королю къ Улховой слободѣ. Авангардъ Милорадовича, подъ начальствомъ Юрковскаго, очистилъ половину города безъ затрудненія, но потомъ былъ остановленъ выстрѣлами изъ укрѣпленія, устроеннаго непріятелями на высотѣ собора и обнесеннаго палисадами. Одна часть авангарда аттаковала укрѣпленіе съ фронта, другая пошла въ обходъ, что побудило французовъ оставить укрѣпленіе и удалиться въ остальную часть города, намѣреваясь тамъ защищаться. На высотѣ, называемой Соборною, наши поставили 2 орудія. Огонь ихъ и натискъ егерей заставили французовъ поспѣшно отступить и бросить 6 орудій. Уходя, они зажгли Дорогобужъ; пожаръ началъ распространяться, но былъ потушенъ густымъ снѣгомъ и усердіемъ русскихъ солдатъ. Милорадовичъ назначилъ въ городъ коменданта, разослалъ объявленіе, сзывая жителей къ возвращенію въ дома, разставилъ городовые и загородные посты и расположилъ войска въ Дорогобужѣ на отдыхъ, отложивъ преслѣдованіе непріятеля, по причинѣ бурной погоды, до другого дня. Получивъ донесеніе о занятіи Дорогобужа, князь Кутузовъ приказалъ смоленскому ополченію идти туда изъ Ельни и, расположась тамъ, заняться введеніемъ порядка въ городѣ и уѣздѣ. Милорадовичъ, имѣя повелѣніе сблизиться съ арміею, поворотилъ за Дорогобужемъ влѣво, на Алексѣевское, отпра-

зивъ за непріятельскимъ арріергардомъ по столбовой дорогѣ Карпова съ казаками и за нимъ, въ подкрѣпленіе ему, генералъ-маіора Юрковскаго. Платовъ направился изъ Дорогобужа вправо, на Улхову слободу, за вице-королемъ.

Таково было общее направленіе войскъ въ первые, послѣдовавшіе за вяземскимъ сраженіемъ, дни, когда непріятелямъ пришлось бороться съ новою, для нихъ еще неизвѣстною, бѣдою—стужею. Отъ Можайска до Вязьмы они терпѣли только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; по ночамъ бывали легкіе заморозки, но на другія сутки послѣ пораженія ихъ подъ Вязьмою, выпалъ снѣгъ, забушевали вѣтры, поднялись метели. Къ голоду присоединилась свирѣпость зимы, и хотя термометръ показывалъ не болѣе 10-ти градусовъ, но вьюги сдѣлали холодъ нестерпимымъ для обитателей южной Европы. Пространство отъ Вязьмы до Смоленска представляло собою видъ безпрерывнаго кладбища.

Наполеону было уже не до трофеевъ; онъ старался только о сохраненіи лошадей для увезенія орудій, отвергнувъ предложеніе начальника артиллеріи, испрашивавшаго разрѣшеніе покинуть на дорогѣ половину всѣхъ бывшихъ при арміи орудій и лошадей изъ-подъ нихъ запречь подъ остальныя пушки. За нѣкоторыми полками шелъ до Вязьмы рогатый скотъ, питаясь подножнымъ кормомъ, но подъ снѣгомъ стало не чѣмъ довольствовать бродящія стада, и они издыхали. Наполеонъ и его корпусы шли въ Смоленскъ усиленными маршами, безъ дневокъ. Войска не получали и не могли получать продовольствія: запасовъ не было заготовлено на дорогѣ. Люди должны были питаться конской падалью.

Отрядъ Юрковскаго, 27-го октября оставленный Милорадовичемъ для преслѣдованія французовъ, выступилъ изъ Дорогобужа въ тотъ-же день прямо къ Смоленску по дорогѣ, покрытой мерзлыми французами, и достигъ села Усвятъ. На пепелищѣ его, за рѣкою, толпились французы у огоньковъ, подъ прикрытіемъ 8-ми орудій и сдвинутыхъ фуръ. Юрковскій подвезъ свои 10-ть орудій и открылъ огонь. При первыхъ выстрѣлахъ непріятель снялся съ мѣста, бросилъ пушки и побѣжалъ къ Смоленску. Починивъ мостъ, нашъ отрядъ перешелъ черезъ Ужу и продолжалъ погоню. На каждой верстѣ было по 50-ти и болѣе замерзавшихъ непріятелей. Кучами сидѣли они по сторонамъ дорогъ, безъ ружей, въ смертельномъ изнеможеніи; у Михалевки, кромѣ мертвыхъ французовъ, было до 2,000 отсталыхъ разныхъ чиновъ, отдававшихся въ плѣнъ, на волю побѣдителей. Изъ Михалевки Юрковскій поспѣшилъ къ Соловьевой переправѣ и, не доходя до нея 5-ти верстъ, остановился въ лѣсу, настигнутый метелью. Въ тотъ день отобрано у непріятеля 19-ть орудій.

28-го октября, получивъ повелѣніе примкнуть къ Милорадовичу, повернувшему влѣво, на соединеніе съ арміею, Юрковскій велѣлъ полковнику Карпенкову преслѣдовать непріятеля къ Соловьевой переправѣ и далѣе къ Смоленску. У Карпенкова были полки: 1-й егерскій, Московскій драгунскій, одинъ казачій и 4 орудія. 28-го октября онъ подошелъ къ Соловьеву. Посланные впередъ отборные стрѣлки сбили передовые французскіе посты съ лѣваго берега Днѣпра и расположились по рытвинамъ, откуда старались препятствовать французамъ въ ломкѣ моста, уже нѣсколько разобраннаго непріятелемъ; потомъ изъ нашихъ 4-хъ орудій открыли пальбу. Непріятель сначала

отвѣчалъ изъ укрѣпленія, окопаннаго рвомъ, но вскорѣ отступилъ изъ укрѣпленія; только стрѣлки продолжали огонь, пока не разломали моста. Въ слѣдующее утро наши перебрались черезъ рѣку по тонкому льду, нашли на противоположномъ берегу 12-ть орудій и множество обозовъ, наполненныхъ всякою всячиною, кромѣ хлѣба. Солдаты выбирали себѣ то, что было удобнѣе уложить, а прочее оставили въ добычу стекавшимся со всѣхъ сторонъ поселянамъ. За Соловьевымъ Карпенковъ соединялся съ партіею Грекова и пошелъ съ нимъ къ Валутиной горѣ, откуда долженъ былъ, по данному приказанію, соединиться вправо съ Платовымъ.

Лѣвѣе отъ столбовой дороги были партизаны Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ. Во время марша главной арміи къ Ельнѣ они подошли къ Ляхову, гдѣ стоялъ 2,000-й отрядъ генерала Ожеро, находившійся тамъ по слѣдующему случаю: когда, выходя изъ Москвы, Наполеонъ имѣлъ намѣреніе пробраться черезъ Калугу въ Ельню, онъ послалъ къ бывшему въ Смоленскѣ генералу Бараге д-Илье повелѣніе подвинуться къ Ельнѣ, съ маршевыми батальонами, составленными изъ сборныхъ командъ. Найдя путь въ Калугу преграждённымъ, Наполеонъ приказалъ Бараге д-Илье возвратиться въ Смоленскъ, но повелѣніе не дошло до него, и онъ остался попрежнему между Ельнею и Смоленскомъ, у Долгомостья и Ляхова. Въ этомъ послѣднемъ мѣстечкѣ находилась одна бригада генерала Ожеро. Три нашихъ партизана, подошедшіе къ Ляхову, имѣли въ сложности не болѣе 1,200 человѣкъ и потому для совокупнаго нападенія пригласили графа Орлова-Денисова, стоявшаго недалеко отъ нихъ, съ 6-ю казачьими и однимъ драгунскимъ полками. Онъ тотчасъ соединился съ партизанами и, принявъ надъ ними начальство, вознамѣрился сперва отрѣзать Ожеро отъ Бараге д-Илье и для этого послалъ отрядъ къ Долгомостью, а съ прочими войсками пошелъ на Ожеро, который никакъ не предполагалъ быть аттакованнымъ, потому что не имѣлъ извѣстія о приближеніи русскихъ. Завидя нашихъ, онъ принялъ мѣры къ оборонѣ. Вскорѣ завязалось дѣло. Выстрѣлы нашей артиллеріи поражали изумленныхъ французовъ, не понимавшихъ, откуда появились русскіе. Графъ Орловъ-Денисовъ послалъ извѣстить Ожеро о бѣгствѣ французской арміи, сказать ему, что онъ отовсюду окруженъ, и требовать сдачи. Ожеро не согласился на предложеніе, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ отступленіе казаковъ, бывшихъ отъ него влѣво, къ сторонѣ Долгомостья. Отступленіе произошло отъ того, что Бараге д-Илье, узнавъ объ аттакѣ на Ожеро, послалъ кирасировъ на его выручку. Въ намѣреніи удержать ихъ, графъ Орловъ-Денисовъ отрядилъ противъ нихъ столько войскъ, сколько могъ. Получивъ подкрѣпленіе, казаки кинулись на кирасировъ и начали рукопашный отчаянный бой. Французы побѣжали, преслѣдуемые 5-ть верстъ, и, наконецъ, были приперты къ болотистому ручью, гдѣ ихъ совсѣмъ уничтожили. 700 кирасъ, снятыхъ съ убитыхъ, доказывали пораженіе ихъ. Кирасы переданы впослѣдствіи въ Псковской драгунскій полкъ. Графъ Орловъ-Денисовъ опять послалъ къ Ожеро требовать сдачи и велѣлъ увѣдомить его, что Бараге д-Илье также окруженъ. Ожеро выѣхалъ лично для переговоровъ и сдался съ 60-ю офицерами и 2,000 рядовыхъ. Офицерамъ оставлены по капитуляціи шпаги и обѣщано сохраненіе ихъ собственности. Одержанный здѣсь успѣхъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ первый еще разъ въ походѣ цѣлый не-

пріятельскій отрядъ положилъ оружіе. Наступившая ночь помѣшала усилить дѣйствіе противъ Бараге д-Илье, а онъ, пользуясь темнотою, отступилъ къ Смоленску, оставленному такимъ образомъ совсѣмъ безъ защиты съ южной стороны, откуда, между тѣмъ, подходила главная русская армія, о движеніи которой Наполеонъне могъ получить извѣстія. Въ этомъ заключалась особенная важность дѣла подъ Ляховымъ.

Въ это-же самое время претерпѣвалъ совершенное пораженіе корпусъ вице-короля. Имѣя повелѣніе идти чрезъ Духовщину на Витебскъ, онъ переправился, 26-го октября, черезъ Днѣпръ въ Дорогобужѣ и потянулся къ Улховой слободѣ. Платовъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, гналъ и разсѣивалъ въ разныя стороны хвостъ его колоннъ, причемъ взялъ 3,000 плѣнныхъ и 64 орудія, брошенныя на дорогѣ. Ночью, съ 27-го на 28-е, вице-король послалъ наводить мостъ на Вопи, куда на разсвѣтѣ пошелъ съ корпусомъ, но дорогою получилъ донесеніе, что отъ прибылой воды и шедшаго по рѣкѣ льда мостъ снесло. Обозы, заранѣе отправленные впередъ, стояли возлѣ переправы, гдѣ вскорѣ столпился весь корпусъ. Между тѣмъ, подходили казаки и начинали перестрѣливаться съ арріергардомъ, которому послана на помощь дивизія итальянцевъ, съ приказаніемъ, какъ можно долѣе удерживать Платова. Вице-король велѣлъ войскамъ перейти рѣку въ бродъ, но спуски съ берега и бродъ все болѣе портились: невозможно было перевезти всю артиллерію. О переправѣ обозовъ уже не помышляли. Въ величайшей суматохѣ каждый выбиралъ изъ повозокъ свое лучшее имущество, особенно съѣстные припасы, навьючивалъ ихъ на себя или на лошадей и торопился пускаться по рѣкѣ, покрывшейся, между тѣмъ, непріятельскими трупами. Солдаты разсѣялись по обозамъ; грабежъ сдѣлался общимъ. Артиллеристы бросили орудія.

Когда совершалась эта, одна изъ самыхъ гибельныхъ, переправа корпуса черезъ Вонь, началъ отступать и арріергардъ, тѣснимый казаками. Во власть донцовъ достался весь обозъ, стоявшій вдоль берега на пространствѣ болѣе трехъ верстъ. Между экипажами было множество вывезенныхъ изъ Москвы дрожекъ. Онѣ особенно нравились непріятелю, но онъ не успѣлъ, однако-же, пощеголять ими на родинѣ. Платовъ взялъ на берегу 2,000 плѣнныхъ и 23 пушки, послѣ чего у вице-короля, ввиду потери наканунѣ 64-хъ орудій, осталось ихъ только 12. Наступившая ночь увеличила бѣдствія непріятелей, большею частью итальянцевъ. Вымокшіе въ Вопи, они лежали на снѣгу, безъ пищи, не имѣя даже достаточно дровъ. У небольшого числа огней жарили конину, клали на манерки снѣгъ и, распуская его, утоляли жажду. Тщетно вице-король и генералы хотѣли на разсвѣтѣ привести въ порядокъ полки: голосъ начальниковъ не имѣлъ власти надъ голодными, полузамерзшими сынами Италіи. Толпами поднялись они съ ночлега и пошли на Духовщину; но передъ городомъ они увидѣли казаковъ. То были 2 полка Иловайскаго 12-го, составлявшаго авангардъ генералъ-адъютанта Кутузова, который шелъ изъ Москвы черезъ Звенигородъ, Рузу и Сычевку. При вступленіи въ Духовщину, Иловайскій захватилъ начальника французскаго депо картъ Сансона, посланнаго для обозрѣнія дорогъ, ведущихъ въ Витебскъ. Расчитывая, что русскіе не могли быть въ значительныхъ силахъ въ Духовщинѣ, вице-король пошелъ съ гвардіею противъ Иловайскаго, оттѣснилъ его и занялъ городъ, откуда послалъ донесеніе къ Напо-

леону о своемъ пораженіи, испрашивая приказаній. Такъ какъ курьеру нельзя было проѣхать въ Смоленскъ, потому что казаки наводняли всѣ окрестности, то для конвоя адъютанта нарядили пѣхотную дивизію. Въ положеніи, до какого доведенъ былъ вице-король, ему нужны были не повелѣнія Наполеона, но требовалась немедленная рѣшимость. Въ Духовщинѣ онъ не нашелъ съѣстныхъ припасовъ, потому что городъ былъ совершенно пустъ. Не имѣя для изнеможенныхъ войскъ хлѣба, потерявъ артиллерію, видя, что казаки показывались отовсюду, онъ далъ корпусу отдохнуть сутки и, не дожидаясь возвращенія посланнаго къ Наполеону адъютанта, рѣшился не идти на Витебскъ, но поспѣшилъ къ Смоленску, на присоединеніе къ главной арміи. Уходя, непріятель сжегъ Духовщину. Платовъ слѣдовалъ за вице-королемъ, во всю дорогу бралъ плѣнныхъ, отбилъ еще 2 пушки и 31-го октября приблизился къ Смоленску, гдѣ въ тотъ день сосредоточились всѣ корпусы Наполеона. Потеря донцовъ при пораженіи вице-короля неизвѣстна: Платовъ писалъ князю Кутузову: «Объ убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны не доношу; будетъ въ томъ домашній счетъ, которыхъ, благодаря Бога, немного». Объ успѣхахъ Платова и вообще передовыхъ войскъ князь Кутузовъ доносилъ государю такъ: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ съ новою побѣдою. Казаки дѣлаютъ чудеса, бьютъ на артиллерію и пѣхотныя колонны. Всѣ французы, въ плѣнъ забираемые, неотступно просятъ о принятіи ихъ въ россійскую службу. Даже вчера итальянской гвардіи 15-ть офицеровъ приступили съ тою-же просьбою. Они говорятъ, что нѣтъ выше чести, какъ носить русскій мундиръ».

Войскамъ фельдмаршалъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Послѣ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. Итакъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ зима, вьюги и морозы; но вамъ-ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости непогодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научалъ сносить и голодъ, и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ! Передъ нами разбитый непріятель! Да будутъ за нами тишина и спокойствіе!»

Среди успѣховъ передовыхъ войскъ князь Кутузовъ продолжалъ свое боковое движеніе, повторяя въ окрестностяхъ Смоленска маневръ, произведенный имъ подъ Москвою, съ Рязанской дороги на Калужскую. Проведя два дня въ Ельнѣ, онъ выступилъ оттуда, 29-го октября, на Рославльскую дорогу къ Балтутину, 30-го перешелъ въ Лебково, гдѣ имѣлъ дневку, 1-го ноября прибылъ къ Щелканову, на Мстиславльскую дорогу, и сталъ на одной высотѣ съ Наполеономъ, находившимся тогда въ Смоленскѣ. Движеніе главной арміи совершалось такъ быстро, что ею были опережены два партизана. Изъ Щелканова фельдмаршалъ послалъ отряды графа Орлова-Денисова

сова и графа Ожаровскаго къ Красненской дорогѣ узнать, что происходитъ на этомъ главномъ пути непріятельскихъ сообщеній. Дорогою къ Красному, въ Пронинѣ, графъ Орловъ-Денисовъ разогналъ разныя непріятельскія депо, взялъ въ плѣнъ до 1,300 чел. и, что тогда было гораздо полезнѣе, взялъ шедшихъ въ Смоленскъ 1,000 лошадей, назначенныхъ подъ артиллерію, 400 телѣгъ съ виномъ и хлѣбомъ и стадо рогатаго скота. Далѣе, въ Червонномъ, онъ напалъ ночью на польскій корпусъ Понятовскаго, посланный Наполеономъ въ Могилевъ, для переформированія и потомъ для дальнѣйшаго оттуда слѣдованія въ Варшаву. Увидя, что дорога въ Могилевъ отрѣзана, Понятовскій возвратился въ Смоленскъ. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ отправленія графа Орлова-Денисова къ Красненской дорогѣ было донесеніе его объ единогласномъ показаніи забираемыхъ имъ плѣнныхъ о намѣреніи Наполеона не оставаться въ Смоленскѣ и отступленіи непріятелей къ Красному въ величайшемъ безпорядкѣ.

Оставимъ князя Кутузова 1-го ноября на Мстиславльской дорогѣ, въ Щелкановѣ, откуда онъ хотѣлъ идти на Красной, и обратимся къ Наполеону. Онъ пришелъ въ Смоленскъ съ гвардіею 29-го октября, черезъ 2½ мѣсяца послѣ выступленія оттуда въ Москву. Происшедшая въ его положеніи перемѣна была настолько велика, что трудно повѣрить, какъ могла она совершиться въ такое короткое время. Въ августѣ онъ предавался въ Смоленскѣ упоительнымъ мечтамъ завоевателя, а въ исходѣ октября былъ тамъ бѣглецомъ, съ обломками огромнѣйшей арміи, какую когда-либо освѣщало солнце. Самымъ вѣрнымъ изображеніемъ ея положенія есть слѣдующее донесеніе Наполеону начальника его штаба Бертье, писанное за день вступленія его въ Смоленскъ: «Долгомъ поставляю донести вашему величеству о состояніи корпусовъ, осмотрѣнныхъ мною на маршѣ въ послѣдніе три дня. Они почти въ совершенномъ разбродѣ. Только четвертая часть солдатъ остается при знаменахъ; прочіе идутъ сами по себѣ разными направленіями, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ службы. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣются отдохнуть. Въ послѣдніе дни много солдатъ побросали патроны и ружья. Какія ни были-бы ваши дальнѣйшія намѣренія, но польза службы вашего величества требуетъ собрать корпусы въ Смоленскѣ и отдѣлить отъ нихъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ войскъ. Необходимы продовольствіе и нѣсколько дней покоя; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; многіе умерли на дорогѣ и на бивакахъ. Такое бѣдственное положеніе безпрестанно усиливается и подаетъ опасеніе, что, если скоро не отвратимъ его, то у насъ не будетъ войскъ въ сраженіи».

Въ день прибытія Наполеона въ Смоленскъ, ему привезли одно за другимъ нѣсколько горестныхъ для него донесеній: 1) Ожеро положилъ въ Ляховѣ оружіе; 2) вице-король разбитъ на Вопи; 3) Витебскъ взятъ русскими, и Викторъ съ Сенъ-Сиромъ отчаиваются удержать наступательныя дѣйствія графа Виттенштейна; 4) Чичаговъ идетъ на Минскъ. Всѣ эти извѣстія пришли къ Наполеону, когда онъ былъ глубоко огорченъ, получивъ наканунѣ донесеніе о вспыхнувшемъ въ Парижѣ бунтѣ генераловъ Малле и Лагори, имѣвшемъ цѣлью учредить республиканское правленіе. Хотя бунтъ скоро потушили, однако-жъ, Наполеонъ былъ до такой степени опечаленъ минутнымъ успѣхомъ

заговорщиковъ, доказывавшимъ зыбкое основаніе его власти, что не могъ скрыть своей скорби и при всѣхъ обнаружилъ ее. Къ довершенію досады Наполеонъ не нашелъ въ Смоленскѣ никакихъ заготовленій, хотя многократно приказывалъ объ устройствѣ тамъ магазиновъ. Запасы были въ такомъ небольшомъ количествѣ, что едва оказались достаточными для гвардіи и первыхъ послѣ Наполеона пришедшихъ въ Смоленскъ войскъ. «Раздача провіанта», пишетъ его секретарь, «была не что иное, какъ продолжительный грабежъ». Повсемѣстное народное возстаніе въ Смоленской губерніи сдѣлало наполненіе магазиновъ невозможнымъ. Къ тому присоединилась алчность провіантскихъ чиновниковъ. Они употребляли въ свою пользу казенныя деньги, назначенныя Наполеономъ для закупки вина, мяса и хлѣба въ то время, когда онъ убѣдился, что требованіями отъ обывателей не было возможности добывать продовольствіе. Въ порывѣ гнѣва, Наполеонъ приказалъ разстрѣлять главнаго провіантскаго чиновника, конечно, виновнаго въ растратѣ денегъ, но не въ томъ, что не покупалъ запасовъ, такъ какъ не было продавцовъ.

Невозможность оставаться въ Смоленскѣ, какъ то Наполеонъ прежде полагалъ, направляясь туда изъ Москвы, была очевидна и по причинѣ недостатка въ запасахъ, и потому, что его тылу угрожали наступательныя дѣйствія графа Витгенштейна и движеніе Чичагова изъ Бреста къ Минску. Отъ военной прозорливости Наполеона не могло скрыться, что эти два генерала, безъ сомнѣнія, имѣли какое-либо важное назначеніе, и что цѣлью ихъ дѣйствій должно было быть пораженіе его боковыхъ корпусовъ и пресѣченіе ему обратнаго пути изъ Россіи. Для отступленія отъ Смоленска онъ хотѣлъ только выждать тамъ вице-короля изъ Духовщины и войскъ, находившихся еще назади, между Смоленскомъ и Соловьевою переправою, однако, не помышлялъ о возвращеніи за Нѣманъ и намѣревался зимовать въ Бѣлоруссіи. Первымъ условіемъ для исполненія этого предположенія было оттѣснить графа Витгенштейна за Двину, что приказывалось самымъ строгимъ, даже убѣдительнымъ образомъ Сенъ-Сиру, Удино и Виктору. «Съ вашими войсками», писалъ Наполеонъ Виктору, «успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію, и, если вы скоро одержите побѣду, она возымѣетъ величайшія послѣдствія, давъ намъ возможность занять Витебскъ и стать на зимнія квартиры между Могилевомъ, Оршею и Полоцкомъ. Тутъ заключимъ миръ или приготовимъ себѣ вѣрные успѣхи на будущій походъ, угрожая Петербургу. Если вы не разобьете графа Витгенштейна, то Кутузовъ успѣетъ съ нимъ соединиться черезъ Витебскъ, и уже не иначе можно будетъ вытѣснить его изъ этой позиціи, какъ генеральнымъ сраженіемъ, котораго нельзя дать зимою. Тогда придется намъ занять зимнія квартиры далѣе, оставивъ непріятелю Двину и часть Литвы, отъ чего на слѣдующій походъ, въ военномъ отношеніи, у русскихъ будутъ выгоднѣйшія позиціи, нежели у насъ». Надежда Наполеона зимовать въ Бѣлоруссіи происходила также отъ невѣдѣнія о дѣйствіяхъ князя Кутузова, шедшаго на путь его отступленія и потеряннаго имъ изъ вида съ Вязьмы. «Главная русская армія еще далеко назади», писалъ Наполеонъ изъ Смоленска къ Даву, «противъ нашего лѣваго крыла только одинъ обсерваціонный корпусъ». Этотъ корпусъ, названный Наполеономъ обсерваціоннымъ, былъ—вся главная русская армія. Наполеонъ думалъ, что князь Кутузовъ находится около Дорогобужа и ожидаетъ тамъ, пока фран-

цузы очистятъ Смоленскъ, чтобы идти въ Витебскъ на соединеніе съ графомъ Виттенштейномъ. Такъ снова явилась въ полномъ блескѣ мудрость соображеній князя Кутузова. Онъ заслонилъ всѣ пути, по которымъ Наполеонъ могъ двинуться на югъ, въ уцѣлѣвшій край, ввелъ его въ совершенное заблужденіе на счетъ своихъ замысловъ, а самъ шелъ на сообщенія непріятелей. «Желаю только», писалъ онъ, «чтобы Наполеонъ хоть на нѣкоторое время остановился въ Смоленскѣ, чѣмъ дастъ намъ способъ его отрѣзать».

Наполеонъ прожилъ въ Смоленскѣ три дня, употребленные на устройство арміи. Всѣ конные полки онъ раздѣлилъ на двѣ части: одну, имѣвшую лошадей, а другую безлошадныхъ. Изъ 4-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ составили одинъ, порученный Латуръ-Мобуру; надѣлили ружьями тѣхъ солдатъ, которые дорогою ихъ кинули, и спѣшенныхъ кавалеристовъ; на каждаго человѣка дали по 5-ти патроновъ. Полки снабдили ручными мельницами, привезенными въ Смоленскъ изъ Франціи и Германіи. Эта мѣра не только не принесла никакой пользы, но походила на горькую насмѣшку, потому что на мельницахъ нечего было молоть. Между тѣмъ, вслѣдъ за Наполеономъ начали подходить и прочіе корпусы къ Смоленску, куда они спѣшили, какъ въ обѣтованную землю, не сомнѣваясь, что остановятся тамъ на зимнихъ квартирахъ. Эта мысль поддерживала утомленныхъ, согрѣвала замерзавшихъ; каждый напрягалъ послѣднія силы для достиженія города, гдѣ должны были кончиться злоключенія. Завидя издали верхи Смоленска, непріятели ликовали, забывали голодъ и стужу, въ безпорядочныхъ толпахъ, тысячами, ломились въ городъ. Отъ тѣсноты въ воротахъ убивали другъ друга, бѣжали къ мнимымъ запасамъ, на теплыя жилья; но внезапно, какъ громовой ударъ, поражала ихъ вѣсть, что нѣтъ припасовъ и помѣщенія въ домахъ, что въ Смоленскѣ не останавливаются и надобно идти дальше. Къ дополненію ихъ бѣдствій наступилъ сильный морозъ, болѣе нежели въ 20 градусовъ. Къ несчастію, стужа была непродолжительна, и на другія сутки потеплѣло, безъ чего погибель враговъ была неотвратима. Въ то время, 1-го ноября, Смоленскъ представлялъ ужасное зрѣлище. Отъ Московской заставы до Днѣпра дорога была усѣяна человѣческими трупами и падалищемъ. Московское предмѣстье отъ пожаровъ сдѣлалось полемъ. На немъ и на снѣжной поверхности Днѣпра стояли фуры, зарядные ящики, лазаретныя кареты, пушки, лежали пистолеты, штыки, барабаны, кирасы, кивера, медвѣжьи шапки, музыкальные инструменты, шомпола, тесаки, сабли. На набережной, между мертвыми тѣлами, стоялъ длинный рядъ фуръ, еще съ невыпряженными, но упавшими лошадьми, и едва дышавшими на козлахъ погонщиками. Тамъ-же лежали лошади съ выпущенною внутренностью и съ разрѣзанными животами, куда вползали непріятели согрѣться, или кониной утолить голодъ. Гдѣ оканчивается набережная, по дорогѣ около городовой стѣны, въ 6 и болѣе рядовъ, слишкомъ на 5 верстъ, были брошены зарядные и патронные ящики, московскія коляски, кареты, дрожки, военныя кузницы. Непріятели кутались отъ холода въ священническія рясы, стихари, женскіе салопы, обвертывали ноги соломою, на головы надѣвали капоры, жидовскія шапки, рогожи.

ГЛАВА XI.
Русскія побѣды.

I.
Битвы подъ Краснымъ.

Въ одинъ и тотъ-же день, 2-го ноября, выступили къ Красному Наполеонъ изъ Смоленска, князь Кутузовъ изъ Щелканова. Уже наканунѣ тронулись изъ Смоленска на Красный—корпусъ Жюно, гвардейская артиллерія, парки, спѣшенные кавалеристы и обозы. Лѣвою стороною дороги слѣдовалъ Польскій корпусъ, за болѣзнью Понятовскаго порученный Заіончеку. 2-го ноября, выходя изъ Смоленска съ гвардіею, Наполеонъ намѣревался ночевать въ Корытнѣ, велѣвъ прочимъ корпусамъ выступать изъ Смоленска въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва вице-королю, потомъ Даву и, наконецъ, Нею; всѣ корпусы должны были находиться между собою на разстояніи одного перехода. Нею, составлявшему арріергардъ, велѣно было выпроводить больныхъ и отсталыхъ и при выступленіи изъ Смоленска сжечь все, чего нельзя было увезти, артиллерію, ружья, обозы и взорвать стѣны и башни, для чего во время пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ въ разныхъ мѣстахъ подведены были мины.

Князю Кутузову не могло быть извѣстно точно, куда Наполеонъ отступилъ изъ Смоленска—на Витебскъ или на Оршу? Полученныя княземъ Кутузовымъ въ Щелкановѣ свѣдѣнія гласили, что непріятели идутъ тремя дорогами: 1) черезъ Касплю на Витебскъ, 2) черезъ Любавичи на Бабиновичи и 3) на Красный и Оршу. «Сіи извѣстія»,—писалъ фельдмаршалъ графу Витгенштейну,—«требуютъ подтвержденія. Между тѣмъ, я продолжаю маршъ на Красной, и, если непріятель раздѣлился на 3 части, то, безъ сомнѣнія, та, которая идетъ чрезъ Красной на Оршу, понесетъ сильный уронъ отъ меня и чрезъ то подастъ мнѣ способы, переправясь при Оршѣ или другомъ какомъ мѣстѣ чрезъ Днѣпръ, обратиться по направленію чрезъ Смольяны на Сенно или Лепель. Полагаю, что главное пораженіе, которое непріятелю нанести можно, должно быть между Днѣпромъ, Березиною и Двиною, и для того содѣйствіе ваше въ семъ случаѣ необходимо, ибо отдаленность адмирала Чичагова такъ велика, что онъ болѣе имѣетъ удобства разстроить Виленскую конфедерацію, нежели участвовать въ пораженіи главной непріятельской арміи».

Движеніе нашихъ войскъ съ Мстиславльской дороги къ Красному было произведено 2-го ноября слѣдующимъ образомъ: 1) самъ князь Кутузовъ выступилъ къ Волкову и Юрову; 2) Милорадовичъ, съ корпусами: пѣхотнымъ князя Долгорукова и кавалерійскимъ Миллера-Закомельскаго, пошелъ чрезъ Княгинино къ Рогайлову, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться корпусъ Раевскаго; 3) графъ Остерманъ съ своимъ корпусомъ и кавалерійскимъ Васильчикова былъ направленъ на Кобызево, откуда ему велѣно было посылать разъѣзды какъ можно далѣе влѣво и къ Смоленску и имѣть казачьи посты на дорогахъ Мстиславльской, Рославльской и Ельненской. Прикрытіе этихъ дорогъ было нужно потому, что по нимъ бродили разсѣянные непріятели и шли наши обозы. Еще другая, гораздо важ-

нѣйшая причина побудила поставить графа Остермана въ Кобызевѣ. Узнавъ о числѣ непріятельскихъ войскъ, тянувшихся изъ Смоленска къ Красному, князь Кутузовъ не отвергалъ возможности, что они, услышавъ о прибытіи русской арміи къ Красному, повернутъ влѣво на Могилевъ, черезъ горы или Мстиславль. Въ такомъ случаѣ графъ Остерманъ долженъ былъ удержать ихъ; 4) графъ Ожаровскій стоялъ въ Кутьковѣ, откуда въ тотъ день сдѣлалъ удачный набѣгъ на Красный; 5) два партизана находились лѣвѣе отъ Краснаго и 6) Платовъ, стоя въ виду Смоленска, на Покровской горѣ, при Петербургскомъ въѣздѣ, вгонялъ въ Смоленскъ передовыя войска Нея и, обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, посылалъ повсюду разъѣзды, стараясь препятствовать Нею фуражировать. Однимъ разъѣздомъ было найдено 9 брошенныхъ французами пушекъ. Къ Платову примкнулъ отрядъ Карпенкова, подошедшій къ Смоленску отъ Соловьевой переправы.

Въ Юровѣ князь Кутузовъ имѣлъ дневку, ожидая окончательныхъ извѣстій о движеніяхъ Наполеона, чтобы, сообразуясь съ ними, располагать своими дѣйствіями. Милорадовичу онъ велѣлъ идти черезъ Ржевку на Красненскую дорогу и отрѣзать непріятеля, отступавшаго къ Красному. 3-го ноября, въ 4 часа пополудни, Милорадовичъ приблизился къ столбовой дорогѣ и увидѣлъ шедшее по ней войско. То была, какъ послѣ узнали, французская гвардія, которую велъ Наполеонъ. Появленіе русской пѣхоты и регулярной конницы было для Наполеона вполнѣ неожиданно. Онъ не предполагалъ возможности быть предупрежденнымъ русскою арміею и думалъ, что преслѣдуютъ его одни казаки. Милорадовичъ тоже сначала не зналъ, какую именно часть непріятельскихъ войскъ и въ какомъ числѣ имѣетъ передъ собою. Онъ поставилъ батареи, стрѣлялъ по непріятелю и, произведя въ немъ разстройство, аттаковалъ его конницею, но Наполеонъ уже прошелъ къ Красному. Только заднія его колонны были отрѣзаны. Однѣ изъ нихъ оборонялись и были взяты съ оружіемъ въ рукахъ, другія побѣжали назадъ, къ Смоленску, третьи разсыпались по лѣсамъ, прилегающимъ къ Днѣпру. Съ боя взяты 6 пушекъ, и найдено нѣсколько брошенныхъ орудій. Наполеонъ остановился въ Красномъ ждать изъ Смоленска Даву, Нея и вице-короля. Узнавъ, что въ 4-хъ верстахъ отъ Краснаго, въ Кутьковѣ, стоялъ отрядъ графа Ожаровскаго, онъ послалъ часть гвардіи для истребленія его. Нападеніе было произведено ночью. Графъ Ожаровскій былъ оттѣсненъ, потерялъ много людей, однако, спасъ артиллерію. Милорадовичъ оставилъ у столбовой дороги наблюдательный отрядъ Юрковскаго, отвелъ прочія войска за 4 версты въ сторону и расположился съ ними на ночлегъ при Угрюмовѣ.

4-го ноября князь Кутузовъ выступилъ изъ Волкова къ Красному, приказавъ наканунѣ Милорадовичу перейти боковымъ маршемъ къ Мерлину, для сближенія съ арміею. Все утро не показывалось ни одного француза на дорогѣ изъ Смоленска. Часа въ три пополудни казаки донесли, что вице-король тянется густыми колоннами изъ Ржавки. Милорадовичъ поставилъ пѣхотный корпусъ князя Долгорукова и 1-й кавалерійскій поперекъ дороги, а параллельно съ нею Раевскаго, имѣвшаго съ собою только 26-ю дивизію Паскевича, потому что 12-ю, Колюбакина, Милорадовичъ послалъ на дорогу при первомъ извѣстіи о появленіи на ней непріятеля. Видя, что онъ от-

рѣзанъ отъ Краснаго, вице-король построилъ корпусъ въ боевой порядокъ. Его сопровождали толпы безоружныхъ солдатъ, кавалеристовъ безъ лошадей, канонеровъ безъ орудій. Артиллерія, которою Наполеонъ снабдилъ въ Смоленскѣ своего пасынка, потерявшаго почти всѣ орудія на Вопи, была большею частью брошена вице-королемъ на послѣднемъ переходѣ изъ Смоленска: у него оставалось только 17 орудій. Одна колонна вице-короля аттаковала правый флангъ Паскевича, другая пошла напроломъ по большой дорогѣ, третья осталась въ резервѣ. Неравный бой не могъ долго продолжаться. Непріятель былъ всюду опрокинутъ: гдѣ штыками, гдѣ кавалерійскими аттаками. Давъ отпоръ, Милорадовичъ послалъ требовать сдачи, но, видя медленность въ отвѣтѣ, приказалъ аттаковать. Непріятель былъ сбитъ съ большой дороги и разсѣялся, стараясь пробраться къ Красному проселками и полями, что ему и удалось, благодаря наступившей темнотѣ. Французы потеряли одно знамя, 1.500 плѣнныхъ, въ томъ числѣ генерала, и 17 пушекъ, то-есть, всю находившуюся при нихъ артиллерію.

Между тѣмъ, князь Кутузовъ былъ на маршѣ изъ Волкова и, не доходя до Краснаго 5-ти верстъ, расположился лагеремъ между Новоселками и Шиловою. Корпусъ графа Строганова и 2-я кирасирская дивизія стали при Новосѣлкахъ; за ними—корпусы Дохтурова и Бороздина, въ резервѣ—гвардія и 1-я кирасирская дивизія. Отрядъ Бороздина 2-го, которому подчинили также отрядъ заболѣвшаго графа Орлова-Денисова, содержалъ вправо сообщеніе съ Милорадовичемъ, стоявшимъ между Никулинымъ и Мерлинымъ. Князь Кутузовъ лично осмотрѣлъ позицію, занимаемую непріятелемъ впереди Краснаго, лицомъ къ деревнѣ Уваровой. Тутъ были: гвардія, пришедшіе заранѣе изъ Смоленска корпусы Жюно и Заіончека и остатки корпуса вице-короля. Войсками предводительствовалъ Наполеонъ, имѣвшій намѣреніе ожидать въ Красномъ маршаловъ Даву и Нея; первый долженъ былъ присоединиться къ нему 5-го, а послѣдній 6-го ноября. Видя, что этимъ маршаламъ нельзя примкнуть къ нему безъ сильныхъ потерь, пока Милорадовичъ стоялъ у Мерлина и Никулина, Наполеонъ рѣшился аттаковать на слѣдующее утро нашу главную армію, въ томъ предположеніи, что князь Кутузовъ, при нападеніи на него, непремѣнно притянетъ къ себѣ Милорадовича и тѣмъ дастъ возможность Даву и Нею безпрепятственно пройти къ Красному. Вечеромъ 4-го числа были сдѣланы распоряженія къ аттакѣ. Готовясь къ бою Наполеонъ полагался преимущественно на гвардію: прочія находившіяся съ нимъ армейскія войска были въ большомъ разстройствѣ.

И князь Кутузовъ готовился аттаковать непріятеля, предполагая завести поутру 3-го ноября большую часть войскъ въ тылъ его, къ Доброму, и отрѣзать ему дорогу въ Ляды. Для предположеннаго нападенія фельдмаршалъ раздѣлилъ армію на двѣ неравныя части. Одну онъ поручилъ князю Голицыну, другую, большую — Тормасову, приказавъ ему, съ корпусами Дохтурова, Бороздина, гвардейскимъ и 1-ю кирасирскою дивизіею, идти 5-го ноября, въ 8 час. поутру, изъ Шилова черезъ Зунькову, Сидоровичи, Кутьково и Сорокино къ Доброму. Авангардъ его, подъ начальствомъ барона Розена, состоялъ изъ гвардейскихъ полковъ Егерскаго и Финляндскаго, одного казачьяго, кирасирскихъ его и ея величества и роты легкой гвардейской артиллеріи. Барону Розену назначалось выступить въ 6 час. поутру изъ Си-

доровичей. Другая, меньшая часть арміи, порученная князю Голицыну, состояла изъ корпуса графа Строганова и 2-й кирасирской дивизіи. Ему велѣно было идти 5-го числа изъ Новоселокъ на деревню Уварову и начать движеніе черезъ полтора часа послѣ выступленія Тормасова къ Доброму. Извѣщая о своихъ предположеніяхъ Милорадовича, князь Кутузовъ писалъ ему: «При приближеніи непріятеля, (то-есть, Даву) къ Красному, не тревожьте его въ маршѣ, но, какъ онъ васъ минетъ, поставьте его между вашимъ и нашимъ огнемъ, чтобы принудить его сдаться». Графу Остерману приказано было двинуться изъ Кобызева влѣво, на Корытню, и послать кавалерію во всѣ стороны къ Смоленской и Мстиславльской дорогамъ, дѣлая видъ, будто хотимъ аттаковать французовъ подъ Смоленскомъ, а, между тѣмъ, не препятствовать имъ идти къ Красной, тѣснить ихъ съ тыла и гнать на нашу главную армію. Графу Ожаровскому велѣно дѣлать набѣги лѣвѣе отъ Тормасова, къ Синякамъ.

Въ этихъ общихъ чертахъ заключались распоряженія князя Кутузова, но они не всѣ были приведены въ исполненіе. Рано поутру, 5-го ноября, пріѣхалъ Наполеонъ къ своимъ войскамъ, впереди Краснаго. Онъ былъ въ темнозеленой бекешѣ, подбитой соболемъ, въ собольей шапкѣ и, по причинѣ гололедицы, опирался на березовый сукъ. Осмотрѣвъ нашу позицію, гдѣ былъ только князь Голицынъ, съ корпусомъ графа Строганова и 2-ю кирасирскою дивизіею, потому что Тормасовъ находился съ прочими войсками у Шиловой и Зунькова, Наполеонъ приказалъ аттаковать деревню Уварову, занятую Черниговскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Князь Голицынъ двинулъ графа Строганова впередъ къ оврагу, послалъ подкрѣпленіе къ Уварову, въ правую сторону ея отрядилъ кирасирскую бригаду и поставилъ орудія на высоты праваго берега Лосминскаго оврага. Огонь ихъ былъ обращенъ и на непріятельскую позицію, и на столбовую дорогу, куда Наполеонъ отрядилъ часть войска, для скорѣйшаго открытія сообщеній съ Даву. Съ обѣихъ сторонъ началась канонада. Князь Голицынъ былъ слишкомъ слабъ и не могъ одинъ продолжать наступленіе противъ всѣхъ войскъ, соединенныхъ Наполеономъ, а потому для начатія рѣшительнаго движенія выжидалъ содѣйствія Милорадовича, который долженъ былъ подкрѣпить его съ правой стороны. Въ то время батареи Милорадовича дѣйствовали по корпусу Даву, который всѣми силами ускорялъ маршъ и почти бѣгомъ старался соединиться съ Наполеономъ. Иныя изъ его колоннъ, желая уклониться отъ нашихъ выстрѣловъ, бросались съ дороги вправо, въ лѣса, чтобы невредимо пройти до мѣста своего назначенія. Давъ маршалу Даву поравняться съ деревнею Еськовою, Милорадовичъ вышелъ на дорогу и сталъ тѣснить его съ тыла, причемъ захватилъ въ плѣнъ болѣе 1,000 человѣкъ и взялъ знамя и 13 орудій. Видя свое правое крыло обезпеченнымъ, князь Голицынъ началъ переводить войска за Лосминскій оврагъ. Наполеонъ хотѣлъ остановить его наступательнымъ движеніемъ и послалъ гвардейскій волтижерный полкъ противъ нашей батареи, бывшей впереди Уваровой. Кирасирскіе полки Новгородскій и Малороссійскій пошли въ аттаку на волтижеровъ, свернувшихся въ каре, но были отбиты. Подвезли орудія и картечами разстроили непріятеля, послѣ чего князь Шаховской съ двумя полками ударилъ въ штыки, а кирасиры, врубившись, довершили истребленіе каре. Изъ непрія-

тельской линіи двинулись войска впередъ для поддержанія волтижеровъ, но, увидѣвъ пораженіе ихъ, возвратились; Наполеонъ велѣлъ повсемѣстно отступать, потому что завязалъ дѣло только въ намѣреніи соединиться съ Даву и Неемъ. Убѣдясь въ невозможности дождаться обоихъ, онъ долженъ былъ удовольствоваться появленіемъ перваго, тѣмъ болѣе, что ему донесли изъ Добраго о приближеніи туда русскихъ. То былъ авангардъ Тормасова. Приказавъ Даву распоряжаться у Краснаго, Наполеонъ поскакалъ черезъ Доброе къ Лядамъ, куда предварительно послана была часть гвардіи для обезпеченія отступленія. Милорадовичъ и князь Голицынъ продолжали сильно напирать на непріятеля. Полковникъ Никитинъ, о которомъ князь Голицынъ въ донесеніи говоритъ, что «его дѣятельность, храбрость и искусство превышали всякую похвалу», не давалъ непріятелю времени останавливаться, но, слѣдуя по пятамъ его, поражалъ отступающихъ картечами. Отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Не желая напрасно тратить выстрѣлы, Никитинъ аттаковалъ бѣгущихъ канонерами и отбилъ 3 пушки. Одна непріятельская колонна, не успѣвшая войти въ Красной, была отрѣзана. Она старалась пробраться мимо города; ее аттаковали Орденскій и Екатеринославскій кирасирскіе полки, частью изрубили, частью взяли въ плѣнъ. Число захваченныхъ Милорадовичемъ и княземъ Голицынымъ плѣнныхъ простиралось до 7,000 человѣкъ; взято 28 орудій, съ боя и брошенныхъ французами на мостахъ, пригоркахъ и въ улицахъ Краснаго.

Обратимся къ Тормасову, который долженъ былъ съ большею частью арміи зайти въ тылъ французовъ у Добраго. Этого не случилось. Когда онъ началъ свое движеніе, князь Кутузовъ узналъ отъ одного красненскаго жителя и отъ плѣнныхъ, что въ Красномъ находится Наполеонъ. Фельдмаршалъ велѣлъ Тормасову остановиться, потому что диспозицію къ маршу на Доброе, въ обходъ непріятеля, далъ наканунѣ только въ томъ предположеніи, что немалая часть французскихъ войскъ, собравшихся подъ Краснымъ, вѣроятно, отойдетъ ночью къ Лядамъ, но, какъ только удостовѣрился въ противномъ, отмѣнилъ намѣреніе стать на пути отступленія всей непріятельской арміи. Разстройство ея не было у насъ въ точности извѣстно. Мы видѣли кучи отсталыхъ, безоружныхъ, которые тянулись за войсками, падали отъ изнуренія, шатались по сторонамъ, но у насъ не знали, какъ велико число находившихся подъ знаменами, способныхъ обороняться. Тайна всей слабости Наполеона еще не была и не могла быть вполнѣ раскрыта, и потому князь Кутузовъ не хотѣлъ случайностямъ боя предоставить то, чего могъ достигнуть вѣрнѣйшимъ способомъ—повременивъ немного. Онъ предпочелъ, не вдаваясь въ генеральное сраженіе, бить французовъ по частямъ и пожинать вѣрные плоды своихъ соображеній, расчитывая, что каждый день отступленія непріятелей, по причинѣ голода, зимы и безпрестанныхъ на нихъ нападеній, былъ для Наполеона истиннымъ пораженіемъ. Война приняла совершенно новый, необыкновенный оборотъ, и не походила ни на одну изъ войнъ минувшихъ временъ. Дѣло состояло не въ сраженіяхъ съ Наполеономъ, но въ истребленіи его арміи. Направившись на разоренную дорогу и подвергаясь ежедневнымъ нападеніямъ, она должна была сама собою гибнуть, между тѣмъ какъ русскія войска оставались цѣлы. Въ Бородинѣ, гдѣ надобно было дать сраженіе, князь Кутузовъ рѣшился помѣряться силами своими съ Наполеономъ

озаренным тогда лучами непобѣдимости и имѣвшимъ войско многочисленнѣйшее противъ нашего. Подъ Малоярославцемъ онъ тоже предлагалъ ему бой, тогда необходимый для прегражденія Наполеону пути въ Калугу, но въ Красномъ князь Кутузовъ не аттаковалъ непріятеля, слабѣйшаго числомъ, считая сраженіе безполезною растратою русскихъ войскъ. Не подлежало сомнѣнію, что полки Наполеона, лично имъ предводимые, увидѣвъ себя отрѣзанными, предпочли-бы скорѣе смерть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели плѣнъ. Отчаяніе придало-бы имъ новыя силы, и пролилось-бы много русской крови для полученія того, что можно было пріобрѣсть безъ потерь. Съ Тарутинскаго сраженія до прихода къ Красному было взято у Наполеона уже 208 орудій, не считая 26-ти пушекъ, оставленныхъ имъ въ Москвѣ. Его войска претерпѣвали страшныя бѣдствія, увеличивавшіяся съ каждымъ шагомъ и часомъ. Стоило только запастись терпѣніемъ на нѣсколько дней, и тогда безъ принесенія особенныхъ жертвъ, можно было ожидать разрушенія главной арміи Наполеона. Данное фельдмаршаломъ Тормасову повелѣніе остановиться не порадовало, однако, войскъ, горѣвшихъ желаніемъ сражаться. Замѣтивъ на лицахъ неудовольствіе, князь Кутузовъ сказалъ: «За десятерыхъ французовъ не отдамъ я одного русскаго. Непріятели скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?» Припомнимъ, что за границею, на которую указывалъ князь Кутузовъ, была еще вся вооруженная противъ Россіи и раболѣпно повиновавшаяся Наполеону Европа.

Въ 11 часовъ, когда Милорадовичъ обогнулъ тылъ Даву, послано Тормасову повелѣніе продолжать остановленное движеніе. Впереди Тормасова шелъ баронъ Розенъ, по узкой тропинкѣ шестирядною колонною. Люди увязали въ снѣгѣ по колѣни. Розенъ приблизился къ столбовой дорогѣ въ 3-мъ часу пополудни, когда Наполеонова гвардія, остатки корпусовъ вице-короля и Даву уже миновали Доброе, и только французскій арріергардъ подходилъ къ этому селенію, загроможденному пушками и обозами и съ одного конца объятому пламенемъ. Подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и артиллеріи наши приближались съ барабаннымъ боемъ къ Доброму. Желая обезпечить отступленіе арріергарда, непріятель сомкнулъ колонны и двинулся намъ навстрѣчу. Кирасиры его и ея величества пошли въ аттаку, но были отбиты. Гвардейскіе егеря ударили въ штыки; непріятель принялъ ихъ батальнымъ огнемъ, однако, не устоялъ противъ натиска. Давъ послѣдній залпъ, французы повернули назадъ къ деревнѣ. Финляндскій полкъ ворвался въ нее и взялъ 6 пушекъ. Непріятель разсыпался по домамъ и за заборы, продолжая перестрѣлку, но, окруженный со всѣхъ сторонъ пламенемъ, егерями, кирасирами и штыками, бросилъ оружіе. Многіе изъ непріятелей, не успѣвшіе по выходѣ изъ Краснаго пробраться въ Доброе, побѣжали вправо, къ Днѣпру, разсѣялись въ лѣсахъ и поодиночкѣ искали спасенія. Вскорѣ по прекращеніи дѣла въ авангардѣ, пришелъ Тормасовъ и поставилъ корпусы на большой дорогѣ лицомъ къ Оршѣ. Милорадовичъ и князь Голицынъ стали между Лосминскимъ оврагомъ и Краснымъ, фронтомъ къ Смоленску, ожидая оттуда Нея. Князь Кутузовъ расположился на ночь въ Добромъ; Наполеонъ былъ въ Лядахъ, куда подъ вечеръ пришла его гвардія. Во время ея марша донцы гарцовали близъ дороги, тщетно пытаясь оторвать

кого-нибудь отъ сомкнутыхъ колоннъ. Колонны валили одна за другою, отгоняя казаковъ ружейными выстрѣлами. Наполеонъ потерялъ въ этотъ день, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, плѣнными: 2-хъ генераловъ, 52 офицера, болѣе 9,000 нижнихъ чиновъ, 70 орудій, 3 знамени, 3 штандарта и множество обозовъ, въ которыхъ найденъ маршальскій жезлъ Даву. Съ нашей стороны убито и ранено до 800 человѣкъ.

Ночью, когда все утихло, въ авангардѣ барона Розена раздался крикъ часовыхъ: «Становись!» Ударили подъемъ; казачьи ведеты сомкнулись. При свѣтѣ пылавшихъ деревень увидѣли выходившія на дорогу толпы непріятелей. Гвардейскіе егеря и Финляндскій полкъ побѣжали къ нимъ навстрѣчу, но толпы, составленныя изъ отсталыхъ и спѣшенныхъ кавалеристовъ съ карабинами, не долго сопротивлялись. При первой стычкѣ, онѣ были обращены въ бѣгство къ деревнѣ Синикамъ, хотѣли въ ней защищаться, но вскорѣ бросили оружіе, причемъ захвачено до 1,000 нижнихъ чиновъ и 3 орудія. Эти трофеи принадлежатъ къ числу показанныхъ выше. Къ нашимъ бивакамъ всю ночь подходили бродившіе по снѣгу непріятели, вымаливали кусокъ хлѣба и мѣсто подлѣ огня. Съ нѣкотораго времени наши часовые уже не обращали никакого вниманія на бродягъ, въ полномъ смыслѣ слова, наводнявшихъ всѣ окрестности. Они шатались, какъ голодные звѣри, подбирая на снѣгу объѣдки, кости, замерзшихъ птицъ и всякую падаль. Иные, подходя къ уцѣлѣвшимъ въ Красномъ домамъ и стучась въ окна, спрашивали: «Не здѣсь-ли принимаютъ тѣхъ, кто сдается въ плѣнъ»?

Поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ-подъ Краснаго Наполеонъ предавалъ на жертву корпусъ Нея. Онъ составлялъ арріергардъ арміи и послѣдній выступалъ изъ Смоленска. Ней оставался тамъ до 4-го ноября, наблюдаемый Платовымъ, который все болѣе и болѣе подавался впередъ и, наконецъ, занялъ петербургское предмѣстье, но не пытался врываться въ самый городъ, зная, что тамъ находилось 15,000 пѣхоты. Перестрѣлка происходила безпрестанно; каждый день казаки подбирали пушки, брошенныя непріятелемъ въ окрестностяхъ. 4-го ноября изъ нашего лагеря было замѣчено движеніе французскихъ войскъ и обозовъ по улицамъ и площадямъ Смоленска. Передъ вечеромъ Платовъ получилъ отъ бѣглаго польскаго капитана извѣстіе о скоромъ выступленіи корпуса Нея. Созвавъ къ себѣ всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, Платовъ велѣлъ отслужить въ виду смоленскихъ церквей благодарственный молебенъ, съ пушечною пальбою и съ восклицаніями «ура»! за здравіе государя. Потомъ, не сомнѣваясь болѣе, что непріятели ночью очистятъ городъ, онъ оставилъ подъ Смоленскомъ маіора Горихвостова съ 20-мъ егерскимъ полкомъ, а самъ со всѣми прочими войсками своего отряда и 1-мъ егерскимъ полкомъ пошелъ правымъ берегомъ Днѣпра на Катань, намѣреваясь продолжать оттуда движеніе на Оршу.

Въ полночь на 5-е ноября, въ тотъ день, когда шло сраженіе подъ Краснымъ, Ней тронулся изъ Смоленска. Предварительно, по данному ему повелѣнію, онъ сжигалъ французское казенное имущество, котораго не могъ увезти съ собою, и распорядился взрывомъ города. Когда послѣднія войска вышли изъ заставы, загорѣлся Смоленскъ, зажженный непріятелемъ. Ночь была звѣздная и морозная. Пожаръ ярко освѣтилъ небосклонъ и высоты противоположнаго

берега, отливаясь въ гладкой поверхности свѣтлаго льда, покрывавшаго Днѣпръ. Въ половинѣ второго часа, взрывъ первой мины грянулъ въ облака, и грохотъ его раскатился по крутизнамъ гористыхъ окрестностей. Камни различной тяжести и величины, подъ силою пороха, разнесясь кругомъ, застучали по мерзлому пожарищу города и предмѣстій. Трескъ лопавшихся, раскинутыхъ во всѣ стороны бомбъ и гранатъ, былъ прерванъ взрывомъ второй и третьей мины, грянувшихъ почти единовременно. Черезъ четверть часа поднялись еще двѣ мины. Мины были подведены подъ всѣ башни, но и здѣсь, какъ при посягательствѣ на Кремль, французскіе инженеры не успѣли или не умѣли зажечь всѣхъ подкоповъ. Только 8 Годуновскихъ башенъ и Королевская крѣпость были разрушены. Въ то-же время непріятель предалъ огню 800 ящиковъ съ порохомъ. При взрывахъ повреждено много строеній, уцѣлѣвшихъ во время непріятельскаго нашествія, и загорѣлось нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и тѣ, гдѣ лежало болѣе 2,000 больныхъ французовъ и другихъ пришельцевъ, которыхъ Ней не могъ увезти съ собою. Онъ не оставилъ даже при страдальцахъ ни одного лекаря и не поручилъ ихъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, покровительству нашихъ генераловъ. На пожарищахъ явилось множество мародеровъ, умышленно не послѣдовавшихъ за Неемъ. Они пустились грабить, но большая часть изъ нихъ находила смерть вмѣсто добычи, такъ какъ ея уже не было въ Смоленскѣ, въ три мѣсяца окончательно опустошенномъ врагами. Лишь только начало свѣтать, изъ подваловъ, ямъ и потаенныхъ мѣстъ вышли жители, оставшіеся въ то время въ Смоленскѣ, въ числѣ шести или семисотъ человѣкъ. Удостовѣрясь собственными глазами въ своемъ избавленіи, они устремились на злодѣевъ, которые мучили ихъ съ августа мѣсяца.

Мщеніе противъ враговъ прекратилось тотчасъ по вступленіи маіора Горихвостова съ 20-мъ егерскимъ полкомъ. Кромѣ 2,000 больныхъ непріятелей, онъ нашелъ въ Смоленскѣ разбредшихся по городу 40 офицеровъ и 2,075 нижнихъ чиновъ Наполеоновой арміи; много разсыпаннаго по улицамъ пороха, который лежалъ подъ стѣнами въ количествѣ 18 бочекъ; подлѣ нихъ были фитили; русскихъ пушекъ 17, французскихъ 140, лазаретныхъ, сухарныхъ и всякихъ другихъ фуръ 600. Замѣчательны слѣдующія слова изъ повелѣнія, даннаго Платовымъ Горихвостову. Онъ писалъ ему: «Раненыхъ и больныхъ непріятелей, которые найдутся въ Смоленскѣ, продовольствовать, сколько по человѣчеству, столько и потому, что плѣнные большею частію нѣмецкихъ націй и итальянцы, и дабы чрезъ то показать имъ, что россійское правительство поступаетъ съ военноплѣнными совсѣмъ не такъ, какъ имъ внушено. Россійскимъ-же больнымъ и раненымъ, если они есть здѣсь, оказывать особенное призрѣніе». Оба французскихъ маршала, бывшихъ орудіями кровожадной мести Наполеона, выразившейся во взрывахъ Кремля и Смоленска, умерли насильственною смертью: Мортье палъ на улицѣ подъ выстрѣлами такъ называемой адской машины, а Ней былъ разстрѣлянъ, какъ измѣнникъ законному королю.

Выступленіе Нея изъ Смоленска было извѣстно князю Кутузову по отбитымъ у непріятеля бумагамъ и объявленіямъ плѣнныхъ. Вслѣдствіе этого, послѣ сраженія 5-го числа, было приказано Милорадовичу преградить французамъ путь, ставъ лишомъ къ Смоленску.

Въ подкрѣпленіе ему назначили корпусъ графа Строганова и 2-ю кирасирскую дивизію. Усиленіе Милорадовича, ослабленнаго безпрестанными сраженіями и трудными переходами, отъ старой Калужской дороги до Краснаго, князь Кутузовъ признавалъ нужнымъ, справедливо расчитывая, что къ Нею присоединились всѣ отсталые прочихъ непріятельскихъ корпусовъ и возвратившіеся въ Смоленскъ, не успѣвъ, 3-го, 4-го и 5-го ноября, пробраться къ Красному съ Наполеономъ, вице-королемъ и Даву. Отнимая у Нея возможность броситься съ дороги влѣво и вправо, послали казаковъ къ Сырокоренью, на Днѣпрѣ, сторожить тамъ переправу, а къ деревнѣ Уваровой и правѣе двинули большой кавалерійскій отрядъ. 6-го ноября, въ ожиданіи Нея, Милорадовичъ поставилъ корпусы князя Долгорукова и графа Строганова и кирасировъ поперекъ дороги, Раевскаго по правую ея сторону, кавалерію Корфа параллельно съ нею, у Никулина и Ларіонова. Утро прошло въ совершенной тишинѣ; непріятель не показывался. Тучи заволокли небо, и на землю палъ густой туманъ: въ нѣсколькихъ шагахъ трудно было различить предметы. Въ 3 часа пополудни, казаки донесли о приближеніи непріятеля, но въ какихъ силахъ — за туманомъ опредѣлить было нельзя. Едва Милорадовичъ успѣлъ поставить войско въ ружье, Ней былъ уже въ нѣсколькихъ саженяхъ; головы колоннъ его входили въ Лосминскій оврагъ, не замѣчая ввиду густого тумана стоявшихъ передъ ними русскихъ батарей. Мгновенно загремѣли противъ французовъ 40 орудій. Стоявшій на правомъ крылѣ Паскевичъ, видя, что непріятели были слишкомъ близки къ пушкамъ и почти касались до нихъ руками, ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ. Гвардейскій уланскій полкъ пошелъ въ аттаку и довершилъ пораженіе, причемъ отбилъ орла. Такую-же участь претерпѣвали войска Нея, посланныя имъ вправо, на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ были встрѣчены княземъ Долгоруковымъ. Подскакавъ къ стоявшему тамъ Павловскому гренадерскому полку и указывая на французовъ, Милорадовичъ сказалъ: «Дарю вамъ эти колонны!» — и французы легли подъ штыками павловцевъ. Отбитый на всѣхъ пунктахъ Ней собралъ корпусъ и опять пошелъ напроломъ. Громимые картечами и осыпаемые пулями французы лѣзли умирать на тѣ-же мѣста, на которыхъ за часъ передъ тѣмъ были поражаемы. Усилія ихъ остались тщетны; смерть носилась по непріятельскимъ рядамъ, и они повернули назадъ въ нестройныхъ толпахъ. Милорадовичъ послалъ требовать сдачи, велѣвъ сказать Нею, что вице-король и Даву разбиты, всякое отступленіе прегражденo и путь къ соединенію съ Наполеономъ отрѣзанъ. Ней задержалъ переговорщика, подъ предлогомъ, что во время пріѣзда къ нему нашего офицера было пущено нѣсколько ядеръ съ русскихъ батарей. Настоящая причина, почему Ней лишилъ свободы офицера, состояла въ желаніи не допустить Милорадовича узнать черезъ посланнаго, въ какомъ жалкомъ положеніи находился непріятель, чему переговорщикъ былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Видя совершенную невозможность пробиться къ Красному, Ней рѣшился искать личнаго своего спасенія. При наступившей темнотѣ, онъ собралъ до 3-хъ тысячъ самыхъ надежныхъ людей и пошелъ съ ними къ Сырокоренью, намѣреваясь переправиться тамъ черезъ Днѣпръ. На пути онъ былъ настигнутъ казачьимъ отрядомъ и оставилъ ему въ добычу 8 пушекъ, но пришелъ къ Сырокоренью, куда

не поспѣли войска, которыя князь Кутузовъ приказалъ отрядить Милорадовичу и князю Голицыну.

Ночью съ 6-го на 7-е ноября, между Сырокореньемъ и Гусинымъ французы положили бревна съ берега на ледъ, вслѣдствіе оттепели державшійся только на срединѣ рѣки. По полыньямъ они клали доски и съ великимъ трудомъ перебирались на противоположный берегъ, побросавъ всѣ пушки, лошадей и часть отряда; иные провалились сквозь ледъ, другіе предпочли не идти за своимъ начальникомъ и остаться на берегу, отдавшись на волю судьбы. На разсвѣтѣ 7-го ноября Ней пришелъ къ Гусиному, гдѣ уже находились разъѣзды Платова. Началась за Неемъ погоня—живое подобіе звѣриной травли; она продолжалась до Орши. Послѣдствіемъ неослабной погони казаковъ было разсѣяніе всего Неева отряда.

Когда Ней направился для своего спасенія къ Сырокоренью корпусъ его, оставленный ввиду Милорадовича, находился въ совершенномъ безначаліи. Офицеры и солдаты не знали, куда дѣвался ихъ маршалъ; никто не распоряжался войсками. Впотьмахъ, въ снѣгу, безъ пищи и крова, смѣшались между собою полки, артиллерія и обозы. Пока начальники отыскивали другъ друга и совѣщались солдаты думали только о томъ, какъ-бы согрѣться, и разложили такое множество огней, что станъ французовъ уподоблялся лагерю многочисленнаго войска. Изъ этого табора явился въ полночь къ Милорадовичу посланный, съ объявленіемъ, что всѣ находившіеся тутъ непріятели сдаются военноплѣнными. Ихъ было до 12,000 рядовыхъ и болѣе 100 офицеровъ, съ 27-ю орудіями. Въ заключеніе своего донесенія князю Кутузову Милорадовичъ писалъ: «Сіе дѣло рѣшило, что русская пѣхота первая въ свѣтѣ. Наступающія непріятельскія колонны, подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, въ отчаянномъ положеніи рѣшившіяся умереть или открыть себѣ путь, опрокинуты штыками храбрыхъ русскихъ, которые, ожидая ихъ съ хладнокровною твердостію, бросились на нихъ съ увѣренностію въ побѣдѣ. Уронъ непріятельскій чрезвычайно великъ: всѣ 4 командующіе генерала, по словамъ плѣнныхъ, убиты; все мѣсто сраженія покрыто грудами непріятельскихъ труповъ. Съ нашей-же стороны во всѣ сіи дни убитыми и ранеными не болѣе 500 человѣкъ».

Пораженіемъ Нея закончились четырехдневныя побѣды князя Кутузова подъ Краснымъ. Корпусы вице-короля, Даву и Нея, разбитые поодиночкѣ, были обращены въ бѣгство, потеряли артиллерію, обозы, и разстроились въ своемъ составѣ. Трофеи Красненскихъ сраженій, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го ноября, состояли въ 26,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 6-ти генералахъ, 116 пушкахъ и несмѣтномъ обозѣ. Убитымъ французамъ счета свести было нельзя: ихъ трупы валялись вездѣ, по полямъ, дорогамъ, лѣсамъ, на Днѣпрѣ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя 2,000 человѣкъ. Никогда съ такою маловажною потерею не пріобрѣтались столь огромные успѣхи! Слѣдующій примѣръ докажетъ, до чего были въ то время доведены непріятели. Изъ числа взятыхъ 6-го ноября 12,000 плѣнныхъ 5,000 досталось слѣдующимъ образомъ. Когда Ней былъ отраженъ и пальба стихла, Раевскій поѣхалъ въ ближайшее селеніе отдохнуть. Вскорѣ его разбудилъ ординарецъ и сказалъ, что явились два офицера отъ пятитысячной колонны, которая никому, кромѣ Раевскаго, сдаться не хочетъ. Французскимъ офицерамъ было приказано войти въ комнату. Одинъ изъ

нихъ былъ лекарь, другой служилъ долго камердинеромъ у брата Раевскаго и потому знать коротко послѣдняго. Въ Москвѣ онъ присталъ къ французской арміи и былъ при одной изъ колоннъ Нея, когда, отрѣзанная Милорадовичемъ, она расположилась ночевать на открытомъ полѣ. Сбившійся съ дороги лейбъ-гусаръ, принявъ ея огни за русскіе, подъѣхалъ къ нимъ и былъ взятъ французами. Между ними находился бывшій камердинеръ. Онъ вступилъ съ плѣннымъ въ разговоръ и, узнавъ, что Раевскій стоитъ близко съ корпусомъ, предложилъ колоннѣ сдаться генералу, ему знакомому. Тогда, взявъ съ собою лекаря-француза и въ проводники плѣннаго лейбъ-гусара, онъ явился къ Раевскому уполномоченнымъ отъ своихъ товарищей и остался при немъ камердинеромъ, а лекарь, въ сопровожденіи ординарца и двухъ казаковъ, привелъ къ намъ всю колонну. Такъ, говоритъ Раевскій, «взялъ я въ плѣнъ 5,000 человѣкъ, не вставая съ постели».

Въ награду за побѣды подъ Краснымъ и вообще за пораженія, нанесенныя Наполеону въ Смоленской губерніи, государь повелѣлъ князю Кутузову именоваться Смоленскимъ. Герою Красненскихъ сраженій, Милорадовичу пожалованъ орденъ св. Георгія 2-го класса; въ то-же время Платовъ возведенъ въ графское достоинство.

По окончаніи сраженія, вечеромъ 6-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдою, онъ сказалъ: «Дѣти! знаете-ли сколько взято орудій? Сто шестнадцать!» и, указывая на везенные за нимъ французскіе орлы, присовокупилъ: «Какъ ихъ бѣдняжекъ жаль! Они и головки повѣсили; вѣдь, имъ холодно и голодно». Принявъ отъ войска поздравленіе, фельдмаршалъ остановился у бивака генерала Лаврова и пилъ чай. Весь гвардейскій корпусъ, отъ старшаго до младшаго, собрался вокругъ бивака, съ обнаженными головами, желая наглядѣться на обожаемаго вождя. «Согрѣтые его присутствіемъ», говоритъ одинъ очевидецъ, «мы не чувствовали ни грязи подъ собою, ни обливавшаго насъ дождя». Фельдмаршалъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидѣвъ бѣду, онъ пустился въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: ты сѣръ»... При этихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку и, качая наклоненною головою, продолжалъ: «а я, пріятель, сѣдъ!»

Послѣ плѣненія корпуса Нея очистилось сообщеніе между арміею и Смоленскомъ. Въ тотъ-же день была возвращена въ Смоленскъ чудотворная икона. Съ этого времени въ Смоленскѣ установлено праздновать изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ 5-го ноября, во славу и предъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы Одигитріи, то есть, Благодатной Путеводительницы.

Понесенное Смоленскою губерніею разореніе во время непріятельскаго нашествія было таково:

Въ городахъ и уѣздахъ разорено и сожжено домовъ, заводовъ, фабрикъ, мельницъ, лавокъ, кузницъ 38,088, кромѣ Красненскаго уѣзда, о которомъ не получено свѣдѣній. Скота расхищено: лошадей 79,409, коровъ 132,637, овецъ 278,619. Не засѣяно озимымъ хлѣбомъ 67,843 и яровымъ 263,223 десятины. Всего разорено въ Смоленской губерніи на 74,372,843 рубля 89 копѣекъ.

Сколько во время нашествія погибло людей въ Смоленской губерніи, съ достовѣрностью неизвѣстно. При сравненіи народныхъ переписей, бывшихъ за годъ до Отечественной войны и черезъ четыре года потомъ, въ 1816-мъ году, видно, что въ податномъ состояніи было въ 1811-мъ году 480,948, а въ 1816-мъ году 423,366 мужескаго пола душъ. Убыль, превышающая 57,000 душъ мужескаго пола въ одномъ податномъ состояніи, произошла отъ убійствъ и истязаній, которымъ подвергались жители со стороны непріятеля, отъ изнуренія и недостатковъ всякаго рода; печали о потерѣ имущества и родныхъ, вліянія сырой и холодной погоды, скитанья по лѣсамъ и болотамъ, питанія сырыми огородными овощами, ошибокъ съ французами, даже отъ самаго воздуха, который, смѣшавшись съ гнилыми испареніями человѣческихъ и животныхъ труповъ, сдѣлался проводникомъ злокачественнаго дѣйствія ихъ на людей. Всѣ эти причины породили повальныя болѣзни, свирѣпствовавшія послѣ изгнанія непріятелей какъ въ Смоленской, такъ и въ Московской губерніяхъ, гдѣ зараза обходила города и селенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства французовъ изъ Смоленской губерніи появились въ городахъ и селеніяхъ во множествѣ собаки и волки. Въ виду жителей, неся руку, ногу, голову или часть человѣческаго тѣла, они спокойно доѣдали свою добычу или убѣгали съ нею въ поля и лѣса. Жители ѣздили и ходили безъ разбора прямо по человѣческимъ тѣламъ. Когда началась уборка тѣлъ, то, положивъ ихъ на подводы, свозили въ назначенныя для сожиганія мѣста возами, что продолжалось болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Для сожженія непріятельскихъ тѣлъ и скотскихъ труповъ, ихъ клали скирдами, занимавшими пространство болѣе чѣмъ на полверсты каждая и вышиною слишкомъ въ 2 сажени. На открытомъ мѣстѣ, сверхъ сдѣланныхъ печей, устроены были желѣзныя рѣшетки, длиною около 4 и шириною до 2 саженей. На нихъ стлали рядами человѣческія тѣла и трупы скота и предавали ихъ огню, для чего, вмѣсто дровъ, употребляли французскіе фуры и лафеты. Пепелъ труповъ ссыпали въ особыя вырытыя тутъ же ямы. Когда не стало дровъ, вырывали большія могилы, и въ нихъ по нѣсколько сотъ тѣлъ клали рядомъ, пересыпая известью черезъ каждый третій рядъ. Когда снѣгъ растаялъ, явились вновь изъ-подъ снѣга тѣла и началась новая уборка: опять повезли ихъ возами на сожженіе, изъ садовъ, огородовъ, погребовъ, колодцевъ. При оттепеляхъ воздухъ оказался заразительнымъ. Въ предохраненіе отъ болѣзни, передъ каждымъ домомъ по улицамъ наметывали кучи навоза и зажигали его. Въ городахъ и уѣздахъ Смоленской губерніи сожжено 61,886 и закопано въ ямы 107,188 человѣческихъ тѣлъ; скотскихъ труповъ сожжено 27,752, закопано въ ямы 81,902.

Всякаго рода оружія оставлено было непріятелями великое множество. Въ первыя недѣли послѣ возвращенія несчастныхъ смольянъ на родныя пепелища, торгъ непріятельскимъ оружіемъ составлялъ ихъ промыселъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ единственный способъ пропитанія. Крестьяне ссыпали порохъ въ мѣшки и бочки и изобрѣли особенный способъ расчинивать бомбы. Однѣхъ пушекъ, тотчасъ послѣ изгнанія непріятелей, найдено въ губерніи 423. Въ послѣдовавшіе за войною годы отыскивали орудія въ прудахъ, болотахъ, рѣкахъ, зарытыя въ землю. Поля были покрыты ядрами картечами и пулями. Долго топили дома французскими обозами.

Бѣгство непріятелей чрезъ Смоленскую губернію, или лучше сказать, проводы ихъ отъ Вязьмы за Красной,—были ужасны. Уже передъ Вязьмою между ними оказался недостатокъ въ продовольствіи, потому что взятые изъ Москвы запасы были съѣдены. Страхъ попасться въ плѣнъ удерживалъ сперва французовъ на дорогѣ, но еще до Дорогобужа голодъ заглушилъ въ нихъ всякую другую мысль. Въ обѣ стороны отъ столбовой дороги кинулись многіе изъ непріятелей за хлѣбомъ, потянулась часть обозовъ, надѣясь найти фуражъ, и туда-же потомъ устремились бѣглые послѣ Красненскихъ сраженій. Тогда на непріятелей обрушилось мщеніе народа. Въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ жители цѣлыми селеніями стояли временными таборами, за древесными засѣками, подъ защитою болотъ, появлявшіяся изъ засадъ толпы крестьянъ бросались на мародеровъ, останавливали кареты и ряды экипажей, въ которыхъ сидѣли раненые или истомленные французскіе чиновники, часто съ женщинами и дѣтьми. Сверкающіе ножи, топоры и рогатины были первымъ вступленіемъ къ страшной участи, ожидавшей враговъ среди темныхъ осеннихъ ночей въ странѣ, для нихъ неизвѣстной. Напрасны бывали слезы, убѣжденія, напрасны обѣщанія богатаго выкупа, клятвы прислать изъ отечества еще богатѣйшіе. Непріятели говорили языкомъ чуждымъ: ихъ мольбы были непонятны. Напрасно они отпрашивались на родину, подъ ясное небо Италіи, на цвѣтущія долины Лангедока, на берега Тибра, Лоары. Рейна. Имъ суждено было лишиться жизни подъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера и лежать подъ снѣгами, на замерзлой землѣ, добычею хищныхъ звѣрей. Иногда, смягченные воплями и отчаяніемъ, старѣйшіе въ селахъ дозволяли непріятелямъ бросать между собою жребій, черный и бѣлый—на жизнь и смерть, и оставляли жизнь, кому выпадалъ бѣлый. Случалось, что дѣтство и красота находили пощаду. Вообще-же общимъ голосомъ противъ враговъ было: «Зачѣмъ пришли вы топтать наши поля, разорять и позорить дома? Развѣ не вы, злодѣи, сожгли города и села? Не вы ли, нечестивцы, ставили коней въ святыя церкви Божіи?»

II.

Отъ Краснаго до переправы черезъ Днѣпръ главныхъ воюющихъ армій.

Князь Кутузовъ не могъ тотчасъ идти съ арміею изъ Краснаго за разбитымъ 5-го ноября Наполеономъ, потому что необходимо было сперва управиться съ Неемъ, пораженіе котораго и послѣдовало 6-го числа. Во время нашего невольнаго и необходимаго промедленія Наполеонъ поспѣшно ушелъ изъ Лядъ черезъ Дубровну въ Оршу. За нимъ, немедленно послѣ пораженія его 5-го числа, были посланы отряды Бороздина, барона Розена, графа Ожаровскаго и нѣсколько партизановъ. Всѣмъ приказано «тревожить французовъ, какъ можно болѣе, наипаче въ ночное время». Тогда-же фельдмаршалъ составилъ большой отрядъ изъ 12-ти батальоновъ и 2-хъ казачьихъ полковъ, названный авангардомъ арміи, и поручилъ его Ермолову. Въ составъ этого авангарда вошелъ также отрядъ барона Розена. Ермолову приказано было преслѣдовать Наполеона и находиться въ связи съ Платовымъ, шедшимъ по правому берегу Днѣпра, изъ Катани на Дубровну и Оршу, добивая остатки Неева корпуса. Главною обязанностью Платова было употреблять всѣ средства для опредѣленія на-

стоящаго направленія Наполеона: пойдетъ-ли онъ на Борисовъ или Сенно, такъ какъ изъ Орши непріятелю были открыты двѣ дороги: одна черезъ Борисовъ на Минскъ, другая на Сенно, для соединенія съ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ. Но князь Кутузовъ сомнѣвался, чтобы Наполеонъ рѣшился избрать послѣдній изъ этихъ путей.

Государю еще не были извѣстны побѣды подъ Краснымъ и маршъ Наполеона изъ Смоленска къ Оршѣ. Въ то время его величество зналъ только о движеніи непріятелей изъ Вязьмы къ Смоленску и съ правдоподобностью предполагалъ, что они могли направиться изъ Смоленска на графа Витгенштейна, какъ то, дѣйствительно, Наполеонъ замышлялъ, а потому его величество повелѣлъ: 1) графу Витгенштейну принять всѣ мѣры предосторожности: 2) рижскому военному губернатору маркизу Паулучи, заступившему мѣсто Эссена, никакъ не упускать изъ вида Макдональда и аттаковать его, если онъ пойдетъ изъ Митавы вверхъ по Двинѣ для соединенія съ Наполеономъ; 3) тверскому ополченію идти къ Бѣлой и поступить въ команду генералъ-адъютанта Кутузова, шедшаго тогда съ отрядомъ черезъ Духовщину, на соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ. Распорядившись объ обезпеченіи графа Витгенштейна, государь извѣстилъ о данныхъ повелѣніяхъ князя Кутузова. Фельдмаршалъ отвѣчалъ:

«Всеподданнѣйше смѣю увѣрить Ваше Императорское Величество, что непріятель со всѣми силами своими не въ состояніи нанести сильнаго вреда графу Витгенштейну. Армія непріятельская лишена способовъ отдѣлиться отъ меня; я всегда по слѣдамъ за нею. Платовъ, въ соединеніи съ отрядомъ генералъ-адъютанта Кутузова, безпрестанно угрожаютъ непріятелю съ праваго фланга. Всѣ сіи причины довольно сильны развлечь непріятеля, а особливо въ теперешнихъ его обстоятельствахъ. Въ случаѣ, если-бы непріятелямъ скрытными движеніями удалось выиграть надъ нами нѣсколько маршей и, соединясь со всѣми своими силами, угрожать нападеніемъ на графа Витгенштейна, тогда онъ, переправясь за Двину, на нѣсколько дней совсѣмъ уже обезпечитъ себя и, между тѣмъ, дастъ способы сблизиться съ нимъ главной арміи. Къ тому-же и адмиралъ Чичаговъ къ 9-му или 10-му числу можетъ быть къ Борисову, ибо онъ 7-го въ Минскѣ. Вообще можно сказать, что Наполеонъ не имѣетъ въ виду соединиться съ силами своими для нападенія на графа Витгенштейна: для совершенія таковаго намѣренія онъ взялъ-бы прямѣйшій трактъ черезъ Любавичи и Бабиновичи на Сенно».

Посланные изъ Добраго авангардъ Ермолова и летучіе отряды безпрепятственно подвигались по Оршанской дорогѣ. Отряды имѣли повелѣніе идти прямо къ Оршѣ, а Ермолову предписано было преслѣдовать непріятеля до Дубровны и, переправившись тамъ, служить подкрѣпленіемъ графу Платову, имѣвшему важное порученіе: сторожить, не направится-ли Наполеонъ противъ графа Витгенштейна. По дорогамъ валялись раненые и больные французы, брошенные безъ всякой помощи. Плѣнныхъ собирали стадами; перестали вести имъ подробный счетъ, чего и дѣлать было некогда; отдавали ихъ подъ надзоръ крестьянъ или мѣстныхъ начальствъ, гдѣ таковыя встрѣчались, а иногда безъ прикрытія и конвоя отправляли назадъ. Благодаря богатству отбитой у непріятелей добычи, у казаковъ и въ полкахъ завелся торгъ. Во рвахъ и оврагахъ, среди разломанныхъ

фуръ, каретъ и мертвыхъ тѣлъ, можно было, кромѣ вывезенныхъ изъ Москвы предметовъ роскоши, покупать серебряныя деньги мѣшками. За 50-ти или 100 рублевую ассигнацію вымѣнивали по нѣсколько сотъ 5-ти франковыхъ монетъ, потому что серебро не на чемъ было возить. Но тамъ, гдѣ мѣряли деньги мѣшками, часто не бывало ни крохи хлѣба. Селенія, по которымъ шли за непріятелемъ передовыя войска, были выжжены. Со вступленіемъ въ бѣлорусскія до половины испепеленныя мѣстечки Ляды и Дубровну появились евреи. Въ грязныхъ лохмотьяхъ они бродили среди дымившихся развалинъ, посреди плѣнныхъ и раненыхъ непріятелей, между тѣмъ какъ послѣдніе, сидя на золѣ, пожирали лошадиное и собачье мясо, жаримое на выгаркахъ домовъ. Евреи кинулись навстрѣчу нашимъ передовымъ войскамъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ: свою преданность къ Россіи они доказали на самомъ дѣлѣ во время нашествія. Открылись ярмарки, замѣчательныя необыкновенной пестротой. Тутъ башкиръ и калмыкъ продавали брегетовы и нортоновы часы или богатыя изданія классическихъ писателей; тамъ проворный казакъ велъ на арканѣ англійскихъ лошадей; здѣсь пѣхотинецъ предлагалъ брабантскія кружева и кашемирскія шали, французскіе генеральскіе мундиры и пригоршни орденовъ Почетнаго легіона. Смѣтливые евреи покупали все это за безцѣнокъ. Офицеры запасались эполетами, сѣдлами, пистолетами, книгами, топографическими картами.

Наполеонъ не останавливаясь спѣшилъ къ Днѣпру и 7-го ноября ночевалъ въ Дубровнѣ, въ домѣ княгини Любомирской. Французскіе маршалы покупали тамъ экипажи, въ которыхъ, лишившись подъ Краснымъ своихъ обозовъ, они имѣли недостатокъ, простиравшійся до такой степени, что иные изъ нихъ пріѣхали въ Дубровну на одноконной крестьянской подводѣ. 8-го ноября Наполеонъ отправился съ арміею въ Оршу, но въ какомъ положеніи—о томъ приведемъ слова очевидца, генералъ-интенданта непріятельской арміи, Дюмаса. Онъ пишетъ: «Главная квартира Наполеона, гвардія, корпусы Даву и вице-короля шли перемѣшавшись, въ величайшемъ безпорядкѣ. Маршъ, или, лучше сказать, бѣгство къ Оршѣ, былъ самою плачевною картиною, какая можетъ поразить взоры и сердце французскаго солдата. Грустно было смотрѣть на императора, когда онъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ, съ трудомъ пробирался сквозь толпы солдатъ, большею частію безоружныхъ, не сохранявшихъ ни малѣйшаго порядка». На половинѣ перехода Наполеонъ остановилъ гвардію, велѣлъ ей построить каре и, вступивъ въ средину его, сказалъ: «Вы видите разстройство арміи. По несчастному стеченію обстоятельствъ, большая часть солдатъ бросили ружья. Если вы послѣдуете ихъ гибельному примѣру, то вся надежда потеряна. Вамъ ввѣрено спасеніе арміи: вы оправдаете мое выгодное о васъ мнѣніе. Необходимо не только офицерамъ наблюдать за порядкомъ службы, но и солдатамъ строго смотрѣть другъ за другомъ и самимъ наказывать тѣхъ, кто удаляется изъ полковъ». Очевидцы говорятъ, что Наполеонъ произнесъ рѣчь слабымъ, дрожащимъ голосомъ и, вопреки своему обыкновенію, не указывалъ на будущее, не дѣлалъ, какъ прежде, пышныхъ обѣщаній, не сулилъ ни мира, ни побѣдъ.

8-го ноября Наполеонъ пришелъ въ Оршу и переправился на правый берегъ Днѣпра по находившемуся тамъ уцѣлѣвшему и не-

испорченному мосту. Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ его спасенія изъ Россіи, такъ какъ скорою переправою онъ выигралъ нѣсколько переходовъ надъ нашею главною арміею. Первою заботою его въ Оршѣ было избрать и обезпечить путь своего отступленія. Сперва онъ думалъ идти вправо, соединиться съ Викторомъ и Удино и, опрокинувъ графа Витгенштейна, направиться черезъ Лепель на Вильну, но онъ отложилъ это намѣреніе, узнавъ о неудачной попыткѣ Виктора и Удино сбить нашихъ при Смольнѣ и съ крѣпкой позиціи, занимаемой графомъ Витгенштейномъ на Улѣ. Его озабочивало также опасеніе вести армію въ позднее осеннее время проселками и неизвѣстнымъ ему краемъ. Какъ во все продолженіе похода, такъ и теперь, онъ не отваживался, за неимѣніемъ топографическихъ картъ, удаляться отъ почтовыхъ дорогъ и рѣшился идти на Минскъ черезъ Борисовъ, о взятіи котораго русскими еще не могъ имѣть донесеній, потому что графъ Ламбертъ овладѣлъ Борисовомъ въ день прибытія Наполеона въ Оршу.

Разославъ повелѣнія о слѣдованіи къ Березинѣ, Наполеонъ занялся новымъ расписаніемъ арміи и приведеніемъ войскъ въ возможный по обстоятельствамъ порядокъ. Безоружныя толпы пѣхотинцевъ безпрестанно увеличивались и, на каждомъ переходѣ разсыпаясь по сторонамъ дороги для отысканія пищи, попадались въ руки донцовъ или, скрываясь отъ нихъ, погибали въ глуши лѣсовъ. Другіе, отъ изнуренія не бывши въ состояніи идти далѣе, просто располагались на дорогахъ въ ожиданіи великодушія русскихъ. Иные прятались въ избахъ, заползали подъ печи, забивались въ трубы, откуда падали, истомленные голодомъ или при затапливаніи печей. Конницы почти вовсе не было. Мюратъ, начальникъ 4-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, заключавшихъ въ себѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 224 эскадрона, находился при главной квартирѣ безъ команды, волонтеромъ, тайно выжидая случая возвратиться въ Неаполь. Изъ небольшого числа кавалерійскихъ генераловъ и офицеровъ, сохранившихъ лошадей, Наполеонъ составилъ для своего охраненія эскадронъ, названный священнымъ. Высокопарное названіе не придало силы ни людямъ, ни лошадямъ. Черезъ нѣсколько дней священный эскадронъ побрелъ пѣшкомъ. Изъ 605-ти орудій, бывшихъ съ Наполеономъ при выступленіи изъ Москвы и тѣхъ, которыя находились при корпусѣ Жюно и разныхъ отрядахъ, примкнувшихъ къ арміи отъ Вязьмы до Орши, оставалось уже немного, да и то при одной гвардіи; вся прочая артиллерія была взята русскими или кинута на маршѣ. Въ Оршѣ Наполеонъ нашелъ 36 привезенныхъ изъ Вильны орудій и отдалъ ихъ армейскимъ корпусамъ. Упряжь гвардейской артиллеріи, часть которой была потеряна подъ Краснымъ, дополнена изъ собственной конюшни Наполеона. Двумъ пришедшимъ въ Оршу изъ Вильны понтоннымъ ротамъ Наполеонъ велѣлъ истребить понтоны и лошадей изъ-подъ нихъ отдать въ артиллерію. Всѣмъ полковымъ командирамъ было приказано собрать солдатъ и громко прочитать отданный Наполеономъ приказъ, начинавшійся такъ: «Многіе изъ васъ покинули знамена и идутъ въ разбродѣ, нарушая тѣмъ свои обязанности и честь и подвергая армію опасности. По произволу расходяся въ разныя стороны, попадаются они непріятелю. Такой безпорядокъ долженъ кончиться». Приказомъ назначались сборныя мѣста въ окрестностяхъ

Орши, куда должны были сходиться къ своимъ корпусамъ люди. отъ Вязьмы до Орши большею частью всѣ между собою перемѣшавшіеся. Спѣшенные всадники, артиллеристы и пѣхотинцы, безъ различія командъ, къ которымъ принадлежали, толпились вмѣстѣ до такой степени, что распоряженія Наполеона не имѣли никакого дѣйствія. Голодные солдаты не внимали повелѣніямъ начальниковъ.

Посреди безуспѣшныхъ занятій объ устройствѣ войскъ, Наполеонъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ въ Оршѣ Нея и говорилъ, что готовъ отдать за него всѣ свои сокровища, хранившіяся въ Тюльерійскихъ подвалахъ. Навстрѣчу къ нему онъ послалъ отрядъ гвардіи, подъ начальствомъ вице-короля, а самъ съ арміею. или; справедливѣе, толпами, ее составлявшими, выступилъ къ Баранамъ, по дорогѣ въ Борисовъ. Верстахъ въ 20-ти отъ Орши вице-король сошелся съ Неемъ. Изъ 15,000, выведенныхъ Неемъ изъ Смоленска, оставалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Спасеніе его французы выставляютъ необычайнымъ, дивнымъ подвигомъ! Дѣйствія его заслужили-бы достойной похвалы въ томъ случаѣ, если-бы ему удалось искуснымъ маневромъ ввести русскихъ въ заблужденіе и съ большею частью своего корпуса невредимо соединиться съ Наполеономъ. Вмѣсто того, въ теченіе 4-хъ дней онъ растерялъ всѣ войска, оставилъ до 12,000 человѣкъ въ плѣну и на жертву смерти, бросилъ всю артиллерію и обозы, самъ искалъ спасенія съ 3,000 удальцовъ и изъ нихъ лишился дорогою 2,500. Вскорѣ по выступленіи Наполеона изъ Орши туда пришелъ графъ Платовъ и выгналъ изъ города французскій арріергардъ. Уходя, французы зажгли Оршу. Платовъ потушилъ пожаръ, взялъ 26 брошенныхъ въ улицахъ пушекъ, 2,500 новыхъ ружей въ арсеналѣ и лазаретъ, заключавшій въ себѣ однихъ офицеровъ болѣе 50-ти, а потомъ отправился вслѣдъ за Наполеономъ.

Въ тотъ день, когда Наполеонъ пришелъ въ Оршу, 8-го ноября, князь Кутузовъ выступилъ изъ Добраго. 2-я гренадерская дивизія, съ однимъ казачьимъ полкомъ, оставлена была при Сырокореньи, а бригада пѣхоты, тоже съ казачьимъ полкомъ, въ Красномъ. Оба эти отряда были назначены къ забиранію непріятельскихъ бродягъ, во множествѣ разсѣявшихся по берегамъ Днѣпра и въ окрестностяхъ Краснаго. Ввиду совершеннаго разоренія большой Оршанской дороги и невозможности найти на ней продовольствіе, князь Кутузовъ повернулъ на Романово, съ цѣлью выйти боковою дорогою на Копысъ, переправиться тамъ черезъ Днѣпръ и быть на кратчайшей чертѣ къ Борисову. 9-го фельдмаршалъ прибылъ въ Романово, 10 го въ Ланники и 11-го въ Морозово. Видя, что Наполеонъ ушелъ далеко впередъ и что безъ крайняго утомленія войскъ невозможно было догнать его, князь Кутузовъ рѣшился преслѣдовать его только третьею частью арміи. Вслѣдствіе того онъ велѣлъ Милорадовичу, съ пѣхотными корпусами князя Долгорукаго и Раевскаго, кавалерійскимъ Корфа и 4-мя казачьими полками, переправиться въ Копысѣ черезъ Днѣпръ и быстро слѣдовать за непріятелемъ. За Днѣпромъ онъ долженъ былъ принять подъ свое начальство отрядъ Ермолова, имѣть влѣво отрядъ Бороздина, а вправо по большой дорогѣ графа Платова. Вслѣдъ за Милорадовичемъ тронулась и главная армія изъ Морозова къ Копысу и прибыла туда 12-го ноября. Миновавъ на первомъ переходѣ изъ Добраго предѣлы Смо-

ленской губерніи и вступая въ Могилевскую, князь Кутузовъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Вступая съ арміею въ Бѣлоруссію, въ тотъ край, гдѣ при нашествіи непріятеля нѣкоторые изъ неблагоразумныхъ, пользуясь бывшими замѣшательствами, старались разными лживыми увѣреніями ввести въ заблужденіе мирныхъ поселянъ и отклонить ихъ отъ священныхъ и присягою запечатлѣнныхъ обязанностей законному ихъ Государю, я нахожу нужнымъ всѣмъ арміямъ, мною предводительствуемымъ, строжайше воспретить всякій духъ мщенія и даже нареканія въ чемъ-либо жителямъ бѣлорусскимъ, тѣмъ паче причиненіе имъ обидъ и притѣсненій. Обывателямъ-же бѣлорусскимъ объявляется отнюдь не дѣлать непріятелю никакихъ пособій, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ, ниже способствовать ему извѣстіями, и кто отъ сего времени въ противность сего поступитъ, сужденъ будетъ и казнь получитъ по военнымъ законамъ; добрымъ-же поведеніемъ ихъ и послушаніемъ сему приказу могутъ они загладить и тѣ впечатлѣнія, которыя нѣкоторые изъ нихъ поступками своими о себѣ подали».

Итакъ, князь Кутузовъ разсѣялъ главную французскую армію и принудилъ остатки ея спасаться за Днѣпръ. Силясь отнять у русскихъ честь побѣды, Наполеонъ и за нимъ всѣ французскіе писатели ложно приписали свои бѣдствія исключительно свирѣпости стихій. Первый снѣгъ выпалъ на другой день послѣ Вяземскаго сраженія, 23-го октября, а зима стала 25-го, около Дорогобужа, черезъ 18 дней послѣ того, какъ французы поднялись изъ Москвы, какъ испуганныя вороны съ орлинаго гнѣзда. Стужа держалась 5 дней; потомъ уменьшилась, не превышая до Краснаго 8°; отъ Краснаго до Орши потеплѣло и было попеременно отъ 2-хъ и не болѣе 4-хъ градусовъ. Но на первыхъ 18-ти маршахъ изъ Москвы къ Вязьмѣ, непріятель былъ уже доведенъ голодомъ до такого изнеможенія, что, если-бы и не застигла его стужа, то и въ такомъ случаѣ онъ не могъ-бы безъ огромныхъ потерь дойти до Орши, особенно подвергаясь въ пути нападеніямъ сперва нашихъ легкихъ войскъ, а послѣ, подъ Вязьмою и Краснымъ, принужденный выдерживать аттаки цѣлыхъ корпусовъ. Слѣдовательно: не морозъ, но недостатокъ въ пищѣ былъ первою причиною разрушенія главной непріятельской арміи, послѣдовавшаго отъ Москвы до Орши и довершеннаго пораженіями и холодомъ. Величайшее искусство состояло въ лишеніи непріятеля средствъ пропитанія, и потому, съ выступленія изъ Тарутина, всѣ помыслы и дѣйствія князя Кутузова были направлены на недопущеніе Наполеона въ уцѣлѣвшій край, сперва на Калугу и Юхновъ, потомъ на Могилевъ, а между тѣмъ онъ изнурялъ непріятелей безпрестанными ударами, приказывая не давать имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ сторожилъ каждое движеніе, какое Наполеонъ могъ сдѣлать влѣво чѣмъ и объясняется мнимая медленность маршей князя Кутузова около Медыни и раздробленіе силъ у Краснаго, отряженіемъ къ Кобызеву корпусовъ графа Остермана и Васильчикова. Достиженіемъ предположенной имъ цѣли и ежечасными нападеніями онъ былъ убѣжденъ погубить непріятеля скорѣе и существеннѣе, нежели посредствомъ генеральнаго сраженія. И, дѣйствительно, на возвратномъ пути французовъ уже около Можайска, за недостаткомъ кормовъ,

стали падать лошади подъ обозами, нагруженными въ Москвѣ запасомъ, и вскорѣ армія очутилась безъ продовольствія, какъ въ степяхъ аравійскихъ. Князь Кутузовъ двинулъ за нею всю легкую конницу, лишая французовъ возможности сворачивать для фуражировки въ придорожныя деревни. Въ такомъ положеніи оставалось Наполеону одно средство: спѣшить къ Днѣпру, гдѣ онъ надѣялся найти магазины. Но какъ спѣшить съ войскомъ, не имѣвшимъ чѣмъ подкрѣпить себя послѣ переходовъ и, слѣдовательно, становившимся съ каждымъ днемъ менѣе способнымъ къ новымъ усиліямъ? Какъ съ другой стороны медлить, идти малыми маршами, не уклоняться отъ сраженій и спибокъ, гдѣ каждый раненый въ Наполеоновой арміи становился для нея человѣкомъ потеряннымъ? Какъ ни были-бы продолжительны отдыхи и коротки переходы, но они не въ состояніи были утолить голода, подкрѣпить лишенныхъ пищи солдатъ и лошадей. Если-бы Наполеонъ вздумалъ остановиться или двигаться съ меньшею быстротою, то, держась параллельно съ непріятельскою арміею, князь Кутузовъ все болѣе и болѣе опережалъ-бы его, угрожая заслонить пути его отступленія. Таково было неминуемое слѣдствіе фланговыхъ маршей князя Кутузова и распоряженій его на счетъ преслѣдованія Наполеона. Что касается до дѣйствія холода на разрушеніе непріятельской арміи, то Наполеонъ долженъ былъ знать, что русская зима начинается въ срединѣ французской осени, и противъ нея слѣдовало запастись шубами, а добыча ихъ не могла затруднить его въ такомъ краю, гдѣ и нищіе не ходятъ безъ шубъ. Онъ пренебрегъ этою предосторожностью, и его солдаты были одѣты въ Россіи такъ-же, какъ въ его италійскихъ походахъ; но, если-бы непріятельскія войска были только сыты, то могли-бы съ меньшими потерями выдерживать нападенія и переносить непогоды, которыя не были до Днѣпра сильны и постоянны; они достигли-бы береговъ его, не распавшись въ своемъ составѣ. Напротивъ, Наполеонъ привелъ армію къ Оршѣ въ гибельномъ положеніи: кромѣ гвардіи, всѣ корпусы были уже нестройными толпами, безъ обозовъ, конницы и артиллеріи. Слѣдовательно, морозъ былъ второстепенною причиною погибели главной арміи Наполеона и сдѣлался ею только отъ умѣнья князя Кутузова принудить Наполеона на страшную борьбу съ голодомъ, такъ какъ наше преслѣдованіе было устроено такимъ образомъ, что оно лишило непріятелей увѣренности въ самихъ себя и не давало имъ возможности ни идти скорѣе, ни заботиться о продовольствіи. Таковы были причины гибели Наполеоновой арміи.

III.

Благодарственный манифестъ русскому народу, движеніе резервовъ и устройство армій.

Среди побѣдъ князь Кутузовъ не забылъ того, въ какой мѣрѣ онъ былъ обязанъ имъ содѣйствію народа. Мысленно обращаясь къ недавнему времени, когда Наполеонъ гнѣздился въ Москвѣ и вокругъ кипѣла народная война, исполненный признательности къ подвигамъ поселянъ Московской и Калужской губерній, онъ просилъ императора объ изъявленіи имъ особеннаго монаршаго благоволенія.

Государь не ограничился исполненіемъ просьбы князя Куту-

зова, обращавшаго монаршее воззрѣніе только на губерніи Московскую и Калужскую, и не хотѣлъ медлить изліяніемъ своихъ чувствъ всѣмъ сословіямъ за безпримѣрное единодушіе въ священномъ дѣлѣ защиты отечества. 3-го ноября, въ первый день Красненскихъ сраженій, былъ изданъ слѣдующій благодарственный манифестъ русскому народу:

«Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы Нашей имперіи. Никакія пріемлемыя Нами мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ничѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не переставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ, приготовя сильное воинство и пріумножа австрійскими, прусскими, саксонскими, баварскими, виртембергскими, вестфальскими, итальянскими, испанскими, португальскими и польскими полками, угрозами и страхомъ приневоленными, со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли нашей. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и лютости—открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистью къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми-бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясть вѣрность къ престолу, поруганіемъ-же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ пагубные свои замыслы, и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее наше отечество и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Недолго продолжалось торжество врага. Вскорѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми нашими войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ россіянъ устрашить и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы, съ такимъ униженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостью приближался къ ней; бѣжитъ, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и

погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни Его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ Мы теплое и усердное благодареніе Источнику и Подателю всѣхъ отрадъ—Всемогущему Богу. Потомъ торжественно, отъ лица всего отечества, изъявляемъ признательность и благодарность Нашу всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частію или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска Наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученыхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою-же неустрашимостію расторгали полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирали плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ санктпетербургскія и новогородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того, изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли Мы, что во многихъ губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали они къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣсу семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами вооружались и, поклявшись предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, Мы, вмѣстѣ съ православною церковью и святѣйшимъ синодомъ и духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что, если неукротимый врагъ нашъ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то, по крайней мѣрѣ, по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея могущества. Между тѣмъ, почитаемъ за долгъ и обязанность симъ Нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность Нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому».

Манифестъ былъ прочитанъ въ церквахъ. Уже по всей Россіи разнеслась молва о бѣгствѣ непріятелей. Рѣдкій день не привозили въ Петербургъ отъ Кутузова донесеній о пораженіяхъ Наполеона на

пути изъ Тарутина къ Днѣпру. Утѣшали государство также донесенія графа Витгенштейна, постоянно дѣйствовавшаго съ блистательнымъ успѣхомъ и рѣшительно. Князь Кутузовъ приказывалъ курьерамъ, если они съѣдутся на дорогѣ, не прибывать вмѣстѣ въ Петербургъ, но въѣзжать въ столицу одинъ за другимъ, говоря: «Пусть добрыя вѣсти приходятъ не вдругъ, а поодиночкѣ». Какъ въ дни испытанія и скорби всѣ стремились во храмъ Божій, такъ и теперь общее, первое движеніе всѣхъ русскихъ было вознести благоговѣйную признательность Всевышнему. И въ городахъ, и въ селахъ служили благодарственные молебны. Въ то время, въ началѣ ноября, неизъяснимая радость окрыляла Россію отъ одного конца до другого; только и слышны были взаимныя поздравленія съ торжествомъ отечества.

Вскорѣ послѣ обнародованія благодарственнаго манифеста были получены донесенія о Красненскихъ побѣдахъ на маршѣ князя Кутузова къ Днѣпру. Императоръ двинулъ впередъ большую часть резервовъ. Князю Лобанову-Ростовскому велѣно было перейти съ 67-ю батальонами изъ Арзамаса въ Орелъ; Кологривову съ 94-мя эскадронами изъ Мурома въ Новгородъ-Сѣверскій; 10,000-му артиллерійскому резерву изъ Нижняго-Новгорода и Тамбова въ Брянскъ, и изъ Костромы въ Великія Луки; двумъ волонтернымъ казачьимъ полкамъ изъ Петербурга въ Ригу. Всѣмъ начальникамъ резервовъ государь поставилъ на видъ: и самый переходъ батальоновъ, эскадроновъ и артиллерійскихъ ротъ изъ старыхъ квартиръ на новыя употреблять въ пользу, обучая людей во время марша. Тогда-же было приказано графу Толстому, съ 46,000-ми ополченія 3-го округа, усиленнаго тульскимъ и рязанскимъ земскимъ войскомъ, 16-ю полками иррегулярной конницы и артиллеріею, сформированною изъ орудій, вывезенныхъ изъ Москвы при нашествіи непріятелей, выступить изъ приволжскихъ губерній черезъ Орелъ и Глуховъ и расположиться въ Малороссіи. Тамъ ополченіе должно было составить резервную обсерваціонную армію для подкрѣпленія князя Кутузова или прикрытія Малороссіи, Подоліи и Волыни отъ какого-либо непріятельскаго нападенія. Ярославское и тверское земское войско получило отъ государя повелѣніе идти къ Бѣлому и занять Витебскую губернію и сѣверную часть Смоленской, гдѣ находилось большое число бродившихъ шайками непріятельскихъ бѣглецовъ. Послѣ этихъ назначеній въ непосредственномъ распоряженіи князя Кутузова остались четыре ополченія: владимірское, смоленское, московское и калужское. Владимірское содержало гарнизонъ въ Москвѣ; смоленское расположилось въ своей губерніи для водворенія порядка; московское, кромѣ трехъ бывшихъ при арміи полковъ, разставлено по дорогамъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, сопровожденія плѣнныхъ и транспортовъ; калужское съ тою-же цѣлью заняло Мстиславль, Рославль и очищенные отъ непріятеля уѣзды Могилевской губерніи.

Государю угодно было обѣ гренадерскія дивизіи, находившіяся, 1-я въ 3-мъ, а 2-я въ 8-мъ пѣхотныхъ корпусахъ, соединить въ одинъ корпусъ, который и названъ былъ 3-мъ, или гренадерскимъ корпусомъ. Взамѣнъ взятой изъ 8-го корпуса 2-й гренадерской дивизіи, поступила въ него 27-я Невѣровскаго. Для укомплектованія кавалеріи въ главной арміи, Высочайше повелѣно было князю Кутузову убавить число эскадроновъ, такимъ образомъ, чтобы полки составить въ 3, 2 и даже въ 1 эскадронъ, но комплектные, употребляя на по-

4-го октября наши войска тронулись изъ Сивошины. Графъ Витгенштейнъ выступилъ къ Юровичамъ, а князь Яшвиль къ Бѣлому; графъ Штейнгель перешелъ черезъ Двину и 5-го былъ въ окрестностяхъ Дисны. Послѣ мрачной октябрьской ночи, въ пасмурное утро, подходя къ Юровичамъ, первыя двѣ колонны нашли, что это селеніе было занято непріятелемъ, подъ начальствомъ Мезона, и вытѣснили его оттуда. Пушечные выстрѣлы и трескъ ружейнаго огня въ лѣсу возвѣстили начало наступательныхъ дѣйствій на берегахъ Двины. При этомъ случаѣ Петербургское ополченіе увидѣло въ первый разъ непріятелей. Проходя мимо лежавшихъ на дорогѣ и ядрами разможенныхъ французовъ, ратники приговаривали: «Не ходить-бы вамъ, басурманамъ, на святую Русь!» Имя непобѣдимаго, которое старые солдаты единогласно приписывали графу Витгенштейну, подкрѣпляло безбоязненность ратниковъ, вселяя въ нихъ надежду на несомнѣнную побѣду. Заключая по движеніямъ нашихъ войскъ о скоромъ на него нападеніи, Сенъ-Сиръ поставилъ корпусы въ боевой порядокъ по обѣимъ берегамъ Полоты и въ редутахъ вокругъ Полоцка, защищеннаго палисадами. Обезопасивъ такимъ образомъ свой фронтъ, онъ опасался обхода съ тыла и послалъ для обозрѣній на лѣвый берегъ Двины большую часть конницы, которая была малочисленна, потому что много лошадей пало отъ недостатка кормовъ. Безпечность французскихъ генераловъ была непостижима. Изъ записокъ Сенъ-Сира видно, что до 5-го октября онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о приближеніи графа Штейнгеля, бывшаго въ тотъ день уже около Дисны, въ 35-ти верстахъ отъ Полоцка. Съ другой стороны, Макдональдъ, расположенный между Митавою и Динабургомъ, не послалъ никого вслѣдъ за Финляндскимъ корпусомъ, и графъ Штейнгель, какъ-будто въ мирное время, никѣмъ нетревожимый, продолжалъ свое движеніе въ краю, занятомъ непріятелемъ.

6-го октября въ день Тарутинскаго сраженія, графъ Витгенштейнъ вознамѣрился аттаковать непріятеля съ цѣлью оттѣснить его къ Полоцкимъ укрѣпленіямъ, переправиться у Горянъ и обезпечить движеніе графа Штейнгеля, имѣвшаго назначеніе идти изъ Дисны къ Полоцку. Авангардъ получилъ приказаніе выбить французовъ изъ лѣса, находящагося между деревнею Громами и непріятельскимъ лагеремъ; боевой корпусъ выступилъ изъ Юровичей для подкрѣпленія авангарда. Князю Яшвилю, стоявшему на правомъ берегу Полоты, послано повелѣніе также начать дѣло, стараясь привлечь на себя вниманіе Сенъ-Сира. Авангардъ выгналъ непріятеля изъ Громовъ и преслѣдовалъ его по лѣсу, но, когда приблизился къ опушкѣ и началъ выходить на поляну, былъ встрѣченъ огнемъ орудій и аттакованъ конницею. Русская кавалерія схватилась съ французскою и прогнала ее къ окопамъ. За нашимъ авангардомъ шелъ тремя дорогами боевой корпусъ и сталъ выстраиваться впереди лѣса. Графъ Витгенштейнъ поѣхалъ для обозрѣній на Витебскую дорогу. Замѣчая, что еще не всѣ наши войска вышли изъ лѣса, Сенъ-Сиръ послалъ кавалерію въ аттаку въ промежутокъ нашего лѣваго крыла и центра. Французы овладѣли нашею батареею и потомъ раздѣлились на двѣ части, желая отбросить наше лѣвое крыло къ Двинѣ и оттѣснить центръ на правый флангъ; но для исполненія такого отважнаго предпріятія они были слишкомъ малочисленны. Къ угрожаемому мѣсту графъ Витгенштейнъ понесся лично по самой цѣпи,

осыпаемой пулями. Нѣсколько французскихъ эскадроновъ напали на его конвой и едва не взяли въ плѣнъ побѣдоноснаго предводителя. Скоро подоспѣла наша конница; непріятель былъ опрокинутъ и принужденъ оставить только что передъ тѣмъ схваченную имъ батарею. По всей линіи открылся огонь. Наши стрѣлки центра, большею частью ополченные воины, замѣтивъ, что французы начинали подаваться назадъ, бросились ни нихъ безъ приказанія и взяли передовыя укрѣпленія. За стрѣлками пошли колонны. Графъ Витгенштейнъ самъ повелъ войска противъ лѣваго непріятельскаго крыла. Сенъ-Сиръ двинулся впередъ, обошелъ съ тыла потерянные редуты и овладѣлъ ими, но былъ снова обращенъ вспять. Въ колоннахъ нашего центра находились вновь сформированные два резервные гвардейскіе батальона. Хотя не велѣно было вводить ихъ въ огонь безъ крайней нужды, однако, по неотступной просьбѣ ихъ находиться въ головѣ аттаки, имъ дали желанное позволеніе, и они ознаменовали первый шагъ свой на полѣ чести такимъ ударомъ въ штыки, какой прославилъ-бы и старые отборные полки. Подкрѣпясь всѣмъ резервомъ, графъ Витгенштейнъ двинулся къ Воловому озеру. Раненый пулею, но не оставляя поля сраженія, Сенъ-Сиръ сдѣлалъ нѣсколько нападеній на наше правое крыло и аттаковалъ кавалеріею стрѣлковъ центра. Не видя успѣха, онъ сталъ отходить въ укрѣпленный лагерь. Графъ Витгенштейнъ не продолжалъ наступленія, узнавъ, что финляндскій корпусъ еще далеко отъ Полоцка. Оставивъ для наблюденія за французами авангардъ и очистивъ два взятые редута, гдѣ по причинѣ сильнаго непріятельскаго огня держаться было нельзя, онъ отвелъ войска на ночь къ Громамъ.

Во время этого кровопролитнаго сраженія происходило также дѣло на правомъ берегу Полоты. Въ 4-мъ часу пополудни князь Яшвиль получилъ повелѣніе начать аттаку и двинулся противъ редутовъ, бывшихъ на его пути. Непріятель оставилъ ихъ безъ сопротивленія, потому что редуты находились далеко отъ Полоцка и Сенъ-Сиръ не хотѣлъ завязывать дѣла вдали отъ города, стараясь имѣть свои войска какъ можно болѣе сосредоточенными. По данному приказанію непріятель отступалъ отстрѣливаясь и держался только тамъ, гдѣ мѣстоположеніе дозволяло останавливаться. Сражаясь такимъ образомъ, князь Яшвиль подошелъ подъ вечеръ къ Полоцку и протянулъ вокругъ него цѣпь. Правый флангъ ея примкнулъ къ Двинѣ, лѣвый къ Присменицѣ. Графъ Штейнгель дошелъ въ тотъ день до Полюдовичей, а авангардъ его до Рудни, откуда онъ донесъ графу Винтгенштейну, что корпусъ его на слѣдующія сутки будетъ въ состояніи аттаковать Полоцкъ.

Въ сраженіи 6 октября Петербургское ополченіе было впервые въ огнѣ и ознаменовало свое дѣло храбростью и любовью къ отечеству. Начальники и офицеры, хотя большею частью были изъ гражданской службы, но давали прекрасные примѣры соревнованія, другъ передъ другомъ кидаясь въ опаснѣйшія мѣста. Истекая кровью, раненые, не хотѣли оставлять поля сраженія; другіе при послѣднемъ издыханіи кричали дружинамъ: «Впередъ! Ура!» Ратники не уступали офицерамъ. Сбросивъ съ себя полушубки и кафтаны, стрѣлки выбѣгали изъ цѣпи, нападали на непріятеля, дрались прикладами и топорами. Когда къ дружинамъ приходило повелѣніе идти въ дѣло, онѣ, перекрестясь, говорили: «Господи благослови!» и безстрашно

шли подъ градъ пуль, и картечей. Три раза перекрестный огонь батарей принуждалъ колонны ратниковъ отступать, но при словахъ главнаго своего начальника, сенатора Бибикова: «Стой ребята! Куда вы? Мы русскіе, православные, съ нами Богъ! Впередъ! Ура!» воины съ новымъ мужествомъ возвращались въ бой. Видя, съ какою неустрашимостью ратники бросались на явную смерть, графъ Витгенштейнъ приказалъ щадить и не посылать ихъ въ стрѣлки.

Худое состояніе дорогъ, испорченныхъ дождями, не дозволяло свезти поспѣшно лѣсъ, нужный для постройки моста у Горянъ, а потому графъ Витгенштейнъ, полагая, что Сенъ-Сиръ могъ воспользоваться этимъ промедленіемъ и напасть на графа Штейнгеля, рѣшился не переправляться въ Горянахъ, но аттаковать Полоцкъ съ праваго берега Двины, какъ только графъ Штейнгель подойдетъ и будетъ въ состояніи содѣйствовать нападенію. Для этого 7-го октября, поутру, графъ Витгенштейнъ подвинулъ корпусъ изъ Громовъ, поставилъ его позади авангарда и послалъ находившемуся на правой сторонѣ Полоты князю Яшвилю приказаніе открыть огонь изъ всей артиллеріи, когда онъ замѣтитъ появленіе графа Штейнгеля, а когда по движеніямъ въ городѣ можно будетъ заключить объ отступленіи Сенъ-Сира,—немедленно идти на приступъ Полоцка. Во время этихъ приготовленій Сенъ-Сиръ получилъ, наконецъ, достовѣрныя извѣстія о приближеніи финляндскаго корпуса къ Полоцку лѣвымъ берегомъ Двины и вступленіи нашего авангарда въ Рудню. Угрожаемый такимъ образомъ съ тыла Сенъ-Сиръ рѣшилъ оставить Полоцкъ и отойти за Двину, для чего, однако, хотѣлъ выждать вечера, а до тѣхъ поръ рѣшился стоять въ прежней позиціи и для безопасной переправы за Двину удерживать графа Штейнгеля. Онъ послалъ противъ него по одному полку изъ каждой пѣхотной дивизіи, избравъ полки, бывшіе менѣе прочихъ въ виду графа Витгенштейна. Между тѣмъ, графъ Штейнгель, дѣйствуя медленно, стоялъ съ корпусомъ въ Бономіи и авангардомъ занималъ Рудню, гдѣ происходила перестрѣлка. Французамъ надобно было, во что-бы то ни стало, держаться у Рудни и не дозволять финляндскому корпусу подвинуться впередъ, въ чемъ они и достигли успѣха, потому что наши не напирали сильно. Пока Сенъ-Сиръ распоряжался отступленіемъ, отправляя изъ Полоцка артиллерію, тяжести, больныхъ и раненыхъ, войска его, не трогаясь, стояли въ виду графа Витгенштейна, ожидавшаго только отъ князя Яшвиля условленнаго сигнала для нападенія. Часу въ 4-мъ Сенъ-Сиръ приказалъ, наконецъ, отступать дивизіи, далѣе всѣхъ стоявшей отъ Полоцка. Передъ самымъ движеніемъ ея одинъ французскій генералъ возымѣлъ мысль, названную Сенъ-Сиромъ «непостижимою глупостью», зажечь шалаши, намѣреваясь не оставлять ихъ русскимъ. Пожаръ быстро разнесся по лагерю и послужилъ намъ самымъ достовѣрнымъ указаніемъ непріятельскаго отступленія. Немедленно съ поставленныхъ по обоимъ берегамъ Полоты русскихъ батарей открылся огонь. Повсюду, но въ порядкѣ, непріятели начали отступать къ городу. Наши орудія подвигались за ними, стрѣляли по Полоцку и зажгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась весь вечеръ и часть ночи, а, между тѣмъ, вокругъ укрѣпленій кипѣлъ ружейный огонь. Французамъ надобно было удерживаться въ городѣ, пока они не вывезли всѣхъ тяжестей, накопившихся во время пребыванія ихъ въ Полоцкѣ, съ іюля по октябрь.

Въ 2 часа пополуночи графъ Витгенштейнъ велѣлъ идти на приступъ, съ одной стороны генералъ-маіорамъ Властову и Дибичу, съ другой полковнику Ридигеру. Топкія и грязныя мѣста, глубокія рытвины и двойные палисады не удержали нашихъ, и они быстро ворвались съ трехъ сторонъ въ Полоцкъ, объятый пламенемъ. Всего болѣе трудностей предстояло на западной части города, гдѣ былъ деревянный рогатками закинутый мостъ на Полотѣ, протекающей въ глубокомъ оврагѣ. Мостъ висѣлъ надъ пропастью и примыкалъ къ городскому въѣзду, прорытому сквозь высокую гору; на ея вершинѣ были батареи, а внизу бойницы. За крѣпкою оградою непріятель защищался упорно. Одна изъ дружинъ ополченія, статскаго совѣтника Николаева, первая подошла къ мосту. Охотники бросились въ рытвину, перешли Полоту въ бродъ, закричали ура! и тѣмъ подали знакъ къ нападенію. Считая себя обойденными, французы оробѣли и не успѣли даже, какъ имъ было приказано, взорвать мостъ. Ратники бросились на мостъ, откинули рогатки и, пролагая себѣ путь штыками и топорами, явились первые съ лѣвой стороны въ Полоцкѣ. Сенъ-Сиръ уже былъ за Двиною, съ артиллеріею, конницею и большею частью пѣхоты. Арріергардъ его продолжалъ отступать по городу, защищался въ улицахъ шагъ за шагомъ и, перейдя по мостамъ, разломалъ ихъ, оставивъ во власть побѣдителей пушку и болѣе 2,000 плѣнныхъ. Графъ Витгенштейнъ въѣхалъ въ городъ до свѣта; поутру вошли съ торжествомъ прочія войска, ступая по тѣламъ убитыхъ. Сгорѣвшіе дома еще дымились, другіе были разорены, опустошены, кровли прострѣлены ядрами, окна выбиты, церкви ограблены, обращены въ магазины и конюшни. По грязнымъ улицамъ и въ домахъ валялись человѣческіе трупы; всюду были кровь и нестерпимый смрадъ. Евреи, составлявшіе большую часть населенія, проклинали изгнанныхъ непріятелей и радостно привѣтствовали своихъ избавителей. Графъ Витгенштейнъ оставилъ въ городѣ только небольшую часть войскъ, а другую вывелъ въ бывшій французскій лагерь, гдѣ непріятель построилъ множество дерновыхъ домиковъ съ каминами. Внутренность офицерскихъ шалашей оклеена была даже обоями, но повсюду видна была величайшая неопрятность.

Въ благодарственномъ приказѣ войскамъ, графъ Витгенштейнъ назвалъ петербургское ополченіе «защитниками Россіи». Въ слѣдующее утро были совершены въ соборѣ молебствіе о побѣдѣ и панихида по убитымъ. Двери и окна собора были выбиты, полы разворочены, покрыты всякою нечистотою, царскія врата разломаны, иконы святотатственно изрублены, престолъ обнаженъ, священнослужители ограблены. Самъ архимандритъ, отправлявшій службу, едва двигался отъ увѣчья, нанесеннаго ему злодѣями, выпытывавшими у него денегъ. Едва окончились торжественные выстрѣлы побѣды, изъ Петербурга прибылъ фельдъегерь, съ рескриптомъ, который, по Высочайшей волѣ, графъ Витгенштейнъ долженъ былъ распечатать только по взятіи Полоцка. Имѣя, благодаря покоренію города, право на вскрытіе конверта, графъ нашелъ въ немъ рескриптъ, возводившій его въ чинъ полнаго генерала.

Тотчасъ начали наводить мостъ, чего, однако, нельзя было сдѣлать скоро вслѣдствіе быстраго теченія Двины. Сенъ-Сиръ воспользовался этимъ временемъ и усилилъ войска противъ графа Штейнгеля, поручивъ начальство надъ ними генералу Вреде. Онъ на-

палъ врасплохъ на нашъ авангардъ и совершенно разбилъ его. Графъ Штейнгель поспѣшно отступилъ къ Диснѣ и переправился тамъ на правый берегъ Двины, намѣреваясь соединиться съ графомъ Витгенштейномъ, который, узнавъ объ этомъ движеніи финляндскаго корпуса, послалъ ему въ подкрѣпленіе пѣхотную дивизію и приказалъ перейти опять черезъ Двину. Покореніе Полоцка, важное тѣмъ, что былъ очищенъ правый берегъ Двины, не могло, однако, имѣть послѣдствій, сообразныхъ съ цѣлью общаго операціоннаго плана, которымъ назначалось графу Витгенштейну обойти правый флангъ Сенъ-Сира, пресѣчь его сообщеніе съ Смоленскомъ, слѣдовательно, съ арміею Наполеона, и, отбросивъ его въ Литву, соединиться на Березинѣ съ Чичаговымъ. Государь приказывалъ переправиться черезъ Двину при устьѣ Оболи, но, найдя для этого затрудненіе, графъ Витгенштейнъ аттаковалъ Полоцкъ спереди. Такимъ образомъ ведущія къ Смоленску дороги остались во власти Сенъ-Сира, и хотя онъ съ потерею Полоцка лишился сильной оборонительной линіи на Двинѣ, но положеніемъ своимъ все еще прикрывалъ главный путь непріятельскихъ сообщеній отъ Минска черезъ Борисовъ на Оршу и могъ заслонять отступленіе Наполеона по этой дорогѣ къ Березинѣ.

11-го октября былъ оконченъ мостъ въ Полоцкѣ, и графъ Витгенштейнъ перешелъ на лѣвый берегъ Двины. Въ тотъ-же день переправился у Дисны на лѣвую сторону рѣки графъ Штейнгель, вмѣстѣ съ дивизіею, отряженною на его подкрѣпленіе. Отрядъ, подъ начальствомъ Властова, былъ посланъ внизъ по Двинѣ, для наблюденія за Макдональдомъ, не выходившимъ изъ своего бездѣйствія въ Курляндіи. Сенъ-Сиръ отступалъ къ Лепелю на Улѣ, намѣреваясь соединиться съ Викторомъ, стоявшимъ между Сенно и Оршею. Викторъ, имѣя отъ Наполеона назначеніе помогать тѣмъ войскамъ, которыя будутъ болѣе другихъ тѣснимы, и узнавъ о покореніи русскими Полоцка, немедленно выступилъ на подкрѣпленіе Сенъ-Сира. Присутствіе Виктора на этомъ театрѣ войны тѣмъ болѣе становилось нужнымъ для непріятелей, что Сенъ-Сиръ, получивъ 6-го октября рану, принужденъ былъ черезъ два дня сдать старшему по себѣ генералу Леграну начальство надъ предводимыми имъ войсками, состоявшими изъ двухъ соединенныхъ корпусовъ, 2-го и 6-го, или баварскаго, находившагося въ непосредственной командѣ генерала Вреде. Легранъ командовалъ только три дня. Вреде, подъ разными предлогами, не хотѣлъ исполнять его приказаній. Раздраженный непослушаніемъ Легранъ отказался отъ главнаго начальства, и его мѣсто занялъ генералъ Мерль, но съ условіемъ не имѣть никакого дѣла съ Вреде. Желая положить конецъ раздорамъ и сохранить единство въ дѣйствіяхъ, Сенъ-Сиръ, хотя и удерживаемый раною въ постели, снова принялъ на себя объявленіе приказаній баварцамъ. Вреде и его не слушался, и черезъ нѣсколько дней совершенно отдѣлился отъ него.

12-го октября, въ день Малоярославецкаго сраженія, началось наше наступательное движеніе на лѣвомъ берегу Двины. Графъ Витгенштейнъ изъ Полоцка, а графъ Штейнгель изъ Дисны направлялись на Ушачъ. Принявшій опять начальство надъ 2-мъ корпусомъ Легранъ, въ главной квартирѣ котораго находился раненый Сенъ-Сиръ, стоялъ съ войскомъ между Ушачемъ и Черетью, а баварцы,

или 6-й корпусъ, въ Бабиничахъ, вопреки повелѣнія Сенъ-Сира, приказывавшаго имъ быть у Селица, позади протекающаго тамъ ручья. Вреде не повиновался и дорого заплатилъ за свое ослушаніе. Онъ былъ настигнутъ графомъ Штейнгелемъ, тѣснимъ весь день, обойденъ справа и принужденъ, съ потерею нѣсколькихъ пушекъ и всѣхъ 22-хъ знаменъ баварскаго корпуса, спрятанныхъ въ обозѣ, отступить на Коблучи, чѣмъ лишился сообщенія съ бывшимъ при Ушачѣ корпусомъ Леграна, слѣдовательно—и съ главною непріятельскою арміею. Отрѣзанный отъ французовъ Вреде не старался болѣе соединиться съ ними. Видя, что дѣло шло уже, какъ говоритъ его историкъ, «не о лаврахъ», онъ только помышлялъ о сохраненіи остатка своихъ войскъ, потерпѣвшихъ во время похода необыкновенную убыль въ людяхъ, и направился на Глубокое, подъ предлогомъ защиты Вильны, но въ самомъ дѣлѣ намѣреваясь обезпечить свое отступленіе и выбраться на Виленскую дорогу, гдѣ были аммуничныя вещи, парки и деньги его корпуса. Онъ увелъ съ собою находившуюся при немъ и принадлежавшую корпусу Леграна кавалерійскую бригаду генерала Корбино. Объ этомъ, въ сущности маловажномъ, обстоятельствѣ упоминаемъ потому, что оно, какъ увидимъ впослѣдствіи, нечаянно облегчило Наполеону отысканіе переправы черезъ Березину. Для наблюденія за Вреде былъ посланъ графомъ Витгенштейномъ отрядъ Гельфрейха, который, преслѣдуя баварцевъ, отбилъ у нихъ 8 орудій.

17-го октября, въ тотъ день, когда главная армія Наполеона, на отступленіи своемъ отъ Малоярославца, прибыла на Можайскую дорогу, графъ Витгенштейнъ соединился близъ Ушача съ графомъ Штейнгелемъ, поступившимъ съ того времени подъ непосредственное его начальство, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ дѣйствовалъ отдѣльно. Графъ Витгенштейнъ раздѣлилъ всѣ свои войска на два корпуса: одинъ поручилъ графу Штейнгелю, другой Бергу. Въ то-же время онъ былъ усиленъ частью новгородскаго ополченія. Вся дорога отъ Полоцка до Ушача указывала на безпорядочное отступленіе непріятеля, была покрыта брошенными фурами, издохшими и подстрѣленными лошадьми, ранеными и изнуренными голодомъ солдатами. Изъ Ушача графъ Витгенштейнъ продолжалъ движеніе къ Лепелю, откуда, при его приближеніи, Легранъ отступилъ къ Чашникамъ и соединился тамъ съ Викторомъ, пришедшимъ усиленными маршами на подкрѣпленіе Сенъ-Сира. Уходя изъ Лепеля, непріятели испортили въ немъ шлюзы и сожгли мостъ, но тѣмъ мало остановили побѣдителей. Жители Лепеля съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ, видя русскихъ, потому что наканунѣ французы увѣряли ихъ, будто русскіе вездѣ разбиты, и тщательно скрывали взятіе нами Полоцка. Наполеонъ былъ въ Вязьмѣ, когда узналъ о выступленіи Виктора на помощь Сенъ-Сиру, одобрилъ его движеніе, приказалъ ему оттѣснить графа Витгенштейна за Двину и взять Полоцкъ, чтобы отступавшая тогда къ Днѣпру главная непріятельская армія не имѣла въ тылу своемъ русскихъ войскъ.

Викторъ принялъ верховное начальство надъ обоими корпусами, соединившимися въ Чашникахъ. Войска его корпуса не участвовали еще ни въ одномъ сраженіи, данномъ въ Россіи, были, какъ описываетъ ихъ Сенъ-Сиръ, въ самомъ блистательномъ видѣ и горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой. «Они не походили на моихъ солдатъ», говоритъ Сенъ-Сиръ, «чрезвычайно тощихъ и такъ почер-

нѣвшихъ отъ биваковъ, что нельзя было узнать лицъ ихъ. Мундиры ихъ были въ лохмотьяхъ, но зато оставались у меня подъ ружьемъ люди самые крѣпкіе, выдержавшіе великіе труды». Слѣдовательно, графу Витгенштейну, побѣдителю двухъ французскихъ маршаловъ, Удино и Сенъ-Сира, приходилось теперь перевѣдаться съ третьимъ— Викторомъ. Не зная о приходѣ его, графъ Витгенштейнъ подвинулся, 19-го октября, къ Чашникамъ. Впереди этого селенія, на правомъ берегу Улы, стоялъ корпусъ Леграна; корпусъ Виктора расположенъ былъ за рѣкою Лукомлею. Авангардъ, подъ командою князя Яшвиля, аттаковалъ Чашники въ 7 часовъ утра; завязалось жаркое дѣло. Вскорѣ подошелъ графъ Витгенштейнъ съ главными силами. Князь Яшвиль возобновилъ нападеніе и ворвался на штыкахъ въ Чашники. Легранъ отошелъ на вторую позицію, тщетно упрашивая Виктора о подкрѣпленіи. Викторъ не трогался съ мѣста и отвѣчалъ, что онъ сперва хочетъ высмотрѣть число русскихъ войскъ, а потомъ уже начнетъ дѣйствовать согласно принятому имъ плану, о содержаніи котораго онъ, однако, никому не сообщалъ. Между тѣмъ, сбитый и со второй позиціи Легранъ отступилъ и сталъ на правомъ берегу Лукомли и Смольны, чѣмъ и кончилось дѣло. Петербургское ополченіе сражалось такъ-же мужественно, какъ и подъ Полоцкомъ. Французы съ изумленіемъ спрашивали нашихъ плѣнныхъ: откуда взялись эти безстрашные люди, съ крестомъ на фуражкѣ, пришедшіе на ихъ пагубу? По прекращеніи дѣла, въ нашемъ лагерѣ были ликованія и радость, ни съ чѣмъ несравнимыя, по случаю пріѣзда курьера отъ князя Кутузова, съ извѣстіемъ объ успѣхахъ главной арміи, освобожденіи Москвы и повсемѣстномъ отступленіи непріятеля. Всѣ желали удостовѣриться въ истинѣ происшествій и съ жадностью читали тотчасъ-же объявленный приказъ князя Кутузова, приводившаго въ немъ вѣчнопамятныя слова императора Александра: «Потушите кровію непріятельскою пожаръ московскій!»

Въ слѣдующій день французы продолжали отступленіе къ Сенно. По разнымъ направленіямъ были посланы за ними передовыя войска; самъ графъ Витгенштейнъ остановился въ Чашникахъ, гдѣ пробылъ до 9-го ноября. Его цѣль, при нападеніи на непріятеля у Чашниковъ, состояла въ занятіи крѣпкаго отъ природы лѣваго берега Улы. Достигнувъ своего намѣренія, онъ не пошелъ далѣе, желая предварительно собрать свѣдѣнія о Дунайской арміи, для чего партіи и лазутчики были немедленно отправлены къ Борисову и Минску. «Узнавъ-же о Чичаговѣ и соединяясь съ нимъ», доносилъ графъ Витгенштейнъ государю на другой день послѣ чашниковскаго дѣла, «оставлю отрядъ на Улѣ, начну опять наступательныя дѣйствія, пойду къ Вильнѣ, чтобы истребить собирающуюся тамъ конфедерацію, послѣ обращусь на Макдональда, если онъ еще не отступилъ, и, очистивъ весь этотъ край, надѣюсь тогда выполнить планъ, полученный мною отъ Вашего Императорскаго Величества». Графъ Витгенштейнъ не привелъ, однако, въ исполненіе предположеннаго движенія къ Вильнѣ. Не стоило заниматься конфедераціею, то есть, сбродомъ завербованныхъ Наполеономъ праздношатавшихся шляхтичей, и даже корпусомъ Макдональда въ такое время, когда дѣло шло о дѣйствіяхъ въ тылу главной арміи Наполеона и истребленіи ея до послѣдняго человѣка. Изъ Чашниковъ графъ Витгенштейнъ послалъ генералъ-маіора Властова къ Друѣ и Браславлю наблюдать за Мак-

дональдомъ и быть въ сношеніи съ Ригою, а отрядъ генералъ-маіора Гарпе для занятія Витебска, гдѣ малочисленный французскій гарнизонъ вознамѣрился было защищаться, стрѣлялъ изъ двухъ бывшихъ при немъ пушекъ и, наконецъ, зажегъ мостъ. Солдаты и ратники ополченія выбѣжали изъ строя, погасили огонь, перешли по мосту и выгнали непріятеля изъ Витебска, причемъ отбили 2 орудія и взяли въ плѣнъ болѣе 300 человѣкъ; въ числѣ ихъ находились французскій губернаторъ и чиновники, служившіе въ управленіи, по повелѣнію Наполеона учрежденномъ въ Витебскѣ.

Къ Витебску подходилъ въ то время изъ Осташкова отрядъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, сформированный по слѣдующему случаю. Въ половинѣ октября посланный графомъ Витгенштейномъ въ сѣверную часть Витебской губерніи партизанъ Дибичъ перешелъ оттуда къ Бѣлому и донесъ прямо государю, что три непріятельскихъ отряда идутъ отъ Смоленска къ Бѣлому, Торопцу и Сычевкѣ. Для охраненія этого края не было тамъ никакихъ войскъ, и императоръ велѣлъ князю Волконскому ѣхать въ Новгородъ, взять часть ополченія, нѣсколько линейныхъ войскъ и артиллеріи, остановить на дорогѣ шедшіе къ графу Витгенштейну 3 Башкирскихъ полка и, составивъ отрядъ, расположиться между Торопцомъ и Бѣлымъ. Собравъ въ Новгородѣ свой сборный корпусъ и прибывъ съ нимъ въ Осташковъ, князь Волконскій разослалъ во всѣ стороны партіи, но онѣ единогласно показали, что непріятеля нигдѣ нѣтъ. Въ то-же время извѣстилъ и Дибичъ, что донесеніе его къ государю было основано на извѣстіяхъ, оказавшихся впослѣдствіи несправедливыми. Такимъ образомъ, наскоро пришедшій въ Осташковъ отрядъ сдѣлался тамъ безполезенъ, и государь велѣлъ князю Волконскому отправить его на усиленіе графа Витгенштейна. Это повелѣніе застало князя Волконскаго на маршѣ къ Витебску.

Посланные графомъ Витгенштейномъ разъѣзды и лазутчики для открытія дунайской арміи, возвратившись, донесли, что не могли собрать никакихъ объ ней свѣдѣній, и что Борисовъ и Минскъ заняты непріятелемъ. Неизвѣстность мѣста нахожденія Чичагова и соображеніе обстоятельствъ вообще начали порождать въ графѣ Витгенштейнѣ основательную заботливость объ его положеніи. Противъ него стоялъ Викторъ въ превосходныхъ силахъ и большею частью съ свѣжими войсками. Вреде, отступившій съ баварцами къ Глубокому, могъ присоединить къ себѣ литовскую конфедерацію и, подкрѣпленный частью Макдональдова корпуса, угрожать правому крылу и тылу его, даже пресѣчь сообщеніе его съ Двиною. Съ княземъ Кутузовымъ онъ также не имѣлъ прямыхъ, непосредственныхъ сношеній. Повелѣнія отъ фельдмаршала не приходили къ нему скоро, потому что посылались окольными дорогами. Итакъ, графъ Витгенштейнъ, не зная о дѣйствіяхъ князя Кутузова и Чичагова и подвергаясь опасности быть отрѣзаннымъ отъ Двины, счелъ за лучшее оставаться въ позиціи при Чашникахъ. Викторъ, съ своей стороны, опасаясь наступленія графа Витгенштейна, перешелъ, 23-го октября, изъ Сенно въ Черею, для удобнѣйшаго прикрытія дороги изъ Орши въ Борисовъ. Это движеніе не удовлетворяло видамъ Наполеона. Онъ считалъ, что графъ Витгенштейнъ, находясь въ Чашникахъ, стоялъ слишкомъ близко отъ главнаго пути сообщеній французовъ, и потому, 26-го октября, наканунѣ своего возвращенія въ Смоленскъ,

велѣлъ Бертье послать Виктору слѣдующее повелѣніе, писанное цифрами: «Императоръ приказываетъ вамъ собрать тотчасъ всѣ 6-ть дивизій вашихъ, ударить на графа Витгенштейна, оттѣснить его за Двину и овладѣть Полоцкомъ. Эти дѣйствія чрезвычайно важны. Черезъ нѣсколько дней вашъ тылъ можетъ быть наводненъ казаками. Завтра императоръ и армія будутъ въ Смоленскѣ, но очень усталые отъ безостановочнаго марша въ 120 лье. Начните дѣйствовать наступательно, отъ чего зависитъ спасеніе арміи; всякое промедленіе будетъ бѣдствіемъ. Кавалерія главной арміи безъ лошадей: онѣ всѣ издохли отъ холода. Ступайте впередъ. Того требуютъ императоръ и необходимость».

По полученіи столь настоятельнаго предписанія, Виктору не оставалось ничего другаго, какъ аттаковать графа Витгенштейна, но въ исполненіи произошло колебаніе отъ особеннаго обстоятельства. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Черею пріѣхалъ Удино, вылечившійся въ Вильнѣ отъ раны, полученной имъ въ августѣ подъ Полоцкомъ, и вступилъ попрежнему въ командованіе корпусомъ, временно находившимся подъ начальствомъ Леграна. Бывши по службѣ моложе Виктора, онъ явился подъ его начальство, но Викторъ, хотя и старшій, не хотѣлъ, однако, начать наступательное движеніе, не посовѣтовавшись съ Удино. Въ совѣщаніи произошло разногласіе о способахъ приведенія въ дѣйствіе предписаннаго Наполеономъ нападенія на графа Витгенштейна. Удино настаивалъ на необходимости идти прямо на фронтъ нашей позиціи, а Викторъ находилъ позицію слишкомъ крѣпкою и думалъ обойдти ее справа, черезъ Бойчеково. Разномысліе начальниковъ было причиною вялости въ ихъ движеніяхъ. 31-го октября они выступили изъ Череи къ Лукомлю и 1-го ноября приблизились къ Смольнѣ, куда отступилъ авангардъ графа Витгенштейна на соединеніе съ корпусомъ, стоявшимъ впереди Чашниковъ. 2-го ноября Викторъ аттаковалъ центръ нашей позиціи, дѣлая видъ, будто имѣетъ намѣреніе обойти оба фланга. Прикрытый озерами графъ Витгенштейнъ не трогался, отражая непріятеля пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Шесть разъ аттаковали французы Смольну, стараясь овладѣть ею и потомъ подойти къ нашимъ батареямъ, защищавшимъ фронтъ позиціи, и шесть разъ были опрокидываемы. Изрѣдка непріятель начиналъ кавалерійскія аттаки, но онѣ въ самомъ началѣ своемъ были отражаемы батареями. Французскія лошади, изнуренныя и неподкованныя на шипы, по гололедицѣ едва держались на ногахъ. Видя неудачу аттаки на Смольну, Викторъ, согласно своему первоначальному намѣренію, послалъ дивизію въ большой обходъ противъ нашего лѣваго крыла и тыла, намѣреваясь идти туда-же со всѣмъ своимъ корпусомъ, но вскорѣ, по убѣжденію Удино, упорствовавшаго въ мнѣніи о безполезности этого движенія, воротилъ дивизію назадъ. Подъ вечеръ непріятели прекратили нападеніе, не имѣвшее рѣшительно никакого успѣха и, простоявъ до ночи на мѣстѣ, отступили на другой день обратно въ Черею. Нашъ авангардъ послѣдовалъ за ними и подобралъ дорогою 600 плѣнныхъ. Такимъ образомъ, Викторъ не выполнилъ повелѣнія Наполеона, состоявшаго въ оттѣсненіи графа Витгенштейна за Двину, и не упорствовалъ въ нападеніи, считая сохраненіе своего корпуса необходимымъ для прикрытія главной арміи Наполеона, о разстройствѣ которой до него начинали доходить слухи, считаемые имъ, однако,

преувеличенными. Послѣдствія доказали основательность расчета его: если-бы онъ понесъ пораженіе, то некому было-бы заслонить переправы Наполеона черезъ Березину.

Сраженіе при Смольнѣ увѣнчало новыми лаврами графа Витгенштейна и имѣло на продолженіе похода важное вліяніе тѣмъ, что было одною изъ причинъ, побудившихъ Наполеона не отступать на Лепель, когда онъ узналъ, какъ крѣпка занимаемая нашими войсками позиція на Улѣ. Графъ Витгенштейнъ не пошелъ за непріятелемъ, но остался попрежнему у Чашниковъ. Ему нельзя было отходить отъ Двины на большое разстояніе, потому что, хотя онъ и отразилъ французовъ у Смольны, однако-же, положеніе его отъ этого не измѣнялось. Онъ все еще имѣлъ справедливое опасеніе: не вознамѣрятся-ли Макдональдъ и Вреде аттаковать его съ праваго крыла и тыла и отрѣзать отъ Двины, а, между тѣмъ, получилъ отъ князя Кутузова извѣщеніе, что «можетъ быть, Наполеонъ обратится на него изъ Орши, въ намѣреніи пробраться въ Литву черезъ Сенно, Лепель и Докшицы». Послѣ этого, графу Витгенштейну слѣдовало принимать мѣры величайшей предосторожности, имѣя непріятеля впереди себя и во флангахъ и ожидая, не ударитъ-ли на него Наполеонъ, о чемъ, кромѣ князя Кутузова, писалъ къ нему и государь. Такое движеніе Наполеона было правдоподобно, такъ какъ оно удаляло его отъ двухъ армій, князя Кутузова и Чичагова. Поэтому, ожидая, какой оборотъ примутъ дѣла, графъ Витгенштейнъ пробылъ въ Чашникахъ до 9-го ноября, когда Наполеонъ выступилъ изъ Орши, а князь Кутузовъ былъ на маршѣ въ Копысъ. Корпусъ графа Витгенштейна, съ начала похода подвизавшійся съ постояннымъ успѣхомъ, ждалъ повелѣнія къ наступленію съ нетерпѣніемъ, возраставшимъ по мѣрѣ того, какъ получались отъ князя Кутузова извѣстія о побѣдахъ главной арміи. Объявляя объ нихъ въ приказѣ, графъ Витгенштейнъ говорилъ:

«Воины! Мы уже близки къ цѣли желаній нашихъ. Геройскіе подвиги наши, единодушное рвеніе всѣхъ состояній государства къ пользѣ его и славѣ, усердіе и преданность къ августѣйшему государю нашему и, наконецъ, вѣра и любовь къ Богу, соединенныя съ несомнѣнною надеждою на всемогущій промыслъ Его, уже торжествуютъ. Враги кичливые, изнуренные гладомъ, усталостію и холодомъ среди самой Москвы, изумленные чрезвычайною храбростію войскъ и неимовѣрными пожертвованіями соотчичей нашихъ, истреблявшихъ, сверхъ всего, даже самую собственность свою, могшую послужить къ пользѣ враговъ, уже бѣгутъ изъ предѣловъ нашихъ. Печати варварства ихъ, оставленныя на градахъ нашихъ и даже на самой древней столицѣ, да послужатъ залогомъ непримиримаго мщенія къ пагубѣ враговъ. Друзья! Довершимъ, съ помощію Всевышняго, великій подвигъ нашъ, оправдаемъ довѣренность къ намъ государя и отечества, преодолѣемъ всѣ труды, еще предстоящіе и, наказавъ тѣмъ хищника многихъ престоловъ за дерзость его нарушить покой любезнаго отечества нашего, заставимъ удивленную Европу воскликнуть вмѣстѣ съ нами: Великъ Богъ русскій! Кто противъ Бога и Россіи!»

II.

Дѣйствія Чичагова и Сакена.

Москва была очищена отъ непріятеля: отбитый въ Малоярославцѣ Наполеонъ возвращался къ Можайску; графъ Витгенштейнъ покорилъ Полоцкъ и шелъ къ Улѣ; наступала половина октября, но дунайская армія не трогалась съ береговъ Буга въ назначенный ей походъ къ Березинѣ. Мы оставили ее, 8-го октября, въ Брестѣ, а князя Шварценберга и Ренье противъ Дрогочина, гдѣ, избѣгая сраженія, они передвигали легкія войска съ одного мѣста на другое, стараясь прикрыть сообщеніе свое съ Варшавою. Уже 9 дней, съ 30-го сентября, адмиралъ Чичаговъ стоялъ въ Брестѣ, но не выступалъ къ Березинѣ, по недостатку въ продовольствіи, а также изъ опасенія: не направится-ли вслѣдъ за нимъ князь Шварценбергъ. Для предупрежденія такого покушенія непріятелей онъ возымѣлъ даже мысль: «прежде начатія движенія къ Березинѣ, оттѣснить князя Шварценберга до Варшавы, чтобы потомъ быть развязану въ своихъ дѣйствіяхъ». Однако, онъ отложилъ это предположеніе, удалявшее его на неопредѣленное время и на дальнее разстояніе отъ цѣли, назначенной ему въ операціонномъ планѣ, и вмѣсто того, видя безполезность дальнѣйшаго пребыванія въ Брестѣ, тогда какъ по расчету времени должны были въ главныхъ арміяхъ совершиться важныя событія, рѣшился исполнить назначенное ему движеніе къ Березинѣ. Онъ раздѣлилъ армію на двѣ неравныя части; съ одною хотѣлъ самъ выступить въ походъ, а другую оставить позади себя для удержанія австрійцевъ и саксонцевъ. Назначенныя идти къ Березинѣ войска состояли изъ двухъ авангардовъ: графа Ламберта и Чаплица, и трехъ корпусовъ: Эссена, Воинова и Сабанѣева; послѣдніе два отданы были подъ начальство графа Ланжерона. Противъ князя Шварценберга и Ренье оставлены корпусы Булатова и графа Ливена. Оба поручены генералъ-лейтенанту Сакену, съ повелѣніемъ: не допускать австрійцевъ и саксонцевъ идти за Чичаговымъ, если нужно—дѣйствовать противъ нихъ наступательно и въ то-же время прикрывать губерніи Волынскую и Подольскую. Эртелю приказано идти изъ Мозыря къ Игумену и тамъ войти въ составъ арміи, а отряду Лидерса, который при началѣ войны былъ отправленъ въ Сербію и на возвратномъ пути оттуда находился еще въ Волынской губерніи, предписано, для соединенія съ арміею, направиться изъ Пинска къ Несвижу. Марши были такъ расчитаны, что Эртель и Лидерсъ, сближаясь къ арміи, выступавшей отъ Бреста къ Минску, должны были, какъ будто въ сѣти, захватывать непріятельскія войска, разбросанныя на пространствѣ между Березиною и Припетью.

15-го октября, войска, назначенныя идти съ Чичаговымъ, собрались у Чернавчицы. Онъ не хотѣлъ спѣшить на первыхъ переходахъ, желая сперва узнать достовѣрно, что предприметъ князь Шварценбергъ, когда узнаетъ объ удаленіи дунайской арміи, и воротиться къ нему на встрѣчу, въ случаѣ, если непріятель пойдетъ на Сакена, расположившагося, между тѣмъ, около Бреста, по обоимъ берегамъ Буга. При самомъ выступленіи изъ Чернавчицы, Чичаговъ получилъ извѣстіе, что дивизія Дюрюта, изъ корпуса Ожеро, соединилась съ княземъ Шварценбергомъ, отъ чего силы послѣдняго воз-

расли до 50,000 человѣкъ. У Сакена было не болѣе 18,000, почему Чичаговъ приказалъ Эссену, назначенному идти съ арміею къ Березинѣ, возвратиться къ Сакену и состоять у него подъ начальствомъ; съ прибытіемъ Эссена число войскъ Сакена простиралось до 27,000 человѣкъ. «Съ такими силами», писалъ ему Чичаговъ, «опасаться вамъ нечего, и, можетъ быть, вы въ состояніи начать наступательныя дѣйствія. Безпокойте непріятеля и старайтесь завязать съ нимъ дѣло, прежде чѣмъ я удалюсь на дальнее разстояніе. Не теряйте его изъ вида, потому что, спустясь по Бугу, онъ можетъ устремиться за мною черезъ Бѣлостокъ и Волковискъ. Узнавайте обо всемъ, что въ этомъ предположеніи сдѣлаетъ непріятель, и слѣдуйте за нимъ, оставя въ Брестѣ немного войскъ. Соображая по возможности наши взаимныя дѣйствія, можно выиграть у непріятеля нѣсколько маршей».

За отправленіемъ къ Сакену корпуса Эссена, у Чичагова осталось 32,000 человѣкъ, но онъ надѣялся имѣть до 50,000, когда примкнутъ къ нему Лидерсъ съ 3,500 и Эртель, имѣвшій около 15,000 человѣкъ. Подкрѣпивъ такимъ образомъ Сакена, адмиралъ рѣшился не останавливаться долѣе и пошелъ изъ Чернавчицъ двумя колоннами къ Пружанамъ, куда прибылъ 20-го октября. Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ безпрепятственно движеніе черезъ Селецъ, Смоляницу и Ружаны и 25-го вступилъ въ Слонимъ, гдѣ получилъ извѣстіе, что князь Шварценбергъ выигралъ у Сакена два марша и показался между Волковискомъ и Зельве. Чичаговъ послалъ флигель-адъютанта Чернышева, съ однимъ казачьимъ полкомъ, занять Деречинъ и Зельве и затруднить маршъ непріятелю. Въ Зельвѣ Чернышевъ узналъ, что австрійскій генералъ Моръ шелъ изъ Гродно къ Мостамъ на Нѣманѣ и устроивалъ тамъ переправу, намѣреваясь соединиться съ княземъ Шварценбергомъ, уже находившимся въ Волковискѣ. Чернышевъ отрядилъ казаковъ уничтожить въ Мостахъ лѣсъ, приготовленный непріятелемъ для переправы. Донцы прошли на рысяхъ болѣе 40 верстъ, разогнали рабочихъ и лѣсъ сожгли. Между тѣмъ, самъ Чернышевъ занимался истребленіемъ мостовъ на рѣчкѣ Зельве, по которымъ надобно было проходить князю Шварценбергу изъ Волковиска. Такъ австрійцы остановлены были на нѣсколько времени, чѣмъ воспользовался Чичаговъ для продолженія движеній къ Несвижу.

Прежде, нежели послѣдуемъ за дунайскою арміею изъ Слонима къ Березинѣ, надобно объяснить, отчего оставленные нами въ Дрогочинѣ князь Шварценбергъ и Ренье очутились въ Волковискѣ. Узнавъ отъ жителей о выступленіи Чичагова изъ Бреста, они легко догадались, что Чичаговъ направился къ главному театру войны, въ тылъ Наполеона, чего имъ никакъ нельзя было допускать. Самое важное, или, лучше сказать, единственное назначеніе князя Шварценберга заключалось въ воспрепятствованіи бывшимъ въ Литвѣ русскимъ войскамъ направиться на Наполеона. Во всѣхъ повелѣніяхъ, отправленныхъ князю Шварценбергу, Наполеонъ не переставалъ подтверждать ему, что въ удержаніи въ Литвѣ армій Чичагова и Тормасова должна была состоять вся цѣль его дѣйствій. Услышавъ о маршѣ дунайской арміи, князь Шварценбергъ и Ренье тотчасъ послѣдовали за нею; 19-го октября они переправились черезъ Бугъ

при Дрогичинѣ и пошли въ Волковиску такими усиленными маршами, какихъ нельзя было ожидать отъ нѣмецкихъ войскъ, обыкновенно двигающихся медленно. Сакенъ, узнавъ объ ихъ движеніи, выступилъ изъ Бреста къ Высоколитовску, въ намѣреніи «аттаковать, гдѣ можно, непріятельскій арріергардъ и поодиночкѣ корпусы, если къ тому представится случай, но отступать отъ превосходныхъ силъ».

При первомъ извѣстіи о движеніи князя Шварценберга и Ренье. Сакенъ полагалъ, что еще не всѣ силы ихъ переправились черезъ Бугъ, и пошелъ къ Высоколитовску, намѣреваясь аттаковать оттуда войска, находившіяся уже на правомъ берегу. Вскорѣ, однако онъ узналъ, что князь Шварценбергъ и Ренье, со всѣми корпусами, не только по сю сторону Буга, но уже за Наревомъ, что австрійцы на маршѣ къ Волковиску, а саксонцы, заслонявшіе князя Шварценберга, тянутся къ Свислочу и Порозову, имѣя арріергардъ на Наревѣ при Плескахъ. Вѣрный своей цѣли Сакенъ хотѣлъ сильно тѣснить Ренье и тѣмъ принудить князя Шварценберга возвратиться на помощь саксонцамъ. Это было повтореніемъ маневра, удачно произведеннаго Тормасовымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ Кобриномъ. Сакенъ пошелъ черезъ Бѣловѣжъ на Рудню и Порозовъ, настигъ тамъ, 31-го октября, Ренье и распорядился въ слѣдующій день аттаковать и обойти его лѣвое крыло, чтобы тѣмъ отрѣзать его отъ князя Шварценберга, шедшаго въ то время изъ Волковиска къ Слониму. Ренье не выждалъ аттаки, поспѣшно отступилъ, поставилъ корпусъ свой позади Волковиска и занялъ этотъ городъ арріергардомъ. Сакенъ, неотступно слѣдуя за Ренье, вознамѣрился сдѣлать на Волковискъ ночное нападеніе, ожидая при успѣхѣ блистательныхъ послѣдствій, потому что всѣ 9 генераловъ корпуса Ренье, избѣгая холода на бивакахъ, ночевали въ Волковискѣ, почти на передовой цѣпи, о чемъ евреи увѣдомили Сакена. Онъ составилъ 4 отряда, приказавъ имъ идти впереди колоннъ, ворваться въ городъ съ разныхъ сторонъ и одному изъ нихъ окружить домъ, занятый Ренье. 2-го ноября, въ 10 часовъ бурнаго осенняго вечера, тронулись отряды, но шорохъ, произведенный при подъемѣ рогатки, возбудилъ вниманіе разставленныхъ у моста часовыхъ. Они открыли огонь и подняли тревогу. Саксонскій авангардъ бросился къ ружью. Русскіе были уже въ улицахъ и подлѣ дома, гдѣ предполагали схватить Ренье, но Ренье уже тамъ не было, по нечаянному случаю, которому онъ обязанъ былъ избавленіемъ себя изъ плѣна. Наканунѣ, войдя въ отведенный ему домъ, онъ нашелъ въ немъ большую нечистоту и приказалъ отвести для себя другое помѣщеніе, о чемъ наши не знали. Поэтому они направились прямо къ прежде назначенному для Ренье дому. Услышавъ тревогу, Ренье выпрыгнулъ изъ окна и вмѣстѣ со всѣми генералами успѣлъ спастись, оставивъ въ нашей власти часть своего обоза и знамя. Между тѣмъ, подходили наши колонны, но не единовременно, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заблудились въ темнотѣ и метели. Перестрѣлка въ городѣ продолжалась до разсвѣта. Саксонцы были выбиты и отступили на позицію, къ главнымъ силамъ Ренье. Онъ открылъ пушечную пальбу по Волковиску и посылалъ для овладѣнія имъ войска, но ихъ постоянно опрокидывали. Сакенъ удовольствовался удержаніемъ за собою города и не аттаковалъ саксонцевъ, узнавъ, что князь Шварценбергъ, получивъ отъ

Ренье донесеніе о дѣйствіяхъ Сакена, тѣснившаго саксонцевъ нѣсколько дней сряду, возвращается изъ Слонима черезъ Изабелинъ, въ нашъ правый флангъ и тылъ.

Сакенъ хотѣлъ оставаться въ наблюдательномъ положеніи, пока не подойдетъ князь Шварценбергъ на такое разстояніе, что нужно будетъ отступить, но показанія схваченныхъ казаками австрійскихъ плѣнныхъ побудили его измѣнить свое намѣреніе. Плѣнные единогласно увѣряли, что вмѣсто движенія изъ Слонима къ Волковиску, князь Шварценбергъ опять возвратился къ Слониму. Сакенъ, обманутый ихъ показаніями и непреклонный въ намѣреніи разбить Ренье, рѣшился воспользоваться мнимымъ удаленіемъ князя Шварценберга и дать Ренье сраженіе. Аттака была назначена въ слѣдующій день, 4-го ноября. Булатовъ долженъ былъ перейти черезъ ручей у селенія Лочики и аттаковать лѣвое крыло Ренье, а Эссенъ и графъ Ливенъ дѣлать ложныя нападенія на его центръ. Увидѣвъ съ высотъ приготовленія русскихъ къ наступательному движенію, Ренье радостно ожидалъ насъ, такъ какъ зналъ, что къ вечеру подойдетъ князь Шварценбергъ. Въ 10-мъ часу утра, 4-го ноября, наши тронулись къ аттакѣ; завязалась перестрѣлка и уже загремѣла артиллерія, какъ вдругъ послышались вдали съ правой стороны два пушечные выстрѣла. То были сигналы князя Шварценберга: онъ извѣщалъ Ренье о своемъ приближеніи. Въ то-же время разъѣзды дали знать Сакену, что австрійскій авангардъ вступилъ въ Изабелинъ и захватилъ много нашихъ обозовъ, оставленныхъ тамъ по недоразумѣнію и даже вопреки приказаніямъ. Сакенъ долженъ былъ прекратить нападеніе, чтобы не очутиться между двумя огнями, и приказалъ отступать, а арріергарду держаться, между тѣмъ, въ Волковискѣ. Ренье двинулся впередъ, хотѣлъ взять Волковискъ приступомъ, но былъ отбитъ, послѣ чего и нашъ арріергардъ послѣдовалъ за корпусомъ, отступавшимъ черезъ Гнезно къ Свислочу. Сюда прибылъ Сакенъ 5-го ноября, въ день Красненскаго сраженія, и потомъ продолжалъ отступленіе на Рудню. Князь Шварценбергъ соединился съ Ренье и пошелъ вслѣдъ за Сакеномъ, который, не имѣя намѣренія вступить въ дѣло съ превосходнымъ непріятелемъ, отступалъ къ Бресту, 13-го ноября перешелъ черезъ Мухавецъ и продолжалъ отходить къ Любомлю, чѣмъ достигъ совершенно своей цѣли, то есть, оттянулъ князя Шварценберга и Ренье отъ дунайской арміи.

Возвратимся къ Чичагову. Придя въ Слонимъ 25-то октября, онъ видѣлъ необходимость увѣдомить о себѣ графа Витгенштейна, такъ какъ имѣлъ повелѣніе, согласно операціонному плану, дѣйствовать съ нимъ совокупно. До тѣхъ поръ адмиралу нельзя было имѣть съ нимъ прямыхъ сношеній; переписка шла дальними окружными дорогами; извѣстія приходили несвоевременно. Гдѣ графъ Витгенштейнъ? будетъ-ли онъ въ состояніи соединиться съ дунайскою арміею?—вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ такъ-же нужно было знать Чичагову, какъ и графу Витгенштейну имѣть свѣдѣнія о дунайской арміи. Чичаговъ велѣлъ флигель-адъютанту Чернышеву, съ однимъ казачьимъ полкомъ, отыскать мѣстопребываніе графа Витгенштейна и увѣдомить его о слѣдованіи дунайской арміи къ Борисову. Чернышеву надобно было идти на перерѣзъ всѣхъ путей, занятыхъ непріятелями; вездѣ находились ихъ команды; всюду жители, враждебно къ намъ расположенные, готовы были извѣщать комен-

дантовъ и этапныхъ начальниковъ о движеніяхъ Чернышева. Крайняя поспѣшность была единственнымъ условіемъ въ успѣхѣ предпріятія. Чернышевъ переправился вплавь черезъ Нѣманъ у Колодезной и дѣлалъ въ сутки слишкомъ по 70-ти верстъ. Его появленіе въ краю, гдѣ вовсе не помышляли о близости русскихъ войскъ, подало возможность застать врасплохъ много командъ и госпиталей, но важность назначенія и отдаленность отъ армій не дозволили Чернышеву отягощать себя плѣнными, и онъ ограничился истребленіемъ оружія и запасовъ. Ночною порою онъ перешелъ близъ Радошкевичей дорогу изъ Минска въ Вильну, остановился въ 3-хъ верстахъ, сторожа, не удастся-ли кого поймать, и съ этою цѣлью поставилъ казаковъ въ засадѣ. Счастье, неразлучное съ Чернышевымъ на войнѣ, благопріятствовало ему и теперь. Какъ нарочно для него, проѣзжали въ ту ночь по дорогѣ 4 кабинетныхъ курьера Наполеона и французскіе жандармы везли изъ Вереи плѣннаго генерала Винцингероде. Всѣ они были схвачены казаками. Удивленіе Винцингероде, когда его привели къ Чернышеву, было неописанно. Онъ долго не хотѣлъ вѣрить своему избавленію, не постигая, какъ очутились наши между Вильною и Минскомъ. Послѣ этого удачнаго успѣха Чернышевъ продолжалъ маршъ и, пройдя въ четыре сутки до 400 верстъ, явился въ Чашникахъ къ графу Витгенштейну, который, такимъ образомъ, въ первый еще разъ съ самаго начала войны получилъ прямо изъ дунайской арміи свѣдѣнія объ ея движеніяхъ и дальнѣйшихъ видахъ Чичагова.

На другой день по отправленіи Чернышева къ графу Витгенштейну, 26-го октября, Чичаговъ выступилъ изъ Слонима къ Березинѣ черезъ Несвижъ. При видѣ русскихъ войскъ, бодро шедшихъ впередъ, исполненныхъ живѣйшимъ желаніемъ сразиться, жители были крайне удивлены. Основываясь на лживыхъ извѣстіяхъ, распространяемыхъ Наполеоновыми управленіями въ западныхъ губерніяхъ, они полагали, что Литовскій край совершенно и на-всегда очищенъ отъ русскихъ, были увѣрены, что наши войска, разбитыя, разсѣянныя Наполеономъ, бродили около Москвы. Ничего не зная о пораженіяхъ французской арміи и бѣгствѣ самого Наполеона, они едва вѣрили глазамъ своимъ, когда посреди нихъ показалась дунайская армія, спѣшили сожигать мятежническія воззванія, газеты, прозрачныя картины, горѣвшія при иллюминаціяхъ, когда праздновали вступленіе Наполеона въ Москву; національная гвардія прятала оружіе и кокарды и разбѣгалась по домамъ.

На маршѣ изъ Слонима Чичаговъ услышалъ о появленіи большого непріятельскаго отряда у Несвижа и Новосвержена. То были войска, высланныя изъ Минска тамошнимъ французскимъ губернаторомъ Брониковскимъ, по полученіи имъ донесеній о приближеніи дунайской арміи. Брониковскій и всѣ его окружавшіе были убѣждены въ непобѣдимости Наполеона, не вѣрили донесеніямъ и воображали, что показавшіеся у Слонима русскіе—не что иное, какъ партизаны. Для удержанія ихъ онъ приказалъ генералу Косецкому взять изъ 7000-го минскаго гарнизона 5,000 человѣкъ и идти къ Несвижу и Новосвержену. Войска Косецкаго состояли изъ полковъ, сформированныхъ въ Литвѣ, и изъ маршевыхъ французскихъ батальоновъ. Противъ Косецкаго былъ отряженъ графъ Ламбертъ. Онъ послалъ кавалерійскій отрядъ къ Несвижу по столбовой дорогѣ, а съ осталь-

ною конницею и егерскими полками, 10-мъ и 14-мъ, пошелъ проселками на Новосверженъ, желая нечаяннымъ нападеніемъ захватить этотъ городъ, гдѣ былъ самъ Косецкій, и отрѣзать отступленіе непріятелю, занимавшему Несвижъ. За 2 часа до разсвѣта 1-го ноября онъ пришелъ къ Новосвержену и послалъ 10-й егерскій полкъ, Иванова, обойти городъ справа, а 14-й, Красовскаго, прямо въ Новосверженъ. Безъ выстрѣла, Красовскій штыками аттаковалъ стоявшихъ у заставы непріятелей; на плечахъ ихъ ворвался въ улицы, съ ними вмѣстѣ достигъ до площади, гдѣ наскоро выстроились два батальона, успѣвшіе только выпалить залпомъ одинъ разъ; опрокинутые холоднымъ оружіемъ, они разбѣжались.

Пока обезоруживали и ловили разбѣжавшихся по городу непріятелей, 10-й егерскій полкъ отрѣзалъ на Несвижской дорогѣ одинъ польскій батальонъ, бросился на него спереди, а кавалерія обскакала его сзади; батальонъ разбили на голову. Отъ плѣнныхъ узнали, что Косецкій накануне отправилъ отрядъ въ Миръ, съ приказаніемъ вытѣснить появившихся тамъ казаковъ. Графъ Ламбертъ послалъ туда войско, но Миръ былъ уже занятъ поутру графомъ Оруркомъ. Выгнавъ поляковъ изъ мѣстечка, онъ окружилъ ихъ на полѣ кавалеріею, и 400 человѣкъ принудилъ сдаться. Также по занятіи Свержена посланъ былъ казачій полкъ въ Столбцы. Донцы переплыли черезъ Нѣманъ и забрали всѣхъ поляковъ, бывшихъ въ Столбцахъ. Въ продолженіе дня взято въ плѣнъ графомъ Ламбертомъ до 800 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 офицеровъ; но, что для будущихъ дѣйствій армій было гораздо важнѣе, намъ достался мостъ на Нѣманѣ, истребить который непріятелю не дали времени. Къ вечеру графъ Ламбертъ получилъ донесеніе отъ посланнаго имъ въ Несвижъ отряда, что непріятель не выждалъ аттаки и очистилъ городъ, въ которомъ найдено болѣе нежели на милліонъ драгоцѣнностей, бриллiантовъ и жемчуга, награбленныхъ въ Москвѣ и для сохраненія присланныхъ въ Несвижъ.

Въ слѣдующій день графъ Ламбертъ преслѣдовалъ Косецкаго, отступавшаго къ Минску, и, желая не дать ему возможности оправиться, пошелъ со всею конницею впередъ; пѣхота слѣдовала сзади. 3-го ноября, черезъ день послѣ дѣла при Свержене, пройдя 20 верстъ, графъ Ламбертъ настигъ за Кайдановымъ непріятелей. Въ арріергардѣ ихъ, кромѣ конницы, было самое надежное войско ихъ, два французскихъ батальона. Замѣчая, что его преслѣдуетъ только одна кавалерія, Косецкій велѣлъ арріергарду остановиться при селеніи Муровщизнѣ, желая тѣмъ дать отряду время уйти впередъ. Житомирскій драгунскій полкъ аттаковалъ конницу, стоявшую близъ села, разбилъ ее и овладѣлъ пушкою; посланные въ погоню казаки забрали остальныхъ всадниковъ. Послѣ блистательной аттаки, Житомирскіе драгуны обратились въ тылъ французской пѣхотѣ, стоявшей въ Муровщизнѣ, но не могли въ нее врубиться. Вскорѣ подоспѣли 4 конныя орудія и били картечью по французамъ. Увидя путь къ отступленію отрѣзаннымъ, непріятель положилъ оружіе. Пока управлялись съ французами при Муровщизнѣ, графъ Ламбертъ послалъ Стародубскій драгунскій, Татарскій уланскій и нѣсколько казачьихъ полковъ догонять главный отрядъ Косецкаго, находившійся недалеко оттуда. Конница бросилась въ аттаку, и поляки сдались. Съ другой стороны дороги шелъ Александрійскій гусарскій полкъ, про-

тивъ одной колонны, спасавшейся по полямъ. Настигнутая гусарами, она положила оружіе. Такъ уничтоженъ былъ почти весь отрядъ Косецкаго. Въ оба дня взято въ плѣнъ болѣе 4,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 63 офицера, отбито 2 пушки и 2 знамени, много обозовъ и полный хоръ музыкантовъ, отданныхъ въ 14-й егерскій полкъ.

Самымъ важнымъ слѣдствіемъ успѣховъ графа Ламберта было открытіе пути въ Минскъ, куда Наполеонъ намѣревался отступить и о занятіи котораго князь Кутузовъ не переставалъ писать Чичагову. 4-го ноября, на другой день послѣ пораженія Косецкаго, графъ Ламбертъ вступилъ въ Минскъ такъ быстро, что предупредилъ тамъ Домбровскаго, за нѣсколько дней передъ тѣмъ получившаго отъ Наполеона повелѣніе оставить наблюденіе за Бобруйскомъ и спѣшить для прикрытія Минска, куда онъ и шелъ форсированно, узнавъ отъ Брониковскаго объ опасности этого города. Желая освѣдомиться о положеніи дѣлъ, Домбровскій опередилъ свою дивизію и пріѣхалъ въ Минскъ, гдѣ засталъ все въ величайшемъ смятеніи, потому что разъѣзды графа Ламберта были въ виду города, куда поодиночкѣ и безъ оружія прибѣгали солдаты разсѣяннаго отряда Косецкаго. Домбровскій поскакалъ назадъ, воротилъ дивизію съ Минской дороги и повелъ ее къ мѣстечку Березину, намѣреваясь идти оттуда въ Борисовъ. Другая великая выгода, происшедшая отъ быстроты дѣйствій графа Ламберта, состояла въ томъ, что непріятели не успѣли истребить хлѣбъ, коммиссаріатскія вещи, порохъ и свинецъ, свезенные ими въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ въ Минскъ, назначенный Наполеономъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для арміи. Въ магазинахъ нашлось столько хлѣба, между прочимъ привезеннаго изъ Тріеста сарачинскаго шпена, что его достаточно было для дунайской арміи на цѣлый мѣсяцъ. Нашихъ плѣнныхъ въ Минскѣ освобождено 110 человѣкъ. Въ лазаретахъ найдено 2,224 непріятеля. Французское и польское начальства поступали съ больными самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, не только оставляя ихъ безъ призрѣнія, но даже по 10-ти дней не вывозя изъ госпиталей мертвыхъ труповъ, лежавшихъ въ однихъ палатахъ съ больными.

Чичаговъ не отставалъ отъ своего побѣдоноснаго авангарда и быстро подавался впередъ, получая дорогою отъ князя Кутузова повелѣнія объ ускореніи марша, и безъ того поспѣшнаго. «Могу увѣрить васъ», писалъ ему фельдмаршалъ, «что ужасы, кои видимы были въ прошедшемъ году въ арміи верховнаго визиря, происходившіе отъ голода, не могутъ сравниться съ ужасами, приключающимися теперь съ французскою арміею. Поспѣшайте къ общему содѣйствію, и тогда гибель Наполеона неизбѣжна. Весьма необходимо открыть скорое сообщеніе между вашею и главною арміями черезъ Копысъ, Цецержинъ, Ушу и Минскъ. Содѣйствіе всѣхъ нашихъ силъ можетъ нанесть неизбѣжную гибель Наполеону». Извѣщая Чичагова о происходившемъ на разныхъ театрахъ войны, государь писалъ ему: «Вы видите, какъ необходимо вамъ стараться о соединеніи съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Борисова и встрѣтить армію Наполеона лицомъ къ лицу, въ то время, когда князь Кутузовъ преслѣдуетъ ее. Предоставляю вашему усмотрѣнію выборъ средствъ, удобнѣйшихъ для достиженія цѣли, чтобы не выпустить Наполеона изъ нашихъ границъ и уничтожить его армію, поставя ее между вами, княземъ Кутузовымъ, графомъ Витгенштей-

номъ и Эртелемъ. Расчитывайте разстояніе и время. 20-го октября былъ Наполеонъ у Гжатска, а вы 10-го между Брестомъ и Слонимомъ: слѣдственно, вы можете поспѣть въ настоящую пору. Подумайте, какія слѣдствія произойдутъ отъ того, если Наполеонъ вырвется изъ Россіи и сформируетъ новую армію».

5-го ноября, въ день Красненскаго сраженія, Чичаговъ пришелъ въ Минскъ. «Такимъ образомъ», онъ доносилъ князю Кутузову, «дунайская армія находится уже на томъ пути, по которому отступаетъ преслѣдуемый вашею свѣтлостію непріятель. Я не оставлю употребить съ моей стороны всѣхъ способовъ содѣйствія къ совершенному его истребленію». Отъ графа Витгенштейна тоже пришло въ Минскъ къ Чичагову донесеніе, въ отвѣтъ на привезенныя Чернышевымъ увѣдомленія. Это донесеніе было первое въ походѣ, прямо отъ графа Витгенштейна полученное. Онъ извѣщалъ о расположеніи своего корпуса и стоявшихъ противъ него непріятелей. «Если Викторъ будетъ оставаться въ своей позиціи», писалъ Чичаговъ, «то я поспѣшу произвесть на него нападеніе». Такъ между нашими арміями начинали возстановляться непосредственныя сношенія.

Когда быстротою движеній къ Минску Чичаговъ наверстывалъ время, утраченное имъ на берегахъ Буга, онъ получилъ весьма неблагопріятное извѣстіе. Выше сказано, что, выступая изъ Бреста, онъ послалъ повелѣнія генераламъ Лидерсу и Эртелю примкнуть къ арміи, первому въ Несвижѣ, второму черезъ Игуменъ. Лидерсъ пришелъ въ назначенное время, но Эртель, съ 15,000-мъ корпусомъ, не тронулся изъ Мозыря, а только отправилъ къ арміи 6 слабыхъ запасныхъ батальоновъ, 4 эскадрона и казачій полкъ. Причины, почему онъ не исполнилъ даннаго ему повелѣнія, были: 1) онъ ждалъ изъ Житомира запасныхъ эскадроновъ и спрашивалъ: оставить-ли ихъ въ Мозырѣ, или взять съ собою? 2) у него было до 2,000 больныхъ, 25,000 четвертей хлѣба и 100,000 пудовъ сѣна. Имѣя отъ князя Кутузова повелѣніе провожать запасы въ Бобруйскъ и требованіе отъ Игнатьева о доставкѣ туда 5,000 четвертей хлѣба, безъ чего Игнатьевъ находилъ себя въ невозможности довольствовать армію Чичагова, Эртель затруднялся, кому по выступленіи изъ Мозыря поручить охраненіе запасовъ и перевозъ ихъ въ Бобруйскъ, и 3) онъ не выступалъ въ походъ по нерасположенію жителей и падежу скота. На эти вопросы Эртель требовалъ опредѣленій, въ ожиданіи которыхъ прошло такъ много времени, что, выступивъ въ походъ, онъ былъ остановленъ ходомъ льда по Припети и Птичѣ. Ему отказали отъ начальства, и на мѣсто его назначили Тучкова, которому Чичаговъ велѣлъ идти черезъ Рогачевъ и Могилевъ на присоединеніе къ дунайской арміи, а Сакену тогда-же писалъ объ отправленіи къ арміи корпуса Эссена, желая замѣнить имъ войска, не пришедшія съ Эртелемъ.

Имѣя въ виду скорое занятіе Борисова, Чичаговъ послалъ туда изъ Минска графа Ламберта, подкрѣпивъ его двумя пѣхотными полками и ротою артиллеріи. Генералъ-маіоръ Чаплинъ былъ отряженъ къ Зембину наблюдать Березину выше Борисова, а полковникъ Луковкинъ къ Игумену сторожить движенія Домбровскаго. Минскій губернаторъ Брониковскій отступилъ, или, лучше сказать, убѣжалъ въ Борисовъ съ остаткомъ минскаго гарнизона. Дорогою и въ самомъ Борисовѣ, онъ усилилъ отрядъ разными командами, бывшими въ го-

родѣ и шедшими туда изъ Орши, отчего отрядъ его умножился до 4,000 человѣкъ. На соединеніе съ Брониковскимъ шелъ съ 3,000 изъ Березина Домбровскій, которому нельзя было-бы сдѣлать этого движенія, если-бы Эртель своевременно пришелъ къ Игумену. 8-го ноября графъ Ламбертъ занялъ Жодинъ. Посланные имъ заблаговременно разъѣзды привели къ нему плѣнныхъ польскихъ офицеровъ, показавшихъ, что Домбровскій почти бѣгомъ идетъ въ Борисовъ, куда надѣется поспѣть въ ту-же ночь, и что передъ вечеромъ онъ намѣренъ сдѣлать привалъ. Графъ Ламбертъ рѣшился идти прямо на Борисовъ, имѣя объ укрѣпленіяхъ его свѣдѣнія отъ находившагося при немъ инженернаго офицера, занимавшагося весною при тамошнихъ крѣпостныхъ работахъ. Хотя войско сдѣлало уже въ тотъ день 85 верстъ, въ позднее осеннее время, но графъ Ламбертъ далъ ему самый короткій отдыхъ въ Жодинѣ и среди глубокой темноты, съ 8-го на 9-е ноября, пошелъ впередъ. Ночной маршъ совершился благополучно. 8-го числа, за часъ до разсвѣта, не замѣченныя непріятелемъ наши войска подошли на 2 версты къ Борисову, и графъ Ламбертъ приказалъ въ ту-же минуту привести въ исполненіе слѣдующія распоряженія: 14-му егерскому полку аттаковать правую, 38-му лѣвую сторону укрѣпленій, а по открытіи на флангахъ огня 7-му егерскому броситься на центръ. Въ резервѣ остались 13-й егерскій, Витебскій пѣхотный, Александрійскій гусарскій, Арзамасскій драгунскій полки и 2 роты артиллеріи.

До какой степени поспѣшность ночного марша и быстрота аттаки были необходимы, доказывается тѣмъ, что Домбровскій прибылъ не задолго до графа Ламберта, въ 3 часа пополуночи и, расположившись внутри укрѣпленій походными колоннами, какъ шелъ на маршѣ, не занялъ еще редутовъ, потому что въ темнотѣ не успѣлъ осмотрѣться и хотѣлъ дать людямъ отдохнуть, не предполагая русскихъ въ такой близости. Вскорѣ началась аттака. Красовскій съ 14-мъ егерскимъ полкомъ, вступилъ въ редутъ праваго непріятельскаго крыла, гдѣ встрѣтилъ колонну поляковъ съ 4-мя пушками, шедшую занимать редутъ. Удивленіе поляковъ при видѣ русскихъ было неописанно. Еще часъ и менѣе, и овладѣніе укрѣпленіемъ было-бы сопряжено съ великими пожертвованіями или совсѣмъ невозможно, при числѣ войскъ, составлявшихъ отрядъ графа Ламберта. Аттакованные Красовскимъ поляки стали защищаться, но, принятые въ штыки, побѣжали, причемъ взято 2 пушки съ лошадьми и прислугою. Между тѣмъ, 38-й егерскій полкъ ворвался въ редутъ лѣваго крыла; онъ былъ вытѣсненъ. Графъ Ламбертъ послалъ въ подкрѣпленіе 7-й егерскій полкъ и поручилъ его генералъ-маіору Энгельгарду, который бросился въ редутъ, овладѣлъ имъ и палъ мертвый. При самомъ началѣ дѣла Домбровскій получилъ отъ Удино, шедшаго изъ Бобра, повелѣніе держаться въ Борисовѣ до послѣдней капли. Не видя возможности силою вырвать редуты изъ нашихъ рукъ, онъ вознамѣрился обойти ихъ войсками, бывшими у него внѣ укрѣпленія. Одна непріятельская колонна показалась изъ селенія Дымокъ въ тылъ Красовскому, другая, состоявшая изъ пѣхоты и кавалеріи, на нашемъ правомъ крылѣ, изъ Чуры-Юшкевича. Эта колонна шла ночью въ замкѣ дивизіи Домбровскаго и не успѣла еще соединиться съ нимъ въ укрѣпленіи, а потому назначена была ударить въ нашъ правый флангъ. Противъ обходившихъ войскъ графъ Ламбертъ по-

слалъ полки и артиллерію изъ резерва. Они удержали непріятеля и принудили его отступить. Показавшіеся изъ Дымокъ поляки были отрѣзаны отъ Домбровскаго и пошли вверхъ по Березинѣ отыскивать бродъ, стараясь лѣвымъ берегомъ рѣки пробраться въ Борисовъ. Такъ фланги и тылъ егерей, аттаковавшихъ укрѣпленія, были обезпечены. Оставалось овладѣть ретраншаментомъ, гдѣ Домбровскій и Брониковскій упорно защищались. 13-й и 38-й егерскіе полки пошли на приступъ и были отбиты. Графъ Ламбертъ кинулся къ нимъ, желая снова вести ихъ на штурмъ, но былъ раненъ пулею въ колѣно, отчего смѣлое предпріятіе едва не закончилось неудачею. Безцѣнная наша артиллерія исправила минутную ошибку. Полковникъ Магденко прискакалъ съ конною ротою, сталъ на близкій картечный выстрѣлъ и жестоко поражалъ непріятеля, а Красовскій, собравъ егерскіе полки и подкрѣпившись резервомъ, ударилъ въ штыки. Опрокинутый непріятель бросилъ укрѣпленія съ 4-мя орудіями и побѣжалъ къ рѣкѣ. Въ то-же время 14-й егерскій полкъ спустился въ лощину и дѣйствовалъ противъ моста, куда направился непріятель. Егеря побѣжали за нимъ; за егерями послѣдовали Арзамазскіе драгуны, конная артиллерія и Александрійскіе гусары, разъяренные раною своего любимаго, побѣдоноснаго шефа. Наши гнали непріятеля по длинному мосту, у воротъ отбили пушку, изъ которой поляки успѣли выстрѣлить только одинъ разъ, и ворвались въ Борисовъ. Домбровскій остановился за городомъ у мельницы, началъ устраивать спасшіяся изъ укрѣпленія войска, но былъ сбитъ во мгновеніе ока и въ безпорядкѣ побѣжалъ по Оршанской дорогѣ. Въ 4 часа пополудни кончилось дѣло, начавшееся съ разсвѣтомъ. Трофеями были 2 знамени, 8 пушекъ и болѣе 2,500 плѣнныхъ. Изъ 3,200 человѣкъ, составлявшихъ отрядъ графа Ламберта, убито и ранено до 1,500. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ уничтожилъ 6,000-й корпусъ Брониковскаго, разбилъ дивизію Домбровскаго, взялъ въ плѣнъ болѣе 6,500 человѣкъ и вырвалъ изъ непріятельскихъ рукъ Борисовъ, самую надежную переправу Наполеона черезъ Березину. Графъ Ламбертъ, хотя и раненый, однако, тотчасъ послалъ казаковъ открыть сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ.

Во время приступа къ Борисову дунайская армія была на маршѣ туда изъ Жодина и, слыша сильную кононаду, ускорила шагъ, но прибыла на поле сраженія, когда дѣло кончилось и совершенъ былъ славный подвигъ. Армія стала позади мостового укрѣпленія; Чичаговъ съ главною квартирою занялъ 10-го ноября Борисовъ; авангардъ расположился на Оршанской дорогѣ. Такъ исполнилось повелѣнное государемъ движеніе дунайской арміи съ Буга на Березину, куда она пришла раньше Наполеона, въ тотъ день только что переправившагося черезъ Днѣпръ, и успѣла овладѣть главнымъ путемъ спасенія его изъ Россіи. Но не объ одномъ только прегражденіи дороги непріятелямъ думалъ Чичаговъ. Онъ простиралъ свои виды далѣе и, надѣясь, что, дѣйствительно, казалось вѣроятнымъ, взять въ плѣнъ самого Наполеона, далъ слѣдующее предписаніе всѣмъ отрядамъ и партіямъ: «Наполеонова армія въ бѣгствѣ; виновникъ бѣдствій Европы—съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ Свой, предавъ его намъ. Почему желаю я, чтобы примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ роста малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и тол-

стая, голова большая, волосы черные. Для вящшей надежности ловить и привозить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника: извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ».

III.

Дѣйствія, предшествовавшія непріятельской переправѣ черезъ Березину.

Съ противоположныхъ сторонъ имперіи сходились русскія войска, какъ-будто на сборныя мѣста, указанныя государемъ: князь Кутузовъ изъ Тарутина къ Днѣпру, Чичаговъ отъ Буга къ Березинѣ, графъ Витгенштейнъ отъ Двины къ Улѣ. Казалось, окончательные удары, которые должны были разразиться надъ непріятелями, готовились имъ между Днѣпромъ и Березиною. Для дѣйствій на этомъ пространствѣ, цѣль верховныхъ предводителей, Наполеона и Кутузова, заключалась въ томъ, что первый хотѣлъ поспѣшнѣе перейти разстояніе отъ Орши до Березины, переправиться черезъ Березину у Борисова и потомъ вступить въ связь съ княземъ Шварценбергомъ и Ренье, а второй старался не допустить его перешагнуть черезъ Березину. Рѣшившись идти изъ Орши на Борисовъ, Наполеонъ намѣренъ былъ стоявшими въ Череѣ противъ графа Витгенштейна корпусами Удино и Виктора обезопасить это движеніе своей главной арміи, къ которой примкнуло довольно значительное число свѣжихъ войскъ, какъ-то: гарнизоны Орши, Могилева и другихъ бѣлорусскихъ городовъ, а также разныя депо и команды, стоявшія близъ Днѣпра. Онъ писалъ Виктору и Удино: «Теперь уже не время забавляться маневрами. Ваши два корпуса составляютъ единственную нашу опору и должны дѣйствовать тамъ, гдѣ всего важнѣе, въ авангардѣ и въ арріергардѣ, впереди главной арміи, открывая ей дорогу, и позади, охраняя ея движенія».

Были предусмотрѣны всѣ случаи, которые могли-бы способствовать тому, чтобы пресѣчь Наполеону пути къ спасенію. Графъ Платовъ, Ермоловъ и Милорадовичъ должны были дѣйствовать въ тылъ его, графъ Витгенштейнъ въ правое крыло, Чичаговъ съ фронта, главная армія съ лѣваго фланга. Летучіе отряды были посланы съ одной стороны наблюдать нижнюю Березину, а съ другой поддерживать связь съ графомъ Витгенштейномъ.

Безостановочно и быстро шелъ Наполеонъ изъ Орши. 10-го ноября онъ находился уже близъ Толочина, возлагая всю надежду на возможность перейти черезъ Березину въ Борисовѣ, о непремѣнномъ удержаніи котораго онъ посылалъ подтвердительныя и самыя настоятельныя повелѣнія Домбровскому и Удино. Но его надежда вскорѣ рушилась. Когда онъ подходилъ къ Толочину, къ нему прискакалъ адъютантъ отъ Удино донести, что русскіе взяли приступомъ Борисовское укрѣпленіе, овладѣли мостомъ, ворвались въ Борисовъ и наголову разбили Домбровскаго и минскій гарнизонъ. Наполеонъ воскликнулъ: «Въ нынѣшнемъ походѣ намъ суждено дѣлать однѣ глупости!» Окружавшіе его генералы, узнавъ о томъ, что для нихъ отрѣзана переправа на Березинѣ, смутились: плѣнъ казался имъ неизбѣжнымъ: шепотомъ заговорили они между собою о необходимости положить оружіе. Выслушавъ адъютанта, Наполеонъ послалъ его обратно, приказывая Удино аттаковать дунайскую армію

вогнать ее въ Березину и, во что-бы то ни стало, овладѣть Борисовскимъ мостомъ, а въ случаѣ невозможности или уничтоженія моста русскими, отыскать переправу выше или ниже Борисова и навести два моста на Березинѣ. «Тогда», сказано въ повелѣніи Удино, «мы будемъ въ состояніи направиться на непріятеля, выгнать его изъ Борисовскаго укрѣпленія и идти на Минскъ черезъ Зембинъ, если мосты будутъ вами наведены выше Борисова, или на Минскъ черезъ Березино, ежели вы устроите ихъ ниже. Въ столь важныхъ обстоятельствахъ императоръ полагается на ваше усердіе и вашу личную къ нему преданность».

На берегахъ Березины не было сдѣлано непріятелемъ предварительно никакихъ обозрѣній, и потому Наполеонъ долженъ былъ ограничиться сперва неопредѣленнымъ повелѣніемъ, даннымъ для наведенія мостовъ, тамъ, гдѣ Удино найдетъ удобнымъ устроить переправу. Отправивъ адъютанта, Наполеонъ разложилъ на столѣ подробную карту Россійской имперіи, извѣстную подъ названіемъ столистовой, полученную имъ еще въ 1808 году отъ своего посла въ Петербургѣ. По его приказанію, она была переведена по французски, выгравирована и предъ Отечественною войною роздана всѣмъ генераламъ. Увидѣвъ на картѣ переправу у Веселова, Наполеонъ послалъ маршалу Удино вторичное повелѣніе, уже положительно предписывая ему занять, какъ можно скорѣе, Веселово и тамъ наводить мосты. Потомъ Наполеонъ началъ готовиться къ переправѣ, какъ къ дѣлу самому отчаянному, приказалъ принести къ себѣ орлы всѣхъ корпусовъ и сжегъ ихъ, собралъ всѣхъ всадниковъ, еще имѣвшихъ лошадей, составилъ изъ нихъ эскадронъ, въ числѣ 500 человѣкъ, и велѣлъ истребить много экипажей и обозовъ, назначая лошадей ихъ подъ артиллерію. Переночевавъ въ Толочинѣ, Наполеонъ, 11-го ноября, поспѣшилъ въ Бобръ.

Медлить было нельзя. Непосредственно за нимъ шелъ графъ Платовъ, тѣсня его арріергардъ; отовсюду по сторонамъ дорогъ рыскали казаки; въ правой сторонѣ стоялъ графъ Витгенштейнъ, вселяя въ Наполеона опасеніе, что онъ можетъ оттѣснить Виктора и ударить во флангъ главной непріятельской арміи. Опасеніе не осуществилось, потому что графъ Витгенштейнъ, стоя въ Чашникахъ, самъ ожидалъ, не ударитъ-ли на него Наполеонъ. 3-го ноября князь Кутузовъ велѣлъ ему на такой случай принять мѣры предосторожности и писалъ: «Для избѣжанія неравнаго боя предлагаю вамъ занять какую-нибудь крѣпкую позицію или дефиле, черезъ которыя Наполеону должно будетъ проходить, истребивъ передъ нимъ всѣ переправы, чѣмъ замедлится его маршъ». Это повелѣніе дано было передъ красненскою побѣдою. Тогда Наполеонъ еще не совсѣмъ былъ разстроенъ, и нужно было соблюдать возможную осмотрительность. Черезъ 4 дня послѣ того, 7-го ноября, извѣщая графа Витгенштейна о разбитіи французовъ подъ Краснымъ, князь Кутузовъ изложилъ свои намѣренія на счетъ преслѣдованія Наполеона и предупрежденія его, если онъ своротитъ вправо или влѣво, и далъ графу Витгенштейну два повелѣнія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что князь Кутузовъ говорилъ графу Витгенштейну: «Если пойдетъ на васъ Наполеонъ, затрудняйте его движеніе или даже отступите за Двину, а если отъ Виктора отдѣлятся войска, разбейте его». Однако-жъ, не зная о предположеніяхъ Наполеона, дѣйствительно, какъ объяснено нами, колебавшагося

въ избраніи пути отступленія на Лепель и на Борисовъ, графъ Витгенштейнъ считалъ еще несвоевременнымъ напасть на Виктора и до 9-го ноября не трогался съ позиціи при Чашникахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ Удино не отдѣлялся отъ Виктора. 9-го вечеромъ Удино пошелъ на Бобръ, а Викторъ отступилъ отъ Череи. Узнавъ объ этомъ, графъ Витгенштейнъ приказалъ двумъ авангардамъ, одному подъ начальствомъ Властова и другому Гарпе, идти за Викторомъ; за авангардами слѣдовалъ корпусъ, но тихо, чтобы не удаляться отъ Улы и имѣть возможность препятствовать отступленію Наполеона на Лепель. 10-го ноября, когда Наполеонъ былъ въ Толочинѣ, Властовъ дошелъ до Холопеничей, Гарпе сталъ впереди Батуръ; корпусъ былъ около Лукомля. Въ слѣдующій день, 11-го, во время марша Наполеона изъ Толочина въ Бобръ, графъ Витгенштейнъ подвинулся изъ Лукомля въ Черею, только на 12 верстъ, а авангарды, слѣдуя за Викторомъ, продолжавшимъ своими маневрами прикрывать дорогу изъ Орши въ Борисовъ, аттаковали французскій арріергардъ у Волковиска. Это селеніе находилось въ 7-ми верстахъ отъ столбовой дороги, и потому Виктору надобно было удерживать его до послѣдней крайности, чтобы пропустить шедшую по дорогѣ главную армію. Наполеонъ и ведомыя имъ войска ясно слышали происходившую отъ нападеній Властова и Гарпе канонаду, ускоряли шагъ и почти бѣжали, ежеминутно опасаясь появленія русскихъ въ правомъ своемъ флангѣ. Викторъ аттаковалъ передовой отрядъ Властова, проникнувшій къ Волковиску, и оттѣснилъ его до Узнацка. Тутъ поспѣло къ нашему отряду подкрѣпленіе, и завязалось довольно жаркое дѣло. Русская кавалерія опрокинула французскихъ стрѣлковъ и конницу, врубилась въ пѣхотное каре и взяла до 1,500 плѣнныхъ. Къ вечеру Властовъ опять расположился въ Холопеничахъ, гдѣ стоялъ наканунѣ. Въ этихъ авангардныхъ дѣлахъ проходило время у графа Витгенштейна, когда Наполеонъ былъ на маршѣ въ Бобръ. Въ тотъ день, 11-го ноября, отряженныя отъ главной арміи за Наполеономъ войска находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) графъ Платовъ у Толочина, тѣсня французскій арріергардъ; 2) Ермоловъ вступилъ въ Погостъ, отставъ на два перехода отъ графа Платова, такъ какъ при наведеніи моста на Днѣпрѣ былъ задержанъ на два дня сильнымъ ледоходомъ; 3) Милорадовичъ переправлялся въ Копысѣ, чего онъ ранѣе не могъ сдѣлать, потому что тамъ не было моста.

Въ Бобрѣ Наполеонъ встрѣтилъ нѣсколько полковъ Виктора. Ихъ воинственный видъ былъ необыкновеннымъ явленіемъ для главной французской арміи, около мѣсяца не видавшей посреди себя стройнаго, порядочнаго войска. Но встрѣча еще болѣе изумила полки Виктора. Они не могли вѣрить глазамъ своимъ, чтобы безоружныя толпы пѣхоты и безлошадной конницы, съ ничтожнымъ остаткомъ артиллеріи, истомленныя, обросшія бородою, покрытыя рубищемъ и тряпьемъ, вмѣсто обуви окутавшія ноги соломою и мѣшками, были та великая армія, которая завоевала Москву и въ бюллетеняхъ постоянно провозглашалась побѣдоносною. Очевидцы разсказываютъ, что особенно поразительно было для корпуса Виктора видѣть множество генераловъ, растерявшихъ свои команды и въ самой безобразной одеждѣ шедшихъ вмѣстѣ съ толпами безоружныхъ. Вскорѣ примѣръ непослушанія и своеволія главной арміи увлекъ часть корпуса Виктора. И его солдаты начали бросать ружья. Но Наполеону

было уже не до возстановленія подчиненности. Онъ и генералы его думали только, какъ перейти черезъ Березину, нетерпѣливо ожидая извѣстія: успѣетъ-ли Удино выполнить данное ему порученіе устроить на ней переправу, рѣшавшую участь похода. Въ холодный ноябрьскій вечеръ, среди дремучихъ лѣсовъ непріятельская армія сходилась на ночлегъ вокругъ Бобра. Не было правильнаго расположенія лагеря, карауловъ, раздачи провіанта. Каждый кидался на мерзлую землю, гдѣ и какъ хотѣлъ, питался чѣмъ могъ; разъѣздовъ было дѣлать некому; только при главной квартирѣ Наполеона отправлялась служба его гвардіею: пресловутая великая армія была доведена до подобія кочующихъ цыганъ. И, между тѣмъ, когда темная, бурная ночь спустилась надъ таборами враговъ, пришло отъ Удино донесеніе о пораженіи авангарда Чичагова и взятіи Борисова. Такъ, по прошествіи долгаго времени, въ которое русскіе отучили Наполеона отъ побѣдъ, онъ услышалъ опять побѣдную и тѣмъ болѣе радостную вѣсть, что могъ считать ее первымъ шагомъ къ своему спасенію.

Причины пораженія авангарда дунайской арміи были слѣдующія. По взятіи 8-го ноября Борисова, Чичаговъ перенесъ туда свою главную квартиру и ввелъ всѣ обозы, частные и казенные; армія расположилась позади мостового укрѣпленія. Авангардъ сталъ въ верстѣ отъ заставы на берегу Схи; казаки подвинулись лѣвѣе, въ Старой Борисовъ; боковые отряды пошли въ Зембинъ и Шабашевичи. 9-го и 10-го не было назначено начальника авангарда на мѣсто раненнаго графа Ламберта, отъ чего дѣйствія авангардной службы прекратились. Двое сутокъ не посылали разъѣздовъ, не отрядили никого для преслѣдованія Домбровскаго, выбитаго изъ Борисова, и не принимали мѣръ для полученія свѣдѣній о непріятелѣ, хотя и должно было скоро ожидать прибытія Наполеона къ Березинѣ. 10-го ноября, поздно вечеромъ, было велѣно генералъ-маіору графу Палену принять начальство надъ авангардомъ, состоявшимъ изъ полковъ: 4-хъ егерскихъ, 3-хъ регулярной конницы, 5-ти казачьихъ, и 3-хъ ротъ артиллеріи, и выступить въ 4 часа утра къ Лошницѣ, по дорогѣ къ Бобру, куда вслѣдъ за нимъ хотѣлъ слѣдовать Чичаговъ со всею арміею. Въ назначенный часъ авангардъ тронулся въ Лошницу, но армія не послѣдовала за нимъ и осталась въ Борисовѣ; 3,000 конницы были посланы на фуражировку вверхъ по лѣвому берегу Березины. Все это совершалось въ тотъ самый день, когда Удино шелъ овладѣть Борисовымъ, во что-бы ни стало. Дорогою между Бобромъ и Лошницею онъ соединился съ остаткомъ разбитыхъ графомъ Ламбертомъ войскъ Домбровскаго и Брониковскаго. Наши квартиріеры авангарда увидѣли у Лошницъ непріятельскіе аванпосты, схватили двухъ человѣкъ и узнали отъ нихъ, что вся французская армія находится назади, въ одномъ маршѣ, и впереди ея идетъ корпусъ Удино. Графъ Паленъ отослалъ плѣнныхъ въ главную квартиру и просилъ подкрѣпленій. Между тѣмъ, казаки завязали перестрѣлку съ непріятелемъ; егеря подкрѣпили донцевъ; передовыя войска авангарда стали позади моста и плотины. Вскорѣ подошли французы въ большихъ силахъ, но, встрѣченные огнемъ двухъ орудій, остановились. Дорожа каждымъ часомъ, Удино построился на-скоро, выдвинулъ артиллерію, открылъ сильный огонь, тотчасъ перешелъ черезъ мостъ и плотину и ударилъ такъ быстро на передовыя войска, что они были опрокинуты и направились на тянувшіеся позади ихъ по-

лѣсу, длинною цѣпью, кавалерійскіе полки и орудія. Одинъ эскадронъ Александрійскихъ гусаровъ понесся въ аттаку; нѣсколько гусаровъ прорвались сквозь передовую французскую конницу, но горсть храбрыхъ была поглощена непріятельскою кавалеріею, на рысяхъ подвигавшеюся въ колоннахъ, поддерживаемыхъ всѣмъ корпусомъ Удино. Часть пѣхоты нашего авангарда кинулась въ лѣса, по лѣвую сторону дороги, кавалерія и артиллерія помчались по столбовой дорогѣ назадъ въ Борисовъ, гдѣ, по полученіи извѣстія о неудачѣ, произошла обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ сумотоха. Второпяхъ сѣдлали лошадей, закладывали экипажи, отправляли обозы: всѣ спѣшили за мостъ, куда поѣхалъ и главнокомандующій, приказавъ генералъ-маіору князю Щербатову идти съ находившимися въ городѣ войсками навстрѣчу и подкрѣпленіе авангарда.

Границу Борисова составляли болотистая рѣчка и на ней плотина. Для защиты ея князь Щербатовъ поставилъ батарею, но возвращавшіяся изъ-подъ Лошницы войска авангарда не попали на плотину, а направились влѣво въ бродъ, чѣмъ указали путь слѣдовавшему за ними по пятамъ непріятелю. Такимъ образомъ, угрожаемый обходомъ и видя невозможность удержаться у заставы князь Щербатовъ приказалъ отступить за городъ, на правый берегъ Березины. Нелегко было исполнить приказаніе: на длинномъ мостѣ сперлись артиллерія, обозы и запряженныя волами подводы; однакоже, останавливая въ Борисовѣ по возможности стремленіе непріятеля, наши успѣли перебраться за мостъ и зажечь его. Много тяжестей, дежурство и столовый сервизъ главнокомандующаго были взяты французами въ городѣ, гдѣ остались также наши больные и раненые. При первомъ извѣстіи объ отступленіи арріергарда, было послано къ 3,000-мъ конницы, отправленной поутру на фуражировку, повелѣніе скорѣе возвратиться въ Борисовъ. Кавалеристы бросили связки съ сѣномъ и поспѣшили къ городу, но, найдя его уже во власти непріятеля, отступили къ Старому Борисову. Тутъ къ нимъ примкнули егерскіе полки авангарда, при началѣ суматохи направившіеся въ лѣсъ. Отрѣзанныя такимъ образомъ отъ Борисова и арміи, эти войска пошли вверхъ по Березинѣ. Отчаиваясь въ возможности переправиться черезъ рѣку, нѣкоторые полковые командиры намѣревались направиться на Лепель, для соединенія съ графомъ Витгенштейномъ, но, встрѣтивъ въ лѣсу еврея, указавшаго имъ бродъ, они перебрались кое-какъ черезъ Березину и ея правою стороною присоединились къ арміи. Донося государю о пораженіи авангарда, Чичаговъ говоритъ въ заключеніи: «И это были тѣ самыя войска, которыя за нѣсколько дней передъ тѣмъ разбили въ прахъ Косецкаго, Брониковскаго и Домбровскаго и приступомъ взяли Борисовъ!»

Занявъ Борисовъ, Удино послалъ отряды вверхъ и внизъ по Березинѣ, отыскивать мѣста къ построенію мостовъ, для чего Наполеонъ отправилъ къ нему артиллерійскихъ и инженерныхъ генераловъ. За ними пошли усиленными маршами всѣ понеры и саперы, какихъ могли набрать въ арміи. Желая облегчить предстоявшую переправу и сохранить артиллерію и снаряды, Наполеонъ отдалъ повторительный и строгій приказъ о сожженіи частныхъ обозовъ. Онъ запретилъ всѣмъ, кромѣ генераловъ, имѣть экипажи, и велѣлъ всѣхъ лошадей отъ истребляемыхъ повозокъ впрягать подъ орудія, брать силою лошадей, кому бы онѣ ни принадлежали, даже придворныхъ, если подъ пушками ока-

жется въ нихъ недостатокъ. Опять начали набирать офицеровъ, у которыхъ остались лошади, и соединили ихъ въ 2 эскадрона. Повелѣнія Наполеона объ истребленіи частныхъ обозовъ не были исполнены въ точности. Военные и нестроевые раздавали золото, склоняя жандармовъ не жечь повозокъ: подкупъ былъ послѣднимъ средствомъ сохранить уцѣлѣвшіе пожитки и выбраться изъ Россіи.

12-го ноября, поутру, Наполеонъ выступилъ изъ Бобра къ Борисову, велѣвъ для ободренія войскъ распространить ложный слухъ, что за Березиною кончится преслѣдованіе, производимое русскими, что тамъ находятся обильные всякаго рода запасы, и вскорѣ послѣдуетъ соединеніе съ княземъ Шварценбергомъ и Ренье. Къ обольщеніямъ, утѣшавшимъ легковѣрныхъ французовъ и союзниковъ ихъ, присоединилось весьма благопріятное для враговъ обстоятельство, которое во всякомъ другомъ случаѣ довершило-бы бѣдствія ихъ, но теперь было принято ими, какъ радостное предзнаменованіе. Ночью сдѣлалось холодно; стужа стянула землю и подавала непріятелямъ надежду найти болота, окружающія Березину, замерзшими. Имя Березины, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ имя Москвы и потомъ Смоленска, перелетало изъ устъ въ уста; непріятели воодушевляли другъ друга къ напряженію послѣднихъ силъ для достиженія береговъ ея. Наполеонъ остановился на ночлегъ въ Лошницѣ и 13-го продолжалъ маршъ къ Борисову. Не предвидя возможности безъ кровопролитія овладѣть переправою, онъ хотѣлъ самъ взглянуть на гвардію и армейскіе корпусы и лично удостовѣриться въ состояніи войскъ, способны-ли они къ сраженію. Строевымъ рапортамъ довѣрять онъ не могъ. Число наличныхъ въ рапортахъ означаемыхъ людей ежечасно измѣнялось, потому что солдаты и офицеры безпрестанно падали на дорогѣ отъ изнуренія, бросали оружіе, самовольно расходились по сторонамъ. На половинѣ перехода Наполеонъ сошелъ съ лошади, сталъ на краю дороги и глядѣлъ на бѣжавшія по гололедицѣ толпы. Конечно, пламенное итальянское воображеніе Наполеона никогда не могло представить себѣ такого маскарада, какой увидѣлъ онъ на снѣжныхъ поляхъ нашего отечества! Не успѣлъ онъ кончить каррикатурнаго смотра, какъ получилъ отъ Удино радостное извѣстіе о найденной имъ переправѣ на Березинѣ и тотчасъ поѣхалъ въ Борисовъ, куда прибылъ вечеромъ.

Нечаянный случай помогъ Удино исполнить возложенное на него порученіе. Говоря о дѣйствіяхъ графа Витгенштейна, мы упомянули, что, отдѣлясь съ баварцами отъ Сенъ-Сира, Вреде пошелъ къ Докшицамъ и увелъ съ собою французскую кавалерійскую бригаду генерала Корбино. Удино и Викторъ требовали отъ Вреде возвращенія бригады; онъ сперва не соглашался исполнить требованіе ихъ, но, наконецъ, отправилъ ее къ Виктору. Изъ Докшицъ Корбино шелъ на Борисовъ. Узнавъ дорогою, что тамъ стояла дунайская армія, онъ велѣлъ вести себя къ какой-нибудь другой переправѣ на Березинѣ. Проводникъ указалъ ему бродъ у Студянки, гдѣ, по переходѣ черезъ рѣку, Корбино встрѣтилъ офицеровъ Удино, искавшихъ мѣста для наведенія мостовъ. Переходъ Корбино убѣдилъ ихъ, что лучше той переправы, какая у Студянки, искать было нечего. Удино тотчасъ послалъ къ Студянкѣ команду строить мостъ и, стараясь ввести Чичагова въ обманъ, велѣлъ другому отряду идти внизъ по Березинѣ, къ Ухолоду, рубить лѣсъ и дѣлать видъ, что тамъ намѣреваются переходить черезъ

рѣку. За отравленною въ Студянкѣ командою пошелъ Удино со всѣмъ корпусомъ. Онъ собралъ въ Борисовѣ евреевъ, разспрашивалъ ихъ дорогахъ, ведущихъ къ Минску, и о лежащихъ на нихъ селеніяхъ. Притворясь довольнымъ полученными отъ евреевъ свѣдѣніями, онъ оставилъ нѣкоторыхъ при себѣ проводниками въ Минскъ, а другихъ отпустилъ, заставивъ ихъ поклясться, что они выйдутъ къ нему навстрѣчу по переправѣ его черезъ Березину и укажутъ ему ведущія къ Минску дороги. Удино былъ увѣренъ, что евреи не соблюдутъ клятвы и обо всемъ извѣстятъ русскихъ. Ожиданіе его сбылось.

13-го ноября, вечеромъ, непріятели занимали слѣдующія мѣста: Наполеонъ былъ въ Борисовѣ, съ гвардіею, Жюно и Нреемъ, которому, за совершеннымъ истребленіемъ его корпуса подъ Краснымъ, отдали въ команду польскій корпусъ Понятовскаго и отрядъ Домбровскаго; вице-король и Даву на маршѣ къ Борисову, между Лошницею и Начею. Для удержанія графа Витгенштейна стоялъ Викторъ въ Ратуличахъ. Поздно вечеромъ, 13-го, Наполеонъ отправился на ночлегъ въ Старый Борисовъ, намѣреваясь на слѣдующее утро ѣхать въ Студянку, куда велѣно направляться всѣмъ войскамъ, по мѣрѣ прибытія ихъ въ Борисовъ. Приказано было соблюдать на маршѣ къ Студянкѣ величайшую тишину, чтобы съ противоположнаго берега Березины русскіе не могли услышать шума и догадаться о движеніи войскъ вверхъ по рѣкѣ. Наполеонъ усилилъ также команды, посланныя къ Ухолоду и далѣе внизъ по Березинѣ, приказавъ дѣлать тамъ ложныя приготовленія къ переправѣ. Всю ночь, проведенную имъ въ Старомъ Борисовѣ, онъ не ложился спать, часто выходилъ изъ занимаемаго имъ дома, всматривался въ наши огни и велѣлъ прислушиваться, не происходятъ-ли у насъ какія-либо передвиженія.

Такъ какъ лѣвый берегъ Березины отъ Ухолода до Веселова былъ покрытъ непріятельскими войсками, Чичагову трудно было угадать: гдѣ именно Наполеонъ замышлялъ переправляться, выше Борисова или ниже, и куда, перейдя черезъ Березину, онъ имѣлъ намѣреніе направиться, на Вильну или Минскъ? Въ подобныхъ случаяхъ принято правиломъ: держа войска въ совокупности, стоять въ центральномъ пунктѣ и быть въ равномъ разстояніи отъ мѣстъ, гдѣ непріятель можетъ устроить переправу, по первому о томъ извѣстію двинуться къ ней, противопоставить возможныя препятствія къ переходу черезъ рѣку или, если то не удастся, со всѣми силами напасть на часть войскъ, уже успѣвшую перейти. Такъ сначала и поступилъ Чичаговъ. Все 12-е ноября, то есть, на другой день послѣ того, когда по разбитіи авангарда онъ принужденъ былъ возвратиться на правый берегъ Березины, онъ простоялъ у Борисовскаго укрѣпленія, составлявшаго центральную точку переправъ на Березинѣ, отрядами наблюдая пространство отъ Зембина до Уши и истребляя на рѣкѣ плоты и матеріалы, которые могли служить непріятелю для построенія мостовъ. Влѣво, къ Зембину, былъ посланъ отрядъ Чаплица, а вправо графа Орурка, съ приказаніемъ идти даже до мѣстечка Березина. Оставалось не измѣнять эти распоряженія, не трогаться изъ-подъ Борисова, всюду усиливая бдительный надзоръ, и, ожидая дальнѣйшихъ показаній о движеніяхъ Наполеона, уничтожать мосты, гати, плотины, по которымъ послѣ переправы надлежало идти непріятелю, а особенно у Зембина. Сдѣлано противное.

13-го ноября, на разсвѣтѣ, оставивъ противъ Борисова часть войскъ, Чичаговъ пошелъ вправо къ Шабашевичамъ, по причинамъ, изложеннымъ въ слѣдующемъ его донесеніи:

«Я получилъ отъ князя Кутузова повелѣніе принять мѣры осторожности на случай, если Наполеонъ пойдетъ внизъ по Березинѣ къ сторонѣ Бобруйска, чтобы, тамъ переправясь, обратиться на Игуменъ и Минскъ. Графъ Витгенштейнъ также увѣдомилъ меня, что непріятельская армія раздѣлена на многія колонны, что однѣ идутъ къ Борисову, а другія къ Бобруйску, но, гдѣ былъ самъ Наполеонъ, никто не зналъ, и, вѣроятно, очутился-бы онъ тамъ, гдѣ всего менѣе его ожидали. Къ увеличенію недоразумѣнія, привезли мнѣ рапортъ, что австрійцы и саксонцы возвратились въ Слонимъ, и что уже видѣли разъѣзды ихъ у Пинска. Вотъ обстоятельства, которыя ввели меня въ заблужденіе. Я думалъ, что князь Шварценбергъ идетъ къ Слониму, въ намѣреніи удержать насъ, и это движеніе австрійцевъ заставило меня опасаться покушенія Наполеонова броситься внизъ по рѣкѣ. Тогда я расчелъ, что, не теряя изъ вида переправъ черезъ Березину на моемъ лѣвомъ крылѣ, я могъ раздѣлить силы въ центрѣ на двѣ части, подвинувъ одну изъ нихъ вправо, и я пошелъ на Шабашевичи. Признаюсь, мнѣ казалось вѣроятнымъ намѣреніе Наполеона переправляться ниже Борисова».

Выступая къ Шабашевичамъ, Чичаговъ велѣлъ Чаплицу возвратиться отъ Бриля и Зембина къ Борисову. Только часть его отряда, состоявшая изъ полковъ 28-го и 32-го егерскихъ, Павлоградскаго гусарскаго и двухъ казачьихъ, 200 Волынскихъ улановъ и одной конной роты, оставлена была подъ начальствомъ полковника Корнилова наблюдать пространство отъ Стахова къ Зембину. Слѣдовательно, въ одинъ и тотъ-же день, 13-го ноября, Чичаговъ и Наполеонъ расходились въ противоположныя стороны: первый прибылъ вечеромъ въ Шабашевичи; второй впотьмахъ отправился въ Старый Борисовъ, намѣреваясь рано поутру идти къ Студянкѣ и не зная еще о благопріятномъ для него движеніи Дунайской арміи, потому что на правомъ берегу Березины пылали костры, зажженные отрядомъ Корнилова и его разъѣздами. Пламя огней, разложенныхъ болѣе чѣмъ на 10-ть верстъ и ярко горѣвшихъ въ мрачную ноябрьскую ночь, доказывало непріятелямъ, что Дунайская армія стоитъ противъ нихъ и переправа невозможна. Нѣсколько находившихся при Наполеонѣ поляковъ вызвались переправить его черезъ Березину выше Студянки, обѣщая привесть въ пять дней безопасно въ Вильну. Наполеонъ отвергъ предложеніе.

Во время движенія Наполеона изъ Бобра къ Березинѣ, 12-го ноября, графъ Витгенштейнъ былъ въ Череѣ и только авангардамъ велѣлъ аттаковать Батуры. По вытѣсненіи оттуда Виктора, графъ Витгенштейнъ выступилъ изъ Череи въ Холопеничи, гдѣ получилъ отъ Чичагова извѣстіе о расположеніи Дунайской арміи противъ Борисова, приглашеніе напирать на тылъ французовъ и обѣщаніе адмирала поставить близъ Борисова живой мостъ и тѣмъ обезпечить соединеніе свое съ графомъ Витгенштейномъ. Ввиду этого извѣщенія графъ Витгенштейнъ рѣшился идти на Борисовъ черезъ Баранъ 13-го ноября, когда выступали: Наполеонъ къ Студянкѣ и Чичаговъ къ Шабашевичамъ, графъ Витгенштейнъ пришелъ изъ Холопеничей въ

Баранъ, имѣя двоякую цѣль: 1) отрѣзать непріятелю путь на Лепель и 2) имѣть средства дѣйствовать по большой дорогѣ на Борисовъ и на Веселово, куда былъ посланъ отрядъ для открытія сообщенія съ войсками Дунайской арміи, бывшими на правомъ берегу Березины. Ожиданіе оттуда донесеній и тогда-же полученное извѣстіе о пораженіи авангарда Чичагова побудили графа Витгенштейна остановиться въ Баранахъ на сутки.

Изложеніе дѣйствій графа Витгенштейна отъ 9-го до 13-го ноября, объясняетъ причины, почему Наполеонъ не былъ аттакованъ имъ во время марша отъ Бобра къ Березинѣ. Но тылъ непріятеля подвергался ежедневно нападеніямъ графа Платова. Идя отъ Орши столбовою дорогою и по сторонамъ ея, атаманъ гналъ безостановочно французовъ, бѣжавшихъ съ необыкновенною поспѣшностью, и забиралъ непріятелей кучами. «Плѣнные», доносилъ онъ, «наводятъ мнѣ великое затрудненіе; я имъ не могу свесть счета за быстрыми маршами. Французская армія, не имѣя вѣрнаго продовольствія, частями отлучается въ сторону. Сими днями случилось, что мы ночуемъ въ одной деревнѣ другъ подлѣ друга. Отъ Орши взято въ плѣнъ болѣе 5,000 человѣкъ, въ томъ числѣ много офицеровъ и генералъ Дзевановскій». Самъ князь Кутузовъ до 14-го ноября не выступалъ изъ Копыса, ожидая подвозовъ съ продовольствіемъ и желая дать хотя малый отдыхъ войскамъ, безостановочно шедшимъ изъ Тарутина до Днѣпра. Зато посланный впередъ съ третьею частью арміи Милорадовичъ употреблялъ всѣ средства, желая догнать Наполеона; 12-го ноября онъ былъ въ Старосельѣ, а 13-го въ Крупкахъ, на большой Оршанской дорогѣ. Авангардъ его, подъ командою Ермолова, усиливъ марши, шелъ непосредственно за графомъ Платовымъ и такъ скоро, какъ только можно было, среди пожаровъ, по разрушеннымъ мостамъ, гдѣ люди часто переходили черезъ тлѣющія бревна и въ бродъ. «Вы удивитесь», доносилъ Ермоловъ Милорадовичу, до какой степени истреблены переправы, и если я переходилъ, то отъ одного желанія людей догнать французовъ». Однако, догнать ихъ было нельзя. Они находились нѣсколькими переходами впереди и продолжали бѣжать изъ всей мочи. Вьюги застилали слѣдъ ихъ; только взрывы зарядныхъ ящиковъ и фургоновъ, груды мертвыхъ тѣлъ и издохшія лошади указывали авангарду путь за непріятелями. Пушки, обозы стояли брошенные на дорогахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ такомъ множествѣ, что заграждали проходъ войскъ. Всѣ селенія, мызы и корчмы были превращены въ дымящіяся кучи пепла; отъ нихъ оставались однѣ голыя, закоптѣлыя трубы; разбросанное оружіе, ранцы, кирасы, кивера, каски и толпы усталыхъ валялись вокругъ огней. Донцы кое-какъ умѣли находить себѣ продовольствіе, но шедшая позади казаковъ пѣхота Ермолова претерпѣвала крайній недостатокъ. Солдаты и генералы, всѣ одинаково нуждались. Не было ни сухарей, ни вина. Вьюки отставали на переправахъ, гдѣ обыкновенно отгоняли ихъ, очищая дорогу артиллеріи. Если на привалахъ случалось кому нибудь отыскать нѣсколько картофеля, всѣ бросались къ тому мѣсту, гдѣ онъ былъ найденъ, разрывали землю и часто, не имѣя терпѣнія варить или печь, ѣли его сырой. Скоро перестали находить и картофель. Тогда нѣсколько горстей ржи или овса, нареныхъ въ снѣжной водѣ, служили пищею. Артиллеристы были счастливѣе: у нихъ оставалось нѣсколько запасовъ въ зарядныхъ ящикахъ. Лошади питались одною рубленою соломою.

IV.

Переправа Наполеона черезъ Березину.

Передъ разсвѣтомъ 14-го ноября Наполеонъ пріѣхалъ въ Студянку, куда ночью шли всѣ непріятельскія войска изъ Лошницы и Борисова, за исключеніемъ Виктора: онъ составлялъ арріергардъ и находился при Лошницѣ. Въ тотъ день у Наполеона было подъ ружьемъ всего, со включеніемъ корпусовъ Виктора и Удино, отряда Домбровскаго и командъ, присоединившихся къ арміи между Днѣпромъ и Березиною, отъ 60-ти до 70,000 человѣкъ. Это исчисленіе основано на показаніи плѣнныхъ. Французскіе писатели утверждаютъ, что подъ ружьемъ было меньше; секретарь Наполеона считаетъ армію его въ 40,000, а адъютантъ его въ 45,000 человѣкъ. Невооруженнымъ, тянувшимся за арміею, и множеству нестроевыхъ никто не велъ счета; думаютъ, что число ихъ было равно числу строевыхъ, но то—однѣ догадки. Дорогою отъ Стараго Борисова до Студянки, передъ Наполеономъ пылало зарево нашихъ огней на правомъ берегу Березины. На разсвѣтѣ онъ увидѣлъ тамъ казаковъ и егерей, а потому, не сомнѣваясь въ близости дунайской арміи, сталъ готовиться къ бою и велѣлъ поставить у Студянки 40-капушечную батарею, которая должна была прикрыть построеніе двухъ мостовъ, одного у Студянки, другого выше. Понтоновъ у него не было: половину ихъ сжегъ Мортье, уходя изъ Москвы, остальные преданы были огню послѣ Вяземскаго сраженія; понтоны двухъ ротъ, шедшихъ изъ Вильны навстрѣчу арміи, были сожжены въ Оршѣ. Оставалось строить мостъ на козлахъ, для чего Удино приказалъ еще наканунѣ рубить лѣсъ, ломать избы ближняго селенія и подвозить къ рѣкѣ бревна, хворостъ и солому, что продолжалось во всю ночь съ 13-го на 14-е. Личное присутствіе Наполеона оживило солдатъ, назначенныхъ для мостовыхъ работъ. Его удивленіе и радость возростали по мѣрѣ того, какъ съ наступленіемъ дня онъ удостовѣрялся, что число русскихъ не прибавлялось и на нашей сторонѣ не видно было приготовленій къ препятствію въ переправѣ. Французы начали ставить козлы въ воду.

Работа не могла производиться тайно и въ тишинѣ: она была видна и слышна въ отрядѣ Корнилова. Уже наканунѣ Корниловъ доносилъ о скопленіи непріятелей и ежеминутномъ увеличеніи числа ихъ. 14-го поутру онъ послалъ снова подтвердительное донесеніе, прибавляя, что непріятель приступилъ къ постройкѣ моста. Въ зрительную трубу наши увидѣли и сорокапушечную батарею французовъ. Мѣстоположеніе съ нашей стороны было низменное, отдѣляемое отъ рѣки болотомъ, длиною съ полверсты. На находившейся тутъ площадкѣ можно было помѣстить не болѣе 4-хъ орудій, но ядра, по причинѣ отдѣлявшаго насъ отъ Березины болота, могли доставать не далѣе средины рѣки. Когда началась постройка французами моста, командовавшій батареею у Корнилова капитанъ Арнольди хотѣлъ испытать: долетятъ-ли ядра до того берега, а если не долетятъ, то гдѣ именно лягутъ, чтобы знать навѣрное, когда начать стрѣльбу съ существеннымъ вредомъ для непріятеля. Онъ открылъ огонь. Послѣ перваго выстрѣла привѣтствовала насъ съ горы 40-капушечная батарея: она засыпала всѣхъ ядрами и землею; люди и лошади повалились, и намъ осталось убѣжденіе въ невозможности дѣйство-

вать артиллеріею. Наши выстрѣлы ложились только на срединѣ рѣки, между тѣмъ какъ непріятельскіе, изъ пушекъ большого калибра, брошенные съ высоты, могли бить насъ по одиночкѣ, на выборъ, какъ изъ ружья.

При наведеніи мостовъ Наполеонъ послалъ вплавь конницу: каждый всадникъ везъ за собою на лошади пѣхотнаго солдата; вмѣстѣ съ ними поплыли паромы съ пѣхотою. Приваливъ къ правому берегу Березины, французы огласили его радостнымъ крикомъ и ружейными выстрѣлами. Корниловъ послалъ войска удерживать непріятеля; артиллерія, вмѣсто безполезнаго дѣйствія за рѣку, повернула влѣво, намѣреваясь встрѣтить французовъ. Тогда-же прискакалъ казачій офицеръ изъ Зембина, съ донесеніемъ, что французская конница переправилась у Веселова, противъ Зембина, вслѣдствіе чего бывшіе тамъ казаки отступаютъ къ отряду. Съ той минуты, около полудня, должно было считать переправу Наполеона утвердившеюся, такъ какъ малочисленность отряда Корнилова не дозволяла воспрепятствовать ей. Французская пѣхота, перевезенная кавалеріею и на паромахъ, ходившихъ безпрестанно взадъ и впередъ по рѣкѣ, разсыпалась во множествѣ по лѣсу и аттаковала нашихъ: одна непріятельская колонна подвигалась по дорогѣ, столь узкой, что на ней съ трудомъ можно было намъ поставить два орудія. Работы около мостовъ, ускоряемыя лично Наполеономъ, шли быстро впередъ. Первый мостъ былъ конченъ вскорѣ послѣ полудня и заколыхался подъ тяжестью французскихъ колоннъ, ведомыхъ маршаломъ Удино. Первымъ дѣйствіемъ Удино было отправленіе отряда для овладѣнія Зембинскими дефиле, по которымъ пролегаетъ дорога въ Вильну. Отрядъ нашелъ мосты и плотины на болотахъ и низменныхъ мѣстахъ Гайны невредимыми, чѣмъ для Наполеона обезпечился путь отступленія въ Литву. Видя успѣхъ своего дѣла, Наполеонъ сказалъ окружавшимъ его, указывая на небо: «Моя звѣзда опять взошла!» Подобно всѣмъ завоевателямъ, онъ вѣрилъ въ предназначеніе судьбы.

Корниловъ былъ сильно аттакованъ съ фронта и громимъ съ фланга выстрѣлами изъ 40-ка орудій. Не имѣя возможности отвѣчать на такой убійственный огонь, онъ отступалъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, шагъ за шагомъ, около двухъ верстъ, удерживая непріятеля, сколько дозволяли силы. Дойдя до первой находившейся въ густомъ лѣсу площадки, онъ велѣлъ поставить, такъ часто, какъ было можно, всѣ свои 12 пушекъ и стрѣлять во всѣ стороны съ величайшею быстротою, что продолжалось часа три. Только такими усиліями артиллеріи и необычайною храбростью пѣхоты, спѣшившихся казаковъ и части регулярной кавалеріи удержали непріятеля, отчаянно стремившагося отодвинуть нашихъ къ Стахову и далѣе и тѣмъ очистить себѣ переправу и дорогу для отступленія. Услышавъ о переправѣ непріятелей, Чаплицъ поспѣшно воротился изъ-подъ Борисова, и съ помощью его Корниловъ отстоялъ до ночи мѣсто, до котораго отступилъ. Но были минуты, когда наша пѣхота отодвигалась назадъ въ лѣсъ за артиллерію, и французскіе стрѣлки кучами выступали съ боковъ къ опушкѣ, производя со всѣхъ сторонъ сильную пальбу. Смерклось. Только вспышки на ружейныхъ полкахъ указывали мѣста куда надлежало посылать картечи, дававшія возможность пѣхотѣ оттѣснять снова французовъ. Одинъ разъ высыпали они въ большомъ

числѣ и бросились на батарею, имѣвъ повелѣніе взять ее непремѣнно, но батальнымъ огнемъ были отброшены назадъ. Ночь прекратила кровопролитіе. Пока Удино сражался съ Корниловымъ, Чаплицомъ и подходившими къ нимъ изъ-подъ Борисова войсками, непріятель кончилъ построеніе другого моста; оба нѣсколько разъ подламывались, что на короткое время остановило переправу. Къ вечеру пришелъ Ней, съ своимъ сводным корпусомъ, и принялъ начальство надъ всѣми войсками на правомъ берегу Березины. Онъ имѣлъ приказаніе удержать до послѣдней крайности позицію, занимаемую Удино, и тѣмъ дать арміи время переправиться. Хотя Наполеонъ въ теченіе дня удостовѣрился въ движеніи Чичагова внизъ по Березинѣ, но не сомнѣвался, что онъ не замедлить возвратиться, когда узнаетъ о переходѣ французовъ у Студянки, и ввиду того всѣми средствами ускорялъ переправу.

Наполеонъ напрасно опасался близкаго появленія Дунайской арміи. Весь день, 14-го числа, когда переправлялись непріятели въ Студянкѣ, Чичаговъ простоялъ въ Шабашевичахъ, куда послѣ полудня къ нему пришли донесенія отъ Корнилова и Чаплица. Между тѣмъ, извѣщали его также, что и ниже Борисова французы собрали матеріалы для мостовъ и слышенъ былъ стукъ ихъ работъ. Онъ послалъ нѣсколько баталіоновъ къ Чаплицу и для окончательнаго рѣшенія, что предпринять въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ожидалъ донесенія отъ графа Орурка, отряженнаго къ мѣстечку Березину. Прибывъ рано поутру, 14-го, къ назначенному ему мѣсту, Оруркъ не видѣлъ на противоположномъ берегу ни одного непріятеля, но для большаго въ томъ удостовѣренія велѣлъ капитану Малиновскому переправиться съ казаками черезъ Березину. Казаки пошли черезъ Погостъ въ Приборки. Жители вездѣ единогласно показывали, что французовъ въ окрестностяхъ нѣтъ и что они сосредоточиваются у Борисова. На возвратномъ пути Малиновскій былъ извѣщенъ обывателями села Погоста о приходѣ туда изъ окрестностей Бобруйска эскадрона польскихъ улановъ, которые разбрелись по селенію и кормили лошадей. Казаки бросились на безпечныхъ поляковъ, захватили 40 человѣкъ и нашли у эскадроннаго командира повелѣніе: «Идти къ Борисову и выше по Березинѣ, гдѣ имѣетъ быть переправа». Это повелѣніе и сообщенныя отъ графа Орурка извѣстія, что непріятеля не видно на нижней Березинѣ, тотчасъ препровождены къ Чичагову; они дошли къ нему поздно вечеромъ 14-го. Сопоставивъ ихъ съ донесеніями Корнилова и Чаплица, адмиралъ убѣдился въ настоящемъ положеніи дѣлъ и 15-го ноября поутру выступилъ изъ Шабашевичей къ Борисову. Графъ Оруркъ, не ожидая повелѣній, пошелъ на соединеніе съ арміею, отрядивъ маіора Храповицкаго открыть сообщеніе съ нашею главною арміею и донести князю Кутузову о переправѣ французовъ выше Борисова. Храповицкій вскорѣ встрѣтилъ графа Ожаровскаго, который послалъ къ фельдмаршалу ротмистра Палицына съ привезенными изъ Дунайской арміи извѣстіями.

Когда Чичаговъ стоялъ въ Шабашевичахъ 14-го ноября, графъ Витгенштейнъ подвинулся впередъ на 13 верстъ изъ Баранъ къ Кострицѣ, куда возвратилась къ нему партія, посланная наканунѣ къ Веселову, и донесла о переправѣ Наполеона у Студянки; другой разъѣздъ извѣстилъ, что корпусъ Виктора находится у Борисова. Первая

мысль графа Витгенштейна была идти прямо къ Студянкѣ, ударить въ тылъ Наполеону и отдѣлить отъ него Виктора. Къ несчастію, дорога изъ Кострицы къ Студянкѣ оказалась для артиллеріи непроходимою. Поэтому графъ Витгенштейнъ рѣшился идти на Старый Борисовъ, намѣреваясь отрѣзать Виктора, бывшаго у Борисова, а если онъ уже выступилъ изъ этого города, то направиться вслѣдъ за нимъ и, настигнувъ, аттаковать его. Желая успѣшнѣе произвести нападеніе, графъ Витгенштейнъ предложилъ графу Платову приблизиться къ Борисову и аттаковать городъ по столбовой дорогѣ. Графъ Платовъ былъ въ то время между Начею и Лошницею, задерживаемый непріятельскимъ арріергардомъ, который зажигалъ за собою мосты и отступалъ столь медленно, какъ могъ, такъ какъ Виктору надобно было прикрыть маршъ прочихъ корпусовъ на Студянку, дать Наполеону время навести мосты и притянуть къ себѣ разбросанныя команды, спѣшившія къ Борисову съ нижней Березины. Шедшій за графомъ Платовымъ Ермоловъ съ авангардомъ Милорадовича былъ близъ Начи. Въ тотъ день, 14-го, князь Кутузовъ переправился черезъ Днѣпръ въ Копысѣ и прибылъ въ Староселье. Въ Копысѣ онъ оставилъ нѣсколько конныхъ гвардейскихъ полковъ и 12 ротъ артиллеріи, приказавъ людьми и лошадьми этихъ ротъ укомплектовать бывшую при арміи артиллерію. Согласно принятому прежде намѣренію, князь Кутузовъ хотѣлъ въ слѣдующій день продолжать маршъ къ Березинѣ изъ Староселья на Круглое, лѣвою стороною дороги изъ Орши въ Борисовъ, съ цѣлью имѣть надежнѣйшее продовольствіе и пресѣчь путь Наполеону, если онъ направится къ югу. Арміи предшествовалъ вновь составленный авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова, такъ какъ Милорадовичъ, направленный на столбовую дорогу, отдѣлился отъ арміи уже на такое разстояніе, что не могъ болѣе служить для нея авангардомъ.

Таковы были движенія воевавшихъ армій въ теченіе 14-го ноября. Утромъ 15-го ноября арміи находились въ окрестностяхъ Березины въ слѣдующемъ положеніи: Чичаговъ на маршѣ изъ Шабашевичей къ Борисову, графъ Витгенштейнъ—изъ Кострицы къ Старому Борисову, графъ Платовъ и за нимъ Ермоловъ—изъ Лошницы къ Борисову; Наполеонъ при Студянкѣ, всю ночь распоряжаясь переправою; Викторъ, съ двумя дивизіями, на маршѣ къ Студянкѣ изъ Борисова, гдѣ оставилъ 5-ю дивизію своего корпуса, Партуно, приказавъ ему держаться до вечера въ этомъ городѣ, имѣя своею цѣлью: 1) пребываніемъ своимъ въ Борисовѣ долѣе держать русскихъ въ неизвѣстности о мѣстѣ настоящей переправы; 2) не дозволять стоявшимъ на противоположномъ берегу нашимъ войскамъ наводить мостъ у Борисова; 3) насколько возможно, препятствовать соединенію въ Борисовѣ графа Витгенштейна, графа Платова и Чичагова, и 4) силою выпроводить изъ Борисова массу отсталыхъ, которые, найдя въ городѣ теплыя квартиры и кое-какіе припасы, не хотѣли идти далѣе. Что касается до нашихъ войскъ, наканунѣ сражавшихся съ Удино и Неемъ на правомъ берегу Березины, близъ Бриля, то утро 15-го ноября застало русскихъ и французскихъ стрѣлковъ въ лѣсу, взаимно перемѣшанныхъ. Иные изъ нашихъ егерей находились сзади непріятельской цѣпи и то-же было съ непріятельскими застрѣльщиками. Всѣ стояли въ томъ положеніи, въ какомъ были настигнуты наканунѣ темнотою холодной и ненастной ночи. Съ разсвѣтомъ наши

и французскіе офицеры разводили стрѣлковъ, какъ на учебномъ полѣ, безъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій. Потомъ съ обѣихъ сторонъ стояли спокойно; день прошелъ безъ выстрѣла. Никто не имѣлъ охоты начинать дѣла. Наши, по малочисленности, не аттаковали, ожидая прибытія арміи изъ-подъ Борисова, а французы не имѣли причины завязывать дѣла, радуясь бездѣйствію русскихъ, дозволявшему имъ доканчивать переправу. Въ часъ пополудни Наполеонъ съ гвардіею перешелъ на правую сторону Березины и занялъ хуторъ Заниви. На лѣвомъ берегу онъ оставилъ Виктора, построившаго двѣ дивизіи свои въ боевой порядокъ, такимъ образомъ, что онѣ прикрывали мосты, по которымъ переправлялся непріятель, не тревожимый въ этотъ день графомъ Витгенштейномъ. Какъ сказано выше, утромъ 15-го ноября, выступили графъ Витгенштейнъ изъ Кострицы, а графъ Платовъ изъ Лошницы, оба съ намѣреніемъ отрѣзать Виктора, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ находиться въ Борисовѣ. Въ 3 часа пополудни, Властовъ съ авангардомъ графа Витгенштейна подошелъ изъ Жицкова къ Старому Борисову и узналъ тамъ, что Викторъ съ большею частію своего корпуса миновалъ уже это мѣстечко и былъ у Студянки. Властовъ настигъ только одну изъ заднихъ его колоннъ, опрокинулъ ее и взялъ пушку. Плѣнные показали, что въ Борисовѣ находилась дивизія Партуно. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, графъ Витгенштейнъ назначилъ для встрѣчи Партуно весь свой корпусъ и поставилъ войска лицомъ къ Старому Борисову, а правымъ крыломъ къ Березинѣ. Вскорѣ показался оставленный на жертву генералъ Партуно. Увидя путь къ Студянкѣ пересѣченнымъ, онъ пошелъ напроломъ, но былъ отбитъ. Графъ Витгенштейнъ послалъ къ нему парламентера объявить ему, что онъ отовсюду окруженъ, и требовать сдачи. Партуно удержалъ посланнаго и задумалъ уйти подъ прикрытіемъ наступившей темноты, думая при этомъ, что, начавъ переговоры, наши ослабили бдительность. Онъ описываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ: «Мы были окружены, стѣснены обозами и 8,000-ми отсталыхъ, большею частью безоружныхъ, въ лохмотьяхъ, являвшихъ совершенное подобіе бродящихъ мертвецовъ. Направо находилась гора, занятая русскими; влѣво—Березина и русскіе; впереди и сзади стояли русскіе; ихъ ядра пробивали наши колонны насквозь. Къ довершенію бѣдствій, мнѣ донесли, что загорѣлись мосты при Студянкѣ, гдѣ намъ надобно было соединиться съ арміею. Послѣ, это извѣстіе оказалось несправедливымъ, и мы узнали, что пламя горѣвшей деревни приняли за пожаръ мостовъ. Я послалъ отыскивать какую-нибудь дорогу для спасенія, надѣясь впотьмахъ пробраться тайкомъ мимо русскихъ, и запретилъ стрѣлять. Пройдя небольшое пространство, я очутился съ глаза на глазъ съ непріятелемъ, но продолжалъ маршъ, въ величайшей тишинѣ, по болотамъ, озерамъ и лѣсамъ, преслѣдуемый и тѣснимый казаками, ибо ими былъ узнанъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятельскими огнями, изнемогая отъ голода, усталости и стужи, едва не утонувши въ озерѣ, которое только что замерзло и было отъ насъ скрыто темнотою и снѣгомъ, мы положили оружіе». Два бригадныхъ командира дивизіи Партуно, изъ которыхъ одному прострѣлили колѣно, а другого ранили ядромъ въ руку, отстали отъ нея, воротились въ Борисовъ и нашли городъ уже во власти графа Платова. Не видя спасенія, французскіе генералы отправили къ графу Витгенштейну парламентера и на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, сдались. Всего было

взято 5 генераловъ, болѣе 8,000 человѣкъ съ оружіемъ и безоружныхъ, 800 человѣкъ нѣмецкой конницы и 3 пушки.

Пока графъ Витгенштейнъ управлялся съ дивизіею Партуно, графъ Платовъ и Сеславинъ подошли къ Борисову, куда Сеславинъ ворвался первый, причемъ было взято много плѣнныхъ и передъ городомъ захвачено 2 пушки. Въ то время Чичаговъ съ своею арміею, утомленною двумя затруднительными переходами, прибылъ изъ Шабашевичей къ мостовому Борисовскому укрѣпленію и тутъ остановился на ночь, не продолжая марша на соединеніе съ Чаплицомъ. Онъ приказалъ навести на Березинѣ понтонный мостъ, для сообщенія Дунайской арміи съ графомъ Витгенштейномъ и съ отряженными отъ главной арміи войсками, то есть, графомъ Платовымъ и Ермоловымъ, находившимся въ 18-ти верстахъ отъ Борисова. Графъ Витгенштейнъ поѣхалъ въ Борисовъ и условился лично съ Чичаговымъ произвести въ слѣдующій день, 16-го, общее нападеніе по обоимъ берегамъ Березины. Итакъ, 16-го ноября должно было произойти сраженіе на обоихъ берегахъ Березины.

Собранныя 14-го и 15-го между Стаховымъ и Брилемъ войска, то есть, Чаплицъ, Корниловъ и полки, пришедшіе къ нимъ изъ-подъ Борисова, стояли въ лѣсу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кончилось дѣло 14-го числа. Они получили приказаніе, по сигнальному выстрѣлу изъ роты Арнольди, аттаковать всею линіею непріятеля, не ожидая, для выигрыша времени, арміи, которая должна была придти изъ-подъ Борисова, гдѣ она провела ночь. На зарѣ по сигнальнымъ выстрѣламъ нашихъ пушекъ раздались ружейные выстрѣлы. Стоявшіе во французскомъ авангардѣ на узкой дорогѣ двѣ пушки тихо пошли назадъ къ своимъ резервамъ; рота Арнольди, тоже по 2 орудія въ рядъ, послѣдовала за ними, поворотила потомъ по дорогѣ круто направо и едва показалась противъ площади, гдѣ была переправа черезъ Березину, какъ вдругъ ее встрѣтили выстрѣлы французской батареи. Наша пѣхота, тронувшаяся единовременно съ артиллеріею, оттѣснила непріятелей. Сознавая важность, могущую произойти отъ того, если русскіе успѣютъ утвердиться близко отъ переправы, Ней двинулъ свою пѣхоту впередъ, стараясь оттѣснить насъ глубже въ лѣсъ; потомъ сформировалъ колонну кавалеріи, изъ всѣхъ, у кого были лошади, начиная отъ генерала до солдата, и велѣлъ ей аттаковать. Но и къ нашимъ войскамъ подходили въ эту минуту подкрѣпленія. Переночевавъ близъ Борисова, Чичаговъ прибылъ въ 9 часовъ утра къ Стахову и отрядилъ въ дѣло начальника своего главнаго штаба Сабанѣева, съ 9-ю и 18-ю пѣхотными дивизіями. Находя особенную пользу въ дѣйствіи разсыпнымъ строемъ. Сабанѣевъ, не доходя до поля сраженія, разсыпалъ въ стрѣлки болѣе половины своихъ обѣихъ дивизій. Но Ней уже успѣлъ сдѣлать кавалерійскую аттаку. Пробившись сквозь застрѣльщиковъ, онъ бросился на ихъ резервы и на длинную, растянутую цѣпь подходившихъ стрѣлковъ Сабанѣева. Личная неустрашимость нашихъ генераловъ удержала Нея, особенно блистательная аттака Павлоградскихъ гусаровъ, подъ личнымъ начальствомъ Чаплица, опрокинувшихъ непріятельскую конницу. Потомъ въ продолженіе цѣлаго дня дрались и та и другая арміи въ лѣсу стрѣлками. Французы лѣзли впередъ съ ожесточеніемъ, думая не о славѣ выиграннаго сраженія и пріобрѣтеніи трофеевъ, но имѣя въ виду заслонить отступленіе арміи на Зембинъ и обезпечить безопасность нѣсколькихъ десятковъ тысячъ без-

оружныхъ, находившихся еще на лѣвомъ берегу Березины при войскахъ, тогда-же аттакованныхъ графомъ Витгенштейномъ у Студянки. Когда рѣдѣли цѣпи застрѣльщиковъ, на подкрѣпленіе ихъ шли другіе. И наши, и непріятели теряли много людей, подавались то назадъ, то впередъ. Мѣстоположеніе было таково, что съ нашей стороны, чему въ генеральномъ сраженіи не случалось примѣра, единовременно дѣйствовали только два орудія, на узкой дорогѣ, при выходѣ изъ лѣса. Тутъ была сначала рота Арнольди, стрѣлявшая въ 6-ть смѣнъ, то есть, по очередно двумя орудіями, но они не были въ состояніи держаться болѣе получаса: дѣло оканчивалось истребленіемъ людей и лошадей. Тогда на смѣну поступали новыя двѣ пушки. Черезъ три часа, ввиду потерь, понесенныхъ этою ротою, она была отослана назадъ. Ея мѣсто замѣняли постепенно три роты, дѣйствовавшія равномѣрно въ два орудія, точно такъ, какъ въ ротѣ Арнольди и съ тѣми-же потерями, сохраняя, однако, свою позицію въ продолженіе 12-ти часовъ, подъ убійственнымъ огнемъ артиллеріи и пуль. Позади Нея стоялъ въ резервѣ Наполеонъ съ гвардіею, а, между тѣмъ, къ Зембину тянулись обозы, артиллерія, безоружныя и нестроевые, по мѣрѣ того, какъ они переходили по мостамъ. До 11-го часа вечера продолжался кровопролитный бой въ лѣсу между Брилемъ и Стаховымъ; въ немъ участвовала только половина Дунайской арміи, разсыпанная въ стрѣлки. Не было ни маневровъ, ни обходовъ, ни движеній колоннами. Остальная часть арміи и вся кавалерія, кромѣ Павлоградскаго гусарскаго полка, равно отряды графа Платова и Ермолова, перешедшіе черезъ Березину у Борисова, не были введены въ огонь и стояли въ резервѣ близъ Стахова.

Въ это время Витгенштейнъ, проведя ночь съ 15-го на 16-е ноября въ Старомъ Борисовѣ, приказалъ Властову идти съ авангардомъ къ Студянкѣ, 16-го, въ 5-ть часовъ утра; за Властовымъ долженъ былъ слѣдовать корпусъ Берга, въ двухъ колоннахъ, и резервъ изъ Жицкова. Графъ Штейнгель остался съ корпусомъ при Старомъ Борисовѣ, для окончанія переговоровъ съ бригадными генералами дивизіи Партуно, окончательно сдавшимися, какъ выше сказано, не ранѣе утра 16 го числа. Властовъ встрѣтилъ при Бычѣ французскіе разъѣзды и, тѣсня ихъ, приблизился къ позиціи, занятой Викторомъ впереди Студянки, на высотахъ, уставленныхъ артиллеріею. Передъ фронтомъ позиціи протекалъ ручей въ кустарникахъ; на лѣвомъ крылѣ стояла бригада конницы. Властовъ выслалъ стрѣлковъ на Виктора съ фронта; казакамъ, подкрѣпленнымъ регулярною кавалеріею, велѣлъ ударить на конницу лѣваго крыла; противъ праваго фланга Виктора подвезъ 12 орудій и открылъ изъ нихъ огонь по мосту на Березинѣ. Пока казаки, съ перемѣннымъ успѣхомъ, боролись съ конною бригадою и егеря перестрѣливались въ кустарникахъ, наши ядра ложились на мостъ, въ средину столпившихся обозовъ, поражая людей и лошадей. Отъ разбитыхъ и опрокинутыхъ повозокъ и экипажей, отъ скопленія мертвыхъ и раненыхъ на мосту произошло ужасное смятеніе, совершенная остановка: нельзя было подаваться ни взадъ, ни впередъ. Опасаясь непрочности моста, одни люди двинулись съ него назадъ на берегъ, между тѣмъ какъ другіе стремились съ берега на мостъ. Никакая человѣческая сила не могла возстановить порядокъ. Для облегченія переправы, Виктору надобно было непремѣнно выиграть время и отдалить русскую батарею

громившую мостъ. Онъ аттаковалъ центръ Властова, съ которымъ не успѣлъ еще соединиться бывшій на маршѣ корпусъ Берга. Наступательное движеніе Виктора было поддержано батареею, поставленною на противоположномъ берегу Березины Наполеономъ, лично наводившимъ орудія. Властовъ отступилъ. Вскорѣ подоспѣлъ Бергъ съ первою колонною, и пришелъ резервъ изъ Жицкова. Наши двинулись впередъ, стрѣлки перебѣжали черезъ ручей, но Викторъ не дозволилъ имъ утвердиться, ввелъ въ дѣло резервъ, прогналъ стрѣлковъ, перешелъ ручей и разорвалъ нашъ центръ. Однако, вскорѣ положенъ былъ конецъ его наступленію. Наши подвезли батарейную роту, и подъ ея выстрѣлами выступили изъ резерва конница и пѣхота; къ нимъ присоединились минутно отодвинутые назадъ полки центра. Французы не устояли противъ напора. Тогда и правое наше крыло подалось впередъ. Викторъ отвелъ войска назадъ, поставилъ ихъ въ полукругъ, имѣя мосты въ своемъ тылу, и отстрѣливался изъ батарей; съ обѣихъ сторонъ дѣло ограничилось канонадою. Если бы въ то время всѣ войска графа Витгенштейна дѣйствовали совокупно, погибель Виктора была-бы неизбѣжна; но наши корпусы были раздроблены: графъ Штейнгель весь день простоялъ въ Старомъ Борисовѣ, занимаясь разоруженіемъ дивизіи Партуно, и пришелъ на поле сраженія ночью, а изъ двухъ колоннъ Берга только одна участвовала въ бою; другая долго оставалась назади, по недоразумѣнію, какія нерѣдко случаются на войнѣ, и пришла къ Студянкѣ при окончаніи дѣла. Темнота вечера прекратила сраженіе. Кромѣ убитыхъ, непріятель потерялъ много людей на мостахъ, по которымъ наши батареи возобновили дѣйствія, когда послѣ двукратныхъ наступательныхъ движеній, Викторъ былъ оттѣсненъ назадъ. Безоружные и нестроевые большими массами кидались на мосты. Исчезло различіе въ чинахъ и званіи; никто не слушалъ начальниковъ; каждый торопился добраться до противоположнаго берега, сбивалъ другихъ въ воду и, какъ могъ, открывалъ себѣ дорогу по грудамъ тѣлъ.

По прекращеніи сраженія у Студянки, смятеніе на мостахъ не переставало. Вдругъ, часу въ 10-мъ бурнаго холоднаго вечера, явились тамъ войска Виктора. Оставивъ у Студянки арріергардъ, Викторъ началъ спускаться къ переправѣ съ возвышеннаго берега, гдѣ держался весь день. Его колонны очищали себѣ дорогу прикладами и штыками, дѣлали родъ траншей изъ мертвыхъ тѣлъ и конскихъ труповъ, наваленныхъ по краямъ мостовъ. Въ часъ по полуночи кончилась переправа Виктора. На мостахъ все опустѣло. Толпы отсталыхъ, не успѣвшія прежде перейти черезъ рѣку, утомленныя тщетными усиліями добраться до берега и потомъ разогнанныя корпусомъ Виктора, бросались на снѣжную землю, укрывались въ разбитыхъ и опрокинутыхъ повозкахъ. Кто могъ, тѣ разводили огонь. Въ истощеніи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, рѣшались предаться сну, или, лучше сказать, забытью. и ожидать разсвѣта. Французскіе генералы присылали ночью къ толпамъ повелѣнія поспѣшнѣе переходить на противоположный берегъ, извѣщая о скоромъ зажженіи мостовъ. Изнеможеніе безоружныхъ было такъ велико, что не многіе повиновались; большая часть предпочла минутное успокоеніе плѣну, почти незбѣжному. Стараясь вывести несчастныхъ изъ усыпленія и заставить переправляться, Наполеонъ велѣлъ, въ 5 часовъ утра, жечь ихъ повозки. Эта мѣра произвела нѣкоторое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ

тронулся къ мостамъ арріергардъ Виктора, простоявшій ночь на лѣвомъ берегу. Тогда безоружныя толпы, будучи подкрѣплены кратковременнымъ сномъ и убѣждены, что за ними не оставалось болѣе войскъ и никакой защиты отъ русскихъ, устремились къ рѣкѣ, но не всѣ успѣли перейти.

Стало свѣтать. Генералъ, имѣвшій порученіе истребить мосты, медлилъ исполненіемъ до послѣдней возможности, желая дать своимъ соратникамъ время перебраться. Было дорого каждое мгновеніе, но промедленіе не могло продолжаться долѣе часа. Въ половинѣ 9-го показалась на возвышенности у Студянки страшная гроза французовъ—донскія пики, и мгновенно дано повелѣніе зажечь мосты, ночью покрытые удобозагорающимися веществами. Люди, лошади, обозы опустились въ воду. Многіе изъ оставшихся на уцѣлѣвшей части мостовъ попытались переходить по льдинамъ, спершимся около козелъ, но были сжаты, затерты льдомъ, унесены рѣкою, тщетно боролись съ ея теченіемъ и вопили о помощи: никто не помогалъ. Другіе пытались спастись вплавь, но утопали или замерзали. Иные бросались сквозь пламя, пожиравшее мостъ, и вмѣсто избавленія находили мучительную смерть. Женщины, дѣти, грудные младенцы, обвившіе свои рученки вокругъ шеи матерей, лежали на льду съ разможенными членами. Отчаянные, неистовые крики наполняли воздухъ, раздираемый пронзительнымъ завываніемъ сѣвернаго вѣтра, который отъ ранняго утра поднялся съ метелью, засыпалъ глаза разноплеменныхъ жертвъ инеемъ и снѣгомъ, окостенялъ ихъ руки и ноги. Березина до такой степени запрудилась трупами, что по нимъ можно было переходить пѣшкомъ съ одного берега на другой.

Раньше зажженія мостовъ Наполеонъ выѣхалъ, 17-го ноября, въ 6 часовъ утра, изъ Занивокъ черезъ Зембинъ въ Камень, куда всю ночь и все утро тянулась и бѣжала его армія, которая должна была идти на Вильну черезъ Молодечно, Сморгоны и Ошмяны. Арріергардомъ командовалъ Ней, на нѣсколько часовъ оставленный при поворотѣ изъ Брилевскаго лѣса къ Зембину, гдѣ скопленіе людей и тяжестей загромождало дорогу. Узнавъ объ отступленіи непріятеля, Чичаговъ подвинулся къ Брилю, нашелъ на пути 7 брошенныхъ пушекъ, фуры, зарядные ящики и много отсталыхъ, число которыхъ, вмѣстѣ со взятыми наканунѣ, въ бою подъ Стаховымъ, плѣнными, простиралось до 3,300 человѣкъ. Дунайская армія не пошла въ тотъ день далѣе Бриля. За непріятелемъ быть посланъ только авангардъ, подъ начальствомъ Чаплица, который преслѣдовалъ французовъ до корчмы Кабинской Рудни, но не могъ идти скоро. Дорога въ лѣсу вела гатью; французы завалили ее деревьями и зажгли находившіеся тамъ мосты. Устроивая себѣ путь, Чаплицъ только вечеромъ догналъ Нея. Лѣвѣе находился Ланской, у Плещеницъ, куда онъ былъ отряженъ наканунѣ, во время Стаховскаго сраженія, съ повелѣніемъ опережать головы непріятельскихъ колоннъ. Онъ сдѣлалъ нечаянное нападеніе на Плещеницы и взялъ одного генерала и фурьеровъ, заготовлявшихъ помѣщеніе для главной квартиры Наполеона.

Когда поутру 17-го Чичаговъ шелъ изъ Стахова къ Брилю, графъ Витгенштейнъ, не могшій переправиться черезъ Березину по причинѣ истребленія на ней мостовъ, подвинулъ авангардъ на самый берегъ, впереди Студянки. Поставили пушки и стрѣляли изъ нихъ по непріятельскимъ войскамъ, еще находившимся тогда на правой сторонѣ Бе-

резины. Французы не отвѣчали на нашъ огонь, стараясь только уходить. Пространство около Студянки и мостовъ, болѣе нежели на квадратную версту, уставлено было каретами, колясками, дрожками, фурами съ остатками награбленной въ Россіи добычи, изъ которой непріятели очень немного перевезли за Березину. Тутъ-же стояло 12 пушекъ, брошенныхъ Викторомъ. Въ оба дня взято графомъ Витгенштейномъ 13,000 плѣнныхъ, считая въ томъ числѣ и дивизію Партуно. По берегу бродили лошади и стая веденныхъ непріятелемъ изъ Москвы гончихъ собакъ. Графъ Витгенштейнъ назначилъ 3 дружины для очищенія дорогъ и устройства мостовъ. Обозъ отданъ былъ въ добычу войскамъ. Непріятели, большіе и малые, офицеры и солдаты, мужчины и женщины, въ рубищахъ, прикрытые тряпками, лошадиными попонами, съ отмороженными членами, дрожа отъ стужи, бросались въ наши ряды и просили во имя человѣчества куска хлѣба. Солдаты и ратники, кто сколько могъ, удѣляли имъ сухарей; враги цѣловали руки великодушныхъ воиновъ. Иные изъ непріятельскихъ офицеровъ, которыхъ при взятіи въ плѣнъ не успѣли совсѣмъ обобрать, за пригоршни сухарей отдавали часы, пистолеты, перстни, деньги. Возбужденное въ началѣ чувство состраданія скоро превращалось въ омерзѣніе, когда находили признаки поруганія святыни. Встрѣчались француженки, сидѣвшія на лошадяхъ, покрытыхъ, вмѣсто чепраковъ, обрывками священническихъ ризъ; находили сундуки, сколоченные изъ образовъ, и другіе священные предметы, безстыдно употребляемые врагами. Солдаты представляли начальству всѣ похищенныя святотатцами церковныя вещи.

Между тѣмъ, Наполеонъ, закутанный въ соболью шубу, продолжалъ путь на Камень. Его послѣднія слова на берегахъ Березины были обращены къ артиллерійскому генералу Эбле, зажигавшему мосты. Наполеонъ сказалъ ему: «Приберите мертвыя тѣла и побросайте ихъ въ воду; русскіе не должны видѣть нашей потери». Но Эбле было не до похоронъ; онъ считалъ себя счастливымъ, что успѣлъ самъ убраться, оставивъ не только мертвыхъ, но всѣхъ раненыхъ и больныхъ, безъ перевязки, пищи и помощи. Проклиная Наполеона, они погибли въ пустынныхъ лѣсахъ отъ мороза, достигнувшаго на другой день до 20-ти градусовъ; иныхъ, еще прежде смерти, клевали хищныя птицы и пожирали голодные волки.

Такъ кончилась переправа Наполеона черезъ Березину, стоившая ему до 20,000 плѣнныхъ, многихъ тысячъ убитыхъ и потонувшихъ въ рѣкѣ, 25-ти пушекъ, оставленныхъ на обоихъ берегахъ, многихъ орудій, брошенныхъ въ воду, и огромнаго обоза. Однако, несмотря на великій вредъ, понесенный непріятелемъ, ожиданія императора Александра не осуществились, потому что врагамъ не преградили обратнаго пути, «не истребили ихъ до послѣдняго человѣка», какъ приказывалъ государь, и не былъ схваченъ самъ Наполеонъ. Взятіе въ плѣнъ Атиллы новѣйшихъ временъ было-бы просто дѣйствіемъ случая; одинъ или нѣсколько человѣкъ могутъ проѣхать почти всегда и вездѣ. И при совершенной гибели войскъ своихъ на Березинѣ Наполеонъ могъ спастись, тѣмъ удобнѣе, что находился въ краю, повѣрившемъ его обѣщаніямъ. Но армія его должна была понести конечное пораженіе, если-бы съ нашей стороны дѣйствовали искуснѣе и рѣшительнѣе. Дунайская армія такъ долго простояла у Бреста, что, сколько ни ускоряла затѣмъ марша отъ Буга къ Бори-

сов, но все не могла поспѣть во время на Березину, отъ чего нельзя ей было войти въ непосредственную связь съ графомъ Витгенштейномъ и условиться съ нимъ о взаимныхъ дѣйствіяхъ своихъ. По овладѣніи Борисовымъ, въ теченіе двухъ дней не были собраны свѣдѣнія о непріятелѣ. Потомъ послѣдовало пораженіе авангарда и отступленіе арміи изъ Борисова, благодаря чему мы лишились сообщеній съ лѣвымъ берегомъ Березины и графомъ Витгенштейномъ. Послѣ полученія извѣстія о приготовленіяхъ непріятеля къ переправѣ при Ухолодѣ и Студянкѣ, оставленъ былъ центральный пунктъ на Березинѣ и предпринято движеніе къ Шабашевичамъ, безъ предварительнаго обозрѣнія береговъ Березины и удостовѣренія въ томъ, гдѣ по мѣстоположенію выгоднѣе непріятелю переправиться. Тогда увидѣли-бы, насколко возвышенность лѣваго берега Березины при Студянкѣ, на которую указывали нѣкоторые генералы, совѣтуя не удаляться отъ Борисова, благопріятствовала французамъ для наведенія мостовъ. Когда двинулись изъ-подъ Борисова къ Шабашевичамъ, мы открыли Зембинскую дорогу и даже не истребили на ней гатей и мостовъ. Получивъ въ Шабашевичахъ донесеніе о настоящей переправѣ Наполеона, Дунайская армія не тотчасъ, но въ слѣдующее утро возвратилась назадъ, отъ чего потеряна была цѣлая ночь, и, пройдя 20 верстъ, она расположилась на ночлегъ у Борисова, хотя намъ до непріятельской переправы оставалось не болѣе 13-ти верстъ. На другой день тронулись впередъ: произошло Стаховское сраженіе, но его вели не совсѣмъ согласно съ принятыми на войнѣ правилами.

Въ Дунайской арміи находилось подъ ружьемъ: 59 батальоновъ—19,750 человѣкъ, 88 эскадроновъ — 8,800 человѣкъ, 13 казачьихъ полковъ—3,280 человѣкъ и 180 орудій, всего съ артиллеріею слишкомъ 32,000 человѣкъ.

Изъ всѣхъ русскихъ армій Дунайская была самая боевая. Безпрерывно шесть лѣтъ воевала она съ турками, почти не разряжая ружей. На пути изъ Молдавіи, всѣ, отъ генерала до солдата, сгорали желаніемъ сразиться съ Наполеономъ. Съ такими войсками не было ничего невозможнаго: смѣло можно было идти, поражать головы непріятельскихъ колоннъ при переправѣ и потомъ двигаться всюду, куда потребовала-бы надобность. Взамѣнъ неприбывшаго къ арміи корпуса Эртеля, пришли на ея подкрѣпленіе въ день Стаховскаго сраженія: Ермоловъ, съ 14-ю батальонами авангарда Милорадовича, и весь корпусъ графа Платова; но они, равно какъ половина Дунайской арміи, не участвовали въ дѣлѣ. Слѣдовательно, войскъ было достаточно и можно было, если не остановить Наполеона, то затруднить переправу его и удерживать его до тѣхъ поръ, пока съ тыла ударили-бы графъ Витгенштейнъ и Милорадовичъ, пришедшій на другой день въ Борисовъ.

Несправедливо думаютъ, что князь Кутузовъ предписывалъ Чичагову исключительно обращать вниманіе на нижнюю Березину, будто полагая навѣрное, что тамъ послѣдуетъ прорывъ Наполеона. Фельдмаршалъ писалъ адмиралу отъ 10-го ноября: «Не излишне наблюдать, если непріятель повернетъ съ Толочина или Бобра на Погостъ и Игуменъ». Второе и послѣднее повелѣніе было отъ 13-го ноября. Описавъ распоряженія, сдѣланныя для главной арміи и графа Витгенштейна, князь Кутузовъ, какъ-будто угадывая предпринятое Наполеономъ, послѣ Березинской переправы движеніе на Вильну, говоритъ: «Если

Борисовъ занятъ непріятелемъ, то, вѣроятно, переправясь черезъ Березину, Наполеонъ пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, чрезъ Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего, необходимо, чтобы вы заняли отрядомъ дефиле при Зембинѣ, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля». Князь Кутузовъ не отвергалъ возможности переправы Наполеона ниже Борисова, но положительно предписывалъ одно: необходимость занять Зембинъ. Если-бы исполнили повелѣніе его, уничтоживъ въ зембинскомъ дефиле мосты и гати, простирающіеся на 2 версты, то послѣ переправы черезъ Березину, Наполеону не оставалось-бы другого средства къ отступленію, какъ только повернуть влѣво, на Минскъ, черезъ Антополь. Тутъ онъ вошелъ-бы въ болота и дремучіе лѣса, а Чичаговъ могъ занять чрезвычайно крѣпкую позицію недалеко отъ Стахова, позади рѣчки Бродни, передъ которою болото шириною во 100 саженъ. Слѣдовательно, послѣ жестокихъ потерь, какія непріятель долженъ былъ понести на переправѣ черезъ Березину, если-бы онъ и успѣлъ перейти черезъ нее, то былъ-бы принужденъ предпринять другой прорывъ и сбивать русскихъ съ позиціи при Броднѣ. Для аттаки требовалось время, а между тѣмъ подоспѣвали графъ Витгенштейнъ и отряженные отъ главной арміи корпусы. Куда Наполеонъ ни направился-бы между позиціями Зембинскою и Стаховскою, вездѣ онъ увязалъ-бы въ бездонныхъ, не совсѣмъ замерзшихъ топяхъ; лишенный продовольствія и безъ покрова, съ изнуренными войсками, при вьюгахъ и холодѣ онъ долженъ былъ-бы пасть подъ нашими выстрѣлами, сдаться или погибнуть отъ голода и стужи.

До какой степени предусмотрительность князя Кутузова на счетъ Зембина была основательна и насколько важно было истребленіе тамъ мостовъ и гатей, доказывается тѣмъ, что сами французы пишутъ: «Если-бы русскіе сожгли Зембинскіе мосты, то намъ ничего другого не оставалось-бы, какъ повернуть къ Минску, налѣво, гдѣ была армія Чичагова, потому что вправо на нѣсколько лье непроходимыя болота и тонкіе лѣса: Наполеонъ не имѣлъ-бы никакого средства къ спасенію». Другой писатель говоритъ: «Стоило только какому-нибудь казаку взять огня изъ своей трубки и зажечь мосты, тогда всѣ усилія наши и переходъ черезъ Березину сдѣлались-бы тщетны. Взятые на узкомъ пространствѣ между болотами и рѣкою, безъ пищи и пріюта, подверженные нестерпимой мятели, главная армія и ея императоръ были-бы принуждены сдаться безъ боя».

Не одной Дунайской арміи, но и графу Витгенштейну, надлежало препятствовать непріятельской переправѣ. По соображенію обстоятельствъ и волѣ князя Кутузова онъ долженъ былъ оставаться на берегахъ Улы до полученія вѣрныхъ извѣстій: куда пойдетъ Наполеонъ, на Лепель или Борисовъ? При отступленіи Виктора отъ Черен, для заслоненія дороги отъ Орши въ Борисовъ, графъ Витгенштейнъ не аттаковалъ его всѣми силами, но ограничивался одними натисками на его арріергардъ, не имѣвшими ни малѣйшаго вліянія на ходъ дѣлъ, потому что во время авангардныхъ ошибокъ Наполеонъ продолжалъ свободное движеніе къ Борисову. Осторожность дѣйствій графа Витгенштейна отъ Улы до Баранъ имѣла основаніемъ слѣдующія причины: 1) онъ не зналъ и не могъ себѣ представить въ полной мѣрѣ разстройства главной французской арміи, такъ какъ получаемыя графомъ Витгенштейномъ объ этой арміи извѣстія были

различны. По однимъ, Наполеонъ велъ съ собою 60, по другимъ 80 тысячъ человѣкъ; 2) обрушиться всѣмъ корпусомъ на Виктора удерживало графа Витгенштейна также опасеніе близости главной непріятельской арміи и боязнь въ случаѣ своего пораженія, предать во власть непріятеля путь, по которому Наполеонъ могъ тогда повернуть вправо къ Двинѣ на соединеніе съ Макдональдомъ, Вреде и литовскою конфедераціею. Въ тотъ день, когда Наполеонъ тянулся вверхъ по Березинѣ изъ Борисова къ Студянкѣ, графъ Витгенштейнъ пришелъ въ Кострицы и здѣсь слишкомъ поздно узналъ о движеніи Наполеона къ Студянкѣ, которое не могло-бы ускользнуть отъ насъ, если-бы мы имѣли разъѣзды на правой сторонѣ; они-бы непремѣнно наткнулись на французовъ и донесли, куда идетъ непріятель. Получивъ извѣстіе о началѣ переправы Наполеона черезъ Березину и найдя дорогу на Веселово и Студянку непроходимою для артиллеріи, графъ Витгенштейнъ направился на Старый Борисовъ и весь корпусъ употребилъ, чтобы отрѣзать путь одной дивизіи, Партуно, а, между тѣмъ, цѣлый день, 15-го, Наполеонъ спокойно продолжалъ переправу. При нападеніи на Виктора, 16-го числа, при Студянкѣ, корпусъ графа Штейнгеля оставался слишкомъ долго при Старомъ Борисовѣ для разоруженія Партуно, а вторая колонна Берга, не поспѣла въ надлежащую пору, отъ чего Викторъ имѣлъ возможность держаться цѣлый день, не былъ совершенно разбитъ и потопленъ въ Березинѣ или взятъ въ плѣнъ со всѣми толпами безоружныхъ, находившимися на лѣвомъ берегу ея.

Два дня удержанный подъ Краснымъ необходимостью выждать пораженіе Нея, князь Кутузовъ не могъ выступить оттуда раньше 8-го ноября, въ тотъ день, когда Наполеонъ переправлялся уже въ Оршѣ. Непріятели были далеко впереди нашей главной арміи, на кратчайшей дорогѣ, гдѣ нельзя было идти князю Кутузову, вслѣдствіе совершеннаго ея разоренія, поэтому онъ направился влѣво на Копысъ, отправивъ впередъ, 11-го ноября, Милорадовича съ третьею частью арміи. Слѣдовательно, для переправы Милорадовича, а за нимъ главной арміи, нужно было предварительно поставить мостъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ переходилъ черезъ Днѣпръ на Оршѣ по готовому находившемуся тамъ мосту. Такова была главная причина, почему ни армія наша, ни Милорадовичъ не поспѣли на Березину во время переправы Наполеона. Сверхъ того, предполагая спасеніе въ одной быстротѣ, Наполеонъ, несмотря на массу людей, падавшихъ отъ усталости и безсильныхъ выдержать форсированные переходы, шелъ такъ скоро, что главной арміи очень трудно было догнать его. Но, стараясь нанести ему возможный вредъ при Березинѣ, гдѣ его должны были встрѣтить Чичаговъ и графъ Витгенштейнъ, князь Кутузовъ отрядилъ за французами всѣхъ партизанъ, графа Платова съ 13-ю донскими полками и Милорадовича съ однимъ кавалерійскимъ корпусомъ и 54-мя батальонами пѣхоты. Такимъ образомъ, по распоряженіямъ князя Кутузова должно было находиться у Березины столько войскъ, что побѣда казалась несомнѣнною. Дунайская армія стояла впереди Наполеона; графъ Витгенштейнъ вправо отъ него; по пятамъ непріятеля шли графъ Платовъ и Милорадовичъ. Назначивъ такое большое количество силъ навстрѣчу, въ правый флангъ и въ тылъ французовъ, самъ фельдмаршалъ съ остальными войсками не

могъ пойти по другому пути, какъ влѣво, чтобы ударить на Наполеона, если онъ направится къ нижней Березинѣ или Бобруйску. Вынужденный ожидать подвозовъ продовольствія и построенія моста въ Копысѣ, князь Кутузовъ не могъ скоро переправиться черезъ Днѣпръ. Кромѣ того, армію, шедшую безостановочно изъ Тарутина и на пути выдержавшую три генеральныя сраженія, подъ Малоярославцемъ, Вязьмою и Краснымъ, надобно было сохранить въ возможномъ устройствѣ, какъ надежный оплотъ, или, говоря словами фельдмаршала, «чтобъ было съ чѣмъ придти на границу». Вотъ еще его слова, тогда же сказанныя: «Европа должна видѣть, что наша главная армія, дѣйствительно, существуетъ, не есть призракъ или тѣнь. Правда, она уменьшается на маршѣ, но мѣсяцъ покоя и хорошія квартиры оправятъ ее. Только сильная армія можетъ дать намъ вѣсъ въ дѣлахъ политическихъ и склонить Германію на нашу сторону». Если Чичаговъ и графъ Витгенштейнъ такъ мало успѣли задержать Наполеона на Березинѣ, что изъ всѣхъ войскъ отряженныхъ съ Милорадовичемъ, поспѣлъ къ Стаховскому сраженію только Ермоловъ съ 14-ю батальонами, то тѣмъ менѣе возможно было главной арміи придти туда въ урочное время.

Война далеко не была кончена. За Березиною стояли Макдональдъ, князь Шварценбергъ и Ренье, а между Одеромъ и Нѣманомъ Ожеро. Соединивъ эти корпусы, находившіеся въ полномъ числѣ людей, Наполеонъ могъ еще имѣть грозное ополченіе, противъ котораго надобно было сохранить достаточно силъ. Принимая въ соображеніе свойства и могущество Наполеона, князь Кутузовъ часто говаривалъ, что и по изгнаніи его изъ Россіи война не прекратится, и намъ будетъ предстоять новая, можетъ быть, ужаснѣе первой. борьба съ Европою.

V.

Отъ Березины до бѣгства Наполеона изъ Россіи.

На другой день послѣ сраженій при Стаховѣ и Студянкѣ, 17-го ноября, Наполеонъ находился съ арміею на Виленской дорогѣ, между Зембиномъ и Каменемъ, преслѣдуемый Чаплицомъ. Чичаговъ, графъ Платовъ и Ермоловъ, съ авангардомъ Милорадовича,—между Брилемъ и Стаховымъ, графъ Витгенштейнъ—у Студянки. Наши генералы отправили къ князю Кутузову донесенія о происшествіяхъ во время непріятельской переправы и въ ожиданіи его повелѣній условились о слѣдующемъ: Дунайской арміи идти непосредственно за Наполеономъ, графу Витгенштейну правѣе, графу Платову обходить непріятеля съ лѣвой стороны. Въ тотъ-же день пришелъ въ Борисовъ Милорадовичъ; послѣ чрезвычайно трудныхъ и усиленныхъ переходовъ, «которые», какъ онъ доносилъ, «содѣлывала возможными одна добрая воля солдатъ». Слѣдовательно, если-бы Чичаговъ и графъ Витгенштейнъ только одинъ лишній день задержали Наполеона на Березинѣ, то подоспѣлъ-бы къ нимъ Милорадовичъ. Желая согласоваться съ движеніями Чичагова и графа Витгенштейна, Милорадовичъ хотѣлъ идти изъ Борисова по лѣвой сторонѣ Виленской дороги на Юрьево, находясь въ такомъ разстояніи отъ Дунайской арміи, чтобы можно было содѣйствовать ей въ случаѣ аттаки на непріятеля. Но этихъ мѣръ не привели въ исполненіе тогда-же. Чичаговъ остался дневать

у Бриля, а Милорадовичъ въ Борисовѣ, откуда ему нельзя было выступить немедленно, потому что его заднія войска и провіантскія подводы еще не приходили. Графъ Витгенштейнъ тоже не могъ скоро переправиться изъ Студянки на правый берегъ Березины. Наведенію понтонныхъ мостовъ мѣшали шедшій по рѣкѣ ледъ и наполнявшіе ее человѣческіе и лошадиные трупы, хламъ обрушившихся непріятельскихъ мостовъ, потопленныхъ французскихъ обозовъ и орудій. На первый случай, кромѣ авангарда Чаплица, посланы были за непріятелемъ только легкія войска.

17-го ноября князь Кутузовъ былъ съ главною арміею въ Михѣевичѣ, на походѣ въ Ушу, и уже имѣлъ наканунѣ донесеніе партизана графа Ожаровскаго о переправѣ Наполеона черезъ Березину. Сначала онъ усомнился въ истинѣ этого показанія и къ главнымъ начальникамъ, находившимся на Березинѣ, послалъ узнать: справедливо-ли увѣдомленіе о прорывѣ французовъ? Но сомнѣніе князя Кутузова продолжалось не долго: подтвердительныя донесенія о переправѣ Наполеона черезъ Березину приходили одни за другими. Досада Кутузова была чрезвычайная. Когда прошли первыя вспышки его гнѣва, онъ сказалъ: «Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать отдѣльные генералы. Немногаго не доставало, и нашъ братъ псковскій дворянинъ взялъ-бы Наполеона въ плѣнъ!» Для дальнѣйшихъ дѣйствій, намѣреваясь не допустить Наполеона соединиться съ корпусами, находившимися въ Литвѣ и Курляндіи, князь Кутузовъ далъ слѣдующія повелѣнія: 1) Чичагову идти по слѣдамъ Наполеона; 2) графу Платову выиграть маршъ надъ непріятелемъ и потомъ аттаковать головы колоннъ его и фланги; 3) графу Витгенштейну слѣдовать черезъ Плещеницу, Вилейку и Неставишки къ Нѣменчину и быть вправѣ отъ Чичагова, но всегда въ связи съ нимъ; 4) главной арміи переправиться черезъ Березину 19-го ноября при Ушѣ, оставить Минскъ влѣво и идти на Раковъ, Воложинъ, Ольшаны и Новыя Троки; 5) Милорадовичу направиться черезъ Логойскъ, Радошкевичи и Хохлы, на Ольшаны. «На сихъ четырехъ пунктахъ, «доносилъ князь Кутузовъ государю», найдетъ армія лучшее для себя продовольствіе и можетъ легко воспретить соединенію корпусовъ Макдональда и князя Шварценберга съ Наполеономъ». Графъ Ожаровскій посланъ былъ съ отрядомъ лѣвѣе отъ главной арміи черезъ Новогрудокъ на Бѣлицу; Сеславину и Давыдову приказано, не направляясь за отступавшимъ непріятелемъ, спѣшить прямо на Ковно, для истребленія находившихся тамъ запасовъ. Тучкову, принявшему вмѣсто Эртеля начальство надъ Мозырскимъ корпусомъ, приказано идти въ Минскъ.

Послѣ переправы черезъ Березину цѣль Наполеона состояла въ поспѣшномъ достиженіи до Сморгонъ, гдѣ онъ надѣялся найти запасы. Укрѣпленія Вильны, начатыя непріятелемъ по занятіи ея въ іюнѣ мѣсяцѣ, Наполеонъ велѣлъ оканчивать со всевозможною поспѣшностью, равно какъ и заложенный тамъ укрѣпленный лагерь. Находившемуся въ Вильнѣ министру иностранныхъ дѣлъ Маре и главному чиновнику, поставлявшему непріятелямъ продовольствіе, предписано было выслать въ Сморгоны какъ можно болѣе хлѣба, вина и мяса. Туда-же приказано направить изъ Вильны всѣ войска и команды, какія находились въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ, въ томъ числѣ дивизію Луазона, корпуса Ожеро, которая не задолго передъ

тѣмъ пришла въ Вильну изъ Пруссіи, въ битвахъ не участвовала и была въ полномъ составѣ людей.

Надобно отдать справедливость бдительности французской полиціи. Во всемъ занятомъ непріятелями краѣ никто не зналъ о погибели Наполеоновой арміи при отступленіи изъ Москвы. Вильна была подъ преимущественнымъ надзоромъ полиціи и долѣе всѣхъ оставалась въ невѣдѣніи о военныхъ происшествіяхъ. Когда услышали тамъ о взятіи Чичаговымъ Минска, то сначала испугались, но вскорѣ успокоились, прочитавъ въ газетахъ, будто движеніе Дунайской арміи совершенно сообразно съ намѣреніями Наполеона и есть не что иное, какъ поставленная для нея западня. Всѣми средствами, письменными и словесными извѣщеніями Маре старался поддержать увѣренность Литвы и Европы въ постоянныхъ преимуществахъ Наполеона предъ русскими, выдумывалъ небывалые успѣхи французскаго оружія и представлялъ ихъ блестящими побѣдами. Желая придать болѣе достовѣрности мнимымъ торжествамъ Наполеона, онъ приказывалъ отправлять молебствія о побѣдахъ и давалъ праздники, являясь на нихъ окруженный представителями дворовъ союзныхъ съ Наполеономъ. О пораженіяхъ своего повелителя онъ совсѣмъ не упоминалъ или изображалъ ихъ въ искаженномъ видѣ. Въ то время, когда дорога отъ Москвы до Березины устлана была трупами Наполеоновыхъ войскъ, данники его все еще трепетали при его имени, вѣрили въ существованіе великой арміи, постыдное бѣгство ея считали за искусный отступательный маневръ и снаряжали новыя войска для ея подкрѣпленія.

Не однихъ поляковъ и не одни иностранные дворы морочилъ Маре вымыслами лжи: онъ обманывалъ даже отдѣльныхъ корпусныхъ командировъ—Макдональда, князя Шварценберга и Ренье. И отъ нихъ онъ скрывалъ пораженія Наполеона, сообщая имъ самыя успокоительныя извѣстія о главной арміи. Поэтому ни одинъ изъ этихъ генераловъ не принималъ мѣръ къ тому, чтобы сблизиться съ нею или помочь ей какими-либо движеніями. Макдональдъ попрежнему спокойно стоялъ въ Курляндіи, издали наблюдая за Ригой. Рижскій военный губернаторъ маркизъ Паулучи ограничился нападеніемъ на Фридрихштатъ; онъ хотѣлъ овладѣть имъ, желая лишить Макдональда возможности дѣлать набѣги на Лифляндію и Псковскую губернію, на что, впрочемъ, непріятель ни разу не покушался. Въ Фридрихштатѣ находилось 800 баварцевъ и 3 прусскихъ эскадрона. Аттакованные, 3-го ноября, съ двухъ сторонъ, они очистили городъ и отошли къ Якобштату. Макдональдъ послалъ на другой день отрядъ вытѣснить нашихъ изъ Фридрихштата и велѣлъ пруссакамъ аттаковать Левиза, стоявшаго при Даленкирхѣ, на позиціи, дававшей непріятелю возможность обойти ее. Левизъ отступилъ и занялъ другую позицію, въ 3-хъ верстахъ позади первой и въ 14-ти отъ Риги. Произведенное на нее, 4-го ноября, нападеніе было нерѣшительно и потому безуспѣшно. Пруссаки отступили; наши передовыя цѣпи расположились вдоль Миссы, гдѣ изрѣдка, перестрѣливались ведеты. Вообще на всемъ пространномъ театрѣ Отечественной войны не было мѣста, гдѣ-бы съ открытія похода до его окончанія дѣйствовали съ большею вялостію, чѣмъ подъ Ригою.

Что касается князя Шварценберга и Ренье, то они, послѣ бывшаго, 4-го ноября, при Волковискѣ дѣла, шли за Сакеномъ къ Бресту

и Ковелю. Австрійцы преслѣдовали его главными силами, только до Мухавца, но очень медленно, изнемогая подъ суровостью непогодъ. Довольный отдаленіемъ Сакена отъ главнаго театра войны къ Бугу, князь Шварценбергъ оставилъ противъ него Ренье у Бреста и Ружанъ, а самъ направился назадъ, въ погоню за Чичаговымъ, но дальше Слонима онъ не пошелъ по двумъ причинамъ: 1) ввиду наступившихъ морозовъ, губившихъ въ его корпусѣ много людей; 2) отъ совершеннаго невѣдѣнія о Наполеонѣ. 12 дней онъ не получалъ извѣстій о главной непріятельской арміи, находившейся между Смоленскомъ и Березиною и потерявшей сообщенія съ Вильною, прерванныя нашими легкими войсками. Наконецъ, къ нему пришло отъ Маре письмо, отправленное по повелѣнію Наполеона, тотчасъ послѣ переправы черезъ Березину. Маре увѣдомлялъ князя Шварценберга, будто Наполеонъ одержалъ совершенную побѣду надъ Чичаговымъ и графомъ Витгенштейномъ, взялъ у нихъ 6,000 плѣнныхъ, разбилъ до такой степени Дунайскую армію, что въ ней осталось подъ ружьемъ 7,000 пѣхоты и 6,000 конницы, прибавляя, что о князѣ Кутузовѣ нѣтъ слуховъ, и главная французская армія идетъ на зимнія квартиры. «Императоръ», говорилъ Маре князю Шварценбергу, «признаетъ чрезвычайную важность въ наблюденіи вашемъ за движеніями главной арміи и дѣйствованіи въ смыслѣ нынѣшняго положенія дѣлъ. По мнѣнію его величества, быстрота вашихъ маршей должна имѣть величайшее вліяніе на ходъ дѣлъ». Не понимая такого темнаго и двусмысленнаго повелѣнія, князь Шварценбергъ просилъ Маре объяснить, въ чемъ долженъ состоять его маневръ и въ какомъ положеніи главная армія. Въ ожиданіи отвѣта, онъ не выступалъ изъ Слонима и только посылалъ разъѣзды къ Новогрудку и Несвижу.

Сакенъ стоялъ между Ковелемъ и Любомлемъ и за недостаткомъ войскъ не могъ рѣшиться ни на какое предпріятіе противъ Ренье. Во время отступленія отъ Волковиска къ Бресту, онъ получилъ отъ Чичагова повелѣніе отправить половину своего корпуса къ Дунайской арміи, находившейся тогда на маршѣ изъ Минска къ Борисову. Онъ послалъ требуемыя войска съ Эссеномъ, приказавъ ему идти на соединеніе съ Чичаговымъ черезъ Пинскъ или Несвижъ, или какъ позволятъ обстоятельства. Эссенъ узналъ на походѣ, что Пинскъ занятъ непріятелемъ. Не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы пробиться черезъ Пинскъ, и не рѣшаясь возвратиться къ Сакену, что противорѣчило данному ему повелѣнію, онъ повернулъ направо, для соединенія съ Дунайскою арміею черезъ Овручъ и Мозырь. Отъ стеченія этихъ обстоятельствъ корпусъ его ослабилъ своимъ удаленіемъ Сакена, не могъ поспѣть на усиленіе Чичагова и шелъ отъ Пинска черезъ Овручъ къ Припети, въ то время, когда наши арміи были на маршѣ въ противоположную сторону, то есть, отъ Березины къ Вильнѣ.

Между тѣмъ, движеніе главныхъ армій представляло съ одной стороны стремительное бѣгство французовъ, а съ другой быстрое преслѣдованіе русскими. Весь день, послѣдовавшій за Березинскими сраженіями, 17-го ноября, тянулись непріятели изъ Зембина къ Камену, 18-го вышли изъ дремучихъ лѣсовъ и прибыли въ Плещеницу. Тутъ, въ открытыхъ мѣстахъ, имъ не давали ни на минуту отдыха. 18-го, Чаплицъ съ авангардомъ Дунайской арміи сильно напиралъ на ихъ арріергардъ, бывшій сперва подъ начальствомъ Нея, а потомъ

Виктора, и отбилъ 7 пушекъ; 19-го, вмѣстѣ съ графомъ Платовымъ, онъ настигъ Виктора у Хотавичей, не дозволилъ ему расположиться на ночлегъ, какъ хотѣлъ было Викторъ, сбилъ его съ позиціи и опять взялъ 7 орудій. 20-го онъ продолжалъ преслѣдовать французовъ.

Между тѣмъ, взявъ съ собою небольшое число самыхъ нужныхъ офицеровъ, въ трескучій морозъ, князь Кутузовъ отправился въ средоточіе отдѣльныхъ армій для личнаго распоряженія ихъ дѣйствіями, такъ какъ онѣ находились уже вблизи одна отъ другой.

Разстройство непріятельской арміи въ послѣднюю недѣлю бѣгства отъ Березины до Молодечно достигло до невѣроятной степени отъ наступившей вдругъ жестокой стужи; съ 16-го ноября постоянно было больше 20-ти градусовъ мороза. 22-го ноября едва можно было говорить; отъ холода спиралось дыханіе. Стиснувъ зубы, враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяніи; ноги обвертывали попонами, ранцами, старыми шляпами, окутывали голову, лицо и плечи мѣшками, рогожами, окладывались сѣномъ и соломою; добыть лошадиную шкуру считалось за счастіе. На дорогѣ находилось немного уцѣлѣвшихъ селеній: всѣ они при шествіи непріятеля внутрь Россіи, а затѣмъ мародерами были болѣе или менѣе ограблены, разорены, выжжены. Когда французамъ пришлось бѣжать назадъ по дорогѣ, ими опустошенной, то, завидя какое-нибудь строеніе, они спѣшили къ нему, но дома были пусты, и въ нихъ раздавался лишь свистъ порывистыхъ вѣтровъ. Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ дома, клѣти, хлѣва, заборы, для того только, чтобы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Русскимъ случалось заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: по срединѣ обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились: прочіе, въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали, какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ выступала кровь изъ глазъ. Подобно тѣнямъ бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на деревья или сучья, они шатались на ногахъ; лишенные всякихъ средствъ къ облегченію страданій, въ тщетной борьбѣ съ смертью, падали безъ чувствъ, на безлюдныхъ, снѣжныхъ поляхъ. Сами не зная куда, тащились иные по дорогамъ, съ примерзшею къ ногамъ соломою, съ почернѣвшими отъ грязи ступнями, покрытыми ледяною корою, зараженными антоновымъ огнемъ. Съ отмороженными по колѣни ногами, окутанные въ отвратительныя ветошки, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, дикими глазами, иные не могли ходить и ползали на рукахъ.

Биваки были такъ же пагубны, какъ и сильные дневные марши. Приходя къ ночлегу, изнеможенные, полузамерзшіе бросались вокругъ огней; крѣпкій сонъ одолѣвалъ ихъ, и жизнь угасала прежде, нежели потухали огни. Не всегда и на бивакахъ находили непріятели успокоеніе, потому что ихъ тревожили донцы. При одномъ имени: «Казакъ!» французы сдавались или бѣжали дальше. Плѣнными уже давно у насъ пренебрегали. Часто они отставали толпами отъ непріятельскаго арріергарда, шли на встрѣчу нашимъ войскамъ, отъ которыхъ цѣлымъ тысячамъ плѣнныхъ давали иногда не болѣе двухъ, трехъ каза-

ковъ, башкирцевъ или поселянъ. Нерѣдко бабы, одна впереди, другая позади, гнали дубинками стада европейцевъ. Даже съ ружьями шатались французы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги, но никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и бивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучела, слабымъ голосомъ вымаливая куска хлѣба. Русскіе солдаты дѣлились съ врагами сухарями и чѣмъ могли.

Какъ обыкновенно случается въ общественныхъ несчастіяхъ, разность отличій, чиновъ, состояній исчезла: генералы и солдаты, господа и слуги пили гибель изъ одной круговой чаши. Свирѣпость судьбы уравняла всѣхъ и породила зло, болѣе ужасное, чѣмъ морозъ и голодъ — неповиновеніе, неуваженіе къ старшимъ. Одинъ генералъ подошелъ грѣться къ огню, у котораго сидѣли солдаты; они отогнали его, сказавъ: «Самъ принеси полѣно!» Съ великимъ трудомъ и убѣдительными увѣщаніями удерживали людей въ арріергардѣ; сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей и пушекъ, пѣхотинцы оставляли ряды, канонеры убѣгали отъ своихъ орудій. Съ каждымъ часомъ во множествѣ увеличивалось число солдатъ, бросавшихъ оружіе, и офицеровъ, мѣшавшихся съ безоружными толпами.

Видя гибель своихъ войскъ, Наполеонъ убѣдился въ невозможности исполнить принятое имъ послѣ Березинской переправы намѣреніе остановиться между Сморгонами и Молодечно, гдѣ онъ хотѣлъ привести армію въ какой-нибудь порядокъ. Армія переставала существовать, разрушалась съ такою неимовѣрною быстротою, что, не видя средствъ спасти ее, Наполеонъ поневолѣ занялся предположеніями совсѣмъ другого рода: мыслью объ отъѣздѣ изъ Россіи. Слѣдовало только устранить одно затрудненіе: какъ показаться въ Парижѣ, когда всѣ бюллетени не преставали пять мѣсяцевъ трубить о побѣдахъ Наполеона въ Россіи? Бюллетени были за нумерами. 19-й возвѣстилъ о занятіи Москвы; послѣдующіе три содержали въ себѣ перечисленіе найденныхъ тамъ запасовъ, снарядовъ, и описаніе пожара. 23-й и 24-й были полны похвалъ русскому климату. Въ 25-мъ Наполеонъ говорилъ, что онъ выступилъ изъ Москвы, но оставилъ гарнизонъ въ Кремлѣ и идетъ на зимнія квартиры. 25-й бюллетень заключался слѣдующими словами: «Погода прекрасная, какъ во Франціи въ октябрѣ, даже немного теплѣе, но въ началѣ ноября будетъ холодно. Все заставляетъ помышлять о зимнихъ квартирахъ, особенно нужныхъ для конницы; пѣхота поправилась въ Москвѣ и находится въ отличномъ состояніи». Въ 26-мъ бюллетенѣ, изъ Боровска, представленъ обзоръ военныхъ дѣйствій, разумѣется, самымъ превратнымъ образомъ; въ окончаніи сказано: «12/24 октября императоръ надѣется выступить къ Двинѣ и занять тамъ позицію, приближающую его къ Петербургу и Вильнѣ. Русскіе не могутъ надивиться погодѣ: видимъ солнце и ясные дни Фонтенеблоскихъ прогулокъ. Мы находимся въ чрезвычайно богатомъ краю; его можно сравнить съ самыми плодоносными странами Франціи и Германіи». Въ 27-мъ бюллетенѣ, изъ Верен, изображено сраженіе при Малоярославцѣ, и между прочимъ сказано: «Русская армія разсѣяна; главная сила ея состоитъ изъ вновь пришедшихъ съ Дона полковъ». Потомъ двѣ недѣли не издавалось бюллетеней, и 28-й былъ присланъ изъ Смоленска, съ объявленіемъ, что началась зима, пало 3,000 обозныхъ лошадей и брошено до 100 зарядныхъ ящиковъ. О дальнѣйшемъ отступленіи арміи не сказано

было въ немъ ни слова, изъ чего въ подвластныхъ Наполеону и союзныхъ съ нимъ государствахъ заключали о намѣреніи его стать на зиму между Днѣпромъ и Двиною.

Дѣйствительно, театръ войны все ближе и ближе подходилъ къ нашимъ западнымъ границамъ, отъ чего иностраннымъ дворамъ облегчалась возможность получать настоящія свѣдѣнія о происходившемъ. Тогда Наполеонъ рѣшился выдать 29-й и послѣдній бюллетень, въ которомъ, не переставая утверждать, что онъ вездѣ былъ побѣдителемъ, изобразилъ въ рѣзкихъ чертахъ свои бѣдствія, выставляя причиною ихъ исключительно суровость зимы. «Лошади», говорилъ онъ, «погибали каждую ночь не сотнями, но тысячами; въ нѣсколько дней пало ихъ до 30.000; кавалерія очутилась пѣшкомъ, артиллерія и обозы безъ лошадей; надобно было бросать и истреблять большую часть пушекъ, снарядовъ и запасовъ; арміи, столь прекрасной 25 октября (6 ноября), нельзя было узнать 2 (14) ноября. Не имѣя конницы, нельзя намъ было и за версту посылать разъѣздовъ; безъ артиллеріи мы не имѣли возможности принять сраженія и принуждены были отступать, уклоняясь отъ битвы, такъ какъ по недостатку снарядовъ мы не могли желать боя. Притомъ нужно было занимать довольно большое пространство, безъ чего русскіе могли обойти насъ, и мы должны были идти въ совокупности, не имѣя кавалеріи, для составленія связи между колоннами и развѣдываній о непріятелѣ. Такія неудобства и чрезвычайный внезапно наступившій морозъ сдѣлали положеніе наше тягостнымъ. Люди, не одаренные отъ природы достаточною силою пренебрегать всѣми превратностями судьбы и счастья, лишились бодрости духа и веселости, помышляя только о напастяхъ. Напротивъ, другіе, имѣвшіе болѣе мужества, не измѣнились и находили новый родъ славы въ преодолѣніи предстоявшихъ имъ трудностей. Видя по дорогамъ слѣды злополучія нашей арміи, непріятель старался воспользоваться нашимъ положеніемъ. Всѣ наши колонны были окружены казаками; подобно аравитянамъ въ пустыняхъ, они отхватывали обозы». Затѣмъ слѣдуетъ длинное, но самое ложное описаніе сраженій подъ Краснымъ и на Березинѣ; въ заключеніе сказано, что первая потребность для арміи есть отдыхъ, и здоровье самого Наполеона не находилось никогда въ лучшемъ состояніи. Послѣднее обстоятельство было весьма естественно. Наполеонъ не дѣлилъ трудовъ съ арміею, ѣхалъ въ каретѣ, закутанный въ шубу, каждую ночь спалъ на кровати и, когда войска его пожирали человѣческое мясо, онъ, по обыкновенію сытно обѣдалъ и пилъ свое любимое бургонское вино.

29-й или, вѣрнѣе, похоронный бюллетень великой арміи долженъ былъ приготовить Европу къ извѣстію о несмѣтныхъ потеряхъ Наполеона и отъѣздѣ его изъ Россіи, къ чему онъ началъ тайно готовиться въ Молодечно. Однако-же, онъ не отважился отправиться въ путь, пока дорога въ Вильну не была обезпечена прибытіемъ войскъ, высланныхъ по его приказанію къ нему навстрѣчу. Проведя сутки въ Молодечно 23-го ноября онъ поѣхалъ въ Сморгоны, когда на пути изъ Раваницъ въ Радошкевичи, князь Кутузовъ прибылъ для ночлега въ Бѣлоручей, откуда приказалъ разослать по губерніямъ слѣдующее извѣстіе, интересное, потому что оно было напечатано въ самый день изданія Наполеономъ 29-го бюллетеня.

«Успѣхи россійской арміи въ преслѣдованіи непріятеля часъ

отъ часа становятся разительнѣе и быстрѣе. Каждый шагъ ея впередъ есть побѣда, гибельная для враговъ нашего отечества, для враговъ Европы. Теперь Россія представляетъ вселенной зрѣлище величественное, и смѣло можно сказать, что всѣ племена, не выключая и тѣхъ несчастныхъ рабовъ самовластія, которые вооружены противъ нея робостью и безсиліемъ, ожидаютъ побѣдъ ея, въ надеждѣ пріобрѣсть отъ нихъ миръ и благоденствіе. Съ одной стороны мы видимъ мужественную армію: полки ея не разстроены; воиновъ ея оживляетъ возвышенное чувство мщенія за родину, за расхищеніе отеческихъ городовъ и селъ, мщеніе за человѣчество; ихъ оживляетъ слава. Они не знаютъ изнуренія, не терпятъ нужды, а если иногда и ощущаютъ нѣкоторый недостатокъ, почти неизбѣжный при стремительномъ преслѣдованіи врага, то сносятъ оный бодро, ибо имѣютъ въ виду побѣду. Съ другой являются развалины страшнаго ополченія, въ которомъ многочисленныя націи иноплеменниковъ соединены были во-едино, дабы уничтожить могущественный народъ въ нѣдрѣ его отчизны. Ихъ ободрялъ успѣхъ, но этотъ успѣхъ былъ обманъ. Одинъ сильный ударъ привелъ въ разстройство сильную громаду; бѣгутъ, преслѣдуемые ужасомъ; имъ сопутствуетъ голодъ; не имѣя пищи, принуждены въ бѣшенствѣ отчаянія пожирать мертвыхъ лошадей, принуждены, чему едва повѣрятъ современники, какъ дикіе, съѣдать своихъ изнуренныхъ братій. Тѣ дороги, по которымъ мечтали они возвратиться съ добычею и торжествомъ, усѣяны мертвыми ихъ трупами. Раненые и больные брошены на пути въ жертву голоду и холоду. Всѣ эти несчастные, осужденные погибнуть вдали отъ своего отечества, на разныхъ языкахъ проклинаютъ властолюбіе, причиняющее ихъ погибель. А тѣ, которые остались еще подъ знаменами разстроенныхъ полковъ, слѣдуютъ за ними безъ мужества и надежды, слабы, потеряли довѣренность къ фортунѣ своего военачальника. Пушки ихъ достаются въ добычу сотнями; они сами сдаются цѣлыми отрядами; бросаютъ оружіе при первомъ выстрѣлѣ или сражаются изъ одного отчаянія. Таково положеніе двухъ армій, которыми теперь рѣшится судьба толикихъ народовъ».

Между тѣмъ, такъ-же поспѣшно, какъ отъ Березины, непріятели бѣжали изъ Молодечно до Сморгонъ, и такъ-же неутомимо преслѣдовали ихъ казаки и авангардъ Чичагова. Викторъ держался съ арріергардомъ у Молодечно, пока силы его позволяли, но онъ былъ сбитъ графомъ Оруркомъ, начальствовавшимъ надъ авангардомъ и потерялъ 9 орудій. Наши отряды, посланные въ разныя стороны забирали на проселочныхъ дорогахъ обозы, казенныя бумаги, частныя переписки, знамена, штандарты, пушки, плѣнныхъ, между которыми находились генералы, офицеры, чиновники различныхъ управленій и всякаго званія люди. Трофеямъ не было счета; число ихъ безпрестанно увеличивалось. Морозъ свирѣпѣлъ, бѣдствія непріятелей возрастали, и враги торопились, кто какъ могъ, въ Сморгоны, гдѣ, 24-го ноября, была главная квартира Наполеона.

Въ это-же время, согласно повелѣніямъ князя Кутузова, по разнымъ направленіямъ подвигались впередъ графъ Витгенштейнъ, Чичаговъ, Милорадовичъ и съ главною арміею Тормасовъ. Самъ фельдмаршалъ прибылъ 24-го ноября въ Радошкевичи и прожилъ тамъ два дня. Получая поминутно отовсюду донесенія объ успѣхахъ передовыхъ войскъ, травлѣ и гибели французовъ, онъ, какъ всегда,

чрезвычайно осторожный, полагалъ, что Наполеонъ могъ сдѣлать еще напряженіе послѣднихъ силъ и отважиться на крайнее средство— принять сраженіе подъ Вильною, съ войсками находившимися въ этомъ городѣ, присоединивъ къ нимъ корпусы князя Шварценберга, Ренье и Макдональда. Для предупрежденія такого покушенія, не выходившаго изъ области возможнаго, особенно со стороны непріятеля, каковъ былъ Наполеонъ, князь Кутузовъ послалъ въ Вильну лазутчиковъ, или, какъ онъ называлъ ихъ, конфидентовъ, подробно узнать о положеніи и замыслахъ непріятеля. На случай, если показанія ихъ подтвердятъ заключеніе о планахъ Наполеона принять сраженіе, фельдмаршалъ сдѣлалъ, 24-го ноября, особое распоряженіе. Особенное вниманіе Кутузовъ обращалъ на князя Шварценберга и Ренье потому что корпусы ихъ были многочисленны и хорошо сбережены. Еще до своего пріѣзда въ Радошкевичи, онъ велѣлъ Сакену принять всѣ мѣры къ воспрещенію имъ марша на Вильну и быть въ сношеніи съ главною арміею, шедшею на Ольшаны и Новыя Троки. Для содержанія связи съ Сакеномъ, былъ посланъ отрядъ графа Ожаровскаго.

Приготовленія Наполеона къ аттакѣ у Вильны оказались ненужными. Вскорѣ по пріѣздѣ его, 24-го ноября, въ Сморгоны, это мѣстечко наполнилось толпами бродягъ. Наполеонъ приказалъ раздавать свезенный въ Сморгоны провіантъ только имѣвшимъ оружіе солдатамъ, но при самомъ началѣ раздачи безоружные бросились на магазины и ограбили ихъ, въ присутствіи Наполеона. Тогда-же получено отъ Виктора донесеніе о невозможности болѣе держаться съ арріергардомъ. Вотъ собственныя слова его изъ донесенія къ Бертье: «Бывшее въ арріергардѣ 23-го числа дѣло есть послѣднее наше усиліе. Войска арріергарда доведены до крайности, и остатки ихъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что я нахожусь принужденнымъ ставить ихъ дальше отъ непріятеля, избѣгая всякой встрѣчи съ русскими. Я рѣшился на единственное, остающееся мнѣ средство спасенія: продолжать отступленіе, и буду сегодня ночевать въ 4-хъ льe отъ Сморгонъ. Наши ведеты въ виду русскихъ; вѣроятно, сегодня буду я столь-же сильно преслѣдуемъ, какъ вчера; думаю, что его величеству приличнѣе отъѣхать отъ насъ далѣе».

Наполеонъ рѣшилъ не откладывать далѣе своего намѣренія выбраться изъ Россіи. Путь казался ему безопаснымъ, такъ какъ онъ получилъ донесеніе о прибытіи изъ Вильны въ Ошмяны дивизіи Луазона и двухъ конныхъ неаполитанскихъ полковъ. 24-го ноября онъ призвалъ Мюрата, Бертье и начальниковъ другихъ уже не существовавшихъ корпусовъ: вице-короля, Даву, Нея, Мортье, Лефебра и Бессьера, и объявилъ имъ объ отъѣздѣ своемъ въ Парижъ, предварительно изложивъ въ пространной рѣчи политическія и военныя причины, сдѣлавшія присутствіе его во Франціи необходимымъ. Окончивъ рѣчь, онъ поручилъ Мюрату главное предводительство надъ остававшимися въ Россіи войсками и снабдилъ его слѣдующимъ письменнымъ повелѣніемъ: «Собрать армію въ Вильнѣ и держаться въ ней, расположась на зимнихъ квартирахъ между Вильною и Ковно. Австрійцамъ и сакцонцамъ стать на Нѣманѣ и прикрывать Брестъ, Гродно и Варшаву. Въ случаѣ наступленія русскихъ и невозможности удержаться на правой сторонѣ Нѣмана, заслонить правымъ крыломъ Варшаву и, если можно, Гродно; прочимъ войскамъ

стать на лѣвомъ берегу Нѣмана, сохраняя Ковно въ видѣ мостового укрѣпленія. Собрать большіе запасы въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Варшавѣ и Торнѣ. Все вывезти изъ Вильны и Ковно и тѣмъ облегчить наши движенія; вещи, наиболѣе цѣнныя, отправить въ Данцигъ».

Съ сжатымъ сердцемъ прощались маршалы съ своимъ повелителемъ, оставлявшимъ ихъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. Тѣмъ болѣе скорбѣли они, что не имѣли никакого довѣрія къ способностямъ Мюрата: онъ давно уже лишился твердости духа и помышлялъ только о личномъ спасеніи изъ Россіи.

Поѣздъ Наполеона состоялъ изъ взятыхъ у какого-то помѣщика кареты и саней; въ каретѣ сѣлъ онъ самъ съ Коленкуромъ, намѣреваясь подъ его именемъ тайкомъ проѣхать по Германіи; въ саняхъ помѣстились оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ Мутонъ; на козлахъ кареты были одинъ польскій офицеръ и мамелюкъ, всюду сопутствовавшій Наполеону со времени египетскаго похода. Въ такомъ скромномъ поѣздѣ трудно было узнать того, кто въ іюнѣ возглашалъ: «Судьба Россіи должна совершиться!» Въ 8-мъ часу вечера, при 28-ми градусахъ мороза, онъ отправился изъ Сморгонъ въ Парижъ и ночью прибылъ въ Ошмяны, гдѣ стояла дивизія Луазона, наканунѣ, 23-го, при самомъ вступленіи въ Ошмяны, аттакованная отрядомъ Сеславина. Наши гусары ворвались съ разныхъ сторонъ въ городъ, ударили врасплохъ на французовъ, изрубили караулъ и, между тѣмъ, брандскугелями зажгли магазинъ. Въ суматохѣ французы бросились изъ города, но потомъ остановились, замѣтивъ, что имѣютъ дѣло съ одною конницею. Сеславинъ долженъ былъ отступить, отошелъ верстъ на 10-ть къ Табаришкамъ и здѣсь находился въ то время, когда Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Ошмяны. Наполеонъ могъ своими глазами видѣть зарево огней, разложенныхъ въ нашемъ отрядѣ. Если-бы разъѣзды Сеславина стояли тогда на большой дорогѣ, чему, впрочемъ, препятствовалъ трескучій морозъ, плѣнъ Наполеона былъ-бы неизбѣженъ. За 28 верстъ отъ Вильны, въ Мѣдникахъ, Наполеонъ встрѣтилъ своего наперсника Маре и на вопросъ его объ арміи, отвѣчалъ: «Арміи нѣтъ; нельзя назвать арміею толпы солдатъ и офицеровъ, безъ обуви и одежды, въ 26 градусовъ стужи, всюду скитающихся для отысканія пищи и крова. Еще можно составить изъ нихъ войско, если въ Вильнѣ найдутся продовольствіе и одежда. Но главный штабъ мой ни о чемъ не заботился, ничего не предвидѣлъ». Маре представилъ вѣдомость о состояніи огромныхъ виленскихъ магазиновъ и увѣрялъ, что въ Вильнѣ армія ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка. Наполеонъ съ удивленіемъ воскликнулъ: «Что вы говорите? Неужели это—правда? Вы возвращаете мнѣ жизнь. Убѣждайте Мюрата въ возможности держаться въ Вильнѣ, по крайней мѣрѣ недѣлю; между тѣмъ, пусть онъ соберетъ армію, сколько-нибудь устроитъ ее и продолжаетъ отступленіе не въ такомъ жалкомъ состояніи». Наполеонъ посадилъ Маре съ собою въ карету и, не желая во время бѣгства своего быть узнаннымъ въ Вильнѣ, объѣхалъ городъ и остановился для перемѣны лошадей на концѣ Ковенскаго предмѣстья въ уединенномъ домикѣ, вокругъ котораго всѣ сосѣднія строенія были истреблены недавнимъ пожаромъ. Тутъ онъ простился съ Маре и уѣзжая сказалъ ему: «Надѣюсь, вы успѣете уговорить Мюрата; онъ можетъ дать другой видъ отступленію и спасти армію; объявите ему, что я на него полагаюсь». Потомъ во всю прыть лошадей онъ

понесся въ Ковно и проведя въ Россіи 5 мѣсяцевъ и 14 дней, на зарѣ 26-го ноября, въ праздникъ святого Георгія Побѣдоносца, вырвался бѣглецомъ изъ нашихъ границъ.

VI.

Занятіе Вильны.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи было послѣднимъ ударомъ для его арміи. Узнавъ объ его отъѣздѣ, войска кричали: «Онъ бѣжитъ, какъ изъ Египта, оставляя насъ на жертву!» По его примѣру генералы, офицеры и солдаты начали думать единственно о своемъ личномъ спасеніи. Главное начальство, возложенное на Мюрата, было только названіемъ, не дававшимъ ему никакой существенной власти. Подчиненность болѣе не связывала разсыпавшихся людей, носившихъ еще названіе великой арміи. Дѣйствія Мюрата ограничивались однимъ назначеніемъ ночлеговъ для главной квартиры и направленіемъ бѣгства толпамъ, при морозахъ, державшихся постоянно между 25-ю и 27-ю градусами. Предсказаніе Виктора о невозможности арріергарду устоять также начало сбываться. Продолжая напирать, Чаплицъ схватилъ 24-го ноября непріятельскіе пикеты и подошелъ къ Сморгонамъ. Тутъ французы имѣли въ готовности войска и батареи для встрѣчи русскихъ, но, увидѣвъ казаковъ, вмѣсто своихъ передовыхъ отрядовъ, побѣжали въ Ошмяны, не успѣвъ даже по своему обыкновенію сжечь мѣстечко. Они подложили въ разныхъ мѣстахъ огонь, но пожаръ былъ нашими потушенъ. Въ этотъ день взято 25 орудій и въ числѣ ихъ 3 русскія пушки; взято въ плѣнъ до 3,000 человѣкъ.

Въ Ошмянахъ Мюратъ надѣялся составить арріергардъ изъ дивизіи Луазона, заключавшей въ себѣ при выступленіи изъ Вильны 10,000 человѣкъ. Изъ нихъ въ три дня погибло отъ мороза 7,000; остальные съ большимъ трудомъ держали ружья. Два находившіеся съ Луазономъ неаполитанскіе конные полка понесли еще большую убыль. Проходя черезъ Вильну, половина ихъ замерзла, а по прошествіи двухъ дней остальные умерли на дорогѣ или были привезены назадъ въ Вильну, съ отмороженными ногами, руками и лицами. Лютая стужа, отъѣздъ Наполеона и неоступные напоры авангарда Дунайской арміи и летучихъ отрядовъ произвели между французами такое смятеніе, что отъ Ошмянъ они бѣжали до Вильны безъ арріергарда. Плѣнныхъ взято въ Ошмянахъ до 2,000. «Гораздо болѣе набирать-бы ихъ можно», доносилъ Чичаговъ Кутузову: «всѣ, которые только настигаются, падаютъ во власть нашу, но, отдѣляя для препровожденія ихъ команды, авангардъ могъ-бы себя ослабить, для того непріятели остаются бродящими и безоружными». Князь Кутузовъ отвѣчалъ: «Одно быстрое преслѣдованіе только можетъ дать такую чувствительную поверхность надъ непріятелемъ, уже отъ 6-го октября бѣгущимъ и утомленнымъ. Не взирая на сіе, предлагаю вамъ продолжать ваше преслѣдованіе».

Чичаговъ усердно исполнялъ волю фельдмаршала и не отставалъ отъ авангарда. Когда онъ 26-го подходилъ къ Ошмянамъ, князь Кутузовъ переѣхалъ изъ Радошкевичей въ Молодечно, графъ Витгенштейнъ шелъ на Неставишки, Тормасовъ съ главною арміею къ Ракову; Милорадовичъ былъ между Воложинымъ и Вишневымъ. 27-го ноября непріятели бѣжали чрезъ Мѣдники къ Вильнѣ. Дорога стано-

вилась гористѣе; на всѣхъ возвышеніяхъ и пригоркахъ стояли покинутые ящики, фуры, экипажи, пушки; отъ Ошмянъ до Мѣдниковъ насчитали 16, а отъ Мѣдниковъ до Вильны 31 брошенныхъ орудій. Вездѣ валялись умиравшіе, замерзшіе непріятели и ихъ обнаженные трупы. Колеса нашей артиллеріи можжили члены ихъ и черепа, вдавливали и втаптывали кости ихъ въ снѣгъ. Во многихъ мѣстахъ тѣла были навалены одно на другое въ различныхъ положеніяхъ, съ тѣми искривленными лицами, какія бываютъ у людей, замерзавшихъ въ борьбѣ съ смертью. Иной сидѣлъ оскаливъ зубы, другой стоялъ съ сжатымъ, грозящимъ кулакомъ, третій съ распростертыми руками глядѣлъ вытаращивъ глаза; кто лежалъ на спинѣ, поднявши ноги, кто стоялъ на головѣ вверхъ ногами. 27-го ноября, Чаплицъ миновалъ Мѣдники и приближался къ Вильнѣ такъ поспѣшно, какъ только позволяло изнуреніе отряда. Артиллерійскія лошади его едва передвигали ноги. Онѣ похожи были на англезированныхъ, потому что отъ голода отъѣдали одна у другой хвосты. Подъ пушками оставались по двѣ лошади, подъ зарядными ящиками по одной. Лѣвѣе Чаплица шелъ графъ Платовъ на Рудоминъ, для аттаки Вильны съ Слонимской дороги, если-бы непріятель вознамѣрился держаться въ Вильнѣ; въ противномъ случаѣ атаманъ хотѣлъ выступить къ Понарамъ, на Ковенскую дорогу. Впереди графа Платова были Кайсаровъ и Сеславинъ. Князь Кутузовъ переѣхалъ въ Сморгоны. Главная армія и Милорадовичъ шли безъ дневокъ. Графъ Витгенштейнъ прибылъ въ Неставишки; отряды его были въ Нѣменчинѣ, откуда пошли партіи вправо для открытія Макдональда.

Тѣснимые съ тыла и фланговъ французы торопились въ Вильну, гдѣ, какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ въ Смоленскѣ, надѣялись встрѣтить свѣжія войска, найти убѣжище, пищу, конецъ своихъ страданій. Мюратъ опередилъ толпы и пріѣхалъ въ Вильну утромъ 27-го ноября. Маре тотчасъ поспѣшилъ къ нему и объявилъ повелѣніе Наполеона держаться въ Вильнѣ, но нашелъ Мюрата совершенно разстроеннымъ, неспособнымъ ни мыслить, ни дѣйствовать. Выслушавъ повелѣніе Наполеона, онъ вскричалъ: «Нѣтъ! я не останусь въ этомъ котлѣ на жертву русскимъ!» Черезъ полчаса явился къ нему начальникъ главнаго штаба арміи, Бертье, за приказаніями. «Вы лучше меня знаете, что надобно дѣлать», отвѣчалъ Мюратъ, «распоряжайтесь сами».—«Не я командую арміею», возразилъ Бертье, «прошу повелѣній; я разошлю ихъ». Споръ продолжался долго. Мюратъ не отдавалъ приказаній, а Бертье никакъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности и безъ разрѣшенія Мюрата приступать къ какимъ-либо распоряженіямъ. Свидѣтель забавнаго явленія, происходившаго между главнокомандующимъ и первымъ его помощникомъ, Маре увидѣлъ, что погибель арміи безвозвратна и въ Россіи дѣлать ему болѣе нечего. Онъ откланялся Мюрату и поѣхалъ въ Варшаву, куда наканунѣ отправился дипломатическій корпусъ, такъ поспѣшно, что нѣсколько дипломатовъ, не зная, какія предосторожности слѣдуетъ принимать, пускаясь въ дорогу въ зимнее время, отморозили члены. Посланникъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, не достигнувъ Варшавы, умеръ отъ мороза. Неаполитанскій посланникъ Бранчіа не успѣлъ выѣхать изъ Вильны и былъ взятъ въ плѣнъ. Часа черезъ два Мюратъ выспался, пришелъ въ себя и рѣшился держаться въ Вильнѣ, какъ можно долѣе.

Пока принимали мѣры для защиты города и посылали вооруженныхъ къ заставамъ, толпы безоружныхъ валили въ Вильну. Жители, еще наканунѣ убѣжденные лживыми обнародованіями Маре въ существованіи великой арміи, съ изумленіемъ смотрѣли на изуродованныхъ страшилищъ, все болѣе и болѣе наполнявшихъ собою улицы. Сперва дома и лавки были открыты, но вскорѣ ихъ заперли, опасаясь грабежа. Начальство хотѣло учредить правильную раздачу хлѣба и вина изъ запасовъ, находившихся въ Вильнѣ. Боясь подвергнуться отвѣтственности, коммиссіонеры не выдавали продовольствія толпамъ, которыя не могли представить правъ на полученіе провіанта, ни выдать потомъ квитанцій въ удовлетворенія. Голодные падали передъ дверями магазиновъ, не получивъ куска хлѣба, чѣмъ могли спасти или продлить свою жизнь. Въ другихъ мѣстахъ города, мучные и винные магазины были разбиты, разграблены и опустошены доведенными до отчаянія солдатами. Многіе, опьянѣвъ, падали на улицахъ и умирали. Больные, пришедшіе въ госпитали, нашли, что они набиты не только умиравшими, но даже мертвыми; трупы гнили на лѣстницахъ, въ корридорахъ, въ самыхъ покояхъ, гдѣ лежали страдальцы, пережившіе другихъ.

Посреди такого безначалія раздались у заставы пушечные выстрѣлы Севлавина. Онъ подошелъ къ Вильнѣ, аттаковалъ заднія французскія войска и разсѣялъ ихъ картечью. Остатки непріятельской кавалеріи хотѣли удержать его; Сеславинъ разогналъ кавалерію, ворвался въ городъ, взялъ 6-ть орудій и штандартъ, но, встрѣченный пѣхотою, былъ принужденъ вывести своихъ гусаръ назадъ изъ улицъ. Французы засѣли въ домахъ и, производя изъ нихъ ружейную пальбу, останавливали дальнѣйшія нападенія коннаго отряда Сеславина, къ которому, между тѣмъ, присоединился Ланской. Потомъ подоспѣлъ Чаплицъ и поставилъ пикеты подъ самымъ городомъ. Въ то время графъ Платовъ продолжалъ движеніе чрезъ Рудоминъ къ Ковенской дорогѣ, намѣреваясь отрѣзать непріятелямъ отступленіе изъ Вильны. Въ подкрѣпленіе авангарда, Чичаговъ послалъ корпусъ Воинова, но князь Кутузовъ приказалъ ему не напирать сильно на Вильну, въ избѣжаніе большой потери людей. «Я полагаю», писалъ онъ Чичагову, «что дороги Ковенская и Лидская заняты отрядами вашими, а Вилькомирская отрядами графа Витгенштейна, чѣмъ совершенно пресѣчется непріятелю выходъ изъ города». На случай, если-бы французы упорствовали въ защитѣ Вильны, князь Кутузовъ велѣлъ Милорадовичу прибыть усиленными маршами къ Рудомину. Но, такъ какъ было вѣроятнѣе, что французы очистятъ Вильну, то фельдмаршалъ приказалъ Чичагову и графу Платову: 1) при занятіи Вильны не причинять ни малѣйшей обиды обывателямъ, давъ имъ залоги и разставивъ на первое время конные караулы; 2) не останавливаться въ Вильнѣ и продолжать дѣйствія на пораженія непріятеля.

При первыхъ выстрѣлахъ Сеславина у Острабрамской заставы, Мюратъ переселился съ главнымъ штабомъ въ кофейный домъ на Погулянкѣ. Здѣсь, узнавъ о движеніи русскихъ на Ковенскую дорогу, онъ опять впалъ въ уныніе, отложилъ принятое намѣреніе защищаться въ Вильнѣ и помышлялъ единственно о скорѣйшемъ отступленіи. Вокругъ кофейнаго дома расположилась пѣшая гвардія Наполеона, состоявшая только изъ 700 человѣкъ. Нею былъ порученъ арріергардъ, составленный изъ остатковъ корпуса Вреде, дивизіи Луазона

и разныхъ сборныхъ командъ, едва державшихъ свои ружья. Рѣшившись отступать, Мюратъ не отважился пускаться въ путь безъ сопровожденія гвардіи, но, такъ какъ ей нужно было подкрѣпить себя хоть нѣсколькими часами отдыха, то онъ остался до ранняго утра на Погулянкѣ, намѣреваясь потомъ безъ остановокъ добраться до Ковно. Ночью онъ послалъ къ Нею повелѣніе держаться въ Вильнѣ, пока не вывезетъ изъ нея артиллеріи, коммиссаріатскихъ запасовъ, и особенно денежной казны, состоявшей изъ 10-ти милліоновъ франковъ, подъ которую велѣно было впрягать артиллерійскихъ лошадей, а также пока не сожгутъ ружей, зарядныхъ ящиковъ и прочаго, чего нельзя будетъ спасти. Въ ту-же ночь Бертье писалъ князю Шварценбергу, Ренье и Макдональду, что, вѣроятно, главная армія отступитъ за Нѣманъ на зимнія квартиры, вслѣдствіе чего князю Шварценбергу назначалось идти къ Бѣлостоку, для прикрытія варшавскаго герцогства, а Макдональду на Тильзитъ, для соединенія съ арміею. Обоимъ приказано было производить движенія какъ можно медленнѣе, и повелѣнія объявлены были маршаломъ Бертье отъ имени Наполеона, объ отъѣздѣ котораго онъ не извѣщалъ отдѣльныхъ корпусныхъ командировъ, а потому они были увѣрены, что Наполеонъ находился въ Вильнѣ, и не могли знать о несуществованіи арміи.

28-го ноября въ 4 часа утра, Мюратъ выѣхалъ изъ Погулянки въ каретѣ, съ Бертье; за ними, окутанные до ушей, слѣдовали Даву, вице-король, Мортье, Лефебръ и Бессьеръ, гвардія и безоружныя толпы, частью выступившія въ путь ранѣе бывшихъ своихъ корпусныхъ начальниковъ. Тогда-же, заваливъ чѣмъ было можно городскія ворота, Ней выходилъ изъ Вильны съ арріергардомъ, не ожидая, какъ ему было приказано, вывоза изъ города или истребленія всего непріятельскаго казеннаго имущества, потому что за часъ или два промедленія, Ней могъ заплатить плѣномъ всего арріергарда. По сторонамъ арріергарда, впереди и сзади брели безоружные. Когда начало свѣтать, появился отрядъ графа Орлова-Денисова у Ковенской дороги между Вильною и Понарскою горою, два раза ходилъ въ аттаку и взялъ въ плѣнъ болѣе 1,000 человѣкъ. Во время дѣла пришелъ графъ Платовъ и послалъ къ проходившимъ по дорогѣ непріятелямъ требовать сдачи, получилъ отказъ и аттаковалъ французовъ съ разныхъ сторонъ. Колонны и толпы ихъ были разорваны на двое; сопротивлявшіеся изрублены, другіе взяты въ плѣнъ, причемъ захвачено 2 знамени и 2 штандарта. Потомъ сзади и съ обѣихъ сторонъ дороги преслѣдовали непріятеля картечами и казаками. У подошвы Понарской горы, Ней успѣлъ поставить въ боевой порядокъ пять кучекъ, ввидѣ колоннъ, человѣкъ по 400 въ каждой, и остановилъ на нѣкоторое время преслѣдованіе, пока непріятели боролись съ новыми трудностями на Понарской горѣ. При обыкновенномъ и правильномъ отступленіи можно было-бы на этой горѣ занять выгодную позицію и удерживать преслѣдующаго непріятеля, но въ бѣгствѣ французовъ изъ Россіи, когда исчезла всякая тѣнь порядка, Понарская гора сдѣлалась для нихъ камнемъ преткновенія. Мюратъ и шедшіе въ головѣ французы достигли до нея въ 5-ть часовъ утра, до разсвѣта и начала аттаки графа Орлова-Денисова. Лошади не могли взбираться на скользкую возвышенность, выбивались изъ силъ и падали на льдистой крутизнѣ. Обозы стѣснились до того, что, выдѣзши изъ каретъ и саней, Мюратъ и маршалы должны были пѣш-

комъ прокладывать себѣ путь вправо и влѣво съ дороги, по лѣсу, и нѣсколько разъ проваливались въ снѣгъ. Они велѣли жечь обозы, желая очистить путь для денежной казны, и выбирали изъ повозокъ золото и столовые серебряные приборы Наполеона, навьючивая ихъ на верховыхъ и упряжныхъ лошадей. Успѣли спасти всѣ лично Наполеону принадлежавшія вещи, но изъ казны только малую часть, другую-же, большую, принуждены были бросить, потому что сзади начали раздаваться пушечные выстрѣлы и на обозы напирали уже толпы, преслѣдуемыя казаками. Мюратъ и маршалы ускакали впередъ; за ними поспѣшилъ арріергардъ Нея и очистилъ дорогу донцамъ. Во время прохожденія Нея по горѣ, уставленной обозами, вокругъ которыхъ продолжался грабежъ, посыпались деньги изъ одной опрокинутой фуры. Безоружныя толпы и часть арріергарда, увидя, чѣмъ были нагружены фуры, не думали болѣе о близкомъ преслѣдованіи казаковъ; корысть взяла верхъ надъ неминуемою опасностью умереть подъ дротиками донцевъ или быть взятыми въ плѣнъ. Французы бросались на повозки съ казною, ломали ихъ, хватали золото, кто сколько могъ, и пускались бѣжать. На эту свалку примчались казаки и при видѣ добычи остановились и начали обирать ее, вмѣстѣ съ непріятелемъ. У Понарской горы французы покинули свои остальные обозы и 28 орудій съ зарядными ящиками.

Во время дѣйствій графа Платова между Погулянкою и Понарами, Чаплицъ аттаковалъ Вильну. Къ нему присоединились авангарды отрядовъ графа Витгенштейна. Остробрамскія ворота были завалены лѣсомъ и повозками, изъ-за которыхъ заднія войска арріергарда Нея производили ружейный огонь. Посланные Чаплицомъ въ обходъ егеря пройдя по Субботской улицѣ, вырубили палисады и ворвались въ городъ. Французскіе стрѣлки частью сдались, частью обратились въ бѣгство и были переловлены по одиночкѣ. Въ Вильнѣ происходило общее смятеніе. Оно началось наканунѣ, съ прибытіемъ туда первыхъ непріятельскихъ войскъ, и продолжалось всю ночь. Непріятели предались истинному отчаянію, узнавъ, что въ Вильнѣ не останутся на зимнихъ квартирахъ, чѣмъ до тѣхъ поръ старались ихъ утѣшать, и что попрежнему надобно имъ бѣжать далѣе. Многіе изъ нихъ по приходѣ въ Вильну нашли помѣщеніе въ домахъ, сытный обѣдъ и мягкую постель. Житейскія удобства привели въ восторгъ людей, съ самой Москвы не знавшихъ другой пищи, кромѣ падалища и человѣческаго мяса, другого ложа, кромѣ замерзлой земли, иной покрышки, кромѣ снѣжныхъ облаковъ зимняго неба. Отыскавъ пріютъ и средства утолить голодъ и согрѣть оледенѣвшее тѣло, они воображали себя въ раю и внезапно были встревожены барабанами, которые били по улицамъ сборъ, когда Мюратъ приказалъ выступать. Многіе не повиновались призыву барабаннаго боя и не выходили изъ теплыхъ домовъ. Утромъ раздались отдаленные крики: «ура! ура!» и потомъ близкія восклицанія: «казаки!» Эти восклицанія, служившія во время бѣгства непріятелей вѣрнымъ средствомъ для подъема ихъ, заставили французовъ выбѣжать на улицы. Тысячи разсѣялись по городу; одни стремились къ заставамъ, другіе кричали, что лучше отдаться въ плѣнъ, чѣмъ продолжать гибельное отступленіе. Даже придворные служители и конюшіе, находившіеся при экипажахъ Наполеона, не хотѣли выѣхать изъ Вильны и взбунтовались противъ своего начальника; состоявшіе при обозѣ Наполеона

отборные жандармы разбѣжались. Отъ тѣсноты не было прохода на улицахъ; сами генералы были принуждены съ саблею въ рукахъ очищать себѣ дорогу. Евреи, старые и молодые, высыпали на французовъ, выталкивали ихъ изъ домовъ, били на улицахъ, а особенно гвардейцевъ, которые болѣе всѣхъ мучили ихъ. Во весь походъ гвардія Наполеона почти не сдѣлала ни одного выстрѣла: первымъ и послѣднимъ ея подвигомъ въ Россіи былъ кулачный бой съ евреями.

Быстрое занятіе Вильны русскими сохранило ее отъ разоренія и пожаровъ. На всемъ пути отъ Москвы она была единственнымъ уцѣлѣвшимъ городомъ. Въ магазинахъ ея мы нашли большіе склады коммиссаріатскихъ вещей и провіантскихъ запасовъ: новыхъ мундировъ, башлаковъ, ружей, сумокъ, сѣделъ, шинелей, киверовъ, медвѣжьихъ шапокъ и прочаго; ржи 14,000 и муки 5,000 четвертей; пушекъ въ арсеналахъ 41. Въ плѣнъ досталось 7 генераловъ, 18 штабъ и 224 оберъ-офицеровъ и 9,517 нижнихъ чиновъ, да въ госпиталяхъ 5,139 больныхъ. Кромѣ того, были взяты расположенные въ ближнихъ деревняхъ магазины, и изъ окрестностей города по нѣсколько дней были приводимы тысячами разбѣжавшіеся непріятели. При вступленіи нашихъ въ Вильну, наполнявшіе ее французы кричали: ура! Пѣхота авангарда Дунайской арміи остановилась въ Вильнѣ, но конница, подъ начальствомъ графа Орурка, тотчасъ прошла черезъ городъ на соединеніе съ графомъ Платовымъ, который, съ трудомъ пробравшись сквозь Понарскую тѣснину, загроможденную обозами, лошадьми, людьми, сугробами снѣга, преслѣдовалъ непріятелей по дорогѣ въ Ковно.

Князь Кутузовъ немедленно отправился изъ Сморгонъ, когда получилъ донесеніе о занятіи своей любимой Вильны, которую обыкновенно называлъ своею «доброю Вильною», состоя въ ней дважды военнымъ губернаторомъ, въ первый разъ при императорѣ Павлѣ, удостоивавшемъ его, какъ и великая Екатерина, особеннымъ благоволеніемъ; а въ другой разъ въ 1809-мъ году. 30-го ноября, въ 8-мь часовъ вечера, фельдмаршалъ пріѣхалъ въ Вильно и былъ встрѣченъ у заставы комендантомъ и коннымъ конвоемъ, а въ замкѣ Чичаговымъ. Въ главной квартирѣ мгновенно произошла поразительная перемѣна противъ того, что привыкли мы видѣть отъ самой Москвы. Вмѣсто разоренной деревушки, наполненной одними кочевавшими въ ней военными и должностными людьми, вмѣсто крестьянской избы, куда входъ бывалъ прямо изъ сѣней, и въ которой видали князя Кутузова на складныхъ креслахъ, облокотившагося на планы и карты, борющагося съ первымъ полководцемъ нашего вѣка,—явился замокъ, вокругъ заставленный каретами, колясками, санями. Толпы дворянъ и чиновниковъ, въ губернскихъ русскихъ мундирахъ, плѣнные генералы и офицеры всѣхъ державъ, иные на костыляхъ, страждущіе, блѣдные, другіе бодрые, веселые, депутаты университета, города, еврейскихъ кагаловъ, поэты съ одами,—всѣ тѣснились на крыльцѣ. на лѣстницѣ и въ залахъ фельдмаршала. Въ театрѣ давали представленіе; на сценѣ сіяло ярко освѣщенное изображеніе Кутузова, съ надписью: «Избавителю Отечества».

Не выходя изъ замка, въ тотъ же вечеръ князь Кутузовъ разослалъ въ арміи и отдѣльные корпусы заблаговременно составленныя имъ распоряженія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Они имѣли цѣлью пре-

слѣдовать Мюрата, вытѣснить изъ Россіи князя Шварценберга, Макдональда и Ренье.

Но изнуреніе войска, трудности зимняго похода и вскорѣ полученныя донесенія объ успѣхахъ графа Платова въ преслѣдованіи Мюрата побудили фельдмаршала сдѣлать въ первоначальномъ планѣ измѣненія. Они заключались въ томъ, чтобы только корпусъ графа Платова и авангарды Чичагова и графа Витгенштейна преслѣдовали непріятеля до самой Вислы, а арміи двухъ послѣднихъ, простоявъ на мѣстѣ 3 дня, для отдыха и присоединенія къ нимъ артиллерійскихъ и провіантскихъ парковъ, выступили 3-го декабря и остановились на правомъ берегу Нѣмана. Причины, побуждавшія князя Кутузова къ такому измѣненію изложены въ слѣдующемъ его донесеніи государю:

«Главная армія, бывъ въ безпрерывномъ движеніи отъ Москвы до здѣшнихъ мѣстъ, на пространствѣ почти 1,000 верстъ, нѣсколько разстроилась: число ея примѣтно уменьшилось; люди, дѣлая форсированные марши и находясь день и ночь то въ авангардѣ, то въ безпрестанномъ движеніи для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля, въ очевидное пришли изнуреніе; многіе изъ нихъ отстали и только во время отдохновенія арміи догнать ее могутъ. Въ уваженіе сихъ обстоятельствъ, дабы войска Вашего Императорскаго Величества привесть въ желаемое состояніе и съ лучшими успѣхами дѣйствовать потомъ на непріятеля, я положилъ дать здѣсь отдыхъ главной арміи на нѣсколько дней, что, однако-же, можетъ продлиться до двухъ недѣль. Армія адмирала Чичагова и корпусъ графа Витгенштейна, хотя также должны были выступить 1-го декабря, но, какъ и у нихъ отъ форсированныхъ маршей и ежедневнаго движенія отстало много людей, а притомъ и запасы не подоспѣли еще къ нимъ, то по сей необходимости приказалъ я имъ выступить 3-го числа. Главная причина нынѣшняго ослабленія арміи происходитъ отъ того, что тысячами иногда усталыхъ и заболѣвшихъ должно было оставлять на дорогѣ, которые хотя и оправились и отдохнули, но по скорости движенія арміи никакъ оную догнать не могутъ. Сверхъ того, догоняютъ армію 15 батальоновъ комплектныхъ генералъ-маіора князя Урусова и до 20,000 выздоровѣвшихъ изъ разныхъ госпиталей и отсталыхъ, по дорогамъ собранныхъ, но всѣ части, не изнуряя людей своихъ, не могутъ никакимъ образомъ слѣдовать такъ скоро за арміею, которая, не взирая ни на какіе предметы, должна была идти за непріятелемъ, не упуская его изъ вида и изъ рукъ. Признаться должно, ежели-бы не пріостановясь продолжать еще дѣйствія верстъ на полтораста, тогда, можетъ быть, разстройка достигла-бы до такой степени, что надобно-бъ было, такъ сказать, снова составлять армію. Отъ самаго Тарутина до Вильны не должно было входить ни въ какія уваженія, а только бѣжать за бѣгущимъ непріятелемъ. Сколь ни ослабѣла армія, но непріятель почти истребленъ. Не менѣе, однако, должно заботиться армію Вашего Величества въ теченіе зимы сдѣлать столько-же страшною числомъ, сколько ужасною мужествомъ».

По строевому рапорту, представленному государю, у насъ находилось подъ ружьемъ по занятіи Вильны: 86,133 человѣка и 533 орудія.

Убыль въ людяхъ произошла отъ сраженій, безпрестанныхъ ошибокъ, биваковъ въ морозы, превышавшіе 25 градусовъ, маршей по дорогамъ и селеніямъ, гдѣ свирѣпствовали занесенныя непріяте-

лями прилипчивыя болѣзни, даже отъ употребленія изъ рѣкъ и озеръ воды, зараженной гніеніемъ тѣлъ. На обширномъ пространствѣ отъ Калужской губерніи до Нѣмана, въ глубокую осень и зиму, движенія войскъ сопряжены были съ неимовѣрными трудностями. Часто артиллерія прорѣзывала пути по глубокимъ снѣгамъ, пѣхота и конница пробирались дремучими лѣсами, но при всѣхъ переносимыхъ трудахъ, не взирая на грязь, холодъ и скудость въ продовольствіи, войска дѣлали усиленные переходы, иногда верстъ по 30-ти и болѣе. Кто былъ въ полушубкѣ, кто въ тулупѣ, кто въ кеньгахъ, въ валенкахъ; у большей части лица обернуты были тряпками, такъ что, если не считать оружія, люди не походили на солдатъ. Офицеры одѣты были немного лучше. Они и генералы шли пѣшкомъ, потому что отъ холода нельзя было долго удержаться на лошади; кто садился на лошадь, долженъ былъ скоро соскакивать и нѣсколько верстъ бѣжать, чтобы согрѣться. Многіе заболѣвали, отмороживали себѣ члены и оставались назади. Въ казачьихъ полкахъ, бывшихъ въ Тарутинѣ комплектными, считалось въ началѣ декабря по 150-ти человѣкъ; особенно ослабѣла регулярная конница; иные полки состояли изъ 60-ти человѣкъ; полкъ, имѣвшій на-лицо отъ 120-ти до 150-ти человѣкъ строевыхъ, считался сильнымъ. Подвижные магазины частью истощились, частью отстали. Тогда начали подвозить хлѣбъ изъ губерній Могилевской и Минской, съ лѣвой стороны дороги, потому что правая была совсѣмъ разорена непріятелемъ. По переходѣ черезъ Березину пришло 2,000 четвертей муки изъ Бобруйской крѣпости, въ этомъ случаѣ оказавшей большую пользу. Вообще скорость преслѣдованія была такова, что подводы рѣдко могли во время подоспѣвать. Люди оставались-бы безъ пищи, если-бы не помогали подъемныя полковыя лошади, находившіяся въ полномъ распоряженіи полковыхъ командировъ и употребляемыя ими для дальнихъ фуражировокъ. Когда особенно терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и по суткамъ не ѣли офицеры и солдаты, князь Кутузовъ останавливалъ на дорогѣ колонны, указывалъ имъ на торжество Россіи и необходимость послѣднихъ усилій, увѣщевая къ презрѣнію непогодъ и голода. Питавшее къ маститому вождю безпредѣльное почитаніе войско радостно привѣтствовало его слова и восклицало, что готово умереть съ нимъ. Вотъ образчикъ разговоровъ князя Кутузова съ солдатами. Подъѣхавъ къ Измайловскому полку, онъ спросилъ: «Есть-ли хлѣбъ?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость».—«А вино?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость».—«А говядина?»—«Тоже нѣтъ».—Принявъ грозный видъ, князь Кутузовъ сказалъ: «Я велю повѣсить провіантскихъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать».—«Покорнѣйше благодаримъ!»—«Да, вотъ что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодѣй-то, не дожидаясь васъ, уйдетъ».—Въ одинъ голосъ воскликнули гвардейцы: «Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять!» При этихъ словахъ, поднявъ глаза къ небу и утирая слезы, фельдмаршалъ сказалъ: «Великій Боже! чѣмъ возблагодарить Тебя за милость, что имѣю счастье командовать такими молодцами!»—Неумолкаемое ура! было отвѣтомъ измайловцевъ.

Получивъ донесенія князя Кутузова о данномъ имъ приказаніи остановиться арміямъ на нѣкоторое время въ Вильнѣ и на Нѣманѣ, государь отвѣчалъ ему:

«Поверхность наша надъ непріятелемъ, разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощію Всевышняго и искусными распоряженіями вашими, и вообще положеніе дѣлъ нынѣшнихъ требуютъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, и потому ничто не позволяетъ остановиться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріятеля, ни на самое короткое время въ Вильнѣ. Уважая причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенныя, нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая-бы собрала оставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и баталіоны генералъ-маіора князя Урусова, а прочимъ всѣмъ войскамъ, какъ большой арміи, такъ арміи адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна, слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ имѣть ту-же цѣль: отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его».

За нѣсколько дней до подписанія этого рескрипта, 30-го ноября, былъ объявленъ рекрутскій наборъ по 8-ми человѣкъ съ 500 душъ, съ повелѣніемъ начать его по обнародованіи манифеста въ губерніяхъ черезъ двѣ недѣли и окончить въ теченіе мѣсяца. Въ манифестѣ объ этомъ наборѣ сказано:

«Хотя по неизреченной къ Намъ милости Божіей огромныя непріятельскія силы побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ и храбрымъ народомъ сокрушены и малые остатки оныхъ ищутъ спасенія своего въ поспѣшномъ изъ Россіи бѣгствѣ, однако, для постановленія на твердомъ основаніи прочнаго мира и желаемаго спокойствія, нужно еще войскамъ нашимъ быть въ такомъ числѣ, которое-бы достаточно было поддержать достоинство и славу Россіи. Рогъ сильнаго сломленъ, но предстоитъ еще надобность не дать снова возникнуть могуществу врага и уменьшить власть его надъ другими слабѣйшими народами, которыхъ принуждаетъ онъ повиноваться и служить ему изъ страха. Пространная, богатая, миролюбивая Россія не ищетъ завоеваній, не алчетъ чужихъ сокровищъ, не дерзаетъ присвоять себѣ Богу единому приличной власти располагать престолами Царей: она желаетъ только спокойствія и тишины каждому и всѣмъ. Но при всей кротости и умѣренности своей не потерпитъ и не можетъ она терпѣть дать волю злобѣ устремляться на разрушеніе собственнаго ея и другихъ земель благоденствія. Всѣ силы напряжаетъ она для обузданія дерзости и сохраненія вѣры своей и свободы. По симъ причинамъ, сколь ни тяжко сердцу Нашему обременять народъ Нашъ частыми наборами рекрутъ, отрывая земледѣльцевъ отъ воздѣлыванія полей ихъ, но еще-бы тяжелѣе было видѣть любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ не огражденныхъ достаточными силами отъ лютости дышащихъ злобою на нихъ враговъ, по дѣламъ которыхъ можно судить, какой жребій приготовляли они Россіи».

VII.

Изгнаніе изъ Россіи главной непріятельской арміи.

Послѣ занятія Вильны театръ войны раздѣлился на три части: 1) по дорогѣ отъ Вильны до Ковно, вслѣдъ за остатками главной не-

пріятельской арміи, подъ начальствомъ Мюрата; 2) лѣвѣе, противъ князя Шварценберга и Ренье, и 3) правѣе Вильны, противъ Макдональда.

Погоня графа Платова за Мюратомъ представляла невиданное зрѣлище. Армія, за 5 мѣсяцевъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилліона людей, во всей воинской силѣ и красотѣ, озаряемая блескомъ славы, одушевленная воспоминаніями о чудесныхъ успѣхахъ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ! Донцы напирали, сколько позволяли силы людей и лошадей, и, настигая французовъ, ударяли въ дротики или били въ нихъ изъ пушекъ, которыя везли на полозьяхъ. Всѣ желанія Мюрата, маршаловъ и ихъ скопищъ состояли въ поспѣшномъ достиженіи предѣловъ Россіи, всѣ ихъ военныя соображанія сосредоточились въ быстротѣ ногъ. Въ первый день бѣгства Мюрата изъ Вильны, 28-го ноября, главная квартира его была въ Еве; Ней остановился съ арріергардомъ въ Рыконтахъ; 29-го Мюратъ былъ въ Румшишкахъ, Ней въ Жижморахъ. 30-го Мюратъ прибылъ ночью въ Ковно, гдѣ надѣялся собрать сколько-нибудь людей подъ защитою укрѣпленій, еще лѣтомъ сдѣланныхъ французами, а также вывезти изъ города часть запасовъ, а прочее сжечь. «Но», доносилъ Бертье Наполеону, «едва пришла гвардія и съ нею безоружныя толпы, какъ всѣ мѣры, принятыя для сохраненія порядка, оказались тщетными. Гвардія вмѣстѣ съ толпами начала грабить, въ городѣ вспыхнули пожары, и люди предались всякаго рода насильствамъ. Я долженъ доложить вашему величеству, что армія совершенно разсѣяна и распалась, даже ваша гвардія; въ ней подъ ружьемъ отъ 400 до 500 человѣкъ. Нельзя удержаться въ Ковно, потому что армія болѣе не существуетъ. Король переходитъ съ главною квартирою на лѣвый берегъ Нѣмана».

Для выступленія изъ Ковно Мюратъ ожидалъ Нея, съ такъ называемымъ арріергардомъ, то есть, горстью людей до половины замерзшихъ, но сохранявшихъ оружіе и нѣкоторую возможность дѣйствовать имъ. Съ каждымъ часомъ составъ арріергарда разрушался; число людей уменьшалось съ такою невѣроятною быстротою, что, имѣвши при отступленіи изъ Вильны 3,000, Ней привелъ въ Ковно только 60 человѣкъ. Остальные погибли на дорогѣ или были взяты донцами. Казаки не переставали гнать передъ собою французскій арріергардъ, какъ безпорядочную кучу одурѣвшихъ, замерзавшихъ людей, не помышлявшихъ болѣе объ обязанностяхъ службы, оживляемыхъ только чувствомъ самосохраненія. Ней прибылъ въ Ковно ночью 1-го декабря. Найдя тамъ гарнизонъ, онъ составилъ изъ него новый арріергардъ, занялъ имъ укрѣпленія и поставилъ на нихъ пушки, находившіяся въ Ковно. Безоружные начали переходить въ разныхъ мѣстахъ по льду черезъ Нѣманъ. Генералы и солдаты, офицеры и слуги, покрытые тряпьемъ, блѣдные, съ потухшими глазами, небритою бородою, ускоряли бѣгство, толкая другъ друга и торопясь выбраться изъ Россіи. Мюратъ хотѣлъ знать, сколько могло быть людей въ строю? Оказалось, что въ гвардейской конницѣ состояло отъ 500 до 600, въ пѣшей гвардіи отъ 300 до 1,000 человѣкъ, въ арріергардѣ Нея, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему ковенскимъ гарнизономъ, могло набраться до 1,500 человѣкъ, что во всѣхъ прочихъ корпусахъ не было ни одного солдата, а при небольшомъ числѣ оставшихся знаменъ брели только по нѣсколько офицеровъ и ун-

теръ-офицеровъ. Въ баварскихъ войскахъ, состоявшихъ при началѣ войны изъ 30,000, оставалось 20 человѣкъ вооруженныхъ. Корпусъ вице-короля, имѣвшій въ іюнѣ до 60,000 человѣкъ былъ до такой степени уничтоженъ, что по прибытіи на Нѣманъ всѣ годные въ строй помѣстились — въ одной комнатѣ. Мюратъ рѣшился отвести эти бѣдныя толпы въ крѣпости на Вислѣ и прикрыть старую Пруссію корпусомъ Макдональда, приказавъ Нею держаться въ Ковно сутки или долѣе для вывоза и сожженія казенныхъ запасовъ.

1-го декабря Мюратъ вышелъ изъ Ковно и расположился биваками на тѣхъ самыхъ высотахъ лѣвой стороны Нѣмана, откуда Наполеонъ, среди безчисленныхъ колоннъ своей непобѣдимой арміи, 11-го іюня, долго смотрѣлъ на русскій берегъ и мысленно дѣлилъ и дробилъ Россію, назначалъ въ ней своимъ клевретамъ обширныя помѣстья и удѣлы и на ея развалинахъ основывалъ свое господство надъ міромъ. Вступивъ на лѣвый берегъ Нѣмана, Мюратъ, маршалы, всѣ чины отъ перваго до послѣдняго считали себя вырвавшимися изъ ада и, думая, что преслѣдованіе за ними кончено, впервые послѣ своего бѣгства изъ Москвы вздохнули свободно. Передъ ихъ глазами горѣлъ зажженный ими въ разныхъ мѣстахъ городъ Ковно. Французы разбивали и грабили тамъ винные магазины, кидались на обывательскіе дома, падали мертвые отъ опьяненія. Бертье доносилъ Наполеону: «Надобно сказать всю правду: у четырехъ пятыхъ частей арміи отморожены руки, ноги, или лица. Ваше величество не можете вообразить, до какихъ страданій и безпорядковъ стужа довела армію; не буду распространяться о плачевныхъ подробностяхъ грабежа, неповиновенія; разстройство достигло высочайшей степени». Въ заключеніе Бертье скорбитъ о потерѣ послѣдней своей коляски: въ ней были самыя тайныя бумаги, и найдено нами очевидное доказательство мошенничества Наполеона — доска для изготовленія фальшивыхъ сторублевыхъ русскихъ ассигнацій.

Донося своему повелителю объ уничтоженіи арміи, Бертье умолчалъ о послѣднихъ ея минутахъ. Они были страшны, какъ гнѣвъ Божій, наказующій злодѣянія и святотатство. На пути изъ Вильны до Ковно, метели, морозъ, голодъ, казаки гнали иноплеменное войско на неслыханную смерть. Люди бросались на ободранную падаль, сосали изъ нея кровь, рвали изъ нея сырое мясо, умирали въ мученіяхъ, стиснувъ зубами собственную свою руку или комъ земли, смѣшанной съ снѣгомъ, или оледенѣвшій кусокъ конскаго кала. Они тащились къ огнямъ и погибали въ пламени или на каленыхъ угляхъ: у иного горѣли ноги, у другого голова. Полунагіе они зарывались въ горячій пепелъ, обжигали все тѣло и за минутную теплоту платили жизнью; устремлялись къ огню, торопились отогрѣвать лица, но головы ихъ обхватывались пламенемъ, волоса загорались, трещали, и враги съ безсильными воплями оканчивали земное страданіе. Отъ голода они кусали лежащихъ на землѣ людей, въ которыхъ иногда тлѣла еще искра жизни, не давали имъ времени испустить духъ, рѣзали умиравшихъ, пожирали соратника, друга, можетъ быть, брата, и вскорѣ, въ свою очередь, дѣлались добычею доведенныхъ до изступленія товарищей. Иной хрипящимъ голосомъ жаловался, что онъ весь холодѣетъ, мерзнетъ, уже не чувствуетъ ни ногъ, ни рукъ. И вдругъ, среди

вздоховъ, визга и скрежета зубовъ раздавался дикій хохотъ. Иной обезумѣвшій, воображая армію Наполеона въ прежней силѣ, сзывалъ товарищей бить русскихъ, мечталъ, что онъ — въ пылу сраженія, произносилъ побѣдные клики. Другой сумасшедшій испускалъ самый горестный плачъ или, предполагая себя въ родительскомъ домѣ, обращался съ рѣчами къ матери, отцу, дѣтямъ. За мгновеннымъ перелетомъ мысли къ прежнимъ семейнымъ радостямъ слѣдовало предмогильное оледенѣніе отъ яростной стужи, борьба души съ гробовымъ холодомъ. Стоны страдальцевъ раздавались на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и пришлецы засыпали на русской землѣ съ такими мученіями, что, казалось, смерть не мирила Творца съ твореніемъ. Встрѣчались также непріятели, у дверей гроба, безъ жалобъ покорявшіеся судьбѣ и равнодушно ожидавшіе приближенія послѣдняго часа; другіе, попрыгивая, подувая въ руки, спрашивали: скоро-ли будетъ весна? или, садясь вокругъ огней, съ дикимъ равнодушіемъ жарили на тесакахъ и шомполахъ конину и мясо товарищей. Такъ погибали приведенныя Наполеономъ въ Россію полчища. Сколько древнихъ родовъ угасло, сколько великихъ имуществъ осталось безъ наслѣдниковъ, женъ безъ супруговъ, родителей безъ дѣтей, невѣстъ безъ жениховъ! Многіе просили о вступленіи въ русскую службу, объ опредѣленіи ихъ въ повара, музыканты, лекаря, особенно въ учители. Одинъ французъ, взламывая черепъ недавно убитаго своего товарища и жадно глотая горячій еще мозгъ его, говорилъ: «Возьмите меня! я могу быть полезенъ Россіи, могу воспитывать дѣтей!»

Графъ Платовъ приблизился къ Ковно, 2-го декабря въ 10-ть часовъ утра, и былъ встрѣченъ пальбою 20-ти стоявшихъ на укрѣпленіяхъ орудій. Съ нашей стороны отвѣчали изъ 8 пушекъ, бывшихъ при отрядѣ Платова. Желая принудить непріятеля къ отступленію, Платовъ послалъ казаковъ по льду черезъ Нѣманъ, выше и ниже Ковно. Французы бросили пушки и побѣжали изъ города. Настигнутый казаками за рѣкою Ней хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе и ударить въ штыки, стараясь сколько-нибудь остановить преслѣдованіе, но солдаты отказались идти противъ страшныхъ для нихъ казаковъ и разсыпались. Одна часть ихъ была исколота и взята въ плѣнъ; другая, разсѣянная донцами, сбилась съ пути и впотьмахъ побѣжала двумя направленіями: къ Тильзиту и Вильковиску. По обѣимъ дорогамъ пошли за непріятелемъ выбранные изъ всего отряда казаки. Ней былъ раненъ и, пользуясь темнотою ночи, ускакалъ Пильвишскимъ лѣсомъ въ то самое мѣстечко Вильковискъ, откуда 10-го іюня Наполеонъ высокопарнымъ приказомъ возвѣщалъ вселенной о томъ, что для Россіи пробилъ послѣдній часъ. Весь арріергардъ разбѣжался по лѣсамъ, и Ней остался безъ войскъ. Мюратъ, маршалы и всѣ остатки главной арміи Наполеона разсѣялись по Восточной Пруссіи. Смотря на этихъ живыхъ мертвецовъ, едва вѣрившихъ своему избавленію, прусскія мѣстныя начальства считали ихъ сперва за квартирьеровъ, посланныхъ впередъ для заготовленія помѣщеній для арміи.

Во время четырехдневнаго преслѣдованія непріятелей отъ Вильны до Ковно и при пораженіи ихъ за Ковно, на лѣвомъ берегу Нѣмана, 2-го декабря, взято въ плѣнъ до 5,000 человѣкъ и 21 орудіе; самая большая часть ихъ досталась намъ въ Ковно. По за-

нятіи Ковно начали въ ней тушить пожары и нашли богатую добычу: до 30,000 ружей съ штыками, новыхъ, совсѣмъ не бывшихъ въ употребленіи, такое-же число держаныхъ ружей, 779 ящиковъ съ пушечными зарядами, 528 ящиковъ и 1,384 боченка съ ружейными патронами, 1,540 пушечныхъ зарядовъ, безъ ящиковъ, и значительное количество хлѣба. Въ 8-мъ часовъ утра, 3-го декабря, Платовъ въѣхалъ въ Ковно. Городскіе жители и обыватели сосѣднихъ селеній вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Платовъ собралъ войска на площади и велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою; при окончаніи молебствія троекратно провозгласили «ура!» государю и «ура!» князю Смоленскому.

Въ остаткахъ главной арміи Наполеона, изгнанной изъ нашихъ границъ, было строевыхъ до 1,500 человѣкъ и 9 пушекъ, то есть, сотая доля орудій, находившихся при этой арміи, когда она вломилась въ Россію. Безоружнымъ, ушедшимъ съ Мюратомъ, счета никто не велъ, ихъ считаютъ до 13,000 человѣкъ. Къ этимъ нужно присовокупить тысячи полторы поляковъ бывшаго корпуса Понятовскаго. Они выступили двумя днями ранѣе Мюрата изъ Молодечно и успѣли раньше него съ нѣсколькими пушками перейти черезъ Нѣманъ. Когда Мюратъ добрался до крѣпостей на Вислѣ, у него оставалось всего, съ безоружными, 13,859 человѣкъ; вскорѣ большая часть этой горсти людей погибла отъ изнеможенія и болѣзней. Слѣдовательно, изъ всей арміи Наполеона, за исключеніемъ корпусовъ князя Шварценберга, Ренье и Макдональда, спаслось только тысячъ 16, но должно было приписать чуду, что и тѣ могли перенести бѣдствія, постигавшія ихъ во время отступленія. Донесеніе князя Кутузова объ очищеніи Россіи отъ обломковъ главной непріятельской арміи заканчивается слѣдующими достопамятными выраженіями: «Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества: усѣяна дорога костями непріятельскими! Да вознесетъ всякій россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельною судьбою исполнителемъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества».

Самою блистательною страницею въ лѣтописяхъ донского войска навсегда пребудетъ его преслѣдованіе непріятелей, совершенное подъ начальствомъ графа Платова, безостановочно, въ позднее время года, отъ Малоярославца до Ковно. На этомъ пути, полки, лично предводимые знаменитымъ атаманомъ, взяли болѣе 500 орудій, несмѣтные обозы, 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 генераловъ, 13 полковниковъ и слишкомъ 1,000 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Смѣло можно утверждать, что никакое другое войско, кромѣ донского, не въ состояніи было исполнить такой подвигъ, не имѣвши во время полуторамѣсячнаго преслѣдованія ни одного дня роздыха и не получая продовольствія, которое казаки должны были находить сами для себя.

Приближаясь къ концу описанія Отечественной войны, богатой доблестями донского войска, мы не будемъ уже болѣе имѣть случая говорить о сынахъ тихаго Дона. Изобразимъ послѣдній ихъ подвигъ въ 1812-мъ году—подвигъ не кровавый. Графъ Платовъ приказомъ предписалъ о доставленіи къ нему всего отбитаго у непріятеля церковнаго имущества, утварей, сосудовъ, окладовъ, содранныхъ французами съ образовъ. Донцы добросовѣстно исполнили волю атамана.

Кромѣ казачьихъ полковъ, находившихся въ разныхъ арміяхъ, корпусахъ и отрядахъ внесено было отъ состоявшихъ подъ личнымъ начальствомъ атамана казаковъ 40 пудовъ церковнаго серебра. Оно было отправлено къ князю Кутузову, съ просьбою сдѣлать изъ него изваянія 12-ти апостоловъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ, съ слѣдующею надписью: «Отъ усерднаго приношенія войска донского». Поблагодаривъ графа Платова за драгоцѣнный даръ, фельдмаршалъ написалъ ему: «Мнѣ сладостно думать, что ваши воины, бросаясь въ опасность, не щадя жизни для исторженія сокровищъ изъ рукъ похитителей, имѣли въ виду не корысть, но Бога отцовъ своихъ и мщеніе за оскорбленную Его Святыню. Принадлежащее Божеству возвращаете вы къ подножію Божества, и мнѣ поручено отъ васъ исполнить желаніе столь благочестивое. Съ удовольствіемъ и благодарностію принимаю на себя сію обязанность, тѣмъ болѣе, что она совершенно согласна съ моими собственными намѣреніями, ибо, въ то время, когда Монархъ благословлялъ меня мечомъ военачальника на защиту отечества, пришелъ я во храмъ Казанскія Божія Матери, дабы молить Ее о дарованіи мнѣ силъ для истребленія иноплеменника, и обѣтъ мой предъ алтаремъ Всемогущаго былъ тотъ, что первая добыча, исторгнутая мною изъ когтей хищника, будетъ украшеніемъ того храма, въ которомъ приносилъ я мольбы о побѣдѣ, храма чудеснаго, зачатаго благочестіемъ Павла и нынѣ славно воздвигнутаго Его Августѣйшимъ Сыномъ на удивленіе современниковъ и потомства. Ваше мужество даетъ мнѣ способъ исполнить мою клятву: пускай побѣда украситъ святыню и святыня возвеличитъ побѣду!»

Князь Кутузовъ исполнилъ просьбу Платова, отправилъ отбитое серебро къ с.-петербургскому митрополиту, сдѣлавъ лишь то измѣненіе, что предложилъ изготовить изъ серебра лики четырехъ евангелистовъ, а не 12 апостоловъ.

ГЛАВА XIII.

Послѣ изгнанія.

I.

Отступленіе изъ Россіи отдѣльныхъ непріятельскихъ корпусовъ.

«Изгнаніе главной арміи Наполеона изъ Россіи должно имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ отступленіе отдѣльныхъ непріятельскихъ корпусовъ», доносилъ князь Кутузовъ государю. Въ самомъ дѣлѣ, Макдональду, князю Шварценбергу и Ренье оставалось одно—скорѣе уходить: имъ нечего было дѣлать въ Россіи, развѣ только искать безплодныхъ битвъ, вѣрнаго пораженія. Опишемъ, какъ совершались ихъ отступательныя движенія, и начнемъ съ австрійцевъ и саксонцевъ.

По прибытіи князя Кутузова въ Вильну, князь Шварценбергъ стоялъ въ Слонимѣ; отряды его находились около Несвижа и Бѣлицы; Ренье былъ въ Ружанахъ. Не имѣя долгое время положительныхъ свѣдѣній о главной непріятельской арміи и застигнутые трескучими морозами, оба этихъ генерала не трогались изъ мѣстъ своего расположенія, посылая въ разныя стороны лазутчиковъ и разъ-

ѣзды для развѣдываній о главной непріятельской арміи. Шпіоны и партіи доносили одно и то-же, что армія Наполеона бросаетъ пушки, оружіе и бѣжитъ къ Вильнѣ. Слова эти подтвердились, и, наконецъ, князю Шварценбергу открылась тайна совершеннаго разгрома Наполеоновыхъ войскъ, скрываемая отъ него до тѣхъ поръ министромъ Маре подъ различными вымыслами. Онъ увидѣлъ, что ему оставалось заботиться единственно о собственномъ спасеніи, и, призвавъ на совѣщаніе Ренье, рѣшилъ съ нимъ: 1) корпусамъ ихъ отдѣлиться одному отъ другого и 2) австрійцамъ идти изъ Слонима къ Бѣлостоку и Гродно, а саксонцамъ изъ Ружанъ черезъ Шершево къ Волчину, на Бугѣ. 1-го декабря началось отступленіе.

Между тѣмъ, подвигались съ разныхъ сторонъ отряженныя княземъ Кутузовымъ противъ князя Шварценберга и Ренье войска, сперва порученныя Тормасову, а вскорѣ потомъ Дохтурову. Подъ начальство послѣдняго поступили: 1) корпусъ Тучкова, шедшій изъ Кайданова къ Несвижу; 2) слѣдовавшіе туда-же изъ Бобруйска, подъ начальствомъ генерала Ратта, 8 батальоновъ; 3) корпусъ Сакена, бывшій на маршѣ изъ Ковеля къ Бресту; 4) корпусъ Эссена, во время предпринятаго имъ для соединенія съ Чичаговымъ движенія дошедшій до Новгорода-Волынскаго, гдѣ онъ былъ настигнутъ курьеромъ, вернувшимъ его назадъ черезъ Пинскъ на Несвижъ. Кромѣ этихъ войскъ, Дохтурову подчинили три отряда: 1-й, графа Ожаровскаго, въ Лидѣ, 2-й, Васильчикова, въ Мостахъ, и 3-й, Давыдова, на маршѣ къ Гродно. Милорадовичъ, съ 2-мя пѣхотными корпусами и однимъ кавалерійскимъ, сталъ между Гродно и Лидою, имѣя приказаніе поддерживать общее движеніе за княземъ Шварценбергомъ и въ случаѣ надобности принять главное начальство надъ всѣми порученными Дохтурову войсками.

Ввиду дальности разстоянія отъ Слонима, порученнымъ Дохтурову войскамъ нельзя было догнать австрійцевъ, вблизи которыхъ находились только отряды Васильчикова и графа Ожаровскаго. Но обстоятельства приняли для насъ уже столь благопріятный оборотъ, что не надобно было употреблять силы для выпровожденія князя Шварценберга изъ Россіи. Подробности отступленія его были слѣдующія. Разъѣзды графа Ожаровскаго схватили 1-го декабря въ Бѣлицѣ пикетъ венгерскихъ гусаровъ и тотчасъ дали имъ свободу, за что графъ Ожаровскій получилъ благодарность отъ князя Кутузова, приказавшаго обращаться съ австрійцами самымъ ласковымъ образомъ. Взявшій плѣнныхъ офицеръ назвался переговорщикомъ и имѣлъ свиданіе съ генераломъ Моромъ, начальникомъ австрійскаго авангарда. Моръ объявилъ, что онъ имѣетъ приказаніе содержать наблюдательную черту по правому берегу Нѣмана, въ 8-ми миляхъ отъ рѣки, не будетъ дѣлать никакого движенія, если его не станутъ безпокоить, и что, узнавъ о приближеніи русскихъ, онъ послалъ донесеніе князю Шварценбергу и ожидаетъ отъ него повелѣній. Черезъ нѣсколько часовъ Моръ началъ отступать, и весь корпусъ австрійцевъ потянулся къ Бѣлостоку. Венгерскіе гусары арріергарда, сходясь съ казаками, называли ихъ товарищами и объявляли о данномъ имъ запрещеніи драться съ русскими. Такимъ образомъ, отступая спокойно, князь Шварценбергъ черезъ нѣсколько дней сосредоточилъ свои силы у Бѣлостока, но не переходилъ за нашу границу, видя, что за нимъ шли одни летучіе отряды. Съ своей стороны, бывши

увѣренъ въ скоромъ удаленіи австрійцевъ изъ Россіи, князь Кутузовъ желалъ только не допустить ихъ до Варшавы и для этого велѣлъ отрядамъ брать направленіе на Тыкочинъ, въ лѣвый флангъ князя Шварценберга.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ подошелъ первый къ Бѣлостоку, но по малочисленности отряда не имѣлъ возможности занять городъ силою. Неожиданный случай помогъ ему. Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Юзефовичъ, съѣхавшись на передовой цѣпи съ однимъ австрійскимъ генераломъ, сказалъ ему самъ отъ себя и не имѣя повелѣнія, что Васильчиковъ желаетъ видѣться съ княземъ Шварценбергомъ. Со времени своего посольства въ Петербургѣ знакомый съ Васильчиковымъ князь Шванценбергъ отвѣчалъ готовностью на свиданіе. Васильчиковъ послалъ къ нему генералъ-маіора князя Щербатова уговорить его выйти изъ Россіи, безъ кровопролитія. Успѣхъ переговоровъ былъ полный. Князь Шварценбергъ согласился оставить Бѣлостокъ и перейти за границу, но присовокупилъ, что, вступивъ въ Варшавское герцогство, остановится на зимнихъ квартирахъ, въ надеждѣ заключить съ нами перемиріе, а въ противномъ случаѣ, если мы его потревожимъ, то, хотя съ сожалѣніемъ, однако-же, будетъ силу отражать силою. Васильчиковъ велѣлъ отвѣчать, что, не имѣя полномочія, за будущее ручаться не можетъ. Согласно данному обѣщанію, князь Шварценбергъ, 13-го и 14-го декабря, пошелъ изъ Бѣлостока черезъ Высоко-Мазовецъ къ Ломзѣ. Васильчиковъ не могъ воспрепятствовать этому движенію, потому что повелѣніе князя Кутузова дѣйствовать въ лѣвый флангъ австрійцевъ, на Тыкочинъ, пришло къ нему поздно, когда непріятель уже выходилъ изъ Бѣлостока; но, если-бы повелѣніе было получено ранѣе, то и въ этомъ случаѣ нельзя было исполнить его успѣшно, такъ какъ слабость коннаго отряда Васильчикова не дозволяла ему предпринять что-либо рѣшительное противъ австрійскаго корпуса. 14-го декабря Васильчиковъ занялъ Бѣлостокъ и, не найдя въ городѣ никакихъ властей, водворилъ въ немъ прежній порядокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ приказаніе поставить регулярныя войска на кантониръ-квартиры, а съ казаками слѣдовать за княземъ Шварценбергомъ, наблюдая за его движеніями.

За четыре дня до вступленія Васильчикова въ Бѣлостокъ партизанъ Давыдовъ занялъ Гродно, тоже по мирному соглашенію. Подойдя къ Гродно, Давыдовъ взялъ двухъ австрійцевъ и вслѣдствіе даннаго ему отъ князя Кутузова повелѣнія возвратилъ имъ свободу. Начальствовавшій въ Гродно генералъ Фрелихъ прислалъ благодарить за снисходительный поступокъ; завязались переговоры. Сначала Фрелихъ изъявилъ намѣреніе отступить изъ Гродно не иначе, какъ предавши огню всѣ находившіеся тамъ провіантскіе и коммисаріатскіе запасы, цѣною на милліонъ рублей. Давыдовъ отвѣчалъ, что въ случаѣ истребленія запасовъ пополненіе ихъ ляжетъ на жителей, и что Фрелихъ докажетъ сожженіемъ магазиновъ недоброжелательство свое къ русскимъ въ такое время, когда каждое дружеское къ намъ расположеніе австрійцевъ есть смертельная рана общему врагу. Полагая, что, можетъ быть, за Давыдовымъ идутъ значительныя силы, Фрелихъ сдалъ Гродно, со всѣми огромными его запасами, потянулся къ Бѣлостоку на соединеніе съ княземъ Шварценбергомъ и пришелъ къ нему въ тотъ самый день, когда онъ пере-

правлялся изъ россійскихъ предѣловъ за Наревъ. 9-го декабря Давыдовъ вступилъ въ Гродно, гдѣ были въ совершенномъ невѣдѣніи о послѣднихъ происшествіяхъ, думали, что князь Кутузовъ около Смоленска, а отрядъ Давыдова считали принадлежащимъ къ корпусу Сакена. Шляхтичи вышли навстрѣчу нашимъ войскамъ съ мрачнымъ видомъ, вооруженные саблями и пистолетами. Заблужденіе ихъ продолжалось не долго. Вскорѣ между ними разнеслась вѣсть о погибели Наполеоновыхъ армій. Давыдовъ велѣлъ немедленно сносить въ назначенное мѣсто все бывшее въ городѣ оружіе. Застучали русскіе топоры, и повалился столбъ, воздвигнутый въ Гродно во славу взятія Наполеономъ Москвы; запылали разложенные казаками костры, и на нихъ сожигали прозрачныя картины, выставленныя по разнымъ домамъ, съ аллегорическими насмѣшками надъ русскими. Отыскали ксендза, болѣе другихъ своихъ товарищей прославлявшаго въ проповѣдяхъ Наполеона. Давыдовъ велѣлъ ему сочинить и произнести рѣчь для преданія проклятію Наполеона, арміи его и клевретовъ, восхваляя государя, князя Смоленскаго, русскій народъ и наше войско. По городу пошли казачьи разъѣзды, не дозволявшіе сбираться нигдѣ болѣе 5-ти человѣкъ; опечатали магазины, открыли служеніе въ православной церкви, превращенной непріятелемъ въ фуражный магазинъ. Гражданское начальство было поручено преданнымъ намъ евреямъ.

Когда князь Шварценбергъ оставлялъ наши предѣлы, князь Кутузовъ послалъ къ нему дипломатическаго чиновника Аншпета, чтобы договориться о заключеніи перемирія на 3 мѣсяца и предложить ему отойти на время прекращенія военныхъ дѣйствій за рѣку Санъ. При несогласіи на это условіе, велѣно было Аншпету склонить австрійцевъ расположиться по чертѣ отъ Завихоста черезъ Мендлиборжице до Грубешова, а при отказѣ и на это условіе, и въ крайнемъ случаѣ, предложить имъ занять Люблинъ вмѣстѣ съ русскими войсками; словомъ, уговорить князя Шварценберга на размѣщеніе войскъ въ такой позиціи, которая не мѣшала-бы нашимъ движеніямъ. Наконецъ, если онъ не приметъ перемирія, но только будетъ настаивать въ желаніи отступить и во время своего марша не быть тревожимымъ, приказано и на то согласиться. Пока Аншпетъ ѣхалъ изъ главной квартиры, князь Шварценбергъ потянулся къ Пултуску, гдѣ съ нимъ было заключено перемиріе на неопредѣленное время, и отъ него получено обѣщаніе сдать намъ Варшаву и медленными маршами отступать къ границамъ Галиціи. Такъ въ Отечественую войну кончились между Россіею и Австріею военныя дѣйствія, въ продолженіе которыхъ обѣ дружественныя имперіи, не взирая на союзъ, заключенный Австріею съ Наполеономъ въ мартѣ 1812-го года, находились между собою въ тайныхъ пріязненныхъ сношеніяхъ. Хотя вѣнскій дворъ хотѣлъ сохранить добрыя сношенія и съ императоромъ Александромъ, и съ Наполеономъ, но искреннія пожеланія его были въ пользу Россіи. Однако-же, онъ отчаявался въ успѣхѣ нашего оружія, а потому желалъ прекращенія войны и, во время неблагопріятнаго для насъ оборота ея, вызывался на посредничество между государемъ и Наполеономъ. Александръ отвергъ посредничество, но изъявлялъ свою готовность заключить съ Австріею миръ, съ условіемъ, если она соединится съ нами. Въ сентябрѣ сообщили Австріи о предложеніи мира, сдѣланномъ посредствомъ Ло-

рнстона, и объ отказѣ государя вступать съ Наполеономъ въ какія-либо соглашенія, причемъ опять повторили выраженіе, находящееся почти во всѣхъ дипломатическихъ депешахъ, писанныхъ тогда по повелѣнію государя, что «война 1812-го года есть послѣдняя, начатая за благо и независимость Европы». Но ни глубокій смыслъ этихъ словъ, ни твердость Александра, ни воспламененіе русскаго народа, о чемъ подробно знали въ Вѣнѣ, не измѣняли убѣжденія австрійцевъ въ невозможности устоять Россіи противъ Наполеона. Когда совершился переломъ похода, и непріятели побѣжали изъ Москвы, въ Вѣнѣ встревожились, опасаясь приближенія театра войны къ Вислѣ. Потомъ, когда извѣстія о гибели непріятельской арміи начали одни за другими приходить въ Вѣну, весь городъ былъ въ восхищеніи, особенно императоръ Францъ и братъ его эрцгерцогъ Іоаннъ. Когда-же исчезло сомнѣніе относительно истребленія армій Наполеона, вѣнскій кабинетъ разрѣшилъ князю Шварценбергу перемиріе и велѣлъ ему приближаться къ Галиціи, послѣ чего между императорами Александромъ и Францемъ начались переговоры, которые относятся къ походу 1813-го года.

Возвратимся къ Ренье. Отдѣлившись отъ князя Шварценберга, онъ отступилъ, 1-го декабря, изъ Ружанъ въ Волчинъ и, не видя за собою русскихъ, хотѣлъ расположиться на нѣкоторое время въ Брестѣ. 5-го декабря пришли туда его квартирьеры, но, получивъ извѣстіе о приближеніи Сакена, возвратились въ Волчинъ. Желая избѣгнуть встрѣчи съ Сакеномъ, Ренье оставилъ намѣреніе занять Брестъ и потянулся изъ Волчина вверхъ по Бугу къ Дрогочину, но, узнавъ тамъ о намѣреніи князя Шварценберга вскорѣ отступать, рѣшился и самъ послѣдовать его примѣру. 11-го декабря онъ началъ переправляться черезъ Бугъ при Дрогочинѣ и Семятичѣ, и 14-го, въ одинъ день съ австрійцами, очистили Россію и саксонцы.

Описавъ, какимъ образомъ 2-го декабря были изгнаны изъ Россіи остатки главной арміи Наполеона, какъ потомъ 14-го князь Шварценбергъ и Ренье перешли за Наревъ и Бугъ, обратимся къ Макдональду, послѣднему выступившему изъ Россіи непріятельскому генералу. Онъ стоялъ до 5-го декабря въ прежнемъ своемъ расположеніи, въ Курляндіи, потому что не получалъ повелѣній изъ главной квартиры Наполеона. Ожидая ихъ, онъ не трогался, отвергая, какъ басни, всѣ доходившія до него разными путями извѣстія объ уничтоженіи арміи Наполеона, и только изъ предосторожности сосредоточивалъ исподволь войска.

Гибельный безпорядокъ, въ какомъ находились во время бѣгства отъ Березины къ Вильнѣ главная непріятельская армія и ея управленія, былъ причиною того, что до прибытія въ Видьну не давали Макдональду никакихъ повелѣній. Наконецъ, изъ кофейнаго дома на Погулянкѣ Мюратъ послалъ ему приказаніе отступать; но прусскій офицеръ, повезшій приказаніе, не рѣшился ѣхать прямо на Вилькомиръ и Шавли. Опасаясь попасть въ руки казаковъ, онъ избралъ дальную дорогу, на Олиту и Тильзитъ, откуда тоже не отправился тотчасъ въ путь, но, найдя въ Тильзитѣ родныхъ, остановился у нихъ на нѣсколько часовъ для отдыха. Отъ такихъ промедленій Макдональдъ получилъ повелѣніе не ранѣе 6-го декабря. Повелѣніе застало его уже совсѣмъ готовымъ къ обратному походу, для чего корпусъ его былъ раздѣленъ на 4 колонны: въ двухъ

первыхъ, выступившихъ съ Макдональдомъ 6-го декабря, были французы и прусаки, подъ начальствомъ Массенбаха; въ послѣднихъ находились одни пруссаки, подъ начальствомъ Іорка, получившаго приказаніе выступить днемъ позже Макдональда. Всѣмъ войскамъ назначено было слѣдовать на Янишки и Шавли и, дойдя до Колтынянъ, раздѣлиться: одной части идти черезъ Таурогенъ, а другой черезъ Коадьютенъ, потомъ обѣимъ соединиться въ Тильзитѣ. Эти подробности необходимы для объясненія случившихся вскорѣ потомъ происшествій.

Прежде нежели Макдональдъ тронулся въ походъ, князь Кутузовъ, узнавъ о промедленіи его въ Курляндіи, приказалъ, 3-го декабря, графу Витгенштейну идти къ Россіенамъ, стараясь отрѣзать путь Макдональду. При полученіи этого повелѣнія графъ Витгенштейнъ стоялъ на Нѣменчинѣ, откуда пошелъ 5-го декабря на Вилькомиръ и 10-го прибылъ въ Кейданы. Впереди находились два отряда; первый, генералъ-адъютанта Кутузова, усиленнаго отрядомъ Властова, на маршѣ изъ Юрбурга къ Тильзиту, для занятія дефиле при Пиклупененѣ, черезъ который надлежало проходить Макдональду; другой отрядъ, генералъ-маіора Дибича, былъ на маршѣ къ Колтыняну, по направленіи къ Тельшу, откуда долженъ былъ идти на Мемель. По слѣдамъ заднихъ войскъ Макдональда, то есть, колоннъ Іорка, изъ Риги выступилъ Левизъ съ 9,000 человѣкъ; маркизъ Паулучи, съ 2.500, пошелъ изъ Риги прямо на Мемель. Повидимому, такое направленіе нашихъ войскъ, отправленныхъ съ разныхъ сторонъ противъ Макдональда, угрожало ему вѣрнымъ пораженіемъ. 10-го декабря онъ былъ въ Шавляхъ, а графъ Витгенштейнъ въ Кейданахъ, слѣдовательно, оба находились въ равномъ разстояніи отъ Тильзита, но мы имѣли надъ непріятелемъ ту выгоду, что отряды Кутузова и Дибича дѣйствовали уже на пути отступленія непріятелей, имѣя приказаніе затруднять маршъ Макдональда и тѣмъ дать время графу Витгенштейну, перейдя черезъ Нѣманъ при Юрбургѣ, поспѣть къ Тильзиту ранѣе Макдональда, преслѣдуемаго Левизомъ. Сверхъ того, состоя въ сношеніи съ графомъ Платовымъ, бывшимъ въ Вильковишкѣ, графъ Витгенштейнъ могъ соединить значительное число войскъ между Тильзитомъ и Лабіау и въ превосходныхъ силахъ встрѣтить Макдональда. Успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Простоявъ двое сутокъ въ Кейданахъ, графъ Витгенштейнъ пришелъ въ Юрбургъ только 15-го декабря, въ тотъ-же день, когда Макдональдъ, заранѣе догадавшись объ угрожавшей ему опасности и ускоривъ отступленіе, былъ уже при Пиклупененѣ. Здѣсь стоялъ отрядъ Властова, составлявшій авангардъ находившагося въ Тильзитѣ Кутузова. Макдональдъ аттаковалъ Властова, разбилъ его, взялъ пушку и продолжалъ движеніе въ Тильзитъ. Кутузовъ, не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы держаться противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, отступилъ въ Рауценъ, благодаря чему очистилась дорога непріятелю на Тильзитъ. Макдональдъ не пошелъ далѣе Тильзита и остался въ немъ ожидать свои двѣ заднія колонны подъ начальствомъ Іорка, но въ дѣйствіи этихъ войскъ произошли уже важныя перемѣны, для объясненія которыхъ нужно возвратиться къ отряду Дибича.

Выше было упомянуто о маршѣ Дибича изъ Кейданъ черезъ Россіены и Тельшъ на Мемель. Онъ перешелъ столбовую дорогу, ведущую изъ Митавы въ Тильзитъ, раньше появленія на ней шед-

шихъ изъ Митавы войскъ Макдональда, о маршѣ которыхъ Дибичъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, думая, что они тоже идутъ изъ Шавлей на Мемель, намѣреваясь пробраться черезъ Куришъ-Гафъ въ Кенигсбергъ. Миновавъ Тельшъ, Дибичъ находился въ двухъ маршахъ отъ Мемеля, когда неожиданно узналъ о выступленіи Макдональда изъ Шавлей въ Таурогенъ. Сначала онъ не повѣрилъ этому извѣстію, но, получивъ подтвержденіе, тотчасъ возвратился въ Ворны и, услышавъ тамъ, что состоявшій изъ пруссаковъ арріергардъ Макдональда находится въ Венговѣ, рѣшился предупредить его въ Колтынянѣ, куда и прибылъ на слѣдующее утро. Онъ сталъ поперекъ дороги, ожидая прусскій арріергардъ, шедшій подъ начальствомъ Клейста, и по приближеніи его послалъ къ нему переговорщика объявить, что путь загражденъ и что для избѣжанія кровопролитія онъ желаетъ лично переговорить съ Клейстомъ. Послѣдній отвѣчалъ, что не можетъ согласиться на свиданіе, такъ какъ не онъ главный начальникъ, а Іоркъ, находившійся еще назади и ожидаемый вечеромъ. До прибытія его, Клейстъ предложилъ не начинать военныхъ дѣйствій и оставаться каждому на занимаемыхъ мѣстахъ. Изъ словъ Клейста открылось чрезвычайно важное указаніе, а именно, что Дибичъ сталъ поперекъ дороги не одному арріергарду, какъ думалъ онъ прежде, но всему корпусу Іорка. Въ военномъ отношеніи Іоркъ не подвергался опасности, хотя Дибичъ и преградилъ ему путь, такъ какъ у Дибича было 1,400 челов. Пруссаки легко могли опрокинуть ихъ и очистить себѣ дорогу, но Іоркъ принялъ въ руководство другія соображенія. Его давно занимала мысль избавить пруссаковъ отъ тяжкаго для нея союза съ Наполеономъ. Уже около двухъ мѣсяцевъ онъ находился въ тайной перепискѣ съ графомъ Витгенштейномъ и маркизомъ Паулучи и не скрывалъ отъ нихъ желанія свергнуть съ своего отечества чужеземное иго, но не соглашался на неоднократные вызовы нашихъ генераловъ отложиться отъ Наполеона и соединить свои войска съ нашими. Онъ полагалъ, что тогда еще не настала благопріятная пора покинуть Макдональда, и что отъ такого поступка могла быть угрожаема личная безопасность прусскаго короля, и на Пруссіи разразилось-бы мщеніе Наполеона, занимавшаго своими войсками многія изъ ея крѣпостей. Въ первомъ письмѣ къ Іорку, изобразивъ политику Наполеона, имѣвшаго въ виду ниспроверженіе законныхъ престоловъ, и описавъ успѣхи русскаго оружія, графъ Витгенштейнъ говорилъ: «Предлагаю вамъ содѣйствіе моей арміи для изгнанія вмѣстѣ съ вами жестокихъ угнетателей, заставившихъ Пруссію участвовать въ безумныхъ намѣреніяхъ Наполеона; предлагаю съ вами вмѣстѣ возвратить вашему королю власть его и потомъ избавить Германію отъ ужасовъ варвара. У меня 50,000 храбрыхъ войскъ. Они нѣкогда сражались за независимость Пруссіи; въ числѣ ихъ находятся дивизіи, омочившія кровью своею поля Пултуска, Эйлау, Гейльсберга и Фридланда». Сверхъ того, Іорку было сообщено о готовности Россіи заключить съ Берлинскимъ кабинетомъ договоръ, на основаніи котораго государь обѣщаетъ не подписывать мира, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась до Тильзитскаго мира. Іоркъ отвѣчалъ: «Дѣла еще въ такомъ видѣ, что теперь, болѣе нежели когда-либо, обязанъ я моему королю и отечеству поступать съ величайшею осторожностью. Будучи съ дѣтства военнымъ, я не имѣлъ никогда случая изучать

многообразныя сплетенія политики, но позвольте мнѣ сказать, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о совершенномъ измѣненіи отношеній между государствами, надобно прежде согласовать дѣйствія войскъ съ видами кабинета».

Въ такомъ-же смыслѣ отвѣчалъ Іоркъ на нѣсколько писемъ маркиза Паулучи, а между тѣмъ доносилъ своему двору о сношеніяхъ съ нашими генералами и съ часу на часъ ожидалъ изъ Берлина возвращенія своего адъютанта Зейдлица, когда нечаянно встрѣтилъ стоявшій у Колтыняны отрядъ Дибича. 13-го декабря, поутру онъ имѣлъ свиданіе съ Дибичемъ и узналъ отъ него объ истребленіи Наполеоновыхъ армій. Дибичъ предложилъ ему заключить договоръ, имѣвшій цѣлью объявить прусскія войска нейтральными Іоркъ не далъ положительнаго отвѣта, казался готовымъ на договоръ, но возражалъ, что, разсматривая свое положеніе съ военной точки зрѣнія, не видитъ еще достаточнаго предлога отдѣлиться отъ Макдональда. Въ заключеніе условились: ничего не предпринимать другъ противъ друга въ наступавшую ночь; поутру сдѣлать Іорку сперва обозрѣніе и потомъ маршъ въ Лафково; Дибичу-же идти въ Шелель и тамъ опять стать поперекъ пути пруссаковъ. Въ слѣдующій день пріѣхалъ къ Іорку, съ письмомъ отъ маркиза Паулучи, графъ Дона, передъ войною поступившій изъ прусской службы въ русскую, подъ именемъ Норденбурга. Въ привезенномъ имъ письмѣ маркизъ Паулучи вновь уговаривалъ Іорка отложиться отъ французовъ. Іоркъ отвѣчалъ графу Дона, что «онъ охотно согласится на предложеніе Паулучи, но желаетъ имѣть предлогъ, побуждающій его къ такому поступку, и потому хочетъ идти малыми маршами къ Тильзиту, въ надеждѣ, что графъ Витгенштейнъ, вѣрно, поспѣетъ туда прежде его, отъ чего пруссакамъ безъ великихъ потерь нельзя будетъ перейти черезъ Нѣманъ». Данные Іоркомъ Дибичу и графу Донѣ отвѣты имѣли тайною причиною ежеминутное ожиданіе возвращенія изъ Берлина отправленнаго имъ туда адъютанта. Не зная этой причины, Дибичъ безпокоился и думалъ, что Іоркъ хочетъ выиграть время и обмануть его. Іоркъ старался успокоить Дибича и переписывался съ нимъ ежедневно, подаваясь тихо впередъ; 16-го онъ пришелъ въ Таурогенъ и уже намѣревался въ слѣдующій день продолжать движеніе къ Тильзиту, гдѣ находился Макдональдъ, какъ вдругъ два желанные имъ случая придали дѣламъ совсѣмъ другой оборотъ.

17-го декабря Дибичъ получилъ изъ корпусной квартиры повелѣніе, въ которомъ его увѣдомляли, что графъ Витгенштейнъ идетъ въ Шалупишкенъ, по дорогѣ отъ Тильзита въ Лабіау, на сообщенія Макдональда. Дибичу предписывалось показать это повелѣніе Іорку и присовокупить, что, если онъ не положитъ конца двусмысленнымъ своимъ поступкамъ, то съ нимъ будутъ обращаться, какъ съ непріятелемъ, и онъ подвергнется одинаковой участи съ Макдональдомъ, котораго графъ Витгенштейнъ надѣялся отрѣзать. Въ то-же самое время пріѣхалъ адъютантъ Зейдлицъ и увѣдомилъ Іорка о намѣреніи Берлинскаго кабинета отстать отъ союза съ Наполеономъ, какъ только политическія обстоятельства сдѣлаютъ разрывъ союза возможнымъ. Зейдлицъ присовокупилъ, что дорогою черезъ Пруссію и Кенигсбергъ онъ видѣлъ остатки спасшейся изъ Россіи французской арміи и лично убѣдился въ совершенномъ ея разрушеніи. Іоркъ ска-

залъ: «Теперь или никогда пришло время смѣлою рѣшимостью со стороны Пруссіи дать новый видъ европейской политикѣ, возвративъ независимость королю и отечеству». Онъ извѣстилъ Дибича о своемъ намѣреніи отложиться отъ французовъ и пригласилъ его пріѣхать на слѣдующее утро въ Пошерунскую мельницу, недалеко отъ Таурогена. На этомъ свиданіи, происходившемъ 18-го декабря, заключено и подписано условіе, на основаніи котораго «корпусъ Іорка, состоявшій изъ 13-ти батальоновъ, 6-ти эскадроновъ и 32-хъ орудій, долженъ былъ расположиться на пространствѣ отъ Мемеля до Тильзита и, сохраняя нейтралитетъ, ожидать повелѣній отъ своего двора. Если россійскій императоръ и прусскій король не утвердятъ договора, то корпусу идти, куда отъ короля назначено будетъ, а если его величество велитъ корпусу соединиться съ французами, то не дѣйствовать ему противъ русскихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая со дня подписанія условія, сила котораго распространялась и на бывшія съ Макдональдомъ прусскія войска; подъ начальствомъ Массенбаха, когда послѣдній, согласно приказаніямъ Іорка, соединится съ нимъ».

Въ готовности Массенбаха дѣйствовать за-одно съ Іоркомъ не было сомнѣнія, но трудность состояла въ томъ, какъ отдѣлиться ему отъ Макдональда. Получивъ въ Тильзитѣ отъ Іорка извѣстіе о заключенномъ условіи и приглашеніе идти въ Таурогенъ, написанное въ видѣ строгаго повелѣнія, Массенбахъ созвалъ частныхъ начальниковъ своего отряда и объявилъ имъ о происшедшемъ въ корпусѣ Іорка. Съ восторгомъ выслушали офицеры сообщенныя имъ извѣстія, приняли ихъ за предзнаменованіе избавленія отечества и рѣшили собрать войска ночью въ величайшей тишинѣ, незамѣтно отъ Макдональда, и идти на соединеніе съ Іоркомъ. Мѣры къ сбору были приняты съ возможною осторожностью и ускользнули отъ бдительности французовъ. 19-го, рано поутру, Массенбахъ выступилъ изъ Тильзита съ 6-ю батальонами и однимъ эскадрономъ. Выйдя въ поле, онъ прочиталъ войскамъ заключенное на Пошерунской мельницѣ условіе. Солдаты сопровождали слова его восклицаніями радости, прибавили шагу и вскорѣ, въ Пиклупененѣ, встрѣтили ожидавшія ихъ съ распростертыми объятіями русскія войска. Такъ положено было начало нашего союза съ пруссаками, скрѣпленнаго потомъ на безчисленныхъ поляхъ сраженій отъ Люцена до Парижа.

Макдональдъ, съ 15-го декабря стоявшій въ Тильзитѣ, въ ожиданіи прибытія Іорка, вскорѣ узналъ о маршѣ Массенбаха на Таурогенъ и въ тотъ-же день получилъ отъ Іорка письмо о заключенномъ съ русскими договорѣ. У него было подъ ружьемъ съ небольшимъ 5,000 человѣкъ. Съ такимъ малолюднымъ отрядомъ ему нельзя было держаться въ Тильзитѣ, гдѣ онъ подвергался опасности быть обойденнымъ превосходными въ числѣ войсками графа Витгенштейна. Для избѣжанія бѣды, ему не оставалось другого средства спасенія, кромѣ поспѣшнаго отступленія къ Кенигсбергу, куда, между тѣмъ, пріѣхали Мюратъ и спасшіеся изъ Россіи маршалы. Немедленно, 19-го декабря, Макдональдъ выступилъ изъ Тильзита на соединеніе съ Мюратомъ, но не избѣжалъ-бы пораженія, если-бы графъ Витгенштейнъ, пришедшій 15-го въ Юрбургъ, успѣлъ воспользоваться четырехдневнымъ пребываніемъ Макдональда въ Тильзитѣ и сталъ на его сообще-

ніяхъ. Къ сожалѣнію, въ движеніи нашихъ войскъ произошло замедленіе отъ дурного состоянія дорогъ, усталости людей и особенно отъ недоразумѣнія, случившагося отъ смѣшенія названій двухъ селеній: войскамъ авангарда велѣно было занять селеніе Шалупишкенъ, на дорогѣ, по которой Макдональду нужно было проходить; вмѣсто того, наши заняли ошибкою другое, называемое Краупишкенъ, отстоящее отъ дороги на 20 верстъ, почему на своемъ маршѣ Макдональдъ не встрѣтилъ ни одного русскаго. Не успѣвъ пресѣчь Макдональду пути къ Кенигсбергу, графъ Витгенштейнъ перемѣнилъ направленіе войскъ и двинулся черезъ Велау къ Фридланду, угрожая сообщеніямъ непріятелей, бывшихъ въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. На одной высотѣ съ нимъ шелъ графъ Платовъ; Дунайская армія тянулась лѣвѣе на Гумбиненъ и Инстербургъ; еще лѣвѣе, къ Пултуску, находились наблюдательные отряды за княземъ Шварценбергомъ; въ правой сторонѣ былъ маркизъ Паулучи, который безъ сопротивленія вступилъ въ Мемель. Города восточной Пруссіи и Варшавскаго герцогства были одинъ за другимъ занимаемы графомъ Витгенштейномъ, графомъ Платовымъ и авангардомъ Чичагова. Въ каждомъ мы находили непріятельскіе запасы, больницы, оружіе, иногда пушки, брали плѣнныхъ, добивали дерзавшихъ сопротивляться. Всюду русскихъ встрѣчали ликованія восторженныхъ пруссаковъ. Побѣдоносныя знамена Александра все болѣе и болѣе подвигались къ Вислѣ, къ крѣпостямъ которой, какъ къ надежному пристанищу, спѣшили разсѣянные ничтожные остатки Наполеоновыхъ армій. Въ этомъ безостановочномъ, повсемѣстномъ наступленіи, описаніе котораго принадлежитъ не къ Отечественной войнѣ, но къ заграничному походу 1813-го года, князь Кутузовъ приказалъ распоряжаться такъ, чтобы «русскія войска были признаваемы отъ жителей, яко избавители и отнюдь не какъ завоеватели».

Изъ 700,000 непріятелей вооруженныхъ и нестроевыхъ, при началѣ и въ продолженіе Отечественной войны введенныхъ Наполеономъ въ Россію, не возвратилось назадъ и десятой части: всего возвратилось изъ предѣловъ нашего отечества около 70,000 человѣкъ. Остальные, слишкомъ 600,000 человѣкъ, погибли въ сраженіяхъ, отъ болѣзней, ранъ, голода, стужи, убиты поселянами, взяты въ плѣнъ съ бою или сдались добровольно, предпочитая временную неволю неизбѣжной смерти. Плѣнныхъ осталось въ Россіи до 200,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 48 генераловъ и болѣе 4,000 офицеровъ. Въ губерніяхъ Смоленской, Московской, Калужской, бѣлорусскихъ и литовскихъ сожжено и зарыто въ ямы 306,000 труповъ. Много человѣческихъ тѣлъ находилось въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, было съѣдено хищными звѣрями и сгнило въ лѣсахъ, пещерахъ и разсѣлинахъ горъ, куда во время своего бѣгства укрывались враги. Въ Ковно уложено было на льду Нѣмана и спущено въ рѣку 15,000 труповъ. Растерявъ людей, Наполеонъ утратилъ все огнестрѣльное и холодное оружіе, казну, армейскія тяжести, лошадей и награбленную въ Россіи добычу. Хотя въ своемъ бѣгствѣ онъ сожигалъ, взрывалъ на воздухъ, ломалъ и топилъ знамена, штандарты, оружіе и обозы, однако, несмотря на это, отбито у непріятелей силою или кинуто ими на дорогахъ громадное количество денегъ, коммиссаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, обозовъ, до ста знаменъ и штандартовъ и болѣе 1,000 пушекъ. Таковы были трофеи Отечественной войны, по количеству своему не имѣвшіе равныхъ себѣ въ исторіи. Простран-

ство отъ Москвы до Нѣмана, покрытое обломками Наполеоновыхъ армій, было подобно морскому берегу, на который разъяренныя волны выбрасываютъ остатки разбитыхъ бурею и потонувшихъ кораблей. Непріятельскія орудія были свезены въ Москву и сложены тамъ въ Кремлѣ, а знамена и штандарты поставлены въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ. Такъ обѣ столицы Россійскаго государства вмѣстили въ себѣ на вѣки святилище воспоминаній о грозномъ времени нашествія двадцати племенъ и живыя свидѣтельства того, какъ силы Запада Европы разбились о грудь русскихъ.

II.

Прибытіе императора Александра въ армію.

Получивъ донесеніе о занятіи Вильны, государь отправился туда изъ Петербурга, въ ночь съ 6-го на 7-е декабря. Едва узнали въ Вильнѣ о скоромъ прибытіи императора, какъ закипѣло радостное волненіе въ войскахъ, одушевленныхъ сознаніемъ исполненнаго обѣта предъ Богомъ, царемъ и отечествомъ. Такое чувство выше земныхъ наградъ, и князь Кутузовъ возбуждалъ и согрѣвалъ его, часто говоря войскамъ о великомъ, святомъ значеніи Отечественной войны. Подвигъ былъ совершенъ, но среди побѣдителей не доставало присутствія монарха, источника побѣды; сердца ихъ жаждали услышать изъ его устъ волшебный для русскихъ царскій привѣтъ. 11-го декабря, князь Кутузовъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, котораго не видали на немъ во весь походъ, съ шарфомъ черезъ плечо, держа въ рукѣ строевой рапортъ, стоялъ у подъѣзда замка. Блѣдные лучи догоравшаго солнца, ударяя прямо на маститаго вождя, освѣщали его величавое лицо, побагровѣвшее отъ стужи. Вокругъ него всѣ сохраняли молчаніе, а онъ готовился къ торжественной для него минутѣ, когда могъ донести лично монарху о спасеніи отечества. Въ исходѣ 5-го часа пополудни раздались по улицамъ народныя восклицанія, и вслѣдъ затѣмъ примчалась на дворъ замка тройка запыхавшихся лошадей, запряженныхъ въ открытыя дорожныя сани, гдѣ, занесенный снѣгомъ и инеемъ, сидѣлъ императоръ Александръ. Князь Кутузовъ поспѣшилъ ему навстрѣчу. Монархъ сжалъ его въ объятіяхъ, принялъ отъ него рапортъ и, поздоровавшись съ стоявшею въ караулѣ ротою Семеновскаго полка, пошелъ во дворецъ рука объ руку съ побѣдоносцемъ. Онъ повелъ его въ свой кабинетъ. Первымъ дѣйствіемъ императора была награда князю Кутузову, которому оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой поднесъ на серебряномъ блюдѣ орденъ святого Георгія 1-й степени. Въ слѣдующее утро, 12-го декабря, день рожденія императора, послѣ обѣдни, его величество благодарилъ армію, въ лицѣ собранныхъ во дворцѣ генераловъ и сказалъ имъ: «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу». Въ тотъ-же день государь обѣдалъ у князя Кутузова. Во время стола палили изъ Наполеоновыхъ пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ государь присутствовалъ на балу у фельдмаршала, который, получивъ за полчаса передъ тѣмъ отъ графа Платова непріятельскія знамена, повергъ ихъ къ стопамъ императора, при самомъ вступленіи его величества въ бальную залу.

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя въ Вильну, Россія была совершенно очищена отъ непріятелей отступленіемъ князя Шварценберга, Ренье и Макдональда, и императоръ велѣлъ подвинуть ближе къ Варшавскому герцогству главную армію, двѣ недѣли стоявшую на кантониръ-квартирахъ. 17-го декабря началось движеніе, и войска заняли почти тѣ-же самыя мѣста, гдѣ были расположены при началѣ войны.

Для пополненія и устройства арміи принимали самыя дѣятельныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Александръ немедленно намѣревался перейти изъ оборонительной войны въ наступательную и для этого послалъ изъ Вильны самыя убѣдительныя письма къ вѣнскому и берлинскому дворамъ, приглашая ихъ на соединеніе съ Россіею противъ врага всеобщаго мира.

Въ освобожденныя отъ непріятеля области начали стекаться жители, во время нашествія разсѣянныя въ разныя стороны военною грозою. Каждое семейство имѣло свою особенную исторію похожденій и странствованій. Всѣ находили большее или меньшее, а иные совершенное разореніе родимаго крова. Многіе не отыскивали и слѣда своихъ жилищъ. Въ Смоленской губерніи иные дворяне, имѣвшіе въ началѣ августа по 1,000 и болѣе душъ, увидѣли себя въ декабрѣ безъ куска хлѣба, принужденными обуваться въ лапти. Въ маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ избъ тѣснились, какъ могли, помѣщики, вмѣстѣ съ крестьянами и слугами. Одинъ помѣщикъ, имѣвшій 90 душъ до вторженія непріятелей, возвратившись въ свое имѣніе, не нашелъ ни крестьянъ, слѣдъ которыхъ на-всегда исчезъ, ни домовъ ихъ, ни господскаго строенія, а увидѣлъ только пепелище и на немъ—кошку. Другой, владѣлецъ 150 душъ, не встрѣтилъ въ своемъ селѣ ни одного живого существа; не было въ немъ ни одного уцѣлѣвшаго дома или хлѣва; во всей вотчинѣ остались неприкосновенными только два дерева. Въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ нашествіе Наполеона причинило также великое опустошеніе. Цѣнность сожженнаго и расхищеннаго непріятелями имущества обывателей, потери отъ падежа скота, истребленія хлѣба на поляхъ, различныхъ поставокъ для непріятельской арміи, и вообще понесенные въ Отечественную войну этими губерніями убытки составляли 160.212,794 рубля.

Мало находилось въ Россіи семействъ, которыя въ Отечественной войнѣ не лишились-бы отца, брата, сына или родственника, павшихъ въ рядахъ храбрыхъ. Объ ихъ вѣчномъ успокоеніи возносились молитвы къ небу; погребальное пѣніе панихидъ сливалось съ молебнами о побѣдахъ, оглашавшими всю имперію.

Правительство оказывало всякія пособія жителямъ, удалившимся во время войны изъ занятыхъ непріятелемъ областей и оставшимся безъ пристанища и средствъ къ существованію. Прибывавшимъ изъ этихъ губерній чиновникамъ выдавалось жалованье; велѣно было помѣщать ихъ преимущественно на открывавшіяся вакансіи. Выходцевъ крестьянъ, изъ которыхъ иные очутились подъ Гатчиною, а другіе на низовьяхъ Волги, размѣщали по казеннымъ селеніямъ и опредѣляли имъ денежную помощь, на взрослаго по 15-ти, на малолѣтняго по 7½ копѣекъ въ сутки. Во всѣхъ губерніяхъ были учреждены для попеченій о выходцахъ коммиссіи, подъ надзоромъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, предводителей и про-

куроровъ. Для каждой комиссіи открыли въ казенныхъ палатахъ кредитъ въ 10,000 рублей и выставили при церквахъ кружки для добровольнаго подаянія. Коммиссіи обязаны приводить въ извѣстность нуждавшихся въ помощи скитальцевъ, изыскивать и употреблять всѣ средства для поддержанія ихъ, размѣщая ихъ по городамъ и селеніямъ и предлагая имъ, не пожелаетъ-ли кто вступить добровольно въ военную службу на время войны, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ея возвратиться въ свои дома, а если помѣщики оставятъ крестьянъ на службѣ, то зачитать ихъ за рекрутовъ. Притомъ подтверждено было: отнюдь никого не принуждать къ службѣ. Епархіальнымъ архіереямъ велѣно было принимать въ призрѣніе монастырей выходцевъ, особенно престарѣлыхъ, немощныхъ и малолѣтнихъ. Въ такомъ священномъ дѣлѣ русское радушіе и гостепріимство обыкновенно предупреждали дѣйствія правительства. Въ городахъ и селахъ давали выходцамъ пищу, одежду и пристанище. Въ пользу ихъ были присылаемы значительныя суммы изъ удаленныхъ отъ театра войны губерній. Такъ, напримѣръ, костромское дворянство пожертвовало изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ 50,000 четвертей хлѣба; вырученныя за ихъ продажу деньги, полмилліона рублей, препровождены были для раздачи разореннымъ отъ непріятеля. Изъ этой суммы 50,000 рублей переданы въ вѣдѣніе синода, на возобновленіе церквей, потерпѣвшихъ во время нашествія. Въ Петербургѣ составились два общества: Женское Патріотическое, подъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, и Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля. Въ Петербургѣ начали издавать новую газету, подъ названіемъ «Русскій Инвалидъ», съ цѣлью обращать выручаемую за нее прибыль въ пользу изувѣченныхъ въ сраженіяхъ воиновъ и осиротѣвшихъ семействъ ихъ. Пожертвованія въ пользу инвалида стекались отовсюду. Самые щедрые дары были доставляемы императрицею Маріею Ѳеодоровною и присылались обыкновенно съ слѣдующею припискою: «Отъ счастливой Матери и Дѣтей Ея». Когда черезъ годъ потомъ великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ отправились въ армію, въ припискѣ сдѣлано было измѣненіе и присылаемыя по повелѣнію императрицы въ пользу инвалида суммы сопровождались словами: «Отъ счастливой Матери и Ея дочери». Изъ множества приношеній, безпрестанно увеличивавшихъ инвалидный капиталъ, нельзя обойти молчаніемъ 42,000 рублей, пожертвованныхъ на призрѣніе защитниковъ отечества московскими жителями, едва оживщими тогда отъ разразившейся надъ ними грозы.

На пепелища городовъ возвращались и гражданскія начальства. По своемъ прибытіи на мѣста, они не скоро могли заняться исполненіемъ своихъ должностей, потому что находили зданія присутственныхъ мѣстъ, архивы и дѣла большею частію сожженными. Первоначальнымъ дѣйствіемъ губернскихъ и уѣздныхъ начальствъ препятствовало также разореніе почтовыхъ станцій, отъ чего происходила медленность въ пересылкѣ предписаній и полученіи донесеній. Во всемъ очищенномъ отъ непріятеля краѣ спѣшили учреждать почтовыя сообщенія. При оскудѣніи обывателей лошадьми это дѣло было сопряжено съ большимъ трудомъ. Одною изъ первыхъ заботъ правительства было возстановленіе богослуженія и возвращеніе церквамъ

пастырей. Государь велѣлъ отправиться въ Смоленскую и сопредѣльныя ей губерніи члену синода, архіепископу Ѳеофилакту, для употребленія всѣхъ возможныхъ усилій къ приведенію епархій, по всѣмъ ихъ частямъ, въ надлежащее устройство. О своихъ дѣйствіяхъ архіепископъ обязанъ былъ доносить еженедѣльно синоду.

Оживала и Москва, пораженная рукою изверговъ, стряхивала съ себя пепелъ и прахъ, возносила посѣдѣвшую главу свою изъ развалинъ. Долго надобно было очищать ее отъ всякихъ мерзостей, которыми иноплеменные пришельцы ее наполнили. Для уборки хлама и нечистоты въ церквахъ, обществѣнныхъ зданіяхъ и улицахъ, кромѣ наемныхъ людей, употребляли исправлявшихъ во время занятія непріятелями Москвы полицейскія и другія должности. Вокругъ нихъ ставили команды для охраненія ихъ отъ негодованія народа. Немалаго труда стоило очистить Москву отъ мертвыхъ труповъ, лежавшихъ не только на поверхности земли, но въ погребахъ, колодцахъ и потаенныхъ мѣстахъ. Въ уѣздахъ Московской губерніи и въ Москвѣ человѣческіе трупы и падаль были предаваемы сожженію. Кромѣ зарытыхъ въ ямы и значительнаго количества отправленныхъ на нашатырные заводы, сожжено въ Москвѣ зимою 1812-го года человѣческихъ труповъ 11,958 и конскихъ 12,576. По очищеніи города начали освящать одну часть за другою, причемъ викарій московскій Августинъ окроплялъ крестообразно городъ и многочисленныя народныя толпы.

Между тѣмъ какъ въ предѣлахъ Россіи водворялась святыня на мѣстахъ нечестія, праздновалось искупленіе отечества, и государь замышлялъ въ Вильнѣ великое предпріятіе освобожденія Европы, не остались чуждыми его благодушія жертвы Наполеонова славолюбія, еще недавно поражавшія Россію. Александръ простеръ руку помощи врагамъ, жребіемъ войны преданнымъ его власти. Еще въ августѣ мѣсяцѣ были постановлены правила о плѣнныхъ, заключавшіяся въ слѣдующемъ: снабжать ихъ одеждою и обувью, смотря по временамъ года, и отправлять съ воинскими командами или внутреннею стражею въ губерніи Астраханскую, Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую; поляковъ въ Георгіевскъ; испанцевъ и португальцевъ въ Петербургъ; больныхъ оставлять въ городскихъ госпиталяхъ; подводы давать: на 12 человѣкъ одну, для больныхъ на 2 человѣка одну, на двухъ офицеровъ одну пароконную; содержаніе производить: генераламъ по 3 рубля въ сутки, полковникамъ и подполковникамъ по 1-му рублю 50-ти копѣекъ, маіорамъ и оберъ-офицерамъ по 50-ти, нижнимъ чинамъ по 5-ти копѣекъ и солдатскій провіантъ; деньги и хлѣбъ выдавать впередъ на 7 дней; не дѣлать никакихъ обидъ плѣннымъ, наблюдая за ними, чтобы они не позволяли себѣ шалостей. Плѣнные вообще вели себя смирно, но изрѣдка случалось, что они отбивали пики у конвойныхъ крестьянъ и ратниковъ и скрывались. За побѣгъ или буйство одного отвѣчала вся партія плѣнныхъ, что смиряло дерзость со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ началѣ похода, когда они высоко носили голову, величаясь честію принадлежать арміи Наполеона, убѣжденные въ скоромъ торжествѣ его и, слѣдовательно, кратковременности своего плѣна. Вскорѣ, однако, они смирились, и нѣкоторые стали даже изъявлять желаніе вступить въ русскую службу. Такихъ отправляли въ разные депо, гдѣ образовывали изъ нихъ батальоны.

Въ ноябрѣ государь писалъ князю Кутузову: «Я поручаю вамъ подтвердить кому слѣдуетъ, чтобы плѣнные изъ арміи, предводительствуемой вами, отправляемы были въ полномъ порядкѣ, а о соблюденіи онаго въ пути, равно о достаточномъ продовольствіи и снабженіи одеждою, приличною времени года, всякій разъ предписывать губернатору той губерніи, въ которую съ самаго начала партія плѣнныхъ вступаетъ, требуя неотмѣнно распоряженія его, чтобы люди сіи не отправлялись иначе въ путь, какъ по окопировкѣ, которая сохранила-бы ихъ отъ дальней нужды, наипаче въ теперешнее зимнее время». Исполненіе этого человѣколюбиваго повелѣнія было сопряжено съ великими затрудненіями, а иногда и невозможно. Предписанныя на счетъ плѣнныхъ правила соблюдались, пока была нѣкоторая соразмѣрность въ числѣ забираемыхъ нами непріятелей. При бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы брали плѣнныхъ сперва сотнями, потомъ тысячами, наконецъ, десятками тысячъ, полунагихъ, босыхъ, среди зимы, въ мѣстахъ безлюдныхъ, до конца выжженныхъ, гдѣ и русская армія съ нуждою имѣла пропитаніе, а иногда бывала безъ хлѣба. Слѣдовательно, исчезла возможность снабжать плѣнныхъ тулупами, обувью, продовольствіемъ и подводами. Пока плѣнные оставались близъ нашихъ лагерей, съ ними дѣлились, чѣмъ могли, но бѣдствія ихъ начинались при отправленіи ихъ внутрь имперіи. Многіе погибали по дорогамъ, прежде нежели могли дойти до мѣстъ неразоренныхъ, но и тутъ не было для нихъ по большей части другого крова, кромѣ сараевъ, погребовъ, нежилыхъ или недостроенныхъ домовъ. Во время разгара войны, крестьяне боялись, какъ грѣха, оказыванія плѣннымъ помощи; больныхъ и истомленныхъ выкидывали съ подводъ на поля и въ снѣгъ, но потомъ, когда повсюду распространилась вѣсть о торжествѣ отечества, состраданіе взяло верхъ надъ ненавистью къ врагамъ, и русское добродушіе спасало ихъ отъ неминуемой смерти. На нихъ стали смотрѣть болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ яростью; однако, вскорѣ необходимость заставила избѣгать всякаго сближенія съ плѣнными, потому что они заносили въ селенія злокачественныя и прилипчивыя болѣзни, которыми многіе изъ нихъ были заражены. Больные плѣнники гнили и пухли; живые, отъ всякой мерзости, которую употребляли въ пищу, смердѣли, какъ трупы. Горе бывало тому, кто прикасался даже къ рубищу, покрывавшему воиновъ Наполеоновой арміи! Для отвращенія заразы предписаны были разныя средства, кромѣ врачебныхъ пособій, состоявшія въ томъ, что плѣнныхъ ставили на ночлеги въ нежилыхъ избахъ и какъ можно далѣе отъ обывателей, запрещали имъ всякое сообщеніе съ поселянами, окуривали ихъ, сожигали трупы и одежду умершихъ. Наконецъ, когда зараза усилилась и распространилась даже въ губерніи, гдѣ не было театра войны, какъ-то: Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Костромскую и Орловскую, велѣно было остановить разсылку плѣнныхъ и оставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигнетъ предписаніе.

Сама Вильна, до нашествія Наполеона цвѣтущая, веселая, представляла въ декабрѣ мѣсяцѣ обитель смерти. Бродившіе по улицамъ французы походили болѣе на мертвыхъ, нежели на живыхъ людей. Иные идя вдругъ падали и умирали, другіе были въ одурѣніи, вытаращивъ глаза хотѣли говорить, но испускали только невнятные звуки. Въ одномъ мѣстѣ находилась стѣна, составившаяся изъ смерзшихся вмѣстѣ тѣлъ, накиданныхъ одно на другое. Большого труда

стоило убрать мертвыхъ, привести въ извѣстность больныхъ и плѣнныхъ, наполнявшихъ всѣ дома и большею частію страдавшихъ прилипчивыми болѣзнями, тифомъ, злокачественными сыпями, кровавыми поносами. Болѣе 800 артиллерійскихъ и другихъ казенныхъ лошадей были наряжаемы нѣсколько сутокъ сряду для вывоза труповъ; до 200 русскихъ и плѣнныхъ лекарей, занимаясь цѣлый день больными, не успѣвали осматривать всѣхъ порученныхъ имъ страдальцевъ. Собираніе труповъ по полямъ, дорогамъ и лѣсамъ, сваливаніе ихъ въ большія кучи, преданіе землѣ, сожиганіе, должно было производиться особыми подрядами. 13,000 раненыхъ и изнемогавшихъ непріятелей были собраны въ католическихъ монастыряхъ, гдѣ въ темныхъ корридорахъ, на крыльцахъ и дворахъ навалены были кучи умершихъ. Въ больницахъ такъ было тѣсно, что находившіеся въ нихъ еще не совсѣмъ ослабѣвшіе непріятели, чтобы дать себѣ большаго простора, выбрасывали изъ оконъ умирающихъ, но еще живыхъ своихъ товарищей. Государя не устрашили смрадныя могилы. Онъ самъ посѣщалъ госпитали, или, лучше сказать, обширныя кладбища, лично утѣшалъ и ободрялъ страдальцевъ. Онъ присутствовалъ при перевязкѣ ранъ и раздачѣ пищи, говорилъ непріятелямъ объ ихъ отечествѣ, подавалъ имъ надежду возвратиться на родину и своими попеченіями спасъ тысячи несчастныхъ, обреченныхъ на неизбѣжную гибель. Самые злонамѣренные иностранные писатели о войнѣ 1812-го года, самые злые клеветники Россіи, побѣжденные великодушіемъ Александра, превозносятъ его самоотверженіе, сознаваясь единогласно, что въ полномъ сіяніи славы побѣдоносный самодержецъ Россіи рисковалъ своею жизнью для спасенія изнемогавшихъ непріятелей.

Не только на враговъ обратилъ Александръ свое милосердіе, но и на тѣхъ жителей въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, которые во время нашествія забыли долгъ вѣрноподданныхъ и соединились съ пришельцомъ, мечтавшимъ поработить Россію. Черезъ сутки послѣ своего пріѣзда въ Вильну, государь объявилъ имъ прощеніе манифестомъ. Исключались отъ помилованія только тѣ, которые послѣ манифеста упорствовали въ своемъ преступленіи: такіе изгонялись изъ Россіи и теряли права на свои имѣнія. «Надѣемся», говорилъ Александръ, «что сіе наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ, издревле единоязычный и единоплеменный съ россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть столько счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во единое тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею».

III.

Общій взглядъ на войну 1812 г.

Шесть мѣсяцевъ и три дня, считая съ 12-го іюня до 15-го декабря, то есть, со дня вторженія Наполеона въ Россію и до великаго дня изгнанія враговъ изъ нашихъ предѣловъ, продолжалась Отечественная война. Не обыкновенною войною была она, но нашествіемъ, предпринятымъ для покоренія Россіи и сооруженія на развалинахъ ея новаго политическаго зданія по прихоти завоевателя,

увѣреннаго, что съ паденіемъ державы Александра весь свѣтъ будетъ принадлежать ему одному. Нашествіе скрывало въ себѣ начало, полное великихъ послѣдствій, которыя должны были разрушить единство и цѣлость Россіи и довершить порабощеніе Европы. Побѣдами, договорами, принужденіемъ Наполеонъ сдвинулъ Западъ Европы съ его вѣкового основанія и устремилъ на Сѣверъ. Какъ опустошительный ураганъ ниспровергаетъ все на своемъ пути, какъ пламенная лава пожираетъ все, встрѣчаемое огненнымъ потокомъ ея, такъ Наполеонъ пробѣжалъ съ своею ратью пространство земель отъ Нѣмана до Москвы. Россія была обречена на раны и истязаніе; русская армія отступила до Нары, но не побѣжденная, а сохраняя чувство своего достоинства, своей силы, гордая своимъ имѣнемъ, вѣрная своимъ вѣковымъ доблестямъ, твердая въ вѣрѣ праотцевъ, одушевленная спасительною мыслью Александра: «Нѣтъ мира съ нарушителемъ всеобщаго спокойствія!» Столкнувшись съ этимъ убѣжденіемъ, рушились надежды и счастье завоевателя. Вскорѣ разлетѣлись, какъ дымъ, его мечты раздробить Россію: онъ просилъ мира, изыскивалъ средства сблизиться съ Александромъ, но, ни разу не удостоенный отвѣта, принужденъ былъ сперва отступать, а потомъ бѣжать; растерялъ оружіе, обозы, запасы, войска; съ срамомъ спасся черезъ Нѣманъ, низвергся съ вершины своего могущества. Изъ роковой борьбы Россія вышла съ обновленными и такими силами, существованіе которыхъ ей самой до непріятельскаго нашествія не было извѣстно. Истинный періодъ ея величія и основаніе дивныхъ судебъ ея начались съ 1812-го года, давшаго случай показать свѣту, что такое русскій человѣкъ и что такое святая Русь.

Этимъ благоденствіемъ Россія обязана императору Александру, своею твердостью отстранившему униженіе своего государства. Безтрепетно вступивъ въ бой съ Наполеономъ, непреклонно преслѣдовавшимъ свое стремленіе къ міровладычеству, и двадцатью народами, Александръ остался вѣренъ обѣту: «Не опускать меча въ ножны, пока непріятели не будутъ изгнаны». Наполеонъ собралъ несмѣтныя силы противъ Россіи. Войско его было храбро, закалено въ бояхъ и непрерывныхъ побѣдахъ, предводимо полководцомъ, до такой степени ставившимъ себя выше препятствій, что силою своихъ рукъ онъ надѣялся сдвинуть съ мѣста громадную Россію. Но источники обороны Россіи и твердость Александра превозмогли расчеты Наполеона, и Россія не пала подъ силой вражескаго оружія. Напрасно располагалъ Наполеонъ дѣйствіями такъ, чтобы,поражая оружіемъ, въ тоже время ужасать умы, и, ломясь въ Москву, посылалъ корпусы на Ригу, Кіевъ и Петербургъ, то есть, угрожалъ всей Россіи—Александръ, готовый на всякія пожертвованія, готовый перенести свою столицу на берега Волги, даже Иртыша, находилъ всевозможныя средства для погибели Наполеона, постоянно провозглашая: «Нѣтъ мира съ врагами!» Слово русскаго царя было свято и непоколебимо, какъ свята и непоколебима Россія. Здѣсь истинный, главный источникъ побѣдъ Россіи и спасенія Европы, непосредственнаго слѣдствія Отечественной войны.

Все было исполнено въ Отечественной войнѣ: великость и дерзость предпріятія, мѣры, принятыя для его исполненія, средства обороны и послѣдствія, происшедшія отъ войны. Она была борьбою столько-же вещественныхъ, сколько и нравственныхъ силъ. Со сто-

роны Наполеона были увѣренность въ счастье, превосходство его военныхъ способностей, неодолимость 700,000 человѣкъ, состоявшихъ подъ его властью, надежда занятіемъ огромнаго пространства Россіи и покореніемъ столицы поколебать своего противника. Со стороны Александра было убѣжденіе въ могущество его царства, въ правоту дѣла и очевидность, что война шла и за Россію, и за самостоятельность законныхъ престоловъ. Наполеонъ не зналъ Россіи, не постигалъ возвышенной души Александра, его желѣзной рѣшимости не мириться, великости русскаго народа, взывавшаго: «Отдаемъ все—идемъ поголовно!» Наполеонъ основывался на своихъ прежнихъ побѣдахъ, но русское поколѣніе 1812-го года было полно воспоминаніями побѣдъ Екатерины и Павла. Маренго, Арколь, Ваграмъ могли ослѣплять французовъ, стращать нѣмцевъ, пугать итальянцевъ, но не русскихъ, сохранявшихъ въ свѣжей памяти залитые кровью Измаилъ и Прагу и знамена Павла на Альпахъ. За Наполеона говорили одержанныя имъ въ теченіе 16-ти лѣтъ побѣды; русскіе видѣли за собою цѣлый вѣкъ славы, бились за родину, за помазанника Божія, за вѣру.

Среди бѣдствій нашествія, общаго потрясенія имперіи и жестокихъ превратностей судьбы императоръ Александръ Павловичъ былъ лучезарнымъ свѣтиломъ, которое все грѣло и оживляло. Его слова, дѣянія, носящія на себѣ печать несокрушимой крѣпости, служили указаніемъ всему государству на то, что должно было дѣлать, и ручательствомъ того, что не зазвенѣть на Россіи оковамъ рабства. Всегда, даже во время самаго неблагопріятнаго для насъ оборота войны, выражаемая Александромъ увѣренность въ успѣхъ и неодолимость Россіи была для всѣхъ залогомъ, что за черными тучами, налегшими на небосклонъ нашего отечества, кроется ясный день. По духу благочестія, которымъ былъ полонъ императоръ Александръ, Отечественная война отъ начала до конца носила на себѣ со стороны Россіи печать христіанскаго смиренія, покорности промыслу Всевышняго. Во всѣхъ манифестахъ, приказахъ, объявленіяхъ отъ правительства призывали помощь Божію. Въ чистѣйшемъ умиленіи предъ Блюстителемъ вселенной, одному Богу отнесъ Александръ побѣды.

Великодушной рѣшимости монарха отвѣчали наше богатырское войско и благочестивый народъ. Ни въ одномъ сраженіи не могъ Наполеонъ сдвинуть съ мѣста нашу главную армію. Она отступала по волѣ начальства, а не вслѣдствіе пораженій или принужденія къ отступленію непріятелемъ. Свидѣтельство этому—сраженія при Смоленскѣ, Бородинѣ, Малоярославцѣ. Русскіе отходили назадъ, но съ самосознаніемъ непобѣдимости, сокрушаясь только о томъ, зачѣмъ не возобновляютъ боя. Всѣ чины, отъ генерала до солдата, всѣ роды войскъ соревновали другъ предъ другомъ въ подвигахъ мужества, перенесеніи трудовъ, безотчетномъ исполненіи воинскихъ обязанностей; всѣ одного хотѣли: спасенія и славы Россіи. Жизнь была послѣднимъ условіемъ. Сердце каждаго билось священнымъ трепетомъ за государственную независимость.

Неизмѣнная вѣрность народа выдержала безпримѣрные ужасы нашествія. Общимъ возгласомъ было: «Господи! спаси любезное отечество, защити православнаго государя, спаси народъ русскій!» При мысли, что все гибнетъ, все грозитъ отечеству срамомъ, не было

частной боязни личныхъ выгодъ и опасеній. Вездѣ въ коренной Россіи Наполеонъ находилъ пепелъ и опустѣніе: куда ни обращалъ онъ взоръ, всюду видѣлъ огненные столпы, восходившіе къ небу; всюду сверкали за пожарами топоры, рогатины, вилы ополчившагося народа, ковались копья, оттачивались на поражеціе враговъ серпы и косы. Оставляя женъ и дѣтей, всѣ становились на защиту отечества, на борьбу съ двадцатью народами. Никто не преклонялся передъ Наполеономъ. Вездѣ вокругъ послѣдняго было гробовое молчаніе пустыни, озаренной заревами пожаровъ. Гнѣздясь въ Кремлѣ, Наполеонъ высчитывалъ раны, нанесенныя имъ Россіи, и изыскивалъ мѣсто, гдѣ онъ могъ-бы еще вѣрнѣе поразить ее: но, куда ни устремился-бы онъ изъ Москвы, вездѣ ждали его явленія, подобныя тѣмъ, какія нашелъ онъ въ губерніяхъ Смоленской и Московской, вездѣ тонули-бы его войска въ огненномъ потопѣ, гибли-бы подъ ударами разъяреннаго народа, горѣвшаго чувствомъ кровавой мести.

Въ полномъ смыслѣ слова Отечественная война была войною народною, и такъ называлъ ее князь Кутузовъ. Призванныя манифестомъ 6-го іюля къ общему вооруженію всѣ сословія приняли въ ней самое пламенное участіе. Цѣлыя губерніи ополчились противъ непріятеля; другія были готовы со всѣмъ народонаселеніемъ идти поголовно. Каждый русскій былъ вкладчикомъ въ священномъ дѣлѣ; каждый дружно становился грудью противъ врага или помысломъ переносился къ тому времени, когда будетъ его очередь стать за церковь и царя. Одни жертвовали достояніемъ, другіе собственною жизнью, жизнью дѣтей; каждый былъ или хотѣлъ быть полезенъ, кто дѣломъ, кто совѣтомъ. Страшились не пожертвованій, но того, чтобы не упустить какихъ-либо пожертвованій. Жизнь и имущество русскихъ людей принадлежали не расчетамъ, но отечеству. Что оставалось Россіи среди грознаго нашествія? Вѣра, преданность къ царю, самосознаніе собственной силы. Съ этими средствами она совершила великій подвигъ. Но не будемъ хвалиться! мы только исполнили долгъ нашъ. Въ ту эпоху опасностей и надеждъ, отчаянія и увѣренности въ успѣхѣ, эпоху всѣхъ душевныхъ волненій, ни прежде, ни послѣ намъ неизвѣстныхъ, нигдѣ не оказывалось сомнѣнія, противорѣчій: въ одно общее чувство любви къ государственной чести сливалось все, что въ душахъ русскихъ таится пылкаго, горячаго, возвышеннаго; и русскіе отстояли отечество собственными силами, безъ малѣйшей чужеземной помощи. Не взирая на чрезвычайныя пожертвованія народа и происшедшее отъ того затрудненіе въ оборотахъ государственнаго казначейства, Александръ не обращался къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о денежныхъ вспомоществованіяхъ и требовалъ отъ нихъ—только оружія.

Благословляя Россію монархомъ, не усомнившимся въ ея спасеніи, Провидѣніе сохраняло ей и полководца. Князь Кутузовъ былъ равно силенъ превосходствомъ своихъ умственныхъ способностей, многолѣтнимъ опытомъ и общимъ къ нему довѣріемъ Россіи, признававшей его съ давнихъ лѣтъ самымъ искуснымъ и прозорливымъ государственнымъ мужемъ въ войнѣ и мирѣ. Неоднократно предводительствуя арміями, участвуя въ полномочныхъ посольствахъ въ царствованія Екатерины II и Павла I, во всѣхъ случаяхъ своей дѣятельной жизни онъ доказывалъ глубокое знаніе людей и искусство привлекать къ себѣ сердца. Когда громады Наполеона стояли на

Вислѣ, за мѣсяцъ до перехода черезъ Нѣманъ, князь Кутузовъ успѣлъ склонить турокъ къ миру, уже по себѣ блистательному, а при обстоятельствахъ того времени столь важному, что его назвали въ манифестѣ «миромъ Богодарованнымъ». Такова была первая въ 1812-мъ году заслуга Кутузова. Самъ Наполеонъ, не задолго до нашествія, указывалъ на него, какъ на предводителя русскихъ армій. Министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона, уѣзжая въ апрѣлѣ изъ Парижа въ Дрезденъ, спросилъ нашего посла: «Кому въ случаѣ войны, поручатъ у васъ предводительство?» и присовокупилъ: «Мы думаемъ, что императоръ Александръ будетъ находиться лично при войскахъ, имѣя при себѣ Кутузова».

Съ той самой минуты, когда императору Александру благоугодно было назначить Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, смолкли пересуды и недоумѣнія, все слилось въ одну мысль: довѣріе къ любимому вождю. И въ народѣ, и въ войскахъ вновь пробудилось убѣжденіе, съ которымъ русскіе сроднились со временъ Петра, что никто въ мірѣ одолѣть ихъ не можетъ. Это было обновленіемъ русскаго духа. Узнавъ о пріѣздѣ Кутузова въ армію, Наполеонъ остановилъ быстрое стремленіе своихъ полчищъ, пошелъ медленно, ощупью, сталъ готовиться къ бою. И загремѣлъ бой на берегахъ Колочи. При Бородинѣ была первая встрѣча Наполеона съ Кутузовымъ, встрѣча безпримѣрная въ исторіи. Львиная храбрость русскихъ и распоряженія Кутузова не дали восторжествовать Наполеону, хотя онъ превосходилъ насъ слишкомъ 50.000-ми человѣкъ. Послѣ Бородинскаго погрома, Кутузовъ долженъ былъ уступить многолюдству враговъ. Жертвуя Москвою, онъ принялъ на себя всѣ несчастія и скорби ея жителей, недоумѣніе войскъ, опасеніе отечества. При страшномъ заревѣ московскаго пожара, спокойный духомъ, онъ произнесъ слова, разнесшіяся по всей Россіи: «Потеря столицы не есть потеря отечества», и тогда-же описалъ государю въ краткихъ чертахъ ходъ своихъ будущихъ дѣйствій, обдуманные замыслы, которые потомъ всѣ сбылись. Движеніемъ съ Рязанской дороги на Калужскую онъ пріобрѣлъ всѣ выгоды, какія извлекаетъ полководецъ, ставшій на настоящій путь дѣйствій и имѣющій возможность пересѣкать и угрожать путь сообщеній и отступленія своего противника. Въ Тарутинѣ, въ неимовѣрно короткое время, Кутузовъ привелъ въ самое стройное положеніе армію, утомленную тысячеверстнымъ отступленіемъ и кровавыми сраженіями, вручилъ народу оружіе, осадилъ Наполеона въ Москвѣ, и, не слушая никакихъ настояній, не искалъ преждевременныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, но извлекалъ всѣ выгоды изъ новаго рода войны. Когда, благодаря грозному молчанію Александра, завоеватель потерялъ надежду заключить миръ и повернулъ обратно изъ Россіи, Кутузовъ угадалъ намѣренія Наполеона, разрушилъ его замыслы, преградилъ ему путь въ уцѣлѣвшій край, принудилъ его отступать по голодной дорогѣ, а самъ пошелъ на перерѣзъ его путей, продолжая широкое боковое движеніе, совершенное вокругъ Москвы, нанося непріятелямъ безпрестанныя пораженія, лишившія ихъ увѣренности въ свои силы и приведшія ихъ въ такое нравственное и физическое разстройство, что, не видя спасенія, Наполеонъ бросилъ погибавшее въ страшныхъ мученіяхъ войско и ускакалъ на почтовыхъ, подобно великому визирю, за полтора года передъ тѣмъ принужденному Кутузовымъ покинуть армію на жертву

голода и ночью плыть въ челнокѣ по Дунаю. Не слѣпой случай помогалъ Кутузову: его удары были вѣрны, гибельны для непріятеля, не тяжки для русской арміи. Россія слѣдовала мысленно за каждымъ шагомъ Кутузова, сперва съ надеждами, потомъ съ благодарностью, наконецъ, съ удивленіемъ, и всегда съ мольбами, именуя его своимъ избавителемъ.

Да и что могло быть справедливѣе признательности согражданъ къ полководцу? 17-го августа онъ принялъ въ Царевомъ Займищѣ начальство надъ арміями противъ непобѣдимаго дотолѣ Наполеона, ломившагося въ Москву, а черезъ восемь мѣсяцевъ поставилъ русскія знамена, увитыя лаврами, на берегахъ Эльбы?

Пройдутъ вѣка, и всегда останется свѣжимъ воспоминаніе о 1812-мъ годѣ, ознаменованномъ русскою славою и обремененномъ преступленіями, совершенными въ Россіи народами Европы, называвшими себя просвѣщенными. Для Отечественной войны нѣтъ тлѣна, но императоръ Александръ захотѣлъ, однако-жъ, увѣковѣчить ее тремя памятниками: столпомъ изъ непріятельскихъ орудій, медалями съ окомъ Провидѣнія и храмомъ, воздвигнутымъ Христу Спасителю. О сооруженіи монумента изъ вражескихъ пушекъ былъ данъ графу Ростопчину Высочайшій рескриптъ.

Высочайшимъ приказомъ по арміямъ возвѣщено было объ установленіи медалей, назначенныхъ для ношенія всѣмъ, отъ главнокомандующаго до солдата, кромѣ чиновъ, которые и были на войнѣ, но не участвовали въ сраженіяхъ. Заключительныя слова этого приказа гласятъ слѣдующее:

«Воины! Въ ознаменованіе незабвенныхъ подвиговъ вашихъ повелѣли Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая, съ начертаніемъ на ней прошедшаго толь достопамятнаго 1812-го года, долженствуетъ на голубой лентѣ украшать непреодолимый щитъ отечества—грудь вашу. Всякъ изъ васъ достоинъ носить на себѣ сей достопочтенный знакъ, сіе свидѣтельство трудовъ, храбрости и участія въ славѣ, ибо всѣ вы одинаковую несли тяготу и единодушнымъ мужествомъ дышали. Вы по справедливости можете гордиться симъ знакомъ: онъ являетъ въ васъ благословляемыхъ Богомъ истинныхъ сыновъ отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещутъ, вѣдая, что подъ нимъ пылаетъ храбрость, не на страхѣ или корыстолюбіи основанная, но на любви къ вѣрѣ и отечеству, и, слѣдовательно, ничѣмъ непобѣдимая».

О сооруженіи храма въ Москвѣ объявлено манифестомъ такъ:

«Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь-же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ, что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы Наши, есть явно изліянная на насъ благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, котораго не изгладятъ вѣка изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности Нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ея гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да

совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ дѣламъ ихъ предковъ».

25-го декабря возвѣщено было государству о благополучномъ окончаніи Отечественной войны слѣдующимъ манифестомъ:

«Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное Наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ Насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, страшныя силы и подвизаемый алчностью завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой Нашей имперіи, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая, по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій его, приготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ и видя уже его съ неукротимою яростію вступившаго въ Наши предѣлы, принуждены Мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ свой и обѣщать царству Нашему, что Мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ Нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ Народа, въ чемъ и не обманулись. Каковой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютостей и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобы она хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ: всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико-же пылающую любовію къ отечеству, колико любовію къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія едва-ли имовѣрныя, едва-ли когда слыханныя. Да представятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ Нашу землю. Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется и начинаетъ повсюду разливать огонь и опустошеніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его въ Наши предѣлы, и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слова священнаго пѣснопѣвца: «видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе, и мимоидохъ и се не бѣ, и взыскахъ его и не обрѣтеся мѣсто его». По истинѣ сіе высокое изреченіе совершилось во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ на-

шимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровію землю, лежитъ, покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая великая часть въ разныхъ и частыхъ битвахъ взята со многими военачальниками и полководцами въ плѣнъ, и такимъ образомъ, что послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое предъ ними преклоняли. Остальная, столь-же великая, часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ гонимая побѣдоносными нашими войсками и встрѣчаемая мразами и голодомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы, самомалѣйшая, ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ едва-ли полумертвая можетъ придти въ страну свою, дабы къ вѣчному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію, объявляемъ Мы любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами при открытіи войны сей свыше вѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? Мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главными чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая рытыхъ и потопленныхъ имъ, отбили у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго войсками Нашими знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя отечеству заслуги, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго Нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. Итакъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій. Повергнемся предъ святымъ Его Престоломъ и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ! Пойдемъ благостію дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, единственнымъ ведущимъ къ нему путемъ, въ храмъ святости Его, и тамъ, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты и припадемъ къ нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою надъ нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду, желанный миръ и тишину».

Православная россійская церковь ежегодно празднуетъ въ

день Рождества Христова избавленіе Россіи. Для этого составлено особенное благодарственное молебствіе за спасеніе государства, съ поминовеніемъ воиновъ, положившихъ животъ за отечество.

Торжество Россіи славила въ 1812-мъ году и вся вооруженная противъ нея Европа, не взирая на то, что цвѣтъ европейскаго юношества погибъ на нашихъ поляхъ. Весь міръ, оба полушарія благословили побѣды Александра, явившагося отъ Творца благовѣстникомъ всему человѣчеству. Соединенныя на погибель Россіи державы, оглушенныя громомъ русскихъ побѣдъ, увидѣли въ нихъ залогъ счастливой будущности, удостовѣрились, что непреклонное упорство уничтожаетъ величайшее могущество, что одолѣніе исполина возможно, если противъ него возстанетъ смертная война. До нашествія на Россію, звѣзда Наполеона сіяла яркимъ свѣтомъ, не помрачаемая пораженіями. Постоянный успѣхъ сопровождалъ всѣ дѣла счастливца, вознесеннаго судьбою на императорскій тронъ, но въ Россіи онъ лишился опоры и орудія своего могущества, арміи, взрощенной имъ въ многолѣтнихъ войнахъ, гдѣ отъ одной побѣды она переходила къ другой. Замѣнить такое войско уже невозможно было Наполеону. Въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ онъ ставилъ въ поле многочисленныя арміи, но не имѣлъ ни средствъ, ни досуга водворять въ нихъ устройство, подчиненность, воинскій духъ, которые образуются и совершенствуются временемъ. Между новыми его воинами уже не было сотенъ тысячъ, погибшихъ въ Россіи или взятыхъ въ плѣнъ, старыхъ солдатъ и офицеровъ, самонадѣянныхъ, для которыхъ биваки, походы, сраженія составляли привычку, потребность и съ которыми Наполеонъ могъ попрежнему отваживаться на всѣ смѣлыя и трудныя предпріятія. Такъ Отечественная война облегчила, подготовила избавленіе Европы, никогда неотдѣляемое императоромъ Александромъ въ помыслахъ своихъ отъ избавленія Россіи. Онъ началъ войну 1812-го года съ тѣмъ убѣжденіемъ, что насталъ рѣшительный часъ для Европы, что Россія—послѣдняя надежда человѣчества, что должно биться до крайности, пасть или побѣдить! Богъ благословилъ великое начинаніе, и Александръ въ нѣдрахъ своего царства сорвалъ съ Наполеона личину неодолимости, низвелъ его съ высоты общественнаго мнѣнія, разрѣшилъ задачу, до тѣхъ поръ не разрѣшимую: возможность побѣдить Наполеона.

Отстоявъ Россію, Александръ пошелъ спасать Европу. Онъ не хотѣлъ ограничиться отраженіемъ нашествія на Россію, или, лучше сказать, поглощеніемъ въ ея нѣдрахъ армій Наполеона, но устремился положить конецъ самоуправству завоевателя, возстановить равновѣсіе державъ, самостоятельность государствъ, святость законныхъ престоловъ. Поразивъ врага, посягнувшаго на Россію, онъ пошелъ сокрушать оковы Запада, для котораго наша Отечественная война освѣтила новый порядокъ дѣлъ, новый періодъ бытія.

КОНЕЦЪ

ОПИСАНІЯ ВОЙНЫ 1812-ГО ГОДА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ

1812—1815 г.,

СОСТАВЛЕННОЕ

по сочиненію

А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

(Продолженіе.)

Изданіе А. А. Каспари.

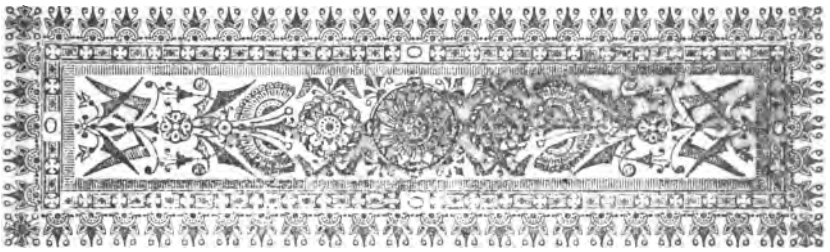
С.-Петербургъ.

Книжный складъ «Родины», Лиговская ул, собств. д. № 114.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го августа 1899 г.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари).
Спб., Лиговская ул., собств. домъ, № 114.



ВОЙНА 1813 и 1814 г.г.

ГЛАВА XIV.

Императоръ Александръ идетъ спасать Европу.

I.

Отъ Нѣмана до Вислы.

Могущество Наполеона, глубоко потрясенное войною 1812-го года, не было, однако, сокрушено ею. Являясь бѣглецомъ изъ Россіи, Наполеонъ все еще господствовалъ надъ Западною Европою. Силы его были огромны. Отъ лѣваго берега Нѣмана до Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, всѣ земли или находились въ непосредственной у него зависимости, или были соединены съ нимъ союзами. При этихъ условіяхъ и начата была война 1813 года—второй періодъ паденія Наполеона: 1812 годъ спасъ Россію, 1813 годъ освободилъ Европу; Нѣманъ былъ предѣломъ войны 1812 года; Рейнъ—войны 1813 года. Только 1814 годъ рѣшилъ участь Наполеона въ Парижѣ, но уже съ окончаніемъ похода 1813 года Европа видѣла и спасеніе свое, и гибель самовластія, и величіе подвига, принятаго монархомъ Россіи.

Императоръ Александръ расчиталъ, что первымъ ручательствомъ успѣха новой кампаніи должны были быть быстрота и обширность объема дѣйствій. Нужно было прежде всего захватить, вырвать изъ цѣпей насколько возможно большую часть земель Европы и, не уставая, поражать остатки наполеоновскихъ полчищъ, не давая времени ихъ вождю собрать и приготовить новыя силы. И вотъ вслѣдствіе Высочайшей воли о немедленномъ перенесеніи войны за границу, князь Кутузовъ приказалъ: главной арміи тронуться 25-го декабря изъ Вильны къ Меречу, въ двухъ колоннахъ, Тормасова и Дохтурова, причемъ въ колоннѣ Тормасова находились императоръ и фельдмаршалъ; Милорадовичу, съ тремя пѣхотными, тремя кавалерійскими корпусами и 9-ю казачьими полками, идти изъ Гродно въ Гоніондзъ,

образуя лѣвое крыло главной арміи и держась на одной высотѣ съ нею, а Сакену, съ корпусами его и Эссена 3-го, стать на Бугѣ, при Граннахъ, и наблюдать за дѣйствіями князя Шварценберга, не дѣлая на него никакого движенія и не тревожа его. Пока первоначальныя распоряженія о движеніи главной арміи приводились въ исполненіе, адмиралъ Чичаговъ, графъ Витгенштейнъ и графъ Платовъ перешли границу, и 22-го декабря авангардъ графа Витгенштейна встрѣтилъ при Лабіау непріятельскій арріергардъ, опрокинулъ его и слѣдовалъ за нимъ къ Кенигсбергу, откуда Мюратъ выѣхалъ въ Эльбингъ, сдавъ начальство Макдональду, который, не видя цѣли и средствъ держаться въ Кенигсбергѣ, очистилъ его, затопивъ 33 осадныя орудія. Наши заняли Кенигсбергъ 25-го декабря и взяли тамъ болѣе 9,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ здоровыхъ только 1,300 человѣкъ. Съ восторгомъ кинулись жители навстрѣчу русскихъ, привѣтствуя ихъ, какъ избавителей Пруссіи. Между тѣмъ, передовые отряды тѣснили непріятеля, отступавшаго изъ Кенигсберга на Эльбингъ; 31-го декабря, французы очистили Эльбингъ и потянулись на Маріенвердеръ, въ намѣреніи идти оттуда въ Позенъ, гдѣ Мюратъ надѣялся исполнить то, чего не удалось ему сдѣлать въ Кенигсбергѣ: собрать и устроить войска. Насколько позволяло время года и испорченныя дороги, Чичаговъ, графъ Витгенштейнъ и графъ Платовъ подвигались впередъ, подбирая на пути усталыхъ непріятелей и кидаемые французами орудія и обозы.

Въ послѣдній день декабря 1812-го года весь правый берегъ нижней Вислы былъ уже очищенъ отъ непріятеля, владѣвшаго на ней только двумя крѣпостями: Данцигомъ и Торномъ. Главная-же русская армія была на маршѣ изъ Вильны къ Нѣману. Обѣ ея колонны соединились у Мереча, гдѣ 1-го января 1813-го года, въ присутствіи императора Александра и цесаревича Константина Павловича, отслужили молебенъ, и войска перешли черезъ Нѣманъ по льду. Князь Кутузовъ отдалъ приказъ, привѣтствуя отъ имени Россіи каждаго воина избавителемъ отечества. Онъ говорилъ: «Надобно довершить пораженіе непріятелей на собственныхъ поляхъ ихъ». Въ этихъ словахъ заключалась вся цѣль начинавшагося похода.

Русскіе, такимъ образомъ, вступили въ Пруссію, и первымъ доказательствомъ дружественнаго расположенія государя къ берлинскому двору было повелѣніе: во всѣхъ прусскихъ городахъ, куда вступали наши войска, оставлять прусскія власти и управленія.

Главная армія выступила 1-го января изъ Мереча къ Плоцку, черезъ Іоганнисбургъ, Вилленбергъ и Млаву. Торжественно было ея шествіе по Пруссіи. Народонаселеніе всѣхъ городовъ и деревень встрѣчало императора Александра съ глубокимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ благодарности. Александръ повторялъ пруссакамъ при каждомъ случаѣ — а случаи были на каждомъ шагу, — что онъ является среди нихъ не врагомъ, но другомъ прусскаго короля и его народа, и желаетъ только для блага пруссаковъ соединенія ихъ съ русскимъ. Со вступленіемъ въ Варшавское герцогство и съ приближеніемъ къ мѣстамъ, гдѣ стояли князь Шварценбергъ и Ренье, князь Кутузовъ приказалъ «соблюдать въ квартирномъ расположеніи воинскую осторожность, не разбрасывать аммуниціи, но имѣть ее возлѣ себя въ должной готовности, а по приходѣ на ночлегъ назначать сборныя мѣста». 23-го января, императоръ вступилъ съ арміею въ Плоцкъ, и провелъ въ этомъ городѣ двѣ недѣли, до 3-го февраля.

Уже изъ Вильны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1812 года, государь писалъ австрійскому императору и королю прусскому, убѣдительно приглашая ихъ обратить оружіе противъ Наполеона, для возвращенія Австріи и Пруссіи прежнихъ границъ ихъ и избавленія Европы. По дальности разстоянія, не могъ скоро придти отвѣтъ отъ вѣнскаго двора, но король прусскій тайно прислалъ къ государю генералъ-адъютанта Кнезебека извѣстить о своей искренней готовности соединиться съ Россіею; однако-же, присовокупилъ, что, во избѣжаніе упрека въ произвольномъ нарушеніи союза съ Наполеономъ, желаетъ, чтобы самъ Наполеонъ подалъ поводъ къ разрыву союза, заключеннаго въ февралѣ 1812 года между Пруссіею и Франціею. Обезпеченныя со стороны Пруссіи, русскія войска праваго крыла могли свободнѣе распространять свои дѣйствія между Вислою и Одеромъ. Графъ Витгенштейнъ переправился 23-го января черезъ Вислу и Диршау и пошелъ къ Старгарду, имѣя повелѣніе «дѣйствовать по обстоятельствамъ, соображаясь съ движеніями другихъ армій». Дѣйствія свои онъ началъ съ того, что, остановившись въ Старгардѣ, отрядилъ къ Данцигу Левиза съ 9,254 человѣкъ и для развѣдыванія о средствахъ обороны крѣпости отправилъ въ Данцигъ переодѣтымъ партизана Фигнера, который велъ себя такъ ловко, что, неузнанный французами, прожилъ тамъ 3 мѣсяца, до 8-го апрѣля. Во время движенія графа Витгенштейна къ Старгарду, главной арміи къ Плоцку, Милорадовича противъ князя Шварценберга, Чичаговъ выступилъ изъ кантониръ-квартиръ около Прейсишъ-Голланда и Зальфельда къ Торну, обложилъ его съ обѣихъ сторонъ Вислы и съ главными силами сталъ въ Бромбергѣ, чтобы находиться посрединѣ, между графомъ Витгенштейномъ и главною арміею. Двухтысячный отрядъ графа Воронцова посланъ былъ къ Позену, гдѣ съ 3-го января была главная квартира непріятельскихъ войскъ, надъ которыми, по случаю отъѣзда Мюрата въ Неаполь, принялъ начальство вице-король. Будучи убѣжденъ, что русскіе не скоро пойдутъ за Вислу въ большихъ силахъ, вице-король надѣялся провести въ Позенѣ нѣсколько недѣль, необходимыхъ для устройства войска, но вскорѣ получилъ извѣстіе, что авангардъ Чичагова идетъ на Позенъ изъ Бромберга, а ген. Чернышевъ, разбивъ отрядъ польской конницы князя Гедройча, прибылъ въ Пинне, т. е., сталъ въ тылу. Вице-король, видя путь своихъ сообщеній прерваннымъ и зная, что графъ Воронцовъ шелъ противъ него съ фронта, рѣшилъ не оставаться долѣе въ Позенѣ и отступилъ къ Франкфурту на Одерѣ. Чернышевъ, продолжая свое движеніе, шелъ сперва впереди вице-короля, затрудняя его маршъ, потомъ повернулъ къ Кюстрину, съ цѣлью, переправясь черезъ Одеръ, ворваться въ Берлинъ. «Кто могъ подумать за шесть мѣсяцевъ», писалъ графъ Воронцовъ Чернышеву, «что вы и я, имѣя каждый по 2,000 человѣкъ, будемъ въ возможности принудить большую французскую армію къ оставленію позиціи, которую она намѣревалась удерживать?»

Въ то-же время лѣвому крылу, т. е., главной арміи и Милорадовичу, должно было заставить князя Шварценберга отступить отъ Варшавы къ Галиціи и тѣмъ отдѣлить отъ него Ренье и Понятовскаго. Князь Шварценбергъ стоялъ тогда между Бугомъ и Наревомъ. Ренье стоялъ близъ Варшавы, а Понятовскій занималъ Варшаву, пополняя свой корпусъ. Милорадовичу велѣно было при сближеніи съ австрійцами

побуждать ихъ къ отступленію безъ боя. Для этого онъ долженъ был поддерживать съ ними самыя дружественныя отношенія и при встрѣч убѣждать ихъ, что мѣста, гдѣ они находились, назначены для занятія нашими войсками, что русскіе, хотя и въ состояніи овладѣть этими мѣстами силою, но предпочитаютъ миролюбивые способы и приглашаютъ австрійцевъ отойти безъ кровопролитія. На первое такое извѣщеніе Милорадовича, князь Шварценбергъ далъ знать, что онъ ожидаетъ со дня на день повелѣній изъ Вѣны и безъ полученія ихъ не можетъ самовольно выйти изъ своего расположенія. Для ускоренія переговоровъ, Милорадовичъ, по волѣ фельдмаршала, извѣстилъ князя Шварценберга, что принужденъ идти впередъ, что за нимъ слѣдуетъ вся армія, и сопротивленіе будетъ напрасно. Австрійскіе передовые посты отступили. Это было 11-го января. Спустя день, князь Шварценбергъ увѣдомилъ Милорадовича о полученіи изъ Вѣны повелѣнія идти на зимнія квартиры въ Галицію. Колонны его потянулись къ Варшавѣ. Милорадовичъ подвигался за ними и занималъ позиціи, по мѣрѣ оставленія ихъ австрійцами. Движенія князя Шварценберга вовсе не согласовались съ желаніями Ренье и Понятовскаго, неоднократно настаивавшихъ на принятіи сраженія. Князь Шварценбергъ не послѣдовалъ убѣжденіямъ ихъ и, согласно приказанія своего двора, заключилъ 18-го января съ Милорадовичемъ перемиріе на неопредѣленное время, съ обязательствомъ: не начинать военныхъ дѣйствій, не предупредивъ о томъ другъ друга за 15-ть дней. Австрійцамъ обезпечено было свободное отступленіе въ Галицію. Тогда доставленъ былъ государю отвѣтъ изъ Вѣны на посланное изъ Вильны приглашеніе объявить Наполеону войну. Австрійскій кабинетъ не изъявлялъ готовности дѣйствовать заодно съ нами, но въ общихъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ желаніи упрочить миръ въ Европѣ на твердыхъ основаніяхъ, извѣщая, что для предварительныхъ условій и склоненія враждующихъ сторонъ къ миру онъ отправитъ къ государю дипломатическаго чиновника Лебцельтерна, а къ Наполеону графа Бубну. Хотя такой отзывъ не былъ вполнѣ удовлетворителенъ, но на первое время ручался намъ за безопасность отъ австрійцевъ. 20-го января Варшава была сдана гр. Милорадовичу, и черезъ нѣсколько дней Милорадовичъ торжественно вошелъ въ нее, но безъ войска. Жителямъ оказывали всю возможную снисходительность. Непріязненные поступки ихъ противъ Россіи во время Отечественной войны были забыты Александромъ, и щедроты его полились на поляковъ. Освобожденіе Варшавы отъ постоя, денежной дани и вообще великодушное съ нею обращеніе побѣдителей не образумило, однако, поляковъ. Вмѣстѣ съ находившимися въ городѣ плѣнными французами, они начали замышлять противъ русскихъ козни, и только послѣ того русскія войска были введены въ Варщаву. Дальнѣйшія дѣйствія противъ австрійцевъ и поляковъ были возложены на Сакена. Покореніе Варшавы обезпечило лѣвое крыло арміи и уничтожило гнѣздо ревностныхъ доброжелателей Наполеона, которые не только не переставали надѣяться на скорое возвращеніе его, но тайно занимались приготовленіемъ къ встрѣчѣ своего мнимаго покровителя. Послѣ сдачи Варшавы корпусъ Понятовскаго пошелъ къ Ченстохову и Кракову; Ренье-же пошелъ въ Саксонію черезъ Калишъ, но въ 6-ти верстахъ отъ Калиша былъ разбитъ ген. Винцингероде. Трофеями боя подъ Калишемъ были 1,200 плѣнныхъ, въ томъ числѣ генералъ Ностицъ и 39 офи-

церовъ, два знамени и 8 пушекъ. Ренье отступилъ къ Глогау. Въ одно время съ Варшавою сдалась графу Сиверсу крѣпость Пиллау, важная по своей гавани: ея пріобрѣтеніе облегчало намъ средства получать изъ Россіи продовольствіе и снаряды для войскъ, находившихся въ Пруссіи.

Описанныя здѣсь дѣйствія происходили въ январѣ, въ то время, когда императоръ Александръ находился въ Плоцкѣ. Къ 1-му февраля, Варшавское герцогство, за исключеніемъ крѣпостей, и все пространство до Одера были очищены отъ непріятеля. Остатки главной французской арміи, подъ начальствомъ вице-короля, переправились на лѣвый берегъ Одера у Франкфурта; князь Шварценбергъ былъ на маршѣ въ Галицію; Понятовскій шелъ къ Кракову и Ченстохову. Авангарды всѣхъ трехъ русскихъ армій стояли 1-го февраля такъ: графа Витгенштейна въ Шнейдемюле, Чичагова въ Позенѣ, главной арміи въ Калишѣ. Партизаны подходили къ Одеру; Сакенъ приближался къ Ченстохову.

II.

Общія вооруженія.

Къ этому времени у Наполеона всего съ войсками, находившимися въ разныхъ крѣпостяхъ было 135,000 чел.

Кромѣ того, у него было 112,000 чел., набранныхъ предъ походомъ 12-го года и остававшихся во Франціи, и, сверхъ этого, отъ объявленнаго новаго набора ожидалось поступленіе еще 180,000 рекрутовъ.

Въ русскихъ войскахъ, въ исходѣ января 1813-го года, находившихся за границею, состояло 138,318 человѣкъ. На границахъ имперіи составлялась, подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго, резервная армія, изъ всѣхъ резервовъ, образовавшихся въ теченіе Отечественной войны въ разныхъ мѣстахъ, и комплектъ этой арміи состоялъ изъ 179,295 человѣкъ.

Пространство для расположенія арміи находилось между Гродно, Лидою, Минскомъ, Игуменомъ, Слуцкомъ, Пинскомъ, Ковелемъ, Люблиномъ, Венгровымъ, Остроленкою и Щучинымъ; главною квартирою былъ Бѣлостокъ, откуда впослѣдствіи она перешла въ Варшаву.

Для пополненія недостатка въ офицерахъ, велѣно: возобновить присылку во 2-й кадетскій корпусъ изъ губерній дворянъ, способныхъ къ военной службѣ; сдѣлать оповѣщеніе во всѣхъ губерніяхъ, что офицеры ополченій будутъ принимаемы въ армейскіе полки тѣми чинами, какіе назначены для ополченія, и сократить въ министерствахъ число лишнихъ чиновниковъ. Въ облегченіе заграничнаго продовольствія составили въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Бѣлостокской три линіи запасовъ, и Именнымъ указомъ строжайше воспретили ничего не брать изъ нихъ для продовольствія войскъ внутри имперіи и не расходовать этихъ запасовъ иначе, какъ по распоряженіямъ генералъ-интенданта арміи. На счетъ обмундированія арміи состоялось уже въ Вильнѣ Высочайшее повелѣніе о доставленіи изъ Петербурга 54,000 мундировъ и столько-же шинелей. Но, такъ какъ этого количества было недостаточно, то купили въ Кенигсбергѣ, Эльбингѣ и Маріенвердерѣ 740,844 аршина сукна и назначили его на обмундированіе всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, кромѣ

гусарскихъ, а также находившихся на-лицо при полкахъ оберъ-офицеровъ, числомъ 3,200 человѣкъ, безъ всякаго зато съ нихъ вычета. Ополченія снабдили одеждою и обувью и производили имъ отъ казны жалованье съ того времени, когда кончилась имъ выдача трехмѣсячнаго жалованья, положеннаго по всѣмъ губерніямъ отъ дворянства. Потребную на обмундированіе и на жалованье ополченіямъ сумму истребовали отъ дворянства губерній, въ которыхъ они были составлены, равнымъ количествомъ съ каждой ревизской души, не раздробляя сбора порознь по губерніямъ. Впослѣдствіи, въ іюнѣ, выдавали деньги на обмундированіе офицерамъ, служившимъ въ ополченныхъ полкахъ и дружинахъ. Эти мѣры были распространены на всѣ вообще ополченія, кромѣ московскаго и смоленскаго, которыя, какъ первыя явившіяся на защиту отечества, велѣно распустить по домамъ въ началѣ 1813 года.

Образовавшіяся въ Отечественную войну въ 17-ти губерніяхъ ополченія, за исключеніемъ распущенныхъ московскаго и смоленскаго, частью находились въ дѣйствующей арміи, частью на пространствѣ отъ Москвы до Нѣмана, гдѣ содержали гарнизоны, отправляли полицейскія обязанности, были употребляемы для сопровожденія плѣнныхъ, при госпиталяхъ, паркахъ и обозахъ. Всѣмъ войскамъ, вступившимъ за границу, государь пожаловалъ не въ зачетъ полугодовое жалованье и съ 1-го января велѣлъ производить порціонныя деньги до возвращенія въ Россію. Чтобы всѣ русскія деньги, не исключая ассигнацій, имѣли за границею свободное обращеніе, князь Кутузовъ издалъ, по волѣ государя, печатное о томъ объявленіе на русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ. При арміяхъ князя Кутузова и Чичагова были учреждены размѣнныя конторы, для доставленія военнымъ возможности обмѣнивать ассигнаціи высшаго достоинства на мелкія. Министру финансовъ предписано всѣ суммы, потребныя для заграничныхъ армій, отпускать ассигнаціями мелкаго достоинства, то есть, 5-ти, 10-ти и 25-ти рублевыми. Собственно въ русскихъ войскахъ произошли слѣдующія измѣненія. Всѣ кавалерійскіе полки, не исключая гвардейскихъ, переформированы въ 7-ми эскадронный составъ, изъ того числа 6-ть дѣйствующихъ и одинъ запасный. По этому положенію эскадроны должны были состоять изъ 208-ми человѣкъ и 179-ти лошадей. Составили новый родъ кавалерійскихъ полковъ, до тѣхъ поръ не существовавшій въ Россіи, конныхъ егерей. Лейбъ-кирасирскій Его Величества полкъ, за отличіе въ Отечественную войну, причисленъ къ составу гвардіи, съ повышеніемъ офицеровъ чинами противъ армейскихъ. Состоявшую въ числѣ гвардіи черноморскую сотню повелѣно содержать во всемъ на положеніи лейбъ-казачьяго полка, оставляя только форму обмундировки въ прежнемъ видѣ, а офицеровъ переименовать въ чины соотвѣтственно лейбъ-казачьему полку. Піонеры получили новое образованіе. Учреждены: гвардейскій саперный батальонъ, полкъ саперный и два піонерныхъ, каждый изъ 3-хъ батальоновъ, а батальонъ изъ 4-хъ ротъ. При гвардейскомъ саперномъ батальонѣ должны были образовываться унтеръ-офицеры для сапернаго и піонерныхъ полковъ. Для укомплектованія дѣйствующихъ піонерныхъ ротъ составили на время войны въ Петербургѣ и Бобруйскѣ резервы. Прежнее вооруженіе оставлено только минерамъ, а піонерамъ, вмѣсто пистолетовъ, даны ружья со штыками, отобранныя отъ драгунскихъ полковъ. Въ пѣхотѣ

перемѣнъ произошло мало. Распоряженія о пополненіи армій людьми и лошадьми, о снабженіи снарядами и коммиссаріатскими вещами были возложены на графа Аракчеева и составляли предметъ особенной заботливости государя. Послѣдствія увѣнчали ее совершеннымъ успѣхомъ. Полки, такъ сказать, таяли отъ великихъ потерь, въ безпрестанныхъ движеніяхъ и битвахъ, происходившихъ сперва въ Германіи, а потомъ во Франціи, но ряды ихъ скоро пополнялись прибывавшими резервами. Запасныя войска слѣдовали безпрерывно съ арміи, одни за другими, многочисленностью своею возбуждая справедливое удивленіе иностранцевъ и служа лучшимъ доказательствомъ неисчерпаемыхъ источниковъ Россіи. Воинство ея, послѣ понесенныхъ ею въ 1812-мъ году огромныхъ вещественныхъ утратъ, приношеніями, повинностями и разореніемъ, являлось посреди Европы постоянно съ свѣжими, обновленными силами, какъ-будто отечество наше вовсе не выдержало, и еще такъ недавно, борьбы, примѣра которой не встрѣчается въ лѣтописяхъ народовъ.

Хотя послѣ невѣроятныхъ испытаній, перенесенныхъ русскими войсками въ 1812-мъ году, имъ необходимо было остаться на нѣсколько времени въ покоѣ, но императоръ не хотѣлъ медлить долѣе наступленіемъ, имѣя въ виду склонить на свою сторону Пруссію появленіемъ на Одерѣ русскихъ армій. Поэтому, проведя въ Плоцкѣ двѣ недѣли, посвященныя на хозяйственное управленіе армій, и во время которыхъ очищены были отъ непріятеля пространство отъ Вислы до Одера и Варшавское герцогство, императоръ приказалъ начать, съ 1-го февраля, общее наступательное движеніе. 2-го февраля, императоръ и князь Кутузовъ выступили съ главною арміею изъ Плоцка въ Гостининъ. Черезъ два дня они прибыли въ Колло, гдѣ былъ составленъ планъ: немедленно перенести театръ войны въ сердце Германіи.

Предположеніе идти прямо въ нѣмецкую землю не могло, однакоже, быть приведено въ исполненіе, потому что прусскій генералъ Іоркъ, безъ особенныхъ повелѣній своего двора, еще не заключавшаго союза съ Россіею, не рѣшался слѣдовать далѣе Шлохау. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отказалъ въ нѣсколькихъ эскадронахъ конницы, которую графъ Витгенштейнъ хотѣлъ помѣстить въ авангардъ. Другой прусскій генералъ Бюловъ, тоже не соглашался идти впередъ и, на предложеніе генерала Чернышева о необходимости внезапно овладѣть Штеттиномъ, отвѣчалъ отказомъ. Эти-то отзывы Іорка и Бюлова побудили государя отложить принятое въ Колло намѣреніе идти немедленно въ средину Германіи. Вмѣсто того императоръ приказалъ стать главной арміи на кантониръ-квартирахъ около Калиша, въ ожиданіи объявленія Пруссіей войны французамъ и положительнаго отвѣта изъ Вѣны, откуда еще не пріѣзжалъ Лебцельтернъ, посланный къ государю императоромъ Францемъ. 12-го февраля государь прибылъ въ Калишъ, и главная армія расположилась на пространныхъ квартирахъ. На другой день привезено отъ графа Витгенштейна донесеніе о согласіи Іорка и Бюлова: не ожидая повелѣній изъ Бреславля, слѣдовать прямо къ Одеру, куда уже согласно донесенію и выступилъ графъ Витгенштейнъ, намѣреваясь оставить часть войскъ для обложенія Кюстрина и Штеттина, и идти на Берлинъ. Спустя день получено было другое, несравненно важнѣйшее извѣстіе, что прусскій король, узнавъ объ отказѣ Наполеона на предложеніе заплатить Прус-

сіи 90 милліоновъ талеровъ и вывести войска изъ прусскихъ крѣп стей, рѣшился заключить съ Россіею оборонительный союзъ. Дог воръ союзный подписали въ Калишѣ, 16-го февраля, князь Кут зовъ, и 17-го, въ Бреславлѣ, баронъ Гарденбергъ. Цѣлью сою было освобожденіе Европы, для чего первымъ условіемъ ставилось возстановить Пруссію относительно ея пространства, народонаселен и доходовъ въ такое положеніе, въ какомъ она находилась д войны 1806-го года. Россія обязывалась не оставлять оружія, пок эта цѣль не будетъ достигнута, и для того выставить 150,000, а Пру сія, по крайней мѣрѣ, 80,000 человѣкъ войска, умножая число е народнымъ вооруженіемъ и всѣми возможными средствами. Союзн договоръ съ Пруссіею былъ первымъ звѣномъ великой цѣпи дипл матическихъ дѣйствій, предшествовавшихъ низложенію Наполеона послужившихъ основаніемъ новому политическому строю Европы ея возрожденію, созданному императоромъ Александромъ.

По Тильзитскому миру Пруссія могла содержать только 40,000 че подъ ружьемъ Но число войскъ ея черезъ три недѣли послѣ заключен союза уже простиралось до 128,350 человѣкъ. Изъ нихъ, въ совершенно готовности выступить въ походъ или, какъ называли въ Пруссі въ первой линіи, было 56,350 человѣкъ, остальные 72,000, еще н совсѣмъ устроенныхъ, были распредѣляемы, по мѣрѣ успѣховъ фор мированія, во 2-ю и 3-ю линіи. Главное начальство надъ своим войсками прусскій король предоставилъ князю Кутузову, послѣ чег почетнѣйшіе изъ прусскихъ генераловъ, въ томъ числѣ и знаме нитый Блюхеръ, заявляли письменно нашему фельдмаршалу, чт для нихъ лестно служить подъ его предводительствомъ. При са момъ заключеніи союза съ Пруссіею, пріѣхалъ изъ Вѣны въ Ка лишъ Лебцельтернъ, съ двумя порученіями: однимъ, явнымъ, по вторить предложенія вѣнскаго двора о посредничествѣ въ примир реніи Россіи съ Франціею, а другимъ, тайнымъ, склонить государ на это предложеніе и подвинуть русскія войска за Одеръ, для об легченія императору Францу средствъ отдѣлиться отъ Наполеон Государь согласился на предложеніе Австріи, однако-же, съ усло віемъ, чтобы ея посредничество было также принято союзникам Россіи—Англіею, Пруссіею и Швеціею. Такимъ образомъ, по при бытіи императора въ Калишъ, немедленно былъ рѣшенъ важны вопросъ о намѣреніяхъ берлинскаго и вѣнскаго дворовъ и о том въ какой степени можно было полагаться на каждаго изъ них Хотя поступки Австріи и не соотвѣтствовали желаніямъ государ вызывавшаго на немедленный бой за освобожденіе Европы, о нако-же, ея пріязненными завѣреніями пріобрѣталась на перв случай уже та выгода, что можно было считать Австрію нейтра ною и, вслѣдствіе этого, дать большее развитіе военнымъ дѣйствіям Что касается Англіи, то она не могла принять непосредственн участія въ войнѣ, начатой императоромъ Александромъ въ Германі потому что войска ея были тогда заняты въ Испаніи, но она имѣ возможность оказать денежныя пособія. Такимъ образомъ, въ н чалѣ 1813-го года, одна Пруссія, собственно, присоединилась к Россіи. Австрія, еще не готовая къ войнѣ, колебалась между боязн передъ Наполеономъ и желаніемъ, не вынимая меча, посредство переговоровъ, возвратить потерянное въ прежнихъ походахъ, з ключивъ полезный для себя миръ и склонивъ Наполеона на ум

енныя условія. Швеція помышляла о пріобрѣтеніи Норвегіи. Англичане довольствовались празднествами и осушеніемъ заздравныхъ кубковъ во славу Александра и побѣдъ русскаго воинства. Не находя въ чужестранныхъ державахъ воспламененія къ великому подвигу, императоръ Александръ, съ согласія прусскаго короля, приказалъ князю Кутузову обнародовать объявленіе, имѣвшее своей цѣлью призвать къ оружію всю Германію и владѣтелей ея, разъясняя цѣль, предположенную Россіею и Пруссіею, мѣру вліянія, какое предоставлялъ себѣ императоръ на дѣла нѣмецкой земли, и провозглашая разрушеніе Рейнскаго союза, и вслѣдъ затѣмъ начать рѣшительныя дѣйствія.

III.

Дѣйствія графа Витгенштейна и Блюхера.

Пока происходили вышеописанные переговоры, графъ Витгенштейнъ находился уже въ полномъ движеніи къ Берлину. Его передовые отряды, подъ начальствомъ Чернышева, Бенкендорфа и Тетенборна, перешли 5-го февраля черезъ Одеръ. Ледъ на Одерѣ у Кюстрина былъ такъ тонокъ, что черезъ два часа послѣ переправы Чернышева рѣка вскрылась. Вступивъ на лѣвый берегъ Одера, Чернышевъ пригласилъ Тетенборна соединиться съ нимъ у Вернейхена и вмѣстѣ овладѣть Берлиномъ, занятымъ Ожеро. Нечаянность нападенія должна была замѣнить малочисленность нашихъ силъ. Предложеніе было принято, оба отряда подошли 8-го февраля въ 4 часа утра къ Берлину, никѣмъ незамѣченные, потому что Ожеро не предвидѣлъ нападенія русскихъ на городъ, отдаленный отъ театра войны, и не имѣлъ авангарда. По условію, отряды должны были вскакать въ Берлинъ въ ту минуту, когда Власовъ ударитъ на Шарлоттенбургъ. Предположеніе не состоялось, потому что во время приготовленій къ дѣлу показались изъ городской заставы 30 кавалеристовъ, ѣхавшихъ по направленію, гдѣ стоялъ Тегенборнъ. Казаки ударили на нихъ и въ пылу преслѣдованія, вмѣстѣ съ ними, вскакали въ городъ. Нельзя было долѣе медлить нападеніемъ. Чернышевъ двинулся впередъ, оставилъ у заставы 2 орудія съ прикрытіемъ, для обезпеченія своего отступленія, а съ прочими войсками вошелъ въ городъ. Тетенборнъ вступилъ туда черезъ другую заставу. Казаки, какъ потокъ, разлились по улицамъ, къ изумленію жителей и французовъ, такъ какъ тѣ и другіе предполагали, что русскіе еще далеко за Одеромъ. Начало предпріятія шло благополучно, но вскорѣ увидѣли, что надобно отложить надежду удержаться въ Берлинѣ. Французскій гарнизонъ сбѣгался на сборныя мѣста и становился въ ружье; во всю прыть лошадей неслись изъ Шарлоттенбурга пушки. Жители, хотя и желали соединиться съ русскими, однако, усердіе свое изъявляли только привѣтствіями. Полиція, страшась французовъ, даже стрѣляла въ толпы народа, болѣе другихъ обнаруживавшія готовность пристать къ казакамъ. Чернышевъ разослалъ приказаніе возвратиться за заставу, какъ ни трудно было собрать казаковъ, гарцовавшихъ уже въ серединѣ города. Двое изъ нихъ были ранены въ Липовой аллеѣ, передъ окнами принцессы Оранской; она скрыла ихъ въ своемъ домѣ и тайно содержала у себя двѣ недѣли, пока французы со-

вершенно не очистили Берлинъ. Мало-по-малу собрались донцы. Чернышевъ отступилъ изъ города и сталъ вмѣстѣ съ Тетенборномъ на пушечный выстрѣлъ отъ заставы; французы пытались оттѣснить ихъ далѣе, но были отогнаны назадъ артиллеріею. Удержаться русскіе въ Берлинѣ не могли по своей малочисленности, и это имѣло послѣдствіемъ отступленіе главныхъ силъ непріятеля отъ Одера. Въ то-же время Бенкендорфъ, переправившійся черезъ Одеръ между Кюстриномъ и Франкфуртомъ, по тонкому льду, шелъ къ Мюнхенбергу и приблизился къ Франкфурту, еще занятому арріергардомъ вице-короля, и потребовалъ сдачи, но, получивъ отказъ, направился къ Берлину, гдѣ вступилъ въ сообщеніе съ Чернышевымъ и Тетенборномъ. Берлинъ послѣ этого былъ окончательно занятъ русскими.

При появленіи русскихъ, жители были въ изступленіи отъ радости. Занимавшій до того Берлинъ французскій генералъ Сенъ-Сиръ, не останавливаясь, отступалъ къ Эльбѣ, перешелъ черезъ нее и совсѣмъ очистилъ правый ея берегъ.

Наши-же партизаны слѣдовали за нимъ по пятамъ. Витгенштейнъ 27-го февраля вступилъ въ Берлинъ и, ожидая движенія Блюхера къ Дрездену, расположилъ войско на кантониръ-квартирахъ вокругъ него; издалъ къ жителямъ сѣверной Германіи воззванія, приглашая ихъ къ вооруженію и народной войнѣ; формировалъ нѣмецкій легіонъ изъ вольноопредѣляющихся нѣмцевъ, причемъ ему было запрещено вербовать пруссаковъ; подвинулъ авангардъ къ Эльбѣ, обложилъ Шпандау, усилилъ блокаду Кюстрина, возложилъ блокаду Штеттина на графа Тауенцина, послалъ наблюдательные отряды къ Магдебургу и велѣлъ Тетенборну идти къ Гамбургу, откуда получено было извѣстіе о готовности жителей низложить французское правительство. Съ отрядомъ, всего въ 1,300 человѣкъ, Тетенборнъ, направлявшій поискъ въ другую сторону, разбивъ на пути отрядъ французовъ въ 2,500 человѣкъ пѣхоты, 200 конницы при 16 пушкахъ, прибылъ въ Бергдорфъ, куда собрались депутаты гамбургскаго сената. Онъ объявилъ имъ, что будетъ считать городъ ихъ за непріятельскій, если до его вступленія они сами не свергнутъ съ себя французскаго ига и не введутъ стариннаго своего управленія. Вслѣдствіе этого французскія власти были изгнаны жителями, и сенатъ принялъ свою прежнюю власть при самомъ вступленіи нашихъ войскъ, послѣдовавшемъ 7-го марта. Гамбургъ принадлежалъ тогда Французской имперіи; слѣдовательно, русскія знамена развились въ предѣлахъ ея менѣе, нежели по прошествіи 8-ми мѣсяцевъ съ того времени, когда 700-тысячная армія Наполеона вторглась въ Россію. Изъ Гамбурга отправили въ Англію корабль, съ объявленіемъ о возстановленіи свободной торговли въ сѣверной Германіи. На кораблѣ посланъ былъ казакъ Битиченко; пріѣздъ его въ Лондонъ возбудилъ живѣйшее любопытство англичанъ. Они угощали донца, возили его во дворецъ и изъ одного знатнаго дома въ другой, смотря на него съ восторгомъ, какъ-будто онъ былъ представитель всей русской арміи. Тетенборнъ послалъ партіи къ Любеку, Бремену, Вердену и Люнебургу. Вездѣ при появленіи казаковъ, отъ радости звонили въ колокола, возставали противъ французскаго владычества, срывали одноглавнаго орла, изгоняли французскихъ чиновниковъ и составляли

добровольныя ополченія, назначая ихъ присоединиться къ русскимъ. Въ Гамбургѣ начали строить укрѣпленія и формировать ганзеатическій легіонъ, зачисленный въ русскую службу. Онъ состоялъ изъ 2-хъ батальоновъ, 6-ти эскадроновъ и 12-ти орудій. Кромѣ того, образовалась народная стража, изъ 7,200 человѣкъ; вскорѣ вступила въ Гамбургъ мекленбургская гвардія, и прибыли кадры англійскихъ войскъ, для формированія ганноверскаго легіона. Во время пребыванія графа Виттенштейна въ Берлинѣ выступили къ Дрездену: Блюхеръ, 4-го марта, изъ Бреславля, Винцингероде, 25-го февраля, изъ Равича; авангардъ главной арміи, подъ начальствомъ Милорадовича, обложилъ Глогау, но главная армія еще не трогалась изъ Калиша. Впереди Винцингероде шли партизаны: Орловъ, Прендель, Левенштернъ, Гейсмаръ и Давыдовъ. Первые четверо переправились черезъ Эльбу между Дрезденомъ и Торгау; Давыдовъ шелъ лѣвѣе и занялъ предмѣстье Дрездена, Нейштатъ, на основаніи заключеннаго имъ съ французскимъ генераломъ Дюрютомъ условія, которое, однако-же, не было одобрено начальствомъ, ибо императоръ Александръ запретилъ вступать съ непріятелями въ какіе-либо переговоры; за нарушеніе этого повелѣнія, Давыдова лишили отряда. Изъ перехваченныхъ у непріятеля бумагъ видно было, что Даву принялъ приближеніе нашихъ легкихъ войскъ къ Эльбѣ и появленіе ихъ на лѣвомъ берегу ея за начало общей переправы союзной арміи черезъ Эльбу. Не считая себя достаточно сильнымъ для того, чтобы удерживать Дрезденъ, онъ очистилъ его и потянулся къ Магдебургу, на соединеніе съ вице-королемъ, перенесшимъ туда свою главную квартиру изъ Лейпцига. Уходя изъ Дрездена, Даву взорвалъ часть прекраснаго Дрезденскаго моста. Черезъ годъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сдѣланъ взрывъ, водрузили на большомъ камнѣ ярко вызолоченный крестъ, съ слѣдующею высѣченною на мраморномъ подножіи его надписью: «Разрушенъ галлами; возстановленъ Александромъ I». По отступленіи Даву, Винцингероде занялъ, 15-го марта, Дрезденъ. Черезъ три дня пришелъ туда Блюхеръ. Давъ войскамъ отдохнуть, оба генерала переправились за Эльбу и, не видя передъ собою непріятеля, раздѣлились: Блюхеръ пошелъ на Альтенбургъ, Винцингероде на Лейпцигъ; они простояли въ этихъ городахъ до половины апрѣля, т.-е., до того времени, когда начались большія военныя дѣйствія. Причиною долгой остановки ихъ на одномъ мѣстѣ было запрещеніе князя Кутузова идти далеко за Эльбу, до приближенія главной арміи и графа Витгенштейна. Достойно замѣчанія, что въ тотъ самый день, когда государь получилъ донесеніе о вступленіи русскихъ войскъ въ Дрезденъ, его величеству привезли ключи взятой приступомъ героемъ Закавказскаго края, Котляревскимъ, крѣпости Ленкорана, о которой Аббасъ-Мирза писалъ ленкоранскому коменданту: «Если цѣлыя горы подымутся на тебя, не робѣй и до послѣдней капли крови защищай ключъ Персіи!» Такимъ образомъ, Провидѣніе благословляло россійское оружіе, единовременно на отдаленныхъ предѣлахъ Каспійскаго моря и на берегахъ Эльбы.

Летучіе отряды Блюхера, подъ начальствомъ сына его, Гельвига, Лароша и Люцова, были посланы влѣво, къ Веймару и Готѣ, наблюдать за непріятелемъ. Гельвигъ разбилъ у Лангензальца баварскій отрядъ и взялъ у него 5-ть орудій. Винцингероде послалъ Ланского къ Нордгаузену, съ приказаніемъ дѣйствовать между вой-

сками вице-короля и тѣми, которыя слѣдовали къ нему отъ Рейна. Впереди шелъ маіоръ баронъ Левенштернъ. Не встрѣчая непріятеля, онъ занялъ Нордгаузенъ и остановился въ немъ на ночь. Когда смерклось, къ нему явился пріѣзжій изъ Дудерштата, съ извѣстіемъ, что стоявшій тамъ вестфальскій генералъ Гаммерштейнъ идетъ съ войскомъ на Нордгаузенъ. Левенштернъ рѣшился предупредить его и тотчасъ, ночью-же, выступилъ ему навстрѣчу съ казачьими полками Попова 13-го и Иловайскаго 12-го. Первый изъ нихъ поставленъ былъ въ засадѣ, а второй слѣдовалъ столбовою дорогою, обсаженною деревьями, скрывавшими донцовъ. Вестфальскій авангардъ, состоявшій изъ гвардейскаго конно-егерскаго полка, идя въ совершенной безпечности, неожиданно наткнулся на полкъ Иловайскаго, былъ имъ аттакованъ и опрокинутъ. Въ то-же время Поповъ выскакалъ изъ засады и довершилъ пораженіе. Полковникъ, 15 офицеровъ и 285 рядовыхъ взяты въ плѣнъ. Гаммерштейнъ возвратился въ Дудерштатъ, а майоръ баронъ Левенштернъ направился на Гарцовскія горы, въ намѣреніи сдѣлать нападеніе на Герцбергъ, гдѣ былъ оружейный заводъ вестфальскаго королевства. Усиленнымъ переходомъ и скрытый метелью, онъ подошелъ незамѣтно къ Герцбергу, ворвался въ улицы, опрокинулъ сбѣжавшуюся съ разныхъ сторонъ пѣхоту, разогналъ ее, разорилъ заводъ и уложилъ на 30 подводахъ ружья, которыя и увезъ съ собою, вмѣстѣ съ 120 плѣнными.

Появленіе казаковъ, шедшихъ впереди отряда Ланского и отрядовъ, посланныхъ Блюхеромъ, производили вообще въ средней Германіи радостное волненіе между жителями; однако, никто изъ нихъ не вооружался еще противъ французовъ. Всюду довольствовались одними пожеланіями успѣховъ русскому оружію, чествовали донцовъ, но хладнокровно ожидали: чѣмъ кончится война, начатая Александромъ за независимость Германіи. Не то происходило въ сѣверной Германіи, гдѣ былъ тогда совершенъ блистательный подвигъ. Въ исходѣ февраля, генералъ-адъютантъ Чернышевъ былъ посланъ графомъ Витгенштейномъ къ государю въ Калишъ, съ предположеніями о военныхъ дѣйствіяхъ. Возвратившись, Чернышевъ отправился къ своему отряду и нашелъ его у Магдебурга. Недалеко отъ него стоялъ вновь сформированный изъ русскихъ и пруссаковъ отрядъ только что поступившаго въ русскую службу генерала Дернберга, которому подчинили также отрядъ Бенкендорфа. Чернышевъ и Дернбергъ переправились черезъ Эльбу ниже Магдебурга и узнали, что жители Люнебурга выгнали французскихъ чиновниковъ и ввели прежнее свое управленіе. Но вскорѣ они должны были дорого заплатить за мгновенное торжество. Стоявшій неподалеку генералъ Моранъ, съ 4,500 пѣхоты, 200 конницы и 12 орудіями, услышавъ о возстаніи, направился къ Люнебургу, занялъ его и нарядилъ военный судъ, приговорившій 50 гражданъ Люнебурга къ смерти. Чернышевъ вознамѣрился предупредить исполненіе казни и пригласилъ Дернберга сдѣлать совокупное нападеніе на Люнебургъ. Оба отряда, заключая въ себѣ 1,000 человѣкъ пѣхоты, 2,500 конницы и 10 орудій, усиленнымъ маршемъ подошли, 21-го марта къ Люнебургу. Распоряженія къ нападенію состояли въ слѣдующемъ: полковнику Власову, съ однимъ казачьимъ полкомъ приказано было наблюдать дорогу въ Целле, откуда, по полученнымъ извѣстіямъ, при-

ближался къ Люнебургу корпусъ Даву; полковнику барону Палену, съ двумя казачьими полками, переправиться черезъ Ильменау, зайти къ противоположной сторонѣ города и произвесть какъ можно болѣе тревоги, стараясь привлечь на себя все вниманіе Морана. Ожидая, какое дѣйствіе послѣдуетъ отъ аттаки барона Палена, Чернышевъ и Дернбергъ стали скрытно подлѣ города, въ кустахъ, откуда хотѣли броситься на Люнебургъ, лишь только французы пойдутъ на Палена. Моранъ, обманутый появленіемъ казаковъ на лѣвомъ берегу Ильменау, выступилъ самъ противъ нихъ, пославъ въ то-же время батальонъ и двѣ пушки за ту заставу, гдѣ наши были въ засадѣ. Едва батальонъ вышелъ изъ города, Чернышевъ велѣлъ его аттаковать; непріятель былъ опрокинутъ съ потерею 200 плѣнныхъ и обоихъ орудій. Минута для общей аттаки казалась благопріятною, и отряды вышли изъ засады. Чернышевъ напалъ на Альтенбрюкскія, Дернбергъ на Люнерторскія ворота, но тѣ и другія были завалены, а городская стѣна и ближніе дома заняты французскими стрѣлками. Услышавъ сильную пальбу позади себя, Моранъ оставилъ небольшую часть войскъ противъ барона Палена, силы котораго онъ успѣлъ, между тѣмъ, распознать, а съ прочими поспѣшилъ къ Люнебургу. Два часа не могли одолѣть французовъ. Картечи 10-ти орудій и пули егерей и спѣшенныхъ казаковъ не колебали непріятеля. Обѣ стороны сражались съ ожесточеніемъ. Наши и французы дѣйствовали одни противъ другихъ въ 40 шагахъ. Пруссаки первые отбили ворота и взяли два орудія; батальонъ 2-го егерскаго полка овладѣлъ другими воротами; Изюмскіе гусары первые бросились въ городъ. За ними быстро слѣдовали пѣхотныя колонны. Моранъ отступилъ изъ города; наши, тѣсня непріятеля по пятамъ, не замѣтили въ пылу преслѣдованія, что одинъ французскій батальонъ повернулъ въ боковыя улицы и остался въ городѣ, когда русскіе и пруссаки выходили изъ него для преслѣдованія французовъ. Не успѣли еще всѣ наши войска выступить вслѣдъ за Мораномъ, какъ хвостъ ихъ былъ аттакованъ въ самомъ городѣ оставшимся тамъ батальономъ; онъ выбѣжалъ на площадь съ боковыхъ улицъ, гдѣ скрывался. Возникшій отъ его нападенія ружейный огонь произвелъ кратковременную тревогу въ союзныхъ войскахъ, шедшихъ противъ Морана, который, съ своей стороны, пользуясь этимъ случаемъ, успѣлъ выстроить полки въ боевой порядокъ и двинулся впередъ, рѣшась обратно взять Люнебургъ. Суматоха на улицахъ продолжалась, однако, не долго, потому что находившійся тамъ французскій батальонъ былъ истребленъ, причемъ отбито 2 пушки. Между тѣмъ, Моранъ наступалъ въ колоннахъ, съ барабаннымъ боемъ. Чернышевъ выдвинулъ противъ него всю артиллерію обоихъ отрядовъ и приказалъ казакамъ, по данному знаку, броситься съ разныхъ сторонъ на французовъ. Едва приказаніе было отдано, замѣтили въ непріятельскихъ колоннахъ колебаніе, произведенное полученной Мораномъ смертельной раною. Казаки и регулярная конница аттаковали отовсюду. Французы, лишившись начальника, бросили ружья. Трофеями были: городъ, 12 пушекъ, 4 знамени и весь обозъ; въ плѣнъ взяты: Моранъ, болѣе 80-ти офицеровъ и 2,500 нижнихъ чиновъ; остальные убиты; изъ всего отряда ни души не спаслось. Бой подъ Люнебургомъ былъ первымъ упорнымъ кровопролитнымъ боемъ русскихъ въ Германіи за ея свободу. На слѣдующій день наши должны были оставить Люнебургъ, по случаю приближенія Даву. Отступая, Чернышевъ

написалъ ему, что за смерть каждаго люнебургскаго жителя будетъ отомщено французамъ, находившимся у насъ въ плѣну. Угроза возымѣла желанное дѣйствіе—ни одинъ житель Люнебурга не казненъ. Чернышевъ и Дернбергъ переправились обратно за Эльбу въ Бойценбургѣ, гдѣ поступили въ команду принятаго въ нашу службу изъ австрійской графа Вальмодена. Для сосредоточенія въ одномъ лицѣ военной власти въ сѣверной Германіи, государь поручилъ ему всѣ формировавшіяся тамъ ополченія и отряды Чернышева, Дернберга и Тетенборна. Между тѣмъ, графъ Витгенштейнъ, согласно повелѣнію князя Кутузова, выступилъ изъ Берлина, 16-го марта, когда узналъ, что Винцингероде и Блюхеръ сошлись у Дрездена, и сосредоточилъ свой отрядъ у Бельцига, избравъ мѣстомъ переправы черезъ Эльбу мѣстечко Росслау.

На послѣдовавшихъ военныхъ совѣтахъ графъ Витгенштейнъ, Блюхеръ, почти всѣ генералы настаивали на необходимости распространять наши дѣйствія какъ можно далѣе за Эльбу. Требовало этого единогласно и общественное мнѣніе въ Германіи. Упорствовалъ въ противномъ только князь Кутузовъ, находившій, что опасно растягивать безъ мѣры путь дѣйствій войскъ. «Самое легкое дѣло», сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ, «идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови»!

Это мнѣніе высказывалъ герой Отечественной войны въ письмахъ къ графу Витгенштейну и Винцингероде. Событія показали, насколько правъ былъ маститый вождь.

Когда графъ Витгенштейнъ стоялъ въ Бельцигѣ, готовя мосты при Росслау и Эльстернѣ, вице-король вышелъ изъ Магдебурга и оттѣснилъ прусскій блокадный отрядъ. Это движеніе было предпринято вице-королемъ для отвлеченія графа Витгенштейна отъ переправы, такъ какъ онъ получилъ отъ Наполеона повелѣніе, маневрируя, препятствовать соединенію послѣдняго съ Блюхеромъ, какъ и предсказывалъ князь Кутузовъ. Графъ Витгенштейнъ тотчасъ выступилъ изъ Бельцига, гдѣ онъ ранѣе сосредоточилъ свои войска 20-го марта, на Лейцкау и по прибытіи туда, 24-го марта, аттаковалъ вице-короля, имѣвшаго 26,000 человѣкъ, сбилъ его съ позиціи, взялъ пушку, до 1,000 плѣнныхъ и принудилъ отступить въ Магдебургъ. Ночь помѣшала преслѣдовать непріятеля, который ушелъ въ крѣпость и почти подъ стѣнами ея сжегъ мосты на Кнусдалѣ, чѣмъ доставилъ намъ великую выгоду, такъ какъ графъ Витгенштейнъ приказалъ построить тамъ батареи, чтобы не дать непріятелю возможности построить опять въ этомъ мѣстѣ мосты. Это обстоятельство обезпечило насъ совершенно отъ вылазки французовъ на правый берегъ Эльбы, а въ силу этого и отъ покушеній ихъ противъ Берлина. Послѣ дѣла подъ Лейцкау, графъ Витгенштейнъ оставилъ Бюлова для наблюденія за Магдебургомъ, а самъ, 28-го марта, переправился черезъ Эльбу и расположился въ Дессау.

Вице-король, увидя, что своею вылазкою на правый берегъ Эльбы онъ не остановилъ графа Витгенштейна, и узнавъ, что Винцингероде находится въ Лейпцигѣ и Галле, оставилъ въ Магдебургѣ сильный гарнизонъ, и со всѣми силами направился къ верхней Заалѣ, намѣреваясь препятствовать нашей переправѣ черезъ нее и не терять своего сообщенія съ Франкфуртомъ на Майнѣ. Онъ сталъ между Старфуртомъ и Ашерслебеномъ; его правое крыло доходило до Стольберга. Распо-

ложеніе прочихъ непріятельскихъ корпусовъ было въ исходѣ марта слѣдующее: Даву, назначенный командовать всѣми войсками въ сѣверной Германіи, стоялъ въ Брауншвейгѣ, Минденѣ и Бременѣ; Ней, съ новымъ 40-катысячнымъ корпусомъ, былъ на маршѣ въ Кобургъ; Бертранъ, съ итальянскими войсками, подходилъ изъ Тироля къ Бамбергу; главные резервы получали окончательное образованіе на Рейнѣ и Майнѣ.

IV.

Пребываніе императора Александра въ Калишѣ. Выступленіе главной арміи въ Дрезденъ.

Когда по достовѣрнымъ извѣстіямъ не подвергалось болѣе сомнѣнію накопленіе силъ Наполеона между Майномъ и Заалою, приказано было главной арміи выступить, 26-го марта, изъ Калиша въ Дрезденъ.

До этого времени императоръ Александръ находился въ тылу армій, въ Калишѣ. Приводя въ устройство возвращенныя отъ Наполеона области въ Варшавскомъ герцогствѣ, государь приказалъ учредить временное правленіе, состоявшее изъ верховнаго совѣта, въ которомъ засѣдало 5 членовъ, и комитета изъ депутатовъ каждаго воеводства съ предсѣдателемъ сенаторомъ Ланскимъ. Это правленіе существовало до самаго образованія Польскаго Царства. Образованіе гражданскаго устройства и военнаго единовластія въ герцогствѣ было необходимо. Край находился въ безначаліи, потому что прежнія, поставленныя тамъ Наполеономъ, власти, министры и префекты бѣжали въ Краковъ, а невѣжественная и низкопоклонная шляхта готовила въ разныхъ мѣстахъ тайныя противъ насъ вооруженія.

До исхода марта, то есть, до выступленія главной арміи изъ Калиша, дѣла при крѣпостяхъ Варшавскаго герцогства были въ слѣдующемъ положеніи. Начальство надъ блокаднымъ корпусомъ подъ Данцигомъ, который Наполеонъ считалъ своимъ оплотомъ въ варшавскомъ герцогствѣ, принялъ герцогъ Александръ Виртембергскій, вскорѣ Данцигъ былъ блакированъ со всѣхъ сторонъ. Подъ Модлиномъ и Замостьемъ не происходило ничего важнаго: случались только перестрѣлки, обыкновенныя при обложеніи крѣпостей. За два дня передъ тѣмъ, послѣ двухсуточнаго бомбардированія, Ченстоховская крѣпость сдалась Сакену безусловно. Въ ней взято 25 орудій, 56 офицеровъ и 1,026 рядовыхъ. Изъ Ченстохова велѣно было Сакену направиться противъ Понятовскаго, который съ 6,000 пѣхоты, 4,000 конницы, толпою конфедератовъ и 20 орудіями, занималъ Краковъ и окрестности, вербуя шляхту. Впереди его, на границахъ Галиціи, вдоль по демаркаціонной линіи, утвержденной перемиріемъ, заключеннымъ въ январѣ съ княземъ Шварценбергомъ, стоялъ австрійскій корпусъ генерала Фримона и прикрывалъ своимъ положеніемъ Понятовскаго, такъ что нельзя было подойти къ нему, не употребивъ силы или убѣжденія и тѣмъ принудивъ австрійцевъ отступить. Препятствіе было устранено дружественными связями, существовавшими между императорами Александромъ и Францомъ. По предложенію государя, вѣнскій дворъ согласился на тайное условіе, согласно которому Сакенъ, по взятіи Ченстохова,

выступилъ противъ Фримона и 31-го марта, сдѣлавъ ложныя приготовленія къ нападенію, послалъ сказать ему, что существовавшее до тѣхъ поръ перемиріе прекращено. Фримонъ отступилъ и заключилъ новое перемиріе, а Понятовскій вошелъ въ Галицію, гдѣ корпусъ его былъ обезоруженъ и отправленъ черезъ австрійскія владѣнія въ Германію. Въ Калишѣ также составили центральную коммиссію для управленія областями, занятыми до того времени россійско-прусскими войсками въ Германіи, и тѣми, которыя надѣялись еще исторгнуть изъ-подъ власти Наполеона. Предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ былъ непримиримый врагъ Наполеона, баронъ Штейнъ, не находившійся тогда въ службѣ ни у одной державы. Исполненный самой пламенной ненависти къ Наполеону Штейнъ постоянно твердилъ о необходимости низложить его и, дѣйствуя совершенно въ духѣ императора Александра, пользовался особенною довѣренностью его величества. Въ началѣ марта, государь ѣздилъ изъ Калиша въ Бреславль, для свиданія съ прусскимъ королемъ. На силезской границѣ, посланные отъ короля президентъ Меркель и графъ Бетузи привѣтствовали государя рѣчью и въ сильныхъ выраженіяхъ изъясняли радость и надежду, съ какими Пруссія взирала на своего избавителя. Король поѣхалъ навстрѣчу императору до Эльса, а оттуда, услышавъ о приближеніи его, въ деревню Спалисъ, гдѣ донынѣ существуетъ надпись, вырѣзанная по случаю свиданія тамъ монарховъ. Завидѣвъ короля, государь вышелъ изъ коляски и бросился въ его объятія. Молча, нѣсколько минутъ монархи прижимали одинъ другого къ сердцу. Глубоко тронутыя умилительнымъ зрѣлищемъ тысячи стекшагося изъ окрестностей народа сперва безмолвствовали, а потомъ огласили воздухъ привѣтствіями. Благословенія Александру возносились къ Небу. Каждый пруссакъ понималъ, что для отечества его наставало то время, какое для насъ было въ 1812-мъ году—быть или не быть, и что государственную независимость Пруссіи можно было возвратить только подъ сѣнію знаменъ Александра. Ихъ величества поѣхали въ коляскѣ до деревни Гундсфельдъ, сѣли тамъ на верховыхъ лошадей и въѣхали торжественно въ Бреславль. Черезъ двѣ недѣли потомъ, 21-го марта, прусскій король пріѣхалъ въ Калишъ. Навстрѣчу ему посланъ былъ графъ Платовъ. Государь ожидалъ короля на послѣдней почтовой станціи къ Калишу. Не доѣзжая до города, на полѣ, монархи были встрѣчены княземъ Кутузовымъ. Онъ стоялъ передъ войсками пѣшкомъ, не бывши въ состояніи сѣсть на лошадь. Король благодарилъ его за великіе его подвиги, пожаловалъ ему орденъ Чернаго орла, бриллiантовую табакерку съ портретомъ и обѣщалъ, послѣ благополучнаго окончанія войны, наградить его помѣстьемъ, отъ чего, однако, фельдмаршалъ отказался. Послѣ привѣтствія вождю-побѣдоносцу, король смотрѣлъ главную армію, проходившую мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ. За откомандированіемъ изъ нея своднаго корпуса Винцингероде и авангарда Милорадовича, она состола изъ 17,826 человѣкъ. Понесенная въ Отечественную войну убыль еще не могла быть пополнена, а пѣхотные, конные и артиллерійскіе резервы, въ числѣ 45,000 человѣкъ, выступившіе изъ Россіи въ февралѣ, еще не достигли до мѣстъ своего назначенія, задержанные непроходимою грязью. Какъ ни была слаба главная армія, но, получая ежедневно извѣстія объ умноженіи

силъ Наполеона на правой сторонѣ Рейна, государь велѣлъ ей идти впередъ.

26-го марта, императоръ Александръ выступилъ съ главною арміею изъ Калиша въ Дрезденъ, по дорогѣ на Миличъ, Штейнау, Бунцлау и Герлицъ. Впереди шелъ Милорадовичъ, сдавъ пруссакамъ обложеніе крѣпости Глогау. Въ первомъ силезскомъ городѣ, Миличѣ, духовенство встрѣтило государя съ крестами, евреи съ разноцвѣтными значками; дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, усыпали путь его цвѣтами; народъ толпами кишѣлъ на улицахъ. Государь остановился въ домѣ престарѣлаго графа Мальцана, который еще императоромъ Петромъ III-мъ былъ пожалованъ въ кавалеры Аннинскаго ордена. Напротивъ дома возвышались двѣ пирамиды, съ простою, но многозначащею надписью: «Нѣмцы русскимъ». 3-го апрѣля армія переправилась въ Штейнау черезъ Одеръ, по мосту, украшенному гирляндами. У моста поднесли императору лавровый вѣнокъ. Государь отослалъ его князю Кутузову, повелѣвая при этомъ слазать, что лавры принадлежатъ ему.

Въ Силезіи представилось намъ великолѣпное зрѣлище общаго народнаго вооруженія. Священники увѣщевали прихожанъ; профессоры на кафедрахъ призывали слушателей своихъ къ войнѣ; стихами и прозою писатели возбуждали порывъ любви къ отечеству. Правительство истощало всевозможныя мѣры къ рѣшительной борьбѣ за возвращеніе государству независимости, утраченной послѣ Тильзитскаго мира, и находило пламенный отголосокъ въ сердцахъ подданныхъ. Въ подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ образовались конное и пѣшее ополченія (Landwehr).

Послѣ переправы черезъ Одеръ, армія продолжала маршъ на Любенъ и Гайнау и 6-го апрѣля пришла въ Бунцлау, гдѣ князь Кутузовъ послалъ графу Витгенштейну въ тотъ-же день послѣднее повелѣніе, подписанное имъ передъ смертью. Въ Бунцлау получены были государемъ донесенія о покореніи Шпандау прусскимъ генераломъ Тюменомъ и взятіи Барклаемъ де-Толли Торна, черезъ 8 дней послѣ открытія траншей.

Ключи Торна были послѣдними изъ безчисленныхъ трофеевъ, повергнутыхъ княземъ Кутузовымъ къ стопамъ государя. Сильная простуда отняла у него возможность слѣдовать съ арміею; онъ остался въ Бунцлау. Еще въ Калишѣ онъ началъ чувствовать разстройство здоровья, но умственныя способности сохранялъ во всей свѣжести. Когда слабость не позволяла ему выѣзжать, государь посѣщалъ его ежедневно. Въ походѣ 1813 года, по случаю присутствія императора въ арміи, князь Кутузовъ не имѣлъ такой обширной власти, какъ въ Отечественную войну, однако-же, безъ его совѣта не приступали ни къ какому распоряженію. Государь обращался съ нимъ съ такимъ уваженіемъ и такою ласкою, какихъ не оказывалъ ни одному изъ своихъ подданныхъ. Закатъ дней Кутузова былъ прекрасенъ, подобно закату свѣтила, озарявшаго теченіемъ своимъ великолѣпный день, но нельзя было смотрѣть безъ душевнаго прискорбія, какъ угасалъ знаменитый вождь, отрада русскихъ въ 1812-мъ году! По своемъ отъѣздѣ изъ Бунцлау, государь приказалъ извѣщать фельдмаршала обо всемъ, происходившемъ въ арміи.

Изъ Бунцлау главная армія шла на Герлицъ и Бауценъ. Походъ

русскихъ по Саксоніи уподоблялся торжественному шествію, не взирая на то, что въ политическомъ отношеніи Саксонія была для насъ непріятельскою землею, такъ какъ король ея не разрывалъ еще явно союза съ Наполеономъ. Хотя тайныя сношенія короля съ Австріею не были извѣстны его подданнымъ, думавшимъ, что ихъ монархъ въ союзѣ съ Наполеономъ, однако-же, саксонцы встрѣчали императора Александра съ живѣйшею радостью. Особенно въ Бауценѣ встрѣтили императора съ восторгомъ. За стѣною на улицахъ, покрытыхъ ликовавшимъ народомъ, государь едва могъ ѣхать шагомъ. Хозяева домовъ, гдѣ ставили русскихъ постоемъ, принимали ихъ, какъ самыхъ дорогихъ гостей. 12-го апрѣля, во второмъ часу дня, прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, государь вступилъ въ Дрезденъ, ведя съ собою гвардію, которая съ утра, въ ожиданіи прибытія его, стояла въ живописныхъ окрестностяхъ города. Торжественнымъ вступленіемъ въ столицу Саксоніи заключилось мирное шествіе главной арміи, начавшееся отъ границъ Россіи. Часъ битвъ наступалъ. По прибытіи въ Дрезденъ узнали, что непріятель уже недалеко. Первою заботою государя въ Дрезденѣ было назначеніе главнокомандующаго надъ всѣми войсками. Эта мѣра была необходима ввиду близкаго соединенія всѣхъ нашихъ силъ, ожиданія скораго начала военныхъ дѣйствій и болѣзни князя Кутузова, въ выздоровленіи котораго отчаялся знаменитый Гуфеландъ, призванный нарочно прусскимъ королемъ. Необходимо было назначить ему преемника. Выборъ палъ на графа Виттенштейна, хотя въ дѣйствующихъ арміяхъ были старѣе его чинами четыре генерала: Тормасовъ, Милорадовичъ, Блюхеръ и Барклай де-Толли, находившійся на маршѣ изъ Торна къ Одеру. Графъ Виттенштейнъ былъ предпочтенъ имъ, какъ полководецъ счастливый, гремѣвшій своими побѣдами отъ Двины до Эльбы.

ГЛАВА XV.

Начало борьбы за спасеніе Европы.

I.

Движеніе отъ Дрездена и Люценское сраженіе.

13-го апрѣля, на другой день послѣ вступленія государя въ Дрезденъ, Наполеонъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ, который былъ сборнымъ мѣстомъ непріятельскихъ войскъ, слѣдовавшихъ туда по разнымъ направленіямъ изъ Франціи, Италіи и владѣній Рейнскаго Союза. Къ 15-му апрѣля, они должны были всѣ придти къ Эрфурту, въ томъ числѣ и старыя французскія войска, вытребованныя изъ Испаніи. Армія Наполеона раздѣлена была на двѣ части: войска, собранныя въ Эрфуртѣ подъ его личнымъ начальствомъ, и войска вице-короля, расположенныя на лѣвомъ берегу Заалы у Ашерслебена. Получивъ извѣстіе объ этихъ движеніяхъ, государь принялъ ихъ за несомнѣнный признакъ открытія Наполеономъ наступленія и тотчасъ, 15-го апрѣля, велѣлъ главной арміи выступать изъ Дрездена къ Носсену и Фробургу, куда самъ отправился 17-го числа. Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена государь получилъ отъ вѣнскаго двора подтвердительныя

увѣренія въ неизмѣнности расположенія его къ дѣлу союзниковъ, каковы ни были-бы послѣдствія начинавшагося похода.

Пока совершались передвиженія войскъ, кончившіяся 18-го апрѣля, вице-король пытался перейти черезъ Заалу въ Галле, но былъ отбитъ прусскимъ генераломъ Клейстомъ. 17-го онъ поднялся къ Мерзебургу, овладѣлъ имъ послѣ сильнаго сопротивленія пруссаковъ и переправилъ часть войскъ на правый берегъ Заалы, послѣ чего Клейсту нельзя было оставаться въ Галле, такъ какъ непріятели могли отрѣзать его отъ Лейпцига, и онъ отступилъ къ этому городу, ввѣренному его защитѣ. Въ то-же время Наполеонъ двинулся изъ Веймара къ Наумбургу. Направленіе главныхъ французскихъ силъ изъ Веймара къ Вейсенфельсу и вице-короля на Мерзебургъ обнаружили намѣреніе Наполеона занять Лейпцигъ, чего гр. Витгенштейнъ не хотѣлъ допустить безъ сраженія; 18-го онъ доносилъ государю: «Буде непріятель, переправясь черезъ Заалу, выйдетъ на открытыя мѣста, то завтра пойду ему навстрѣчу, аттаковать его».

19-го апрѣля императоръ Александръ и прусскій король прибыли изъ Фробурга въ Борну. Главная армія стала между Борною и Лобштетомъ; Блюхеръ былъ у Реты, графъ Витгенштейнъ, съ корпусами Берга и Іорка, у Цвенкау, Клейстъ у Линденау, Милорадовичъ въ Альтенбургѣ, Винцингероде прикрывалъ армію, стоя попрежнему между Эльстеромъ и Флострабеномъ; Ланской былъ впереди Люцена. Наполеонъ выступилъ поутру изъ Вейсенфельса. Онъ велъ послѣднія силы, какія только могъ собрать въ изнуренной многолѣтними войнами Франціи. Огромныя потери и пораженія, которыя онъ потерпѣлъ въ Россіи, поколебали его самонадѣянность. Онъ не помышлялъ болѣе, какъ прежде, о тѣхъ смѣлыхъ движеніяхъ, какими въ началѣ походовъ изумлялъ своихъ противниковъ, однимъ или двумя сраженіями рѣшая участь войны. Французскія каре тихо подвигались впередъ и встрѣтили отрядъ Ланского у Рипаха. Завязалась жаркая канонада. Маршалъ Бессіеръ, на бѣлой лошади, съ однимъ вѣстовымъ, отдѣлился отъ войска для обозрѣнія нашей позиціи; Ланской приказалъ сдѣлать по немъ выстрѣлъ батареѣ полковника Горскаго; ядро разорвало Бессіера пополамъ. Къ вечеру Ланской отступилъ къ Флосграбену, по направленію къ Пегау. Наполеонъ вошелъ въ Люценъ и расположился тамъ на ночлегъ; Ней занялъ между Пегау и Люценомъ селенія Гроссъ и Клейнъ-Гершенъ; Бертранъ и Мармонъ были въ Вейсенфельсѣ, Удино на маршѣ изъ Іены въ Наумбургъ; часть войскъ вице-короля въ Ранштетѣ, а другая на маршѣ туда изъ Мерзебурга. Вечеромъ Наполеонъ отдалъ повелѣніе всѣмъ корпусамъ: идти на слѣдующій день къ Лейпцигу, за которымъ, какъ онъ думалъ, была расположена союзная армія, не зная, что наши силы стояли на его правомъ крылѣ, вдоль Эльстера и Плейсы; слѣдовательно, онъ и не догадывался о готовившемся на него нападеніи.

Въ строю союзниковъ передъ сраженіемъ у Люцена было 98 батальоновъ, 138 эскадроновъ, 45 ротъ артиллеріи, всего, съ казачьими полками, 69,125 человѣкъ, въ томъ числѣ 35,775 русскихъ и 33,350 пруссаковъ. У Наполеона было при этомъ сраженіи 102,000 человѣкъ, т. е., на 32,000 болѣе, чѣмъ у союзниковъ.

Императоръ Александръ, ночевавъ въ Борнѣ, выѣхалъ оттуда вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ, 20 апрѣля, въ два часа утра, и въ 4-мъ часу монархи сошли съ лошадей передъ городомъ Пе-

гау, въ ожиданіи прусскихъ войскъ, опоздавшихъ выступленіемъ, по причинѣ несвоевременнаго полученія диспозиціи. Около двѣнадцати часовъ императоръ Александръ и прусскій король прибыли на Люценскія равнины. Ровно въ полдень, Блюхеръ, убѣленный сѣдинами, но бодрый, какъ юноша, подъѣхалъ къ графу Витгенштейну, преклонилъ саблю и просилъ позволенія начать дѣйствіе. «Съ Божіею помощью!» отвѣчалъ графъ по-нѣмецки. Вскорѣ раздались ружейные выстрѣлы; черезъ нѣсколько минутъ загремѣла канонада: битва загорѣлась. Государь, въ отмѣнно веселомъ расположеніи духа, слѣдовалъ за наступавшими колоннами и остановился на холмѣ противъ Гроссъ-Гершена, откуда пруссаки мгновенно вытѣснили французовъ и преслѣдовали ихъ до Клейнъ-Гершена и Раны. Оба селенія достались въ нашу власть, причемъ взяты 3 подбитыя пушки. Кавалерійская бригада Дольфса бросилась на три батальона французовъ, показавшихся изъ Старзиделя, и прогнала ихъ. На столбовой дорогѣ по обѣимъ сторонамъ Люцена и на пространствѣ между дорогою и мѣстомъ сраженія, въ непріятельскихъ войскахъ замѣтны были бѣготня и суматоха слѣдствіе нашего неожиданнаго нападенія. Внезапно услышавъ позади себя сильную канонаду, Наполеонъ, не предполагавшій встрѣтить войска союзниковъ на своемъ правомъ крылѣ, остановилъ свою лошадь, прислушивался къ пальбѣ, всматривался въ направленіе порохового дыма и, угадавъ настоящее положеніе дѣлъ, приказалъ всѣмъ корпусамъ, растянутымъ отъ Наумбурга до Маркранштета, какъ можно скорѣе идти къ Люцену, а вице-королю, завязавшему дѣло у Линденау, оставить тамъ корпусъ Лористона и съ корпусомъ Макдональда обходить правое крыло союзниковъ. Отдавъ повелѣнія, обличавшія вѣрный и опытный взглядъ великаго полководца, самъ Наполеонъ поспѣшилъ къ Люцену. Навстрѣчу ему толпами шли раненые и неслись обозы. Прибывъ на поле сраженія, онъ нашелъ войска въ кровопролитномъ бою близъ Клейнъ-Гершена и Раны. Было 2 часа пополудни. Вся наша первая линія, или корпусъ Блюхера, и нѣсколько батальоновъ второй, взятыхъ изъ корпусовъ Берга и Іорка, стояли уже въ огнѣ, потому что союзники встрѣтили въ селеніяхъ гораздо болѣе непріятелей, нежели предполагали сначала, думая, что они заняты только незначительнымъ арріергардомъ. Окинувъ взоромъ поле битвы, Наполеонъ велѣлъ перейти отъ обороны къ наступленію. Ней снова овладѣлъ Клейнъ-Гершеномъ и Раною и приблизился къ Гроссъ-Гершену. Блюхеръ взялъ остальныя свѣжія войска 2-й линіи, ударилъ въ штыки, опрокинулъ Нея и выдвинулъ артиллерію. Подъ ея прикрытіемъ русскіе и пруссаки ворвались въ обѣ оспариваемыя деревни и проникнули до Каіи. Селеніе это прикрывало Люценъ и столбовую дорогу и потому было для Наполеона весьма важно. Онъ велѣлъ взять Каію, во что-бы то ни стало. Наши были оттуда выбиты: сраженіе опять перешло на пространство между Раною и Клейнъ-Гершеномъ. Въ это время Мармонъ прибылъ отъ Вейсенфельса и составилъ правое непріятельское крыло у Старзиделя. Вскорѣ къ нему примкнула шедшая изъ Вейсенфельса въ головѣ корпуса Бертрана пѣхотная дивизія и остановилась у Кельцена. Замѣтивъ умноженіе непріятельскихъ силъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, графъ Витгенштейнъ приказалъ барону Винцингероде

съ кавалеріею стать противъ Старзиделя, гдѣ за полчаса передъ тѣмъ государь лично велѣлъ генералъ-маіору Никитину выдвинуть 40 орудій, сказавъ ему: «Я самъ буду смотрѣть на дѣйствіе твоей артиллеріи». Непріятель выступилъ изъ Старзиделя, но былъ остановленъ выстрѣлами Никитина и потомъ кавалерійскою аттакою ген.-м. Панчулидзева, причемъ мы захватили 2 пушки.

Обезпеченный справа прибытіемъ Мармона и усиленный войсками, подходившими къ нему отъ Лейпцига, Наполеонъ возобновилъ наступленіе въ центрѣ. Было 5 часовъ пополудни. Французы ворвались въ Клейнъ-Гершенъ, но были отброшены. Для предупрежденія вторичной аттаки на центръ и развлеченія силъ и вниманія непріятелей, графъ Виттенштейнъ послалъ 2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго направо, къ Эйсдорфу, приказывая аттаковать оконечность лѣваго крыла французовъ; барону Винцингероде онъ велѣлъ ударить въ правый флангъ ихъ. Не съ одинаковымъ успѣхомъ исполнены приказанія. Винцингероде не сдѣлалъ никакого рѣшительнаго движенія, но принцъ Евгеній занялъ Эйсдорфъ, и стрѣлки его подавались впередъ, обходя лѣвый непріятельскій флангъ. Тогда пришелъ Тормасовъ съ главною арміею, сталъ у Домсена и отправилъ обѣ наши кирасирскія дивизіи и легкую гвардейскую кавалерійскую на подкрѣпленіе Винцингероде. Прибытіе резервовъ и успѣхи принца Евгенія должны были дать дѣлу выгодный для насъ оборотъ, если-бы Наполеонъ не имѣлъ другихъ войскъ, кромѣ тѣхъ, которыя находились на полѣ сраженія. Часу въ 7-мъ вдругъ поднялось съ нашей правой стороны густое облако пыли, и изъ-за него стали выходить колонны вице-короля, спѣшившаго отъ Лейпцига.

Наполеонъ только и ждалъ вице-короля. Увидѣвъ его приближеніе, онъ велѣлъ Мармону сдѣлать наступленіе изъ Старзиделя противъ нашей кавалеріи; самъ построилъ близъ Каіи 16 батальоновъ молодой гвардіи въ 4 каре, подкрѣпилъ ихъ старою гвардіею и двинулся впередъ, предшествуемый 80-ю орудіями. При первомъ натискѣ наши отступили до Раны и Клейнъ-Гершена, но здѣсь они упорно удержались и остановили непріятеля. Графъ Виттенштейнъ, узнавъ достовѣрно отъ находившагося близъ Лейпцига партизана Левенштерна о движеніи вице-короля, велѣлъ Коновницыну идти въ дѣло съ гренадерскимъ корпусомъ. Коновницынъ послалъ 1-ю дивизію къ Гроссъ-Гершену, 2-ю повелъ къ Эйсдорфу. Опередивъ ее, онъ поѣхалъ для обозрѣнія мѣста, гдѣ слѣдовало выстроиться. Случай привелъ его къ 3-й пѣхотной дивизіи: въ 1812-мъ году она покрыла себя славою подъ его начальствомъ. Увидя своего любимаго генерала, она огласила воздухъ восклицаніями и даже на нѣсколько мгновеній прекратила огонь. Коновницынъ поскакалъ къ стрѣлкамъ, былъ раненъ пулею въ ногу и принужденъ оставить поле сраженія. Его геройская храбрость и любовь къ нему войскъ сдѣлали удаленіе его въ рѣшительную минуту невознаградимымъ. Вмѣсто него начальство надъ гренадерскимъ корпусомъ принялъ ген.-м. Цвиленевъ.

Бѣглымъ шагомъ спѣшилъ вице-король и поспѣлъ въ началѣ 8-го часа на назначенное мѣсто между Эйсдорфомъ и Киценомъ, поставилъ батареи и билъ вдоль нашихъ линій; ядра перелетали черезъ государя. Несмотря на мужественную защиту принца Евгенія, вице-король овладѣлъ Эйсдорфомъ и началъ переходить на лѣвый берегъ Флосграбена, но былъ остановленъ штыками гренадеровъ и 3-й ди-

визіи князя Шаховского. Тогда-же Наполеонъ сдѣлалъ новое усиліе и ворвался въ Клейнъ-Гершенъ и Рану. Гроссъ-Гершенъ онъ не могъ возвратить въ свои руки. Близъ этой деревни и по всей линіи сраженіе кипѣло до наступленія совершеннаго мрака. Послѣднею вспышкою сраженія, когда уже совсѣмъ утихъ огонь, была кавалерійская аттака Блюхера. Не взирая на полученную имъ рану, онъ хотѣлъ ударить на французовъ нечаянно, но впотьмахъ заѣхалъ въ овраги, былъ принятъ батальнымъ огнемъ и возвратился безъ успѣха. Потеря французовъ убитыми и ранеными простиралась до 15,000 человѣкъ; у насъ выбыло изъ строя: русскихъ 259 офицеровъ и 2,856 нижнихъ чиновъ, пруссаковъ 8,000, въ томъ числѣ много молодыхъ людей, добровольно поступившихъ въ службу. Непріятели лишились людей болѣе союзниковъ, потому что артиллерія наша была сильнѣе и лучше управляема; въ арміи Наполеона находилось много рекрутовъ, непривычныхъ къ стрѣльбѣ до того, что при заряжаніи ружей и пальбѣ они сами себѣ наносили раны. Въ плѣнъ взято 800 французовъ. До 1,000 человѣкъ русскихъ и пруссаковъ, большею частію тяжело раненыхъ, по недостатку подводъ, оставлены на полѣ сраженія и достались непріятелю на другой день послѣ нашего отступленія. Трофеевъ непріятель не взялъ никакихъ, а у него отбито 5 пушекъ. Такъ кончилось первое сраженіе, данное Александромъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ за политическую свободу Германіи. Императоръ и прусскій король въѣзжали нѣсколько разъ въ пылъ сраженія и даже были подъ ружейнымъ огнемъ. На просьбу окружавшихъ государя удалиться отъ опаснаго мѣста, Александръ отвѣчалъ: «Для меня здѣсь нѣтъ пуль». И Наполеонъ, со времени Италійскихъ войнъ, ни въ одномъ сраженіи не бывалъ въ такомъ сильномъ огнѣ, не показывалъ столько личной распорядительности, какъ подъ Люценомъ. Онъ не претерпѣлъ здѣсь пораженія, но не одержалъ и побѣды, потому что союзныя войска провели ночь гораздо далѣе тѣхъ мѣстъ, откуда выступили поутру, даже въ Гроссъ-Гершенѣ, гдѣ передъ сраженіемъ находились французы, отступившіе ночью съ поля битвы, сосредоточиваясь у Люцена. Однако-же, Наполеонъ присвоилъ побѣду себѣ, когда на разсвѣтѣ слѣдующаго утра союзники отступили; но, превосходя насъ 30,000 человѣкъ, онъ все-таки не могъ опрокинуть насъ и долженъ былъ оставить за нами Гроссъ-Гершенъ. Въ 10-мъ часу, при окончаніи сраженія, императоръ Александръ и король прусскій стояли еще на холмѣ впереди Вербена, совѣщаясь о томъ, что предпринять въ слѣдующій день, и рѣшились, усиливъ армію корпусомъ Милорадовича, аттаковать на слѣдующее утро непріятеля. Послѣ узнали, что Наполеонъ ожидалъ нашего нападенія, отступилъ ночью съ поля сраженія за Каію, къ Люцену и, желая собрать свои силы для отпора, приказалъ Лористону, въ продолженіе Люценскаго сраженія вытѣснившему Клейста изъ Лейпцига, очистить этотъ городъ и возвратиться къ главной арміи. Однако, нападеніе на непріятелей не состоялось, по слѣдующимъ причинамъ: черезъ часъ послѣ того, когда монархи, отдавъ графу Витгенштейну повелѣніе возобновить бой, отправились съ поля сраженія на ночлегъ, въ селеніе Гроичъ, графу Витгенштейну привезли донесеніе, что Лористонъ одолѣлъ Клейста, занялъ Лейпцигъ и послалъ войско въ нашъ тылъ, по дорогѣ къ Борнѣ и Цвенкау. При полученіи донесенія, графъ Витгенштейнъ еще не могъ знать, что Наполеонъ въ то время уже

велѣлъ Лористону воротиться изъ Лейпцига къ Люцену: слѣдовательно, опасенія за тылъ нашей арміи были основательны. Тогда-же донесено ему было, что въ главной арміи, только что поутру поступившей подъ его начальство, отстали артиллерійскіе парки, отчего въ новомъ сраженіи произошелъ-бы недостатокъ въ снарядахъ. Таковы были причины собственно военныя, воспрепятствовавшія возобновить дѣло и побудившія графа Виттенштейна испросить у монарховъ повелѣніе отступить. Къ этому присоединилось обстоятельство политическое, несравненно важнѣйшее, не дозволявшее вступить во вторичное сраженіе, не имѣя полнаго ручательства за успѣхъ. Содѣйствіе Австріи, о скоромъ присоединеніи которой къ союзникамъ получилъ государь извѣстіе въ Дрезденѣ, должно было дать намъ несомнѣнный перевѣсъ, и потому, какъ говорилъ тогда императоръ Александръ, «не слѣдовало предоставлять случайностямъ битвы того, къ чему въ непродолжительномъ времени, почти навѣрное, можно было достигнуть, обождавъ немного». По этимъ основаніямъ отступленіе было рѣшено.

Графъ Витгенштейнъ получилъ за Люценское сраженіе орденъ св. Андрея Первозваннаго, Блюхеръ—св. Георгія 2-й степени. Тормасовъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и уѣхалъ въ Петербургъ.

Наканунѣ Люценскаго сраженія узнали о кончинѣ князя Кутузова, послѣдовавшей 17-го апрѣля. Государь приказалъ содержать въ тайнѣ извѣстіе объ его смерти и не объявлять о томъ до конца сраженія. Тѣло героя повезли изъ Бунцлау въ Петербургъ. Съ прибытіемъ бренныхъ останковъ его въ предѣлы Россіи, жители попутныхъ селеній и городовъ выпрягали лошадей изъ печальной колесницы и везли ее на себѣ. На тысячеверстномъ пространствѣ возносились благословенія усопшему. Тѣло стояло нѣсколько дней въ Сергіевской пустыни, въ ожиданіи Высочайшаго повелѣнія о томъ, гдѣ его похоронить. На докладѣ с.-петербургскаго главнокомандующаго Вязмитинова государь собственноручно написалъ: «Мнѣ кажется приличнымъ положить его для почести въ Казанскомъ соборѣ, украшенномъ его трофеями». Въ назначенный для похоронъ день, ровно черезъ годъ отъ вступленія Наполеона въ русскую землю, по прибытіи печальнаго шествія къ Петербургу, народъ просилъ позволенія везти колесницу на себѣ и у заставы встрѣтилъ ее восклицаніями: ура! Погода была пасмурная, но, когда гробъ сняли съ катафалка, вокругъ котораго, вмѣсто балдахина, развѣвались знамена великой арміи Наполеона, сокрушенной Кутузовымъ, яркіе лучи солнца освѣтили прямо могилу. Казалось, само небо напутствовало благословеніемъ предаваемый землѣ прахъ вождя русскихъ въ Отечественную войну. Черезъ полтора года, прусскій король соорудилъ въ Бунцлау памятникъ, съ слѣдующею надписью, на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ: «До этихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россійскія войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя!»

II.

Сраженіе при Бауценѣ.

На другой день послѣ Люценскаго сраженія императоръ Александръ, приказавъ начать партизанскую войну, выѣхалъ въ Дрезденъ. Союзныя-же войска тронулись еще ночью съ Люценскаго поля сраженія за Эльстеръ. Только передовыя цѣпи ихъ остались въ Гроссъ-Гершенѣ и окрестностяхъ.

Узнавъ объ отступленіи союзниковъ, Наполеонъ двинулся впередъ, а начальники его корпусовъ получили отъ него повелѣніе, начать наступательныя дѣйствія. Франція и подвластныя Наполеону земли огласились побѣдными кликами; славили счастье и искусство Наполеона, говорили, что звѣзда его, потухавшая въ русскихъ снѣгахъ, заблистала новымъ свѣтомъ. Между тѣмъ, союзная армія отходила спокойно къ Эльбѣ. Переправившись черезъ нее 24-го и 25-го апрѣля, русскія войска стали между Радебургомъ и Кенигсбрукомъ, а прусскія у Гроссенгайна. Государь выѣхалъ изъ Стараго Дрездена въ предмѣстье Нейштадтъ и приказалъ производить инспекторскіе смотры, повѣряя наличное число людей и состояніе оружія и вообще употребляя время «къ приведенію всѣхъ частей въ надлежащій порядокъ, дабы безпрепятственно можно было вступить въ дѣло съ непріятелемъ».

Между тѣмъ, французскій авангардъ, подъ начальствомъ вице-короля, черезъ два дня послѣ Люценскаго сраженія, 23-го апрѣля, настигъ Милорадовича на берегахъ Мульды и съ тѣхъ поръ постоянно каждый день нападалъ на него. При Вальдгеймѣ, Эндорфѣ, Носсенѣ и Вильсдруфѣ происходили упорныя дѣла, иногда часовъ по десяти. Нигдѣ не могли французы одержать даже тѣни побѣды и произвести замѣшательство въ войскахъ Милорадовича.

Ежедневно сражаясь, Милорадовичъ принелъ 26-го къ Эльбѣ и началъ переходить ее по двумъ пловучимъ мостамъ. Въ часъ пополудни совершилась переправа, и мосты были зажжены. Передовые отряды заняли Нейштадтъ. Государь отправился въ Пульзницъ, въ чертѣ расположенія армій, а французы вступили въ Дрезденъ. Подъ вечеръ раздался въ Дрезденѣ колокольный звонъ, возвѣстившій прибытіе Наполеона. Узнавъ, что русскіе стоятъ въ Нейштадтѣ и по обѣимъ сторонамъ его по Эльбѣ, Наполеонъ не въѣхалъ въ Дрезденъ, но, обогнувъ форштатъ, отправился къ Эльбѣ и выбралъ самъ мѣсто для наведенія моста.

27-го апрѣля русскіе не трогались съ позиціи между Радебургомъ и Кенигсбрукомъ; пруссаки стояли у Гроссенгайна, Милорадовичъ занималъ Нейштадтъ. Съ разсвѣтомъ французы начали наводить мостъ въ Дрезденѣ, подъ прикрытіемъ 20-ти пушекъ. Милорадовичъ выдвинулъ противъ нихъ такое-же количество артиллеріи; открылась канонада. При первыхъ выстрѣлахъ ему донесли, что французы еще ночью стали наводить мостъ у Призница, подъ защитою 36-ти пушекъ, и что нѣсколько ротъ ихъ пѣхоты, не замѣченныя казаками, переѣхали въ лодкахъ на правый берегъ. Пока наши подоспѣли къ Призницу, число французовъ на правомъ берегу умножилось, такъ что мы не въ состояніи были выгнать непріятеля изъ занятыхъ имъ деревень. Видя неравенство боя, Милорадовичъ приказалъ отступить отъ обѣихъ переправъ и расположился за Нейштад-

томъ. Тогда-же графъ Виттенштейнъ рѣшилъ отступать отъ Радебурга и Гроссенгайна на большую Силезскую дорогу и стать между Бишофсверде и Бауценомъ.

Милорадовичъ оставался передовымъ стражемъ арміи и во время ея движеній къ Бауцену имѣлъ съ французскимъ авангардомъ нѣсколько дѣлъ особенно жаркихъ и кровопролитныхъ, 29-го при Вейсигѣ, 30-го при Бишофсверде и 3-го мая, снова аттакованный, отошелъ къ Бауцену и расположился впереди города. Французы заняли лежащія напротивъ него высоты и развили вправо и влѣво свои колонны. Императоръ, неоднократно изъявлявшій Милорадовичу свое благоволеніе за искусное отступленіе его отъ Люцена къ Бауцену, пожаловалъ ему графское достоинство.

Во время отступленія къ Бауцену, графъ Стадіонъ привезъ государю отъ императора Франца письмо, которое должно было разсѣять всякое сомнѣніе на счетъ видовъ вѣнскаго кабинета и могло считаться равносильнымъ формальному присоединенію его къ союзу. Графъ Стадіонъ извѣстилъ о намѣреніи Австріи объявить войну Наполеону.

Послѣ откровенныхъ объясненій Австріи, оставалось только ожидать, какъ приметъ Наполеонъ предложенія союзныхъ монарховъ о возстановленіи Испаніи, освобожденіи Италіи и объ отступленіи со всей его арміей, отправленныя къ нему черезъ посредство вѣнскаго двора, и до тѣхъ поръ избѣгать пораженій, стараясь не быть принужденными на отдаленіе отъ австрійскихъ границъ. Надобно еще было дать время пруссакамъ окончить вооруженіе крѣпостей и составленіе ополченій и доказать Европѣ, особенно Австріи, что послѣ Люценскаго сраженія, провозглашеннаго Наполеономъ блистательною побѣдою, союзная армія не упала духомъ и не разстроилась. Таковы были причины, побудившія императора Александра и прусскаго короля стать на Бауценскихъ высотахъ, выгодныхъ для оборонительнаго сраженія. Государь расположился въ 5-ти верстахъ позади войскъ, въ замкѣ Вуршенѣ, гдѣ прожилъ до 8-го мая, то-есть, до перваго дня Бауценскаго сраженія. Наполеонъ-же въ это время былъ въ Дрезденѣ.

Въ это время имъ сдѣланы были мирныя предложенія, но въ такой формѣ, что ихъ нельзя было не отвергнуть.

Отказъ этотъ былъ основанъ на томъ убѣжденіи, что существованіе Наполеона являлось рѣшительно несовмѣстнымъ съ благомъ Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ сраженіе являлось неизбѣжнымъ, и противники дѣятельно готовились къ нему. Это сраженіе произошло 8-го и 9-го мая подъ Бауценомъ. Союзныя войска были расположены на Бауценской позиціи между двумя линіями. Въ строю находилось всего, съ казачьими полками, 96,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 68,000 русскихъ и 28,000 пруссаковъ. 6-го мая, въ день выступленія Наполеона изъ Дрездена къ Бауцену, государь получилъ донесенія партизановъ, что сильный непріятель тянется противъ нашего праваго крыла изъ Шпремберга къ Кенигсварте. Тотчасъ велѣно было Барклаю де-Толли съ сводным корпусомъ изъ 22,500 человѣкъ идти къ Кенигсварте, узнать число слѣдовавшихъ туда французовъ и, если можно, разбить ихъ. Войска, о которыхъ доносили партизаны и противъ которыхъ выступилъ Барклай де-Толли, шли изъ Торгау и со-

стояли, подъ главнымъ начальствомъ Нея, изъ его корпуса и корпусовъ Лористона и Ренье. Барклай де-Толли выступилъ ночью, съ 6-го на 7-е. Въ полдень былъ открытъ непріятель—это была итальянская дивизія, не ожидавшая нападенія. Князь Щербатовъ подошелъ первый къ безпечному непріятелю, стоявшему впереди Кенигсварте, опрокинулъ его штыками, взялъ 2 пушки и вмѣстѣ съ нимъ ворвался въ городъ. Итальянцы защищались въ улицахъ и домахъ. Князь Щербатовъ наступалъ, подкрѣпленный Рудзевичемъ. Бой въ городѣ продолжался около часа. Непріятель былъ разбитъ совершенно, потерялъ 7 орудій, и плѣнными: дивизіоннаго начальника, 3-хъ бригадныхъ генераловъ, 14 офицеровъ и 1,740 рядовыхъ. За дѣло при Кенигсварте Барклай де-Толли награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Съ нашей стороны убито, ранено и безъ вѣсти пропало 1,001; у пруссаковъ выбыло изъ строя 1,983 человѣка. 7-го мая, когда происходило дѣло при Кенигсварте, Наполеонъ прибылъ къ арміи, стоявшей передъ Бауценомъ, и отдалъ приказаніе въ слѣдующій день сдѣлать наступленіе. Войска его превосходили союзниковъ 34-мя тыс. чел. Насъ отдѣляла отъ непріятелей мелководная рѣка Шпре, которую имъ надобно было перейти, чтобы приблизиться къ нашему авангарду, спокойно стоявшему пять дней. 8-го мая, поутру графъ Милорадовичъ далъ знать о замѣченномъ имъ въ непріятельскихъ войскахъ движеніи. Въ 11 часовъ линіи французскихъ колоннъ, съ многочисленною артиллеріею, развернулись впереди и по сторонамъ Бауцена. Союзная армія стала въ ружье. Въ полдень вдругъ загремѣли непріятельскія батареи; кучи французскихъ стрѣлковъ разсыпались вдоль берега Шпре и открыли ружейный огонь съ нашими егерями. Такъ начался первый день Бауценскаго сраженія. Императоръ Александръ, находившійся въ Вуршенѣ, услышавъ канонаду, немедленно поѣхалъ къ войскамъ и остановился на высотахъ при Кайнѣ, откуда ясно видны были всѣ движенія французовъ, уже построенныхъ въ боевомъ порядкѣ.

Въ 4-хъ корпусахъ Удино, Макдональда, Мармона и Бертрана было болѣе 70,000 человѣкъ. Графу Милорадовичу, имѣвшему вмѣстѣ съ Клейстомъ 20,000, нельзя было долго удержать непріятеля. Предшествуемые батареями французы стройно подходили къ назначенному для каждаго корпуса мѣсту переправы. Огонь нашихъ стрѣлковъ и пушечная пальба не остановили ихъ; дивизія Удино, обойдя нашъ лѣвый флангъ у Менхевольде, оттѣснила разъѣзды, бывшіе на лѣвомъ берегу Шпре. Удино навелъ мосты между Синквицемъ и Добрешау, аттаковалъ графа Сенъ-При и принудилъ его отступить къ Оберъ-Кайнѣ; Макдональдъ овладѣлъ каменнымъ мостомъ у Бауцена, а одна изъ дивизій его переправилась ниже, у пороховой мельницы, и, взобравшись на высоты праваго берега, подходила къ самому Бауцену. Графъ Милорадовичъ велѣлъ оставить Бауценъ, потому что французы угрожали отрѣзать своимъ движеніемъ находившіяся въ городѣ наши войска. По занятіи непріятелемъ Бауцена, составлявшаго собою ключъ передовой линіи созниковъ, оборона его сдѣлалась невозможною. Графъ Милорадовичъ началъ отходить къ лѣвому флангу главной позиціи, останавливаясь гдѣ могъ, чему благопріятствовало мѣстоположеніе, пересѣкаемое оврагами, кустарниками и деревнями. Распоряжаясь въ присутствіи союзныхъ монарховъ и въ виду арміи, стоявшей въ ружьѣ, онъ шагомъ разъѣзжалъ подъ пулями и картечами. «Стойте крѣпко!»—

кричалъ онъ солдатамъ.—«На васъ смотритъ государь!» Ядра долетали до того мѣста, гдѣ стоялъ императоръ. Клейстъ, храбро защищавшій Буркскія высоты противъ аттакъ съ фронта, также принужденъ былъ движеніемъ французовъ изъ Бауцена въ его лѣвый флангъ отступить къ Креквицу. Французы, повсюду слѣдуя за союзными войсками, отходившими на главную позицію, направляли особенныя усилія на оконечность лѣваго фланга и, наконецъ, овладѣли деревнею Мельтейеромъ. Тогда у насъ явилось опасеніе, чтобы Наполеонъ не отрѣзалъ союзныхъ армій отъ Богеміи. Графу Милорадовичу начали отряжать подкрѣпленія. Сперва послали корпусъ князя Горчакова, потомъ часть корпуса Берга, послѣ бригаду гренадеровъ и, наконецъ, гвардейскіе полки, Павловскій и Лейбъ-Гренадерскій. Прибытіе ихъ дало графу Милорадовичу рѣшительный перевѣсъ; онъ выбилъ Удино изъ Мельтейера и на всѣхъ пунктахъ опрокинулъ французовъ; бѣгство ихъ съ крутыхъ горъ, въ 10-ть часовъ вечера, закончило сраженіе 8-го числа. На правомъ флангѣ, Ней, занятый сосредоточеніемъ своихъ силъ, только къ 8-ми часамъ вечера сдѣлалъ слабое и неудачное покушеніе овладѣть мостомъ у Кликса и потомъ ограничился перестрѣлкою. Когда огонь прекратился, императоръ Александръ поѣхалъ на ночлегъ въ Малый-Бурщвицъ, а Наполеонъ—въ Бауценъ. Потеря убитыми, ранеными и плѣнными состояло изъ 2,700 русскихъ и 635 пруссаковъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е не было сдѣлано перемѣны въ расположеніи войскъ. Они остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застала ихъ темнота вечера.

Какъ-будто по предварительному условію, императоръ Александръ и Наполеонъ прибыли, 9-го мая, на поле въ одно время, въ 5-ть часовъ утра. Государь остановился на горѣ, позади Башюца и Іенквица, Наполеонъ—на высотахъ при Нидеркайнѣ. Прибывъ на поле, Наполеонъ велѣлъ Макдональду и Удино начать ложныя аттаки на наше лѣвое крыло, Мармону выстроиться между Нидеркайною и Надельвицомъ, Бертрану перейти черезъ Шпре у Нимшица и Нидергурка, Нею тронуться въ 9-ть часовъ въ обходъ. Канонада загремѣла съ 6-ти часовъ. Удино и Макдональдъ, разсыпавъ впереди стрѣлковъ, устремились въ лѣса и на горы; графъ Милорадовичъ постоянно отбивалъ аттаки и не давалъ имъ нигдѣ утверждаться. Бой продолжался здѣсь часа три, и, судя по упорству нападеній, казалось, что натискъ Наполеона преимущественно обращенъ на наше лѣвое крыло, но графъ Витгенштейнъ не дался въ обманъ и угадалъ настоящія намѣренія своего противника. «Ручаюсь головою», сказалъ онъ, «что аттака на наше лѣвое крыло ложная. Наполеонъ хочетъ обойти насъ справа и припереть къ Богеміи». Послѣдствія обнаружили справедливость замѣчанія графа Витгенштейна, но никто, кромѣ начальника штаба его, Довре, съ нимъ не соглашался, а потому не только оставили у Милорадовича всѣ войска, посланныя ему въ подкрѣпленіе наканунѣ, но еще отрядили къ нему гренадеровъ, чѣмъ ослабили центръ и лишились возможности усилить правое крыло. Вдругъ, часу въ 10-мъ, увидѣли съ горы, на которой стоялъ государь, что горизонтъ чернѣется отъ выходящихъ колоннъ, и вскорѣ потомъ замѣчено передвиженіе войскъ Барклая де-Толли. То было начало аттаки Нея и Лористона. Ней оттѣснилъ союзниковъ отъ Кликса къ Готамельде, овладѣлъ Малышвицомъ, выстроился влѣво, противъ позиціи Барклая де-Толли. Лористонъ шелъ лѣвѣе, на Баруть, въ тылъ

нашей позиціи. Барклай де-Толли, оставивъ дивизію Инзова на Прейтицкихъ высотахъ, со всѣми другими войсками отошелъ къ Ракелю, въ намѣреніи преградить путь Лористону. Ней послѣдовалъ за движеніемъ Барклая де-Толли, опрокинулъ Инзова, въ 11-ть часовъ овладѣлъ Прейтицомъ и тѣмъ отрѣзалъ сообщеніе между нашимъ правымъ крыломъ и центромъ. До этихъ поръ предположенія Наполеона шли удачно. Заключая по направленію пушечнаго дыма, что Ней вступилъ на предписанный ему путь, Наполеонъ хотѣлъ воспрепятствовать союзникамъ подкрѣпить Барклая де-Толли. Онъ велѣлъ Удино и Макдональду возобновить аттаки на Милорадовича, Мармону подаваться впередъ къ Башюцу, Бертрану выступить противъ Креквица. Двинувшись въ то время быстро впередъ, Ней и Лористонъ могли склонить побѣду на свою сторону, но они или не поняли даннаго имъ повелѣнія, или не умѣли его выполнить. Ней занялъ Прейтицъ одною дивизіею, а съ другими остановился у Глейны, ожидая Ренье, бывшаго еще далеко назади; Лористонъ, обманутый маневрами своихъ противниковъ подвигался тихо и, занявъ Барутъ, не пошелъ дальше. Въ 2 часа пополудни, Наполеонъ, поминутно ожидавшій дѣйствій Нея въ тылу союзниковъ, велѣлъ корпусамъ Бертрана и Мортье, съ частію гвардіи, аттаковать Креквицкія высоты, ключъ нашей позиціи. Двѣ огромныя гвардейскія батареи открыли огонь противъ Блюхера. На подкрѣпленіе ему отправили Ермолова, съ полками лейбъ-гвардіи егерскимъ, гвардейскимъ экипажемъ, перновскимъ и кексгольмскимъ, гренадерскими, глуховскимъ кирасирскимъ и конною ротою артиллеріи. Ермоловъ пришелъ, когда Блюхеръ, двукратно опрокидывавшій французовъ и, какъ левъ, оборонявшій каждый шагъ земли, долженъ былъ уже отступить за Клейнъ-Бауценъ. Ней получилъ тогда давно ожидаемое извѣстіе о приходѣ Ренье къ Кликсу, велѣлъ ему слѣдовать за собою ввидѣ резерва, а самъ двинулся впередъ и вторично занялъ Прейтицъ; но опять онъ не умѣлъ сообразиться съ обстоятельствами: вопреки даннаго ему повелѣнія идти налѣво, къ Вуршену и Гохкирху, Ней направился направо, къ Клейнъ-Бауцену, и, взойдя на находящіяся тамъ крутыя высоты, увидѣлъ себя не позади союзной арміи, какъ ему было приказано, но на лѣвомъ крылѣ Бертрана. Лористонъ также неподвижно стоялъ у Барута, не рѣшаясь напирать на бывшихъ противъ него Чаплица и Ланского и оставаясь въ ложномъ убѣжденіи, что они въ превосходныхъ противъ него силахъ. Хотя бездѣйствіе Лористона и ошибочное движеніе Нея вправо не подавали болѣе повода къ опасенію за нашъ тылъ, но усиленіе непріятельскихъ войскъ въ центрѣ угрожало прорывомъ нашей боевой линіи. На отнятую у Блюхера Креквицкую высоту сталъ корпусъ Бертрана и взвезено было 50 орудій. Мармонъ, гвардія и резервная кавалерія двинулись къ Башюцу; французскія батареи вездѣ усилились. У насъ, кромѣ полковъ лейбъ-гвардіи преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и литовскаго, въ каждомъ не болѣе 700 человѣкъ, и двухъ кирасирскихъ дивизій, въ 3,100 человѣкъ, не было никакихъ другихъ войскъ для подкрѣпленія боевыхъ линій. Собранныя Наполеономъ противъ нашего центра пѣхотныя и кавалерійскія колонны, казалось, только и ждали той минуты, когда графъ Витгенштейнъ ослабитъ себя, употребивъ въ дѣло свой послѣдній резервъ. Наступилъ рѣшительный мигъ сраженія. Приходилось избрать одно изъ двухъ: употребить послѣдній резервъ, остановивъ имъ ударъ

Наполеона противъ нашего центра и праваго крыла, и двинуть графа Милорадовича въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, или отступать немедленно, такъ какъ всякое замедленіе, всякая несовершенно твердая мѣра были пагубны. Графъ Витгенштейнъ испросилъ у союзныхъ монарховъ повелѣніе прервать бой и въ началѣ 5-го часа разослалъ приказанія отступать. Въ 5-ть часовъ пополудни когда солнце стояло еще высоко, армія снялась съ позиціи. Императоръ Александръ и прусскій король поѣхали верхомъ въ Рейхенбахъ. Непріятель слабо преслѣдовалъ колонны Барклая де-Толли и Блюхера, имѣвшихъ свободный путь отступленія.

Русскіе и пруссаки въ Бауценскомъ сраженіи не одержали побѣды, но не были и разбиты, стяжавъ славу мужественнаго сопротивленія. Ни одинъ изъ нашихъ батальоновъ и эскадроновъ не былъ разстроенъ. Имѣя 34,000 человѣкъ болѣе, нежели союзники, Наполеонъ не взялъ ни пушки, ни знамени, ни повозки у арміи, двое сутокъ съ нимъ боровшейся и, наконецъ, отступившей среди прекраснаго майскаго дня, когда самъ онъ потерялъ два орудія, отбитыя русскими конными партіями на лѣвомъ крылѣ. Данный Наполеону подъ Бауценомъ отпоръ и безпрепятственное отступленіе, совершившееся безъ малѣйшей потери, были неоспоримыми доказательствами нравственнаго превосходства союзныхъ войскъ въ сравненіи съ Наполеоновыми, новымъ благодѣтельнымъ плодомъ нашей Отечественной войны, поглотившей старые полки завоевателя. Потеря союзниковъ въ сраженіи 9-го мая заключалась въ 9,948 чел., въ томъ числѣ русскихъ 6,406. Потеря непріятельская, ввиду необнародованія оффиціальныхъ свѣдѣній французскимъ правительствомъ, неизвѣстна; ее считали въ 15,000 человѣкъ. Уронъ Наполеона былъ гораздо значительнѣе нашего потому, что его войска были долго подвержены огню нашихъ укрѣпленій и пальбѣ стрѣлковъ; занимая выгодныя мѣста, они ожидали приближенія французовъ и наносили имъ вредъ, тѣмъ сильнѣйшій, что состояли большею частью изъ русскихъ солдатъ, испытанныхъ и закаленныхъ въ войнѣ.

III.

Заключеніе перемирія. Дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ.

Рано поутру 10-го мая, союзныя арміи продолжали отступленіе къ Герлицу. Въ 3 часа пополуночи непріятели аттаковали арріергардъ, бывшій подъ командою Ермолова. Французы напирали горячо, понуждая нашъ арріергардъ отходить съ одной позиціи на другую, до Рейхенбаха. Негодуя, что сраженіе при Бауценѣ не доставило ему никакихъ трофеевъ, Наполеонъ поѣхалъ въ свой авангардъ, лично началъ распоряжаться войсками и подъ Рейхенбахомъ завязалъ упорное дѣло съ Милорадовичемъ. Французы тѣснили нашихъ стрѣлковъ, обходили фланги, громили изъ 50-ти орудій, въ первый разъ съ открытія похода посылали свою конницу въ аттаку, но нигдѣ не могли разстроить русскихъ. Къ увеличенію досады Наполеона, онъ лишился убитыми трехъ генераловъ и между ними любимца своего Дюрока, сраженнаго ядромъ, пущеннымъ изъ орудія той же самой русской батареи, съ которой передъ Люценскимъ сраженіемъ былъ убитъ маршалъ Бессьеръ. Дѣло прекратилось ночью. Графъ Милорадовичъ отошелъ къ Герлицу; передовыя войска оста-

новились за 6-ть верстъ отъ этого города. Наполеонъ расположился близъ Рейхенбаха на бивакахъ. Опечаленный смертію Дюрока, онъ провелъ весь вечеръ въ глубокомъ молчаніи, сидя на полѣ, подлѣ разложеннаго огня. На вопросъ Бертье о приказаніяхъ, онъ отвѣчалъ отрывисто: «Оставить дѣла до завтра». Въ тотъ же день, 10-го, императоръ Александръ прибылъ въ Лаубанъ и приказалъ графу Витгенштейну отступать къ Швейдницу.

Главную надежду будущихъ успѣховъ возлагали на участіе Австріи въ союзѣ, однако-же, приготовленія австрійцевъ къ войнѣ не могли кончиться къ тому времени, какъ полагали прежде. Изъ Вѣны дали знать о невозможности собрать армію въ Богеміи и снабдить ее всѣмъ нужнымъ для похода, ранѣе начала іюня. Слѣдовательно, нужно было до тѣхъ поръ всѣми способами останавливать непріятелей и выигрывать время. Съ этимъ намѣреніемъ вступили въ сношенія съ Наполеономъ. Слѣдствіемъ этихъ сношеній было предложеніе Наполеона о перемиріи, то есть, выигрышъ для насъ времени. Находившійся въ главной квартирѣ государя графъ Стадіонъ писалъ начальнику главнаго штаба Наполеона, Бертье, что императоръ Александръ и король прусскій соглашаются на изъявленное Наполеономъ предложеніе о заключеніи перемирія и составленіи потомъ конгресса и посылаютъ на передовыя цѣпи генераловъ договориться о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Въ ожиданіи отвѣта Стадіона, армія двинулась изъ Герлица къ Швейдницу двумя колоннами, по назначенной для каждой изъ нихъ дорогѣ. Въ промежуткахъ находился отрядъ, сохраняя сообщеніе между ними. Французская армія также раздѣлилась на двѣ части, слѣдуя за каждою изъ нашихъ колоннъ. Самъ Наполеонъ, съ главными силами, шелъ за лѣвою, на Бунцлау и Гайнау, полагая сначала, что союзники намѣрены отступать за Одеръ, черезъ Бреславль. На второмъ переходѣ изъ Герлица союзная армія вступила въ прусскія владѣнія, гдѣ возвращеніе ея поселило общую грусть въ жителяхъ, принятое ими за несомнѣнный признакъ скораго появленія злыхъ непріятелей, шесть лѣтъ тяготѣвшихъ надъ ними.

Между тѣмъ, въ обоихъ нашихъ арріергардахъ происходили жаркія дѣла, не имѣвшія, однако, никакого вліянія на движеніе армій. Обыкновенно каждая изъ воевавшихъ сторонъ присвоивала себѣ успѣхъ: французы—потому, что подавались впередъ, а наши—потому, что отступали въ порядкѣ. Изъ такихъ дѣлъ замѣчательно бывшее подъ Гайцау въ колоннѣ Барклая де-Толли, кончившееся пораженіемъ французовъ. Въ этомъ дѣлѣ. двѣ непріятельскія колонны были изрублены; третья спаслась въ близлежавшую деревню. Въ плѣнъ взято 1,200 человѣкъ; отбито 18 пушекъ, въ томъ числѣ русскими 3, и 36 зарядныхъ ящиковъ. Изъ дѣла вывезли 11 пушекъ; 7 заклепаны и брошены на дорогѣ. Потеря наша простиралась до 100 человѣкъ.

Въ это-же время продолжались переговоры о перемиріи, и противники, желая положить конецъ преніямъ, уговорились 20-го мая прекратить предварительно военныя дѣйствія на 36 часовъ. Вслѣдъ затѣмъ 24-го мая союзные монархи получили донесеніе о подписаніи, вмѣсто прежняго, перемирія на шесть недѣль, до 8-го іюля, съ обязательствомъ предупредить за шесть дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Чтобы изобразить возможно полнѣе картину положенія дѣлъ

необходимо упомянуть вкратцѣ о дѣйствіяхъ до перемирія отдѣльныхъ отрядовъ. Прусскій генералъ Бюловъ разбилъ подъ Локау маршала Удино. Графъ Воронцовъ съ 5,000 человѣкъ наблюдалъ за Магдебургомъ и берегами Эльбы отъ Гавельберга до Росслау, удерживая французовъ и разбивая ихъ отдѣльные отряды. Генералъ Чернышевъ имѣлъ дѣло при Гальберштадтѣ, гдѣ наголову разбилъ вестфальскаго генерала Оксъ. Трофеями побѣды были 14 орудій, 80 зарядныхъ ящиковъ и болѣе 1,000 плѣнныхъ. Едва кончилось дѣло, показался новый непріятель изъ Гессена. Чернышевъ выступилъ ему на встрѣчу и удерживалъ его 4 часа ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, а, между тѣмъ, отбитые трофеи отправляли назадъ къ Эльбѣ. Обезпечивъ путь ихъ, Чернышевъ послѣдовалъ за ними и пошелъ черезъ Бернбургъ въ Росслау. Возвратясь изъ-подъ Гальберштадта въ Росслау, Чернышевъ склонилъ графа Воронцова сдѣлать совокупное съ нимъ нападеніе на Лейпцигъ, гдѣ французскій генералъ Арриги формировалъ 3-й кавалерійскій корпусъ, гдѣ находилось 3,000 человѣкъ пѣхоты и были склады аммуничныхъ вещей, казна и госпитали.

26-го мая все было готово къ нападенію на Лейпцигъ. Рано утромъ, Чернышевъ занялъ Тауху, близъ котораго одна французская конная бригада только что строилась къ ученью. Онъ тотчасъ отправилъ команды на всѣ пути непріятельскаго отступленія, а потомъ пошелъ въ аттаку. Донцы ударили въ дротики и взяли въ плѣнъ 2 полковниковъ, 12 офицеровъ и 400 рядовыхъ; остальныхъ гнали до лейпцигскихъ предмѣстій. Встревоженные въ Лейпцигѣ французы кинулись къ ружью, наспѣхъ принимали мѣры обороны, а наши готовились къ приступу, когда вдругъ явились изъ города генералы: Ламотъ къ графу Воронцову, Пире къ Чернышеву, оба съ объявленіемъ о заключенномъ въ главныхъ арміяхъ перемиріи. Вскорѣ пріѣхалъ самъ Арриги и показалъ полученныя имъ изъ главной квартиры Наполеона подлинныя бумаги, въ доказательство, что перемиріе, дѣйствительно, подписано. Наши отрядные генералы не имѣли еще извѣстій о томъ отъ своего начальства и держались разныхъ мнѣній. Чернышевъ не считалъ необходимымъ обращать вниманіе на объявленія французскихъ генераловъ, утверждая, что такого рода извѣстія, получаемыя черезъ непріятелей, не могутъ быть для насъ обязательны, что надобно овладѣть Лейпцигомъ, важнымъ пунктомъ операціоннаго пути Наполеона, и не прекращать военныхъ дѣйствій, пока не получатъ изъ нашей главной квартиры увѣдомленія о перемиріи. Графъ Воронцовъ, напротивъ того, считалъ объявленіе французскихъ генераловъ достаточнымъ для остановленія дѣйствій. Онъ былъ старшій, и, слѣдовательно, нужно было согласоваться съ его волею. Взявъ съ собою заложниками генераловъ Ламота и Пире, графъ Воронцовъ и Чернышевъ отступили къ Эльбѣ. Прибывъ въ Дессау, они получили повелѣніе о перемиріи и отпустили заложниковъ.

На нижней Эльбѣ, въ теченіе марта и апрѣля, Тетенборнъ занималъ Гамбургъ, укрѣплялъ его, формировалъ волонтерскія войска, простиравшіяся уже до 3,300 человѣкъ, и производилъ съ казаками рекогносцировки. Противъ него дѣйствовалъ Даву, бомбардируя Гамбургъ по лѣвой сторонѣ Эльбы, и только Тетенборнъ не отчаивался еще удержаться въ городѣ, хотя большая часть его пѣхоты погибла

въ вылазкахъ и сшибкахъ съ французами. Онъ возлагалъ надежду на датскія войска, которыя, по приглашенію Тетенборна, вошли въ Гамбургъ. Но вскорѣ датскій король по политическимъ соображеніямъ велѣлъ своимъ войскамъ очистить Гамбургъ. Тетенборнъ упросилъ шведскаго генерала Дебельна съ 2,400 человѣкъ войти въ Гамбургъ. Черезъ двое сутокъ Дебельнъ получилъ отъ наслѣднаго принца повелѣніе возвратиться и былъ преданъ суду за то, что самовольно, безъ приказаній, согласился на просьбу Тетенборна. Даву усиливалъ огонь батарей, тѣснилъ Гамбургъ, а датскій король, заключивъ союзъ съ Наполеономъ, предоставилъ, 17-го мая, свои войска въ распоряженіе Даву. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ Тетенборнъ въ ночь съ 18 на 19-е очистилъ городъ и отступилъ въ Бойценбургъ. Даву занялъ Гамбургъ и подвергъ жителей жестокимъ наказаніямъ за отложеніе ихъ отъ французской имперіи. Вскорѣ пришло изъ главной квартиры извѣстіе о перемиріи, оставлявшемъ Гамбургъ за французами. Шведскій вспомогательный корпусъ, прибывшій въ началѣ мая въ Стральзундъ, занималъ Померанію и часть Мекленбургскаго герцогства.

Кромѣ дѣйствія отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, нужно упомянуть о двухъ прусскихъ партизанахъ, Коломбѣ и Люцовѣ. Первый изъ нихъ, съ сотнею волонтеровъ и 10-ю гусарами, былъ посланъ Блюхеромъ, послѣ Люценскаго сраженія, изъ Мейсена въ тылъ французовъ. Идя по ночамъ и укрываясь днемъ въ лѣсахъ, онъ успѣлъ пробраться на сообщенія непріятеля, къ Хемницу, Герѣ и Іенѣ. Онъ перехватывалъ курьеровъ, бралъ и разгонялъ малыя отдѣльныя команды и 17-го мая совершилъ смѣлый набѣгъ, уничтоживъ артиллерійскій паркъ непріятеля. Люцовъ дѣйствовалъ между Гофомъ и Плауеномъ съ 400 пруссаковъ и сотнею казаковъ.

Необходимо еще сказать о происходившемъ до подписанія перемирія подъ крѣпостями на Одерѣ, Вислѣ и Варшавскомъ герцогствѣ. Французы занимали на Одерѣ три крѣпости: Глогау, Кюстринъ и Штетинъ. Осада первой изъ нихъ была снята послѣ Бауценскаго сраженія, когда отступленіе союзныхъ армій къ Швейдницу открыло французамъ свободный путь для нападенія на корпусъ, осаждавшій Глогау. Подъ Кюстриномъ стоялъ Капцевичъ, съ отрядомъ изъ 5-ти полковъ пѣхоты, 2-хъ казачьихъ полковъ и одной роты артиллеріи. Въ апрѣлѣ и маѣ гарнизонъ не дѣлалъ вылазокъ. Въ половинѣ мая привезли изъ Берлина 14 осадныхъ орудій, рѣшились начать бомбардированіе и зажечь пороховые погреба, для побужденія гарнизона къ сдачѣ, такъ какъ другого средства къ покоренію крѣпости не было. Если-бы даже сдѣлали проломъ, и тогда трудно было предпринять приступъ, ввиду водяныхъ рвовъ. Но и бомбардированію помѣшало перемиріе. Блокада Штеттина была поручена генералъ-губернатору областей между Одеромъ и Вислою, графу Тауэнцину. Корпусъ его состоялъ почти исключительно изъ ополченій: 13-ти батальоновъ, 4-хъ эскадроновъ и казачьяго полка. Онъ обложилъ городъ съ обоихъ береговъ Одера, стараясь насколько возможно отрѣзать у гарнизона средства собирать продовольствіе въ сосѣднихъ селеніяхъ. Такое стѣсненіе гарнизона подало поводъ къ сшибкамъ, но вскорѣ пруссаки были ослаблены отдѣленіемъ нѣсколькихъ батальоновъ къ Бюлову, когда онъ собиралъ войска на защиту Берлина. Удовлетворивъ просьбу Бюлова, графъ Тауэнцинъ былъ уже слишкомъ слабъ для тѣснаго обложенія города, отвелъ корпусъ немного назадъ и ограни-

чился однимъ наблюденіемъ. Взятіе Данцига постоянно обращало на себя особенное вниманіе государя. Назначено было привезти осадную артиллерію изъ Риги и Англіи, но, до заключенія перемирія, она еще ни откуда не приходила. Раппъ продолжалъ укрѣплять городъ и заготовлялъ продовольствіе, въ чемъ герцогъ Александръ Виртембергскій, по возможности, препятствовалъ ему. Ввиду этого часто происходили кровопролитныя встрѣчи, а между тѣмъ прибывали ополченія и резервныя войска, назначенныя въ составъ осаднаго корпуса. Перемиріе застало нашихъ въ ожиданіи осадной артиллеріи, а непріятелей въ приготовленіяхъ къ упорнѣйшей оборонѣ. Подъ Модлинъ уже были привезены осадныя орудія изъ Грауденца и Торна, и съ 26-го на 27-е мая началось бомбардированіе. Руководившій инженерными работами генералъ-лейтенантъ Оппер­манъ ручался за скорый успѣхъ, «тѣмъ болѣе», какъ доносилъ онъ, «что войсками командуетъ Паскевичъ, столь извѣстный своею храбростью». 27-го мая пришло извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и осадныя работы остановлены. Генералъ Раттъ продолжалъ блокировать Замостье и не допускалъ запасы въ крѣпость, находя въ томъ значительныя затрудненія, такъ какъ сосѣдніе помѣщики усердно старались выполнить всѣ требованія коменданта.

ГЛАВА III.

Послѣднія пораженія и первыя побѣды.

I.

Дѣйствія во время перемирія. Конгрессъ въ Прагѣ.

Заключенное между союзниками и Наполеономъ перемиріе возбудило общее неудовольствіе въ нѣмецкой землѣ, особенно въ Пруссіи и сѣверной Германіи. Его считали преддверіемъ мира съ Наполеономъ, слѣдовательно, возвращеніемъ прежнихъ бѣдствій и погибелью надежды на освобожденіе. Примѣръ торжества Россіи въ 1812-мъ году былъ увлекателенъ для пруссаковъ и сѣверныхъ германцевъ, убѣжденныхъ, что только война можетъ положить конецъ властолюбію Наполеона и воскресить ихъ самобытность. Всѣ сословія готовы были принести жертвы плѣненному отечеству, когда внезапно перемиріе разрушило надежды на счастливый переворотъ и произвело уныніе, даже негодованіе, такъ какъ непосвященнымъ въ тайны кабинетовъ было неизвѣстно, что не желаніе мира служило поводомъ со стороны союзниковъ къ пріостановленію на шесть недѣль военныхъ дѣйствій, но единственно убѣжденіе, что Наполеонъ не приметъ предложенныхъ ему условій и тѣмъ дастъ намъ время соединиться съ Австріею и возобновить походъ съ большими силами. Императоръ Александръ и прусскій король были столь мало расположены къ миру, что запретили своимъ коммиссарамъ, находившимся въ Неймаркѣ, вступать съ бывшими тамъ французскими генералами въ откровенныя объясненія, которыя могли повести къ переговорамъ о мирѣ. Для наступательныхъ дѣйствій россійско-прусскія войска были въ маѣ мѣсяцѣ слишкомъ малолюдны, въ сравненіи съ французскими. Русская армія

не успѣла еще оправиться отъ понесенныхъ ею въ Отечественную войну потерь; вооруженія Пруссіи не были кончены. Не заключивъ перемирія, намъ нельзя было удержаться на лѣвомъ берегу Одера. Занимая Бреславль, Наполеонъ стоялъ на нашемъ правомъ крылѣ, почему намъ необходимо было отойти за Одеръ, чтобы не потерять путей сообщенія и не быть припертымъ къ Богемскимъ горамъ. Отступленіе союзныхъ армій за Одеръ могло воскресить во французскихъ войскахъ и въ Европѣ прежнее мнѣніе о непобѣдимости Наполеона, подвигнуть его данниковъ на новыя усилія и пожертвованія въ его пользу, предоставить во власть его всю Силезію, Бранденбургію, Позенское герцогство и Берлинъ, перенести театръ войны на Вислу, въ дружественный Наполеону край, а союзныя арміи удалить отъ Австріи, отъ чего, вѣроятно, перемѣнились-бы сношенія съ вѣнскимъ дворомъ и приняли-бы другой для Наполеона болѣе выгодный или, по крайней мѣрѣ, менѣе вредный оборотъ. Благодаря перемирію, за союзниками осталась большая часть прусскихъ владѣній, дано время прибыть нашимъ резервамъ, Пруссіи и Австріи окончить вооруженія, и сохранено тѣсное, неразрывное сообщеніе съ Австріею. Причины, побудившія Наполеона къ перемирію, были двоякаго рода: военныя и политическія. Сраженія подъ Люценомъ и Бауценомъ доказали ему слабость его новонабранной арміи и мужество, одушевлявшее союзниковъ, надъ которыми ни въ этихъ сраженіяхъ, ни въ бывшихъ потомъ арріергардныхъ дѣлахъ, онъ не могъ одержать никакой побѣды. Рекруты, составлявшіе большую часть его арміи, дрались храбро, но по молодости лѣтъ не въ состояніи были выдержать воинскихъ трудностей, изнемогая отъ усиленныхъ переходовъ и подъ бременемъ оружія. Безсиліе юношей не допускало Наполеона къ труднымъ предпріятіямъ, требовавшимъ отъ войскъ тѣлесной крѣпости. Особенно тяготила его слабость конницы. Всадниковъ, за нѣсколько мѣсяцевъ посаженныхъ на лошадей, нельзя было употреблять для рѣшительныхъ аттакъ въ день сраженія и для неутомимаго преслѣдованія отступающихъ непріятелей. Войска Рейнскаго союза еще не всѣ были готовы. Передъ началомъ движенія за Одеръ надобно было также удостовѣриться въ истинномъ расположеніи Австріи, чтобы въ своемъ тылу и во флангѣ не оставить ненадежнаго союзника, или даже скрытнаго врага. Слѣдовательно, прекращеніе военныхъ дѣйствій было такъ-же нужно Наполеону въ военномъ и политическомъ отношеніи, какъ и союзникамъ. Къ этому присоединилось то важное обстоятельство, что, не заключивъ перемирія, Наполеонъ опасался навлечь на себя негодованіе войскъ и укоризны ихъ въ томъ, что онъ одинъ не хочетъ прекращенія войны. Армія его единодушно желала мира, а власть его была такъ потрясена пораженіями въ Россіи, что въ 1813-мъ году онъ не находилъ уже въ войскахъ безотвѣтнаго повиновенія своей волѣ, прежней слѣпой увѣренности въ его неодолимость и начиналъ чувствовать необходимость покоряться общему мнѣнію своихъ дружинъ.

Во время перемирія, предметъ занятій императора Александра составляли устройство арміи, дипломатическія сношенія и предположенія къ походу, на случай, если, какъ ожидали, Наполеонъ не согласится на миръ.

Все, по возможности, было приведено въ исправность. Для каждой части войскъ назначили непремѣнныхъ, постоянныхъ начальни-

ковъ. Изъ Россіи и Англіи привезли патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, которыхъ послѣ Бауцена оставалось всего только на одно сраженіе. Въ доставленіи ихъ англійское правительство оказывало величайшую готовность, но не всѣ привезенные снаряды пришлись по нашимъ калибрамъ. Войска получили обмундированіе; за недостаткомъ сѣраго сукна, употребляли на шинели бѣлое и синее. Изъ Россіи привезено 200,000 паръ сапогъ. Ружья откалибровали. Людей, прикомандированыхъ къ разнымъ полкамъ, размѣстили по принадлежности, каждаго человѣка на его мѣсто. Находившіеся при корпусахъ запасные батальоны и эскадроны, а также часть сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, обращены были въ укомплектованіе полковъ; оставшіеся штабъ-офицеры отосланы въ резервную армію. Нижніе чины, прикомандированные изъ полковъ къ артиллерійскимъ ротамъ, зачислены совсѣмъ въ артиллерію. Въ корпусахъ производились безпрерывныя ученья. Состоявшіе при арміи казачьи полки, за исключеніемъ находившихся при конвояхъ, расписаны по корпусамъ, гдѣ они должны были управляться особенными, изъ Донского войска избранными, бригадными и частными начальниками. Бригадные подчинялись частному, а частные—корпусному командиру. Выздоровѣвшіе люди приходили большими партіями; изъ резервной арміи прибыло 51 батальонъ и 47 эскадроновъ. Число русскихъ войскъ въ Силезіи и назначенныхъ присоединиться къ сѣверной арміи войскъ шведскаго наслѣднаго принца простиралось болѣе 171,000 человѣкъ. Въ счетъ поступившихъ тогда усиленій должно включить корпусъ Сакена, 16,000 человѣкъ.

Въ исходѣ іюля мѣсяца императоръ Александръ осматривалъ поочередно всѣ расположенные въ Силезіи русскіе корпусы и нашелъ обновленныя войска въ самомъ удовлетворительномъ, а нѣкоторыя даже въ блистательномъ состояніи. Особенную прелесть имѣли эти смотры при мысли, что русскіе, за годъ передъ тѣмъ въ нѣдрахъ своего отечества боровшіеся одни со всею Европою, теперь у подошвы исполинскихъ горъ были готовы выступить на новые подвиги, уже для ея освобожденія.

При началѣ перемирія, государь подчинилъ Беннигсену, на правахъ главнокомандующаго, всѣ войска, бывшія въ тылу дѣйствующей арміи.

Всего русскихъ войскъ къ концу перемирія считалось за границею: въ дѣйствующей и польской арміяхъ—231,222 чел., а подъ Данцигомъ и въ резервной арміи, не считая ожидавшагося поступленія рекрутъ—126,654 чел. Силы Пруссіи состояли изъ 230,500 чел.

Всего-же, къ концу перемирія, союзныхъ войскъ готовыхъ къ бою было 501,822 чел.

Собираясь бороться съ союзниками, Наполеонъ не щадилъ никакихъ усилій. Соединенныя Наполеономъ, къ исходу іюля, силы въ Германіи простирались, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ нашей главной квартирѣ, по которымъ и располагали у насъ военныя дѣйствія, до 373,000 человѣкъ; 70,000 было еще въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ, въ Варшавскомъ герцогствѣ и Германіи.

Въ этотъ счетъ не входила 50,000-я армія, которую вице-король формировалъ въ Италіи.

Среди огромныхъ, самыхъ дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ, послѣдствіемъ которой должно было быть новое устройство Европы,

продолжались дипломатическіе переговоры. Средоточіемъ ихъ былъ австрійскій дворъ, краеугольный камень тогдашней политики.

Вооруженія Австріи еще не были кончены; поэтому она желала отсрочки перемирія еще на 3 недѣли, до 29-го іюля, чтобы придать большее развитіе своимъ силамъ и подвинуть войска для прикрытія Вѣны, угрожаемой, по мнѣнію австрійцевъ, усиленіемъ французскихъ войскъ въ южной Германіи и Италіи. Предлогомъ отсрочки поставили Наполеону на видъ необходимость имѣть достаточное время для переговоровъ на созванномъ тогда въ Прагѣ конгрессѣ. Наполеонъ согласился на продолженіе перемирія, императоръ Александръ также, но съ неудовольствіемъ на медленность и нерѣшительность вѣнскаго двора, чему, главнымъ образомъ, было причиною желаніе императора Франца истощить всѣ средства переговоровъ, прежде нежели обратиться къ оружію.

Конгрессъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Дипломаты спорили о томъ, какимъ образомъ вести на немъ переговоры.

Въ этихъ преніяхъ, за настоящее дѣло примиренія не принимались; время протекало, и срокъ, назначенный для конгресса, начинали уже расчитывать не днями, но часами и минутами. 29-го іюля пришло къ Анштету, для передачи на французскіе аванпосты, подписанное Барклаемъ де-Толли объявленіе о прекращеніи перемирія. Пробила полночь съ 29-го на 30-е іюля, и объявленіе Барклая де-Толли было отослано во французскій авангардъ. Анштетъ и Гумбольдъ извѣстили графа Меттерниха о прекращеніи ихъ полномочій и отъѣздѣ ихъ изъ Праги; вмѣстѣ съ тѣмъ, они пригласили Австрію приступить къ исполненію Рейхенбахской конвенціи. Графъ Меттернихъ далъ знать французскимъ уполномоченнымъ о закрытіи конгресса и объявленіи австрійскимъ императоромъ войны Франціи. Такъ кончился конгрессъ, бывшій предлогомъ, которымъ императоръ Александръ и Наполеонъ прикрывали свои дальнѣйшія намѣренія.

Главнокомандующимъ послѣ перемирья былъ назначенъ австрійскій полководецъ князь Шварценбергъ, тотъ самый, который бился до того съ Наполеономъ противъ русскихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, образованы были три арміи: главная, сѣверная и силезская. Главная, или богемская, была поручена австрійскому фельдмаршалу князю Шварценбергу, союзные монархи намѣрены были находиться при ней; силезская—подъ начальствомъ Блюхера, и сѣверная—наслѣднаго шведскаго принца. Во время предводительства союзными арміями князю Шварценбергу предстоялъ великій трудъ—удовлетворять требованіямъ военнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ приноравливаться къ видамъ и намѣреніямъ монарховъ, войсками которыхъ онъ командовалъ, когда они сами лично присутствовали при арміяхъ. Онъ не могъ всегда распоряжаться по собственному произволу, какъ полководецъ самостоятельный, потому и не должно разсматривать его дѣйствій исключительно съ военной точки зрѣнія.

Замѣчательнымъ явленіемъ въ Прагѣ былъ пріѣздъ двухъ прежнихъ французскихъ генераловъ, Жомини и Моро. Первый изъ нихъ давно имѣлъ намѣреніе вступить въ русскую службу, но Наполеонъ оставлялъ безъ вниманія его просьбы объ отставкѣ, хотя Жомини, какъ швейцарецъ, имѣлъ на нее право. Видя невозможность получить увольненіе, онъ тайно перешелъ въ нашу армію и

былъ принятъ генералъ-лейтенантомъ. Моро пріѣхалъ изъ Америки въ Европу по приглашенію государя, спѣшилъ на помощь своему угнетенному отечеству, оставилъ мирное убѣжище, обрѣтенное имъ въ Новомъ Свѣтѣ, и нашелъ раннюю могилу на берегахъ Невы.

Во время пребыванія союзныхъ монарховъ въ Прагѣ, отъ 4-го до 7-го августа, русско-прусскія войска, выступившія изъ Силезіи, начали приходить въ назначенный для нихъ лагерь у Будина, на правомъ берегу Эгера, недалеко отъ Вранне, гдѣ стояла австрійская армія.

Наполеонъ при объявленіи ему войны Австріею, не зналъ о прибытіи болѣе нежели 100,000 русскихъ и пруссаковъ въ Богемію. Онъ полагалъ, что русско-прусскія войска сосредоточены въ Силезіи, и что австрійцы одни стоятъ въ Богеміи, будутъ дѣйствовать на правомъ берегу Эльбы, черезъ Габель и Цитау, и не отважатся выступить на его сообщенія. Онъ принялъ за основаніе дѣйствій своихъ Дрезденъ и его окрестности, укрѣпленныя во время перемирія, предполагая вести войну наступательную,—главными силами изъ Герлица противъ русскихъ, австрійцевъ и пруссаковъ, соединенными войсками Удино и Даву на сѣверѣ.

II.

Сраженіе подъ Дрезденомъ.

3-го августа, императоръ Александръ прибылъ въ Прагу, Наполеонъ выступилъ изъ Дрездена въ Герлицу, съ гвардіею, корпусами Вандама, Виктора, Понятовскаго и кавалерійскимъ, Келлермана, не зная точнаго расположенія союзныхъ войскъ.

Но сомнѣніе Наполеона относительно настоящаго расположенія противника было непродолжительно. Возвратясь изъ Габеля въ Цитау, онъ получилъ донесеніе о начатомъ Блюхеромъ наступленіи. Оно совершилось слѣдующимъ образомъ: 3-го августа, за день до срока, условленнаго для открытія военныхъ дѣйствій, Блюхеръ двинулъ силезскую армію въ нейтральный край. Онъ желалъ предупредить въ немъ непріятелей, замѣтивъ въ ихъ войскахъ передвиженія, и перенесъ главную квартиру въ Яуеръ. 4-го, когда уже можно было начать военныя дѣйствія, Блюхеръ, не медля ни минуты, рѣшился аттаковать французовъ, находившихся между Боберомъ и Кацбахомъ, и пошелъ впередъ. Въ арріергардѣ происходили жаркія дѣла 5-го и 6-го августа. 7-го Блюхеръ оттѣснилъ французовъ за Боберъ, правымъ крыломъ занялъ Бунцлау, лѣвымъ подступилъ къ Левенбергу. Наполеонъ, получивъ донесеніе объ этихъ движеніяхъ, вознамѣрился идти противъ силезской арміи, ближайшей къ нему, нежели другія союзныя войска, и дать Блюхеру сраженіе, а если онъ уклонится отъ дѣла, отбросить его насколько можно далѣе. Гвардіи велѣно выступить изъ Герлица къ Левенбургу, куда и самъ Наполеонъ отправился изъ Цитау, 8-го августа, въ тотъ день, когда, по утвержденному союзными монархами плану, главная армія должна была тронуться изъ лагерей при Будинѣ и Враннѣ въ Саксонію, на путь непріятельскихъ сообщеній.

Наканунѣ выступленія Наполеона изъ Цитау противъ Блюхера, союзные монархи отправились изъ Праги въ Юнгферъ-Тейницъ и производили тамъ осмотръ австрійскихъ войскъ; подъ ружьемъ было

74,000 человѣкъ. Въ слѣдующій день началось движеніе. 10-го августа, поутру, колонны главной арміи вступили въ Саксонію и пошли: графъ Витгенштейнъ къ Пирнѣ, австрійцы къ Маріенбергу, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Бывшіе на дорогѣ слабые французскіе отряды повсюду отступали. Въ авангардѣ Клейста сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, но русскимъ ничего не досталось даромъ, и на этотъ разъ приходилось намъ открыть себѣ путь силою. Графъ Витгенштейнъ встрѣтилъ дивизію корпуса Сенъ-Сира въ крѣпкой позиціи при Гисгюбелѣ, аттаковалъ и опрокинулъ ее, и въ тотъ-же день вошелъ въ Пирну. Видя невозможность держаться въ полѣ противъ превосходныхъ силъ, Сенъ-Сиръ стягивалъ къ Дрездену свой корпусъ, наблюдавшій богемскую границу. Къ Наполеону, бывшему тогда въ полномъ наступленіи на Блюхера и уже дошедшему до Левенберга, онъ отправлялъ одного нарочнаго за другимъ, съ донесеніями объ угрожавшей Дрездену опасности.

Во время вступленія армій въ Саксонію, императоръ Александръ находился при австрійскихъ войскахъ.

13-го, армія продолжала маршъ къ Дрездену: графъ Витгенштейнъ шелъ изъ Пирны, Клейстъ отъ Максена, австрійцы изъ Диппольдильсвальде на Рабенау. Князь Кудашевъ, посланный съ коннымъ отрядомъ впередъ, подошелъ къ Дрездену, завязалъ дѣло съ высланною оттуда для обозрѣнія французскою кавалеріею и отбилъ у нея 3 пушки. Видя со всѣхъ сторонъ приближеніе большихъ силъ, Сенъ-Сиръ отвелъ войска изъ окрестностей Дрездена назадъ, размѣстилъ ихъ въ редуты, сооруженные во время перемирія, и принималъ мѣры обороны. Около полудня наши колонны начали располагаться на высотахъ около Дрездена.

Пока строились войска и на передовыхъ цѣпяхъ перестрѣливались, государь прибылъ изъ Рейхштета на возвышеніе, откуда увидѣлъ Дрезденъ и нѣсколько стоявшихъ впереди города французскихъ колоннъ. Онъ предложилъ тотчасъ аттаковать непріятеля и съ нимъ вмѣстѣ ворваться въ Дрезденъ, такъ какъ цѣль движенія главной арміи изъ Богеміи состояла въ овладѣніи столицею Саксоніи, ключемъ операціоннаго пути Наполеона, но князь Шварценбергъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, обѣщавшимъ вѣрный успѣхъ. Сенъ-Сиръ, имѣя подъ ружьемъ 20,000 да въ гарнизонѣ 5,000 человѣкъ, не могъ удержаться противъ огромной арміи союзниковъ. Князь Шварценбергъ ясно видѣлъ малочисленность непріятелей, зналъ, что Наполеонъ еще далеко, но для начатія аттаки хотѣлъ подождать соединенія всѣхъ австрійскихъ войскъ; иныя изъ нихъ были остановлены на своемъ пути по горамъ обозами и дурными дорогами. Не желая при самомъ началѣ похода противорѣчить князю Шварценбергу, государь предоставилъ ему распоряжаться по усмотрѣнію. Рѣшили аттаковать Дрезденъ на слѣдующій день, когда соберутся всѣ войска и придетъ Кленау, безъ пользы направленный на Фрейбергъ. Такимъ промедленіемъ дали Наполеону время подоспѣть на помощь Сенъ-Сира и лишились возможности ворваться въ Дрезденъ до его прихода.

Въ вечеру государь поѣхалъ въ свою главную квартиру, село Нетицъ, и по прибытіи туда послалъ князя Кудашева съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-хъ эскадроновъ гусаровъ и 200 казаковъ, извѣстить шведскаго наслѣднаго принца о прибытіи богемской арміи

къ Дрездену и узнать, гдѣ находилась сѣверная армія, такъ какъ его величеству не могло еще быть извѣстно, что принцъ уже началъ военныя дѣйствія и за два дня передъ тѣмъ одержалъ побѣду при Гроссъ-Беренѣ. Князь Шварценбергъ занялся приготовленіями къ назначенной на слѣдующій день аттакѣ. На передовыхъ цѣпяхъ перестрѣлка смолкла. Дрезденъ былъ объятъ страхомъ. Жители, предвидя близость сраженія, прятали свое имущество въ подвалы и погреба. Саксонскій король собирался переѣзжать съ семействомъ на правый берегъ Эльбы въ Нейштадтъ. Сенъ-Сиръ повторялъ въ донесеніяхъ Наполеону о невозможности устоять одному противъ главной арміи союзниковъ и просилъ подкрѣпленій.

Помощь была уже недалеко. По мѣрѣ приближенія къ Дрездену, Наполеонъ получалъ донесенія отъ Сенъ-Сира объ увеличивающейся опасности городу и ускорялъ маршъ веденныхъ имъ войскъ. Находившемуся въ Цитау корпусу Виктора онъ велѣлъ также идти къ Дрездену, а Понятовскому остаться въ Габелѣ. 12-го Наполеонъ прибылъ въ Бауценъ, гдѣ стоялъ Вандамъ, котораго онъ послалъ на Кенигштейнъ, для переправы тамъ черезъ Эльбу и занятія дефиле при Гисгюбелѣ и Петерсвальде, на дорогѣ изъ Богеміи въ Дрезденъ Самъ Наполеонъ хотѣлъ на слѣдующій день, 13-го, идти равномѣрно изъ Бауцена на Стольценъ, переправиться черезъ Эльбу въ Пирнѣ и со всѣми ведомыми имъ изъ Силезіи войсками ударить намъ въ тылъ, но, получивъ изъ Дрездена отъ разныхъ лицъ донесенія, подтвержденныя посланными туда адъютантами, что вся богемская армія въ виду города, и спасеніе зависитъ отъ его немедленнаго прибытія, отмѣнилъ движеніе на Стольпенъ и Пирну, пошелъ прямо на Дрезденъ и былъ отъ него въ одномъ маршѣ, въ то время, когда государь, стоя на Рекницкихъ высотахъ, тщетно убѣждалъ князя Шварценберга ворваться въ Дрезденъ на плечахъ французовъ. Такъ прошло 13-е число, съ нашей стороны въ бездѣйствіи и приготовленіяхъ къ аттакѣ, со стороны Наполеона въ ускореніи марша на помощь Сенъ-Сиру.

Съ утра 14-го августа, около 150,000 человѣкъ выстраивались на высотахъ, окружающихъ Дрезденъ. Все утро продолжалась перестрѣлка у графа Витгенштейна и Клейста. Первый изъ нихъ выбилъ французовъ изъ Блазевицкаго лѣса; второй погналъ ихъ въ Большой Садъ и занялъ половину его. Корпусъ Сенъ-Сира, ожидая аттаки, стоялъ въ редутахъ, за заборами и садами обнесенныхъ палисадами предмѣстій. Государь былъ съ разсвѣта на высотахъ между Рекницомъ и Плауеномъ. Послѣ полудня привели къ его величеству дрезденскаго жителя, шедшаго, по словамъ его, на свою мызу, находившуюся въ чертѣ расположенія союзныхъ войскъ. Онъ былъ человѣкъ образованный и сообщилъ разныя интересныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ городѣ, и, между прочимъ, извѣстилъ о прибытіи туда Наполеона, въ десятомъ часу утра. Изъ его показанія заключили о скоромъ возвращеніи французской арміи въ Дрезденъ. Дѣйствительно, часу во второмъ послышались пушечные выстрѣлы, начатые графомъ Витгенштейномъ по войскамъ, идущимъ по правому берегу Эльбы изъ Бауцена къ Дрездену. Съ возвышенія, гдѣ стоялъ государь, видно было, какъ непріятельскія колонны спускались съ горъ праваго берега Эльбы, торопливо вступали въ Нейштадтъ и всходили на мостъ, соединяющій предмѣстье съ городомъ.

Прибытіе въ Дрезденъ Наполеона съ его арміею совершенно

измѣняло основанія, которыми союзники руководствовались, намѣреваясь аттаковать Дрезденъ. Они предполагали произвести нападеніе въ отсутствіи Наполеона, на войска малочисленныя, но по приходѣ его съ огромною арміею ясно обнаружилась невозможность взять приступомъ Дрезденъ, защищаемый ста тысячами человѣкъ. Выгоднѣе казалось отойти нѣсколько верстъ назадъ и, занявъ позицію, выжидать нападенія, на которое Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться, потому что ему нельзя было оставить арміи союзниковъ на его сообщеніяхъ. Объ этомъ предположеніи много было говорено въ отсутствіе князя Шварценберга, находившагося при войскахъ. Возвратившись къ государю, онъ согласился на отложеніе аттаки и поѣхалъ отыскивать начальника своего штаба, для распоряженія къ отступленію. Государь остался на Рекницкихъ высотахъ, ожидая прусскаго короля и желая условиться съ нимъ о направленіи, какое дать арміямъ. Пока монархи совѣщались, на башнѣ Дрездена пробило четыре часа, и войска, не извѣщенныя объ отмѣнѣ нападенія, двинулись впередъ согласно первоначальной диспозиціи, пятью колоннами, предшествуемыя 112-ю орудіями. По какой причинѣ не было разослано въ корпусы приказаніе объ отмѣнѣ аттаки—неизвѣстно. Можетъ быть, князь Шварценбергъ не имѣлъ на то достаточно времени или, надѣясь на успѣхъ, рѣшился не слѣдовать новому распоряженію.

Со всего полукружія, простирающагося верстъ на 8, отъ Блазевица до Лебды и Шустергейзера, полетѣли ядра и бомбы на французскіе редуты и дрезденскія предмѣстья. Колонны шли быстро впередъ. Графъ Витгенштейнъ, выступивъ изъ Стризена, гналъ французскіе отряды, бывшіе у Гопфгартена, и приближался къ Пирнской заставѣ; Клейстъ вытѣснилъ французовъ изъ Большого Сада и былъ у Донаской заставы; графъ Коллоредо, съ 3-ю колонною, взялъ приступомъ редутъ у Диппольдисвальдскихъ воротъ и въ немъ 9 пушекъ; 4-я колонна, маркиза Шатлера, стрѣляла по Фрейбергской заставѣ, поддерживая пятую, а та, овладѣвъ селеніями на оконечности лѣваго крыла, подступала къ Фридрихштадту. Французскія батареи начинали умолкать. Нѣкоторыя изъ союзныхъ войскъ опрокидывали уже палисады и проникали въ крайнія предмѣстья, одолѣвая упорнѣйшую оборону. Наши ядра и гранаты ложились на улицахъ Дрездена, убивали жителей, зажигали въ разныхъ мѣстахъ зданія. Въ продолженіе двухъ часовъ успѣхъ былъ повсюду рѣшительный, но часу въ 7-мъ видъ дѣлъ внезапно перемѣнился.

Во время аттаки, Наполеонъ стоялъ на Дрезденскомъ мосту, лично давая направленія прибывавшимъ изъ Бауцена и проходившимъ по мосту войскамъ. Большую часть своихъ силъ онъ поставилъ у трехъ заставъ: Пильницкой, Пирнской и Фрейбергской, и изъ нихъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе на оба фланга союзниковъ, расчитывая, что центръ его, прикрытый предмѣстьями и палисадами, могъ еще нѣкоторое время защищаться. Когда собралось достаточно войскъ на назначенныя мѣста, они высыпали одновременно изъ форштатовъ. Очевидцы не забудутъ этой минуты—свидѣтельства искусства Наполеона распоряжаться войсками. Наступательное движеніе французовъ, вдругъ бѣгомъ хлынувшихъ изъ трехъ заставъ и потомъ мгновенно выстроившихся, было истинно картинное. Мортье командовалъ двумя гвардейскими дивизіями, вышедшими изъ Пильницкихъ воротъ, и устремился на графа Витгенштейна; Ней повелъ

двѣ гвардейскія дивизіи изъ Пирнскихъ воротъ противъ Клейста въ Большой Садъ; Мюратъ напалъ изъ Фрейбергской заставы, съ кавалерійскимъ корпусомъ Латуръ-Мобура, на лѣвое крыло австрійцевъ. Аттака на оба наши фланга имѣла полный успѣхъ. Несмотря на сильное сопротивленіе, союзники были принуждены отступить и возвратиться къ высотамъ, съ которыхъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пошли на приступъ. Войска наши могли отразить нападеніе и удержаться, если-бы ихъ подкрѣпили, но князь Шварценбергъ не ввелъ въ дѣло резервовъ, уже поздно увидѣвъ, что выгодное время взять Дрезденъ упущено. Ружейная пальба продолжалась долго во мракѣ ненастнаго вечера. Государь оставался на полѣ, пока не прекратился огонь. Весь вечеръ происходили совѣщанія о томъ, что предпринять на слѣдующій день. Мнѣнія были различны. Наконецъ, согласились стоять на занятыхъ нами высотахъ и принять сраженіе, надѣясь, что къ слѣдующему утру прибудетъ корпусъ Кленау; онъ шелъ медленно изъ Фрейберга и ночевалъ въ Тарантѣ. Наша многочисленность и положеніе на пути непріятельскихъ сообщеній представляли столь много выгодъ, что не было причины отступать, и потому рѣшились на битву. Когда совѣщаніе кончилось и пальба прекратилась, запылали огни биваковъ, разложенные французскими и союзными войсками; весь Дрезденъ казался въ пламени. Государь возвратился въ Нетницъ. Ночью дулъ холодный вѣтеръ и моросилъ дождь, войска нуждались въ пищѣ. Такъ закончилось первое дѣло, въ которомъ союзными войсками распоряжался бывшій соратникъ Наполеона.

Подъ Дрезденомъ арміи обѣихъ сторонъ провели ненастную ночь, съ 14-го на 15-е, въ приготовленіяхъ къ новому бою. Къ Наполеону пришли ночью корпусы Виктора и Мармона. Съ разсвѣтомъ всѣ французскія войска расположились около Дрездена.

15-го, императоръ Александръ и Наполеонъ пріѣхали на поле рано утромъ. Обѣ воевавшія арміи, обливаемыя дождемъ, были въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, не начиная дѣйствій. Часовъ въ семь завязалась ружейная пальба на передовыхъ цѣпяхъ. Вскорѣ потомъ непріятели двинулись впередъ, выдвинули орудія, и по всей линіи открылась сильная канонада. Дѣйствіемъ артиллеріи Наполеонъ хотѣлъ скрыть свое настоящее намѣреніе, пользуясь укрѣпленіями Дрездена, прикрывавшими его центръ, и проливнымъ дождемъ, не дозволявшимъ ясно видѣть его движенія, одновременными аттаками опрокинуть оба фланга союзниковъ. На правомъ крылѣ нападеніе было поручено Мюрату, на лѣвомъ—Мортье.

На нашемъ правомъ крылѣ передовые отряды графа Витгенштейна удерживали до 11-го часа натискъ гвардейскихъ дивизій Мортье и не допускали ихъ къ нашей боевой линіи. Одно каре французской гвардіи было изрублено Лубенскими гусарами: шефъ ихъ, Меллисино, палъ въ аттакѣ славною смертью посреди каре. Однако, преодолѣвая оборону, Мортье подвигался впередъ. Викторъ и Мюратъ также открыли дѣйствія противъ австрійцевъ, стоявшихъ за Плауенскимъ оврагомъ, нападеніемъ на правое крыло дивизій Вейсенвольфа и князя Лихтенштейна. Поминутно ждавшіе Кленау австрійцы отбивали аттаки прикладами и штыками, потому что изъ замокшихъ ружей нельзя было стрѣлять. Нѣсколько часовъ французы не могли одержать побѣды, но, наконецъ, многолюдство ихъ

взяло верхъ. Австрійцы начали уступать селенія Науслицъ, Росталь и Корбицъ и отходить назадъ. Овладѣвъ Корбицемъ, Мюратъ отрѣзалъ Вейсенвольфу и князю Лихтенштейну сообщеніе съ Мецко и направился на него съ большею частью кавалеріи: дивизія Виктора пошла вдоль Эльбы въ лѣвый флангъ и тылъ Мецко, который и былъ окруженъ, съ одной стороны—Викторомъ, съ другой—Мюратомъ. Сопротивленіе генерала Мецко не могло быть продолжительно, потому что отъ дождя войскамъ его нельзя было стрѣлять изъ ружей, и онъ, со всею дивизіею, въ числѣ 9-ти батальоновъ и 16-ти орудій, сдался въ плѣнъ.

Одержавъ совершенный успѣхъ на своемъ правомъ крылѣ, Наполеонъ продолжалъ ложныя аттаки на центръ, усилилъ Мортье и велѣлъ ему овладѣть дорогою, ведущею въ Пирну. При полученіи этого повелѣнія, Мортье вытѣснялъ союзниковъ изъ Сейдница, откуда направился къ Добрицу и Рейку. Но это движеніе до такой степени удалило Мортье отъ непріятельской арміи, что корпусъ его сдѣлался какъ-будто отдѣльнымъ отъ нея, и представилась возможность отрѣзать его. Для этого приказали Клейсту и графу Милорадовичу, съ 2-ю гвардейскою и 1-ю гренадерскою дивизіями, перемѣнить фронтъ правымъ флангомъ назадъ и ударить въ правое крыло Мортье. Барклай-де-Толли долженъ былъ съ войсками графа Витгенштейна и остальными резервами спуститься съ горъ отъ Лейбница и Рейка для нападенія на Мортье съ фронта. Графъ Милорадовичъ и Клейстъ, сдѣлавъ перемѣну фронта, ожидали для начатія дѣйствій минуты, когда Барклай де-Толли станетъ сходить съ горъ.

Вдругъ посреди многочисленной свиты, окружавшей монарховъ, произошло смятеніе, по слѣдующему случаю: генералъ Моро находился подлѣ государя, стоявшаго у австрійской батареи, на которую французы направили сильный огонь, и упрашивалъ его величество отъѣхать назадъ къ другому пригорку, откуда можно было лучше обозрѣвать сраженіе. «Повѣрьте моей опытности», присовокупилъ онъ и, поворотивъ лошадь, поѣхалъ передъ государемъ. Только что императоръ послѣдовалъ за нимъ, зажужжало ядро, оторвало у Моро правую ногу, пролетѣло сквозь лошадь, вырвало икру лѣвой ноги и повредило колѣно. Небо, видимо, сохранило государя: онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Моро. Опомнившись, Моро сказалъ: «Погибаю... но пріятно умирать за правое дѣло и въ глазахъ столь великаго монарха!» Моро положили на казачьи пики, укрыли плащами и отнесли въ деревню Каицъ. Тамъ лейбъ-медикъ Вилліе отрѣзалъ ему обѣ ноги; во время перевязки, два ядра ударили въ домъ, гдѣ лежалъ Моро, и разрушили уголъ его горницы. Моро прожилъ послѣ этой раны еще двѣ недѣли.

Рана Моро произвела самое грустное впечатлѣніе на союзныхъ монарховъ и войска, близъ нихъ находившіяся. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ отъ Барклая де-Толли адъютантъ, по причинѣ мглы и ненастья долго отыскивавшій государя. Онъ былъ присланъ доложить его величеству, что Барклай де-Толли не рѣшается спуститься съ горъ для нападенія на Мортье, опасаясь лишиться всей артиллеріи, такъ какъ въ случаѣ неудачи, при тогдашней грязи невозможно будетъ взвезти орудій обратно на горы. Вслѣдствіе этого донесенія, велѣли графу Милорадовичу и Клейсту, уже перемѣнившимъ фронтъ, стать въ прежній боевой порядокъ, параллельно Дрездену, и Мортье избѣгнулъ

приготовленнаго ему удара. Онъ аттаковалъ деревню Рейкъ, гдѣ завязалось жаркое дѣло. Тогда пришло къ союзнымъ монархамъ донесеніе, что Мюратъ, послѣ пораженія Мецко, напалъ на лѣвый флангъ и тылъ австрійскихъ дивизій, бывшихъ за Плауенскимъ оврагомъ. День склонялся къ вечеру; буря не утихала; вихрь, смѣшавшись съ дождемъ, ударялъ прямо въ лицо, препятствуя различать предметы; лошади съ трудомъ передвигали ноги, увязая по колѣна въ растворенной влагою землѣ. Князь Шварценбергъ предложилъ отступить, основывая свое мнѣніе на томъ, что Вандамъ, находившійся противъ Пирны и въ цѣлый день не сдѣлавшій еще ни одного выстрѣла, вѣроятно, не замедлитъ аттаковать графа Остермана и зайдетъ потомъ въ тылъ нашего праваго фланга. Прусскій король не соглашался на отступленіе. Императоръ Александръ также хотѣлъ возобновить на другой день сраженіе, потому что наше лѣвое крыло, опрокинутое утромъ, обезпечивалось приходомъ корпуса Кленау, головные батальоны котораго были уже близко. Мы все еще превосходили непріятеля числомъ: стоило только надлежащимъ образомъ употребить наши силы для того, чтобы одержать побѣду. Но князь Шварценбергъ настаивалъ на возвращеніи въ Богемію. Ему указывали на трудность произвести отступленіе, такъ какъ французы захватили дороги Пирнскую и Фрейбергскую, почему намъ можно было идти только въ промежуткѣ этихъ дорогъ, по тѣснинамъ Рудныхъ горъ, гдѣ, при быстромъ преслѣдованіи непріятелемъ, армія могла лишиться артиллеріи и обозовъ. Приходилось уступить князю Шварценбергу, когда онъ объявилъ, что у австрійскихъ войскъ оказался недостатокъ въ снарядахъ, продовольствіи и даже въ обуви.

Въ 5-ть часовъ пополудни, князь Шварценбергъ, получивъ соизволеніе монарховъ, приказалъ сняться вечеромъ съ позиціи и возвратиться въ Богемію, въ укрѣпленный лагерь за Эгеръ. Темнота вечера прекратила сраженіе; всѣ войска пошли назадъ, и только графъ Витгенштейнъ остался на полѣ до разсвѣта. На ночлегъ Наполеонъ возвратился въ Дрезденъ, а императоръ Александръ поѣхалъ въ Рейхштетъ, въ непроницаемомъ мракѣ, по гористымъ дорогамъ, совершенно испорченнымъ отъ дождя и загроможденнымъ ранеными и безчисленными обозами. Въ войскахъ распространилось какое-то уныніе отъ того, что видимое для всѣхъ разногласіе между главными начальниками не предвѣщало успѣха. Среди общаго неудовольствія одинъ императоръ Александръ былъ твердъ и неизмѣненъ и только изъявилъ постоянному спутнику своему князю Волконскому сожалѣніе, что не согласился на сдѣланныя ему прежде предложенія принять верховное предводительство надъ арміями. Но зато послѣ сраженія подъ Дрезденомъ императоръ началъ непосредственно руководить всѣми движеніями союзниковъ, и война приняла другой оборотъ.

III.

Сраженія при Кульмѣ.

На разсвѣтѣ 16-го августа въ виду Дрездена оставался только графъ Витгенштейнъ, который долженъ былъ прикрывать армію, находившуюся въ полномъ отступленіи съ поля сраженія. Барклай де-Толли, сравнивая данную ему для отступленія диспозицію съ поло-

женіемъ непріятелей, думалъ, что, исполняя ее буквально, встрѣтитъ на дорогѣ корпусъ Вандама и, пока будетъ сквозь него пробиваться, Наполеонъ выступитъ изъ Дрездена и нападетъ на насъ съ тыла, отъ чего войска будутъ поставлены между двумя огнями. Такова была причина, побудившая Барклая де-Толли, вопреки диспозиціи, не пойти на Додну, Гисгюбель и Петерсвальде, для занятія Теплица раньше непріятеля. Онъ приказалъ графу Витгенштейну и русскимъ резервамъ направиться на Диппольдисвальде, Клейсту идти на Максенъ, а къ стоявшему у Пирны съ отрядомъ графу Остерману послалъ повелѣніе слѣдовать къ Максену на соединеніе съ арміею, если дорога изъ Пирны на Теплицъ занята французами.

Государь переночевалъ съ 15-го на 16-е въ Рейхштетѣ и продолжалъ съ одною австрійскою колонною отступленіе къ Альтенбургу, назначенному на 16-е число для главной квартиры его величества и князя Шварценберга. Король прусскій отправился прямо изъ-подъ Дрездена черезъ Альтенбургъ въ Теплицъ, гдѣ находился императоръ Францъ, не бывшій при арміи въ Саксоніи. Поутру 15-го, Наполеонъ выступилъ изъ Дрездена и послалъ преслѣдовать союзниковъ по разнымъ дорогамъ. За исключеніемъ графа Остермана, всѣ наши колонны продолжали маршъ безпрепятственно. Въ арріергардахъ были обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ дѣла. Французы забирали усталыхъ и обозы и взяли 10 австрійскихъ пушекъ. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ и на отступленіи отъ этого города взято непріятелемъ 26 австрійскихъ орудій. Русскіе и пруссаки не потеряли ни одной пушки. Впрочемъ, преслѣдованіе было слабо, и наши колонны достигли 16-го числа до назначенныхъ имъ по диспозиціи мѣстъ, откуда въ слѣдующій день должны были вступить на Богемію. Императоръ Александръ и князь Шварценбергъ пріѣхали вечеромъ въ Альтенбургъ.

Повелѣніе Барклая де-Толли идти на Максенъ, если дорога въ Богемію занята французами, застало графа Остермана у Пирны, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ находился, когда шло Дрезденское сраженіе, т. е., на позиціи за Пирною, ближе къ Дрездену, упираясь лѣвымъ крыломъ въ Эльбу, правымъ въ Цегистъ.

Въ продолженіе Дрезденскаго сраженія, Вандамъ, вдвое сильнѣйшій противъ графа Остермана, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла и стоялъ въ боевомъ порядкѣ противъ нашихъ войскъ, на горахъ, вдоль знаменитой въ Семилѣтнюю войну Пирнской позиціи. Внятно слышавъ 15-го числа канонаду подъ Дрезденомъ, Вандамъ легко могъ догадаться объ упорствѣ кипѣвшаго сраженія, но не предпринялъ никакого наступленія и не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія въ пользу Наполеона. Стоявшіе противъ него наши генералы приписывали бездѣйствіе тому, что онъ, вѣроятно, считалъ насъ гораздо сильнѣе, нежели мы были въ самомъ дѣлѣ. Послѣ удостовѣрились въ справедливости этой догадки и въ томъ, что заблужденіе Вандама произошло отъ показанія взятаго въ плѣнъ близъ Пирны лекаря ревельскаго полка, который на вопросъ: «Сколько подъ начальствомъ графа Остермана войскъ?»—отвѣчалъ: «У принца Евгенія 20,000 да гвардіи 50,000 человѣкъ».

Ночью съ 15-го на 16-е, графъ Остерманъ получилъ отъ Барклая де-Толли вышеупомянутое повелѣніе: соединиться съ арміею у Максена, въ случаѣ занятія непріятелемъ дороги въ Богемію. Если-бы

графъ Остерманъ выполнилъ это повелѣніе, какъ требовалъ долгъ подчиненнаго, такъ какъ Вандамъ занималъ Богемскую дорогу, то открылъ-бы непріятелю путь въ Теплицъ, откуда французы могли двинуться навстрѣчу нашимъ колоннамъ, сходившимъ съ горъ, гдѣ на каждомъ шагу онѣ были останавливаемы обозами и артиллеріею, медленно пробиравшимися по узкимъ, извилистымъ тропамъ, между тѣмъ какъ съ тыла преслѣдовали ихъ Мюратъ, Викторъ, Мармонъ и Сенъ-Сиръ. Надобно было рѣшиться на одно изъ двухъ: принести въ жертву отборные гвардейскіе полки, для предупрежденія французовъ въ Теплицѣ и спасенія арміи, или, сберегая гвардію, поворотить на безопасный путь въ Богемію. Графъ Остерманъ избралъ первое.

Къ исполненію отважнаго предпріятія приступили слѣдующимъ образомъ: принцу Евгенію Виртембергскому и Ермолову велѣно было съ одною частью войскъ дѣлать ложныя нападенія на Вандама, а съ другою графъ Остерманъ намѣренъ былъ уходить, какъ можно скорѣе, къ Петерсвальде, куда хотѣлъ достигнуть вечеромъ. Войска двинулись. Принцъ Евгеній, бывшій въ головѣ колонны, устремился на Кричвицъ, слабѣйшую точку позиціи французовъ. За принцемъ пошелъ графъ Остерманъ, прямо въ Гисгюбель; Ермоловъ остался назади и аттаковалъ Кольбергъ. Принцъ Евгеній встрѣтилъ у Гроссъ-Котты до 3,000 французовъ, опрокинулъ и преслѣдовалъ ихъ къ Кричвицу. Аттака его отдалила непріятеля отъ дороги и имѣла еще то выгодное послѣдствіе, что Вандамъ, обманутый ею, началъ стягивать къ Кричвицу войска, которыя были отряжены имъ къ Ланггенерсдорфу. откуда они могли двинуться въ перерѣзъ пути графа Остермана. Только у Гисгюбеля оставилъ онъ отрядъ. Аттака Ермолова на Кольбергъ была произведена также удачно. «Какъ вихрь», доносилъ графъ Остерманъ, «взнеслись батальоны лейбъ-гвардіи егерскаго полка, и высота покорилась. Приспѣлъ 3-й батальонъ Семеновскаго полка и способствовалъ утвердиться». Остальная часть арріергарда поспѣшила, между тѣмъ, впередъ; за нею послѣдовали гвардейскіе егеря и 3-й батальонъ семеновскаго полка, прикрываясь стрѣлками и Татарскими уланами. Стрѣлки и уланы были отрѣзаны непріятелемъ, но пробились.

Пока 2-й корпусъ сражался у Кричвица и Ермоловъ у Кольберга, графъ Остерманъ, прикрытый аттакою 2-го корпуса, прошелъ спокойно до Гисгюбеля и вступилъ въ дефиле. У выхоа тѣснины стояли французы поперекъ дороги въ колоннахъ, въ двѣ линіи, съ артиллеріею. Преображенскій полкъ шелъ въ головѣ; завидя непріятелей, стрѣлявшихъ батальнымъ огнемъ, онъ бросился въ штыки съ ура! и опрокинулъ французовъ съ дороги. Графъ Остерманъ благодарилъ полкъ и сказалъ: «Никогда не видалъ я такой блистательной аттаки». Морской экипажъ и батальонъ вел. кн. Екатерины Павловны разсыпались въ лѣсу, влѣво отъ дороги и заслоняли движеніе колонны. Семеновскій полкъ, послѣ аттаки преображенскаго при Гисгюбелѣ, смѣнилъ его и сталъ въ головѣ. Въ такомъ порядкѣ продолжали маршъ къ Геллендорфу. Французы, подвигаясь параллельно съ нами, опрокинули стрѣлковъ морского экипажа и батальона вел. кн., прорѣзались на дорогу, завладѣли высотами при Геллендорфѣ и въ другой разъ заслонили путь къ Петерсвальде. Семеновскій полкъ штыками сбилъ французовъ, и гвардія, не встрѣчая болѣе препят-

ствій, пришла подъ вечеръ къ Петерсвальде. За нею началъ приходить 2-й корпусъ. Весь день прикрывая маршъ колонны графа Остермана и сражаясь съ превосходнымъ непріятелемъ, не всѣ полки второго корпуса успѣли выйти на Гисгюбель. Часть ихъ была отрѣзана и направилась на другую дорогу, черезъ Борну. Потеряно было много людей и обозовъ; брошена пушка съ подбитымъ лафетомъ, котораго некогда было чинить, но совершилось славное отступленіе, и была достигнута цѣль, предположенная графомъ Остерманомъ: занята точка, гдѣ наши могли стать лицомъ къ непріятелю и дать арміи возможность безпрепятственно спуститься съ горъ. Скоро пала ночь. Вандамъ остановился въ Геллендорфѣ. Его позиція отдѣлялась отъ нашей лощиною; передовыя цѣпи стояли однѣ въ виду другихъ. Ряды огней засверкали съ обѣихъ сторонъ и освѣтили мрачные лѣса исполинскихъ горъ.

Въ слѣдующій день, 17-го августа, утромъ всѣ колонны, кромѣ стоявшаго у Петерсвальде графа Остермана, вступили въ тѣснины Богемскихъ горъ. Государь отправился изъ Альтенбурга въ Дуксъ, гдѣ была назначена главная квартира. Небо, наконецъ, очистилось отъ мрачныхъ облаковъ, скрывавшихъ его въ послѣдніе четыре дня. Порывы вѣтра разнесли туманъ; солнце явилось во всемъ блескѣ. При выѣздѣ государя изъ лѣса, покрывавшаго хребетъ Гейерсберга, вдали съ лѣвой стороны показался дымъ. Сначала мы приняли его за дымъ биваковъ, но скоро удостовѣрились, что онъ происходилъ отъ огнестрѣльныхъ орудій. Послышалась пальба, которая становилась постепенно сильнѣе. Желая подробнѣе обозрѣть происходившее, государь поворотилъ влѣво съ дороги, по направленію къ Краупену. Проѣхавъ небольшое пространство, онъ остановился на возвышеніи, откуда можно было обозрѣвать Теплицкую долину. На ней, близъ Кульма, происходило сраженіе, которое увѣковѣчило славу россійской гвардіи. Взирая на битву съ высотъ Гейерсберга, государь заключилъ о намѣреніи непріятелей овладѣть Теплицомъ и потомъ стать на нашихъ сообщеніяхъ, но ему не было извѣстно количество непріятельскихъ силъ. Онъ зналъ, что въ долинѣ находился одинъ графъ Остерманъ и, вѣроятно, стоялъ въ неравномъ боѣ. Слѣдовательно, нужно было какъ можно поспѣшнѣе подкрѣпить его, но чѣмъ? Армія была въ горахъ, съ величайшею трудностью пробиралась по тропинкамъ, заваленнымъ тяжестями, каменьями и лѣсомъ.

Вскорѣ показались сходившія съ горъ головы колоннъ графа Коллоредо. Государь послалъ къ нему генерала Жомини, съ приглашеніемъ спѣшить на помощь нашимъ къ Теплицу, а самъ продолжалъ путь въ Дуксъ, надѣясь увидѣться тамъ съ главнокомандующимъ и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать нужныя въ такомъ затруднительномъ случаѣ распоряженія. Едва государь прибылъ въ Дуксъ, возвратился Жомини съ отвѣтомъ Коллоредо, объявившаго, что «имѣя повелѣніе идти на Дуксъ, а не на Теплицъ, онъ, безъ особеннаго приказанія князя Шварценберга, не можетъ перемѣнить направленія своихъ колоннъ». Услышавъ столь неудовлетворительный отвѣтъ, государь послалъ за графомъ Меттернихомъ, находившимся въ Дукскомъ замкѣ, куда князь Шварценбергъ еще не пріѣзжалъ, и, объяснивъ ему, какъ дорого было каждое мгновеніе, убѣдилъ его приказать Коллоредо немедленно идти къ Теплицу. Графъ Меттернихъ исполнилъ волю государя и послалъ приказаніе, по полученіи кото-

раго австрійцы двинулись на помощь сражающимся, но на поле битвы уже не поспѣли. Тогда-же отправлены были ко всѣмъ корпусамъ повелѣнія по мѣрѣ выхода съ горъ слѣдовать къ Теплицу. Вскорѣ потомъ государь началъ получать донесенія, что войска спѣшатъ туда по частямъ, но въ разстройствѣ отъ утомительныхъ маршей.

Императоръ Александръ не ограничился одними повелѣніями о сосредоточеніи войскъ близъ Теплица и присылкѣ подкрѣпленія графу Остерману. Расчитывая, что даже и для продолженія нашего отступленія за Эгеръ необходимо было разбить непріятельскій корпусъ, спустившійся съ Ноллендорфскихъ высотъ къ Кульму, прежде чѣмъ Наполеонъ усилитъ его свѣжими войсками, императоръ принялъ намѣреніе: напасть на слѣдующій день на французовъ, находившихся на дорогѣ въ Теплицъ. Для этого онъ послалъ собственноручное повелѣніе находившемуся недалеко отъ Цинвальда генералу Клейсту: идти не на Дуксъ, какъ прежде было ему предписано, но повернуть налѣво и ударить на другой день въ тылъ непріятельскаго праваго крыла. Съ этимъ повелѣніемъ отправили состоявшаго при государѣ прусскаго полковника Шеллера. Дороги были до такой степени загромождены, что Шеллеръ не могъ проѣхать верхомъ, долженъ былъ сойти съ лошади и пробираться къ Клейсту пѣшкомъ.

Получивъ повелѣніе, Клейстъ отправилъ разъѣздъ къ большой Дрезденской дорогѣ, къ Петерсвальде и Ноллендорфу, узнать: свободна-ли она отъ непріятеля? Удостовѣрившись, что на ней не было французовъ, онъ приказалъ корпусу идти на Ноллендорфъ и посредствомъ этого отважнаго движенія, предписаннаго ему императоромъ Александромъ, зашелъ совершенно въ тылъ непріятеля, что, какъ увидимъ далѣе, было причиною совершеннаго пораженія Вандама. Въ 6 часовъ пополудни князь Щварценбергъ пріѣхалъ въ Дуксъ. Онъ и окружающіе его были унылы. Государь, войдя въ его комнату, сказалъ: «Нѣтъ причинъ сокрушаться о неудачѣ подъ Дрезденомъ. Легко помочь ей. Я намѣренъ самъ аттаковать завтра непріятеля», и тутъже изложилъ князю Шварценбергу свои предположенія къ нападенію въ слѣдующее утро. Потомъ государь послалъ генерала Толя къ Барклаю де-Толли, съ словеснымъ повелѣніемъ непремѣнно, на разсвѣтѣ, соединенными силами напасть на французовъ при Кульмѣ, для чего австрійская дивизія Біанки и Коллоредо получили повелѣніе слѣдовать къ Теплицу. Исполняя Высочайшую волю Барклай де-Толли велѣлъ войскамъ готовиться къ бою, послалъ Клейсту предписаніе, сходное съ повелѣніемъ, которое за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ было дано ему государемъ: повернуть на Ноллендорфъ, въ тылъ французамъ, и пригласилъ Коллоредо и Біанки спѣшить прибытіемъ для содѣйствія въ предполагаемой аттакѣ.

Таковы были дѣйствія императора Александра 17-го августа. Возвращаемся къ происходившему тогда у графа Остермана. 17-го, въ 5 часовъ утра, онъ тронулся изъ Петерсвальде къ Теплицу, приказавъ принцу Евгенію Виртембергскому составить арріергардъ съ 2-мъ корпусомъ. Вандамъ, узнавъ, наконецъ, отъ плѣнныхъ о нашемъ малолюдствѣ, рѣшился быстротою загладить бездѣйствіе предшествовавшихъ двухъ дней и непремѣнно 17-го занять Теплицъ. Переночевавъ въ Гелендорфѣ, рано утромъ 17-го, скрытый густымъ ту-

маномъ, онъ началъ наступленіе, незамѣченный нашими, сдѣлалъ съ боковъ нечаянное нападеніе на арріергардъ и взялъ 300 плѣнныхъ. Авангардъ его, перемѣшавшись съ задними русскими войсками, достигъ Ноллендорфа, но здѣсь былъ остановленъ измайловскимъ и гвардейскимъ егерскимъ полками, которые за часъ передъ тѣмъ, при своемъ отступленіи изъ Петерсвальде, графъ Остерманъ оставилъ на Ноллендорфской высотѣ съ нѣсколькими пушками. Къ измайловскому и егерскому полкамъ присоединились войска 2-го корпуса. За густымъ туманомъ нельзя было видѣть направленія и силъ французовъ, слѣдовательно, и сдѣлать сообразнаго съ обстоятельствами распоряженія. Съ обѣихъ сторонъ открылась пушечная пальба. Потомъ гвардейская бригада продолжала отступленіе къ Кульму, а принцъ Евгеній держался два часа и началъ также отступать. Во время дѣла, графъ Остерманъ оставался при арріергардѣ и приказалъ Ермолову выбрать, не доходя до Теплица, первую, какая найдется, выгодную позицію и остановить на ней войска.

Пока арріергардъ сражался и отступалъ, Ермоловъ занялъ позицію за Кульмомъ. Подъ ружьемъ было: гвардіи до 7,000, 2-го корпуса и отряда Гельфрейха 5,000, конницы 1,300, всего около 14,000 человѣкъ. Во 2-мъ корпусѣ и у Гельфрейха не оставалось другихъ патроновъ, кромѣ находившихся въ сумкахъ; въ бывшемъ наканунѣ дѣлѣ патронные ящики этихъ войскъ поворотили для ихъ спасенія на другую дорогу, къ Борнѣ, и отдѣлили ихъ отъ полковъ. Графъ Остерманъ объѣхалъ ряды войскъ, объявляя, что рѣшено не отступать ни шагу и надобно устоять или умереть. Ура было общимъ отвѣтомъ. Измайловцы просили, чтобы имъ первымъ позволено было идти въ огонь. Музыканты, барабанщики, писаря просили ружей и патроновъ. Передъ самымъ началомъ дѣла пріѣхалъ адъютантъ прусскаго короля извѣстить графа Остермана отъ имени его величества о положеніи арміи. «Всѣ колонны и императоръ Александръ находятся еще въ горахъ», сказалъ адъютантъ. «Король проситъ васъ держаться, какъ можно долѣе. Отъ твердости вашей зависитъ участь арміи. Его величество отправилъ въ горы повелѣніе войскамъ поспѣшать къ Теплицу». Вслѣдъ затѣмъ король сѣлъ верхомъ и поѣхалъ изъ Теплица къ Кульму.

Часу въ 10-мъ, французы спустились съ горъ, аттаковали Кульмъ, выбили оттуда Кнорринга, открыли огонь изъ батарей и построили колонны къ аттакѣ. Разсыпавши впереди стрѣлковъ, они приблизились къ нашей боевой линіи и вдругъ аттаковали Пристенъ и Страденъ. Особенно на Страденъ устремлены были ихъ усилія. Въ селеніяхъ, садахъ и кустарникахъ загорѣлся жаркій бой. Наши и французскіе стрѣлки, перескакивая черезъ рвы и кучи камней, отдѣлявшіе сады и рощи, встрѣчались на полянахъ, не разъ ударяя въ штыки. Если который взводъ подавался назадъ, офицеры бросались впередъ и увлекали за собою солдатъ. Французы ворвались въ Страденъ. Ген.-м. Храповицкій съ измайловскимъ полкомъ опрокинулъ ихъ штыками и былъ раненъ въ самыхъ колоннахъ ихъ. Вандамъ снова овладѣлъ Страденомъ и аттаковалъ свѣжими колоннами Пристенъ. Бывшіе тамъ полки 2-го корпуса разстрѣляли послѣдніе патроны и отступили. За ними подвинулся непріятель и открылъ батареи и батальный огонь противъ гвардіи; такимъ образомъ, ей одной пришлось нести на себѣ все бремя сраженія.

Непоколебимымъ оставалось отборное войско. Страденъ и Пристенъ, доставшіеся французамъ, были опять у нихъ отбиты. Поражаемая артиллеріею и ружейнымъ огнемъ гвардія не допускала непріятелей утвердиться ни въ селеніяхъ, ни на пространствѣ, находившемся между ними. Вандамъ подвелъ къ полю битвы всѣхъ своихъ 35,000 человѣкъ и громилъ нашихъ изъ 80-ти орудій. Къ счастью, мѣстоположеніе не позволяло непріятелю развернуть весь корпусъ, но количество войскъ его, несоразмѣрное съ нашими силами, давало ему несомнѣнную надежду побѣдить, если-бы успѣхъ зависѣлъ только отъ количества, а не нравственнаго состоянія войскъ и тѣлесныхъ силъ ихъ. Какъ львы, сражались исполины нашей гвардіи, особенно, когда узнали, что отъ мужества ихъ зависѣла, можетъ быть, личная безопасность обожаемаго монарха. «Не скрылъ я», говоритъ Ермоловъ въ донесеніи, «что армія находится въ горахъ и скоро выйти не можетъ, что государь при ней и еще не возвратился. Не былъ я въ положеніи поощрять солдатъ: сколько неустрашимы служащіе имъ примѣромъ начальники ихъ, столько каждый горѣлъ усердіемъ, что я находился въ необходимости укрощать тѣхъ и другихъ пылкость: каждый превосходилъ себя». Тогда прибылъ прусскій король и привелъ съ собою попавшіеся на дорогѣ прусскую конную батарею и дивизіонъ австрійскаго легко-коннаго полка Кленау. Каждое малѣйшее подкрѣпленіе было важно. Король засталъ уже всѣ наши войска введенными въ дѣло; въ резервѣ оставалась только преображенскаго полка рота Его Величества.

Сраженіе достигало до высшей степени упорства, обращалось въ рукопашный бой. Недостаточны были одни распоряженія начальника: требовались личныя, тѣлесныя усилія каждаго офицера и солдата. Почти всѣ гвардейскіе батальоны ходили въ штыки. Вандамъ вознамѣрился рѣшительнымъ ударомъ сломить оборону и въ два часа пустилъ двѣ густыя колонны, приказывая имъ пробиться сквозь нашу линію между лѣвымъ крыломъ и центромъ. Колонны двинулись овладѣли Пристеномъ, прорвались въ одномъ мѣстѣ и, пройдя лѣсъ, вышли на равнину въ нашемъ лѣвомъ флангѣ. Но тамъ стояли уже спустившіеся съ горъ полки лейбъ-уланскій и драгунскій, и подходила 1-я кирасирская дивизія. Увидѣвъ успѣхъ непріятеля, уланы и драгуны бросились на выдавшіяся впередъ французскія колонны. Съ одной стороны заѣзжала конница, и трубы гремѣли аттаку, съ другой наступала пѣхота съ барабаннымъ боемъ. То была самая блистательная минута битвы. Графъ Остерманъ описываетъ ее въ своемъ донесеніи такъ: «Одна изъ непріятельскихъ колоннъ скрылась въ лѣсъ; другая огонь дерзости угасила въ крови своей: обхваченная со всѣхъ сторонъ, она легла мертвая рядами на равнинѣ. Преображенскій полкъ прошелъ по трупамъ дерзнувшихъ противостать ему; измайловскаго 1-й батальонъ прошелъ во флангъ непріятелю черезъ пылающую деревню; егерскій и 1-й батальонъ семеновскаго опрокинули непріятеля на оконечности лѣваго крыла и заняли строеніе и лѣсъ на скатѣ горы. Всѣ войска сражались съ неимовѣрнымъ мужествомъ; лейбъ-гвардіи полки покрыли себя славою. Непріятель возобновлялъ аттаки, употреблялъ всѣ усилія, но все разрушалось о твердую грудь неустрашимыхъ. Нѣтъ ужасовъ, могущихъ поколебать храбрые гвардейскіе полки. Приспѣли кирасирскіе полки 1-й дивизіи

и правое крыло мое стало неодолимо. Я могъ вниманіе мое обратить на лѣвый флангъ, гдѣ сраженіе происходило въ самой жаркости».

Отъ генерала до солдата, всѣ были въ жестокомъ огнѣ; смерть поражала жертвы свои безъ разбора. Палъ и главный предводитель: ядромъ оторвало лѣвую руку графа Остермана. Когда преображенскіе солдаты сняли его съ лошади и положили на землю, онъ сказалъ: «Вотъ какъ заплатилъ я за честь командовать гвардіею. Я доволенъ!» Отъ потери крови онъ впалъ въ обморокъ. Король прусскій подъѣхалъ къ тому мѣсту, куда его отнесли, и съ живѣйшимъ участіемъ разспрашивалъ объ его ранѣ. Графъ Остерманъ открылъ глаза; первымъ знакомъ въ немъ жизни была мысль о государѣ. Онъ находился почти въ объятіяхъ смерти, но мысль о государѣ въ немъ не угасала. «Это вы, ваше величество?» спросилъ онъ короля. «Въ безопасности-ли мой государь?»

Графъ Остерманъ сдалъ начальство Ермолову. Послѣ отчаяннаго отпора огонь французскихъ батарей умолкъ на короткое время. Ермоловъ приказалъ отступить въ лѣсъ, гдѣ устроилъ войска въ ожиданіи новыхъ нападеній; они возобновлялись жестоко, но не въ одно время и не во многихъ мѣстахъ. Вандамъ не сдѣлалъ общаго наступленія, видя, что къ намъ начали подходить свѣжіе полки. Въ 8-мъ часу графъ Милорадовичъ привелъ 1-ю гренадерскую дивизію и принялъ начальство надъ всѣми войсками. Гренадеры стали въ 1-ю линію; гвардію отвели во 2-ю. Затѣмъ пришли 2-я гвардейская и 2-я кирасирская дивизіи и прусская гвардейская бригада; пріѣхали князь Шварценбергъ и Барклай де-Толли. Пальба изъ орудій умолкла; только стрѣлки перестрѣливались до темноты.

Убито и ранено съ нашей стороны болѣе 5,000 человѣкъ. Легко раненые возвращались послѣ перевязокъ на свои мѣста. Солдаты, разстрѣлявшіе патроны, наполняли снова сумки, обирая патроны у плѣнныхъ и убитыхъ. Списки объ отличившихся штабъ и оберъ-офицерахъ представлены не были. «Надобно-бъ было», говоритъ Ермоловъ въ донесеніи, «представить списокъ всѣхъ вообще. Не представляю и о нижнихъ чинахъ: надобно исчислить всѣ ряды храбрыхъ полковъ, имѣющихъ счастіе носить званіе лейбъ-гвардіи Государя, ими боготворимаго».

Память о Кульмскомъ сраженіи не умретъ въ вѣкахъ, ввиду необыкновеннаго мужества русскихъ войскъ и потому, что оно дало другой оборотъ войнѣ, предпринятой для защиты самостоятельности законныхъ престоловъ и обузданія власти завоевателя. Если-бы графъ Остерманъ не рѣшился пробиваться сперва по Теплицкой дорогѣ и потомъ не удержалъ ея за собою, онъ подвергъ-бы великой опасности армію, находившуюся въ горахъ. Наполеонъ могъ открыть себѣ путь въ Богемію и перенести войну въ австрійскія владѣнія; главная армія отступила-бы за Эгеръ, какъ уже было рѣшено подъ Дрезденомъ, а можетъ быть и далѣе. Она лишилась-бы чрезвычайной выгоды, какую въ военномъ отношеніи представляла ей западная часть Богеміи для дѣйствій на сообщенія непріятелей, и потеряла бы на долгое неопредѣленное время возможность совокупнаго дѣйствія съ другими арміями. Графъ Остерманъ своею рѣшительностью стяжалъ безсмертіе. «Мнѣ остается», такъ заключилъ онъ свое донесеніе, «благодарить Всевышняго, удостоившаго меня быть полезнымъ службѣ Государя милосердаго, благодарить Провидѣніе, ввѣрившее мнѣ храбрые полки

гвардіи, которыхъ свѣтъ будетъ чтить славу, а непріятель чувствовать пораженіе».

Государь наградилъ гвардейскіе полки: преображенскій, семеновскій и морской экипажъ георгіевскими знаменами, измайловскій и егерскій—георгіевскими трубами, графа Остермана орденомъ св. Георгія второго класса. Но подвигъ его принадлежалъ не одной Россіи, поэтому онъ былъ почтенъ и отъ иностранцевъ такими почестями, подобныхъ которымъ прежде не бывало. Богемскія дамы поднесли ему кубокъ, украшенный каменьями каждаго уѣзда ихъ области, въ доказательство, что вся Богемія принимаетъ участіе въ приношеніи. Въ письмѣ, сопровождавшемъ кубокъ, дамы благодарили графа, какъ главнаго предводителя въ знаменитой битвѣ, и желали, чтобы даръ ихъ напоминалъ ему день славы его и сдѣлался залогомъ его здоровья и благоденствія. По полученіи письма богемокъ, графъ Остерманъ написалъ князю Волконскому: «Принять подарка безъ соизволенія Его Величества, полагаю я, не должно, а потому прошу васъ при удобномъ случаѣ доложить. Признаюсь: подарку крайне удивляюсь; почему? и на что? и за что? Но отъ старой привычки мудрено отстать: барыни предлагаютъ—какъ отказать? Къ тому-же, сіе можетъ послужить на память тѣмъ, которые въ тотъ день работали».

Когда государь соизволилъ на принятіе приношенія, графъ Остерманъ написалъ его величеству: «Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество позволить сей кубокъ отдать въ Преображенскій полкъ на сохраненіе и Всемилостивѣйше повелѣть, дабы оный отнынѣ на всегда каждый Великій Постъ подаваемъ былъ въ полковой церкви послѣ пріобщенія Святыхъ Тайнъ нижнимъ чинамъ, съ теплотою, вмѣсто сосуда, греко-россійскою церковью при семъ случаѣ употребляемаго».

Прусскій король, личный великодушный свидѣтель сраженія 17-го августа, наградилъ орденомъ Желѣзнаго Креста генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ гвардіи, бывшихъ въ строю. При раздачѣ крестовъ, графъ Милорадовичъ отдалъ приказъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Да умножатъ сіи новые знаки отличія на груди вашей число тѣхъ, которые трудами и кровію пріобрѣли вы въ битвахъ за спасеніе отечества, за славу имени русскаго и свободу Европы».

Императоръ Францъ предположилъ воздвигнуть русской гвардіи памятникъ, назначенный также въ прославленіе бывшей на слѣдующій день битвы. Закладка его состоялась черезъ 22 года послѣ Кульмскаго сраженія, 17-го сентября 1835 года, въ присутствіи императора Николая Павловича, императора Фердинанда и короля прусскаго.

Но этимъ еще не кончились битвы подъ Кульмомъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е августа у насъ сдѣланы были приготовленія къ нападенію на Вандама. Начальство надъ войсками, назначенными съ дѣло, было возложено на Барклая-де-Толли. Онъ поручилъ лѣвое крыло Раевскому, правое—Коллоредо, центръ—графу Милорадовичу, резервъ—цесаревичу Константину Павловичу.

На разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, 18 го августа, императоръ Александръ поѣхалъ изъ Дукса черезъ Теплицъ на высокую гору Шлосбергъ, откуда ясно были видны боевыя линіи союзныхъ и французскихъ войскъ. Часу въ 7-мъ началось стрѣлковое дѣло; по вре-

менамъ палили изъ пушекъ; сраженіе не завязывалось до 9-го часа, пока не прибыли къ Карвицу графъ Коллоредо и Біанки. Тогда всѣ войска праваго крыла построились въ боевой порядокъ для обхода лѣваго фланга французовъ. Сраженіе началось блистательною аттакою ген.-м. Кнорринга на высоту между Нейдорфомъ и Кульмомъ, занятую французскою пѣхотою и артиллеріею. Съ полками лейбъ-кирасирскимъ Его Величества и Татарскимъ уланскимъ онъ быстро вынесся на высоту, сквозь градъ пуль и картечь, отбилъ на ней 3 пушки и разогналъ французскую пѣхоту. Понимая важность отнятой у него высоты, Вандамъ бросился на Кнорринга и оттѣснилъ его, тѣмъ легче, что Кноррингъ не былъ поддержанъ пѣхотою, которая не могла поспѣть за быстрымъ движеніемъ его конницы. По всей линіи загремѣла канонада. Вскорѣ подошли пѣхотныя дивизіи Коллоредо и Біанки. Кнорингъ вторично аттаковалъ и прогналъ непріятеля съ высоты: пѣхота утвердилась на ней и поставила 18-ти пушечную батарею. Подъ ея огнемъ стали спускаться въ долину колонны, предшествуемыя стрѣлками, и опрокинули непріятеля; австрійскій полкъ Аржанто взялъ штыками одиннадцать орудій.

Во время боя на нашемъ правомъ крылѣ графъ Милорадовичъ аттаковалъ французовъ въ центрѣ, Раевскій пошелъ въ обходъ праваго непріятельскаго крыла. Вандамъ оборонялся упорно, сдѣлалъ даже наступательное движеніе противъ Раевскаго на своемъ правомъ крылѣ, откуда, по его убѣжденію, должны были появиться въ самомъ непродолжительномъ времени французскіе корпусы, посланные Наполеономъ изъ Дрездена преслѣдовать армію союзниковъ. Раевскій опрокинулъ непріятелей, гналъ ихъ съ одного возвышенія на другое и приближался къ Кульму, пока Коллоредо, Біанки и Кнорингъ все болѣе и болѣе огибали лѣвый флангъ Вандама, а графъ Милорадовичъ подвигался въ центрѣ, гдѣ принцъ Евгеній Виртембергскій взялъ приступомъ главную высоту. Совокупныя движенія нашихъ силъ склонили побѣду на нашу сторону; мы считали сраженіе выиграннымъ; непріятелю, обойденному съ обоихъ боковъ и аттакованному съ фронта, нельзя было болѣе держаться, но Вандамъ не отступалъ, надѣясь на скорое прибытіе отряженныхъ Наполеономъ въ Богемію корпусовъ. Заблужденіе его продолжалось не долго. Часу въ 11-мъ послышались въ тылу французовъ выстрѣлы Клейста, который, согласно повелѣнію государя, посланному ему наканунѣ, достигнувъ Ноллендорфа, поворачивалъ оттуда въ Теплицкую долину. Авангардъ его спускался отъ Ноллендорфа къ Тельницу, на путь отступленія французовъ. Императоръ Александръ, замѣтивъ съ Шлосберга первый пушечный выстрѣлъ Пирха, приказалъ усилить общую аттаку съ фронта и фланговъ. Повелѣніе было исполнено въ мгновеніе ока. Со всѣхъ сторонъ двинулись колонны, на штыкахъ овладѣли Кульмомъ и большею частью стоявшей тамъ артиллеріи. Русская конница ударила въ лѣвое крыло французовъ и взяла нѣсколько пушекъ. Единовременное дружное нападеніе поколебало непріятеля, но не лишало его надежды устоять и возобновить бой: Вандамъ счелъ войска Клейста за французскія, шедшія къ нему изъ Пирны. Вскорѣ онъ получилъ донесеніе, что съ горъ спускаются не французы, а пруссаки. Тогда ему не оставалось ничего другого, кромѣ поспѣшнаго отступленія, но для этого сперва нужно было сбить Клейста, заходившаго ему въ тылъ. Онъ послалъ для открытія пути пѣхотную дивизію и подъ на-

чальствомъ Корбино конницу, приказывая опередить пѣхоту и, несмотря ни на какія препятствія, сломить пруссаковъ. Жестокъ былъ ударъ конницы при встрѣчѣ съ Клейстомъ, шедшимъ походною колонною. Каждая сторона рванулась напроломъ. Пруссаки стремились внизъ подъ гору, французы неслись на вершину ея, блистательною храбростью одолѣвая невыгоды мѣстоположенія. При другихъ обстоятельствахъ трудно было въѣхать вскачь въ гору, но отчаяніе придало непріятелямъ силу. Прусскіе генералы и офицеры очутились посреди непріятеля, французскіе—посреди пруссаковъ. Обѣ стороны не боролись за побѣду, но пробивались сквозь вражескіе ряды. Наконецъ, Корбино пронесся къ Петерсвальде. Очистивъ путь своей конницѣ, онъ не могъ, однако, обезпечить отступленіе Вандаму. Послѣ прорыва французской конницы, пруссаки опять сомкнулись, и Клейстъ сошелъ къ Тельницу, куда стремился корпусъ Вандама, живо преслѣдуемый на всѣхъ пунктахъ: онъ пришелъ въ совершенный безпорядокъ, когда французы узнали, что отступленіе имъ прегражденo. Наша пѣхота опрокидывала всѣхъ, кто пытался сопротивляться, и приступомъ взяла Арбезау. Кавалерія опережала пѣхоту и разсѣивала толпы, еще сохранявшія оружіе. Повсюду брали плѣнныхъ, обозы, пушки. Кавалергардскій полкъ отбилъ у бѣгущихъ въ Ноллендорфскомъ дефиле 16-ть орудій. Весь корпусъ Вандама смѣшался въ нестройныя кучи: онѣ бросались для своего спасенія во всѣ стороны, въ лѣса, на горы, въ ущелья.

Пока выбивали непріятеля штыками изъ Кульма, государь и прусскій король спустились съ Шлосберга, слѣдовали за движеніемъ колоннъ и остановились у Арбезау. Въ часъ пополудни сраженіе прекратилось. Только издали раздавались ружейные выстрѣлы вслѣдъ за бѣжавшими непріятелями. Трофеями были: 12,000 плѣнныхъ, 4 генерала и корпусный начальникъ Вандамъ, нѣсколько знаменъ, 84 орудія, 200 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ. Французы лишились убитыми трехъ генераловъ. Мимо монарховъ проходили цѣлыя колонны плѣнныхъ; во взводахъ шли офицеры, въ головѣ полковники и батальонные командиры. Наконецъ, издали показался Вандамъ, подъ охраной казаковъ. Увидѣвъ союзныхъ монарховъ, онъ сошелъ съ лошади и поцѣловалъ ее. Императоръ Александръ обошелся съ нимъ милостиво и обѣщалъ облегчить участь его. Едва отвели Вандама въ сторону, пріѣхалъ нарочный отъ Блюхера, съ донесеніемъ о пораженіи Макдональда при Кацбахѣ. Государь передалъ войскамъ радостную вѣсть. Неумолкаемое ура! потрясало воздухъ.

Кульмское сраженіе рѣшительно положило предѣлъ успѣхамъ Наполеона. Съ того времени почти всѣ военныя предпріятія его были неудачны. Извѣстіе о Кульмской побѣдѣ распространило повсюду тѣмъ большую радость, что никто не ожидалъ успѣховъ черезъ три дня послѣ нашей неудачи подъ Дрезденомъ. Въ общемъ теченіи событій чрезвычайно важны были слѣдствія обѣихъ битвъ подъ Кульмомъ, 17-го и 18-го августа, такъ какъ онѣ оказали существенное вліяніе на участь войны и самого Наполеона; для Россіи останутся онѣ навсегда драгоцѣннымъ листкомъ въ ея побѣдномъ вѣнкѣ. 17-го числа почти никакихъ войскъ, кромѣ русскихъ, не было въ огнѣ. а 18-го они составляли многочисленнѣйшую часть союзной арміи. Собственно побѣда принадлежала императору Александру, потому что повелѣніе Барклаю-де-Толли аттаковать Вандама и Клейсту ударить въ тылъ

его дано было непосредственно его величествомъ; въ то время, когда главнокомандующій и его генералы думали только о безопасномъ отступленіи за Эгеръ. Свѣтлая мысль царя была достойно выполнена русскими и союзными войсками. Блистательный успѣхъ, одержанный подъ Кульмомъ, возымѣлъ самое животворное вліяніе на нашихъ союзниковъ. Побѣда всегда возвышаетъ духъ солдатъ, но ничто сильнѣе побѣды не скрѣпляетъ братскаго дружества между разнонародными арміями, сражающимися подъ одними знаменами. Благодаря императору Александру, пруссаки и австрійцы, никогда не одерживавшіе надъ французами подобнаго торжества, имѣли случай лично удостовѣриться подъ Кульмомъ, что одолѣніе Наполеона не было дѣломъ невозможнымъ. Потеря убитыми и ранеными въ оба дня съ нашей стороны до 7,000; у пруссаковъ выбыло изъ строя 1,500, у австрійцевъ около 800 человѣкъ.

Государь объѣхалъ все поле сраженія, благодарилъ полки, заботился о нашихъ и непріятельскихъ раненыхъ; поздравилъ Барклая де-Толли кавалеромъ ордена св. Георгія 1-го класса, а князя Шварценберга—св. Андрея Первозваннаго; нижнимъ чинамъ гвардейскаго корпуса пожаловано по два рубля на каждаго. Радость изображалась на лицѣ монарха: онъ торжествовалъ побѣду, по его распоряженіямъ одержанную, принадлежавшую лично ему. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ о ней императоръ Александръ до конца своей жизни, и, хотя впослѣдствіи одерживалъ торжества болѣе значительныя, но побѣда подъ Кульмомъ была для него всегда предметомъ самыхъ любимыхъ воспоминаній. Отдавъ приказанія о дальнѣйшемъ преслѣдованіи непріятеля, императоръ возвратился съ поля сраженія въ Теплицъ и ѣхалъ мимо длиннаго ряда повозокъ съ ранеными, являясь страдальцамъ ввидѣ ангела-утѣшителя. Немногіе изъ нихъ не удостоились вопроса его о ранахъ и здоровьѣ, благоволенія, даже пожатія державной руки за пролитую ими кровь.

Не металломъ и гранитомъ увѣковѣчилъ императоръ Александръ память Кульмской побѣды, но подвигомъ благотворенія, учредивъ комитетъ для вспомоществованія всѣмъ неимущимъ и раненымъ и успокоенія ихъ.

Чѣмъ важнѣе была Кульмская побѣда, сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе терялись въ догадкахъ о причинахъ пораженія Вандама и вообще бездѣйствія, оказаннаго Наполеономъ послѣ Дрезденскаго сраженія. Причины были различны, но заключались особенно въ упадкѣ духа, безсвязности движеній и ослабленіи рѣшимости, проявившихся послѣ 1812-го года въ Наполеонѣ, его генералахъ и войскахъ. Предводитель и подчиненные лишились прежней самонадѣянности; послѣ бѣдствій въ Россіи въ нихъ уже не воскресало одушевлявшее ихъ раньше чувство неодолимости. Одержавъ побѣду подъ Дрезденомъ, Наполеонъ отправилъ всѣ корпусы за нашими колоннами, но ни одинъ изъ нихъ не напиралъ быстро, неотступно; всѣ шли малыми маршами, довольствуясь подбираніемъ австрійскихъ обозовъ, усталыхъ солдатъ и брошенныхъ пушекъ. Вандамъ оказалъ болѣе твердости, нежели другіе начальники французскихъ корпусовъ. Выведенный изъ своего заблужденія относительно численной силы войскъ графа Остермана, онъ аттаковалъ его 17-го августа и храбро пробивался въ Теплицъ, понимая важность занятія этого города; но онъ не успѣлъ одолѣть геройское мужество

гвардіи, и данный ею отпоръ разрушилъ всѣ расчеты непріятеля. На другой день, 18-го, Вандамъ не отступалъ, сохраняя увѣренность, что Мюратъ, Викторъ, Сенъ-Сиръ и Мармонъ слѣдятъ за нашей арміей, не упустятъ ея изъ вида и лишатъ ее возможности помышлять о чемъ-либо другомъ, кромѣ собственнаго спасенія, что разбитыя войска не могутъ перейти внезапно отъ обороны къ наступленію, и, наконецъ, что Наполеонъ съ гвардіею идетъ къ нему изъ Пирны. 18-го августа утромъ, замѣтивъ сближавшіяся противъ него войска наши, Вандамъ не сомнѣвался, какъ въ тотъ-же вечеръ онъ намъ разсказывалъ, что съ правой стороны его скоро спустятся съ горъ французскіе корпусы въ тылъ союзной арміи, а до появленія ихъ онъ долженъ непремѣнно защищать свою позицію до крайности. Таковы были причины, побудившія Вандама принять сраженіе у Кульма и не отступить, когда фланги его были уже обойдены. Причины основательны, но неизвинительно, что Вандамъ не имѣлъ по сторонамъ корпуса и позади наблюдательныхъ постовъ и разъѣздовъ, не зналъ, что дѣлалось у него въ тылу, не былъ въ сношеніи съ Сенъ-Сиромъ, находившимся отъ него вправо, ближе другихъ корпусовъ. Въ такой опрометчивости ничѣмъ нельзя оправдать Вандама, и она ниже всякаго осужденія.

Что касается до Наполеона, онъ, дѣйствительно, выступилъ за Вандамомъ къ Пирнѣ съ гвардіею и намѣревался продолжать маршъ къ Теплицу, но почувствовалъ лихорадку и возвратился въ Дрезденъ. Тамъ онъ оставался въ убѣжденіи, что посланные за союзниками его маршалы совершатъ преслѣдованіе быстро, что противники его, послѣ неудачи подъ Дрезденомъ, не отважатся на какое-либо смѣлое дѣйствіе, что во всякомъ случаѣ маршалы, искусившіеся въ бояхъ, не пренебрегутъ обыкновенными мѣрами осторожности. Была еще причина, почему Наполеонъ не подкрѣпилъ Вандама. На другихъ театрахъ войны дѣла его приняли самый невыгодный оборотъ. Макдональдъ былъ разбитъ Блюхеромъ, Удино—шведскимъ принцемъ. Имъ на помощь Наполеонъ самъ хотѣлъ идти съ гвардіею, которой и не послалъ изъ Пирны къ Петерсвальде, не желая отдалять ее отъ Дрездена, откуда онъ сперва намѣревался выступить противъ шведскаго принца, разгромить его и взять Берлинъ, овладѣніе которымъ было его пламеннымъ желаніемъ. Но зачѣмъ не извѣстилъ онъ Вандама о возвращеніи своемъ изъ Пирны въ Дрезденъ? зачѣмъ не велѣлъ корпуснымъ командирамъ, шедшимъ за богемскою арміею, быть въ безпрестанныхъ взаимныхъ сношеніяхъ? Сподвижники Наполеона соглашаются, что послѣ нашей Отечественной войны, нося въ душѣ тайное предчувствіе своего паденія, Наполеонъ не являлся уже тѣмъ великимъ полководцемъ, какимъ знавали его прежде. Счастье отвернулось отъ своего прежняго любимца; время успѣховъ прошло для Наполеона, и замыслы его не удавались, съ тѣхъ поръ, когда во имя Бога и за права человѣчества противъ него ополчился Александръ.

Послѣ Кульмскаго сраженія главная армія стала вдоль Богемской границы и на другой день послѣ Кульмскаго сраженія находилась въ томъ самомъ расположеніи, въ какомъ была при выступленіи къ Дрездену, 10-го августа, то есть, на пространствѣ отъ Теплица до Коммотау. 19-го августа, государь вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ и прусскимъ королемъ производилъ смотръ своей побѣдоносной

гвардіи. Не взирая на выдержанныя за двое сутокъ передъ тѣмъ кровопролитнѣйшія битвы, отборное русское войско явилось въ своемъ обычномъ наружномъ блескѣ. Между тѣмъ, когда въ Теплицѣ торжествовали побѣду, Наполеонъ, узнавъ о пораженіи Вандама, велѣлъ остановиться корпусамъ, шедшимъ вслѣдъ за главною арміею: Мюрату и Виктору въ Сайдѣ, Мармону въ Цинивальдѣ, Сенъ-Сиру въ Либенау.

IV.

Сраженія при Гроссъ-Беренѣ и Кацбахѣ.

До Кульмскаго сраженія въ сѣверной и силезской арміяхъ происходило слѣдующее.

4-го августа, шведскій наслѣдный принцъ пріѣхалъ изъ Стральзунда въ Берлинъ и сосредоточилъ близъ него сѣверную армію въ 120,000 челов. Противъ сѣверной арміи расположены были Наполеономъ войска въ такомъ-же количествѣ.

Немедленно послѣ окончанія перемирія, Удино, который долженъ былъ нанести главный ударъ сѣверной арміи, выступилъ изъ Даме къ Берлину двумя дорогами.

11-го августа, французы приблизились къ сѣверной арміи тремя колоннами. Лѣвую составлялъ корпусъ Удино; онъ шелъ на Аренсдорфъ; въ центрѣ были корпусъ Ренье и кавалерійскій Арриги, направлявшіеся на Гроссъ-Беренъ; на правомъ флангѣ былъ корпусъ Бертрана, который шелъ на Бланкенфельдъ.

Двинувшись затѣмъ изъ Аренсдорфа на Шпутендорфъ, Удино хотѣлъ скрыть настоящее свое намѣреніе, состоявшее въ томъ, что, угрожая правому флангу сѣверной арміи, онъ хотѣлъ обратить туда вниманіе наслѣднаго принца и облегчить корпусамъ Ренье и Арриги возможность овладѣть Гроссъ-Береномъ. Въ 3 часа пополудни пришелъ Ренье изъ Вистока, аттаковалъ Гроссъ-Беренъ, вытѣснилъ слабый находившійся тамъ прусскій отрядъ и началъ строиться по обѣимъ сторонамъ селенія. Наслѣдный принцъ, не желая дозволить Ренье утвердиться въ Гроссъ-Беренѣ, велѣлъ Бюлову аттаковать его и взять селеніе. Въ 5 часовъ Бюловъ выступилъ изъ Гейнерсдорфа и, приблизившись къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, открылъ огонь изъ 60-ти орудій, въ числѣ которыхъ были двѣ русскія батареи, полковника Дидрихса. Французская артиллерія отвѣчала живо. Канонада продолжалась съ часъ, но не поколебала непріятеля. Бюловъ приказалъ корпусу, построенному въ двѣ линіи, имѣя конницу въ третьей, взять Гроссъ-Беренъ приступомъ, стараясь обходить французовъ лѣвымъ флангомъ. Впереди колоннъ шла артиллерія. Бригада полковника Крафта ринулась первая на французскія пушки и, пройдя черту расположенія батарей, ударила въ штыки на колонны, прикрывавшія орудія, опрокинула непріятеля и ворвалась въ Гроссъ-Беренъ, но не устояла въ немъ и была оттѣснена. Наслѣдный принцъ послалъ Бюлову строжайшее повелѣніе ни подъ какимъ видомъ не отступать, помня, что пруссаки защищаютъ свои семейства, столицу и честь. Бюловъ возобновилъ аттаку. Шелъ дождь, и нельзя было дѣйствовать изъ ружей; пруссаки на штыкахъ ворвались въ Гроссъ-Беренъ. Храбрость и превосходство въ числѣ склонили побѣду на ихъ сторону: они выгнали французовъ изъ селенія, объятаго

огнемъ, взяли нѣсколько орудій и преслѣдовали непріятеля, не давая ему времени выстраиваться. Кавалерія выѣхала впередъ, опрокидывала французскую конницу, врѣзывалась въ пѣхоту и довершала пораженіе Ренье и Арриги. Постигнутый паническимъ страхомъ непріятель обратился въ бѣгство.

Узнавъ о пораженіи Ренье, Бертранъ прекратилъ нападеніе на Бланкенфельдъ и началъ отступать; Удино, продолжавшій производить ложныя нападенія изъ Шпутендорфа, послалъ на выручку Ренье двѣ дивизіи. Онѣ не были въ состояніи одержать надъ пруссаками побѣду, но остановили дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ и составили арріергардъ, подъ защитою котораго непріятельская армія отступила къ Треббину. Тѣмъ кончилось сраженіе. Изъ русскихъ войскъ участвовали въ немъ три батареи и егеря, разсыпанные на правомъ крылѣ арміи. Русскій и шведскій корпусы простояли весь день въ боевомъ порядкѣ и были только зрителями сраженія. Честь побѣды при Гроссъ-Беренѣ принадлежала пруссакамъ; трофеями ихъ были 26 пушекъ, 60 зарядныхъ ящиковъ и 2,000 плѣнныхъ.

На слѣдующій день Удино продолжалъ отступленіе черезъ Ютербокъ на Виттенбергъ, медленно преслѣдуемый союзниками.

Значительный вредъ нанесъ непріятелю Чернышевъ. Узнавъ о предпринятомъ французами послѣ перемирія движенія на Берлинъ и не имѣя опасенія за лѣвый флангъ сѣверной арміи, ввѣренный его охраненію, Чернышевъ выступилъ изъ Бельцига и въ день пораженія Удино при Гроссъ-Беренѣ зашелъ во флангъ и тылъ его, къ Треббину и Лукенвальде, опережая головы французскихъ колоннъ, не допуская ихъ фуражировать и ночными набѣгами лишая покоя. Одинъ его полкъ, подъ командою полковника Круза, былъ уже между Даме и Герцбергомъ, на пути сообщенія Удино съ Наполеономъ, но приказаніе шведскаго принца спѣшить опять къ Бельцигу остановило дальнѣйшія дѣйствія Чернышева.

Наканунѣ Гроссъ-Беренскаго сраженія въ тылу Удино находился другой русскій отрядъ по слѣдующему случаю: въ день окончанія перемирія наслѣдный принцъ получилъ извѣстіе о намѣреніи Наполеона ѣхать изъ Дрездена въ армію Удино, въ сопровожденіи двухъ полковъ конницы. Принцъ велѣлъ генералу Винцингероде послать казаковъ на Дрезденскую дорогу и схватить Наполеона, обѣщая полмилліона рублей награды. Винцингероде возложилъ порученіе на партизана барона Левенштерна и отправилъ его для поиска съ двумя казачьими полками. На третій день выступленія, Левенштернъ пришелъ къ Зонненвальде, на дорогу изъ Дрездена, по которой долженъ былъ ѣхать Наполеонъ, и поставилъ казаковъ въ засаду. Черезъ нѣсколько часовъ перехватили курьера, везшаго отъ маршала Бертье къ Удино извѣстіе, что Наполеонъ измѣнилъ намѣреніе прибыть къ его арміи и отправляется въ Силезію. Левенштернъ возвратился и примкнулъ къ отряду Чернышева, сдѣлавъ во время марша нѣсколько удачныхъ набѣговъ въ тылу непріятелей.

Послѣ побѣды при Гроссъ-Беренѣ, наслѣдный принцъ повелъ армію черезъ Белицъ и Трейенбрицен къ Рабенштейну, стараясь находиться въ такомъ направленіи, чтобы удобнѣе было переправиться черезъ Эльбу, для дѣйствій въ тылу непріятеля. Армія прибыла въ Рабенштейнъ 20-го августа, когда Удино вступилъ въ Виттенбергъ и расположилъ корпусы вокругъ этой крѣпости на правомъ

берегу Эльбы. Винцингероде, графъ Стедингъ и Бюловъ стали близъ Рабенштейна, а графъ Тауэнцинъ у Ютербока, откуда онъ долженъ былъ посылать партіи влѣво, развѣдывая о движеніяхъ Блюхера и о маршѣ Беннигсена, приближавшагося къ Одеру. Наслѣдный принцъ употребилъ девять дней для передвиженія арміи отъ Гроссъ-Берена до Рабенштейна, хотя пространство между этими городами составляетъ только 70 верстъ. Такая медленность движенія и преслѣдованія Удино была весьма непріятна пруссакамъ, нетерпѣливо желавшихъ поспѣшнѣе разгромить французовъ. Они даже говорили, что принцъ съ намѣреніемъ медленно преслѣдовалъ французовъ и давалъ имъ уходить невредимо, имѣя въ виду не пользу союза, но личные виды. Негодованіе пруссаковъ простиралось до такой степени, что графъ Тауэнцинъ хотѣлъ самовольно отдѣлиться отъ сѣверной арміи и идти на соединеніе съ Блюхеромъ.

Между тѣмъ, на другой день послѣ Гроссъ-Беренскаго сраженія наслѣдный принцъ получилъ извѣстіе о наступательномъ движеніи сводного корпуса ген. Жирара, назначеннаго Наполеономъ для содержанія сообщенія между Удино и Даву. Онъ приказалъ прусскому генералу Гиршфельду, съ отрядомъ ополченія изъ 15-ти батальоновъ, 12-ти эскадроновъ и 11-ти орудій, въ числѣ которыхъ было 10 русскихъ, идти навстрѣчу непріятелю черезъ Потсдамъ и Бранденбургъ, а Чернышеву покинуть дѣйствія на сообщеніяхъ Удино и немедленно направиться на Бельцигъ. Пока это приводилось въ исполненіе, Жираръ, еще не зная о пораженіи маршала Удино, шелъ изъ Магдебурга на Цизаръ, откуда для соединенія съ Удино поворотилъ вправо на Бельцигъ. Увидя, что городъ занятъ Чернышевымъ, онъ остановилъ корпусъ въ Любницѣ и 15-го августа послалъ отрядъ аттаковать Чернышева. Не имѣя при себѣ артиллеріи и регулярныхъ войскъ, Чернышевъ, послѣ перестрѣлки, оставилъ Бельцигъ и занялъ ближнее къ нему селеніе. Между тѣмъ, Гиршфельдъ, выступивъ изъ Бранденбурга по Магдебургской дорогѣ, развѣдалъ, что французы пошли изъ Цизара въ Любницъ, и направился вслѣдъ за ними. Приблизившись незамѣтно къ непріятельскому лагерю, онъ аттаковалъ французовъ, не ожидавшихъ на себя нападенія со стороны Магдебургской дороги. Внезапность аттаки и отсутствіе отъ войскъ ген. Жирара, находившагося у Бельцига, склонили сначала побѣду на сторону пруссаковъ, но вскорѣ, когда Жираръ, узнавъ о нападеніи, возвратился къ корпусу—видъ дѣла перемѣнился. Гиршфельдъ былъ осаженъ назадъ и лишился надежды на побѣду; корпусъ его состоялъ изъ ополченія, которому трудно было удержаться противъ регулярныхъ войскъ Жирара. Главную силу Гиршфельда составляли 10-ть русскихъ орудій, дѣйствовавшихъ, по обыкновенію, съ блестящимъ успѣхомъ.

При началѣ нападенія пруссаковъ, Чернышевъ, услышавъ канонаду, послалъ полковника Бенкендорфа, съ полками Жирова и Иловайскаго 11-го, въ тылъ праваго крыла французовъ; вслѣдъ за ними и самъ онъ поспѣшилъ на поле сраженія съ остальными двумя казачьими полками своего отряда. Пріѣхавъ къ Гиршфельду, онъ условился принять на себя дѣйствіе противъ праваго крыла французовъ. Бенкендорфъ успѣлъ уже обскакать лѣвый флангъ ихъ сзади, и въ то время, когда изъ стоявшаго тамъ резерва шла противъ пруссаковъ пѣхотная колонна, съ 3-мя орудіями и конницею, аттаковалъ конницу, разсѣялъ ее и отбилъ орудія. Опрокинутые фран-

цузскіе всадники направились на свою пѣхоту и произвели въ ней безпорядокъ. Полковникъ Власовъ воспользовался ея разстройствомъ, ударилъ на нее и взялъ въ плѣнъ 1,200 человѣкъ. Чернышевъ, съ полкомъ Грекова 18-го, аттаковалъ кирасировъ, шедшихъ на прусскую батарею, смялъ ихъ и взялъ въ плѣнъ 320 человѣкъ. Ободренные внезапными успѣхами, совершенно опрокинувшими правое крыло французовъ, пруссаки, съ крикомъ ура! ударили съ фронта въ штыки и овладѣли 5-ю орудіями. Непріятели начали отступать и частью побѣжали. Самъ Жираръ былъ раненъ и по невозможности возвратиться въ Магдебургъ, такъ какъ дорога, ведущая туда, была отрѣзана союзными войсками, пошелъ къ Виттенбергу, живо преслѣдуемый до темной ночи. Въ дѣлѣ при Бельцигѣ и на отступленіи онъ лишился 3,500 плѣнныхъ и 8 орудій. Чернышевъ, рѣшитель побѣды, взялъ плѣнныхъ вдвое болѣе, нежели сколько у него въ отрядѣ состояло на-лицо людей. Въ отрядѣ его было всего 1,200 человѣкъ, а взято въ плѣнъ 2,255.

Такъ произошло пораженіе Жирара, имѣвшаго порученіе содержать сообщеніе между маршалами Удино и Даву. Послѣдствіемъ побѣды при Гроссъ-Беренѣ и первоначальныхъ дѣйствій сѣверной арміи было такимъ образомъ совершенное разрушеніе операціоннаго плана, предписаннаго Наполеономъ Даву, Удино и Жирару, спасеніе Берлина отъ непріятельскаго нашествія, пораженіе Удино и Жирара, и прекращеніе наступленій Даву.

Силезская армія подъ командою Блюхера 11-го августа оставалось въ Яуерѣ, когда Наполеонъ, извѣщенный о выступленіи главной арміи изъ Богеміи въ Саксонію, возвращался изъ Левенберга къ Дрездену, поручивъ Макдональду начальство надъ войсками въ Силезіи. Узнавъ объ отъѣздѣ Наполеона, Блюхеръ двинулся немедленно изъ Яуера, въ намѣреніи аттаковать Макдональда, думая, что онъ еще не сосредоточенъ и стоитъ между Гольдбергомъ и Лигницомъ. Между тѣмъ, Макдональдъ съ главными силами шелъ тѣмъ-же направленіемъ, которымъ, съ противоположной стороны, изъ Яуера, подвигались, согласно предписаніямъ Блюхера, Сакенъ и Іоркъ. Корпусъ Лористона шелъ противъ лѣваго крыла силезской арміи, изъ Гольдберга на Яуеръ, когда изъ Яуера на Гольдбергъ слѣдовалъ графъ Ланжеронъ.

Обѣ враждующія арміи устремились такимъ образомъ одна другой навстрѣчу. Блюхеръ не зналъ о движеніи непріятеля; Макдональдъ не имѣлъ извѣстій о наступленіи Блюхера. Каждый надѣялся аттаковать своего противника врасплохъ. Невѣдѣніе обоихъ полководцевъ продолжалось потому болѣе, что три дня лилъ дождь, скрывая движеніе войскъ и дѣлая обозрѣнія почти невозможными. Сакенъ подходилъ къ Эйхгольцу, а Іоркъ къ Вейнбергу, когда въ полдень Блюхеръ получилъ донесеніе, что французы близко и въ полномъ наступленіи. Макдональду привезли такое-же извѣстіе о силезской арміи, но немного позднѣе, нежели Блюхеру. Мгновенно, на мѣстѣ, обоимъ главнокомандующимъ надобно было измѣнить прежнія распоряженія и приготовиться къ неожиданному бою. Макдональдъ поспѣшно началъ ставить войска между Вейнбергомъ и Тинцомъ и послалъ повелѣніе Сугаму, отряженному на Лигницъ, возвратиться и спѣшить на поле сраженія черезъ Кройчъ. Блюхеръ приказалъ Іорку выстроиться противъ Вейнберга, а Сакену занять высоту при Эйх-

гольцѣ, что было уже исполнено Сакеномъ, до полученія имъ приказанія о томъ. Онъ взвезъ на высоту 12 орудій, разсыпалъ стрѣлковъ въ кустахъ и поставилъ корпусъ въ боевой порядокъ. Адъютанту Блюхера, привезшему повелѣніе овладѣть немедленно высотою, онъ отвѣчалъ: ура! и тотчасъ открылъ огонь батарей. Иностранцы, не щедрые на похвалы русскимъ, называютъ дѣйствіе Сакена мастерскимъ.

Блюхеръ повелъ въ дѣло корпусъ Іорка. Было 3 часа пополудни. Скрытые отъ непріятеля дождемъ пруссаки двинулись внизъ по Нейссе и встрѣтились въ Вальштадской долинѣ съ французскою пѣхотою. Загремѣли батареи; отъ ливня нельзя было стрѣлять изъ ружей; въ разныхъ мѣстахъ завязался бой на штыкахъ и прикладахъ. Блюхеръ впервые подъ Кацбахомъ командовавшій въ общемъ сраженіи, нѣсколько разъ лично водилъ конницу въ аттаку, ободряя войско примѣромъ и словомъ. Макдональдъ держался упорно, и бой былъ нерѣшителенъ, пока русскія войска не дали сраженію другой оборотъ.

Во время кровопролитнаго боя, Сакенъ велѣлъ генералъ-адъютанту Васильчикову аттаковать гусарскою дивизіею конницу, стоявшую на оконечности лѣваго непріятельскаго крыла. 27-я пѣхотная дивизія была назначена идти за кавалеріею. Васильчиковъ предварительно приказалъ казачьему генералъ-маіору Карпову удостовѣриться, заняты-ли французами лежавшія на ихъ лѣвомъ флангѣ селенія? и, узнавъ, что въ нихъ нѣтъ непріятелей, распорядился къ аттакѣ Александрійскому и маріупольскому гусарскимъ полкамъ онъ велѣлъ идти на непріятеля съ фронта, генералъ-маіору Ланскому, съ ахтырскимъ и бѣлорусскимъ, аттаковать съ фланга; Карпову съ 6-ю казачьими полками ударить въ тылъ французовъ. Вдругъ они понеслись на непріятельскую конницу, имѣя позади конную артиллерію и пѣхоту, опрокинули французскую кавалерію и обратили ее въ бѣгство къ Кацбаху. Макдональдъ послалъ на ея подкрѣпленіе двѣ бригады пѣхоты и артиллерію; бригады были увлечены общимъ разстройствомъ и возобновляемыми съ разныхъ сторонъ нападеніями нашей конницы; артиллерія ускакала назадъ, не успѣвши даже сняться съ передковъ; 42 орудія достались побѣдителямъ.

Весь лѣвый непріятельскій флангъ былъ приведенъ въ совершенное разстройство, и Макдональдъ, не видя возможности долѣе держаться, обойденный слѣва и съ тыла, приказалъ всѣмъ войскамъ отступать, прикрываясь пѣхотными каре. Корпусы Іорка и Сакена двинулись впередъ; конница продолжала нападенія. Непріятели совершили отступленіе въ безпорядкѣ, увеличившемся при достиженіи ими береговъ Нейссе и Кацбаха, гдѣ отъ прибылой воды испортились переправы. Множество французовъ, столпившихся на берегахъ было втоптано въ рѣки. Вечерній сумракъ и разлитіе водъ помѣшали дальнѣйшему преслѣдованію. На полѣ сраженія пальба стихла, какъ вдругъ возгорѣлся на правомъ крылѣ сильный огонь. При началѣ своего отступленія, стараясь остановить союзниковъ, Макдональдъ приказалъ двумъ дивизіямъ корпуса Сугама, возвращавшимся изъ Лигница и не поспѣвшимъ къ сраженію, перейти въ бродъ черезъ Кацбахъ у Шмехвица и устремиться въ нашъ правый флангъ, гдѣ былъ корпусъ Сакена. Французы перешли черезъ Кацбахъ и приближались къ назначенному имъ мѣсту, но, не взирая на сумракъ, были замѣчены командовавшимъ 27-ю дивизіею генералъ-маіоромъ

Ставицкимъ. Онъ мгновенно поставилъ дивизію въ ружье и встрѣтилъ французовъ батальнымъ огнемъ и артиллеріею. Непріятели отступили поспѣшно, преслѣдуемые казаками. Отбитыя въ сраженіи при Кацбахѣ сорокъ два орудія и вообще всѣ пушки, въ продолженіе похода взятыя нашими войсками въ Силезіи, Бранденбургіи и Саксоніи, уступлены государемъ прусскому правительству. Интересною чертою, слѣдствіемъ Отечественной войны, было то, что въ походѣ 1813-го года русскіе мало дорожили французскими орудіями и не считали ихъ важными трофеями, привыкнувъ въ 1812-мъ году видѣть ихъ разбросанными по полямъ и дорогамъ. Такъ и въ Кацбахскомъ сраженіи, отбивъ орудія, наша кавалерія неслась далѣе и не наряжала даже къ нимъ карауловъ, предоставляя подбирать ихъ пруссакамъ.

Пока Сакенъ и Іоркъ боролись съ Макдональдомъ, Сугамомъ и Себастіани на правомъ берегу Нейссы, на лѣвой ея сторонѣ происходило отдѣльное сраженіе между графомъ Ланжерономъ и Лористономъ. Утромъ при общемъ наступательномъ движеніи Макдональда и Блюхера, имѣвшемъ слѣдствіемъ кровавую встрѣчу ихъ между Вейнбергомъ и Тинцомъ, Лористонъ былъ отряженъ противъ нашего лѣваго крыла изъ Гольдберга на Яуеръ, когда графъ Ланжеронъ шелъ изъ Яуера въ Гольдбергъ. Достигнувъ высотъ при Геннерсдорфѣ, графъ Ланжеронъ встрѣтилъ Лористона, за часъ передъ сраженіемъ между Макдональдомъ и Блюхеромъ, и выстроился въ боевой порядокъ. На высоты у Геннерсдорфа, прикрытыя рѣчкою Блезою, взвезли батареи; пѣхоту размѣстили по флангамъ; конница стала въ резервѣ. Двѣ французскія батареи, расположенныя по обѣимъ сторонамъ Геннерсдорфа, стрѣляли въ нашу артиллерію изъ тяжелыхъ орудій; у насъ было мало пушекъ большого калибра; ввиду распутицы онѣ не могли поспѣвать за войскомъ. Подъ защитою канонады, французская пѣхота подвигалась на нашъ центръ; другая часть ея обходила наше лѣвое крыло. За дождемъ невозможно было удержать непріятеля ружейнымъ огнемъ, и по неимѣнію батарейныхъ орудій графъ Ланжеронъ велѣлъ отступать; но, отойдя саженъ сто, онъ увидѣлъ, что и французы остановились. Причиною остановки ихъ было полученное отъ Макдональда извѣстіе о нечаянной встрѣчѣ его съ Блюхеромъ. Макдональдъ далъ также знать Лористону, что много французскихъ войскъ находилось еще назади, въ дефиле, почему и приказывалъ ему дѣйствовать осторожно, стараясь не терять связи съ центромъ. Графъ Ланжеронъ двинулся впередъ и занялъ прежнюю позицію. Лористонъ ограничился ничтожною перестрѣлкою, и та часто прекращалась отъ усилившагося дождя. Когда пришло къ графу Ланжерону повелѣніе Блюхера аттаковать, вся линія войскъ его подалась впередъ; егеря бросились черезъ Блезу и вошли въ Геннерсдорфъ, но французовъ не застали здѣсь. Лористонъ поспѣшно отступилъ, узнавъ о пораженіи, нанесенномъ Макдональду. Тѣмъ кончилось Кацбахское сраженіе, данное 14-го августа, въ тотъ день; когда главная армія была отбита отъ Дрездена.

Съ разсвѣтомъ 15-го началось преслѣдованіе. Буря, сопровождаемая дождемъ и вихремъ, свирѣпѣла; дороги испортились до такой степени, что для перехода одной версты употребляли часъ и болѣе. На Боберѣ снесло всѣ мосты, кромѣ моста при Бунцлау, куда и направились непріятели въ безпорядкѣ, бросая ружья, ранцы,

оставляя обозы, патронные и зарядные ящики; утонувшіе и измокшіе французы валялись на каждомъ шагу. Сакенъ перешелъ черезъ Кацбахъ въ Лигницѣ и продолжалъ маршъ на Гайнау; позади его былъ Іоркъ. Графъ Ланжеронъ, преслѣдуя Лористона до Гольдберга, взялъ у него 22 пушки и поворотилъ къ Бунцлау, но былъ принужденъ избрать другое направленіе по слѣдующему особенному случаю.

Идя аттаковать Блюхера, Макдональдъ послалъ дивизію Пюто изъ Шенау на Яуеръ, въ тылъ силезской арміи. На маршѣ Пюто узналъ о потерѣ Кацбахскаго сраженія и воротился къ Гиршбергу, онъ нашелъ тамъ мостъ черезъ Боберъ сорваннымъ, поднялся къ Левенбергу, искалъ другой переправы, но тщетно пытался навести мостъ на бурной разлившейся рѣкѣ. Графъ Ланжеронъ, находившійся съ корпусомъ Рудзевича на маршѣ къ Бунцлау, услышавъ о появленіи французовъ у Левенберга, направился туда и сталъ на перерѣзъ пути непріятеля. Пюто хотѣлъ отступить къ Гиршбергу, но нашелъ дорогу занятою задними войсками графа Лажерона, пѣхотнымъ корпусомъ князя Щербатова и кавалерійскимъ барона Корфа. Видя себя стѣсненнымъ съ фронта и съ фланговъ и не имѣя свободнаго отступленія, Пюто рѣшился обороняться до крайности и размѣстилъ войска на возвышеніяхъ при Левенбергѣ. Рудзевичъ не хотѣлъ аттаковать его, пока не подошелъ съ другой стороны князь Щербатовъ. Съ приближеніемъ его, они оба повели нападеніе. Князь Щербатовъ поставилъ сперва батарею во флангъ французовъ и, выждавъ дѣйствіе артиллеріи, ударилъ въ штыки, въ одно время съ Рудзевичемъ. Смятые со всѣхъ сторонъ французы бросались въ Боберъ; другіе притаились по берегу, въ оврагахъ, подъ деревьями, на деревьяхъ. Невозможность дальнѣйшаго сопротивленія побудила Пюто сдаться, причемъ взято 3,500 человѣкъ и 16-ть пушекъ. Во время дѣла отбиты 28-мъ егерскимъ полкомъ 2 знамени.

Хотя преслѣдованіе Макдональда не могло производиться быстро, по причинѣ испортившихся дорогъ и разлитія водъ, но отступленіе его совершалось въ великомъ разстройствѣ; онъ оставлялъ пушки и обозы, 17-го перешелъ за Боберъ, 18-го за Квейсъ, и не останавливаясь уходилъ къ Бауцену. Силезская армія, сколько позволяли распутица и утомленіе людей, подвигалась за французами, 19-го прибыла на Квейсъ и продолжала преслѣдованіе въ Герлицу, пока противъ не выступилъ Наполеонъ изъ Дрездена. На каждомъ переходѣ Блюхеръ собиралъ новые плоды своей побѣды. Съ 12-го августа, т.-е., со дня сраженія, до 19-го взято было 18,000 плѣнныхъ, 103 пушки, 2 знамени, 250 зарядныхъ ящиковъ, много частнаго и казеннаго обоза. Въ 4-хъ корпусахъ Макдональда считалось подъ ружьемъ передъ Кацбахскимъ сраженіемъ 80,000, а по возвращеніи его въ Саксонію было только 55,000 человѣкъ.

Такъ выполнилъ Блюхеръ назначеніе отступать отъ сильнаго непріятеля и нападать на слабѣйшаго. Виновниками успѣховъ его были преимущественно русскія войска, составлявшія двѣ трети силезской арміи, но иностранцы выставили Кацбахское сраженіе въ такомъ видѣ, что русскіе являлись въ немъ только участниками, а не главными дѣятелями. Никто у насъ до сихъ поръ не обнаружилъ истины, и имя Кацбаха не сіяетъ на памятникахъ нашей народной славы, хотя оно должно составлять достояніе нашихъ военныхъ лѣтописей. Самъ Блюхеръ назвалъ Сакена рѣшителемъ побѣды.

V.

Подвиги главной и сѣверной армій.

Таковыми были дѣйствія, происходившія на всѣхъ частяхъ театра войны въ первыя двѣ недѣли послѣ перемирія, отъ 5-го до 20-го августа. Этотъ періодъ ознаменованъ четырьмя генеральными сраженіями, данными почти въ одно время: главною арміею—14-го и 15-го подъ Дрезденомъ и 18-го подъ Кульмомъ; сѣверною, 11-го, при Гроссъ-Беренѣ; силезскою, 14-го, на берегахъ Кацбаха. Изъ четырехъ сраженій, три выиграны союзниками, Наполеономъ одно, Дрезденское, не доставившее ему никакой пользы, такъ какъ выгодныя послѣдствія, которыя должны были произойти для непріятелей отъ этой битвы, уничтожены были подъ Кульмомъ. Изъ трехъ побѣдъ, одержанныхъ союзниками, въ двухъ, подъ Кульмомъ и Кацбахомъ, главными участниками были русскіе. Взамѣнъ 26-ти орудій, взятыхъ Наполеономъ подъ Дрезденомъ и при отступленіи главной арміи въ Богемію, онъ потерялъ въ двѣ недѣли 221 орудіе и, что было гораздо важнѣе, лишился нравственнаго могущества, той волшебной силы надъ умами, какою обладалъ онъ до тѣхъ поръ въ нѣмецкой землѣ. Нанесенные Наполеону въ августѣ мѣсяцѣ удары не были еще совершеннымъ сокрушеніемъ исполина, но уже низвели его съ престола общественнаго мнѣнія, дотолѣ провозглашавшаго непобѣдимость его. Послѣ этихъ событій Наполеонъ счелъ за самое полезное ударить сперва на Блюхера и остановить его неослабѣвавшее преслѣдованіе Макдональдовой арміи.

Наскучивъ безполезными поисками, Наполеонъ велѣлъ Макдональду стать у Вейсига, въ 10-ти верстахъ отъ Эльбы, а самъ, въ досадѣ отъ тщетныхъ предпріятій, напрасно утомлявшихъ войска, ходившія взадъ и впередъ по разореннымъ мѣстамъ, возвратился въ Дрезденъ. «Отсюда не пойду болѣе навстрѣчу союзниковъ», сказалъ онъ, «стану ждать».

Этимъ заключились трехнедѣльныя покушенія Наполеона противъ главной и силезской армій, начавшіяся послѣ Кульмскаго сраженія и кончившіяся 11-го сентября. Еще менѣе успѣха имѣло въ то время его оружіе противъ сѣверной арміи. 20-го августа, послѣ побѣды подъ Гроссъ-Береномъ, эта армія была у Рабенштейна, а дѣйствовавшіе противъ нея французы при Виттенбергѣ. 22-го августа туда пріѣхалъ Ней, принять начальство вмѣсто Удино, навлекшаго на себя неудовольствіе Наполеона не столько за проигранное при Гроссъ-Беренѣ сраженіе, сколько за то, что онъ отступилъ на Виттенбергъ, а не къ Лукау, отъ чего потерялъ прямое сообщеніе съ главною французскою арміею. Первою цѣлью Нея Наполеонъ поставилъ передвиженіе арміи изъ Виттенберга въ Барутъ, на дорогу изъ Дрездена въ Берлинъ. По прибытіи на этотъ путь Ней долженъ былъ начать наступленіе противъ Берлина, то есть, возобновить дѣйствія, возложенныя послѣ перемирія на Удино и столь неудачно имъ исполненныя. Ней оправдалъ надежды Наполеона еще менѣе Удино.

24-го Ней тронулся изъ-подъ Виттенберга на Цане и Ютербокъ. При Цане онъ встрѣтилъ авангардъ графа Тауэнцина и послѣ упорнаго сопротивленія, стоившаго пруссакамъ 2.500 человѣкъ, отбросилъ его къ Ютербоку, а самъ остановился ночевать на полѣ сраженія.

Поутру 25-го августа графъ Тауэнцинъ построилъ корпусъ впереди Ютербока, правымъ крыломъ по направленію къ Кальтенборну, для сохраненія черезъ это селеніе связи съ Бюловымъ. Въ 8 часовъ показался авангардъ французскаго генерала Бертрана, и завязалось дѣло. По прибытіи всего корпуса Бертрана и съ нимъ Нея графъ Тауэнцинъ былъ аттакованъ на всѣхъ пунктахъ. Мужественно держался онъ до полудня, разстрѣлялъ почти всѣ свои заряды, но не отступалъ, поминутно ожидая Бюлова, который поутру далъ ему знать, что непремѣнно явится на лѣвомъ крылѣ французовъ. Но въ его движеніи произошла медленность, отъ ложнаго донесенія, будто графъ Тауэнцинъ уже разбитъ и отступилъ за Ютербокъ. Когда къ Бюлову пришло это невѣрное извѣстіе, онъ былъ на маршѣ и остановилъ корпусъ недалеко отъ поля сраженія. Вскорѣ удостовѣрившись въ неосновательности извѣстія, онъ направился къ Нидергерсдорфу, въ лѣвое крыло Бертрана. Увидѣвъ его, Ней помышлялъ уже не о продолженіи своего марша къ Баруту, но о средствахъ только отразить Бюлова и послалъ за Ренье, который, опоздавъ выступленіемъ съ ночлега, только что подходилъ къ Рорбеку. Его поставили лѣвѣе Бертрана, между Гельсдорфомъ и Денневицомъ, для удержанія Бюлова. Третій корпусъ Неевой арміи, Удино, былъ еще на маршѣ изъ Цане. Удино не торопился и неохотно выполнялъ распоряженія Нея, оскорбленный тѣмъ, что долженъ былъ сдать ему команду надъ арміею. Съ нашей стороны также не прибыли еще ведомые лично шведскимъ принцемъ изъ Лобессена русскіе и шведы, отъ чего до двухъ часовъ пополудни участвовали въ сраженіи, съ одной стороны—только корпусы графа Тауэнцина и Бюлова, а съ другой—Бертрана и Ренье.

Графъ Тауэнцинъ держался въ прежней позиціи, а Бюловъ начиналъ брать верхъ, благодаря бывшимъ у него двумъ ротамъ русской артиллеріи Дитрихса, особенно батарейной. Пруссаки овладѣли было даже Денневицомъ и Рорбекомъ, но въ 4 часа пришелъ корпусъ Удино, былъ направленъ Неемъ на Гельсдорфъ противъ Бюлова и вытѣснилъ пруссаковъ изъ селеній, только что ими занятыхъ. Бюловъ отрядилъ противъ Удино послѣдній резервъ, но и тотъ не былъ въ состояніи удержать непріятеля. Вскорѣ подоспѣла бригада Борстеля и приступомъ взяла Гельсдорфъ. Удино поставилъ 50-типушечную батарею. Подъ ея убійственнымъ огнемъ свѣжія французскія войска двинулись впередъ. Пруссаки начали отступать, но здѣсь былъ положенъ конецъ успѣхамъ французовъ. Честь принять особенное участіе въ рѣшеніи Денневицкаго сраженія предоставлена была особенно русскимъ—обстоятельство, умалчиваемое иностранцами, но яснѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ сами событія.

Впереди шведскаго наслѣднаго принца, выступившаго изъ Лобессена на помощь Бюлову и графу Тауэнцину, шелъ русскій полковникъ баронъ Паленъ съ полками изюмскимъ гусарскимъ, рижскимъ и финляндскимъ драгунскими. За нимъ слѣдовали три роты конной артиллеріи, Арнольди, князя Яшвиля и Мерлина, которыми, какъ старшій, командовалъ Арнольди; правѣе пять казачьихъ полковъ, отряда Иловайскаго 4, и къ нимъ еще присоединились три бывшихъ при прусскихъ войскахъ донскихъ полка. Приблизившись къ полю сраженія, баронъ Паленъ, безъ приказанія, ударилъ въ лѣвый флангъ французовъ, опрокинулъ стоявшую тамъ конницу и взялъ 10 орудій—первые трофеи въ Денневицѣ, пріобрѣтенные въ то время.

когда пруссаки считали сраженіе уже проиграннымъ. Въ то-же время Иловайскій поручилъ своему дежурному штабъ-офицеру, полковнику Нарышкину, ударить на французовъ. Нарышкинъ распорядился произвести аттаку лавою, восемью полками, обрушился на оконечность лѣваго крыла французовъ и произвелъ среди нихъ неописанное смятеніе, причемъ взялъ нѣсколько орудій. Три наши конныя артиллерійскія роты были на полторы версты далѣе. Ихъ встрѣтилъ адъютантъ Бюлова, съ приказаніемъ остановиться. Арнольди отвѣчалъ, что для русской артиллеріи не мѣсто стоять назади, внѣ выстрѣловъ, и продолжалъ движеніе развернутымъ фронтомъ, потому что шелъ по необозримой равнинѣ. Вскорѣ онъ прибылъ на хребетъ горы, у подошвы которой, какъ въ котлѣ, кипѣло сраженіе; 36 нашихъ орудій мигомъ снялись съ передковъ и открыли огонь. Появленіе ихъ на высотѣ, мѣткіе выстрѣлы, аттаки барона Палена и полковника Нарышкина поколебали французовъ и ободрили пруссаковъ. Бюловъ и графъ Тауэнцинъ, извѣщенные, что за нашею артиллеріею и конницею идетъ наслѣдный принцъ, двинулись впередъ. Все приняло другой видъ. Наступленіе пруссаковъ облегчилось тѣмъ, что французы, увѣренные въ побѣдѣ, не сохраняли уже въ своихъ рядахъ должнаго порядка. Подоспѣли двѣ шведскія батареи. Пріѣхалъ самъ наслѣдный принцъ. За нимъ шли въ недалекомъ разстояніи русскій и шведскій корпусы. Находившаяся впереди нихъ егерская бригада дивизіи Лаптева была послана въ сраженіе. При видѣ егерей, когда они весело и бодро вступали въ дѣло, принцъ сказалъ окружавшимъ его генераламъ и офицерамъ: «Посмотрите, господа, и поучитесь, какъ надобно ходить въ огонь».

Ней отступалъ уже на всѣхъ пунктахъ, живо всюду преслѣдуемый 21 версту, среди огромныхъ облаковъ пыли, затемнявшихъ воздухъ. Французская конница, сначала прикрывавшая отступленіе, была опрокинута на пѣхоту арріергарда, которому русская конная артиллерія и кавалерія не давали ни минуты отдыха. Арріергардъ неоднократно останавливался, но, сбиваемый каждый разъ, принужденъ былъ отходить назадъ. Въ одной изъ такихъ остановокъ замѣтили, что у задней колонны арріергарда было три орудія, не успѣвавшія слѣдовать быстро за пѣхотою. Елисаветградскіе гусары хотѣли овладѣть ими, но были отбиты батальнымъ огнемъ. Канонерамъ шести орудій роты Арнольди было приказано идти въ аттаку, и они захватили 2 пушки. Наслѣдный принцъ, свидѣтель подвига, снялъ шляпу, поклонился канонерамъ и сказалъ: «Много испыталъ я чудесъ на войнѣ, но не видалъ артиллеріи, берущей орудія у пѣхоты, и», прибавилъ онъ, возвыся голосъ, «у пѣхоты французской!» Вообще во весь походъ онъ оказывалъ искреннее уваженіе къ русскимъ войскамъ. Конвой его всегда состоялъ изъ павлоградскихъ гусаръ; на привалахъ онъ обыкновенно останавливался при нашихъ полкахъ, любуясь поспѣшностью и усердіемъ русскихъ солдатъ при построеніи ему биваковъ или приготовленіи для него наметовъ отъ дождя и зноя.

Темнота положила конецъ преслѣдованію и застала французовъ въ совершенномъ разстройствѣ, происшедшемъ отъ пораженія, неослабнаго преслѣдованія и непроницаемыхъ облаковъ пыли, среди которыхъ прервалась связь между корпусами непріятельской арміи. Паническій страхъ, свойственный французамъ при неудачахъ, обуялъ

ее. Корпусъ Ренье побѣжалъ первый и увлекъ своимъ примѣромъ корпусъ Бертрана. Безпорядокъ увеличился, когда нестройныя толпы, провожаемыя ядрами и гранатами, наткнулись на Вагенбургъ, расположенный слишкомъ близко отъ арміи. Все перемѣшалось: невозможно было возстановить и тѣни порядка. Бѣгство корпуса Ренье, то есть, центра, раздѣлило армію на двѣ части. Ней пришелъ на ночь съ корпусомъ Бертрана въ Даме; Удино и Ренье бѣжали въ Швейницъ. На другой день Ней велѣлъ всѣмъ войскамъ отступать на Торгау и тамъ переправиться за Эльбу. Слѣдовательно, пораженіе подъ Денневицомъ лишило его возможности достигнуть предписанной ему Наполеономъ цѣли: стать на дорогѣ, ведущей изъ Дрездена въ Берлинъ. Шведскій принцъ остановился съ арміею недалеко отъ поля сраженія и послалъ въ погоню за французами отряды русскіе, графа Орурка и барона Палена, и прусскіе, Вобессера и Гельвига. На всемъ пути они подбирали плѣнныхъ и брошенныя орудія. Въ виду Торгау Паленъ отрѣзалъ колонну изъ 800 человѣкъ. Въ самомъ сраженіи при Денневицѣ и въ преслѣдованіи до Торгау, куда заперся Ней, взято 80 орудій, 400 зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, 3 знамени, до 10,000 плѣнныхъ и огромный обозъ.

Отбросивъ Нея за Эльбу, наслѣдный принцъ хотѣлъ лишить его возможности перейти обратно на правый берегъ ея и для этого велѣлъ графу Тауэнцину блокировать Торгау, а Бюлову начать формальную осаду Виттенберга. Съ остальными двумя корпусами сѣверной арміи, русскимъ и шведскимъ, онъ занялъ, 31-го августа, пространство вдоль Эльбы, отъ Косвига до Цербста, и велѣлъ готовить двѣ переправы, при Акенѣ и Росслау, но не повелъ по нѣкоторымъ соображеніямъ тотчасъ арміи за Эльбу въ тылъ Наполеона. Вмѣсто того, онъ сталъ утверждаться на Эльбѣ, открылъ осаду Виттенберга, для чего привезли артиллерію изъ Берлина и Шпандау, укрѣпилъ назначенныя для переправы мѣста, Росслау и Акенъ, и перенесъ свою главную квартиру въ Цербстъ, въ ожиданіи извѣстій изъ главной арміи и отъ Блюхера.

Графъ Воронцовъ и Чернышевъ испрашивали разрѣшенія наслѣднаго принца переправиться за Эльбу, на сообщенія французовъ, но принцъ не согласился на ихъ желаніе. До какой степени успѣхи были тамъ легки, доказалъ Чернышевъ, отдѣливъ капитана Фабека, съ 80 казаками, на лѣвый берегъ Эльбы. Донцы переплыли черезъ рѣку въ Акенѣ, въ нѣсколько дней взяли въ плѣнъ полковника, 28 офицеровъ и до 500 рядовыхъ и вступили въ сообщеніе съ отрядомъ Тильмана, посланнымъ изъ главной арміи, которому и сдали своихъ плѣнныхъ. Появленіе казаковъ въ тылу французовъ, особенно приготовленія наслѣднаго принца переправиться—встревожили Нея, стоявшаго въ Торгау, гдѣ онъ занимался преобразованіемъ арміи, въ двѣ недѣли разбитой въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ, подъ Гроссъ-Береномъ и Денневицомъ. Изъ трехъ корпусовъ, ее составлявшихъ, одинъ, маршала Удино, былъ расформированъ и поступилъ на пополненіе корпусовъ Ренье и Бертрана. Съ ними Ней выступилъ 13-го сентября къ Дессау, съ намѣреніемъ воспрепятствовать переправѣ наслѣднаго принца и очистить берега Заалы отъ набѣговъ нашихъ легкихъ войскъ, безпокоившихъ пути его сообщеній. Начало этого движенія было ознаменовано истребленіемъ отряда извѣстнаго партизана Фигнера, стоявшаго близъ Верлица, безъ надлежащихъ воин-

скихъ предосторожностей. Отрядъ былъ аттакованъ врасплохъ, разсѣянъ и втоптанъ въ Эльбу, гдѣ погибъ Фигнеръ, съ большею частью своихъ товарищей. 16-го сентября Ней вытѣснилъ шведовъ изъ Дессау и сталъ тамъ, наблюдая за сѣверною арміею, удерживавшею за собой мостовыя укрѣпленія при Росслау и Акенѣ.

Во все продолженіе описаннаго нами періода войны Даву не выходилъ изъ бездѣйствія, на которое онъ обрекъ себя послѣ пораженія Удино при Гроссъ-Беренѣ, и не трогался съ крѣпкой позиціи при Рацбургѣ. Бывши слабѣе его въ силахъ и имѣя повелѣніе дѣйствовать оборонительно, графъ Вальмоденъ ограничился только наблюденіемъ за непріятелемъ. Нечаянный случай представилъ ему, однако-же, возможность одержать побѣду, и онъ воспользовался имъ искусно. Разъѣзжавшіе по лѣвому берегу Эльбы казаки перехватили курьера. Изъ найденныхъ при немъ бумагъ графъ Вальмоденъ узналъ о выступленіи изъ Гамбурга въ Магдебургъ пѣхотной дивизіи Пеше и вознамѣрился аттаковать ее на маршѣ. Оставивъ противъ Даву шведскую дивизію Фегезака и цѣпь казаковъ, онъ выступилъ 1-го сентября изъ Шверина съ 16,000 человѣкъ въ Делицъ, переправился тамъ черезъ Эльбу и, удостовѣрившись, что Пеше уже пришелъ въ Герде, остановился въ Данненбергѣ, скрытно, въ ожиданіи французовъ. Пеше услышавъ о появленіи союзныхъ войскъ въ Данненбергѣ, не пошелъ далѣе изъ Герде, а послалъ къ Даву за приказаніями. 4-го сентября графъ Вальмоденъ двинулся противъ него и, занимая его съ фронта и фланговъ казаками, а въ лѣсахъ стрѣлками, послалъ 6 батальоновъ россійско-нѣмецкаго легіона и 8 орудій въ правый флангъ и тылъ непріятеля. Выстрѣлы этихъ орудій должны были служить сигналомъ для общей аттаки, возложенной на Тетенборна и Дернберга. Первому назначено аттаковать непріятеля съ фронта, второму съ лѣваго крыла. Они вступили въ дѣло въ 3-мъ часу пополудни, но не развертывали всѣхъ своихъ силъ, и, когда раздались условленные въ тылу французовъ выстрѣлы, они устремились на непріятеля. Французы отбили нѣсколько аттакъ и стрѣляли во всѣ стороны картечью. Наша пѣхота ударила въ штыки: конница кинулась въ рубку. Всѣ непріятельскія орудія, числомъ 8, взяты съ боя, и французы побѣжали, преслѣдуемые также ракетами Конгрева, которыя въ дѣлѣ при Герде были употреблены въ первый разъ въ Германіи. Передвиженіями ракетной роты съ одного мѣста на другое завѣдывалъ состоявшій при графѣ Вальмоденѣ капитанъ Граббе. Разбитый Пеше отступилъ съ 2,000 человѣкъ къ Эльбѣ и, отстрѣливаясь, отходилъ съ одной высоты на другую, но, не имѣя артиллеріи, претерпѣвалъ жестокій уронъ, однако-же, не сдавался, съ наступленіемъ темноты скрылся съ горстью людей проселками къ Люнебургу и оттуда возвратился въ Гамбургъ. Дивизія его, отъ 6 до 7,000 человѣкъ, была совершенно разбита. Въ плѣнъ взяты 1 генералъ, 30 офицеровъ и 1,800 рядовыхъ; вся артиллерія, съ зарядными ящиками, и весь обозъ достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя 30 офицеровъ и 1,000 солдатъ. На другой день графъ Вальмоденъ переправился черезъ Эльбу и возвратился на прежнія мѣста къ Шверину.

VI.

Дѣйствія партизановъ.

Пока происходили эти событія, русскіе партизаны продолжали свои удалые поиски. Замѣтимъ предварительно, что, изъ какихъ разнонародныхъ войскъ ни составлялись отряды, но душою ихъ всегда бывали донцы. Казаковъ посылали вездѣ, гдѣ требовалась быстрота, отвага, расторопность. Наслѣдственныя доблести ихъ явились въ самомъ блистательномъ видѣ въ войнѣ 1813-го года, истинной эпохѣ торжества Донского войска, «недремлющаго ока арміи», какъ оно названо въ одномъ изъ манифестовъ императора Александра.

Въ главной арміи первымъ дѣйствіемъ летучихъ отрядовъ былъ маршъ г.-м. князя Кудашева изъ-подъ Дрездена въ Трейенбриценъ. Когда 13-го августа главная армія приблизилась къ Дрездену, императоръ Александръ, желая увѣдомить о томъ шведскаго принца, стоявшаго близъ Берлина, приказалъ князю Кудашеву, съ 2-мя эскадронами гусаръ и 2-мя сотнями казаковъ, идти къ принцу прямѣйшимъ путемъ. Для избѣжанія встрѣчи съ непріятелемъ, князь Кудашевъ шелъ лѣсами и проселками и достигъ невредимо Эльбы между Торгау и Виттенбергомъ. На рѣкѣ не было судовъ. Нашли спрятавшагося въ камышахъ рыбака, и онъ перевезъ на другой берегъ 8 казаковъ; болѣе не помѣщалось въ его лодкѣ. Отчаливъ отъ берега, встрѣтили два небольшихъ судна, взяли ихъ и употребили для переправы. Часть всадниковъ слѣдовала вплавь. Но едва только 180 человѣкъ вступили на противолежащій берегъ, какъ въ окрестныхъ селеніяхъ ударили въ набатъ и показался непріятель. Одна колонна шла къ переправѣ и отрѣзала отряду отступленіе. Князь Кудашевъ приказалъ части войскъ, находившейся на лѣвомъ берегу, возвратиться къ арміи, а съ остальными, уже переправившимися, пошелъ на ближайшаго непріятеля. Французы отступили. Князь Кудашевъ продолжалъ маршъ и черезъ двое сутокъ послѣ отправленія его императоромъ Александромъ явился въ Трейенбриценъ къ наслѣдному принцу. На возвратномъ пути онъ переправился черезъ Эльбу выше Виттенберга и, слѣдуя по теченію Мульды, поперекъ дорогъ, въ тылу французской арміи, прибылъ въ Теплицъ, пройдя безъ потерь почти 550-ти верстное пространство, занятое непріятелемъ.

По возвращеніи арміи изъ-подъ Дрездена въ Богемію, два отряда были посланы въ тылъ Наполеона. Первый поручили австрійскому полковнику графу Менсдорфу: 4 эскадрона австрійцевъ и 2 казачьихъ полка, подъ командою Давыдова. Начальникомъ второго отряда назначили перешедшаго въ нашу службу изъ саксонской генерала Тильмана. Три казачьихъ полка, съ 2 орудіями донской артиллеріи, 4 эскадрона австрійцевъ и 4 пруссаковъ составляли его партію. Какъ уроженецъ Саксоніи, Тильманъ зналъ мѣстности и имѣлъ большія связи съ жителями. Получая отъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія о французахъ, онъ производилъ удачные набѣги около Вейсенфельса и Мерзебурга и взялъ въ плѣнъ болѣе 3,000 непріятелей, вовсе не ожидавшихъ появленія союзныхъ войскъ на дорогахъ отъ Рейна къ Дрездену и Лейпцигу. Бывшіе въ отрядахъ Тильмана и графа Менсдорфа казаки, то партіями, то по-одиночкѣ, рыскали повсюду, на большихъ дорогахъ и проселкахъ, перехватывали курьеровъ и почты и до такой степени затруднили переписку между Парижемъ и главною квартирою Наполеона

что онъ велѣлъ напечатать во французскихъ журналахъ: «Не надобно безпокоиться, если изъ арміи рѣдко приходятъ извѣстія: писать не о чемъ». Для прекращенія набѣговъ Наполеонъ отрядилъ противъ партизановъ ген. Лефевра-Денуэтта, съ большимъ конкымъ отрядомъ и артиллеріею, но въ то самое время, какъ-будто угадавъ намѣренія Наполеона, государь велѣлъ усилить летучія войска 7-ю казачьими полками, въ томъ числѣ атаманскимъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Платова, «дабы», какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, «подать случай симъ полкамъ явиться въ новомъ блескѣ».

Графъ Платовъ выступилъ 14-го сентября изъ Дукса на Сайду и, къ неописанному удивленію нѣмцевъ, черезъ сутки былъ уже въ Пенигѣ. Узнавъ, что Лефевръ-Денуэтъ находился въ Альтенбургѣ, онъ вознамѣрился аттаковать его на слѣдующее утро съ фронта, а Тильману и графу Менсдорфу велѣлъ ударить съ Цейцской дороги. Въ ту же ночь графъ Платовъ пошелъ къ Альтенбургу, пославши партіи къ Фробургу и Борнѣ отрѣзать французамъ отступленіе на Лейпцигъ и Дрезденъ. Лефевръ, получивъ донесеніе о сближеніи союзныхъ войскъ, выстроился впереди Альтенбурга. 16-го сентября, князь Кудашевъ, ведя авангардъ графа Платова, аттаковалъ непріятеля до прибытія нашего главнаго корпуса и былъ опрокинутъ, но, французы, едва замѣтивъ появленіе графа Платова, начали отходить къ Цейцу, куда достигли съ большою потерею; при отступленіи на нихъ неоднократно кидались казаки и успѣвшіе придти на ихъ флангъ Тильманъ и графъ Менсдорфъ. Въ Цейцѣ Лефевръ перешелъ за Эльстеръ, оставивъ въ городѣ, для обезпеченія своей переправы, батальонъ, въ каменной фабрикѣ, которая была взята приступомъ. Онъ поспѣшно ушелъ въ Вейсенфельсъ, потерявъ 5-ть пушекъ, 3 знамени и плѣнными 55-ть офицеровъ и 1,380 рядовыхъ. Такъ, однимъ рѣшительнымъ ударомъ графъ Платовъ разсѣялъ отрядъ, назначенный Наполеономъ для огражденія тыла арміи отъ набѣговъ нашихъ легкихъ войскъ. Государь изъявилъ Платову свое благоволеніе лестнымъ рескриптомъ и приказалъ усилить его еще 2-мя казачьими полками. Графъ Платовъ подвинулся къ Вейсенфельсу, откуда послалъ капитановъ Гейсмара и Берхмана открывать связь съ сѣверною арміею, для доставленія наслѣдному принцу бумагъ отъ государя.

Въ силезской арміи партизанская война не получала большого развитія, потому что Блюхеръи Макдональдъ находились въ безпрестанныхъ движеніяхъ отъ Кацбаха къ Бауцену и обратно.

Но въ сѣверной арміи совершенъ былъ въ то время подвигъ, получившій историческую важность, такъ какъ послѣдствіемъ его было объявленіе о разрушеніи Вестфальскаго королевства. Послѣ Денневицкаго сраженія и прибытія шведскаго принца въ Цербстъ, Чернышевъ испросилъ у него позволенія овладѣть Касселемъ, столицею Іеронима, брата Наполеона. Получивъ согласіе, Чернышевъ переправился черезъ Эльбу у Акена, съ 8-ю эскадронами регулярной конницы, 5-ю казачьими полками и 6-ю орудіями; всего было въ его отрядѣ до 2,300 человѣкъ. Изъ Акена онъ шелъ трудными дорогами на Бернбургъ, Эйслебенъ, Зондерсгаузенъ и Мюльгаузенъ. Подъ пушки впрягали обывательскихъ лошадей; артиллерійскихъ вели заводными, сохраняя ихъ на случай дѣла бодрыми. Успѣхъ зависѣлъ отъ тайны и внезапности. Велѣно было распространять слухи, что отрядъ составляетъ авангардъ сильнаго слѣдующаго позади корпуса и между

прочимъ имѣетъ обязанность заготовлять для него продовольствіе. На маршѣ, въ Росслѣ, Чернышевъ узналъ, что въ Гейлигенштатѣ стоитъ генералъ Бастинеллеръ съ 2,000 пѣхоты и конница, для прикрытія дефиле, ведущихъ въ Кассель. Онъ послалъ партіи тревожить аванпосты Бастинеллера, расположенные у Нордгаузена, стараясь привлечь въ ту сторону вниманіе непріятеля и предупредить его въ Касселѣ. Миновавъ Мюльгаузенъ, Чернышевъ устремился прямо на Кассель; сдѣлалъ переходъ въ 60 верстъ, 16-го сентября въ 5 часовъ утра онъ былъ въ виду столицы и приказалъ начать дѣйствіе. Полковникъ Бедряга, командовавшій отрядомъ, ударилъ на пѣхоту и палъ пронзенный двумя пулями. Ожесточенные смертью любимаго начальника изюмцы и казаки смяли непріятельское каре, схватили 6 орудій, взяли въ плѣнъ до 500 человѣкъ и внеслись въ городъ. Двѣ пушки не отставали отъ аттакующихъ, сбили въ улицахъ вывезенное непріятелемъ орудіе, тутъ-же взятое ими, и достигли моста на Фульдѣ. Здѣсь кончился успѣхъ налета. Мостъ былъ заваленъ; изъ домовъ стрѣлялъ засѣвшій непріятель. Чернышевъ вывелъ войска изъ города, бросилъ въ него нѣсколько гранатъ и послалъ изъ резерва полкъ Сысоева противъ Бастинеллера, быстро подвигавшагося къ Касселю. Вестфальскій король лежалъ въ постели, когда ему дали знать о приближеніи Чернышева; онъ едва успѣлъ одѣться, выѣхалъ для своего спасеніе на Франкфуртскую дорогу, въ сопровожденіи 2-хъ батальоновъ гвардіи и 1,000 человѣкъ конницы, и плакалъ съ досады. Въ самомъ дѣлѣ, переворотъ судьбы его былъ необыкновенный: за годъ передъ тѣмъ, онъ мечталъ о престолѣ Польши, подходилъ уже къ Березинѣ, а теперь изгнанникомъ изъ столицы покидалъ престолъ и сопряженныя съ земнымъ величіемъ очарованія. За туманомъ Бенкендорфъ не вдругъ увидѣлъ бѣгство короля, но успѣлъ отхватить изъ его прикрытія 250 всадниковъ и 10 офицеровъ. Между тѣмъ, въ городѣ происходило неописанное смятеніе. «Всѣ принадлежащіе ко двору», пишетъ очевидецъ, «семейства ихъ и чиновники наполняли улицы, спасались, кто куда могъ, дрались за лошадей у почтоваго дома; временщики увозили съ собою награбленную добычу; другіе прятались въ погреба».

Наступилъ вечеръ. Получая подтверждаемыя донесенія о приближеніи Бастинеллера, Чернышевъ оставилъ часть отряда передъ Касселемъ, а съ другою направился на непріятеля, заходившаго съ тыла. Войска Бастинеллера разбѣжались. Увидѣвъ казаковъ и не слыша болѣе канонады у Касселя, они полагали, что городъ уже занятъ русскими. Въ преслѣдованіи, казаки взяли 2 пушки и захватили въ плѣнъ 20 кирасировъ. Управившись съ непріятелемъ, угрожавшимъ съ тыла, Чернышевъ снова вернулся къ Касселю. Дорогою къ нему перебѣжало нѣсколько сотъ вестфальцевъ, даже изъ сопровождавшихъ короля. Изъ нихъ наскоро сформировали батальонъ, а отбитыя въ теченіе сутокъ пушки привели въ возможность дѣйствовать, такъ что при отрядѣ находилось уже 13 орудій. Въ канонеры назначили рижскихъ драгунъ. Нашлись также артиллеристы въ числѣ плѣнныхъ, радостно предложившихъ служить подъ знаменами Александра.

Усиливъ такимъ образомъ отрядъ, Чернышевъ опять пришелъ къ Касселю, гдѣ, между тѣмъ, гарнизонъ умножился командами и депо, стоявшими въ ближнихъ селеніяхъ. Немедленно была открыта пальба по городу. Она продолжалась 2 часа и произвела пожары;

ядрами разбили Лейпцигскія ворота, причемъ вновь сформированною пѣхотою взято одно орудіе. Чернышевъ послалъ къ начальнику города, французскому генералу Аликсу, требовать сдачи города и артиллеріи, предоставляя гарнизону свободное отступленіе. Аликсъ отвѣчалъ, что сдастъ Кассель по прошествіи сутокъ, если ему дозволено будетъ увезти артиллерію и обѣщано оставить неприкосновенными власть короля и казенную собственность. Чернышевъ отказалъ, грозя приступомъ. Тогда Аликсъ подписалъ предложенную ему нами капитуляцію и тотчасъ отступилъ по дорогѣ къ Марбургу, наблюдаемый казачьимъ полкомъ. Французскія войска остались при немъ; вестфальцы разбѣжались. Наши заняли городъ, гдѣ найдены 22 орудія, что составляло съ 10-ю прежде отбитыми 32, и военная казна; за отдѣленіемъ части на отрядъ, ее представили въ корпусное начальство. Дворца не тронули; изъ него взяли только чернильницу Іеронима, хранящуюся нынѣ въ Эрмитажѣ. Потеря съ нашей стороны простиралась до 70 человѣкъ.

Вступленіе Чернышева въ Кассель было самое торжественное. Народъ оглашалъ воздухъ восклицаніями и славилъ имя Александра, считая прибытіе русскихъ залогомъ своего избавленія отъ ненавистнаго ига французовъ, семь лѣтъ изнурявшихъ край рекрутскими наборами и налогами, пренебрегавшихъ нравы, обычаи, законъ, даже языкъ нѣмцевъ. Восторгъ жителей превзошелъ всякую мѣру, когда Чернышевъ по вступленіи въ Кассель, печатнымъ объявленіемъ провозгласилъ уничтоженіе вестфальскаго королевства. Такой рѣшительный и въ своемъ родѣ единственный поступокъ привелъ въ радостное движеніе не одну Вестфалію, но всѣ области между Везеромъ и Рейномъ; всюду ждали только появленія русскихъ, горя нетерпѣніемъ возстать противъ Наполеона. При отправленіи своего донесенія о взятіи Касселя, Чернышевъ присоединилъ къ нему перехваченное казаками донесеніе Іеронима, извѣщавшаго Наполеона о потерѣ своей столицы. Слѣдовательно, въ главной квартирѣ сѣверной арміи были увѣдомлены объ этомъ происшествіи въ одно время отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ.

Вручивъ управленіе лицамъ надежнымъ и имѣя въ виду воспользоваться общимъ воспламененіемъ жителей и совершеннымъ разстройствомъ, въ какое его набѣгъ привелъ королевство, Чернышевъ хотѣлъ составить изъ вестфальцевъ волонтерскіе легіоны, но въ ружьяхъ оказался недостатокъ. Чернышеву оставалось, сообразно повелѣнію шведскаго принца, какъ можно скорѣе возвратиться къ арміи, что имъ и было исполнено.

ГЛАВА IV.

Спасеніе Европы.

I.

Общее наступленіе союзныхъ армій.

Всѣ эти блестящія дѣла, оканчивавшіяся побѣдами надъ французами вездѣ, гдѣ были русскіе, дали возможность союзникамъ начать наступательное движеніе. До половины сентября каждая изъ союзныхъ армій дѣйствовала отдѣльно: главная отъ Теплица къ Дрез-

дену и обратно; силезская между Кацбахомъ и Бауценомъ; сѣверная между Берлиномъ и Эльбою. Хотя нападенія Наполеона на главную и силезскую арміи кончились для него безъ пользы, а сѣверная одержала рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, находившимся передъ нею, однако-же, Наполеонъ не оставлялъ береговъ Эльбы. Много растерялъ онъ людей, артиллеріи и обозовъ; путь сообщеній его былъ прерываемъ партизанами; въ войскахъ Рейнскаго союза усиливались побѣги до такой степени, что 2 полка вестфальцевъ перешли къ союзникамъ. Саксонія была истощена; армія Наполеона нуждалась въ продовольствіи и падала духомъ отъ частыхъ неудачъ, скучая войною, въ безнадежности которой непріятели съ каждымъ днемъ болѣе убѣждались. Не взирая на стеченіе этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, Наполеонъ, занимая центральное положеніе въ Дрезденѣ, имѣлъ на своей сторонѣ еще много выгодъ. Держа свои войска въ совокупности, онъ былъ сильнѣе каждой изъ трехъ союзныхъ армій порознь и, владѣя крѣпостями на Эльбѣ, могъ произвольно маневрировать по ея обоимъ берегамъ. Въ виду этого союзники задались цѣлью во что-бы то ни стало вытѣснить Наполеона изъ Дрездена и начали военныя къ тому приготовленія.

Во время военныхъ приготовленій, монархи скрѣпили въ Теплицѣ свой союзъ подписанными 28-го августа между Россіею и Австріею договорами. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: 1) возстановить Австрію и Пруссію въ то положеніе, въ какомъ онѣ находились, первая до 1805-го, вторая до 1806-го годовъ; 2) уничтожить Рейнскій союзъ; 3) объявить независимость земель, лежащихъ между Франціею, Австріею и Пруссіею, возстановляемыхъ въ прежнія границы; 4) возвратить Брауншвейгскому дому его владѣнія; 5) заставить Наполеона отказаться отъ областей въ сѣверной Германіи, называвшихся 32-ю военною дивизіею, и отъ владѣній, принадлежавшихъ въ Германіи его родственникамъ; 6) условиться о будущей участи Варшавскаго герцогства; 7) каждой изъ договаривающихся державъ имѣть на войнѣ, по крайней мѣрѣ, 150,000 человѣкъ, не включая въ то число гарнизоновъ въ крѣпостяхъ; не вступать въ переговоры о мирѣ и не принимать отъ Наполеона предложеній отдѣльно, безъ взаимнаго соглашенія. Такимъ образомъ, были положены начала общихъ наступательныхъ дѣйствій, и опредѣлена цѣль войны утвержденіемъ пожертвованій, на которыя хотѣли принудить Наполеона.

На основаніи утвержденныхъ союзными монархами началъ, съ прибытіемъ Беннигсена въ Богемію арміи должны были открыть наступательныя дѣйствія. 14-го сентября, Беннигсенъ пришелъ въ Лейтмерицъ; 15-го смѣнилъ передовые посты главной арміи и расположилъ польскую, въ числѣ 57,000 человѣкъ, близъ Теплица. Въ тотъже день, 15-го, главная армія двинулась изъ Богеміи въ Саксонію, черезъ Коммотау на Себастіенбергъ и Маріенбергъ. Непріятельскія войска были расположены, 15-го сентября, слѣдующимъ образомъ: Наполеонъ былъ съ гвардіею въ Дрезденѣ; Сенъ-Сиръ съ корпусами своими и Мутона между Пирною и Петерсвальде; Викторъ, Понятовскій и Мармонъ, всѣ трое подъ командою Мюрата, между Фрейбергомъ и Митвейде. Сенъ-Сиръ и Мюратъ должны были наблюдать за Богемскою границею и движеніями главной арміи; Макдональдъ, съ корпусами своими, Лористона и Сугама, въ 10-ти верстахъ отъ Дрез-

дена, на правомъ берегу Эльбы противъ Блюхера; Ней, съ корпусами Бертрана и Ренье, въ Дессау, противъ шведскаго корпуса, стоявшаго въ Цербстѣ; Ожеро у Веймара, на маршѣ изъ Вюрцбурга для присоединенія къ Наполеону.

Пространство между Хемницомъ и Цвикау было назначено сборнымъ мѣстомъ главной союзной арміи. Дальнѣйшаго направленія нельзя было ей опредѣлить заранѣе, потому что не знали и знать не могли, куда направится Наполеонъ, узнавъ о прибытіи ея въ Саксонію. Поэтому главная армія подвигалась медленно и осторожно. Тронувшись 15-го сентября изъ Богеміи, ея корпусы пришли 21-го къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Когда совершилось общее наступленіе союзниковъ, Наполеонъ былъ въ Дрезденѣ, гдѣ въ одно время получилъ донесеніе о маршѣ главной арміи на Хемницъ и Цвикау, переправѣ Блюхера и шведскаго принца. Онъ вознамѣрился идти сперва противъ нихъ и отбросить ихъ за Эльбу, прежде чѣмъ подоспѣетъ къ Лейпцигу главная армія.

24-го сентября, когда главная армія стояла еще въ Хемницѣ и Цвикау, сѣверная находилась у Цербста, силезская была у Дюбена, французы выступили изъ Дрездена. Въ слѣдующій день оттуда отправился Наполеонъ. Всю ночь наканунѣ своего отъѣзда онъ провелъ безъ сна, занимаясь дѣлами въ той самой комнатѣ, гдѣ съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ, стоя на высшей степени мірского величія, отдавалъ послѣднія повелѣнія объ исполинскомъ нашествіи на Россію. Наполеону сопутствовали саксонскій король и его семейство. Не доѣзжая 20-ти верстъ до Лейпцига, Наполеонъ поворотилъ, 26-го сентября, изъ Вурцена въ Эйленбургъ, гдѣ встрѣтилъ корпусъ Ренье. Состоявшія изъ французовъ дивизіи привѣтствовали его обычнымъ восклицаніемъ, но саксонцы безмолвствовали. Онъ созвалъ офицеровъ на средину, утѣшалъ ихъ въ претерпѣнныхъ ими пораженіяхъ и увѣрялъ, что поведетъ ихъ лично и не допуститъ отечества ихъ до раздробленія, замышляемаго союзниками, предоставляя, впрочемъ, на волю каждаго, кто пожелаетъ, покинуть французскія знамена. Саксонцы слушали рѣчь безмолвно. Наполеонъ не догадывался, какъ многозначуще было ихъ молчаніе: черезъ десять дней эти союзники перешли на нашу сторону. Нѣкоторые изъ генераловъ его были дальновиднѣе своего повелителя. Такъ, напримѣръ, въ перехваченномъ письмѣ графа Нарбонна къ Мармону находимъ слѣдующія выраженія: «Непріятель надѣется на всякаго рода предательства; мнѣ кажется, онъ правъ. Если-бъ вы знали!..»

На другой день по выступленіи Наполеона изъ Дрездена, императоръ Александръ получилъ извѣстіе объ его отъѣздѣ и донесеніе о послѣдовавшей къ тому времени переправѣ Блюхера. Не было причинъ главной арміи оставаться долѣе въ выжидательномъ положеніи между Хемницомъ и Цвикау. Государь тотчасъ отправился изъ Коммотау въ Хемницъ, куда прибылъ 27-го сентября. Войска были немедленно приведены въ движеніе и отправлены къ Альтенбургу, назначенному сборнымъ мѣстомъ. Уѣзжая изъ Коммотау, государь велѣлъ резервамъ идти оттуда въ Хемницъ, а Беннигсену выступить изъ Теплица къ Дрездену.

Два слѣдующіе дня, 28-го и 29-го сентября, продолжалось движеніе къ Альтенбургу. Мюратъ, между тѣмъ, сосредоточивался впереди Лейпцига; Наполеонъ продолжалъ движеніе изъ Вурцена къ Дюбену.

для нападенія на сѣверную и силезскую арміи порознь или на обѣ вмѣстѣ. 27-го онъ пришелъ изъ Вурцена въ Эйленбургъ, гдѣ соединился съ обоими корпусами Нея, отъ чего число его войскъ возросло до 130,000 человѣкъ. Въ Дюбенѣ Наполеонъ узналъ о предпринятомъ силезскою и сѣверною арміями движеніи и лишился надежды дать сраженіе шведскому принцу и Блюхеру, отбросить ихъ за Эльбу и удалить отъ главной арміи. Впрочемъ, движеніе его къ Дюбену было произведено такъ быстро, что Блюхеръ былъ-бы тамъ настигнутъ, если-бы простоялъ лишній день на мѣстѣ. Сакенъ, находившійся на оконечности лѣваго фланга силезской арміи, въ Мокренѣ, едва не былъ отъ нея отрѣзанъ.

Блюхеръ и шведскій принцъ, извѣщенные о движеніи французовъ къ Виттенбергу и Дессау, держались различныхъ мнѣній относительно замысловъ Наполеона. Французы, между тѣмъ, возвращались отъ Эльбы къ Лейпцигу не вслѣдствіе движенія шведскаго принца на Кетенъ, но потому, что Наполеонъ перемѣнилъ свое намѣреніе дѣйствовать на правомъ берегу Эльбы. Перемѣна случилась противъ воли и убѣжденія самого Наполеона. По прибытіи въ Дюбенъ, удостовѣрившись въ невозможности напасть на силезскую и сѣверную арміи, ускользнувшія отъ него движеніемъ къ Заалѣ, онъ хотѣлъ переходить за Эльбу и маневрировать между Магдебургомъ и Дрезденомъ. Вслѣдствіе этого пошли Ней къ Дессау и Ренье къ Виттенбергу. За ними должна была выступить вся армія, однако-же, не получила на то приказанія. Наполеонъ не хотѣлъ переносить театра войны въ сѣверную Германію и давать походу совершенно новый оборотъ, не посовѣтовавшись съ своими маршалами. Призванные на совѣщаніе, всѣ они были противнаго съ нимъ мнѣнія, сомнѣвались въ возможности долѣе удержаться въ Германіи и бороться успѣшно съ союзниками, превосходившими числомъ французскую армію, убѣждая Наполеона не удаляться еще болѣе отъ Франціи, и говорили о необходимости приблизиться къ ея границамъ и стать на лѣвомъ берегу Рейна. Его давнишніе сподвижники, утомленные полуторагодичными пораженіями, неохотно подавались на новыя отважныя предпріятія. Желаніе мира и скораго возвращенія за Рейнъ становились во французской арміи часъ отъ часу болѣе общимъ. Видя такое расположеніе умовъ и ослабленіе духа, Наполеонъ отказался отъ предложенія идти за Эльбу и вознамѣрился сосредоточить свои силы у Лейпцига. Къ этому рѣшенію его побудило также полученное имъ въ Дюбенѣ извѣстіе о мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Ридѣ между Австріею и Баваріею. Наполеонъ принялъ Ридскій договоръ предзнаменованіемъ скораго вступленія въ союзъ съ союзными монархами другихъ владѣтелей южной и западной Германіи, чѣмъ могли быть пресѣчены его сообщенія съ Франціею. Въ помыслахъ идти за Эльбу, совѣщаніяхъ съ маршалами и колебаніи между различными предположеніями, Наполеонъ провелъ въ Дюбенѣ четыре дня и далъ главной арміи время собраться у Альтенбурга и выступить къ Лейпцигу. Единственнымъ послѣдствіемъ пребыванія его въ Дюбенѣ былъ ничтожный приказъ о построеніи пѣхоты не въ три шеренги, какъ прежде, а въ двѣ. Такой-же приказъ былъ отданъ Наполеономъ ровно за годъ передъ тѣмъ въ Кремлѣ. Наконецъ, 2-го октября, Наполеонъ потянулся съ арміею изъ Дюбена въ Лейпцигъ.

Во время четырехдневнаго пребыванія Наполеона въ Дюбенѣ

императоръ Александръ находился въ Альтенбургѣ, ожидая сближенія колоннъ главной арміи и извѣстій о движеніяхъ прочихъ трехъ армій. Съ утра до вечера онъ посвящалъ время военнымъ заботамъ, часто совѣщался съ первенствующими генералами и велъ собственноручно переписку о важныхъ дѣлахъ. По ночамъ сонъ его часто былъ прерываемъ княземъ Волконскимъ, обязаннымъ будить императора каждый разъ, когда пріѣзжали курьеры или были присылаемы донесенія отъ войскъ. Государь ежедневно объѣзжалъ лагери, привѣтствуемый радостными восклицаніями разнонародныхъ полковъ. Онъ занималъ въ Альтенбургѣ замокъ герцога Саксенъ-Готскаго, выстроенный на высокой горѣ, и по вечерамъ обозрѣвалъ изъ оконъ картинные виды бивачныхъ огней и необъятное ихъ зарѣво. Погода становилась ненастной; дули холодные вѣтры, перепадалъ дождь. Однажды вечеромъ, когда ливень гасилъ огни, едва мелькавшіе среди бури, и разносилъ солому и хворостъ биваковъ, императоръ, стоя у окна, говорилъ о лишеніяхъ, сопряженныхъ съ военною службою, и сказалъ: «Сколько трудностей, напримѣръ, должна теперь переносить армія! Какъ мнѣ не любить военныхъ, жертвующихъ здоровьемъ и жизнью, и не предпочитать ихъ тѣмъ господамъ, которыхъ вижу Я иногда изъ Зимняго дворца, какъ они, уснувши на мягкой постелѣ, часу въ одиннадцатомъ утра идутъ по бульвару къ своимъ должностямъ? Можно-ли сравнить службу ихъ съ военною?»

На другой день послѣ прибытія государя въ Альтенбургъ, 30-го сентября, главная армія начала собираться и готовиться къ предстоящему сраженію подъ Лейпцигомъ.

Между тѣмъ, графъ Витгенштейнъ имѣлъ частыя стычки, среди которыхъ особенно замѣчательно дѣло подъ Либервольковицомъ. У Гроссы графъ Паленъ, начальникъ кавалеріи въ отрядѣ Витгенштейна, увидѣлъ до 5 тысячъ французской кавалеріи Мюрата, стоявшей въ двухъ линіяхъ; за первою находилась артиллерія. Командиру русской артиллерійской роты Никитину велѣно было открыть огонь. Къ правому флангу батареи стала кавалерія, имѣя спереди сумскихъ гусаровъ. Французская артиллерія выѣхала впередъ и отвѣчала на наши выстрѣлы, а, между тѣмъ, Мюратъ, построивъ колонны, состоявшія изъ старой конницы, приведенной Ожеро изъ Испаніи, двинулъ ихъ впередъ. Графъ Паленъ предупредилъ нападеніе, встрѣтивъ французовъ сумскимъ полкомъ. Нѣсколько аттакъ было произведено съ перемѣннымъ успѣхомъ. Вскорѣ пришелъ Редеръ, съ 4-мя прусскими полками, и завязалось самое упорное кавалерійское дѣло, какого не было съ начала похода. Одна аттака слѣдовала за другою, и каждая была поддерживаема съ обѣихъ сторонъ конною артиллеріею. Между боевыми линіями находились графъ Паленъ и Мюратъ. Они сами водили войска въ сѣчу и распоряжались направленіемъ резервовъ. Неоднократно враждующіе полки, въ полномъ налетѣ одни на другихъ, останавливались въ нѣсколькихъ шагахъ и потомъ бросались въ рубку, опрокинутые обращались къ резервамъ; тѣ, въ свою очередь, выѣзжали въ первую линію, и возобновлялся бой, долгое время нерѣшительный. Превосходство непріятелей въ числѣ и стремленіе ихъ старой конницы, полной воспоминаніями прежнихъ побѣдъ Наполеона, не могли одолѣть графа Палена въ теченіе двухъ часовъ. Наконецъ, на нашемъ правомъ крылѣ показался Кленау; 5 эскадроновъ его,

шедшихъ въ головѣ, аттаковали лѣвое крыло Мюрата, а пѣхота повела нападенія на Либервольковицъ и на короткое время овладѣла этимъ селеніемъ, послѣ чего Мюратъ отвелъ конницу немного назадъ. Графъ Витгенштейнъ также велѣлъ прекратить дѣло. Съ каждой стороны выбыло изъ строя болѣ 1,000 человѣкъ.

Отъ взятыхъ въ этомъ дѣлѣ плѣнныхъ узнали о скоромъ прибытіи Наполеона въ Лейпцигъ. Тогда въ подкрѣпленіе графа Витгенштейна отряжены были гренадерскій корпусъ, Раевскаго, и 2-я кирасирская дивизія. Блюхеру, въ ожиданіи извѣстій о главной арміи стоявшему въ Галле, предписано выступить оттуда черезъ Шкейдицъ на Лейпцигъ и 4-го аттаковать непріятеля, котораго тамъ встрѣтитъ. О томъ-же послано приглашеніе къ шведскому принцу и повелѣніе Беннигсену, который, оставивъ часть своей арміи, 25,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Толстого у Дрездена, съ остальною, 32,000 рускихъ и 8,000 австрійцевъ, выступилъ оттуда къ Лейпцигу.

Отправивъ повелѣніе Беннигсену, рано утромъ 3-го октября государь выѣхалъ изъ Альтенбурга въ Пегау, средоточіе арміи. Въ то-же время и почти въ тотъ самый часъ, когда императоръ Александръ прибылъ въ Пегау, Наполеонъ вступилъ въ Лейпцигъ, куда въ ночь съ 2-го на 3-е начали приходить изъ Дюбена всѣ его корпусы, за исключеніемъ Ренье, бывшаго еще назади. Узнавъ отъ Мюрата о близости главной арміи, Наполеонъ вознамѣрился напасть на нее въ слѣдующій день 4-го октября.

Весь день, 3-е октября, проведенъ былъ въ приготовленіяхъ къ нападенію.

Наконецъ, настала ночь; поднялся сѣверо-западный вѣтеръ и забушевалъ вихрь, смѣшанный съ дождемъ; буря ломала деревья, срывала крыши съ домовъ, гасила бивачные огни. Среди ярыхъ волненій природы получили войска слѣдующій приказъ князя Шварценберга: «Настало важнѣйшее время священной войны; бьетъ рѣшительный часъ: готовьтесь къ бою. Русскіе, пруссаки, австрійцы! вы сражаетесь за одно дѣло: вашу независимость и безсмертіе. Всѣ за одного, каждый за всѣхъ; одушевясь сею высокою мыслью, идите на кровавый бой, и побѣда у васъ неотъемлема».

II.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 4-го октября.

Рано утромъ, 4-го октября, главная армія построилась въ боевой порядокъ.

Императоръ Александръ прибылъ на поле сраженія; во время этого построенія царствовала глубокая тишина, предвѣстница грома, который долженъ былъ въ скоромъ времени разразиться. Шагомъ и въ молчаніи ѣхалъ государь къ первой линіи, какъ вдругъ, въ началѣ 10-го часа, раздался гулъ перваго выстрѣла изъ тяжелаго непріятельскаго орудія. «Французы привѣтствуютъ прибытіе Вашего Величества!» сказалъ графъ Милорадовичъ, находившійся подлѣ государя. Вскорѣ войска двинулись. Клейстъ пошелъ изъ Греберна на Клебергъ, принцъ Евгеній—изъ Госсы на Вахау, князь Горчаковъ—изъ Штермталя, Кленау—изъ Песны, оба на Либервольковицъ. Загремѣли батареи, и нападеніемъ на Вахау русскіе имѣли честь начать битву подъ Лейпцигомъ первые. Принцъ Евгеній и Клейстъ встрѣтили мало

сопротивленія въ Вахау и Клебергѣ. Слабая оборона этихъ селеній французами была слѣдствіемъ распоряженій Наполеона. Онъ приказалъ всѣмъ корпусамъ стать въ нѣкоторомъ разстояніи позади черты, назначенной для нихъ въ боевомъ порядкѣ, и держалъ ихъ за этою чертою, занимая ее только небольшими отдѣленіями войскъ. Готовый направиться всюду, куда потребуетъ надобность, онъ выжидалъ дальнѣйшаго развитія нашей аттаки. По этой причинѣ союзники заняли Клебергъ и Вахау безъ сильнаго кровопролитія и начали оттуда подаваться впередъ. Не прошло получаса, какъ на высотахъ позади Вахау появилось болѣе 100 орудій. О губительномъ дѣйствіи ихъ можно судить по слѣдующему примѣру: изъ 23-хъ орудій, находившихся впереди корпуса принца Евгенія, почти въ одно мгновеніе подбиты были 19. Вслѣдъ затѣмъ двинулись французскія колонны и вытѣснили нашихъ изъ Вахау и Клеберга. Клейстъ пошелъ опять аттаковать Клебергъ, но принцъ Евгеній не возобновлялъ нападеній на Вахау, потому что это селеніе находилось у подошвы горы, вершина которой была унизана французскими пушками, и аттака была невозможна. Князь Горчаковъ выступилъ, между тѣмъ, изъ Штерм-таля, миновалъ Университетскій лѣсъ и встрѣтилъ сильное сопротивленіе передъ селеніемъ Либервольковицомъ, которое онъ долженъ былъ аттаковать въ одно время съ Кленау. Но Кленау былъ остановленъ въ своемъ движеніи французами, стоявшими впереди Либервольковица, и перешелъ изъ наступленія къ оборонѣ. Противъ него показалось много кавалеріи, а потому къ нему отправили на помощь половину конницы графа Палена, сохранявшаго связь между княземъ Горчаковымъ и принцемъ Евгеніемъ и дѣйствовавшаго конною артиллеріею, выжидая случая начать кавалерійскія аттаки. Покушенія австрійцевъ, поставленныхъ между Плейсою и Эльстеромъ, перейти черезъ Плейсу у Конневица, были также безуспѣшны. Мостъ былъ разломанъ, вода въ рѣкѣ поднялась отъ дождей, противный берегъ уставленъ артиллеріею и стрѣлками. При видѣ этихъ препятствій, князь Шварценбергъ велѣлъ принцу Гессенъ-Гамбургскому производить только ложныя нападенія у Конневица, а съ главными силами искать удобнѣйшей переправы выше, противъ Делица и Лесснига. Но и здѣсь австрійцы встрѣтили такія-же затрудненія, какъ при Конневицѣ.

Уже три часа кипѣло сраженіе. Императоръ Александръ находился близъ Госсы; Наполеонъ стоялъ у Мейсдорфа: князь Шварценбергъ былъ у Конневица, все еще убѣжденный, что аттакою изъ этого селенія въ правое крыло французовъ онъ рѣшитъ битву. На всѣхъ пунктахъ, куда съ утра устремились союзныя войска, они нашли сильное сопротивленіе, нигдѣ не выиграли ни шагу. Мы не только не видѣли надежды на успѣхъ, но начинали опасаться за нашъ центръ. Благодаря сильнымъ поставленнымъ противъ Вахау батареямъ, нашъ центръ не могъ сдѣлать никакого наступленія и неподвижно стоялъ подъ жестокимъ огнемъ. Вскорѣ противъ него начали сгущаться колонны между Вахау и Либервольковицомъ. Желая подкрѣпить ослабѣвшія линіи, Барклай де-Толли послалъ за гренадерскимъ корпусомъ. По прибытіи его, 2-я гренадерская дивизія стала впереди Ауенгейма, 1-я у Госсы и правѣе, гдѣ дѣйствовалъ князь Горчаковъ. Государь велѣлъ гвардіи выступить изъ Магдеборна къ полю сраженія и извѣстилъ князя Шварценберга о необходимости

перевести на правый берегъ Плейсы хотя нѣсколько австрійскихъ войскъ, такъ какъ поминутно становилось очевиднѣе, какъ справедливы были наканунѣ убѣжденія императора не располагать значительныхъ силъ между двумя рѣками. Князь Шварценбергъ приказалъ австрійскимъ резервамъ переходить черезъ Плейсу у Дебельна, направляясь къ Греберну и Ауенгейму.

Блюхеръ былъ въ то время на маршѣ изъ Шкейдица и не вступалъ еще въ дѣло. Не слыша выстрѣловъ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Ней, и получивъ отъ него донесеніе, что Блюхера еще не видать, Наполеонъ велѣлъ ему оставить у Мекерна корпусъ Мармона и дивизію Домбровскаго, а съ корпусомъ Сугама идти къ Пробстгейде для усиленія замышляемой Наполеономъ аттаки. Былъ полдень. Хотя въ такой часъ дня, когда борятся двѣ арміи, еще слишкомъ рано начинать рѣшительныя нападенія, но Наполеону всего дороже было время. Ему непремѣнно надобно было отразить главную армію до ея соединенія съ шведскимъ принцемъ, Блюхеромъ и Беннигсеномъ, такъ какъ, не зная навѣрное, гдѣ находились арміи этихъ полководцевъ, Наполеонъ полагалъ, что онѣ могли вскорѣ придти на поле сраженія. Ввиду этого онъ рѣшился прорвать нашъ центръ, слабость котораго, по отдаленіи австрійцевъ за Плейсу, не могла скрыться отъ его опытнаго взора. Старая гвардія и кавалерійскій корпусъ Келлермана посланы были къ Делицу на подкрѣпленіе Ожеро и Понятовскаго. Мортье, съ двумя дивизіями молодой гвардіи, пошелъ на усиленіе Макдональда, назначеннаго для обхода нашего праваго крыла. Противъ центра отрядили Удино, съ двумя дивизіями гвардіи, кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобура, гвардейскую кавалерію и 60 орудій. Удино долженъ былъ направиться на Вахау и оттуда, вмѣстѣ съ стоявшимъ тамъ корпусомъ Виктора, идти напроломъ.

Приступомъ къ нападенію было усиленіе французскихъ батарей противъ нашего центра. Латуръ-Мобуръ спустился потомъ съ высотъ близъ Вахау, прямо на корпусъ принца Евгенія, доведенный дѣйствовавшею по немъ съ утра канонадою до того, что въ иныхъ батальонахъ оставалось только человѣкъ по сто. Они построились въ каре, по малочисленности людей столь тѣсные, что штабъ-офицерамъ и адъютантамъ не было въ нихъ мѣста. Картечи не удержали французскихъ кирасировъ и драгуновъ. Они, такъ сказать, поглотили приливомъ своимъ силы каре, бросились въ промежутки ихъ, схватили двѣ батареи и опрокинули легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію, находившуюся на маршѣ и не успѣвшую еще построиться. Потомъ, направивъ часть войскъ къ Ауенгейму, Латуръ-Мобуръ съ главными силами устремился прямо къ плотинѣ на прудѣ при Госсѣ.

Здѣсь стоялъ императоръ Александръ, подъ ядрами, долетавшими до него рикошетомъ. Спокойно смотрѣлъ онъ на поле битвы, и что представлялось его взорамъ? второй пѣхотный корпусъ и бригада Клюкса были разорваны на двое; половина войскъ ихъ была отброшена влѣво отъ Госсы, другая спѣшила къ этому селенію; русскія батареи одна за другой умолкали и были отвозимы назадъ; 30 нашихъ пушекъ находились уже во власти французовъ. Только, какъ скала среди разъяреннаго моря, стоялъ гренадерскій корпусъ, 2-я дивизія, Чоглокова, въ каре противъ кавалеріи у Ауенгейма, бригада Сулимы, 1-й дивизіи, полки с.-петербургскій и таврическій у Госсы.

Въ это роковое мгновеніе, когда Наполеонъ пролагалъ себѣ путь въ средину нашей боевой линіи, и за конницею шли изъ Вахау пѣхотныя колонны Удино и Виктора на Ауенгеймъ и Госсу, ни одно облако не омрачило лица государя. Онъ не внялъ просьбамъ генераловъ, умолявшихъ его удалиться отъ столь опаснаго мѣста. Находясь на половину пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля, отдѣленнаго отъ него прудомъ, среди бурныхъ явленій губительной сѣчи, онъ занимался распоряженіями къ тому, чтобы опрокинуть французовъ. Всѣ находившіеся близъ государя считали сраженіе проиграннымъ: не отчаивался только самъ императоръ. Этотъ моментъ—блистательнѣйшая минута его военнаго поприща, минута, когда, благодаря его присутствію духа, его свѣтлому уму, его быстрой рѣшимости, ниспровергнуты были соображенія, обѣщавшія Наполеону вѣрную побѣду. Повелѣнія, лично отданныя государемъ, заключались въ слѣдующемъ: графу Орлову-Денисову, какъ можно скорѣе, спѣшить къ Барклаю де-Толли и приказать ему немедленно выдвинуть тяжелую конницу къ разобщенному центру противъ натиска французскихъ кавалерійскихъ массъ; стоявшей вблизи ротѣ артиллеріи податься впередъ, удерживая непріятелей до прибытія тяжелой конницы; лейбъ-казакамъ, бывшимъ въ конвоѣ государя, прикрывать орудія. Наконецъ, обратясь къ начальнику резервной артиллеріи, Сухозанету, императоръ сказалъ ему, указывая рукою на поле: «Видишь, теперь тотъ лучше, кто прежде всѣхъ сюда поспѣетъ: далеко-ли твоя артиллерія?»—«Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты», отвѣчалъ Сухозанетъ, заблаговременно приблизившій артиллерію, видя изъ движеній непріятеля, что она вскорѣ будетъ нужна. Она находилась уже не болѣе, какъ въ полуверстѣ, и шла впереди гвардейскаго корпуса, за которымъ государь послалъ передъ аттакою Латуръ-Мобура, когда замѣтилъ, что Наполеонъ, конечно, не безъ причины, сосредоточиваетъ силы близъ Вахау. Увидя строившіяся на всемъ скаку лошадей конныя роты, находившіяся въ головѣ резервной артиллеріи, государь задумчиво улыбнулся и сказалъ: «Хорошо!» Онъ сѣлъ на лошадь, и вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ отъѣхалъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

Графъ Орловъ-Денисовъ, посланный къ Барклаю де-Толли, возвращаясь отъ него къ императору, встрѣтилъ нашу пѣхоту, отступавшую въ безпорядкѣ. Замѣтивъ сквозь туманъ движеніе лейбъ-казаковъ, онъ поскакалъ къ нимъ, полагая, что произошелъ какой-нибудь чрезвычайный случай, такъ какъ лейбъ-казаки обыкновенно находились безотлучно при особѣ монарха. Отъ нихъ онъ узналъ о данномъ имъ приказаніи прикрывать роту артиллеріи, но, видя невозможность удержаться орудіямъ на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что французы успѣли поставить большую батарею на возвышеніи бывшей нашей боевой линіи, графъ Орловъ-Денисовъ рѣшился стремительною аттакою остановить тучу идущей непріятельской кавалеріи, надѣясь, что легкая гвардейская кавалерійская дивизія, разстроенная напоромъ французовъ, получивъ помощь, соберется и будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ. Оставивъ артиллерію передъ болотистымъ мѣстомъ, онъ перевелъ полкъ въ одинъ конь черезъ узкую гать, переѣхалъ по ней первый, выстроилъ въ боевой порядокъ первый эскадронъ, а за нимъ три остальные, и повелъ полкъ впередъ. Проѣхавъ нѣ-

сколько шаговъ, онъ остановилъ казаковъ, выравнялъ ихъ и ободрилъ краткимъ привѣтствіемъ. Французскія батареи не могли вредить имъ; картечи перелетали черезъ головы казаковъ. Пронесясь далѣе выстрѣловъ батарей, находившихся на лѣвомъ его крылѣ, графъ Орловъ-Денисовъ увидѣлъ, что предположеніе его о легкой гвардейской кавалерійской дивизіи оправдалось. Смѣлое движеніе освободило ее отъ натиска преслѣдовавшихъ въ разсыпномъ строѣ непріятелей; они возвратились къ своимъ колоннамъ, а дивизія примкнула къ флангамъ графа Орлова-Денисова. Тогда онъ ринулся на французскую конницу, лишившуюся своего главнаго начальника, Латуръ-Мобура: въ это мгновеніе ему оторвало ядромъ ногу. Французы, стоявшіе въ огромной эскадронной колоннѣ, были опрокинуты, и, между тѣмъ, когда наши преслѣдовали ихъ, во флангъ ихъ врубились два прусскихъ полка, силезскій кирасирскій и неймаркскій драгунскій, посланные графомъ Паленомъ на усиленіе центра. Бросившись назадъ, французы помѣшали на короткое время дѣйствію своей артиллеріи и движенію пѣхоты, а потомъ начали строиться за пѣхотными колоннами. Наша кавалерія возвратилась. Французская пѣхота продолжала наступленіе, непріятельская артиллерія выстроилась въ одну длинную батарею. Блистательнымъ успѣхомъ дѣла графъ Орловъ-Денисовъ обязанъ насколько быстротѣ соображенія, что всякое промедленіе могло быть здѣсь гибельнымъ, настолько и внезапности нападенія. Государь лично изъявилъ ему свое благоволеніе; австрійскій императоръ въ тотъ-же день пожаловалъ ему орденъ Маріи Терезіи.

112 орудій русской резервной артиллеріи были уже поставлены за ручьемъ, лѣвѣе отъ Госсы, и на разстояніи 350-ти саженъ возгорѣлась ужасная пальба, о которой графъ Милорадовичъ сказалъ, что она громче Бородинской. Полтора часа продолжали ее съ ожесточеніемъ обѣ стороны. Между тѣмъ, подоспѣвали резервы, придвинутые императоромъ. Кирасиры выстроились позади батарей, и, когда пришла гвардія и встала въ колоннахъ за артиллеріею, тяжелую конницу отвели въ 3-ю линію. Полки лейбъ-гвардіи, лейбъ-гренадерскій, павловскій, егерскій и финляндскій, были посланы въ Госсу на подкрѣпленіе гренадерской бригады Сулимы и бригады Пирха. Такимъ образомъ императоръ Александръ возстановилъ сраженіе и лишилъ побѣды Наполеона, столь увѣреннаго въ успѣхѣ, что, видя центръ союзной арміи прорваннымъ, онъ послалъ въ Лейпцигъ поздравить саксонскаго короля съ побѣдою и приказалъ во всѣхъ церквахъ города звонить въ колокола.

Между тѣмъ, продолжался кровавый бой въ Госсѣ и Ауенгеймѣ, аттакованныхъ французскою пѣхотою, вышедшею изъ Вахау вслѣдъ за кавалеріею Латуръ-Мобура. Удино съ гвардіею овладѣлъ передними домами Госсы и вступалъ въ средину селенія, когда туда явились гвардейскіе полки, лейбъ-гренадерскій, павловскій, егерскій и финляндскій. Вмѣстѣ съ петербургскими и таврическими гренадерами и бригадою Пирха они не допустили французовъ овладѣть селеніемъ. Раевскій, съ 2-ю гренадерскою дивизіею, защищалъ противъ Виктора Ауенгеймскую овчарню. На короткое время онъ долженъ былъ уступить ее, но вскорѣ опять ворвался въ нее на штыкахъ, при чемъ раненъ пулею въ плечо. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой былъ посланъ государемъ командовать гренадерами. Неравный бой

не могъ-бы долго продлиться здѣсь въ нашу пользу, если-бы не подоспѣли австрійскіе резервы, пришедшіе съ лѣваго берега Плейсы. Они состояли изъ гренадерскихъ дивизій Вейсенвольфа и Біанки и кирасировъ графа Ностица. Появленіе ихъ уравновѣсило силы. Вейсенвольфъ подкрѣпилъ 2-ю гренадерскую дивизію у Ауенгейма; Біанки смѣнилъ Клейста и Клеберга и утвердился въ этомъ селеніи; графъ Ностицъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ аттакъ на французскую конницу, заходившую въ лѣвый флангъ князя Трубецкого.

Аттаки Наполеона на центръ и отпоръ ихъ происходили отъ перваго до четвертаго часа пополудни и составляли самый кровопролитный періодъ битвы. Всѣ роды оружія истощали свои силы; земля тряслась отъ жестокаго огня артиллеріи. Тѣнь побѣды, польстившая сначала Наполеону, перешла на сторону союзниковъ, когда прибыли резервы. Упорное мужество обороны, появленіе свѣжихъ войскъ на всѣхъ угрожаемыхъ Наполеономъ пунктахъ, перевѣсъ поставленной у Госсы русской резервной артиллеріи надъ французскою заставили Наполеона прекратить нападенія. Его батареи отступили на дальный пушечный выстрѣлъ. 30 нашихъ орудій, взятыхъ непріятелемъ въ кавалерійской аттакѣ, находились во время канонады подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что французы не могли увезти ни одного изъ нихъ. Орудія были убраны нами съ поля, когда непріятель подался назадъ. На правомъ крылѣ, противъ котораго, при общемъ наступленіи французовъ, были посланы Макдональдъ и Лористонъ, непріятель не имѣлъ успѣха: князь Горчаковъ удержался въ Университетскомъ лѣсу, а Кленау близъ Песны.

Тѣмъ кончилось второе дѣйствіе сраженія; пальба еще длилась, но слабѣе прежняго. Зато возгорѣлся бой сѣвернѣе отъ Лейпцига, за Партою, гдѣ Мармонъ былъ аттакованъ Блюхеромъ. Услышавъ происходившую у Мекерна канонаду, Наполеонъ велѣлъ Нею возвратиться на правый берегъ Парты съ корпусомъ Сугама, получившимъ поутру приказаніе идти оттуда къ Пробстгейде. Появленіе силезской арміи съ тылу возродило въ Наполеонѣ мысль возобновить аттаку на главную армію, оттолкнуть ее и на слѣдующій день обрушиться на Блюхера. Въ 6-мъ часу начали опять сгущаться его колонны противъ Клеберга и Госсы. У насъ готовились къ новой оборонѣ, снабдили артиллерію снарядами, въ Госсу и Ауенгеймъ послали подкрѣпленія. Французскія колонны двинулись впередъ, но внезапно получили повелѣніе остановиться, потому что австрійцамъ удалось, наконецъ, овладѣть переправою черезъ Плейсу при Деличѣ и ворваться въ это селеніе. 5 батальоновъ ихъ перешли на правый берегъ Плейсы; головы колоннъ, оглушая воздухъ громкими восклицаніями, выступили уже изъ Делица, ведомыя лично графомъ Марфельдомъ, и весь корпусъ его готовился переходить вслѣдъ за ними. Озабоченный этою аттакою Наполеонъ остановилъ колонны, двинувшіяся на нашъ центръ, и послалъ двѣ дивизіи и старую гвардію отразить Мерфельда. Аттакованные съ разныхъ сторонъ австрійцы были выбиты изъ Делица и съ большою потерею прогнаны за рѣку, при чемъ графъ Марфельдъ взятъ въ плѣнъ. Обезпечивъ свой тылъ, Наполеонъ отложилъ намѣреніе продолжать начатое наступленіе на центръ, потому что день склонялся къ вечеру. Канонада продолжалась до 8-го часа, пока совсѣмъ смерклось. Обѣ арміи провели ночь на тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ стояли поутру; только селеніе Клебергъ было отнято у французовъ. Овладѣніе имъ составляло единственный успѣхъ, пріобрѣтенный главною арміею въ кровопролитномъ, но нерѣшительномъ сраженіи, доставившемъ, однако-же, въ общности дѣйствій всѣхъ союзныхъ армій великую пользу выигрышемъ времени потому что пока главная армія сражалась съ Наполеономъ, къ Лейпцигу подоспѣлъ Блюхеръ и подходили туда шведскій принцъ, Беннигсенъ и Коллоредо.

Кровопролитіе 4-го октября было только началомъ великихъ событій, совершившихся на Лейпцигскихъ поляхъ и предвѣстникомъ несомнѣнной побѣды. Если уже въ этотъ день Наполеонъ не могъ одержать побѣды, то ясно обнаруживалась невозможность устоять ему по прибытіи всѣхъ нашихъ силъ, которыя должны были придти на слѣдующій день. Положеніе Наполеона было весьма затруднительно; онъ удостовѣрился въ томъ еще болѣе, когда увидѣлъ въ диспозиціи, найденной при плѣнномъ графѣ Мерфельдѣ, что для возобновленія нападеній, союзники ожидали прибытія польской и сѣверной армій и корпуса Коллоредо. Наполеонъ призвалъ къ себѣ графа Мерфельда, долго говорилъ съ нимъ о необходимости мира для всѣхъ государствъ и отправилъ его къ союзнымъ монархамъ съ предложеніями. Сущность ихъ состояла въ томъ, что Наполеонъ соглашался уступить Варшавское герцогство, Голландію и Ганзеатическіе города, возстановлялъ независимость Италіи; отказывался отъ Рейнскаго союза и Испаніи и только требовалъ возращенія ему завоеванныхъ англичанами французскихъ колоній. «Пришлите ко мнѣ кого-нибудь для переговоровъ», сказалъ онъ, «а между тѣмъ заключимъ перемиріе и объявимъ Саксонію нейтральною; пусть русскіе и пруссаки отойдутъ за Эльбу, австрійцы расположатся въ Богеміи, а я стану за Заалою».—На возраженіе, что мы надѣемся скоро видѣть его за Рейномъ, онъ отвѣчалъ: «Для этого надобно мнѣ проиграть сраженіе. Это можетъ случиться, но пока еще этого нѣтъ».—Въ заключеніе онъ присовокупилъ: «Надѣюсь, что мои слова, переданныя вами возбудятъ въ обоихъ императорахъ краснорѣчивыя воспоминанія». Мерфельда препроводили на нашу передовую цѣпь. Ночью онъ былъ представленъ государю, но на привезенныя имъ предложенія Наполеона отъ союзныхъ монарховъ не послѣдовало никакого отвѣта.

III.

Покореніе Лейпцига.

5-го октября главная и французская арміи стояли спокойно подъ ружьемъ, въ самомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой, на мѣстахъ, гдѣ наканунѣ ихъ застала ночь. Императоръ Александръ пріѣхалъ къ войскамъ съ разсвѣтомъ и пробылъ весь день на полѣ, подъ дождемъ. Для начатія аттаки ожидали Беннигсена и Коллоредо; они должны были придти въ теченіе утра. Между тѣмъ, надѣялись получить извѣстіе о мѣстѣ пребыванія шведскаго принца и донесеніе отъ Блюхера о происходившемъ у него наканунѣ сраженіи. Канонада при Мекернѣ и Видеричѣ была слышна въ главной арміи, но у насъ еще не знали, въ чемъ заключались ея послѣдствія.

Дурныя дороги затруднили маршъ Коллоредо и Беннигсена. Первый изъ нихъ пришелъ послѣ полудня и сталъ на лѣвомъ крылѣ,

у Клеберга, гдѣ смѣнилъ австрійскихъ гренадеровъ и кирасировъ, отведенныхъ послѣ того во 2-ю линію. Черезъ три часа, на оконечность праваго крыла, по дорогѣ изъ Гриммы, Беннигсенъ привелъ авангардъ польской арміи и донесъ, что остальныя войска его раньше вечера придти не могутъ. Поэтому отложили нападеніе до утра 6-го октября, о чемъ послали увѣдомить наслѣднаго принца и Блюхера. Не сходя съ поля, императоръ Александръ и князь Шварценбергъ занимались приготовленіями къ бою. Видѣвши наканунѣ, что армія была спасена единственно императоромъ, и убѣдясь въ высокихъ его военныхъ соображеніяхъ, князь Шварценбергъ соглашался во всемъ съ мнѣніемъ государя. И самое стеченіе обстоятельствъ побуждало его къ тому, такъ какъ, благодаря скорому прибытію Беннигсена, шведскаго принца и Блюхера увеличивалось число войскъ, зависѣвшихъ отъ непосредственныхъ повелѣній Александра. Совѣщаніе длилось долго. Нужно было распорядиться не одною стоявшею въ виду государя главною арміею, но сообразить дѣйствія ея съ дѣйствіями силезской и сѣверной армій, отъ которыхъ не ранѣе 4-го часа пополудни пришли извѣстія. Наслѣдный принцъ увѣдомлялъ государя, что онъ уже близъ Лейпцига и становится лагеремъ у Брейтенфельда, отрядивъ полковника барона Палена съ русскою конницею занять Тауху и открыть сообщеніе съ главною арміею. Донесеніе Блюхера заключало въ себѣ подробности одержанной имъ 4-го октября побѣды надъ Мармономъ. Такъ всѣ четыре арміи сосредоточивались у Лейпцига, и буквально были приведены въ исполненіе слова операціоннаго плана, принятаго въ Трахенбергѣ: «Быть стану непріятельскому сборнымъ мѣстомъ союзниковъ».

По отправленіи донесенія къ монархамъ, Блюхеръ, не получавшій еще отъ нихъ повелѣнія объ отмѣнѣ аттаки на 5-е число, началъ тѣснить передовую французскую цѣпь, желая узнать, гдѣ и въ какихъ силахъ непріятель? Передовая цѣпь отступила. Слѣдуя за нею, Блюхеръ приблизился къ непріятельскому арріергарду, конница котораго примыкала правымъ крыломъ къ Партѣ, а лѣвымъ—къ пѣхотѣ, и приказалъ генералъ-адъютанту Васильчикову аттаковать ее гусарскою дивизіею. Бригада генералъ-маіора Васильчикова пошла впередъ, имѣя въ резервѣ остальные два полка дивизіи. Подъ огнемъ французской артиллеріи она ударила на непріятельскую конницу, опрокинула ее, прогнала за пѣхоту, наскоро построившуюся въ каре, и, чему мало бывало примѣровъ, въ тылу пѣхотныхъ каре схватила и увезла съ собою 5 орудій. «Эта аттака», говоритъ Блюхеръ въ донесеніи государю, «принадлежитъ къ числу самыхъ отважныхъ». Въ восхищеніи онъ бросился обнимать Васильчикова.

Кромѣ аттаки Васильчикова, 5-го октября не было никакихъ военныхъ дѣйствій. Цѣлый день Наполеонъ не принималъ мѣръ ни къ сраженію, ни къ отступленію, надѣясь получить отвѣтъ на предложенія, посланныя имъ съ графомъ Мерфельдомъ. Ожиданія его были такъ-же тщетны, какъ за годъ передъ тѣмъ, въ Москвѣ. И теперь, какъ тогда, его соперника одушевляло одинаковое, постоянное стремленіе утвердить благо Европы на прочномъ основаніи, сокрушивъ завоевателя. Безполезно прождавши цѣлый день отвѣта и получая, между тѣмъ, донесенія о повсемѣстномъ сближеніи свѣжихъ войскъ къ союзникамъ, Наполеонъ велѣлъ арміи сняться съ позиціи ночью съ 5-го на 6-е и стать ближе къ Лейпцигу, верстахъ въ 7-ми,

откуда былъ намѣренъ начать отступленіе за рѣку Заалу. Пока Наполеонъ принималъ мѣры оборонительныя, союзники готовились обрушиться на него всѣми силами.

Во всѣхъ союзныхъ арміяхъ состояло подъ ружьемъ 310,000 человѣкъ, въ томъ числѣ русскихъ болѣе трети. Въ арміи Наполеона было 171,000 человѣкъ, а всего готово было къ бою съ обѣихъ сторонъ 481,000 человѣкъ.

6-го октября, въ понедѣльникъ, главная и польская арміи выступили съ биваковъ въ 7 часовъ утра. Первые выстрѣлы раздались въ туманѣ. Вскорѣ осеннее солнце взошло на ясномъ небѣ и освѣтило небывалое до того зрѣлище; полмилліона разнородныхъ войскъ, оживляемыхъ личнымъ присутствіемъ монарховъ Россіи, Австріи, Пруссіи и повелителя французской имперіи, вмѣщавшей въ себѣ почти весь Западъ Европы. Войска шли сразиться, съ одной стороны, для поддержанія потрясеннаго въ Россіи могущества представителя гибельныхъ началъ народной власти, съ другой—для довершенія великаго, начатаго императоромъ Александромъ, дѣла, цѣлью котораго было утвердить законные престолы и самостоятельность государствъ.

Главная и польская арміи встрѣтили на своемъ маршѣ французовъ, занимавшихъ селенія впереди позиціи, избранной Наполеономъ. Сопротивленіе здѣсь было непродолжительно. Непріятельскіе генералы имѣли повелѣніе отступать на позицію, когда будутъ атакованы превосходными силами. Они держались сколько могли и умѣли, въ одномъ мѣстѣ болѣе, въ другомъ менѣе, но вездѣ кончалось ихъ отступленіемъ. Часа черезъ четыре, на лѣвомъ крылѣ, принцъ Гессенъ-Гамбургскій овладѣлъ Дезеномъ и Делицомъ и двинулся къ Лесснигу; въ центрѣ Барклай де-Толли занялъ Вахау и Любервольковицъ и, приблизившись къ Пробстгейде, остановился, желая дать время придти на одну съ нимъ высоту Беннигсену, задержанному Макдональдомъ и Ренье при овладѣніи Клейнъ-Песною, Бальсдорфомъ и Гольцгаузеномъ. Оба фланга и центръ одерживали успѣхи, пока имѣли дѣло съ передовыми войсками, но, подступая къ настоящей позиціи Наполеона, они встрѣтили упорнѣйшую оборону. Арміи сѣверная и силезская не являлись еще тогда на полѣ сраженія.

Императоръ Александръ прибылъ къ войскамъ ранѣе выступленія ихъ съ биваковъ. Слѣдуя за колоннами центра, при движеніи ихъ на передовые французскіе отряды, онъ переѣзжалъ съ одной высоты на другую подъ летавшими черезъ него ядрами и остановился на возвышеніи у Мейздорфа, часу въ 11-мъ, когда, по приходѣ Беннигсена на одну высоту съ Барклаемъ де-Толли и въ ежеминутномъ ожиданіи появленія Блюхера и шведскаго принца, началось второе дѣйствіе сраженія, — аттака главной позиціи Наполеона. Графу Витгенштейну было велѣно овладѣть ключемъ ея, селеніемъ Пробстгейде, защищаемымъ корпусами Виктора и Лористона; по бокамъ селенія стояло по 50-ти орудій; позади его находился Наполеонъ съ старою гвардіею. Графъ Витгенштейнъ хотѣлъ взять Пробстгейде приступомъ и построилъ войска въ три линіи: въ 1-й былъ корпусъ Клейста, во 2-й—князя Горчакова, въ резервѣ—принца Евгенія. Пруссаки вошли въ Пробстгейде, но были опрокинуты. Подкрѣпленные кн. Горчаковымъ, они вмѣстѣ съ нимъ возобновили аттаку, проникнули до средины селенія и штурмовали дома, занятые непріятелемъ. Наполеонъ послалъ въ Пробстгейде старую гвардію; вслѣдъ за нею поскакалъ

туда самъ, опередилъ ее, сталъ лично распоряжаться и вытѣснилъ изъ селенія кн. Горчакова и Клейста. Они отступили въ облакахъ дыма ревѣвшей съ обѣихъ сторонъ артиллеріи. На подкрѣпленіе ихъ пошелъ корпусъ принца Евгенія, весьма ослабленный понесенными имъ 4-го октября потерями. Начальникъ 3-й пѣхотной дивизіи, шедшей въ головѣ колонны, кн. Шаховской, перелѣзъ первый черезъ каменную стѣну. Войска послѣдовали его примѣру и вломились въ Пробстгейде; за ними кинулись кн. Горчаковъ и Клейстъ, но всѣ были выбиты и остановились близъ селенія, гдѣ завязался жестокій ружейный огонь. Государь приказалъ отступить изъ-подъ ружейныхъ выстрѣловъ и пріостановить нападеніе на Пробстгейде, выжидая, какія послѣдствія произойдутъ отъ появленія сѣверной арміи, начинавшей выходить изъ Таухи и пока дѣла примутъ выгоднѣйшій видъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ всѣ усилія принца Гессенъ-Гамбургскаго овладѣть Лесснигомъ оставались тщетными. Понятовскій и Ожеро, имѣя въ резервѣ молодую гвардію, опрокидывали аттаки австрійцевъ, даже на короткое время вытѣснили изъ Делица, причемъ принцъ Гессенъ-Гамбургскій былъ раненъ. Графъ Коллоредо заступилъ его мѣсто и ввелъ въ огонь резервы. Озабоченный такимъ оборотомъ сраженія кн. Шварценбергъ приказалъ Гіулаю, отряженному къ Линденау и Вейсенфельсу, возвратиться на правый берегъ Плейсы и подкрѣпить лѣвое крыло арміи. Императоръ Александръ послалъ туда 2-ю гвардейскую и 3-ю кирасирскую дивизіи. Прибытіе этихъ войскъ, оживленныхъ присутствіемъ прусскаго короля, отправившагося на лѣвый флангъ, когда онъ замѣтилъ минутный успѣхъ непріятелей, возстановило равновѣсіе боя, почему Гіулаю, уже бывшему на маршѣ къ Плейсѣ, велѣли идти назадъ и опять дѣйствовать, согласно первоначальному его назначенію на путь непріятельскихъ сообщеній.

Беннигсенъ, преодолѣвъ препятствія, которыя ему ставили Макдональдъ и Ренье въ теченіе утра, отбилъ у нихъ 4 орудія, принудилъ ихъ отступить, перваго къ Штетерицу, второго къ Зеллерсгаузену и потомъ развернулъ колонны въ такомъ стройномъ порядкѣ, какъ на учебномъ мѣстѣ. Государь послалъ благодарить его за успѣхи и напомнить ему, что ровно за годъ, также 6-го октября, онъ разбилъ Мюрата подъ Тарутинымъ. Лѣвое крыло свое Беннигсенъ связалъ съ главною арміею, правое поставилъ у Паунсдорфа, куда скоро должна была придти сѣверная армія, и открылъ батареи по непріятельской позиціи у Штетерица, поддерживая аттаки гр. Витгенштейна на Пробстгейде. Въ оконечности праваго крыла Беннигсена, гр. Платовъ аттаковалъ находившіеся передъ нимъ два виртембергскихъ конныхъ полка; они передались на нашу сторону и изъявили желаніе сражаться противъ французовъ.

Шведскій принцъ и Блюхеръ начали свои дѣйствія позже. Принцъ выступилъ въ 8 часовъ изъ Брейтенфельда къ Таухѣ, намѣреваясь перейти тамъ черезъ Парту и двинуться потомъ къ Лейпцигу. Онъ находился еще на маршѣ, когда сраженіе у Лесонига, Пробстгейде и Штетерица было въ полномъ разгарѣ. Блюхеръ, который долженъ былъ по условію съ принцемъ слѣдовать за его движеніемъ, съ корпусомъ гр. Ланжерона, къ Таухѣ, не пошелъ туда вслѣдъ за сѣверною арміею, но счелъ за лучшее, для выигрыша времени, переправиться съ гр. Ланжерономъ черезъ Парту при селеніи Мокау, не взирая на то, что оно, равно какъ и противоположный бе-

регъ, были заняты французами и батареею ихъ изъ 16-ти орудій, Блюхеръ приказалъ Рудзевичу, начальнику авангарда гр. Ланжерона, овладѣть Мокау и устроить переправу. Рудзевичъ поставилъ батареи; подъ огнемъ ихъ, егерскіе полки, 7-й, 12-й, 22-й и 30-й, перешли Парту въ бродъ, выбили французовъ изъ Мокау, ударили въ штыки и опрокинули непріятеля съ высотъ, куда онъ отступилъ, потерявъ селеніе. Эммануель, съ кавалеріею авангарда, слѣдуя за Рудзевичемъ, послалъ отрядъ влѣво открыть сообщеніе съ гр. Платовымъ, а самъ пошелъ за французами, отступавшими къ Шенфельду. Два конныхъ саксонскихъ полка непріятельскаго арріергарда передались русскимъ. Между тѣмъ, гр. Ланжеронъ навелъ понтонные мосты на Партѣ и переправилъ корпусъ по мостамъ и въ бродъ, по колѣно въ водѣ. Переходя на лѣвый берегъ, головы колоннъ обращались къ Шенфельду, ожидая для начатія аттаки прибытія съ лѣвой своей стороны сѣверной арміи.

Шведскій принцъ все утро провелъ въ движеніи изъ Брейтенфельда къ Партѣ и въ полдень прибылъ въ Тауху, занятую до его прихода посланнымъ туда наканунѣ бар. Паленомъ. Найдя въ Таухѣ французовъ, Паленъ переправился черезъ Парту въ бродъ, отрѣзалъ бывшаго тамъ непріятеля отъ Лейпцигской дороги и послѣ краткаго сопротивленія взялъ въ плѣнъ 800 человѣкъ. Шведскій принцъ, перейдя черезъ Парту къ Таухѣ, занялъ въ 3-мъ часу назначенное по диспозиціи для сѣверной арміи мѣсто, правѣе Паунсдорфа, чѣмъ и замкнулась дуга, описываемая союзными арміями вокругъ непріятельской позиціи. Государь поручилъ цесаревичу Константину Павловичу поздравить наслѣднаго принца съ прибытіемъ на поле сраженія.

Дѣла находились тогда въ слѣдующемъ положеніи: на лѣвомъ крылѣ австрійцы сражались съ перемѣннымъ успѣхомъ у Лесснига, имѣя въ подкрѣпленіи отправленныя къ нимъ государемъ 2-ю гвардейскую и 3-ю кирасирскую дивизіи. Въ центрѣ, противъ Пробстгейде и Штетерица, дѣйствовали многочисленныя батареи. Беннигсенъ, по личному условію съ шведскимъ принцемъ, готовился двинуться противъ Зеллерсгаузена, для чего принцъ назначилъ также корпусъ Бюлова; остальные два корпуса сѣверной арміи, Винцингероде и гр. Штединга, были въ резервѣ. Гр. Ланжеронъ аттаковалъ Шенфельдъ. Сакенъ, имѣя въ резервѣ Іорка, штурмовалъ Гальское предмѣстье и два раза врывался въ него, но неуспѣшно, причемъ былъ жестоко раненъ Невѣровскій, прославившійся геройскимъ отступленіемъ отъ Краснаго. Гулай былъ на обратномъ маршѣ къ Линденау. Такимъ образомъ, за исключеніемъ стороны, прилегающей къ Линденау, вокругъ Лейпцига кипѣла битва въ огромномъ объемѣ и во всѣхъ возможныхъ видахъ; стотысячный резервъ ожидалъ только повелѣнія двинуться и нанесть рѣшительный ударъ. Союзные государи были на холмѣ близъ Мейсдорфа, названномъ впослѣдствіи холмомъ монарховъ (Monarchenhügel). Императоръ австрійскій пріѣхалъ туда въ полдень и черезъ пять часовъ возвратился въ Рету; прусскій король нѣсколько разъ отъѣзжалъ къ сражавшимся войскамъ, но императоръ Александръ весь день провелъ на холмѣ, слѣдя за общимъ ходомъ битвы и получая донесенія отъ шведскаго принца, Беннигсена, Блюхера, Барклая, гр. Витгенштейна и Платова, присылавшихъ адъютантовъ прямо къ его величеству. Въ исполинскомъ сраженіи 6-го октября все сосредоточивалось въ императорѣ Александрѣ. И

русскіе, и пруссаки, и шведы, и переходившія на нашу сторону войска Рейнскаго союза, всѣ обращались къ тому, кто былъ виновникомъ и душою священной войны.

Самый упорный бой происходилъ у Шенфельда, опоры лѣваго крыла непріятелей. Шведскій принцъ приказалъ гр. Ланжерону взять его во что-бы то ни стало. Въ Шенфельдѣ находился корпусъ Мармона, имѣя въ резервѣ корпусъ Сугама; оба они стояли подъ начальствомъ Нея. Селеніе не представляло намъ фронта болѣе ста саженъ и своею каменною стѣною способствовало непріятельской защитѣ. Всѣ строенія были въ немъ каменныя, двухъэтажныя. Къ полю, влѣво, отдѣлялась четыреугольная ограда кладбища; на ней и по всей стѣнѣ селенія сидѣло множество французовъ; они не допускали нашимъ стрѣлкамъ подступить, засыпая ихъ пулями. Первую аттаку повели съ фронта. Подвезли батареи на близкое разстояніе и бросали въ селеніе каленыя ядра, стараясь зажечь строенія; по оградѣ стрѣляли картечами. Дома загорѣлись въ разныхъ мѣстахъ, но невозможно было согнать стрѣлковъ со стѣны. Пришла другая батарея, остановилась на ружейный выстрѣлъ и сдѣлала картечный залпъ. Полки старооскольскій, 29-й, 37-й и 45-й егерскіе ворвались въ селеніе. Мармонъ ввелъ въ дѣло стоявшій въ улицахъ резервъ; съ крикомъ устремились впередъ французы и выбили нашихъ изъ селенія. Дѣйствіе гранатами и ядрами возобновилось. Неудача нападенія съ фронта заставила измѣнить направленіе аттаки и обратить ее на лѣвую сторону Шенфельда. Туда пошли колонны и орудія, осыпаемыя выстрѣлами. Сперва надобно было взять кладбище. Вдоль стѣны его пущены рикошетами ядра; картечью били по кладбищу и выгнали оттуда французовъ. Наши кинулись черезъ кладбище, на штыкахъ вломились въ Шенфельдъ, но опять не надолго. Непріятелямъ необходимо было удержать за собою Шенфельдъ, такъ какъ, потерявъ его, они могли быть обойдены съ лѣваго фланга ихъ. Ней ввелъ въ дѣло корпусъ Сугама. Оглушительный крикъ и градъ пуль возвѣстили объ его прибытіи. Наши, послѣ упорной обороны, должны были уступить селеніе. По сторонамъ Шенфельда Ней поставилъ батареи. Наслѣдный принцъ подкрѣпилъ гр. Ланжерона русскими и шведскими батареями и англійскою ракетною ротою. Открылась сильная канонада; ракетная рота разбита была въ щепы.

Лѣвѣе гр. Ланжерона, во время битвы его при Шенфельдѣ, Беннигсенъ, продолжая стрѣлять по Штетерицкой позиціи, повелъ правое крыло противъ Заллерсгаузена, защищаемаго корпусомъ Ренье, состоявшимъ на половину изъ саксонцевъ. Туда-же шелъ отряженный шведскимъ принцемъ корпусъ Бюлова. Колонны Беннигсена еще не выстроились для аттаки и были на маршѣ, когда въ непріятельской линіи было замѣчено волненіе. Изъ нея выступили нѣсколько батальоновъ, съ орудіями и конницею, прямо навстрѣчу русскимъ. Впереди ѣхали офицеры, махая бѣлыми платками. То были саксонцы: они оставляли ненавистныя для нихъ французскія знамена. Давно искали они случая присоединиться къ намъ, но до Лейпцигскаго сраженія не имѣли возможности перейти на нашу сторону. Утромъ 6-го октября, начальники ихъ условились не отлагать далѣе своего намѣренія и исполнить его въ продолженіе битвы. Въ единомысліи солдатъ были они увѣрены, зная вражду ихъ къ французамъ. Замѣтивъ движеніе Беннигсена къ Зеллерсгаузену, они пошли скорымъ шагомъ на при-

соединеніе къ союзникамъ, въ числѣ 9-ти батальоновъ, съ 30 орудіями, и, прибывъ къ намъ, просили позволенія дѣйствовать противъ непріятеля, что и было разрѣшено для артиллеріи; пѣхоту и конницу отвели на наши линіи. Начальникъ ихъ, ген. Рюссель, явился къ союзнымъ монархамъ и былъ принятъ ими съ особеннымъ благоволеніемъ.

По переходѣ саксонцевъ на нашу сторону, у Ренье осталась только половина его корпуса. Ней отрядилъ къ нему изъ Шенфельда пѣхотную дивизію, а Наполеонъ послалъ на помощь ему кавалерійскій корпусъ Нансути, гвардейскую конницу, артиллерію и старую гвардію, а самъ поскакалъ изъ Пробстгейде въ Зеллерсгаузенъ. По прибытіи туда, онъ нашелъ, что отряженная Неемъ дивизія и корпусъ Нансути вступили уже въ пространство, занятое прежде саксонцами, и гвардейская артиллерія удержала движеніе нашихъ колоннъ. Нансути повелъ на нихъ съ фланговъ аттаки. Онъ былъ отбитъ, послѣ чего Беннигсенъ и Бюловъ подступили къ Зеллерсгаузену. Обезпеченный движеніемъ ихъ на своемъ лѣвомъ крылѣ гр. Ланжеронъ въ третій разъ аттаковалъ Шенфельдъ. Послѣ отчаяннаго двухчасового сопротивленія французовъ, наши овладѣли селеніемъ, потерявъ при повторенныхъ на него аттакахъ до 4,000 человѣкъ. Гр. Ланжеронъ выступилъ далѣе, тѣснилъ Нея до Рейдница и такимъ образомъ увѣнчалъ себя тою славою, что одинъ изъ всѣхъ союзныхъ генераловъ прорвалъ позицію Наполеона. Его успѣхами тылъ французской арміи былъ стѣсненъ и лѣвое крыло ея обойдено. Этотъ рѣшительный подвигъ совершенъ былъ въ шесть часовъ, въ то самое время, когда Беннигсенъ и Бюловъ взяли Зеллерсгаузенъ, а Сакенъ въ третій разъ врывался въ Гальское предмѣстье, но безъ успѣха, съ тою, однако-же, для насъ выгодою, что Наполеонъ, озабоченный упорствомъ нападенія Сакена, который изъ Гальскаго предмѣстья могъ идти прямо къ пути его отступленія, послалъ туда свой послѣдній резервъ.

Все поле было установлено нашими колоннами, готовыми на смѣну и подкрѣпленіе другъ другу. Наставалъ вечеръ, и потому только не усилили гр. Ланжерона и Беннигсена, хотя это тотчасъ склонило-бы побѣду на нашу сторону. За наступавшею темнотою не возобновили также нападеній на фронтъ Наполеоновой позиціи, едва удерживаемой ослабѣвшими французами; ихъ раненые тысячами тянулись съ позиціи въ Лейпцигъ; Лесснигъ, Пробстгейде и Штетерицъ остались во власти Наполеона. Сраженіе поддерживалось только длинною, почти безпрерывною цѣпью батарей. Французскія батареи также были сильны, но изъ центра онѣ не могли отвѣчать истребленіемъ, равнымъ сосредоточеннымъ противъ нихъ выстрѣламъ нашихъ орудій. Дѣйствіе непріятельскаго огня становилось замѣтно рѣже. По недостатку въ снарядахъ Наполеонъ приказалъ беречь ихъ. Ночь пала, пальба стихла; небо рдѣло отъ зарева. Штетерицъ, Делицъ, нѣсколько другихъ селеній и одно предмѣстье Лейпцига были объяты пламенемъ; Шенфельдъ догоралъ. Первенствующіе генералы съѣзжались на холмъ, гдѣ стояли императоръ Александръ и прусскій король; императоръ Францъ уже возвратился въ Рету. По прибытіи генераловъ монархи рѣшили: на слѣдующій день возобновить сраженіе и аттаковать непріятельскую позицію; если утро застанетъ Наполеона отступающимъ, арміямъ идти на приступъ къ Лейпцигу, въ

томъ самомъ боевомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стояли, и во всякомъ случаѣ употребить всѣ усилія къ довершенію пораженія непріятелей. Государь присовокупилъ, что, не сомнѣваясь въ отступленіи Наполеона, находитъ полезнымъ немедленно перевести гвардію и гренадеровъ черезъ Эльстеръ у Пегау, для дѣйствій во флангъ Наполеону, и что потомъ надобно будетъ преслѣдовать его всѣми силами. Иностранный очевидецъ, сочиненіе котораго о войнѣ 1813-го года по безпристрастію его, считается однимъ изъ лучшихъ, пишетъ: «Императоръ Александръ говорилъ такъ ясно, опредѣлительно и съ такимъ знаніемъ стратегическихъ движеній, что возбудилъ общее удивленіе». Главнокомандующіе упросили государя не посылать гвардіи и гренадеровъ, представляя усталость ихъ и особенно недостатокъ продовольствія. Вмѣсто отборныхъ войскъ отрядили къ Пегау корпусъ Гіулая, проведшій весь день въ безполезныхъ маршахъ изъ Чокера къ Плейсѣ и обратно. Тогда-же государь велѣлъ гр. Платову переправиться за Плейсу и Эльстеръ и тревожить Наполеона на отступленіи, а Иловайскому 12-му, оказавшемуся съ отрядомъ недалеко отъ его величества, лично приказалъ выйти на дорогу изъ Лейпцига въ Веймаръ и предупреждать головы непріятельскихъ колоннъ. Отпустивъ генераловъ, императоръ Александръ и король прусскій обнялись, поздравили другъ друга съ побѣдою и въ девятомъ часу отправились съ поля сраженія на ночлегъ. Непріятельская армія уже отступала съ позиціи. Немедленно по прекращеніи нашихъ аттакъ, Наполеонъ приказалъ перевесть за Эльстеръ въ теченіе ночи, какъ можно болѣе войскъ и тяжестей. Впотьмахъ, артиллерія, обозы, разстроенные сраженіемъ полки и толпы раненыхъ сперлись на тѣсныхъ улицахъ Лейпцига, въ предмѣстья котораго долетали ядра и гранаты Сакена и гр. Ланжерона. Распорядившись отступленіемъ, Наполеонъ сѣлъ на скамью подлѣ огня и утомленный уснулъ на четверть часа. Вокругъ него стояли генералы, печальные и безмолвные. Проснувшись, онъ кинулъ на нихъ изумленный взоръ, какъ-будто спрашивая: во снѣ или на яву распадалось исполинское зданіе славы и побѣдъ, основанное имъ на рѣкахъ крови человѣческой? Его пробужденіе было разочарованіемъ вѣры въ его слѣпое счастіе. Соперникъ его былъ исполненъ глубокой вѣры въ Провидѣніе, и событія доказали, который изъ этихъ двухъ источниковъ есть источникъ истинной силы.

Ночью съ 6-го на 7-е октября неоднократно доносили съ передовыхъ цѣпей о замѣчаемомъ въ непріятельской арміи движеніи, но за темнотою ночи нельзя было положительно знать, что происходило у французовъ и какую цѣль имѣли ихъ передвиженія. На зарѣ были получены отъ Блюхера и Гіулая извѣстія объ отступленіи непріятеля къ Люцену. То-же подтвердилъ полковникъ Нейдгардъ, наканунѣ посланный государемъ съ 25-ю лейбъ-казаками на лѣвый берегъ Эльстера, для удостовѣренія: отходитъ-ли непріятель назадъ и куда. Съ разсвѣтомъ исчезло сомнѣніе, и мы увидѣли Наполеона въ полномъ отступленіи. На полѣ сраженія стояли только въ разныхъ мѣстахъ отряды, поставленные имъ для того, чтобы замедлять движеніе союзниковъ къ Лейпцигу. Съ этою цѣлью были также сдѣланы бойницы въ стѣнахъ города и ближнихъ къ заставамъ домахъ, разсыпаны стрѣлки въ садахъ, кустарникахъ, вездѣ, гдѣ мѣстоположеніе позволяло имъ дѣйствовать. Въ самомъ Лейпцигѣ находился арріергардъ

составленный изъ корпусовъ Макдональда и Понятовскаго. Они имѣли приказаніе удерживать городъ до тѣхъ поръ, пока армія и тяжести переправятся черезъ рѣки, текущія въ тылу Лейпцига.

Въ 7 часовъ утра императоръ Александръ прибылъ на поле сраженія изъ Реты, куда его величество, съ 4-го октября, каждый вечеръ отправлялся на ночлегъ. Онъ объѣзжалъ свои и союзныя войска, выстроенныя въ густыхъ колоннахъ по отлогимъ высотамъ, благодарилъ ихъ за оказанное ими мужество и остановился на Тонбергѣ, гдѣ Наполеонъ провелъ наканунѣ весь день. Вскорѣ туманъ началъ рѣдѣть, и войска двинулись съ разныхъ сторонъ къ Лейпцигу; главная армія съ южной стороны города, Беннигсенъ и шведскій принцъ—съ восточной, Блюхеръ—съ сѣверной. Увидѣвъ движеніе нашихъ колоннъ, французскіе передовые отряды отступали, отстрѣливаясь и взрывая много зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ на полѣ безъ лошадей. Дымящіяся развалины Штетерица, Пробстгейды и окружныхъ селеній являли слѣды губительной битвы. Они были превращены въ безобразныя груды камней, среди которыхъ лежали раненые, убитые и обгорѣлые французы. Всѣ окрестности были усѣяны непріятельскими трупами, подбитыми пушками, лафетами, всякаго рода оружіемъ; безпрестанно приводили къ намъ толпы плѣнныхъ.

Черезъ часъ, французы были вогнаны въ предмѣстья и поставили у въѣздовъ батареи, но артиллерія, находившаяся впереди нашихъ колоннъ, не дозволяла батареямъ утвердиться и сбила ихъ. Французскіе стрѣлки продолжали дѣйствіе, засѣвши въ домахъ, садахъ и за заборами. Союзнымъ войскамъ отдано было приказаніе идти на приступъ. Корпусы графа Витгенштейна, осѣнивъ себя знаменіемъ креста, съ музыкою и распущенными знаменами проходили мимо государя. Его величество привѣтствовалъ каждый батальонъ, ободрялъ солдатъ и просилъ, изъ любви къ нему, щадить безоружныхъ жителей Лейпцига. Строжайшія повелѣнія о томъ-же императоръ послалъ ко всѣмъ войскамъ, двинувшимся на приступъ. Просьбы и повелѣнія его были въ точности исполнены. Лейпцигъ остался неприкосновеннымъ. Не видано было примѣра, чтобы городъ, вокругъ котораго нѣсколько дней сряду происходили кровопролитныя битвы, потомъ взятый силою, былъ сохраненъ отъ разоренія. Такое дивное явленіе было слѣдствіемъ настояній императора Александра. При каждомъ случаѣ онъ вселялъ въ свои войска чувства человѣколюбія, и русскіе, спасая во время боя города и села, были убѣждены, что, исполняя святую обязанность христіанства, любовь къ ближнему, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали угодное обожаемому монарху.

При самомъ началѣ приступа не сомнѣвались въ успѣхѣ. Очевидно было, что непріятель не можетъ удержаться въ городѣ, не имѣющемъ никакихъ искусственныхъ укрѣпленій, кромѣ редута у Гальскихъ воротъ. Поэтому въ началѣ приступа императоръ Александръ призвалъ къ себѣ ген.-квартирмейстеровъ союзныхъ армій и и давалъ имъ повелѣнія о дальнѣйшемъ направленіи войскъ для преслѣдованія французовъ изъ Лейпцига. Во время этихъ распоряженій пріѣхали съ просьбою о пощадѣ Лейпцига адъютантъ короля саксонскаго и депутаты отъ городского лейпцигскаго правленія. Императоръ объявилъ депутатамъ свою готовность помиловать городъ съ условіемъ, что французы очистятъ его немедленно. Что касается до просьбы саксонскаго короля, изложенной адъютантомъ его,

государь, призвавъ ген.-м. Толя, далъ ему слѣдующее повелѣніе: «Поѣзжай къ королю и скажи, что послѣ поступковъ его въ Прагѣ я не могу вступать съ нимъ въ переговоры. Теперь дѣло идетъ объ участи богатаго и многолюднаго города, и королю остается одно средство избавить его отъ ужасныхъ послѣдствій приступа, а именно: убѣдить союзниковъ своихъ, французовъ, тотчасъ отступить, на что даю полчаса времени».

Толь отправился въ Лейпцигъ съ адъютантомъ прусскаго короля Нацмеромъ. У заставы ихъ встрѣтилъ маршалъ Ожеро, спрашивая, въ чемъ состояло ихъ порученіе? Толь отвѣчалъ, что онъ присланъ не къ нему, а къ саксонскому королю, и требовалъ офицера для сопровожденія къ его величеству. Ожеро отправилъ съ нимъ своего адъютанта. Жители Лейпцига, увидѣвъ Толя и Нацмера, разными знаками изъявляли свою радость; многіе шли возлѣ нихъ до самаго дома своего монарха. Здѣсь вышедшій къ посланнымъ на встрѣчу саксонскій министръ спросилъ ихъ о цѣли пріѣзда. Ему отвѣчали, что срокъ, назначенный императоромъ Александромъ для предупрежденія несчастія, могущаго постигнуть Лейпцигъ, столь ограниченъ, что во избѣжаніе всякаго промедленія имъ должно немедленно объясниться лично съ королемъ, такъ какъ императоръ опредѣлилъ на рѣшительный его отвѣтъ только полчаса. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ король, спокойный, но блѣдный. Толь передалъ ему предложеніе государя и присовокупилъ, что не угодно-ли его величеству тотчасъ приказать французамъ выступать. Король отвѣчалъ: «Здѣсь начальствуетъ войсками генералъ Бертранъ, комендантъ города; обратитесь къ нему». Во время разговора раздались близкіе ружейные выстрѣлы. Толь подошелъ къ окну и увидѣлъ наступающихъ русскихъ и прусскихъ стрѣлковъ. Не время уже было продолжать переговоры. Онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы на площадь, гдѣ саксонцы, баденцы и виртембергцы, стоявшіе въ колоннахъ, готовились положить оружіе передъ нашими стрѣлками. Указывая колоннамъ на русскихъ егерей, Толь сказалъ имъ: «Они—ваши друзья и сражаются за свободу Германіи. Соединитесь съ ними на пораженіе французовъ, общихъ нашихъ враговъ. Да здравствуютъ императоръ Александръ и союзные монархи!» Нѣмцы повторили восклицаніе и устремились на бѣгущихъ непріятелей.

Около 12 часовъ императоръ Александръ и прусскій король въѣхали въ городъ черезъ Гримскія ворота, вслѣдъ за первыми ворвавшимися туда полками. Войска до такой степени наполнили Лейпцигъ и сперлись въ немъ, что монархи съ трудомъ могли ѣхать по тѣснымъ улицамъ, заваленнымъ трупами, убитыми лошадьми, обозами и брошенными французами пушками. Орудія находились въ такомъ множествѣ, что въ одномъ мѣстѣ стояло ихъ 62. Во всѣ заставы входили колонны, быстро подвигаясь впередъ для преслѣдованія непріятеля. Барабанный бой, сигнальные звуки егерскихъ рожковъ, вопли раненыхъ, ликованіе жителей, восклицанія: ура! сливались съ пушечными и ружейными выстрѣлами, раздававшимися за Ранштетскими воротами, гдѣ битва еще кипѣла. Саксонскій король, увидѣвъ государя, сошелъ къ подъѣзду на улицу и униженно поклонился. Императоръ отвѣчалъ на поклонъ его вѣжливо. но съ холодною важностью, и, не обращая къ королю рѣчи, послѣдовалъ далѣе, какъ вдругъ зажужжали нѣсколько ядеръ и перелетѣли черезъ государя

Онъ послалъ конвойныхъ лейбъ-казаковъ очистить путь къ Раннштетской заставѣ, куда намѣренъ былъ ѣхать, желая видѣть дѣйствія авангардовъ, но, прежде чѣмъ достигъ заставы, получилъ донесеніе о совершенномъ пораженіи французскаго арріергарда.

Непріятель бѣжалъ за городъ по дорогѣ къ Линденау, на которую наши войска выступали изъ Лейпцига и изъ окрестныхъ садовъ. Опережая колонны, стрѣлки нападали со всѣхъ сторонъ на французскій арріергардъ. Не имѣя возможности, по тѣснотѣ мѣстоположенія, выстроиться въ боевой порядокъ, онъ защищался батареями, подъ прикрытіемъ которыхъ Макдональдъ и Понятовскій надѣялись достигнуть своей цѣли: дать время остаткамъ арміи переправиться черезъ рѣки. Положеніе арріергарда, и безъ того опасное по неудобству мѣстности и сильному напору, вдругъ сдѣлалось совершенно отчаяннымъ: бывшій позади его мостъ взлетѣлъ на воздухъ, вмѣстѣ съ трепещущими тѣлами тѣхъ, кто считалъ себя спасеннымъ, достигнувъ его. Причина взрыва была слѣдующая: Наполеонъ приказалъ командовавшему гвардейскою артиллеріею генералу взорвать мостъ, когда пройдутъ всѣ войска. Не легко было исполнить порученіе во время самаго безпорядочнаго отступленія, когда въ своемъ бѣгствѣ французы были перемѣшаны съ преслѣдовавшими ихъ союзными войсками. Артиллерійскій генералъ, заботясь болѣе о спасеніи своихъ орудій, нежели о мостѣ, просилъ какого-то инженернаго полковника принять на себя зажженіе мины, когда наступитъ время. Полковникъ согласился и поѣхалъ отыскивать начальника арріергарда, но въ общей суматохѣ не могъ найти его и возвратился къ мосту, куда устремлялись артиллерія, пѣшія и конныя колонны, преслѣдуемыя пулями егерей корпуса гр. Ланжерона; заранѣе посланные въ обходъ, они пробрались черезъ рукавъ Плейсы и стрѣляли по непріятелю. Инженерный полковникъ былъ увлеченъ бѣжавшими колоннами. При минѣ остался унтеръ-офицеръ. Ошеломленный повсемѣстнымъ безпорядкомъ и слыша свистъ русскихъ пуль, онъ поджегъ мину. Мостъ взлетѣлъ на воздухъ; всякое сообщеніе арріергарда съ другимъ берегомъ и арміею прекратилось, и средства къ отступленію исчезли. Съ быстротою молніи разнесся между французами слухъ объ истребленіи моста. Полки, находившіеся по эту сторону рѣки, не внимая голосу начальниковъ, смѣшались въ безпорядочныя толпы всякаго рода войскъ, бросали оружіе, сдавались въ плѣнъ; другіе разсѣялись по низменнымъ мѣстамъ вдоль рѣки, кидались въ воду, спасались вплавь и тонули. Въ числѣ утонувшихъ находился Понятовскій, за два дня передъ тѣмъ произведенный въ маршалы. Онъ пошелъ ко дну, пораженный двумя пулями въ то время, когда лошадь несла его по водѣ.

Между тѣмъ, на площади Лейпцига стояли монархи, окруженные первенствующими генералами всѣхъ союзныхъ армій, которые, вступивъ въ различныя заставы, съѣхались на площади и поздравляли другъ друга съ побѣдою. Кромѣ двухъ императовъ и прусскаго короля, тутъ находились цесаревичъ Константинъ Павловичъ, шведскій принцъ, Беннигсенъ, князь Шварценбергъ, Барклай де-Толли, гр. Милорадовичъ, гр. Витгенштейнъ, гр. Платовъ и другіе сподвижники въ Лейпцигскомъ сраженіи, безпримѣрномъ по значительности нашихъ силъ и единодушію, воспламенявшему начальниковъ и солдатъ. Минута, когда монархи увидѣли вокругъ себя въ Лейпцигѣ ге-

нераловъ четырехъ союзныхъ армій, была минутою торжества ихъ и вѣнцомъ начатыхъ ими для спасенія Европы трудовъ, такъ какъ соединеніе всѣхъ нашихъ силъ дѣлало уже всякое дальнѣйшее сопротивленіе Наполеона въ этотъ походъ тщетнымъ. Особенно улыбалась судьба императору Александру. Благое Провидѣніе видимо благословляло того, кого за годъ передъ тѣмъ подвергало тяжкимъ испытаніямъ. Между плѣнными, представленными государю на Лейпцигской площади, находился и бывшій французскій посолъ при россійскомъ дворѣ, Лористонъ. Недавно онъ являлся представителемъ побѣдоноснаго тогда Наполеона, а теперь, приведенный казакомъ, стоялъ предъ Александромъ блѣдный, безоружный, въ изодранномъ синемъ сюртукѣ. Императоръ принялъ его весьма милостиво и приказалъ удовлетворять его нуждамъ, даже дѣлать ему всякаго рода угожденія.

Подробности взятія въ плѣнъ Лористона доказываютъ, до какой степени простиралось смятеніе французской арміи. Г.-м. Эммануель въѣхалъ въ Лейпцигъ одинъ изъ первыхъ, имѣя въ конвоѣ 3-хъ офицеровъ и 11 рядовыхъ. Миновавъ цѣпь нашихъ стрѣлковъ, онъ встрѣтилъ 12 непріятельскихъ кирасировъ и взялъ ихъ въ плѣнъ. Потомъ среди бѣгущихъ непріятелей онъ захватилъ генерала и, дойдя до взорваннаго моста, увидѣлъ нѣсколько французовъ, перебиравшихся черезъ рѣку по доскамъ. Эммануель приказалъ имъ возвратиться, угрожая въ противномъ случаѣ смертью; они безпрекословно повиновались; между ними находился Лористонъ. Вдругъ наши замѣтили французскій батальонъ, шедшій къ рѣкѣ, наперерѣзъ пути ихъ. Взявъ съ собою Лористона, Эммануель поѣхалъ къ батальону, изумленному видомъ своего корпуснаго командира, Лористона, подлѣ нашего генерала. По первому требованію батальонъ положилъ ружье. Такимъ образомъ, 2 генерала, 17 офицеровъ и 400 рядовыхъ были взяты однимъ Эммануелемъ.

Окна восьмиэтажныхъ домовъ на площади, гдѣ стояли монархи, были наполнены восхищенными жителями; одни ликовали, другіе плакали отъ радости. Съ трепетомъ смотрѣли они въ то утро на восходившее солнце, страшась, что оно освѣтитъ однѣ развалины родного крова ихъ и ужасы, неразлучные со взятіемъ города приступомъ, а послѣ полудня уже безбоязненно торжествовали свое спасеніе и возрожденіе германскаго отечества. Великолѣпное зрѣлище довершалось стоявшими по улицамъ, въ полномъ вооруженіи, полками Рейнскаго союза, потому что послѣ Лейпцигскаго сраженія почти всѣ войска государей этого союза оставили Наполеона. Привыкнувъ много лѣтъ видѣть ихъ въ непріятельскихъ рядахъ, мы сначала едва вѣрили нашимъ глазамъ, при внезапной перемѣнѣ, приведшей эти войска подъ наши знамена. Посреди разнонародныхъ полковъ кучами бродили французы; нѣкоторые изъ нихъ сохраняли еще оружіе, потому что за недосугомъ не успѣли обезоружить ихъ. Многіе радовались своему плѣну, наскучивъ скитаться по Европѣ съ Наполеономъ, который со времени нашей Отечественной войны не одержалъ почти ни одной побѣды..

Самъ Наполеонъ едва избѣгъ плѣна. Не предполагая, что союзники быстро устремятся на приступъ, онъ переночевалъ въ Лейпцигѣ, не торопился выѣзжать оттуда и спокойно занимался дѣлами. Всѣмъ корпусамъ онъ велѣлъ идти къ Эрфурту. На пути до Рейна,

Эрфуртъ былъ единственный укрѣпленный городъ, занятый французскимъ гарнизономъ, изобильно снабженный запасами и снарядами, а потому онъ и былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ Наполеонъ до переправы черезъ Рейнъ могъ остановиться для удовлетворенія потребностей арміи. Въ числѣ повелѣній, отданныхъ Наполеономъ въ Лейпцигѣ, было одно, написанное цифрами и отправленное съ лазутчиками къ генераламъ, командовавшимъ въ крѣпостяхъ по Эльбѣ; оно уполномочивало ихъ сдаваться на условіяхъ, какія будутъ возможны, только-бы имъ было дозволено союзниками свободное и немедленное возвращеніе гарнизоновъ во Францію. Окончивъ распоряженія, Наполеонъ отправился въ 10-мъ часу къ саксонскому королю, предоставилъ ему обратиться съ предложеніями къ союзнымъ монархамъ и разговаривалъ съ нимъ, когда усилившаяся отовсюду пальба возвѣстила объ упорнѣйшемъ нападеніи на Лейпцигъ. Простившись съ королемъ, Наполеонъ поѣхалъ къ Ранштетскимъ воротамъ, но тамъ была такая давка, что онъ не могъ пробраться за городъ, долженъ былъ воротиться и западною частью бульвара выѣхать на Люценскую дорогу. Прибывъ въ Линденау, онъ вошелъ въ находившуюся по близости мельницу, началъ диктовать приказанія корпуснымъ начальникамъ и заснулъ столь крѣпкимъ сномъ, что не слыхалъ ни шума проходившихъ мимо него войскъ и артиллеріи, ни пушечныхъ выстрѣловъ. Мюратъ и Ожеро вбѣжали въ мельницу, гдѣ онъ спалъ, разбудили его и увѣдомили о взрывѣ моста и потерѣ всего по ту сторону рѣки находившагося арріергарда. Изъ Линденау Наполеонъ отправился въ Маркранштетъ, куда къ вечеру собрались остатки его арміи, изнуренной и упадшей духомъ, такъ какъ послѣ Лейпцигскаго сраженія между нею распространилось убѣжденіе въ невозможности Наполеону одолѣть его противниковъ. Такъ судьба заставила Наполеона отпраздновать день, въ который ровно за годъ передъ тѣмъ, онъ бѣжалъ изъ ограбленной, опустошенной имъ Москвы: 7-го октября 1812-го года онъ долженъ былъ отказаться отъ мечты восторжествовать надъ Россіею, а 7-го октября 1813-го года увидѣлъ себя принужденнымъ отречься отъ владычества надъ Германіею. Съ одной ступени на другую, все ниже и ниже низводилъ императоръ Александръ завоевателя съ неизмѣримой высоты.

Между тѣмъ, союзные монархи расположились въ Лейпцигѣ. Императоръ Александръ занялъ приготовленный для него домъ доктора Геллиха. Все вращалось тогда около нашего монарха, и побѣдители, и побѣжденные устремляли взоры на него одного. Средоточіе военныхъ и политическихъ дѣлъ, занимаемый императоромъ домъ былъ наполненъ до самой ночи генералами и офицерами русскими, австрійскими, шведскими, прусскими, французскими и всѣхъ владѣтелей Рейнскаго союза. Одни приходили за повелѣніями, другіе за наградами, третьи за помилованіемъ. Саксонскій король послалъ адъютанта къ союзнымъ монархамъ, изъявляя желаніе видѣться съ ними. Вмѣсто отвѣта, австрійскій императоръ и прусскій король отправили адъютанта къ государю. Его величество приказалъ сказать королю, что сообщитъ отвѣтъ послѣ. Въ вечеру императоръ велѣлъ Аншстету объявить королю, что признаетъ его плѣннымъ, и потому полагаетъ, что личное ихъ свиданіе не можетъ быть пріятнымъ.

Почти всю ночь императоръ провелъ въ трудахъ и не ложился почивать. Отпустивъ главнокомандующихъ, послѣ утвержденія съ

ними основныхъ началъ для будущихъ движеній и окончивъ нетерпѣвшія отлагательства военныя и дипломатическія дѣла, первымъ священнымъ долгомъ онъ поставилъ извѣстить обожаемую имъ родительницу, императрицу Марію Феодоровну, о дарованной Богомъ побѣдѣ, отправивъ къ ея величеству съ подробнымъ донесеніемъ ген.-адъют. Кутузова. Потомъ государь не хотѣлъ медлить ни часа изъявленіемъ благодарности генераламъ и въ ту-же ночь пожаловалъ многія награды.

Въ четырехдневныхъ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ убиты у французовъ: маршалъ Понятовскій, 4 дивизіонныхъ и 4 бригадныхъ генерала и 20,000 нижнихъ чиновъ; ранены два маршала, Ней и Мармонъ, и значительное число генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Въ плѣнъ взяты: король саксонскій, принцъ Эмилій дармштадтскій, два корпусныхъ начальника, Ренье и Лористонъ, 20 дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ и до 40,000 нижнихъ чиновъ, считая въ томъ числѣ 20,000 больныхъ и раненыхъ, находившихся въ Лейпцигѣ. Трофеи состояли изъ 325 пушекъ, 130,000 ружей, 900 зарядныхъ ящиковъ и множества обоза. У союзниковъ убиты и ранены: 21 генералъ, 1,800 офицеровъ и 45,000 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 22,000 русскихъ, 15,000 пруссаковъ, 8,000 австрійцевъ и 300 шведовъ. Сравнивая потерю, понесенную каждою изъ союзныхъ армій, видно, какое великое участіе принимали наши соотечественники въ сраженіи, справедливо названномъ «битвою народовъ». Войска всѣхъ державъ подвизались здѣсь, какъ на рыцарскомъ турнирѣ, щеголяя другъ передъ другомъ храбростью, но главными дѣятелями были русскіе, и честь побѣды надъ Наполеономъ должна быть приписана императору Александру, такъ какъ всѣ распоряженія во время битвъ подъ Лейпцигомъ исходили исключительно отъ него.

IV.

Отступленіе французовъ къ Рейну.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія оставалось преслѣдовать разбитаго непріятеля, не допуская его собраться съ силами. Но это преслѣдованіе велось очень медленно. Главною причиною этого было отсутствіе отъ арміи императора Александра, двое сутокъ остававшагося въ Лейпцигѣ. Движенія замедлялись всегда, когда по какому-нибудь поводу государь не находился въ средоточіи военныхъ дѣйствій; наоборотъ, съ его прибытіемъ къ войскамъ все оживало новою жизнью. Такъ случилось и послѣ Лейпцигскаго сраженія, когда государь былъ удержанъ въ Лейпцигѣ множествомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ.

Русскія арміи все болѣе и болѣе удалялись отъ предѣловъ Россіи, и потому для укомплектованія и снабженія ихъ аммуниціею и снарядами требовались необыкновенныя заботы. Отданныя по этимъ предметамъ императоромъ Александромъ повелѣнія были многочисленны и разнообразны.

Большое затрудненіе встрѣчалось въ наличныхъ деньгахъ, необходимыхъ для покрытія издержекъ за границею, гдѣ на каждомъ шагу надобно было платить наличными суммами. Государственное казначейство было стѣснено въ своихъ оборотахъ, съ одной стороны

чрезвычайными военными расходами въ теченіе двухъ лѣтъ, съ другой недоимками, послѣдствіемъ непріятельскаго нашествія на Россію. Остановка въ высылкѣ денегъ была такова, что, напримѣръ, въ исходѣ іюля за январьскую треть не было еще доставлено въ армію 9,749,885 рублей. Даже удерживали выдачу жалованья, удовлетворяя расходы, не терпѣвшіе отлагательства, напримѣръ, по настоятельнымъ требованіямъ иностранныхъ державъ объ уплатѣ имъ за продовольствіе войскъ и содержаніе нашихъ госпиталей. Между тѣмъ, какъ русская кровь лилась за освобожденіе союзниковъ отъ ига, мы платили высокія цѣны за каждый кусокъ хлѣба, за каждый пукъ соломы для раненыхъ и больныхъ, а Александръ помогалъ союзникамъ.

Кто не былъ личнымъ свидѣтелемъ трудовъ императора Александра на войнѣ, тотъ едва постигнетъ дивную его дѣятельность. Но при тысячѣ разнообразныхъ занятій ничто не обнаруживало въ немъ обремененія заботами, и никакое облако не омрачало его лица.

Къ дѣламъ военнымъ и внутренняго управленія Россіею, удержавшимъ государя двое сутокъ въ Лейпцигѣ, присоединились дѣла политическія. Послѣ Лейпцигскаго сраженія, какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ рушилось въ Германіи владычество Наполеона. Но, сокрушивъ его, надобно было воздвигать новое зданіе, а до тѣхъ поръ учредить хотя временное управленіе, необходимое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, такъ какъ Германія должна была служить основаніемъ нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій. И потому еще страна эта обращала на себя особенное вниманіе государя, что многіе второстепенные владѣтели ея, думая, что имѣютъ причины не довѣрять нѣкоторымъ державамъ, просили его заступничества. Кромѣ этого, императоръ велъ продолжительныя совѣщанія съ шведскимъ принцемъ, который согласно договору долженъ былъ обратиться противъ Даніи, ради присоединенія къ Швеціи Норвегіи. Государь для этой цѣли предоставилъ принцу въ распоряженіе польскую армію.

Проведя два дня въ Лейпцигѣ, государь отправился 10-го октября въ Іену, гдѣ были союзныя арміи, двинувшіяся затѣмъ въ Веймаръ. Государь намѣревался ѣхать вслѣдъ за ними, но былъ остановленъ въ Іенѣ на нѣсколько часовъ, получивъ отъ Шварценберга донесеніе о томъ, что Сенъ-Сиръ, оставивъ въ Дрезденѣ небольшой гарнизонъ, со всѣмъ корпусомъ потянулся на Торгау. Это извѣстіе повело къ заключенію о намѣреніи Сенъ-Сира соединиться съ французскими гарнизонами на Эльбѣ и съ ними вмѣстѣ пробраться во Францію. Какъ обыкновенно бывало въ важныхъ случаяхъ, такъ и теперь, государь лично распорядился прегражденіемъ пути Сенъ-Сиру и занимался этимъ дѣломъ ночью съ 11-го по 12-е въ Іенѣ. Передъ разсвѣтомъ 12-го октября императоръ Александръ поѣхалъ изъ Іены въ Веймаръ.

Наполеонъ, бывшій уже въ Эрфуртѣ, не выждалъ аттаки и отступилъ отъ него, проведя тамъ двое сутокъ, употребленныя имъ на устройство войскъ и пополненіе парковъ. Онъ составилъ новое росписаніе арміи и уничтожилъ три корпуса, лишившіеся подъ Лейпцигомъ своихъ начальниковъ, Лористона, Ренье и Понятовскаго. Жалкіе остатки этихъ корпусовъ, спасшіеся отъ плѣна и потопленія въ Эльстерѣ и Плейсѣ, были размѣщены въ 6 корпусовъ, находившихся съ Наполеономъ. Затѣмъ Наполеонъ оставлялъ на Эльбѣ и Вислѣ четыре пѣхотные корпусы: Даву въ Гамбургѣ, Сенъ-Сира и Мутона въ Дрез-

денѣ, Раппа въ Данцигѣ. Подъ ихъ начальствомъ и въ гарнизонахъ крѣпостей, занятыхъ французами на Одерѣ и Эльбѣ, было слишкомъ 100,000 человѣкъ. Считая ихъ безвозвратно потерянными для Франціи, Наполеонъ послалъ къ нимъ изъ Эрфурта лазутчиковъ, приказывая употребить всѣ средства къ тому, чтобы соединиться какимъ-нибудь образомъ и идти къ Рейну. Ни одно изъ повелѣній его не дошло до назначенія.

Въ Эрфуртѣ жилъ Наполеонъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ за пять лѣтъ раньше имѣлъ свиданіе съ императоромъ Александромъ. Тогда счастливецъ, не знавшій неудачъ, онъ простиралъ мечты свои даже до предѣловъ Индіи, а теперь думалъ только о своемъ возвращеніи во Францію и сочинялъ бюллетень, подобно знаменитому 29-му бюллетеню, изданному въ Молодечнѣ, который долженъ былъ изгладить въ его подданныхъ горестныя впечатлѣнія, произведенныя безпрерывными его пораженіями. «Изрѣдка», пишетъ одинъ находившійся при немъ тогда офицеръ, «показывался онъ у окна и смотрѣлъ съ негодованіемъ на проходившія войска, жадно бросавшіяся на скудные припасы, отпускаемые имъ изъ магазиновъ. Нельзя было безъ сожалѣнія глядѣть на оборванныхъ и изнуренныхъ солдатъ. Недоставало для всѣхъ одежды и пищи, отъ чего происходили безконечныя ссоры, брань и драка». Но, если-бы въ Эрфуртѣ магазины были и достаточно снабжены, Наполеонъ не могъ оставаться тамъ далѣе. Съ фронта, фланговъ и тыла ему угрожали союзныя арміи, превосходившія его числомъ и особенно духомъ мужества, неразлучнымъ съ войсками въ побѣдномъ походѣ. Еще день промедленія, и для французовъ могли возобновиться подъ Эрфуртомъ явленія гибельнѣе тѣхъ, какія они испытали при Лейпцигѣ: Блюхеръ заходилъ уже въ тылъ ихъ изъ Лангензальца. Поспѣшное отступленіе дѣлалось необходимымъ, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ получилъ тогда извѣстіе о маршѣ австрійско-баварской арміи изъ Аншпаха къ Вюрцбургу, наперерѣзъ его пути во Францію, какъ-будто для повторенія на Майнѣ движенія, произведеннаго въ минувшемъ году дунайскою арміею изъ Бреста къ Березинѣ.

Во время этихъ происшествій на главномъ театрѣ войны, въ сѣверной Германіи, продолжалось прежнее бездѣйствіе. Даву соединенно съ датчанами неподвижно стоялъ въ крѣпкой позиціи на Штекницѣ, а гр. Вальмоденъ, бывши слабѣе числомъ войскъ своего противника, находился въ Бойценбургѣ и долженъ былъ довольствоваться однимъ наблюденіемъ. Дни проходили, союзныя войска скучали, не имѣя случая ознаменовать служеніе свое болѣе дѣятельнымъ образомъ. Въ исходѣ сентября Тетенборнъ испросилъ у гр. Вальмодена позволеніе овладѣть Бременомъ, находящимся въ 150-ти верстахъ отъ Бойценбурга. Съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 800 казаковъ, 800 прусскихъ егерей и съ 4 орудіями, онъ выступилъ 28-го сентября проселочными дорогами черезъ Верденъ. Для сокрытія движенія были разосланы во всѣ стороны казачьи партіи. Пески и проливные дожди не остановили войскъ, и на четвертый день, 1-го октября, они появились передъ Бременомъ. Увидѣвъ казаковъ, французскій комендантъ выслалъ для обозрѣнія команду. Донцы опрокинули ее и ворвались въ городъ вмѣстѣ съ нею, однако-же, не могли удержаться въ немъ и отступили, послѣ чего Тетенборнъ стрѣлялъ изъ пушекъ по

городу, посылалъ казаковъ вплавь черезъ Везеръ гарцовать по всѣмъ окрестностямъ, стращалъ приступомъ и требовалъ сдачи. Комендантъ не соглашался, разставилъ войска на валахъ и мужественно оборонялся, но по прошествіи двухъ сутокъ онъ былъ убитъ. Преемникъ его оказалъ менѣе твердости. Опасаясь, съ одной стороны, приступа, съ другой—волненія жителей, обнаруживавшихъ нетерпѣніе освободиться отъ французскаго ига, онъ вступилъ въ переговоры и 3-го октября сдалъ городъ, для французовъ особенно важный потому, что онъ служилъ точкою соединенія между Гамбургомъ и Франціею. Гарнизону было дозволено свободно отступить, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ войскъ въ продолженіе года. Ключи Бремена, препровожденные къ шведскому принцу, были получены имъ на полѣ Лейпцигскаго сраженія и немедленно представлены отъ него государю, съ увѣдомленіемъ, что по взятіи Бремена возстановлены сообщенія съ Англіею.

Выступая изъ Эрфурта къ Готѣ, 13-го октября, Наполеонъ велѣлъ арріергарду не трогаться и стоять впереди Эрфурта, на позиціи, занятой имъ наканунѣ. Скрывъ такимъ образомъ свое движеніе, Наполеонъ выигралъ маршъ и съ большею частью войскъ своихъ былъ уже въ Готѣ, между тѣмъ какъ у насъ готовились аттаковать его подъ Эрфуртомъ.

14-го октября Наполеонъ продолжалъ ускоренное движеніе изъ Готы къ Эйзенаху. Блюхеръ послѣдовалъ за нимъ. Главная армія поворотила изъ Веймара влѣво на Тюрингенскій лѣсъ, а графъ Витгенштейнъ, оставивъ князя Горчакова для блокады Эрфурта, съ корпусами принца Евгенія Виртембергскаго и Клейста дошелъ до Готы. Здѣсь онъ долженъ былъ остановиться, получивъ приказаніе осаждать Эрфуртъ. На слѣдующій день онъ получилъ другое повелѣніе: отрядить Клейста къ осадѣ Эрфурта, а съ корпусами князя Горчакова и принца Евгенія Виртембергскаго идти на Берку и Альсфельдъ. Блюхеръ продолжалъ преслѣдованіе большою дорогою изъ Готы на Эйзенахъ, гдѣ настигъ французскій арріергардъ и взялъ изъ него въ плѣнъ 2,000 человѣкъ—послѣдній, совершенный имъ въ 1813 году подвигъ. Изъ Эйзенаха онъ пошелъ на Фульду, но не могъ уже догнать непріятелей, шедшихъ самыми усиленными маршами. Наполеонъ въ это время продолжалъ движеніе на Ганау. Таковы были причины, избавившія Наполеона отъ преслѣдованія Блюхера и графа Витгенштейна. Между тѣмъ, обѣ колонны главной арміи, называвшіяся, по своему составу, первая русскою, а вторая австрійскою, слѣдовали Тюрингенскимъ лѣсомъ, по снѣгу и грязи, часто останавливаемыя крутизною утесовъ и проходами, гдѣ иногда двѣ лошади не могли идти рядомъ. Отъ дурныхъ дорогъ замедлился маршъ главной арміи.

Зато партизаны наносили французамъ большой вредъ, ни на часъ не теряя ихъ изъ вида, днемъ производя съ ними перестрѣлку, ночью тревожа ихъ лагери. Графы Платовъ и Орловъ-Денисовъ нападали на французовъ съ фланговъ и забѣгали иногда впередъ ихъ авангардовъ; Чернышевъ, соединившись съ Иловайскимъ 12-мъ у Фаха, былъ между авангардомъ Наполеона и главною его арміею на цѣлый переходъ впереди нихъ. Онъ напиралъ на авангардъ съ тыла и, составляя какъ-будто передовое войско Наполеона, уничтожалъ заготовленные для него запасы, дѣлалъ засѣки, ломалъ мосты. Въ Фульдѣ Чернышевъ выходилъ изъ однихъ воротъ слѣдомъ за не-

пріятельскимъ авангардомъ, когда передовая колонна французской арміи вступала въ другія городскія ворота. Легко вообразить, сколько въ подобныхъ сумотохахъ разгоняли командъ, брали плѣнныхъ, обозовъ, даже пушекъ. Находясь спереди и на флангахъ непріятеля, партизаны не дозволяли ему сворачивать съ большой дороги, съ каждымъ днемъ все болѣе покрывавшейся усталыми и больными французами, павшими лошадьми, оставленными обозами. Отъ безпрестанныхъ нападеній, тревогъ и усиленныхъ маршей составъ французской арміи разстроивался; число ея уменьшалось и отъ ежедневнаго перехода на нашу сторону бывшихъ при ней остатковъ войскъ Рейнскаго союза, такъ что, по прибытіи Наполеона къ Рейну, уже ни одного нѣмца не находилось болѣе подъ его знаменами. Князь Сулковскій, послѣ смерти Понятовскаго принявшій начальство надъ войсками Варшавскаго герцогства, равномѣрно оставилъ въ окрестностяхъ Эйзенаха французскую армію и явился къ государю. Его малолюдный отрядъ не послѣдовалъ его примѣру и остался съ Наполеономъ. Желанія всѣхъ въ непріятельской арміи сосредоточивались въ скорѣйшемъ приходѣ къ Рейну. Здѣсь, надѣялись французы, будетъ положенъ конецъ войнѣ, безполезность и бѣдствія которой до такой степени возбудили негодованіе нѣкоторыхъ изъ главныхъ и самыхъ довѣренныхъ сподручниковъ Наполеона, что они уже замышляли о низложеніи его.

Сильно безпокоя непріятелей, партизаны были, однако-же, не въ состояніи остановить армію Наполеона. Борясь съ голодомъ, усталостью, позднимъ осеннимъ временемъ и отбиваясь отъ казаковъ, французы валили впередъ, не тревожимые нашими арміями, двинувшимися за ними изъ Лейпцига, такъ-какъ всѣ онѣ отстали отъ Наполеона или шли путями, отдалявшими ихъ отъ него. Избавившись отъ преслѣдованія кн. Шварценберга и Блюхера, Наполеонъ долженъ былъ одолѣть послѣднее препятствіе — армію, которую велъ ему навстрѣчу гр. Вреде. Она состояла изъ двухъ корпусовъ: австрійскаго и баварскаго, всего въ составѣ 56,425. Эта армія составилась вслѣдствіе подписаннаго 26-го сентября въ Ригѣ между вѣнскимъ и мюнхенскимъ дворами мирнаго договора, заключавшаго въ себѣ отреченіе баварскаго короля отъ связей, соединявшихъ его съ Наполеономъ, и вступленіе его въ союзъ съ противниками Наполеона.

15-го октября, когда Наполеонъ былъ на маршѣ изъ Эйзенаха къ Фульдѣ, графъ Вреде продолжалъ движеніе къ Ашаффенбургу. На слѣдующій день легкая конница его приблизилась къ Ганау, занятому уже передовыми войсками непріятельскаго авангарда. Въ улицахъ произошла первая встрѣча французовъ съ баварцами, прежними ихъ союзниками. Два раза выгоняли они другъ друга изъ города; къ вечеру онъ остался за баварцами. 17-го октября Вреде прибылъ къ Ганау и сталъ на пути отступленія Наполеона, послѣ чего оставалось держать войска въ совокупности и принять мѣры къ тому, чтобы нанести непріятелю возможный уронъ. Занятіемъ Гельнгаузенскихъ дефиле можно было поставить Наполеону сильную преграду, но Вреде послалъ въ дефиле только авангардъ, а съ арміею расположился у Ганау. Онъ также не собралъ въ одно мѣсто какъ можно больше войскъ и ослабилъ себя, отрядивъ дивизію Рехберга для занятія Франкфурта и пѣшую бригаду съ гусарскимъ полкомъ вправо отъ Гельнгаузена, для нападенія во флангъ французовъ, шедшихъ

столбовою дорогою. Въ виду этихъ командировокъ и оставленія 3-хъ батальоновъ при блокадѣ Вюрцбургской цитадели, у Вреде при Ганау было съ небольшимъ 40,000 человѣкъ. Въ тотъ-же день непріятели аттаковали его авангардъ у Гельнгаузена. Дѣло разгоралось, когда вдругъ позади французовъ показался и понесся въ аттаку шедшій за ними Чернышевъ. Его нападеніе привело непріятелей въ совершенное разстройство. Одни бросали оружіе, другіе хотѣли сопротивляться, но были смяты, причемъ взято въ плѣнъ Чернышевымъ болѣе 2,500 и баварцами слишкомъ 1,500 человѣкъ.

Это авангардное дѣло повело Вреде къ заключенію о близости значительныхъ непріятельскихъ силъ: онъ велѣлъ авангарду отойти назадъ и стать у выхода Ламбойскаго лѣса. Чернышевъ повелъ свои отряды къ Ганау и немедленно поѣхалъ къ Вреде, чтобы донести ему о приближеніи самаго Наполеона. Вреде не счелъ извѣстія его достовѣрнымъ, но остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, полагая, что Наполеонъ отрядилъ къ Ганау только часть арміи, и рѣшился ожидать ее въ избранной имъ позиціи. Такъ прошло 17-е число. На другое утро австрійско-баварская армія стояла въ боевомъ порядкѣ на правомъ берегу Кинцига, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ Гельнгаузену. Правое крыло ея примыкало къ Ламбойскому мосту; на лѣвомъ крылѣ расположилась кавалерія; на оконечности его, на дорогѣ въ Фридбергъ, стоялъ Чернышевъ съ 4,000 человѣкъ, т. е., отрядами своимъ и Иловайскаго 12-го и авангардомъ гр. Платова, подъ начальствомъ Кайсарова; резервы находились у Ганау, за рѣкою; авангардъ занималъ Рикингенъ. Наполеонъ былъ уже близко, готовясь открыть себѣ путь оружіемъ.

Въ 8 часовъ утра, 19-го октября, Макдональдъ, командовавшій передовыми войсками Наполеона, аттаковалъ баварскій авангардъ. Двѣ французскія бригады разсыпались въ стрѣлки и ворвались въ Ламбойскій лѣсъ. Баварцы дрались храбро, но должны были уступить своимъ прежнимъ наставникамъ въ военномъ искусствѣ и отойти къ позиціи, занимаемой арміею. До 3-хъ часовъ дѣло не принимало рѣшительнаго оборота. Французы овладѣли всѣмъ лѣсомъ, но не могли выйти на равнину, останавливаемые большою центральною и двумя боковыми батареями. Бой ограничивался канонадою и огнемъ стрѣлковъ. Вреде считалъ успѣхомъ каждый часъ протекавшаго времени, надѣясь на скорое появленіе въ тылу французовъ Блюхера и части главной арміи, а Наполеонъ, для начатія аттаки, ждалъ сближенія своихъ войскъ. Когда колонны начали подходить, Наполеонъ приказалъ Нансути, со всею находившеюся при арміи конницею, прорвать центръ австрійско-баварскихъ войскъ и отбросить его съ Гельнгаузенской дороги влѣво, къ Кинцигу. Сильный артиллерійскій огонь и нападеніе пѣхоты на фланги Вреде должны были предшествовать кавалерійской аттакѣ Нансути

Бригада французскихъ егерей высыпала бѣглымъ шагомъ изъ лѣса и стала по лѣвую сторону; за нею двѣ конныя батареи выскакали впередъ на большое разстояніе и открыли огонь; другія батареи поспѣшно строились влѣво и вправо; всего было 50 орудій. Далѣе влѣво Макдональдъ подвигалъ цѣпи застрѣльщиковъ. Съ правой стороны выѣзжала кавалерія. Увидѣвъ грозящій ударъ и желая отвратить бѣду, Вреде велѣлъ своей конницѣ аттаковать французскія батареи, находившіяся безъ прикрытія. Австрійско-баварская кавалерія дружно

пошла на пушки, но передъ самыми жерлами орудій поворотила назадъ, осыпаемая картечью. Нансути построился, между тѣмъ, въ три линіи и послалъ первую, состоявшую изъ кирасировъ, преслѣдовать союзниковъ. Два австрійскихъ кавалерійскихъ полка хотѣли удержать кирасировъ, но были смяты. За первою линіею Нансути повелъ вторую на пѣхоту. По тому-же направленію понеслись стоявшіе въ третьей линіи гвардейскіе драгуны и конные гренадеры; конная артиллерія слѣдовала за движеніемъ кавалерійскихъ колоннъ. Союзная пѣхота построилась въ каре; нѣкоторые изъ нихъ были смяты, а большая центральная батарея, на которую Вреде возлагалъ главную надежду, ушла въ Ганау, «по неожиданному случаю», какъ сказано въ донесеніи, послѣ чего непріятель усилилъ нападеніе. Пѣхота и конница отступали къ Ганау, спѣша переходить за Кинцигъ, подъ прикрытіемъ праваго крыла арміи, еще державшагося у лѣса. Стараясь остановить непріятеля и выиграть сколько-нибудь времени, Вреде вводилъ въ дѣло эскадроны, въ общемъ смятеніи успѣвавшіе наскоро выстраиваться. Болѣе, чѣмъ дѣйствіе ихъ, ему помогли аттаки Чернышева. До трехъ часовъ пополудни Чернышевъ стоялъ на Фридберговской дорогѣ, пока Наполеонъ не повелъ общаго нападенія. Когда французы вышли изъ лѣса и конница ихъ обрушилась на центръ Вреде, Чернышевъ ударилъ во флангъ Нансути, пять разъ возобновлялъ аттаки, былъ безсиленъ опрокинуть непріятелей, но удержалъ значительную часть ихъ отъ дальнѣйшаго натиска, когда Вреде, опрокинутый къ Ганау и Кинцигу, напрягалъ послѣднія усилія къ тому, чтобы остановить французовъ. Такимъ образомъ, если-бы не было русскихъ въ Ганаусскомъ сраженіи, послѣдней битвѣ съ Наполеономъ на правомъ берегу Рейна, австрійско-баварская армія понесла-бы гораздо большее пораженіе.

Вреде успѣлъ перевести къ сумеркамъ армію за Кинцигъ; авангардъ его занялъ Ганау и Ламбойскій мостъ; Чернышевъ, отрѣзанный отъ арміи, потянулся за Нидду. Такъ Наполеонъ достигъ цѣли даннаго имъ сраженія, овладѣвши дорогою во Франкфуртъ, куда французская армія тянулась безостановочно всю ночь. Въ 2 часа утра, Наполеонъ велѣлъ аттаковать Ламбойскій мостъ и бомбардировать Ганау, намѣреваясь вытѣснить оттуда союзниковъ и тѣмъ совершенно обезпечить движеніе своихъ заднихъ войскъ. Потомъ окольною тропинкою ночью онъ продолжалъ свой путь, освѣщаемый факелами. Одно предмѣстье Ганау загорѣлось отъ бомбъ. Вреде, желая предохранить городъ отъ разрушенія, велѣлъ войскамъ выйти изъ него, послѣ чего, Мармонъ занялъ Ганау и дѣлалъ ложные маневры, показывая, будто намѣренъ аттаковать Вреде. До полудня продолжалась канонада; потомъ Мармонъ пошелъ за арміею къ Франкфурту; корпусъ Бертрана занялъ его мѣсто и составилъ арріергардъ. Между тѣмъ, Вреде поспѣшно привелъ въ устройство армію и вознамѣрился преслѣдовать французовъ, для чего хотѣлъ сперва взять Ганау. Шесть австрійскихъ батальоновъ были назначены аттаковать городъ. Въ 4 часа пополудни Вреде повелъ ихъ самъ, ворвался въ улицы, гналъ передъ собою французовъ и, пройдя крайнее предмѣстье, былъ тяжело раненъ на Кинцигскомъ мосту. Колонны его поколебались. Замѣтивъ волненіе въ ихъ рядахъ, Бертранъ двинулся впередъ, оттѣснилъ ихъ и потомъ отступилъ, не тревожимый австрійско-баварскою арміею, остановившеюся на сутки у Ганау. Только наши партизаны

послѣдовали за французами. Уронъ союзниковъ подъ Ганау простирался до 9,000 человѣкъ. Потеря французовъ неизвѣстна, но должна быть гораздо менѣе. Они были многочисленнѣе и имѣли нравственный перевѣсъ надъ своими противниками, все еще вѣровавшими въ неодолимость Наполеона. Государь наградилъ Вреде орденомъ св. Александра Невскаго.

На другой день послѣ сраженія, Наполеонъ пришелъ во Франкфуртъ. Стоявшая тамъ баварская дивизія Рехберга отступила за Майнъ, разломала мостъ и производила пальбу. Французы отвѣчали канонадою съ противоположнаго берега. Этою пальбою ограничились дѣйствія дивизія Рехберга, которая съ несравненною большею пользою могла быть употреблена подъ Ганау. 20-го октября Наполеонъ выѣхалъ изъ Франкфурта, переночевалъ въ Гехстѣ и 21-го отправился въ Майнцъ, куда въ тотъ-же день пришла его армія, состоявшая изъ 60,000 человѣкъ. Большая часть ея сдѣлалась въ скоромъ времени жертвою заразительныхъ болѣзней, явившихся отъ изнуренія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Изъ 1,300 орудій, бывшихъ въ началѣ этого похода при французской арміи, только 300 были перевезены за Рейнъ. До 800 достались союзникамъ въ разныхъ сраженіяхъ; остальныя 200 были при французскихъ гарнизонахъ, занимавшихъ еще крѣпости въ Германіи. Переправа французской арміи за Рейнъ началась 21-го и кончилась 22-го октября, ровно черезъ годъ послѣ вяземскаго сраженія. На правомъ берегу Рейна, въ Касселѣ и Гохгеймѣ, остался корпусъ Бертрана. Наши партизаны не переставали безпокоить отступавшихъ и аттаковать ихъ арріергардъ. Такимъ образомъ одни русскіе имѣли честь выпроводить Наполеона изъ Германіи и ранѣе другихъ союзниковъ прибыть къ Рейну. Здѣсь кончилось преслѣдованіе. Партизаны могли тотчасъ перейти за Рейнъ, но безъ повелѣній государя не рѣшались на переправу. Успѣхи союзныхъ армій были столь огромны, что славу ихъ не могли умножить налеты конныхъ отрядовъ по ту сторону Рейна. Частнымъ начальникамъ надлежало думать о пользѣ общей и своими дѣйствіями не вредить тому, что было пріобрѣтено величайшими трудами, пожертвованіями, потоками крови.

V.

Освобожденіе Германіи.

Императоръ Александръ получилъ донесеніе о сраженіи при Ганау 20-го октября, въ Мюнерштадтѣ, первомъ городѣ во выходѣ изъ Тюрингенскаго лѣса. Послѣ прорыва Наполеона, намъ оставалось спѣшить къ Рейну и на его берегахъ водрузить знамена, какъ свидѣтельство исполнившагося освобожденія Германіи. Императоръ Александръ велѣлъ второй колоннѣ главной арміи, то есть, русскимъ войскамъ, идти безостановочно на Франкфуртъ. Туда-же направились императоръ Францъ и князь Шварценбергъ съ австрійскими корпусами, черезъ Фульду и Ганау. 20-го октября наша колонна двинулась изъ Мюнерштадта на Швейнфуртъ и Вюрцбургъ, проходя въ день по 30 и 40 верстъ. Войско, еще недавно отстаивавшее родину на берегахъ Колочи и Нары, бодро и весело спѣшило къ Рейну. Дороги были прекрасныя, погода благопріятная, мѣста картинныя, пріемы въ городахъ и селахъ торжественные. Тысячами жители выходили навстрѣчу императору Александру, желая насладиться зрѣ-

ніемъ монарха, великодушіе и твердость котораго славились и гремѣли по всей Европѣ. 22-го войска переправились черезъ Майнъ близъ Вюрцбурга; 23-го пришли въ Ашаффенбургъ; 24-го вся гвардейская и резервная кавалерія, съ ихъ артиллеріею, опередивъ пѣхоту, стояли въ строю у Саксенгаузена, предмѣстья Франкфурта, куда имъ было велѣно придти «не позже австрійцевъ», хотя австрійцы, идя на Фульду, имѣли противъ насъ гораздо кратчайшій путь. Князь Шварценбергъ не ожидалъ императора ранѣе 27-го и не хотѣлъ вѣрить, узнавъ 27-го октября, что русскіе въ полной парадной формѣ выстроены уже въ Саксенгаузенѣ и ежеминутно ожидаютъ своего монарха. Вскорѣ прибылъ государь, въ первый разъ въ кавалергардскомъ мундирѣ. Торжественно, при ликованіяхъ народа, онъ вступилъ во Франкфуртъ, ведя съ собою войско. Послѣ церемоніальнаго марша, императоръ поѣхалъ въ назначенный для него въ улицѣ Цейль домъ. На слѣдующее утро во Франкфуртъ начала приходить австрійская колонна, которая продолжала движеніе къ Гехсту, откуда, 28-го октября, аттаковала Гохгеймъ, занятый корпусомъ Бертрана. Французская дивизія занимала городъ и укрѣпленіе; другая стояла въ резервѣ за городомъ, ближе къ Касселю. Австрійцы взяли приступомъ редутъ съ двумя орудіями и потомъ овладѣли городскими воротами. Французы отступили къ резерву и вмѣстѣ съ нимъ, не настигнутые колонною, посланною въ обходъ ихъ, отступили къ Касселю, гдѣ заперлись въ мостовомъ укрѣпленіи. Этимъ небольшимъ дѣломъ, происходившимъ въ самый день возвращенія Наполеона въ Парижъ, кончились военныя дѣйствія главной арміи. Она стала на кантониръ-квартирахъ между Майномъ и Неккаромъ; австрійско-баварская армія была на лѣвомъ берегу Неккара; силезская между Майномъ и Кобленцомъ. Въ этомъ расположеніи на живописныхъ берегахъ Рейна онѣ пробыли до исхода ноября.

Пока происходило движеніе союзныхъ армій къ Дрездену, Сенъ-Сиръ выступилъ съ разсвѣтомъ 26-го изъ Дрездена и аттаковалъ стоявшій на пути его въ выгодной позиціи австрійскій отрядъ князя Видрункеля. Дѣло было упорное и кончилось въ невыгоду французовъ. Сенъ-Сиръ возвратился въ Дрезденъ, гдѣ вовсе не было продовольствія и свирѣпствовали повальныя болѣзни. Не видя возможности къ дальнѣйшей оборонѣ, Сенъ-Сиръ 30-го октября сдалъ Дрезденъ русскимъ и австрійцамъ и выступилъ во Францію съ гарнизономъ, простиравшимся до 29,000 человѣкъ.

Послѣ занятія нами Дрездена, туда перенесено было изъ Лейпцига главное управленіе Саксоніи, порученное союзными монархами русскому генералъ-губернатору. Кленау пошелъ съ своимъ корпусомъ въ Италію, на соединеніе съ тамошнею австрійскою арміею, которой, послѣ заключенія съ Баваріею союза въ Ридѣ, велѣно было начать рѣшительное наступленіе. Графъ Толстой оставилъ гарнизономъ въ Дрезденѣ Нейшлотскій пѣхотный полкъ и нѣсколько дружинъ ополченія, а съ остальными войсками своего корпуса присоединился къ Беннигсену, получившему, между тѣмъ, Высочайшее повелѣніе идти къ Гамбургу, поручивъ наблюденіе за крѣпостями на Эльбѣ и осаду ихъ пришедшему изъ Берлина графу Тауэнцину. По прибытіи къ Гамбургу Беннигсенъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ противъ Даву и датчанъ. Такимъ образомъ, къ исходу октября, въ то время, когда императоръ

Александръ вступилъ во Франкфуртъ и арміи, главная, силезская и австрійско-баварская, располагались между Мангеймомъ и Кобленцомъ, сѣверная армія заняла все пространство между Рейномъ, Голландіею, Нѣмецкимъ моремъ и нижнею Эльбою. Находившіяся тамъ разбросанными непріятельскія команды, управленія и депо бѣжали во Францію; жители спѣшили съ восторгомъ присягать стариннымъ своимъ владѣтелямъ: прусскому королю, курфюрстамъ Ганноверскому и Гессенъ-Кассельскому, герцогамъ Ольденбургскому и Брауншвейгскому. Въ то-же время, на югѣ, король Виртембергскій и великіе герцоги Баденскій и Дармштадтскій отложились отъ Наполеона. Всѣ члены распавшагося Рейнскаго союза, сидѣвшіе на престолахъ данниками Наполеона, подобно русскимъ князьямъ во время татарскаго ига, одни за другими пріѣзжали во Франкфуртъ или присылали туда уполномоченныхъ для изъявленія своей готовности приступить къ возникшему по призыву Александра общему союзу государствъ, первымъ звеномъ котораго былъ заключенный между Россіею и Пруссіею договоръ въ Калишѣ.

По прибытіи союзныхъ монарховъ во Франкфуртъ возникли вопросы: идти-ли съ войсками во Францію и тамъ довершить пораженіе Наполеона или довольствоваться пріобрѣтенными успѣхами и, остановясь на Рейнѣ, договариваться съ Наполеономъ о мирѣ? Если продолжать войну, то вступать-ли немедленно во Францію или для переправы черезъ Рейнъ ожидать весны, а если заключать миръ, то на какихъ началахъ основать всемірное спокойствіе. Мнѣнія не могли быть одинаковы при столь важныхъ вопросахъ, такъ какъ отъ рѣшенія ихъ зависѣла будущая участь Европы. Императоръ Александръ настаивалъ на необходимости пользоваться пріобрѣтенными успѣхами, не давать Наполеону возможности собраться съ силами, быстро перенести войну во Францію и «отъ новыхъ побѣдъ ожидать выгоднѣйшихъ условій мира». 29-го октября, черезъ пять дней послѣ вступленія своего во Франкфуртъ, когда вопросъ о войнѣ и мирѣ не былъ еще рѣшенъ, государь начерталъ уже собственноручно планъ военныхъ дѣйствій, принятый впослѣдствіи основаніемъ похода 1814 года. Не всѣ союзные дворы раздѣляли съ императоромъ убѣжденіе въ необходимости продолжать войну, полагая, что съ изгнаніемъ Наполеона изъ Германіи, достигнута цѣль союза, не слѣдуетъ подвергать пріобрѣтенныхъ успѣховъ случайностямъ новыхъ сраженій и настало время договариваться о мирѣ. Въ числѣ поборниковъ мира были лица, долго пользовавшіяся славою за содѣйствіе ихъ въ спасеніи Европы, но тогда они блѣднѣли при мысли воевать съ Наполеономъ во Франціи.

Соглашая различныя мнѣнія, союзники вознамѣрились готовиться къ войнѣ и вмѣстѣ вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Для этого пригласили во Франкфуртъ плѣненнаго въ Готѣ французскаго посланника Сентъ-Эньяна и отправили его въ Парижъ съ порученіемъ, которое должно было служить отвѣтомъ на предложенія Наполеона, присланныя съ Мерфельдомъ, 5-го октября, изъ лагеря подъ Лейпцигомъ. Условія, на которыхъ соглашались начать переговоры, состояли въ слѣдующемъ: 1) Франціи имѣть границами Рейнъ, Альпы и Пиринеи; 2) Германіи, Голландіи и Италіи быть независимыми; 3) Испанію возвратить законнымъ ея монархамъ; 4) возстановить свободу торговли и мореплаванія. Черезъ десять дней изъ Парижа полученъ былъ отвѣтъ. Въ немъ вовсе не упоминалось о при-

нятіи Наполеономъ предложенныхъ союзниками условій, а только изъявляемо было желаніе его заключить миръ, основанный на независимости всѣхъ народовъ, и назначить Мангеймъ мѣстомъ для совѣщаній, куда онъ хотѣлъ прислать уполномоченнаго. Неопредѣлительность отзыва подала поводъ къ продолжительной перепискѣ. Съ нашей стороны повторили вопросъ: принимаетъ-ли Наполеонъ условія? а со стороны французскаго министерства была только въ общихъ выраженіяхъ изъявляема готовность прекратить войну. Переписка длилась весь ноябрь мѣсяцъ. Между тѣмъ, союзныя арміи, утомленныя многотруднымъ, хотя и счастливымъ походомъ, отдыхали и были пополняемы подходившими резервами.

Союзные монархи продолжали жить во Франкфуртѣ, не получая изъ Парижа положительнаго отвѣта на предложенія, отправленныя съ Сентъ-Эньяномъ; а, между тѣмъ, безпрестанно доходили до нихъ извѣстія о великихъ приготовленіяхъ Наполеона къ войнѣ и, наконецъ, о повелѣніи его собрать 300,000 рекрутовъ, причемъ въ своихъ провозглашеніяхъ французское правительство говорило о миролюбіи Наполеона и замыслахъ союзниковъ противъ цѣлости Франціи. Тогда, 19-го ноября, согласно мнѣнію императора Александра, во Франкфуртѣ было обнародовано отъ имени союзныхъ монарховъ объявленіе, заключавшее въ себѣ вѣское предостереженіе Франціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно успокоивавшее умы.

Велико было впечатлѣніе этого объявленія во Франціи, усмотрѣвшей изъ него, къ удивленію своему, что союзные дворы отнюдь не имѣли въ виду, какъ увѣрялъ Наполеонъ, раздробленія и порабощенія ея, но, напротивъ, желали ей благоденствія и силы, съ непремѣннымъ только условіемъ обезопасить самихъ себя на будущее время отъ потрясеній, какимъ они были подвержены со временъ революціи. Послѣ этого Наполеонъ поспѣшилъ извѣщеніемъ о принятіи имъ предварительныхъ условій. Но отвѣтъ его засталъ монарховъ уже не во Франкфуртѣ, а на маршѣ къ Базелю, потому что, вмѣстѣ съ обнародованіемъ манифеста, союзныя арміи выступили съ кантониръ-квартиръ на тѣ мѣста, откуда, согласно составленному императоромъ Александромъ операціонному плану, имъ нужно было переправляться черезъ Рейнъ. Главная и австрійско-баварская арміи слились въ одинъ составъ, и съ береговъ Майна и Некара пошли вверхъ по Рейну; мѣсто ихъ на среднемъ Рейнѣ долженъ былъ занять Блюхеръ; Винцингероде двинулся изъ Бремена къ Дюссельдорфу. Войска нѣмецкихъ владѣтелей, приведенныя въ военное положеніе, присоединились къ союзнымъ арміямъ.

1-го декабря императоръ Александръ выѣхалъ вслѣдъ за главною арміею изъ Франкфурта и ночевалъ въ Дармштадтѣ, во дворцѣ великаго герцога, гдѣ ему былъ сдѣланъ самый пышный пріемъ. 2-го государь прибылъ въ Гейдельбергъ, 3-го въ Карлсруэ, гдѣ былъ встрѣченъ своею тещею маркграфинею и своимъ шуриномъ великимъ герцогомъ баденскимъ. По желанію его высочества, гвардія баденская поступила въ составъ нашего гвардейскаго корпуса и находилась съ нимъ до замиренія. Во время слѣдованія главной квартиры въ Карлсруэ, лейбъ-казачій полкъ былъ посланъ вправо, къ сторонѣ Рейна, для предупрежденія набѣговъ съ лѣваго берега. Императоръ прожилъ въ Карлсруэ пять дней, давая арміямъ время придти на сборныя мѣста. Вся Германія была тогда подобна воинскому стану:

вездѣ составлялись земскія войска; всѣ дороги были покрыты шедшими къ Рейну русскими, австрійскими и прусскими резервами, артиллеріею и коммиссаріатскими вещами. Какъ весною 1812-го года Европа двигалась, тѣснилась къ предѣламъ Россіи, такъ теперь, только въ обратномъ направленіи, она устремилась къ предѣламъ Франціи. Императоръ Александръ, видя большую часть предначинаній его для блага Европы уже исполненною, повелѣлъ во всѣхъ церквахъ Россіи отправить благодарственное молебствіе, о чемъ возвѣщено манифестомъ, изданнымъ 6-го декабря, въ день чудотворца Николая.

9-го декабря императоръ Александръ выѣхалъ изъ Карлсруэ въ Фрейбургъ; въ то-же время туда прибыли австрійскій императоръ и прусскій король, слѣдовавшіе изъ Франкфурта по другой дорогѣ. Въ Фрейбургѣ былъ полученъ отвѣтъ изъ Парижа о согласіи Наполеона договариваться на условіяхъ, сообщенныхъ ему въ октябрѣ, и о скоромъ прибытіи Коленкура на наши передовыя цѣпи. Прошло нѣсколько дней; Коленкуръ не являлся, а, между тѣмъ, у насъ опять возникло разногласіе. Австрійскій дворъ изъявилъ желаніе, въ ожиданіи Коленкура, не выступать главной квартирѣ монарховъ изъ Фрейбурга. Не соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, императоръ Александръ утверждалъ о необходимости продолжать рѣшительно военныя дѣйствія и монархамъ присутствовать при арміяхъ, говоря, что неприбытіе Коленкура на наши аванпосты доказываетъ ясное нежеланіе Наполеона мириться и стараніе только выиграть время. Доводы императора и на этотъ разъ взяли верхъ, но нельзя было тотчасъ перенести главную квартиру далѣе, потому что колонны арміи не подошли еще на назначенную для нихъ высоту. Въ ожиданіи сближенія ихъ, монархи остались въ Фрейбургѣ, гдѣ ежедневно получали побѣдныя донесенія съ разныхъ театровъ войны о сдачѣ крѣпостей въ нашемъ тылу, успѣхахъ шведскаго принца въ Голштиніи и освобожденіи Голландіи.

Благодаря помощи русскихъ войскъ, шведскому принцу удалось сломить сопротивленіе Даніи, заставить ее уступить Швеціи Новергію и объявить войну Наполеону. На театрѣ-же войны произошло слѣдующее. Послѣ отступленія Наполеона за Рейнъ, во власти его находились, въ Варшавскомъ герцогствѣ и Германіи, слѣдующія крѣпости: Модлинъ, Замостье, Данцигъ, Глогау, Кюстринъ, Штеттинъ, Торгау, Виттенбергъ, Магдебургъ и Гамбургъ, и цитадели Эрфурта и Вюрцбурга. Съ небольшимъ въ мѣсяцъ шесть изъ этихъ крѣпостей сдались союзникамъ или взяты были силою. Узнавъ о послѣдствіяхъ Лейпцигскаго сраженія, коменданты Модлина и Замостья лишились всякой надежды быть вырученными и сдались. Штеттинъ покорился по недостатку продовольствія, Торгау послѣ бомбардированія, произведеннаго пруссаками; Виттенбергъ взятъ былъ ими приступомъ; Данцигъ сдался русскимъ послѣ правильной осады.

Послѣ похода 1813 года, во власти Наполеона оставались еще Глогау, Кюстринъ, Магдебургъ и Гамбургъ, цитадели Вюрцбурга и Эрфурта. Только на этихъ шести укрѣпленіяхъ, едва примѣтныхъ въ обширной Германской имперіи, терявшихся въ ея пространствѣ, еще развѣвались знамена Наполеона. Ключи крѣпостей и городовъ, покоренныхъ въ 1813 году, хранятся въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, гдѣ, по прекрасному выраженію князя Кутузова, «побѣда укра-

шаетъ святыню, а святыня возвеличиваетъ побѣду». Всего дороже обошлось покореніе Данцига, обращеннаго Наполеономъ въ первостепенную крѣпость. Всего въ крѣпостяхъ въ теченіе одного мѣсяца и пяти дней взято 2,247 орудій и 40,900 человѣкъ плѣнныхъ.

Въ то-же время противники Наполеона вторгнулись въ Шлезвигъ, и была одновременно съ этимъ, какъ уже сказано, освобождена Голландія. Блистательный и важный подвигъ освобожденія Голландіи отъ власти Наполеона принадлежалъ Бенкендорфу, рѣшившемуся на предпріятіе вопреки повелѣній начальства. Говоря о Голландіи, нельзя пройти молчаніемъ, что въ Амстердамѣ водружено было русское знамя тѣмъ, кто первый изъ нашихъ генераловъ, за 13 мѣсяцевъ до того, вступалъ въ испепеленную, осиротѣлую Москву.

И на югѣ сокрушалось владычество Наполеона. Пока въ ноябрѣ и декабрѣ сдавались крѣпости въ нѣмецкой землѣ и Варшавскомъ герцогствѣ, и оружіе союзниковъ увѣнчавалось успѣхомъ въ Шлезвигѣ и Голландіи, зять Наполеона, неаполитанскій король Мюратъ, заключилъ договоръ съ Австріею и объявилъ войну Наполеону. Съ отпаденіемъ Мюрата Наполеонъ лишился послѣдняго союзника въ Европѣ. Вынужденный ограничиться однѣми только силами Франціи и помышлять о защитѣ ея границъ, съ разныхъ сторонъ угрожаемыхъ союзниками, онъ добровольно отказался отъ завоеванія Испаніи и обладанія Италіею, вывелъ изъ Испаніи свои войска и возвратилъ свободу и престолы Фердинанду VII и Папѣ.

Второй періодъ паденія Наполеона, походъ 1813 года, начался переходомъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ и кончился въ декабрѣ отступленіемъ непріятеля за Рейнъ, взятіемъ многихъ крѣпостей, занятыхъ войсками Наполеона, освобожденіемъ Германіи, Голландіи, большей части Италіи и отпаденіемъ отъ Наполеона всѣхъ его союзниковъ. Съ начала войны и до конца ея императоръ Александръ, какъ мы видѣли, былъ главнымъ ея дѣятелемъ: ему принадлежала мысль войны; онъ былъ и вождемъ среди вождей и душою предпріятія, владычествуя надъ своею эпохою. Европа, тогда признательная, единогласно привѣтствовала его именемъ избавителя, и весь современный міръ оглашался его величіемъ. Побѣды его праздновали не тольло въ Европѣ, но и за океаномъ, на берегахъ Сѣверной Америки.

Велики были успѣхи похода 1813 года, но императоръ Александръ не признавалъ ихъ достаточными для довершенія своего предпріятія. Онъ хотѣлъ поразить Наполеона въ самомъ сердцѣ силъ его, въ самой Франціи, для водворенія потомъ повсюду мира и благоденствія. Послѣдніе дни, проведенные имъ въ Фрейбургѣ, посвящены были осмотру проходившихъ войскъ и ускоренію движенія резервовъ. Желая какъ можно поспѣшнѣе вступить во Францію, онъ не обращалъ вниманія ни на какой предлогъ—ни позднее время года, ни дурныя дороги, ни затрудненія въ продовольствіи. Онъ всюду посылалъ повелѣнія, приказывалъ убавлять дни, назначенные для роздыховъ, и безостановочно подаваться впередъ, требуя, однако-же, при томъ сохраненія блестящей наружности, которая бываетъ слѣдствіемъ и причиною воинскаго благоустройства. И священная воля его исполнялась. Окрыленные двухлѣтними побѣдами русскіе радостно, въ стройныхъ рядахъ, спѣшили по призыву его къ переправамъ черезъ Рейнъ, за которымъ слава новыми вѣнками обвила русскія знамена.

ГЛАВА XVIII.

Послѣдніе успѣхи Наполеона.

I.

Общій обзоръ похода 1814-года.

При наступленіи 1814-го года, Россія уже отпраздновала торжество своего избавленія. Поля Бородина, Тарутина, Краснаго вновь зазеленѣли; на пепелищахъ отъ Москвы до Нѣмана воскресали города и села: наше отечество ожило новою, свѣжею, мощною жизнью; императоръ Александръ, единодушно признанный современниками освободителемъ Европы, былъ съ своими побѣдоносными войсками на берегахъ Рейна. Австрія, Пруссія, всѣ владѣтели Германіи, Голландія, Испанія, Португалія сбросили иго Наполеона; папѣ и Фердинанду VII, томившимся во французскомъ плѣну, была возвращена свобода; неаполитанскій король, близкій родственникъ Наполеона, заключилъ союзъ съ Австріею; Англія возобновила дружественные договоры съ государствами континента; флаги всѣхъ державъ развились на моряхъ, десять лѣтъ недоступныхъ свободной торговлѣ. Для прочнаго утвержденія всемірнаго спокойствія оставалось только положить на будущее время непреоборимыя преграды властолюбію Наполеона, и для этого нужно было вступить въ предѣлы Франціи.

Такъ началась война 1814-го года. Ее необходимо считать не вновь предпринятою войною, но только продолженіемъ похода, веденнаго въ 1813-мъ году, сперва однимъ императоромъ Александромъ, а потомъ и другими державами, соединившимися съ нимъ для обузданія завоевателя. Побѣда подъ Лейпцигомъ привела союзниковъ на Рейнъ, но не прекратила войны, такъ какъ миръ не былъ подписанъ; начатые въ Франкфуртѣ переговоры не имѣли успѣха, потому что съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ не было искренности. Императоръ Александръ настаивалъ на необходимости не прекращать военныхъ дѣйствій и старался склонить къ тому союзниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, довольствуясь изгнаніемъ французовъ изъ Германіи, думали, что тѣмъ достигнута цѣль заключенныхъ ими для общей обороны договоровъ и что Наполеонъ, отброшенный за Рейнъ, не въ состояніи болѣе потрясать Европу. По убѣжденіямъ государя и на основаніи начертанныхъ имъ для военныхъ дѣйствій предположеній, было опредѣлено идти во Францію и въ нѣдрахъ ея заставить Наполеона принять условія, обезпечивающія политическое равновѣсіе.

Господство Наполеона надъ Франціею еще было признаваемо союзными монархами. Кабинеты еще не думали исторгнуть у него верховную власть и вручить ее Бурбонамъ, глава которыхъ, Людовикъ XVIII, жилъ въ Англіи, какъ частный человѣкъ. Изрѣдка, при важныхъ событіяхъ, письменно напоминалъ онъ союзнымъ монархамъ о своихъ правахъ на наслѣдіе прародительскаго престола и по приближеніи ихъ къ Рейну просилъ объявить всенародно объ его законной власти. Желаніе его не было исполнено. Братъ Людовика, графъ д'Артуа, съ своими двумя сыновьями намѣревался отправиться изъ Лондона на континентъ, стараясь быть ближе къ театру войны, но ни одна держава не вступала съ Бурбонами въ договоры и не льстила имъ обѣщаніями. Только въ глубинѣ души того, кто былъ виновни-

комъ союза, уже таилась мысль низложить Наполеона, но никакой гласный поступокъ съ его стороны еще не обнаруживалъ этой мысли, не скрытой, однако-жъ, отъ двухъ или трехъ довѣренныхъ лицъ. Впрочемъ, дальновидный наблюдатель могъ нѣкоторымъ образомъ угадывать ее изъ слѣдующаго правила, которое Александръ, приближаясь къ Рейну и въ продолженіе веденной во Франціи войны, неоднократно повторялъ словесно и письменно и которому онъ постоянно слѣдовалъ: «Надобно», говорилъ императоръ, «подчинять ходъ политическихъ дѣйствій успѣхамъ оружія, не стѣснять себя никакими преждевременными обязательствами и отъ побѣды ожидать выгоднѣйшихъ условій для заключенія мира».

Такими-же мыслями былъ полонъ Наполеонъ. Его не поколебало сокрушеніе его арміи въ Россіи и Германіи; онъ твердо перенесъ пораженія и по возвращеніи изъ-подъ Лейпцига исключительно занялся собираніемъ новыхъ силъ, готовясь противостать общему противъ него ополченію Европы. Вся дѣятельность его была устремлена на составленіе армій и возбужденіе народной войны, вопреки желаніямъ Франціи, гдѣ всѣ сословія просили мира. Отблески воинской славы, которою Наполеонъ озарялъ Францію, слабо вознаграждали за упадокъ земледѣлія и промышленности, за прекращеніе торговли, рекрутскіе наборы, осиротѣніе домовъ, тяжкіе налоги. Наполеонъ не внималъ нуждамъ и голосу подданныхъ, совѣту приближенныхъ и представленіямъ государственныхъ чиновъ, въ то время впервые отважившихся высказать ему свое мнѣніе о необходимости мира и бѣдственномъ положеніи имперіи. Наполеонъ съ негодованіемъ отвергалъ возраженія, говорилъ, что онъ не можетъ сидѣть на безславномъ престолѣ и носить лишенный блеска вѣнецъ. Поборниковъ мира онъ упрекалъ въ малодушіи, воспламенялъ народъ и войско къ войнѣ, надѣялся оружіемъ возвратить утраченную славу и, можетъ быть, попрежнему присвоить себѣ первенство въ дѣлахъ Европы. Итакъ, примиреніе было далеко: оно еще не входило въ соображенія Александра и Наполеона.

Когда союзныя арміи готовились переходить за Рейнъ, герцогъ Веллингтонъ стоялъ на югозападныхъ границахъ Франціи противъ маршала Сульта, фельдмаршалъ Бельгардъ находился на Минчіо противъ вице-короля италійскаго, графъ Беннигсенъ приблизился къ Гамбургу, защищаемому маршаломъ Даву, шведскій наслѣдный принцъ принудилъ датчанъ, единственныхъ союзниковъ Наполеона, отложиться отъ него; пруссаки осаждали Магдебургъ, Глогау и Кюстринъ. Почти въ одно время война закипѣла въ средоточіи Франціи, на устьяхъ Эльбы, у подошвы Пиринейскихъ горъ, въ цвѣтущихъ долинахъ Ломбардіи, но рѣшительные удары разражались на берегахъ Марны, Эна, Оба и Сены, гдѣ встрѣтились арміи, ведомыя лично союзными монархами и Наполеономъ. Здѣсь былъ положенъ конецъ многолѣтней кровопролитной распрѣ, и совершились событія, опредѣлившія участь войны, такъ какъ успѣхи Веллингтона въ южной Франціи, Бельгарда въ Италіи, Беннигсена подъ Гамбургомъ не принесли-бы пользы, если-бы Наполеонъ восторжествовалъ надъ тѣми арміями, противъ которыхъ онъ сражался лично.

Въ продолженіе этого похода войска союзныхъ державъ были раздѣлены, какъ и въ минувшемъ году, на три арміи. Онѣ состояли въ вѣдѣніи тѣхъ-же главнокомандующихъ, которые съ ними пожи-

нали лавры въ Германіи Главною арміею, гдѣ присутствовали союзные монархи, начальствовалъ князь Шварценбергъ, силезскою—фельдмаршалъ Блюхеръ, сѣверною—шведскій наслѣдный принцъ, но онъ, отъ замедленія переговоровъ съ датчанами, поздно прибылъ во Францію, остановился въ Люттихѣ и не принялъ участія въ походѣ 1814-го года. Поэтому съ Наполеономъ боролись только князь Шварценбергъ и Блюхеръ.

Слишкомъ четыреста тысячъ человѣкъ, входившихъ въ составъ союзныхъ армій, должны были перейти за Рейнъ. Тогдашнія силы Франціи съ точностью неизвѣстны, потому что французскіе писатели не соглашаются въ показаніяхъ относительно численной силы Наполеоновыхъ войскъ. Достовѣрно можно заключить, что армія, съ которою въ половинѣ января Наполеонъ лично открылъ походъ, простиралась до 120,000 человѣкъ. На пополненіе французской арміи въ теченіе похода поступило болѣе 50,000 человѣкъ изъ Испаніи и рекрутскихъ депо, находившихся въ западныхъ областяхъ Франціи, куда союзники не проникали, и гдѣ рекрутская повинность отправлялась безостановочно.

Хотя войска Наполеона были малочисленнѣе союзныхъ, но недостатокъ силъ вознаграждался взаимнымъ и для Наполеона весьма выгоднымъ положеніемъ воевавшихъ армій. Наполеонъ находился въ своемъ государствѣ; все было покорно его повелѣніямъ; къ нему безпрестанно прибывали свѣжія войска; ему доставляли оружіе, снаряды и запасы. На его сторонѣ были жители края, гдѣ происходила война; тысячи подводъ всегда были готовы перевозить полки; тьмы лазутчиковъ извѣщали его о движеніяхъ союзниковъ; скрытые для насъ обывателями закромы при появленіи французскихъ солдатъ отворялись для подкрѣпленія ихъ пищею и виномъ; раненые и изнемогавшіе отъ усталости и болѣзней непріятели находили пріютъ и помощь подъ кровомъ своихъ единоземцевъ.

Напротивъ того, союзныя арміи не имѣли ни магазиновъ, ни надежныхъ переправъ черезъ Рейнъ. Онѣ вторгнулись въ непріятельскую землю среди суровой зимы, не обращая вниманія на повсемѣстно разосланныя Наполеономъ воззванія къ общему возстанію и бывшія въ тылу ихъ крѣпости, которыми, такъ сказать, усѣяны сѣверная и восточная границы Франціи. Приходилось бороться не съ одними непріятельскими войсками, но и съ нуждами, преимущественно съ недостаткомъ продовольствія, въ чемъ встрѣчалось тѣмъ болѣе затрудненій, что распоряженія начальствъ, принадлежавшихъ различнымъ державамъ, нерѣдко противорѣчили одни другимъ. Въ перепискѣ, жалобахъ и упрекахъ длилось время, а, между тѣмъ, полки оставались безъ пищи. Наши больные и отсталые падали жертвами вооруженныхъ крестьянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ и ущельяхъ, откуда, особенно съ февраля, они нападали на проходившія команды и курьеровъ, прерывая сообщенія между арміями и корпусами. Еще вреднѣе было подчиненіе союзныхъ армій вліянію нѣсколькихъ кабинетовъ, не всегда согласовавшихся во мнѣніи не только на счетъ военныхъ предпріятій, но даже и самой необходимости войны. Наконецъ, надобно принять во вниманіе, что союзные генералы, не подвѣдомственные одной непосредственной верховной власти и столько-же между собою различествовавшіе въ свойствахъ, какъ и въ зависимости отъ дворовъ, во многомъ уступали тому, кто считался первымъ

полководцемъ нашего вѣка и, не обязываясь никому отчетомъ, былъ властелиномъ своихъ поступковъ. Мы превосходили непріятеля многолюдствомъ и отчасти устройствомъ войскъ, но у насъ не было и, по самому существу разнороднаго союза, не могло быть единства въ мысли и волѣ.

Русскія войска были размѣщены во всѣхъ трехъ дѣйствующихъ арміяхъ. Они заключались въ резервномъ кавалерійскомъ и шести пѣхотныхъ корпусахъ: гвардейскомъ, гренадерскомъ, графа Витгенштейна, графа Ланжерона, барона Сакена и барона Винцингероде Послѣдніе четыре корпуса имѣли при себѣ не одинаковое число регулярной конницы и казачьихъ полковъ и подраздѣлялись на нѣсколько корпусовъ, каждый въ двѣ пѣхотныя дивизіи, причемъ въ нихъ было всего 142,228 человѣкъ.

Въ то время внѣ предѣловъ Россіи находились еще двѣ русскія арміи: польская, подъ начальствомъ графа Беннигсена, числомъ около 50,000, и въ Варшавскомъ герцогствѣ резервная, князя Лобанова-Ростовскаго, около 80,000 человѣкъ, изъ которой въ теченіе похода нѣсколько разъ прибывали войска на усиленіе дѣйствующей арміи. Итакъ, въ началѣ 1814-го года за границею считалось болѣе 270,000 русскихъ войскъ.

Графъ Барклай де-Толли носилъ званіе главнокомандующаго россійской арміи, но непосредственно завѣдывалъ только россійско-прусскимъ резервомъ, при которомъ онъ находился, передавая ему повелѣнія императора Александра и сообщая о распоряженіяхъ князя Шварценберга. Его вліяніе на бывшіе при трехъ дѣйствующихъ арміяхъ наши боевые корпусы ограничивалось общимъ надзоромъ за устройствомъ ихъ и хозяйственною частью. Снабженіе русскихъ войскъ снарядами и аммуниціею составляло не маловажный трудъ, какъ ввиду удаленію войскъ отъ границъ Россіи и, слѣдовательно, отъ необходимыхъ пособій и источниковъ подкрѣпленій, такъ и по причинѣ размѣщенія ихъ по разнымъ арміямъ, гдѣ они состояли въ вѣдѣніи иностранныхъ начальниковъ, не имѣвшихъ прямой обязанности заботиться объ ихъ внутреннемъ благосостояніи. Часто бывали ощущаемы недостатки въ снарядахъ и разнаго рода аммуниціи, не отъ неимѣнія ихъ въ складочныхъ мѣстахъ позади армій, но отъ невозможности доставлять ихъ войскамъ. Графъ Барклай де-Толли не былъ при корпусахъ и не могъ знать о предписаніяхъ и назначеніяхъ, мимо него посылаемыхъ къ нимъ. По части продовольствія союзники также мало содѣйствовали русскимъ и нерѣдко оказывали совершенное равнодушіе къ нашимъ нуждамъ.

Тѣ-же четыре лица, которыя въ минувшемъ году состояли при государѣ, и въ этомъ походѣ были облечены его довѣріемъ: гр. Аракчеевъ, кн. Волконской, гр. Нессельроде и генер. Толь. На перваго было возложено укомплектованіе полковъ и пополненіе парковъ. Объявленіе русскимъ и иностраннымъ генераламъ Высочайшихъ повелѣній, относившихся до военныхъ дѣйствій, попрежнему составляло предметъ обязанностей начальника главнаго штаба его величества, князя Волконскаго. Дипломатическая часть оставалась въ вѣдѣніи гр. Нессельроде, находившагося съ кн. Волконскимъ безотлучно при императорѣ. По примѣру прошлогодняго похода, ген. Толь былъ при кн. Шварценбергѣ и обо всѣхъ извѣстіяхъ, получаемыхъ въ его главной квар-

тирѣ, немедленно доносилъ начальнику главнаго штаба для доклада его величеству. Онъ также передавалъ приказанія фельдмаршала начальникамъ нашихъ летучихъ отрядовъ, а въ случаяхъ, не терпѣвшихъ отлагательства, сообщалъ ихъ и русскимъ корпусамъ, бывшимъ при главной арміи.

Ввѣривъ свои войска предводительству иностранныхъ полководцевъ, императоръ предоставилъ себѣ общее вліяніе на ходъ военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ, для чего непрерывно былъ въ личныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ главными воинскими начальниками и министрами дворовъ. Онъ согласовалъ противорѣчивыя мнѣнія, воспламенялъ охладѣвшихъ къ продолженію войны и, неуклонно слѣдуя къ своей цѣли, сокрушенію Наполеона, направлялъ къ ней всѣ пружины огромнаго, многосложнаго союза, который безъ него не увѣнчался-бы успѣхомъ. Онъ настаивалъ на необходимости вести войну до послѣдней крайности и утверждалъ это мнѣніе вопреки общему желанію иностранныхъ кабинетовъ. Какъ въ станѣ союзниковъ Александръ, такъ во Франціи одинъ Наполеонъ отвергалъ миръ. Онъ не хотѣлъ предстать униженнымъ и безоружнымъ предъ лицомъ свѣта, еще недавно мечтавъ упрочить свое господство въ Европѣ. И вотъ являются два мощныхъ исполина: великіе соперники въ послѣдній разъ идутъ извѣдать свои силы. Неподкупная судьба разрѣшила ихъ побѣдою.

Интересны были въ ихъ жизни минуты, когда, довершая свои политическіе виды, они переносили войну въ предѣлы одинъ другого, т. е., когда Наполеонъ вступалъ въ Россію, а Александръ—во Францію. Приказы въ то время ими отданные войскамъ, ведомымъ ими на новый, дотолѣ небывалый подвигъ, суть историческіе памятники, носящіе на себѣ отпечатокъ мыслей верховныхъ предводителей. «Солдаты», говорилъ Наполеонъ. «Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться! Неужели считаетъ она насъ переродившимися? Развѣ мы—не воины Аустерлица? Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ предѣлы Россіи; настоящая война прославитъ французское оружіе, и мы заключимъ миръ прочный, полагающій преграду пагубному вліянію Россіи на дѣла Европы».

Вотъ слова императора Александра:

«Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ васъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворятся на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства своего властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля. Сіе есть намѣреніе Наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства Нашего, нанесли Намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу; но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина низвергать ополченнаго врага и по исторженіи изъ рукъ его оружія благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ

свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваша и ненавидящимъ васъ творите добро. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько-же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и, соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца желаній Нашихъ, всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что начальствующіе надъ вами не оставятъ взять нужныхъ для сего мѣръ, дабы несогласные съ симъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили къ общему нашему прискорбію того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь».

II.

Планъ военныхъ дѣйствій. Переправа союзныхъ армій черезъ Рейнъ. Первоначальныя движенія во Франціи.

Планъ военныхъ дѣйствій во Франціи начертанъ былъ императоромъ Александромъ 29 октября 1813 года, черезъ четыре дня послѣ прибытія его изъ Лейпцига въ Франкфуртъ на Майнѣ. Согласно этому плану и велись наступательныя дѣйствія. Въ половинѣ декабря 1813-го и въ январѣ 1814-го года союзныя арміи начали переправляться въ разныхъ мѣстахъ черезъ Рейнъ, издавна считавшійся неодолимою границею Франціи.

Для главной арміи была избрана операціонною линіею дорога, идущая изъ Базеля между горами Вогезскими и Юрою, чрезъ Везуль на Лангръ, назначенный сборнымъ мѣстомъ ввиду чрезвычайно выгоднаго положенія его въ военномъ отношеніи. Движенія главной арміи, состоявшей изъ войскъ шести державъ, были многосложны. При вступленіи во Францію, ее раздѣлили на девять колоннъ. Въ первыхъ пяти помѣщены были исключительно австрійцы, переправившіеся черезъ Рейнъ въ Швейцаріи, въ шестой виртембергцы, въ седьмой баварцы, въ восьмой и девятой русскіе и небольшое число пруссаковъ и баденцовъ. Пространство влѣво отъ Лангра было занято австрійцами, а вправо—войсками другихъ пяти государствъ.

Первымъ черезъ Рейнъ 20 декабря переправился Блюхеръ и занялъ Кобленцъ при помощи русскаго корпуса Сакена. На одной площади этого города стоялъ только что воздвигнутый по случаю занятія Москвы французами памятникъ, съ надписью: «Великому Наполеону во славу безсмертнаго похода 1812 года». Полковникъ Магденко, назначенный комендантомъ Кобленца, оставилъ монументъ неприкосновеннымъ, но подъ надписью приказалъ помѣстить слѣдующія слова: «Vu et approuvé par nous, commandant russe à Coblence en 1813».

Французы вездѣ отступали, и слѣдующимъ городомъ, занятымъ союзниками, былъ Нанси, ключи котораго Блюхеръ немедленно переслалъ императору Александру.

Союзныя арміи съ разныхъ сторонъ проникали далѣе и далѣе во Францію, не встрѣчая нигдѣ значительнаго сопротивленія. Когда

онѣ еще не переступали границъ этого государства, непріятельскія войска расположены были слѣдующимъ образомъ. Наблюденіе верхняго Рейна, отъ Базеля до Страсбурга, было поручено маршалу Виктору; пространство отъ Страсбурга до Кобленца—Мармону; отъ Кобленца внизъ по Рейну стоялъ Макдональдъ; Ней—у Нанси, Мортье—у Лангра. Корпусы всѣхъ этихъ маршаловъ были отдѣльные, не подчиненные одному главному начальнику, и получали приказанія прямо отъ Наполеона, находившагося въ Парижѣ. Разноначаліе было причиною того, что французы нигдѣ не были въ силахъ дѣйствовать противъ наступавшихъ колоннъ союзниковъ и не воспользовались лежавшими на пути ихъ крѣпостями, переправами, тѣснинами и выгодными позиціями. Ихъ корпусы, разставленные на пяти вышеупомянутыхъ мѣстахъ, походили болѣе на извѣщательные отряды, нежели на войска, назначенныя оборонять Францію. Согласно повелѣнію Наполеона, они повсюду отступали, направляясь на Шалонъ. Изрѣдка случались съ ними авангардныя дѣла. Иногда гарнизоны крѣпостей дѣлали вылазки, нисколько, впрочемъ, не остановлявшія движеній союзниковъ. У Ремиремона казачій отрядъ ген.-м. князя Щербатова, принадлежавшій къ главной арміи, имѣлъ съ непріятелемъ сшибку, замѣчательную тѣмъ, что здѣсь русскіе выстрѣлы впервые раздались на лѣвомъ берегу Рейна и своимъ гуломъ огласили предѣлы Франціи, гдѣ прежде никогда не гремѣло русское оружіе.

Императоръ Александръ, лично переведя въ Новый годъ гвардію черезъ Рейнъ въ Базелѣ, возвратился въ этотъ городъ и провелъ въ немъ четыре дня, а, между тѣмъ, въ непріятельскихъ областяхъ совершались первоначальныя движенія союзныхъ армій. Государь выѣхалъ изъ Базеля 4 января въ городокъ Дель, лежащій на границѣ Швейцаріи, и здѣсь имѣлъ первый ночлегъ во Франціи. На слѣдующій день онъ прибылъ въ Монбельяръ, мѣсто рожденія императрицы Маріи Ѳеодоровны; 6-го императоръ имѣлъ ночлегъ въ Виллерсекселѣ, 7-го въ Везулѣ, 8-го въ Комбофонтенѣ, 9-го въ Фебильо и 10-го пріѣхалъ въ Лангръ, лежащій въ двухстахъ верстахъ за Рейномъ.

Государь пробылъ въ Лангрѣ пять дней. Лангръ былъ сборнымъ мѣстомъ главной арміи, посредствомъ легкихъ отрядовъ уже вступавшей въ сообщеніе съ силезскою, и, въ первой половинѣ января, союзныя арміи прошли горы Юру и Вогезскія, прислонялись лѣвымъ крыломъ къ Ліону и правымъ къ Бріенну; главныя силы стояли на скатѣ возвышеній, откуда берутъ начало Мозель, Масъ, Марна, Объ, Сена и Луара. Еще шагъ, и мы спускались въ долины, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстояли битвы на жизнь и смерть, битвы, которыя должны были рѣшить торжество или разрушеніе союзовъ, заключенныхъ въ минувшемъ году для спасенія Европы. Подвигъ предстоялъ великій! До приступленія къ столь важному дѣйствію, возникли голоса въ пользу мира, и представились различныя соображенія, требовавшія предварительнаго обсужденія. Въ каждой войнѣ бываютъ періоды, когда по мѣрѣ одержанныхъ успѣховъ разсматриваютъ, должно-ли придерживаться первоначальнаго плана, принятаго при открытіи похода, или измѣнить его, согласно съ новыми встрѣтившимися обстоятельствами, особенно съ политическими видами, или даже заключить миръ, всегда составляющій конечную цѣль войны. По прибытіи монарховъ въ Лангръ, когда почти безъ выстрѣла покорена была четвертая часть Франціи, австрійскимъ кабинетомъ былъ представленъ

вопросъ: довольствоваться-ли пріобрѣтенными успѣхами и, слѣдовательно, мириться съ Наполеономъ или воевать и, если счастіе будетъ благопріятствовать оружію союзниковъ, возстановить въ Европѣ существовавшій до революціи порядокъ вещей?

Не всѣ союзные кабинеты смотрѣли одинаково на столь обширный, многосложный, важный предметъ, рѣшавшій общую участь Европы и каждаго государства порознь. Нѣкоторые кабинеты оказывали наклонность къ миру и совѣтовали остановиться въ Лангрѣ, но императоръ Александръ утверждалъ, что необходимо продолжать войну, говорилъ, что еще не пришло время мириться.

Согласно мнѣнію императора Александра, было рѣшено продолжать войну и вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, для чего созывался конгрессъ. Его уполномоченный, Коленкуръ, уже три недѣли ожидалъ въ передовой непріятельской цѣпи вида для свободнаго проѣзда въ городъ, гдѣ назначенъ будетъ конгрессъ. Чтобы точно опредѣлить дѣйствія конгресса, имѣвшаго собраться въ Шатильонѣ на Сенѣ, 16-го января происходило совѣщаніе, на которомъ рѣшили вступить въ переговоры съ Наполеономъ, дѣйствовать именемъ всей Европы, оставить Франціи только земли, принадлежавшія ей до войны 1792-го года, если Наполеонъ пожелаетъ, сообщить ему, для свѣдѣнія, поверхностное, общее понятіе о томъ, какимъ образомъ союзные монархи намѣреваются устроить будущую судьбу Европы, не входя, однако, въ частности, снабдить уполномоченныхъ наставленіями одинаковаго содержанія, въ случаѣ, если переговоры не приведутъ къ желаемой цѣли, объявить о томъ французскому народу. Затѣмъ союзные монархи назначили для конгресса своихъ уполномоченныхъ.

Хотя содержаніе данныхъ уполномоченнымъ наставленій было одинаково, однако-же, не всѣ кабинеты одушевлялись равнымъ желаніемъ прекратить войну. Нѣкоторые изъ нихъ, утомленные походомъ и сопряженными съ войною пожертвованіями, считали миръ необходимымъ, но Александръ взиралъ на происшествія съ другой точки зрѣнія. Посылая графа Разумовскаго на шатильонскій конгрессъ, онъ приказалъ ему не торопиться дѣйствіями и, во всякомъ случаѣ, не подписывать ничего рѣшительнаго, не испросивъ предварительно его повелѣній.

Такимъ образомъ, въ теченіе пятидневнаго пребыванія государя въ Лангрѣ приведенъ былъ въ ясность вопросъ о мирѣ и войнѣ, и устранены возникшія по этому важному предмету недоразумѣнія. Едва великое дѣло было совершено, какъ ночью, съ 16-го на 17-е января, прискакалъ изъ Шомона, главной квартиры князя Шварценберга, офицеръ къ государю, донося о томъ, что Наполеонъ началъ наступательныя движенія. Черезъ часъ потомъ, до разсвѣта 17-го числа, въ мрачную, бурную погоду, императоръ Александръ отправился изъ Лангра въ Шомонъ. Вскорѣ послѣ его величества поѣхали изъ Лангра уполномоченные на шатильонскій конгрессъ. Военныя дѣйствія и дипломатическіе переговоры открылись почти одновременно и въ продолженіе похода были между собою въ неразрывной связи.

III.

Побѣда подъ Бріенномъ. Шатильонскій конгрессъ.

Въ то время, когда государь былъ въ Лангрѣ, Наполеонъ отправился изъ Парижа въ армію. Онъ долго медлилъ отъѣздомъ, ожидая прибытія войскъ изъ Испаніи и занимаясь формированіемъ армій, разстроенныхъ прошлогоднимъ походомъ. Но, получая ежедневно донесенія о повсемѣстномъ наступленіи союзниковъ внутрь Франціи, онъ не хотѣлъ оставаться долѣе въ Парижѣ и рѣшился открыть походъ, хотя приготовленія къ войнѣ еще не были кончены. Онъ облекъ свою супругу въ званіе правительницы государства и поручилъ брату своему Іосифу военное начальство въ Парижѣ. Удаляясь изъ столицы, онъ приказалъ, въ первый разъ со времени достиженія имъ верховной власти, служить во всѣхъ церквахъ молебны о ниспосланіи ему побѣды. Подъ вечеръ 14-го января, въ Шалонѣ раздались клики: «Да здравствуетъ императоръ!» Войска повторили восклицанія народа, затрубили въ трубы, ударили въ барабаны, распустили знамена. Громъ пушекъ и звонъ колоколовъ возвѣстили прибытіе Наполеона въ Шалонъ, главную квартиру французской арміи. Она была расположена слѣдующимъ образомъ: центръ, корпусы маршаловъ Нея, Виктора и Мармона, стоялъ между Шалономъ и Витри; лѣвое крыло, маршала Макдональда, шло изъ Мезьера черезъ Ретель къ Шалону, правое, маршала Мортье, было въ Труа; правѣе отъ него, въ Оксерѣ; на берегахъ Іонны стоялъ отрядъ генерала Аликса. Наполеонъ тотчасъ отдалъ приказаніе къ наступательнымъ дѣйствіямъ, имѣя цѣлью соединить всѣ свои силы у Витри, потомъ выступить черезъ Сенъ-Дизье на Жуэнвиль и Шомонъ и, ставъ между силезскою и главною арміями, ударить на головы колоннъ послѣдней и разбить разобщенные корпусы ея. Маршалу Ожеро было велѣно въ то-же время оттѣснить австрійцевъ отъ Ліона, вторгнуться въ Швейцарію, взбунтовать ее и потомъ дѣйствовать на сообщенія главной арміи союзниковъ. Генералъ Мезонъ долженъ былъ, съ отдѣльнымъ корпусомъ, защищать Нидерланды и сѣверные предѣлы Франціи.

Пробывъ въ Шалонѣ 12 часовъ, Наполеонъ пошелъ черезъ Витри въ Сенъ-Дизье и аттаковалъ отрядъ ген. Ланскаго, оставленный тамъ Блюхеромъ для содержанія сообщеній въ сторонѣ Баръ-ле-Дюка съ передовыми войсками Іорка. Этимъ движеніемъ Наполеонъ отрѣзалъ отъ Блюхера корпусъ Іорка, находившійся около Меца, въ наблюденіи за крѣпостями на Маасѣ.

Въ это время Блюхеръ находился въ Бріенскомъ замкѣ только съ двумя пѣхотными дивизіями Олсуфьева и, не подозрѣвая прибытія Наполеона къ арміи, съ свойственною ему самонадѣянностью не переставалъ помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ и дожидался только прибытія къ Бріенну корпуса Сакена. Онъ даже самое наступленіе Наполеона принялъ за простую рекогносцировку.

Въ ночь съ 16-го на 17-е, князь Шварценбергъ былъ увѣдомленъ въ Шомонѣ о наступательномъ движеніи французовъ и оттѣсненіи Ланского изъ Сенъ-Дизье. Это извѣстіе произвело на него совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели на Блюхера; онъ не пренебрегъ имъ, какъ Блюхеръ, и справедливо заключилъ о начатіи Наполеономъ похода. Во всѣ стороны понеслись адъютанты, съ повелѣніемъ сосредоточивать войска у Баръ сюръ-Оба. Поспѣшность была необхо-

дима: корпусы находились далеко одинъ отъ другого. Утромъ 17-го числа прибылъ государь въ Шомонъ, главную квартиру князя Шварценберга, куда, отправляясь изъ Лангра, императоръ велѣлъ графу Барклаю де-Толли немедленно идти съ резервами. Въ Шомонѣ его величество занялся съ княземъ Шварценбергомъ средствами выручить Блюхера, подвергавшагося въ Бріеннѣ видимой опасности, и не дать непріятелю воспользоваться выгодами, какія онъ могъ извлечь изъ разобщеннаго положенія союзныхъ армій.

Пока Блюхеръ ожидалъ Сакена, для отступленія къ Транну, Наполеонъ часа въ два пополудни прибылъ изъ Сенъ-Дизье черезъ Монтьерандеръ въ Мезьеръ, Онъ тотчасъ аттаковалъ графа Палена, стоявшаго между Мезьеромъ, Лассикуромъ и Бріенномъ, на большой дорогѣ, которую нужно было удерживать какъ можно долѣе, давая Сакену время пройти изъ Лемона черезъ Бріеннъ, занятый Олсуфьевымъ. Натискъ на графа Палена поминутно становился сильнѣе. Французскія ядра уже перелетали черезъ нашъ авангардъ и ударяли въ колонны Сакена, возвращавшагося съ береговъ Оба. Сначала Наполеонъ не могъ вдругъ развернуть всѣхъ своихъ войскъ, потому что большая часть ихъ еще не успѣла прибыть на поле сраженія, но, по мѣрѣ приближенія ихъ, дѣло разгоралось. Никитинъ, начальникъ артиллеріи въ корпусѣ Сакена, вывезъ орудія изъ города и поставилъ ихъ на позицію; разсыпали стрѣлковъ; полки стали густыми колоннами скрытно въ улицахъ и садахъ города; большую дорогу совершенно очистили для прохода Сакена черезъ Бріеннъ. Миновавъ городъ, Сакенъ выстроился въ резервѣ; графъ Паленъ мало-по-малу отступалъ не бывъ въ состояніи съ небольшимъ отрядомъ удерживать возраставшія силы непріятеля. Къ тому-же онъ достигъ своей цѣли, давъ пѣхотѣ время занять свои назначенныя ей мѣста. Онъ сталъ съ кавалеріею на правый флангъ пѣхоты и очистилъ мѣсто артиллеріи; она тотчасъ начала канонаду. Непріятель громилъ городъ гаубицами и мгновенно зажегъ его. Необходимость принудила Наполеона превратить въ пепелъ мѣсто, гдѣ онъ воспитывался и провелъ привольные годы отрочества. Часть пѣхоты его бросилась на 15-ю батарейную роту и овладѣла нѣсколькими орудіями; французскіе драгуны ворвались въ Бріеннъ, посреди разбушевавшагося пожара, взрыва гранатъ и разрушенія черепичныхъ кровель. Никитинъ усилилъ огонь, билъ изъ 24 батарейныхъ орудій въ лѣвый флангъ французовъ и заставилъ ихъ отступить съ урономъ, оставивъ взятыя ими пушки 15-й роты. Въ то-же время графъ Паленъ, хотя не принадлежалъ къ силезской арміи, но, какъ старшій въ чинѣ изъ кавалерійскихъ генераловъ, принялъ начальство надъ всею конницею, сдѣлалъ на лѣвое крыло французовъ аттаку и взялъ 8 орудій. Городъ остался за нами, и битва начала утихать.

Считая сраженіе конченнымъ, Блюхеръ поѣхалъ ночевать въ Бріеннскій замокъ, лежащій на горѣ; офицеры его штаба разошлись и искали пріюта на ночь. Вдругъ раздались ружейные выстрѣлы; толпы непріятелей, тайно пробравшись садомъ, съ крикомъ и шумомъ вломились въ замокъ. Блюхеръ былъ въ верхнемъ этажѣ, откуда разсматривалъ черту огней непріятельскихъ биваковъ. Онъ поспѣшилъ внизъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ городъ. Дорогою онъ встрѣтилъ казака и узналъ отъ него, что французы ворвались въ Бріеннъ. При свѣтѣ пожара Блюхеръ могъ ясно различить непрія-

тельскую конницу, на рысяхъ шедшую прямо на него. Онъ повернулъ на проселочную дорогу, но не торопился и ѣхалъ шагомъ. Начальникъ штаба его Гнейзенау спросилъ его: «Развѣ вы желаете, чтобъ васъ съ торжествомъ ввезли въ Парижъ?» Блюхеръ далъ лошади шпоры и благополучно прибылъ къ войскамъ. Сакенъ также едва не былъ взятъ. Нѣсколько французскихъ эскадроновъ скрытно подошли къ городу, при въѣздахъ котораго наши не озаботились разставить карауловъ, и промчались по улицѣ, гдѣ распоряжался Сакенъ. Онъ прислонилъ лошадь къ близъ стоявшему дому и хладнокровно выжидалъ, пока мимо него неслись французы: въ суматохѣ они не распознали того, кто черезъ два мѣсяца потомъ былъ генералъ-губернаторомъ Парижа. Послѣ тревоги, Блюхеръ велѣлъ снова аттаковать замокъ и очистить городъ отъ непріятеля, засѣвшаго въ домахъ предмѣстій. Два раза ходилъ Олсуфьевъ на приступъ замка, но безъ успѣха и съ сильною потерею. Подъ прикрытіемъ мрака, непріятель, какъ въ цѣль, попадалъ въ наши колонны и стрѣлковъ, освѣщаемыхъ пожаромъ. Французы удержались въ замкѣ; Сакенъ овладѣлъ городомъ и провелъ въ немъ ночь. Въ два часа утра онъ получилъ приказаніе отступить къ Транну, по дорогѣ на Баръ сюръ-Объ, гдѣ была главная армія.

Такъ кончилось первое сраженіе во Франціи. Со стороны союзниковъ въ немъ не было никакихъ другихъ войскъ, кромѣ русскихъ. Нашимъ соотечественникамъ было суждено выдержать первый напоръ въ этомъ походѣ и не только отбить нападенія превосходнаго въ числѣ непріятеля, но даже овладѣть восмью орудіями. Начальникъ войскъ, находившихся въ огнѣ, Сакенъ распоряжался всѣми дѣйствіями самостоятельно. Русскіе и французы дрались ожесточенно. Потеря убитыми и ранеными простиралась съ каждой стороны до 3,000 человѣкъ. Наполеону непремѣнно надобно было одержать успѣхъ, въ начинавшейся войнѣ побѣдою укрѣпить духъ войскъ и французскаго народа, воскресить въ ихъ мнѣніи вѣру въ его прежнюю неодолимость и успокоить государство, встревоженное быстрымъ наступленіемъ союзниковъ. Защита русскихъ была отчаянная. Не за тѣмъ они пришли во Францію, чтобы при открытіи похода уступить славу непріятелю, постоянно два года ими побѣждаемому. Наполеонъ провозгласилъ Бріеннское дѣло громкою побѣдою, но онъ не одержалъ побѣды и присвоилъ ее себѣ потому только, что на слѣдующее утро Блюхеръ отступилъ на нѣсколько верстъ. Другой существенной пользы сраженіе не принесло Наполеону, потому что онъ не успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе напасть на тылъ силезской арміи и отрѣзать ее отъ главной. Напротивъ, это сраженіе имѣло для союзниковъ благодѣтельное послѣдствіе, непосредственно послуживъ поводомъ къ соединенію ихъ армій.

Послѣ дѣла при Бріеннѣ Наполеонъ не преслѣдовалъ Блюхера и не аттаковалъ его въ позиціи при Траннѣ, хотя былъ гораздо сильнѣе его. Онъ остановился на двое сутокъ въ Бріеннѣ и занялъ лежащія впереди деревни Діенвиль, Ла-Ротьеръ, Шомениль, Лажибери и Пети-Мениль. Французскій авангардъ подался немного впередъ этихъ селеній и изрѣдка стрѣлялъ изъ пушекъ по арріергарду силезской арміи. Двухдневное бездѣйствіе Наполеона, когда совершалось соединеніе союзныхъ армій для нанесенія ему жестокаго удара, казалось намъ непостижимымъ. Государь неоднократно посылалъ

освѣдомляться: дѣйствительно-ли, Наполеонъ, не трогаясь, стоитъ въ занимаемой имъ позиціи? Послѣ полудня 19-го января, французскія колонны потянулись отъ Бріенна къ Лемону, но вскорѣ возвратились на позицію. Глядя на ихъ движенія, мы заключали, что Наполеонъ помышлялъ о какомъ-либо рѣшительномъ ударѣ, но до поздняго вечера французы не двигались съ мѣста. Увѣряютъ, что бездѣйствіе Наполеона произошло отъ полученныхъ имъ ложныхъ извѣстій, будто мы идемъ къ Оксеру, и что онъ, находясь у Бріенна, намѣревался выждать совершенія этого движенія и потомъ напасть порознь на которую-либо изъ союзныхъ армій.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней видъ дѣлъ совсѣмъ измѣнился. 16-го января Наполеонъ былъ въ полномъ наступленіи, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды, находящіяся во власти того, кто первый открываетъ походъ. Онъ угрожалъ путямъ нашихъ сообщеній и имѣлъ возможность разбить по частямъ союзныя войска, расположенныя на такомъ значительномъ пространствѣ, что при нечаянномъ и быстромъ нападеніи нельзя было скоро сосредоточить ихъ для взаимной другъ другу помощи. Напротивъ, 19-го вечеромъ, большая часть нашихъ войскъ стояла уже соединенно противъ него, прикрывала свои сообщенія и изъ оборонительнаго положенія переходила въ наступательное.

Императоръ Александръ и прусскій король, переночевавъ въ Шомонѣ, рано утромъ 20-го января отправились оттуда черезъ Баръ сюръ-Объ и во второмъ часу пополудни прибыли на высоты при Траннѣ. Здѣсь главнокомандующіе, кн. Шварценбергъ, Блюхеръ и Барклай де-Толли, встрѣтили монарховъ, испрашивая приказаній для начатія сраженія. Монархи поручили всѣ войска начальству Блюхера и предоставили ему распоряжаться битвою по усмотрѣнію.

Погода была пасмурная; дулъ холодный вѣтеръ, шелъ снѣгъ, на нѣсколько минутъ затмевая воздухъ. Когда небо очистилось, ясно видны были линіи французскихъ войскъ, стоявшія въ боевомъ порядкѣ передъ Бріенномъ. Самый выборъ позиціи Наполеона былъ невыгоденъ. Въ случаѣ побѣды, онъ не могъ воспользоваться ею, такъ какъ при пораженіи, союзники могли безпрепятственно отступить за Баръ сюръ-Объ, на путь своихъ сообщеній.

Когда монархи пріѣхали на высоты при Траннѣ, откуда открывались всѣ окрестныя мѣста на дальнее разстояніе, начали разсуждать о предстоявшемъ сраженіи и выгоднѣйшемъ направленіи войскъ для аттаки непріятеля.

Во время этихъ разсужденій нельзя было безъ любопытства смотрѣть на Блюхера. Онъ хранилъ молчаніе, хотя являлся однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—распорядителемъ сраженія, которое должно было возгорѣться черезъ часъ. Казалось, онъ только ждалъ минуты боя. Наканунѣ кн. Шварценбергъ посылалъ къ нему начальника штаба гр. Радецкаго узнать его мнѣніе о военныхъ дѣйствіяхъ. Вмѣсто стратегическихъ замѣчаній, гр. Радецкій получилъ слѣдующій отвѣтъ Блюхера: «Надобно идти въ Парижъ. Наполеонъ былъ во всѣхъ столицахъ Европы; отплатимъ ему за посѣщеніе. Мы не будемъ имѣть спокойствія, пока не свергнемъ его съ престола».

Чтобы различить союзныя войска, которыя принадлежали шести державамъ и здѣсь впервые сражались заодно, приказано было у насъ всѣмъ, отъ генерала до солдата имѣть на лѣвомъ рукавѣ бѣ-

лую повязку. Впослѣдствіи, при нашемъ вступленіи въ Парижъ, она много способствовала къ ложному убѣжденію французовъ, обыкновенно выводящихъ изъ наружныхъ знаковъ разныя политическія заключенія, будто цвѣтъ повязки означалъ намѣреніе союзныхъ монарховъ возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Подъ Бріенномъ эта мысль не входила еще въ соображеніе монарховъ, доказательствомъ чему служатъ слѣдующія слова государя. Ген. Жомини доложилъ императору, что бѣлый цвѣтъ повязки, вѣроятно, подастъ поводъ догадкѣ о расположеніи союзныхъ дворовъ къ Бурбонамъ. Государь отвѣчалъ: «Какая мнѣ до нихъ нужда!»

Монархи отдали повелѣніе аттаковать. Гр. Гіулай пошелъ на Діенвиль, наслѣдный виртембергскій принцъ на Жибери, Сакенъ на Ла-Ротьеръ, гр. Вреде изъ Сулена къ Морвилье. Принцъ виртембергскій, дорогою къ Лажибери, встрѣтилъ въ лѣсу непріятеля и вытѣснилъ его стрѣлками. Потомъ, подойдя къ селенію, занятому французами, онъ построилъ войска колоннами, опрокинулъ непріятеля, взялъ три пушки и на штыкахъ ворвался въ селеніе, утверждая связь между центромъ, подъ начальствомъ Сакена, и лѣвымъ крыломъ, гр. Вреде. Тогда Сакену было приказано аттаковать Ла-Ротьеръ, а Гіулаю—Діенвиль. Вязкая грязь препятствовала движенію артиллеріи. Начальникъ ея въ корпусѣ Сакена, Никитинъ, испросилъ позволеніе идти въ дѣло съ половиннымъ числомъ орудій, т. е., съ 36-ю, а другія 36 оставить на Траннскихъ высотахъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неудачи можно было ими сдѣлать отпоръ. Онъ ручался за успѣхъ, если ему будетъ дозволено отъ оставляемой на позиціи артиллеріи взять людей и лошадей, сколько понадобится. Получивъ разрѣшеніе, Никитинъ приказалъ впрягать подъ батарейныя орудія по десяти, подъ легкія по шести, а подъ ящики по пяти лошадей, посадилъ людей на пушки и ящики и пустился во весь опоръ впередъ. Прискакавъ на должное разстояніе, батарея подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, быстро развернула фронтъ, сбросила орудія съ передковъ и открыла пальбу. Французскіе драгуны пошли на нее въ аттаку. Батарея, никѣмъ не прикрытая, потому что назначенные для ея охраненія полки были отъ нея въ дальнемъ разстояніи, прекратила канонаду; артиллеристы положили заряды на шинели у орудій, чтобы не было остановки въ подноскѣ ихъ, и, когда драгуны приблизились саженъ на триста, Никитинъ открылъ неумолкаемый огонь ядрами и картечью. Непріятелей не допустили саженъ на сто до орудій, и они въ разстройствѣ обратились назадъ. Вдругъ пошелъ крупный снѣгъ; въ самой близи нельзя было различать предметовъ; канонада на нѣсколько минутъ умолкла. Спустя немного подмерзло; послали людей и лошадей за оставленными при Траннѣ 36-ю орудіями.

Между тѣмъ, приблизились пѣхота и конница корпуса Сакена и повели аттаку. Гр. Ливенъ пошелъ на Ла-Ротьеръ; правѣе отъ него кн. Щербатовъ двинулся на непріятельскій центръ, защищаемый двадцативосьмипушечною батареею; Олсуфьевъ оставался въ резервѣ. Несмотря на жестокій огонь французовъ, наша пѣхота ни секунды не останавливалась; не дѣлая ни одного выстрѣла, она стройно подвигалась впередъ; Днѣпровскій пѣхотный полкъ, бывшій въ головѣ колонны кн. Щербатова, шелъ съ пѣсенниками. Ланской съ третьею гусарскою дивизіею ударилъ на непріятельскую конницу, опрокинулъ ее и погнался за нею, но въ преслѣдованіи былъ обращенъ назадъ,

Васильчиковъ подкрѣпилъ его драгунскою дивизіею Панчулидзева; французская кавалерія была смята, побѣжала и оставила безъ прикрытія 28-мипушечную батарею; кн. Щербатовъ и Васильчиковъ овладѣли этими орудіями. Описываемыя здѣсь дѣйствія сначала происходили въ виду государя, но вскорѣ скрылись отъ взоровъ его въ густомъ дыму; былъ только слышенъ грохотъ орудій. Нѣсколько минутъ императоръ не могъ видѣть съ высотъ при Траннѣ, что дѣлалось во мракѣ дыма; вскорѣ пріѣхалъ адъютантъ, донося ему о взятіи орудій. Послѣ этого подвига кн. Щербатовъ съ одною дивизіею остановился на отбитой батареѣ, а другую дивизію послалъ влѣво, на подкрѣпленіе гр. Ливена, къ селенію Ла-Ротьеру. Оно составляло ключъ непріятельской позиціи и было взято Сакеномъ; до девяти часовъ вечера непріятель пытался овладѣть имъ, но безъ успѣха. Принцъ Виртембергскій, обезпеченный на своемъ лѣвомъ крылѣ успѣхами русскихъ въ центрѣ, подошелъ къ Пети-Менилю, покорилъ его и взялъ девять орудій. Дѣйствія гр. Вреде были также быстры и успѣшны. При первой встрѣчѣ съ французами австрійская конница его корпуса отбила шесть орудій, потомъ онъ взялъ приступомъ деревню Шомениль и еще семь пушекъ. Только гр. Гіулай не могъ одолѣть непріятеля, истощаясь въ тщетныхъ покушеніяхъ противъ Діенвиля, откуда французы неоднократно обращали его назадъ.

Центръ боевой линіи французовъ былъ прорванъ и лѣвое крыло ихъ опрокинуто. Лишившись надежды удержаться въ занимаемой имъ позиціи, Наполеонъ былъ принужденъ отступить. Желая произвести отступленіе въ порядкѣ и на нѣкоторое время скрыть его отъ союзниковъ, онъ отдѣлилъ часть резерва на подкрѣпленіе лѣваго крыла, а самъ съ остальною частью и многочисленною артиллерію повелъ новую аттаку на Ла-Ротьеръ, поздно вечеромъ, въ совершенной темнотѣ, когда поле сраженія изрѣдка освѣщалось луннымъ свѣтомъ. Убѣжденные въ важности удержать за собою Ла-Ротьеръ, Наполеонъ, Блюхеръ и Сакенъ лично распоряжались въ улицахъ селенія. При возобновленномъ нападеніи, французы успѣли овладѣть имъ, однако-же, были вытѣснены подоспѣвшими туда малороссійскимъ и астраханскимъ гренадерскими полками, взятыми изъ близъ стоявшаго резерва, такъ какъ императоръ Александръ уже приказалъ двинуть на подкрѣпленіе сражающихся весь гренадерскій корпусъ со второю и третьею кирасирскими дивизіями, а гвардейскому корпусу податься впередъ и заступить мѣсто гренадеровъ. Видя невозможность овладѣть Ла-Ротьеромъ, французы начали отступать къ Бріенну. Наконецъ, около полуночи, послѣ шестикратнаго приступа, Гіулай взялъ Діенвиль, уступленный ему непріятелемъ только тогда, когда Ла-Ротьеръ былъ покоренъ. Всѣ селенія, при началѣ сраженія занятыя французами, достались во власть союзниковъ. Мракъ пасмурной январьской ночи не позволилъ тотчасъ воспользоваться побѣдою, и передовыя цѣпи были выставляемы ощупью. Нѣсколько офицеровъ французскаго генеральнаго штаба сбились въ темнотѣ съ дороги, въѣхали въ нашу цѣпь и были взяты въ плѣнъ.

Какъ въ прошломъ году подъ Лейпцигомъ, такъ и подъ Бріенномъ, адъютанты союзныхъ генераловъ, командовавшихъ корпусами, привозили донесенія объ успѣхахъ прямо государю, и тутъ-же, на Траннскихъ высотахъ, онъ жаловалъ имъ ордена. Когда адъютантъ Блюхера, гр. Ностицъ, привезъ извѣстіе объ окончательномъ удержа-

ніи нами Ла-Ротьера, императоръ обнялъ его радостно, говоря: «Скажите фельдмаршалу, что онъ увѣнчалъ всѣ свои прежнія побѣды». И подлинно, Бріеннское сраженіе было днемъ торжества Блюхера, распоряжавшагося въ виду союзныхъ монарховъ и двухъ главнокомандующихъ. Кн. Шварценбергъ и гр. Барклай де-Толли были простыми зрителями битвы, гдѣ подвизался соперникъ ихъ славы; несмотря на то, ни лица ихъ, ни рѣчи, не обличали малѣйшаго признака зависти. Напротивъ, они старались содѣйствовать Блюхеру совѣтомъ и готовностью отправлять на его подкрѣпленіе войска, бывшія подъ ихъ начальствомъ.

Государь былъ отмѣнно доволенъ порядкомъ и храбростью русскихъ войскъ, хвалилъ дѣйствія Сакена, который въ заключеніе донесенія о Бріеннскомъ сраженіи, писалъ: «Въ сей великолѣпный и достопамятный день Наполеонъ пересталъ быть врагомъ человѣческаго рода, и Александръ можетъ сказать: я даю вселенной миръ».

Трофеями этой первой, одержанной во Франціи, побѣды были 1,000 плѣнныхъ и 73 орудія, взятыя съ боя. Уронъ союзниковъ состоялъ въ 4,000 убитыхъ и раненыхъ. Главнокомандующіе кн. Шварценбергъ, гр. Барклай де-Толли и Блюхеръ были награждены золотыми шпагами съ алмазами и лаврами. Виртембергскій наслѣдный принцъ, Васильчиковъ, кн. Щербатовъ и гр. Вреде получили орденъ св. Георгія второй степени.

«Что послѣ этой побѣды скажутъ въ Парижѣ?» замѣтилъ государь, уѣзжая съ поля сраженія на ночлегъ въ Баръ сюръ-Объ. Дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное этимъ пораженіемъ на умы французовъ, было неописанно. Хотя Наполеонъ въ бюллетеняхъ называлъ Бріеннское сраженіе арріергарднымъ дѣломъ, завязавшимся для облегченія войскамъ его соединиться при Труа, однако-же, истина открылась скоро. Самые ревностные приверженцы Наполеона должны были сознаться въ его пораженіи и не могли попрежнему приписывать торжества союзниковъ стеченію нечаянныхъ обстоятельствъ: возвышенію воды въ Дунаѣ, какъ при Аспернѣ, суровости стихій, какъ въ Россіи, измѣнѣ саксонцевъ, какъ подъ Лейпцигомъ. Другое, не менѣе важное, слѣдствіе Бріеннской побѣды состояло въ томъ, что она обезпечила вступленіе союзниковъ во Францію, упрочила ихъ вліяніе на лежавшія въ тылу ихъ на лѣвомъ берегу Рейна области и убѣдила, въ чемъ сначала многіе сомнѣвались, въ возможности восторжествовать надъ Наполеономъ въ самомъ сердцѣ Франціи.

Всю ночь послѣ Бріеннскаго сраженія, армія Наполеона отступала по двумъ направленіямъ за рѣки Объ и Вуару, оставивъ на берегахъ ихъ сильные арріергарды, назначенные скрыть и обезопасить движеніе арміи. Съ разсвѣтомъ 21-го января, государь возвратился изъ Баръ сюръ-Оба на поле сраженія, подъѣхалъ къ корпусу Сакена, стоявшему колоннами, благодарилъ войско и сказалъ Сакену: «Ты побѣдилъ не только внѣшнихъ непріятелей, но и твоихъ домашнихъ враговъ». Вскорѣ войска двинулись за непріятелемъ. Императоръ Александръ и прусскій король слѣдовали за наступательнымъ движеніемъ колоннъ. Наслѣдный принцъ Виртембергскій и Вреде вытѣснили непріятеля изъ Бріенна и замка. Отступая, французы упорствовали въ защитѣ переправъ черезъ Объ и Вуару, стараясь затруднить союзникамъ переходъ черезъ эти рѣки. Загорѣлось

жаркое дѣло. Пули сыпались вокругъ государя. Вреде напрасно упрашивалъ его величество удалиться отъ столь опаснаго мѣста. Видя безполезность своихъ убѣжденій, Вреде сказалъ, наконецъ, государю: «Мнѣ нечего болѣе дѣлать, какъ самому уѣхать изъ сраженія». Вдругъ пошелъ сильнѣйшій снѣгъ: невозможно было стрѣлять изъ ружей и пушекъ. За метелью скрылось движеніе непріятеля. Бой прекратился, и монархи поѣхали въ Бріеннскій замокъ. Нѣсколько дней позорище сраженія, замокъ былъ картиною разрушенія, неразлучнаго съ войною. Изящное книгохранилище, собраніе драгоцѣнныхъ рукописей и предметовъ естественной исторіи не были пощажены ни французами, ни союзными войсками: книги и рукописи бросали за окна, сжигали въ каминахъ и на бивакахъ. По прибытіи союзныхъ монарховъ, порядокъ тотчасъ былъ возстановленъ. Ихъ величества пригласили въ замокъ кн. Шварценберга, гр. Барклая де-Толи и Блюхера для совѣщанія о будущихъ движеніяхъ. По окончаніи совѣщанія, императоръ возвратился въ Баръ сюръ-Объ, гдѣ пробылъ три дня, и 24-го января переѣхалъ въ Баръ сюръ-Сенъ.

Непріятеля не преслѣдовали быстро; въ арріергардныхъ дѣлахъ при Лемонѣ и Роне прошелъ весь день, и Наполеонъ успѣлъ выигралъ маршъ. Въ авангардѣ были австрійцы, виртембергцы и баварцы. Двигаясь чрезвычайно медленно, они потеряли изъ вида разбитаго непріятеля. Кн. Шварценбергъ былъ двое сутокъ въ неизвѣстности, куда отступили французы: на Труа, Арсисъ или Шалонъ? Для удостовѣренія въ истинномъ направленіи ихъ, государь послалъ съ легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіею ген.-ад. гр. Ожаровскаго, и онъ вскорѣ донесъ, что на Арсисъ потянулся только корпусъ Мармона, а Наполеонъ со всѣми силами пошелъ черезъ Пине на Труа. Донесеніе гр. Ожаровскаго казалось кн. Шварценбергу недостовѣрнымъ; онъ ожидалъ подтвержденія, и только по полученіи второго рапорта, одинаковаго содержанія съ первымъ, отдалъ приказаніе продолжать наступательное движеніе. Кн. Шварценбергъ полагалъ, что Наполеонъ будетъ защищаться въ Труа, основывая свое заключеніе на сдѣланныхъ вокругъ этого города французами новыхъ палисадахъ. Наполеонъ не остановился въ Труа и отходилъ къ Ножану, о чемъ немедленно было донесено партизаномъ Сеславинымъ, но кн. Шварценбергъ также не довѣрялъ этому важному извѣстію и опредѣлилъ произвести 25-го числа обозрѣніе непріятеля, расположеннаго около Труа; тѣмъ былъ потерянъ еще день. Обозрѣніе не состоялось; вмѣсто того кн. Шварценбергъ вознамѣрился, 26-го января, въ полдень, всѣми силами по обоимъ берегамъ Сены аттаковать Труа, гдѣ находился слабый французскій арріергардъ, никѣмъ не тѣснимый. Для нападенія составили въ австрійской главной квартирѣ длинную диспозицію, на трехъ страницахъ, и приказали войскамъ запастись лѣстницами и фашинами.

Находясь въ Баръ сюръ-Сенѣ, государь намѣревался выѣхать оттуда, желая присутствовать при предположенной аттакѣ. Въ 11 часовъ утра его верховая лошадь была подведена къ подъѣзду, когда получили извѣстіе, подтверждавшее донесеніе Сеславина объ отступленіи Наполеона изъ Труа, 25-го числа. Аванпостная служба до такой степени была слабо отправляема нѣмцами, что о движеніи Наполеона изъ Труа кн. Шварценбергъ узналъ не отъ своихъ передовыхъ войскъ, но отъ дезертировъ. Обратный маршъ по дорогѣ къ

Парижу, внизъ по Сенѣ, отнялъ у французовъ надежду на дальнѣйшій успѣхъ. «Солдаты», пишетъ одинъ очевидецъ, «шли удрученные горестью; трудно изобразить печаль ихъ; всѣ спрашивали другъ друга: гдѣ остановимся?»

На слѣдующій день государь выѣхалъ изъ Баръ-сюръ-Сена въ Труа, гдѣ его величеству представлялись почетные жители и просили именемъ согражданъ своихъ возстановить Бурбоновъ. Императоръ принялъ благосклонно депутатовъ, но отвѣчалъ, что просьба ихъ кажется ему преждевременною, и они подвергаютъ жизнь свою опасности, такъ какъ до помышленія о Бурбонахъ надобно побѣдить Наполеона.

Помышленія Александра устремлены были на Парижъ, и онъ, вѣроятно, въ воображеніи водружалъ русскія знамена среди непріятельской столицы, но союзники, считая миръ необходимымъ, воспользовались представившимся внезапно случаемъ для настоянія въ своихъ видахъ. 26-го января, на другой день послѣ отправленія Блюхеру повелѣнія государя о приближеніи къ Парижу силезской арміи, отъ Коленкура было получено изъ Шатильона отношеніе кн. Меттерниху, съ изъявленіемъ готовности подписать миръ, если принято будетъ предложенное имъ перемиріе. Это перемиріе было предложено на Шатильонскомъ конгрессѣ, который никакихъ очевидныхъ результатовъ не приносилъ.

По полученіи письма Коленкура, обнаруживающаго также намѣреніе французской дипломатіи, неоднократно старавшейся, въ теченіе похода, разнаго рода внушеніями отдѣлить вѣнскій дворъ отъ прочихъ союзниковъ, что, однако-же, каждый разъ было отвергаемо императоромъ Францомъ, Англія, Австрія и Пруссія склонились на перемиріе. Онѣ только желали согласія Наполеона предварительно отдать намъ нѣсколько крѣпостей въ залогъ искренности его не противиться миру, на условіи признать для Франціи границы 1792 года. Эти державы, зная нежеланіе государя договориться съ Наполеономъ, протоколомъ опредѣлили просить его величество о приказаніи гр. Разумовскому подписать миръ. Въ то-же время первенствующіе министры каждой изъ нихъ, лордъ Кастльре, князья Меттернихъ и Гарденбергъ, письменно изложили свое мнѣніе о продолженіи войны. Разсматривая положеніе дѣлъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, они единодушно заключили, что цѣль подписаннаго въ минувшемъ году союза достигнута, пришло время, когда для благоденствія Европы нужно было войти въ соглашеніе съ Наполеономъ, и изъявляли на то готовность и желаніе своихъ дворовъ, утверждая необходимость предлагаемой ими мѣры. Здѣсь впервые, со времени заключеннаго въ 1813 году въ Калишѣ дружественнаго союза съ Пруссіею, оказалось разномысліе берлинскаго кабинета съ императоромъ Александромъ.

Однако, видя непремѣнное расположеніе дворовъ прекратить войну и удостовѣрясь, что дальнѣйшее противорѣчіе повлечетъ за собою разрушеніе союза, императоръ болѣе не настаивалъ на своемъ мнѣніи о необходимости продолжать войну, цѣлью которой было «сокрушить непріятельскія арміи», и того-же числа, 3 февраля, приказалъ гр. Разумовскому подписать миръ на условіяхъ, предложенныхъ тюльерійскому кабинету при открытіи Шатильонскаго конгресса.

IV.

Побѣды Наполеона надъ Силезской арміей.

Пока между союзниками происходили переговоры, Наполеонъ, выступивъ изъ Труа, безпрепятственно отошелъ въ Ножану, укрѣпилъ его и со всею арміею сталъ на правомъ берегу Сены, выжидая, что предпримутъ союзники, чтобы потомъ, основываясь на ихъ дѣйствіяхъ, располагать свои движенія. Съ лѣваго крыла и тыла обходилъ его Блюхеръ, а съ праваго обходила главная армія, находившаяся не далѣе ста верстъ отъ Парижа. Всѣ помышленія Наполеона устремлены были къ спасенію столицы, и главную свою надежду онъ основывалъ на прибытіи изъ Испаніи старыхъ войскъ, поспѣшно направляемыхъ къ Ножану. Дѣйствія Блюхера представили ему благопріятный случай одержать побѣду. Пока главная армія медленно двигалась отъ Труа внизъ по Сенѣ, Блюхеръ выступилъ съ корпусами Сакена и Олсуфьева съ поля сраженія при Бріеннѣ черезъ Сентъ-Уанъ къ Шалону, предполагая соединиться около Вертю съ остальными корпусами силезской арміи, Іорка, Клейста и Канцевича, и идти съ ними на Парижъ. Изъ трехъ генераловъ Іоркъ былъ впереди, далѣе другихъ. Онъ находился близъ Шалона, гдѣ былъ расположенъ главный паркъ французской арміи, прикрываемый Макдональдомъ, шедшимъ отъ Дюссельдорфа на соединеніе съ Наполеономъ. Іоркъ аттаковалъ Шалонъ и овладѣлъ имъ. Макдональдъ отступилъ. Получивъ донесеніе объ этомъ, Блюхеръ вознамѣрился отрѣзать Макдональду дальнѣйшее отступленіе у Лаферте су-Жуара, гдѣ соединяются обѣ дороги, ведущія въ Парижъ изъ Шалона, или, по крайней мѣрѣ, отбить у него часть запаснаго парка, заключавшаго въ себѣ болѣе ста орудій, запряженныхъ крестьянскими лошадьми.

Движеніе силезской арміи къ Мо, прибытіе главной арміи къ Сенѣ и появленіе гр. Платова и Сеславина у Мелена, Санса и Немура, а бар. Винцингероде въ Лаонѣ, откуда Чернышевъ уже велъ его авангардъ къ Суассону, сильно встревожили Парижъ. Начали укладывать государственную казну, тайныя дѣла министерствъ, драгоцѣнныя картины и статуи. Курьеры и эстафеты, безпрестанно отправляемые изъ Парижа къ Наполеону, извѣщали его объ опасеніяхъ столицы, а Макдональдъ доносилъ о невозможности держаться и, принужденный отступать, дошелъ уже до Мо, лежащій въ трехъ небольшихъ переходахъ отъ Парижа. Въ-то же время Наполеонъ получилъ донесеніе Коленкура, съ условіями, предложенными ему въ Шатильонѣ, то есть, требованіемъ, чтобы Франція приняла границы 1792 года. Прочитавъ донесенія, полученныя изъ Парижа, Шатильона и отъ Макдональда, Наполеонъ долго молчалъ. Наперсники уговаривали его заключить миръ. Онъ отвѣчалъ: «Что буду я значить для французовъ, когда подпишу униженіе ихъ? Что скажу въ сенатѣ республиканцамъ, когда они спросятъ о прежней границѣ нашей, Рейнѣ? Отвергаю такой миръ». Онъ бросился на походную кровать, но сонъ бѣжалъ его глазъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, проведя съ нимъ большую часть ночи, неотступными просьбами успѣлъ смягчить его и получилъ позволеніе написать Коленкуру въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, дававшихъ возможность продолжать переговоры, такъ какъ Наполеонъ хотѣлъ выиграть время, желая отправить въ Парижъ условія союзниковъ и предложить ихъ на сужденіе тайнаго совѣта. Пока изготовляли бумаги

для отсылки въ Шатильонъ, Наполеонъ не сводилъ глазъ съ разложенной передъ нимъ карты Шампаньи и получилъ извѣстіе о разобщенномъ маршѣ корпусовъ селизской арміи. Въ эту минуту министръ поднесъ ему отвѣтъ, изготовленный по его приказанію для отправленія къ Коленкуру. «Теперь рѣчь не о мирѣ», сказалъ Наполеонъ; «я мысленно побѣждаю Блюхера; я разобью его завтра и послѣзавтра; если мое предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, дѣла совершенно перемѣнятся, и тогда увидимъ!» Онъ извѣстилъ Макдональда и брата своего Іосифа, что идетъ къ нимъ на помощь.

Оставивъ въ Провенѣ и Нанжисѣ корпусы маршаловъ Удино и Виктора и приказавъ имъ защищать переправы на Сенѣ до послѣдней крайности, Наполеонъ пошелъ черезъ Вильноксъ на Сезанъ, съ гвардіею и корпусами Мармона, Нея и Мортье, располагая ударить на войска силезской арміи, которыя встрѣтятся съ ними первыя. Прибывъ въ Сезанъ, онъ сначала колебался: идти-ли влѣво, на Монмираль, или прямо, черезъ Шампоберъ, на большую Шалонскую дорогу, но, получивъ отъ лазутчиковъ достовѣрное извѣстіе о настоящемъ расположеніи силезской арміи, двинулся на Шампоберъ, дорогами, въ тогдашнее время года едва проходимыми. Подъ артиллерію впрягали обывательскихъ лошадей. Съ величайшею трудностью тащили онѣ орудія по лѣсамъ, низменнымъ мѣстамъ и болотамъ, покрытымъ тонкою корою безпрестанно ломавшагося льда. Шедшій въ головѣ арміи Мармонъ воротился съ корпусомъ назадъ, увѣряя въ невозможности идти топями. Наполеонъ гнѣвно остановилъ его и приказалъ, во чтобы ни стало, подаваться впередъ.

Французская армія, переночевавъ при деревнѣ Понъ сенъ-При, утромъ 29 января выступила въ походъ, и вскорѣ авангардъ ея замѣтилъ корпусъ Олсуфьева, по данному Блюхеромъ повелѣнію подходившій къ Шампоберу. Олсуфьевъ вовсе не помышлялъ о бурѣ, готовой разразиться надъ нимъ, имѣя приказаніе Блюхера расположиться на нѣсколько дней въ Шампоберѣ и окрестностяхъ, дать войскамъ отдыхъ и оправиться послѣ сильныхъ потерь, понесенныхъ въ двухдневныхъ сраженіяхъ при Бріеннѣ: онѣ до такой степени обезсили корпусъ, что въ немъ оставалось подъ ружьемъ 3,690 человѣкъ пѣхоты; при нихъ было 24 орудія и 16 конныхъ вѣстовыхъ. Часть этого отряда, носившаго названіе корпуса, пришла въ Шампоберъ; солдаты начали варить кашу; квартирьеры отправились въ окрестныя селенія; все было тихо, какъ вдругъ Олсуфьева извѣстили о приближеніи французовъ въ значительныхъ силахъ. Желая удостовѣриться въ числѣ ихъ, онъ приказалъ ген. Удому занять егерскою бригадою деревню Байе, впереди Шампобера, на Сезонской дорогѣ. Егеря прогнали находившихся тѣмъ французскихъ стрѣлковъ. Вскорѣ появились непріятельскія колонны и аттаковали нашихъ. Удомъ просилъ подкрѣпленія, донося Олсуфьеву, что непріятели безпрестанно умножаются и поставили противъ него 12 орудій. На усиленіе Удома отправлены бригада и шесть пушекъ.

Въ девять часовъ завязалось жаркое дѣло въ авангардѣ, у Байе. Олсуфьевъ приказалъ воротить квартирьеровъ, выбросить кашу изъ котловъ, отправить лишнія тяжести въ Этожъ, войскамъ готовиться къ бою и подвинулъ отрядъ къ авангарду. Въ первомъ часу ясно обозначались огромныя французскія колонны. Не доходя Байе, онѣ раздѣлялись направо и налѣво, намѣреваясь совершенно обойти Шам-

поберъ. Олсуфьевъ созвалъ на совѣщаніе генераловъ. Они единодушно рѣшили отступить немедленно на Этожъ и оттуда къ Вертю, гдѣ была главная квартира Блюхера, но Олсуфьевъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ отступить, имѣя повелѣніе держаться въ Шампоберѣ, и присовокупилъ, можетъ быть, для одобренія своихъ подчиненныхъ, что Канцевичъ и Клейстъ—въ Сезанѣ, откуда, вѣроятно, скоро двинутся въ тылъ французовъ. Между тѣмъ, онъ неоднократно посылалъ увѣдомлять Блюхера о своемъ положеніи, донося, что, по увѣренію плѣнныхъ, противъ него дѣйствуетъ самъ Наполеонъ. Блюхеръ отвѣчалъ: «Ваши опасенія напрасны; Наполеона здѣсь быть не можетъ; въ отрядѣ, дѣйствующемъ противъ васъ, не болѣе 2,000 человѣкъ, предводимыхъ какимъ-нибудь смѣлымъ партизаномъ, а потому строго подтверждаю удерживать Шампоберъ, какъ мѣсто, связывающее мою армію въ Вертю съ корпусомъ Сакена въ Монмиралѣ».

Получивъ настоятельныя повелѣнія Блюхера держаться, Олсуфьевъ распорядился къ бою. Въ третьемъ часу пополудни вытѣснили Удома изъ Байе. Желая удержать непріятеля, растянутаго по своей многочисленности на большомъ пространствѣ, Олсуфьевъ разсыпалъ почти весь корпусъ въ стрѣлки. Цѣпь ихъ, занимая до трехъ верстъ, скрывала число нашихъ войскъ отъ непріятеля, безпрестанно въ теченіе утра выходившаго изъ Сенъ-Гонскихъ дефиле. Конные вѣстовые поминутно извѣщали Олсуфьева о приближеніи французовъ къ Шампоберу съ двухъ сторонъ, по шоссе изъ Этожа и Монмираля. Видя невозможность держаться и угрожаемый потерею сообщеній съ Блюхеромъ и Сакеномъ, Олсуфьевъ приказалъ собрать корпусъ и отступать къ Шампоберу, намѣреваясь потомъ идти къ Этожу. Едва отправили назадъ 12 орудій, когда узнали, что непріятель, сдѣлавъ обходъ лѣсомъ, занялъ шоссе. Олсуфьевъ пошелъ къ шоссе, приказавъ ген. м. Полторацкому съ бригадою и девятью орудіями защищаться въ Шампоберѣ.

Полторацкій успѣлъ войти въ Шампоберъ раньше непріятеля, поставилъ пушки на перекресткахъ и удачно отразилъ нѣсколько кавалерійскихъ аттакъ; но, когда оказался недостатокъ въ патронахъ, онъ принужденъ былъ дѣлать отпоръ холоднымъ оружіемъ. Отбиваясь штыками, онъ отступилъ изъ Шампобера и, хотя былъ тѣснимъ сильнымъ непріятелемъ, но не терялъ надежды спастись. Въ двухъ верстахъ отъ Шампобера былъ лѣсъ, куда направился Полторацкій. Его разстройство не скрылось отъ непріятеля. Французы два раза посылали переговорщика, требуя сдачи. Получивъ отказъ, они усилили аттаку, подвезли конную артиллерію и били въ наши войска, построившіяся въ каре. Приблизившись къ лѣсу, гдѣ думали найти убѣжище, Полторацкій увидѣлъ, что французы уже занимали лѣсъ, и былъ встрѣченъ оттуда батальнымъ огнемъ. Безпрестанно рѣдѣли ряды каре, громимаго картечью и натисками конницы. Стремительность французовъ возрастала отъ убѣжденія въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Одинъ за другимъ падали русскіе, обливая кровью каждый шагъ оспориваемой земли, но отсрочка неминуемой гибели не могла быть продолжительна. Ввиду совершеннаго изнуренія людей и несоразмѣрнаго числа непріятелей, Полторацкій былъ рѣшительно уничтоженъ и потомъ взятъ въ плѣнъ; девять находившихся при немъ орудій достались непріятелю.

Олсуфьевъ, намѣреваясь съ большею частью своихъ силъ отступить на Этожъ, нашелъ дорогу занятою, ударилъ въ штыки, но не былъ въ состояніи сдвинуть французовъ. Видя невозможность пробиться въ Этожъ, онъ принялъ влѣво, стараясь проселками пройти къ деревнѣ Лакоре. Темнота вечера и бездонная грязь, по которой пушки были везомы людьми, замедляли движеніе, а, между тѣмъ, непріятель окружилъ отрядъ, утомлялъ его кавалерійскими аттаками и пушечною пальбою. Наши полки, сражаясь весь день, выбились изъ силъ, разстрѣляли заряды и противопоставляли непріятелю рогатки штыковъ, открывая ими себѣ путь; въ суматохѣ корпусный командиръ Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ. Ген. Корниловъ, какъ старшій, принялъ начальство. «Въ такой крайности», пишетъ онъ въ своемъ донесеніи, «согласился я съ ген.-м. Удомомъ защищаться до послѣдней капли крови и не сдаваться. Мы собрали остатки корпуса, тысячъ до двухъ нижнихъ чиновъ, съ штабъ и оберъ-офицерами, и 15 орудій. Окруженные непріятелями, мы пробивались сквозь нихъ и лѣсомъ прошли къ селенію Портобинсонъ, сохранивъ всѣ знамена, а вмѣстѣ съ ними и честь».

Мы потеряли подъ Шамповеромъ до двухъ тысячъ убитыхъ и плѣнныхъ и девять орудій; но въ бюллетеняхъ Наполеона, возвѣстившихъ объ этомъ дѣлѣ, сказано, что онъ отбилъ 40 пушекъ, взялъ въ плѣнъ шесть тысячъ человѣкъ, а остальныхъ потопилъ въ прудахъ и озерахъ. Съ малыми измѣненіями, ложь Наполеона перешла во всѣ историческія сочиненія, и въ ней тѣмъ менѣе усомнились, что отрядъ Олсуфьева назывался корпусомъ, почему его считали несравненно многолюднѣе. Не зная, что въ отрядѣ было едва 4,000 человѣкъ, думаютъ, что Наполеонъ одержалъ блистательную побѣду.

Вотъ истинное описаніе происшедшей отъ ошибочныхъ распоряженій Блюхера погибели русскаго отряда, начальникъ котораго, вѣрный долгу службы, безпрекословно исполнилъ данное ему повелѣніе и весь день удерживалъ горстью людей назначенное ему мѣсто. Его дѣло было идти въ Шамповеръ, стоять тамъ и, если нужно, пожертвовать жизнью. Конечно, Олсуфьевъ не могъ вообразить, что Блюхеръ оставитъ его добычею всей французской арміи, и не заслуживаетъ упрека въ невѣдѣніи, что вступаетъ въ дѣло съ арміею Наполеона, потому что самъ Блюхеръ не былъ извѣщенъ о движеніяхъ французовъ.

Наполеонъ пригласилъ взятаго въ плѣнъ Олсуфьева къ себѣ ужинать, но, такъ какъ Олсуфьевъ съ трудомъ объяснялся по-французски, то Наполеонъ послалъ за Полторацкимъ и вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ.

«Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?».

«3,690 человѣкъ и 24 пушки».

«Вздоръ, этого быть не можетъ; вашъ корпусъ состоялъ, по крайней мѣрѣ, изъ 18,000 человѣкъ».

«Русскій офицеръ не говоритъ вздора: слова мои—настоящая истина. Впрочемъ, кромѣ меня, у васъ есть другіе плѣнные; отъ нихъ вы можете узнать то-же самое и удостовѣриться въ истинѣ».

«Если это справедливо», возразилъ Наполеонъ, «то по чести можно сказать, что одни русскіе умѣютъ такъ жестоко драться. Я прозакладывалъ-бы голову, что васъ было по крайней мѣрѣ 18,000».

Полторацкій сказалъ: «Однако-же, мы разбиты, и я въ плѣну».

«Что это значитъ? У вашего императора въ плѣну до 50 лучшихъ моихъ генераловъ, которые вамъ не уступятъ. Но, положимъ, я васъ истребилъ, хотя въ побѣдѣ нѣтъ большой чести, потому что войска мои дрались съ вами цѣлый день; однако-же, послѣдствія дѣла для меня важны, и я вамъ скажу: сегодня я разбилъ васъ, завтра уничтожу Сакена, въ четвергъ разобью авангардъ Витгенштейна, въ пятницу нанесу такой ударъ Блюхеру, отъ котораго онъ не опомнится, а потомъ надѣюсь на Вислѣ предписать миръ императору Александру».

«Дѣло довольно мудреное», возразилъ Полторацкій.

Потомъ Наполеонъ говорилъ о разныхъ предметахъ и, перейдя къ ходу войны 1812-го года, сказалъ: «Вашъ хитрецъ Кутузовъ обманулъ меня своимъ фланговымъ маршемъ». Онъ до такой степени расшутился, что Полторацкій начиналъ съ нимъ спорить и, между прочимъ, сказалъ, что французы сожгли Москву. Эти слова показались Наполеону непріятными, и онъ отвѣчалъ: «Какъ, французы? Это варварство сдѣлали вы, русскіе». — «Когда вы заняли Москву, и произошло въ ней смятеніе, то, можно сказать, жгли ее и французы, и мы; но я долженъ вамъ признаться, что русскіе о томъ не жалѣютъ и еще гордятся, что свою древнюю столицу обратили въ пепелъ, и могутъ скоро выстроить новую».—Наполеонъ еще болѣе разсердился и сказалъ: «Истребить столицу огнемъ есть варварская мысль и пятно для націи; я бралъ Берлинъ, Мадридъ, Вѣну, и нигдѣ подобнаго не случалось».—«Русскіе не раскаиваются, но восхищаются послѣдствіями своихъ дѣлъ». Наполеонъ, топнувъ ногою, велѣлъ плѣнному выйти вонъ.

При этомъ разговорѣ присутствовали маршалы Бертье, Ней, Мармонъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Маре. Полторацкій, сойдя съ лѣстницы, въ сопровожденіи жандармскаго полковника, пробирался биваками гвардіи, но былъ опять потребованъ къ Наполеону, осыпавшему плѣннаго привѣтствіями, послѣ чего онъ началъ разспросъ: «Въ какомъ числѣ русская гвардія и армія, гдѣ государь и генералы?» называя многихъ по фамиліямъ. На всѣ его вопросы Полторацкій отвѣчалъ: «Не знаю».—«Я поставилъ себѣ за удовольствіе», сказалъ Наполеонъ, «войти съ вами въ разныя сужденія, но вашъ отвѣтъ: не знаю, меня останавливаетъ. Къ чему вашъ императоръ употребляетъ вездѣ свои отличныя войска, а не нѣмцевъ? Я уничтожилъ-бы ихъ въ полчаса, вмѣсто того, что съ вами сражался сутки».

«Вы спрашиваете меня о расположеніи нашей арміи: это—тайна, а воля нашего императора, куда употребить русскія войска, для насъ священна».

«Храбрый воинъ говоритъ все, что у него на сердцѣ», сказалъ Наполеонъ.

«Присяга государю и отечеству иначе повелѣваетъ», отвѣчалъ Полторацкій.

Тутъ Наполеонъ, показавъ перехваченное приказаніе Блюхера Олсуфьеву, гдѣ было строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ не отступать отъ Шампобера, присовокупилъ: «Вотъ вашъ пьяница Блюхеръ! Зналъ-ли онъ, что я здѣсь? а гдѣ я, тутъ сто тысячъ больше». Послѣ этого Полторацкій, упорствовавшій въ отрицательныхъ отвѣтахъ о состояніи армій, вторично былъ высланъ изъ ком-

наты. Наполеонъ приказалъ отправить его въ Парижъ и имѣть за нимъ особенное наблюденіе.

Одержаннымъ подъ Шампоберомъ успѣхомъ Наполеонъ разрѣзалъ силезскую армію на двѣ части: Сакенъ и Іоркъ, находившіеся у Лаферте су-Жуара и Шато-Тьери, были совершенно отдѣлены отъ Блюхера, стоявшаго при Вертю, гдѣ онъ все еще ждалъ Капцевича и Клейста, посылая имъ одно повелѣніе за другимъ ускорять движеніе. Изъ Шампобера Наполеонъ могъ по произволу и съ увѣренностью въ удачѣ напасть на каждую изъ этихъ частей порознь, повернувъ направо, противъ Блюхера, или налѣво, противъ Сакена. Онъ избралъ послѣднее, обѣщавшее болѣе выгодъ. Оставивъ у Этожа противъ Блюхера корпусъ Мармона, онъ самъ, передъ разсвѣтомъ 30-го января, пошелъ къ Монмиралю, противъ Сакена, имѣвшаго повелѣніе Блюхера возвратиться и идти на соединеніе съ нимъ отъ Лаферте су-Жуара черезъ Монмираль въ Вертю.

Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ тронулся изъ Шампобера къ Монмиралю, Сакенъ возвращался туда-же изъ Лаферте су-Жуара и дорогою, въ Вье-Мезонъ, получилъ извѣстіе, что Монмираль занятъ французами, и утромъ Наполеонъ прибылъ въ этотъ городъ. Онъ не повѣрилъ извѣстію и продолжалъ маршъ. Въ девять часовъ утра, 30-го января, въ авангардѣ завязалась перестрѣлка. Увидѣвъ непріятеля, Сакенъ построилъ корпусъ въ боевой порядокъ: центръ расположился на большой дорогѣ изъ Лаферте су-Жуара въ Монмираль; правое крыло заняло селеніе Марше, близъ рѣчки Пети-Моренъ; лѣвое стало по направленію къ деревнѣ Фонтенель. Здѣсь къ Сакену долженъ былъ примкнуть Іоркъ, въ содѣйствіи котораго Сакенъ твердо былъ увѣренъ, зная, что движеніе на Фонтенель было предписано Іорку тою самою диспозиціею, которою Сакену назначалось выступить въ Монмираль. При самомъ началѣ дѣла къ Сакену пріѣхалъ прусскій генералъ Капцеръ и донесъ, что за нимъ слѣдуетъ авангардъ Іорка. Донесеніе Капцера вполнѣ убѣдило Сакена въ справедливости заключенія о содѣйствіи пруссаковъ и исполнило его несомнѣнною надеждою пробиться сквозь непріятеля, шедшаго ему навстрѣчу.

Между тѣмъ какъ французы подходили изъ Шампобера къ Монмиралю, прибылъ Наполеонъ и аттаковалъ Сакена, обращая усилія противъ нашего праваго крыла, стоявшаго у селенія Марше, гдѣ былъ пѣхотный корпусъ кн. Щербатова, мѣсто котораго, по его болѣзни, заступалъ ген. Талызинъ. Три раза селеніе переходило изъ рукъ въ руки. Наполеонъ нарочно упорствовалъ въ нападеніи на Марше, желая обратить сюда вниманіе Сакена, а потомъ, собравшись съ силами, ударить на его лѣвое крыло, отрѣзывая ему соединеніе съ пруссаками и перехватывая путь отступленія въ Марнѣ. Во время дѣла прибылъ Іоркъ, но безъ своего корпуса, и сказалъ Сакену, что пѣхота его скоро поспѣть не можетъ, и онъ всю артиллерію принужденъ былъ оставить въ Шато-Тьери, ввиду весьма худой дороги отъ Вифора до Монмираля, гдѣ нѣтъ мостовой. Такимъ образомъ, какъ подъ Бріенномъ и Шампоберомъ, опять одни русскіе должны были выдержать натискъ Наполеона.

Пробилъ часъ пополудни; сраженіе кипѣло по всей линіи, и Наполеонъ не имѣлъ еще успѣха. Часа въ три, показалась около Фонтенеля прусская бригада, но безъ артиллеріи, почему къ ней

были посланы двѣ русскія батарейныя роты. Полагая, что дальнѣйшее упорство противъ превосходнаго непріятеля было напрасно, удостовѣрившись изъ словъ взятаго въ плѣнъ капитана французской гвардіи, что Наполеонъ самъ предводительствуетъ войсками, Сакенъ приказалъ отступать. Лишь только французы замѣтили, что онъ оставляетъ Марше, они двинулись противъ его центра и пошли наперерѣзъ его боевой линіи. Кровь полилась рѣками. Французская кавалерія бросилась въ аттаку, но, опрокинутая Васильчиковымъ, не отважилась на вторичное покушеніе. Наши въ порядкѣ отходили къ Вифору по вязкой грязи, гдѣ многіе солдаты принуждены были бросать обувь. Талызинъ, которому съ праваго крыла пришлось проходить три версты, успѣлъ присоединиться къ корпусу, хотя непріятели старались преградить ему путь. Они отрѣзали только Софійскій пѣхотный полкъ, но и тотъ пробился штыками. Пруссаки также начали отступать отъ Фонтенеля, покровительствуемые находившеюся при нихъ русскою артиллеріею. Несмотря на жестокость ея огня, французы нѣсколько разъ врывались на батарею; многіе изъ нашихъ офицеровъ и прислуги были убиты и ранены штыками.

Ночь прекратила сраженіе. Васильчикову было поручено прикрывать отступленіе и дать артиллеріи возможныя средства проходить сквозь лѣсъ и топкія, почти непроходимыя болота. Конница привязывала къ орудіямъ арканы, а гусары и драгуны, человѣкъ по пятидесяти на каждую пушку, везли орудія на себѣ; пробившись всю ночь, наши къ разсвѣту пришли въ Вифоръ. На разстояніи 150 и 200 саженъ зажигали огни; они освѣщали путь и служили полкамъ средствомъ собираться къ знаменамъ. Для вытаскиванія орудій и поправки упряжи зажигали факелы, находившіеся въ нѣкоторыхъ ротахъ. При всѣхъ стараніяхъ Васильчикова, мы были принуждены бросить изъ числа болѣе поврежденныхъ восемь батарейныхъ орудій. Ночью корпусъ продолжалъ походъ въ Шато-Тьери; арріергардъ защищался вездѣ, гдѣ мѣстоположеніе позволяло останавливаться.

На слѣдующее утро Наполеонъ выступилъ изъ Монмираля къ Шато-Тьери, гдѣ прусскому генералу Горну было поручено съ 24 эскадронами удерживать непріятеля, пока Сакенъ и Іоркъ перейдутъ черезъ Марну. Онъ построилъ эскадроны въ двѣ линіи, въ каждой по двѣнадцати. Васильчиковъ и Ланской, стоя неподалеку на возвышеніи, совѣтовали ему перемѣнить боевой порядокъ, не обѣщавшій успѣха. Горнъ не послушалъ совѣта и оставилъ войска въ томъ положеніи, въ какомъ они находились. Первая линія его вся вдругъ понеслась въ аттаку. Французы выждали ее въ надлежащемъ разстояніи и опрокинули. Несясь назадъ, прусскіе эскадроны разстроили вторую линію и вмѣстѣ съ нею разсыпались по полю, гдѣ стояла пѣхотная бригада ген.-м. Гейденрейха, полки тамбовскій и костромской. Она построилась въ каре и долго удерживала непріятеля ружейнымъ огнемъ, но была сбита, причемъ взятъ въ плѣнъ бригадный командиръ и потеряны три орудія. Между тѣмъ, Сакенъ и Іоркъ переправлялясь черезъ Марну; въ пять часовъ пополудни они были уже на правомъ берегу ея и сняли за собою мосты. Потеря Сакена въ оба дня заключалась въ 5,000 человѣкъ, что составляло болѣе третьей части его корпуса, имѣвшаго до 14,000 подъ ружьемъ при началѣ Монмиральскаго дѣла, гдѣ пруссаковъ было до 4,000; изъ числа ихъ убито и ранено 850 человѣкъ.

И это сраженіе выставилъ Наполеонъ совершенною побѣдою, будто-бы одержанною надъ всею русскою арміею, хотя успѣхъ его заключался только въ томъ, что онъ принудилъ Сакена отступить. Конечно, будь Сакенъ менѣе рѣшителенъ, менѣе ревностенъ въ исполненіи данныхъ ему повелѣній, онъ могъ безпрепятственно уклониться къ Шато-Тьери и перейти тамъ черезъ Марну. Онъ избѣжалъ-бы кровавой встрѣчи съ тѣмъ, кто долго былъ грозенъ своимъ противникамъ, но такимъ движеніемъ онъ только могъ обезопасить себя и не исполнилъ-бы приказаній Блюхера.

Наполеонъ намѣревался переходить черезъ Марну вслѣдъ за Сакеномъ и Іоркомъ, но, получивъ донесеніе Мармона, находившагося въ Этожѣ для наблюденія за Блюхеромъ, что союзники начинаютъ его тѣснить, возложилъ на Мортье дальнѣйшее преслѣдованіе Сакена и Іорка, а самъ съ Неемъ и гвардіею поспѣшилъ на помощь Мармону.

Блюхеръ при Вертю, ожидая донесеній о происходившемъ у Сакена и Іорка, а особенно сближенія корпусовъ Капцевича и Клейста, пришедшихъ къ нему въ самый день Монмиральскаго сраженія, нѣсколько сутокъ провелъ въ бездѣйствіи, совершенно противоположномъ его обычной быстротѣ. Зная свойства Блюхера, можно заключить, что эти дни были изъ самыхъ тягостныхъ его жизни: до него безпрестанно доходили преувеличенныя жителями вѣсти объ успѣхахъ Наполеона, онъ зналъ о пораженіи Олсуфьева, слышалъ пушечные выстрѣлы Монмиральскаго сраженія, догадывался объ опасномъ положеніи Сакена, но не могъ идти ему на помощь ранѣе своего соединенія съ ожидаемыми ежечасно корпусами, равно какъ и съ конницею, имѣя въ ней совершенный недостатокъ. По малочисленности бывшихъ при немъ войскъ, онъ не рѣшался напасть на Мармона, стоявшаго противъ него въ Этожѣ, считая его силы, по донесеніямъ лазутчиковъ, въ тридцати тысячахъ. Наконецъ, когда пришли Капцевичъ, Клейстъ, остатки корпуса Олсуфьева и два прусскихъ кирасирскихъ полка, Блюхеръ, имѣя подъ ружьемъ около 15,000, пошелъ впередъ, намѣреваясь сдѣлать диверсію въ пользу Сакена и Іорка, не имѣя, однако, вѣрнаго свѣдѣнія о положеніи ихъ.

1-го февраля, Блюхеръ двинулся къ Этожу, вытѣснилъ оттуда французовъ, преслѣдовалъ изъ черезъ Шамповеръ до Фроменьера и на слѣдующій день пошелъ далѣе, по дорогѣ къ Монмиралю. Мармонъ, сражаясь, отступалъ и уже очистилъ Вошанъ, но въ это самое мгновеніе, когда союзныя войска овладѣли этимъ селеніемъ, показался Наполеонъ съ гвардіею и кавалерійскимъ корпусомъ, съ которыми, по полученіи донесенія о нападеніи на Мармона, онъ сдѣлалъ усиленный переходъ изъ Шато-Тьери. Все приняло другой оборотъ. Для тѣхъ, кто не бывалъ въ дѣлахъ, гдѣ начальствовалъ Наполеонъ, трудно изобразить, до какой степени присутствіе и личныя распоряженія его измѣняли видъ сраженій. Кавалерійскія аттаки производились быстрѣе, цѣпи стрѣлковъ рѣдѣли, и мѣсто ихъ заступали густыя колонны пѣхоты, на батареяхъ увеличивалось число орудій, огонь становился сильнѣе, адъютанты скакали по всѣмъ направленіямъ, и воздухъ оглашался повсемѣстными восклицаніями: «Впередъ! да здравствуетъ императоръ!»

Увидѣвъ приближеніе Наполеона, Мармонъ остановился, напалъ на прусскій авангардъ Цитена, слишкомъ далеко отдѣлившійся

отъ главнаго корпуса, вслѣдствіе чего онъ былъ принужденъ въ безпорядкѣ отступить на Блюхера, занявшаго, между тѣмъ, позицію. Въ непродолжительномъ времени многочисленная конница Наполеона ударила на его лѣвое крыло, опрокинула прусскихъ кирасировъ и бросилась на пѣхоту, но Блюхеръ успѣлъ уже построить ее въ каре, и аттака была безуспѣшна. Французская конница обошла оба его фланга, но была принята батальнымъ огнемъ изъ фасовъ каре. Прусскіе кирасиры, построясь позади пѣхоты, снова пошли въ аттаку. Видя поминутное возрастаніе непріятельскихъ силъ и упорство нападеній Мармона, Блюхеръ не усомнился въ прибытіи Наполеона, въ чемъ плѣнные не замедлили удостовѣрить его, и приказалъ отступать, думая только о возможности съ наименьшею потерею выдержать неизбѣжное преслѣдованіе Наполеона.

Войска начали отступленіе, построившись въ каре; въ промежуткахъ поставлена была артиллерія. Капцевичъ командовалъ лѣвымъ, Клейстъ правымъ крыломъ. Отъ деревни Жанвилье до Фроменьера, гдѣ начинаются лѣса, каждое каре было по нѣсколько разъ аттаковано; отстрѣливаясь, пѣхота двигалась къ Шампоберу. Французы неоднократно въѣзжали въ промежутки каре, однако-жъ, каждый разъ принуждаемы были возвращаться. Наши каре сохраняли возможный порядокъ. По увѣренію одного иностраннаго писателя, «Блюхеръ любовался особенно стройностью и спокойствіемъ движеній, производимыхъ русскими, какъ на учебномъ мѣстѣ». Нападенія возобновились съ новою яростью, когда войска вышли на поляну близъ Шампобера. Французская конница объѣхала каре со всѣхъ сторонъ и была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Пушечными выстрѣлами, батальнымъ огнемъ изъ ружей и штыками намъ приходилось прокладывать дорогу къ лѣсу, между Шампоберомъ и Этожемъ. Каре спѣшили достигнуть лѣсъ, гдѣ должно было прекратиться преслѣдованіе конницы. Оставалось пройти еще полверсты, и пѣхота была внѣ опасности. Солнце садилось, и при послѣднихъ лучахъ его исчезала надежда на спасеніе. Французы, сдѣлавъ обходъ, большими силами заняли Этожскую дорогу, впереди лѣса, и отрѣзывали намъ путь отступленія. Совершенное пораженіе казалось Блюхеру неизбѣжнымъ. Содрогнулась его мощная душа, при мысли, что ему, бывшему при немъ принцу Августу и всему корпусу предстоитъ плѣнъ. Онъ искалъ смерти и во время батальнаго огня становился передъ фасами каре. «Если васъ здѣсь убьютъ, то неужели вы думаете, что исторія васъ за то похвалитъ?» сказалъ ему его любимый адъютантъ, Ностицъ. Блюхеръ поворотилъ лошадь и, увидѣвъ своего начальника штаба Гнейзенау, сказалъ ему: «Если сегодня не погибну, то мнѣ долго жить; надѣюсь впослѣдствіи все исправить». Отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, всѣ видѣли, что не оставалось другого средства, какъ пробиваться. Ударили въ барабаны; могущественный звукъ ихъ въ рѣшительныя минуты долженъ былъ ободрить на новый подвигъ. Артиллерія и пѣхота направили огонь противъ французовъ, стоявшихъ на большой дорогѣ; они не выдержали огня, сошли съ шоссе и ограничились нападеніями на фланги и тылъ. Отступленію непріятеля способствовало также то счастливое обстоятельство, что конныя артиллерійскія роты, которые должны находиться при французскомъ отрядѣ, занявшемъ Этожскую дорогу, завязли въ грязи и не подоспѣли къ назначенному имъ мѣсту. Однако-

же, въ тревогѣ два батальона пруссаковъ были разстроены и взяты. Одинаковая участь угрожала генералу Шеншину. Онъ былъ отрѣзанъ съ бригадою, состоявшею изъ архангелогородскаго и шлиссельбургскаго полковъ, и, раненый картечью, продолжалъ командовать, пока не пробился, и тогда уже, ослабѣвъ силами, сдалъ начальство старшему. Конной артиллеріи подполковникъ Шушеринъ и капитанъ Фохтъ, въ присутствіи Блюхера, собрали и устроили канонеровъ, пошли въ аттаку, палашами прорубились сквозь кавалерію и спасли свои орудія.

Дѣло еще не кончилось: предстояло новое испытаніе. Въ Этожѣ, заблаговременно занятомъ французами, наши войска были встрѣчены ихъ огнемъ въ десять часовъ вечера, когда уже совершенно смерклось. Опять, но не надолго, закипѣла битва. Перестрѣливаться и маневрировать было не у мѣста: густыми толпами и съ восклицаніями ура! союзники понеслись впередъ, смяли непріятеля и, шагая по его трупамъ, ночью прибыли въ Бержеръ. Здѣсь преслѣдованіе прекратилось. Устроивъ по возможности войска, Блюхеръ продолжалъ черезъ нѣсколько часовъ отступленіе къ Шалону, куда пришелъ 3-го февраля. Въ этомъ убійственномъ дѣлѣ мы потеряли 15 орудій и до 6,000 убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Между послѣдними находился ген.-м. кн. Урусовъ; въ числѣ отбитыхъ французами орудій было 9 русскихъ.

Такимъ образомъ, силезская армія, доходившая до Мо и разбитая подъ Шампоберомъ, Монмиралемъ и дорогою отъ Вошана до Этожа, была отброшена частью за Шато-Тьери, частью къ Шалону. Блюхеръ, по самонадѣянности и природной отвагѣ, надменный прошлогодними успѣхами и Бріеннскою побѣдою, презиралъ непріятеля и не думалъ найти препятствія въ движеніи на Парижъ. На пути къ столицѣ Франціи, онъ соблазнился надеждою отрѣзать у Лаферте су-Жуара корпусъ Макдональда или, по крайней мѣрѣ, отбить у него паркъ, везенный изъ Шалона. Онъ послалъ за нимъ два корпуса и всю конницу, разбросалъ на великомъ пространствѣ армію, безъ взаимной связи между ея частями, и не прикрылъ ея летучими и извѣщательными отрядами. Наполеонъ воспользовался ошибками Блюхера, какъ великій полководецъ, и совершилъ единственный искусный маневръ въ этомъ походѣ. То былъ яркій проблескъ его славы, помраченной войнами двухъ минувшихъ лѣтъ, но и это кратковременное торжество обратилось ему во вредъ и едва-ли не было одною изъ главныхъ причинъ его паденія.

По прибытіи въ Шалонъ, Блюхеръ собиралъ поспѣшно свою разбитую армію и присоединилъ къ ней корпусы Сакена и Іорка, которые, переправившись у Шато-Тьери на правый берегъ Марны, шли большою Суассонскою дорогою на Уши, располагая поворотить оттуда черезъ Фимъ и Реймсъ къ Шалону. Маршалу Мортье было поручено преслѣдовать ихъ. Кромѣ того, Наполеонъ приказалъ коменданту Суассона, оставивъ въ крѣпости только необходимое число людей, идти съ остальными навстрѣчу и стараться по возможности наносить вредъ нашимъ отступавшимъ корпусамъ. Если-бы его повелѣніе было въ точности исполнено, то оно еще болѣе затруднило-бы движеніе Сакена и Іорка: они очутились-бы между двухъ огней, въ мѣстности, покрытой лѣсомъ и пересѣкаемой узкими тропинками, такъ какъ между Уши и Фимомъ не было большой дороги. Но въ то самое время, когда

комендантъ готовился исполнить волю Наполеона, съ сѣверной стороны Суассона неожиданно явился Чернышевъ, ведя авангардъ корпуса бар. Винцингероде.

Казаки расположились у самаго Суассона. Чернышевъ съ намѣреніемъ не вводилъ въ дѣло регулярныхъ войскъ, желая на другой день нечаянно подступить съ ними къ городу и не дать коменданту времени принять нужныхъ мѣръ обороны.

Во время приготовленій къ приступу, Чернышевъ посылалъ къ Суассонскому коменданту своего адъютанта Шепинга требовалъ сдачи, поручивъ ему преувеличить наши силы, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится. Комендантъ рѣшительно отказалъ въ сдачѣ и присовокупилъ, что не вдастся въ обманъ, зная малочисленность нашего отряда.

Въ десять часовъ утра, 2-го февраля, войска тронулись и со всѣхъ сторонъ полукружія начали подходить къ городу. Непріятели, давъ имъ прибризиться, сперва стрѣляли ядрами и потомъ картечью. Наша артиллерія, прибывъ на назначенныя мѣста, открыла огонь; двѣ роты егерей овладѣли постоялымъ дворомъ и производили пальбу съ его кровли и изъ оконъ. При этихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ мостовое укрѣпленіе, находившееся у Суассона въ ветхомъ состояніи, было оставлено непріятелемъ. Чернышевъ повелъ пѣхоту на приступъ городскихъ воротъ, но былъ отбитъ; вторая попытка кончилась также неудачно. Онъ началъ строить войска и готовиться на новый штурмъ, когда замѣтилъ смятеніе, внезапно происшедшее на городскомъ валу. Не угадывая причины суматохи, но желая воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, онъ велѣлъ прибить къ городскимъ воротамъ двѣ петарды, которыя отчасти взорвали ихъ. Егеря бросились впередъ и довершили разрушеніе воротъ. Туда направили пѣхоту, а за нею конницу и казаковъ. Натискъ былъ столь быстръ, что русскіе, вломившись въ городъ, успѣли захватить 3,600 плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ генераловъ, и взяли 14 орудій. Таковы были трофеи приступа, продолжавшагося два часа; наша потеря состояла изъ двухсотъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Причиною смятенія, замѣченнаго между непріятелями во время дѣйствія, была смертельная рана, полученная комендантомъ, ген. Руска; послѣ него не нашлось надежнаго офицера, могущаго замѣнить павшаго начальника и продолжать оборону.

Такъ совершилось предпріятіе, само по себѣ блистательное и особенно важное вліяніемъ на походъ. Оно вновь озаботило Наполеона объ участи Парижа, гдѣ только что праздновали его побѣды надъ Блюхеромъ, обезпечило отступленіе корпусовъ Іорка и Сакена и уменьшило невыгодное впечатлѣніе, произведенное на союзниковъ недавними успѣхами Наполеона.

Послѣ покоренія Суассона, за которое Чернышевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, Винцингероде намѣревался идти къ Шато-Тьери, на соединеніе съ Блюхеромъ, но еще не успѣлъ отдать приказаній выступать, когда услышалъ отъ плѣнныхъ о побѣдахъ Наполеона надъ силезскою арміею, въ чемъ удостовѣрились также изъ бумагъ генерала Руска. У него нашли полученное имъ передъ Суассонскимъ приступомъ извѣстіе о происшествіяхъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ и повелѣніе Наполеона послать отрядъ навстрѣчу отступавшимъ изъ Шато-Тьери корпусамъ Іорка и Са-

кена. Въ то-же время Винцингероде получилъ приказаніе Блюхера идти въ Реймсъ, куда немедленно и выступилъ. По случаю перемѣнившихся обстоятельствъ, онъ не счелъ нужнымъ раздроблять свои силы и оставлять гарнизонъ въ Суассонѣ, который и былъ занятъ Мортье, получившимъ приказаніе преслѣдовать силезскую армію. Потомъ Винцингероде велѣно было стать въ Реймсѣ, занявъ авангардомъ Эперне, Дорманъ и другія мѣста на правомъ берегу Марны и въ такомъ расположеніи ожидать прибытія корпусовъ гр. Строганова и гр. Воронцова, шедшихъ изъ сѣверной Германіи во Францію. Между тѣмъ, Сакенъ и Іоркъ присоединились къ Блюхеру, ждавшему ихъ въ Шалонѣ, гдѣ онъ съ величайшею дѣятельностью продолжалъ заниматься устройствомъ своей разбитой арміи.

Во время описанныхъ въ этой главѣ дѣйствій начала возгораться народная война во Франціи. Послѣ пораженія силезской арміи толпы ея солдатъ были разметаны въ разныя стороны. Къ нимъ присоединились многочисленныя тяжести различныхъ корпусовъ, погонщики, маркитанты и отсталые, обыкновенно присоединяющіеся къ обозамъ. Буйныя шайки разбрелись по лѣсамъ и селеніямъ и, не удерживаемыя уставами подчиненности, удовлетворяли порывамъ своихъ страстей. Издатели французскихъ газетъ преувеличивали описанія буйства, употребляли всѣ убѣжденія краснорѣчія, усиливаясь, въ угодность правительству, какъ можно болѣе распространять народное возстаніе. Съ одной стороны поджигаемые повелѣніями и воззваніями Наполеона, а съ другой, видя возможность поражать нашихъ разбредшихся солдатъ, жители вооружались и съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ продолжали нападенія до заключенія мира.

Пока Наполеонъ одерживалъ побѣды надъ силезской арміей, главная армія почти бездѣйствовала. 25-го января она пришла въ Труа, гдѣ на три дня расположилась на контониръ-квартирахъ. Только авангарды подвинуты были впередъ. Императоръ Александръ, сперва намѣревавшійся слѣдовать съ арміею, остановился въ Труа, гдѣ кн. Шварценбергъ соблюдалъ всѣ мѣры предусмотрительности, принимаемыя въ оборонительномъ положеніи. Онъ прикрывалъ на дальнее разстояніе фланги арміи и, какъ-будто опасаясь быть повсюду аттакованнымъ, разсѣялъ войска по всѣмъ направленіямъ. Такія несоотвѣтствующія его дарованіямъ распоряженія происходили не отъ его убѣжденія въ необходимости этихъ мѣръ, но были слѣдствіемъ желаній австрійскаго кабинета выиграть время для того, чтобы настаивать въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Стремясь достигнуть этой цѣли, вѣнскій дворъ далъ князю Шварценбергу тайное повелѣніе не переходить на правый берегъ Сены. Обстоятельство это объясняетъ поступки князя Шварценберга. Онъ самъ признался въ томъ государю на вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь истинная причина бездѣйствія главной арміи со времени занятія нами Труа и того, почему, преслѣдуя разбитаго подъ Бріенномъ непріятеля, она въ десять дней прошла только сто верстъ, отъ Бріенна до Ножана.

Между тѣмъ, пришли извѣстія о пораженіи Блюхера. Эти извѣстія произвели самыя непріятныя впечатлѣнія на нашихъ союзниковъ. Наши побѣды въ 1813-мъ году не могли затмить въ ихъ памяти прежнихъ многолѣтнихъ успѣховъ Наполеона надъ ними, и только послѣ разбитія Блюхера, справедливо заключая, что Наполе-

онъ не согласится на предложенныя ему въ Шатильонѣ условія, они поневолѣ должны были, хотя еще на нѣкоторое время, принять мнѣніе государя о необходимости продолжать войну. Такимъ образомъ, успѣхи Наполеона подъ Шампоберомъ, Монмиралемъ и Вошаномъ, съ одной стороны, разрушили надежды поборниковъ мира, а съ другой—приблизили Наполеона къ паденію. Вѣроятно, онъ избѣжалъ-бы погибели, если-бы предпріятія его противъ Блюхера были менѣе удачны. Не одержавъ успѣха, онъ-бы не противился болѣе предложеніямъ союзниковъ, рѣшился на требуемыя отъ него пожертвованія и удержался на престолѣ. Минутное торжество исполнило его надеждою сокрушить своихъ противниковъ и побудило не прекращать войны, т. е., сдѣлать именно то, чего хотѣлъ государь.

V.

Наступательныя дѣйствія Наполеона противъ главной арміи.

Наполеонъ, разбивъ силезскую армію и отбросивъ ее къ Шалону, устранилъ, какъ казалось ему, опасность, угрожавшую Парижу. Онъ не преслѣдовалъ Блюхера далѣе Этожа и, оставивъ противъ него Мортье и Мармона, возвратился съ гвардіею и прочими войсками изъ Шампобера черезъ Монмираль въ Мо, намѣреваясь начать оттуда наступательныя дѣйствія противъ главной арміи. Итакъ, въ въ третій разъ въ этомъ походѣ Наполеонъ начиналъ наступать: въ первый подъ Бріенномъ, во второй подъ Шампоберомъ, въ третій изъ Гиня, и каждый разъ въ передовой линіи своихъ противниковъ встрѣчалъ русскихъ.

Въ то время три корпуса главной арміи находились на правомъ берегу Сены: Виртембергскаго наслѣднаго принца въ Монтро, графа Вреде въ Донмари и Бре и графа Витгенштейна, который долженъ былъ по диспозиціи находиться въ Провенѣ, но самъ собою, вопреки предписанію князя Шварценберга, пошелъ въ Нанжисъ и отправилъ въ Морманъ авангардъ, подъ командою графа Палена. Ночью съ 4-го на 5-е февраля, непріятель, желая удостовѣриться, не отступили-ль русскіе изъ Мормана, приблизился къ нашей цѣпи, но, встрѣченный картечными выстрѣлами, возвратился въ лагерь. Отъ разъѣздовъ и бѣглыхъ французскихъ солдатъ графъ Паленъ узналъ о прибытіи Наполеона въ Гинь и намѣреніи его аттаковать насъ. Онъ тотчасъ донесъ объ этомъ корпусному начальнику, но не получилъ отъ него отвѣта. Графъ Витгенштейнъ, читая его рапортъ, считалъ его опасенія преувеличенными и сказалъ: «Кажется, графъ Паленъ заразился австрійскимъ духомъ!»

Графъ Паленъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Зная, что съ часу на часъ Наполеонъ ударитъ на него со всѣми силами, онъ былъ лишенъ возможности уклониться отъ грозы, такъ какъ, имѣвъ повелѣніе стоять въ Морманѣ, онъ все еще не получалъ отъ корпуснаго командира отвѣта на свои повторенныя донесенія. Безъ приказанія онъ не хотѣлъ отступить и, въ ожиданіи отвѣта графа Витгенштейна, рѣшился провести ночь подъ ружьемъ. Между тѣмъ, князь Шварценбергъ изъявилъ графу Витгенштейну неудовольствіе по поводу движенія его на Нанжисъ и Морманъ.

Графъ Витгенштейнъ приказалъ корпусу возвратиться изъ Нанжиса въ Провенъ и графу Палену отступить туда-же, оставивъ на-

блюдать за непріятелемъ легкую конницу, пока она не будетъ смѣнена находившимся близъ Нанжиса австрійскимъ авангардомъ корпуса Вреде. Отправивъ войска назадъ, графъ Витгенштейнъ поѣхалъ къ своему авангарду и дорогою узналъ, что графъ Паленъ тѣснимъ превосходными силами и уже оставилъ Морманъ. Какъ выше сказано, графъ Паленъ стоялъ всю ночь подъ ружьемъ. На разсвѣтѣ противъ него двинулся Наполеонъ изъ Гиня и Шома. Графъ Паленъ велѣлъ своему отряду отступать. Артиллерія шла большою дорогою; за нею слѣдовали пѣхотные полки: ревельскій, селенгинскій, эстляндскій и 25-й ерерскій; по сторонамъ дороги шла конница: девять слабыхъ эскадроновъ чугуевскихъ улановъ, ольвіопольскихъ и сумскихъ гусаровъ, и два казачьихъ полка; въ арріергардѣ оставлено было нѣсколько орудій. Въ началѣ движенія къ графу Палену пріѣхалъ адъютантъ Витгенштейна, съ отвѣтомъ на посланныя наканунѣ донесенія, приказаніемъ отступить авангарду и извѣщеніемъ, что корпусъ Витгенштейна возвращается изъ Нанжиса въ Провенъ. Слѣдовательно, Паленъ не могъ надѣяться ни на какое подкрѣпленіе до Провена, находившись отъ этого города въ сорока верстахъ; и долженъ былъ, какъ умѣлъ, уходить отъ Наполеона.

Болѣе часа отступленіе совершалось стройно. Пѣхота отстрѣливалась, хладнокровно выдерживала огонь слѣдовавшихъ за нею непріятельскихъ батарей и отбивала кавалерійскія аттаки. Напоръ непріятеля становился безпрестанно сильнѣе. Появилась пришедшая изъ Испаніи конница. Горя желаніемъ поддержать прежнюю славу французскаго оружія, воспламененная присутствіемъ Наполеона, подкрѣпляемая всею арміею, она яростно бросилась въ аттаку, опрокинула гусаровъ, улановъ и казаковъ, прорвала центръ, состоявшій изъ пѣхоты, и обратила весь авангардъ въ бѣгство. Общимъ разстройствомъ были увлечены пріѣхавшіе въ дѣло графъ Витгенштейнъ и начальникъ штаба его Довре, который едва не попался въ плѣнъ; адъютанты, погоняя его скользившую по льду лошадь, помогли ему избавиться плѣна. Тщетно графы Витгенштейнъ и Паленъ посылали требовать помощи къ австрійскому генералу Гардеку, стоявшему съ авангардомъ Вреде между Нанжисомъ и Донмари. Гардекъ отвѣчалъ, что ему не велѣно завязывать дѣла, и отступилъ къ Донмари, но былъ также настигнутъ французами у Бре и разбитъ. Сильное преслѣдованіе за Паленомъ кончилось у Мезонъ-Ружъ. Здѣсь французы раздѣлились: Викторъ направился къ Донмари, а Удино пошелъ къ Провену, гдѣ корпусъ графа Витгенштейна стоялъ на позиціи. Потеря наша заключалась въ девяти орудіяхъ и 2,114 убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. Бывшіе въ авангардѣ пѣхотные полки защищались упорно. Командиръ селенгинскаго полка, полковникъ Лебле, отразилъ нѣсколько кавалерійскихъ аттакъ и бился до послѣдней крайности, пока не былъ изрубленъ саблями и взятъ въ плѣнъ. Селенгинскій и ревельскій полки потеряли 1,359 человѣкъ, отчего совершенно разстроились и были отправлены въ Плоцкъ для переформированія. Государь не прогнѣвался на Палена за пораженіе и, увидѣвъ его въ первый разъ послѣ Морманскаго дѣла, у заставы при своемъ въѣздѣ въ Парижъ, сказалъ ему: «Ты напрасно думаешь, что Я на тебя сердитъ; знаю, ты не виноватъ».

Итакъ, 5-го февраля, Наполеону удалось оттѣснить къ самой Сенѣ большую часть главной арміи, находившейся на правомъ бе-

рету ея. На другой день наши корпусы совершили обратную переправу черезъ Сену, кромѣ виртембергскаго принца, получившаго повелѣніе держаться въ Монтро, чтобы прочія войска имѣли время сосредоточиться и не были обойдены слѣва. Резервы стали у Тренеля, куда и государь пріѣхалъ 6-го февраля, въ 5 часовъ утра. Австрійцы, занимавшіе Фонтенебло, тоѣно такъ-же получили приказаніе отступить оттуда на правый берегъ Іонны и присоединиться къ арміи. Въ тотъ день Наполеонъ аттаковалъ виртембергскаго принца и принудилъ его послѣ мужественной защиты отступить. Подъ выстрѣлами виртембергцевъ Наполеонъ взялся за свое прежнее ремесло артиллериста, самъ наводилъ пушку и на замѣчаніе объ опасности, которой онъ подвергался, отвѣчалъ: «Будьте спокойны: ядро, которое меня убьетъ, еще не отлито». Выраженіе справедливое: не чугунъ и свинецъ, но твердость Александра обратила въ ничтожество того, чье существованіе было кровавою насмѣшкою судьбы надъ человѣчествомъ.

Когда Наполеонъ овладѣлъ Монтро и другими переправами черезъ Сену, откуда онъ могъ по произволу дѣйствовать наступательно противъ главной арміи, государь рѣшилъ съ княземъ Шварценбергомъ, не принимая сраженія въ Тренелѣ, отступить къ Труа, собрать тамъ всѣ корпусы и ожидать присоединенія Блюхера, которому государь предписалъ сблизиться съ главною арміею. Повелѣніе дано было 4-го февраля, т. е., наканунѣ нападенія Наполеона на корпусы графа Витгенштейна и Вреде.

7-го февраля корпусы главной арміи сосредоточивались у Труа, откуда, согласно мнѣнію государя, они должны были, соединившись съ силезскою арміею, начать вновь наступательныя дѣйствія.

Наполеонъ былъ простымъ зрителемъ соединенія главной арміи и силезской. Какъ-будто обезсиленный тяжестью подвиговъ, совершенныхъ имъ между Марною и Сеною, онъ весьма слабо преслѣдовалъ главную армію и далъ разобщенное направленіе своимъ авангардамъ, вслѣдствіе чего они нигдѣ не могли дѣйствовать успѣшно. Самъ Наполеонъ провелъ нѣсколько дней въ Ножанѣ, особенно занимаясь новымъ росписаніемъ войскъ и распоряженіями движеній южной арміи, маршала Ожеро, дѣйствовавшей противъ австрійскаго генерала Бубны, который отступилъ тогда къ Женевѣ. Наполеонъ полагалъ, что Ожеро могъ рѣшить походъ, ставъ на сообщеніяхъ союзниковъ. Ввиду этого онъ велѣлъ ему идти вверхъ по рѣкѣ Сонѣ, опрокинуть находившіеся тамъ австрійскіе отряды, проникнуть въ Вогезскія горы, дѣйствовать въ нашемъ тылу, нападать на обозы, госпитали, отдѣльныя команды и, вооруживъ поголовно жителей, угрожать пути отступленія союзниковъ. Отправляя въ Ліонъ эти повелѣнія, Наполеонъ расчитывалъ, что его южная армія въ скоромъ времени будетъ подкрѣплена войсками, которыя должны были, согласно его предварительнымъ распоряженіямъ, прибыть изъ Италіи, такъ какъ ему не были извѣстны происшедшія здѣсь неблагопріятныя для французовъ перемѣны. Неаполитанскій король Мюратъ, до тѣхъ поръ единственный союзникъ Наполеона, объявилъ ему войну и заключилъ съ Австріею наступательный и оборонительный договоръ, обязываясь совокупно съ войсками этой державы дѣйствовать противъ французской арміи, находившейся въ Ломбардіи. Отпаденіе Мюрата лишило вице-короля италійскаго, начальствовавшаго тамъ

французами, возможности отрядить какую-либо часть войскъ къ Ліону, отъ чего соображенія Наполеона на счетъ дѣйствій Ожеро не могли быть приведены въ исполненіе. Притомъ Ожеро, на котораго повелитель его возлагалъ особенное довѣріе, не оправдалъ его: движенія Ожеро въ походѣ были медленны, неискусны.

Не сомнѣваясь въ точномъ исполненіи приказаній Ожеро, Наполеонъ предался надеждѣ счастливо кончить войну. Онъ написалъ изъ Ножана австрійскому императору письмо, предлагая, какъ можно скорѣе, заключить миръ на условіяхъ, объявленныхъ союзниками во Франкфуртѣ, т. е., чтобы Пиринеи, Альпы и Рейнъ были границею Франціи. Онъ говорилъ, что ни подъ какимъ видомъ не возвратитъ Бельгіи и Антверпена и не согласится на потребованныя въ Шатильонѣ уступки, называя ихъ «ужасными». Онъ увѣрялъ, что его армія гораздо сильнѣе, нежели союзники думали. Для убѣжденія въ этомъ онъ приглашалъ князя Шварценберга, Бубну или князя Меттерниха осмотрѣть его войска и утверждалъ, что имѣетъ средства дать еще нѣсколько сраженій, прежде чѣмъ союзники дойдутъ до Парижа. «Если Парижъ и будетъ покоренъ», говорилъ онъ, «то Франція никогда не потерпитъ ига, наложеннаго на нее Англіею; отчаяніе учетверитъ силы народа». Письмо Наполеона ясно указывало на особенное желаніе его разстроить союзъ заключеніемъ отдѣльнаго договора съ Австріею. Онъ говорилъ, что выгоды вѣнскаго кабинета и возстановленіе политическаго равновѣсія неразлучно были соединены съ условіями мира, предложенными во Франкфуртѣ, и необходимостью оставить Францію сильною морскою державою. Расточая почтительныя выраженія императору Францу, онъ писалъ о Россіи и Англіи, какъ непримиримый врагъ ихъ. Съ явною злобою нѣсколько разъ отзывался онъ о государѣ и обвинялъ его въ личномъ противъ него ожесточеніи. «Мщеніе Александра», писалъ онъ, «неосновательно. Передъ вступленіемъ въ Москву я предлагалъ ему миръ; въ самой Москвѣ я употреблялъ всѣ усилія, стараясь потушить пожаръ, возженный по его повелѣнію». Императоръ Францъ отвѣчалъ Наполеону, что союзники, непреклонные въ своихъ намѣреніяхъ, готовы прекратить войну и подписать миръ, основанный на равновѣсіи силъ и общій всѣмъ державамъ, а не отдѣльный, заключенный съ одною изъ нихъ, и что отъ Наполеона зависитъ положить конецъ бѣдствіямъ Европы, принявъ Шатильонскія условія. Вѣрный дружбѣ съ Александромъ, онъ опровергалъ въ своемъ отвѣтѣ обвиненія, взводимыя на государя Наполеономъ. «Вашему Величеству», писалъ онъ, «извѣстны благородныя чувства Россійскаго Императора; конечно, Вы увѣрены, что никакая мысль о мщеніи не можетъ имѣть вліяніе на его поступки».

Еще до полученія этого, для Наполеона не удовлетворительнаго, отвѣта, французская армія выступила къ Труа тремя колоннами. Правая шла на Сансъ, средняя на Павильонъ, лѣвая на Ромильи, имѣя повелѣніе овладѣть городомъ Мери, такъ какъ Наполеонъ, подаваясь впередъ, не могъ, для обезпеченія своего тыла, оставить во власти союзниковъ находящуюся въ Мери переправу. Городъ Мери былъ уже занятъ принадлежавшимъ къ силезской арміи корпусомъ князя Щербатова, которому Блюхеръ приказалъ уничтожить мостъ и защищать переправу. Наша передовая цѣпь стояла на лѣвомъ берегу Сены, и въ то самое время, когда непріятель аттаковалъ ее, въ

городѣ произошелъ сильный пожаръ. Нашихъ стрѣлковъ перевели за рѣку. Французы устремились за ними по бревнамъ изломаннаго и обгорѣлаго моста, но были прогнаны. На другой день непріятель возобновилъ попытку утвердиться на правомъ берегу, но также безъ успѣха. Упорная защита Мери обратила на себя вниманіе Наполеона. Онъ приказалъ узнать, какія именно союзныя войска тамъ находятся, и съ трудомъ повѣрилъ, когда ему донесли, что Мери занято русскими, входившими въ составъ арміи Блюхера, который, какъ Наполеонъ думалъ, долженъ былъ быть еще у Шалона.

Уныніе, между тѣмъ, овладѣло начальниками союзныхъ войскъ, встревоженными также извѣстіями о неудачномъ оборотѣ военныхъ дѣйствій на югѣ, а потому, когда съ часу на часъ ожидали сраженія, князь Шварценбергъ, 11-го февраля, внезапно отдалъ приказъ отступать отъ Труа и обратно переправиться на правый берегъ Сены.

Наше отступленіе продолжалось всю ночь съ 11-го на 12-е февраля. Непріятель не напиралъ сильно, и въ арріергардѣ было незначительное дѣло. На слѣдующій день, въ восемь часовъ утра, союзные монархи, находясь еще въ Труа, собрались къ прусскому королю на совѣщаніе, происходившее въ присутствіи нѣсколькихъ генераловъ и министровъ.

Большинство голосовъ было на сторонѣ противниковъ наступательнаго дѣйствія, предложеннаго государемъ въ Тренелѣ, а потому рѣшились предложить Наполеону перемиріе и отправили къ нему одного изъ адъютантовъ князя Шварценберга. Наполеонъ принялъ посланнаго въ мѣстечкѣ Шатръ, гдѣ онъ былъ почти въ виду Блюхера, находившагося у Мери. По своему обыкновенію, онъ вступилъ съ нимъ въ пространный разговоръ и, наконецъ, спросилъ: «Правда-ли, что союзники измѣнили прежнюю цѣль войны? Правда-ли, что вы хотите низвергнуть меня съ престола и вручить правленіе Бурбонамъ?» Адъютантъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстны намѣреніе союзныхъ монарховъ относительно перемѣны династіи. Къ вечеру его отправили изъ главной квартиры Наполеона съ слѣдующимъ надменнымъ письмомъ маршала Бертье къ князю Шварценбергу: «Увѣренія вашей свѣтлости въ желаніи Австріи скорѣе достигнуть общаго примиренія побудили императора принять ваше предложеніе. Коммиссары могутъ съѣхаться между Труа и Вандевромъ, для условій о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Прошу васъ увѣдомить меня объ имени коммиссаровъ, когда и гдѣ они завтра соберутся».

Договариваясь о перемиріи, Наполеонъ, вопреки желанію австрійцевъ, не согласился остановить военныя дѣйствія и тѣмъ поступилъ совершенно въ духѣ императора Александра. Заранѣе проникая намѣреніе союзниковъ вступить въ сношенія съ непріятелемъ, государь приказалъ князю Волконскому, въ самый день своего прибытія изъ Тренеля въ Труа, 8-го февраля, написать къ Винцингероде слѣдующее: «Если непріятель дастъ вамъ знать о прекращеніи военныхъ дѣйствій, заключеніи перемирія или даже мира, государю императору угодно, чтобъ вы не обращали на то вниманія, но продолжали ваши движенія впредь до полученія особеннаго повелѣнія Его Императорскаго Величества». Здѣсь видимъ новое доказательство постоянной твердости императора Александра: успѣхъ и неудачи не колебали его.

Не одни иностранные кабинеты роптали на непреклонность

Александра продолжать войну съ Наполеономъ: миръ былъ въ то время любимымъ предметомъ общихъ разговоровъ въ арміи, даже между довѣренными лицами, находившимися при государѣ. Что мира не заключили и Европа не предана въ жертву честолюбія Наполеона, тому виновникъ одинъ Александръ. Онъ далъ обѣтъ не сдлагать меча, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ Россіи, и съ презрѣніемъ отринулъ сдѣланныя Наполеономъ изъ Смоленска и Москвы предложенія, и во Франціи, послѣ побѣдъ Наполеона, онъ не внималъ общему голосу и постоянно отвергалъ миръ, требованный близорукою политикою, не помышлявшею, что удержаніе Наполеона на престолѣ было-бы для Европы источникомъ нескончаемыхъ золъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда государя изъ Труа, французская армія подступила къ этому городу и требовала сдачи, но получила отказъ отъ австрійскаго генерала, имѣвшаго приказаніе держаться въ Труа, пока главная армія не совершитъ переправы на правый берегъ Сены. Французы открыли огонь по Труа и ходили на приступъ, но были отбиты. Наполеонъ, вечеромъ пріѣхавъ къ войскамъ, не возобновилъ нападенія, вѣроятно, желая избавить жителей отъ бѣдствій, сопровождающихъ ночную аттаку. Съ разсвѣтомъ 12-го февраля, австрійцы очистили городъ, и французы заняли его. Тотчасъ по пріѣздѣ туда Наполеонъ приказалъ разстрѣлять трехъ жителей, которые при вступленіи союзниковъ въ Труа надѣвали бѣлыя кокарды и орденъ св. Людовика, въ знакъ преданности своей Бурбонамъ. Эта мѣра строгости обратилась во вредъ Наполеону. Казнь роялистовъ пробудила во Франціи угасшее воспоминаніе о прежнихъ короляхъ, объ орденахъ и бѣлой кокардѣ стариннаго царственнаго поколѣнія, оживила въ умахъ французовъ до тѣхъ поръ еще никѣмъ громко не произнесенное имя Бурбоновъ и тѣмъ самымъ возродила для Наполеона новую опасность, новаго врага. Изъ Труа французы пошли частью на Шатильонъ, частью на Вандервъ, за главною арміею, въ тотъ день сосредоточивавшеюся у Баръ сюръ-Оба. Сюда прибылъ и государь изъ Вандевра, не въ веселомъ расположеніи духа, потому что никогда еще столь сильно, какъ въ то время, не обнаруживалось между союзниками разномысліе относительно военныхъ и политическихъ дѣйствій. Желая положить конецъ колебанію и принять рѣшительныя, единодушныя мѣры, его величество созвалъ на слѣдующій день военный совѣтъ.

На другой день послѣ прибытія императора Александра изъ Вандевра въ Баръ сюръ-Объ, 13-го февраля, въ восемь часовъ утра, союзные монархи собрались къ прусскому генералу Кнезебеку; онъ былъ нездоровъ, и потому въ его комнатѣ назначили засѣданіе.

При началѣ совѣщанія мнѣнія были не одинаковы: большая часть присутствовавшихъ признавали болѣе выгоднымъ отступить обѣимъ арміямъ. Государь противился предложенію и сказалъ: «Въ случаѣ отступленія, я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками, гвардіею, гренадерами и корпусомъ графа Витгенштейна, соединюсь съ Блюхеромъ и пойду на Парижъ. Надѣюсь», присовокупилъ онъ, обращаясь къ прусскому королю, «что ваше величество, какъ вѣрный союзникъ, доказавшій мнѣ свою дружбу, не откажетесь идти со мною». Король отвѣчалъ, что онъ не разстанется съ государемъ и давно уже предоставилъ свои войска распоряженію его величества. «Для чего-же одного меня

оставлять?» сказалъ императоръ Францъ. Такъ взаимныя пріязненныя отношенія монарховъ были причиною единодушныхъ мѣръ, принятыхъ въ Баръ сюръ-Обѣ.

По окончаніи засѣданія государь отправилъ письмо къ шведскому наслѣдному принцу и послалъ Блюхеру, Веймарскому герцогу, Винцингероде и Бюлову за своею подписью повелѣнія, согласныя съ принятыми въ военномъ совѣтѣ положеніями. Потомъ его величество поѣхалъ въ Шомонъ, и провелъ тамъ двѣ недѣли.

ГЛАВА XIX.

Паденіе Наполеона.

I.

Сраженіе при Баръ сюръ-Обѣ. Наступленіе главной арміи.

Какъ послѣ Бріеннскаго сраженія, такъ и теперь, обѣ арміи раздѣлились: силезская пошла впередъ, къ Марнѣ, а главная назадъ, къ Лангру.

На другой день послѣ отступленія изъ Баръ сюръ-Оба, въ 10 часовъ утра, къ прусскому королю, находившемуся въ Коломбе-Лезеглизъ, между Баръ сюръ-Обомъ и Шомономъ, пріѣхалъ нарочный отъ Блюхера съ донесеніемъ объ его благополучномъ переходѣ черезъ Объ при Англюрѣ и Бодемонѣ и о томъ, что непріятель только съ частью войскъ слѣдуетъ за главною арміею на Вандевръ и Баръ сюръ-Сенъ, а прочіе корпусы соединяетъ у Мери, вѣроятно, имѣя въ виду идти за силезскою арміею.

Между тѣмъ, Удино занялъ Баръ сюръ-Объ и подвигался оттуда впередъ, но былъ остановленъ батареями Вреде, который, узнавъ, что на другой день главнокомандующій намѣревался сдѣлать наступательное движеніе, въ тотъ-же вечеръ хотѣлъ опять завладѣть Баръ сюръ-Обомъ, за сутки имъ оставленнымъ. Баварцы ворвались въ городъ, но были опрокинуты и удержали за собою только предмѣстье.

Съ разсвѣтомъ 15-го февраля, назначеннаго для аттаки французовъ, шедшихъ вслѣдъ за главною арміею, графъ Витгенштейнъ выступилъ изъ Коломбе-Лезеглизъ къ Баръ сюръ Обу. Впереди этого города стоялъ корпусъ Вреде; тутъ-же находились прусскій король и князь Шварценбергъ, еще не имѣвшій опредѣленнаго мнѣнія, какимъ образомъ вести аттаку. Сперва онъ намѣревался поручить баварцамъ вытѣснить непріятеля изъ Баръ сюръ-Оба и подкрѣплять ихъ корпусомъ графа Витгенштейна. Увидѣвъ, что въ узкой долинѣ сосредоточено было до 40,000 союзныхъ войскъ, между тѣмъ какъ лежащія справа горы, откуда непріятель могъ насъ обойти, никѣмъ не были заняты, графъ Витгенштейнъ предложилъ овладѣть горами и оттуда дѣйствовать въ лѣвое крыло французовъ. Князь Шварценбергъ и Вреде согласились съ его мнѣніемъ, но Вреде присовокупилъ, что ввиду усталости людей и лошадей войска его не могутъ выполнить это движеніе. Услышавъ этотъ отзывъ, графъ Витгенштейнъ испросилъ у князя Шварценберга позволеніе отправиться туда съ своимъ корпусомъ и, получивъ согласіе, пошелъ оврагами и вино-

градниками на гору Мальпинъ, гдѣ стояли корпусы Удино и Жерара. своимъ расположеніемъ заслоняя мостъ черезъ Объ при Доланкурѣ, Правое крыло ихъ было у Баръ сюръ-Оба, лѣвое—у Левиньинскаго лѣса. Войска графа Витгенштейна заключались въ двухъ пѣхотныхъ корпусахъ, князя Горчакова и принца Евгенія Виртембергскаго, и конницы, графа Палена. Онъ приказалъ князю Горчакову напасть на непріятеля съ фронта, а принцу Евгенію и конницѣ обходить его справа, черезъ Левиньи и Арсонваль къ Доланкуру, стараясь отрѣзать ему тамъ переправу. Былъ второй часъ пополудни, такъ какъ много времени прошло въ совѣщаніяхъ и пока корпусы взбирались на горы. Наконецъ, достигнувъ высотъ, войска тронулись по данному направленію. Графъ Витгенштейнъ присутствовалъ при корпусѣ князя Горчакова и, поднявшись за Арантьеръ, увидѣлъ французовъ въ полномъ противъ него наступленіи, а конницу переходившею на ихъ помощь съ лѣваго берега Оба. Не имѣя съ собою конницы, потому что она пошла въ обходъ съ графомъ Паленомъ, графъ Витгенштейнъ послалъ ему повелѣніе возвратиться, опасаясь прорванія своего центра, чѣмъ войска, направленныя къ Левиньи и Доланкуру, могли быть отрѣзаны. Графъ Паленъ поручилъ адъютанту графа Витгенштейна просить его отмѣнить приказаніе, надѣясь вскорѣ достигнуть переправы при Доланкурѣ и стать на сообщенія непріятелей, но, получивъ вторичное, подтвердительное повелѣніе долженъ былъ повиноваться. Между тѣмъ, дѣло завязалось по всей линіи. Графъ Витгенштейнъ просилъ подкрѣпленія у князя Шварценберга, остававшагося въ долинѣ съ Вреде, но до прибытія подкрѣпленій французы вскорѣ остановились, когда увидѣли, что одна дивизія корпуса принца Евгенія Виртембергскаго выходила изъ Левиньинскаго лѣса противъ оконечности лѣваго крыла ихъ, и что въ то-же время Вреде повелъ на Баръ сюръ-Объ аттаку, которою до тѣхъ поръ медлилъ, ежеминутно ожидая извѣстій объ успѣхахъ русскихъ войскъ.

Баварцы и австрійцы встрѣтили въ городѣ сильное сопротивленіе. Французы засѣли въ домахъ и оттуда стрѣляли, но Удино помышлялъ уже объ отступленіи, видя обходъ своего лѣваго крыла и сильную аттаку на фронтъ позиціи. Изъ его дѣйствій графъ Витгенштейнъ усмотрѣлъ, что онъ держится только въ намѣреніи выждать сумерекъ и безопасно отойти, и приказалъ графу Палену, который согласно данному въ началѣ сраженія повелѣнію, возвращался изъ Арсонваля, опять идти въ обходъ непріятеля къ Доланкуру; но кавалерія Палена, по причинѣ гористыхъ дорогъ, прибыла туда поздно, когда непріятели уже совершили переправу за Объ, а потому, проведя весь день въ безполезныхъ маршахъ взадъ и впередъ, въ дѣлѣ не участвовала. Пѣхота не могла быстро слѣдовать за французами по горамъ и расположилась ночевать на полѣ сраженія; Паленъ занялъ мостъ при Доланкурѣ, по которому французы отступили, не потерявъ ни знаменъ, ни пушекъ. Графъ Витгенштейнъ былъ раненъ, но оставался при своемъ корпусѣ. Вреде за сраженіе при Баръ сюръ-Обѣ былъ произведенъ въ фельдмаршалы. Потеря русскихъ убитыми и ранеными простиралась до 1,200; у Вреде выбыло изъ строя съ небольшимъ 300 человѣкъ.

Прусскій король присутствовалъ до вечера при войскахъ графа Витгенштейна и на полѣ сраженія награждалъ орденами нѣкоторыхъ нашихъ полковыхъ и батальонныхъ командировъ; особенно калуж-

скій пѣхотный полкъ обратилъ на себя вниманіе его величества. Австрійскій генералъ, по просьбѣ графа Витгенштейна, отряженный къ нему на подкрѣпленіе, пришелъ уже по окончаніи дѣла и, явившись къ королю, спрашивалъ приказаній. Его величество отвѣчалъ, что непріятель разбитъ и преслѣдуемъ русскими, и потому совѣтовалъ ему поддерживать ихъ. Тѣмъ не менѣе въ австрійской реляціи было сказано, что этотъ генералъ способствовалъ одержать побѣду. Съ намѣреніемъ упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ въ теченіе нашихъ заграничныхъ войнъ случались не рѣдко подобные примѣры, и успѣхи русскихъ войскъ были приписываемы себѣ иностранцами. Гр. Витгенштейнъ, получивъ при Баръ сюръ-Обѣ рану, не могъ долѣе оставаться въ арміи. Черезъ нѣсколько дней государь соизволилъ на его увольненіе. Еще мѣсяцъ, и защитникъ древняго города Ольги и юнаго Петербурга увидѣлъ-бы покореніе Парижа! Его мѣсто занялъ Раевскій, командиръ гренадерскаго корпуса, который поступилъ подъ начальство графа Ламберта. Передъ своимъ отправленіемъ изъ арміи графъ Витгенштейнъ имѣлъ утѣшеніе получить рескриптъ прусскаго короля, успокоившій его совершенно на счетъ несправедливаго показанія въ печатной реляціи князя Шварценберга, гдѣ успѣхъ приписанъ былъ австрійскому генералу, отряженному подкрѣплять наши войска, но въ дѣлѣ не участвовавшему.

Дѣломъ при Баръ сюръ-Обѣ мы обязаны настояніемъ прусскаго короля и распоряженіямъ графа Витгенштейна. Оно важно не по урону непріятеля, но тѣмъ, что спасло честь главной арміи, бывшей съ Бріеннскаго сраженія въ совершенномъ бездѣйствіи, и остановило отступленіе ея къ Лангру, можетъ быть, и къ Рейну. Послѣ этого сраженія князь Шварценбергъ не перевелъ корпусовъ за рѣку Объ, но расположилъ ихъ на правомъ берегу ея и отправилъ только авангардъ къ Вандевру за Удино. Онъ преслѣдовалъ непріятеля весьма слабо и не рѣшился воспользоваться побѣдою, во-первыхъ, потому, что получилъ ложное извѣстіе о движеніи Наполеона къ Дижону, а во вторыхъ, по недостатку продовольствія и усталости войскъ. Часто случается на войнѣ, что партизаны и плѣнные ошибаются въ своихъ показаніяхъ, но странно, какъ главнокомандующій повѣрилъ имъ, что Наполеонъ отважился на предпріятіе, которое удаляло его отъ Парижа и предоставляло власти союзниковъ столицу и большую часть Франціи. Если-бы въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ пошелъ на Дижонъ, то Блюхеръ, дѣйствуя въ его тылу, могъ соединиться съ главною арміею, и тогда союзники, почти вдвое сильнѣйшіе непріятеля, отбросили-бы его къ Ліону и отрѣзали-бы отъ Парижа, въ которомъ не было войскъ для защиты. Что касается второй причины, заботливости о продовольствіи, то, конечно, она весьма важна на войнѣ, однако-жъ, не должна быть препятствіемъ быстро преслѣдовать разбитаго непріятеля, равно какъ и усталость.

Отступленіе французовъ отъ Баръ сюръ-Оба, Лаферте сюръ-Оба и Баръ сюръ-Сена не повело князя Шварценберга къ заключенію, что Наполеонъ не находится противъ него и, вѣроятно, пошелъ за Блюхеромъ. Два дня онъ былъ въ недоумѣніи относительно движеній Наполеона, пока не получилъ объ его маршѣ утвердительнаго донесенія генерала Тетенборна, только что пришедшаго тогда во Францію съ казачьимъ отрядомъ.

Различіе мнѣній въ главной арміи относительно военныхъ дѣйствій, нерѣшительность князя Шварценберга, неизвѣстность, покрывавшая походъ Блюхера, такъ какъ еще не знали послѣдствій его отважнаго движенія къ Парижу, куда за нимъ пошелъ Наполеонъ, представляли положеніе союзниковъ въ самомъ невыгодномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что въ тылу ихъ и на флангахъ народная война возгоралась часъ отъ часу сильнѣе. Напротивъ того, дѣла приняли вдругъ самый благопріятный оборотъ—предвѣстникъ несомнѣннаго успѣха. Кабинеты удостовѣрились, наконецъ, что сила ихъ состояла въ единствѣ воли. Разномысліе причинило минутныя неудачи, а согласіе должно было непремѣнно восторжествовать надъ Наполеономъ, чему событія 1813-го года служили неоспоримымъ доказательствомъ. Убѣжденіе въ необходимости принять единодушныя мѣры было поводомъ къ заключенному въ Шомонѣ, 17-го февраля, между Россіею, Австріею, Пруссіею и Англіею договору. Эти державы обязывались, если Наполеонъ не приметъ шатильонскихъ условій, всѣми средствами продолжать войну и достигнуть прочнаго мира, обезпечивающаго ненарушимость правъ и независимость государствъ, выставить каждой по 150,000 человѣкъ и отдѣльно не вступать съ общимъ врагомъ ни въ какія соглашенія. Сверхъ того, опредѣлили продолжить на двадцать лѣтъ силу и дѣйствіе договора, имѣвшаго цѣлью возстановить политическое равновѣсіе, обезопасить спокойствіе и неприкосновенность государствъ и положить преграды произвольному нарушенію чужихъ правъ и владѣній.

Шомонскій договоръ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ дипломатическихъ актовъ, имъ обуздывалась страсть Наполеона къ завоеваніямъ и самоуправству внѣ Франціи, предписывались ему предѣлы, которыхъ онъ не могъ переступить, ставили его въ необходимость согласовать свои поступки съ освященнымъ вѣками народнымъ правомъ; кромѣ того, этотъ договоръ поселилъ между союзными державами взаимную довѣренность и скрѣпилъ ихъ связь, противъ которой всѣ усилія Наполеона должны были на будущее время оставаться тщетными. Непосредственныя послѣдствія этого трактата отразились на Шатильонскомъ конгрессѣ и происходившихъ въ Люзиньи переговорахъ о перемиріи. Наполеонъ, вмѣсто опредѣлительнаго отвѣта о мирѣ, приказалъ своему уполномоченному въ Шатильонѣ Коленкуру по возможности медлить и тянуть переговоры. Въ такомъ положеніи находились дѣла конгресса, когда заключенъ былъ Шомонскій трактатъ. Подписавъ его, союзные монархи объявили Коленкуру, чтобъ онъ въ десятидневный срокъ представилъ отвѣтъ на предложенный проектъ мира, въ противномъ-же случаѣ, если отъ него не послѣдуетъ удовлетворительнаго отзыва, будутъ считать конгрессъ закрытымъ.

Такъ-же поступили съ генераломъ Флаго въ вопросѣ о перемиріи. Послѣ подписанія Шомонскаго договора, ему было объявлено, чтобъ онъ въ 24 часа рѣшился принять предложенія союзниковъ. Онъ отказалъ. Тѣмъ кончились переговоры въ Люзиньи, гдѣ виды и намѣренія обѣихъ воевавшихъ сторонъ, т. е., императора Александра и Наполеона, были совершенно противоположны одни другимъ, лишали всякой надежды на взаимное соглашеніе.

Послѣ этого главная армія перешла въ наступленіе, предпринявъ въ концѣ его, по рѣшенію Александра, движеніе на Парижъ.

II.

Дѣла при Суассонѣ. Сраженія при Краонѣ и Лаонѣ.

Между тѣмъ, силезская армія подъ командой Блюхера продолжала свою борьбу съ Наполеономъ.

Получивъ разрѣшеніе государя идти къ Марнѣ и Парижу, Блюхеръ немедленно выступилъ туда изъ окрестностей Мерц, имѣя цѣлью отвлечь Наполеона отъ главной арміи. Съ нимъ были корпусы Сакена, Іорка и Клейста, всего 50,000 человѣкъ. Сверхъ того, государь отдалъ въ его распоряженіе принадлежавшіе сѣверной арміи корпусы Винцингероде и Бюлова. Противъ него попрежнему были маршалы Мортье и Мармонъ.

Прибывъ къ Марнѣ, Блюхеръ хотѣлъ овладѣть городомъ Мо и потомъ идти прямо къ Парижу. Для исполненія этого намѣренія, онъ старался ввести Мармона и Мортье въ заблужденіе на счетъ своего предпріятія. Съ такою цѣлью, раздѣливъ армію на двѣ части, онъ приказалъ пруссакамъ исправить сожженные французами мосты при Лаферте су-Жуара, перейти тамъ черезъ Марну и дѣлать ложныя нападенія на маршаловъ, между тѣмъ какъ корпусъ Сакена долженъ былъ овладѣть Мо. Сакенъ занялъ предмѣстье Мо, на лѣвомъ берегу Марны, и готовился аттаковать самый городъ. Если-бы онъ былъ взятъ, предначертаніе Блюхера увѣнчалось-бы успѣхомъ, Мортье и Мармонъ были-бы обойдены и отброшены отъ большой Парижской дороги, но они не дались въ обманъ и спѣшили въ Мо, куда вступили въ то самое время, когда наши вели на городъ нападеніе. Вслѣдствіе движеній французовъ, Сакенъ получилъ приказаніе оставить дальнѣйшее движеніе на Мо, перейти у Лаферте су-Жуара на правый берегъ Марны и примкнуть къ пруссакамъ, что онъ исполнилъ 17-го февраля.

Гулъ канонады Сакена во время нападенія на Мо доходилъ до предмѣстій Парижа. Такъ впервые услышали парижане отдаленные и слабые звуки русской артиллеріи, гремѣвшей менѣе, чѣмъ въ сорока верстахъ отъ французской столицы! Тамъ вѣчно-веселый народъ все еще праздновалъ успѣхи Наполеона надъ нашими арріергардами и отступленіе союзниковъ отъ Труа, но верховное правительство, скрывая отъ жителей истину о военныхъ происшествіяхъ, крайне встревожилось появленіемъ союзниковъ у Мо. Запасныя войска, рекрутскія депо и кадры полковъ немедленно были посланы изъ Парижа подкрѣпить Мортье и Мармона, расположившихся въ позиціи на правомъ берегу Урка. Между тѣмъ какъ Блюхеръ намѣревался аттаковать ихъ, и корпусы его въ разныхъ мѣстахъ старались переправиться черезъ Уркъ, онъ получилъ отъ Тетенборна важное и радостное извѣстіе, что вслѣдствіе движенія силезской арміи отъ Оба къ Марнѣ Наполеонъ оставилъ главную армію и поспѣшно идетъ за нимъ. Такимъ образомъ исполнились ожиданія Блюхера, и достигнута была цѣль, побудившая его отдѣлиться отъ главной арміи. Отложивъ нападеніе на французскихъ маршаловъ, находившихся противъ него на берегахъ Урка, онъ выступилъ, 18-го февраля, къ Уши, на Суассонской дорогѣ, куда также приказалъ идти генераламъ Винцингероде и Бюлову.

О походѣ Блюхера къ Марнѣ Наполеонъ узналъ 15-го февраля, т. е., два дня спустя послѣ выступленія силезской арміи изъ Мери,

сдалъ, какъ выше объяснено, Макдональду верховное предводительство надъ войсками, приказавъ ему наблюдать главную армію, а самъ съ остальными, числомъ около 40,000, послѣдовалъ изъ Труа за Блюхеромъ, черезъ Арсисъ сюръ-Объ и Сезанъ. Онъ безпрестанно ускорялъ движеніе колоннъ; каждый часъ промедленія поселялъ въ немъ опасеніе, что Блюхеръ, разбивъ Мармона и Мортье, уже стоитъ подъ Парижемъ. Рано утромъ, 19-го февраля, онъ прибылъ къ Лаферте су-Жуара и съ возвышенныхъ береговъ Марны увидѣлъ арріергарды силезской арміи, тянувшіеся къ Суассонской дорогѣ, но не могъ тотчасъ идти за ними въ погоню, потому что Блюхеръ уничтожилъ за собою переправы на Марнѣ. День и ночь французы строили мосты и на слѣдующія сутки начали переходить на противолежащій берегъ.

Не успѣвъ сокрушить Блюхера на берегахъ Марны, Наполеонъ вознамѣрился разбить его до переправы его черезъ Энъ. Успѣхъ казался вѣрнымъ, по соображенію, что главная переправа на Энѣ, каменный мостъ въ Суассонѣ, находилась во власти французовъ, занимавшихъ этотъ городъ по выступленіи оттуда Винцингероде въ Реймсъ. Для исполненія своего намѣренія, Наполеонъ приказалъ Мармону и Мортье преслѣдовать силезскую армію большою Суассонскою дорогою. на Уши, а самъ переправился въ Лаферте су-Жуара и пошелъ изъ Шато-Тьери въ Фимъ, имѣя въ виду сперва отрѣзать Блюхеру отступленіе на Реймсъ, то-есть, путь соединенія его съ главною арміею, и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, ударить на его лѣвое крыло или обойти его.

Отступивъ отъ Урка, Блюхеръ хотѣлъ принять сраженіе при Уши, гдѣ надѣялся соединиться съ корпусами Винцингероде и Бюлова, простиравшимися до 50,000 человѣкъ. Это предположеніе фельдмаршала не состоялось, потому что Бюловъ былъ еще на правомъ берегу рѣки Эна, не имѣя на ней надежной переправы, такъ какъ Суассонскій комендантъ отказалъ сдать крѣпость. Итакъ, Блюхеру приходилось перейти черезъ Энъ, избѣгая необходимости выдержать бой только съ тѣми войсками, которыя при немъ находились, и не имѣя съ собою корпуса Бюлова.

Положеніе Блюхера, имѣвшаго передъ собою рѣку, на которой еще не были устроены мосты, становилось тѣмъ затруднительнѣе, что шедшіе за нимъ маршалы Мортье и Мармонъ сильно тѣснили его арріергардъ, а движеніе Наполеона изъ Шато-Тьери на Фимъ угрожало его флангу. Вдругъ и нечаянно отворились намъ ворота Суассона. Сдача этой крѣпости дала Блюхеру возможность перейти черезъ Энъ по каменному мосту и соединиться съ Бюловымъ. Подробности столь благопріятнаго и неожиданнаго случая слѣдующія: Винцингероде и Бюловъ, прибывъ къ Суассону, первый изъ Реймса, а второй изъ Лаона требовали сдачи; отвѣтомъ былъ отказъ коменданта, генерала Моро. Онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять въ переговорщиковъ, если они явятся вторично. На валу стояло 18 орудій; въ городѣ было 1,500 поляковъ. Этотъ гарнизонъ, недостаточный для продолжительной обороны, долженъ былъ выдержать приступъ и защищаться до послѣдней капли крови, давая французской арміи время настигнуть арріергардъ Блюхера въ продолженіе переправы его черезъ Энъ. Послѣ неудовлетворительнаго отвѣта суассонскаго коменданта, Бюловъ и Винцингероде не рѣшались идти на приступъ. Бюловъ ограничился слабою пушечною пальбою по Суассону; Винцингероде аттаковалъ стрѣл-

ками предмѣстье, занялъ его, но, когда смерклось, вывелъ войска оттуда назадъ и расположилъ ихъ на полѣ. Тутъ многіе невольно удостовѣрились, какъ блистательно было за двѣ недѣли передъ тѣмъ покореніе Суассона Чернышевымъ. Съ небольшимъ отрядомъ онъ успѣлъ ворваться въ этотъ, стратегически чрезвычайно для насъ важный, городокъ, а теперь передъ нимъ стояли два многочисленныхъ корпуса и колебались овладѣть имъ вооруженною рукою.

Около полуночи, Винцингероде собралъ совѣтъ, и рѣшили идти утромъ на приступъ, но до этого еще разъ рѣшили испытать, нельзя ли склонить коменданта къ сдачѣ. Съ такою цѣлью, въ часъ пополуночи, Винцингероде отправилъ въ Суассонъ полковника барона Левенштерна и далъ ему полномочіе заключить капитуляцію, предоставляя условія на его произволъ, такъ какъ главное дѣло было имѣть въ нашей власти выгодную переправу черезъ Энъ. Не взирая на сигнальные звуки бывшаго съ Левенштерномъ трубача, пули засвистали вокругъ него, когда онъ приблизился къ непріятельской цѣпи. Вскорѣ онъ наѣхалъ на отводный караулъ. Бывшій тутъ офицеръ объявилъ ему о запрещеніи принимать переговорщиковъ и письма отъ нихъ. Имѣя въ виду какимъ-нибудь образомъ довести до свѣдѣнія коменданта о своемъ прибытіи на передовой караулъ, Левенштернъ просилъ непріятельскаго офицера послать въ городъ за виномъ, говоря, что ночь была холодная и надобно согрѣться. Офицеръ согласился на просьбу, не подозрѣвая намѣренія Левенштерна, который надѣялся, что солдатъ, отправленный за виномъ, вѣроятно, разскажетъ въ Суассонѣ о появленіи русскаго офицера на передовой караулъ, и комендантъ, можетъ быть, пожелаетъ освѣдомиться о причинѣ его пріѣзда. Хитрость удалась. Вскорѣ явился французскій офицеръ, подъ предлогомъ осмотра постовъ. По мундиру Левенштернъ узналъ въ немъ адъютанта и началъ ему говорить о безполезности защиты Суассона. «На разсвѣтѣ», сказалъ онъ, «корпусы Винцингероде и Бюлова пойдутъ на приступъ». Адъютантъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ коменданта и, возвратившись, привезъ Левенштерну его приглашеніе ѣхать въ Суассонъ. Левенштернъ засталъ у коменданта военный совѣтъ и потребовалъ сдачи крѣпости, объявляя о близкомъ приступѣ. Испуганный угрозою комендантъ согласился сдаться, испрашивая дозволенія соединиться гарнизону съ французскою арміею и взять съ собою шесть пушекъ. Послѣ нѣкотораго притворнаго противорѣчія относительно увезенія орудій, Левенштернъ согласился удовлетворить желаніе коменданта, послѣ чего занялись составленіемъ капитуляціи. Винцингероде радостно утвердилъ всѣ условія, предоставлявшія ему столь необходимую для силезской арміи крѣпость. Ему замѣтили, что напрасно дозволяютъ непріятелю увозить съ собою орудія. Графъ Воронцовъ справедливо отвѣчалъ: «Въ настоящихъ обстоятельствахъ покореніе Суассона такъ важно, что даже можно подарить французскому коменданту нѣсколько нашихъ пушекъ, лишь-бы скорѣе онъ очистилъ крѣпость».

Тотчасъ по утвержденіи условій, графъ Воронцовъ лично повелъ войска, назначенныя занять городскія ворота. Въ ту минуту, когда они смѣняли французскій караулъ, послышалась пальба въ арріергардѣ Блюхера, возвѣщая приближеніе непріятелей; если-бы Суассонъ удержался еще одинъ день, силезская армія была-бы лишена надежной переправы.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ походѣ сдача Суассона во второй разъ способствовала безпрепятственному отступленію силезской арміи. Винцингероде послалъ кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Бенкендорфа навстрѣчу Блюхера, арріергардъ котораго, подъ начальствомъ Васильчикова, нѣсколько дней успѣшно удерживалъ яростныя нападенія французовъ. Ни мало не медля, Блюхеръ перешелъ, 20-го февраля, на правый берегъ Эна и соединился съ генералами Винцингероде и Бюловымъ. Ихъ корпусы находились въ совершенно иномъ положеніи, нежели войска силезской арміи. Эти послѣднія, съ перехода черезъ Рейнъ, находились въ безпрерывныхъ, усиленныхъ маршахъ и упорныхъ сраженіяхъ; они не знали другого помѣщенія, кромѣ биваковъ, среди зимнихъ вьюгъ и непогодъ; люди и лошади были изнурены; мундиры и обувь изношены; провіантскія фуры безъ запасовъ. Напротивъ, полки сѣверной арміи въ прошедшемъ году, подъ начальствомъ шведскаго наслѣднаго принца, вели войну медленную, методическую, и въ настоящемъ походѣ, за исключеніемъ отряда Чернышева, вовсе не участвовали въ дѣлахъ, стояли мало подъ открытымъ небомъ, но большею частью на выгодныхъ кантониръ-квартирахъ, были въ полномъ числѣ людей здоровыхъ, свѣжихъ, красиво одѣтыхъ, имѣли при себѣ обильные запасы продовольствія. По присоединеніи этихъ корпусовъ къ Блюхеру, число войскъ его простиралось свыше ста тысячъ человѣкъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи столь сильную армію, онъ рѣшился принять сраженіе между Суассономъ и Лаономъ, ставъ лѣвымъ крыломъ къ Краону, а правымъ—къ Суассону, защита котораго была вверена Рудзевичу. Для наблюденія движеній Наполеона на лѣвомъ берегу Эна, Блюхеръ послалъ Чернышева, приказавъ ему идти къ Бреву и Фиму и, въ случаѣ необходимости, отступить къ Вальи, гдѣ, какъ сказано было въ повелѣніи Блюхера, находится мостъ.

Поспѣшно проходила черезъ Суассонъ силезская армія, и въ улицахъ сперлись ея корпусы, артиллерія и обозы. Навстрѣчу имъ, въ тѣснотѣ, Чернышевъ велъ въ одинъ конь, и то съ величайшимъ затрудненіемъ, шесть казачьихъ полковъ, составлявшихъ его отрядъ, а два пѣхотныхъ полка своего отряда отправилъ изъ Суассона прямо къ Вальи, съ тѣмъ, чтобы они присоединились къ нему послѣ, такъ какъ былъ увѣренъ, что, дѣйствительно, тамъ существуетъ мостъ, о которомъ упоминалось въ данномъ ему повелѣніи. Когда половина отряда его пробралась сквозь силезскую армію и вступила на лѣвый берегъ Эна, Чернышевъ велѣлъ полковнику Бенкендорфу идти впередъ, намѣреваясь вести за нимъ три остальныхъ полка. Въ Бреве Бенкендорфъ засталъ квартирьеровъ главной квартиры Наполеона, взялъ ихъ въ плѣнъ и пошелъ къ Фиму, но тамъ значительное число непріятельской конницы бросилось на него въ аттаку. Многолюдство непріятеля дѣлало сопротивленіе невозможнымъ, и Бенкендорфъ, сильно преслѣдуемый, отступилъ. На половинѣ дороги онъ встрѣтилъ Чернышева, построившаго казаковъ развернутымъ длиннымъ фронтомъ. Увидѣвъ ихъ, французы прекратили преслѣдованіе, полагая, что за донцами стоятъ войска. Плѣнные единогласно показали, что Наполеонъ находится около Фима, а потому Чернышевъ, исполнивъ данное ему Блюхеромъ приказаніе, поспѣшно отступилъ черезъ Вальи, при явной невозможности долѣе оставаться на лѣвомъ берегу Эна, въ виду всѣхъ силъ и главной квартиры Наполеона и будучи отдѣ-

ленъ рѣкою отъ силезской арміи. Но какъ велико было его удив
когда посланный въ Вальи донесъ, что тамъ моста нѣтъ! На
положили на рѣку доски, кое-какъ скрѣпили ихъ, и Чернышев
ревелъ по нимъ всѣ шесть казачьихъ полковъ и присоединил
силезской арміи.

Едва Наполеонъ прибылъ въ Фимъ, какъ узналъ о паденіи
сона. Рушилась его надежда аттаковать Блюхера, до переправь
черезъ Энъ! Извѣстіе это поколебало французскую армію, нарочн
шаемую Наполеономъ слухами, что съ часу на часъ русскіе и
саки должны быть окружены, взяты, уничтожены. Стараясь по
пить въ войскахъ прежнюю самонадѣянность и возбудить их
перенесенію новыхъ трудностей, Наполеонъ велѣлъ объявить
только непредвидѣнный случай, позорная сдача Суассона, воспр
ствовалъ пораженію союзниковъ и избавленію Франціи. Самом
полеону отступленіе силезской арміи за Энъ было тѣмъ прискор
что удаляло его еще на неизвѣстное разстояніе и время отъ На
и настоящаго пути его дѣйствій между Марною и Сеною. Ему н
мѣнно нужно было сразиться съ Блюхеромъ и какъ можно дал
бросить неугомоннаго противника, чтобы потомъ имѣть возмож
обратиться на главную армію. Каждый день и часъ были ему до
онъ безпрестанно ожидалъ извѣстія, что въ его отсутствіе
Шварценбергъ предприметъ наступательныя дѣйствія или явит
его тылу, а между тѣмъ Наполеонъ не могъ идти ему навстрѣч
управившись съ Блюхеромъ, который, переправившись въ Суа
за рѣку Энъ, могъ отступать все далѣе и далѣе къ сѣверным
ницамъ Франціи и тянуть туда за собою армію Наполеона.

Раздраженіе Наполеона при полученіи донесенія объ уд
переправѣ Блюхера за Энъ объясняетъ причины, побудившія е
дать декретъ, которымъ война объявлялась народною. Онъ при
валъ французамъ вооружиться поголовно, истреблять союзни
ломать за ними мосты, нападать на обозы, отсталыхъ, фланги и
нашихъ армій, и объявлялъ измѣнникомъ всякаго чиновника, на
ника города и волости, кто осмѣлится отклонять жителей отъ о
возстанія. Изъ этого постановленія видна также неукротимая
висть Наполеона къ нашимъ соотечественникамъ. Въ декретѣ и
сказано, что онъ издается особенно для обузданія неистовства
скихъ и казаковъ. По свойственной ему проницательности, На
онъ, конечно, предвидѣлъ близкій конецъ своего поприща и, не
въ состояніи побѣдить русскихъ, предавался мщенію противъ
какъ главныхъ или, лучше сказать, единственныхъ виновнико
денія его.

Подписавъ декретъ о поголовномъ вооруженіи, котораго,
ко-же, мѣстныя начальства не приводили въ исполненіе, хотя
стьяне во множествѣ вооружились, Наполеонъ провелъ въ Фимѣ
сосредоточивалъ тамъ войска и составилъ предположеніе о дал
шемъ походѣ. Изъ Фима онъ продолжалъ наступательное дви
къ Бери о-Баку, въ намѣреніи перейти тамъ черезъ Энъ и на
на лѣвое крыло Блюхера. Маршаламъ Мармону и Мортье онъ в
въ то-же время овладѣть Суассономъ, ввѣреннымъ, какъ выше
зано, Рудзевичу. 21-го февраля, на разсвѣтѣ, разъѣзды изві
Рудзевича о приближеніи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ
рогѣ изъ Шато-Тьери. Онъ приказалъ тотчасъ привести въ исп

ніе сдѣланныя имъ наканунѣ распоряженія къ встрѣчѣ французовъ. Главный резервъ сталъ позади домовъ, въ ближайшихъ къ городу частяхъ предмѣстья; второй резервъ—на валу, окружавшемъ Суассонъ; стрѣлки—на краю форштата; артиллерія размѣщена въ приличныхъ мѣстахъ. Часть конницы оставлена въ городѣ, чтобы охранять тишину и порядокъ при могущемъ произойти возмущеніи жителей, а остальная часть расположилась по обѣимъ сторонамъ Суассона, для извѣщенія о непріятелѣ и наблюденія дорогъ изъ Брена и Компьена. Въ случаѣ отступленія, кавалеріи назначено собраться на Лаонской дорогѣ; у Круи, каждому отряду были даны проводники. Для раненыхъ очистили домъ префектуры, куда медицинскіе чиновники свезли лекарства и перевязочныя вещи. Окончивъ приготовленія, Рудзевичъ объѣхалъ ряды войскъ и говорилъ полкамъ объ обязанности ихъ государю, о чести и славѣ русскаго оружія.

Въ семь часовъ утра Мортье и Мармонъ аттаковали предмѣстье Суассона, но были отбиты; второе нападеніе ихъ также осталось безъ результата. При началѣ дѣла стянули нашихъ стрѣлковъ къ резервамъ, и весьма малое разстояніе отдѣляло враждующія стороны. Каждый разъ, когда натискъ дѣлался сильнѣе, Рудзевичъ являлся среди войскъ, ободряя къ упорной оборонѣ. Въ предмѣстьѣ, занятомъ французами, они сорвали на многихъ домахъ кровли, ввезли на верхъ домовъ пушки и оттуда стрѣляли по русскимъ, стоявшимъ на валу, между тѣмъ какъ внизу, менѣе чѣмъ на пистолетный выстрѣлъ, кипѣлъ батальный огонь. Бой продолжался до поздняго вечера, и хотя маршалы были вдвое сильнѣе Рудзевича, но не могли отнять у него ни одного дома, оттѣснить его на шагъ. Въ десять часовъ пальба стихла; французы отступили къ самому концу предмѣстья, оставивъ въ немъ цѣпь. Такъ русскіе, потерявъ 1,500 человѣкъ, удержали Суассонъ, котораго прежде французы не умѣли защищать: въ теченіе февраля этотъ городъ дважды былъ нами взятъ, одинъ разъ приступомъ, а другой—по капитуляціи. Нельзя пройти молчаніемъ, что наканунѣ даннаго Рудзевичемъ отпора французамъ, въ Суассонъ прибылъ съ Рейна графъ Ланжеронъ. Хотя войска Рудзевича состояли подъ его начальствомъ, но онъ предоставилъ Рудзевичу распоряжаться, вызвался быть первымъ помощникомъ своего подчиненнаго и никогда не переставалъ превозносить его прекрасный подвигъ.

Между тѣмъ, Блюхеръ расположился между Эномъ и параллельно текущей съ нимъ рѣчкой Леттою, на весьма узкой и возвышенной площади; съ одной стороны она прилегаетъ къ дорогѣ изъ Бери о-Бака въ Лаонъ, а съ другой къ дорогѣ, ведущей въ Лаонъ изъ Суассона. Всѣ шесть корпусовъ силезской арміи стали одинъ за другимъ; въ головѣ, у Краона, былъ корпусъ Винцингероде. Помѣстивъ армію въ такое странное положеніе, гдѣ она не могла ни двигаться, ни развертывать свои силы, Блюхеръ перенесъ главную квартиру въ Шавиньонъ и ожидалъ тамъ дальнѣйшихъ извѣстій. 21-го февраля онъ получилъ донесеніе, что непріятели прорвались въ Бери о-Бакѣ, опрокинули барона Палена и Иловайскаго, овладѣли переправою и идутъ впередъ, къ Корбени, большою Лаонскою дорогою. Онъ тотчасъ вознамѣрился оставить свою позицію, двинуть армію впередъ и спуститься изъ Краона на равнину, чтобы встрѣтить непріятеля и удержать его отъ наступленія къ Лаону. Въ два часа пополудни была разослана слѣдующая лаконическая диспозиція: «Арміи идти къ Кра-

ону. Корпусы въ настоящемъ боевомъ порядкѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Надобно пользоваться мѣстоположеніемъ, стараясь сильными массами пѣхоты и конницы идти вправо и влѣво по дорогѣ. Если завяжется сраженіе, то конницѣ оставаться въ большихъ силахъ».

Диспозиція, несообразная ни съ обстоятельствами, ни съ военными правилами, не могла быть приведена въ исполненіе, и армія еще не трогалась, когда узнали о занятіи Наполеономъ Краона и находившихся близъ него лѣса и дефиле, по которымъ силезской арміи нужно было проходить для аттаки непріятеля. Эти извѣстія принудили Блюхера измѣнить планъ и подумать о прикрытіи своего новаго операціоннаго пути черезъ Лаонъ на Авенъ и о сохраненіи сообщеній съ Нидерландами. Не взирая на необходимость такого движенія, Блюхеръ не повелъ, однако-же, всей арміи на Лаонъ. Расчитывая, что и Наполеонъ, вѣроятно, направится туда только тогда, когда собьетъ наши войска, стоявшія на лѣвомъ его крылѣ, позади Краона, Блюхеръ вознамѣрился одною частью арміи заслонять Лаонъ, другою дать отпоръ Наполеону при Краонѣ, а третьею обходить его правое крыло и тылъ.

Всѣ распоряженія эти сдѣланы были 22-го февраля, между тѣмъ какъ французскія войска безпрестанно тянулись къ Бери о-Баку и оттуда къ Корбени. Вскорѣ узнали отъ захваченныхъ казаками французскихъ гвардейскихъ солдатъ о прибытіи Наполеона въ Корбени. На оконечности лѣваго крыла силезской арміи, въ Краонѣ, стоялъ графъ Воронцовъ, имѣвшій повелѣніе отступить на позицію при Гертбизѣ, какъ только непріятель начнетъ аттаку. Въ четыре часа пополудни двѣ французскія дивизіи приблизились къ Краону, занятому ген.-м. Красовскимъ съ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками. Одна непріятельская дивизія шла на Краонъ и лѣсъ, влѣво отъ него, а другая прямо на Гертбизъ, отрѣзывая нашему авангарду отступленіе отъ Краона. Графъ Воронцовъ отходилъ назадъ въ порядкѣ, на каждомъ шагу удерживая быстрое стремленіе французовъ. Особенно отличился здѣсь 13-й егерскій полкъ. Командиръ его, полковникъ Маевскій, болѣе десяти разъ водилъ полкъ въ штыки и лишился 16-ти офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ. Оставшіеся офицеры, юноши лѣтъ двадцати, замѣняли павшихъ товарищей и мужественно отражали старую французскую гвардію. Съ того дня 13-й егерскій полкъ обратилъ на себя общее вниманіе и въ послѣдующихъ войнахъ поддерживалъ пріобрѣтенную имъ здѣсь славу.

Раннее утро 23-го февраля употребили обѣ стороны на приготовленія къ бою. Наполеонъ сосредоточивалъ свои корпусы и съ возвышеній обозрѣвалъ нашу позицію. Видя, что наша артиллерія занимала отмѣнно выгодное мѣстоположеніе, и желая сбить ее, Наполеонъ выстроилъ противъ нея до ста орудій.

Едва французы кончили предварительныя распоряженія, съ обѣихъ сторонъ открылся убійственный огонь. Русскіе, стоявшіе тремя линіями на узкомъ мѣстѣ, понесли сильный уронъ; цѣлые ряды наши были вырываемы, но пѣхота не колебалась, а артиллерія, пользуясь съ возможнымъ искусствомъ выгодами мѣстности, дѣйствовала такъ удачно, что два раза наступавшія на нее французскія колонны пѣхоты и конницы были приводимы сю въ разстройство и обращаемы назадъ. «Въ разсужденіи артиллеріи», говоритъ графъ Воронцовъ въ своемъ донесеніи, «мнѣ не оставалось ничего другого, какъ только удивляться ей и радоваться истребленію, наносимому сю врагамъ».

Будто стыдясь безуспѣшности своихъ дѣйствій противъ силъ, малочисленныхъ въ сравненіи съ его арміею, Наполеонъ возобновилъ нападеніе. Впереди показалась его гвардейская кавалерія; Ней пошелъ въ обходъ нашего лѣваго крыла, сдѣлалъ жестокое нападеніе, но огнемъ артиллеріи и ударами въ штыки 2-го и 19-го егерскихъ полковъ былъ опрокинутъ. Въ то-же время французы пытались обходить правый флангъ, по совѣту Бюсси, который при началѣ революціи былъ товарищемъ Наполеона, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ помѣстьѣ недалеко отъ Краона. Наканунѣ сраженія онъ явился къ Наполеону, сопровождалъ его въ битвѣ и, зная подробно мѣстоположеніе, убѣдилъ его въ возможности обхода. Глубина оврага, дурныя дороги и мѣткіе выстрѣлы шести орудій, заблаговременно поставленныхъ графомъ Воронцовымъ, уничтожили эту попытку. Видя неудачу, Наполеонъ вновь сталъ нападать на нашъ лѣвый флангъ и центръ. Несмотря на уронъ отъ безпрестаннаго батальнаго огня 48-ми орудій, онъ выстроилъ въ центрѣ густыя колонны; другими обходилъ лѣвый флангъ. Стоявшая здѣсь русская батарея была одно мгновеніе въ большой опасности; ружейные выстрѣлы французовъ убивали уже людей во второй нашей линіи. Батальонъ 19-го егерскаго и ширванскій полкъ бросились въ штыки, удержали французовъ и выручили конную артиллерію, нѣсколько минутъ бывшую во власти непріятеля. На подкрѣпленіе лѣваго фланга прибыла пѣшая бригада изъ отряда графа Строганова и уравновѣсила бой.

Графъ Воронцовъ уже два раза получалъ отъ Сакена повелѣніе отступить, если непріятели будутъ напирать слишкомъ превосходными силами, но не трогался съ мѣста, ожидая съ часу на часъ нападенія Винцингероде въ тылъ Наполеона. Онъ рѣшился держаться, не только по храбрости войскъ, но и по соображенію, что при сильныхъ аттакахъ непріятеля, имѣя только одинъ полкъ регулярной конницы, ему легче было сопротивляться, стоя на мѣстѣ, нежели отходя назадъ. Наконецъ, пришло третье повелѣніе Сакена: «Безъ потери времени отступить, ибо по причинѣ перемѣны въ диспозиціи вся армія и его корпусъ идутъ къ Лаону». Тогда-же онъ обѣщалъ прислать на помощь кавалерію. Отступленіе было затруднительно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, непріятель усиливалъ огонь артиллеріи и подбилъ у насъ много орудій, а во-вторыхъ, по движенію къ Лаону арміи Блюхера. Это движеніе не могло скрыться отъ Наполеона и было ему видно, совершаясь, такъ сказать, передъ его глазами. Не сомнѣваясь въ возможности истребить слабый корпусъ графа Воронцова, Наполеонъ еще разъ послалъ войска въ овраги обходить наши фланги и держалъ въ готовности главныя силы и множество кавалеріи для рѣшительнаго удара въ центрѣ. Одна геройская твердость русской пѣхоты могла избавить графа Воронцова отъ гибели, казавшейся неизбѣжною, тѣмъ болѣе, что у него начинѣлъ оказываться недостатокъ зарядовъ. Въ два часа пополудни, выстроивъ полковыя каре, графъ Воронцовъ приказалъ отступать тихимъ шагомъ черезъ линіи, артиллеріи черезъ орудіе. Всѣ поврежденныя пушки, числомъ 22, и лафеты были вывезены и отправлены назадъ, а также раненые, которыхъ можно было вынести съ поля. Замѣтивъ наше отступленіе, Наполеонъ усилилъ аттаки и едва не опрокинулъ праваго фланга; но ген.-м. Бенкендорфъ гусарами и казаками аттаковалъ французовъ и возстановилъ дѣло. Видя необыкновенное упорство французовъ,

графъ Воронцовъ приказывалъ нѣсколько разъ пѣхотѣ останавливаться, давая отпоръ, и потомъ отступалъ какъ можно тише, показывая, что отходитъ не по принужденію непріятеля, но только изъ повиновенія начальству. На отступленіи выгоды были на сторонѣ французовъ, по причинѣ множества артиллеріи ихъ, а у графа Воронцова огонь былъ слабѣе, по недостатку конныхъ орудій; но, пока онъ стоялъ на мѣстѣ, болѣе четырехъ часовъ, его артиллерія имѣла перевѣсъ надъ французскою.

При началѣ отступленія пришелъ Васильчиковъ въ гусарскою дивизіею Ланского и драгунскою Ушакова. Помощь ихъ была необходима: мѣстоположеніе становилось открыто, позволяя непріятельской кавалеріи объѣзжать наши фланги. Васильчиковъ, Ланской и Ушаковъ безпрестанно возобновляемыми аттаками помогали пѣхотѣ, нѣкоторые конные полки по восьми разъ ходили въ аттаку. Когда непріятель наиболѣе напиралъ на нашу конницу, она должна была неожиданно остановиться и пропустить пѣхоту, потому что войска сошлись на узкомъ мѣстѣ. Къ счастью, тамъ случился дворъ, обнесенный каменною стѣною; графъ Воронцовъ велѣлъ занять его 6-му егерскому полку. Непріятель не ожидалъ здѣсь сопротивленія и, когда, тѣсня нашихъ гусаровъ и драгуновъ, подошелъ почти къ самой каменной стѣнѣ, былъ изъ-за нея встрѣченъ батальнымъ огнемъ егерей. Между тѣмъ, Сакенъ приказалъ генералу Никитину двинуть впередъ всю артиллерію и, пропустивъ отступавшія войска, открыть огонь. Довольно значительное возвышеніе и отлогая по немъ къ сторонѣ непріятеля покатость, съ обѣихъ сторонъ замкнутая небольшими утесами, представила превосходную позицію для артиллеріи. Тѣснину нельзя было обойти, и прямо на нее тучами стремился непріятель. На нашей батареѣ были поставлены въ первой линіи 36 легкихъ, а во второй, въ шестидесяти шагахъ, въ промежуткахъ первой, 28 батарейныхъ орудій. Когда все было готово, Сакенъ приказалъ шедшимъ за орудіями войскамъ держаться къ флангамъ батарей. Какъ только полки поравнялись съ артиллеріею, она открыла огонь: первая линія стрѣляла черезъ орудіе ядрами и картечью, вторая — ядрами и гранатами. Губительно было ихъ дѣйствіе на французовъ, валившихъ впередъ по тѣсному пространству густыми колоннами. Чѣмъ болѣе они напирали, тѣмъ болѣе были поражаемы и въ наступленіи удерживаемы чрезмѣрнымъ скопленіемъ труповъ. Французская артиллерія нѣсколько разъ умолкала. Наполеонъ безпрестанно посылалъ свѣжія войска подкрѣплять аттаки, но и тѣ, также терпя ужасный уронъ, должны были обращаться назадъ. Канонада продолжалась не болѣе 20-ти минутъ, послѣ чего Наполеонъ прекратилъ наступленіе и остановилъ свою армію. Было около 5-го часа пополудни. Графъ Воронцовъ пошелъ частью на Шевриньи, частью на Лаонъ, гдѣ назначено было силезской арміи сосредоточиться.

Краонское сраженіе останется навсегда знаменитымъ подвигомъ русскаго оружія и украшеніемъ военнаго поприща графа Воронцова, награжденнаго за эту битву орденомъ св. Георгія второй степени. Сражаясь весь день противъ французской арміи, превосходившей его числомъ и предводимой Наполеономъ, онъ не уступилъ ни шагу земли, не получилъ въ третій разъ повелѣнія отойти назадъ. Онъ не оставилъ во власти непріятелей ни плѣнныхъ, ни пушки, ни лафета и заряднаго ящика; единственными трофеями Наполеона были трупы на-

шихъ соотечественниковъ и нѣсколько тяжело раненыхъ. Подобно Ватерлоо впослѣдствіи, Краонъ могъ сдѣлаться послѣднимъ днемъ поприща Наполеона, если-бы въ то время, когда онъ громилъ русскихъ на возвышенной площади и ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, Винцингероде, Клейстъ и графъ Ланжеронъ ударили, какъ назначено было, въ тылъ французамъ. Успѣхъ былъ-бы несомнѣнный, особенно если-бы Блюхеръ, вмѣсто раздробленія арміи, направилъ туда-же всѣ корпусы, и они поспѣли въ надлежащую пору. Блюхеръ упустилъ случай одержать рѣшительную побѣду, но русскія войска, имѣвшія повелѣніе удерживать Наполеона, славно исполнили свой долгъ. Однако-же, ихъ мужество и усердіе не были оцѣнены достойнымъ образомъ. Въ то время не желали обнаруживать настоящія причины неудачи обхода и потому не изобразили Краонскаго сраженія въ истинномъ видѣ, и долго представляли его обыкновеннымъ, хотя упорнымъ арріергардным дѣломъ. Черезъ мѣсяцъ случилось самое великое событіе новѣйшихъ временъ: паденіе Наполеона. Огромностью послѣдствій оно поглотило предшествовавшія дѣла и предало ихъ минутному забвенію. Счастливое и быстрое совершеніе войны многолѣтней, казавшейся нескончаемою, оставило въ тѣни громкіе подвиги, отъ которыхъ вниманіе было отвлечено важнѣйшими политическими происшествіями.

Рѣдкій полкъ не украсился какимъ-либо замѣчательнымъ подвигомъ, но большая часть ихъ временемъ свѣяна съ памяти. Второй егерскій полкъ нѣсколько часовъ одинъ боролся съ молодою гвардіею Наполеона, предводимою Неемъ; бутырскій, окруженный непріятельскою кавалеріею, подъ картечными выстрѣлами строилъ каре, ходилъ въ штыки на конницу и обращалъ ее вспять. Ширванскій стоялъ подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ. Командующій линіею ген.-м. Лаптевъ подъѣхалъ къ полку и старался его ободрить. Бывшіе въ головѣ обѣихъ батальонныхъ колоннъ гренадеры просили позволенія взять батарею. «Съ Богомъ!» отвѣчалъ Лаптевъ и повелъ полкъ впередъ, но вскорѣ получилъ сильную контузію и долженъ былъ оставить поле сраженія. Полкъ продолжалъ движеніе подъ начальствомъ своего шефа, Зварыкина, но и тотъ вскорѣ былъ прострѣленъ насквозь. Между тѣмъ, вся линія получила приказаніе отступить. Ширванцы остались впереди, были окружены непріятельскою конницею и выдержали нѣсколько аттакъ. Истративъ патроны, они три раза при барабанномъ боѣ пробивались холоднымъ ружьемъ сквозь кавалерію, стремившуюся ихъ отрѣзать и присоединились къ линіи, неся съ собою не только своего прострѣленнаго шефа, но раненыхъ и тѣла убитыхъ офицеровъ. Ген.-м. Понсетъ стоялъ передъ своею бригадою на костыляхъ. Получивъ два раза повелѣніе отступить, онъ отвѣчалъ въ пылу боя: «Умру, но не отойду ни шагу». Начальникъ дивизіи Вуичъ, подъѣхалъ къ нему и, получивъ такой-же отвѣтъ, сказалъ: «Если вамъ угодно умирать здѣсь, можете располагать своею особою, но бригадѣ я приказываю отступить».

Въ арміи Наполеона, по словамъ французскихъ писателей, выбыло изъ строя до 8,000 человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ было семь генераловъ, и между ними Груши и маршалъ Викторъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя до 6,000. Маріупольскій гусарскій полкъ въ теченіе трехъ часовъ лишился 22-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Большая часть нашихъ генераловъ были ранены, и двое умерли отъ ранъ: Ланской и Ушаковъ, считавшіеся въ числѣ лучшихъ кавалерійскихъ

генераловъ. Соединенные тѣсною дружбою, соперники въ храбрости на войнѣ, страстные къ своему ремеслу, они щеголяли даже въ сраженіи и пали на одномъ полѣ битвы. Ланской не согласился, чтобы ему отрѣзали ногу, простреленную пулею, и сдѣлался жертвою своей нерѣшимости, не соотвѣтствовавшей его обыкновенному безстрашію. Ушаковъ, смертельно раненый, закричалъ своему полку: «Стой, курляндцы!» и испустилъ духъ. Говоря о тѣхъ, кто жертвовалъ жизнью подъ Краономъ, можно-ли не упомянуть о молодомъ графѣ Строгановѣ, убитомъ ядромъ? Вся армія горевала о смерти восемнадцатилѣтняго юноши; онъ выросъ въ глазахъ императора Александра, соединеннаго съ его родителями самыми дружественными связями.

Но напрасна была огромная растрата силъ, напрасно кровь русскихъ оросила Краонскія высоты; не подоспѣли войска, назначенныя выдти при Фетье на столбовую Лаонскую дорогу, разсѣять непріятельскіе парки, обозы, лазареты, ударить въ тылъ и во флангъ Наполеона.

И Наполеону сраженіе 23-го февраля не принесло никакой пользы. Для того-ли спѣшилъ онъ изъ Труа къ Краону, чтобы лишиться 8,000 человѣкъ, подвинуться нѣсколько верстъ впередъ и не пріобрѣсть никакихъ существенныхъ выгодъ? Очевидцы говорятъ, что Наполеономъ овладѣло отчаяніе: «По окончаніи убійственнаго Краонскаго боя», пишетъ его секретарь, «Наполеонъ былъ крайне встревоженъ случайностями сраженія и измученъ усталостью; здѣсь была для него одна изъ тѣхъ минутъ, когда отвращеніе отъ войны наполняетъ самую воинственную душу». Едва все стихло на полѣ сраженія и Наполеонъ расположился ночевать, какъ пріѣхалъ къ нему его уполномоченный на заключеніе перемирія въ Люзиньи, генералъ Флаго, донося, что переговоры не доведены до желаемаго окончанія. Вслѣдъ затѣмъ, въ туже ночь, получено донесеніе Коленкура, извѣщавшаго, что министры союзныхъ державъ не соглашаются ни на какую уступку и требуютъ немедленнаго подписанія мира, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить засѣданія конгресса. До какой степени сообщенныя Коленкуромъ и Флаго извѣстія и безполезное кровопролитіе раздражили Наполеона, свидѣтельствуетъ отданное имъ повелѣніе разстрѣлять нѣсколько русскихъ плѣнныхъ, что и было исполнено въ селеніи Ворень.

Между тѣмъ, Блюхеръ приказалъ всѣмъ шести корпусамъ сосредоточиваться у Лаона. Здѣсь онъ выжидалъ нападенія въ крѣпкой отъ природы позиціи. Лаонъ, окруженный старинными стѣнами и башнями, расположенъ на высокой горѣ; у подошвы ея четыре селенія составляли, такъ сказать, бастіоны: Марсель и Во съ сѣвера, Семильи и Ардонъ съ юга. Въ строю было 109.078 человѣкъ: 67,020 русскихъ и 42.058 пруссаковъ. Во французской арміи едва было 40,000. Для общаго нападенія, Наполеонъ ожидалъ прибытія маршала Мармона, бывшаго на маршѣ отъ Суассона на Бери о-Бакъ. Блюхеръ ждалъ тоже этого маршала. Такимъ образомъ Наполеонъ и Блюхеръ ждали Мармона: первый, чтобы на слѣдующій день повести общую аттаку на Лаонскую позицію, второй, чтобы разбить Мармона отдѣльно, ранѣе начатія общаго дѣла.

Въ три часа пополудни Мармонъ показался по дорогѣ изъ Бери о-Бака, аттаковалъ Атисъ и овладѣлъ имъ. Наступила ночь, пальба прекратилась, и войска стали на биваки. Французы, утомленные мар-

ъ изъ Суассона и только что кончившимся сраженіемъ, частью
и спать, частью разбрелись по селенію, отыскивая хлѣба и фу-
а. Блюхеръ только и ожидалъ минуты, когда французы, обыкно-
но послѣ боя безпечные, расположатся на ночлегъ, и рѣшился
вести свое намѣреніе въ исполненіе, предупреждая Наполеона,
вившагося на другой день возобновить бой. Корпусы Сакена и
ра Ланжерона, нѣсколько конныхъ полковъ подъ начальствомъ
кендорфа и всѣ конныя артиллерійскія роты русскихъ корпусовъ,
шихъ при силезской арміи, пошли на лѣвое крыло, подкрѣплять
йста и Іорка, которымъ Блюхеръ приказалъ сомкнуться въ гу-
я колонны и, не дѣлая ни одного выстрѣла, устремиться на не-
теля. Въ ночной тишинѣ, храня глубокое молчаніе, пруссаки дви-
ись прямо на Атисъ. Братъ короля, принцъ Вильгельмъ, шелъ
льшою дорогою и первый на штыкахъ ворвался въ селеніе; слѣва
права слѣдовали за нимъ прочія войска; генералъ Цитенъ съ кон-
ею обходилъ непріятеля. Атисъ былъ мгновенно взятъ; непрія-
ь, аттакованный врасплохъ на бивакахъ, успѣлъ сдѣлать только по
ому картечному выстрѣлу и обратился въ бѣгство, повсюду пре-
дуемый конницею и пѣхотою. Внезапность нападенія, темнота
и, восклицанія войскъ,—все увеличивало смятеніе французовъ. Они
ометью бросились къ Бери о-Баку и Фиму, гдѣ Мармонъ успѣлъ
рать свой разстроенный корпусъ. 45 орудій, 100 зарядныхъ ящи-
ъ и болѣе 2,000 плѣнныхъ достались побѣдителямъ; потеря союз-
овъ не превышала трехсотъ человѣкъ.

Желая воспользоваться одержанною побѣдою, Блюхеръ возна-
ился со всѣми силами напасть на Наполеона, но въ 9 часовъ утра
полеонъ возобновилъ нападеніе на Лаонскую позицію, стараясь
ботить аттакою Блюхера, принудить его вновь притянуть къ Ла-
корпусы, отправленные за Мармономъ, и, освободивъ Мармона
преслѣдованія, дать ему возможность собрать свой корпусъ. Въ
еніе всего дня французы возобновляли нападеніе на городъ и се-
ія, но безуспѣшность аттакъ побудила Наполеона отступить. Послѣ
удня, его парки и обозы потянулись къ Суассону; къ вечеру по-
довала туда и его армія; только арріергардъ оставался на полѣ
вы; канонада продолжалась съ нимъ до ночи. На слѣдующій день,
французская армія сосредоточилась у Суассона, за исключеніемъ
рмона; собравъ свой разбитый корпусъ, онъ сталъ у Фима. Этимъ
чилось сраженіе при Лаонѣ и вмѣстѣ предпринятое Наполеономъ
Труа движеніе противъ силезской арміи. Оно изнурило его войска,
ило ему 46-ти орудій, 12,000 убитыхъ и раненыхъ и, что несрав-
но важнѣе, не осуществило надежды его разбить силезскую армію
тбросить ее отъ театра войны. Слѣдовательно, намѣреніе, для ко-
аго онъ выступилъ изъ Труа, не исполнилось, между тѣмъ какъ
охеръ вполнѣ достигъ своей цѣли—оттянуть Наполеона отъ глав-
: арміи и дать ей возможность дѣйствовать свободно.

Болѣзненному состоянію Блюхера надобно приписать, что фран-
ы не потерпѣли полнаго пораженія подъ Лаономъ и во время от-
пленія отъ этого города, Наполеонъ не только успѣлъ отойти без-
пятственно, но даже въ продолженіе отступленія, какъ ниже уви-
ъ, одержалъ подъ Реймсомъ значительную побѣду и, никѣмъ не
слѣдуемый, достигъ Арсиса сюръ-Объ, гдѣ сразился съ главною
іею. До какой степени тѣлесныя страданія Блюхера взяли верхъ

надъ его душевными силами, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай. Отправленный къ нему графомъ Ланжерономъ офицеръ за приказаніями засталъ его сидящимъ у камина въ глубокой задумчивости и, доложивъ о причинѣ своего пріѣзда, не получилъ никакого отвѣта. Офицеръ повторилъ вопросы: то-же молчаніе. Прошло нѣсколько минутъ, и, наконецъ, сидѣвшій въ другомъ углу комнаты за письменнымъ столомъ генералъ Гнейзенау сказалъ офицеру: «Развѣ вы не видите, что фельдмаршалъ не въ состояніи отвѣчать вамъ!» Съ Лаонскаго сраженія Блюхеръ такъ ослабѣлъ, что во все остальное продолженіе похода до самаго Парижа, ѣхалъ въ каретѣ и не могъ сѣсть на лошадь. Судьба, приковавъ его къ одру болѣзни и не допустивъ участвовать въ послѣднихъ ударахъ, нанесенныхъ французамъ, казалось, хотѣла, чтобы Наполеонъ сокрушенъ былъ тою арміею, гдѣ присутствовалъ императоръ Александръ.

III.

Дѣло при Реймсѣ. Сраженіе при Арсисѣ.

Извѣстіе о Лаонской побѣдѣ было получено государемъ отъ графа Сенъ-При 2-го марта, на другой послѣ прибытія его величества изъ Шомона въ Труа, главную квартиру князя Шварценберга, который, убѣжденный настояніями императора, наконецъ, началъ подвигать главную армію вправо. Съ такою цѣлью перевели корпусъ Вреде въ Арсисъ и резервъ Барклая де-Толли изъ Шомона къ Бріенну. Прочіе три корпуса стояли въ прежнемъ расположеніи. Донесеніе графа Сенъ-При о Лаонской побѣдѣ князь Шварценбергъ не счелъ совершенно достовѣрнымъ, не имѣя еще о ней извѣстій отъ Блюхера. Въ ожиданіи положительныхъ увѣдомленій Блюхера, которыя должны были рѣшить дальнѣйшія движенія главной арміи, князь Шварценбергъ вознамѣрился сдѣлать въ слѣдующій день, 3-го марта, наступательное движеніе на Макдональда, находившагося между Провеномъ и Ножаномъ. Вниманіе князя Шварценберга было обращено не столько на Макдональда, какъ на то, куда пойдетъ Наполеонъ, если онъ, дѣйствительно, разбитъ подъ Лаономъ? Черезъ нѣсколько часовъ недоумѣніе объяснилось. Вечеромъ того-же дня адъютантъ Блюхера Бруннекъ привезъ подробности Лаонской побѣды и извѣстіе объ отступленіи Наполеона къ Суассону. Не взирая на это донесеніе, князь Шварценбергъ утверждалъ, что необходимо выжидать движеній Наполеона. «Теперь важнѣе всего знать», писалъ онъ Кайсарову, имѣвшему порученіе сторожить переправы черезъ Марну, «что изъ Суассона предприметъ непріятель? Дѣйствія его должны опредѣлить и наше направленіе».

Назначенныя дѣйствовать противъ Макдональда корпусы выступили къ Провену. Макдональдъ не выждалъ нападенія и отступилъ изъ Провена къ Мезонъ-Ружъ. Въ то самое время, въ 4 часа, государю привезли донесеніе о покореніи Наполеономъ Реймса и пораженіи графа Сенъ-При, чѣмъ было прервано прямое сообщеніе главной арміи съ силезскою. Болѣзнь Блюхера была причиною слабаго преслѣдованія французовъ послѣ Лаонской побѣды и безпрепятственнаго отступленія Наполеона къ Суассону. Прибывъ въ Суассонъ, Наполеонъ узналъ о покореніи русскими Реймса, откуда они могли дѣйствовать во флангъ

войскамъ, которыя Наполеонъ, при дальнѣйшемъ своемъ слѣдованіи противъ главной арміи, намѣренъ былъ оставить въ Суассонѣ. Онъ рѣшился взять Реймсъ и подавить находившійся тамъ корпусъ графа Сенъ-При, чтобы также побѣдою ободрить войска и въ умахъ своихъ подданныхъ загладить горестныя впечатлѣнія, произведенныя безполезными нападеніями его на силезскую армію. Онъ приказалъ маршалу Мортье стать въ Суассонѣ и наблюдать за силезскою арміею, а самъ, съ остальною частью войскъ, выступилъ 1-го марта къ Реймсу занятому наканунѣ графомъ Сенъ-При, по слѣдующему поводу:

Выступая изъ Мери въ Мо, Блюхеръ приказалъ графу Сенъ-При обезпечивать сообщеніе силезской арміи съ главною. Исполняя повелѣніе, Сенъ-При перешелъ изъ Витри въ Шалонъ. Услышавъ тамъ, что Реймсъ, лежащій на пути сообщенія между двумя нашими арміями, оставленъ казаками и находится во власти французовъ, онъ поручилъ генералу Эмануелю удостовѣриться въ справедливости этого извѣстія. Эмануель убѣдился, что казаки ушли изъ Реймса и тамошній французскій гарнизонъ слабъ. Желая воспользоваться этимъ, графъ Сенъ-При вознамѣрился овладѣть Реймсомъ и выступилъ туда изъ Шалона, присоединивъ къ себѣ предварительно прусскій отрядъ Ягова. Подойдя къ Реймсу, онъ послалъ требовать сдачи. Въ переговорщика выстрѣлили картечью съ городскихъ стѣнъ, унизанныхъ множествомъ любопытныхъ зрителей. Удаляясь, переговорщикъ, въ виду ихъ, положилъ на землю воззваніе къ гарнизону и жителямъ сдаться.

Сенъ-При хотѣлъ немедленно аттаковать Реймсъ, но во время приготовленій къ нападенію отъ Бери о-Бака показалась шедшая въ Реймсъ конница. Полагая, что за нею, можетъ быть, идетъ пѣхота, онъ велѣлъ прекратить завязавшуюся въ передовой цѣпи перестрѣлку и отошелъ къ Сильери, гдѣ, для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Реймса, ожидалъ шедшаго изъ Майнца пятитысячнаго отряда генералъ-маіора Панчулидзева. 27-го февраля отрядъ прибылъ, и на другой день съ разсвѣтомъ назначено штурмовать Реймсъ. Яговъ съ пруссаками долженъ былъ произвести ложную аттаку съ Фимской дороги; Эмануель съ конницею отряженъ къ Бери о-Баку перехватить войска, которыя будутъ уходить изъ города; на настоящій приступъ Сенъ-При повелъ корпусъ самъ. Ночью съ 27-го на 28-е февраля колонны выступили изъ Сильери. Проводникъ главнаго корпуса сбился въ темнотѣ съ дороги и водилъ войско взадъ и впередъ полями, какъ вдругъ услышали пальбу въ отрядѣ Ягова, имѣвшаго приказаніе вести ложную аттаку. Онъ успѣлъ войти въ Реймсъ безъ значительнаго сопротивленія; вслѣдъ за нимъ вступилъ и Сенъ-При, противъ котораго французы едва могли выстрѣлить изъ пушекъ и ружей. Наша пѣхота ворвалась въ городъ. Къ несчастью, разсѣянные французскіе солдаты, засѣвши въ домахъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ; наши начали грабить. Порядокъ вскорѣ былъ возстановленъ, и велѣно всѣхъ, найденныхъ съ отнятыми вещами, забирать подъ стражу, возвращая вещи владѣльцамъ. Двѣ французскихъ колонны, одна конная, другая пѣшая, успѣли выйти изъ города. Первая, числомъ до 600 человѣкъ, была аттакована Эмануелемъ, разсѣяна, взята въ плѣнъ и частью потоплена въ Велѣ, но непріятельскій пѣхотный батальонъ свернулся въ колонну, хладнокровно отстрѣливался и отбилъ наши кавалерійскія аттаки. Десять пушекъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ были взяты нами

въ Реймсѣ. За этотъ подвигъ Сенъ-При былъ награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени. Приказавъ отслужить на полѣ молебенъ, онъ распустилъ войско по окрестнымъ селеніямъ и поѣхалъ въ соборъ, гдѣ принималъ поздравленія своихъ старинныхъ единоземцевъ. Полагая, что послѣ пораженія французовъ при Лаонѣ и отступленія ихъ къ Суассону, о чемъ онъ былъ извѣщенъ Блюхеромъ, ему не предстоитъ опасности, онъ не принялъ должныхъ мѣръ предосторожности.

Описанныя здѣсь дѣйствія происходили поутру. Около полудня показалась впереди Реймса конница авангарда Наполеона, которая бросилась на шесть батальоновъ прусскаго ополченія, расположившихся послѣ взятія Реймса на Суассонской дорогѣ. Не ожидая нападенія, они сложили съ себя боевую аммуницію и мыли бѣлье въ рѣкѣ. Одни изъ нихъ были изрублены, другіе взяты въ плѣнъ, иные спаслись бѣгствомъ со своимъ генераломъ Яговомъ, едва успѣвшимъ сѣсть на неосѣдланную лошадь. Наконецъ, остальные пруссаки составили каре и храбро отстрѣливались, не взирая на то, что половина ихъ только была въ мундирахъ, а прочіе въ рубахахъ, иные даже босикомъ. Одинъ прусскій конный солдатъ, опередивъ своихъ товарищей, прискакалъ въ Реймсъ, съ извѣстіемъ о пораженіи Ягова. Когда о происшедшемъ доложили Сенъ-При, находившемуся тогда въ церкви, онъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, тревога произведена какимъ-нибудь французскимъ партизаномъ; ни арміи Наполеона, ни корпусовъ его нельзя ожидать отъ Суассона. Если партизанъ воспользовался оплошностью пруссаковъ, въ такомъ случаѣ они сами виноваты».

Вскорѣ пріѣхалъ другой вѣстникъ, донося, что число непріятелей безпрестанно увеличивается, что они отъ города не далѣе двухъ верстъ и легко могутъ взять стоявшія въ предмѣстьѣ наши орудія. Сенъ-При выведенъ былъ изъ заблужденія, услышавъ, что у непріятелей есть артиллерія, изъ чего уже не трудно было заключить, что предводитель ихъ не какой-либо удалой партизанъ, идущій съ горстью людей аттаковать многолюдный городъ, занятый пѣхотою. Графъ поѣхалъ къ угрожаемому мѣсту и разослалъ приказанія войскамъ идти къ Суассонскому предмѣстью. Нѣкоторые полки, услышавъ о приближеніи непріятеля, спѣшили туда прежде, сами собою, не ожидая приказанія. Начальникъ французскаго авангарда или по полученному повелѣнію, или не отваживаясь съ одною конницею ближе подступать къ городу, удовольствовался удачнымъ нападеніемъ на пруссаковъ, далѣе не пошелъ и выдвинулъ впередъ кавалерійскую цѣпь. Орудія его смолкли, и онъ стоялъ спокойно. Этимъ промедленіемъ онъ далъ графу Сенъ-При возможность наскоро устроить въ боевой порядокъ часть корпуса. Если-бы нашъ генералъ угадалъ причину мгновеннаго бездѣйствія непріятелей, то, конечно, отступилъ-бы немедленно, но онъ былъ введенъ въ обманъ увѣренностью, что разбитому подъ Лаономъ непріятелю не зачѣмъ идти къ Реймсу, и показаніемъ французскаго солдата, объявившаго, что сюда подходитъ только 12-тысячный корпусъ Мармона, съ которымъ Сенъ-При надѣялся управиться. Хотя другой плѣнный сказалъ, что самъ Наполеонъ при войскахъ, но Сенъ-При отвѣчалъ: «Вѣдь, Наполеонъ не перешагнетъ черезъ 14,000 человѣкъ!» и до такой степени былъ увѣренъ удержать

свою позицію, что на вопросъ одного полкового командира, куда въ случаѣ пораженія отступать?—отвѣчалъ: «Ретирады не будетъ!»

Въ непродолжительномъ времени прибылъ Наполеонъ. Окинувъ взглядомъ нашу позицію, онъ сказалъ: «Дамы въ Реймсѣ проведутъ скверную четверть часа!» и далъ повелѣніе аттаковать. Вдругъ, изъ-за горы и лѣса, до того времени скрывавшихъ непріятеля, высыпала многочисленная конная артиллерія и открыла огонь. Потомъ густыя кавалерійскія колонны понеслись со всѣхъ сторонъ въ аттаку, преимущественно на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ Наполеонъ сосредоточилъ до 8.000 конницы. Тогда только Сенъ-При увидѣлъ значительное превосходство непріятеля въ числѣ и тотчасъ велѣлъ задней линіи отступать черезъ Реймсъ, къ Лаону, а первой удерживать непріятеля. Едва успѣлъ онъ отдать приказаніе, какъ былъ раненъ ядромъ въ плечо и палъ замертво. Прусская батарея, на которой онъ стоялъ, тотчасъ взяла на передки и поворотила въ городъ. Менѣе нежели въ четверть часа наши войска были сбиты и бросились къ предмѣстью черезъ единственный находившійся мостъ на крутыхъ берегахъ Веля, а оттуда въ Реймсъ. По тѣснотѣ на мосту и въ улицахъ, колонны на каждомъ шагу мѣшали одна другой. Такой безпорядокъ долженъ былъ вовлечь корпусъ въ погибель, если-бы не помогъ батальонъ Рязанскаго пѣхотнаго полка. Начальникъ его, полковникъ Скобелевъ, сохраняя присутствіе духа, устоялъ одинъ противъ неудержимаго почти стремленія непріятелей. Посреди неописаннаго смятенія онъ свернулъ батальонъ въ каре и отражалъ налетавшую на него три раза конницу, давая время орудіямъ и обозамъ войти въ городъ, куда, наконецъ, и самъ пробился штыками, унося съ собою раненаго графа Сенъ-При, принесеннаго въ его каре.

Передъ мостомъ, гдѣ дрались рязанцы, распоряжался Эмануель. Потомъ онъ возвратился въ городъ, наскоро разставилъ войска для его защиты и поѣхалъ отыскивать старшаго послѣ Сенъ-При генерала. Онъ нашелъ его за городомъ, еще не оправившагося отъ обморока, послѣ котораго онъ упалъ съ лошади при самомъ началѣ непріятельской аттаки. По слабости здоровья, генералъ этотъ поручилъ Эмануелю начальство надъ корпусомъ. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ, и Эмануель рѣшилъ удерживать Реймсъ до утра, а потомъ, если не будетъ прислано подкрѣпленія отъ генерала Іорка, отойти къ Бери о-Баку. Но непріятель, переправившись въ бродъ черезъ Вель, начиналъ уже обходить городъ, почему Эмануель приказалъ отступать и отправилъ бывшему въ Реймсѣ старшему офицеру повелѣніе очистить городъ. Посланный не засталъ тамъ офицера, который, увидѣвъ обходъ французовъ, безъ приказанія выступилъ изъ Реймса, оставивъ тамъ унтеръ-офицера 33-го егерскаго полка съ двумястами охотниковъ, выбранныхъ изъ разныхъ полковъ. Онъ велѣлъ имъ держаться до послѣдней крайности, предоставляя право сдаться, если увидятъ, что имъ нѣтъ спасенія. Брошенная на жертву Наполеону горсть храбрецовъ не помышляла о сдачѣ. Адъютантъ Эмануеля нашелъ ихъ, когда они ободряли другъ друга, раздѣляли между собою остальные патроны и употребляли всѣ силы къ оборонѣ города. Получивъ приказаніе, они отступили и счастливо избавились плѣна, пробираясь ночью сквозь непріятеля. Имъ покровительствовали темнота, ихъ собственная осторожность и Провидѣніе, пекущееся о храбрыхъ. Они присоединились къ своимъ полкамъ, большая часть которыхъ потянулась

къ Лаону, а другіе, во время смятенія, направились къ Шалону. Десять орудій, одно русское и девять прусскихъ, были трофеями непріятеля. Черезъ двѣ недѣли Сенъ-При умеръ въ Лаонѣ, гдѣ ему соорудили памятникъ съ приличною надписью, которую французы уничтожили послѣ сверженія Бурбоновъ съ престола въ іюлѣ 1830 года.

Узнавъ 4-го марта о пораженіи Сенъ-При, князь Шварценбергъ перемѣнилъ направленіе корпусовъ главной арміи. Онъ отложилъ свое первоначальное намѣреніе аттаковать Макдональда, отступившаго за Провенъ, и рѣшился идти черезъ Шалонъ на соединеніе съ Блюхеромъ, думая, что Блюхеръ непремѣнно слѣдитъ за Наполеономъ и ни на шагъ его не оставляетъ. Для исполненія этого новаго предпріятія, князь Шварценбергъ приказалъ Вреде не трогаться изъ Арсиса, принцу Виртембергскому и графу Гулаю идти черезъ Понъ сюръ-Сенъ и Сансъ въ Труа, резерву графа Барклая де-Толли стоять въ Бріеннѣ, Раевскому, находившемуся въ виду Макдональда, занимать его ложными движеніями и отступить къ Понъ сюръ-Сену, если будетъ аттакованъ Макдональдомъ, а въ противномъ случаѣ, если Макдональдъ отступитъ, послать графа Палена съ конницею для наблюденія за его движеніями.

Въ продолженіе этого времени государь оставался въ Труа, средоточіи расположенія войскъ. Сперва его величество намѣревался отправиться въ Арсисъ, однако-же, не поѣхалъ туда, узнавъ о занятіи непріятелемъ Реймса. Что касается князя Шварценберга, то пораженіе графа Сенъ-При крайне встревожило его: онъ колебался въ выборѣ своихъ дѣйствій и не сохранилъ спокойствія и хладнокровія, необходимыхъ начальнику, особенно при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ. Какъ-будто уклоняясь отъ присутствія императора Александра и не желая встрѣтиться съ нимъ, онъ переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое. Лучшимъ изображеніемъ смутныхъ, проведенныхъ нами тогда, дней могутъ служить слѣдующія строки изъ собственноручнаго письма князя Волконскаго генералу Толю, находившемуся при князѣ Шварценбергѣ: «Мы сами не знаемъ, чего хотимъ. Ради Бога, успокойте насъ чѣмъ-нибудь; что за радость фельдмаршалу отъ насъ бѣгать? Только время теряемъ въ перепискѣ».

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, главнокомандующіе обѣихъ союзныхъ армій терялись въ предположеніяхъ. Больной Блюхеръ не трогался изъ Лаона, а кн. Шварценбергъ, также захворавшій, медленно стягивалъ войска къ Труа. Между ними стоялъ Наполеонъ въ Реймсѣ три дня, давая отдыхъ изнуренной арміи и составляя новыя соображенія о походѣ, принявшемъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль совершенно другой видъ. Въ половинѣ февраля, когда Наполеонъ пошелъ изъ Труа за Блюхеромъ, главная армія была въ полномъ отступленіи къ Лангру, но теперь она опять находилась на берегахъ Сены и Оба, а Блюхеръ, котораго Наполеонъ тогда надѣялся разбить, не только не былъ побѣжденъ, но восторжествовалъ при Лаонѣ и могъ съ часу на часъ явиться въ тылу французовъ. Имѣя въ виду спасеніе Парижа, Наполеонъ не долго колебался въ выборѣ, на которую изъ двухъ союзныхъ армій надлежало ударить. Главная армія была ближе къ его столицѣ, и потому онъ вознамѣрился дѣйствовать противъ нея, но не съ фронта: въ этомъ случаѣ онъ не могъ надѣяться на значительный успѣхъ, такъ какъ былъ малочисленнѣе ея, а рѣшился напасть на ея тылъ или оконечность праваго крыла.

5 марта, присоединивъ къ себѣ 10,000 свѣжихъ войскъ, Наполеонъ началъ наступательное движеніе отъ Реймса къ Марнѣ и Обу, намѣреваясь переходить черезъ нее въ Арсисѣ или Планси, судя по извѣстіямъ о расположеніи главной арміи союзниковъ. На другой день, утромъ, Кайсаровъ донесъ о прибытіи 20,000 непріятелей въ Ферь-Шампенуазъ. Потомъ, въ пять часовъ пополудни, онъ увѣдомилъ, что непріятельскій авангардъ уже дошелъ до Гербиссе, верстахъ въ семи отъ Арсиса. Хотя эти извѣстія побудили кн. Шварценберга отложить первоначальное предположеніе сблизиться съ Блюхеромъ, указывая необходимость сосредоточить армію у Транна, чтобы стать на пути нашихъ сообщеній, однако-же, не совершенно убѣдили его въ замыслахъ Наполеона дѣйствовать противъ главной арміи. Онъ не вполнѣ довѣрялъ рапортамъ Кайсарова, считалъ его показанія преувеличенными и не ускорялъ движенія корпусовъ. «Не можетъ быть», сказалъ онъ ген. Толю, «чтобъ Наполеонъ направился на насъ всѣми силами: вѣроятно, Блюхеръ не упуститъ его изъ вида». Тщетно старался Толь доказывать, что Кайсаровъ, офицеръ опытный, заслуживаетъ полной довѣренности. Фельдмаршалъ оставался непреклоненъ. Онъ согласился съ Толемъ только въ пользѣ послать подкрѣпленіе Кайсарову, имѣвшему не болѣе 1,200 казаковъ, и отправилъ къ нему четыре эскадрона баварской конницы.

Находясь въ Труа, императоръ Александръ, частными донесеніями Толя кн. Волконскому, при которыхъ въ подлинникѣ представлялись рапорты Кайсарова, былъ извѣщаемъ о нерѣшительности кн. Шварценберга и его генераловъ. Присутствіе императора въ Арсисѣ, гдѣ былъ кн. Шварценбергъ, сдѣлалось необходимымъ.

Въ шесть часовъ вечера, государь, сопровождаемый кн. Волконскимъ, прибылъ изъ Труа въ Арсисъ, въ домъ кн. Шварценберга, страдавшаго подагрою. Встрѣтивъ въ пріемной комнатѣ Толя, императоръ Александръ сказалъ ему съ неудовольствіемъ: «Что у васъ дѣлается? Мы всю армію потерять можемъ!»—«Ваше Величество лично усмотрѣть изволите мнительность сихъ господъ», отвѣчалъ Толь. «Я употреблялъ всѣ способы, представляя имъ опасность нашего положенія. Величайшее счастіе, что Ваше Величество пріѣхали; Вы исправите наши ошибки». Потомъ Толь сказалъ государю: «Теперь каждая минута дорога, и не остается другого средства избѣгнуть бѣды, какъ велѣть всѣмъ корпусамъ сдѣлать сосредоточенное движеніе и стать между Труа и Нужи, а корпусу Вреде возвратиться ночью на лѣвый берегъ Оба, всѣми силами удерживая Арсисъ и находящуюся тамъ переправу».

Благодаря прибытію императора въ Арсисъ, армія была нѣкорымъ образомъ обезпечена; но опасность еще не совсѣмъ миновала, потому что Наполеонъ, переправившись при Арсисѣ, могъ идти прямою дорогою въ Труа, почти въ центръ сосредоточенія главной арміи. Ему стоило только, не теряя ни минуты, опрокинуть корпусъ Вреде, занимавшій Арсисъ. Но вмѣсто того, чтобы продолжать движеніе черезъ Арсисъ въ Труа, Наполеонъ поворотилъ 7 числа изъ Гербиссе вдоль по Обу и сдѣлалъ фланговое движеніе къ Планси, на соединеніе съ корпусами Макдональда, шедшаго изъ Провена. Онъ имѣлъ въ виду вмѣстѣ съ этимъ маршаломъ переправиться у Планси и Мери и ударить въ правый флангъ главной арміи, думая, что она находилась на лѣвомъ берегу Сены между Труа, Ножаномъ, Сансомъ и Понъ

сюръ-Сеномъ, или отрѣзать ея корпусы, расположенные на Обѣ, отъ тѣхъ, которые стояли на Сенѣ. Безъ сомнѣнія, маршъ Наполеона на Планси былъ самымъ важнымъ промахомъ его въ походѣ 1814 года. Кажется, никогда одинъ потерянный день не имѣлъ столь великихъ послѣдствій, такъ какъ ошибочное движеніе внизъ по рѣкѣ Обу ускорило окончаніе войны, рѣшавшей участь Наполеона. Кн. Шварценбергъ искусно воспользовался неудачнымъ маршемъ Наполеона. Узнавъ объ немъ отъ Кайсарова, онъ тотчасъ перемѣнилъ диспозицію и, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать войска назади, между Труа и Пужи, и отступать къ Транну, вознамѣрился соединить ихъ впереди, между Арсисомъ и Планси, и аттаковать непріятеля, переправившагося черезъ Объ. Изъ оборонительнаго положенія онъ переходилъ въ наступательное, тѣмъ болѣе для него выгодное, что онъ ставилъ Наполеона въ необходимость или отойти назадъ, или принять сраженіе, имѣя въ тылу болотистую рѣку. То былъ единственный превосходный маневръ кн. Шварценберга во всемъ походѣ. Какъ вновь оживленный свиданіемъ съ государемъ, происходившимъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, онъ отбросилъ прежнюю медленность, быстро сообразилъ обстоятельства и уничтожилъ намѣренія своего противника, хотѣвшаго разбить наши корпусы по-одиночкѣ.

Диспозиція была разослана поздно вечеромъ 7 марта. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, въ холодное, ясное весеннее утро, колонны двинулись изъ Труа. Въ то время Наполеонъ, перешедшій черезъ Объ въ Планси, дошелъ до Мери, гдѣ узналъ отъ жителей окрестныхъ мѣстъ, что на лѣвомъ берегу Сены почти вовсе не было союзныхъ войскъ. Конные разъѣзды равномѣрно подтвердили эти показанія, удостовѣрившія Наполеона, что предпринятое имъ изъ Гербиссе боковое движеніе ни къ чему не послужило, и только было безполезною тратою драгоцѣннаго времени. Онъ приказалъ войскамъ возвратиться къ Арсису, откуда предполагалъ опять начать наступленіе. Когда французы перешли рѣчку Барбюсъ и приблизились къ Арсису, авангардъ Вреде отступилъ въ 10 часовъ изъ этого города, который и былъ занятъ французами. Совершаемыя непріятелемъ движенія не были точно извѣстны кн. Шварценбергу, а потому онъ не дѣлалъ никакихъ измѣненій въ своихъ распоряженіяхъ. Обѣ воевавшія арміи продолжали приближаться къ Арсису; только изрѣдка были слышны выстрѣлы въ авангардахъ.

Въ одиннадцать часовъ утра, государь и прусскій король прибыли на высоты при Мениль-Лаконтессъ, гдѣ стояла гвардія. Императоръ сошелъ съ лошади и, ходя по полю взадъ и впередъ съ Барклаемъ де-Толли, говорилъ о мнительности австрійскихъ генераловъ и, между прочимъ, сказалъ: «Эти господа сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ!» Потомъ, разсуждая о движеніяхъ непріятеля, онъ присовокупилъ: «Наполеонъ будетъ занимать насъ здѣсь пустыми маневрами, а съ главными силами пойдетъ на Бріеннъ и далѣе на наши сообщенія». Эти слова, при всѣхъ произнесенныя, доказываютъ, что императоръ угадывалъ маршъ, черезъ три дня послѣ того совершенный Наполеономъ, когда онъ пошелъ изъ Витри на Сенъ-Дизье. Между тѣмъ, значительная часть французскихъ войскъ прибыла изъ Планси въ Арсисъ и выступила оттуда, согласно принятому Наполеономъ въ Реймсѣ намѣренію, въ обходъ главной арміи, или на тѣ пути, гдѣ она сосредоточивалась, такъ какъ Наполеонъ все еще былъ увѣренъ, что

она растянута на большомъ пространствѣ и не успѣла соединиться. Нѣсколько французскихъ генераловъ, выѣхавшихъ изъ Арсиса для обозрѣнія, увидѣвъ издали головы нашихъ колоннъ, возвратились въ городъ и донесли Наполеону, что передъ Арсисомъ стоятъ большія силы, но онъ не обращалъ вниманія на донесенія, утверждая, что эти войска—не что иное, какъ арріергардъ или летучіе отряды союзниковъ. Вскорѣ онъ былъ выведенъ изъ заблужденія.

Въ часъ пополудни кн. Шварценбергъ далъ условленный знакъ къ аттакѣ тремя выстрѣлами изъ орудія. Кайсаровъ, находясь на лѣвой оконечности, гдѣ онъ долженъ былъ связывать дѣйствія лѣваго крыла Вреде съ корпусомъ Раевскаго, который еще былъ на маршѣ изъ Труа къ Планси, началъ сраженіе кавалерійскою аттакою. Онъ замѣтилъ, что стоявшая на правомъ непріятельскомъ крылѣ артиллерія была слабо оберегаема, ударилъ на нее съ казаками и взялъ три орудія. Французская конница, прикрывавшая пушки, обратилась въ бѣгство, но была остановлена у Арсиса самимъ Наполеономъ, который, наконецъ, выѣхалъ изъ города, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній своихъ генераловъ. Убѣдившись въ появленіи у Арсиса всей нашей главной арміи, онъ наскоро выстроилъ войска въ боевой порядокъ: его правое крыло примкнуло къ Виллету, а лѣвое къ Торси. Между тѣмъ, Вреде открылъ дѣйствія, имѣя цѣлью, слѣдуя внизъ по берегу Оба, ворваться въ Арсисъ, захватить находящійся тамъ мостъ и отрѣзать французскія войска, бывшія на лѣвомъ берегу рѣки, отъ тѣхъ, которыя еще не переправились и были на правой сторонѣ Оба. Одинъ батальонъ его корпуса прошелъ уже Торси, но былъ опрокинутъ. Непріятель ворвался въ Торси, и здѣсь завязалось упорнѣйшее дѣло. Вреде и Наполеонъ желали сохранить селеніе Торси въ своей власти и посылали туда свѣжія войска; всѣ усилія баварцевъ вырвать селеніе у французовъ оставались тщетны.

На лѣвомъ крылѣ конница Фримона и Кайсарова дѣйствовала удачнѣе; она оттѣснила къ самому Арсису непріятеля, отступавшаго въ такомъ безпорядкѣ, что Наполеонъ посылалъ въ аттаку свой конвой и нѣсколько разъ обнажалъ шпагу. «Онъ не избѣгалъ опасностей», говоритъ одинъ очевидецъ, «но, казалось, искалъ смерти. Граната падаетъ къ его ногамъ; онъ ждетъ взрыва и исчезаетъ въ облакѣ пыли и дыма. Мы считаемъ его погибшимъ, но онъ встаетъ, бросается на лошадь и снова становится противъ непріятельскихъ батарей: смерть не ждала еще великой жертвы». Будь конница нашего лѣваго крыла подкрѣплена свѣжими войсками, ея аттака могла-бы имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія, потому что находившаяся у Торси непріятельская пѣхота была-бы отрѣзана; но, хотя резервы наши уже двинулись тогда на усиленіе боевой линіи, однако, не могли вступить въ дѣло, находясь еще слишкомъ далеко позади. Удерживая дальнѣйшія нападенія нашей конницы, Наполеонъ выставилъ на своемъ правомъ крылѣ 70 орудій и открылъ по ней сильный огонь, направивъ всю пѣхоту на защиту селенія Торси, многократно, но тщетно аттакованнаго Вреде. Обходить непріятеля намъ было невозможно: оба крыла его упирались въ рѣку, и потому воюющія арміи сражались почти параллельно одна съ другою. Князь Шварценбергъ медлилъ вводить резервы въ огонь, ожидая донесеній о томъ, что происходитъ въ корпусахъ наслѣднаго принца Виртембергскаго, бывшаго на лѣвомъ берегу рѣчки Барбюса. Узнавъ, наконецъ, что противъ его

высочества почти вовсе не было непріятеля и что французы, занявъ отрядомъ Мери, тянутся къ Арсису, онъ приказалъ принцу идти туда-же и русскимъ резервамъ вступить въ дѣло. Гренадерскій корпусъ сталъ въ центрѣ, отдѣливъ бригаду на подкрѣпленіе баварцевъ при Торси; за гренадерами слѣдовали вторая и третья кирасирскія дивизіи; на лѣвый флангъ послали нѣсколько ротъ конной артиллеріи, въ томъ числѣ вторую гвардейскую. Когда батареи неслись на всемъ скаку мимо императора Александра, онъ привѣтствовалъ ихъ напоминаніемъ о Лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ было торжество русской артиллеріи.

Солнце садилось; день склонялся къ вечеру; Арсисъ и Торси были объяты пламенемъ; громъ орудій потрясалъ землю; императоръ Александръ и прусскій король слѣдовали за резервами и спускались съ высокой горы Мениль-Лаконтессъ. За ихъ величествами шли лейбъ-казачій полкъ и прусская гвардейская кавалерійская бригада, оглашая воздухъ трубными звуками и военными пѣснями, перекаты которыхъ смѣшивались съ жужжаніемъ непріятельскихъ ядеръ, перелетавшихъ черезъ монарховъ. Вскорѣ русская конная артиллерія, прибывъ на лѣвый флангъ, заставила находившіяся тамъ французскія батаріи прекратить огонь. Настала темнота, и бой кипѣлъ только у Торси. Переходя въ теченіе дня нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, селеніе это, наконецъ, осталось во власти непріятеля. Около десятаго часа пальба начала стихать, и лѣсные берега Оба только изрѣдка вторили гулу пушечныхъ выстрѣловъ. Государь совѣщался съ кн. Шварценбергомъ, и рѣшили возобновить сраженіе на другой день, когда придутъ корпусы наслѣднаго Виртембергскаго принца, какъ вдругъ послышалась на лѣвомъ крылѣ сильная перестрѣлка и крикъ. То была кавалерійская аттака французовъ на отрядъ Кайсарова, имѣвшаго честь начать и кончить сраженіе при Арсисѣ. Аттака была опрокинута и, кромѣ мгновенной тревоги, не имѣла никакого послѣдствія. Государь отправился ночевать въ Пужи. Весь день онъ чувствовалъ лихорадочные припадки; слабость силъ принуждала его во время сраженія сходить нѣсколько разъ съ лошади и ложиться на землю.

Такъ прошелъ первый день сраженія при Арсисѣ, не имѣвшій рѣшительныхъ послѣдствій: обѣ воевавшія арміи удержали за собою мѣста, занятыя ими съ утра. Съ обѣихъ сторонъ считали сраженіе только началомъ рѣшительной битвы, которая должна была, по общему мнѣнію, загорѣться на слѣдующій день, къ которому Наполеонъ и кн. Шварценбергъ ожидали большей части своихъ войскъ, не поспѣвшихъ 8-го числа къ Арсису.

9-го марта, въ 6 часовъ утра, главная армія стояла въ боевомъ порядкѣ; Вреде былъ попрежнему у Шодре; наслѣдный Виртембергскій принцъ за деревнею Мениль; лѣвѣе отъ него гр. Гіулай; на лѣвомъ крылѣ, при Нозе, Раевскій; гренадеры, кирасиры и гвардія находились во второй линіи, большею частью за Мениль-Лаконтессъ; Кайсаровъ и Сеславинъ наблюдали оба берега Барбюса; гр. Ожаровскій былъ отряженъ съ легкою кавалерійскою гвардейскою дивизіею на правый берегъ Оба сторожить тамъ движеніе непріятелей. Наполеонъ сосредоточилъ армію около Арсиса, въ томъ-же положеніи, какъ наканунѣ; прибывшіе къ нему ночью корпусы Макдональда оставались еще на противоположной сторонѣ рѣки, чтобы идти черезъ

Бріеннъ и аттаковать главную армію, когда она будетъ отходить назадъ, такъ какъ Наполеонъ былъ увѣренъ, что съ разсвѣтомъ дня увидитъ отступленіе ея за Объ при Лемонѣ. Напротивъ того, взошедшее солнце освѣтило наши многочисленныя колонны на пространствѣ отъ Шодре до Нозе. Здѣсь представилось любопытное зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ памяти очевидцевъ. Двѣ непріязненныя арміи, взаимно исполненныя многолѣтнимъ, пламеннымъ ожесточеніемъ, стояли на самомъ близкомъ разстояніи въ виду одна другой, не трогаясь съ мѣста: каждая ожидала нападенія. Съ обѣихъ сторонъ были въ ружьѣ болѣе полутораста тысячъ человѣкъ; зажженные фитили горѣли у батарей, размѣщенныхъ передъ фронтомъ армій; на полѣ царствовала тишина, не прерываемая ни однимъ выстрѣломъ. Часъ проходилъ за часомъ; ни Наполеонъ, ни кн. Шварценбергъ не отдавали приказанія аттаковать. Нѣкоторые изъ генераловъ совѣтовали князю отступить; то-же самое предлагали Наполеону его опытнѣйшіе маршалы; однако-же, тотъ и другой, въ убѣжденіи, что настала минута, которая должна была имѣть самыя важныя слѣдствія на походъ, медлили, совѣщались, не приступали къ рѣшительнымъ мѣрамъ и подвергали расчету всѣ случаи, могущіе доставить побѣду или отвратить пораженіе. Легко вообразить нетерпѣніе, съ которымъ императоръ Александръ, удерживаемый нездоровьемъ въ Пужи, ожидалъ извѣстія, чѣмъ кончится обоюдное колебаніе? Нарочные, посылаемые имъ на позицію, доносили ему о происходившемъ и въ двѣнадцатомъ часу доложили, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Наполеонъ вскорѣ аттакуетъ, потому что французскія войска, бывшія по ту сторону Оба, переправляются на лѣвый берегъ. Казалось несомнѣннымъ, что поля Арсиса будутъ свидѣтелями кровопролитнѣйшей битвы. Случилось иначе.

Не прошло получаса, какъ въ непріятельской арміи было замѣчено волненіе. Войска, стоявшія въ задней линіи, густыми колоннами потянулись съ позиціи на Арсисъ, оттуда по мосту и далѣе на противоположный берегъ Оба. Очевидно было, что Наполеонъ уклонялся отъ сраженія. Для отступленія онъ не ожидалъ даже темноты вечера, но отходилъ назадъ около полудня, въ виду всей главной арміи, на что едва-ли отважился-бы другой полководецъ, кромѣ него. Лишь только Шварценбергъ удостовѣрился въ отступленіи непріятеля, онъ призвалъ къ себѣ корпусныхъ начальниковъ и словесно отдалъ слѣдующія приказанія: Вреде, стоявшему ближе другихъ у Оба, тотчасъ переправиться черезъ эту рѣку при Лемонѣ и идти вслѣдъ за непріятелемъ и во флангъ его; наслѣдному принцу Виртембергскому, съ тремя корпусами, его высочества, Раевскаго и гр. Гіулая, аттаковать Арсисъ и непріятельскій авангардъ и начать аттаку по сигналу, который данъ будетъ фельдмаршаломъ. Сигналъ произведенъ былъ въ три часа пополудни тремя пушечными выстрѣлами.

Войска тронулись, имѣя впереди сто орудій и единовременно открыли огонь. Раевскій первый вступилъ въ дѣло; Паленъ ударилъ на французскую конницу, опрокинулъ ее и взялъ три пушки. На одну высоту съ Раевскимъ подвигалась артиллерія другихъ корпусовъ, которая составила вокругъ непріятеля безпрерывную громоносную цѣпь батарей. Французы, болѣе и болѣе тѣснимые къ городу, заняли передъ нимъ выгодную позицію. Графъ Паленъ аттаковалъ ее съ оконечности праваго крыла, а Раевскій съ фронта; непріятель принужденъ былъ сняться съ позиціи и направиться въ Арсисъ. Его артиллерія перехо-

дила на правый берегъ Оба и дѣйствовала оттуда по нашимъ наступающимъ войскамъ; за нею слѣдовала въ бродъ конница. Французская пѣхота пыталась держаться въ городѣ, но была опрокинута корпусомъ принца Евгенія Виртембергскаго, ворвавшимся въ Арсисъ вслѣдъ за нею; въ улицахъ происходила сильная перестрѣлка. Непріятель успѣлъ, однако-же, истребить мость и перевелъ за Объ значительную часть арріергарда, но много французовъ потонуло въ рѣкѣ, желая спастись вплавь. Непріятели до глубокой ночи производили съ противоположнаго берега перестрѣлку, стараясь мѣшать намъ наводить мостъ. Такъ кончилось сраженіе подъ Арсисомъ, важное тѣмъ, что Наполеонъ, найдя главную армію сосредоточенною, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи разбить ее по частямъ и былъ принужденъ избрать новый путь дѣйствій. Въ строю находилось до 90,000 союзныхъ войскъ и 50,000 французовъ. Трофеи заключались въ шести орудіяхъ, отбитыхъ Паленомъ и Кайсаровымъ. Арсиская битва останется памятною, какъ послѣдняя встрѣча на полѣ битвъ Александра съ Наполеономъ, первая кровавая встрѣча которыхъ происходила за девять лѣтъ передъ тѣмъ, подъ Вишау, за четыре дня до Аустерлицкаго сраженія. Какое безмѣрное поприще было пройдено Александромъ отъ Аустерлица до Арсиса!

IV.

Движеніе Наполеона на Сенъ-Дизье. Сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ.

Изъ Арсиса идутъ три дороги къ сѣверу, одна черезъ Сезанъ на Парижъ, другая на Шалонъ, третья къ Витри. У насъ полагали, что Наполеонъ изберетъ который-либо изъ первыхъ двухъ путей, потому что они не удаляли его отъ Парижа. Заключеніе оправдалось. Французы, оставивъ противъ Арсиса большой арріергардъ и сильныя батареи на правомъ берегу Оба, потянулись къ Витри. Съ перваго взгляда, мы сочли движеніе ихъ за маневръ, замышляемый Наполеономъ, чтобы ввести союзниковъ въ заблужденіе относительно дальнѣйшихъ его намѣреній, такъ какъ не думали, что онъ рѣшится оставить безъ защиты Парижъ, обладаніе которымъ было необходимымъ условіемъ его политическаго существованія. Вскорѣ донесенія партизановъ удостовѣрили въ движеніи его къ Витри. Князь Шварценбергъ, 10-го марта, на другой день послѣ Арсисскаго сраженія, тоже перевелъ армію на правый берегъ Оба, у Шодре. Онъ поставилъ ее между Корбелемъ и Дампьеромъ.

Ночью съ 10-го на 11-е марта, французскій арріергардъ отступилъ изъ-подъ Арсиса къ Сомнью, гдѣ ген.-ад. графъ Ожаровскій сдѣлалъ удачную аттаку, въ которой онъ сбилъ конницу и взялъ 23 орудія. Сверхъ того, взято въ плѣнъ до 400 человѣкъ и перехваченъ курьеръ. Найденныя при немъ бумаги были доставлены императору Александру въ Пужи, и изъ нихъ убѣдились, что Наполеонъ, дѣйствительно, пошелъ на Витри, замышляя спуститься оттуда черезъ Сенъ-Дизье и Жуенвиль на сообщеніе главной арміи.

По полученіи перехваченныхъ въ Сомнью депешъ, государь съ кн. Шварценбергомъ и прусскимъ королемъ рѣшили идти къ Шалону, на соединеніе съ Блюхеромъ.

Согласно опредѣленію ихъ величествъ, главная армія должна была немедленно выступить изъ окрестностей Дампьера и Корбеля,

идти всю ночь и, соединившись съ Блюхеромъ, дѣйствовать въ тылъ непріятеля. Путь сообщенія на Шомонъ и Лангръ рѣшено было временно покинуть, находившіеся тамъ парки, артиллерію и разныя команды направить въ Базель и избрать новый путь дѣйствій, на Нидерланды или нижній Рейнъ.

Корпусамъ отдали повелѣніе тотчасъ выступить, всю ночь идти къ Сомпью и на разсвѣтѣ, 12-го марта, сосредоточиться у Вессиньеля, между Витри и Феръ-Шампенуазомъ. По дорогѣ черезъ Шомонъ на Базель были посланы офицеры, для принятія мѣръ осторожности на пути сообщенія, куда выходилъ непріятель.

Когда армія снималась съ лагеря при Корбелѣ и Дампьерѣ, и государь намѣревался ѣхать ночью вслѣдъ за войскомъ, Наполеонъ переправлялся на правый берегъ Марны при Флиньикурѣ, близъ Витри, занятомъ русскими и пруссаками. Онъ троекратно требовалъ сдачи Витри, подвозилъ батареи и открывалъ огонь. Крѣпость не сдавалась. Не желая терять времени на ея покореніе, онъ отложилъ дальнѣйшія нападенія на Витри и продолжалъ наступательное движеніе.

11-го марта въ восемь часовъ вечера императоръ Александръ отправился изъ Пужи и прибылъ въ селеніе Дампьеръ, куда привезли перехваченныя Чернышевымъ и Тетенборномъ у непріятельскихъ курьеровъ бумаги, среди которыхъ было слѣдующее собственноручное письмо Наполеона къ его супругѣ: «Мой другъ! Нѣсколько дней не сходилъ я съ лошади. 20 числа я взялъ Арсисъ на Обѣ, гдѣ въ тотъ-же вечеръ непріятели аттаковали меня; я разбилъ ихъ; они потеряли четыре тысячи человѣкъ убитыми. На слѣдующій день непріятели потянулись къ Бріенну и Баръ сюръ-Обу, а я, имѣя намѣренія удалить ихъ отъ Парижа, пошелъ къ Марнѣ и хочу приблизиться къ крѣпостямъ. Сегодня вечеромъ буду въ Сенъ-Дизье. Прощай, мой другъ, поцѣлуй сына».

По прочтеніи этого письма, князь Волконскій предложилъ соединиться съ Блюхеромъ и идти прямо на Парижъ, отрядивъ за Наполеономъ сильный корпусъ. «Мы придемъ къ Парижу, сказалъ онъ, въ пять дней и овладѣемъ Парижемъ прежде, нежели Наполеонъ о томъ узнаетъ». Вскорѣ потомъ, ночью, получили отъ графа Палена извѣстіе, что около мѣстечка Мальи, на большой дорогѣ изъ Арсиса въ Шалонъ, открыты имъ передовыя войска Чернышева, составлявшаго авангардъ, Блюхера, что силезская армія въ Реймсѣ, Эперне и Шалонѣ и Винцингероде въ Витри. Такимъ образомъ, въ тылу французовъ сошлись головы обѣихъ союзныхъ армій. Всѣмъ колоннамъ и корпусу Винценгероде приказали склоняться къ крѣпости Витри, получивъ въ ту-же ночь увѣдомленіе, что она не сдалась непріятелю.

Въ два часа утра государь отправился изъ Дампьера въ Сомпью. Здѣсь сдѣлали вторичный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ государю перехваченныя письма и, выходя отъ его величества, сказалъ князю Волконскому, что императоръ остается при прежнемъ мнѣніи: соединиться съ Блюхеромъ у Витри, идти со всѣми силами за непріятелемъ и аттаковать его тамъ, гдѣ настигнемъ. Потомъ кн. Шварценбергъ поѣхалъ впередъ. Князь Волконскій пошелъ къ государю и доложилъ, что выгоднѣе направиться на Парижъ, нежели слѣдовать за Наполеономъ.

Мнѣніе князя Волконскаго было одобрено государемъ, и онъ, желая сообщить о принятыхъ мѣрахъ прусскому королю и кн. Швар-

ценбергу, поѣхалъ къ Витри. На шестой или седьмой верстѣ онъ догналъ короля и фельдмаршала, пригласилъ ихъ сойти съ лошадей и велѣлъ ген. Толю разостлать на землѣ карту. Былъ одиннадцатый часъ прекраснаго весенняго утра. На возвышеніи, въ виду Витри, куда со всѣхъ сторонъ тянулись войска по лугамъ и пашнямъ, начинавшимъ покрываться зеленью, императоръ, подойдя къ картѣ, самъ сообщилъ о мнѣніи князя Волконскаго, которое было и его собственное. Безъ противорѣчія и радостно согласились на его предложенія. Такимъ образомъ, изо дня въ день, ровно черезъ годъ и девять мѣсяцевъ по вторженіи Наполеона въ Россію, императоръ Александръ указалъ путь къ Парижу, путь, котораго наши потомки не должны забывать!

По прибытіи въ Витри, приняты были слѣдующія мѣры къ общему движенію на Парижъ: главная армія должна была выступить на другой день, 13-го марта, и, не останавливаясь, идти прямо черезъ Феръ-Шампенуазъ на Мо. Здѣсь ей назначено было соединиться 16-го числа съ силезскою арміею, имѣвшей предписаніе идти на Мо отъ Шалона и Шато-Тьери. Такимъ образомъ, главная армія составляла лѣвую, а силезская правую колонну, и обѣ, соединившись у Мо, должны были, 17-го марта, подступить къ Парижу. Желая скрыть наше движеніе отъ Наполеона, рѣшили, согласно принятому въ Сомпью намѣренію, послать за французскою арміею сильный кавалерійскій корпусъ, подъ начальствомъ Винцингероде.

Въ три часа пополудни вступилъ въ Витри корпусъ Винцингероде, состоявшій изъ 8,000 гусаровъ, улановъ, казаковъ и 46-ти орудій конной артиллеріи. Онъ подошелъ къ Сенъ-Дизье, вечеромъ настигъ близъ Тіеблемона непріятельскій арріергардъ, и завязалъ съ нимъ небольшую перестрѣлку. По выходѣ корпуса Винцингероде изъ Витри, въ городѣ все стихло: тамъ осталась только главная квартира императора.

Между тѣмъ, Наполеонъ все болѣе и болѣе удалялся отъ своей столицы и покинулъ ее совсѣмъ безъ обороны, приказавъ маршаламъ Мортье и Мармону, наблюдавшимъ за силезскою арміею, примкнуть къ нему и идти на соединеніе съ нимъ черезъ Витри, куда также направлены были изъ Парижа дивизіи генераловъ Пакто и Аме. Самъ Наполеонъ усиленными маршами приближался къ Сенъ-Дизье, и послалъ конные отряды на Баръ сюръ-Объ и Шомонъ.

Пока происходили всѣ вышеозначенныя движенія войскъ, состоялось возвращеніе Коленкура изъ Шатильона въ главную квартиру Наполеона и закрытіе конгресса, чему предшествовали слѣдующія обстоятельства. Коленкуръ, представитель Наполеона, старался тянуть время и не давалъ опредѣленнаго отвѣта о мирѣ, вслѣдствіе чего министры союзныхъ державъ, 1-го марта, спросили его, намѣренъ-ли онъ подписать миръ на предложенныхъ условіяхъ, или представить рѣшительный отзывъ; что сочтутъ конгресъ закрытымъ, если онъ не представитъ удовлетворительнаго объясненія. Наконецъ, 3-го марта, усматривая изъ словъ Коленкура одно желаніе Тюльерійскаго двора медлить и выигрывать время, уполномоченные объявили о прекращеніи переговоровъ и закрытіи конгресса. Графъ Стадіонъ прислалъ Коленкуру паспортъ для безпрепятственнаго проѣзда во французскую армію. Такъ кончился конгрессъ, открытый и продолжавшійся среди военныхъ бурь, вокругъ него гремѣвшихъ.

Въ день выступленія императора Александра изъ Витри къ

Парижу, 13-го марта, расположеніе воюющихъ армій было слѣдующее: главная и ея резервы стояли полукружіемъ на семи верстахъ около Витри, кромѣ графа Гіулая, бывшаго у Арсиса; корпусы силезской арміи: графа Ланжерона и Сакена у Шалона, Іорка и Клейста у Шато-Тьери, барона Винцингероде у Сенъ-Дизье, а его пѣхота, подъ командою графа Воронцова—у Шалона. Непріятельская армія была раздѣлена на двѣ части: одна, предводимая Наполеономъ, стояла на нашихъ сообщеніяхъ, а остальныя войска, подъ начальствомъ Мортье, Мармона, Пакто и Аме, находились между Парижемъ и союзными арміями, въ полной увѣренности, что имъ открыта дорога черезъ Витри на соединеніе съ Наполеономъ.

13-го марта, обѣ союзныя арміи двинулись на Парижъ. Всѣмъ войскамъ назначено было дойти до Ферь-Шампенуаза и расположиться тамъ на ночлегъ. Авангардъ, подъ главнымъ начальствомъ наслѣднаго Виртембергскаго принца, состоялъ изъ виртембергской конницы и русской, графа Палена, и встрѣтилъ войска Мармона, который, медленно отступая, наконецъ, соединился съ Мортье.

Въ обоихъ корпусахъ послѣднихъ было 22,000 человѣкъ. Удостовѣрясь, что имѣютъ дѣло со всѣми силами союзниковъ, маршалы увидѣли невозможность идти, по приказанію Наполеона, на Витри и рѣшились отступать по большой парижской дорогѣ, стараясь прикрывать Парижъ. Они немедленно приказали войскамъ сняться съ позиціи, пустили пѣхоту впередъ и оставили конницу въ арріергардѣ. Графъ Паленъ сбилъ и прогналъ конницу за французскую пѣхоту, которая, построившись въ каре, быстро продолжала отступать къ Конантре, но, прежде нежели достигла этого селенія, была встрѣчена гвардейскими уланскимъ и драгунскимъ полками, приведенными графомъ Ожаровскимъ на оконечность праваго ея крыла. Вслѣдъ затѣмъ пришла наша первая кирасирская дивизія. Всѣ эти полки, подкрѣпленные ротою гвардейской конной артиллеріи, кинулись въ аттаку и изрубили нѣсколько французскихъ каре. Прибывшая изъ Испаніи конница спѣшила подкрѣпить пѣхоту, но была опрокинута кавалергардскимъ полкомъ. Графъ Паленъ не переставалъ наступать съ фронта, и появился съ отрядомъ Сеславинъ; онъ также устремился на непріятеля. Безостановочныя совокупныя дѣйствія нашей конницы увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Непріятель въ безпорядкѣ направился черезъ Конантре къ Ферь-Шампенуазу, бросая орудія, зарядные ящики, обозы. Изъ Ферь-Шампенуаза непріятель направился къ Сезану и шелъ батальонными колоннами, имѣя въ промежуткахъ остатки своей разбитой конницы.

Императоръ Александръ, прусскій король и князь Шварценбергъ выѣхали изъ Витри поутру въ девять часовъ, по большой дорогѣ, ведущей въ Ферь-Шампенуазъ черезъ Судсенкруа, Сомсу и Конантре. Вдали были слышны выстрѣлы, возвѣщавшіе отступленіе непріятеля и побѣдоносное преслѣдованіе его: безпрестанно пріѣзжали изъ авангарда съ донесеніями монархамъ объ отбитыхъ трофеяхъ. Еще солнце не садилось, когда государь прибылъ въ Ферь-Шампенуазъ, гдѣ назначено было ночевать. Большая часть окружавшихъ императора генераловъ и офицеровъ отправились въ отведенные имъ дома. Не сходя съ лошади, государь пригласилъ князя Шварценберга ѣхать въ авангардъ. За его величествомъ слѣдовала небольшая свита и эскадронъ лейбъ-казаковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ офицеръ, сказавшій, что онъ посланъ генераломъ Кретовымъ съ письменнымъ извѣстіемъ, что на Феръ-Шампенуазъ идетъ непріятель. Узнавъ, о чемъ шла рѣчь, императоръ Александръ, однако, не обратилъ вниманія на сообщенное Кретовымъ извѣстіе и продолжалъ путь. Вдругъ показались съ правой стороны войска, двигавшіяся прямо на Феръ-Шампенуазъ. Государь остановился. Желая удостовѣриться, какія именно были это войска, послали узнать ген.-маіора князя Никиту Волконскаго и графа Кламма. Лишь только они подъѣхали къ войскамъ, по обоимъ были сдѣланы выстрѣлы. Сомнѣніе исчезло: мы увидѣли, что передъ нами французы, состоявшіе подъ начальствомъ ген. Пакто и Аме. Удостовѣрившись, что передъ нимъ непріятель, государь разослалъ во всѣ стороны находившихся при немъ генераловъ и офицеровъ, приказывая поспѣшнѣе вести къ Феръ-Шампенуазу всѣ войска, какія они встрѣтятъ. Появленіе императора и орудій конной роты привело на нѣсколько минутъ въ заблужденіе и французовъ, и слѣдовавшія за непріятелями русскія войска. Французы, увидѣвъ государя, свита котораго безпрестанно увеличивалась пріѣзжавшими изъ Феръ-Шампенуаза офицерами и конвойными, вообразили, что тамъ кто-либо изъ маршаловъ, пришедшій выручать ихъ, и радостно закричали: «Vive l'empereur!» Васильчиковъ, услышавъ восклицанія и замѣтивъ выстроившуюся подлѣ государя батарею, ядра которой начинали доставать до его гусаровъ, приказалъ выдвинуть орудія и открыть огонь противъ батареи Маркова, стоявшей передъ государемъ. Четыре русскія ядра полетѣли на возвышеніе, гдѣ стоялъ императоръ! Къ счастію, въ ту самую минуту, съ правой стороны Васильчикова показался лейбъ-казакъ, отъ котораго онъ узналъ объ истинномъ положеніи дѣла. Недоразумѣніе объяснилось, и онъ тотчасъ послалъ доложить его величеству, что находится съ кавалеріею позади французовъ. Когда картечные выстрѣлы конной роты Маркова начали вырывать ряды французской колонны и въ ней было замѣчено колебаніе, государь далъ повелѣніе аттаковать. Кавалерія понеслась впередъ. Непріятель положилъ оружіе.

Феръ-Шампенуазское сраженіе замѣчательно тѣмъ, что было ведено нами на маршѣ, безъ всякаго предварительнаго распоряженія, одною конницею противъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ. Наша пѣхота не сдѣлала ни одного выстрѣла и только слѣдовала за конницею, покрывшею себя славою. Ея было въ дѣлѣ тысячъ тринадцать, и большею частью русской. Главная честь побѣды принадлежитъ графу Палену. Онъ первый открылъ непріятеля, первый аттаковалъ, до вечера не переставалъ тѣснить французовъ и отбилъ наибольшее число трофеевъ. Феръ-Шампенуазская побѣда особенно важна тѣмъ, что способствовала скорѣйшему овладѣнію Парижемъ. Если-бы Мортье и Мармонъ не лишились въ этомъ сраженіи половины войскъ, составлявшихъ ихъ корпусы, и 80-ти орудій, то передъ столицею они могли-бы держаться долѣе, остановить нѣсколько времени союзниковъ подъ стѣнами ея и дать Наполеону возможность приблизиться къ ней. Наполеонъ опоздалъ къ Парижу немногими часами, а если-бы онъ успѣлъ придти, то, вѣроятно, истощилъ-бы всѣ средства обороны. Поэтому пораженіе французовъ подъ Феръ-Шампенуазомъ должно считать преддверіемъ покоренія Парижа и паденія Наполеона.

14-го марта, на другой день послѣ битвы, въ четвертомъ часу

утра, главная армія тронулась изъ-подъ Феръ-Шампенуаза большою дорогою на Сезанъ. 14-го-же марта, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Феръ-Шампенуаза на разсвѣтѣ. Сторонами дороги стройно шли войска: по правую корпусъ Раевскаго, по лѣвую—виртембергцы; во второй линіи были австрійцы и баварцы, позади гвардія и гренадеры, вправо чернѣлись колонны силезской арміи. Погода была прекрасная; лучи весенняго солнца отражались на блестящемъ оружіи; чувство непобѣдимости оживляло войско. Музыка, барабанный бой, громкія и сердечныя восклицанія ура! возвѣщали прибытіе государя къ каждому полку. Нѣсколько разъ онъ объѣзжалъ гвардейскій и гренадерскій корпусы, привѣтствуя генераловъ и полковыхъ начальниковъ. «Ребята!» говорилъ Александръ солдатамъ, «уже до Парижа не далеко!» «Поемъ послѣднюю пѣсню!» сказалъ онъ преображенцамъ.

Въ вечеру государь и прусскій король прибыли на ночлегъ въ селеніе Трефо, вправо отъ большой дороги. Главная ярмія сосредоточена была на бивакахъ окола Трефо; силезская стояла почти на одной высотѣ съ нею, при Лафертѣ су-Жуарѣ. Послѣ краткаго отдыха намъ нужно было на другой день спѣшить къ переправамъ черезъ Марну. Медлить было нельзя, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ прибытія императора Александра въ Трефо пріѣхали нарочные отъ Чернышева и Кайсарова съ донесеніями, что Наполеонъ пошелъ къ Бріенну, занялъ Труа и ночевалъ въ Баръ сюръ-Обѣ.

V.

Приближеніе союзныхъ войскъ къ Парижу.

Путь въ Парижъ былъ намъ открытъ, и ничто не могло замедлить слѣдованія союзныхъ армій. Онѣ продолжали маршъ къ Трильпору и Мо, самымъ удобнымъ переправамъ черезъ Марну. Силезская армія шла туда изъ Лаферте су-Жуара, а главная, выступившая 15-го изъ лагеря при Трефо, черезъ Куломье. По прибытіи въ Куломье, императоръ получилъ донесеніе витрискаго коменданта, прусскаго полковника Швихова, о пораженіи барона Винцингероде и движеніи Наполеона къ Витри. Это извѣстіе было тѣмъ неожиданнѣе, что партизаны не только ничего подобнаго еще не доносили, но, напротивъ, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, наканунѣ сообщили, будто, Наполеонъ идетъ на Труа. Черезъ нѣсколько часовъ обнаружилось, что донесеніе было справедливо. Наполеонъ шелъ изъ Дулевана къ Баръ сюръ-Обу и разбилъ нашъ авангардъ. Затѣмъ онъ направился противъ ген. Винцингероде, который во время авангарднаго дѣла выстроилъ конницу на пространствѣ между дорогами въ Витри и Баръ ле-Дюкъ. У него было около 5,000 конницы; остальныя три тысячи были съ Тетенборномъ и Чернышевымъ, находившимся въ тотъ день правѣе отъ корпуса, на дорогѣ къ Монтьерандеру. На лѣвомъ флангѣ Винцингероде сталъ Бенкендорфъ, успѣвшій при пораженіи авангарда пройти черезъ Сенъ-Дизье и занять дорогу въ Баръ ле-Дюкъ, единственный путь отступленія нашему корпусу. Одинъ батальонъ французовъ уже шелъ на эту дорогу, намѣреваясь овладѣть ею, но былъ опрокинутъ двумя эскадронами гусаровъ, посланными туда Бенкендорфомъ, подъ начальствомъ полковника Алферьева, послѣ чего Бенкендорфъ поставилъ на Баръ ле-Дюкской дорогѣ нѣсколько орудій, чтобы обезпечить отступленіе корпуса.

Натискъ Наполеона противъ Винцингероде былъ такъ-же силенъ и удаченъ, какъ за часъ передъ тѣмъ противъ его авангарда. Центръ нашей кавалеріи былъ прорванъ; отважныя аттаки генераловъ Орурка и Балка не могли возстановить дѣло. Изъ орудій наши едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Конница и артиллерія были опрокинуты. Наши разстроенные полки направились на дорогу въ Баръ ле-Дюкъ, на которой Бенкендорфъ занялъ выгодную позицію. Мы потеряли подъ Сенъ-Дизье до тысячи человѣкъ убитыми и плѣнными и пять орудій. Особенно потерпѣлъ 6-й егерскій полкъ. Онъ былъ совсѣмъ отрѣзанъ, и его считали погибшимъ, однако-же, болѣе половины егерей пробрались лѣсами и присоединились къ корпусу.

Одержанная при Сенъ-Дизье побѣда была прощальною улыбкою счастія Наполеона. Съ тѣхъ поръ побѣда оставила его навсегда и болѣе не осѣняла знаменъ своего прежняго любимца. Здѣсь было также послѣднее сраженіе этого похода (1814 года), данное подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона. Послѣ этой незначительной побѣды поднялась завѣса, скрывавшая отъ Наполеона будущность. Онъ узналъ, что его маневръ на наши сообщенія не только не побудилъ союзныхъ монарховъ идти за французами къ Сенъ-Дизье, какъ онъ ожидалъ, но внушилъ императору Александру отважную мысль двинуться къ Парижу. Наши плѣнные офицеры подтвердили Наполеону эту горькую для него истину.

Роковая вѣсть о маршѣ союзниковъ на Парижъ была для Наполеона неожиданна и повергла его въ минутное бездѣйствіе, и онъ не попытался даже овладѣть Витри. Да и къ чему послужило-бы Наполеону овладѣніе этимъ городомъ, когда гроза разрушенія висѣла надъ Парижемъ, когда съ часа на часъ онъ могъ ожидать извѣстія о паденіи столицы? Онъ немедленно направилъ туда армію и, по смятенію-ли, въ какомъ находился, или по другимъ причинамъ, не пошелъ ближайшими дорогами, но избралъ самый дальній путь, на Сенъ-Дизье, Васси, Труа и Сансъ.

Такъ, въ одно и то же время, Александръ и Наполеонъ шли къ Парижу, гдѣ каждый изъ мощныхъ соперниковъ надѣялся склонить на свою сторону случайности войны, и для этого оба переводили арміи черезъ Марну: Александръ у Трильпора и Мо, Наполеонъ у Сенъ-Дизье.

16-го и 17-го марта арміи переправлялись черезъ Марну, по тремъ понтоннымъ мостамъ у Трильпора и Мо. Съ разсвѣтомъ 17-го числа, императоръ Александръ и прусскій король отправилъ изъ Кенси черезъ Мо въ Кле. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги стоялъ прусскій авангардъ, который привѣтствовалъ монарховъ радостными восклицаніями. Край между Мо и Кле еще не былъ пораженъ войною; повсюду мы находили богатыя селенія, скирды хлѣба, прекрасные сады и замки, но помѣщиковъ не было. Кое-гдѣ стояли обыватели. Безмолвно смотрѣли они на наши войска, не понимая, какимъ образомъ мы тутъ очутились, потому что французское правительство ложными обнародованіями успѣло убѣдить жителей въ невозможности нашего приближенія къ окрестностямъ Парижа.

У Мо императоръ Александръ смотрѣлъ корпусъ Сакена и благодарилъ его и войско за службу и труды. Въ строю было 6.000 человѣкъ, то-есть, менѣе третьей части того числа, какое считалось въ корпусѣ при переходѣ черезъ Рейнъ. Войска не отличались блестящею

наружностью, проведя послѣдніе два похода, особенно во Франціи, въ безпрерывныхъ сраженіяхъ и маршахъ. Подъ нѣкоторыми орудіями были даже колеса, взятыя съ крестьянскихъ повозокъ. Изъ авангарда ихъ величества отправились къ передовой цѣпи, расположенной передъ Виль-Паризисомъ, и съ лѣсистаго возвышенія увидѣли тысячъ до пяти непріятелей: то была дивизія генерала Компана и войска, пришедшія изъ Парижа на его подкрѣпленіе.

Непріятель не хотѣлъ отступать безъ сопротивленія изъ Бондискаго лѣса и не оставлялъ занятой имъ позиціи, не взирая на движеніе союзныхъ войскъ. Императоръ Александръ приказалъ авангарду Раевскаго раздѣлиться на двѣ части: графу Палену съ конницею и пѣхотною дивизіею Гельфрейха обходить лѣсъ лѣвою стороною, черезъ Куберонъ, Монфермель и Ренси на Роменвиль, а принцу Евгенію виртембергскому идти прямо въ лѣсъ. Французы встрѣтили принца ружейными выстрѣлами, однако-же, скоро начали отступать, и наши заняли лѣсъ безъ большого кровопролитія. Непріятель только изрѣдка останавливался тамъ, гдѣ выгоды мѣстоположенія бывали на его сторонѣ. Монархи слѣдовали за авангардомъ черезъ Вожуръ и Ливри. Отсюда они поворотили влѣво на гору, тропинкою и кустарниками, къ селенію Клиши. Солнце закатывалось; прохладный вѣтеръ освѣжалъ воздухъ послѣ дневного жара; на небѣ не было ни одного облака. Вдругъ, съ правой стороны, сквозь дымъ пальбы, мы увидѣли Монмартръ и высокія башни. «Парижъ! Парижъ!» было общимъ восклицаніемъ. Указывая на огромную столицу, каждый старался разглядѣть ее, насколько позволяло разстояніе. Забыты были труды похода, раны, павшіе друзья и братья, и всѣ стояли, упоенные восторгомъ, на горѣ, откуда увидѣли Парижъ. Если простые офицеры были отуманены радостью, что должны были чувствовать два монарха, изъ которыхъ надъ однимъ шесть лѣтъ тяготѣла желѣзная рука кичливаго завоевателя, а другой еще недавно, въ уединеніи тѣнистыхъ аллей Каменнаго острова, скрывалъ снѣдавшую его грусть при извѣстіи о паденіи Москвы? Насладившись великолѣпною картиною, разстилавшеюся передъ ихъ взорами, монархи спустились съ высоты и поѣхали въ авангардъ. Принцъ Евгеній и графъ Паленъ не переставали напирать на непріятеля. Графъ Ланжеронъ, идя въ головѣ силезской арміи, встрѣтилъ лѣвое крыло французскаго арріергарда у Бурже и Обервилье и прогналъ его за Уркскій каналъ, въ Пантенъ. Непріятель былъ отброшенъ почти къ Парижу, слѣдовательно, далѣе, нежели въ тотъ день предполагали оттѣснить его. Поэтому государь и прусскій король отмѣнили свое намѣреніе ночевать въ Клиши и приказали приготовить ночлегъ въ Бонди, послѣдней почтовой станціи передъ Парижемъ.

Тѣмъ закончились происшествія 17-го марта. Въ этотъ день не было въ дѣлѣ никакихъ войскъ, кромѣ русскихъ, а во французскомъ арріергардѣ находилось много поляковъ. Сокрушены были уже въ Россіи грозные легіоны, торжествовавшіе съ Наполеономъ во всѣхъ концахъ Европы. 17-го марта Парижъ отстаивали большею частью чужеземцы, поляки, считавшіеся тогда въ числѣ лучшихъ непріятельскихъ войскъ. Дивная участь славянскаго племени! Съ одной стороны соединенныя силы Европы, подъ верховнымъ предводительствомъ славянскаго царя, приступали къ столицѣ, покореніе которой утверждало всеобщее спокойствіе, а съ другой, защита этой самой столицы поручена была сынамъ славянскаго-же поколѣнія.

Съ балкона Бондискаго замка, гдѣ императоръ Александръ остановился ночевать, были видны многочисленные огни, пылавшіе передъ биваками союзныхъ армій и на занятыхъ непріятелемъ высотахъ, куда въ тотъ вечеръ только что прибыли Мортье и Мармонъ. Вокругъ все небо рдѣло отъ зарева. Императоръ рѣшилъ съ разсвѣтомъ атаковать непріятеля и, занявъ высоты, господствующія надъ Парижемъ, вступить съ французами въ переговоры. Всякое промедленіе съ нашей стороны было гибельно, давая французскимъ генераламъ средства притянуть къ себѣ разсѣянныя около Парижа войска, укрѣпить, хотъ наскоро, деревни и возвышенія, вооружить національную гвардію и предоставляя Наполеону время поспѣть къ угрожаемой столицѣ. У насъ мнѣнія о событіяхъ наступавшаго дня были различны. Одни думали, что кровопролитіе будетъ ужасное. и жители Парижа погребутъ себя подъ его развалинами; другіе полагали, что Парижъ нужно было защищать не на Бельвилѣ и Монмартрѣ, а на берегахъ Рейна, и ожидали скорой сдачи.

На бивакахъ давно уже всѣ предались покою. Послѣ составленія диспозиціи къ аттакѣ непріятеля стихло и въ главной квартирѣ; только императоръ Александръ долго бодрствовалъ, до поздней ночи занимаясь съ княземъ Волконскимъ и графомъ Нессельроде. Каждому изъ нихъ онъ давалъ по ввѣреннымъ ихъ управленію частямъ приказанія. Графу Нессельроде онъ велѣлъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для открытія съ непріятелемъ переговоровъ о сдачѣ Парижа.

О Наполеонѣ не было въ тотъ день, 17-го марта, достовѣрныхъ извѣстій, и полученныя о немъ свѣдѣнія одни другимъ противорѣчили.

Въ Парижѣ мало-по-малу начали прозрѣвать истину, во все время похода скрываемую французскимъ правительствомъ безпрестанными объявленіями о мнимыхъ побѣдахъ Наполеона. Жители ближайшихъ селеній спасались въ столицу и возвѣстили тамъ о приближеніи многочисленныхъ союзныхъ армій, хотя парижская полиція все еще старалась выставлять наши войска летучими отрядами, отрѣзанными Наполеономъ и случайно заведенными къ Парижу. Но верховное правительство знало настоящее положеніе дѣлъ, и, какъ только оно получило извѣстіе о приближеніи императора Александра къ Мо, оно собрало, 16-го марта вечеромъ, у супруги Наполеона совѣтъ, состоявшій изъ главнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ. Военный министръ изложилъ опасность, угрожавшую столицѣ, исчислилъ слабыя, ничтожныя средства защиты ея и говорилъ о суетности надежды на скорое прибытіе Наполеона. Потомъ предложили вопросъ: оставаться-ли императрицѣ Маріи-Луизѣ въ Парижѣ, или выѣхать оттуда? Большая часть членовъ совѣтовали ей не покидать столицы, но брать Наполеона, Іосифъ, предъявилъ его письмо, въ которомъ сказано было, что затрудненіе сообщеній арміи съ Парижемъ лишаетъ Наполеона средствъ давать разрѣшенія на всѣ могущіе встрѣтиться случаи, что Наполеонъ сочтетъ за величайшее несчастіе, если его сынъ и супруга достанутся въ руки непріятелей, и потому, при приближеніи союзниковъ къ Парижу, рѣшительно приказывалъ императрицѣ отправиться сперва въ Рамбулье, а потомъ въ Туръ. Это письмо не оставляло никакого сомнѣнія относительно воли Наполеона, и совѣтъ единодушно опредѣлилъ отъѣздъ Маріи-Луизы изъ Парижа. Она отправилась въ Рамбулье, 17-го поутру, въ то самое время; когда императоръ Але-

ксандръ подходилъ съ авангардомъ Раевскаго къ Бондискому лѣсу. Вслѣдъ за нею поѣхали министры, члены государственнаго совѣта, чиновники различныхъ управленій и отправили казну. Такимъ образомъ французское правительство было перенесено на берега Лоары; въ Парижѣ остался главнымъ начальникомъ братъ Наполеона, Іосифъ.

Желая совершенно вывести парижанъ изъ всякаго недоразумѣнія относительно ожидавшаго ихъ жребія, въ ту-же ночь, съ 17-го на 18-е, была издана по соизволенія монарховъ княземъ Шварценбергомъ поколебавшая Парижъ прокламація: «Жители Парижа! Союзныя арміи у стѣнъ вашихъ. Цѣль движенія ихъ къ столицѣ Франціи основана на надеждѣ чистосердечнаго и прочнаго примиренія съ нею. Союзные монархи желаютъ найти во Франціи благодѣтельную власть, могущую укрѣпить союзъ Франціи со всѣми народами и правительствами, а потому въ настоящихъ обстоятельствахъ Парижу предстоитъ ускорить всеобщее примиреніе. Вмѣстѣ съ вашими властями, облеченными общею довѣренностью, союзники займутся попеченіями и мѣрами охранить Парижъ и ваше спокойствіе; въ столицѣ не будетъ военнаго постоя и т. д.»

VI.

Взятіе Парижа.

Съ восточной стороны Парижа, откуда подошли союзныя арміи, мѣстоположеніе было чрезвычайно выгодно для защиты. Каменные дома селеній, церкви, стѣны, сады, овраги, каналы, представляли на каждомъ шагу естественныя преграды. Пользуясь ими, малолюдное войско могло успѣшно держаться противъ многочисленнѣйшаго. На этомъ пространствѣ находятся значительныя возвышенія при Роменвилѣ и Бельвилѣ; они стоятъ отдѣльно и господствуютъ надъ окрестностями. Есть даже мѣста, напримѣръ, Монмартръ, искони считавшіяся неприступными, пока на нихъ не воспарилъ нашъ двуглавый орелъ.

Находившіяся въ Парижѣ войска состояли изъ кадровъ и депо разныхъ гвардейскихъ и линейныхъ полковъ и національной гвардіи. Къ нимъ, 17-го числа, въ пять часовъ пополудни, присоединились Мармонъ и Мортье, успѣвшіе усиленными и искусными маршами ускользнуть отъ авангарда главной арміи. Переправившись на правый берегъ Марны у Шарантона, они прибыли къ Парижу въ то время, когда Раевскій овладѣвалъ Бондискимъ лѣсомъ. Мармонъ принялъ начальство надъ правымъ крыломъ, отъ Марны до Уркскаго канала. Селенія Сенъ-Моръ, Шаронъ, Баньоле, Мениль-Монтанъ, Бельвиль, Пре-Сенъ-Жерве и Венсенскій замокъ входили въ составъ его оборонительной линіи. Мортье командовалъ лѣвымъ крыломъ, между Уркскимъ каналомъ, Монмартромъ и Нельи. Непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ Парижскомъ сраженіи, включая національную гвардію, было до 45-ти тысячъ при 150-ти орудіяхъ, подъ верховнымъ начальствомъ брата Наполеона, Іосифа. Въ союзныхъ арміяхъ было до ста тысячъ человѣкъ.

Не приступая къ описанію парижскаго сраженія упомянемъ о происшествіи, случившемся передъ началомъ битвы. На разсвѣтѣ, когда императоръ Александръ былъ въ Бонди, туда привели капитана парижской національной гвардіи Пера; онъ выдавалъ себя парламентеромъ, хотя не имѣлъ съ собою трубача. Князь Волконскій

приказалъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ присланъ съ какимъ-нибудь порученіемъ или только, спасая себя отъ плѣна, назвался переговорщикомъ? Полумертвый отъ страха, онъ признался, что заблудился на передовой цѣпи и нечаянно наѣхалъ на наши разъѣзды. Но дѣло было не въ томъ, чтобы однимъ французомъ умножить число двухъ или трехсотъ тысячъ находившихся у насъ плѣнныхъ: важнѣе было узнать отъ Пера, что происходило въ Парижѣ? Онъ разсказалъ, что приверженцы Наполеона распространяютъ извѣстія объ его скоромъ приближеніи съ арміею, утверждая, что союзныя войска, подошедшія къ столицѣ—ничто иное, какъ отрѣзанный Наполеономъ корпусъ. «Въ Парижѣ», продолжалъ онъ, «никто не сомнѣвается въ справедливости этихъ слуховъ». Плѣнный также раздѣлялъ это мнѣніе. Послѣ этого легко вообразить его удивленіе, когда ему сказали, что подъ Парижемъ болѣе ста тысячъ союзниковъ, что Наполеону преграждено сообщеніе съ столицею, и въ Бонди находится главная квартира императора Александра.

Узнавъ о плѣнномъ, императоръ велѣлъ позвать его къ себѣ, разговаривалъ съ нимъ болѣе получаса и поручилъ ему ѣхать къ главнокомандующему непріятельскими войсками, съ объявленіемъ, что «Его Величество требуетъ сдачи Парижа, стоитъ передъ стѣнами его съ многочисленною арміею и воюетъ не съ Франціею, а съ Наполеономъ». Въ то время уже была слышна ружейная перестрѣлка въ передовыхъ цѣпяхъ. Вмѣстѣ съ г. Перомъ государь приказалъ ѣхать флигель-адъютанту Орлову и далъ ему слѣдующее устное повелѣніе: «Я хочу предупредить кровопролитіе. Уполномочиваю тебя прекратить огонь вездѣ, гдѣ надобно, и безъ всякой отвѣтственности остановить самыя рѣшительныя аттаки, даже побѣду. Я убѣжденъ, что Парижъ, лишенный своихъ блуждающихъ защитниковъ и своего великаго человѣка, не можетъ устоять. Но, даровавъ Мнѣ силу и побѣду, Богу угодно, чтобы Я употреблялъ ихъ для мира и спокойствія вселенной. Если можемъ достигнуть этой цѣли безъ боя, тѣмъ лучше; если нѣтъ, уступимъ необходимости и будемъ сражаться. Доброю-ли волею или силою, на штыкахъ или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня-же Европа должна ночевать въ Парижѣ».

Орловъ отправился съ Перомъ черезъ Пантенъ и приказалъ бывшимъ тутъ стрѣлкамъ прекратить пальбу. Нашъ трубачъ подалъ сигнальный знакъ, Перъ подъѣхалъ къ непріятельской цѣпи, которая также прекратила огонь, и скрылся за нею. Едва Орловъ приблизился къ цѣпи шаговъ на 30, французы дали по немъ залпъ, а потомъ человѣкъ двадцать конныхъ егерей бросились на него и находившагося съ нимъ адъютанта цесаревича, полковника Дьякова. Наши офицеры поворотили назадъ. Конные егеря гнались за ними до Пантена, гдѣ были взяты въ плѣнъ. Орловъ пытался въ разныхъ мѣстахъ подъѣхать къ непріятелю, но вездѣ былъ встрѣчаемъ выстрѣлами, такъ какъ сраженіе разгоралось. Такъ кончилась первая попытка мирныхъ предложеній, на которыя, какъ увидимъ ниже, французы согласились уже тогда, когда успѣхи союзныхъ армій принудили ихъ просить о прекращеніи боя.

Теперь разскажемъ о сраженіи. Императоръ Александръ приказалъ Барклаю де-Толли ввести резервъ въ первый огонь.

Обезпечивъ центръ, императоръ Александръ обратилъ внима-

ніе на правое крыло, гдѣ должна была дѣйствовать силезская армія, въ которой было въ день парижскаго сраженія два прусскихъ корпуса, Іорка и Клейста, и два русскихъ, графовъ Воронцова и Ланжерона. Государь отправилъ адъютанта къ гр. Ланжерону, повелѣвая тотчасъ и несмотря ни на какія препятствія идти на Монмартръ.

Между тѣмъ, прибытіе гренадеровъ дало другой оборотъ дѣламъ въ центрѣ. Принцъ Евгеній аттаковалъ лѣвый флангъ непріятелей и принудилъ ихъ отступить къ Пре Сенъ-Жерве и Бельвилю. Раевскій остановилъ наступленіе французовъ между лѣсомъ и Роменвилемъ и оттѣснилъ ихъ къ Мениль-Монтану и Бельвилю.

Сбивъ непріятеля съ высотъ между Роменвилемъ и Пантеномъ, Барклай де-Толли приказалъ полкамъ, большею частью разсыпаннымъ въ стрѣлкахъ, собраться и остановить дальнѣйшее наступленіе, надѣясь, что приближеніе силезской арміи и наслѣднаго принца Виртембергскаго дастъ средства овладѣть Бельвилемъ съ меньшимъ пожертвованіемъ людей и времени. Онъ также подкрѣпилъ пѣхоту астраханскимъ и псковскимъ кирасирскими полками, которые сдѣлали двѣ удачныя аттаки на стрѣлковъ, прогнали ихъ до Бельвильскихъ батарей и взяли въ плѣнъ французскаго генерала. Тѣмъ кончилось первое дѣйствіе битвы, гдѣ ни правое, ни лѣвое крыло союзныхъ армій не принимало участія, и дрались одни русскіе. Послѣ этого сраженіе продолжалось по всему протяженію центра канонадою и застрѣльщиками, наносившими большой вредъ французамъ.

Часовъ въ одиннадцать къ Лавилету приблизились корпусы Іорка и Клейста. Лѣвое крыло ихъ примкнуло къ Уркскому каналу и соединилось съ главною арміею; правый флангъ силезской арміи, подъ начальствомъ гр. Ланжерона, тянулся къ Монмартру. Болѣе четырехъ часовъ непріятель упорствовалъ въ защитѣ Лавилета, прикрытаго укрѣпленіемъ, которое пруссаки долго аттаковали безуспѣшно. Графъ Воронцовъ, стоявшій въ резервѣ у Обервилье, послалъ къ Лавилету ген.-м. Красовскаго съ полками 13-мъ и 14-мъ егерскими, тульскимъ, навагинскимъ и первымъ бугскимъ казачьимъ. Красовскій открылъ дѣйствіе картечными выстрѣлами изъ батарейной роты Винспара. Потомъ егеря и спѣшенные охотники бугскаго казачьяго полка, имѣя въ резервѣ тульскій и навагинскій полки, ударили въ штыки, безъ выстрѣла овладѣли батареею, ворвались въ Лавилетъ и преслѣдовали французовъ до парижскихъ воротъ Сенъ-Мартена, гдѣ получили приказаніе остановиться. 13-й и 14-й егерскіе полки были во всей парадной формѣ, получивъ рано утромъ извѣстіе о намѣреніи Блюхера смотрѣть ихъ. Вмѣсто смотра они пошли прямо въ огонь, съ музыкою, пѣсенниками и барабаннымъ боемъ. Государь, любуясь съ горы храбростью и необыкновенною въ день сраженія наружностью ихъ, велѣлъ узнать объ имени полковъ и причинѣ ихъ щегольства. На слѣдующій день императоръ прислалъ по 50-ти знаковъ отличія военнаго ордена въ 13-й и 14-й егерскіе полки и по десяти въ бугскій казачій и батарейную роту Винспара.

Когда у Лавилета загорѣлся бой, непріятель возобновилъ нападеніе на Пантенъ. Графъ Барклай де-Толли приказалъ бригадѣ прусской и баденской гвардіи идти изъ Пантена впередъ и подкрѣпить

стрѣлковъ. Французы направили на нее убійственный огонь. Командиръ бригады, полковникъ Альвенслебенъ, испросилъ у главнокомандующаго позволеніе аттаковать непріятеля, стоявшаго между Уркскимъ каналомъ и Пре Сенъ-Жерве. Получивъ разрѣшеніе, онъ сформировалъ бригаду въ три колонны и, подъ перекрестными выстрѣлами непріятеля, устремился ожесточенно впередъ, подобно тому, какъ пруссаки дрались подъ Лейпцигомъ, опрокинулъ и гналъ французовъ до заставы и взялъ пять пушекъ. О подробностяхъ этого подвига было донесено государю, только что возвратившимся отъ прусской бригады адъютантомъ цесаревича Константина Павловича, Орловымъ. Императоръ снялъ съ цесаревича георгіевскій крестъ и приказалъ Орлову вручить его полковнику Альвенслебену, что было исполнено во время батальнаго огня пруссаковъ. Увидѣвъ лестную, нашими союзниками не менѣе русскихъ цѣнимую, награду, возлагаемую на ихъ начальника, они провозгласили ура! Отголоски радостнаго восклицанія слились съ пальбою рядами.

Въ часъ пополудни, наконецъ, показались у Ножана на Марнѣ головы колоннъ наслѣднаго Виртембергскаго принца. Онъ построилъ корпусъ двумя колоннами къ аттакѣ, на возвышеніи между Фонтене и Ножаномъ, имѣя въ резервѣ нѣсколько батальоновъ австрійцевъ, такъ какъ корпусъ графа Гіулая еще не приходилъ, двинулся въ Венсенскій лѣсъ, занялъ его безъ большого сопротивленія, приказалъ одному батальону обложить Венсенскій замокъ и пошелъ съ корпусомъ влѣво, къ селенію Сенъ-Мору, защищаемому восемью орудіями. Виртембергцы ударили на батарею и взяли семь пушекъ. Французы направились къ Шарантону. Наслѣдный принцъ послѣдовалъ за ними и, прибывъ къ Шарантону, напалъ на французовъ. Онъ опрокинулъ непріятеля, взялъ Шарантонъ приступомъ, отбилъ еще восемь пушекъ и послалъ конные разъѣзды къ предмѣстью св. Антонія.

Когда, за исключеніемъ графа Ланжерона, еще не прибывшаго къ Монмартру, правое и лѣвое крыло союзныхъ армій вступили въ бой, настала пора рѣшительной аттаки центромъ, пробилъ часъ нанести послѣдній ударъ французамъ и кончить девятилѣтнюю борьбу императора Александра съ Наполеономъ. Въ ту минуту главными помощниками Барклая де-Толли были генералы, имена которыхъ никогда не умрутъ въ русской арміи, графъ Милорадовичъ и Раевскій. Милорадовичъ командовалъ резервами, состоявшими изъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и бригады прусской и баденской гвардіи; у Раевскаго были корпусы принца Евгенія и князя Горчакова. Всѣмъ этимъ войскамъ назначено было взять Бельвиль, послѣднюю съ восточной стороны оборону Парижа. Раевскій приказалъ князю Горчакову овладѣть Шарономъ, а принцу Евгенію Виртембергскому селеніемъ Пре Сенъ-Жерве и кладбищемъ Монъ-Луи. Графъ Милорадовичъ повелъ гренадеровъ черезъ Турель, прямо на Мениль-Монтанъ и Бельвиль, приказавъ Ермолову, со второю гвардейскою дивизіею и бригадою прусской и баденской гвардіи, идти большою дорогою черезъ Пантенъ. Въ то-же время императоръ Александръ возобновилъ графу Ланжерону повелѣніе взять Монмартръ, во что-бы то ни стало.

Громъ битвы и общее ура! всѣхъ соединенныхъ войскъ огласили окрестности Парижа. Выгодная позиція и отчаянная защита непріятелей не удержали стремленія наступающихъ. Напрасно маршалъ Мармонъ и его генералы ободряли полки примѣромъ и рѣчами, ста-

новились впереди колоннъ и стрѣлковъ. Они истощили всѣ средства мужественной обороны и были побѣждены. Освѣщаемыя яркимъ весеннимъ солнцемъ русскія знамена переносились съ одной высоты на другую, и съ небольшимъ въ часъ всѣ препятствія были уничтожены. Государь едва успѣвалъ получать донесенія объ отбитыхъ трофеяхъ. Дивизія Пышницкаго первая взяла Пре Сенъ-Жерве и находившіяся тамъ 17 орудій. Вмѣстѣ съ нею туда ворвались съ правой стороны стрѣлки прусской и баденской гвардіи и захватили 10 пушекъ. Князь Горчаковъ овладѣлъ Шарономъ; третья дивизія князя Шаховского—кладбищемъ при Монъ-Луи и 8-ю орудіями. Гренадерскій корпусъ, наступая на одной высотѣ съ прочими войсками, взялъ при Мениль-Монтанѣ 7 орудій. Всѣ колонны, осыпаемыя ядрами, картечью и ружейнымъ огнемъ, почти одновременно съ разныхъ сторонъ входили въ Бельвиль и находились почти въ самомъ Парижѣ, когда получили повелѣніе остановиться и прекратить военныя дѣйствія, по слѣдующимъ причинамъ.

Послѣ покоренія высотъ передъ Бельвилемъ, Мармонъ убѣдился въ невозможности устоять на Бельвильской горѣ. Спускъ съ горы къ Парижу такъ крутъ, что войску нельзя по немъ отходить назадъ въ порядкѣ. Отступленіе неминуемо превратилось-бы въ нестройное бѣгство и тогда оба воевавшія войска, смѣшавшись, вторглись-бы вмѣстѣ въ Парижъ. Куда Мармонъ ни обращалъ взоръ, онъ всюду видѣлъ успѣхи союзниковъ, съ разныхъ сторонъ подступавшихъ къ заставамъ; въ Парижъ начинали падать русскія ядра съ батарей, поставленныхъ при Шаронѣ и Мениль-Монтанѣ. Желая избавить столицу отъ гибельныхъ послѣдствій приступа, Мармонъ видѣлъ одно средство спасенія: просить пощады и начать переговоры. Поэтому онъ не выждалъ совершеннаго покоренія Бельвиля и тотчасъ по вступленіи русскихъ въ улицы этого селенія отправилъ офицера просить императора Александра о перемиріи. На прекращеніе военныхъ дѣйствій Мармонъ имѣлъ полномочіе брата Наполеона, Іосифа, въ слѣдующей запискѣ, писанной на Монмартрѣ: «Если господа маршалы Мортье и Мармонъ не могутъ удержаться на позиціи, разрѣшаю имъ вступить въ переговоры съ россійскимъ императоромъ и княземъ Шварценбергомъ. Войскамъ отступить за Луару». Іосифъ долго не соглашался дать такое позволеніе, не вѣря, что союзные монархи съ огромными силами были у Парижа, и раздѣляя общее заблужденіе парижанъ, что союзныя войска состоятъ изъ отрѣзаннаго Наполеоновою арміею корпуса. Рано утромъ онъ пріѣхалъ на Монмартръ и упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, видя, что союзники ведутъ аттаку только по большой дорогѣ изъ Мо. Его сомнѣніе исчезло, когда въ 11 часовъ передъ его глазами силезская армія начала развертываться на необозримой Сенъ-Дениской равнинѣ. Въ то-же время къ нему явился капитанъ національной гвардіи Перъ, ночью взятый въ плѣнъ и рано поутру принятый государемъ въ Бондискомъ замкѣ. Онъ сказалъ Іосифу, что лично видѣлъ императора Александра и русскую гвардію и передалъ ему слова государя, послѣ чего Іосифъ отправилъ маршаламъ приказаніе вступить въ переговоры, возвратился съ Монмартра въ Парижъ и поѣхалъ въ Блуа, къ супругѣ Наполеона.

Государь только что намѣревался отдать гвардіи повелѣніе идти впередъ и довершить побѣду, когда къ нему явился французскій офи-

церъ. Снявъ шляпу, офицеръ робко входилъ на гору при Роменвилѣ. Униженно поклонившись его величеству, онъ сказалъ: «Маршалъ Мармонъ проситъ прекратить военныя дѣйствія и условиться о перемиріи». Въ эту минуту императоръ Александръ получилъ награду за постоянство и твердость, которыя упрочили за его именемъ безсмертіе. Посреди многочисленной, окружавшей его, свиты воцарилась глубокая тишина. Съ безпредѣльнымъ любопытствомъ ожидали всѣ отвѣта его величества. Черты императора Александра, взглядъ и осанка его озарялись неизъяснимымъ величіемъ, когда онъ говорилъ объ участи народовъ, о дѣлѣ человѣчества. Такимъ явился онъ, встрѣчая посланнаго Мармономъ. «Соглашаюсь на просьбу вашего маршала», отвѣчалъ онъ непріятельскому офицеру, «прикажу остановить сраженіе, но съ условіемъ немедленной сдачи Парижа; иначе», присовокупилъ онъ, «къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ была ваша столица». Такъ какъ французскій офицеръ не имѣлъ никакихъ полномочій, а только просилъ остановить дальнѣйшія нападенія, на что нельзя было согласиться, не лишившись выгодъ побѣды, то государь приказалъ флигель-адъютанту Орлову ѣхать съ офицеромъ къ маршалу Мармону и заключить предварительныя условія.

Орловъ встрѣтилъ въ передовой непріятельской цѣпи маршала Мармона, съ обнаженною шпагою, ободрявшаго утомленныя и ослабѣвшія войска. «Я—герцогъ Рагузскій; кто вы?» сказалъ онъ.—«Полковникъ Орловъ, адъютантъ россійскаго императора. Его величество хочетъ спасти Парижъ».—«Въ томъ состоитъ и мое единственное желаніе; иначе намъ ничего не остается, какъ здѣсь умирать. Какія ваши условія?»—«Прекратить военныя дѣйствія; французскимъ войскамъ войти въ заставы и тотчасъ назначить уполномоченныхъ договариваться о сдачѣ Парижа». — «Согласенъ. Герцогъ Тревизскій и я поѣдемъ къ Пантенской заставѣ для переговоровъ. Итакъ, къ дѣлу; скажите, чтобъ союзники перестали стрѣлять. До свиданія!» — «Вѣдь, ваши войска очистятъ и Монмартръ?» сказалъ Орловъ. — «Конечно», отвѣчалъ Мармонъ: «Монмартръ внѣ заставы».

По возвращеніи Орлова, государь велѣлъ графу Нессельроде ѣхать въ непріятельскую армію и заключить перемиріе. Съ нимъ отправились Орловъ и адъютантъ Шварценберга, графъ Паръ. Во всѣ стороны разослали офицеровъ, съ повелѣніемъ императора Александра прекратить пальбу и стоять тамъ, гдѣ настигнетъ повелѣніе. Не легко было остановить войска въ пылу сраженія. Ожесточенные солдаты обѣихъ армій неохотно выполняли приказаніе. Одинъ нашъ гренадеръ, прицѣлившись въ француза и указывая на него офицеру, который запрещалъ ему спускать курокъ, сказалъ: «Ваше благородіе, позвольте хоть этого подстрѣлить!» Въ непріятельской цѣпи долго охрипшимъ голосомъ вопили: «Да здравствуетъ императоръ!» То были не прежнія побѣдныя восклицанія, но погребальные звуки погибавшаго воинства. Какъ только императоръ Александръ произнесъ великое слово благости—помилованіе, сто тысячъ храбрыхъ опустили оружіе. Мало-по-малу пальба умолкла. Императоръ поѣхалъ на Сенъ-Шомонскую гору, откуда ясно былъ виденъ на неизмѣримомъ пространствѣ лежавшій у ногъ его Парижъ, со всѣми своими огромными зданіями, отъ его великодушія ожидавшій спасенія. Союзныя арміи стояли въ полукружіи отъ Марны до Сены. Возвышенія были унизаны артиллеріею. На Бельвиль ввезли первую гвардейскую батарейную роту.

великаго князя Михаила Павловича. Готовыя на приступъ, густыя колонны, опершись на ружья, еще обагренныя французской кровью, безмолвно и въ самосознаніи непобѣдимости ожидали приказанія истребить Парижъ или войти въ него мирными побѣдителями.

Все стихло. Вдругъ, вскорѣ послѣ отправленія графа Нессельроде, на оконечности нашего праваго крыла Монмартръ облекся дымными облаками, и на немъ раздались пушечные и ружейные выстрѣлы. Черезъ полчаса императоръ Александръ получилъ донесеніе о покореніи этой твердыни графомъ Ланжерономъ.

Радостная вѣсть, что французы просятъ пощады и Парижъ покоряется, молніею перелетала изъ устъ въ уста и при крестномъ знаменіи повторялась нашими войсками. «Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву!» сказалъ одинъ солдатъ. Графъ Ланжеронъ поставилъ караулы у парижскихъ заставъ, собралъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ у предмѣстій, расположилъ войска по уступамъ Монмартра, взвезъ на него 84 орудія, обращенныя противъ Парижа, и послалъ музыкантовъ рязанскаго полка на самую высоту стоявшей тутъ вѣтряной мельницы. Они заиграли маршъ; отъ нихъ приняли другіе полки, и Монмартръ, за нѣсколько мгновеній грозившій смертью, превратился въ мѣсто радости. У заставъ показались бѣлыя знамена, или, справедливѣе сказать, скатерти и салфетки, привязанныя къ кольямъ; тысячами валилъ народъ изъ Парижа къ городскимъ воротамъ, прося позволенія взглянуть на русскій лагерь, что женщинамъ было разрѣшено.

Блистателенъ былъ въ военномъ отношеніи Монмартрскій приступъ, но на сдачу Парижа онъ не имѣлъ вліянія. Переговоры у Пантенской заставы были уже въ полномъ ходу, и приказанія остановить огонь были разосланы повсюду, когда приступъ совершился. Наши парламентеры изъ самаго Парижа слышали русское ура! провозглашенное при аттакѣ Монмартра; Мортье и Мармонъ тогда-же жаловались на несоблюденіе даннаго имъ обѣщанія прекратить военныя дѣйствія. Не трудно было доказать имъ, что приступъ на Монмартръ случился потому, что повелѣніе, посланное съ Роменвильской горы, не успѣли привезти войскамъ, стоявшимъ у Монмартра. Тѣмъ не менѣе этотъ подвигъ, лишившій Парижъ послѣдней защиты и предавшій его безоружнымъ власти союзныхъ монарховъ, убѣдительно доказываетъ, что не измѣна, не слѣпой случай, но сила и храбрость вырвали изъ рукъ Наполеона столицу, корень его могущества.

Пока договаривались съ французскими маршалами о сдачѣ Парижа, императоръ Александръ нѣкоторое время оставался на Бельвилѣ и Сенъ-Шомонѣ. Потомъ онъ объѣзжалъ стоявшіе вблизи полки, поздравлялъ ихъ съ побѣдою и пожаловалъ фельдмаршаломъ графа Барклая де-Толли, ревностнаго блюстителя порядка и подчиненности русской арміи, удивившихъ Европу. Воины Бородина, Кульма, Лейпцига оглашали воздухъ радостными восклицаніями, привѣтствуя монарха, вѣрныя дружины котораго покорили самыя крѣпкія мѣста обороны Парижа и оросили окрестности его своей кровью. Въ союзныхъ арміяхъ выбыло изъ строя въ Парижскомъ сраженіи 9,093 человѣка; въ томъ числѣ 153 виртембергца, 1,840 пруссаковъ и 7,100 русскихъ. Трофеями были: поле сраженія, 86 орудій, 2 знамени, 1,000 плѣнныхъ и, наконецъ, сдача союзникамъ Парижа.

Обратимся къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ париж-

ской капитуляціи. Графъ Нессельроде и спутники его, Орловъ и графъ Паръ, были приняты Мармономъ по эту сторону Пантенской заставы, куда французскія войска возвращались, идя съ позиціи въ Парижъ. Мортье сначала тутъ не было. Онъ медлилъ пріѣздомъ: конечно, тому, кто недавно исправлялъ должность московскаго губернатора и взрывалъ Кремль, не радостно было торопиться на совѣщаніе объ уступкѣ Парижа! Мармонъ пригласилъ ѣхать навстрѣчу его по дорогѣ къ Лавилету, гдѣ и увидѣли Мортье. Оба маршала, уклонясь въ сторону, сказали другъ другу нѣсколько словъ; потомъ вошли въ небольшой домъ, и начались переговоры. Ихъ велъ Мармонъ; Мортье большею частью молчалъ и только движеніемъ головы изъявлялъ согласіе или отрицаніе. Графъ Нессельроде началъ требованіемъ сдачи Парижа, со всѣми находившимися въ немъ войсками. Маршалы не противорѣчили занятію столицы союзниками, но ни подъ какимъ видомъ не соглашались на вторую статью: положить оружіе. Ссылаясь на свою прежнюю службу и многочисленныя сраженія, въ которыхъ участвовали, они говорили: «Скорѣе погибнемъ, нежели подпишемъ такое условіе!» Попеременно представляли имъ различные доводы: политическія отношенія, спасеніе столицы, отвѣтственность за бѣдствія, если Парижъ, по ихъ упрямству, будетъ взятъ приступомъ. Все было напрасно. Они упорствовали въ рѣшеніи не сдаваться военноплѣнными; даже послѣдовавшее въ то время покореніе Монмартра не поколебало ихъ.

Видя непреклонность французовъ, графъ Нессельроде счелъ нужнымъ возвратиться къ императору Александру за новымъ полномочіемъ. Для его сопровожденія маршалы назначили генерала Лапоента, которому приказали привезти рѣшительный отвѣтъ монарховъ. Сверхъ того, они вручили ему только что полученное ими на имя князя Шварценберга письмо Наполеона, который, извѣщая фельдмаршала, что съ австрійскимъ императоромъ будетъ вскорѣ заключенъ миръ, приглашалъ его, какъ главнокомандующаго союзными арміями, остановить нападеніе на Парижъ. Это письмо было доставлено Мортье генералъ-адъютантомъ Наполеона, вмѣстѣ съ повелѣніемъ держаться еще нѣсколько часовъ и ожидать его прибытія. Что касается упоминаемыхъ сношеній съ императоромъ Францомъ, то Наполеонъ, возвращаясь изъ Сенъ-Дизье къ Парижу, дѣйствительно, послалъ своего министра Маре съ мирными предложеніями къ своему тестю, но не имѣлъ еще отвѣта, а потому отправленное маршаламъ увѣдомленіе о надеждѣ на скорое примиреніе съ Австріею было со стороны повелителя ихъ ничто иное, какъ воинская хитрость для удержанія за собою Парижа. Вмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ подобному вымыслу, зачѣмъ Наполеонъ, видя явную погибель, не поспѣшилъ самъ въ Парижъ, куда ему путь не былъ прегражденъ, чему служитъ доказательствомъ безпрепятственный проѣздъ посланнаго имъ генерала? Или лѣта, безуспѣшность трехмѣсячной борьбы и предчувствіе близкаго паденія разстроили его до такой степени, что онъ, нѣкогда смѣло пустившись на утломъ суднѣ изъ Египта по Средиземному морю, покрытому англійскими эскадрами, теперь не отваживался проѣхать сто верстъ, чтобы лично явиться тамъ, гдѣ рѣшался его жребій? Императоръ Александръ и прусскій король, прочитавъ на Сенъ-Шомонской горѣ письмо Наполеона, положительно отвергли неумѣстныя предложенія и приказали князю Шварценбергу письмен-

но отвѣчать Мортье, что ненарушимость союза монарховъ служитъ ручательствомъ въ несуществованіи мирныхъ переговоровъ съ австрійскимъ дворомъ. Въ заключеніе, онъ препроводилъ Мортье изданное наканунѣ въ главной квартирѣ союзниковъ воззваніе къ жителямъ Парижа.

Въ семь часовъ вечера императоръ опять отправилъ графа Нессельроде къ Лавилетской заставѣ и приказалъ не настаивать болѣе на сдачѣ французскихъ войскъ военноплѣнными. Вмѣсто этого, имѣя въ виду ослабить Наполеона и лишить его возможности соединиться съ корпусами, защищавшими Парижъ, онъ велѣлъ предоставить маршаламъ свободное отступленіе, но только по дорогѣ, назначаемой союзниками. «Куда-же хотите вы отправить насъ?» спросилъ Мармонъ.—«Въ Бретань», отвѣчалъ графъ Нессельроде. Мармонъ возразилъ, что Парижъ не обложенъ отовсюду, и французскія войска могутъ свободно отходить въ разныя стороны; что даже, защищая Парижъ шагъ за шагомъ, ничто не препятствуетъ имъ перейти на противоположный берегъ Сены, въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, и отступить въ Фонтенебло, куда путь не заслоненъ союзными войсками. «Счастье вамъ благопріятствуетъ», присовокупилъ онъ, «и вашъ успѣхъ несомнѣненъ: будьте вмѣстѣ великодушны и умѣренны; не простирайте требованій до крайности». Не такъ поступилъ Милорадовичъ подъ Москвою, гдѣ онъ былъ въ положеніи болѣе затруднительномъ, нежели Мортье и Мармонъ подъ Парижемъ. Нашъ арріергардъ стоялъ уже подъ Москвою, когда французская армія хлынула къ разнымъ заставамъ ея. Милорадовичъ не вошелъ въ переговоры о безопасномъ отступленіи, не торговался съ непріятелемъ, по какому пути ему отходить, не высчитывалъ подвиговъ своей боевой жизни, не умолялъ враговъ о великодушіи. Онъ просто послалъ объявить неаполитанскому королю, чтобъ немедленно было остановлено движеніе французовъ въ Москву, иначе онъ зажжетъ ее и погребетъ себя подъ ея развалинами. Своею твердостью онъ принудилъ Мюрата исполнить требованіе, послѣ чего не только нашъ арріергардъ, но войско и обозы, загромождавшіе улицы Москвы, безпрепятственно вышли изъ нея.

Маршалы не соглашались идти по Бретанской дорогѣ; споры о пути отступленія ихъ длились долго и безуспѣшно. Видя безполезность преній, Мортье сказалъ, что онъ долженъ возвратиться къ войскамъ и предоставляетъ дальнѣйшія сужденія Мармону, а тотъ, оставшись одинъ остался твердымъ въ своемъ мнѣніи. День склонялся къ вечеру, но капитуляція еще не была заключена. Наступавшій мракъ не дозволялъ возобновить нападенія на Парижъ, давая французскимъ войскамъ возможность отступить по произволу, куда пожелаютъ. Поэтому, графъ Нессельроде, оставивъ флигель-адъютанта Орлова у непріятеля заложникомъ до начатія военныхъ дѣйствій, прервалъ переговоры и возвратился къ императору Александру за повелѣніями. Онъ засталъ его величество въ Бонди. Выслушавъ Нессельроде, государь приказалъ ему объявить Высочайшее повелѣніе Орлову, вмѣстѣ съ Мармономъ поѣхавшему въ Парижъ, заключить условія о сдачѣ Парижа и не требовать, какъ сначала хотѣли, отступленія непріятельскихъ войскъ по той дорогѣ, которая будетъ имъ назначена. Въ четверть часа Орловъ составилъ капитуляцію. Мармонъ прочиталъ ее громко и останавливался почти на каждомъ

словѣ, какъ-будто желая знать мнѣніе множества разнаго званія лицъ, бывшихъ тогда въ его домѣ. Потомъ подписали капитуляцію. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: 1) Мортье и Мармонъ обязывались на другой день поутру, въ семь часовъ, вывести свои корпусы изъ Парижа; 2) не начинать военныхъ дѣйствій раньше двухъ часовъ по выступленіи французовъ изъ города; 3) арсеналы, магазины сдать союзникамъ въ томъ состояніи, въ какомъ они находились до подписанія капитуляціи; 4) національная гвардія и жандармы отдѣляются отъ линейныхъ войскъ и, по усмотрѣнію союзниковъ, будутъ распущены или попрежнему оставлены отправлять гарнизонную и полицейскую службу; 5) раненые и отсталые, найденные послѣ десяти часовъ утра, признаются военноплѣнными, и, наконецъ, 6) поручить Парижъ великодушію союзныхъ монарховъ.

Сдача столицы и статьи, касавшіяся войскъ, опредѣлялись капитуляціею, но въ ней не была оговорена участь Парижа. Заботясь о будущемъ, французы отправили къ императору Александру депутацію отъ города. Прошло довольно много времени, пока были готовы чиновники, избранные для этого. Заря занималась, когда они поѣхали въ Бонди, посреди русскихъ биваковъ. Когда Орловъ, прибывшій съ депутатами, вошелъ въ спальню императора, государь спросилъ его: «Какія вѣсти привезъ ты мнѣ?» «Капитуляцію Парижа».

Государь прочиталъ ее и, подробно разспросивъ Орлова о происходившемъ въ Парижѣ, обнялъ и поздравилъ его съ подписаніемъ столь важнаго договора.

Когда маршалы уже согласились сдать Парижъ, но капитуляція еще не была заключена, Наполеонъ прибылъ въ мѣстечко Жювизи, въ 15-ти верстахъ отъ Парижа, отдѣлявшаго въ тотъ вечеръ Александра и Наполеона, и куда многолѣтній повелитель столицы не смѣлъ показаться—столица уже не принадлежала ему! Ужасно было положеніе Наполеона. Недавно давая законы въ столицахъ чуждыхъ государствъ, онъ не имѣлъ теперь права въѣхать въ свою собственную! Возвращаясь изъ-подъ Витри, онъ на каждомъ шагу удостовѣрялся въ движеніи союзниковъ на Парижъ и пошелъ усиленными маршами черезъ Дулеванъ на Труа и Сансъ. Въ Доланкурѣ на Обѣ онъ получилъ донесеніе о переправѣ союзныхъ армій въ Мо, занятіи нами Кле, невозможности для Мармона и Мортье устоять передъ Парижемъ. Въ такой крайности Наполеонъ обратился къ своему тестю, австрійскому императору, и послалъ ему письмо, содержаніе котораго осталось неизвѣстнымъ. Въ то-же время онъ отправилъ генералъ-адъютанта въ Парижъ, съ приказаніемъ держаться до его прибытія, ложнымъ повелѣніемъ о начатіи переговоровъ и скоромъ подписаніи мира съ Австріею. Вслѣдъ за адъютантомъ онъ послалъ генерала Жирардена воспламенить войско и жителей къ дальнѣйшей защитѣ Парижа и словесно приказалъ взорвать пороховой магазинъ на Гренельской площади. Неизбѣжна была-бы гибель несчетнаго множества жителей, если-бы безчеловѣчное повелѣніе зажечь пороховые запасы было исполнено. Начальникъ этихъ запасовъ, полковникъ Лескуръ, требовалъ письменнаго приказанія, котораго не было у генерала Жирардена, и не исполнилъ воли Наполеона. Императоръ Александръ наградилъ подвигъ Лескура алмазными знаками ордена св. Анны второй степени.

Черезъ два часа послѣ отъѣзда генерала Жирардена, Наполеонъ

пришелъ въ Вандевръ, гдѣ получилъ извѣстіе о покореніи австріицами Ліона. Такимъ образомъ, въ тотъ день, 17-го марта, разгнѣванное небо ниспосылало ему ударъ за ударомъ. Нельзя было Наполеону долѣе медлить, теряться въ разнообразныхъ предположеніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха въ Труа, онъ выѣхалъ оттуда рано поутру, въ самый день Парижскаго сраженія. Сперва его сопровождалъ конный отрядъ, но, желая ускорить своимъ прибытіемъ въ Парижъ, онъ приказалъ отряду остановиться, а самъ съ нѣсколькими близкими лицами понесся изъ Вильнева на почтовыхъ лошадяхъ, приказавъ арміи ускорять маршъ на Сансъ. По мѣрѣ приближенія къ Парижу, все болѣе и болѣе раскрывалось Наполеону настоящее положеніе дѣлъ. На одной станціи онъ узналъ объ отъѣздѣ супруги и своего сына въ Рамбулье, на другой, что союзники съ разныхъ сторонъ обложили Парижъ, далѣе, въ Фонтенебло, что императоръ Александръ аттакуетъ Роменвильскую гору. Въ десять часовъ вечера, у Жювизи, послѣдней станціи, Наполеонъ встрѣтилъ передовыя войска, вышедшія изъ Парижа. Отъ нихъ онъ узналъ о событіяхъ рокового дня и что въѣздъ въ столицу ему прегражденъ. Въ первомъ порывѣ негодованія онъ хотѣлъ продолжать путь въ Парижъ и защищаться съ остальными находившимися тамъ полками, національною гвардіею и вооруженными жителями, но уступилъ представленіямъ окружавшихъ его генераловъ, когда они изложили гибельныя послѣдствія столь отчаяннаго намѣренія. Отдавъ войскамъ приказаніе остановиться въ Эссонѣ, онъ послалъ Коленкура къ императору Александру, съ полномочіемъ согласиться на всѣ потребованныя отъ Франціи въ Шатильонѣ уступки, а самъ возвратился въ Фонтенебло и былъ тамъ смиреннымъ, безмолвнымъ свидѣтелемъ торжества Александра въ Парижѣ.

Явленія совсѣмъ другого рода, нежели въ Жювизи, происходили тогда въ Бондискомъ замкѣ. Въ Жювизи былъ станъ побѣжденныхъ,— въ Бонди станъ побѣдителей. Въ Жювизи—разрушенныя надежды, въ Бонди—увѣренность въ достиженіи цѣли войнъ безпримѣрныхъ, небывалыхъ со времени изобрѣтенія огнѣстрѣльнаго оружія. Оставалось только занять Парижъ.

Всѣ готовились встрѣтить день, безпримѣрный въ исторіи. Покореніе Парижа являлось необходимымъ достояніемъ нашихъ лѣтописей. Русскіе не могли-бы безъ стыда раскрыть славную книгу своей исторіи, если-бы за страницею, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди Парижа.

VII.

Въ Парижѣ.

На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19-го марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ Бондискимъ замкомъ, генералы и офицеры свиты императора Александра. Въ шестомъ часу пріѣхали въ парадныхъ каретахъ чиновники парижскаго городового правленія умолять нашего монарха о покровительствѣ Парижу. Вслѣдъ за ними появился верхомъ на лошади, передъ воротами замка, человѣкъ, знакомый въ свитѣ всѣмъ. То былъ Коленкуръ, недавній посолъ Наполеона въ Петербургѣ, присланный Наполеономъ изъявить готовность мириться на

предложенныхъ ему въ Шатильонѣ условіяхъ. Преображенскій солдатъ, стоявшій на часахъ, сказалъ Коленкуру: «Слѣзай съ лошади!» Коленкуръ безпрекословно повиновался. Увидѣвъ собравшихся на дворѣ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и, потупивъ глаза, просилъ графа Шувалова доложить о немъ государю. Исполняя его желаніе, графъ Шуваловъ поручилъ одному изъ свитскихъ занять Коленкура разговоромъ. Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа и отвергъ привезенныя имъ предложенія Наполеона, о чемъ можно было намъ догадаться по смущенному лицу Коленкура при выходѣ его отъ императора. Ровно въ восемь часовъ подвели къ крыльцу сѣрую лошадь, по имени Марсъ. Государь сѣлъ на нее и поѣхалъ въ Парижъ. Проѣхавъ одну версту, онъ встрѣтилъ прусскаго короля и гвардію. Верстахъ въ трехъ отъ города начали показываться парижане; они спрашивали: «Гдѣ императоръ Александръ?»

Офицеры, которые были посланы поутру въ Парижъ съ разными приказаніями, возвращаясь, своими разсказами воспламеняли общее желаніе быть скорѣе въ Парижѣ. Мы горѣли нетерпѣніемъ войти въ городъ, средоточіе модъ, наукъ, художествъ, утонченныхъ наслажденій жизни, гдѣ недавно писали законы народамъ и ковали имъ цѣпи, городъ, откуда выступали ополченія, проходившія всѣ концы Европы, словомъ, тогдашнюю столицу міра.

Къ довершенію самой войны 1812-го года не доставало русскимъ быть въ Парижѣ. До вожделѣнной минуты вступленія въ Парижъ, нельзя было вполнѣ насладиться плодами кровопролитныхъ битвъ и побѣдъ, одержанныхъ отъ Тарутина до береговъ Сены. Каждый шагъ, отдѣлявшій насъ отъ Парижа, не позволялъ въ полной мѣрѣ насладиться чувствомъ отмщенія за Россію.

Въ девять часовъ утра мы пришли къ предмѣстьямъ Парижа. Необозримыя толпы народа наполняли улицы, кровли и окна домовъ. Сначала въ жителяхъ замѣтно было какое-то опасеніе: радостныя восклицанія еще не были общими. Изумленіе парижанъ продолжалось нѣсколько минутъ; безпрестанно спрашивали они насъ и другъ друга: «Гдѣ Александръ?»—«Вотъ онъ, вотъ Александръ!» Узнавъ нашего монарха, они говорили: «Какъ онъ милостиво кланяется, какъ ласково онъ съ нами говоритъ!»—«Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ, и торговлю», говорилъ имъ государь.—«Мы уже давно ожидали прибытія Вашего Величества», сказалъ одинъ французъ. Императоръ отвѣчалъ: «Я-бы ранѣе къ вамъ прибылъ; обвиняйте въ моей медленности храбрость вашихъ войскъ».—Французы воображали увидѣть русскихъ людьми полудикими, изнуренныхъ походами, говорящихъ непонятнымъ для нихъ языкомъ, странно одѣтыхъ, съ понятіями застарѣлыми, и едва вѣрили глазамъ, видя красоту русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность войскъ, веселыя лица, ласковое обращеніе офицеровъ и слыша остроумные отвѣты ихъ на французскомъ языкѣ. «Вы-не русскіе», говорили они намъ, «вы—эмигранты!» Но они скоро удостовѣрились въ противномъ, и вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ побѣдителей перелетала изъ устъ въ уста. Похвалы русскимъ загремѣли повсюду; женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками, привѣтствовали насъ движеніемъ рукъ, и раздалось отъ одного конца Парижа до другого: «Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуютъ русскіе!»

Пройдя Монмартрское предмѣстье, мы поворотили направо по

бульварамъ. Ликованія, возрастая безпрестанно, превзошли всяку мѣру. Съ трудомъ можно было ѣхать верхомъ. Парижане останавливали на каждомъ шагу нашихъ лошадей, превозносили, славили государя, изрѣдка упоминая о другихъ союзникахъ. Одобренные привѣтливостью императора, они начали желать перемѣны правительства и превозглашать Бурбоновъ. Явились бѣлыя кокарды на шляпахъ. Тѣснясь вокругъ государя, парижане просили его остаться во Франціи: «Царствуйте надъ нами», говорили они, «или дайте намъ монарха, похожаго на васъ!» Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій и памятниковъ, воздвигнутыхъ во славу французскаго оружія, мы достигли наконецъ, Елисейскихъ полей, гдѣ императоръ остановился и смотрѣ проходившія церемоніальнымъ маршемъ войска. Сюда успремили парижане, привлеченные новостью зрѣлища. Француженки просили насъ сойти съ лошадей и позволить имъ стать на сѣдла, желая удобнѣе видѣть государя. Просьбы эти удовлетворялись по возможности. Вскорѣ приблизились головы нашихъ колонны. Сначала шли австрійцы. Жандармы никакъ не могли удержать народъ, стремившійся въ ряды войскъ. Любопытные парижане тѣснили австрійскіе взводы, но, когда показались русскіе гренадеры и пѣшая гвардія, французы, пораженные ихъ воинственною осанкою, единодушно, какъ-будто по тайному согласію, отступили гораздо далѣе черты, назначенной для зрителей. Съ безмолвнымъ удивленіемъ они взирали на гвардейскій и гренадерскій корпусы, сознавая, что въ самое славное время Французской имперіи армія Наполеона не была въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ эти корпусы послѣ трехъ совершенныхъ походовъ. Смотръ кончился въ пятомъ часу пополудни. Императоръ Александръ отправился въ домъ Талейрана, назначенный для первоначальнаго пребыванія его въ Парижѣ. Часть войскъ нашихъ заняла караулы, другія пошли въ назначенныя имъ квартиры, остальныя расположились биваками въ Елисейскихъ поляхъ. Черезъ нѣсколько часовъ по занятіи Парижа обнародовали подписанную императоромъ Александромъ прокламацію, которою онъ приглашалъ французовъ избрать временное правительство и объявлялъ, что ни онъ, ни союзники его не войдутъ въ переговоры съ Наполеономъ и членами его семейства. Такъ огласилась давно лелѣянная Александромъ мысль лишить Наполеона престола и возможности потрясать всеобщее спокойствіе. Она зародилась въ его душѣ не теперь, въ счастіи и упоеніи побѣды, когда на его сторонѣ были всѣ вѣроятія успѣха, но во дни испытанія, когда Наполеонъ велъ за собою ополченія двадцати народовъ и громилъ русскихъ подъ Бородинымъ. Уже тогда императоръ Александръ указывалъ Австріи и Пруссіи на необходимость низложить Наполеона. Въ самое роковое время войны 1812-го года, когда Наполеонъ своимъ присутствіемъ осквернялъ Кремль, и рѣшался споръ, кому быть, кому не быть? — Александръ сказалъ: «Я или Наполеонъ; онъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ!»

Походы въ Германіи и во Франціи были только развитіемъ этой мысли, напряженіемъ привести ее въ исполненіе. Здѣсь ключъ настоянія государя не мириться съ тѣмъ, кто ниспровергъ политическое равновѣсіе и, удовлетворяя своимъ прихотямъ, орошалъ рѣками крови Европу и истребилъ милліоны людей! Пока вели войну въ Германіи, слишкомъ рано было провозглашать низложеніе Наполеона. Преждевременное сужденіе о лишеніи Наполеона престола и перемѣнѣ царственнаго поколѣнія во Франціи могло нарушить согласіе союза, но со

вступленіемъ во Францію сокровенныя намѣренія императора Александра начали обнаруживаться постепенно.

Парижане едва вѣрили совершавшемуся предъ ихъ глазами рѣшительному окончанію судьбы грознаго, неодолимаго ихъ повелителя и величію императора Александра, ограничивающаго свое торжество счастьемъ покоренной имъ страны. Насталъ вечеръ. Побѣдителямъ и побѣжденнымъ необходимо было спокойствіе. Улицы опустѣли; водворилась всеобщая тишина. Она казалась гробовою послѣ гремѣвшей еще наканунѣ военной грозы и волновавшихъ нашу грудь разнообразныхъ ожиданій и надеждъ, увѣнчанныхъ теперь счастливѣйшими событіями. Все, что мы видѣли и чувствовали, было столь изящно, велико, что воображенію ничего не оставалось пріобщить или украсить: мы были обезсилены радостью. Ночь пала. Вокругъ дома, гдѣ ночевалъ императоръ Александръ, расположился первый батальонъ преображенскаго полка; рота его величества стала на дворѣ дома. Глубокое молчаніе на улицахъ прерывалось только окликами русскихъ часовыхъ: «Кто идетъ?».

Въ Парижъ опредѣлили четырехъ комендантовъ: русскаго, австрійскаго, прусскаго и французскаго; генералъ-губернаторомъ назначили Сакена.

Со второго дня занятія Парижа въ театрахъ начались представленія, почта начала свое дѣйствіе и разослала по принадлежности сотни тысячъ писемъ, назначенныхъ за границу, а также привезенныхъ изъ чужихъ краевъ и три года задержанныхъ въ почтовомъ управленіи. Отворили городскія ворота, позволили всѣмъ по произволу выѣзжать изъ города, обезопасили дороги въ окрестностяхъ столицы, и банкъ сталъ производить попрежнему платежъ государственнаго долга и выдачу пенсіоновъ. Словомъ, приняты были всѣ мѣры къ возстановленію общаго спокойствія; даже приглашали жителей приносить жалобы на притѣсненія, неразлучныя съ военнымъ постоемъ союзниковъ. Никто не могъ вообразить, что съ Парижемъ поступятъ столь снисходительно, великодушно. Нанесенныя французами каждой изъ союзныхъ державъ обиды были столь чувствительны въ памяти, а поведеніе ихъ въ завоеванныхъ Наполеономъ столицахъ столь оскорбительно, что всякое мщеніе съ нашей стороны могло являться извинительнымъ и естественнымъ. Такое милосердіе имѣло главною причиною высокій образъ мыслей императора Александра. Впослѣдствіи онъ не разъ высказывалъ мнѣніе, «что не должно крутыми мѣрами достигать своей цѣли», и потому онъ обыкновенно избиралъ средства, которыя не только никого не вооружали, но привязывали къ нему сердца даже тѣхъ людей, чьи мнѣнія не согласовались съ его образомъ мыслей. Опираясь на прокламацію, обнародованную отъ имени императора Александра въ день занятія Парижа, сенатъ издалъ опредѣленіе: лишить Наполеона престола; всѣ правительственныя мѣста спѣшили признать приговоръ сената. Когда сенаторы представлялись императору, онъ сказалъ имъ: «Человѣкъ, называвшійся Моимъ союзникомъ, напалъ на Мое государство несправедливымъ образомъ. Я вынужденъ былъ вести войну съ нимъ, но воюю не съ Франціею. Я — другъ французовъ. Настоящій поступокъ вашъ, сводящій Наполеона съ престола, еще болѣе связуетъ Меня съ вами. Благоразуміе требуетъ учредить во Франціи правительство на основаніяхъ твердыхъ и законно-свободныхъ, сообразныхъ просвѣщенію вѣка. Союзники мои и

Я будемъ покровительствовать свободѣ вашихъ засѣданій». Остановясь на минуту, императоръ продолжалъ: «Въ доказательство Моего желанія заключить съ вами прочную связь, возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи. Временное правительство уже просило Меня о нихъ, но Я уступаю ихъ сенату, въ уваженіе сдѣланнаго имъ сегодня опредѣленія». Сенатъ рѣшилъ записать слова монарха въ журналъ и напечатать ихъ. Опредѣленіе сената было немедленно обнародовано въ вѣдомостяхъ и печатныхъ объявленіяхъ, прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. «Воздадимъ вѣчную благодарность», такъ отзывается одно изъ верховныхъ присутственныхъ мѣстъ, «за великодушнѣйшій поступокъ, не имѣющій подобнаго въ лѣтописяхъ міра. Императоръ всероссійскій утѣшаетъ двѣсти тысячъ семействъ, даруя свободу несчастнымъ французамъ, жребіемъ войны предоставленнымъ власти Его. Онъ ускоряетъ ту минуту, когда мы увидимъ братьевъ, друзей и сыновей нашихъ».

Тишина и спокойствіе были водворены въ Парижѣ, но покореніе столицы еще не положило конца войны. Послѣднія военныя происшествія, предшествовавшія миру, заключались въ слѣдующемъ: армія Наполеона шла усиленными маршами изъ Труа и сосредоточилась у Фонтенебло. Винцингероде, имѣвшій повелѣніе наблюдать за нею, послѣ своего пораженія у Сенъ-Дизье, былъ отброшенъ въ Баръ ле-Дюкъ, а авангардъ его—къ Витри. Соединившись съ авангардомъ въ Шалонѣ, онъ шелъ за Наполеономъ, но едва настигалъ заднія войска его. Вблизи французовъ оставался только отрядъ Чернышева. Во время дѣла при Сенъ-Дизье, Чернышевъ былъ въ Экларонѣ, а потомъ, когда Наполеонъ двинулся черезъ Труа къ Парижу, пошелъ впереди его на Шаванжъ, Пужи и Пине, подобно тому, какъ въ предыдущемъ году, послѣ Лейпцигскаго сраженія, предупреждалъ его на пути къ Рейну. Далѣе Пине ему нельзя было составлять авангардъ французовъ, такъ какъ дорога ихъ шла на Сансъ, укрѣпленный и защищенный гарнизономъ. Продолжая маршъ на Сансъ, Чернышевъ очутился-бы между этимъ городомъ и всею французскою арміею, слѣдовавшею по его пятамъ. Такое движеніе было не только слишкомъ отважно, но даже безполезно, потому что Чернышевъ уже исполнилъ данное ему въ Витри императоромъ Александромъ назначеніе: доносить его величеству объ истинномъ направленіи, какое возьметъ Наполеомъ. Несомнѣнно убѣдившись въ поспѣшномъ маршѣ Наполеона къ Парижу и донеся о томъ государю, Чернышевъ отступилъ съ большой дороги къ Арсису и Мери. Движеніе его коннаго отряда, сила котораго не была извѣстна французамъ, повело непріятелей къ заключенію, что союзная кавалерія переходитъ на правый берегъ Сены и, слѣдовательно, они безпрепятственно могутъ продолжать путь къ Парижу.

Пропустивъ мимо себя непріятельскую армію, Чернышевъ пошелъ на Вильневъ сюръ-Ванъ за ея арріергардомъ и сдѣлалъ на него нѣсколько удачныхъ нападеній. Недовольствуясь этими частными успѣхами, онъ направился на Вильневъ ле-Руа, стараясь обойти флангъ Наполеона и стать на новомъ сообщеніи его между Парижемъ и Орлеаномъ. Онъ перешелъ черезъ Іонну и слѣдовалъ къ рѣкѣ Луэну. Не найдя на ней моста, онъ велѣлъ вынуть боевые снаряды изъ зарядныхъ ящиковъ и нести ихъ на рукахъ поверхъ воды, столь высокой, что она заливала наши зарядные ящики. Совершивъ благополучно переправу, Чернышевъ пошелъ на Мальзеръ, гдѣ встрѣтилъ транспортъ съ 22-мя французскими пушками, которыя везли въ Орле-

анъ подъ прикрытіемъ 700 человѣкъ пѣхоты и конницы. Немедленно распорядившись аттакою, онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ прикрытіе, и захватилъ орудія. Этимъ подвигомъ заключился непрерывный рядъ успѣховъ, одержанныхъ русскими со времени начала наступательныхъ дѣйствій подъ Тарутинымъ до водруженія нашихъ знаменъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Франціи. Чернышеву была предоставлена честь открыть военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Нѣмана и въ безпримѣрной войнѣ Александра съ Наполеономъ сдѣлать послѣдній выстрѣлъ недалеко отъ береговъ Лоары. Потомъ онъ сталъ въ Этампѣ и прервалъ сообщенія между Фонтенебло и Блуа, т. е., между Наполеономъ и тѣмъ городомъ, гдѣ находились Марія-Луиза, братья Наполеона и его главные сановники.

Наполеонъ расположилъ свою армію, простиравшуюся до 50,000 человѣкъ, у Фонтенебло; авангардъ, подъ начальствомъ маршала Мармона занялъ Эссонъ. Союзныя арміи, за исключеніемъ гвардіи, содержавшей караулы въ Парижѣ, выступили оттуда на позицію между Донжюмо и Жювизи, гдѣ около двухъ недѣль простояли въ боевомъ порядкѣ, принимая всѣ предосторожности для предупрежденія нападеній со стороны непріятеля. Нашимъ войскамъ было подтверждено обращаться самымъ дружественнымъ образомъ съ сельскими и городскими обывателями и считать ихъ нашими союзниками. Между тѣмъ, въ первые дни своего пребыванія въ Фонтенебло, Наполеонъ обдумывалъ различныя средства продолжать войну. Сперва онъ думалъ ударить на Парижъ; потомъ намѣревался отступить за Лоару и притянуть къ себѣ армію маршаловъ Ожеро и Сульта; наконецъ, онъ хотѣлъ идти въ Ломбардію, соединиться съ вице-королемъ италійскимъ и утвердиться въ сѣверной Италіи. Особенно занимала его мысль ударить на Парижъ, въ надеждѣ, что союзники отступятъ отъ Парижа и не примутъ сраженія, имѣя въ тылу многолюдную обширную столицу, и что парижане, увидѣвъ свои отечественныя знамена, воспламенятся, бросятся къ оружію и приложатъ всѣ силы для совокупнаго съ нимъ дѣйствія. Но при хладнокровномъ соображеніи всѣхъ случаевъ, Наполеонъ убѣдился, что замышляемыя имъ мѣры могли только продлить войну на короткое время и произвести напрасное пролитіе крови, но уже не возвратять ему утраченнаго могущества и не дадутъ торжества надъ союзниками; тѣмъ болѣе, что каждый день совершались происшествія, уменьшавшія его надежды на успѣхъ.

Вслѣдствіе опредѣленія сената о лишеніи Наполеона престола, маршалъ Мармонъ оставилъ французскую армію съ своимъ корпусомъ и прошелъ за черту, гдѣ расположены были союзники. Его примѣру послѣдовало большое число солдатъ и офицеровъ другихъ корпусовъ. Они являлись на наши передовыя цѣпи и просили пропусковъ для свободнаго возвращенія домой. Съ каждымъ часомъ уменьшалось число французскихъ войскъ въ Фонтенебло, падалъ духъ маршаловъ и генераловъ, возростала безнадежность положенія Наполеона. Не видя возможности продолжать войну, онъ отправилъ въ Парижъ Коленкура, Нея и Макдональда съ предложеніемъ отречься отъ престола въ пользу своего сына. Ему отказали. Онъ пытался отравить себя ядомъ, но отрава не подѣйствовала. 24-го марта Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола и принялъ островъ Эльбу и нѣсколько милліоновъ годового дохода для себя и для своихъ родственниковъ. Замѣчательно, что въ переговорахъ объ участи лютаго врага Россіи, посланные изъ Фонте-

небло обращались къ императору Александру, а не къ другимъ союзнымъ монархамъ, надѣясь отъ его великодушія получить выгоднѣйшія условія ихъ пораженному повелителю.

Когда опредѣлили судьбу Наполеона и его семейства, пребываніе ихъ во Франціи являлось несовмѣстнымъ съ обстоятельствами; собственная безопасность ихъ требовала ихъ отъѣзда за границу. Почти всѣ они отправились изъ Парижа съ русскими паспортами, сопровождаемые адъютантами государя. Наполеону сопутствовалъ гр. Шуваловъ.

Графъ Шуваловъ уже до отправленія своего въ Фонтенебло былъ посланъ государемъ изъ Парижа къ императрицѣ Маріи-Луизѣ въ Блуа, куда, по приказанію Наполеона, удалились министры и государственные сановники. Благосклонно принятый ея величествомъ графъ Шуваловъ сопровождалъ ее въ Орлеанъ. Дорогою сдѣлалась тревога, которая испугала императрицу и окружавшихъ ее. Казачій разъѣздъ Чернышева вдругъ показался на дорогѣ, по которой тянулись многочисленные придворные экипажи Маріи-Луизы и ея свиты. Донцы, не зная, кому принадлежали экипажи, хотѣли броситься на нихъ, но графъ Шуваловъ остановилъ нападеніе. Когда императрица прибыла въ Орлеанъ, были получены достовѣрныя извѣстія о происшедшей въ Парижѣ перемѣнѣ правительства. Братья Наполеона и его министры просили графа Шувалова выдать имъ виды на проѣздъ въ Парижъ и другіе города, куда они на первый случай хотѣли отправиться. Просьбы ихъ были удовлетворяемы. Такимъ образомъ, родственники и сановники Наполеона, даже въ проѣздѣ своемъ по Франціи, были обезпечены паспортами, выданными адъютантомъ императора Александра. Что касается самого Наполеона, то во время путешествія изъ Фонтенебло на островъ Эльбу, графъ Шуваловъ неоднократно спасалъ его отъ народной ярости. Тотъ, кто взорвалъ Кремль, былъ принужденъ, избѣгая смерти, надѣвать шинель и фуражку русскаго генерала!

Во время переговоровъ объ отреченіи Наполеона офицеры его арміи начали пріѣзжать изъ Фонтенебло въ Парижъ, а когда участь его рѣшилась, столица наполнилась ими. Миръ еще не былъ подписанъ, и офицеры не знали, будетъ-ли присутствіе ихъ терпимо въ Парижѣ; они скрывались и не осмѣливались надѣвать мундиры, особенно являясь въ публичныхъ мѣстахъ. Государь приказалъ обнародовать объявленіе, въ которомъ говорится: «Императоръ Россійскій никакъ не полагаетъ, что имъ (военнымъ) нужно скрываться. Во всякомъ случаѣ Его Величество съ удовольствіемъ объявляетъ, что они свободны, совершенно свободны, и что имъ, какъ всѣмъ французскимъ гражданамъ, предстоитъ обязанность способствовать тѣмъ мѣрамъ, которыя надлежитъ принять для благоденствія Франціи и вселенной».

Награждая щедро русскихъ и офицеровъ союзныхъ армій, императоръ Александръ почтилъ милостями разныхъ французскихъ чиновниковъ, особенно оказывавшихъ попеченія нашимъ больнымъ и раненымъ. Онъ даже велѣлъ разослать приходскимъ священникамъ Парижа деньги для раздачи неимущимъ.

Незабвеннымъ торжествомъ было молебствіе, совершенное въ Свѣтлое Воскресенье на площади Людовика XV. Для богослуженія соорудили престолъ на мѣстѣ мученической смерти послѣдняго французскаго короля. Съ утра разставлены были русскія войска по улицамъ и на площади, ограждаемой Тюльерійскимъ садомъ и Елисейскими полями. Императоръ Александръ, сопровождаемый множествомъ иностранцевъ, французскими маршалами и генералами и при сте-

ченіи несчетнаго числа зрителей, объѣхавъ войска, прибылъ на площадь. Онъ слушалъ молебенъ и со всѣми окружавшими его преклонилъ колѣна на мѣстѣ, гдѣ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ была пролита кровь добродѣтельнаго монарха. Молитва всегда возвышаетъ душу, но она наполняла насъ неизъяснимыми чувствами, когда мы изливали наше благодареніе Всемогущему посреди Парижа. Этотъ день былъ торжествомъ благочестія императора Александра. Въ древнія и новыя времена покоряли царства, но не бывало примѣровъ, чтобы среди плѣненной столицы побѣдитель именовалъ себя только орудіемъ Провидѣнія и воздавалъ свои успѣхи Богу. При возгласѣ многолѣтія, гулъ русскихъ пушекъ раздался по Парижу. Громъ орудій, заступившій мѣсто тишины во время служенія, потрясъ глубину нашихъ сердецъ.

Послѣ праздника Пасхи императоръ Александръ переѣхалъ изъ дома Талейрана въ Елисейскій дворецъ. Вскорѣ потомъ прибылъ въ Парижъ императоръ Францъ; во время движенія Наполеона на Сенъ-Дизье, на наши сообщенія, онъ отправился въ Дижонъ, къ австрійской арміи, и съ тѣхъ поръ находился при ней. Въ день его пріѣзда, государь встрѣтилъ его во главѣ русскихъ войскъ, стоявшихъ въ парадѣ, и были отданы пароль: «Вѣна», а отзывъ: «Францъ». Тогда-же прибылъ въ Парижъ братъ Людовика XVIII, графъ д'Артуа, облеченный званіемъ намѣстника. 11-го апрѣля союзныя державы подписали съ нимъ предварительный договоръ мира, соотвѣтствующій предложеннымъ Наполеону въ Шатильонѣ условіямъ. Франціи назначали старинныя границы 1792 года и обязали ее сдать союзникамъ 52 крѣпости, занятыя французами въ Германіи, Нидерландахъ, Испаніи, Италіи и другихъ земляхъ, находившихся внѣ предѣловъ, опредѣленныхъ Франціи договоромъ 11-го апрѣля. По заключеніи этого акта, государь велѣлъ русской арміи снятьcя съ биваковъ, на которыхъ она до тѣхъ поръ была расположена, и занять пространныя кантониръ-квартиры близъ Санлиса, Лаона, Ретеля и Парижа. Черезъ недѣлю въ Парижъ прибылъ Людовикъ XVIII. Императоръ Александръ ѣздилъ навстрѣчу его въ Компіень. Вскорѣ потомъ начались переговоры, и 18-го мая подписали миръ. Наши солдаты соблюдали величайшую подчиненность и обходились самымъ дружескимъ образомъ съ обывателями городовъ и селеній. Въ Парижѣ были расположены только гвардейскія войска. Ростъ ихъ, простота образа жизни и самое невѣдѣніе мѣстъ, куда они были заведены службою, все возбуждало любопытство французовъ.

Невозможно и намъ забыть ласковое, дружеское обращеніе парижанъ съ нами; дома и сердца ихъ были открыты русскимъ. Появленіе нашихъ офицеровъ нерѣдко возбуждало рукоплесканія въ театрахъ, гдѣ, особенно въ первое время нашего пребыванія въ Парижѣ, гремѣли восклицанія: «Да здравствуютъ русскіе!» Такой-же восторгъ встрѣчалъ насъ въ кофейныхъ домахъ, гдѣ сначала не хотѣли брать денегъ съ русскихъ. Признательность къ намъ французовъ была искренняя, непритворная. Многія селенія просили, какъ милости, помѣщать въ нихъ нашихъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ, желая имѣть возможность оказывать страдальцамъ всякое зависящее отъ обывателей пособіе. Русскіе обязаны парижанамъ благодарнымъ воспоминаніемъ: нигдѣ болѣе, какъ въ Парижѣ, не благоговѣли передъ доблестями императора Александра и не цѣнили подвиговъ нашихъ войскъ.

Такимъ образомъ проходило время въ Парижѣ. Французы и рус-

скіе предавались искренней радости: первые, восхищаясь мыслью объ избавленіи отъ ига, угнетавшаго ихъ, вторые—убѣжденіемъ въ отмщеніи за отечество и достиженіи окончанія войны самымъ блистательнымъ путемъ. Весеннее солнце не сходило съ небосклона; улицы и гулянья были наполнены съ утра до вечера множествомъ народа.

Доведя войну до желаннаго конца и подписавъ миръ въ Парижѣ, государь осмотрѣлъ въ послѣдній разъ свои войска и отправился въ Лондонъ, 22-го мая, обѣщая союзникамъ пріѣхать осенью въ Вѣну, гдѣ были назначены окончательныя совѣщанія о дѣлахъ Европы, такъ какъ всѣ державы болѣе или менѣе пострадали отъ переворотовъ и продолжительныхъ войнъ. Караулы были сданы русскими національной гвардіи; наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи; Сакенъ сложилъ съ себя званіе генералъ-губернатора Парижа. Городское правленіе поднесло ему въ знакъ признательности ружье, пару пистолетовъ и шпагу, на одной сторонѣ которой было написано: «Миръ 1814 года», а на другой: «Городъ Парижъ генералу Сакену». Передъ своею смертью Сакенъ поднесъ полученное имъ отъ Парижа оружіе московской оружейной палатѣ.

Послѣдствіями похода 1814 года были: низверженіе Наполеона, воцареніе Бурбоновъ, общій миръ Европы и возстановленіе политическаго равновѣсія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1815-й годъ.

Сто Наполеоновскихъ дней *).

При открытіи въ Вѣнѣ конгресса для окончательнаго устройства политическихъ дѣлъ Европы, въ сентябрѣ 1814 года, предполагали кончить дѣла въ три мѣсяца. Потомъ, отлагая день за день, назначили окончаніе въ февралѣ 1815-го года и приготовлялись къ отъѣзду. На возвратномъ пути въ Россію государь намѣревался посѣтить нѣкоторые германскіе дворы, соединенные съ нимъ узами родства, и быть въ Варшавѣ. Предположенія не состоялись. Внезапно, 24-го февраля вечеромъ, разнесся слухъ о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы. Съ самой минуты полученія извѣстія о покушеніи Наполеона, оно сдѣлалось главнымъ предметомъ совѣщаній государственныхъ людей и разговоровъ вѣнскихъ жителей. На гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки объ отважномъ предпріятіи. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга: подтверждается-ли извѣстіе и нѣтъ-ли дальнѣйшихъ объ немъ подробностей? Въ Вѣнѣ произошло настоящее оцѣпенѣніе умовъ, и явилось новое торжество для императора Александра: на него устремились взоры всѣхъ, съ трепетнымъ ожиданіемъ его рѣшенія при столь внезапномъ событіи.

Островъ Эльба, на которомъ былъ заточенъ побѣжденный и низложенный Александромъ и Россіей Наполеонъ, находится прямо

---

*) По Михайловскому-Данилевскому, Полевому, Рохау, Ланфре и др.

противъ береговъ Тосканы. Окружность его равняется почти 60 милямъ. Островъ гористый съ здоровымъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, покрытыхъ солеными болотами, воздухомъ. Въ горахъ желѣзные рудники, растительность роскошная, но оживленія на островѣ мало, и онъ кажется почти полудикимъ. Когда при отреченіи Наполеона избирали для него мѣсто ссылки, всѣ виды и расчеты противниковъ его ограничивались Средиземнымъ моремъ. Думали даже отдать въ его владѣніе Корсику, но этому воспротивился генералъ Поццо-ди-Борги, корсиканецъ по происхожденію, успѣвшій приблизиться къ императору Александру. Мысль объ удаленіи Наполеона въ Америку или Индію казалась какою-то невозможностью, потому что не могли еще отвыкнуть видѣть въ немъ императора, хотя и развѣнчаннаго, но достойнаго царственныхъ почестей и въ паденіи своемъ. Наполеону здѣсь жилось хорошо. Онъ на Эльбѣ являлся повелителемъ въ миніатюрѣ, своего рода Діоклитіаномъ первой четверти XIX вѣка, но, занимаясь дѣлами своего острова, Наполеонъ съ острова Эльбы внимательно слѣдилъ за событіями въ Парижѣ и Вѣнѣ. Тамъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1815-го г. все возроставшее и возроставшее недовольство правленіемъ Людовика XVIII вылилось во многихъ заговорахъ, причемъ душою бонапартистскаго заговора явилась королева голландская Гортензія Богарне, жившая въ Парижѣ. Наполеонъ зналъ обо всемъ этомъ точно такъ-же, какъ и о раздорахъ на вѣнскомъ конгрессѣ, и вотъ 26-го февраля онъ съ генералами Камброномъ, Бертраномъ, Друо, покинувъ берега Эльбы, пріѣхалъ въ Порто-Ферраго и 1-го марта высадился на сушу на уединенномъ берегу Жюанскаго залива близъ Каннъ. При Наполеонѣ было 900 человѣкъ, а 300 преданныхъ ему людей отправились во Францію нѣсколько раньше. Первое предпріятіе Наполеона на французской почвѣ не удалось. Укрѣпленіе Антибъ заперло передъ нимъ ворота и даже оставило въ плѣну 25 человѣкъ, ворвавшихся въ городъ. Наполеонъ не обратилъ на это вниманія и послѣдовалъ къ Греноблю, встрѣчая на пути, начиная съ Грасса, восторги жителей. На дальнѣйшемъ пути французы встрѣтили его съ энтузіазмомъ, отрядъ его, ничтожный при высадкѣ, быстро увеличился, и вскорѣ грозный завоеватель завладѣлъ Ліономъ, вторымъ городомъ въ государствѣ. Къ этому времени потокъ Наполеонова счастья былъ такъ быстръ и такъ высоко поднялся, что никакая плотина не въ состояніи была удержать его. Собранные въ Ліонѣ полки собственными руками очистили любимому императору заваленныя дороги въ городѣ, и Наполеонъ вступилъ въ него черезъ южныя ворота, при радостныхъ кликахъ народа, въ то время, когда два бурбонскихъ принца, назначенныхъ предводительствовать собранными войсками, быстро покидали городъ, какъ бѣглецы. Въ Парижѣ извѣстіе о высадкѣ Наполеона было получено 5-го марта, а 16-го марта Людовикъ XVIII ночью позорно бѣжалъ изъ своей столицы, не забывъ захватить при этомъ свои бриллiанты. Сейчасъ-же послѣ этого весь Парижъ провозгласилъ своего героя императоромъ, и, спустя 24 часа послѣ бѣгства Людовика Бурбона, императоръ Наполеонъ Бонапартъ въѣзжалъ въ Тюльери. На пути къ Парижу Наполеона ожидалъ рядъ торжествъ, какъ-бы вознаграждавшихъ его за перенесенныя бѣды. Маршалъ Ней, при первомъ извѣстіи о высадкѣ Наполеона поклявшійся Людовику, что онъ привезетъ ему

императора въ желѣзной клѣткѣ, въ Оксеррѣ по первому призыву явился къ своему бывшему вождю, палъ въ восторгѣ на колѣни и опять былъ готовъ отдать за него жизнь. Войска и генералы послѣдовали примѣру Нея.

Прибывъ въ Парижъ, Наполеонъ много разспрашивалъ объ императорѣ Александрѣ. «Въ самомъ дѣлѣ его такъ много привѣтствовали въ Парижѣ?»—спрашивалъ онъ у Маре. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. «Александръ много сдѣлалъ для Парижа. Безъ него англичане ограбили-бы нашу столицу, а пруссаки сожгли-бы», сказалъ, выслушавъ Маре, Наполеонъ и, улыбнувшись, добавилъ: «Еслибы я не былъ Наполеономъ, то желалъ-бы быть Александромъ».

Такимъ образомъ 21-го марта, т. е., на другой день по возвращеніи Наполеона, имперія казалась возстановленною, и государственная машина снова начала свои дѣйствія, но непреодолимыя препятствія ожидали Наполеона на его новомъ поприщѣ. Происходили внутренніе раздоры. Все вниманіе Наполеона было устремлено на организацію новыхъ полчищъ, а, между тѣмъ, эти его новыя арміи не имѣли ни малѣйшей связи съ гражданской частью управленія и походили на завоевателей, находившихся на чужой враждебной землѣ, а не на воиновъ, защищающихъ свое отечество. При такихъ условіяхъ ничто касающееся мѣропріятій внутренняго распорядка не приносило пользы и даже «Майское собраніе», явившееся устроенной Наполеономъ породіей на всенародныя собранія древности, не имѣло успѣха, даже театральнаго представленія, хотя Наполеонъ явился на него въ одеждѣ древне-французскихъ королей. При такихъ условіяхъ ему нужно было начинать новую войну, но уже за свое собственное существованіе.

На другой день послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона во Францію, по волѣ государя, собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было продолжать войну до окончательнаго уничтоженія всѣхъ стремленій Наполеона. Отложивъ свое намѣреніе возвратиться въ Россію, государь рѣшился опять, какъ и въ прежнихъ походахъ, лично предводительствовать арміями. Такимъ образомъ, жребій войны былъ брошенъ. Едва заключили миръ, едва начали науки развиваться подъ сѣнью тишины и торговля стала оживотворять долгое время стѣсненную промышленность, какъ снова отъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями.

Между тѣмъ, Наполеонъ, покончивъ кое-какъ съ внутренними дѣлами, рѣшилъ, что онъ готовъ къ борьбѣ съ союзниками.

12-го іюня онъ оставилъ Парижъ, чтобы стать во главѣ арміи, собранной на сѣверныхъ границахъ и предназначенной къ тому, чтобы преградить путь наступавшимъ изъ Голландіи войскамъ Блюхера и Веллингтона. Австрійцы и русскіе, наступавшіе со стороны верхняго и средняго Рейна, были еще далеко. Всего противъ Наполеона дѣйствовало 1,010,000 человѣкъ (300,000—со стороны Россіи, 200,000—Пруссіи, 150,000—Австріи, 80,000—со стороны Англіи, Нидерландъ, Ганновера и сѣверно-нѣмецкихъ частей. Остальныя были со стороны второстепенныхъ государствъ Европы). Верхне-рейнской (264 т. чел.) арміей начальствовалъ кн. Шварценбергъ, нижне-рейнской (153 т. пруссаковъ)—Блюхеръ; англо-голландской (80 т. чел.)—Веллингтонъ. Русская дѣйствующая армія изъ 225 т. воиновъ шла подъ предводительствомъ фельдмаршала Барклая де-Толли, а резервною командовалъ генералъ Миллеръ-Закомельскій. Въ самой Россіи, кромѣ того, оставалась еще 300-тысячная резервная армія.

Наполеонъ, у котораго было всего 120 т. чел., дѣйствовалъ согласно своей прежней тактикѣ. Онъ рѣшился напасть отдѣльно на Блюхера и Веллингтона и разбить каждаго по-одиночкѣ, затѣмъ обратиться противъ австрійцевъ и русскихъ. Армія его была превосходна, испытана, закалена въ бояхъ; притомъ суевѣрный корсиканецъ расчитывалъ на свое счастье. Но собрана была эта армія очень торопливо. Солдаты не были подъ командой прежнихъ своихъ начальниковъ, новые-же вожди были храбры, но въ то-же время не имѣли привычки правильно командовать массами въ большихъ битвахъ. Эта оплошность въ составленіи силъ и была главною причиною пораженія Наполеона въ этой кампаніи.

Наполеонъ сосредоточилъ свою армію близъ Шарльруа на берегахъ Монса, и ему оставалось воспользоваться разобщеннымъ положеніемъ союзныхъ армій. Онъ рѣшилъ аттаковать Блюхера и преградить Веллингтону дорогу въ мѣстечкѣ Катръ-Бра. 15-го іюня Наполеонъ переправился черезъ Самбру, а 16-го іюня пошелъ на прусскія позиціи между деревнями Линьи и Сентъ-Амонъ. Съ обѣихъ сторонъ битва велась съ ожесточеніемъ. Послѣ 6-тичасового боя военный геній Наполеона одержалъ верхъ, англійскія подкрѣпленія не подошли, и пруссаки были разбиты при дер. Линьи на голову, оставивъ на мѣстѣ до 18,000 убитыхъ, но отступили въ полномъ порядкѣ, не обезсиленные, не павшіе духомъ, и Наполеонъ ничего не достигъ этой своей побѣдой. Одновременно съ сраженіемъ при Линьи послѣдовало внезапное нападеніе маршала Нея на позицію герцога Веллингтона при Катръ-Бра, но здѣсь, несмотря на потерю 9,000 человѣкъ убитыми и ранеными, Велллингтонъ удержалъ поле сраженія, а Ней долженъ былъ отступить на свою прежнюю позицію. Тогда Наполеонъ все свое вниманіе, считая Блюхера разбитымъ, обратилъ на Веллингтона, который занялъ при Ватерлоо позицію, укрѣпленную самой природой, и 18-го іюня принялъ битву.

Битва при Ватерлоо началась въ часъ пополудни. Въ продолженіе 6 часовъ исходъ ея нельзя было угадать. Веллингтонъ начиналъ отчаяваться, Наполеону казалось несомнѣннымъ пораженіе союзниковъ. «Только ночь или Блюхеръ могутъ спасти насъ»,—сказалъ Веллингтонъ, когда Наполеонъ съ 7,000 чел. конницы врѣзался въ его боевыя линіи и овладѣлъ всѣмъ полемъ сраженія, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, занятыхъ британскимъ каре. Побѣда французовъ была неоспорима, но при заходѣ солнца на Ватерлоо явился корпусъ Бюлова, а за нимъ и Блюхеръ, съ войсками, разбитыми при Линьи. Французами овладѣлъ паническій ужасъ. Они не отступили, а обратились въ бѣгство, и самъ Блюхеръ принялъ на себя преслѣдованіе и уничтоженіе убѣжавшаго непріятеля. При лунномъ свѣтѣ прусская кавалерія гналась за французами, главная масса которыхъ въ совершенномъ разстройствѣ бѣжала въ Шальруа, бросая оружіе, обозъ и артилнрію. Всего при Ватерлоо было убито и ранено до 50 т. челов. Наполеонъ вслѣдствіе своего пораженія не только потерялъ свое войско, но и самъ растерялся; онъ бѣжалъ, увлеченный общимъ бѣгствомъ, и какъ бѣглецъ, чтобы не сказать измѣнникъ, явился 21-го іюня въ Парижъ, гдѣ не осмѣлился остановиться въ Тюльери, а поселился въ скромномъ Элизе-дворцѣ. Совѣтъ министровъ, руководимый Карно, рѣшилъ потребовать отъ палатъ диктаторскую власть для императора и продолженія войны за независимость, но палаты не согласились. 22-го іюня Наполеонъ подписалъ свое вторичное отреченіе.

Съ тѣхъ поръ политическая жизнь этого геніальнаго человѣка была на-всегда кончена.

Какъ извѣстно, Наполеонъ кончилъ свою жизнь на островѣ св. Елены.

Во время военныхъ дѣйствій императоръ Александръ былъ въ Гейдельбергѣ, куда онъ прибылъ изъ Вѣны. 8-го іюня генералъ Толь, возвратясь изъ Франціи въ Гейдельбергъ, увѣдомилъ о начатіи Наполеономъ дѣйствій противъ Блюхера и о пораженіи пруссаковъ при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона не были значительны, потому что ему не удалось отрѣзать Блюхера отъ арміи Веллингтона, однако-же, послѣдствія могли быть важны въ политическомъ отношеніи. Общее мнѣніе, до той поры разногласное о предпріятіи Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу, тѣмъ болѣе, что началю похода было ознаменовано съ его стороны мастерскими движеніями, особенно искуснымъ переходомъ черезъ Самбру, при Шарлеруа. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ, и рѣшили отмѣнить прежде принятое намѣреніе идти русскимъ войскамъ на Тріеръ; вмѣсто того назначили двумъ арміямъ, русской и австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнцемъ и Базелемъ и слѣдовать къ Нанси, куда предположено достигнуть 29-го іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а графу Ланжерону, командовавшему шестымъ корпусомъ, обложить Страсбургъ и Ландау. На случай отступленія армій, приказано было построить на Рейнѣ три мостовыхъ укрѣпленія. Резервамъ велѣно ускорить маршъ.

Едва разослали приказанія для приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ, какъ внезапно ходъ дѣлъ перемѣнился. Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо. Обрадованный государь, поспѣшно выйдя изъ своихъ комнатъ, обнялъ бывшаго при полученіи этого извѣстія ген. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и объявилъ ему о побѣдѣ при Ватерлоо. Разсказавъ затѣмъ нѣкоторыя подробности объ ней, онъ велѣлъ ему какъ можно скорѣе спѣшить къ князю Шварценбергу и увѣдомить его о пораженіи Наполеона. Затѣмъ были приняты мѣры на случай, если Наполеону удастся собрать войско и начать кампанію. Союзныя арміи двинулись даже къ Парижу, куда послѣдовалъ и императоръ Александръ.

Не доѣзжая городка Вуа (Void), появились французскіе партизаны изъ лѣса, подавали съ возвышеній сигналы другу другу и ранили одного изъ нашихъ гусаровъ. Государь поѣхалъ съ австрійскимъ императоромъ на ту гору, откуда раздался выстрѣлъ, причемъ великій князь Михаилъ Павловичъ, обратясь къ свитѣ, сказалъ: «Въ первый разъ въ свѣтѣ разбойники нападаютъ на двухъ императоровъ!» Переночевавъ въ Вуа, мы отправились на другой день въ Линьи, а оттуда въ Сенъ-Дизье. Французскіе партизаны шли на одной высотѣ съ нами, пробираясь лѣсами. Они не причинили войскамъ нашимъ почти никакого вреда, но появленіемъ своимъ доставляли нѣкоторое разнообразіе въ нашемъ единообразномъ походѣ, совершенномъ подобіи военной прогулки. Издали глядѣли мы на ихъ сигналы и тѣшились ими, какъ вдругъ вниманіе наше обратилось совсѣмъ въ другую сторону, на предметъ чрезвычайной важности. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Сенъ-Дизье, мы встрѣтили скакавшаго во всю прыть лошадей камергера. Онъ вручилъ государю донесеніе Чернышева, извѣщавшаго о своемъ вступленіи въ Парижъ вмѣстѣ съ англійскими и прусскими войсками.

Прусскій полководецъ Блюхеръ смотрѣлъ на французовъ, какъ на закоренѣлыхъ враговъ, радовался случаю унизить ихъ, отмстить имъ за несчастія, претерпѣнныя отъ нихъ Пруссіею, и потому не хотѣлъ, вопреки желаніямъ мудраго Веллингтона, скораго прибытія Бурбоновъ. Появленіе Людовика XVIII-го въ столицѣ должно было прекратить войну и положить предѣлы требованіямъ, которыя Блюхеръ считалъ справедливымъ, законнымъ возмездіемъ за бѣдствія, понесенныя Пруссіею со времени Тильзитскаго мира. Онъ обложилъ Парижъ данью въ 100 милліоновъ и хотѣлъ взорвать Іенскій мостъ. Находившійся въ Парижѣ прусскій посланникъ графъ Гольцъ просилъ Блюхера отъ имени Талейрана отмѣнить приказаніе. Блюхеръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о его чувствѣ ненависти и презрѣніи къ французамъ: «Я приказалъ взорвать Іенскій мостъ и не могу скрыть отъ васъ, что мнѣ весьма пріятно будетъ, если господинъ Талейранъ сядетъ на него передъ взрывомъ, о чемъ прошу извѣстить его».

Къ счастью, случился въ то время въ Парижѣ генералъ Чернышевъ, не допустившій насилій.

Государь получилъ донесеніе Чернышева близъ Сенъ-Дизье, въ 220-ти верстахъ отъ Парижа. Оцѣнивая важность приводимыхъ имъ причинъ, государь уговорилъ союзныхъ монарховъ немедленно отправиться въ Парижъ вмѣстѣ съ нимъ, на почтовыхъ лошадяхъ, отдавъ повелѣніе Барклаю де-Толли продолжать съ арміею движеніе къ Шалону. Императорскій переѣздъ совершенъ былъ въ девяти экипажахъ. Рѣшено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ, верхомъ на одной и той-же лошади, слѣдуя за нашею скорою почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами поспѣлъ въ Шалонъ. Нельзя не удивиться смѣлости государя отважиться на опасный путь почти безъ прикрытія по непріятельской сторонѣ: сотни двѣ-три рѣшительныхъ, отчаянныхъ французовъ, напавъ на монарховъ, могли перемѣнить участь земли. Вечеромъ, когда объѣзжали почти непроходимое дефиле крѣпости Витри, занятой нѣсколькими тысячами преданнаго Наполеону гарнизона, двѣ непріятельскія колонны вышли изъ города. Одинъ изъ спутниковъ монарховъ содрогнулся, но колонны скоро возвратились. Впотьмахъ поѣздъ прибылъ въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Долго улицы кишѣли народомъ; удивленные пріѣздомъ монарховъ жители не понимали, какимъ образомъ ихъ величества очутились посреди Шалона и безъ войскъ.

28-го іюня рано поутру, поѣздъ монарховъ отправился въ путь по большой дорогѣ, черезъ Эперне, Шатотьерри и Мо, гдѣ прикрытіе было оставлено. На каждомъ шагу встрѣчались французскіе солдаты, возвращавшіеся по-одиночкѣ. Иные брели безоружными, у другихъ были ружья, но они едва осмѣливались смотрѣть на нихъ. Всѣ казались грустными, угнетенными. То были остатки арміи, нѣкогда называвшейся великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ солдатъ были за два года въ Кремлѣ! Наконецъ, монархи были въ Парижѣ. Восклицанія радости сопровождали государя до дворца Элизе-Бурбонъ, назначеннаго для его пребыванія.

Черезъ полчаса пріѣхалъ въ Элизе-Бурбонъ французскій король привѣтствовать государя съ прибытіемъ въ Парижъ. Императоръ встрѣтилъ его на крыльцѣ, и оба монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, гдѣ бесѣдовали, на государѣ была голубая лента ордена Святого Духа, возложенная на него при этомъ

свиданіи Людовикомъ XVIII. Обратившись къ намъ, король сказалъ государю: «Ваше Величество, объявите этимъ господамъ, что на васъ не лента святого Андрея Первозваннаго». Монархи разстались ласковѣе и дружнѣе, нежели встрѣтились, вѣроятно, потому, что король нашелъ средства извиниться въ непріязненной политикѣ своей относительно Россіи. Въ теченіе послѣдняго года Людовикъ XVIII забылъ благодѣянія, оказанныя ему государемъ. Уполномоченные Франціи на вѣнскомъ конгрессѣ не только возставали неоднократно противъ выгодъ Россіи, но даже въ январѣ 1815-го года заключили тайно съ Англіею и Австріею оборонительный договоръ, имѣя цѣлью дѣйствовать вопреки видамъ Россіи. Договоръ сдѣлался гласнымъ уже послѣ побѣга Наполеона съ острова Эльбы.

Вскорѣ послѣ отъѣзда короля явились присланные изъ Тюльерійскаго дворца метрдотели въ нарядныхъ кафтанахъ, съ напудренными головами и орденомъ Лиліи. Они приготовили ужинъ и уставили столъ самыми отборными винами и лакомыми кушаньями. До глубокой ночи народъ волновался передъ Элизе-Бурбонъ. Съ неимовѣрною быстротою разнеслась по городу вѣсть о прибытіи государя и успокоила всѣ сословія жителей относительно ихъ безопасности, потому что всѣ различныя партіи, господствовавшія во Франціи, признавали императора Александра своимъ заступникомъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамили герцоговъ Орлеанскихъ, низложилъ Наполеона, но покровительствовалъ его семейству, и ставилъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ союзниковъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ запретилъ взрывать Іенскій мостъ, къ чему Блюхеръ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія. Крестьяне сосѣднихъ къ Парижу селеній, которые пригнали въ столицу свой скотъ и перевезли туда лучшіе пожитки, изъ опасенія, чтобъ они не достались въ руки побѣдителей, узнавъ о прибытіи государя, немедленно начали возвращаться въ свои жилища. Конечно, ничто не можетъ сравниться съ торжественнымъ вступленіемъ императора Александра въ Парижъ въ прошломъ году, когда, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и превратностей судьбы, онъ вводилъ туда свою побѣдоносную армію и былъ встрѣченъ ожидавшимъ его милліономъ жителей; но нынѣшнее прибытіе его величества въ столицу Франціи останется не менѣе памятнымъ. Не бывало примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобы монархъ въѣзжалъ въ непріятельскую столицу, не имѣя ни одного воина и только съ незначительнымъ числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ его вступленія сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и побѣжденный народъ, говоря о своемъ побѣдителѣ, воззвалъ: «Нашъ избавитель прибылъ: мы спасены!»

Черезъ мѣсяцъ послѣ въѣзда государя въ Парижъ, 29-го іюля, наши третья гренадерская и вторая кирасирская дивизіи входили съ торжествомъ въ столицу Франціи, и во второй разъ развѣвались тамъ русскія знамена.

Уничтоживъ того, кто за два года передъ тѣмъ мечталъ поколебать вѣковѣчную Россію, императоръ Александръ не переставалъ являться защитникомъ его семейства. Братъ Наполеона, Людовикъ, бывшій королемъ голландскимъ, называлъ государя «единственнымъ провидѣніемъ своего семейства». Пасынокъ и питомецъ Наполеона, бывшій вице-король италійскій, Евгеній, писалъ государю: «Сердце мое полно чувствами благодарности и преданности Вашему Величеству, запечатлѣнныхъ неизгладимо въ душѣ моей Вашими милостями,

уваженіемъ и дружбою къ моему семейству и ко мнѣ». Послѣдняя особа семейства Наполеона, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная своими любезностью и дарованіями принцесса Гортензія, отправилась тогда изъ Франціи въ Швейцарію съ русскимъ паспортомъ.

Въ то время обнародованъ былъ списокъ главныхъ участниковъ въ побѣгѣ Наполеона съ Эльбы. Однихъ приговорили къ изгнанію, другихъ подвергли суду.

Мало-по-малу всѣ внутреннія дѣла Франціи, благодаря энергіи императора Александра, были приведены въ порядокъ, и передъ возвращеніемъ нашей арміи изъ Франціи въ Россію государю было угодно сдѣлать ей общій смотръ, за исключеніемъ корпуса графа Ланжерона, расположеннаго около французскихъ крѣпостей, еще несдавшихся союзникамъ. Для этого избрали поле въ Шампаньи, близъ города Вертю, между Эперне, Бріенномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди которой находится гора, называемая Монтеме. Здѣсь русскій императоръ хотѣлъ представить свою армію передъ глаза и, такъ сказать, на судъ всей Европы. 25 августа, его величество отправился изъ Парижа въ Вертю. На слѣдующій день, 26-го, былъ примѣрный смотръ, на которомъ никого, кромѣ русскихъ, не находилось; 29-го былъ другой, въ присуттствіи союзныхъ монарховъ и множества иностранцевъ, а 30-го церковный парадъ. Въ строю было всего 150,554 человѣка, въ томъ числѣ 87 генераловъ, 433 штабъ-офицера и 3980 оберъ-офицеровъ; орудій было 540.

До сихъ поръ не бывало на смотру столь большого числа войскъ, и гдѣ происходилъ смотръ! за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, въ странѣ, еще недавно считавшейся непобѣдимою! Невозможно встрѣтить другую армію, достигшую до болѣе блистательнаго состоянія, во всѣхъ частяхъ ея, и исполненной болѣе воинскимъ духомъ. Полки были доведены до такого совершенства, что они всѣ казались равными ни одинъ не уступалъ другому. Болѣе 170,000 человѣкъ пѣхоты проходили церемоніальнымъ маршемъ, и ни одинъ не сбился съ ноги. Самоувѣренность была написана на лицахъ воиновъ; изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: «Кто противъ насъ?» Восхищенный смотромъ государь сказалъ: «Моя армія первая въ свѣтѣ: для нея нѣтъ ничего невозможнаго; и по самому наружному ея виду никакія войска не могутъ сравниться съ нею».

Желая сохранить память смотра при Вертю, государь велѣлъ пригласить туда изъ Парижа живописца Пажетти, извѣстнаго двумя написанными имъ картинами: одна изображаетъ переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ, другая молебствіе императора Александра въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, на площади Людовика XV-го. Въ Вертю, Пажетти сдѣлалъ шесть рисунковъ, представивъ на одномъ молебствіе, на трехъ смотры, и на двухъ обѣды. Такимъ образомъ, кисти Пажетти суждено было увѣковѣчить начало великой войны и окончаніе ея, совершившееся на поляхъ Шампаньи.

31-го августа, вечеромъ, всѣ выѣхали изъ Вертю и на другое утро возвратились въ Парижъ, гдѣ прожили еще двѣ недѣли, проведенныя государемъ въ дипломатическихъ переговорахъ и приготовленіяхъ къ возвращенію союзныхъ армій изъ Франціи.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1815 году, государь жилъ уединенно. Онъ вставалъ обыкновенно въ восьмомъ часу и, отдавъ приказанія начальнику своего главнаго штаба, князю Волконскому, уходилъ въ садъ, гдѣ проводилъ все утро, а затѣмъ занимался

дѣлами, иногда часовъ по пяти. Онъ обѣдалъ въ два часа, большею частію съ великими князьями и генералами Уваровымъ, Коновницынымъ, кн. Волконскимъ и другими, приглашаемыми поочередно. Въ шесть часовъ подводили къ заднему крыльцу лошадь, и онъ ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ Парижа, во фракѣ, сопровождаемый жокеемъ. По возвращеніи съ прогулокъ, онъ проводилъ вечера одинъ или у баронессы Криднеръ, жившей близъ Элизе-Бурбонъ. Въ 1814 г. государь посѣщалъ императрицу Жозефину, дочь ея Гортензію, Талейрана, маршаловъ Нея, Мармона, Ожеро и другихъ, но въ 1815 г. почти ни къ кому не ѣздилъ, кромѣ императора Франца, прусскаго короля, Людовика XVIII и Веллингтона. Любовь къ уединенію становилась отличительною чертою его характера. Находясь на самой возвышенной ступени величія, совершивъ величайшій подвигъ въ свѣтѣ, избавленіемъ Европы отъ военнаго деспотизма и всемірнаго преобладанія сдѣлавшись земнымъ Провидѣніемъ современниковъ, онъ чувствовалъ необходимость чаще быть съ самимъ собою и полюбилъ уединеніе, представляющее обильный, неисчерпаемый источникъ душевныхъ силъ и новыхъ соображеній. Часто посѣщалъ онъ комнаты, гдѣ Наполеонъ провелъ послѣдніе дни своего владычества и отрекся отъ престола. Никто не занималъ его комнатъ; мебель находилась на тѣхъ-же мѣстахъ, какъ и при немъ; въ кабинетѣ его стояли недогорѣлыя свѣчи; ни къ чему не велѣно было прикасаться. Бывшіе въ Элизе-Бурбонъ Наполеоновы садовники, привратники и служители не лишились при государѣ своихъ мѣстъ; садъ сохранялся въ прежнемъ видѣ; по чистому пруду его плавали два лебедя, любимые Наполеономъ; государь кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ. Казалось, ничто не перемѣнилось въ Элизе-Бурбонъ; только мѣсто завоевателя, посягнувшаго на святость законныхъ престоловъ, на просвѣщеніе, на свободу торговли и промышленности, заступилъ тотъ, кто, исполненный любви къ Богу и людямъ, возвращалъ монархамъ и ихъ подданнымъ миръ и благоденствіе.

Въ то время государь составилъ проэктъ священнаго союза, основаннаго на ученіи вѣры, «повелѣвающей жить людямъ, какъ братіямъ, на заповѣдяхъ любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единственное средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство». Всѣ державы, кромѣ Англіи, Папы и Порты, приступили къ договору. До конца жизни императора Александра онъ былъ ненарушимо сохраняемъ и обязывалъ подписавшихъ его считать себя соединенными связью неразрывнаго братства и членами одного христіанскаго народа. Милліоны благомыслящихъ людей взирали на этотъ союзъ, какъ на ручательство незыблемости законныхъ престоловъ, необходимыхъ для общаго спокойствія, для распространенія торговли, развитія наукъ, искусствъ и промышленности. Они видѣли въ немъ прочное основаніе мира, составляющаго конечную цѣль существованія народовъ.

Учрежденіемъ священнаго союза императоръ Александръ заключилъ свою десятилѣтнюю борьбу съ Наполеономъ. Оба мощные противники были величайшими мужами своего времени. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ ознаменовалось ихъ рѣдкими умственными способностями. Съ перваго ихъ шага на поприщѣ дѣятельности,

они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной исторіи. Въ продолженіе ихъ жизни на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь Европы. Наполеонъ въ Италійскихъ походахъ явился великимъ полководцемъ. Тогда Александръ былъ еще наслѣдникомъ престола и подавалъ надежду сдѣлаться образцомъ кроткихъ добродѣтелей, какимъ онъ при своемъ вступленіи на царство, дѣйствительно, и оказался. Поступки Наполеона были ознаменованы нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями, предпріимчивостью и желѣзною волею въ исполненіи его предначертаній. Онъ угрожалъ сдѣлаться бичемъ Европы и ниспровергнуть существовавшій порядокъ. Въ 1805 году началось состязаніе ихъ на ратномъ полѣ. Борьба продолжалась ровно десять лѣтъ, съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго вступленія русскихъ въ Парижъ: то была борьба зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Наполеонъ являлся малодушнымъ, прибѣгалъ къ переговорамъ, просилъ у Александра мира и, наконецъ, у воротъ Парижа, молилъ его о помилованіи, соглашаясь на всѣ предложенія; Александръ никогда не колебался въ напастяхъ и твердостью своего духа спасъ Россію, избавленіе которой даровало новое бытіе Европѣ. Во время этой десятилѣтней почти баснословной войны слѣды Наполеона были ознаменованы огненною чертою; Александръ являлся благодѣтелемъ непріятельскаго края. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, пожаръ и грабежъ Москвы, за взорванный Кремль, императоръ Александръ заплатилъ спасеніемъ Парижа. Непоколебимый въ бѣдствіяхъ, онъ показалъ въ Парижѣ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра: неслыханныя дотолѣ побѣды не вселили въ него другого чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія передъ Богомъ. Сокрушивъ своего противника, онъ не мстилъ павшему съ неизмѣримой высоты, и Наполеонъ, на ужасной скалѣ, среди океана, изгнанный изъ Европы, покрытый проклятіями полсвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только императора Александра, повелѣвавшаго своему посланному на островѣ св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. Когда Александръ освободилъ порабощенную Европу, онъ учредилъ христіанскій союзъ, основалъ всеобщій миръ и поддерживалъ его всѣми силами, какія представляла ему обширнѣйшая въ свѣтѣ имперія. Во время могущества Наполеона, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя безъ цѣли одно государство за другимъ, сооружая новые престолы, ниспровергая древнія царственныя поколѣнія, но милліонъ войскъ, предводимыхъ Александромъ, за что несправедливо современники дѣлали ему упреки, употребленъ былъ исключительно на утвержденіе спокойствія. «Императоръ Александръ есть мой настоящій преемникъ», сказалъ Наполеонъ на островѣ святой Елены. Наполеонъ и Александръ, оба угасли въ цвѣтѣ и крѣпости лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ: одинъ подъ знойнымъ солнцемъ Африки, а другой на берегахъ Азовскаго моря, у предѣловъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а другой, въ величіи и славѣ, почилъ сномъ праведныхъ. На кончину Наполеона современники взирали безъ участія, какъ на тяготѣвшій нѣкогда надъ ними метеоръ, наконецъ, канувшій въ вѣчность; смерть Александра была оплакана въ обоихъ полушаріяхъ, и

имя его сопричтено единодушно всѣми народами къ немногому числу тѣхъ избранныхъ вѣнценосцевъ, которые побѣду и могущество обращали единственно на благо человѣческаго рода.

Въ половинѣ сентября мѣсяца русская армія тронулась въ обратный походъ изъ Франціи въ Россію, и послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ государь вновь явился защитникомъ Франціи, главныя державы согласились на мирныя статьи, обезпечивавшія спокойствіе Европы и престолъ Людовика XVIII. Франція принуждена была уступить нѣсколько земель, заплатить семьсотъ милліоновъ франковъ дани и содержать 150,000 человѣкъ союзныхъ войскъ въ восемнадцати крѣпостяхъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Герцогъ Веллингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ этихъ войскъ, готовыхъ, въ случаѣ могшихъ возникнуть во Франціи возмущеній, тотчасъ прекратить бунтъ и въ трое сутокъ явиться подъ стѣнами Парижа. Окончательное подписаніе мирнаго договора съ Франціею отложили до ноября мѣсяца, потому что разныя статистическія свѣдѣнія, нужныя для составленія нѣкоторыхъ статей договора, не могли быть получены раньше.

13-го сентября государь отправился изъ Парижа рано поутру, когда столица погружена была въ сонъ, и 18-го ноября онъ уже былъ въ предѣлахъ Россіи. Этимъ закончилось пятнадцатимѣсячное путешествіе, полное огромныхъ историческихъ событій. Въ теченіе этого времени дано было новое устройство Европѣ на вѣнскомъ конгрессѣ, уничтожено покушеніе Наполеона присвоить себѣ вновь верховную власть во Франціи, совершено обрученіе великаго князя Николая Павловича, и Россія вознесена на высочайшую степень славы императоромъ Александромъ.

КОНЕЦЪ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WILDENER
WILDENER
NOV 15 1984
AUG 16 2001
CANCELLED